СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

о

ДМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

I.

Петръ I

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЕРЪ, ПАЕРЛЕ, МАРЖЕРЕТЪ и ДЕ-ТУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЪ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 мая 1857 года.

Ценсоръ В. Бек[illegible]

Пушкинский Дом
Библиотека
Академии Наук СССР
I-41363.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Никогда отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, зная, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на него сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ прелестной Ксеніи, опору своего могущества.... И все это рушилось, и все это исчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ; бродяга явился

на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло; хотѣлъ быть выше королей и цесаря, готовилъ важный переворотъ, и упоенный счастіемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Димитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ судьбы, взволновало наше отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ. Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Димитріемъ, и — повѣритъ ли потомство? — нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ боярами, съ [illegible] ями, предались жиду, Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго, прощай Россія, и на вѣки. Къ счастію заблужденіе исчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за вѣру, за отечество; явили доблести героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если исторія, изображая судьбу царствъ и народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ святынѣ и законамъ, любовь къ истинѣ, [illegible]

сотѣ, добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ лѣтописяхъ человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Русскихъ, знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе, даже неправильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя.... Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета сердечнаго произноситъ священныя имена ваши, хотя мы знаемъ о васъ по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракѣ временъ, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ, сказанія современниковъ, ваши собственныя, истлѣваютъ въ архивахъ....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо раскрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ, непоколебимый въ вѣрѣ, въ законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности царю и престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной хижинѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, своему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ вѣрѣ, къ

престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, это достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ поэтъ или художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною физіогноміею. Пусть наши юные пѣвцы, наши романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего пусть узнаютъ Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, гетмана Жолкѣвскаго, налета Лисовскаго, пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ дѣла и характеры ихъ кистію вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ, и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта, по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка столь неистощаемаго источника наслажденій, какъ любитель бы

санія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ желаніемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событій, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать человѣка. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россіи: если онъ дѣйствительно обагрилъ руки свои кровію св. отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Димитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ, но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли езуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша исторія представляетъ, по большой части, однѣ *загадки:* не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, ни знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ

начерталъ картину плѣнительную; но многое въ ней темно, неполно, нетвердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Димитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? Почему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же автора, почему говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ, читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не льзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки исчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать Сказанія современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ силы, чтобы принести удовольствіе и пользу любителямъ Русской исторіи. Впрочемъ сколько ни лестно для меня благосклонное вниманіе публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, каторыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего отечества.

Такъ писалъ я въ 1831 году. Оставаясь при тѣхъ же мысляхъ и теперь, долгомъ считаю сказать, что при новомъ изданіи *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, въ двухъ томахъ, безъ всякой перемѣны содержанія прежнихъ пяти томовъ, съ маловажною поправкою слога, я замѣнилъ приложенный къ первому изданію портретъ Лжедимитрія вѣрною копіею съ современнаго портрета, гравированнаго въ 1606 году въ Аугсбургѣ Лукою Кіліаномъ, художникомъ въ свое время знаменитымъ многими гравюрами съ картинъ Павла-Веронеза и Тинторета, съ портретовъ Густава-Адольфа, Маріи-Елеоноры, принца Нассаускаго, князя Радзивила, Албрехта Дюрера. Кіліановъ портретъ Самозванца сообщенъ мнѣ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ отечественной исторіи, княземъ М. А. Оболенскимъ. Онъ выгравированъ въ нашемъ изданіи черта въ черту, за исключеніемъ только рамки, на которой находится надпись: DEMETRIUS IOANNIS, DEI GRATIA CZAR, ET MAGNUS DUX TOTIUS RUSSIAE, AC MONARCHIAE MOSCOVITICAE DOMINUS ET REX. Внизу, послѣ трехъ строкъ на Греческомъ языкѣ изъ Премудрости Соломоновой: *Admiratione virtutis, quam Deus in luce populorum posuit, sculpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI.* — Снимки съ подписей перваго и втораго Самозванцевъ заимствованы изъ 2 тома Румянцовскаго *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Подпись Маржерета сообщена мнѣ [redacted]833 году Управляющимъ Московскимъ Главнымъ

архивомъ А. Ѳ. Малиновскимъ; она находится на слѣдующей роспискѣ въ полученіи окладнаго жалованья, хранящейся въ архивѣ: «Нововые^з же^н капито^н Яко^в ма- «рето^в Гдр҃ва цр҃ва і великаго кн^нзя Бориса Ѳедоро- «вича. всеа русиі. ему жалова^ня на р҃вı го^д окла^д его «сполна восмидеся^т рубле^в дано де^нги взя^д самъ. Jch «Jacob Margeret Capitain ſub Keiſerliche Ma^tet begnadigung «empfang».

*Н. Устрялов*ъ.

1 іюня 1858 года.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

Мартинъ Беръ, Martinus Bäer, родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомъ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи, Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго проповѣдника? Достовѣрно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ студента, и тогда же былъ избранъ въ пасторы Московскими лютеранами, коимъ царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семъ государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, пріобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Басманова, который нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ что съ его дозволенія заговорилъ лютеранскія проповѣди во дворцѣ Кремлевскомъ. По восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привести его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастію бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина: убѣжденная слезами своихъ *фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дщерей оклеветаннаго пастора, она, съ опасностію собствен-

ной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса, и на Русскій престолъ избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Московіи.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился передать воспоминаніе объ нихъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую. * Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престолъ Ѳеодора Іоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно припомнить, что онъ бесѣдовалъ съ

* Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584 — 1612. Подлинникъ писанъ старинным языкомъ Нѣмецкимъ, съ примѣсью Латинскихъ изрѣченій и пословицъ; списки съ рукописи хранятся у немногихъ любителей исторіи. Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя ея Конрадомъ Буссау или Буссо: кромѣ современнаго свидѣтельства Петреева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ. См. Петрееву Mußkow. Chron. стр. 391. Въ 1851 году Археографическою Коммиссіею напечатаны: *Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи.* Въ предисловіи къ сему изданію сказано, что авторомъ Московской Хроники былъ Конрадъ Буссау; мы, основываясь на свидѣтельствѣ Петрея, остаемся при прежнемъ мнѣніи, что оригиналъ изданнаго нами перевода принадлежитъ Мартину Беру.

Басмановымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ, Марину, пана Сапѣгу, однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей, исключая развѣ Сигизмунда, которые играли столь важную ролю въ нашемъ отечествѣ въ началѣ XVII вѣка. Отъ сего, рѣдкое извѣстіе Бера нельзя подтвердить свидѣтельствами несомнѣнными, напримѣръ государственными актами; рѣдкое событіе утаилось отъ его любопытнаго и проницательнаго взора; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова, Димитрія Самозванца, Василія Шуйскаго; каждое лице, имъ упоминаемое, даже мимоходомъ, имѣетъ свою отличительную физіогномію, а главные герои исполнены жизни и души. Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи, терзаемой Самозванцами, Нѣмцами, Поляками, Татарами: краски и черты ея выразительны, ибо историкъ описывалъ все, что онъ видѣлъ и зналъ, перомъ наблюдателя умнаго, опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго. Сверхъ того, Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени, бывшіе загадкою для потомства: такъ, отъ него узнаемъ навѣрное, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ.

Однимъ словомъ, твореніе Бера есть сокровище неоцѣненное для Русской исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Русскихъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Русскихъ, непоколебимыхъ въ вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умиленіемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя По-

ляковъ и безъ пощады порицая Русскихъ, авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не льзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ и злополучія Россіи были Поляки: самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говоритъ о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Русскихъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судитъ по фактамъ и не вѣритъ укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами; факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ вѣры: не забудемъ, что онъ былъ лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые католики въ глазахъ лютеранъ казались хуже язычниковъ, могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой пасторъ честитъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и разсказываетъ нелѣпую басню о св. Димитріи: мы смѣемся его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслію, я смѣло передавалъ всѣ сужденія автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спроситъ, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій посланникъ Петрей, Petrus Petreius de Erlesunda, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и

Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую, * гдѣ разсказываетъ исторію Россіи отъ основанія государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе нашего отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣдѣнія о Русской исторіи до смерти Іоанна IV Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одерборна, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствовалъ изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти разсказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая его излишнимъ многословіемъ. Переводить Петреевы сказанія о Самозванцахъ вполнѣ, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выписать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и эти выписки присоединить къ его сочиненію въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

* Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provincien et caet. Lipsiae, 1620 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ.

Въ пятое воскресенье великаго поста 1584 года, умеръ государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель;[1] послѣ него остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ; младшій удалился, вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго государя, Маріею Ѳеодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ.[2]

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, государь набожный, какъ и всѣ Москвитяне, заботился болѣе о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охотнѣе посѣщалъ церкви св. Николая и пречистой Дѣвы Маріи, чѣмъ совѣтъ государственный. Собравъ князей и бояръ своихъ, онъ объявилъ имъ, что правленіе столь обширною державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно служить своему Господу въ тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ вельможамъ избрать мужа благоразумнаго, на

1584-1598. котораго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, правителемъ царства былъ избранъ дворянинъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, человѣкъ рода не знатнаго, но проницательный и умный. По совершеніи приличныхъ обрядовъ, Ѳеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею правителя, сказавъ ему: «Вмѣстѣ съ «сею цѣпью снимаю я, царь и самодержецъ всея Руси, бремя съ «моей выи и возлагаю его не тебя, Борисъ Ѳеодоровичъ! Рѣшай «въ моемъ государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя «докладывай мнѣ, не приводя ихъ въ исполненіе безъ моей цар«ской воли: я буду по прежнему царемъ-государемъ». [3]

Возведенный въ достоинство правителя, Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность весьма усердно и благоразумно; привелъ въ порядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ. Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне говорили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему умомъ и что если, по кончинѣ царя, умретъ и Димитрій безъ наслѣдника, то въ цѣломъ государствѣ не льзя найти человѣка способнѣе Бориса къ правленію. [4] Узнавъ о сей молвѣ чрезъ своихъ шпіоновъ, Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами отвладѣть со временемъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь искусныя мѣры, что набожный и слабоумый царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Ѳеодоровны, сестры Борисовой, ни одного наслѣдника. [5]

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ царевичѣ отцовское жестокосердіе; однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, инаго прокололъ насквозь, приговаривая: «это такой-«то бояринъ, такой-то князь: такъ имъ будетъ въ мое царство-«ваніе». [6]

Многіе бояре, тѣмъ устрашенные, видѣли въ Димитріи подо- 1584
біе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ скорѣе отп- 1598.
равился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. Видна птица по полету, думалъ Годуновъ и рѣшился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько человѣкъ зарѣзали царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Димитрія; инымъ отрубили голову, другихъ побрасали въ воду, или предали пыткѣ, такъ что невинные люди лишились жизни или здоровья. [7] Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепелъ нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Димитрія. [8] Такъ царевичъ простился съ міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня. [9] Когда государь лежалъ на смертномъ одрѣ, бояре приступили къ нему съ вопросомъ: «Если Богу будетъ угодно отозвать тебя, государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?» Царица Ирина, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ. Но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предла-

1598. галъ честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его, какъ послѣ увидимъ. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: «возми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе держать». Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ.[10] Царь, между тѣмъ, скончался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ѲЕОДОРОВИЧА.

1598—1604.

Дѣятельность правителя и сестры его. Избраніе Годунова царемъ. Посолъ хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о государствѣ. Намѣреніе просвѣтить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ, герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ императоромъ. Посолъ Турецкаго султана. Сношеніе съ разными государями. Іоаннъ, герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, первостепенные вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человѣкъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго государя, поступили весьма хитро: царица, призвавъ къ себѣ тайно много сотниковъ и пятидесятниковъ, склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ безпрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ государствомъ лучше

всѣхъ прежнихъ царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ, и при усердіи бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ. 1598.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись безпорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедѣльный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ государственные чины спѣшили избрать царя изъ князей и бояръ. Среди сихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе правителя, изъявилъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ безпрестанныхъ и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные вельможи не могли надивиться такому хладнокровію, не зная, что таилось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, и отъ имени боярскаго сословія сказалъ: «Высокоименитые князья! Дѣло сіе касается не «одного званія, но каждаго Русскаго; что̀ опредѣлятъ всѣ чины «государственные, не будетъ и намъ боярамъ противно». Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: «Хотя много князей и бояръ въ государствѣ; но нѣтъ мудраго и «разумнаго царя. А какъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ доселѣ «управлялъ престоломъ лучше всѣхъ прежнихъ вѣнценосцевъ; то, «кромѣ его, никого другаго имѣть царемъ не желаемъ». Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій—гласъ народа;* кого всѣ избираютъ, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось князьямъ

1598. и боярамъ: но дѣлать было нечего; послали за правителемъ. Хитрецъ однако не явился; отвергнулъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ) посовѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать. Клевреты же его спѣшили воспользоваться временемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣшительно, и говорили, что если дозволятъ Борису принять схиму, то во всемъ государствѣ не найдется другаго столь мудраго правителя. «Пре«кратите ваши совѣщанія», завопили толпы черни къ боярамъ, «слѣдуйте за нами въ монастырь и дѣлайте дѣло».

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія государственныхъ чиновъ, знатнѣйшія духовныя особы, князья и бояре, купцы и царедворцы, воины и ремесленники, отправились въ монастырь, для предложенія правителю царской короны. Борисъ велѣлъ имъ сказать, что онъ довольно послужилъ міру и заботился о государствѣ; теперь желаетъ одного спокойствія. «Государь! Борисъ Ѳеодоровичъ!» завопилъ народъ, «сжалься, смилуйся надъ нами; будь намъ царемъ-государемъ!» Долго раздавались сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ келліи; благодарилъ за честь и сказалъ, что престолъ должно предложить тѣмъ князьямъ и боярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланялся въ землю, взывая и умоляя: «Государь! сжалься надъ нами: будь царемъ нашимъ!» Борисъ опять скрылся, отринувъ просьбу. Тутъ, по волѣ избирателей, два отрока [11] подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить правителя: «Смилуйся, государь Борисъ «Ѳеодоровичъ! Если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣхами, «тронься моленіемъ нашимъ: мы еще ни въ чемъ невиновны; хотя «ради насъ будь царемъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы «безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ вознаградитъ «тебя!» Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою,

сжалиться надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, 1598.
съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. «Вижу», сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, «что всѣ сословія рѣшились возвести меня на царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на то есть воля Божія, прошу нѣсколько недѣль отсрочки; между тѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ». Такъ долго правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстили немедленно во всемъ государствѣ, чтобы Русскіе къ іюню мѣсяцу собрались подъ Серпуховымъ, для встрѣчи непріятелей и для возведенія Бориса на престолъ: въ слѣдствіе сего, къ назначенному времени собралось 800.000 человѣкъ, [12] вооруженныхъ копьями и саблями, луками и стрѣлами; привезли также нѣсколько сотъ исправныхъ орудій. Туда вскорѣ прибыли Персидскій и Татарскій посланники: ихъ встрѣтили пушечною пальбою и среди чистаго поля дали имъ аудіенцію. При семъ случаѣ столько тратили пороху, такое было великолѣпіе, что послы, изумленные многочисленностію войска, громомъ орудій, богатствомъ и пышностію двора, называли Бориса величайшимъ изъ владыкъ земныхъ. [13] Отправивъ ихъ въ Москву, новый царь изъявилъ благодарность усердному народу и согласился принять корону, давъ обѣщаніе радѣть неусыпно о благоденствіи своихъ подданныхъ. Народъ пожелалъ ему всякаго благополучія, а знатнѣйшіе чины отправились съ нимъ въ столицу.

Наконецъ, 1 сентября 1598 года, принявъ въ церкви пресвятой Богородицы отъ патріарха, Русскаго первосвященника, царскій вѣнецъ, онъ достигъ той цѣли, къ которой втайнѣ давно уже стремился. По выходѣ изъ храма, новый царь велѣлъ бросить черни множество денегъ; низшимъ сословіямъ простилъ годовую подать; вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужеземнымъ, роздалъ

1598. деньги и съѣстные припасы; заключеннымъ въ темницахъ даровалъ свободу и вспоможеніе. [14] Сверхъ того онъ обѣщалъ торжественно, въ теченіе пяти лѣтъ, никого не казнить смертью, указавъ преступниковъ ссылать въ отдаленныя области; велѣлъ строить домы для судилищъ и приказовъ; издалъ мудрые законы и постановленія. Желая истребить грубые пороки, онъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто вопреки указу осмѣлится открывать кружечный дворъ. «Пусть дома», говорилъ Борисъ, «каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ: можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино Москвитянамъ; если же содержавшіе питейные домы, не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья». Плѣннымъ Нѣмцамъ онъ дозволилъ свободное богослуженіе.

Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ государственному совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; [15] но попы и монахи противились такому намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноязычіе, поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе; однакожъ послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Димитрій, данный Шведскимъ королемъ въ переводчики Понту Делагарди: прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества. [16] Лифляндскимъ купцамъ изъ Дерпта, Нарвы и Феллина, плѣненнымъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, Борисъ дозволилъ ѣздить внутри государства, отправляться за-границу, промышлять и торговать, гдѣ хотѣли, чѣмъ угодно; далъ изъ царской казны въ ссуду, безъ пошлинъ и процентовъ, иному 300, другому 400 рублей, [17] на безсрочное

время, доколѣ самъ не потребуетъ занятой ими суммы (чего одна- 1599.
кожъ и доселѣ не случилось). Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ *благотворителемъ*. Впрочемъ каждый изъ купцовъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія, никого не увозить за-границу и не распускать худой молвы о государѣ.

Въ 1599 году, узнавъ, что Густавъ, герцогъ Шведскій, сынъ короля Эриха, въ молодости путешествовавшій въ Германіи по желанію своей матери, живетъ въ Ригѣ весьма скудно, почти безъ всякой прислуги, Борисъ хотѣлъ явить ему царское великодушіе и пригласилъ его къ себѣ чрезъ посла, но тайно; приказалъ великолѣпно встрѣтить на границѣ, поднести царскіе дары и предложить къ услугамъ всѣ силы Россіи, если онъ хочетъ отмстить вѣроломнымъ Шведамъ и желаетъ овладѣть отцовскимъ престоломъ: царь задумалъ выдать за него единородную дочь свою. Герцогъ не принялъ вспоможенія, объявивъ, что скорѣе самъ погибнетъ, нежели согласится опустошать отечество и губить народъ; говорилъ много и другихъ неумѣстныхъ словъ, изъ коихъ было видно, что онъ или слишкомъ заучился, или чрезъ мѣру сокрушался. Ему, сверхъ того, не хотѣлось разстаться съ своею любовницею, замужнею женщиною, бѣжавшею съ нимъ изъ Данцига. Этимъ онъ навлекъ на себя презрѣніе его величества и не могъ уже получить руку царской дочери. Впрочемъ Борисъ далъ ему Угличъ, гдѣ онъ получалъ приличное содержаніе. Густавъ умеръ въ царствованіе Василія Шуйскаго, и предъ кончиною жаловался на любовницу, которую называлъ виною всѣхъ своихъ дѣйствій. Нѣмецкій пасторъ Леве, изъ Нейштата, похоронилъ его 22 февраля 1607 года, въ Кашинскомъ монастырѣ Димитрія Солунскаго. [18]

Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ медицины. Сверхъ того, по желанію царя, Англійскій посланникъ уступилъ ему своего собственнаго медика, родомъ Баварца, Христофора Рейтлингера, врача весьма искуснаго, знавшаго разные языки. [19] Доктора же, прибывшіе въ Россію изъ Герма-

1600. ніи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ Шредеръ изъ Любека, Іоаннъ Гилькенъ изъ Риги, Каспаръ Фридлеръ изъ Кенигсберга, да студентъ медицины Эразмъ Бенскій изъ Праги. Всѣ они должны были пользовать только государя, не смѣя лечить никого изъ постороннихъ; самый знатный бояринъ не иначе получалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія его величества. Опредѣливъ имъ по 200 рублей годоваго жалованья, царь велѣлъ давать каждому изъ нихъ ежемѣсячно немолотый хлѣбъ для всего дома, по 60 возовъ дровъ и по 1 бочкѣ пива; ежедневно по 1 штофу водки и уксуса; чрезъ два дни значительную часть свинаго сала; ко всякому обѣду присылалъ съ царскаго стола въ подачу по три и четыре блюда превосходнаго кушанья (блюда же были столь огромны, что самый сильный человѣкъ едва могъ нести одно изъ нихъ); давалъ, кромѣ того, по 12 и по 14 рублей деньгами, и по окончаніи мѣсяца, свѣжій харчъ, для вседневнаго употребленія; подарилъ имъ изъ собственной конюшни по 5 лошадей (на нихъ отпускалось ежемѣсячно столько овса, сѣна и соломы, что легко можно было прокормить и семь лошадей), по хорошей верховой лошади для ѣзды лѣтнею порою въ дворцовую аптеку, по другой для употребленія зимою въ саняхъ, по двѣ каретныхъ къ услугамъ ихъ женъ, когда онѣ отправлялись въ церковь, и по одной ломовой для домашней работы. Въ заключеніе, пожаловалъ каждому по 30 и по 40 душъ крестьянъ. Если случалось царю принимать лекарство и оно помогало, то каждый докторъ получалъ кусокъ бархата или камки на кафтанъ и нѣсколько дорогихъ соболей; не оставались они безъ хорошаго подарка, если, съ дозволенія царскаго, успѣшно пользовали какого нибуть знатнаго боярина. Однимъ словомъ, они были въ такой чести, что сами казались князьями и боярами. Государь нерѣдко разсуждалъ съ ними о важныхъ предметахъ, особенно о дѣлахъ религіи, и просилъ ихъ не забывать въ молитвахъ о благѣ души его. Они имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть мили. Они

собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился 1600.
пожертвовать частію своего имущества), и выстроили въ честь Бога такую церковь, что Борисъ предпочелъ ее своимъ, Русскимъ, похоронивъ въ ней брата короля Датскаго, Іоанна; [20] при семъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню, гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ принцѣ и его единоземцахъ, умершихъ въ Россіи.

Складочная сумма была столь значительна, что Нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, могли на остатки ея содержать, кромѣ прежнихъ пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфаліи и студента Мартина Бера изъ Нейштата: они, прибывъ въ Россію 1600 года, не жалѣли трудовъ своихъ на ученіе и дѣла богоугодныя; въ скоромъ времени составился хоръ изъ 6, 7 и 8 человѣкъ, въ коемъ и господа медики участвовать не стыдились. Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Москвѣ, по милости Божіей, до столь счастливаго времени.

Въ самомъ началѣ своего правленія, Борисъ заключилъ союзъ съ Римскимъ императоромъ Рудольфомъ, и отправивъ его величеству въ подарокъ, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, дорогіе мѣха черно-лисьи, куньи, собольи, изъявилъ готовность выставить 10,000 воиновъ противъ Турковъ, на помощь христіанамъ. Въ то же время султанъ Турецкій прислалъ въ Москву своего посла, съ весьма значительными дарами, предлагая дружбу и миръ Борису Ѳеодоровичу. Царь не принялъ даровъ и отвѣчалъ султану, что не хочетъ быть другомъ закоренѣлому врагу христіанства, непріятелю любезнаго брата своего, императора Римскаго, что во всю жизнь свою не примирится съ Турками и будетъ вредить имъ, сколько силъ достанетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ султану свиную шкуру для шубы и большой кожаной мѣшокъ, обтянутый серебряною парчею, туго набитый свинымъ навозомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ Турецкій посолъ въ Москвѣ не являлся. [21]

Кромѣ того, Борисъ Ѳеодоровичъ заключилъ вѣчный миръ съ

1601. королемъ Шведскимъ, перемиріе на 21 годъ съ королемъ Польскимъ, далъ слово не воевать съ Татарами и сдѣлался другомъ нынѣ царствующему королю Датскому, рѣшившись отдать за королевскаго брата, герцога Іоанна, единородную дочь свою. Герцогъ прибылъ въ Москву; но, чрезъ шесть недѣль по пріѣздѣ, умеръ горячкою. Его похоронили, какъ выше сказано, въ Нѣмецкой церкви съ приличнымъ великолѣпіемъ; до сихъ поръ уцѣлѣла гробница, гдѣ покоятся его бренные остатки, хотя церковь и сожжена вторымъ Димитріемъ; имущество герцога, привезенное имъ изъ отечества, также и царскіе подарки, все было послано въ Данію, вмѣстѣ съ находившимися при немъ господами и служителями, коихъ царь наградилъ щедро, не забывъ и послѣдняго конюха.

4 октября 1601 года, Борисъ принялъ подъ свое покровительство многихъ Ливонцевъ, покинувшихъ родину по слѣдующимъ причинамъ: Ливонія издревле зависѣла отъ Польши; потомъ, бывъ оставлена Поляками на произволъ судьбы, она подпала власти Шведскаго герцога Карла, который почти всю ее покорилъ; когда же счастіе ему измѣнило, и Поляки снова овладѣли тою страною, разбивъ Шведовъ при Эларѣ и Кокенгаузенѣ, тогда многіе честные люди, бросивъ свои помѣстья, искали убѣжища, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ крѣпостяхъ Сесвегенѣ, Маріенбургѣ и Кирієнбургѣ. [22] Но какъ ветхіе замки, лишенные войска, не могли оградить ихъ отъ злобы непріятелей, то 35 Ливонскихъ дворянъ и гражданъ отправились въ крѣпость Нейгаузенъ, находившуюся близъ Русской границы, въ надеждѣ найти пристанище и защиту отъ преслѣдовавшихъ Поляковъ.

Комендантъ ея, Ливонскій дворянинъ Отто Фитингофъ, возведенный въ достоинство герцогомъ Карломъ, не хотѣлъ принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что въ крѣпости была тѣснота, хотя вскорѣ послѣ того для Поляковъ нашлось довольно мѣста. И такъ, по милости этаго коменданта, бѣдные странники должны были перейти на Русскую сторону и искать убѣжища въ Печорскомъ монастырѣ. [23] Игуменъ, извѣстивъ о томъ царя Бориса Ѳеодоровича,

испрашивалъ повелѣнія, что дѣлать съ пришельцамм: оставить ли 1601.
ихъ въ покоѣ, или прогнать за границу? Царь велѣлъ немедленно дать имъ убѣжище, объявить благоволеніе, увѣрить ихъ въ своемъ участіи къ бѣдственной судьбѣ ихъ, угостить въ монастырѣ отъ своего имени и предложить, не угодно ли будетъ имъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ дастъ имъ втрое болѣе того, что они потеряли въ Ливоніи. Игуменъ исполнилъ приказаніе въ точности. Только Ливонцы не желали ѣхать въ Москву: они любили свободу и не хотѣли быть рабами; посему, изъявивъ признательность за царскую милость, за христіанское состраданіе и великодушныя щедроты его величества, просили одного убѣжища на краткое время и остались близъ монастыря въ одной деревнѣ, гдѣ было пристанище.

Въ слѣдующіе дни, посѣтили ихъ бояре и монахи, которые совѣтовали имъ отправиться въ Москву, увѣряя, что они, по милости царя, не будутъ раскаяваться. Однакожъ ни одинъ Нѣмецъ на предложеніе не согласился. Чрезъ нѣсколько дней, пришелъ къ нимъ изъ монастыря переводчикъ, природный Русскій, знавшій языкъ Нѣмецкій, коему научился онъ въ Швеціи, гдѣ былъ прежде въ плѣну: воспоминая съ живѣйшею благодарностію одолженіе Нѣмцевъ и стараясь самъ оказать имъ услугу, онъ съ своей стороны убѣждалъ Ливонцевъ не отвергать царскаго предложенія, говоря, что война Шведовъ съ Поляками не скоро можетъ прекратиться, что презирая милость государя, странники навлекутъ на себя его негодованіе, исполнивъ же его волю, будутъ счастливы; притомъ открылъ имъ, по довѣренности, что игуменъ и Печорскіе дворяне получили царское повелѣніе слѣдующаго содержанія: просить Нѣмцевъ неотступно ѣхать въ столицу; если же они на то не согласятся, не отпускать ихъ въ отечество, задержать, какъ лазутчиковъ, и прислать въ Москву скованными. Эти слова привели въ удивленіе бѣдныхъ людей; они весьма сокрушались и проклинали Фитингофа, который не принялъ ихъ въ крѣпость, а Поляковъ между тѣмъ впустилъ. «Не было намъ мѣста въ Ливоніи», думали они; «еще тѣснѣе будетъ въ Россіи, гдѣ иностранцы или

1601. навсегда должны остаться, или испытать всю тяжесть царскаго гнѣва». Наконецъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшились изъ двухъ золъ избрать меньшее: объявили игумену, что согласны ѣхать въ Москву, если только тамъ не будутъ считать ихъ плѣнниками. Игуменъ старался ихъ утѣшить, совѣтовалъ не думать ничего дурнаго и клялся Христомъ Богомъ, что они не встрѣтятъ никакой непріятности.

Успокоенные нѣсколько клятвою, унылые Нѣмцы явились въ монастырь, гдѣ игуменъ и монахи говорили имъ привѣтствіе царскимъ именемъ; помѣстили ихъ на постояломъ дворѣ и содержали иждивеніемъ государя такъ, что никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша, какъ въ самой обители, такъ и во время пути чрезъ Псковъ, Новгородъ, Тверь и другіе города; ежедневно давалось имъ столько вина, пива, меду, кушанья рыбнаго и мяснаго, вареная и жареная, что всего было вдоволь и въ излишествѣ. Псковской воевода Андрей Васильевичъ Трубацъ, провождаемый всѣми гражданами, встрѣтилъ Нѣмцевъ съ особенною почестію; спрашивалъ, кого какъ зовутъ, не исключая ни женъ, ни дѣтей, ни служителей, какого кто званія, чего лишился въ отечествѣ, и сдѣлавъ всѣму вѣдомость, послалъ ее впередъ къ государю. Потомъ угощалъ ихъ истинно по-царски 8 дней сряду; совѣтовалъ имъ продать своихъ лошадей и взять вырученныя деньги себѣ, говоря, что для нихъ довольно у царя подводъ; сверхъ того, одарилъ ихъ шубами. И такъ, во имя Божіе, они отправились въ Москву на казенныхъ подводахъ и благополучно прибыли въ столицу 21 ноября.

Царь велѣлъ немедленно отвести имъ боярскіе домы, недалеко отъ дворца на Арбатѣ, и снабдить ихъ всемъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыромъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ. Сверхъ того, каждому дому назначенъ былъ приставъ для разныхъ покупокъ.

23 декабря, Нѣмцы получили приказаніе нарядиться въ лучшее платье, для представленія государю на другой день по утру. Многіе изъ нихъ желали отказаться отъ сей чести, говоря, что

не смѣютъ предстать предъ его величество въ своей бѣдной одеж- 1601.
дѣ; но царь велѣлъ имъ сказать, что имъ нѣчего стыдиться, что онъ желаетъ видѣть ихъ, а не платье, и что пріѣхавъ къ нему, по его высокому приглашенію, они получатъ все нужное.

24 декабря, Нѣмцы явились во дворецъ. Государь сидѣлъ съ своимъ сыномъ въ пріемномъ залѣ; его окружали князья и бояре, въ парчевыхъ платьяхъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими коврами Турецкими. Нѣмцевъ подводили къ государю по старшинству лѣтъ: сперва старыхъ, потомъ среднихъ, напослѣдокъ молодыхъ. Они кланялись ему и сыну его по своему обычаю. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика: «Поздравляю васъ, чужеземцы, вѣрноподданные Римскаго императора, и васъ, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго королевства, съ прибытіемъ въ мое государство; радуюсь благополучію вашего путешествія; меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность; вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ, дворяне! я сдѣлаю князьями; васъ, граждане! боярами; ваши жены и въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не царь, не господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ: тогда получите такую награду, что объ ней будетъ говорить вся Римская имперія!»

Ливонскій дворянинъ Детлефъ фонъ-Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ краткую рѣчь, въ коей благодарилъ царя за милостивое, отеческое предложеніе,

1601. и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны отцу своему, государю Всероссійскому. Царь отвѣтствовалъ: «Молитесь, Нѣмцы, Богу о «моемъ здоровьи; пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуж- «даться», и указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ: «и этимъ подѣлюсь съ вами». Потомъ протянулъ къ нимъ руку съ жезломъ и дозволилъ каждому цѣловать ее; царевичъ также всѣхъ допустилъ къ своей рукѣ. За тѣмъ приглашены они къ обѣду.

Русскіе господа удалились изъ залы; остались только царскіе совѣтники; внесли столъ и поставили прямо противъ государя и сына его. Пожилые и знатнѣйшіе изъ Нѣмцевъ должны были занять мѣста такъ, что царь всѣхъ ихъ хорошо могъ видѣть; а младшіе сидѣли къ нему спиной. Всѣмъ прислуживали бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый, вкусный хлѣбъ, съ солью въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался такимъ образомъ: въ первой ношѣ подано было столь много блюдъ, что на столѣ, при всей обширности его, не осталось почти мѣста, гдѣ было бы можно положить кусокъ хлѣба. Носили кушанья до самаго вечера. Много было всякаго сорта пива, меду и винъ иностранныхъ. Царь поставилъ первое блюдо предъ собою и, отвѣдавъ, сказалъ: «приглашаю васъ, любезные Нѣмцы! на мою царскую хлѣбъ-соль». «Даруй, Гос- «поди! здравіе и благоденствіе царю, отцу нашему!» отвѣчали они почтительно, вставъ съ своихъ мѣстъ и благословляя царскую трапезу; такимъ же образомъ привѣтствовалъ онъ Нѣмцевъ при первомъ бокалѣ, назвалъ каждаго по имени и примолвилъ: «пью за ваше здоровье; слѣдуйте моему примѣру!» Бояре старались напоить гостей; но гости хотѣли быть умѣренными, узнавъ отъ приставовъ, что царь любилъ трезвость и ненавидѣлъ пьянство. Царь, замѣтивъ это, разсмѣялся и спрашивалъ ихъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здравье другъ друга, какъ у нихъ водится? Когда Нѣмцы отвѣчали, что они, благоговѣя предъ его величествомъ, не смѣютъ предаваться шумному веселію, и что предъ лицемъ его должно быть трезвымъ, онъ возразилъ: «Я васъ потчи- «ваю, какъ хозяинъ; веселитесь, какъ угодно, не опасаясь нареканія;

«пейте за мое здоровье! Лошади готовы: когда настанетъ время, 1601.
«васъ отвезутъ невредимо». Сказавъ, государь всталъ, чтобы итти къ царицѣ; для гостей же велѣлъ принести напитки въ серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, и поручилъ боярамъ употчивать ихъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести: воля царская была исполнена, и Нѣмцы большею частію не знали, какъ домой добрались.

28 декабря ихъ призвали въ Розрядъ (государственную канцелярію) и раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, коимъ объявили, что царь, отецъ ихъ, благоволилъ осчастливить каждаго изъ нихъ своею милостію: сверхъ ежемѣсячнаго содержанія, жалуетъ имъ по 50 рублей въ подарокъ, по венгерскому кафтану изъ золотой парчи, по куску чернаго бархата, по связкѣ дорогихъ соболей, для приличной одежды, да по 50 рублей годоваго жалованья и по 800 четвертей земли съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе.[24] Все это они получили на другой день. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ; каждому изъ нихъ пожаловалъ государь: 30 рублей въ подарокъ, 30 рублей годоваго оклада, кусокъ красной камки, 40 соболей, парчевой кафтанъ и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами. Въ третьей статьѣ находились молодые дворяне и заслуженные воины; каждый изъ нихъ получилъ 20 рублей въ подарокъ, столько же въ годовой окладъ, кусокъ простаго бархату и кармазину, 40 соболей и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая состояла изъ молодыхъ людей, большею частію изъ слугъ; каждому изъ нихъ дано было 15 рублей въ подарокъ, столько же на жалованье, кусокъ кармазину и желтой камки, небольшая связка соболей и 300 четвертей съ 20 крестьянами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было Нѣмцамъ, что послѣ такой награды, царь имѣетъ право требовать отъ нихъ обязательства быть готовыми на войну съ врагами, если онъ ихъ потребуетъ. Такимъ образомъ, по милости Бориса Ѳеодоровича, иной бѣднякъ въ короткое время сдѣлался богачемъ. Нѣмцы, до сихъ поръ уг-

1602. нетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе Русскаго государя.

Въ 1602 году прибыло въ Россію посольство отъ города Любека, состоявшее изъ бургомистра Конрада Гермерса, ратсгера Генриха Керхринга и секретаря Іоанна Брамбахія, съ просьбою отъ имени всей Ганзы даровать ей полную свободу въ торговлѣ съ Россіею, возобновить старинныя привиллегіи купцовъ Ганзейскихъ и возстановить въ Москвѣ прежнюю ихъ контору. Борисъ Ѳеодоровичъ отвѣчалъ посольству, что съ Ганзою онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла, ибо вовсе ея не знаетъ; съ Любекомъ же, городомъ извѣстнымъ и уже получившимъ въ Россіи значительныя торговыя выгоды, не уклоняется быть въ дружбѣ и добромъ согласіи; въ слѣдствіе чего, даетъ ему право учредить контору на прежнемъ основаніи. Столь доброе расположеніе царя могло бы доставить Любеку важные выгоды, если бы Россія наслаждалась спокойствіемъ. [25]

Однимъ словомъ, царь Борисъ старался управлять государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и поправлять старые: обвелъ Москву бѣлою каменною стѣною, а Смоленскъ весьма высокою и крѣпкою, въ 23 фута толщиною; построилъ, сверхъ того, на южной границѣ, для защиты отъ Татарскихъ набѣговъ, двѣ крѣпости, изъ которыхъ одну назвалъ своимъ именемъ, Борисоградомъ, а другую, во имя всѣхъ царей, Царевымъ городомъ. [26] При всемъ томъ Богъ не благословилъ правленія сего государя, потому, что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ. Небесное правосудіе жестоко наказало его, воздавъ ему по дѣламъ: все семейство его погибло.

Жестокій врагъ Нѣмцевъ, Богданъ Бѣльскій, виновникъ многихъ неистовыхъ дѣлъ царя Іоанна Васильевича, [27] первый возмутилъ спокойствіе Годунова: посланный имъ на Татарскую границу, для надзора надъ строеніемъ Борисограда, Бѣльскій исполнилъ царское порученіе; но достроивъ крѣпость, объявилъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ есть царь Московскій, а онъ Борисоградскій. Впро-

чемъ измѣнникъ недолго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ 1602.
велѣлъ привезти его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву, въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертью, царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать все его имѣніе, отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить кому хотятъ, и приказалъ своему капитану, Шотландцу Габріелю, бывшему, до пріѣзда вышесказанныхъ докторовъ, лейбъ-медикомъ, вырвать у самодѣльнаго царя, Богдана, длинную густую бороду; послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за царя.[28]

По усмиреніи этаго крамольника, явились другіе зложелатели Борису; то были четыре брата Никитичи, которые, какъ выше сказано, по смерти царя Ѳеодора, могли бы взойти на престолъ, если бы не отказались отъ скипетра и не упустили его изъ рукъ своихъ. Они были раздражены поступками царя съ Богданомъ Бѣльскимъ; однако таили свою злобу и всегда казались покорными; между тѣмъ наученные неудачею Бѣльскаго, замышляли инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса, отравою. Собственные ихъ слуги открыли умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы, подобно первому измѣннику.[29]

Послѣ сего происшествія, царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во дворцѣ днемъ и ночью и провождать всюду, даже въ церковь. Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе, убійство и отраву, прибѣгнули къ другому: коварству; а исполнителемъ своего замысла избрали настоящаго демона, при помощи коего совершили чудеса. Справедливо говоритъ одинъ писатель: «И самъ Стигійскій Плутонъ не отважится на то, что сдѣлаетъ неутомимый чернецъ и коварная старуха».[30]

ГЛАВА III.

БОРЬБА СЪ САМОЗВАНЦЕМЪ.

1604—1605.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Бориса. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ вѣка. Царскій астрологъ. Осада Путивля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыницкое. Маржеретъ. Измѣна бояръ. Осада Кромъ. Атаманъ Корела. Кончина Годунова.

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ монахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего отечества, онъ вмѣстѣ съ крамольниками распускалъ о Борисѣ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисѳена, нашелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ, по довѣренности, Польскіе вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть съ притворною горестію, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть.[31] Послѣ того Отрепьевъ возвратился въ Россію; пришелъ въ землю казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ молву, Отрепьевъ проситъ, убѣждаетъ казаковъ подать помощь царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ.[32]

Наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ князю Вишневецкому, въ званіи камердинера.[33] Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и примолвилъ: Curvin sin. Жестоко обиженный слуга со слезами говоритъ князю: «Еслибъ зналъ «ты, князь Адамъ! кто тебѣ служитъ, не услышалъ бы я столь

«обиднаго слова, да еще съ побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣ- 1602.
«лать нечего: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя слугою».
«А кто же ты?» спросилъ Вишневецкій, «и откуда пришелъ?»
Тутъ юноша признался, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича;
разсказалъ весьма складно приключенія дѣтства и умыселъ Бориса
на жизнь его; открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ
смерти, кто спасъ его и какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи;
притомъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными
каменьями, подаренный ему, будто бы, крестнымъ отцемъ. Всю
эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый Димитрій упалъ, по
Русскому обычаю, въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ: «Предаю
«себя въ твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горькая жизнь
«не мила мнѣ. О, еслибъ ты помогъ мнѣ возвратить то, чего я
«лишился, какая награда была бы тебѣ, съ Божіею помощію!»

Князь изумился; повѣрилъ всему, что ни говорилъ скромный и красивый собою юноша; извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное слово; просилъ остаться въ банѣ и подождать его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и напитки, для угощенія въ тотъ же вечеръ Русскаго царя. Дивились немало всѣ домашніе столь неожиданному пріѣзду царя Всероссійскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ; конюхамъ нарядиться какъ можно лучше; заложить шестерней дорожную карету и убрать покои драгоцѣнными коврами, такъ, что никто не могъ придумать, кого ожидаетъ князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *его величество* принять эту бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣетъ. Юноша благодарилъ князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ воз-

1603. наградить ему сторицею; великолѣпное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, молва о царевичѣ Димитріи, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: она его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому князю [34] съ просьбою выдать измѣнника и обманщика, за что обѣщалъ уступить ему нѣсколько пограничныхъ городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный такимъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный царевичъ, спряталъ царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта; между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, спѣшилъ удалиться отъ Русской границы, близь которой находилось его помѣстье, [35] въ принадлежащій ему городъ Висніовецъ: тамъ показалъ царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами отвѣчалъ: «Богу и тебѣ извѣстно, кто я; дѣлай со мною, что хо«чешь; я въ твоей власти: предаю себя въ твою волю!»

Князь старался его успокоить, обѣщалъ никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе понудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ царевича остаться въ городѣ Висніовцѣ подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣститъ его немедленно, если что либо провѣдаетъ о Борисѣ.

Царь, между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько человѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить Самозванца. Но бдительный князь проводилъ мнимаго царевича въ Великую Польшу, къ воеводѣ Сендомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго государя. [36]

Въ январѣ 1604 года, Іоаннъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна Мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здо-

ровъ, находится у казаковъ и старается овладѣть престоломъ; въ 1604.
Россіи же страшное волненіе. Посланнаго съ этимъ письмомъ задержали и заключили въ Иванъ-городѣ, откуда перевезли въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ же году и мѣсяцѣ, отправленный имъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Астрахань (города, отстоящіе отъ Москвы первый на 250, а второй на 500 миль) дальній родственникъ его, Степанъ Степановичъ Годуновъ [37] встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наслѣднику Русскаго престола. Казаки напали на Степана Годунова, побили многихъ изъ его людей, остальныхъ же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстью, что они скоро придутъ въ Москву съ царевичемъ Димитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ сторонъ, изъ Бѣлоруссіи, Литвы, Ливоніи, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре. Ослѣпленный Борисъ не могъ замѣтить, что все это было дѣломъ небеснаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтожность премудрости человѣческой въ сравненіи съ божественною. Годуновъ мечталъ однимъ коварствомъ утвердить себя на престолѣ, и вскорѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго успѣха: не принесли ему никакой выгоды союзы въ иноземными государями; безполезны были щедроты и благодѣянія, оказанныя Нѣмцамъ; никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной заботливости, его мудрыхъ распоряженій о благоденствіи Россіи; наконецъ неимовѣрныя суммы, раздаваемыя сряду нѣсколько лѣтъ на вспоможеніе подданнымъ, не предохранили бѣднаго народа его отъ губительнаго глада и мора.

1604. Въ 1601 году началась неслыханная дороговизна; она продолжалась до 1604 года; бочка ржи стоила отъ 10 до 12 гульденовъ.[38] Насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный навозъ, и благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ историкомъ! Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ.[39]

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода, Борисъ Ѳеодоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близь самой городской стѣны, имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о томъ, окрестные земледѣльцы оставили свои жилища и устремились въ Москву съ женами и дѣтьми, чтобы участвовать въ царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ не уменьшавшейся.[40] Сверхъ того, по волѣ государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красные башмаки и вывозили въ *Божій домъ* для погребенія.[41] Безъ содроганія не льзя было смотрѣть на множество труповъ, отправляемыхъ въ такомъ видѣ за городъ ежеднев-

но! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500,000 человѣкъ, которыхъ его величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи. [42] Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе ихъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій царства и народы! 1604.

Но сколь ни очевидно было наказаніе небесъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смириться и думалъ одною казною своею прекратить бѣдствіе. По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться; но царь запретилъ Русскимъ, подъ смертною казнію, его покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ. [43] Послѣ того, Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 саженъ, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города. [44] Вездѣ отворены были царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо Нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и бояре, исполняя царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ царскихъ и

1604. княжескихъ магазиновъ, продавали ее весьма высокою цѣною. Это беззаконіе продолжалось до тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелью несчетнаго множества людей, устранилъ одно бѣдствіе, дороговизну, и послалъ другое, войну кровопролитную.

Въ іюнѣ 1604 года прибылъ въ Россію императорскій посланникъ, баронъ фонъ-Логау, изъ Праги, съ значительною свитою; до пріѣзда его отдано было повелѣніе, чтобы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути, и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть, изобиловали жизненными потребностями: Борисъ хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговизны. Въ Москвѣ же, всѣ князья и бояре, всѣ Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, сообразно съ царскимъ достоинствомъ, въ одежды бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя, подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ своего жалованья. Не одному бѣдняку пришлось покупать товары вдвое дороже обыкновеннаго, и многіе нарядились въ такія платья, какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носить никогда не воображали. Дворяне приготовили для себя свиты и кафтаны, столь богато выложенные позументомъ, что ни одинъ князь не постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе другихъ наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстьевъ. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими товарищами, тому объявляли царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ, все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, разсказывать кому либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево' всего въ изобиліи. Столь безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ раздражилъ Всевышняго; Россія, терзаемая голодомъ и моромъ, испытала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странныя явленія: видны 1604.
были по ночамъ огненные столбы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда всходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ, что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, Нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и, убивъ его, привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ въ сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Москвитяне смотрѣли на чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія; а Татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Странную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицѣ, *волкъ волка не ѣстъ*, изъяснилъ одинъ Татаринъ такимъ образомъ: «Москвитяне», говорилъ онъ, «измѣнятъ сами себѣ, и какъ псы, будутъ язвить и истреблять другъ друга».

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ

1604. невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. [45] Всевышній не могъ болѣе терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сошествія святаго Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета; Русскіе смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ, чрезъ государственнаго канцлера. «Богъ посылаетъ такія знаменія», отвѣчалъ сей мужъ, «въ предостереженіе великихъ государей; тамъ, гдѣ они случаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны»; почему совѣтовалъ царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. «Тебѣ грозитъ великая опасность!» говорилъ старикъ. Слова его сбылись: въ сентябрѣ того же года собралось на Русской границѣ до 6,000 казаковъ, по наущенію монаха Отрепьева, который увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный царь живъ и скрывается въ Польшѣ; въ тоже время далъ знать мнимому Димитрію, что казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами.

Димитрій, [46] уже честимый какъ царевичь многими Польскими вельможами, получилъ отъ нихъ значительное вспоможеніе и, соединясь съ казаками, имѣлъ до 8,000 воиновъ. Съ этимъ отрядомъ онъ началъ свое дѣло, осадилъ Путивль и, благодаря содѣйствію проклятаго Отрепьева, овладѣлъ пограничнымъ городомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла: жители Путивля покорились ему добровольно, какъ законному государю.

Вѣсть о такомъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ 1604.
князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола. Между тѣмъ, разослалъ гонцовъ по всему государству съ повелѣніемъ: всѣмъ князьямъ, боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ, явиться къ 28 октября въ Москву непремѣнно, угрожая отнять у ослушниковъ имѣніе и самую жизнь. На другой день разослалъ другихъ гонцовъ, а на третій третьихъ, съ указами такого же содержанія. Въ теченіе одного мѣсяца собралось болѣе 100,000 человѣкъ: царь послалъ ихъ, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, противъ непріятеля къ Новгороду-Сѣверскому, куда гнали изъ деревень прочихъ людей военныхъ. Кто не слушался, былъ наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, или сѣкли плетьми, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Строгія мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое, около Мартинова дня, состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ. [47]

Димитрій осадилъ Новгородъ-Сѣверскій, но безъ успѣха: воевода Новгородскій, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, оборонялся упорно и много вредилъ непріятелю. Между тѣмъ, подступила главная рать Московская. Самозванецъ, оставивъ осаду, пошелъ ей на встрѣчу: оба войска сразились подъ самымъ Новымгородомъ. Димитрій, съ малочисленнымъ отрядомъ, бросился прямо въ средину враговъ. Битва была упорная. Князь Мстиславскій получилъ пятнадцать ранъ, и Москвитяне потерпѣли бы навѣрное пораженіе, если бы 700 Нѣмецкихъ всадниковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ. [48] Димитрій отступилъ и удалился изъ области Сѣверской. Спаситель Новгорода, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ прибылъ въ Москву предъ Валеріановымъ днемъ; царь наградилъ его весьма щедро за вѣрную службу и храбрость. Высланы были ему на встрѣчу знатнѣйшіе князья и бояре, которые говорили привѣтствіе отъ имени его величества; онъ ѣхалъ по городу на царскихъ саняхъ до самаго дворца; провожали его такъ точно, какъ

1605. государя. Явившись во дворецъ къ царю, онъ получилъ изъ собственныхъ рукъ его, въ награду за свою храбрость, золотое блюдо вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами; сверхъ того 2,000 рублей,[49] множество серебра изъ царской казны, помѣстье съ крестьянами, достоинство боярина и мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Народъ любилъ и уважалъ его.[50]

Въ январѣ 1605 года, Московская рать, изъ 200,000 человѣкъ состоявшая, опять выступила противъ Димитрія и 2 января остановилась при Добрыничахъ.[51] У Димитрія было всего на все 15,000 Поляковъ, казаковъ и Русскихъ. Съ отрядомъ столь малочисленнымъ онъ устремляется на враговъ: Москвитяне бѣгутъ и бросаютъ свои пушки. Уже вся рать Годунова казалась совершенно истребленною; но два знамя удержали побѣдоноснаго непріятеля: однимъ изъ нихъ начальствовалъ Валтеръ фонъ-Розенъ, Ливонецъ, а другимъ Яковъ Маржеретъ, Французъ. Воскликнувъ: Hilf Gott! (помоги, Боже!) иноземцы бросаются на побѣдителя, не даютъ ему преслѣдовать бѣгущихъ Москвитянъ, заставляютъ его бросить отнятыя у Русскихъ орудія и въ бѣгствѣ искать спасенія. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ витязей, ободрились, ударили на враговъ, восклицая также: Hilf Gott! и цѣлыя три мили ихъ преслѣдовали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, которымъ весьма было забавно слышать, что Русскіе такъ скоро выучились ихъ языку. При томъ случаѣ самъ Димитрій попался было въ плѣнъ: раненный въ ногу конь едва могъ вынести его; да и всѣ 15,000 воиновъ его навѣрное погибли бы до послѣдняго, если бы зложелатели Борисовы не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и безполезное кровопролитіе: ибо главные виновники, по ихъ словамъ, были уже пойманы. И такъ Нѣмцы возвратились; Москвитяне полюбили ихъ, выхваляли ихъ храбрость и говорили: «Нѣмецкій «Богъ сильнѣе Русскаго; горсть Нѣмцевъ одолѣла, а мы бѣжали «тысячами».[52]

Димитрій съ величайшимъ трудомъ достигъ Рыльска и думая, 1605.
что здѣсь не можетъ быть ему безопаснаго убѣжища, по малочисленности его дружины, пробрался въ Путивль, пограничную крѣпость. Несчастная битва его сокрушала; всѣ Русскіе воины его оставили, исключая нѣсколько сотенъ казаковъ, которые еще держались въ ничтожномъ гнѣздѣ, Кромахъ. Москвитяне же, послѣ побѣды, занимались казнію своихъ единовѣрцевъ, присягнувшихъ Димитрію въ Комарницкой волости: [53] они повѣсили на деревьяхъ за ноги нѣсколько тысячъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Далеко были слышны вопли несчастныхъ!

Но злодѣи Борисовы не дремали: тайно совѣтовали Димитрію не терять бодрости отъ неудачнаго сраженія, коего виною были Нѣмцы; обѣщали склонить ихъ на его сторону; просили только, чтобы онъ разсылалъ по Россіи грамматы, съ доказательствами права своего на Русскій престолъ и съ увѣщаніемъ къ народу признать его государемъ. Димитрій слѣдовалъ совѣту: объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить; кто замышлялъ на жизнь его; кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцемъ; какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему Польскіе вельможи, и какимъ образомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, великимъ канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса. Такія грамоты, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ государства, имѣли удачное слѣдствіе: многіе Русскіе явились въ Путивль и признали Димитрія государемъ.

Между тѣмъ, Борисъ прислалъ воеводамъ своимъ, стоявшимъ въ лагерѣ при Добрыничахъ, 10,000 рублей, съ повелѣніемъ изъявить Нѣмцамъ свою признательность за вѣрную ихъ службу, выдать имъ полное жалованье, и сказать, что если они всегда столь же вѣрно будутъ служить ему, то получатъ прибавку годовыхъ окладовъ и помѣстьевъ, что царь раздѣлитъ съ ними и послѣднюю рубаху; главному же полководцу, князю Мстиславскому, приказалъ всѣми силами осадить Кромы, взять эту крѣпость непремѣнно и

1605. истребить скопище казачьяго атамана Корелы.[54] Многіе вельможи однако были недовольны царемъ за то, что онъ назначилъ князя Катырева[55] въ товарищи Мстиславскому, еще не совсѣмъ излечившемуся отъ 15 ранъ, и съ нѣсколькими тысячами передалисъ Димитрію.

Мстиславскій и товарищъ его осадили гнѣздо мятежниковъ: иноземцы сожгли деревянныя укрѣпленія, такъ что ни одного дома не уцѣлѣло; но казаки обвели городъ рвомъ, насыпали валъ, а подъ валомъ вырыли землянки, гдѣ скрывались, какъ мыши, отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изъ главнаго рва они прокопали нѣсколько небольшихъ, откуда выползали на Москвитянъ и отражали ихъ приступы. Если же Москвитяне устремлялись къ городу всѣми силами, казаки немедленно уходили въ свои норы и тамъ ожидали враговъ, которые однакожъ не осмѣливались нападать на нихъ въ этомъ убѣжищѣ. Около трехъ мѣсяцевъ войско Борисово стояло подъ Кромами, истратило множество огнестрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало; измѣна бояръ была очевидна: присланные Димитріемъ изъ Путивля 500 казаковъ, среди бѣлаго дня, провезли въ городъ съѣстные припасы на 100 подводахъ, пробравшись чрезъ одинъ изъ Русскихъ лагерей, такъ, что въ другомъ того не замѣтили:[56] столь явная измѣна побудила воеводъ немедленно донести государю, что они въ крайней опасности, что царская рать со дня на день уменьшается, а войско Димитріево усиливается предательствомъ бояръ и толпами Поляковъ, что наконецъ не остается и надежды одолѣть Самозванца. Сраженный этою вѣстью, Борисъ принялъ ядъ. Утромъ 13 апрѣля онъ былъ еще здоровъ и свѣжъ, а къ вечеру скончался.[57] На другой день его похоронили вмѣстѣ съ прочими царями. Друзья его сокрушались немало. Бориса постигла почти такая же участь, какую приготовилъ онъ истинному царевичу Димитрію: и тотъ, и другой погибли насильственною смертію. Сколько ни покушались разные люди на жизнь Годунова во все время его царствованія, онъ не имѣлъ утѣшенія умереть отъ руки непріятеля, и былъ самъ себѣ палачемъ. Грѣшная совѣсть — робкая тварь! Онъ царствовалъ слишкомъ шесть лѣтъ, съ 1 сентября 1598 года по 13 апрѣля 1605.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

1605.

Басмановъ главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Краснomъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Ѳеодора и матери его.

16 апрѣля 1605 года, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, возведенный Борисомъ, какъ выше сказано, въ достоинство боярина, посланъ былъ подъ Кромы, на мѣсто воеводы Мстиславскаго, котораго отозвали ко Двору, для управленія внутренними дѣлами, въ помощь юному государю. Прибывъ въ Кромской станъ, Басмановъ привелъ войско къ присягѣ новому царю; но эту присягу Русскіе исполняли такъ точно, какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ: не прошло и трехъ недѣль, а воеводы со всѣмъ войскомъ уже измѣнили сыну Борисову! Это случилось 7 мая; одни только Нѣмцы, удалившіеся въ Москву, остались вѣрными государю: онъ изъявилъ имъ милость и благодарилъ ихъ предъ цѣлымъ народомъ. Воеводы же Кромскіе, большею частію, явились въ Путивль къ Димитрію и съ восхищеніемъ смотрѣли на своего новаго царя; потомъ проводили его въ Кромы.[58] Онъ, между тѣмъ, посылалъ гонца за гонцомъ съ письмами къ Москвитянамъ, совѣтовалъ имъ одуматься заблаговременно, убѣждалъ покориться ему, какъ истинному государю, и истребить враговъ его, Годуновыхъ, обѣщая милость въ случаѣ повиновенія и угрожая гнѣвомъ, если заставятъ его притти въ Москву съ войскомъ. Годуновы приказали схватить гонцовъ и замучить до смерти.

1 іюня прибылъ знатный бояринъ въ Красное село, подмосковное царское помѣстье, гдѣ жили богатые купцы и серебряники, имѣвшіе въ Москвѣ друзей и родныхъ; бояринъ[59] привезъ граммату: въ ней Димитрій писалъ къ жителямъ Красносельскимъ, что онъ присылалъ и въ Красное село, и въ столицу многихъ гонцовъ, изъ коихъ ни одинъ не только не возвратился, но и въ живыхъ

1605. не остался; что не зная, народъ, или Годуновы ихъ погубили, онъ хочетъ непремѣнно открыть виновниковъ такого злодѣянія, и для того отправляетъ послѣдняго гонца къ нимъ, Красносельцамъ, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ дѣла ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ. «Если же и этотъ гонецъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ», писалъ Димитрій, «то знайте, что и младенцамъ въ матерней утробѣ пощады не будетъ; а если онъ привезетъ повинную отъ васъ граммату, оставайтесь покойны: я не злопамятенъ!»

Красносельцы приняли гонца почтительно, многочисленною толпою проводили его въ Москву до главной церкви, называемой Іерусалимомъ, и возвели на Лобное мѣсто, откуда онъ читалъ грамматy къ жителямъ столицы. Граждане Московскіе и Красносельскіе, выслушавъ гонца, разсуждали, что преданность князей, бояръ, всего государства Димитрію, доказываетъ неоспоримое право его на престолъ, что время подумать о собственной участи: уже Димитрій приближается съ войскомъ, противъ котораго невозможно устоять; а Москва не имѣетъ людей ратныхъ; одни же Годуновы, неправедно завладѣвшіе престоломъ, не могутъ защитить гражданъ: всѣ должны погибнуть неминуемо, если сами не откроютъ глазъ и не примутъ мѣръ для собственной безопасности и для пользы всего государства. Наконецъ опредѣлили единогласно: не раздражая Димитрія безполезною медленностію, послать къ нему повинную граммату, съ раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ, и молить его о милосердіи; а кровожадныхъ Годуновыхъ, заставившихъ царевича въ бѣгствѣ искать спасенія, взять подъ стражу.[60]

Между тѣмъ, прибѣгаютъ изъ дворца преданные Годуновымъ бояре и хотятъ схватить присланнаго Димитріемъ; но уже поздно: отъ нихъ требуютъ отвѣта, куда дѣвались прежніе гонцы? и съ этимъ словомъ всѣ граждане взволновались. «Да здравствуетъ Дими«трій!» воскликнули они единогласно. «Мы были во тьмѣ кромѣш«ной! Красное солнце наше всходитъ!» Потомъ съ неистовствомъ бросились во дворецъ, славили имя Димитрія и поносили Году-

нова со всѣмъ родомъ его такими словами, что и сказать невозможно. Никто не вспомнилъ добрыхъ дѣлъ царя, 8 лѣтъ благотворившаго государству; все было забыто, какъ будто ничего не бывало! Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили къ нимъ стражу; а прочихъ его родственниковъ раздѣли до-нага, оковали цѣпями, посадили въ навозныя телѣги, везли чрезъ пни и колоды, безъ покрова и тюфяковъ, въ ненастное время, за нѣсколько миль отъ Москвы, и бросили въ темницы. Дворы ихъ, между тѣмъ, были разграблены. Одни изъ несчастныхъ погибли еще дорогою, другіе въ темницахъ съ голоду. Надъ ними-то исполнилось изреченіе Пророка: «Въ плѣнъ увлекутся сильные, въ нуждѣ и горестяхъ погибнутъ роскошные». Юный царь, уже сведенный съ престола, вмѣстѣ съ матерью и сестрою былъ заключенъ въ домѣ, принадлежавшемъ покойному отцу его. 1605.

Повеселившись такимъ образомъ на счетъ Годуновыхъ, Москвитяне хотѣли попировать въ царскихъ погребахъ, и какъ во дворцѣ уже не было господина, то они объявили о своемъ желаніи старому боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцемъ Димитрія. Этотъ вольможа не задолго предъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ, однакожъ не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда пріѣдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей Нѣмецкихъ: онъ злился на нихъ за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, капитанъ Габріель выщипалъ ему бороду по царскому повелѣнію; докторъ уже умеръ, но для Бѣльскаго было все равно: онъ шепнулъ народу, что врачи иноземные были душою и совѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; что граждане могутъ попировать у нихъ и напиться, какъ угодно; онъ же беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы черни броси-

1605. лись немедленно въ домы врачей, и получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ, не только осушили всѣ бочки, но и самое имѣніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ 2 до 3 тысячъ талеровъ При семъ случаѣ многіе честные люди, вовсе посторонніе, лишились послѣдняго имущества, которое они перевезли изъ загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ докторскихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти его отъ приближавшагося воинства. Въ чужомъ пиру имъ было похмѣлье!

3 іюня послана Димитрію повинная граммата отъ имени всѣхъ жителей Московскихъ съ просьбою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ подданнымъ, и пожаловать въ Москву, гдѣ изъ всѣхъ враговъ его остался въ живыхъ одинъ молодой Ѳеодоръ съ матерью и сестрою, крѣпко стерегомый и слѣдовательно уже неопасный.

Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ милости, юный Ѳеодоръ и мать его должны быть преданы смерти. Сей указъ полученъ въ столицѣ 10 іюня; его прочитали и немедленно исполнили: Ѳеодора и мать его удавили въ темницѣ; [61] а дочь Борисову, невѣсту Іоанна герцога Датскаго, коему Богъ не продлилъ жизни, отвели въ Дѣвичій монастырь, откуда въ послѣдствіи взялъ ее Димитрій себѣ въ наложницы. [62] Сдѣлали два гроба: въ одинъ положили мать, въ другой сына; потомъ вырыли отца, и всѣхъ троихъ погребли на Срѣтенскомъ кладбищѣ, безъ всякихъ обрядовъ. [63]

Такъ погибъ родъ Бориса Годунова, достигшій до такой степени величія, до коей не восходилъ еще никто во все время существованія Русскаго царства. Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана и овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака. [64] Сынъ его Ѳеодоръ считался царемъ 2 мѣсяца безъ двухъ дней; коронованъ не былъ.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДИМИТРІЯ I.

1605—1606.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью св. Димитрія. Свойство обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе духовенства. Неудача Шуйскаго. Воинскія потѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія.

Димитрій, узнавъ, что враговъ его не стало, выступилъ изъ Серпухова со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ за милю отъ Москвы; здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, чтобы развѣдать, между тѣмъ, мысли народныя. Москвитяне старались доказать свою преданность и, въ изъявленіе радости о благополучномъ его прибытіи, поднесли ему хлѣбъ-соль (несомнѣнное свидѣтельство глубочайшаго почтенія, по Русскому обычаю), съ напитками и богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, жемчугѣ. Увѣренный въ покорности народа, онъ объявилъ, что все прошедшее предаетъ забвенію, что будетъ не царемъ, а отцомъ своихъ подданныхъ, и что приложитъ неусыпное попеченіе объ ихъ благоденствіи.

20 іюня знатнѣйшіе вельможи поднесли Димитрію богатыя одежды, парчевыя, бархатныя, шелковыя, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскую корону, милосердіемъ Творца такъ скоро ему возвращенную; говорили, что для него все готово, что ему нечего опасаться и печалиться, а должно веселиться: ибо тотъ, кто хотѣлъ съѣсть его, теперь не укуситъ.

Въ тотъ же день, всѣ Нѣмцы отправились къ Димитрію въ лагерь съ просьбою не гнѣваться на нихъ за пораженіе при Добрыничахъ, когда и долгъ присяги, и совѣсть повелѣвали имъ быть вѣрными царю своему, Борису; нынѣ, видя на престолѣ Димитрія, они готовы съ тою же вѣрностію служить и ему. Принявъ

1605. челюбитную, новый царь призвалъ къ себѣ начальниковъ Нѣмецкой дружины, изъявилъ имъ не гнѣвъ, не угрозы, которыхъ они большою частію ожидали, но ласки и благоволеніе; хвалилъ ихъ за непоколебимое мужество при Добрыничахъ, гдѣ они обратили его въ бѣгство и почти всю силу его истребили; хвалилъ и за упорное сопротивленіе подъ Кромами, гдѣ они явили новый знакъ преданности Борису, не хотѣли измѣнить съ прочимъ войскомъ и возвратились въ Москву; въ заключеніе сказалъ, что онъ будетъ доволенъ, если увидитъ отъ нихъ такую же услугу, и что имъ вѣритъ болѣе, нежели своимъ Русскимъ. Потомъ спросилъ: «Кто былъ знаменосцемъ въ Добрынской битвѣ?» Тотъ немедленно явился. Димитрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди, примолвилъ: «Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ онъ вступилъ въ Москву;[65] когда кончилось шествіе и все было приведено въ порядокъ, Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ дворца съ нѣсколькими князьями и боярами, сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу рѣчь, славилъ Бога за спасеніе государя и убѣждалъ Москвитянъ быть вѣрными новому царю, истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ снялъ съ груди своей крестъ, съ ликомъ чудотворца Николая, поцѣловалъ его и воскликнулъ: «Брегите и чтите своего государя!» Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: «Богъ да сохранитъ царя-государя и погубитъ всѣхъ «враговъ его!»

29 іюня, въ субботу, Димитрій короновался въ церкви пречистой Богоматери по Русскому обычаю, съ тѣми же обрядами, о коихъ было сказано выше, по случаю вѣнчанія Годунова.

18 іюля Димитрій послалъ нѣсколько тысячъ всадниковъ въ Троицкій монастырь[66] за своею матерью, постриженною въ инокини по волѣ Борисовой; да и самъ выѣхалъ ей на встрѣчу. Увидѣвъ другъ друга, они обнялись, изъявляя радость неописанную. Старая царица весьма искусно представила нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое: по крайней мѣрѣ она опять стала царицею. Димитрій пѣшкомъ провождалъ ея карету; многіе

при этомъ зрѣлищѣ плакали отъ умиленія и дивились неисповѣди- 1605.
мымъ путямъ Божіимъ. Потомъ царь снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ съ своими вельможами, для приготовленій къ принятію царицы. Въ послѣдствіи онъ отдѣлалъ для нея въ самомъ Кремлѣ, у воротъ Іерусалимскихъ, противъ монастыря св. Кирилла, богатые покои, которые назвалъ монастыремъ своей матери; назначилъ ей царское содержаніе, посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ самую нѣжную почтительность. Многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея.

Не проходило дня, когда бы царь не присутствовалъ въ совѣтѣ, гдѣ сенаторы докладывали ему дѣла государственныя и подавали объ нихъ свои мнѣнія.[67] Иногда, слушая долговременныя, безплодныя прѣнія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько часовъ вы «разсуждаете, и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу, дѣло вотъ «въ чёмъ»: и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Онъ владѣлъ убѣдительнымъ даромъ краснорѣчія, любилъ приводить примѣры изъ бытописаній разныхъ народовъ, или разсказывалъ случаи собственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ господъ сенаторовъ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образовать себя; велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать на крыльцѣ челобитныя; а въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ всѣмъ приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ. Сверхъ того, какъ Русскимъ, такъ и чужеземцамъ, даровалъ свободу въ торговлѣ и промышлености. Отъ такихъ мѣръ, дорогизна мало по малу исчезла и обиліе водворилось въ государствѣ. За столомъ онъ охотно слушалъ музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды, напримѣръ, не молился иконамъ предъ началомъ обѣда, и не умывалъ рукъ по окончаніи; чему удивляясь, закоренѣлые въ предразсудкахъ Москвитяне[68]

1605. уже стали подозрѣвать, точно ли новый царь природный Русскій? Эта мысль сокрушала ихъ. Послѣ обѣда, онъ не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматривалъ сокровища своей казны, посѣщалъ аптеки и лавки серебряниковъ; для чего нерѣдко выходилъ изъ дворца самъ-другъ и такъ тихо, что стрѣльцы, не замѣтивъ, какъ онъ вышелъ, должны были искать его. Это казалось не менѣе страннымъ: ибо въ старину, Русскіе цари, желая быть величественнѣе, не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей, которые вели ихъ подъ руки, или лучше сказать, переносили. Отправляясь въ церковь, онъ ѣздилъ не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя боярами, и влезали на лошадь: Димитрій, взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравняться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости; нерѣдко онъ забавлялся конскимъ ристаніемъ, также охотою соколиною и псовою; однажды самъ убилъ огромнаго медвѣдя, котораго спустили съ цѣпи въ селѣ Тайнинскомъ, вопреки желанію князей и бояръ. Для сего завелъ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ. Между тѣмъ, приказавъ слить множество пушекъ и мортиръ, отправилъ ихъ въ Елецъ, [69] городъ стоящій на Татарской границѣ, намѣреваясь въ слѣдующее лѣто посѣтить враговъ христіанства, Татаръ и Турокъ. Узнавъ о семъ предпріятіи, Татарскій ханъ спѣшилъ удалиться въ степь изъ столицы своей, Азова. Въ Кремлѣ Димитрій построилъ для себя и будущей супруги своей великолѣпныя палаты. Однимъ словомъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки, все доказывало, что онъ былъ совсѣмъ другой Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій.

Не забывая услугъ воеводы Сендомирскаго и помня свое обѣщаніе жениться на дочери его Маринѣ, Димитрій отправилъ къ

нему для сватовства, въ сентябрѣ 1605 года, государственнаго кан- 1605.
цлера Аѳанасія Ивановича Власьева, съ богатыми для невѣсты подарками, золотыми цѣпями, кольцами, деньгами.[70] Въ слѣдствіе сего, съ дозволенія его величества короля и государственныхъ чиновъ Польскихъ, совершилось торжественное обрученіе. Русскіе были весьма недовольны такимъ поступкомъ: давно уже они замѣтили, что попались въ сѣти обманщика; теперь же, узнавъ о сватовствѣ Димитрія на дѣвицѣ племени поганаго (т. е. некрещеная, невѣрнаго: такъ величаютъ они всѣхъ иноземцевъ), еще болѣе удостовѣрились, что царь ихъ былъ не Русскій. Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ попами и монахами во всемъ государствѣ, затѣяли свергнуть его съ престола; но замыселъ ихъ заблаговременно открылся. Съ тѣхъ поръ Димитрій, не довѣряя князьямъ и боярамъ, учредилъ охранительную стражу изъ однихъ Нѣмцевъ; а въ январѣ 1606 года, назначилъ ей трехъ капитановъ: старшимъ изъ нихъ былъ Яковъ Маржеретъ, родомъ Французъ, человѣкъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій; дружина его состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ царскимъ гербомъ; древки, обтянутые краснымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большею частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ капитаномъ второй сотни алебардщиковъ: они имѣли алебарды съ царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными снурками; рукава же были изъ красной камки. Третьимъ капитаномъ былъ Шотландецъ Албертъ Вандеманъ, прежде называвшійся панъ Нотницкій, потому, что онъ долго жилъ между Поляками. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни алебардщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую

1605. бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, немало гордились и поднимали носъ. Эта гвардія раздѣлялась на двѣ половины, которыя смѣнялись чрезъ сутки, охраняя Димитрія денно и нощно. Господа Москвитяне смотрѣли на нее весьма неблагосклонно. «Очевидно», говорили они, «что царь насъ не любитъ и намъ не вѣритъ. Чего же намъ ждать, когда пріѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собою Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!»

Димитрій вскорѣ далъ новый поводъ къ негодованію народному: онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья, и оставивъ изъ нихъ только необходимое для содержанія праздныхъ монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, готовившемуся въ походъ противъ враговъ христіанства; сверхъ того, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ уступить Нѣмцамъ свои домы, находившіеся вблизи дворца, для того, чтобы въ случаѣ надобности имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей. «Пора за дѣло, бѣда за плечами», думалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ, князь Василій Ивановичъ, и спѣшилъ воспользоваться временемъ: имѣя въ Москвѣ многихъ сообщниковъ, онъ составилъ заговоръ, коего цѣлію было, до прибытія новыхъ чужеземцевъ, умертвить царя, со всѣми людьми, ему преданными.

Но умыселъ обнаружился: многіе священники и стрѣльцы, въ мученіяхъ пытки, признались, что князь Василій Шуйскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Попы отдѣлались одною пыткою; а стрѣльцовъ Димитрій отдалъ на произволъ ихъ товарищей, объявивъ, что только тотъ будетъ признанъ не участвующимъ въ заговорѣ, кто наложитъ руку на виновныхъ. Всѣ вѣрные стрѣльцы бросились на измѣнниковъ и, подобно псамъ, разтерзали ихъ зубами, въ доказательство своей невинности. [71] Начальникъ же заговора, князь Василій Ивановичъ, по приказанію царя, взятъ былъ подъ стражу, наказанъ плетьми и осужденъ на смерть. Его вывели на мѣсто казни, между дворцемъ и каменными лавками; тамъ

прочли смертный приговоръ; палачъ раздѣлъ осужденнаго, под- 1605.
велъ его къ плахѣ, и уже готовъ былъ отсѣчь ему голову, какъ вдругъ увидѣли бѣгущаго изъ дворца Нѣмца, который держалъ въ рукахъ царскую грамоту и еще издали кричалъ палачу: *стой!* Онъ объявилъ, что царь, простивъ многихъ измѣнниковъ, милуетъ и сего преступника для знатнаго рода его, требуя одного обѣщанія не замышлять новой измѣны. [72]

Это неумѣстное милосердіе принесло гибельные плоды, какъ ниже увидимъ. Гораздо было бы лучше, если бы Димитрій казнилъ крамольника, уличеннаго въ явной измѣнѣ; онъ не думалъ, что тотъ, кому даровалъ жизнь, будетъ въ послѣдствіи виною его злосчастія: ему казалось, что строгое наказаніе Шуйскаго отниметъ охоту у другихъ къ подобнымъ покушеніямъ. И такъ безстрашный царь былъ совершенно спокоенъ. Коварные князья и бояре старались еще болѣе усыпить его, вели себя скромно, ничего не затѣвали, ѣздили съ Димитріемъ на охоту и участвовали во всѣхъ его забавахъ.

Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ Нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами Польской конницы, также со всѣми боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Конницу расположилъ въ недальнемъ разстояніи отъ монастыря; князьямъ и боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ воеводою, а самъ, предводительствуя Нѣмцами, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комки. Въ первый день потѣха была чудесная. Только Нѣмцы переранили многихъ бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, каменьями. Знали, чѣмъ взять! Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ коменданту ледяной крѣпости: «Дай Боже! взять со временемъ такимъ же образомъ и Азовъ». Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ, подали пива, меду, и всѣ пили за общее здоровье. Въ это время подходитъ къ царю одинъ бояринъ и проситъ его

1606. оставить такія забавы. «Бояре», говорилъ онъ, «весьма сердиты на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между князьями и боярами много тебѣ зложелателей; каждый изъ нихъ имѣетъ по длинному острому ножу; а у тебя съ Нѣмцами одни снѣжные комки. Не вышло бы худой шутки!» Царь одумался, прекратилъ потѣхи и возвратился въ Москву; вскорѣ узналъ онъ, что бояре въ самомъ дѣлѣ хотѣли погубить его съ Нѣмцами, распустивъ молву, будто бы царь далъ приказаніе Польскимъ всадникамъ и Нѣмецкимъ тѣлохранителямъ умертвить вельможъ. Честнымъ Нѣмцамъ и въ умъ не приходило такое злодѣйство.

Около сего же времени, Димитрій, получивъ пріятную вѣсть о приближеніи своей невѣсты къ предѣламъ Россіи, немедленно отправилъ для ея путешествія 15,000 рублей, а Смоленскимъ дворянамъ предписалъ встрѣтить ее со всѣми спутниками почтительно, угостить какъ царицу, и проводить до самаго Дорогобужа. Такое же приказаніе послалъ въ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище, Мажайскъ, повелѣвая принимать невѣсту, какъ его самого. Отъ Смоленской границы вплоть до Кремля исправили дороги; на рѣкахъ построили мосты, а улицы такъ чисто вымели, что ни въ какомъ домѣ не могло быть опрятнѣе.

Между тѣмъ, какъ царская невѣста съ отцемъ и братомъ праздновала въ Можайскѣ Свѣтлое Воскресеніе, Димитрій, выѣхавъ изъ столицы тайно, съ немногими людьми, изумилъ любезныхъ гостей нечаяннымъ прибытіемъ. Онъ провелъ съ ними двое сутокъ; потомъ возвратился въ Москву и отдалъ приказаніе приготовить все нужное для ихъ встрѣчи.

На другой день Пасхи, 24 апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода Сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1 мая, и царская невѣста пожаловала. Димитрій, выславъ къ ней на встрѣчу весь дворъ и до 100,000 казаковъ, Татаръ, стрѣльцовъ, въ богатѣйшихъ одеждахъ, самъ нарядился въ простое платье, выѣхалъ за городъ верхомъ и устроилъ войско по обѣимъ сторонамъ дороги; потомъ

возвратился въ Кремль, приказавъ вывести 12 верховыхъ коней въ 1606.
богатыхъ чапракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогими покрывалами изъ мѣховъ рысьихъ и барсовыхъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стременами; 12 конюховъ, въ великолѣпной одеждѣ, вели этихъ коней въ подарокъ невѣстѣ. За ними слѣдовала карета, запряженная 12 бѣлыми лошадьми, обитая внутри краснымъ бархатомъ, съ парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Князь Мстиславскій, сказавъ невѣстѣ отъ имени царя привѣтственную рѣчь, встрѣтилъ весьма почтительно какъ ее, такъ брата и зятя ея, со всѣми спутниками, исполняя въ точности волю своего государя; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ пересѣсть въ царскую карету и принять ее въ подарокъ. Какъ скоро Марина поднялась съ мѣста, знатнѣйшія особы взяли ее на руки съ почтеніемъ и посадили. Тогда началось шествіе: впереди было 300 гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны; за ними ѣхали Димитріевы Польскіе всадники, по 10 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами; потомъ вели 12 вышеупомянутыхъ коней; тутъ ѣхала невѣста съ братомъ и зятемъ въ царской каретѣ, окруженной Польскими гайдуками и знатнѣйшими Русскими сановниками. По обѣимъ сторонамъ шли 200 Нѣмецкихъ алебардщиковъ; за каретою и вельможами слѣдовала сотня казаковъ; за ними четыре конюха вели двѣ богато-убранныя верховыя лошади, принадлежащія невѣстѣ его величества; потомъ везли карету ея, запряженную 8 конями сѣрыми въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами; далѣе въ каретѣ шестеркою, ѣхала гофмейстерина, госпожа Казановская; за нею слѣдовали одна за другою еще 13 каретъ, въ коихъсидѣли Польки изъ невѣстиной свиты; позади ихъ находились всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская конница съ своими набатами заключала шествіе; тамъ уже тянулся весь Польскій обозъ, съ поклажею и припасами.

Въ продолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку Московскіе музыканты.

1606. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Димитріева, о чемъ выше сказано: многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли Москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что Польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ Нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали Поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія Москвитянъ еще болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ Полякамъ и Нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: Москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что Поляки и Нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но Москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Да и самъ Димитрій Полякъ: его признали царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ нихъ некрещенымъ Ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Латышамъ; а самъ женится на поганой Полькѣ. «Если мы», продолжалъ Шуйскій, «не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣластъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія

православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы 1606.
мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами Московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ Поляковъ; да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ!» Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ, и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однакожъ Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ! Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ; но нимало не безпокоился: онъ думалъ имѣть довольно силы для усмиренія Русскихъ; а того не размыслилъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8 мая совершилось царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы, Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались постаринѣ, въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: «Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе «бояръ и обычай народной, чтобы никто не жаловался, будто я за«мышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ!»

1606. Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви пресвятой Богородицы. [73] Но въ слѣдующій день (9 мая), прислалъ къ супругѣ Польскую одежду, объявивъ притомъ; «Вчера я сдѣлалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ». Съ того времени царица всегда наряжалась по-Польски. Праздновали эту свадьбу очень весело, вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ: всѣ пѣсенники привезены были изъ Польши. Поляки, при семъ случаѣ, напились до-пьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себѣ самые наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянъ и извлекали изъ каретъ знатныхъ боярынь для удовлетворенія гнусному сладострастію. Народъ же все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10 мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу Русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ Полякъ; но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 мая Мартинъ Беръ, урожденецъ Нейштатскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя, первую лютеранскую проповѣдь, для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу.

12 мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіе храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Двое алебардщиковъ,

схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо его затѣялъ. Эти увѣренія успокоили безстрашнаго героя; онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ капитановъ, которые 13, 14 и 15 мая, увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ; спряталъ ихъ письменные извѣты, и сказавъ: «все это ничего не значитъ!» оставилъ изъ всей гвардіи во дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изрѣченіе св. апостола Павла: «Егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство». Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться. 1606.

Ночью на 16 мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа по полуночи, когда царь и Польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ (бѣшенство ихъ вооружало) устремились ко дворцу съ крикомъ: «Кто умерщвляетъ царя?» *Поляки!* отвѣчали бояре.

1606. Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ: чего они хотятъ? что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ:.... «Выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!»[74]

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: за чѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!» Между тѣмъ, одинъ изъ бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, кричалъ: *я вамъ не Борисъ!*[75] Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его, какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 сажень. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель Нѣмцевъ.[76]

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множес-

тво! Чернь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои.[77] Нѣмцы заперлись изнутри и стали за дверями. 1606.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскіе, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. «О для чего» говорили между собою алебардщики «мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ!» Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ царицины покои, достигнулъ каменнаго дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 сажень; но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Русскіе, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ распрашивая, куда дѣвался царь, обыскивали дворецъ и похитили множество сокровищъ.

Бояре же и князья вломились къ царицѣ; женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. «Гдѣ царь и царица» воскликнули бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе)? «Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали царя; мы не обязаны его караулить» было отвѣтомъ. «Непотребныя!» закричали бояре, «гдѣ..... царица ваша?» «На что же вамъ царица?» спрашиваетъ гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами.[78] Послѣ того, бояре раздѣлили меж-

1606. ду собою всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ Полекъ, и отослали ихъ въ свои домы, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась Марина, бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непремѣнно, чтобы она призналась, куда скрылась ея царица. «Сего дня рано поутру», сказала гофмейстерина, «мы отправили ее въ домъ пана воеводы Сендомирскаго: тамъ она и теперь».

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во дворецъ. Народъ, замѣтивъ это, увѣдомилъ бояръ, которые тотчасъ оставили гофмейстерину, и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его; положивъ на мѣстѣ одного или двухъ бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время. Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ, извѣстно только Богу сердцевѣдцу; можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ! Одинъ изъ копьеносцевъ, Ливонскій дворянинъ, Вильгелмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ царемъ; но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ, подлѣ самого государя. «Смотри», говорили нѣкоторые вельможи «какъ усердны псы Нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!» Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату поступали съ нимъ не лучше жидовъ: тотъ щипнетъ, другой кольнетъ. Вмѣсто царской

одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. «Поглядите на царя Всероссійскаго», сказалъ одинъ: «у меня такой царь на конюшнѣ!» «А я бы этому царю далъ знать», говорилъ другой. Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: «Говори, к... с... кто ты, кто твой отецъ и откуда ты родомъ?» «Вы всѣ «знаете», отвѣчалъ Димитрій, «что я царь вашъ, сынъ Іоанна Василь«евича. Спросите мать мою: она въ монастырѣ; или выведите «меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться». Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и сказавъ: «чего толковать съ еретикомъ? вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!» прострѣлилъ его насквозь.[79] 1606.

Между тѣмъ, старый измѣнникъ Шуйскій разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ Польскій шутъ; имъ отвѣчали: Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: «Бей его, руби его». Князья и бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: «Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!» Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою, теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше Парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

ГЛАВА VI.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

1606.

Убійство Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры бояръ съ Мариною и отцемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ.

Во время бунта, нѣсколько сотъ Русскихъ окружили домъ, гдѣ жилъ воевода Сендомирскій съ своими гайдуками и служителями: этотъ домъ находился въ Кремлѣ, недалеко отъ царскихъ и патріаршихъ палатъ, и принадлежалъ нѣкогда Борису Годунову; поставивъ противъ воротъ пушки, Русскіе такъ крѣпко стерегли его, что не только человѣку, но и собакѣ не льзя было выскочить. И такъ господинъ воевода не могъ подать помощи своему зятю; впрочемъ рѣшился дорого продать свою жизнь, если бы на него напали.

По убіеніи царя и Басманова, первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они, человѣкъ до 100, были побиты въ Кремлѣ, въ монастырскихъ домахъ, пожалованныхъ имъ покойнымъ государемъ. Потомъ дошла очередь до Поляковъ, жившихъ въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ Москвы. Многіе изъ нихъ вскакивали съ постелей въ однѣхъ рубахахъ и прятались въ погреба, въ солому, даже въ навозъ; но тщетно: Москвитяне находили ихъ и убивали, иныхъ кольями, другихъ каменьями или саблями; а женъ и дочерей отвели къ себѣ.

Но братъ царицынъ, панъ староста, при помощи слугъ и благородныхъ Поляковъ, оборонялся весьма храбро въ своемъ домѣ, находившемся противъ пушечнаго двора: здѣсь пало много Русскихъ. Такую же твердость явили и царицыны зятья, которые вмѣстѣ съ Польскими послами, вооруживъ до 700 человѣкъ, въ томъ домѣ, гдѣ умеръ Датскій герцогъ Іоаннъ, объявили народу,

что они станутъ палить по городу, зажгутъ свой домъ, сядутъ на коней и до послѣдняго человѣка будутъ защищать себя, если Русскіе не поклянутся оставить ихъ въ покоѣ. То же сдѣлали и Димитріевы Польскіе всадники: никто изъ Русскихъ не смѣлъ войти къ нимъ на дворъ. Напослѣдокъ Москвитяне привезли пушки, навели ихъ на домъ царицына брата и начали палить: послѣ двухъ выстрѣловъ, Поляки согласились сдаться, только съ тѣмъ, чтобы жизнь и имущество ихъ были неприкосновенны. Русскіе дали слово и цѣловали крестъ. Но осажденные не вѣрили имъ и хотѣли говорить съ знатнѣйшими особами: тогда явился старый измѣнникъ Шуйскій съ товарищами и далъ клятву не трогать Поляковъ; только просилъ ихъ дня два не выходить изъ дома, потому, что Москвитяне злятся на нихъ за оскорбленіе своихъ женъ и дочерей. 1606.

Народъ столь же милостиво поступилъ и съ тѣми Поляками, которые по многолюдству могли обороняться; если же находили въ домѣ человѣкъ 6, 8, 10, 12 и 14, всѣхъ побивали безъ пощады, какъ собакъ.

Нѣсколько Поляковъ, сѣвъ на коней, спѣшили ускакать въ Нѣмецкую слободу; но къ несчастію, попались къ такимъ людямъ, которыхъ въ Ливоніи, или Германіи, казнили бы позорною смертію: то были перекрещенные мамелюки, враги христіанъ, преданные болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ; Димитрій не удостоилъ ихъ чести принять въ свою гвардію, справедливо думая, что они, измѣнивъ Богу, не будутъ вѣрны и царю. Бездѣльники, ожесточенные противъ Димитрія и Поляковъ болѣе самихъ Русскихъ, схватили несчастныхъ бѣглецовъ, думавшихъ найти у нихъ спасеніе, раздѣли ихъ до-нага и всѣхъ умертвили.

Дьявольская рѣзня продолжалась съ 3 часовъ до 11. Поляковъ погибло 2135;[80] въ числѣ убитыхъ были студенты, Нѣмецкіе ювелиры и купцы Аугсбургскіе, имѣвшіе много денегъ и всякаго добра. Злодѣи бросали тѣла убіенныхъ на улицы, въ жертву собакамъ и Русскимъ площаднымъ лекарямъ, которые вырѣзывали

1606. жиръ изъ труповъ. Двое сутокъ лежали мертвые подъ открытымъ небомъ; въ третій день убійца Шуйскій приказалъ ихъ подобрать и похоронить въ Божіемъ домѣ. Никогда, доколѣ міръ стоитъ, потомство не забудетъ 17 мая: какъ ужасенъ былъ этотъ день для иностранцевъ! Не льзя изобразить его словами; повѣритъ ли читатель? шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолка, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, громъ колесницъ и крикъ остервенившагося народа: «Сѣки, руби к.... д... Поляковъ!» Гласъ милосердія замолкъ въ душахъ Москвитянъ: жестокіе не слушали ни просьбъ, ни моленій.

Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ, гдѣ зарылся въ песокъ. Русскіе, думая, что тамъ закопаны сокровища, нашли его: бросивъ имъ свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собою никакой вины ни противъ царя, ни противъ народа; предлагалъ все свое имѣніе, бывшее и въ Москвѣ, и въ Польшѣ; просилъ только отвести его во дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба; на дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до-нага и изрубленныхъ: принужденный итти по трупамъ ихъ, добрый человѣкъ погрузился въ печаль неизъяснимую; съ какою горестію смотрѣлъ онъ, какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвитинъ и закричалъ: «Бей этого к... е....» Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя смягчили бы самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именемъ св. Николая и пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвитинъ ударилъ его саблею: тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: «О Москвитяне! Вы называетесь христіанами: гдѣ же христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня, ради святой вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ оте-

чествѣ!» Все было напрасно: убійца разсѣкъ ему плечо; кровь 1606.
полилась ручьями. Отчаянный Полякъ бросился бѣжать; злодѣи догнали и изрубили его: онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ; потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку и портки убитаго: я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Такъ бѣдный дворянинъ, потерявъ все свое имущество, всѣ одежды, золото, серебро, слугъ, коней, оружіе, лишился и самой жизни! Не радостную вѣсть получили его дѣти и жена, братья и родные, друзья и знакомые.

Въ этотъ несчастный для иностранцевъ день, многіе негодяи, ровно ничего не имѣвшіе, нашли пребогатую добычу: нахватали бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ, собольихъ и лисьихъ шубъ, золотыхъ цѣпей и колецъ, ковровъ, золота, серебра, всякой всячины, чего ни сами, ни предки ихъ никогда не имѣли. Довольно было пищи и самохваламъ: «Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? намъ числа нѣтъ. Цѣлый свѣтъ не сладитъ: все должно покориться намъ!» Такъ, любезные Москвитяне! Вы очень храбры, когда сотнями нападете на одного безоружнаго, особливо соннаго; иначе и въ нѣсколькихъ тысячахъ не много найдется храбрецовъ.

Наконецъ въ 11 часу трагедія кончилась: спасеннымъ отъ смерти Полякамъ дарована пощада; въ Москвѣ водворилась тишина; иноземцы могли теперь вздохнуть свободно. Какъ веселятся мореплаватели послѣ ужасной бури и свирѣпаго рѣва морскихъ волнъ, при наступленіи ясной погоды; такъ радовались и мы, узнавъ, что убійства прекратились и что нашихъ осталось въ живыхъ еще нѣсколько сотъ человѣкъ. Когда мятежъ затихъ, измѣнники бояре и князья собрались предъ покоями царицы и велѣли ей сказать, что имъ извѣстно ея знатное происхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдавалъ себя за Димитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ Самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гарде-

*

1606. робъ, всѣ драгоцѣнные каменья, жемчугъ, золотыя издѣлія, но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ капотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если бояре тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, Русскіе требовали только 55,000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: «Для чести Москвитянъ и въ удовольствіе моему государю, всѣ эти деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего». Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей, обѣщая доставить все, что только имѣетъ, а остальное прислать изъ Польши, если дозволено будетъ ей туда возвратиться. Бояре согласились.

Узнавъ о такомъ условіи, царицинъ отецъ пригласилъ къ себѣ бояръ и сказалъ имъ: «Вы не хотите, господа, отпустить ко мнѣ дочь мою, не получивъ прежде 55,000 рублей, которые прислалъ ей на дорогу царь вашъ, Димитрій, желавшій поддержать какъ свою честь, такъ и достоинство народа? Но вы забываете, что отправляя невѣсту, я истратилъ по крайней мѣрѣ столько же: вы все у нея обобрали, и еще требуете отъ насъ денегъ! У меня есть теперь 60,000 талеровъ и 20,000 Польскихъ злотыхъ: если вы отпустите меня въ отечество съ дочерью и со всѣми Поляками, я согласенъ вручить вамъ сіи деньги, а остальную сумму пришлю въ послѣдствіи.» Бояре отвѣчали: «Освободить тебя еще не время. Но мы согласны прислать къ тебѣ дочь, какъ скоро получимъ твои 80,000 талеровъ». «Такъ и быть!» воскликнулъ добрый панъ воевода. «Я хочу жить и умереть съ нею. Деньги готовы, только приведите мою дочь съ ея гофмейстериною и другими женщинами.» Князья и бояре удалились; чрезъ нѣсколько времени привели царицу къ отцовскому дому; но до тѣхъ поръ не отдавали ея, пока воевода Сендомирскій не выслалъ обѣщанной суммы. Огорченный столь жестокимъ поступкомъ, онъ сказалъ имъ: «Вы поступаете съ нами безсовѣстно. Когда покойный зять мой

пришелъ въ Россію съ малочисленнымъ отрядомъ, вы признали 1606.
его истиннымъ Димитріемъ и тѣмъ удостовѣрили насъ, Поляковъ, что онъ имѣлъ неоспоримое право на Русскій престолъ; вы были виною смерти Борисовой, истребили весь родъ его, короновали Димитрія, велѣли посламъ своимъ благодарить насъ за наше объ немъ попеченіе; наконецъ торжественною грамматою, за своею печатью, увѣрили насъ, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича: это свидѣтельство и теперь хранится въ Польшѣ. Не я предлагалъ дочь свою вашему государю; онъ самъ просилъ ея руки чрезъ васъ, князей и бояръ. Я же только тогда согласился отпустить ее, когда все Русское царство изъявило на то желаніе и когда Русскій посолъ, предъ лицемъ его королевскаго величества, засвидѣтельствовалъ право Димитрія на престолъ Московскій. Послѣ того, можете ли говорить, что онъ былъ Самозванецъ и что мы, Поляки, васъ обманули? Такъ! мы были виновны; но только въ томъ, что слишкомъ вѣрили вашей клятвѣ: вы обманщики, а не мы! Мы пріѣхали сюда друзьями, жили среди васъ въ безпечномъ спокойствіи, разсѣялись по городу, иной тамъ, другой здѣсь, чего вѣрно бы не сдѣлали, если бы замышляли какое либо зло; а вы губили насъ, какъ злѣйшихъ враговъ, подобно тайнымъ смертоубійцамъ; словами насъ привѣтствовали, душою проклинали! Многія сотни горестныхъ вдовъ и сиротъ, несчастныхъ родителей и друзей, оплакиваютъ смерть своихъ милыхъ, погубленныхъ вашею злодѣйскою рукою, и на васъ непрестанныя жалобы возсылаютъ къ престолу Всевышняго. Чѣмъ вознаградите ихъ за потерю? Положимъ, что покойный зять мой былъ не сынъ царя Іоанна, хотя вы сами утверждали противное, чѣмъ провинились предъ вами 100 музыкантовъ? что сдѣлали вамъ ювелиры и купцы, которые никогда васъ не трогали и всегда продавали хорошіе товары? чѣмъ виновны жены и дѣвы, столь жестоко вами оскорбленныя? Если бы мы таили дурной замыселъ, не три, или четыре тысячи явилось бы тамъ, гдѣ милліонъ жителей: мы привели бы цѣлое войско. Мы пріѣхали къ вамъ на свадьбу, а встрѣтили смерть!

1606. Уже ли вы думаете, что Богъ оставитъ безъ наказанія такое злодѣйство? Нѣтъ, нѣтъ! Безвинная кровь, вами пролитая, вмѣстѣ со слезами вдовъ и сирыхъ, вопіетъ къ престолу Всевышняго и требуетъ возмездія! Вы можете, если хотите, погубить всѣхъ насъ: Богъ будетъ нашимъ судьею! Совѣсть ничѣмъ насъ не упрекаетъ».

Бояре и князья отвѣчали: «Не ты виноватъ, господинъ воевода! Мы также не виновны. Всему причиною твои надмѣнные Поляки: они срамили женъ и дочерей нашихъ, безчинствовали въ городѣ, оскорбляли Русскихъ, грозили намъ смертію; на нихъ возсталъ народъ. Не намъ было укротить толпу разъяренную! Не менѣе виноватъ и самъ зять твой: онъ презиралъ наши нравы, обычаи, нашу вѣру; предпочиталъ намъ всякаго иностранца, вопреки своей присягѣ. Предавъ ему землю Русскую, мы ожидали отъ него благодарности, думали, что онъ не забудетъ, на какую степень возвели его, и не станетъ любить чужихъ, болѣе своихъ. Если бы онъ не обманулъ насъ, никто не отрекся бы служить ему, какъ Димитрію, хотя бы онъ былъ и Самозванецъ. Мы приняли его, чтобы низложить Бориса и поправить свою участь; вмѣсто того, все пошло къ верху дномъ: онъ ѣлъ телятину, жилъ какъ басурманецъ, и принудилъ насъ къ такому поступку, который намъ ни чуть не пріятенъ. И теперь, если бы онъ живъ былъ, мы сдѣлали бы тоже самое.[81] А музыкантовъ и другихъ невинныхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, по истинѣ весьма намъ жалко: они были жертвою неукротимаго изступленія народнаго; мы не могли спасти ихъ. Но прислужницы твоей дочери теперь находятся вмѣстѣ съ нашими женами и дочерьми: имъ гораздо лучше, нежели самой дочери твоей. Можешь взять ихъ немедленно, если желаешь. Но поклянись: во-первыхъ, не мстить намъ, ни отъ своего лица, ни чрезъ своихъ родственниковъ; во-вторыхъ, примирить насъ съ королемъ Польскимъ, коего подданные убиты во время смятеній; въ-третьихъ, доплатить остальныя изъ числа 55,000 рублей деньги, и возвратить подаренныя Димитріемъ твоей дочери вещи; не то, готовься въ темницу со всѣми единоземцами. Выбирай!»

Воевода возразилъ: «Все, что было прислано зятемъ моей до- 1606.
чери, вмѣстѣ съ отцовскимъ приданымъ, она привезла въ Россію, и все у нея отобрано до послѣдней шубы. Вамъ лучше знать, куда дѣвалось это добро: у васъ, князья и бояре, всѣ ея дѣвицы. Что можемъ дать мы, до-гола обобранные? Вы не могли требовать и 80,000 талеровъ, данныхъ мною за дочь: въ числѣ ихъ не было ни полушки вашей! Теперь мы болѣе ничего не имѣемъ. Впрочемъ охотно клянемся за себя и за всѣхъ родственниковъ не мстить вамъ; пусть разсудитъ сіе дѣло Тотъ, Кто говоритъ *мщеніе мнѣ подобаетъ*. Но согласится ли простить его величество, мы не знаемъ, и слѣдовательно ручаться за него не можемъ; многіе изъ убіенныхъ были его подданные: участь ихъ будетъ ему горестна. Онъ властенъ въ моей жизни; я не могу вмѣшиваться въ дѣла его. И такъ не требуйте отъ меня невозможнаго!»

Москвитяне отвѣчали: «Какъ исполнить нашего требованія ты не хочешь, или не можешь, то изволь оставаться у насъ въ плѣну со всѣми Поляками, до тѣхъ поръ, когда узнаемъ мысли короля Польскаго, и получимъ отъ тебя остальную сумму, да сверхъ того вознагражденіе за всѣ издержки на воіну съ твоимъ зятемъ». «Буди воля Божія!» сказалъ воевода Синдомирскій; «Онъ послалъ мнѣ это бѣдственное бремя: перенесу его терпѣливо. Есть предѣлъ, далѣе котораго вредить мнѣ вы не можете: исполняйте волю Всевышняго; мы ничего не страшимся!»

Послѣ того, бояре заключили воеводу съ дочерью, сыновьями и родственниками въ одинъ домъ, гдѣ содержали ихъ подъ строжайшимъ карауломъ, не дозволяя ни кому входить и выходить изъ дома, безъ дозволенія бояръ.[82] Прочіе же Поляки, исключая королевскаго посланника, 31 мая были разосланы по темницамъ въ разные города: въ Новгородъ, Переславль, Ростовъ, Галичъ, Кострому, Бѣлоозеро, Вологду; тамъ они сидѣли на хлѣбѣ и водѣ и отдали за половинную цѣну все свое серебро, спасенное отъ грабителей, чтобы не умереть съ голода. Наконецъ Димитрій II освободилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

1606. Описавъ выше смерть боярина Басманова, допросъ и убіеніе царя Димитрія, бѣдствіе Поляковъ, всѣ ужасы мятежа, безпрерывный звонъ, непрестанную тревогу, разскажу теперь, что сдѣлали Русскіе съ своими жертвами. Обнаженныя тѣла побитыхъ Поляковъ двое сутокъ лежали на улицахъ; тамъ терзали ихъ псы и площадные лекари, которые вырѣзывали изъ труповъ жиръ. Наконецъ высокоименитые бояре велѣли подобрать остатки тѣлъ, вывезти за городъ и бросить въ Божій домъ.

Бѣдные Поляки заключили праздникъ совсѣмъ не такъ, какъ начали: начали пиръ слишкомъ весело, а кончили чрезъ мѣру печально. Димитрій же и Басмановъ не удостоились чести пролежать во дворцѣ до вечерни: какъ скоро затихъ мятежъ, неистовая чернь, привязавъ къ ногамъ ихъ веревки, потащила обнаженные трупы кругомъ всего дворца, чрезъ ворота Іерусалимскіе, на площадь, гдѣ находятся суконныя лавки: тамъ положили царя на столъ, а Басманова на скамью, такъ, что ноги Димитрія лежали на груди его любимца. Между тѣмъ пришелъ изъ дворца одинъ бояринъ, бросилъ царю на животъ маску, на грудь волынку, а въ ротъ всунулъ дудку, и притомъ сказалъ: «Долго мы тѣшили тѣбя, к.... с.... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавь!» Другіе же бояре и граждане, приходившіе смотрѣть убитыхъ, сѣкли трупъ Самозванца плетьми, приговаривая: «Сгубилъ ты наше царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!» А бабы Московскія, безстыдно ругаясь надъ тѣломъ Димитрія, поносили царицу такими словами, что и сказать не возможно. Басманову было легче: съ дозволенія бояръ, Иванъ Голицынъ, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади трупъ его и 18 мая похоронилъ подлѣ его сына, за Англійскимъ подворьемъ. Димитрій же трое сутокъ оставался на площади и былъ предметомъ ругательствъ.

Въ третью ночь, около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ исчезалъ; и снова являлся, какъ скоро удалялись. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о томъ высокимъ господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти

тѣло въ Божій домъ, за Серпуховскіе ворота. Когда везли его, под- 1606.
нялась ужасная буря, но не во всемъ городѣ, а только по дорогѣ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самые внѣшніе, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домѣ, куда бросили тѣло Димитрія вмѣстѣ съ другими мертвецами: утромъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали; если кто либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ не долго оставался въ могилѣ: 17 мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божіяго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы: одни считали Димитрія необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе діаволомъ, морочившимъ людей; иные же чернокнижникомъ, научившимся адскому искусству у Лапландцевъ, которые велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ. Наконецъ 28 мая рѣшились его сжечь, и пепелъ развѣяли по воздуху.

Уже въ первый день мятежа, Поляки распустили молву, что умерщвленъ былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій: это сказка, которою Поляки думали со временемъ воспользоваться. Сочинитель сей книги, знавъ Димитрія лично и видѣвъ его мертвымъ, можетъ увѣрить, что Русскіе умертвили и сожгли того самаго человѣка, который правилъ государствомъ, и который уже не воскреснетъ. Пусть явятся еще трое Самозванцевъ подъ именемъ Димитрія: всѣ они будутъ обманщики.

Димитрій отличался многими превосходными качествами и необычайною храбростію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ и важные недостатки: былъ очень безпеченъ и высокомѣренъ; за что, безъ сомнѣнія, навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Гордость его была такъ безпредѣльна, что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣдѣнія объ измѣнѣ Москвитянъ; затмѣвая пышностію всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ царя царей. [83] Тѣлохранители должны были становиться на колѣни, когда выходилъ

1606. къ нимъ царь, или являлась царица: и Богу такую честь не всегда изъявляютъ! Надъ нимъ-то сбылось изрѣченіе пророка Исаіи: *Высоціи укоризною сокрушатся, и высоціи смирятся.*

Заключенная царица не могла, безъ слезъ раскаянія, вспомнить о своемъ высокомѣріи и неблагодарности къ Богу, который возвелъ ее, дочь простаго пана, на столь высокую степень; посему приписывая и свое несчастіе, и бѣдствіе супруга этому грѣху, она дала обѣтъ никогда не быть высокомѣрною, какъ скоро получитъ свободу. Да исполнитъ Богъ, ради Христа Спасителя, ея желаніе! Аминь.

Не худо было бы всѣмъ государямъ заглядывать въ это трагическое зеркало, и замѣтивъ въ себѣ подобный недостатокъ, заранѣе исправлять его, не дожидаясь гнѣва Божія. Справедливо говоритъ пословица: что было разъ, случится и въ другоредь.

Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ царя Іоанна Васильевича, а другіе иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли всемилостивѣйшій государь нашъ законное право на Русскій престолъ? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ, по довѣренности, слѣдующее: «Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе государи; молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный царевичъ, однакожъ государь нашъ: мы ему присягнули; да и лучшаго царя найти не можемъ».

2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Аптекарь увѣрялъ меня, что Димитрій не сынъ Іоанновъ; что царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марію Ѳеодоровну, а царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

3. То же самое говорила мнѣ одна благородная Ливонка, взятая въ плѣнъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611

году. Она была повивальною бабкою старой царицы и находилась 1606.
при Дворѣ безотлучно, воспитывая царевича.

4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ, мы встрѣтили стопитилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и, перекрестившись, сказалъ: «Убитъ государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдей. Умертвивъ его, Москвитяне поступили очень неблагоразумно: ибо сами возвели его на престолъ; конечно онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный; однако не сынъ Іоанна Васильевича: тотъ зарѣзанъ въ Угличѣ, уже 17 лѣтъ, и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежавшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ князей и бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе!»

5. Многіе Поляки увѣряютъ, что Димитрій былъ побочный сынъ короля Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій монастырь, Янъ-Петръ Сапѣга однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ею самыхъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: «За три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Русскій престолъ бродягу, подъ именемъ сына царя Іоанна Грознаго; теперь въ другой разъ даемъ Русскимъ новаго царя и уже завоевали для него половину государства: онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лопнутъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, что хотимъ!» Я самъ это слышалъ.

6. Въ Угличѣ князья и бояре вообще не любили юнаго царевича, потому что въ немъ, еще отрокѣ, обнаруживались признаки

1606. жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ дворца.

7. Русскіе, особливо знатнаго рода, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли; развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ. Но если бы Русскіе ввѣрились иностранцамъ, многія высокія особы спасли бы и себя, и дѣтей, и имѣніе отъ бѣдствій войны долголѣтней. Они этаго не сдѣлали, полагаясь на защиту св. Николы; такъ пусть ихъ терпятъ все, что онъ имъ ни посылаетъ! Изъ вышесказаннаго очевидно, что Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Русскіе же признали его царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе не льзя было бы низложить съ престола. [84]

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

1606.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отвѣтъ короля. Крамолы. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство князя Шаховскаго. Волненіе въ Путивлѣ. Начало войны междоусобной. Пораженіе царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе царевны Ксеніи.

Въ осьмой день по смерти Димитрія, т. е. 24 мая 1606 года, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, коего голова за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ лежала на плахѣ, возведенъ былъ на царскій престолъ. Не всѣ чины земскіе избрали его государемъ: многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы, вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе бояре. Когда же

патріархъ со всѣмъ духовенствомъ короновалъ его, и всѣ жители 1606.
Москвы, Русскіе и Нѣмцы, дали присягу въ вѣрности; тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ коихъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы.

Первымъ дѣломъ новаго царя было объясниться съ королемъ Польскимъ. Желая узнать, что побудило Польшу къ нарушенію мира, Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посла съ значительными дарами, просилъ его величество запретить подданнымъ безпокоить набѣгами Русскіе предѣлы, изъявлялъ готовность жить въ добромъ согласіи, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на Поляковъ, которые, пріѣхавъ въ Россію съ воеводою Сендомирскимъ, позволяли себѣ столь наглые поступки и такъ озлобили народъ, что граждане возстали на своихъ оскорбителей. «Впрочемъ» присовокупилъ Шуйскій «хотя въ день мятежа погибло много Поляковъ, но воевода Сендомирскій, подъ моею защитою, остался невредимъ».

Король съ своей стороны, ласково привѣтствуя Шуйскаго, просилъ отпустить въ Польшу его посланника, бывшаго при Димитріи. «Что же касается до убитыхъ Поляковъ», писалъ Сигизмундъ «не мое дѣло требовать возмездія. Поляки народъ вольный, располагаютъ собою, какъ хотятъ, и если нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ въ Москву съ воеводою Сендомирскимъ, на свадьбу его дочери, пострадали отъ собственнаго неблагоразумія, это дѣло до меня не относится. Впрочемъ не могу также отнять права мести у родственниковъ и друзей ихъ, если они захотятъ имъ воспользоваться». Въ заключеніе присовокупилъ, что царскіе дары ему ненужны; отослалъ ихъ назадъ; просилъ только поскорѣе отпустить посланника.

Шуйскій, исполняя желаніе Сигизмунда, дозволилъ послу выѣхать изъ Россіи; но прочіе Поляки были задержаны: ихъ бросали изъ одной темницы въ другую. Между тѣмъ, царь, стараясь очистить городъ православный отъ нехристей (такъ называютъ Москвитяне всѣхъ вообще иноземцевъ), 23 іюня выгналъ изъ столицы четырехъ медиковъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе короткимъ знакомствомъ съ Поляками, оставивъ при себѣ одного Давида Вас-

1606. мера, не имѣвшаго съ этими врагами никакой дружбы; онъ принятъ ко дворцу и сдѣланъ лейбъ-медикомъ.

Въ тоже время распространилась молва, будто бы царь Димитрій спасся отъ смерти и своихъ гонителей: Русскіе были въ недоумѣніи. Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ толковъ; для того 30 іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ царевича; а между тѣмъ, велѣлъ умертвить тамъ десятилѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привести въ Москву; самъ встрѣтилъ тѣло мнимаго Димитрія съ боярами, священниками, монахами, съ крестами и хоругвями,проводилъ его въ церковь, и велѣлъ объявить народу, что покойный царевичъ въ молодости безвинно пострадавшій, есть святой мученикъ: ибо тѣло его, преданное землѣ еще за 17 лѣтъ, нынѣ такъ свѣжо, какъ будто онъ только вчера скончался; самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ его предъ смертію, до сихъ поръ цѣлы; платье не истлѣло и гробъ не согнилъ. Всякъ, кто хотѣлъ видѣть угодника, могъ приходить въ дворцовую церковь. Между тѣмъ нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хворыми, хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Димитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе — и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли! Тѣ и другіе утверждали, что царевичъ подалъ имъ помощь; а глупая чернь слушала ихъ съ благоговѣніемъ, и до такой степени вдалась въ суевѣріе, что Богъ, разгнѣванный обманомъ, наказалъ виновныхъ: одинъ мнимый слѣпецъ, умолявшій Димитрія о зрѣніи, дѣйствительно ослѣпъ; а другой обманщикъ, принесенный къ святому, какъ разслабленный, умеръ. Наконецъ даже дѣти примѣтили, что всѣ эти чудеса были только безстыднымъ обманомъ. Тогда Шуйскій приказалъ церковь запереть и никого въ нее не впускать, объявивъ, что народъ, не давая царевичу покоя, прогнѣвалъ его.[85]

Князь Григорій Шаховской, въ день мятежа, похитивъ золотую государственную печать, удалился въ Путивль съ двумя Поляками, одѣтыми въ Русское платье. Переправясь чрезъ Оку, близъ Серпу-

хова, онъ далъ перевозчику 6 Польскихъ злотыхъ и спросилъ его: 1606.
«Знаешь ли, пріятель, кто мы?» «Почему мнѣ знать!» отвѣчалъ перевозчикъ. «Такъ слушай!» сказалъ Шаховской «только никому «не говори: ты перевезъ Димитрія, царя Всероссійскаго. Вотъ онъ «(указавъ на одного Поляка), вотъ, нашъ юный, храбрый царь, кото- «раго Москвитяне хотѣли убить! Онъ спасся и, съ Божіею помо- «щію, приведетъ войско изъ Польши, а тебя сдѣлаетъ большимъ «человѣкомъ»

Такую же сказку слышала въ Серпуховѣ одна Нѣмка вдова, у которой Шаховской обѣдалъ; давъ ей горсть денегъ, князь примолвилъ: «Вотъ тебѣ, хозяйка, на медъ и пиво! Скоро мы сюда возвратим- «ся съ сильною ратью, и вы, Нѣмцы, тогда будете счастливы». Когда же Нѣмка сказала: «Что за странные рѣчи? Кто вы»? Шаховской отвѣчалъ: «Я князь; ѣду изъ Москвы, и скажу тебѣ: ты угощала «царя Димитрія! Москвитяне хотѣли его убить; но обманулись: «убитъ другой человѣкъ, а Димитрій спасся». Съ этимъ словомъ, бѣглецы пустились въ дорогу къ Путивлю; на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, они сказывали ту же басню, и притомъ такъ искусно, что всѣ Русскіе, отъ Москвы до Польской границы, начали вѣрить молвѣ о спасеніи Димитрія.

Достигнувъ Путивля, оба Ляха разлучились съ княземъ Шаховскимъ, перешли за границу и, давъ знать супругѣ воеводы Сендомирскаго о происшествіяхъ Московскихъ, увѣдомили ее, что одинъ князь, которому они обязаны спасеніемъ, взялся отмстить за смерть своего государя. Между тѣмъ Шаховской, открывъ затайну жителямъ Путивля, что Москвитяне хотѣли умертвить Димитрія и перебили всѣхъ его Поляковъ, но что самъ онъ удалился къ тещѣ своей въ Польшу, откуда возвратится съ новыми силами и отмститъ измѣнникамъ, убѣждаетъ народъ не оставлять государя и помочь ему въ благомъ предпріятіи. Путивльцы съ радостью услышали такую вѣсть: немедленно призвали нѣсколько тысячъ казаковъ, назначили воеводою Истому Пашкова и поручили ему привести къ присягѣ окрестные города: вездѣ, куда ни приходилъ

1606. Пашковъ, жители изъявляли готовность служить Димитрію, и на пространствѣ 400 верстъ, до самаго Ельца, всѣ присягнули ему съ радостію.[86]

Свѣдавъ о томъ, Шуйскій ужаснулся и спѣшилъ собрать войско; а для лучшаго успѣха, распустилъ молву, что Крымскіе Татары, въ числѣ 50,000 человѣкъ, напали на Россію, полонили многія тысячи христіанъ, и уже идутъ къ Ельцу. Въ слѣдствіе чего, войско цареубійцы приблизилось къ сему городу въ августѣ мѣсяцѣ 1606 года; но къ удивленію, встрѣтило тамъ, вмѣсто Татаръ, земляковъ своихъ, князей, бояръ и казаковъ Путивльскихъ. Обѣ стороны сразились: Москвитяне разбиты были наголову и отступили къ столицѣ. Путивльцы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, поносили ихъ такими словами: «Вы думаете, к.... д...· «съ своимъ шубникомъ (такъ называли Шуйскаго) умертвить го- «сударя, перебить его людей и упиться ихъ кровію: пейте же воду; «бездѣльники, и трескайте свои блины! Царь проучитъ васъ за «кровопійство; пусть только придетъ войско его изъ Польши!» Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, избитые плетьми до полусмерти, получили свободу; но едва пришли въ Москву, съ непріятною для царя и причета его вѣстію, были заключены въ темницы и тамъ погибли.

Шуйскій, узнавъ о пораженіи своего войска, велѣлъ объявить народу, что Поляки, поддерживая Самозванца, низринули Россію въ бездну злополучія, истощили казну, обагрили землю кровію христіанскою, погубили царя Бориса Ѳеодоровича съ сыномъ и супругою; нынѣ измѣнники снова разглашаютъ, что Димитрій не убитъ, а спасся бѣгствомъ: но это ложь очевидная; если бы даже молва была справедлива, во всякомъ случаѣ Димитрій есть обманщикъ, затѣявшій ввести въ государство поганую вѣру.

Кромѣ того, думая тронуть народъ жалостнымъ зрѣлищемъ, царь Василій Ивановичъ приказалъ вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, сына и жены его, лежавшія въ одной бѣдной обители 15 мѣсяцевъ, и похоронилъ въ Троицкомъ монастырѣ съ царскимъ великолѣпіемъ; тѣло Борисово несли 20 монаховъ; супру-

гу же и сына его по 20 бояръ. Вельможи, иноки, священники, 1606.
провождали усопшихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ: тамъ сѣвъ
на коней, а гробы поставивъ на сани, отвезли ихъ въ монастырь
съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ
единородная дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли:
«Горе мнѣ, злосчастной сиротѣ! Злодѣй погубилъ весь родъ мой,
«отца, мать и брата; самъ онъ въ могилѣ, но и мертвый онъ тер-
«заетъ царство Русское. Суди его, Боже!»

Всѣ вообще Русскіе жалѣли о Борисѣ и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ; но уже поздно: вольно же имъ было покидать его въ жертву Самозванцу; пусть пеняютъ сами на себя. Правду говоритъ пословица: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

ГЛАВА VIII.

1607—1608.

Пашковъ подъ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подъ Брянскомъ и Болховымъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подъ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумѣніе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ.

Путивльскій воевода Истома Пашковъ въ августѣ мѣсяцѣ двинулся на Москву, покоряя на пути до самой Коломны всѣ города и села Димитрію безъ всякаго сопротивленія. Ставъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ столицы, при деревнѣ Котлахъ, онъ требовалъ, чтобы жители Московскіе признали Димитрія своимъ государемъ и выдали измѣнниковъ, Шуйскихъ. Многіе изъ обитателей Москвы, Русскіе и иностранцы, не имѣя надежды на спасеніе, удалились изъ города.

Вскорѣ послѣ Мартинова дня, Истома Пашковъ соединился съ опытнымъ витяземъ, Иваномъ Исаевичемъ Болотниковымъ, который пришелъ къ нему на помощь чрезъ Калугу изъ Камарницкой волости, лежащей между Орломъ и Путивлемъ. Всѣ города, бывшіе на пути его, также присягнули Димитрію. Болотниковъ ро-

1606. домъ былъ Русскій;[87] увезенный въ молодости Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ, какъ невольникъ; въ послѣдствіи, при помощи Нѣмцевъ, получивъ свободу, отправился въ Венецію, гдѣ услышалъ о странныхъ явленіяхъ въ своемъ отечествѣ и спѣшилъ пробраться въ Польшу; тутъ узналъ онъ, что царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, скрывается у супруги воеводы Сендомирскаго. Чрезъ нѣсколько времени, Болотникова схватили и представили мнимому Димитрію, который, распрашивая его о родѣ и племени, замѣтилъ въ немъ опытность и предложилъ ему итти противъ измѣнниковъ. Болотниковъ съ радостію согласился пожертвовать жизнію за царя своего. «Теперь я не могу еще наградить тебя», сказалъ Самозванецъ; «на первый разъ возьми эту шубу, саблю и 30 червонныхъ. А это письмо вручи въ Путивлѣ князю Григорію Шаховскому; онъ дастъ тебѣ денегъ изъ казны моей и войско. Скажи ему, что ты видѣлъ меня здѣсь и говорилъ со мною».

Жители Путивля приняли Болотникова съ радостію и охотно вѣрили его разсказамъ, будто бы онъ проливалъ кровь свою за Димитрія и потерялъ все, что имѣлъ. Могли ль сомнѣваться въ этой сказкѣ тѣ люди, которые недавно повѣрили князю Шаховскому?

Болотниковъ, въ слѣдствіе письменнаго и словеснаго повелѣнія Лжедимитріева, получивъ званіе большаго воеводы, съ 12,000 отрядомъ[88] отправился чрезъ Камарницкую волость къ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пашковымъ осадилъ столицу. Они однакожъ поссорились: Болотниковъ, избранный воеводою самимъ царемъ, не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, избраннаго Шаховскимъ; прогналъ его и остался главнымъ полководцемъ. Пашковъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, завелъ переговоры съ царемъ Василіемъ, получилъ отъ него знатные подарки и, явившись въ Москвѣ съ боярами Касимовскими и Рязанскими, среди бѣлаго дня, объявилъ всенародно, что въ Путивлѣ никто не видалъ Димитрія, что о спасеніи и бѣгствѣ его въ Польшу распустилъ слухъ князь Шаховской; но справедлива ли эта молва, ему, Пашкову, неизвѣстно.

Москвитяне отправились въ лагерь Болотникова съ требованіемъ 1606.
показать имъ царя Димитрія. «Мы готовы присягнуть ему», говорили они, «если только царъ твой истинный Димитрій». «Царь въ Польшѣ», отвѣчалъ Болотниковъ; «я видѣлъ его своими глазами; онъ скоро сюда будетъ и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить о томъ». «Нѣтъ!» возразили Москвитяне, «это не царь, а обманщикъ: мы сами убили Димитрія. Не проливай крови напрасно, покорись государю; онъ сдѣлаетъ тебя знатнымъ господиномъ!» Болотниковъ отвергъ предложеніе. «Давъ клятву царю», говорилъ онъ «жертвовать за него самою жизнію, я сдержу свое слово и не буду бездѣльникомъ, подобно Пашкову. Вы заботитесь о своей пользѣ: я не менѣе думаю о собственной, еще болѣе о государѣ. Идите; мы скоро увидимся!»

Послѣ того онъ отправилъ гонца къ князю Шаховскому, съ просьбою, какъ можно скорѣе доставить царя изъ Польши: «Я довелъ Москвитянъ до того», писалъ Болотниковъ, «что они готовы предаться Димитрію, лишь только увидятъ его. Царь долженъ пріѣхать одинъ, безъ войска: народъ и безъ того выдастъ ему измѣнника Шуйскаго». Но тотъ, кого Шаховской именовалъ Димитріемъ и отъ кого получилъ онъ въ Путивлѣ письма, не хотѣлъ вѣрить извѣстію, жилъ въ Польшѣ богатымъ паномъ, и не искалъ престола, предоставивъ право спорить объ немъ кому угодно.[89]

И такъ не видя мнимаго Димитрія, разувѣренные Москвитяне ежедневно дѣлали вылазки; наконецъ самъ Шуйскій повелъ 100,000 на враговъ: множество побилъ, 10,000 взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Отступивъ къ Серпухову, Болотниковъ сказалъ жителямъ крѣпости, что если они согласятся довольствовать его войско въ продолженіе года, онъ останется съ ними; въ противномъ случаѣ долженъ будетъ удалиться. Ему отвѣчали, что въ Серпуховѣ и самимъ нечего ѣсть. Тогда онъ отступилъ далѣе, въ Калугу, на 36 миль отъ Москвы, городъ обильный съѣстными припасами. Калужане, въ угожденіе царю Димитрію, приняли его защитника дружелюбно.

1607. Болотниковъ обвелъ Калугу тыномъ съ двойнымъ рвомъ и выдержалъ осаду съ 30 декабря 1606 года по 3 мая 1607; но какъ Димитрій все еще не являлся, ибо въ Польшѣ не было охотниковъ итти на вѣрную смерть, то князь Григорій Шаховской выдумалъ новое средство и безъ Польскаго Димитрія поработить Москвитянъ. Степные казаки увѣдомили его, что сынъ слабоумнаго царя Ѳеодора, Петръ, едва спасенный отъ Годунова еще въ младенчествѣ, и нашедшій убѣжище въ ихъ степяхъ, желаетъ повидаться съ дядею своимъ Димитріемъ, въ намѣреніи испросить себѣ удѣлъ для приличнаго мѣстопребыванія. Шаховской, имѣя въ рукахъ Димитріеву печать, написалъ отъ имени государя къ царевичу Петру граммату, въ коей просилъ набрать казаковъ какъ можно болѣе, и привести ихъ въ Путивль, для покоренія Россіи, съ тѣмъ, что царевичъ будетъ управлять престоломъ до прибытія Димитрія изъ Польши. Такъ онъ предавалъ въ руки Петра прекраснѣйшее царство![90]

Петръ привелъ въ Путивль, на помощь дяди своему Димитрію, 10,000 человѣкъ; отсюда онъ отправился къ Тулѣ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, который рѣшился возвести его на Русскій престолъ, если Богъ поможетъ имъ одолѣть Москвитянъ, и никто не вздумаетъ пріѣхать изъ Польши, чтобы выдать себя за Димитрія; впрочемъ все дѣлалъ и говорилъ именемъ царя, который давно былъ въ могилѣ.

Въ томъ же году Карлъ герцогъ Шведскій, желая предостеречь Василія Шуйскаго, увѣдомилъ его чрезъ нарочнаго посланника,[91] что король Польскій и папа Римскій умышляютъ злое на Россію, что опасность, грозящая Русскому царству, обратится и на Швецію; почему, предостерегая своего любезнаго сосѣда, герцогъ изъявлялъ готовность выслать къ Новгороду въ пособіе 10,000 воиновъ Шведскихъ или Нѣмецкихъ, если царь согласится содержать ихъ на счетъ своей казны. Шуйскій не принялъ предложенія и отвѣчалъ герцогу, что Россія всегда умѣла собственными силами управляться съ врагами, безъ помощи сосѣдей,

и никогда искать ея не будетъ. Однако онъ ошибся въ своемъ 1607.
расчетѣ; послѣ и самъ искалъ защитниковъ въ Швеціи, да уже поздно: пришелъ наконецъ Делагарди; но призвать его стоило царю большихъ трудовъ и издержекъ. Не даромъ говоритъ пословица: куй желѣзо, пока горячо.

Между тѣмъ, легкомысленный Нѣмецъ, именемъ Фридрихъ Фидлеръ, родомъ изъ Кёнигсберга, явился къ Василію Шуйскому съ предложеніемъ избавить его и Россію отъ Болотникова ядомъ, если только будетъ награжденъ помѣстьями и деньгами. Шуйскій, давъ Фидлеру на первый разъ 100 талеровъ и коня, объявилъ, что онъ получитъ въ награду 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада, если сдержитъ свое слово и присягнетъ въ непремѣнномъ исполненіи своего обѣщанія: царь не совсѣмъ вѣрилъ ему, какъ извѣстному хвастуну и обманщику. Легкомысленный Фидлеръ произнесъ такую клятву, что у всякаго, кто слышалъ ее, дыбомъ становились волосы. Потомъ взялъ деньги, отправился въ Калугу, и вручилъ Болотникову ядъ, въ присутствіи многихъ людей, объявивъ, что это подарокъ Василія Шуйскаго, и что воевода можетъ употребить его какъ хочетъ. Болотниковъ осыпалъ его наградами; но клятвопреступникъ, продавъ душу свою дьяволу и обезславивъ имя Нѣмцевъ, мало выигралъ: потерялъ все имущество, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія; самый видъ его сдѣлался страшнымъ и дикимъ; въ послѣдствіи онъ попался въ руки Шуйскаго и былъ сосланъ въ Сибирь. Вотъ его клятва:

«Во имя пресвятой и преславной Троицы, во имя предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа святаго, я, Фридрихъ Фидлеръ, даю сію клятву въ томъ, что хочу погубить ядомъ врага царю Василію Ивановичу и всему царству Русскому, Ивана Болотникову; если же того не исполню и обману моего государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія единородный сынъ Божій Іисусъ Христосъ, кровь свою за насъ проліявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила св. Духа; да покинутъ меня всѣ ан-

1607. гелы, христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стихіи міра сего, созданныя на пользу человѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душею моею діаволъ. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и св. Евангеліе».

1 мая 1607 года, царевичъ Петръ выслалъ изъ Тулы войско на помощь Калугѣ, уже давно осаждаемой Москвитянами. Царскіе воеводы отправили противъ этаго отряда нѣсколько тысячъ человѣкъ; враги встрѣтились на Пчельнѣ и сразились. Москвитяне, разбитые на голову, съ ужасомъ прибѣжали въ окопы свои подъ Калугу. На другой день Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и такъ перепугалъ царское войско, что, кинувъ всѣ орудія, всѣ военные снаряды, всѣ жизненные припасы, оно бросилось къ Москвѣ; а побѣдитель, избавившись отъ осады, перешелъ къ Петру въ Тулу.

Шуйскій однако ободрился, хотѣлъ овладѣть городомъ, гдѣ собрались главные мятежники, и отправилъ всю рать свою къ Серпухову. Узнавъ о такомъ намѣреніи, царевичъ Петръ, князь Шаховской и Болотниковъ спѣшили врагамъ на встрѣчу и сразились съ ними подъ Серпуховымъ; битва была упорная; Москвитяне разбѣжались бы навѣрное, еслибъ одинъ изъ Тульскихъ воеводъ не передался на ихъ сторону съ 4,000 человѣкъ. Эта измѣна ужаснула сподвижниковъ Петра: они оставили поле сраженія и возвратились въ Тулу. Послѣ кратковременнаго отдыха, мятежники опять выступили на встрѣчу Василію Ивановичу, который уже приближался къ этому городу; но какъ царское войско несравненно было многочисленнѣе, простираясь до 100,000 человѣкъ, то они возвратились въ крѣпость. Царь, въ іюнѣ мѣсяцѣ окруживъ Тулу со всѣхъ сторонъ, приказалъ запрудить въ полумили отъ города, рѣку Упу, среди его протекающую. Вода остановилась и наполнила всѣ улицы, по коимъ можно было ѣздить только на

наромахъ; [92] между тѣмъ пресѣкся подвозъ съѣстныхъ припасовъ 1607.
и насталъ голодъ: жители начали ѣсть собакъ, кошекъ, стерву, лошадей и воловьи кожи; дороговизна была страшная: за бочку ржаной муки платили 100 гульденовъ; пива не было и въ поминѣ; голодъ погубилъ многихъ. Напрасно Болотниковъ нѣсколько разъ писалъ въ Польшу, къ тому, кто отправилъ его въ Россію, съ просьбою поспѣшить на помощь: Димитрій не являлся.

Наконецъ казаки и всѣ граждане Тульскіе, разувѣренные въ молвѣ о спасеніи Димитрія, рѣшились выдать царю Василію главныхъ виновниковъ обмана, князя Шаховскаго и Болотникова; послѣдній не терялъ мужества и сказалъ недовольнымъ: «Когда пріѣхалъ я изъ Венеціи въ Польшу, молодой человѣкъ, лѣтъ 24 или 25, призвалъ меня и объявилъ, что онъ Димитрій, бѣжавшій изъ Москвы во время бунта. Я далъ ему клятву въ вѣрности и сдержу мое слово. Не знаю, точно ли онъ Димитрій, коего видѣть въ Москвѣ мнѣ не случалось; но люди, знавшіе царя, увѣряютъ, что тотъ человѣкъ на него похожъ».

Болѣе всего негодовали на князя Шаховскаго, который разгласилъ, будто бы Димитрій бѣжалъ съ нимъ изъ Москвы; посадили его подъ стражу, съ угрозною выдать, какъ виновника войны, Василію Шуйскому, если не явится Димитрій. Наконецъ Болотниковъ далъ Поляку Ивану Мартиновичу Заруцкому порученіе развѣдать, что случилось съ тѣмъ, который называлъ себя Димитріемъ, и будетъ ли онъ въ Россію, или нѣтъ. Заруцкій доѣхалъ до Стародуба, остался тамъ и ничего не отвѣчалъ.

Не имѣя свѣдѣній отъ Заруцкаго, Болотниковъ и Шаховской отправили въ Польшу другаго гонца: то былъ казакъ; онъ переплылъ Упу, достигъ Польши и увѣдомилъ друзей воеводы Сендомирскаго, что если никто изъ нихъ не согласится выручить осажденныхъ изъ бѣды неминуемой; то всѣ города, покоренные во имя Димитрія, будутъ преданы его величеству королю Польскому, лишь только бы не достались они Шуйскому. Друзья воеводы Сендомирскаго тотчасъ приступили къ дѣлу; сыскали въ Бѣло-

1607. русскомъ городѣ Соколѣ[93] проворнаго молодца, именемъ Ивана, родомъ изъ Россіи: онъ былъ учителемъ у какого-то священника, и хорошо разумѣлъ языкъ Русскій и Польскій. Давъ этому плуту роль Димитрія съ нужными наставленіями, Поляки отправили его въ Путивль съ паномъ Мѣховецкимъ.[94] Жители Путивля съ радостію признали его Димитріемъ. Отсюда обманщикъ въ концѣ іюля пошелъ въ страну Сѣверскую и прибылъ въ Стародубъ съ двумя спутниками, Григоріемъ Кашнецомъ и писаремъ Алексѣемъ; но здѣсь выдавалъ себя не за царя, а за царскаго родственника, Нагаго; говорилъ, что царь недалеко съ паномъ Мѣховецкимъ и многими тысячами всадниковъ; что Стародубцы должны радоваться прибытію государя, который за вѣрную службу осыплетъ ихъ милостями.

Мѣховецкій однакожъ не явился къ назначенному времени; жители Стародубскіе, раздраженные обманомъ, схватили писаря Алексѣя, Григорія Кашнеца, даже мнимаго родственника царскаго, Лжедимитрія II, и повели ихъ къ пыткѣ; начали съ писаря: раздѣли его и стали исписывать ему спину плетьми, допрашивая, живъ ли царь и гдѣ онъ? Къ такому письму писарь не привыкъ. «Пусть будетъ со мной, что Николѣ угодно», размышлялъ онъ, «скажу правду; открою, что этотъ Нагой не родственникъ царя, а «самъ Димитрій». Наконецъ рѣшился и закричалъ: «Пощадите, дайте сказать, гдѣ царь вашъ!» Пытку прекратили. «Дураки!» говорилъ Алексѣй народу, «ну какъ вамъ не грѣшно тиранить меня за государя? Да развѣ не знаете его? Онъ здѣсь; онъ видитъ мою муку: вотъ онъ! Это не Нагой, а царь вашъ. Коли хотите и его погубить съ нами, губите! Для того-то и не открывался онъ, чтобы узнать, будете ли вы рады ему». Тутъ бѣдные простодушные Стародубцы пали предъ Самозванцемъ на колѣни и завопили: «Виноваты, государь; клянемся житъ и умереть за тебя!» Его проводили съ почтеніемъ въ царскія палаты. Такимъ образомъ Димитрій, убитый въ Москвѣ, опять явился въ Стародубѣ.

Обрадованный этимъ событіемъ, Иванъ Мартиновичъ Заруцкій,

котораго послали, какъ выше сказано, къ царю изъ Тулы, неме- 1607.
дленно явился къ Самозванцу, представилъ письмо, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что Димитрій есть обманщикъ, но въ присутствіи народа, призналъ его своимъ прежнимъ государемъ, котораго впрочемъ никогда не видывалъ. Стародубцы еще болѣе убѣдились въ истинѣ словъ писаря Алексѣя.

Въ тотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими эскадронами Польской конницы. Димитрій тотчасъ отправилъ его освободить Козельскъ отъ осады; а самъ обѣщалъ итти въ слѣдъ, для освобожденія Тулы и Калуги; остался же въ Стародубѣ только для того, чтобы увѣриться въ усердіи народномъ; для чего употребилъ слѣдующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выѣхать съ копьемъ въ рукахъ за городъ и ожидать тамъ Димитрія, который хотѣлъ состязаться съ нимъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Какъ скоро соберется народъ на зрѣлище, Заруцкій долженъ былъ ударить въ царя копьемъ по платью, такъ, чтобы онъ свалился съ лошади, будто бы отъ удара, а самъ немедленно ускакать въ городъ и скрыться: все это дѣлалось для того, чтобы видѣть, равнодушно ли перенесетъ народъ паденіе своего государя. Въ слѣдствіе такого условія, царь упалъ съ коня и притворился полумертвымъ; граждане бросились на Заруцкаго съ крикомъ: «лови, держи измѣнника!» схватили его въ воротахъ, изрядно отпочивали дубинами, привели къ царю связаннаго и спрашивали, что прикажетъ дѣлать съ виновнымъ. Димитрій, видя, что бѣдному Заруцкому довольно досталось, отвѣчалъ со смѣхомъ: «Спасибо вамъ, православные! вижу преданность вашу; я цѣлъ и невредимъ. Это была шутка; мы хотѣли испытать васъ.» Стародубцы дивились такой хитрости и смѣялись отъ чистаго сердца; а Заруцкій остался при своихъ побояхъ.

Между тѣмъ, панъ Мѣховецкій прогналъ Москвитянъ отъ Козельска и ожидалъ тамъ своего государя. Димитрій выступилъ 1 августа съ намѣреніемъ освободить Тулу и Калугу; но скоро возвратился къ Самову, узнавъ, что Шуйскій старается склонить

1607. на свою сторону города Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ и разставляетъ ему сѣти. Эти города въ самомъ дѣлѣ поддались Шуйскому и вѣрно поймали бы Самозванца, если бы онъ не успѣлъ удалиться и не ушелъ въ Самовъ, гдѣ жилъ цѣлую зиму, пока не получилъ подкрѣпленія.

Послѣ отпаденія Болхова, Бѣлева и Лихвина, Тула не могла долѣе держаться: голодъ усиливался, вода прибывала; однакожъ осажденные не хотѣли покориться; ждали только пониженія воды, чтобы сдѣлать вылазку и пробиться сквозь непріятелей. Какой-то чародѣй, старый монахъ, изъявилъ Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду; требовалъ только 100 рублей за услугу. Когда обѣщали ему награду, онъ раздѣлся до-нага и бросился въ воду: вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; монаха не видно было долѣе часу; всѣ думали, что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь изцарапанный, и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: «Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12,000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать плотину и запрудить Упу. Съ ними-то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6,000 демоновъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6,000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину: съ ними я не могъ сладить!»

Димитрія все не было; въ Тулѣ утратили послѣднюю надежду на спасеніе; изнуренные голодомъ жители едва могли держаться на ногахъ; наконецъ Петръ и Болотниковъ извѣстили Шуйскаго, что они готовы сдать ему крѣпость, если имъ даровано будетъ помилованіе; въ противномъ случаѣ умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся.

Изумленный Шуйскій отвѣтствовалъ: «Я далъ клятву не щадить никого изъ Тульскихъ жителей; но ваша доблесть и неизмѣнное соблюденіе присяги, хотя и *вору* данной, побуждаетъ меня даровать вамъ жизнь, если только вы согласитесь служить и мнѣ съ тою же вѣрностію». Такія слова Царь подтвер-

дилъ крестнымъ цѣлованіемъ. Тула покорилась 1607 года въ 1607.
день Іуды и Симеона.

Выѣхавъ въ заднія ворота, гдѣ разлитіе воды было не такъ сильно, Болотниковъ явился предъ ставкою Шуйскаго, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ (справедливо, или нѣтъ, не знаю: никогда прежде царя я не видывалъ). Я не измѣнялъ своей клятвѣ; но онъ выдалъ меня; я въ твоей власти! Если хочешь головы моей, вели отсѣчь ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто оставилъ меня». Шуйскій послалъ его съ княземъ Петромъ и 25 Нѣмцами въ Москву, подъ надзоромъ приставовъ. Нѣмцы могли видѣться съ друзьями своими; но Болотниковъ и Петръ ни съ кѣмъ не имѣли сношенія и находились нѣсколько времени подъ стражею. Василій сдержалъ царское слово такъ свято, какъ только можно ожидать отъ подобныхъ ему людей: князя Петра, который могъ быть истиннымъ царевичемъ,[95] приказалъ повѣсить; Болотникова отправилъ въ Каргополь и заключилъ въ темницу, а потомъ велѣлъ утопить; Нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи, на 800 миль отъ Москвы, гдѣ они болѣе 4 лѣтъ, до сего 1612 года, живутъ среди народовъ дикихъ, варварскихъ, не видятъ ни куска хлѣба, питаются только рыбою и мясомъ. Да поможетъ имъ милосердый Богъ, ради Іисуса Христа, освободиться изъ этой неволи! Князь Григорій Шаховской, главный виновникъ войны, счастливо спасся отъ петли, благодаря своей тюрьмѣ: искусному плуту все сходитъ съ рукъ. Казаки и Тульскіе граждане посадили его въ темницу за ложное увѣреніе въ помощи Димитрія; Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховскаго, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться государю. И такъ грубый обманщикъ получилъ полную свободу; но въ послѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, передался Ди-

1607. митрію II и сдѣлался его главнымъ воеводою и вѣрнѣйшимъ совѣтникомъ.

Въ знакъ благодарности за покореніе Тулы, Василій отправился на богомолье въ Троицкій монастырь, въ ненастное осеннее время; усердно молился тамъ св. Сергію, просилъ его заступленія противъ прочихъ враговъ Калужскихъ, Козельскихъ, особливо противъ сопостата Самовскаго, именовавшаго себя Димитріемъ, и далъ обѣтъ въ честь св. Сергія установить въ Троицкой обители празднество, когда смиритъ измѣнниковъ.

Всѣ люди военные, осаждавшіе Тулу, получили дозволеніе отлучиться въ домы для отдыха, до перваго зимняго пути; тѣ же воеводы и ратники, которые стояли подъ Калугою, обязаны были оставаться на службѣ. Царь отправилъ въ сей городъ боярина Егора Беззубцева, (бывшаго прежде на сторонѣ измѣнниковъ, сперва въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ), съ обѣщаніемъ даровать милость мятежникамъ, если они покорятся добровольно. Калужане отвѣчали, что они и не думаютъ о сдачѣ; что не знаютъ другаго царя, кромѣ Димитрія, который не замедлитъ подать имъ помощь; потомъ сдѣлали вылазку и побили множество Москвитянъ.

Раздраженный такимъ упорствомъ, Василій рѣшился овладѣть городомъ непремѣнно; не хотѣлъ ожидать войска, распущеннаго до зимняго пути, и приказалъ объявить плѣннымъ казакамъ, отбитымъ у Болотникова подъ Москвою 2 декабря 1606 года, что если они желаютъ получить свободу, оружіе и деньги, пусть присягнутъ ему въ вѣрности и пойдутъ на враговъ. 4000 Казаковъ поклялись немедленно; получили нѣсколько бочекъ пороха и отправились подъ Калугу, чтобы взять ее приступомъ. Но тамъ вскорѣ поссорились съ боярами и замыслили измѣну. Воеводы Шуйскаго, бросивъ станъ, бѣжали въ Москву.

На другой день, казаки подошли къ стѣнамъ крѣпости, разсказали осажденнымъ о бѣгствѣ Москвитянъ, совѣтовали скорѣе воспользоваться порохомъ и съѣстными припасами, въ лагерѣ оставленными, и просили дозволенія войти въ городъ. Но какъ вое-

вода Шотуцкій не вѣрилъ ихъ словамъ, то они переправились 1608.
чрезъ Оку, ниже крѣпости, и объявили, что пойдутъ искать царя своего Димитрія. Калужане рѣшились осмотрѣть лагерь Московскій, и увидѣвъ, что онъ оставленъ непріятелемъ, послали вслѣдъ за казаками съ просьбою возвратиться; но уже поздно: огорченные отказомъ, казаки продолжали путь; воротились только 100 человѣкъ и нѣсколько атамановъ для покупки разныхъ припасовъ: казаки остались въ Калугѣ, атаманы же уѣхали обратно.

Между тѣмъ Калужане захватили все, что нашли въ станѣ Московскомъ, и потомъ храбро оборонялись до пріѣзда Димитрія II, признали его истиннымъ Димитріемъ, присягнули ему въ вѣрности, и не измѣняли клятвѣ до самой смерти Самозванца, какъ ниже будетъ сказано въ концѣ сей книги.

Желая выгнать Димитрія II изъ Самова, Шуйскій вывелъ въ полѣ всѣхъ бояръ и отправилъ ихъ съ войскомъ подъ Болховъ; но глубокій снѣгъ, выпавшій въ январѣ 1608 года, остановилъ военныя дѣйствія; можно было вредить только однимъ кормовщикамъ. Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ о многочисленности Василіевой рати, отправилъ въ Польшу гонца съ требованіемъ прислать какъ можно болѣе конницы. По призыву его, Самуилъ Тишкевичъ привелъ къ нему 700 всадниковъ; потомъ явился съ такимъ же отрядомъ Александръ Лисовскій.

Димитрій выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Самова и осадилъ Брянскъ. Здѣсь начальствовалъ сотнею Нѣмцевъ плѣнный Ливонецъ Гансъ Бергъ, мошенникъ преискусный: за годъ предъ тѣмъ, онъ оставилъ Шуйскаго и передался Димитрію; потомъ измѣнилъ своимъ товарищамъ, осажденнымъ въ Калугѣ, явился къ Василію и былъ щедро награжденъ; спустя нѣсколько времени, снова перебѣжалъ къ Димитрію, покинувъ въ Москвѣ дѣтей и взявъ съ собою только жену; Самозванецъ хотѣлъ его повѣсить; но паны Польскіе испросили ему прощеніе. Не прослуживъ и года Димитрію, Гансъ Бергъ выдалъ Тулу, опять очутился въ Москвѣ и снова заслужилъ милость царскую. Сообщникомъ сему измѣннику былъ

1608. другой старый плутъ, также Ливонецъ, Теннигъ фонъ-Виссенъ: они выдали Димитрію боярина Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго, котораго Самозванецъ велѣлъ утопить въ Калугѣ.[96]

Не взявъ Брянска, Димитрій двинулся къ Орлу, куда уже прибылъ князь Адамъ Вишневецкій съ 2,000 конныхъ копѣйщиковъ и князь Романъ Рожинскій съ 4,000. До сихъ поръ главнымъ полководцемъ Димитріевымъ былъ Мѣховецкій; Рожинскій, отнявъ у него начальство надъ войскомъ, въ апрѣлѣ 1608 года приступилъ къ Болхову. Москвитяне ужаснулись; многіе князья, бояре и Нѣмцы, видя многочисленность Поляковъ, увѣрились, что ихъ привелъ истинный Димитрій, перешли къ нему и въ награду получили столько помѣстьевъ, сколько никогда прежде не имѣли; почему хотя въ послѣдствіи и увидѣли въ мнимомъ царѣ обманщика, однакожъ не хотѣли его оставить. Димитрій еще болѣе увеличилъ число приверженцевъ, объявивъ въ разныхъ городахъ, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могутъ присвоить земли господъ своихъ, служившихъ Василію, и жениться на дочеряхъ боярскихъ, которыхъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Такимъ образомъ многіе холопи сдѣлались боярами; а господа ихъ, преданные Шуйскому, умирали съ голоду.

17 апрѣля начальники Нѣмецкой дружины послали къ Димитрію II ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытнаго, никогда въ чужихъ краяхъ не бывавшаго, поручика Іохима Берга и прапорщика Георга фонъ-Аалена, людей столь же малоопытныхъ, но въ плутовствѣ довольно искусныхъ: они предлагали Димитрію свои услуги и просили не останавливаться походомъ, обѣщая при первомъ сраженіи перейти на его сторону съ распущенными знаменами. Надобно знать, что эти люди присягнули Шуйскому, около двухъ лѣтъ служили съ честію, брали деньги, и притомъ слышали, что Димитрій — Самозванецъ. Вѣроломные уговаривали и прочихъ Нѣмцевъ передаться Димитрію, хотя многіе изъ нихъ имѣли въ Москвѣ женъ и дѣтей. Если бы то случилось, Шуйскій не поща-

дилъ бы ни одного Нѣмецкаго младенца; но Всевышній, по вѣчной 1608.
своей премудрости, удержалъ простыхъ воиновъ отъ измѣны, а начальниковъ такъ ослѣпилъ, что они ежедневно напивались допьяна и забыли о своемъ предложеніи непріятелю. 23 апрѣля, въ день св. Георгія, Димитрій встрѣтился съ Русскимъ войскомъ при Каминшѣ: битва завязалась. Начальники Нѣмецкой дружины были такъ трезвы, что вовсе позабыли свою измѣну; простые же всадники, ничего объ ней не зная, по первому приказанію, ударили на Поляковъ и побили ихъ до 4,000 человѣкъ. Раздраженные потерею, Димитрій и полководецъ его Рожинскій вѣрно перевѣшали бы Нѣмецкихъ переметчиковъ, если бы они не скрылись. Рожинскій отдалъ приказъ не щадить ни одного Нѣмца въ слѣдующемъ сраженіи.

24 апрѣля Димитрій двинулся всѣми силами подъ Болховъ на Москвитянъ. Конные копѣйщики его, ударивъ на самый многочисленный отрядъ, обратили его въ бѣгство. Предатель же Ламсдорфъ отвелъ въ сторону своихъ всадниковъ и хотѣлъ итти къ Димитрію съ распущенными знаменами. Многіе честные люди говорили ему: «Все кончено! Русскіе бѣгутъ; Поляки насъ окружаютъ: одни мы не въ силахъ устоять. Куда же идешь ты, капитанъ?» «Тотъ будетъ бездѣльникъ», воскликнулъ Ламсдорфъ, «кто оставитъ свое знамя!» «Называй насъ какъ хочешь», отвѣтствовали воины; «мы не останемся: сраженіе проиграно, а ты замышляешь передаться; жены и дѣти еще слишкомъ для насъ милы, чтобы губить ихъ измѣною. Плутовства не любимъ!» Сказавъ это, они поскакали за Русскими въ Москву. Вскорѣ Запорожскіе казаки, окруживъ покрытаго латами измѣнника Ламсдорфа и всѣхъ единомышленниковъ его, исполнили въ точности приказаніе Рожинскаго: всѣ Нѣмцы, числомъ до 200 человѣкъ, были изрублены, оставивъ женъ своихъ горестными вдовицами, а дѣтей несчастными сиротами. Никогда не загладитъ своей вины легкомысленный ротмистръ, рано затѣявшій быть слишкомъ умнымъ: въ преисподнія ада низринутъ его слезы вдовъ и сиротъ, коихъ мужья и отцы сдѣлались жертвою столь постыднаго поступка! Измѣна его была бы еще пагубнѣе, если бы онъ живой

1608. передался непріятелю: тогда всѣхъ Нѣмцевъ, оставшихся въ Москвѣ, Шуйскій велѣлъ бы навѣрное перебить. Теперь же, когда многіе изъ ихъ единоземцевъ пали на полѣ битвы, Русскіе жалѣли о страдальцахъ и не отняли помѣстьевъ у вдовъ беззащитныхъ. Ламсдорфъ и единомышленники его затѣяли измѣну единственно для того, чтобы заслужитъ почтеніе Поляковъ; пускай другіе лишились бы головы, съ женами и дѣтьми: для нихъ было все равно. Правосудіе Божіе покарало предателей; не найдутъ они себѣ покоя и въ могилѣ: и тамъ будутъ преслѣдовать ихъ невинныя жертвы!

Разбитый Шуйскій возвратился въ Москву, въ день Вознесенія Христова; ему казалось, что всѣ Москвитяне хотятъ навострить лыжи изъ Москвы и бѣжать къ Самозванцу: и точно народъ оставилъ бы Василія навѣрное, еслибъ Димитрій поспѣшилъ пришествіемъ. «За чѣмъ не возвращаются бояре, которые передались ему?» толковала чернь. Многіе граждане уже помышляли о средствахъ оправдать себя предъ Димитріемъ, когда онъ овладѣетъ столицею, и всю вину слагали на бояръ, называя ихъ предателями, себя же оправдывая невѣдѣніемъ. «Говорятъ, что Димитрій весьма проницателенъ», сказалъ одинъ Москвитинъ, «и что онъ можетъ по глазамъ узнать виновнаго». «Пропалъ же я», вскричалъ устрашенный мясникъ, «если онъ меня увидитъ: этимъ ножомъ я закололъ пятерыхъ его Поляковъ!» Однимъ словомъ, Москва была въ ужасѣ.

9 іюня Димитрій со всѣми силами подступилъ къ Москвѣ и, остановясь въ селѣ Тайнинскомъ, осматривалъ окрестныя мѣста, гдѣ бы расположиться лагеремъ. Въ томъ же мѣсяцѣ прибылъ къ нему изъ Литвы Янъ-Петръ-Павелъ Сапѣга съ 7000 конныхъ копѣйщиковъ. Василій съ своей стороны выслалъ изъ столицы сильное войско, подъ начальствомъ князя Михаила Скопина; но это войско, оградивъ станъ свой острогами, оставалось въ бездѣйствіи. Димитрій, напавъ на него 24 іюня, въ ночь на Ивановъ день, такъ потревожилъ сонъ Московскихъ ратниковъ, что многіе изъ нихъ никогда уже не проснутся. Ожидая приступа къ самой Москвѣ,

Василій велѣлъ поставить пушки на городскихъ валахъ. Поляки 1608.
навѣрное овладѣли бы столицею, если бы напали на нее немедленно; но Димитрій, надѣясь на покорность жителей, не хотѣлъ разорять столь обширнаго города и неоднократно удерживалъ нетерпѣливыхъ Поляковъ, шедшихъ самовольно на приступъ. «Если разорите мою столицу и сожжете мою казну», говорилъ онъ «чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?» Не другъ, а злѣйшій врагъ внушилъ Димитрію такую мысль! Гораздо было бы лучше истребить одинъ городъ, чѣмъ разорять половину царства: въ Россіи скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, онъ предавалъ множество селъ и городовъ разрушенію.

29 іюня 1608 года въ день Петра и Павла, Димитрій расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Тушинѣ; тамъ стоялъ онъ до 20 декабря 1609 года. Въ продолженіе этаго времени была не одна схватка между непріятелями; не одинъ гордый витязь палъ на полѣ сраженія. Москвитяне, опасаясь, чтобы Поляки не освободили воеводы Сендомирскаго, Марины, вдовы Димитрія I, пана Стадницкаго и другихъ Польскихъ господъ, заключенныхъ въ Ярославлѣ и Ростовѣ, перевезли ихъ въ Москву, въ надежныя темницы; въ послѣдствіи согласились отпустить плѣнниковъ въ отечество; требовали только клятвеннаго обѣщанія не переходить къ непріятелю и не воевать съ Россіею. Поляки съ радостію присягнули и благодарили Бога за спасеніе себя отъ смертоубійцъ. И такъ Москвитяне повезли ихъ въ Польшу, окольными путями, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Свѣдавъ о томъ, Димитрій II выслалъ на дорогу нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые, побивъ провожатыхъ Марины, взяли царицу и, со всѣми находившимися при ней Поляками, отвезли въ Тушинскій лагерь. Не помня себя отъ радости, Димитрій велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ; царица также хотѣла радоваться, но по нѣкоторымъ причинамъ не могла; впрочемъ для лучшаго обмана притворилась веселою; только не поѣхала прямо въ Тушинскій лагерь, а остановилась въ шатрахъ за версту отъ него. Тутъ начались переговоры;

1608. наконецъ условились: воеводѣ Сендомирскому надлежало отправиться въ Польшу, а Марина согласилась остаться съ мнимымъ Димитріемъ, который однако долженъ былъ отказаться отъ правъ супруга, пока не завоюетъ Москвы и не достигнетъ престола. Самозванецъ обѣщалъ свято хранить договоръ и поклялся Богомъ. Послѣ того было торжественное свиданіе; царь и царица искусно играли свои роли и привѣтствовали другъ друга съ радостными слезами, съ такою непритворною нѣжностію, съ такимъ восхищеніемъ, что комедія ослѣпила многихъ зрителей. По всему государству разнеслась молва объ этомъ происшествіи; вездѣ признавали Самозванца Димитріемъ; бояре со всѣхъ сторонъ стремились въ Тушинскій лагерь.

Не получая помощи отъ Бога, Шуйскій обратился къ дьяволу: пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти (чего не успѣвалъ сдѣлать одинъ, за то принимался другой), приказывалъ вырѣзывать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобы достать сердце; все это зарывали въ землю, около того мѣста, гдѣ стояло царское войско. «Оно было невредимо», увѣряли чародѣи, «доколѣ не выходило за черту; но лишь только переступало ее, всегда было поражаемо. Съ Поляками случалось тоже: едва подходили къ чертѣ, люди и кони падали или обращались въ бѣгство». Но все было тщетно: знатные вельможи оставляли Шуйскаго и толпами стремились къ Димитрію, пока не увѣрилъ Москвитянъ въ обманѣ князь Василій Масальскій, который, въ числѣ другихъ передавшись Самозванцу, чрезъ нѣсколько дней со многими боярами возвратился въ Москву, и объявилъ торжественно, что мнимый Димитрій есть новый *воръ* и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ Москвитяне стали усердно защищаться. Шуйскій, по совѣту бояръ, рѣшился призвать на помощь чужеземцевъ и отправилъ въ Швецію храбраго героя, Михаила Скопина.[97] Новые свидѣтели еще болѣе удостовѣрили Москвитянъ въ истинѣ словъ Масальскаго: то были два плута и измѣнники, Ливонецъ Гансъ Шнейдеръ и Австріецъ Генрихъ Ка-

нельсенъ: бездѣльники убѣжали отъ Димитрія въ Москву, 1608.
взошли на Лобное мѣсто и, хорошо разумѣя по-Русски, поклялись народу всѣмъ священнымъ, что Тушинскій воръ есть обманщикъ, а не первый Димитрій. Канельсенъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ тамъ за деньги мусульманскую вѣру; потомъ ушелъ отъ Турковъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Германіи; наконецъ, въ правленіе Бориса Годунова, пріѣхалъ въ Москву, разбогатѣлъ, зазнался, перекрестился, отрекся отъ своего Бога, котораго изъ дѣтства исповѣдывалъ, плевалъ троекратно чрезъ плечо, и поклонился Русскому Богу Николаю: [98] одною смертію можно изгладить такое преступленіе! До трехъ разъ онъ перебѣгалъ отъ Шуйскаго къ Димитрію, отъ Димитрія къ Шуйскому; но Москвитяне вѣрили богоотступнику.

Утративъ надежду на добровольную покорность Москвитянъ, Димитрій далъ пану Сапѣгѣ 15,000 воиновъ, съ повелѣніемъ осадить Троицкій монастырь и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ столицѣ. Сапѣга осаждалъ Троицкій монастырь въ продолженіе всего времени, когда Димитрій находился подъ Москвою; но не могъ овладѣть имъ. Этотъ монастырь лежитъ въ 12 миляхъ отъ Москвы. Шуйскій послалъ ему на помощь всѣхъ всадниковъ, сколько могъ собрать (числомъ до 30,000), подъ начальствомъ меньшаго брата своего Ивана Ивановича, съ повелѣніемъ отразить войско Самозванца. Непріятели встрѣтились при Воздвиженскомъ и сразились. Сапѣга ударилъ стремительно; но дважды былъ отбитъ, и Поляки уже начали трусить. «Друзья!» воскликнулъ Польскій военачальникъ, «бѣгство насъ погубитъ; Польша далеко; луч«ше пасть на полѣ битвы, чѣмъ терпѣть побои, подобно женщинамъ «непотребнымъ. Каждый изъ васъ дѣлай съ Богомъ свое дѣло. Я вез«дѣ буду впереди. За мною, храбрые товарищи! Ударимъ еще разъ: «Богъ даруетъ намъ побѣду». Смѣло бросились Поляки на враговъ, побили нѣсколько тысячъ и одержали побѣду; съ тѣхъ поръ Шуйскій не показывался въ полѣ и не безпокоилъ Поляковъ подъ Троицкимъ монастыремъ, до прибытія Понтуса-Делагарди. Сапѣга же от-

1608. рядилъ небольшую дружину, состоявшую изъ Нѣмцевъ, казаковъ и Поляковъ, подъ начальствомъ Испанца Дона Жуана Крузатти, для покоренія окрестныхъ селъ и городовъ. Переславль присягнулъ Димитрію; но Ростовъ, отстоящій отъ него не далѣе 12 миль, не хотѣлъ покориться. 11 октября онъ былъ преданъ огню и мечу. Всѣ сокровища, въ немъ найденныя, золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, достались побѣдителямъ. Свирѣпые воины не щадили и св. иконъ, даже разрубили серебряный гробъ св. Леонтія; а изображеніе угодника, вылитое изъ золота, въ 200 фунтовъ вѣсомъ, присвоили себѣ. Митрополитъ Ростовскій князь Ѳеодоръ Никитичъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ подмосковный лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство патріарха; митрополитъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота, и подарилъ его Димитрію.[99]

Несчастіе Ростова было урокомъ многолюдному и богатому Ярославлю; онъ изъявилъ готовность признать Димитрія царемъ и служить ему, чѣмъ могъ, если только права гражданъ останутся неприкосновенными, домы не будутъ разграблены, а женъ и дѣтей не тронутъ Поляки. Заключивъ такое условіе, жители Ярославля, Русскіе и иностранцы, Англичане и Нѣмцы, присягнули назначенному къ нимъ воеводою перекрещенному Шведу, Греческой вѣры,[100] и отправили въ Тушинскій лагерь 30,000 рублей для раздачи войску; сверхъ того обязались снарядить тысячу всадниковъ и выставить значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Но панибраты не сдержали слова: грабили купеческія лавки, били народъ, оскорбляли бояръ, и безъ денегъ покупали все, чего хотѣли. То-то была славная торговля! Это вѣроломство имѣло пагубныя слѣдствія, какъ ниже увидимъ,

Кострома, Галичъ, Вологда также покорились Димитрію и безъ сомнѣнія не измѣнилибъ присягѣ, если бы не взбунтовалъ ихъ проклятый перекрещенецъ Даніилъ Эйловъ, прибывшій изъ Нидерландъ и промышлявшій въ Россіи выварkою соли. Себѣ на бѣду и народу на пагубу, Эйловъ сперва разглашалъ въ окрест-

ныхъ городахъ, что мнимый Димитрій есть обманщикъ, и что Рус- 1608.
скіе не обязаны сохранять присяги, данной Самозванцу; наконецъ рѣшился перебить Поляковъ и собралъ въ свою соловарню до 200 человѣкъ простаго народа, вооруженныхъ луками, стрѣлами и копьями. Но едва Поляки свѣдали о заговорѣ и явились предъ соловарнею, нашъ храбрецъ спрятался въ погребъ съ тремя старшими дочерьми, предавъ бѣдныхъ крестьянъ въ жертву непріятеля. Вскорѣ, т. е. 11 декабря, онъ и самъ попался въ руки Поляковъ, которые заставили его внести выкупу 600 талеровъ, а дочерей задержали и вѣрно возвратили бы ихъ къ отцу совсѣмъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ были до плѣна, если бы не вступился за нихъ Ярославскій воевода Іохимъ Шмитъ; этому благородному человѣку Эйловъ и дѣти его должны быть обязаны вѣчною благодарностію. 12 декабря, Поляки умертвили близь вышеозначенной соловарни 1000 Русскихъ и сожгли многія деревни. Въ тотъ же день прибыли въ Ярославль изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей панъ Александръ Лисовскій съ 500 казаковъ[101] и Янъ Шучинскій съ 900 конныхъ копѣйщиковъ; изъ Ярославля они двинулись къ Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всѣхъ жителей; потомъ пошли къ Костромѣ, Галичу и другимъ непокорнымъ городамъ: все обратили въ пепелъ и овладѣли несмѣтною добычею. Такъ миновалъ 1608 годъ, бѣдственный для Россіи; много пострадала она отъ стотысячнаго войска Димитріева!

ГЛАВА IX.

1609.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Лапуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго воеводы Шмита. Марина жена Тушинскаго вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.

Много страдала Россія въ 1608 году; 1609 былъ для нея несравненно злополучнѣе: во всѣхъ концахъ государства воспламенились войны; все доказывало, что Богъ прогнѣвался на Русскихъ,

1609. и рѣшился ихъ наказать; Димитрій продолжалъ осаду Москвы и Троицкой обители; воины его, числомъ до 100,000 человѣкъ, вездѣ, гдѣ только могли, обращали въ пепелъ города и села, грабили, убивали Москвитянъ. Добыча была несмѣтная; и въ Тушинѣ, и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ, всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались мороваго повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ; а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать: пили только медъ.

Въ семъ же году, Сигизмундъ король Польскій вступилъ въ Россію съ 20,000 воиновъ, явился подъ Смоленскомъ и хотѣлъ, чтобы этотъ городъ, изстари принадлежавшій Польшѣ, добровольно ему покорился. Но какъ жители отвѣчали на предложеніе пушечными выстрѣлами, то король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2 лѣтъ, т. е. до 13 іюня 1611 года. Во время столь продолжительной осады, пали на приступахъ многіе храбрые Нѣмцы, служившіе Сигизмунду; изъ цѣлаго полка ихъ осталось не болѣе 400 человѣкъ.[102] Осажденные могли и долѣе обороняться; но между ними появилась тяжкая болѣзнь, происшедшая отъ недостатка въ соли и уксусѣ; при взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, которые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности; городской валъ былъ толщиною въ 23 фута и такъ высокъ, что штурмовыя лѣстницы, въ 35 ступеней, не доставали до верха;[103] наваливъ вокругъ всей стѣны нѣсколько тысячъ возовъ съ каменьями, Смоляне даже безъ пушекъ, пороха, копей, саблей, легко могли бы отбить непріятеля, еслибъ при каждомъ отверстіи въ стѣнѣ было хотя по одному человѣку. Осадныя орудія мало вредили городскому валу, и только со стороны Днѣпра открылся проломъ въ 40 саженъ

шириною. Но это несчастіе такъ испугало жителей Смоленска, 1609.
что они, прекративъ защиту, гибли безъ всякаго сопротивленія; немногіе граждане думали найти спасеніе съ женами и дѣтьми въ крѣпкомъ замкѣ, и всѣ тамъ погибли отъ взрыва пороховаго погреба. Комендантъ Смоленска взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу.[104] Двухлѣтняя осада погубила 80,000 человѣкъ, разоривъ въ конецъ область Смоленскую, гдѣ не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка: враги все истребили.

За годъ до покоренія Смоленска, Василій Шуйскій предлагалъ Сигизмунду чрезъ нарочнаго посла престолъ Московскій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы король пособилъ одолѣть плута Лжедимитрія. Но чрезъ два дни послѣ предложенія, Поляки схватили Русскаго переметчика съ царскою грамматою къ Смоленскому воеводѣ. «Обороняйся», писалъ Шуйскій «какъ можно долѣе всѣми средствами; я между тѣмъ постараюсь вооружить Сигизмунда сладкими рѣчами противъ Самозванца; когда не станетъ обманщика, мы подумаемъ и о томъ, чтобы не многія изъ этихъ стриженыхъ головъ вышли изъ Россіи». Прочитавъ письмо, его королевское величество не мало дивился лукавству Москвитянъ. «Можно ли вѣрить теперь Русскимъ?» воскликнулъ Сигизмундъ. «Только дай, Боже, помощь: я проучу этаго бездѣльника, Шуйскаго; забудетъ онъ меня обманывать!»[105]

Между тѣмъ князь Михаилъ Скопинъ, посланный Шуйскимъ для набора иноземныхъ войскъ, возвратился изъ Швеціи и привелъ съ собою 3000 Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Понтуса-Делагарди.[106] Въ послѣдствіи скажемъ, какимъ образомъ Скопинъ хотѣлъ освободить Москву при помощи бояръ Новгородскихъ.

Лѣтомъ того же года, Татары напали на Россію съ другой стороны, и въ три или четыре недѣли увели множество плѣнниковъ. Бѣдные разоренные крестьяне скитались изъ края въ край; вездѣ были слышны вопли несчастныхъ: иной потерялъ жену и дѣтей, другой родителей; слезы вдовъ и сиротъ могли бы самый камень тронуть.

1609. Тогда же явился новый врагъ: то былъ Московскій бояринъ Ляпуновъ. Овладѣвъ нѣсколькими городами и принявъ имя *Бѣлаго Царя*, онъ воевалъ и съ Димитріемъ II, и съ Сигизмундомъ III и съ Василіемъ Шуйскимъ, для спасенія Русской вѣры. Гдѣ проходило его войско, тамъ трава не росла.[107]

Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, вспыхнулъ бунтъ въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Россіи: Вологда, Галичъ, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинскъ, Угличъ измѣнили Димитрію; со всѣхъ сторонъ являлись толпы необузданныхъ крестьянъ, которые истребляли Нѣмцевъ и Поляковъ съ неимовѣрною злобою. Бѣда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, отъ рукъ ея каждаго честнаго воина! Причиною мятежа была наглость панибратовъ: эти пришельцы, недовольные усердіемъ народа, охотно дававшаго имъ все нужное для продовольствія, грабили безъ милосердія бѣдныхъ Русскихъ, какъ будто непріятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали ихъ въ землю; но и это не помогало. Вѣсть о прибытіи Скопина и Понтуса-Делагарди наконецъ ободрила притѣсняемыхъ; народъ вооружился и отмстилъ Полякамъ: иныхъ повѣсилъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторыхъ побрасалъ въ проруби, съ такими словами: «Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу». Для усмиренія мятежа, посланы были паны Самуилъ Тишкѣвичъ и Лисовскій, первый въ Романовъ, а второй въ Ярославль; не успѣвъ одолѣть мятежниковъ, которые укрѣпились острогами и засѣками, они отправили къ жителямъ Ярославля для переговоровъ прежняго воеводу ихъ Іохима Шмита, избѣжавшаго смерти съ немногими Поляками. Шмитъ старался образумить Ярославцевъ, увѣряя, что Димитрій пришлетъ къ нимъ воеводу знатнаго, котораго Поляки будутъ бояться. Бунтовщики, подозвавъ несчастнаго мужа къ стѣнамъ крѣпости, вдругъ окружили его и увели въ городъ; онъ погибъ злою смертію: его бросили нагаго въ огромный котелъ, наполненный кипящимъ медомъ. Виновникомъ же неслыханнаго злодѣйства, зачинщикомъ всего мятежа, былъ тотъ самый богоотступ-

никъ Эйловъ, который однажды уже измѣнилъ Димитрію, попался 1609.
въ руки Поляковъ съ тремя дочерьми и только по ходатайству честнаго Шмита избавилъ себя отъ плѣна, а дочерей отъ посрамленія. Не довольствуясь несчастіемъ своего благодѣтеля, онъ старался еще болѣе озлобить Русскихъ. Злополучный Шмитъ до тѣхъ поръ варился въ котлѣ, когда тѣло его уже начало отставать отъ костей; наконецъ былъ выкинутъ за городскую стѣну на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Друзья не смѣли предать землѣ печальныхъ остатковъ мученика; вдова же его испытала горькія оскорбленія болѣе отъ измѣнника перекрещенца и его сообщниковъ, нежели отъ Русскихъ.

Смерть достойнаго мужа въ послѣдствіи отмстилъ панъ Лисовскій: предавъ огню городскія предмѣстья, онъ разорилъ въ конецъ область Ярославскую, истребивъ все, что ни встрѣтилъ; не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни дворянъ, ни земледѣльцевъ; сжегъ Кинешму, Поволжскъ, Георгіевскъ, и обремененный добычею, возвратился въ Троицкій лагерь. Перо не можетъ выразить всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1609 году. Я нерѣдко удивлялся ,какъ могла она столь долгое время переносить злополучіе!

Димитрій II, узнавъ о прибытіи Скопина въ январѣ 1609 года съ войскомъ Делагарди въ Новгородъ, отправилъ противъ него 4000 конныхъ копѣйщиковъ, подъ начальствомъ пана Керносицкаго. Этотъ панъ въ одномъ сраженіи разбилъ Шведовъ, прогналъ ихъ въ Новгородъ и осадилъ его. Осада продолжалась цѣлую зиму до мая мѣсяца. Димитрій не помнилъ себя отъ радости, и думая, что уже все выигралъ, тайно женился на вдовѣ Димитрія I, жившей въ Тушинскомъ лагерѣ, забывъ клятву, данную воеводѣ Сендомирскому, не прежде сочетаться бракомъ съ его дочерью, какъ по восшествіи на престолъ.[108] Онъ былъ упоенъ мечтою о своемъ величіи до такой степени, что только себя называлъ христіанскимъ царемъ во всей подсолнечной. Вотъ его титулъ: «Мы, Димитрій Ивановичъ, царь и государь всея Россіи, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и

1609. возвышенный надъ всѣми прочими царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый царь христіанскій въ подсолнечной, повелитель многихъ княжествъ и проч. и проч. и проч».

Между тѣмъ, не задолго до праздника св. Троицы, Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Новгорода, перешли болото, напали на Поляковъ врасплохъ и многихъ положили на мѣстѣ. Керносицкій долженъ былъ отступить въ Тушинскій лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрій проклиналъ Нѣмцевъ, даже злился и на тѣхъ, которые ему служили. Скопинъ же и Делагарди, одержавъ побѣду, двинулись впередъ, перешли Волгу и заняли Тверь; тутъ встрѣтились они съ 5,000 конныхъ копѣйщиковъ, высланныхъ Димитріемъ подъ начальствомъ пана Зборовскаго, сразились съ ними и, разбитые на голову, бѣжали за Волгу; но вскорѣ ободрились: на другой день опять начали битву и съ такимъ мужествомъ ударили на Поляковъ, что Зборовскій не могъ устоять; покрытый стыдомъ, потерявъ многихъ воиновъ, онъ удалился въ Тушинскій лагерь. [109] Эта неудача еще болѣе озлобила Димитрія противъ Нѣмцевъ.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, Скопинъ прибылъ къ Колязину монастырю и укрѣпился въ немъ съ Русскими боярами; Делагарди же сталъ подлѣ монастыря. Димитрій снова выслалъ противъ нихъ пана Зборовскаго, назначивъ ему въ помощь полководца Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь. Оба военачальника, предводительствуя 12,000 конныхъ копѣйщиковъ, до самаго сентября мѣсяца испытывали свое счастіе и старались вытѣснить непріятеля; но каждый разъ были отражаемы; наконецъ произошла рѣшительная битва. Понтусъ-Делагарди велъ Нѣмцевъ, Скопинъ Русскихъ бояръ: оба они напали на враговъ такъ стремительно, что Поляки бѣжали стремглавъ, и только подъ Троицкимъ монастыремъ могли опомниться отъ ужаса.

Не зная о такомъ происшествіи, Александръ Лисовскій смѣлою хитростію воинскою хотѣлъ покорить мятежный Ярославль; шелъ день и ночь, и уже достигалъ своей цѣли: раскинувъ лагерь въ 3 миляхъ отъ Ярославля, онъ хотѣлъ выдать себя за героя Скопина,

чтобы овладѣть городомъ нечаянно; но Скопинъ и Делагарди ус- 1609.
пѣли занять его. Лисовскій спѣшилъ отступить въ ночное время, но уже поздно: дорога къ Троицкому монастырю была занята Нѣмцами, которые, какъ объявилъ плѣнный бояринъ, поджидали только другаго отряда съ Давидомъ Щерупцовымъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ напасть на врага. Лисовскій не надѣялся на своихъ казаковъ, отступилъ къ Суздалю, гдѣ укрѣпился острогомъ, и держался цѣлую зиму; иногда дѣлалъ вылазки, опустошалъ сосѣдственные города и монастыри и всегда возвращался съ богатою добычею; наконецъ, узнавъ, что владычество Димитрія II кончилось и что войско Тушинское передалось Сигизмунду, оставилъ Суздаль въ маѣ мѣсяцѣ 1610 года, сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ на Псковъ; Псковитяне приняли его съ радостію, надѣясь имѣть защитника отъ Нѣмцевъ, которые нападали на нихъ изъ Шведскаго города Нарвы. Лисовскій въ самомъ дѣлѣ успѣлъ посредствомъ разныхъ происковъ переманить на свою сторону 300 Ирландцевъ и 500 Англичанъ; тогда Нѣмцы не смѣли болѣе тревожить Псковскихъ предѣловъ. Самъ же онъ, дѣйствуя въ пользу Сигизмунда, зимовалъ въ Миронычахъ; наконецъ свѣдавъ, что казаки и Русскіе хотятъ измѣнить ему, выступилъ изъ крѣпости, овладѣлъ Краснымъ и распустивъ всѣхъ иноземцевъ, набралъ дружину изъ 300 Поляковъ. Тамъ онъ находится и теперь, не измѣняя въ вѣрности Сигизмунду. Такимъ образомъ, отрѣзанный Делагардіемъ отъ своихъ сообщниковъ, Лисовскій долженъ былъ, подобно хитрой лисицѣ, искать другой норы для выхода изъ Россіи.

Принудивъ Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопинъ и Делагарди укрѣпились со всѣмъ войскомъ своимъ въ Слободѣ Александровской; тутъ они оставались до перваго пути. Поляки иногда нападали на нихъ; но ничего не выигравъ, спѣшили убраться восвояси. Въ день св. Мартина, Скопинъ и Делагарди рѣшились посѣтить Троицкій монастырь, чтобы покушать тамъ съ панибратами Мартинова гуся.[110] Поляки вовсе не ожидали такихъ незваныхъ гостей, забыли о гусяхъ и отступили къ Дмитровску, гдѣ въ укрѣпленномъ станѣ держались противъ Нѣмцевъ нѣсколько времени.

ГЛАВА X.

1610.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть воеводы Студницкаго. Тайный пріѣздъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедимитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.

Въ декабрѣ 1609 года Сигизмундъ прислалъ въ Тушинскій лагерь пановъ Стадницкаго, Збаражскаго, Людвига Мейера и ротмистра Манчина съ письмомъ къ главному полководцу Димитрія II, князю Роману Рожинскому, и къ Польской шляхтѣ. «Вспом-«ните», писалъ король, «какое преступленіе вы сдѣлали въ минув-«шемъ году, взбунтовавшись противъ своего государя! Я готовъ «забыть его и возвратить все, чего вы лишились, если только со-«гласитесь выдать обманщика, который называетъ себя Дими-«тріемъ». Королевскіе послы вели переговоры съ княземъ Рожинскимъ весьма скрытно, и Димитрій, ничего не подозрѣвая, съ каждымъ днемъ ожидалъ ихъ торжественнаго представленія. Но видя, что послы къ нему не являются, онъ призвалъ Рожинскаго и спросилъ: «Съ какимъ намѣреніемъ пріѣхали посланники и почему они «до сихъ поръ не идутъ ко мнѣ, хотя живутъ въ лагерѣ нѣсколько «недѣль?» Князь, уже задумавшій со многими господами исполнить королевское повелѣніе, притомъ же будучи пьянъ, грозилъ Димитрію побоями и отвѣтствовалъ: «Какое тебѣ дѣло к.... с.... «зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! «Довольно мы за тебя крови пролили, а награды еще не видимъ». Много подобныхъ вѣжливостей наговорилъ панъ Рожинскій. Димитрій выскочилъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ своей супругѣ и, упавъ ей въ ноги, сказалъ со слезами: «Мнѣ, или Рожинскому «должно погибнуть! Этотъ панъ такъ оскорбилъ меня, что я буду «недостоинъ видѣть твои очи, если не отмщу ему. Онъ за-одно «съ своимъ королемъ; тутъ скрывается злой умыселъ; я долженъ «удалиться! Ты же, моя милая супруга, останься здѣсь. Богъ да со-

«хранитъ насъ!» Сказавъ это, Димитрій нарядился въ крестьянское платье, и ночью, 29 декабря 1609 года, въ навозныхъ саняхъ отправился въ Калугу, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ. Въ лагерѣ никто не могъ придумать, куда дѣвался царь; нѣкоторые полагали, что онъ тайно убитъ. 1610.

Димитрій остановился въ монастырѣ, близъ Калуги, и отправилъ къ жителямъ города нѣсколько монаховъ съ такимъ извѣстіемъ: «Поганый король неоднократно требовалъ отъ меня страны «Сѣверской, называя ее вмѣстѣ съ Смоленскомъ своею собствен«ностію; но какъ я не хотѣлъ исполнить такого требованія, опа«саясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра поганая: то Сигизмундъ «замыслилъ погубить меня, и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, «склонить на свою строну полководца моего Рожинскаго и всѣхъ «Поляковъ, въ станѣ моемъ находящихся. Къ вамъ, Калужане, я «обращаю слово: отвѣчайте, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы «согласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и надѣюсь, съ помощію «св. Николая, при усердіи многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, «отмстить не только Шуйскому, но и коварнымъ Полякамъ. Въ «случаѣ же крайности, готовъ умереть съ вами за вѣру православ«ную: не дадимъ только торжествовать ереси; не уступимъ королю «ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города, или княжества!»

Такая рѣчь очень полюбилась кровожаднымъ жителямъ Калуги: они явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, проводили Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ воеводы Скотницкаго, снабдили его всѣмъ нужнымъ: одеждами, конями, винами, съѣстными припасами. Утвердясь въ Калугѣ, Димитрій послалъ немедленно за княземъ Шаховскимъ, который, выступивъ съ нѣсколькими тысячами козаковъ противу короля Польскаго, находился въ то время при Царево-Займищѣ, недалеко отъ Вязьмы. Князь прибылъ въ Калугу въ пятый день послѣ Крещенія. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ для себя новый Дворъ и во всѣ мѣста, гдѣ только были его приверженцы, разослалъ повелѣнія истреблять Поляковъ при всякомъ случаѣ. Отъ такого неожиданнаго поступка

1610. погибло много несчастныхъ жертвъ. Нѣмцы также пострадали: нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ купцовъ, которые везли въ Тушинскій лагерь, по дорогамъ Смоленской и Путивльской, бархатъ, шелкъ ружья, вино мальвасійское и пряныя коренья, бывъ перехвачены казаками и приведены въ Калугу, лишились всего, что имѣли, нѣкоторые и самой жизни; а спасшіеся отъ смерти пошли по-міру. Богу одному извѣстно, чего не претерпѣли они въ Калугѣ, Перемышлѣ и Козельскѣ! Сколько прежде Димитрій любилъ Нѣмцевъ, столько возненавидѣлъ ихъ въ послѣдствіи, когда потерпѣлъ важный уронъ въ битвахъ съ Делагардіемъ, и тѣмъ болѣе, когда бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря. Думая, что Нѣмцы благопріятствуютъ королю Польскому, онъ приказалъ отнять у нихъ помѣстья, самые домы, и отдать Русскимъ. Съ часу на часъ они ожидали насильственной смерти и не смѣли исполнять обрядовъ своего богослуженія. А болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Козельскѣ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, котораго старались всѣми силами погубить 25 Русскихъ поповъ, желавшихъ завладѣть его имуществомъ: Богъ спасъ его чудеснымъ образомъ.

На другой день послѣ бѣгства Димитріева, Поляки, Русскіе бояре и патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ общемъ совѣтѣ положили единогласно: жить въ мирѣ другъ съ другомъ, не передаваться ни королю, ни Шуйскому, не вѣрить никому, кто вздумаетъ явиться подъ именемъ Димитрія, а тѣмъ менѣе служить прежнему обманщику. Во время совѣщанія, Русскіе безъ пощады поносили царицу Марину, такъ, что она боялась остаться въ лагерѣ и тайно удалилась въ городъ Дмитровскъ, къ пану Сапѣгѣ.

7 января 1610 года Димитрій отправилъ изъ Калуги въ Тушинскій лагерь боярина Ивана Плещеева, съ приказаніемъ развѣдать мысли Польскихъ воиновъ; когда же замѣтитъ, что они желаютъ его возвращенія, объявить имъ, что царь пріѣдетъ съ казною и дастъ имъ жалованье за многія трети впередъ, если только они представятъ въ Калугу измѣнника Рожинскаго живымъ или мертвымъ. Это покушеніе было неудачно: Поляки не хотѣли измѣнить

клятвѣ, данной ими другъ другу послѣ Димитріева бѣгства. Пле- 1610.
щеевъ думалъ склонить по крайней мѣрѣ казацкаго атамана, Ивана Мартиновича Заруцкаго, и убѣждалъ его итти съ казаками въ Калугу; но и тутъ не имѣлъ успѣха: Заруцкій съ большею частію своего отряда отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; прочіе же казаки, наскучивъ столь странною войною, удалились въ свои степи, а служить Димитрію согласились не болѣе 500 человѣкъ, которые пошли въ Калугу; но были настигнуты Поляками и большею частію побиты.

Вскорѣ послѣ того, Димитрій подослалъ въ Тушино Калужскаго воеводу пана Казимира, настоящаго Вертумна: съ Поляками онъ былъ добрый Полякъ, съ Русскими Русскій; видя, что у самихъ Поляковъ ничего нельзя выиграть, Казимиръ успѣлъ поддѣлаться къ Рожинскому, который дозволилъ ему даже возвратиться въ Калугу, куда хитрый панъ хотѣлъ съѣздить, по словамъ его, только для того, чтобы взять свое имѣніе и навсегда бросить Димитрія. Рожинскій далъ ему письмо къ прежнему воеводѣ Скотницкому, который потерялъ милость Димитрія отказомъ итти подъ Смоленскъ, противъ короля Польскаго. Въ слѣдствіе письма, Скотницкій долженъ былъ склонить на сторону Рожинскаго находившихся въ Калугѣ Поляковъ и, схвативъ при помощи ихъ Димитрія, привезти его въ Тушинскій лагеръ. Но лукавый царедворецъ вручилъ письмо самому Димитрію, который, узнавъ содержаніе его, закипѣлъ гнѣвомъ и тотчасъ велѣлъ палачамъ бросить Скотницкаго ночью въ Оку. Добрый человѣкъ, видя смерть неизбѣжную, хотѣлъ знать по крайней мѣрѣ, за какую вину онъ погибаетъ? Палачи отвѣчали: «Царь велѣлъ намъ не разсуждать съ то-«бою, а бросить тебя въ воду». Потомъ, накинувъ на шею петлю, потащили его, какъ дохлую собаку. Вотъ послѣднія слова несчастнаго: «Такой ли награды ожидалъ я за вѣрную службу и двухлѣтнюю «оборону Калуги! Господи, помилуй меня!» Жена и дѣти его лишились своего имущества. При томъ случаѣ раздраженный Димитрій сказалъ: «Только бы взойти мнѣ на престолъ: не оставлю въ

1610. «живыхъ ни одного иностранца; не пощажу и младенцевъ въ «матерней утробѣ!»

13 января того же года, пріѣхалъ въ Калугу царицынъ коморникъ, [111] юноша красивый и ловкій, съ словеснымъ донесеніемъ о прибытіи Марины въ городъ Дмитровскъ; царь вскорѣ отправилъ его обратно и просилъ царицу какъ можно скорѣе пріѣхать въ Калугу, чтобы не попасть въ руки Поляковъ, которые, какъ онъ извѣстился, хотѣли отвезти ее къ королю Польскому въ Смоленскій лагерь. Между тѣмъ Скопинъ и Делагарди приступили къ Дмитровску; устрашенный Сапѣга убѣждалъ царицу удалиться въ Калугу, если не желаетъ отправиться къ отцу своему. «Мнѣ ли, царицѣ Всерос- «сійской», сказала ему Марина, «въ такомъ презрѣнномъ видѣ явиться «къ роднымъ моимъ! Я готова раздѣлить съ царемъ все, что Богъ «ни пошлетъ ему». Она рѣшилась ѣхать въ Калугу; велѣла сшить для себя мужской Польскій кафтанъ изъ краснаго бархату, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сѣвъ на коня, отправилась въ путь. Сапѣга далъ ей въ провожатые 50 казаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ Дмитровскѣ: проскакавъ 48 Нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени, и назвала себя Димитріевымъ коморникомъ, привезшимъ важное извѣстіе, коего никому, кромѣ царя, сообщить не можетъ. Димитрій тотчасъ догадался: велѣлъ казакамъ отпереть ворота и впустить мнимаго коморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня, и всѣ увидѣли царицу! Пріѣздъ ея произвелъ радость неизъяснимую. Не имѣя при себѣ ни одной Польки, она учредила новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.

Между тѣмъ, Скопинъ овладѣлъ наканунѣ масляницы Дмитровскимъ острогомъ и принудилъ пана Сапѣгу отступить къ монастырю св. Іосифа. Оставивъ здѣсь нѣсколько сотъ казаковъ, Сапѣга уѣхалъ къ королю, подъ Смоленскъ; войско же его расположилось зимовать на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной, обильной съѣстными припасами и еще не испытавшей опустошительной войны: теперь

дошла очередь и до нея! По удаленіи Сапѣги, вскорѣ опустѣлъ и 1610.
Тушинскій лагерь.

Въ то же время Иванъ Тарасовичъ Граматинъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, люди пронырливые и лукавые, со многими боярами явились къ Сигизмунду и совѣтовали ему овладѣть Русскимъ государствомъ, сиротѣющимъ безъ достойнаго и законнаго правителя. «Дорога къ престолу», говорили они «уже проло-«жена Димитріемъ; вся страна, до самой Москвы, ему покорилась; «никогда не будетъ тебѣ столь удобнаго случая къ покоренію «Россіи; мы же съ своей стороны убѣдимъ соотечественниковъ «покинуть Шуйскаго и покориться вашему величеству». Тогда же Поляки, оставленные Димитріемъ, прислали къ Сигизмунду просьбу, въ коей изъявляли готовность служить ему противъ Русскихъ, если король заплатитъ имъ жалованье, невыданное Димитріемъ за прошедшее время. Сигизмундъ отвергнулъ условіе, объявивъ, что согласенъ производить жалованье только съ того времени, когда Поляки поступятъ къ нему въ службу. Огорченные отказомъ, они проклинали Рожинскаго, измѣнившаго царю; не щадили и самихъ себя за безчестное нарушеніе клятвы, данной Димитрію. Весьма немногіе изъ Тушинскихъ Поляковъ пришли въ станъ королевскій; товарищи ихъ соединились большею частію съ войскомъ Сапѣги, стоявшимъ на Угрѣ, и ожидали тамъ отвѣта на свою просьбу о выдачѣ жалованья, рѣшившись дѣйствовать сообразно съ отзывомъ: между тѣмъ, грабили и опустошали окрестную страну, которую въ конецъ разорили.

Скопинъ и Делагарди вошли въ столицу безъ всякаго препятствія. Въ теченіе одного года, они очистили все пространство отъ Ливоніи до самой Москвы, такъ, что изъ стотысячной рати, около двухъ лѣтъ осаждавшей Москву и Троицкій монастырь, не видно было ни одного Поляка, ни одного Казака: все бѣжало отъ горсти Нѣмцевъ! Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ офицеровъ золотою и серебряною посудою; выпла-

610. тилъ всему войску жалованье золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала Нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и Москвитяне съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить гостей противъ непріятеля. Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швеціи, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду — ядъ. Царь приказалъ отравить его, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа.[112]

Около пасхи, въ концѣ зимы, Сапѣга возвратился къ войску, стоявшему на Угрѣ, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ Сигизмунда: король велѣлъ сказать, что Димитрія онъ и знать не хочетъ, а согласенъ давать жалованье чрезъ каждую четверть года только тѣмъ Полякамъ, которые согласятся служить въ королевскомъ войскѣ. Недовольное отвѣтомъ Польское рыцарство, служившее прежде подъ начальствомъ Сапѣги и Рожинскаго, спѣшило оправдаться предъ Димитріемъ и отправило къ нему посла, который объявилъ, что Поляки никогда и не думали измѣнять его величеству, что предателемъ былъ одинъ Рожинскій съ немногими сообщниками; что Богъ уже наказалъ смертью вѣроломнаго измѣнника; что Сигизмунду передались только его клевреты; рыцарство же Польское не хотѣло нарушить присягу, не выходило изъ лагеря и теперь готово послужить царю, если только получитъ жалованье за прежніе 9 мѣсяцевъ, соглашаясь ожидать терпѣливо уплаты остальнаго въ послѣдствіи. Димитрій, очень обрадованный такою вѣстію, отвѣчалъ Полякамъ, что онъ вскорѣ пріѣдетъ къ нимъ съ деньгами; и собравъ не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившагося, немедленно отправился съ Русскими и казаками на берега Угры. Тамъ примирился съ своими старыми сподвижниками, выдалъ имъ жалованье за три четверти года, взялъ новую присягу въ вѣрности и отдалъ приказъ: послѣ Троицына дня снова двинуться на Москву.

Между тѣмъ Шуйскій выслалъ войско подъ начальствомъ сво-

ихъ бояръ, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигиз- 1610.
мунда отъ Смоленска; при семъ случаѣ Делагарди получилъ отъ царя много денегъ на жалованье своимъ воинамъ. Нѣмцы и большая часть Русскихъ остановились въ городѣ Можайскѣ, а Григорій Волуевъ съ значительнымъ отрядомъ отправился впередъ, чтобы развѣдать о числѣ непріятелей, стоявшихъ подъ Смоленскомъ; но узнавъ въ Царево-Займищѣ о приближеніи Станислава Жолкѣвскаго съ великими силами, Волуевъ расположился лагеремъ близъ лѣса, и укрѣпившись окопомъ, увѣдомилъ о томъ прочихъ воеводъ. Жолкѣвскій не замедлилъ осадить его, а Русскіе воеводы вмѣстѣ съ Делагардіемъ спѣшили отъ Можайска выручить передовой отрядъ. Это случилось 23 іюля. Свѣдавъ о движеніи царскихъ воеводъ, Жолкѣвскій раскинулъ станъ подлѣ самыхъ укрѣпленій Волуева, обнесъ его тыномъ и оставивъ тамъ небольшой отрядъ легкой конницы, съ приказаніемъ непрестанно быть въ виду осажденныхъ и уговаривать Волуева покориться королю Польскому, самъ между тѣмъ пошелъ на встрѣчу Москвитянамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Делагарди; оба войска сразились въ Ивановъ день, близъ села Клушина, въ 6 миляхъ отъ Можайска: во время битвы, двѣ роты Французовъ передались Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ Поляками начали стрѣлять по Русскимъ, которые, бывъ устрашены измѣною, бросились бѣжать къ Москвѣ и оставили союзниковъ своихъ, Нѣмцевъ. Послѣдніе долго сражались съ упорствомъ и уже побили лучшихъ Польскихъ всадниковъ; но замѣтивъ, что Русскіе оставили поле битвы и что имъ однимъ не устоять противъ Поляковъ, вступили съ непріятелемъ въ переговоры. «Мы готовы сдать-«ся», говорили Нѣмцы, «если только жизнь наша будетъ въ без-«опасности; въ противномъ случаѣ станемъ биться до послѣдняго «человѣка». Поляки прекратили сѣчу и прислали къ нимъ пана Зборовскаго съ клятвеннымъ увѣреніемъ, что будутъ невредимы. Многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить обѣщанію, не забывъ вѣроломнаго поступка Поляковъ съ Динаминдскимъ гарнизономъ, который, сдавшись на честное слово, былъ весь истребленъ. Они напомнили

*

1610. о томъ пану Зборовскому: тогда поклялись знатнѣйшіе изъ Польскихъ вельможъ, что плѣнные не лишатся ни жизни, ни оружія. Нѣмцы рѣшились сдаться. Въ самомъ дѣлѣ договоръ былъ свято соблюдаемъ: кто хотѣлъ служить его величеству, давалъ присягу; а кто не хотѣлъ, удалялся безпрепятственно.[113]

Торжествуя побѣду, Станиславъ Жолкѣвскій возвратился къ Царево-Займищу и приказалъ плѣннымъ боярамъ извѣстить Волуева, что все Русское войско разсѣяно, а Нѣмцы покорились Сигизмунду. Волуевъ, переговоривъ съ плѣнными боярами, сдался со всѣмъ отрядомъ пану Жолкѣвскому. Послѣ того Поляки, Нѣмцы и Русскіе подступили къ Москвѣ и осадили ее съ одной стороны. Въ то же время прибыли изъ Погорѣлаго[114] капитаны Нѣмецкихъ ротъ Лавилла и Эбертъ: соединясь съ войсками его королевскаго величества, они овладѣли Іосифовымъ монастыремъ и весь отрядъ, тамъ находившійся, изрубили до послѣдняго человѣка; этому отряду, бывшему на сторонѣ Димитрія, поручена была защита Іосифова монастыря паномъ Сапѣгою, когда онъ вывелъ войско свое на Угру, а самъ отправился къ королю подъ Смоленскъ.

Димитрій, раздраженный такимъ событіемъ, немедленно приказалъ побросать въ воду всѣхъ Нѣмцевъ, при немъ находившихся. «Теперь-то я вижу», говорилъ онъ, «что Нѣмцы мнѣ ни сколько «не преданы: они служатъ невѣрному королю и бьютъ моихъ людей, «забывъ, что во всемъ мірѣ одинъ я государь христіанскій. Всѣ «они дадутъ отвѣтъ, лишь только бы взойти мнѣ на престолъ!»

Бояре, услышавъ дьявольское слово, спѣшили другъ за другомъ безстыдно оклеветать Нѣмцевъ, особенно жившихъ въ Козельскѣ; послѣднихъ ненавидѣли за то, что опасались потерять прекрасныя деревни, прежде пожалованныя Нѣмцамъ за вѣрную службу, потомъ отобранныя безъ всякой вины ихъ, по одному подозрѣнію, и розданныя царскимъ совѣтникамъ: князю Григорію Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайлѣ Константиновичу Юшкову, Третьякову и другимъ. Бояре, день и ночь искавшіе средствъ къ погубленію Нѣмцевъ, опасались не безъ причины: ибо

знали невинность честныхъ людей, которые не щадили своей жи- 1610.
зни за Димитрія, теряли здоровье, лишились друзей и пріятелей. И такъ, едва разгнѣванный Димитрій поклялся истребить всѣхъ Нѣмцевъ, въ Россіи находившихся, господа сенаторы донесли ему, что мнимые измѣнники переписывались съ Поляками и предлагали его королевскому величеству сдать городъ Козельскъ, что свѣдавъ о какой либо неудачѣ войска Димитріева, они были внѣ себя отъ радости, плясали, пѣли, веселились, между тѣмъ, какъ вѣрные Москвитяне предавались горести. Клевета еще болѣе озлобила Димитрія: онъ въ ту же минуту отправилъ въ Козельскъ гонца, а въ Калугѣ далъ повелѣніе: какъ скоро приведутъ Нѣмцевъ (числомъ 52), безъ всякаго допроса побросать въ Оку. Приговоръ вѣрно былъ бы исполненъ, если бы не спасъ несчастныхъ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, которому готовилась та же участь. Распрашивая дорогою обреченныхъ на смерть, точно ли писали они къ Польскому королю, не получали ль отъ него писемъ, или вообще не знаютъ ли за собою какой либо измѣны противъ Димитрія, Беръ требовалъ искренняго признанія, чтобы легче дать отвѣтъ и отвратить бѣду, обѣщая никому не сказывать словъ ихъ: всѣ Нѣмцы клялись небомъ въ невинности и преданности царю-государю. Пастырь съ своей стороны также поклялся, ободрялъ спутниковъ надеждою на Божіе милосердіе, говорилъ, что Всевышній не допуститъ погубить невинныхъ, что въ Его рукѣ сердце царево, что Онъ внушитъ государю справедливость и разсѣетъ прахомъ замыслы враговъ высокомѣрныхъ.

Но какъ ни старался пастырь одушевить мужествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, они, большею частію, были неутѣшны, и многіе выдумывали странныя средства къ своему спасенію: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнувъ Калуги, гдѣ находился Димитрій съ дворомъ своимъ, Беръ оставилъ спутниковъ на лугу близь Оки, а самъ хотѣлъ узнать отъ духовныхъ дщерей своихъ, фрейлинъ царицыныхъ, что было причиною столь ужаснаго царскаго гнѣва? Для того взялъ съ собою капитана Давида Гильбертса, прапорщика

610. Мойтцена и двухъ Ливонскихъ дворянъ, переправился чрезъ рѣку и вмѣстѣ съ провожатыми пробрался къ царицинымъ фрейлинамъ. Гофмейстерина изумилась, увидѣвъ духовнаго отца: спрашивала, зачѣмъ онъ оставилъ несчастныхъ, и со слезами говорила, что никакія просьбы не могутъ смягчить царскаго гнѣва, что всѣхъ Нѣмцевъ ожидаетъ неизбѣжная смерть. «Да поможетъ намъ Богъ!» отвѣчалъ Мартинъ Беръ. «Онъ знаетъ нашу невинность. Если же смерть неизбѣжна, умремъ по крайней мѣрѣ съ утѣшительною мыслію, что погибнемъ не какъ преступники, а какъ истинные христіане, которые всегда подвергаются гоненію, клеветѣ и всякимъ опасностямъ. Господь, Отецъ нашъ, воздастъ въ свое время каждому по дѣламъ. Я также терплю гоненіе отъ Русскихъ, хотя служу не царю, а Богу, никогда не замышлялъ вреднаго противъ его величества и всегда молился за него съ духовными дѣтьми своими. Не жалуюсь на его неблагодарность: такъ всегда награждаетъ міръ истинныхъ христіанъ! Но всѣ прихожане клялись мнѣ царствомъ небеснымъ, что никто изъ нихъ не знаетъ никакой вины за собою; мы смѣло пустились въ дорогу, поручивъ себя благости Всевышняго: если бы совѣсть насъ упрекала, мы безъ сомнѣнія избрали бы иной путь».

Послѣ того пастырь убѣждалъ гофмейстерину и госпожъ фрейлинъ разсказать обо всемъ царицѣ и умолить ее слезами, чтобы она испросила у его величества не помилованія измѣнникамъ, а пощады людямъ вовсе невиннымъ. «Доложите государынѣ», говорилъ Беръ «что въ числѣ обреченныхъ на смерть есть дѣти, что вмѣстѣ съ ними погибаютъ духовный отецъ и многіе родственники падшихъ на полѣ битвы за его величество; что если и сіи витязи трехлѣтней войны умрутъ позорною смертію, во всей Россіи не будетъ никого ихъ злосчастнѣе. Мы просимъ одного», заключилъ Беръ «чтобы милосердая царица убѣдила его величество отдѣлить безвинныхъ отъ виновныхъ: первые да будутъ помилованы, а послѣдніе да испытаютъ всю тяжесть царскаго гнѣва!» Тронутыя словамип астора, всѣ фрейлины пошли къ царицѣ, упали къ ногамъ ея и такъ горько плакали, что ни одна ни могла выговорить ни

слова. Царица, глядя на нихъ, также заплакала, велѣла имъ встать и 1610.
догадываясь, о чемъ идетъ дѣло, спросила: «Пріѣхали ли Нѣмцы изъ Козельска?» «Русскіе выгнали ихъ, не исключая и духовнаго отца нашего!» отвѣчали, рыдая, госпожи фрейлины; потомъ весьма трогательно убѣждали царицу помиловать несчастныхъ. «Не плачьте, дѣти мои!» сказала ея величество. «Царь страшно гнѣвается на всѣхъ Нѣмцевъ: уже отданъ приказъ утопить ихъ въ Окѣ, какъ скоро они сюда прибудутъ; никто не смѣетъ просить о пощадѣ; но я попытаюсь, не тронется ли онъ моими слезами, и не успѣю ли я на этотъ разъ спасти ихъ».

Сказавъ сіе, царица немедленно послала камердинера къ лютому Шаховскому, которому поручено было исполнить царскую волю, съ приказаніемъ остановить казнь до другаго повелѣнія, угрожая смертью въ случаѣ ослушанія; другаго же камердинера послала къ царю съ просьбою удостить ее на минуту своимъ посѣщеніемъ. Царь не хотѣлъ видѣть своей супруги. «Знаю, чего она хочетъ!» сказалъ Димитрій. «Она будетъ просить за поганыхъ Нѣмцевъ; «напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сего же дня, или я не Димитрій! «А если она вздумаетъ меня безпокоить, утопить и ее вмѣстѣ съ «Нѣмцами!» Такой отвѣтъ весьма опечалилъ царицу. «Богъ знаетъ», сказала она, «чѣмъ такъ провинились бѣдные Нѣмцы!»

Одна фрейлина тотчасъ побѣжала къ пастору и объявила ему со слезами, что просьба царицы безуспѣшна. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ пасторъ, и въ ту же минуту послалъ дворянина Рейнгольда Энгеланда за Нѣмцами, бывшими на другой сторонѣ Оки, велѣвъ имъ взять церковную утварь, для того, чтобы вкусивъ св. Тайнъ, послѣдовать примѣру Христа Спасителя. Ожидая прибытія духовныхъ дѣтей, онъ молился и пѣлъ псалмы, которые сочинилъ въ злополучныя минуты. Эти псалмы будутъ приложены въ концѣ лѣтописи.[115]

Между тѣмъ, царица рѣшилась притти къ Димитрію со всѣми своими женщинами, упала ему въ ноги и просила со слезами разсмотрѣть хладнокровно, всѣ ли Нѣмцы виноваты, чтобы не жалѣть

1610. послѣ о невинныхъ, какъ о воеводѣ Скотницкомъ; убѣждала размыслить, что на смерть осуждено 52 человѣка, что въ томъ числѣ одинъ пасторъ, много безвинныхъ отроковъ; что вдовы и сироты, потерявъ мужей и отцовъ, не престанутъ умолять небо о страшной мести дерзкому виновнику слезъ ихъ, и что правосудіе предписываетъ наказать только преступниковъ. Сначала Димитрій ничего и слышать не хотѣлъ; наконецъ смягчился трогательною просьбою царицы, поднялъ ее, и всѣмъ женщинамъ также велѣлъ встать. Потомъ спросилъ камердинера: «Далеко ли отсюда до Козельска?» 12 миль, было отвѣтомъ. «И они уже здѣсь!» воскликнулъ царь; «я только вчера послалъ за ними! Чуть ли бояре не наболтали «много лишняго. Не понимаю, какъ могли Нѣмцы такъ скоро пріѣхать! — Они твои», примолвилъ Димитрій, обращаясь къ царицѣ, «дѣлай съ ними, что хочешь».

Печальные Нѣмцы собрались въ одинъ домъ, и уже готовились принять св. Тайны, какъ вдругъ явился главный коморникъ царицинъ Георгъ Гребсбергъ, съ радостною вѣстью, что бѣда миновала и что государыня исходатайствовала у царя милость. «Радуйтесь, Нѣмцы», говорилъ коморникъ, «молитесь о здравіи царя и царицы, своей матери; будьте покорными дѣтьми ея!» «Богъ да сохранитъ милосердую нашу государыню, вмѣстѣ съ супругомъ ея! Вѣчно будемъ молиться за нихъ!» отвѣчали Нѣмцы.

По удаленіи коморника, пасторъ обратился къ духовнымъ дѣтямъ и сказалъ: «Любезные друзья! въ третій разъ мы дѣлаемся жертвою клеветы; Богъ доселѣ хранилъ невинныхъ отъ погибели; но если бы не открылся случай умилостивить царицу, мы пропали бы навѣрное; жены же и дѣти наши мало бы выиграли отъ того, что мы погибли невинно. Подадимъ царицѣ просьбу, въ которой, изъявивъ благодарность, скажемъ, что какъ никто изъ насъ не знаетъ за собою преступленія противъ его величества, то всѣ мы просимъ не милости царской, а строгаго правосудія, и что если хотя одинъ изъ насъ окажется виновнымъ, мы всѣ умереть согласны; посему станемъ просить царицу, чтобы она убѣдила государя

дать намъ очную ставку съ неизвѣстными доносчиками. Они гово- 1610.
рятъ, будто мы писали къ Сигизмунду; пусть представятъ эти письма: каждый знаетъ руку товарища; никто не отречется отъ собственнаго почерка. Мы увѣрены въ своей невинности и преданности государю». Такой совѣтъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Царица, принявъ просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмѣялся. «Правда», говорилъ онъ, «я никогда не думалъ, чтобы Нѣмцы мнѣ измѣнили: вотъ уже третій годъ они несутъ трудную службу. Завтра же, подъ чистымъ небомъ, въ присутствіи всѣхъ бояръ, всего народа, доставлю имъ случай оправдаться». Такъ и случилось.

На другой день, Димитрій предъ выходомъ къ обѣднѣ, увидѣвъ Нѣмцевъ подлѣ крыльца и узнавъ капитана Давида Гильбертса и прапорщика Томаса Мойтцена, сказалъ громко: «Нѣмцы! за трехлѣтнюю усердную службу, я далъ вамъ награду царскую, далъ помѣстья бояръ и князей; вы разбогатѣли и жили въ довольствѣ; всѣ сосѣды ваши знаютъ это. Но когда вы мнѣ измѣнили, перестали оказывать должное почтеніе, хотѣли предать Козельскъ поганому королю Польскому и перейти на его сторону, я взялъ обратно пожалованныя вамъ помѣстья и роздалъ ихъ моимъ боярамъ; а васъ велѣлъ сюда привести и бросить въ Оку». «Даруй Богъ тебѣ, царь-государь! здравіе», отвѣчали Нѣмцы съ низкимъ поклономъ; «мы ни въ чемъ не виноваты; намъ и въ умъ не приходило того, что на насъ насказали. Мы просимъ не милосердія, а строгаго правосудія. Пусть каждый преступникъ воспріиметъ должную казнь. Благоволи, царь-государь, оказать намъ эту милость!» Димитрій сошелъ съ крыльца вмѣстѣ съ боярами и, указавъ на нихъ пальцемъ, примолвилъ, обращаясь опять къ Нѣмцамъ: «Вотъ ваши обвинители! Сверхъ того, я получилъ доносъ изъ Козельска отъ воеводы, бояръ, священниковъ и гражданъ». «Государь!» воскликнули обвиняемые, «въ твоей власти воеводы, князья, бояре, какъ и мы иноземцы: вели имъ вознаградить насъ, или пусть займутъ наше мѣсто!»

1610. Царь, сѣвъ на лошадь, обратился къ господамъ боярамъ и сказалъ: «Я вижу невинность моихъ иноземцевъ, и думаю, что вы поступили съ ними, какъ бездѣльники. Если же вы правы, покажите письма и уличите виновныхъ». Бояре, не имѣя средствъ того сдѣлать, смотрѣли на Нѣмцевъ съ видомъ презрѣнія и говорили: «Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ». Тутъ его величество явилъ свое правосудіе. «Нѣмцы!» сказалъ онъ ласково, «вы правы! Бояре изъ одной ненависти васъ преслѣдуютъ. Все, чего вы лишились, получите обратно». Потомъ продолжалъ: «Князья и бояре! отдайте немедленно имъ деревни, бывшія причиною вашей зависти; а вы, Нѣмцы, будьте вѣрны и впредь, какъ были до сихъ поръ. Вы получите и другія помѣстья; удалитесь отъ враговъ своихъ изъ Козельска; живите со мною въ Калугѣ: тутъ, при моихъ глазахъ, бояре не станутъ васъ безпокоить». Такъ злодѣи умножили счастіе добрыхъ, а сами покрылись вѣчнымъ стыдомъ!

На обратномъ пути, пасторъ говорилъ духовнымъ дѣтямъ своимъ: «Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавиться отъ несчастія. Царь объявилъ, что мы окружены врагами, которые завидуютъ, вѣроятно, и тому, что у насъ осталось. Я рѣшился покинуть свой домъ; возьму жену, дѣтей, а если можно, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пускай изготовиться въ дорогу: завтра мы отправимся. Не будемъ искушать Бога; довольно мы уже пострадали. Кто ищетъ опасности, тотъ и погибаетъ». Одни согласились на предложеніе пастора; перевезли женъ, дѣтей, и поселились въ Калугѣ; другіе же изъ скупости не хотѣли бросить имѣнія и остались въ Козельскѣ, среди гонителей христіанъ; но вскорѣ испытали Божій гнѣвъ вмѣстѣ съ варварами: 1 сентября незапно пришли отъ Смоленска *вольные люди;* въ два часа овладѣли беззащитнымъ городомъ, побили 7,000 человѣкъ, и предавъ его пламени, увели въ плѣнъ князей, бояръ, воеводу и всѣхъ Нѣмцевъ, которые отвергли совѣтъ духовнаго заступника своего; жены и дѣти ихъ также достались въ руки Поляковъ; все добро ихъ было разграблено.

ГЛАВА XI.

1610.

Жолкѣвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Послѣднее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть хана Касимовскаго. Петръ Ерусланов. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо султана къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій, одержавъ рѣшительную побѣду при Клушинѣ, разсѣялъ всю рать Московскую, склонилъ на свою сторону Нѣмцевъ Делагардіевыхъ, заставилъ отрядъ Валуева положить оружіе и наконецъ осадилъ Москву со стороны Можайска. Въ то же время Димитрій II, выступивъ изъ Калуги съ своими Поляками, овладѣлъ Пафнутьевымъ монастыремъ и сжегъ его до основанія, перебивъ въ немъ всѣхъ монаховъ, священниковъ, бояръ и 500 стрѣльцевъ, присланныхъ изъ Москвы на помощь. Москвитяне были въ отчаяніи: не успѣвъ избавиться отъ одного непріятеля, они увидѣли предъ собою другаго.

Среди всеобщаго унынія, три отважные боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкѣвскимъ, Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили заговоръ противъ царя Василія Ивановича: 14 іюля они вышли на Лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская. «Ее», говорили бояре «какъ беззащитную овчарню опустошаютъ воѣки. Бѣдные жители гибнутъ, и никто не хочетъ, или не можетъ спасти ихъ: царь уже третій годъ ни въ чемъ не имѣетъ счастія, ибо неправдою присвоилъ себѣ правленіе; не одна сотня тысячъ за него пострадала; кровопролитію не будетъ конца, пока не оставитъ престола злосчастный государь, который съ своими братьями только умѣетъ терять сраженія. Если нашъ голосъ», заключили бояре «заслуживаетъ нѣкоторую довѣренность гражданъ, родъ Шуйскаго долженъ быть сведенъ съ престола; а царемъ государственные чины изберутъ того, кого укажетъ Богъ». Этотъ совѣтъ весьма понравился Москвитянамъ:

1610. они рѣшились немедленно приступить къ дѣлу. Тогда бояре велѣли имъ итти въ Кремль и объявить свое намѣреніе царскимъ совѣтникамъ: граждане тотчасъ бросились съ начальниками мятежа въ палаты Шуйскаго, взяли корону и скипетръ, отнесли ихъ въ казну, а царя отвели въ прежній домъ его; тамъ выстригли ему нѣсколько волосъ и принудили его быть монахомъ.

На другой день Москвитяне собрались за городомъ, въ той сторонѣ, гдѣ не было непріятелей, для рѣшенія, кому изъ бояръ вручить царскую корону. Но какъ скоро началось совѣщаніе и знатнѣйшія особы вмѣстѣ съ прочими стали подавать голоса, выступили впередъ нѣсколько человѣкъ съ такими словами: «Въ числѣ князей нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что онъ знатнѣе другихъ родомъ и саномъ: слѣдовательно, если выберемъ царемъ какого либо князя, бояре будутъ ему завидовать и крамольничать: никто не любитъ кланяться равному! И такъ возмемъ чужеземца, который самъ былъ бы королевскаго рода и въ Россіи не имѣлъ бы себѣ подобнаго. Въ Римской имперіи много королей, достойныхъ носить нашу корону; но нѣтъ ни одного, кто и языкомъ, и одеждою, и обычаями такъ былъ бы съ нами согласенъ, какъ Сигизмундъ король Польскій, или сынъ его Владиславъ, уже герой знаменитый. Возведемъ его на престолъ; только тогда успокоится Россія; иначе, при всякомъ другомъ царѣ, бѣдствіямъ не будетъ конца. О Димитріи не говоримъ ни слова: каждому извѣстно, что онъ плутъ и обманщикъ, бѣглый учитель Бѣлорусскій, достойный не престола, а висѣлицы. И такъ, господа, если вы согласны, мы подумаемъ объ условіяхъ, съ коими возведемъ Владислава на престолъ, такъ, что наша вѣра и обычаи останутся неприкосновенными, и народъ не будетъ обремененъ новыми налогами: извольте объявить ваше мнѣніе!»

Всѣ сословія, воскликнувъ, что ничего не можетъ быть лучше этого совѣта, опредѣлили привести его въ исполненіе, только осмотрительно; потомъ въ добромъ согласіи возвратились въ Москву. Съ Жолкѣвскимъ немедленно заключено было перемиріе; а подъ

Смоленскъ отправлено посольство съ предложеніемъ Владиславу 1610.
Русскаго престола, но на многихъ условіяхъ. Сигизмундъ, выслушавъ пословъ, отпустилъ ихъ съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ[116] и уполномочилъ полководца своего Жолкѣвскаго вступить съ Русскими въ переговоры, давъ ему право дѣйствовать по его собственному благоусмотрѣнію и напередъ соглашаясь на все, что онъ ни сдѣлаетъ, кромѣ двухъ статей: 1) королевичъ не перемѣнитъ вѣры и 2) будетъ имѣть при себѣ Польскій дворъ: ибо Сигизмундъ не хотѣлъ предать его одного въ руки Москвитянъ. Впрочемъ же на все былъ согласенъ; обѣщалъ Москвитянамъ свободу вѣроисповѣданія, неприкосновенность ихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, и увѣрялъ, что сынъ его не только не дозволитъ нарушать Русскія права, но и будетъ имѣть о нихъ особенное попеченіе.

Обрадованные королевскимъ отвѣтомъ, Москвитяне поклялись признать Владислава царемъ и служить ему вѣрно, пока онъ не нарушитъ предложенныхъ условій; Жолкѣвскій съ своей стороны далъ клятву именемъ Владислава, что всѣ статьи будутъ свято соблюдаемы и что самъ королевичъ вскорѣ пріѣдетъ въ Москву для принятія царства въ свое владѣніе. Послѣ того Польскій военачальникъ въ лицѣ государя приглашенъ былъ въ Кремль, гдѣ ему поднесли весьма богатые дары. Москвитяне подружились съ Поляками: толпы однихъ стремились въ лагерь, толпы другихъ въ Москву; ласкали, честили другъ друга.

Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ отъ нѣкоторыхъ бояръ и казаковъ, пріѣхавшихъ къ нему изъ Москвы, что жители присягнули Владиславу, но что въ ней есть люди ему преданные, и нужно только подступить къ столицѣ, чтобы поселить въ жителяхъ раздоръ, немедленно оставилъ Пафнутьевъ монастырь, собралъ всѣхъ преданныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Казаковъ, Татаръ, Русскихъ, и расположился лагеремъ между Москвою и Коломенскимъ монастыремъ, въ надеждѣ на счастливый успѣхъ своихъ клевретовъ. Надежда его была напрасна: ежедневныя вылазки Москвитянъ доказывали, что народъ вовсе не помышляетъ ему покориться. Вскорѣ

1610. онъ замѣтилъ, что въ столицѣ появились Польскіе копѣйщики и что Поляки, ему служившіе, весьма неохотно дерутся съ своими единоземцами; тутъ Самозванецъ съигралъ прежнюю ролю: бѣжалъ изъ лагеря, и покрытый срамомъ, возвратился въ Калугу съ нѣсколькими сотнями казаковъ и Романовскихъ Татаръ, въ день св. Варѳоломея. [117]

По удаленіи Димитрія, Поляки одинъ за другимъ приходили въ Москву: вскорѣ собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ. Нѣмцы также успѣли пробраться въ столицу, въ числѣ 800 воиновъ. Размѣщенные въ Кремлѣ, лучшей крѣпости Московской, они имѣли въ рукахъ своихъ военные снаряды. 5,000 Поляковъ, вопреки желанію Москвитянъ, заняли внѣшній замокъ и учредили стражу вокругъ третьей стѣны: имъ отпускались въ избыткѣ всякіе съѣстные припасы и сверхъ того производилось ежемѣсячное жалованье отъ казны, которая чрезъ то оскудѣла еще болѣе, чѣмъ въ правленіе Шуйскаго. [118]

Димитрій весьма досадовалъ на Поляковъ, виновниковъ его срамнаго бѣгства, и еще болѣе на Русскихъ, которые такъ жестоко его обманули. «Мнѣ болѣе ничего не осталось», говорилъ онъ, «какъ собрать Турокъ и Татаръ: они помогутъ мнѣ завоевать наслѣдство моихъ предковъ! Если не успѣю овладѣть Россіею, разорю ее такъ, что она ничего не будетъ стоить. Пока я живъ, не будетъ ей покоя».

Желая поправить неудачу, онъ послалъ въ Астраханское царство любимаго Поляка своего пана Керносицкаго, который былъ впрочемъ болѣе Русскій, съ извѣстіемъ, что царь и царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить въ Москвѣ, оскверненной присутствіемъ нехристей. Если бы удался этотъ замыселъ, Россія испытала бы новыя ужаснѣйшія бѣдствія; но Богъ спасъ ее: Димитрій совершенно потерялъ разсудокъ, не щадилъ никого, самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ, немногихъ Татаръ и казаковъ. Эти люди берегли его день и ночь, были съ нимъ безотлучно, участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, провожали

его на охоту, между тѣмъ, какъ Нѣмцы и Поляки не смѣли къ нему 1610.
подойти; но за всѣ услуги Татаръ, Димитрій приказалъ утопить въ Окѣ хана Касимовскаго, обвиненнаго предъ царемъ собственнымъ сыномъ въ намѣреніи бѣжать въ Москву.

Раздраженный такимъ поступкомъ Димитрія, Татарскій князь Петръ Ерусланов искалъ случая умертвить Ханскаго сына и уже думалъ исполнить свое намѣреніе, когда отцеубійца возвращался домой отъ царя; но князь ошибся: жертвою его мести былъ другой знатный Татаринъ, одѣтый такъ же точно, какъ и тотъ, кого онъ подстерегалъ. Ерусланов, до тѣхъ поръ весьма уважаемый царемъ за то, что онъ зналъ дорогу къ Астрахани, заключенъ въ темницу; а 50 другихъ Татаръ отданы были подъ стражу; впрочемъ постращавъ ихъ нѣсколько дней, Димитрій даровалъ имъ свободу, сталъ попрежнему ласковъ, ѣздилъ съ ними на охоту, посылалъ ихъ въ окрестности для набѣговъ и опустошенія деревень, принадлежавшихъ ненавистнымъ Полякамъ. Но Татары не могли забыть своего оскорбленія и цѣлые два мѣсяца весьма искусно таили намѣреніе отмстить Димитрію: каждую ночь привозили въ Калугу по 10 и по 12 Поляковъ, которыхъ не рѣдко хватали съ постелей; привозили иногда и купцовъ, пойманныхъ на дорогѣ. Царь обыкновенно приказывалъ еще до разсвѣта засѣкать несчастныхъ кнутомъ до смерти; тѣла ихъ бросали собакамъ на съѣденіе; остатки же зарывали въ землю, какъ падалище; благородныхъ Поляковъ топили въ рѣкѣ. Видя такое усердіе Татаръ, Димитрій думалъ, что они уже забыли прежнее оскорбленіе и такъ вѣрилъ имъ, что отправляясь на охоту, всегда бралъ ихъ съ собою человѣкъ по 20 и по 30, а изъ придворныхъ не болѣе 2 или 3, да шута Петра Кошелева, неразлучнаго своего товарища. Вѣроломные Татары изъявляли царю безпредѣльную преданность, выжидая случая отмстить ему. За нѣсколько дней до исполненія заговора, дали знать своимъ единоземцамъ, чтобы они, при первомъ выѣздѣ царя на охоту, выбрались изъ Калуги въ Пельну и, дождавшись тамъ князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси.

1610. 11 декабря Димитрій, не предчувствуя своей участи, отправился на охоту съ княземъ Ерусланомъ и 20 Татарами; товарищи ихъ, согласно взаимному условію, взявъ все, что только могли, выѣхали верхами въ разные ворота и соединились на Пельнской дорогѣ въ числѣ 1000 человѣкъ. Какъ скоро Димитрій отъѣхалъ отъ города около четверти пути, князь Петръ, поровнявшись съ нимъ, прострѣлилъ его насквозь; потомъ отрубилъ ему голову. «Я научу тебя», примолвилъ князь «топить хановъ и са«жать въ темницу князей, которые служили тебѣ вѣрно, негодный «обманщикъ!» Шутъ Кошелевъ и два боярина не хотѣли быть свидѣтелями печальнаго зрѣлища: ударили по лошадямъ и не оглядываясь прискакали въ Калугу съ извѣстіемъ, какимъ образомъ кончилась охота.

Татары между тѣмъ пустились по Пельнской дорогѣ восвояси, опустошая и истребляя все, что имъ ни попадалось. Въ Калугѣ ударили тревогу, пушечными выстрѣлами дали знать, чтобы войско собиралось для преслѣдованія вѣроломныхъ, но уже поздо: ихъ не льзя было настигнуть. Только немногіе изъ Татаръ остались въ Калугѣ, потому ли, что не имѣли добрыхъ коней, или недовѣрчивые товарищи не открылись имъ, неизвѣстно. Несчастныхъ гоняли изъ улицы въ улицу, хуже, чѣмъ зайцевъ въ полѣ, дубинами и саблями, пока всѣхъ не перебили. Такъ невинные пострадали за виновныхъ! Все доказываетъ, что они вовсе не знали о злодѣйскомъ умыслѣ; въ противномъ случаѣ, успѣли бы спасти себя, или донесли бы о заговорѣ. Удовлетворивъ мести, князья, бояре и граждане Калужскіе отправились туда, гдѣ погибъ ихъ царь; нашли трупъ и голову; отвезли бренные остатки въ крѣпость, обмыли ихъ и, приставивъ голову къ трупу, положили царя на столъ на показъ всему народу. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, похоронили его съ приличными обрядами въ дворцовой Калужской церкви, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ. Не забудутъ и позднѣйшіе потомки человѣка, который былъ виною неимовѣрныхъ бѣдствій Россіи!

Легко вообразить, съ какою горестію узнала о несчастномъ

происшествіи благочестивая царица Марина. Давно ли она потеря- 1610.
ла одного супруга, теперь лишилась и другаго! Она была уже беременна, и вскорѣ разрѣшилась сыномъ. Бояре выпросили у нея себѣ новорожденнаго царевича, чтобъ укрыть его отъ убійцъ и, воспитавъ тайно, со временемъ возвести на престолъ. Москвитяне до сихъ поръ оказываютъ Маринѣ царскую почесть;[119] какую же перемѣну произведетъ въ Россіи сынъ ея, узнаютъ тѣ люди, которые проживутъ еще лѣтъ двадцать.[120]

Такъ кончилъ дни свои Димитрій II; смерть его была ужасна! Долго спорилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ за безцѣнное сокровище; но не могъ имъ овладѣть. Да и Шуйскій не умѣлъ пользоваться: и ему пришлось изъ монарха сдѣлаться монахомъ; а яблоко раздора досталось Владиславу.

Низложивъ Шуйскаго съ престола, Москвитяне отправили его съ двумя братьями, Дмитріемъ и Иваномъ, и знатнѣйшими изъ князей, Голицыными, къ Польскому королю, въ легерь Смоленскій. Отсюда, по волѣ Сигизмунда, ихъ отвезли въ Польшу, какъ плѣнниковъ. Разсказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года, присутствовалъ посланнилъ Турецкаго султана. Пируя за пышнымъ королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ царской одеждѣ и посадили за столъ противъ посланника. Послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; потомъ началъ превозносить счастіе короля Польскаго, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимиліана, а теперь держитъ въ плѣну великомощнаго царя Русскаго. «Не дивись», отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, «не дивись моей участи! Я былъ сильный государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда король Польскій овладѣетъ Россіею, и твоему государю не миновать моей участи! Есть у насъ пословица: сегодня моя очередь, а завтре твоя».

Султанъ, узнавъ о такомъ отвѣтѣ, въ 1612 году прислалъ, какъ

1610. говорятъ, слѣдующее письмо къ королю Польскому: «Мы, султанъ пресвѣтлѣйшій, сынъ великаго императора, сынъ высочайшаго Бога, владѣтель всей Турціи, Греціи, Вавилоніи, Македоніи, Сармаціи, король верхняго и нижняго Египта, Александріи, Индіи, государь всѣхъ народовъ, блистательный сынъ Магомета, покровитель и защитникъ города Псеразира и рая земнаго, стражъ святаго гроба Бога небеснаго, царь царей, повелитель всѣхъ владыкъ и боговъ земныхъ, обладатель древа жизни и святаго града, государь и наслѣдникъ всѣхъ странъ Черноморскихъ — королю Польскому поклонъ! Дошло до насъ, что ты съ своими корольками затѣялъ противъ насъ, могущественнаго и непобѣдимаго императора, злое дѣло, по внушенію людей легкомысленныхъ: расторгнувъ дружбу и миръ, о коемъ ты прежде умолялъ насъ, забывъ обѣщаніе не вести съ нами войны, ты напалъ на наши области, все грабилъ, губилъ, убивалъ, жегъ, истреблялъ. Теперь жди возмездія: изъ всѣхъ областей, намъ подвластныхъ отъ одного края вселенной до другаго, мы соберемъ силы несмѣтныя, подавимъ ничтожныхъ владыкъ и въ Краковѣ явимъ предъ тобою наше величіе; тамъ мы воздвигнемъ такой памятникъ, что государство твое вовѣки насъ не забудетъ. Въ знакъ же сей воли, посылаемъ тебѣ мечъ, стрѣлу и ядро, обагренныя кровію. Наши кони и верблюды опустошатъ твои поля, да вѣдаетъ міръ, сколь ужасенъ гнѣвъ нашъ! Какъ владыка небесный караетъ богоотступниковъ; такъ и мы, владыка земной, хотимъ наказать твое вѣроломство: гнѣвъ нашъ поразитъ тебя прежде, чѣмъ получишь отъ насъ другое письмо. Вразуми себѣ все, что мы сказали; если же не поймешь, то почувствуешь. Султанъ пресвѣтлѣйшій». [121]

ГЛАВА XII.

1611—1612.

Владислава признаютъ царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонсѣвскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщетныя усилія намѣстника. Вербное воскресеніе. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Струсь. Патріархъ въ темницѣ. Неистовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.

По смерти Димитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ ея письмо слѣдующаго содержанія: «Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше царство проклятый Самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи; но прежде прогоните нехристей, поганыхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься».[122]

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся; но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ, разослали тайно грамматы, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать царемъ королевскаго сына, чтобы внутренніе раздоры прекратились и города воевать между собою перестали; но въ то же время убѣждали исподволь истреблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья, или просто въ ней жившихъ. «Такимъ образомъ», писали Москвитяне «государство незамѣтно очистится отъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ Поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ, ни шлемовъ».[123] Слѣдуя внушенію, города присягнули Владиславу въ январѣ 1611 года, и думали оставить Поляковъ въ дуракахъ; но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: не рой яму другому, самъ въ нее попадешь.

25 января Московскіе обыватели жаловались намѣстнику Владислава Гонсѣвскому,[124] что Поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ Русскаго богослуженія, ругаются надъ св. иконами, да-

1611. же стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что Русскимъ и въ домахъ нѣтъ безопасности; казна государственная расхищена и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6000 воиновъ, а царь Владиславъ не является, и что король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича; въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. «Для такой невѣсты», говорили Москвитяне, «какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха!»

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ намѣстникъ, его величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ, чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Русскими государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близь Срѣтинскихъ воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ; а самаго виновника вывели за городъ и сожгли.[125] При семъ случаѣ панъ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ,

что Москвитяне должны молиться о здравіи его величества, что 1611
государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнь виновнаго дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ нихъ оружія. Если же Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили имъ: «Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго, вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ съ вами ссориться: этого требуетъ государь нашъ; только вы будьте спокойны!» Не взирая на убѣжденія, Москвитяне весьма негодовали на Поляковъ. «Уже и теперь», говорили они «нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется поболѣе этихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали царемъ Поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться восвоясяхъ: не хотимъ Владислава! А эти глаголи пусть добромъ отсюда уберутся; не то, переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ: если на что рѣшимся, постоимъ за себя!»

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. «Эй, пучки!» кричали насмѣшники, «долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни покупали, Поляки должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ,

1611. или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. «Смѣйтесь, какъ хотите», говорили они Русскимъ, «для насъ все равно; мы не будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!» и уходили домой осмѣянные.

13 февраля Польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ [126] купить овса на рынкѣ, за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ, замѣтивъ, сколько платили Русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, также какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою платою, требовалъ съ него за каждую бочку по 2 флорина. «Эй, ты к... с... Москаль»..... закричалъ слуга, «какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» «Коли не хочешь дать за бочку по два флорина», возразилъ Москвитинъ, «возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что Польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и преслѣдуемые Москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на многія сотни Москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: «Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы

Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ 1611.
и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, вы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности, вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самаго щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя; а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуясь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!»

«Полно врать!» закричали изъ толпы; «безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками».

«Нѣтъ, братцы!» продолжалъ намѣстникъ, «колпаками и съ дѣвками не управитесь: и они васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смирны и покойны!»

«Ну, такъ убирайтеся отсюда и очистите нашъ городъ!» сказали Москвитяне.

«Этого не дозволяетъ намъ присяга», возразилъ намѣстникъ; «государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда».

«Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!» воскликнулъ народъ.

«Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете

1611. ссору, да не съумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны; а не то вы пропали. Съ нами Богъ!» Сказавъ это, намѣстникъ возвратился въ замокъ; а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. «Пусть требуетъ платы отъ своего царя», говорилъ народъ.

Болѣе всего Москвитяне злились на своихъ вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи этихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ царство королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ него; но едва начальникъ Нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу и Нѣмцы бросились къ ружью, Москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; капитанъ удержалъ ее, сказавъ: «Пусть ихъ ругаются! собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!» Въ четверть часа не было уже видно ни одного Русскаго. Но Поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходитъ къ народу царь и отъ двора своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ патріархъ; шествіе открываетъ клиръ, воспѣвая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ слѣдуютъ болѣе 20 боярскихъ дѣтей въ красномъ платьи, и разстилаютъ его по дорогѣ, гдѣ

царь ведетъ патріаршаго осла. Какъ скоро проѣдетъ патріархъ, 1611.
они подбираютъ свою одежду и, забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За первосвященникомъ везутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока, и поютъ священные гимны; шествіе заключаютъ князья, бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа; причемъ такая бываетъ тѣснота, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотятъ остаться живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе; волю народную надлежало исполнить; узду осляти держалъ, вмѣсто царя, знатнѣйшій изъ Московскихъ вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать намѣстнику, что Москвитяне, подстрекаемые патріархомъ, отложили мятежъ до страстной недѣли, и что бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о томъ, намѣстникъ и Борковской отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни одинъ Полякъ, подъ смертною казнію, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника, всѣ Поляки спѣшили убраться въ крѣпость. Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что замыселъ ихъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во вторникъ, т. е. 19 марта, заняли улицы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и побили многихъ Поляковъ, ѣхавшихъ въ замокъ. Намѣстникъ немедленно выслалъ на помощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копѣйщиковъ; Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Поль-

1611. скіе всадники, числомъ 5000, остались бы на мѣстѣ: уже Москвитяне стали одолѣвать Поляковъ; смѣло напирали на нихъ, и удивляясь собственному успѣху, испускали радостные крики, при громѣ набатовъ; въ ту минуту главный капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, выслалъ изъ замка три роты мушкетеровъ до 400 человѣкъ въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладѣвъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали незапно на поклонниковъ Николая [127] и побили ихъ какъ градомъ: сѣча была ужасная! Болѣе часу раздавался крикъ Москвитянъ, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, громъ мушкетовъ, ревъ бури. Страшно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись разными улицами въ толпу враговъ, разогнали ее, и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ, какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами; отчаяніе ими овладѣло; въ то самое время возвращаются мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи. Безъ ужаса нельзя было взглянуть на нихъ! Москвитянъ пало множество; Нѣмцевъ только восемь человѣкъ. Между тѣмъ, снова закипѣла битва на Срѣтенкѣ, гдѣ Москвитяне также укрѣпились; набаты гудѣли безъ умолку. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Срѣтенкѣ, мятежники собрались на Покровкѣ. Мушкетеры уже утомились отъ дальныхъ переходовъ съ тяжелыми мушкетами, отъ непрестанной пальбы и сѣчи; посему Борковскій подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копѣйщиковъ, и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ домы около того мѣста, гдѣ Москвитяне, перегородивъ улицу, упорно сопротивлялись; въ четверть часа пламя объяло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ этотъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ

жилищъ и обратились въ бѣгство, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. 1611.
Тогда-то сбылась древняя пословица: Haec mea sunt; veteres migrate coloni.

Весь Китай-городъ обратился въ пепелъ; многія сотни людей погибли отъ меча и пламени; улицы были завалены мертвыми тѣлами такъ, что невозможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣтную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ и въ пряныхъ кореньяхъ. Въ слѣдующую ночь Русскіе укрѣпились на Чертоли, подлѣ самаго замка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне, жившіе на другой сторонѣ, за Москвою рѣкою, также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавать взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя въ своей власти уголъ Бѣлой стѣны, расположили на ней до ста стрѣльцовъ и заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ; Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ, и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы также станемъ перестрѣливаться. Но капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленія; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяные ворота замка и неожиданно очутился среди непріятельскихъ отрядовъ, такъ, что могъ бить ихъ справа и слѣва. Въ тоже время двѣнадцать Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумаетъ ли непріятель, стоявшій на лѣвой сторонѣ, подать помощь Русскимъ, укрѣпившимся въ Чертоли; но какъ они не трогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду, мимо Бѣлой стѣны, и достигнувъ пяти башенъ, ворвался незапно въ ворота, нарочно отворенные, только не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой сторонѣ. Эта оплошность погубила мятежниковъ: наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а замокъ Чертольскій предали пламени. Несчастіе

1611. разстроило Русскихъ, стоявшихъ на противоположномъ берегу; они потеряли все свое мужество, когда узнали, что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибылъ изъ Можайска полковникъ панъ Струсь, котораго отрядъ, состоявшій изъ отборныхъ всадниковъ, напалъ на третій городъ, жегъ, рубилъ, опустошалъ все, что ни попадалось. Воины же капитана Маржерета, разрушивъ замокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ дома, уцѣлѣвшіе отъ прежняго пожара: тутъ уже ничто не помогало Москвитянамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ; они нигдѣ не могли найти спасенія; даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону, куда бѣжали Москвитяне, и истребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ этотъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ содомскій! [128] Немногія толпы укрылись въ монастыряхъ; около полудня все кончилось; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двухдневный пожаръ превратилъ въ пепелъ обширную столицу Русскаго царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ царскаго замка, занятаго королевскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые домы боярскіе и купеческіе; остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700,000 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоявшей изъ 800 Нѣмцевъ и 6,000 Поляковъ, должны были видѣть столицу жертвою пламени, и несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ царскихъ (на счетъ коихъ и теперь, въ 1612 году, содержится королевское войско) находились 7 коронъ, 3 скипетра, и другія вещи безцѣнныя. Одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ.

Укротивъ мятежъ, Поляки отрѣшили патріарха, бывшаго,

виною и началомъ всему злу; заперли его въ Кирилловскій мона- 1611.
стырь, и приставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Тамъ будетъ онъ содержатся до прибытія Владислава и получить возданіе за всѣ свои крамолы, за гибель несмѣтнаго множества душъ христіанскихъ.[129]

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, терпи проклятіе. Сказано, сверхъ того, въ книгѣ Премудрости: въ чемъ погрѣшишь, тѣмъ и наказанъ будешь. Москвитяне доказали собою истину сихъ изрѣченій: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насиловали женъ и дѣвицъ; теперь имъ отплачено сторицею. Изъ Ливоніи они вывезли 100,000 гульденовъ, а сами лишились всего имѣнія, цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и полонить нѣсколько женъ и дѣвицъ; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того, пожары такъ опустошили всю Россію, что пять Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война истребила, по исчисленію самихъ Русскихъ, болѣе 600,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые тайно умерщвлены или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль, Русскіе не являлись въ свою столицу; Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища; имъ не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатыя одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, снимали съ образовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣйшую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали Русскіе погреба, рейнское, венгерское, малвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ открылось такое распутство, что Ляпуновъ принужденъ былъ стращать беззаконниковъ своими казаками. Своевольные солдаты стрѣляли въ Русскихъ

1612. жемчужинами, величиною въ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и купцевъ именитыхъ: съ трудомъ возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія родителей. Никто не заботился о сбереженіи съѣстныхъ припасовъ, масла, сыра, рыбы, солода, ржи, хмѣлю, меду, и прочихъ жизненныхъ потребностей, коими замокъ могъ бы цѣлыя шесть лѣтъ довольствоваться: безумные Поляки все истребили, воображая, что имъ ничего не надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Правда сіи вещи имѣютъ высокое достоинство; однакожъ голоднаго не накормятъ; глупцы вскорѣ испытали это: въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, часто нельзя было достать ни за какія деньги ни пива, ни хлѣба. За штофъ пива платили цѣлый флоринъ, за кусокъ свинаго сала 8 флориновъ, за корову 40 флориновъ, хлѣба же почти вовсе не было; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружился на третьей недѣлѣ послѣ мятежа, когда приведенные Ляпуновымъ казаки и Москвитяне овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее по малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши воины съ величайшею опасностію добывали съѣстные припасы.

Куй желѣзо, пока оно горячо, говоритъ пословица. Въ день Воскресенья Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились королевскія войска, и начали томить ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врачамъ тѣлеснымъ: нашихъ воиновъ осталось всего навсе 60 человѣкъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдаться: къ счастію, покойный воевода Янъ-Петръ-Павелъ Сапѣга нашелъ путь чрезъ Бѣлую стѣну и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однакожъ Москвитяне, воспользовавшись его отлучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьимъ монастыремъ и заградили нашимъ всѣ пути за Бѣлую стѣну, такъ, что никому не возможно было ни вытти изъ крѣпости, ни взойти въ нее. Осажденные снова предались унынію, и снова

нашли избавителя: по смерти Сапѣги, около Варѳоломеева дня, 1612.
прибылъ къ нимъ на помощь Польскій военачальникъ, Карлъ Ходкѣвичъ, присланный королемъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами опытныхъ воиновъ.

Боже милосердый! положи предѣлъ войнѣ кровопролитной; смягчи сердца упорныхъ Египтянъ; да покаются они во грѣхахъ своихъ и да покорятся законному государю! Внуши, Господи! и его величеству королю Польскому благое намѣреніе спасти воиновъ, столь долго томимыхъ осадою, и даруй Русской землѣ миръ и тишину, во славу Твоего имени, для блага самихъ Русскихъ и всѣхъ иноземцевъ! Да исполнится въ семъ же году моленіе мое!

ПАЕРЛЕ.

ПАЕРЛЕ.

Георгъ Паерле, Georg Peyerle, извѣстенъ ученому свѣту только по сочиненіямъ Шмидта-Фисельдека и Карамзина: первый помѣстилъ сокращенную выписку изъ рукописи Паерле въ своемъ Опытѣ введенія въ Русскую исторію;* второй заимствовалъ изъ нея многія свѣдѣнія, описывая смутное время Самозванцевъ.** Гдѣ хранится подлинникъ, неизвѣстно: лучшій списокъ находится въ библіотекѣ герцога Брауншвейгъ-Волфенбительскаго.

Паерле былъ родомъ изъ Аугсбурга и, сколько можно догадываться по его сочиненію, занимался торговлею въ товариществѣ съ двумя единоземцами своими, Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ. Вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ въ Москву за нѣсколько дней до бракосочетанія Лжедимитрія, по приглашенію секретаря его, Яна Бучинскаго, усердно старавшагося заманить въ Россію купцовъ иноземныхъ. Надѣясь на покровительство пословъ Польскихъ и еще болѣе на граммату Самозванца, Натанъ, Манлихъ и Паерле привезли въ Москву дорогіе товары, думая сбыть ихъ съ выгодою; но жестоко обманулись: вскорѣ по ихъ прибытіи, народъ возсталъ на обманщика и въ пылу негодованія, хотѣлъ истребить всѣхъ клевретовъ его. Многіе иноземцы, виновные и невинные, были жертвою мести народной; купцамъ Аугс-

* Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte. 1773. Часть I. стр. 317—384.

** Исторія Государства Россійскаго, том. XI и XII.

бургскимъ грозила та же участь. Видя смерть неизбѣжную, они рѣшились дорого продать свою жизнь и вступили съ чернью въ бой неровный; бояре, къ счастію, спасли ихъ; укротивъ народъ, они дали слово купцамъ иноземнымъ вознаградить ихъ за потерю имущества и отправить въ отечество. Не вѣря обѣщанію, купцы, въ числѣ ихъ и Паерле, искали покровительства пословъ Польскихъ и пробрались, съ опасностью жизни, въ ихъ домъ; вышло однако хуже: пословъ задержали, а съ ними и всѣхъ иноземцевъ, укрывшихся на дворѣ посольскомъ. Тамъ они пробыли около 18 мѣсяцевъ подъ строгимъ надзоромъ; не разъ пытались бѣжать изъ плѣна, хотѣли даже силою вырваться изъ Москвы, и только тогда получили свободу, когда царь Василій Іоанновичъ (Шуйскій), заключивъ перемиріе съ Сигизмундомъ III, отпустилъ въ отечество пословъ Литовскихъ.

Томимый скукою неволи, Паерле записывалъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, все, что ни случилось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ его дерзкаго предпріятія; потомъ возвратясь на родину, составилъ любопытное для насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго, съ господами Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ, съ* 19 *марта* 1606 *года по* 15 *декабря* 1608.* Это сочиненіе, по содержанію своему, раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ исторію Димитрія Самозванца, котораго признаетъ сыномъ Іоанна Грознаго; разсказываетъ мнимое спасеніе его отъ смерти въ Угличѣ, пребываніе въ Польшѣ, войну съ Году-

* Beschreibung der Moscowitterischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Manlichen denn jüngern Ady 19 Martü Aj 1606 von Crachaw aus, angefangen, und was wir wahrhafftiges gehört, gesehen und erfahren, alles aufs khürzest beshriben, bis zue vnserer, Gottlob, wider dahirr Ankunft den 15 Decembris Anno 1608. 104 стр. въ листъ.

новымъ, воцареніе, бракъ съ Мариною, споры съ Литовскими послами, наконецъ низверженіе съ престола. Во второй части онъ описываетъ, въ видѣ дневника, осмнадцати-мѣсячное заключеніе пословъ Литовскихъ, переговоры ихъ съ боярами, неустройства въ Москвѣ, волненіе государства и проч.

Въ сочиненіи Паерле наиболѣе замѣчательны подробности Лжедимитріева похода въ Россію: авторъ описываетъ вѣрно и точно весь путь Самозванца отъ предѣловъ Польши до самой Тулы; всѣ его побѣды и неудачи, всѣ намѣренія и хитрости воинскія, даже мѣста, гдѣ онъ останавливался для ночлега. Неизвѣстно, откуда почерпнулъ Паерле любопытныя подробности; но сказанія его такъ опредѣлительны, что, по всѣмъ признакамъ, онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ какой нибудь Польскій дневникъ, или воспользовался дружбою Яна Бучинскаго, и отъ него узналъ всѣ дѣйствія Самозванца до прибытія его въ Москву. Остальное же, въѣздъ Марины, свадьбу, пиры, возстаніе народа и свою неволю, онъ разсказываетъ какъ очевидецъ.

Не имѣя ума тонкаго, наблюдательнаго, которымъ плѣняетъ насъ Маржеретъ, не владѣя даромъ повѣствованія, столь очаровательнымъ въ Лѣтописи Мартина Бера, Паерле заслуживаетъ однако вниманія потомства, какъ по многимъ любопытнымъ извѣстіямъ о Лжедимитріи, о пышности двора Московскаго, такъ и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о политикѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Сочиненіе его переведено мною вполнѣ, безъ малѣйшей перемѣны, не исключая ни погрѣшностей историческихъ, ни ложныхъ умствованій автора. Два главные недостатка наиболѣе въ немъ замѣтны: неправильное понятіе о Самозванцѣ, котораго Паерле признаетъ сыномъ царя Іоанна Васильевича, и злоба на Москвитянъ, т. е. Русскихъ. Дѣло о Самозванцѣ въ наше время кончено: неоспоримыя свидѣтельства удостовѣряютъ каждаго, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ; а строгіе приговоры иноземцевъ о грубыхъ Москвитянахъ XVI и XVII столѣтій, доказываютъ только

большею частью ихъ личность, мщеніе за претерпѣнныя ими въ Россіи неудачи, коимъ они подвергались, вмѣшавшись въ тогдашнія политическія ея потрясенія. Мы знаемъ нашихъ предковъ: знаемъ, что они были не безъ слабостей, даже не безъ пороковъ, свойственныхъ народу малообразованному; но отличались и добродѣтелями возвышенными: непоколебимымъ благочестіемъ, безусловною покорностію властямъ, добрыми семейственными качествами, и особенно безпредѣльною преданностію царю-государю, на которой основано величіе и благоденствіе Россіи.

ЗАПИСКИ ПАЕРЛЕ,

О

ПУТЕШЕСТВІИ ИЗЪ КРАКОВА ВЪ МОСКВУ И ОБРАТНО,

СЪ 19 МАРТА 1606 ГОДА ПО 15 ДЕКАБРЯ 1608.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ.

ЗАПИСКИ ПАЕРЛЕ.

ГЛАВА I.

ИСТОРІЯ ЦАРЯ ДИМИТРІЯ.

Іоаннъ Великій. Характеръ Ѳеодора. Замыселъ Годунова. Симеонъ спасаетъ царевича Димитрія. Воевода Сендомирскій. Походъ Димитрія на Москву. Покореніе Моравска и Чернигова. Осада Новогродека. Басмановъ. Покорность Путивля, Рыльска, Сѣвска. Битва при Новогродекѣ. Рѣчь Димитрія. Побѣда. Казаки Запорожскіе. Удаленіе воеводы Сендомирскаго. Битва Добрынская. Измѣна казаковъ. Осада Рыльска. Замыселъ Борисовъ отравить Димитрія. Осада Кромъ. Хитрость Запорскаго. Смерть Годунова, жены его и сына. Москва встрѣчаетъ Димитрія. Замыселъ Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Пріѣздъ ея. Рѣчь воеводы Сендомирскаго. Свадьба Димитрія. Смерть его. Убійство Поляковъ.

Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Іоаннъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ 34 лѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогабала непотребною жизнію;[130] по смерти сего государя, именуемаго въ Россіи Великимъ, остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ, наслѣдовалъ престолъ, но не имѣлъ вовсе охоты заниматься дѣлами государственными и все время посвящалъ на служеніе Господу Богу; посему избравъ шурина своего, Бориса Годунова, правителемъ великаго княжества, поручилъ ему власть верховную.

Властвуя именемъ Ѳеодора, Борисъ задумалъ, при удобномъ случаѣ, овладѣть престоломъ: это желаніе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ немъ усиливалось. Онъ предчувствовалъ, что слабый и хилый Ѳеодоръ недолго будетъ царствовать; однакожъ опасался неудачи въ своемъ намѣреніи, если воцарится родной братъ государя, Димитрій, какъ законный наслѣдникъ; посему Годуновъ рѣшился устранить эту преграду: золотомъ склонилъ

1591. на свою сторону нѣсколько Москвитянъ, и послалъ ихъ въ городъ Угличъ съ порученіемъ тайно умертвить жившаго тамъ Димитрія; а какъ это ужасное дѣло не могло совершиться безъ согласія Димитріева наставника, именемъ Симеона, то злоумышленники старались уговорить и его къ участію въ преступномъ замыслѣ, обѣщая великія богатства за содѣйствіе и грозя неминуемою смертію въ случаѣ сопротивленія. Симеонъ далъ имъ слово; но въ то же время, одушевленный любовью и преданностію къ своему питомцу, принялъ столь вѣрныя мѣры, что, съ помощію Божіею, разрушилъ коварный умыселъ слѣдующимъ образомъ: предъ наступленіемъ ночи, увѣдомивъ обо всемъ юнаго князя, Симеонъ объявилъ ему, что нѣтъ никакой надежды отвратить убійство, что они окружены злодѣями, которые пресѣкли всѣ пути извѣстить Ѳеодора; но что онъ придумалъ средство, коимъ надѣется, при помощи Божіей, если только Димитрій согласится, избавить его отъ смерти. Получивъ желаемое согласіе, наставникъ, по волѣ небесъ, взялъ отрока, весьма похожаго лицемъ и видомъ на Димитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель царевича: убійцы, думая, что все устроено согласно съ ихъ намѣреніемъ, прокрались въ комнату и умертвили отрока. Димитрія между тѣмъ Симеонъ спряталъ и въ слѣдующую ночь отправилъ въ одинъ монастырь, давъ ему наставленіе, что дѣлать и какъ называть себя;[131] самъ же удалился изъ Углича, опасаясь, что коварный Борисъ обвинитъ его предъ великимъ княземъ въ смерти царевича и казнитъ безъ всякой пощады; онъ тѣмъ болѣе страшился, что государь возвелъ Бориса на высшую степень и во всемъ вѣрилъ ему.

Великій князь, свѣдавъ о смерти брата, очень горевалъ и сокрушался; онъ велѣлъ Борису узнать немедленно, какимъ образомъ и отъ чего умеръ царевичъ? Борисъ хотя зналъ очень хорошо причину, однако донесъ государю, что Димитрій умертвилъ самъ себя ножемъ въ припадкѣ необыкновеннаго недуга;[132] причемъ утѣшалъ великаго князя хитрыми и льстивыми

рѣчами, говоря, что сколъ ни горестно это несчастіе, но сверхъ 1604.
мѣры кручиниться не должно, и что не мудрено, если неосторожный отрокъ самъ себя лишилъ жизни, особенно въ тяжкой болѣзни. Слабоумный Ѳеодоръ легко повѣрилъ и приказалъ казнить всѣхъ служителей своего брата. Борисъ немедленно исполнилъ это повелѣніе весьма охотно, думая тѣмъ удобнѣе скрыть свою измѣну. [133] Вскорѣ послѣ того, при помощи сестры своей, супруги Ѳеодора, онъ тайно отравилъ государя [134], а самъ овладѣлъ престоломъ.

Между тѣмъ Димитрій, никѣмъ незнаемый, въ одеждѣ инока переходилъ изъ обители въ обитель, и достигъ наконецъ предѣловъ Польши. Пробывъ нѣсколько времени на границѣ въ Русскихъ монастыряхъ, онъ явился сперва къ благородному господину Адаму Вишневецкому, а потомъ къ знатному вельможѣ Георгу Мнишку, воеводѣ страны Сендомирской, правителю Русскаго Львова, Самбора и другихъ: здѣсь, объявивъ, что онъ родной сынъ великаго князя Іоанна Васильевича, что его преслѣдуетъ измѣнникъ Борисъ, въ намѣреніи лишить жизни, и что спасенный милостію Бога и помощію своего наставника, онъ долженъ былъ укрыться отъ злодѣя, который тайно отравилъ его брата Ѳеодора и беззаконно овладѣлъ престоломъ, Димитрій молилъ воеводу быть ему отцемъ и убѣдить короля Польскаго къ защитѣ и содѣйствію овладѣть прародительскою державою. Воевода исполнилъ его желаніе; но король отказалъ въ пособіи, отложивъ дѣло до собранія сейма. [135] Между тѣмъ Димитрій, убѣждаемый нѣкоторыми Москвитянами поспѣшить пришествіемъ въ предѣлы отечества безъ всякаго замедленія, не хотѣлъ столь долго ожидать королевскаго отвѣта и просилъ воеводу собрать тайно столько воиновъ, сколько было можно, объявивъ, что многіе единоземцы обѣщаютъ присоединиться къ нему немедленно, какъ скоро онъ вступитъ въ Россію.

Воевода, исполненный благочестія и страха Божія, такъ тронулся усердною просьбою и жалкимъ положеніемъ царевича, что

1604. не только нашелъ воиновъ, но и самъ рѣшился провожать его до предѣловъ Польши, даже въ страну Московскую.

Такимъ образомъ, собравъ 1100 Польскихъ всадниковъ, да 500 человѣкъ пѣхоты, и снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, Димитрій и воевода Сендомирскій отправились съ слабымъ отрядомъ 22 августа 1604 года изъ Самбора къ Москвѣ.[136] Усиленные на пути двумя тысячами казаковъ, приставшихъ къ нимъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ атамановъ, они достигли 26 октября Московской границы и стройно двинулись на первую Русскую крѣпость Моравскъ;[137] за три мили встрѣтили ихъ граждане города, привели къ Димитрію связанныхъ правителей, покорились ему и признали его законнымъ государемъ страны Московской. Не успѣвъ въ тотъ же день вступить съ отрядомъ въ Моравскъ, онъ послалъ туда Польскаго ротмистра, давъ ему 150 воиновъ, съ повелѣніемъ занять крѣпость и городъ и привести жителей къ присягѣ. Повелѣніе тогда же было исполнено. На утро сопровождаемый воеводою и всѣми спутниками, онъ вошелъ въ крѣпость и принесъ благодареніе Богу за столь счастливое начало предпріятія, не стоившее ни одной капли крови. Пробывъ здѣсь двое сутокъ, въ третій день онъ двинулся въ добромъ устройствѣ къ другой крѣпости, Чернигову, отстоящей отъ Моравска на 12 миль, и выслалъ впередъ 2000 казаковъ. Отрядъ еще на цѣлую милю не дошелъ до города, какъ Черниговцы, узнавъ о приближеніи его, составили совѣтъ и начали разсуждать, что имъ дѣлать? Наконецъ положили: связавъ правителей, сдать крѣпость и покориться Димитрію.

Воеводы Черниговскіе, свѣдавъ о намѣреніи народа, рѣшились обороняться и выстроили 300 стрѣльцовъ съ 20 орудіями. Жители хотѣли принудить ихъ къ покорности силою; но отбитые отъ крѣпости, не имѣя средствъ овладѣть ею, пригласили на помощь 2000 казаковъ, соединились съ ними и снова пошли на приступъ: тогда стрѣльцы отворили ворота и впустили гражданъ вмѣстѣ съ казаками, которые, схвативъ воеводъ, посла-

ли ихъ къ Димитрію. Обрадованный вѣстію, онъ немедленно 1604.
поручилъ Польскому дворянину Бучинскому занять городъ и крѣпость; на другой же день самъ вступилъ въ Черниговъ, и съ восторгомъ былъ принятъ жителями, которые, признавъ его истиннымъ государемъ, присягнули ему, какъ вѣрноподданные. Послѣ осьмидневнаго отдыха, онъ двинулся далѣе съ своимъ слабымъ отрядомъ къ третьей крѣпости, Малому Новугродеку. [138]

Между тѣмъ Борисъ овладѣлъ великимъ княжествомъ и держалъ народъ въ страхѣ и повиновеніи. Когда же по всей Россіи разнеслась молва о Димитріи, и въ Москвѣ узнали о покореніи имъ двухъ крѣпостей, царь выслалъ противъ него многочисленную рать, и въ то же время чрезъ посла своего, дворянина Огарева, [139] извѣстилъ его величество короля Польскаго, что человѣкъ, называющій себя сыномъ великаго князя Іоанна Васильевича, есть не царевичъ Димитрій, а бѣглый монахъ и измѣнникъ, Гришка Отрепьевъ; почему и просилъ короля не нарушать взаимной дружбы, не вѣрить обманщику и не давать ему помощи ни казною, ни людьми. О слѣдствіяхъ сего посольства увидимъ ниже.

Собирая силы для борьбы съ Димитріемъ, Борисъ немедленно отправилъ впередъ боярина Петра Басманова съ 600 Московскихъ стрѣльцовъ. Воевода, прибывъ къ Новугродеку и узнавъ о приближеніи къ нему Димитрія, созвалъ всѣхъ городскихъ обывателей въ крѣпость и заперъ ее; городъ же приказалъ 200 стрѣльцамъ сжечь до основанія, такъ, что уцѣлѣла одна крѣпость, стоявшая на горѣ. Димитрій, подступивъ къ ней на 4 мили, выслалъ впередъ 200 казаковъ, подъ начальствомъ Яна Бучинскаго; отрядъ подошелъ къ самой крѣпости. Москвитяне, увидѣвъ ихъ, начали немедленно палить и бросили вверхъ шапки, означая тѣмъ, что желаютъ вступить въ переговоры. Бучинскій, провождаемый 11 воинами, подъѣхалъ къ стѣнѣ, чтобы узнать, чего они хотятъ. «Чего требуешь ты?» спрашивалъ Басмановъ. «Я присланъ», отвѣчалъ Бучинскій «моимъ всемилостивѣйшимъ «государемъ, сыномъ блаженной памяти великаго князя Іоанна

1604. «Васильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ. Небесный промыслъ «сохранилъ его отъ смерти, приготовленной въ Угличѣ измѣнни-«комъ Борисомъ: онъ здравствуетъ, и чрезъ меня, слугу своего, «объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ Чернигова и Морав-«ска, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному госу-«дарю, то будете помилованы; если же не согласитесь, то «знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, и мужей и женъ, «и старыхъ и малыхъ; самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ «не будетъ пощады». Басмановъ отвѣчалъ: «Государь нашъ и «великій князь Борисъ теперь въ Москвѣ: онъ повелитель всей «Россіи! Тотъ же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и него-«дяй; скоро онъ будетъ на колѣ со всѣми его клевретами! Спѣши «удалиться туда, откуда пришелъ ты, если хочешь остаться въ «живыхъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москвитяне снова начали пальбу; но пули ихъ не долетали до отряда Бучинскаго, который, расположивъ его на горѣ, откуда все въ крѣпости было видно, самъ поскакалъ къ Димитрію съ увѣдомленіемъ о слѣдствіяхъ переговоровъ. Царевичъ, узнавъ о неудачѣ, не рѣшился итти впередъ и двое сутокъ простоялъ на одномъ мѣстѣ, совѣтуясь съ воеводою Сендомирскимъ и другими особами, что надлежало предпринять, ибо крѣпость не сдавалась добровольно; наконецъ положили: подступить къ ней на слѣдующее утро; что и было исполнено. Димитрій, велѣвъ Полякамъ поставить шатры на городскомъ пепелищѣ, отправилъ къ стѣнамъ укрѣпленія нѣсколько дворянъ и преданныхъ ему бояръ Московскихъ для переговоровъ, обѣщая милость покорнымъ. Но посланные получили тотъ же отвѣтъ, какъ и прежніе.

Нѣсколько дней Димитрій питалъ себя надеждою на добровольную покорность жителей Новагродека и оставался въ бездѣйствіи; наконецъ, видя ихъ непреклонное упорство, болѣе и болѣе возраставшее, слыша только брань и ругательства, онъ приказалъ итти на приступъ; удачи однако не было: слабый отрядъ его, не имѣвшій достаточнаго количества орудій, былъ отбитъ съ поте-

рею 50 воиновъ. Послѣ того, три недѣли онъ не предпринималъ 1604.
ничего важнаго, потому, что Поляки въ то время готовили горючія вещества, чтобы взорвать крѣпость; но и то кончилось не такъ, какъ надѣялись: шпіоны предостерегли Русскихъ, и потому, когда осаждающіе вышли ночью изъ лагеря въ намѣреніи зажечь крѣпость и уже приблизились къ ней, непріятель открылъ столь сильный огонь, что изъ нихъ около ста человѣкъ пало на мѣстѣ. Поляки, не успѣвъ овладѣть замкомъ ни хитростію, ни силою, съ великою печалію возвратились въ лагерь и остальное время ночи провели въ совѣщаніяхъ, на что имъ рѣшиться? Наконецъ условились съ наступленіемъ дня отправиться восвояси. Димитрій, свѣдавъ о ихъ намѣреніи, весьма огорчился; сильная горесть не могла поколебать однако его великодушія; онъ рѣшился ждать, когда счастіе будетъ къ нему благосклоннѣе, и размышлялъ о средствахъ къ безопасному отступленію.

Между тѣмъ съ разсвѣтомъ дня, когда Поляки уже хотѣли отъ него удалиться, прискакалъ одинъ Москвитинъ съ извѣстіемъ, что Путивль, главный городъ Сѣверской области, покорился добровольно и что воеводъ его ведутъ уже, какъ плѣнниковъ. Эта радостная вѣсть ободрила унывшихъ: Поляки снова рѣшились остаться въ лагерѣ. Вскорѣ привели связанныхъ правителей Путивля и выдали ихъ Димитрію. Около полудня другой вѣстникъ увѣдомилъ его, что и Рыльскъ, обширный городъ, отстоящій отъ Путивля на 12 миль, покорился ему вмѣстѣ съ крѣпостью: тогда же привели связанныхъ градоначальниковъ. Чрезъ часъ по захожденіи солнца, прибылъ третій вѣстникъ, что укрѣпленный Сѣвскъ въ княжествѣ Сѣверскомъ и 40 крѣпостей окрестныхъ, всѣ изъявили покорность; около полуночи явились до 100 Москвитянъ, которые выдали Димитрію Сѣвскихъ воеводъ. Въ слѣдующее утро приказалъ онъ привести всѣхъ вышеозначенныхъ сановниковъ и принялъ ихъ весьма благосклонно: они же немедленно поклялись служить ему вѣрно, какъ истинному государю и законному наслѣднику Русскаго престола.

*

1604. Въ тотъ же день Димитрій послалъ ихъ съ нѣсколькими Поляками къ Новугродеку для переговоровъ о добровольной сдачѣ; но посланные возвратились, обруганные, безъ всякаго успѣха. Пылая гнѣвомъ, онъ приказалъ привести всю артиллерію изъ покорившихся крѣпостей, какъ можно поспѣшнѣе; между тѣмъ велѣлъ рыть окопы; когда же, по прошествіи двухъ недѣль, подвезли довольно орудій, открылась по крѣпости пальба въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ безпрерывно. Осажденные, замѣтивъ непреклонность непріятеля, начали опасаться и, бросая вверхъ шапки, давали знать о своемъ согласіи вступить въ переговоры. Димитрій выслалъ нѣсколько Поляковъ съ повелѣніемъ узнать, чего желаютъ Москвитяне, и услышавъ, что они просятъ двухнедѣльнаго перемирія, сначала не хотѣлъ согласиться, требуя немедленной покорности. Осажденные объявили, что они просятъ перемирія не безъ причины: ибо увѣдомились о скоромъ прибытіи вѣстника съ письмами, изъ которыхъ узнаютъ, въ какомъ состояніи находится Москва. «Это извѣстіе», говорили Русскіе, «и вамъ будетъ полезно: тогда вы лучше можете судить, какія предпринять мѣры; если же въ теченіе сего времени, мы не получимъ никакого свѣдѣнія, тогда предадимъ себя милосердію вашего государя». Димитрій согласился.

Но прежде окончанія двухнедѣльнаго срока, 60,000 воиновъ прибыли изъ Москвы на помощь крѣпости (она того только и ожидала) и расположились станомъ въ двухъ миляхъ отъ Польскаго лагеря. Простоявъ спокойно пять дней, въ шестой они двинулись на обширную равнину, гдѣ былъ станъ Димитрія. Поляки сначала дрогнули: силы ихъ были ничтожны въ сравненіи съ многочисленнымъ воинствомъ непріятеля, а укрыться отъ него не было никакого средства; но размысливъ, что мужественная битва и смерть на полѣ ратномъ благороднѣе, славнѣе постыднаго бѣгства, они ободрились и выступили изъ лагеря на встрѣчу врагамъ. Димитрій же, неустрашимый и исполненный радости, говорилъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ:

«Наконецъ, мои добрые, вѣрные сподвижники! настало время, 1604.
«когда всемогущій, милосердый Богъ разсудитъ меня съ Бори-
«сомъ и рѣшитъ мое дѣло. Что же предпринять намъ? должны
«ли мы страшиться, или желать суда Его? Богъ судія правди-
«вый и строгій; Онъ любитъ правду и смиреніе, ненавидитъ не-
«правоту и высокомѣріе. Уже Онъ обратилъ грозный взоръ на
«Бориса: настало время, когда преступникъ получитъ возмездіе за
«свои злодѣянія! Божій промыслъ вѣдаетъ, какимъ вѣроломъ-
«ствомъ онъ присвоилъ мое наслѣдственное право на Русскую
«корону, какою смертоносною измѣною овладѣлъ моею прароди-
«тельскою державою. Я увѣренъ, и никто не будетъ въ томъ
«сомнѣваться, что одинъ Богъ хранилъ меня до сего времени;
«пусть Борисъ не признаетъ Его правосудія и могущества: про-
«мыслъ Всевышняго располагаетъ всѣми дѣлами человѣка и ничто
«не совершается безъ воли Божіей. Этотъ самый промыслъ,
«хранившій меня доселѣ отъ всякаго зла и бѣдствія, избавившій
«отъ смерти, казалось, неизбѣжной, и разрушившій коварный,
«ужасный замыслъ, назначилъ день для наказанія злодѣя: все
«не умъ человѣка устроилъ, а судьбы Всевышняго предопре-
«дѣлили. Онѣ отвели отъ меня страшный, убійственный ударъ,
«въ чемъ будутъ свидѣтельствовать самыя стѣны Углича, обрыз-
«ганныя кровію невинныхъ, погибшихъ отъ руки смертоубійцъ,
«на грудь мою устремленной; но ихъ кровожадная душа не нашла
«своей жертвы. Богъ разрушилъ ихъ замыслъ. Я живъ для казни
«преступниковъ! И такъ, мои вѣрные товарищи, возмемъ оружіе
«и мужественно, радостно, съ нами Божія помощь и благодать,
«ударимъ на вѣроломныхъ измѣнниковъ, презирающихъ и чело-
«вѣческое и божественное право! Не страшитесь множества
«противниковъ: поле битвы остается не за тѣмъ, кто сильнѣе,
«но кто мужественнѣе и добродѣтельнѣе, чему находимъ много
«примѣровъ въ бытописаніи, и что вы сами теперь узнаете
«собственнымъ опытомъ. Меня не обманетъ надежда возвратить
«наслѣдіе отцевъ моихъ; а васъ ожидаетъ безсмертная слава,

1604. «изъ всѣхъ наградъ самая сладостная! Она утѣшаетъ насъ въ «кратковременной жизни, по смерти же передаетъ вѣкамъ па«мять нашихъ дѣлъ, и это воспоминаніе такъ могущественно, «что съ нами, уже мертвыми, потомки будутъ бесѣдовать, какъ «съ живыми. Слава ведетъ человѣка прямо въ небеса!»

По окончаніи рѣчи, одушевившей воиновъ новымъ мужествомъ, Поляки немедленно стали въ ряды и приготовились къ битвѣ; когда же приблизились Москвитяне, раздался трубный звукъ и битва началась съ ужаснымъ крикомъ, громомъ, трескомъ. Поляки ударили въ толпы непріятеля съ такою яростію, что разорвали его ряды: онъ оробѣлъ, началъ уступать мужеству витязей, покровительствуемыхъ Небесами, и наконецъ обратился въ бѣгство. Димитрій, овладѣвъ полемъ битвы, съ веселымъ торжествомъ возвратился въ свой лагерь. Москвитяне лишились 4,000 человѣкъ убитыми, кромѣ множества раненыхъ и плѣнныхъ; уронъ Димитрія былъ незначителенъ.

На другой день пришли къ нему на помощь 12,000 Запорожскихъ казаковъ, съ 14 полевыми орудіями; изъ числа ихъ 8,000 были на коняхъ, а прочіе пѣшіе. Димитрій встрѣтилъ ихъ въ довольномъ разстояніи отъ своего лагеря и изъявилъ особенную ласку и признательность; они расположились станомъ также подъ крѣпостью, отдыхали два дня и совѣтовались съ Поляками о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Тѣ и другіе условились было въ слѣдующую ночь довершить пораженіе непріятеля, который снова собрался недалеко отъ Новагродека, потомъ начать рѣшительную осаду крѣпости, или овладѣть ею приступомъ; но въ то время пріѣхалъ изъ Польши вѣстникъ съ указами его королевскаго величества къ воеводѣ и всѣмъ Полякамъ, находившимся при Димитріи: король, исполняя Борисово желаніе, объявленное посломъ его, о коемъ мы выше упоминали, предписалъ воеводѣ возвратиться въ отечество немедленно со всѣми Поляками, подъ опасеніемъ потери имущества и самой жизни. Поляки едва узнали о королевскомъ повелѣніи, тотчасъ отправились съ воеводою

восвояси, вмѣсто того, чтобы итти на враговъ, и оставили Дими- 1604.
трія съ одними Запорожцами. По удаленіи ихъ, казаки не
смѣли напасть на Московскій лагерь и, углубясь вмѣстѣ съ
Димитріемъ въ Сѣверскую область, засѣли въ крѣпости Сѣвскѣ,
отстоящей на 12 миль отъ Новагродека.

Въ третій день по отшествіи воеводы, 400 Польскихъ всад-
никовъ возвратились къ Димитрію, желая снова служить ему.
Пробывъ въ Сѣвскѣ 8 сутокъ, безъ всякаго извѣстія, гдѣ нахо-
дится Московскій лагерь и что дѣлается въ Новѣгродекѣ, онъ
выслалъ 500 казаковъ, съ повелѣніемъ развѣдать, не слышно ли
чего либо о непріятелѣ. Казаки, не доходя двухъ миль до крѣпо-
сти, приблизились къ одной большой деревнѣ и за четверть мили
отъ нея встрѣтили въ кустарникѣ 30 Москвитянъ на коняхъ:
схвативъ изъ нихъ троихъ, помощію ударовъ и пытки, они
свѣдали, что въ этой деревнѣ стояли 4 тысячи непріятелей, а
главное войско, оставивъ прежній лагерь при Новѣгродекѣ, рас-
положилось въ 12 миляхъ отъ большой деревни и за нѣсколько
дней усилилось 130,000 человѣкъ. Казацкій атаманъ, увѣдомивъ
о томъ Димитрія, немедленно просилъ прислать на помощь 100
гусаръ или Польскихъ уланъ, чтобы разсѣять четырехтысячный
отрядъ, стоявшій въ деревнѣ. Димитрій отправилъ къ нему 120
всадниковъ съ Польскимъ хорунжіемъ; но прежде, чѣмъ они
подоспѣли, казаки начали битву съ Москвитянами и уже отсту-
пали; однакожъ, увидѣвъ Поляковъ, идущихъ на помощь, снова
ударили на враговъ, положили около 1200 человѣкъ на мѣстѣ и
съ незначительною потерею возвратились въ крѣпость побѣдите-
лями. Димитрій, узнавъ теперь достовѣрно, что непріятель всѣми
силами ежедневно подвигается впередъ и уже отстоитъ не болѣе,
какъ на 3 мили отъ Сѣвска, собралъ своихъ для совѣта и разсу-
ждалъ, что надлежало предпринять? Долго не знали, на что
рѣшиться; Димитрій наконецъ согласился съ мнѣніемъ тѣхъ,
которые совѣтовали итти врагамъ на встрѣчу, не дожидаясь ихъ
приближенія къ Сѣвску: еслибъ они обложили крѣпость,

*

1605. сопротивленіе было бы невозможно, потому что силою нельзя одолѣть столь многочисленнаго войска; они же, имѣя средства преградить всѣ пути, успѣли бы пресѣчь подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ и поморили бы осажденныхъ голодомъ. «Лучше», говорилъ Димитрій «встрѣтить ихъ въ полѣ, и въ битвѣ найти славную смерть, или вѣроятнѣе побѣду». Воины приготовились въ слѣдующее утро выступить противъ непріятеля.

На другой день, по совершеніи божественной службы, Димитрій повелъ свое войско, состоявшее изъ 14,000 человѣкъ, на лагерь Москвитянъ. Но едва прошелъ онъ половину пути, какъ передовой отрядъ его встрѣтилъ наблюдательный полкъ Москвитянъ, изъ 5,000 ратниковъ, и завязалъ съ нимъ столь жаркое дѣло, что побивъ около 1,000 человѣкъ, полонилъ двухъ знатныхъ бояръ и многихъ воиновъ; прочіе же побѣжали въ лагерь съ великимъ крикомъ. Царскій воевода, узнавъ о пораженіи сторожеваго отряда, немедленно оставилъ лагерь, расположенный подлѣ большой деревни, вывелъ войско на открытую равнину и устроилъ его къ битвѣ, убѣждая сразиться мужественно. Димитрій вступилъ также на эту равнину, и замѣтивъ, что его дружина слабая начала колебаться при видѣ столь многочисленныхъ враговъ, старался ободрить ее слѣдующими словами: «Мои вѣрные друзья, мои любезные сподвижники! будьте смѣлы и мужественны; надѣйтесь на Бога; Всемогущій съ нами! Вы это уже видѣли: Онъ насъ никогда не оставлялъ; Онъ неизмѣнный нашъ покровитель. Я твердо увѣренъ, что Богъ судья безпристрастный, что враги испытаютъ нынѣ Его могущество и справедливость, что Онъ разсѣетъ и истребитъ ихъ». Потомъ раздѣлилъ свое воинство на три отряда: первый, въ коемъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 Поляковъ и 2,000 Москвитянъ, (они надѣли на латы бѣлыя рубахи, для различія отъ своихъ единоземцевъ); въ другомъ было 8,000 конныхъ Запорожцевъ, въ третьемъ 4,000 казаковъ пѣшихъ. Этотъ послѣдній отрядъ остановился въ значительномъ разстояніи отъ двухъ первыхъ за горою, съ тяжелымъ снарядомъ,

для того, чтобы въ случаѣ неудачи, прочіе могли найти опору и орудіями остановить непріятеля. 1605.

Когда все было такимъ образомъ устроено, раздался трубный звукъ и битва началась. Димитрій, съ обнаженнымъ палашемъ въ рукѣ, на каремъ аргамакѣ, поскакалъ прямо въ толпы враговъ, въ надеждѣ увлечь за собою дружину. Слѣдуя за нимъ, 400 Поляковъ и 2,000 Москвитянъ устремились съ быстротою неимовѣрною. Непріятель, чтобы заманить ихъ подъ картечь, уклонился назадъ на значительное разстояніе, и потомъ раздвинувъ свои ряды, встрѣтилъ нападающихъ залпомъ изъ 14 пушекъ и 16,000 длинныхъ ружей. Тутъ Богъ всемогущій явилъ Димитрію свою необыкновенную, чудесную милость: этотъ ужасный залпъ сразилъ не болѣе 3 человѣкъ и ранилъ только пятерыхъ! Непріятель, не видя болѣе Димитріевыхъ ратниковъ, покрытыхъ дымомъ, и полагая, что всѣ они были побиты, прекратилъ пальбу; между тѣмъ, Димитрій, замѣтивъ, что облака дыма, гонимыя вѣтромъ, ослѣпили Москвитянъ, устремился впередъ съ частію войска своего и надѣлалъ имъ столько вреда, что если бы 8,000 казаковъ немедленно подали помощь, онъ безъ сомнѣнія удержалъ бы за собою поле сраженія; но казаки измѣнили и разбѣжались (они были подкуплены Борисомъ за нѣсколько дней, какъ послѣ открылось). Димитрій, не имѣя средствъ, безъ помощи казаковъ, выдержать сильнаго напора и увидѣвъ, что ему измѣнили, въ бѣгствѣ искалъ спасенія. Враги быстро его преслѣдовали до третьяго отряда, гдѣ находились пѣшіе казаки, которые, остановивъ ихъ выстрѣлами, долго мужественно сражались и многихъ побили; наконецъ, подавленные безмѣрными силами, всѣ были изрублены на мѣстѣ. Димитрій ускакалъ съ прочими воинами въ Сѣвскъ, и если бы казаки не удержали на время непріятеля, онъ достался бы живой или мертвый со всѣми остальными въ руки побѣдителей. Въ этомъ сраженіи онъ потерялъ до 3,000 человѣкъ.[140] Хотя Москвитяне, довольные побѣдою, возвратились въ лагерь и нѣсколько дней оставались въ бездѣйствіи; однакожъ онъ спѣшилъ

1605. удалиться изъ своего убѣжища, опасаясь погибнуть съ слабою дружиною, если враги вздумаютъ осадить крѣпость; на остальныхъ же 8,000 казаковъ не смѣлъ положиться; посему въ ту же ночь удалился съ немногими Поляками въ крѣпость Рыльскъ, на 36 миль отъ Сѣвска, и потомъ въ Путивлъ, главный городъ Сѣверской области. Казаки, свѣдавъ о скрытномъ удаленіи Димитрія изъ Сѣвска, немедленно пустились по его слѣдамъ; но подъ стѣнами Рыльска, ихъ встрѣтили ружейною пальбою и поносными словами, какъ предателей государя Димитрія Іоанновича; получивъ такой же отвѣтъ и въ Путивлѣ, они вышли со стыдомъ изъ предѣловъ Московскихъ.

Между тѣмъ непріятель, оставивъ лагерь, приступилъ къ Рыльску и началъ сильную пальбу какъ по городу, такъ и по крѣпости. Димитрій, убѣждаемый осажденными подать помощь, немедленно отправилъ къ нимъ изъ Путивля 1,000 Москвитянъ и 5,000 Донскихъ казаковъ;[141] эти казаки, въ числѣ 4,000 человѣкъ, присоединились къ нему въ Путивлѣ; они составляютъ лучшее войско великихъ князей Московскихъ; имѣя длинныя ружья, сражаются на коняхъ и еще гораздо лучше пѣшіе; живутъ за 100 верстъ отъ Путивля на берегахъ Дона. Не доходя двухъ миль до Рыльска, посланные Димитріемъ воины встрѣтили сторожевой отрядъ непріятельскій, разбили его и нѣсколько плѣнниковъ отправили въ Путивль; прочіе же враги, спасшіеся отъ пораженія, бросились въ лагерь и съ ужасомъ объявили своимъ, что изъ Путивля идутъ страшныя силы, отъ которыхъ они едва спаслися. Это случилось за 3 часа до разсвѣта. Вѣсть поразила непріятеля, по волѣ Небесъ, такимъ ужасомъ, что онъ покинулъ свой лагерь и разбѣжался. Рыльчане, услышавъ необыкновенное волненіе въ станѣ враговъ, думали, что они, по минованіи ночи, пойдутъ на приступъ, и бросились на твердыни, чтобы отразить ихъ; но съ разсвѣтомъ увидѣли, что непріятель скрылся, и не могли придумать причины его отступленія: прибытіе вспомогательнаго отряда наконецъ объяснило загадку; тогда осажденные,

вмѣстѣ съ отрядомъ, устремились по слѣдамъ непріятеля, настигли 1605.
его въ бѣгствѣ, побили около 3,000 человѣкъ, многихъ взяли въ плѣнъ и потомъ, разграбивъ его лагерь, гдѣ нашли 14 орудій со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, немедленно обо всемъ увѣдомили Димитрія; такое извѣстіе очень его обрадовало. Послѣ того около 4 недѣль, никто не зналъ, куда дѣвались Москвитяне; наконецъ прибылъ въ Путивль вѣстникъ съ увѣдомленіемъ, что они стоятъ въ 36 миляхъ и весьма дѣятельно осаждаютъ Кромы, и что на походѣ къ той крѣпости, безчеловѣчно опустошили всѣ города и села въ Сѣверскомъ княжествѣ, признавшіе Димитрія, не давая пощады ни старымъ, ни малымъ, ни женщинамъ, ни мущинамъ. Не льзя не подивиться, съ какою радостію невинные люди переносили истязанія и муки за Димитрія, котораго никогда не видали, считая самую смерть блаженствомъ, если за него гибли! Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали Москвитяне въ собственномъ отечествѣ.

Въ это время Борисъ подослалъ въ Путивль трехъ монаховъ съ грамматами къ духовенству и гражданамъ, требуя, что бы они схватили Димитрія со всѣми приверженцами и отправили ихъ въ Москву; за что обѣщалъ наградить ихъ щедро и помиловать за измѣну. Монахи, прочитавъ грамматы народу, съ своей стороны убѣждали его не вѣрить тому, кто называетъ себя Димитріемъ, сказывая, что онъ бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти Іоанна Васильевича. «Мы жили вмѣстѣ» говорили они «въ одномъ монастырѣ, и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ дьявольскаго дѣла, а онъ бѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича. Притомъ всякому извѣстно, что истинный Димитрій за нѣсколько лѣтъ скончался въ Угличѣ». Подобными рѣчами монахи думали ослѣпить народъ. Но Димитрій тотчасъ провѣдалъ о томъ, приказалъ ихъ поймать и привести къ себѣ; между тѣмъ прежде, нежели ихъ представили, велѣлъ одному Польскому дворянину, именемъ Иваницкому, надѣть свое

1605. платье и сѣсть на своемъ мѣстѣ. Монахи, приведенные предъ дворянина, были спрашиваемы нѣкоторыми Поляками: «Узнаете ли вы Димитрія!» «Какъ прежде говорили мы народу», отвѣчали они «такъ и теперь повторяемъ, что онъ не тотъ, кѣмъ хочетъ быть». Желая открыть, не имѣютъ ли они другаго умысла, Димитрій приказалъ ихъ пытать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаться. Но третій, уже старецъ, предъ самымъ началомъ истязанія, умолялъ о пощадѣ и просилъ дозволенія переговорить съ Димитріемъ наединѣ, обѣщая открыть все, что ему извѣстно. Просьбу немедленно исполнили. Представленный Димитрію, монахъ тотчасъ узналъ его, упалъ ему въ ноги и отъ ужаса не могъ сказать ни слова. Димитрій велѣлъ ему встать и говорить безъ всякаго опасенія, откровенно. «Да будетъ вѣчная хвала и благодарность «Творцу неба и земли», воскликнулъ монахъ «за милосердое спасеніе «моего всемилостивѣйшаго государя отъ смерти, въ Угличѣ ему «приготовленной! Ты нашъ законный царь и наслѣдникъ всей «Русской державы! Тотъ же, кого мы всѣ трое видѣли вчера «сидѣвшаго на твоемъ мѣстѣ, былъ не царевичъ». Потомъ онъ просилъ, чтобы Димитрій приказалъ другимъ нѣсколько удалиться и тщательно смотрѣть, чтобы никто не вышелъ изъ крѣпости. Когда это было исполнено и съ Димитріемъ осталось не болѣе 3 особъ, монахъ продолжалъ: «Всепресвѣтлѣйшій князь! да будетъ «извѣстно твоей княжеской милости, что одинъ изъ моихъ това«рищей имѣетъ у себя разные яды, и самый смертоносный спря«танъ у него въ сапогѣ, между подошвами: кто хотя нѣсколько «прикоснется къ этому яду, тотъ всѣмъ тѣломъ такъ распухнетъ, «что въ девятый день долженъ лопнуть. Двое изъ твоихъ бояръ «взялись смѣшать его съ ладаномъ, которымъ священникъ дол«женъ окурить тебя, государь, въ церкви; они подкуплены Бори«сомъ, и уже неоднократно объ этомъ пересылали къ «нему письма; о чемъ и доношу вашему величеству».

Димитрій, услышавъ такія слова, благодарилъ Бога всемогущаго, который столь милостиво оберегалъ его доселѣ отъ погибе-

ли, и въ тоже время велѣлъ позвать обвиняемыхъ бояръ. Они по 1605.
обычаю ударили челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричалъ на нихъ Димитрій: «Вамъ ли, при вашихъ сѣдинахъ, вѣроломные «злодѣи! быть измѣнниками своему государю? такъ ли платите «мнѣ за царскую милость, за отеческую любовь мою? уже ли «забыли вы, коварные злодѣи! то милосердіе, которое оказалъ я «вамъ, когда граждане привели васъ, измѣнниковъ? Я, по своему «добродушію, даровалъ вамъ жизнь и пощаду и ввелъ васъ въ «тайный совѣтъ мой; а вы доносили Борису о всѣхъ помышленіяхъ «моихъ. Но Тотъ, Кто всегда покровительствовалъ правое дѣло, и «теперь обнаружилъ чрезъ монаха вашу измѣну: вы приняли ядъ «отъ проклятыхъ людей, чтобы лишить меня жизни. Теперь нѣтъ «милосердія, безбожные преступники! Васъ ожидаетъ казнь мучи-«тельная, въ страхъ другимъ подобнымъ измѣнникамъ!» Они во всемъ повинились. Граждане, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Димитрія выдать имъ бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь, и получивъ на свою просьбу его согласіе, схватили ихъ, раздѣли до-нага, вывели на площадь, привязали къ столбу, врытому землю, и разстрѣляли изъ луковъ и пищалей. Два же монаха, не хотѣвшіе на пыткѣ ни въ чемъ признаться, были заключены въ темницу; а третьяго, за открытіе измѣны, Димитрій осыпалъ милостями.

Спустя нѣсколько времени, Димитрій получилъ изъ Кромъ извѣстіе, что враги поступаютъ съ своими единоземцами весьма безчеловѣчно и что крѣпость намѣрена покориться непріятелю, если вскорѣ не присланы будутъ Поляки ей помощь: эта вѣсть весьма его опечалила, особенно потому, что у него не было Польскаго войска, кромѣ сотни тѣлохранителей, и хотя онъ ежедневно ожидалъ прибытія другаго отряда, однакожъ не рѣшился отпустить послѣднихъ воиновъ. Между тѣмъ, какъ онъ не зналъ, что дѣлать, Польскіе хоружіе отправились въ Путивль и привели съ собою оттуда нѣсколько гусаръ, да около 500 Пятигорцевъ, [142] къ великой радости Димитрія, которому подобное вспо-

1605. моженіе никогда не было столь необходимо, какъ въ это время. По двухдневномъ отдыхѣ, отрядъ посланъ былъ съ 3 тысячами Москвитянъ на помощь Кромскимъ гражданамъ, подъ начальствомъ благороднаго Поляка Запорскаго.

Не доходя 6 миль до Кромъ, Запорскій написалъ отъ имени Димитрія письмо и отправилъ его въ крѣпость съ однимъ Москвитиномъ, давъ ему наставленіе, какъ должно поступать, если попадется въ руки непріятеля. Этотъ Москвитинъ, обѣщая оказать важную услугу, изъявилъ готовность пожертвовать за Димитрія самою жизнію и скорѣе перенесть всевозможныя муки, нежели открыть хотя что либо о своемъ государѣ. Въ трехъ миляхъ отъ Кромъ, онъ былъ схваченъ непріятельскимъ дозоромъ, и на вопросъ, откуда идетъ, смѣло отвѣчалъ: «изъ Путивля, отъ моего всемилостивѣйшаго государя, царя Димитрія Іоанновича, великаго князя всея Россіи, съ грамматою въ Кромы». Услышавъ о письмѣ, враги немедленно переслали его своимъ воеводамъ, князю Голицыну, занимавшему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московскомъ сенатѣ, и Петру Басманову, храброму защитнику Новагродека. Оба вельможи, послѣ многихъ распросовъ, на которые посланный отвѣчалъ съ неизмѣнною неустрашимостію, развернули письмо и читали слѣдующее:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, великій князь всея Россіи, на«слѣдникъ всего великаго княжества Московскаго, царь Казанскій, «царь Астраханскій, посылаемъ къ вамъ, любезно-вѣрные Кром«скіе жители, по просьбѣ и желанію вашему, на помощь 2,000 «Поляковъ и 8,000 Москвитянъ. Мы сами нейдемъ лично къ вамъ «съ этимъ отрядомъ, потому, что ежедневно ожидаемъ 40,000 «Польскихъ воиновъ, которые уже не далѣе 16 миль стоятъ отъ «Путивля. Впрочемъ остаемся въ полной надеждѣ, что вы съ этимъ «отрядомъ, при помощи Бога и справедливости нашего дѣла, не «только отразите враговъ, но и причините имъ великое бѣдствіе. «Въ заключеніе увѣщаваемъ васъ быть намъ столь же вѣрными, «какъ и прежде, и не забывать клятвы, которою вы обязались не

«щадить ни жизни, ни имущества; за что вознаградимъ васъ 1605.
«въ свое время».

Запорскій, написавъ граммату безъ вѣдома Димитрія, въ надеждѣ устрашить и испугать враговъ, вовсе не ожидалъ, чтобы она произвела столь доброе дѣйствіе, какъ въ самомъ дѣлѣ случилось: воеводы ужаснулись, увидѣвъ изъ грамматы, сколь сильное войско непріятелей приближается къ ихъ лагерю и сколь многочисленна другая рать, которая вскорѣ прибыть долженствуетъ. Разсуждая другъ съ другомъ, они долго не знали на что рѣшиться, доколѣ всемогущій Богъ чудеснымъ образомъ не озарилъ ума ихъ: убѣжденные долговременнымъ совѣщаніемъ въ невозможности сопротивляться, они признали за лучшее покориться со всѣмъ войскомъ. «Мы видимъ ясно», говорилъ Басмановъ, «что государь, «охраняемый десницею Всемогущаго, назначенъ быть нашимъ «повелителемъ: сколь долго мы ни преслѣдовали его, какихъ «средствъ ни употребляли мы, всегда онъ подавлялъ нашу силу, «всегда разрушалъ наши планы. Такъ, онъ долженъ быть закон«ный наслѣдникъ Русскаго престола и государь нашъ! Если бы «онъ былъ измѣнникъ, какъ мы доселѣ думали, Богъ не помогалъ «бы ему столь чудеснымъ образомъ; поэтому я считаю за лучшее «ему покориться, когда есть еще время получить его милость». Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Голицынъ. Но опасаясь сопротивленія воиновъ, и особенно четырехтысячнаго иноземнаго отряда, состоявшаго изъ людей разнаго племени, наиболѣе изъ Нѣмцевъ, оба воеводы призвали тайно предводителя этого отряда Лифляндскаго дворянина Розена, показали ему письмо и объявили свое намѣреніе. Розенъ, думая, что они хотятъ только испытать преданность его Борису, сперва не хотѣлъ вѣрить словамъ ихъ; напослѣдокъ убѣжденный въ истинѣ, согласился также передаться Димитрію съ своею дружиною.

Между тѣмъ, какъ три военачальника еще разсуждали другъ съ другомъ, сторожевой отрядъ, разбитый на голову, въ совершенномъ безпорядкѣ прибѣжалъ въ лагерь и съ ужаснымъ кри-

1605. комъ извѣстилъ о приближеніи непобѣдимой силы Поляковъ. Тотда только главное войско начало вѣрить письму. Послѣ того Басмановъ приказалъ Розену съ его дружиною перейти по мосту черезъ Волгу,[113] на обширную равнину, и выстроиться въ боевой порядокъ; за нимъ долженствовало слѣдоватъ и прочее войско, заключавшее въ себѣ, по словамъ Москвитянъ, отъ 50 до 60,000 человѣкъ. Замѣтивъ движеніе, Борисовъ братъ Иванъ Годуновъ, стоявшій на другой сторонѣ крѣпости съ 90,000 ратью, спрашивалъ, для чего войска переходятъ за Волгу? и получилъ въ отвѣтъ, что князь Голицынъ и Басмановъ, узнавъ о приближеніи Польскихъ силъ, приказали выстроиться въ боевой порядокъ, сами пошли въ обходъ, и войско ожидаетъ ихъ прибытія. Оба воеводы не замедлили явиться.

Голицынъ, ставъ на мосту вмѣстѣ съ Басмановымъ, обратился къ другому лагерю и, поднявъ вверхъ мнимое письмо Димитрія, закричалъ громкимъ голосомъ: «Воины! извѣщаемъ васъ, что эта «граммата прислана сыномъ великаго князя Іоанна Васильевича, «Димитріемъ Іоанновичемъ, котораго хотѣлъ погубить Борисъ. «Небесное Провидѣніе спасло его! Мы признаемъ его нынѣ закон«нымъ государемъ и наслѣдникомъ великаго княжества Всерос«сійскаго! Кто хочетъ покориться ему, да перейдетъ на эту «сторону; а кто не хочетъ, тотъ пусть остается измѣнникомъ, «подобно Борису и клевретамъ его!» Все войско взволновалось, началась сѣча и нѣсколько тысячъ пало на мѣстѣ. Одни хотѣли передаться Димитрію, другіе упорствовали; но принявшихъ сторону его было гораздо болѣе: они связали Годунова и другихъ главныхъ воеводъ.

Кромскіе жители, узнавъ о покорности всего войска Димитрію, отворили городъ и крѣпость, дозволивъ каждому приходить невозбранно. Враги сдѣлались друзьями. На другой день Басмановъ отправился къ Димитрію въ Путивль съ 4,000 человѣкъ, взявъ съ собою Годунова и другихъ плѣнниковъ. Въ 5 миляхъ отъ Кромъ, онъ встрѣтилъ капитана Запорскаго, который,

поразивъ наканунѣ сторожевой отрядъ, отступилъ на 2 мили. 1605.
Дружина его была въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ, но такъ малочисленна, что Басмановъ стыдился своей оплошности и только теперь свѣдалъ о подлогѣ присланной къ нему грамматы. Впрочемъ, прибывъ въ Путивль и явившись къ Димитрію, онъ узналъ царевича, ударилъ ему челомъ въ землю и молилъ о милосердіи. Димитрій даровалъ милость, и принявъ клятву въ вѣрности, послалъ его въ Кромы, съ повелѣніемъ привести къ присягѣ все войско и объявить Голицыну, чтобы онъ съ Розеномъ немедленно прибылъ въ Путивль; что и было исполнено. Годунова же и другихъ плѣнниковъ Димитрій приказалъ держать подъ стражею.

Вѣсть о покорности всего войска Димитрію такъ перепугала Бориса, что онъ впалъ въ болѣзнь и вскорѣ умеръ.[144] По мнѣнію многихъ, онъ самъ себя отравилъ; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что смерть его была скоропостижная. Димитрій, узнавъ о столь неожиданномъ событіи, оставилъ Путивль и черезъ Кромы направилъ путь къ Москвѣ; въ 36 миляхъ отъ столицы, въ крѣпости Тулѣ, явились къ нему два знатнѣйшіе боярина и сенатора князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій: они поднесли ему, какъ законному наслѣднику всего государства Московскаго, богатые дары, состоявшіе въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, золотѣ, серебрѣ, одеждахъ, и на другой день возвратясь въ Москву, объявили народу, что Димитрій есть истинный сынъ Іоанновъ.

Между тѣмъ вдова Борисова приготовила весьма сильный ядъ, которымъ хотѣла отравить и себя и дѣтей своихъ за обѣдомъ; сынъ выпилъ съ нею смертную чашу, не зная, что въ ней было; но дочь (дѣвица рѣдкой красоты) замѣшкала и не успѣла принять отравы, которая уже начала дѣйствовать: мать и сынъ вдругъ поблѣднѣли и упали на землю; тутъ царевна догадалась, что это значило, и такимъ образомъ избавилась отъ смерти.[145] Москвитяне, узнавъ о этомъ, взволновались, разграбили домъ Борисовъ, а родственниковъ его отчасти побили, отчасти побросали въ тем-

1605. ницы; тѣло же царицы и ея сына похоронили. Послѣ того князья Мстиславскій и Шуйскій привели гражданъ къ присягѣ.

На третій день по смерти вдовы Годунова, нѣсколько тысячъ Москвитянъ, въ нарядныхъ одеждахъ, вышли изъ столицы на встрѣчу Димитрію и проводили его въ царскія палаты. Такимъ образомъ 30 іюня 1605 года онъ вступилъ на тронъ своихъ предковъ. Вскорѣ послѣ того,[146] Димитрій послалъ нѣсколько знатныхъ бояръ за своею матерью, жившею въ одномъ монастырѣ, въ 36 миляхъ отъ столицы. 28 іюля 1605 года она пріѣхала въ Москву. Царь встрѣтилъ ее пышно со многими князьями, воеводами и боярами, почти на полчаса пути отъ города: тамъ онъ слезъ съ коня. Мать и сынъ увидѣли другъ друга съ такою радостію, что не только они, но и многіе изъ присутствовавшихъ при свиданіи ихъ плакали отъ умиленія.[147] Димитрій проводилъ ее до дворца, и всю дорогу шелъ подлѣ ея кареты съ непокрытою головою. Царица немедленно признала его предъ всѣми гражданами своимъ истиннымъ, роднымъ сыномъ. 31 іюля онъ былъ коронованъ по Русскому обычаю, какъ великій князь Московскій и всея Россіи.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ коронованія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій началъ разглашать въ народѣ, что Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а измѣнникъ и разстрига. Нѣкоторые граждане донесли о томъ царю: поступокъ Шуйскаго показался ему весьма страннымъ; измѣнникъ былъ взятъ подъ стражу, найденъ виновнымъ, и какъ сенатомъ, такъ и народомъ, осужденъ на смерть; его вывели на площадь предъ замкомъ, положили на плаху, и когда палачь уже поднялъ сѣкиру или топоръ, чтобъ отсѣчь ему голову, вдругъ раздался вдали крикъ: «Стой, стой!» Прибѣжалъ изъ дворца чиновникъ и объявилъ, что великій князь, по просьбѣ и желанію народа Польскаго,[148] даруетъ виновному жизнь. Его сослали въ Сибирь, но еще съ дороги воротили: Димитрій, руководимый врожденною добротою и думая скорѣе милосердіемъ, нежели строгостію заслужить любовь грубыхъ,

злыхъ Москвитянъ, довольствовался одною клятвою Шуйскаго 1605.
болѣе не замышлять измѣны, и возвелъ его въ прежнее достоинство. Дорого стоила доброму царю эта милость, какъ увидимъ!

4 сентября того же года, Димитрій отправилъ посломъ Аѳанасія Ивановича [149] къ его величеству королю Польскому съ слѣдующимъ порученіемъ: во-первыхъ объявить королю царское привѣтствіе и желаніе быть съ нимъ въ дружбѣ и добромъ сосѣдствѣ; во-вторыхъ, увѣдомить его величество, что Богъ, вопреки всѣмъ кознямъ враговъ и недоброжелателей, помогъ Димитрію взойти на прародительскій престолъ, за что онъ изъявляетъ признательность и благодѣтелю своему королю Польскому; въ-третьихъ, просить его величество о дозволеніи благородному господину Георгу Мнишку, воеводѣ Сендомирскому, пріѣхать въ Москву съ дочерью панною Мариною, на которой царь желаетъ жениться. Сверхъ того посолъ долженъ былъ благодарить короля за его привѣтствіе, объявленное чрезъ великаго канцлера Литовскаго, и трактовать о разныхъ дѣлахъ тайныхъ.

Аѳанасій Ивановичъ, исполнивъ порученіе, поздравилъ короля отъ имени своего государя съ счастливымъ бракосочетаніемъ его величества, [150] и какъ Сигизмундъ, въ знакъ своей радости, согласился исполнить желаніе Димитрія, то посолъ объявилъ, что онъ считаетъ обязанностію присутствовать на свадебномъ празднествѣ государя Польскаго и представилъ въ даръ огромный сафиръ, весьма красивый лукъ съ стрѣлами, нѣсколько связокъ дорогихъ мѣховъ собольихъ, чернолисьихъ и куньихъ.

20 ноября 1605 года въ Краковѣ, въ присутствіи короля, принца и принцессы, [151] совершилось обрученіе Марины съ царемъ Русскимъ, коего мѣсто заступалъ Аѳанасій Ивановичъ. Предъ началомъ обряда, Московскій посолъ подарилъ невѣстѣ, при королѣ и Польскихъ вельможахъ, 6 связокъ соболей, нѣсколько связокъ мѣховъ чернолисьихъ, рысьихъ и выдровыхъ, 15 золотыхъ монетъ и въ серебряномъ ящикѣ 3 большіе алмаза, впрочемъ не высокой цѣны и не лучшаго достоинства; послѣ того

1606. кардиналъ вывелъ ее въ другую комнату и тамъ совершилъ обрядъ обрученія, въ присутствіи только короля, принца, принцессы, воеводы Сендомирскаго и его супруги. Посолъ при семъ случаѣ не снималъ перчатки съ правой руки и не хотѣлъ надѣть невѣстина перстня на палецъ, а принялъ его въ бѣлую тафту и положилъ въ золотой ларчикъ.

Отпраздновавъ бракосочетаніе короля съ принцессою Констанціею, дочерью Австрійскаго эрцгерцога Карла, Марина и отецъ ея, воевода Сендомирскій, отправились изъ Самбора въ Москву. Въ слѣдъ за ними король послалъ къ Димитрію, для присутствованія при его бракосочетаніи, благороднаго господина Николая Олесницкаго, кастеляна Малаговскаго, и съ нимъ Александра Корвина Гонсѣвскаго, воеводу Велижскаго, каммергера двора его величества. Какъ скоро воевода Сендомирскій съ дочерью, королевскими послами и многими Польскими вельможами, вступилъ въ Русскіе предѣлы, нѣсколько тысячъ Москвитянъ выѣхали къ нимъ на встрѣчу и проводили ихъ съ торжествомъ до перваго пограничнаго города Смоленска: тутъ Марина остановилась со многими господами на 8 дней для отдыха, а отецъ ея поѣхалъ въ Москву, пышно былъ встрѣченъ Московскими боярами и получилъ отъ великаго князя въ подарокъ весьма красивую лошадь съ разрѣзанными ноздрями (такихъ лошадей Русскіе называютъ бахматами);[152] вся сбруя на ней была золотая; стремена и разныя украшенія, слитыя изъ чистаго золота, вѣсили 10,000 червонцевъ. Воеводѣ отвели обширный домъ въ Кремлѣ недалеко отъ царскаго дворца.

Въ слѣдующій день (4 мая 1606 года) воевода Сендомирскій представлялся великому князю въ торжественной аудіенціи: знатные бояре ввели его въ такъ называемую золотую палату; тамъ сидѣлъ Димитрій на высокихъ креслахъ изъ чистаго серебра съ позолотою, подъ балдахиномъ; двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, вылитый изъ чистаго золота, украшалъ этотъ балдахинъ; подъ нимъ внутри было распятіе, также золотое съ огромнымъ восточнымъ

топазомъ, а надъ креслами находилась икона Богоматери, осыпан- 1606.
ная драгоцѣнными каменьями. Всѣ украшенія трона были изъ литаго золота; къ нему вели три ступени; вокругъ его лежали 4 льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обѣимъ сторонамъ на высокихъ серебряныхъ ножкахъ стояли два грифона, изъ коихъ одинъ держалъ государственное яблоко, а другой обнаженный мечъ. Димитрій былъ въ дорогой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ алмазнымъ и рубиновымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ смарагдовый крестъ; на головѣ имѣлъ онъ императорскую корону, а въ правой рукѣ драгоцѣнный скипетръ. Предъ нимъ, по обѣимъ сторонамъ, стояли по два князя, въ бѣлыхъ кафтанахъ изъ серебряной парчи съ золотыми цѣпями, крестообразно на груди висящими; каждый, изъ нихъ держалъ на плечѣ небольшую широкую сѣкиру, съ украшенною золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукояткою;[153] близь трона находился еще одинъ князь, въ темной, каштановаго цвѣта, одеждѣ изъ бархата и золотой парчи, подбитой соболями: обѣими руками онъ держалъ обнаженный мечъ съ золотымъ крестомъ; подлѣ князя стоялъ сынъ канцлера въ парчевомъ кафтанѣ, съ великокняжескимъ платкомъ; нѣсколько вдали отъ трона, по правую сторону сидѣлъ въ креслахъ, покрытыхъ чернымъ бархатомъ, Московскій патріархъ въ черной бархатной рясѣ, обшитой по краямъ на ладонь шириною жемчугомъ и дорогими каменьями; въ правой рукѣ держалъ онъ свой жезлъ патріаршій (похожій на костыль), съ золотымъ украшеніемъ; подлѣ него стоялъ служка съ крестомъ и серебрянымъ сосудомъ, наполненнымъ святою водою; далѣе отъ патріарха сидѣли отдѣльно семь архіепископовъ и епископовъ; впереди же, предъ тономъ, по обѣимъ сторонамъ, находилось множество бояръ и царскихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни стояли, а другіе сидѣли; въ сторонѣ отъ нихъ стояли Польскіе паны и генералы, пришедшіе въ Россію вмѣстѣ съ Димитріемъ. Помостъ всей залы и скамьи были покрыты Персидскими коврами.

1606. Вступивъ въ Золотую палату, воевода остановился среди ея,, нѣсколько времени молчалъ, потомъ поклонился царю и сказалъ:

«Видя своими глазами ваше императорское величество на «этомъ тронѣ, не знаю, не болѣе ли долженъ я удивляться, «нежели радоваться? Могу ли безъ удивленія смотрѣть на того, «кто уже нѣсколько лѣтъ считался мертвымъ, а теперь окруженъ «такимъ величіемъ? кто хотя наслаждался жизнію, но для многихъ «умеръ и отжилъ для свѣта? Давно уже мы оплакали эту мни- «мую кончину; мы проливали слезы состраданія при вѣсти о гибели «невиннаго; а теперь видимъ ваше императорское величество на «высотѣ счастія и славы! Такъ! прежняя жизнь ваша, въ сравне- «ніи съ настоящею, была не жизнь, а смерть: судьба предназначила «вамъ обширнѣйшее царство, а вы скитались странникомъ въ «земляхъ чуждыхъ! О счастіе! какъ ты непостоянно, какъ ты «играешь мертвыми! Но что я говорю? Богъ, Богъ Вседержитель, «Который правитъ всѣмъ міромъ и въ своемъ тайномъ, недоступ- «номъ совѣтѣ, однихъ возводитъ на престолы, другихъ низвер- «гаетъ, однихъ возвеличиваетъ, другихъ унижаетъ, Онъ допус- «тилъ коварному человѣку поднять смертоносную руку на ваше «императорское величество и распространить всеобщую молву о «вашей кончинѣ. Но Божія милость и помощь всегда пребывала «съ вами: злодѣй погибъ, погибъ и сынъ его; а вы, государь, «владѣете блистательнымъ трономъ своихъ предковъ! Не буду «говорить, какая радость исполняетъ мое сердце: ибо можно ли «сомнѣваться, чтобы я не радовался счастію того, чье злополучіе «меня сокрушало? Языкъ не въ состояніи изъяснить моего «восхищенія. И такъ, не находя словъ для выраженія моего вос- «торга, я могу только поздравить ваше императорское величество, «и въ знакъ неизмѣнной, глубочайшей покорности, съ благоговѣ- «ніемъ облобызать ту руку, которую прежде я жалъ съ нѣжнымъ «участіемъ хозяина къ печальному гостю. Молю Бога всемогу- «щаго даровать вашему величеству здравіе и миръ, во славу Его «святаго имени, въ страхъ врагамъ христіанства, въ утѣшеніе

«всѣмъ государямъ Европейскимъ; да будете красою и честію 1606.
«этой могущественной державы! Сердце мое таетъ въ неизъясни-
«мой радости, когда подумаю, что за мои попеченія съ перваго
«дня свиданія нашего, увѣнчанныя столь счастливымъ успѣхомъ,
«ваше величество изъявили намѣреніе соединиться со мною узами
«родства близкаго, кровнаго. Много доблестей я видѣлъ въ
«вашемъ величествѣ; однѣ изъ нихъ свойственны многимъ геро-
«ямъ; другія удивляютъ болѣе смѣлостію, нежели пріятностію и
«пользою: жить въ полѣ, бить враговъ въ зимнюю стужу, когда
«люди въ домахъ едва могутъ согрѣться, когда самые дикіе звѣри
«скрываются въ норы и воюющіе народы по общему праву пре-
«кращаютъ непріязненныя дѣйствія, все это безъ сомнѣнія доказы-
«ваетъ величіе духа; за то герои съ подобными свойствами и
«великую награду получаютъ въ вѣчное воспоминаніе потомства;
«посему неудивительно, если кто, желая заслужить безсмертное
«имя, рѣшается на такія предпріятія. Но ваше величество пріо-
«брѣли право на такую похвалу, которой ни поэзія, ни исторія
«не могутъ выразить, и которую одинъ только здравый умъ
«постигаетъ: осыпавъ меня золотомъ и серебромъ, вы избрали
«себѣ супругою мою дочь; ни громкій титулъ царя, ни высокая
«почесть не измѣнила вашего намѣренія. Я не столь самонадѣяте-
«ленъ и смѣлъ, чтобъ быть равнодушнымъ къ такому счастію: я
«внѣ себя отъ восторга; однакожъ, если размыслю, какъ воспита-
«на дочь моя, съ какимъ стараніемъ отъ самой колыбели внушали
«ей всѣ добродѣтели, свойственныя ея состоянію, эта мысль
«ободряетъ меня, и я смѣло могу именовать васъ моимъ зятемъ.
«Не буду говорить, что дочь моя родилась въ королевствѣ свобод-
«номъ, что отецъ ея занимаетъ не послѣднее мѣсто въ королев-
«скомъ совѣтѣ, что въ нашей странѣ каждый дворянинъ можетъ
«достигнуть высшей степени достоинства и почестей: одна только
«добродѣтель украшаетъ и вельможъ и царей, ведетъ человѣка
«прямо въ небеса и соединяетъ его съ самимъ Богомъ. Мнѣ
«остается только молить, чтобы Всевышній благословилъ этотъ

1606. «союзъ во славу Его имени, для счастія и благоденствія обшир-«ной державы Русской!»

По окончаніи рѣчи, господинъ воевода поклонился, подошелъ къ царю и поцѣловалъ его правую руку; то же сдѣлали братъ его староста Красмотовскій, сынъ его староста Саноцкій, зять его князь Константинъ Вишневецкій и Павелъ Мнишекъ, воевода Луковскій; всѣ они стояли по лѣвую сторону воеводы, нѣсколько назади; за ними представлялись царю знатнѣйшіе дворяне.

Чрезъ два дня послѣ того, 11 мая 1606 года, пріѣхали въ Москву послы королевскіе; а за ними имѣла торжественный въѣздъ и невѣста великаго князя. Пословъ принимали бояре; ее же встрѣтили слѣдующимъ образомъ: на ружейный выстрѣлъ отъ Москвы, были раскинуты два прекрасные шатра; тамъ стояла присланная великимъ княземъ колесница, запряженная десятью конями съ черными пятнами, въ богатой раззолоченной сбруѣ изъ краснаго бархата; каждаго коня велъ особенный конюхъ; колесница была вызолочена внутри и снаружи и обита червленною матеріею; за нею должны были итти сто Нѣмцевъ изъ великокняжеской лейбъ-гвардіи, въ платьяхъ шелковыхъ, или суконныхъ каштановаго цвѣта, съ зеленою бархатною обшивкою; по дорогѣ отъ шатровъ до городскихъ воротъ, были выстроены въ два ряда пѣшіе Московскіе стрѣльцы до 1,000 человѣкъ, въ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлою на груди перевязью; стрѣльцы имѣли длинныя ружья, съ красными ложами; недалеко отъ нихъ стояли 2,000 конныхъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ такъ же точно, какъ и пѣшіе, съ луками и стрѣлами на одной сторонѣ, и съ ружьями, привязанными къ сѣдлу, на другой; вмѣстѣ съ ними находились 100 Польскихъ гусаръ, съ красными пиками и бѣлыми значками; гусары имѣли сверхъ того литавры и трубы; у Москвитянъ же не было никакихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Невѣста великаго князя провела двѣ ночи въ двухъ миляхъ отъ Москвы, гдѣ на зеленыхъ лугахъ раскинуты были шатры драгоцѣнные, разставленные такъ искусно, что издали они каза-

лись красивымъ замкомъ; отсюда она имѣла торжественное вшес- 1606.
твіе въ Москву, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, который возвратился къ ней изъ столицы наканунѣ. Впереди ѣхали 1,000 бояръ, вооруженныхъ луками и стрѣлами: они провожали Марину отъ самой границы; за ними слѣдовали 200 Польскихъ гусаръ, служившихъ воеводѣ Сендомирскому, въ полномъ нарядѣ, съ бѣлыми и красными значками на пикахъ; далѣе знатнѣйшіе дворяне, также сынъ, зять и братъ воеводы, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ Турецкихъ, коихъ сбруя была украшена золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями; воевода ѣхалъ, подлѣ кареты своей дочери, на превосходномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремена были изъ литаго золота съ бирюзовыми накладками; невѣста сидѣла въ каретѣ, обитой зеленою парчею; кучеръ былъ въ зеленомъ кафтанѣ шелковомъ; ее везли 8 бѣлыхъ Турецкихъ коней, выкрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла красною краскою: сбруя была на нихъ красная, бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками; за невѣстою въ 4 каретахъ ѣхали ея женщины въ богатыхъ нарядахъ; а по сторонамъ шли 300 гайдуковъ, очень красиво одѣтыхъ въ голубыя суконныя платья съ длинными бѣлыми перьями на венгеркахъ или шапкахъ.

Подъѣхавъ къ двумъ шатрамъ, о коихъ выше упомянуто, Марина остановилась; ее встрѣтила Нѣмецкая гвардія и ввела въ одинъ шатеръ, гдѣ она сѣла въ креслы; тутъ явились къ ней въ парчевыхъ кафтанахъ 300 бояръ, которые, проводивъ Польскихъ пословъ въ столицу, возвратились для привѣтствія невѣсты своего государя: остановясь въ 60 шагахъ отъ шатровъ, они слезли съ коней, горѣвшихъ серебромъ и золотомъ, вступили въ палату, поклонились Маринѣ въ поясъ по обычаю и сказали рѣчь отъ имени своего государя; потомъ вышли и стали за шатрами, гдѣ ожидали, не надѣвая шапокъ, когда великая княгиня сядетъ въ присланную женихомъ ея колесницу. Какъ скоро она отправилась, окруженная Нѣмцами и Московскою гвардіею, которая никого къ колесницѣ

1606. не допустила, кромѣ 6 ея лакеевъ, одѣтыхъ въ зеленые бархатные кафтаны, съ золотыми позументами, бояре сѣли на коней и въ слѣдъ за нею поскакали; на мосту, ведущемъ въ Кремль, стояли 50 барабанщиковъ, да столько же трубачей, которые производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ. Невѣсту немедленно отвели въ монастырь царской матери; тамъ ожидалъ ее женихъ: какъ онъ, такъ и царица приняли гостью съ неизъяснимою радостію. Марина жила въ этомъ монастырѣ до самаго бракосочетанія.

На другой день по пріѣздѣ невѣсты, великій князь давалъ аудіенцію Польскимъ посламъ, съ тѣми же обрядами, съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ принималъ и тестя своего, воеводу Сендомирскаго. Приведенные въ аудіенцъ-залу думнымъ боярином Микулинымъ, послы сняли шапки, поклонились Димитрію, сказали привѣтствіе и представили королевскую граммату. Великій князь, увидѣвъ, что на грамматѣ не было императорскаго титула, велѣлъ возвратить ее послу Олесницкому, не распечатывая; потомъ сказалъ: «Я властвую самодержавно въ государствѣ неизмѣримомъ, надъ многими народами, и повелѣваю не только великими «князьями, но и королями; нѣтъ мнѣ равнаго ни на востокѣ, ни «на западѣ; одинъ Богъ надо мною: слѣдовательно я имѣю не «менѣе права на императорскій титулъ, какъ и древніе цари «Ассирійскіе, Мидійскіе, Римскіе; всѣ государи въ подсолнечной «именуютъ меня императоромъ; одинъ только Сигизмундъ III не «признаетъ меня. Не думаю, чтобы это происходило отъ невѣдѣнія «или неосмотрительности его министровъ: ибо я и чрезъ бывшаго «здѣсь посланника Польскаго Александра Гонсѣвскаго, губернатора «Велижскаго, и чрезъ собственнаго посла Аѳанасія, увѣдомлялъ «короля, сколь непріятенъ мнѣ его отказъ въ томъ, чего не «оспариваютъ у меня прочіе государи. Посему онъ не можетъ «быть моимъ другомъ, и я не принимаю его грамматы!»

Олесницкій возразилъ: «Никто не споритъ, что великій князь

повелѣваетъ многими народами, что государство его весьма об- 1606.
ширно, что власть его неограниченна; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы король Польскій обязанъ былъ называть его императоромъ: ибо не каждый государь самодержавный, повелѣвающій страною обширною, имѣетъ право на сей титулъ; въ противномъ случаѣ его потребовали бы и восточные короли, Китайскій, Японскій Индѣйскій, коихъ области неизмѣримы, какъ теченіе солнца, а власть такъ неограниченна, что подданные считаютъ ихъ богами; притомъ же неслыханное, необыкновенное дѣло, чтобы въ Москвѣ когда либо царствовалъ императоръ, въ чемъ сознаются и бояре, изъ коихъ многіе дожили до сѣдинъ, если великій князь спроситъ ихъ мнѣнія; и не льзя найти ни одной грамматы королей Польскихъ съ такою надписью, какой онъ требуетъ; да и самая исторія не упоминаетъ, чтобы владѣтели Московскіе когда либо носили титулъ императора; хотя же они часто домогались у королей Польскихъ имени королевскаго; однакожъ въ этомъ требованіи имъ всегда было отказываемо, не говоря уже о титулѣ императорскомъ.[154] Пусть другіе государи называютъ великаго князя, какъ имъ угодно: король Польскій руководствуется не обычаемъ, а правомъ. Константинъ Великій раздѣлилъ имперію на восточную и западную; первая досталась Туркамъ, а вторая Нѣмцамъ: когда великій князь побѣдитъ Турковъ и возметъ Константинополь, тогда онъ можетъ принять титло императора. Теперь власть его на югѣ вовсе неизвѣстна, а ограничивается только сѣверомъ и частію востока. Что же касается до Александра Гонсѣвскаго, то посланникъ и его товарищи обязаны были трактовать единственно о тѣхъ дѣлахъ, которыя поручены имъ его величествомъ. Правда Аѳанасій Власьевъ объявилъ требованіе на титулъ императорскій, и его представленіе поручено разсмотрѣнію сейма; но никакой сеймъ не можетъ рѣшить такого дѣла; для того надобно, чтобы въ совѣтѣ присутсвовалъ самъ папа, намѣстникъ Христа въ здѣшнемъ мірѣ, владыка надъ вселенною, поставленный самимъ Богомъ». Въ заключеніе своего отвѣта, Олесницкій удивлялся, что великій

1606. князь, при имени короля Польскаго, весьма часто опускалъ титулъ королевскій, который уже нѣсколько вѣковъ принадлежалъ его величеству. «Вижу», сказалъ наконецъ посолъ «что ты забылъ «милости моего короля и преданность народа Польскаго! Я не «хочу здѣсь долѣе оставаться и требую отпустить меня немед- «ленно въ его величеству: спорить я не намѣренъ».

Великій князь долго не соглашался уступить и звалъ къ себѣ Олесницкаго, не какъ посла, а какъ стариннаго знакомаго, коего дружбу онъ испыталъ, странствуя въ Польшѣ. «Для меня очень «лестно и пріятно видѣть благосклонность великаго князя», возразилъ Олесницкій; «но теперь я не долженъ и не могу оставить «званія, возложеннаго на меня королемъ; въ Польшѣ я оказалъ «великому князю услугу; здѣсь я также готовъ служить ему; но «да позволитъ онъ въ точности испонить волю моего государя». Удивленный благоразуміемъ, великодушіемъ и твердостію посла, Димитрій наконецъ объявилъ, что онъ для всеобщей радости и въ угожденіе гостямъ своимъ, Полякамъ, пріѣхавшимъ на свадьбу его, забываетъ унизительное оскорбленіе; но впредь никогда не приметъ грамматы съ подобною надписью и свидѣтельствуется Богомъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, что не онъ будетъ виновникомъ бѣдъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ несогласія. Послѣ того принялъ королевскую граммату, далъ послу свою руку, а при вопросѣ о здравіи короля, снялъ корону и нѣсколько приподнялся съ своего мѣста. Олесницкій отвѣтствовалъ съ низкимъ поклономъ, что его величество, по милости Божіей, находится въ добромъ здоровьи; послѣ того сказалъ торжественно: «Его королевское «величество, узнавъ отъ Московскаго посла Аѳанасія Власьева о «восшествіи великаго князя на престолъ прародительскій, радуется «столь счастливому окончанію предпринятаго имъ дѣла и желаетъ «ему царствовать мирно и благополучно. Государь Польскій не «менѣе радуется бракосочетанію великаго князя, въ надеждѣ, что «этотъ союзъ утвердитъ навсегда согласіе между обоими народами; «для того охотно дозволяетъ воеводѣ Сендомирскому проводить

«дочь его въ Москву. Его величество присутствовалъ самъ, 1606.
«вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою своею принцессою Шведскою,
«также со многими знатными вельможами, при началѣ столь
«вожделѣннаго брака; для окончанія же его посылаетъ, вмѣсто
«себя, своего посла, пана Олесницкаго». За симъ посломъ го-
ворилъ Александръ Гонсѣвскій, воевода Велижскій: «Его величе-
«ство, узнавъ отъ посла Аѳанасія Власьева о намѣреніи великаго
«князя избавить всѣхъ плѣнныхъ злополучныхъ христіанъ изъ
«Татарской неволи, весьма радуется столь богоугодному пред-
«пріятію и убѣждаетъ государя Московскаго привести его въ
«исполненіе какъ можно поспѣшнѣе; съ своей же стороны король
«не оставитъ употребить всѣ мѣры для лучшаго успѣха; посему
«желаетъ знать, какое онъ можетъ оказать пособіе?» На эту рѣчь
отвѣчали послу, что будетъ назначено время и мѣсто для условій
съ королемъ Польскимъ. Такъ кончилась аудіенція; пословъ про-
водили въ ихъ домъ съ честію.

18 мая въ четвертокъ, совершилось бракосочетаніе Димитрія весьма пышно и торжественно: царь, или великій князь, былъ одѣтъ почти такъ же, какъ и во время аудіенціи; въ одной рукѣ имѣлъ скипетръ, въ другой державу; подлѣ него шли съ правой стороны воевода Сендомирскій, съ лѣвой одинъ изъ сенаторовъ, именемъ Мстиславскій. Цесаревна была въ Русскомъ платьѣ и въ сапогахъ съ высокими каблуками; она сіяла въ золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, такъ что не видно было ни матеріи на платьѣ, ни сафьяну на сапогахъ. Головный уборъ ея состоялъ также изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые, будучи переплетены волосами, по обычаю знатныхъ Полекъ, представляли небольшую корону. Ее провожала супруга князя Мстиславскаго; впереди несли на золотомъ блюдѣ императорскую корону; а сзади шли Польскія дамы.

Въ такомъ порядкѣ женихъ и невѣста сперва вступили въ аудіенцъ-залу и сѣли на тронѣ, другъ подлѣ друга; въ тоже время велѣно было позвать королевскихъ пословъ, бывшихъ въ другой

1606. комнатѣ, въ такъ называемой Золотой палатѣ, гдѣ умеръ Борисъ; когда они явились съ знатнѣйшими Польскими дворянами, великій князь немедленно велѣлъ своему сенатору Григорію Ивановичу Микулину изъявить благодарность его королевскому величеству за дозволеніе Сендомирскому воеводѣ привезти въ Москву свою дочь и за присылку вмѣсто себя благородныхъ пословъ. Какъ скоро Польскіе вельможи заняли мѣста, вошелъ въ залу патріархъ, неся на головѣ въ золотомъ блюдѣ императорскую корону; великій князь принялъ ее и поцѣловалъ. Послѣ того всѣ встали и отправились въ церковь для коронованія. Панъ Малаговскій велъ великаго князя за правую руку; а панъ Гонсѣвскій шелъ впереди, между двумя боярами, изъ коихъ одинъ несъ скипетръ, а другой державу. Вся дорога отъ палатъ до самой церкви была покрыта червленнымъ бархатомъ, въ два полотна. Какъ скоро новобрачные и вся свита вступили въ храмъ, немедленно заперли его отъ тѣсноты; тамъ почти по срединѣ устроенъ былъ амфитеатръ, вышиною въ полтора человѣка; на немъ стояли трое креселъ; среднія, окованныя серебромъ съ позолотою и украшенныя бирюзою и смарагдами, приготовлены были для великаго князя; стоявшія по правую сторону для патріарха, а по лѣвую для великой княгини; и тѣ и другія были окованы серебромъ съ вызолоченными украшеніями. Господа послы Польскіе стали предъ амфитеатромъ, ожидая, что имъ укажутъ мѣста, гдѣ могли бы они сѣсть; но какъ ожиданіе ихъ было тщетно, то они сами потребовали креселъ: великій князь велѣлъ имъ сказать, что по Русскому обычаю въ церквахъ не сидятъ, и что самъ онъ сидитъ только по случаю коронованія. Послы, постоявъ нѣсколько времени, отошли въ сторону и сѣли. Между тѣмъ начали служить литургію по Русскому обряду; по окончаніи же, принесли на золотомъ блюдѣ царское украшеніе, которое патріархъ повѣсилъ на царевну; за тѣмъ подали также на золотомъ блюдѣ ожерелье, въ коемъ сіяли 6 большихъ смарагдовъ: патріархъ возложилъ его на плеча царевны, а на голову надѣлъ императорскую корону и поцѣловалъ ея руку, или широкій

рукавъ ея одежды; за патріархомъ подходили къ ней всѣ духовныя 1606.
особы. Сенаторы, цѣловавшіе руку ея и присягнувшіе въ вѣрности еще въ понедѣльникъ и вторникъ, принесли теперь обѣтъ преданности и покорности

Не излишнимъ будетъ упомянуть, какимъ образомъ царь, въ продолженіе обряда, хотѣлъ показать посламъ свое величіе: подозвавъ знатнѣйшаго сенатора, Ивана Васильевича Шуйскаго, [155] онъ велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; то же приказалъ сдѣлать и брату его Дмитрію Шуйскому; потомъ выслалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ подозвалъ другихъ знатныхъ бояръ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и этихъ, призвалъ снова другихъ князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ. Всѣ они должны были исполнять такія порученія, какихъ наши государи не даютъ и послѣднему дворянину. Видя это послы и другіе Польскіе вельможи, благодарили Бога всемогущаго за тѣ права, коими онъ наградилъ ихъ отечество. По окончаніи коронованія, великій князь вошелъ въ царскіе врата, находящіеся между двумя алтарями, и тамъ совершилъ молитву; великая же княгиня молилась въ отдѣльномъ небольшомъ придѣлѣ по своему обряду. Потомъ они стали между двухъ алтарей, [156] гдѣ обвѣнчалъ ихъ патріархъ со многими церемоніями; причемъ наиболѣе то было замѣчательно, что первосвятитель взялъ жениха и невѣсту за руки, обвелъ ихъ кругомъ три раза, потомъ взялъ стаканъ съ краснымъ виномъ, и выпивъ изъ него сначала самъ, давалъ пить трижды великому князю и великой княгинѣ; послѣ того поставилъ стаканъ на землю предъ великимъ княземъ, который растопталъ его ногами: Русскіе говорятъ, что эти церемоніи представляютъ бракъ Галилейскій; но это слишкомъ старо. Наконецъ вышли изъ храма. Когда великій князь переступалъ чрезъ порогъ, Мстиславскій бросилъ народу изъ золотаго сосуда, подлѣ него стоявшаго, нѣсколько золотыхъ монетъ, цѣною въ 1, 5, 10 и даже 20 червонцевъ; бросали ихъ и Польскимъ посламъ и ихъ

1606. свитѣ; ни одинъ Полякъ не бралъ ихъ; Москвитяне же кидались за монетами, не исключая самыхъ знатныхъ бояръ, въ числѣ коихъ былъ Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Между тѣмъ господа послы откланялись великому князю и уже вечеромъ возвратились въ свой домъ.

Въ слѣдующій день былъ свадебный праздникъ, что̀ случилось въ пятницу, къ неудовольствію Москвитянъ, которые считали такое обстоятельство худымъ предзнаменованіемъ: этотъ день язычники посвящали Венерѣ. Пословъ звали на обѣдъ; но они не хотѣли пріѣхать потому, что имъ назначено было не такое мѣсто, какое имѣлъ Аѳанасій Власьевъ, который, по особенной милости короля, на свадьбѣ его величества сидѣлъ за королевскимъ столомъ съ императорскими, королевскими и княжескими послами, чего прежде никогда не бывало: ибо Москвитяне всегда обѣдали за особенными столами. Послы требовали той же почести; Димитрій отказалъ имъ, говоря, что король, посадивъ за своимъ столомъ пословъ королевскихъ и княжескихъ, не могъ не дать мѣста за нимъ и его послу; но что произвольный поступокъ не можетъ служить закономъ для двора Московскаго. Послы весьма разумно возражали на такое мнѣніе; однакожъ сочли за лучшее уступить высокомѣрію и упорству великаго князя, заботясь болѣе о дѣлахъ общественной пользы, нежели о пустыхъ обрядахъ, которые могли повредить главной цѣли ихъ посольства.

Гонсѣвскій занялъ обыкновенное мѣсто съ прочими гостями; панъ же Олесницкій, какъ главный посолъ, посаженъ былъ, вопреки обычаю и приличію, за отдѣльнымъ столомъ, недалеко отъ великаго князя, по правую его сторону. Хотя по волѣ его королевскаго величества, послы должны были сидѣть, во время торжественнаго обѣда, подлѣ великаго князя за его столомъ; но это повелѣніе не могло быть исполнено: часто случается, что короли возлагаютъ на своихъ пословъ такія обязанности, которыя бываютъ несогласны съ обстоятельствами времени и мѣста; посему весьма было бы нужно давать имъ волю дѣйствовать сообразно

съ обстоятельствами, чтобы отъ слишкомъ строгаго наблюденія 1606.
мелочей, предписываемыхъ королями, дѣла важныя не оставались безъ успѣха: и по бурному морю искусный кормчій проведетъ свой корабль. Не даромъ хвалятъ Римлянъ, которые, отправляя пословъ, говорили имъ, что всѣ ихъ дѣйствія должны клониться ко благу республики.

Великій князь давалъ обѣдъ въ аудіенцъ-залѣ. Среди находилась высокая колонна, а подлѣ стоялъ огромный столъ, покрытый золотою и серебряною посудою; сверхъ того предъ залою лежали кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые были величиною съ наши ведра, котлы и боченки; въ концѣ залы стоялъ столъ великаго князя, который сидѣлъ за нимъ съ великою княгинею: они были въ Польскихъ платьяхъ, сіявшихъ отъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; на головахъ имѣли короны. По правую сторону великаго князя, вблизи его, былъ отдѣльный столъ, приготовленный для пана Олесницкаго; прочіе же господа и гости съ нѣкоторыми Московскими боярами сидѣли по обѣимъ сторонамъ Димитрія, за длинными узкими столами; панъ Гонсѣвскій занималъ первое мѣсто. На столахъ не было ни ложекъ, ни тарелокъ; сперва подали водки и весьма вкуснаго бѣлаго хлѣба; потомъ разставили разныя блюда съ кушаньями, большею частію съ пастетами, худо приготовленными; въ числѣ ихъ находился огромный пирогъ, наполненный небольшими рыбами; кушанья подавали не вдругъ, а одно за другимъ: ихъ было очень много; но всѣ безъ вкуса, отчасти отъ излишняго количества масла, отчасти отъ меда, которымъ Москвитяне замѣняютъ сахаръ. Подавали также множество напитковъ, особенно же разныхъ сортовъ меда, напитка, приготовляемаго изъ вишень, сливъ, сока виноградnаго и проч.

Димитрій нѣсколько разъ пилъ за здоровье пословъ и гостей, при веселыхъ звукахъ разныхъ инструментовъ, на коихъ весьма пріятно играли Польскіе музыканты, прибывшіе съ великимъ княземъ изъ Польши; Московскіе музыканты стояли на дворѣ

1606. и производили страшный громъ и трескъ своими барабанами. Трудно повѣрить, какъ много при этомъ случаѣ было золотыхъ сосудовъ; чаши и бокалы сіяли въ рубинахъ, сафирахъ, гіяцинтахъ, кораллахъ и жемчугахъ: весь столъ горѣлъ оть золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ! Было также много разнаго сорта закусокъ, лимонныхъ корокъ, колачей, яблокъ, орѣховъ и проч. За столомъ прислуживали около 150 молодыхъ бояръ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны; каждому изъ нихъ, въ награду за усердіе и вѣрность, самъ великій князь, по окончаніи обѣда, далъ по нѣскольку сушеныхъ сливъ. Въ этотъ день откланялись царю послы, отправленные имъ въ Персію. [157]

На другой день великая княгиня пригласила пословъ его величества на обѣдъ въ свои комнаты, гдѣ они пировали по обычаю Польскому; при этомъ случаѣ панъ Олесницкій поднесъ ей отъ имени короля разные подарки, и напомнилъ, какъ она должна поступать въ отношеніи къ королю и своему отечеству. Этотъ день провели очень весело, въ пляскахъ и разныхъ забавахъ; но радость человѣка непродолжительна: скоро смѣняетъ ее горькое горе!

27 мая, въ субботу рано утромъ, открылся страшный мятежъ: знатнѣйшіе Московскіе бояре, составивъ заговоръ, вломились во дворецъ, чтобы умертвить Димитрія. Нѣмецкая гвардія, стоявшая при воротахъ въ числѣ 30 человѣкъ, была прогнана (прочіе солдаты находились въ своихъ домахъ, гдѣ велѣлъ имъ остаться, именемъ великаго князя, одинъ изъ заговорщиковъ); послѣ того бояре разломали двери въ покояхъ великокняжескихъ и ворвались въ нихъ. Димитрій, свѣдавъ о такой измѣнѣ, бросился въ комнаты своей супруги, разсказалъ ей о бунтѣ, и давъ совѣтъ, какимъ образомъ спасти себя, быстро побѣжалъ изъ одной комнаты въ другую, наконецъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для свадебнаго празднества; отсюда хотѣлъ спрыгнуть на другія, но оступился и упалъ съ ужасной высоты, среди небольшаго двора; тутъ увидѣвъ нѣсколько

стрѣльцовъ, бывшихъ на стражѣ, онъ умолялъ ихъ спасти его 1606.
жизнь, за что обѣщалъ имъ щедрую награду. Всѣ стрѣльцы дали клятву умереть за него. Между тѣмъ измѣнники не зѣвали, быстро его преслѣдовали по всѣмъ комнатамъ, выламывали двери; наконецъ увидѣли жертву среди стрѣльцовъ и многочисленною толпою бросились по лѣстницамъ на дворъ. Стрѣльцы сначала твердо стояли за великаго князя и нѣсколько отогнали крамольниковъ; но Василій Ивановичъ Шуйскій, зачинщикъ и глава всего заговора, собравъ своихъ товарищей, убѣждалъ ихъ мужественно довершить начатый подвигъ: «Мы имѣемъ дѣло не съ «такимъ человѣкомъ», говорилъ онъ «который могъ бы забыть «малѣйшую обиду; только дайте ему волю, онъ запоетъ другую «пѣсню: предъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ «мукахъ! Такъ! мы имѣемъ дѣло не просто съ коварнымъ плутомъ, «но съ свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе «намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если эта бестія выползетъ «изъ пропасти!» Тутъ завопили къ толпѣ: «Пойдемъ въ стрѣлец-«кую слободу; истребимъ семейства блядиныхъ дѣтей, если они «не хотятъ выдать измѣнника, плута, обманщика!» [158] Какъ скоро стрѣльцы услышали угрозы, тотчасъ забыли клятвенное обѣщаніе спасти Димитрія и оставили его: любовь къ женѣ и дѣтямъ всегда сильнѣе царскихъ сокровищъ! Бояре же бросились на великаго князя, избили его жестоко, и неоднократно спрашивали, точно ли онъ сынъ Іоанна Васильевича? «Отведите меня къ матери», отвѣчалъ Димитрій «и ее спросите; если она отречется «отъ меня, тогда дѣлайте, что хотите». «Она отрекается отъ тебя!» воскликнулъ Голицынъ, бывшій въ числѣ главныхъ заговорщиковъ, «и говоритъ торжественно, что ты не сынъ ея, а обман-«щикъ!» Съ этимъ словомъ Голицынъ разсѣкъ ему голову саблею; это еще болѣе остервенило прочихъ бунтовщиковъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Григорій Воейковъ, [159] подскочилъ къ Димитрію и выстрѣлилъ въ него: онъ упалъ и тутъ же испустилъ духъ. Вмѣстѣ съ нимъ убитъ вѣрный слуга его Петръ Басмановъ,

1606. главный вождь Русской арміи. Трупы ихъ, нагіе, безобразные, были брошены на площадь предъ замкомъ: тамъ они лежали трое сутокъ.

Великая княгиня, между тѣмъ, заперлась съ своими женщинами въ одной комнатѣ; туда ломилась чернь; но одинъ благородный Полякъ, именемъ Осмольскій, смѣло, мужественно отражалъ толпу, до тѣхъ поръ, пока не пришли два боярина, которые прогнали чернь и спасли благородныхъ Полекъ отъ насилія. [160] Осмольскій однако былъ застрѣленъ; пуля, поразивъ его на вылетъ, пробила стѣну и ранила благородную вдову Хмѣлинскую, которая умерла чрезъ нѣсколько дней отъ раны.

Послѣ того убійцы излили злобу на музыкантовъ великаго князя: 16 человѣкъ умертвили, а многихъ изуродовали; не убили же послѣднихъ только потому, что считали ихъ уже мертвыми; потомъ вломились въ домъ главнаго повара великой княгини, Адама Горскаго, умертвили многихъ служителей и разграбили все имѣніе его. Воеводу же Сендомирскаго они не тронули потому, что съ нимъ было много людей вооруженныхъ, и только увѣдомили его о смерти Димитрія. «Я не знаю ничего, «что случилось», отвѣчалъ воевода; «но подумайте, что вы «дѣлаете? Я никого не трону; если же меня оскорбятъ, буду «защищаться до послѣднихъ силъ, до послѣдняго человѣка!» Измѣнники приняли мѣры, чтобы Поляки во время смятенія не подоспѣли на помощь къ великому князю и не разстроили бы ихъ замысла: для этаго ночью перегородили огромными деревьями ту улицу, гдѣ расположена была Польская конница; били въ набатъ во всѣхъ церквахъ и вездѣ кричали, что Поляки рѣжутъ бояръ въ Кремлѣ и хотятъ овладѣть столицею. Чернь, многочисленными толпами, съ яростію бросилась на постоялые дворы иноземцевъ, особенно же въ Никитскую улицу, гдѣ жили придворные чины великаго князя и великой княгини. Поляки спрашивали у мятежниковъ, что имъ надобно? они же издали кричали: «Отдайте оружіе, если хотите остаться живыми!» Нѣко-

торые, ничего не вѣдая и вовсе не подозрѣвая злаго умысла, 1606.
выдали свои ружья и сабли; но тотчасъ были схвачены, раздѣты до-нага и изрублены въ мелкіе куски. Другіе же, размысливъ, что все равно, пасть ли въ битвѣ, или отдать себя въ руки безумной черни, рѣшились обороняться и сражались мужественно до послѣдняго издыханія. Рѣзня была страшная; вся Никитская улица покрылась трупами и кровью: никогда, ни въ какой битвѣ не погибало вдругъ такъ много юныхъ дворянъ Польскихъ, даже и во время трехлѣтней войны Стефана Баторія съ Россіею. Надобно замѣтить, что Поляки были размѣщены далеко одинъ отъ другаго: изъ этаго видно, съ какими мыслями принимали Москвитяне своихъ гостей; сверхъ того за нѣсколько дней до мятежа, всѣмъ купцамъ строго было запрещено продавать иностранцамъ порохъ и свинецъ, для того, чтобы веселые гости безпрестанными выстрѣлами не потревожили народа и не нарушили общаго спокойствія; это было только предлогомъ; въ душѣ Русскихъ скрывались иные замыслы!

Умертвивъ многихъ, мятежники приступили къ дому князя Вишневецкаго; но были отбиты его людьми. Князь, видя, что разъяренная чернь снова стремится на дворъ его съ луками, пищалями и двумя пушками, собралъ своихъ людей, съ геройскою храбростію бросился въ средину непріятелей, взялъ одну большую пушку, множество злодѣевъ положилъ на мѣстѣ собственнымъ ихъ оружіемъ, и только тогда прекратилъ битву, когда Василій Шуйскій, въ знакъ переговоровъ бросивъ вверхъ шапку, предложилъ ему миръ и безопасность, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ оставить его невредимымъ, только съ условіемъ, чтобы Поляки отдали все свое оружіе. Князь согласился исполнить это требованіе; самъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ и немногими изъ своихъ людей отправился на постоялый дворъ; но едва удалился, чернь напала на безоружныхъ служителей его, оставленныхъ въ домѣ для надзора за вещами, побила ихъ всѣхъ до одного, а имущество разграбила.

1606. Отсюда она спѣшила къ дому Сигизмунда Тарло, гдѣ, кромѣ жены его и благородной вдовы Герботины, были многіе знатные Поляки съ своими служителями, какъ то: Любомирскій, панъ Іорданъ и другіе; чернь бросилась на дворъ, но не смѣла вломиться въ покои, ибо видѣла, что находившіеся тамъ господа и служители, имѣя довольно ружей, приготовились къ упорному сопротивленію; посему она кричала: «Отдайте ружья, если дорога «вамъ жизнь; мы не хотимъ вашей крови, а желаемъ только «возстановить въ городѣ спокойствіе; когда же не вѣрите нашимъ «словамъ, мы готовы присягнуть, что вы останетесь невредимы». Поляки не знали, что дѣлать; наконецъ, по просьбѣ женщинъ, выдали свое оружіе. Москвитяне, получивъ его, принялись сперва за бывшихъ на дворѣ служителей, обобрали ихъ до послѣдней рубахи и прибили до полусмерти; когда же господа напомнили имъ клятвенное обѣщаніе, они еще болѣе разъярились, и умертвили несчастныхъ; послѣ того разграбили нижній этажъ дома, коней увели, экипажи изломали въ куски, всю посуду похитили; потомъ ворвались въ верхніе покои, не давая пощады никому, самимъ женщинамъ: супругу Тарло и госпожу Герботину не только обобрали до чиста, но били кулаками безъ милосердія; все же золото, серебро, дорогія платья и другія вещи, найденныя въ домѣ, раздѣлили между собою (въ общемъ дѣлѣ и добыча общая!). При этомъ случаѣ благородная панна Варвара Дульская лишилась всего имѣнія своего; сама же она, по особенной благости Небесъ, находилась въ другомъ домѣ, гдѣ не было мятежниковъ.

Между тѣмъ Павелъ Тарло и Баалъ, друзья юные, благонравные, мужественные, не хотѣли отдать своего оружія, и при помощи 15 слугъ сражались долго, какъ герои, съ многочисленными толпами; наконецъ Баалъ былъ убитъ; друга же его Тарло спасъ хозяинъ дома, полюбившій юношу за кротость и благонравіе. Въ то же время погибли Петръ Домарацкій и Станиславъ Борза, люди съ прекрасною душею. Жалостнѣе была

участь достопочтеннаго Франциска Помацци: благочестивый 1606.
мужъ совершалъ божественную службу, когда святотатцы, выломавъ двери, схватили его при самомъ алтарѣ, сильнымъ ударомъ сшибли съ ногъ и сорвали съ него святительскія ризы; потомъ совлекли съ алтаря покровъ и похитили дароносицу; брата же Помацціева, бывшаго въ военной службѣ, связали и умертвили; послѣ того снова обратились къ святителю; нанесли ему нѣсколько тяжкихъ ранъ и только тогда укротили свою ярость, когда увидѣли, что онъ уже при послѣднемъ издыханіи; они оставили его въ бореніи съ смертію, впрочемъ не изъ состраданія, а отъ увѣренности, что жертва ихъ не воскреснетъ; не доставало одного удара для прекращенія тогда же его жизни. Онъ испустилъ духъ на третій день.

Паны Стадницкіе, жившіе вмѣстѣ на одномъ дворѣ, узнавъ о бунтѣ, немедленно вооружились для обороны и, отворивъ двери, ожидали непріятелей: чернь, видя ихъ рѣшительность, не посмѣла ворваться въ домъ и удалилась; она также не тронула двора посольскаго, который находился недалеко отъ дома Стадницкихъ; впрочемъ всѣ, искавшіе покровительства въ домѣ пословъ, не взирая на право народное, находились въ явной опасности потерять жизнь, и уже готовились встрѣтить мужественно неминуемую смерть, когда прибыли два боярина и освободили ихъ отъ бѣды.

Павелъ Мнишекъ, староста города Лукова, жившій противъ дома посольскаго, также остался невредимъ, но не потому, что Москвитяне хотѣли пощадить его, а потому, что опасались свиты посольской, которая могла подать помощь. Станиславъ Мнишекъ, староста Саноцкій, спасся инымъ средствомъ: мятежники неоднократно порывались напасть на него; но видя, что онъ окруженъ конными и пѣшими воинами, прибывшими съ нимъ изъ Польши, не рѣшились на битву и оставили его въ покоѣ. Съ нимъ заключилъ Шуйскій такой же договоръ, какъ и съ княземъ Вишневецкимъ; только не могъ отобрать отъ него

1606. оружія и приставилъ къ дому сильную стражу изъ стрѣльцовъ, совѣтуя Полякамъ быть смирными и спокойными. Панъ староста хотѣлъ было пробиться сквозь толпы черни, чтобы соединиться съ отцемъ своимъ воеводою Сендомирскимъ; но единоземцы отсовѣтовали ему это намѣреніе.

Іоаннъ Мнишекъ, староста города Красны, былъ спасенъ отъ смерти своимъ хозяиномъ, со всѣми людьми, кромѣ его духовника, Іоанна Сандеція, который рано утромъ пошелъ къ Помацци, былъ схваченъ на дорогѣ Москвитянами и обобранъ до чиста; впрочемъ не потерялъ жизни: его спасли Нѣмцы, коихъ языкъ онъ разумѣлъ. Польскіе воины, служившіе великому князю, узнавъ о смерти государя, немедленно сѣли на коней и выѣхали въ чистое поле; тамъ они заключили съ Москвитянами договоръ, по коему могли выти изъ Россіи; но потеряли все свое имѣніе. Дружина же воеводы Сендомирскаго, при самомъ началѣ волненія, схватила оружіе и приготовилась къ битвѣ; но увидѣвъ, что на нее навели пушки, удалилась на большой дворъ, гдѣ обыкновенно стояла, и тамъ заключила договоръ съ Русскими. Много можно было бы разсказать, какъ Москвитяне разбивали постоялые дворы, грабили, рѣзали безъ милосердія Поляковъ, обманутыхъ лестью и ложными клятвами; но для краткости прекратимъ нашу повѣсть. Во время смятенія погибло Поляковъ около 600 человѣкъ, а Москвитянъ слишкомъ 1,000; ихъ пало бы гораздо болѣе, если бы они коварнымъ обѣщаніемъ мира не выманили оружія у своихъ гостей, которые, отдавъ его, гибли беззащитными жертвами.

Обнаженный трупъ Димитрія, какъ выше сказано, брошенъ былъ на площадь. Тамъ издѣвалась надъ нимъ чернь: положивъ на брюхо маску, вымазанную нечистою грязью, Москвитяне кричали: «вотъ твой Богъ!» Иные вонзали въ тѣло ножи и бросали его съ одного мѣста на другое. Наконецъ, по прошествіи трехъ сутокъ, одинъ купецъ выпросилъ у бояръ позволеніе похоронить Димитрія за городомъ, отчасти изъ состра-

нія, отчасти въ намѣреніи прекратить безстыдныя надъ нимъ забавы площадныхъ торговокъ. И въ могилѣ ему не было покоя: въ народѣ разнеслась молва, что ночью тамъ виденъ огонь и раздается веселая музыка; для того чрезъ восемь дней вырыли трупъ изъ могилы, сожгли въ пепелъ, и зарядивъ имъ огромную пушку, выстрѣлили въ тѣ ворота, коими онъ вступилъ въ Москву, чтобы и праха его не оставалось. 1606.

ГЛАВА II.

ДНЕВНИКЪ ПАЕРЛЕ.

Причина путешествія автора въ Москву. Опасность его во время мятежа. Стараніе бояръ прекратить волненіе. Соединеніе съ Литовскими послами. Избраніе Шуйскаго царемъ. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Споры пословъ съ боярами во дворцѣ Рѣчь Мстиславскаго. Отвѣтъ посольскій. Заключеніе пословъ. Молва о Димитріи. Послы выдаютъ боярамъ многихъ Поляковъ. Походы Шуйскаго на мятежниковъ. Приступъ ихъ къ Москвѣ. Спасеніе столицы. Неволя Поляковъ. Назначеніе королемъ новыхъ пословъ. Походъ Шуйскаго на Тулу. Отправленіе иноземныхъ купцовъ въ отечество. Прибытіе новыхъ пословъ королевскихъ. Извѣстія изъ Польши. Возвращеніе Шуйскаго. Аудіенція вновь прибывшихъ пословъ. Наглость повара. Смѣлость Гонсѣвскаго и товарища его. Свиданіе ихъ во дворцѣ съ послами. Переговоры и неудовольствія.

Разскажу теперь, что случилось со мною и спутниками моими, Андреасомъ Натаномъ и Матвѣемъ Бернгардомъ Манлихомъ Младшимъ, также съ переводчикомъ Натановымъ Себастіаномъ Лефелемъ и служителемъ его Яковомъ де-Ви, гражданами Краковскими.

Виновникомъ нашего путешествія въ Моству былъ тайный совѣтникъ Димитрія, Янъ Бучинскій: онъ вручилъ Натану грамматy, за своеручною великаго князя подписью и за большою его печатью, такого содержанія, что всякій купецъ, который повезетъ въ Россію, на свой страхъ, добрые и красивые товары, во всѣхъ областяхъ Московскаго государства будетъ принятъ съ особенною ласкою, за все проданное царю получитъ немедленно плату изъ казны, на обратномъ же пути найдетъ продовольствіе и помощь.

1606. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, первый пограничный городъ, мы предъявили тамошнему воеводѣ граммату великаго князя и тотчасъ получили въ довольномъ количествѣ съѣстные припасы. Здѣсь мы опять увидѣли Яна Бучинскаго: онъ просилъ Натана убѣдительно не дожидаться королевскихъ пословъ (принявшихъ насъ подъ свое покровительство), ссылаясь на царское повелѣніе отправить насъ какъ можно скорѣе въ Москву, чтобъ мы успѣли пріѣхать туда прежде царевны. И такъ, во имя Божіе, мы пустились въ дорогу съ людьми Бучинскаго, изъ коихъ одни были на коняхъ, а другіе ѣхали въ повозкѣ. Воевода же Смоленскій далъ намъ приставовъ или коммиссаровъ, для снабженія насъ на пути всѣмъ необходимымъ. Въ Москвѣ насъ помѣстили на дворѣ Бучинскаго, извѣстномъ подъ именемъ Склинскаго;[161] среди его находился небольшой бѣлый домъ, крытый соломою. Во время бунта, когда свирѣпая чернь устремилась на дворъ, мы, въ числѣ 32 человѣкъ, заперлись въ домѣ и разломавъ крышу, рѣшились дорого продать свою жизнь; мятежники, увидѣвъ наше намѣреніе, не смѣли вступить въ битву, а бросились сначала въ кухню, отворили ее съ робостію и похитили всю нашу мѣдную посуду; потомъ ворвались въ покои братьевъ Бучинскихъ и въ наши комнаты, гдѣ также все разграбили; мы же, стрѣляя издали, не могли ихъ остановить. Между тѣмъ, слуга нашего хозяина, родомъ Москвитинъ, пришедшій вмѣстѣ съ прочими изъ города, просилъ насъ убѣдительно не стрѣлять, если народъ насъ самихъ не тронетъ, увѣряя, что всѣ наши вещи должны быть отнесены во дворецъ, и намъ будутъ отданы. И такъ, по его совѣту, мы прекратили пальбу. Къ несчастію, не всѣ наши заперлись въ бѣломъ домѣ: Яковъ де-Ви, думая, что опасность не велика, остался въ комнатахъ: тамъ напали на него Москвитяне, и когда онъ хотѣлъ обороняться, два сильные злодѣя выхватили у него саблю; онъ было бѣжать, но уже поздно; его догнали, и тою же саблею разсѣкли ему плечо, а при второмъ ударѣ разрубили голову до самой бороды: бѣдный де-Ви тутъ же испустилъ духъ.

Да умилосердится надъ нимъ Всемогущій и да вознаградитъ его 1606.
страданіе въ день Страшнаго суда!

Разграбивъ всѣ комнаты, расхитивъ и коней нашихъ, чернь обратилась наконецъ на насъ, и уже хотѣла выломать желѣзныя двери въ нашемъ убѣжищѣ: мы дали сквозь нихъ два сильные залпа изъ мушкетовъ и принудили ее, при помощи Всевышняго, отступить; между тѣмъ явился Дмитрій Шуйскій: онъ просилъ насъ не стрѣлять и отворить двери, увѣряя съ клятвою, что насъ никто не тронетъ; мы однакожъ не вѣрили, и чтобы узнать, чего онъ хочетъ, спустили изъ окна по веревкѣ одного молодаго дворянина, хорошо разумѣвшаго Русскій языкъ. «Я присланъ отъ сенаторовъ», говорилъ Шуйскій «увѣдомить васъ, что если вы будете мирны и спокойны, народъ васъ не тронетъ. Разстрига (такъ величалъ онъ убіеннаго Димитрія) получилъ достойное возмездіе, и вы должны благодарить Бога за свое спасеніе. Что же касается до вашихъ вещей, о коихъ вы такъ заботитесь, будьте спокойны: вы получите вознагражденіе; а для вашей безопасности, я оставлю одного боярина, который не дозволитъ черни никакого насилія». Сказавъ сіе, Шуйскій поскакалъ въ Кремль. Такимъ образомъ спасъ насъ милосердый Богъ, вопреки злобѣ убійцъ, которые желали омыть свои руки въ крови невинной.

Вскорѣ послѣ того, около вечера, прибыли два боярина, съ требованіемъ, чтобъ мы отдали имъ свое оружіе; сначала мы не согласились. Бояре стали увѣрять насъ страшною клятвою, что это дѣлается единственно для успокоенія народа, который до тѣхъ поръ не смирится, пока не увидитъ себя безопаснымъ, и сверхъ того показали списокъ многихъ знатныхъ господъ, исполнившихъ такое требованіе; убѣжденные, мы наконецъ, по взаимномъ совѣщаніи, согласились на его просьбу, но съ условіемъ, чтобы намъ дали одного боярина въ заложники для лучшей безопасности; это условіе тотчасъ было исполнено. Между тѣмъ, мы спрятали въ сѣно четыре топора и четыре сабли. Двое сутокъ насъ томили голодомъ; въ третій день, поздно вечеромъ, присла-

1606. ли намъ корову и нѣсколько куръ; мы тотчасъ ихъ закололи и приготовили пищу, которая показалась намъ вкуснѣе самыхъ лакомыхъ обѣдовъ во время путешествія; запивали же ее квасомъ, то есть кислымъ напиткомъ изъ воды, муки и хлѣба. 4 іюня, наши приставы отлучились; мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и перешли не безъ опасности въ посольскій домъ.

20 мая, въ понедѣльникъ, часа чрезъ два по восхожденіи солнца, снова раздался во всемъ городѣ и въ крѣпости колокольный звонъ и громъ барабановъ. Не зная ничего о происходившемъ въ городѣ и ожидая себѣ новыхъ бѣдъ, мы полагали, что злодѣи хотятъ умертвить остальныхъ иноземцевъ; но мы скоро успокоились: Москвитяне сказали намъ, что въ колокола звонятъ въ знакъ радости, по случаю избранія государемъ князя Василія Шуйскаго (главнаго зачинщика и виновника мятежа). Вскорѣ пріѣхали изъ крѣпости два боярина, которые объявили посламъ, что всѣ чины государства провозгласили Шуйскаго великимъ княземъ, что опасность теперь миновала, и что царь, помиловавъ пословъ и всѣхъ Поляковъ, намѣренъ возвратить имъ все утраченное, а самихъ отправить въ отечество.

1 іюня пришли къ посламъ два другіе боярина Игнатьевичъ и Татищевъ: [162] они требовали, именемъ Московскаго сената, списка всѣмъ особамъ, которыя во время мятежа укрылись въ посольскомъ дворѣ, объявивъ притомъ, что царь въ слѣдующее воскресенье допуститъ ихъ къ рукѣ своей, а на будущей недѣлѣ дозволитъ отправиться въ Польшу.

2 іюня всѣхъ Поляковъ, находившихся въ Москвѣ, исключая самыхъ знатныхъ пановъ и людей, бывшихъ въ посольской свитѣ, также слугъ Бучинскаго, отослали въ Польшу, назначивъ каждому для пропитанія не болѣе 2 крейцеровъ въ день.

3 іюня явились назначенные къ посламъ приставы или коммиссары, съ требованіемъ великаго князя и бояръ выдать имъ всѣхъ людей, которые, во время бунта и послѣ его, пришли на дворъ посольскій; когда же послы хотѣли знать, для чего они

нужны? приставы объявили, что великій князь, движимый мило- 1606.
сердіемъ, велѣлъ отвести Поляковъ въ прежніе ихъ домы, снабдить въ довольствѣ всякими припасами, и потомъ одаривъ щедро золотомъ, серебромъ, платьями, отпустить восвояси. Услышавъ о такомъ предложеніи, всѣ Поляки, въ числѣ ихъ и многіе паны, молили пословъ явить имъ королевскую защиту и не выдавать ихъ злодѣямъ Москвитянамъ. «Мы согласимся», говорили они «питаться крошками съ посольскаго стола, только бы не ѣсть «хлѣба великокняжескаго!» Послы исполнили ихъ желаніе, и послѣ сильныхъ споровъ съ приставами, удержали всѣхъ людей, искавшихъ покровительства въ домѣ посольскомъ.

4 іюня, въ воскресенье, послы ожидали, что ихъ допустятъ, какъ было сказано, къ царской рукѣ, но тщетно: въ городѣ было страшное волненіе; народъ возсталъ на стрѣльцовъ, бояръ и великаго князя, обвиняя всѣхъ ихъ, какъ измѣнниковъ, въ умерщвленіи истиннаго государя, Димитрія. Великій князь, при помощи бояръ, скоро прекратилъ ропотъ черни, увѣривъ ее, что убитъ не Димитрій, а плутъ и обманщикъ, что истинный царевичъ погибъ въ Угличѣ, и что народъ увидитъ своими глазами его нетлѣнныя, чудотворныя мощи, которыя уже везутъ въ столицу. Между тѣмъ бояре достали мальчика лѣтъ 13 или 14, сына какого-то бѣдняка, перерѣзали ему горло, продержали трупъ его нѣсколько дней въ землѣ, потомъ вынули, привезли въ Москву и, показывая народу, говорили черни: «Вотъ истинный «Димитрій! Нѣсколько лѣтъ тѣло его лежало въ землѣ, но все еще «нетлѣнно и невредимо!» Грубая, безсмысленная чернь повѣрила и успокоилась. [163]

5 іюня, одинъ изъ пословъ, староста Гонсѣвскій, капитанъ Велижскій, ѣздилъ во дворецъ къ родному брату великаго князя, Дмитрію Ивановичу Шуйскому, съ просьбою исходатайствовать посламъ у государя дозволеніе возвратиться со всѣми ихъ людьми и Поляками въ отечество.

6 іюня, послы были приглашены во дворецъ; ихъ провожали

1606. туда многіе бояре. Когда они вступили въ Золотую палату, гдѣ собралось до 14 или 15 Московскихъ вельможъ, одинъ изъ бояръ, сдѣлавъ обыкновенный поклонъ, прочиталъ предъ послами бумагу слѣдующаго содержанія:

«За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по смерти нашего великаго князя Ивана Васильевича, остались два сына: старшій изъ нихъ, Ѳеодоръ, вступилъ на престолъ и господствовалъ надъ нами съ вожделѣннымъ благополучіемъ, въ страхѣ Божіемъ; а младшій, Димитрій Ивановичъ, еще юный лѣтами, получилъ въ удѣлъ отъ своего отца три отдѣльныя княжества [164] и жилъ въ городѣ Угличѣ. Въ послѣдствіи, за наши грѣхи, по волѣ Всемогущаго, Борисъ Годуновъ погубилъ царевича, а самъ овладѣлъ престоломъ Россійскаго государства. Къ Борису прислалъ король вашъ Сигизмундъ посломъ Льва Сапѣгу, канцлера Литовскаго, съ товарищемъ: посолъ, заключивъ перемиріе между нашимъ государствомъ и вашимъ королевствомъ на двадцать лѣтъ, утвердилъ его клятвою. Между тѣмъ одинъ изъ нашихъ монаховъ, именемъ Гришка сынъ Богдановъ Отрепьевъ, за колдовство и чародѣйство присужденный святыми отцами и епископами къ лишенію живота, бѣжалъ отъ казни при помощи дьявольскаго искусства, удалился въ Польшу и тамъ, предъ королемъ вашимъ и предъ всею Польскою короною, выдалъ себя за князя Димитрія Ивановича. Мы, бояре, свѣдавъ о такомъ плутовствѣ, послали къ сенату, для уличенія обманщика, письма съ родственникомъ его Смирнымъ Отрепьевымъ, а для большаго удостовѣренія, нашъ патріархъ и епископы дали знать о семъ вашему архіепископу и епископамъ; но Сигизмундъ и его совѣтники, уловленные обманщикомъ, вскорѣ забыли условія мирнаго договора, въ слѣдствіе коихъ Польша не должна была помогать ни людьми, ни деньгами, ни совѣтомъ, никакому врагу Россіи: король далъ обманщику и войско, и деньги, и добрыя наставленія; онъ послалъ въ наши предѣлы воеводу Сендомирскаго со многими Поляками. Когда же измѣнникъ явился съ Польскими войсками въ княжествѣ Сѣверскомъ, чернь, всегда и

вездѣ неразумная, признала его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго 1606.
престола, и выдала ему градоначальниковъ и воеводъ, такъ, что все княжество Сѣверское покорилось самозванцу. Вскорѣ послѣ того государь нашъ Борисъ умеръ, а онъ обманщикъ, при помощи короля, овладѣлъ всею страною Русскою. Мало того: онъ хотѣлъ всѣхъ насъ, бояръ, истребить, Русскую вѣру искоренить, а супругу великаго князя Ивана Васильевича, мать истиннаго Димитрія, принуждалъ признать себя сыномъ своимъ. Хотя же великая княгиня сначала, отъ страха, назвала его своимъ сыномъ; но въ послѣдствіи не могла долѣе обманывать другихъ, и намъ, боярамъ, объявила, что онъ не сынъ ея, а плутъ и обманщикъ, умоляя насъ, чтобъ мы не дозволяли господствовать надъ собою бродягѣ. Убѣжденные какъ ея рѣчами, такъ и многими другими причинами, также и внушеніемъ св. Духа, мы умертвили злодѣя. При семъ случаѣ погибли нѣкоторые изъ Поляковъ, пришедшихъ съ воеводою Сендомирскимъ, за то, что они раздражили народъ наглыми поступками, оскорбляя женъ, отнимая ихъ у мужей, и проч.; но это случилось безъ нашего вѣдома: слѣдовательно не мы виновны въ ужасномъ кровопролитіи, а вашъ король и ваши единоземцы, которые нарушили мирныя условія. Теперь же, по милости Божіей, какъ свѣтскіе, такъ и духовные чины избрали государемъ всея Россіи Василія Ивановича Шуйскаго. Какъ разумный и добрый царь, онъ оплакиваетъ безбожное смертоубійство и повелѣваетъ объявить вамъ, что всѣ ваши единоземцы, оставшіеся въ живыхъ, могутъ отправиться со всѣмъ имуществомъ въ свое отечество. Король же вашъ поступилъ вопреки правиламъ христіанства; о чемъ да будетъ вамъ извѣстно!»

Такъ говорилъ бояринъ Мстиславскій; когда онъ кончилъ свою рѣчь, послы отошли въ сторону, поговорили другъ съ другомъ, и послѣ взаимныхъ совѣщаній, панъ Гонсѣвскій, разумѣвшій лучше своего товарища языкъ Русскій, отвѣчалъ боярамъ: «Мы слышали и поняли вашу рѣчь; просимъ сообщить намъ ее письменно, чтобъ мы могли дать удовлетворительный отвѣтъ; а

1606. между тѣмъ, считаемъ долгомъ объяснить слѣдующее: всемилостивѣйшій государь нашъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, получилъ извѣстіе, что по кончинѣ великаго князя Ивана Васильевича, остался юный сынъ Димитрій Ивановичъ, коему отецъ при жизни своей пожаловалъ княжество Углицкое съ двумя другими; потомъ разнеслась молва, что царевичъ тайно умерщвленъ Борисомъ, къ великой горести всѣхъ Поляковъ: мы оплакивали кончину его изъ христіанскаго состраданія. Вскорѣ послѣ того, пришелъ къ намъ изъ Москвы тотъ, кого вы не признаете Димитріемъ: этотъ человѣкъ благоразумными рѣчами и разными тѣлесными признаками увѣрялъ насъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ, что всемогущій Богъ спасъ его отъ сѣтей Борисовыхъ, что коварный измѣнникъ, отравивъ царя Ѳеодора и завладѣвъ Русскою державою, истребляетъ многія знаменитыя семейства, отчасти тайною смертію, отчасти ссылкою въ вѣчную неволю, и тиранствуетъ надъ своими подданными. О тиранствѣ Борисовомъ разсказывали намъ и другіе единоземцы ваши; даже отъ васъ самихъ, господа бояре! мы неоднократно слыхали единогласныя жалобы на его свирѣпость и вѣроломство. Впрочемъ ни король, ни королевскіе чины не повѣрили посламъ того, кто называлъ себя Димитріемъ: онъ скитался странникомъ въ жалкомъ положеніи изъ одного мѣста въ другое, доколѣ не пришли къ нему въ Польшу многіе Москвитяне изъ разныхъ городовъ вашихъ и не провозгласили его торжественно своимъ государемъ. Его величество хотя и симъ не убѣдился; однакожъ съ другой стороны не могъ не размыслить, что правосудный и милосердый Богъ неоднократно разрушалъ ковы злоумышленниковъ, устроивавшихъ гибель дѣтямъ великихъ государей, какъ свидѣтельствуетъ о томъ бытописаніе, и возводилъ невинныхъ на прародительскіе престолы. Борисъ, между тѣмъ, сильно оскорбилъ нашего всемилостивѣйшаго государя: задержавъ, вопреки правамъ народнымъ, пословъ королевскихъ, онъ послалъ войско на предѣлы Польши, разорилъ Прилуки, городъ князя Вишневецкаго, а жителей его, числомъ до 300,

старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, повелѣлъ умертвить безъ 1606.
пощады; другой отрядъ его, занявъ пограничную область нашу на 8 миль до самаго Велижа, все предалъ огню и мечу; многія иныя мѣста испытали подобную же участь. Король, встревоженный слезами своихъ подданныхъ и раздраженный Борисомъ, послалъ къ вамъ, господа бояре! нѣсколько писемъ съ увѣдомленіемъ, что послѣ такого кровопролитія, между обоими государствами не можетъ быть ни дружбы, ни мира. Потому его величество, считая себя необязаннымъ исполнять требованія вѣроломнаго сосѣда, забывшаго любовь и доброе расположеніе народа Польскаго, не хотѣлъ ни умертвить Димитрія, ни заключить его въ темницу, ни прислать въ Москву, какъ желалъ того Борисъ: требованіе было бы конечно исполнено, если бы князь Московскій поступалъ съ короною Польскою, какъ сосѣдъ добрый и правдивый. При всемъ томъ король нашъ, одушевляемый христіанскимъ благочестіемъ, не хотѣлъ нарушить утвержденнаго клятвою мирнаго договора, и за Димитрія не рѣшился начать войны съ Борисомъ, а предоставилъ царевича въ волю Божію, размысливъ, что если Господь спасъ его жизнь чудеснымъ образомъ, то Онъ же подастъ ему и средства взойти на престолъ прародительскій.[165] Посему ни Польша, ни Литва не дали Димитрію ни одного хоруньжія: на него смотрѣли, какъ на бѣднаго странника; люди благочестивые, знатные и незнатные, давали ему милостыню изъ христіанскаго состраданія. Болѣе всѣхъ сжалился надъ нимъ благородный панъ воевода Сендомирскій: добрый и сострадательный вельможа такъ полюбилъ Димитрія, что призналъ его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго престола и рѣшился, по просьбѣ бывшихъ при немъ Москвитянъ, проводить его съ небольшимъ отрядомъ до вашихъ предѣловъ, но не далѣе; тамъ, говорили ему Москвитяне, вся страна Русская покорится царевичу; если же того не будетъ, панъ воевода можетъ возвратиться въ отечество, не нарушая мирнаго трактата. Еще за нѣсколько миль до границы, встрѣтили Димитрія жители вашего города Моравеска съ хлѣбомъ-солью; въ то же время покорились

1606. ему и граждане Черниговскіе. Столь явная помощь небесная свидѣтельствовала очевидно, что Димитрій былъ истинный царевичъ. Между тѣмъ, вы прислали письмо къ нашему сенату, архіепископамъ и епископамъ: но ваши единоземцы, бывшіе съ Димитріемъ, узнавъ о томъ, немедленно извѣстили насъ съ своей стороны, что въ тѣхъ письмахъ нѣтъ ни слова правды, и что они присланы къ намъ не боярами и не духовенствомъ, а Борисомъ. Посему его величество не давалъ помощи ни той, ни другой сторонѣ, ожидая окончанія дѣлу отъ правосудія Божія. Когда же Димитрій осадилъ Новогродекъ и встрѣтилъ въ немъ упорное сопротивленіе, а Борисъ увѣдомилъ короля нашего, чрезъ дворянина Огарева, что сей человѣкъ есть самозванецъ Гришка Отрепьевъ, и просилъ не нарушать мира вспомоществованіемъ обманщику; его величество отправилъ къ воеводѣ Сендомирскому и ко всѣмъ бывшимъ при Новѣгродекѣ Полякамъ универсалъ, съ повелѣніемъ, подъ смертною казнію, возвратиться немедленно изъ Московскихъ предѣловъ и оставить Димитрія. Панъ Воевода и бывшіе съ нимъ Поляки тотчасъ исполнили королевскую волю, покинули Димитрія съ одними Донскими казаками и другими вашими единоземцами, а сами вышли изъ Россіи. При всемъ томъ, и послѣ удаленія Поляковъ, города Русскіе, одинъ за другимъ, покорялись царевичу. Мы не можемъ не удивляться, что по смерти Борисовой, давшей вамъ свободу дѣйствовать произвольно, вы не захотѣли просить отъ нашего государя ни помощи, ни совѣта, въ чемъ онъ безъ сомнѣнія не отказалъ бы, и сами собою признали Димитрія законнымъ наслѣдникомъ престола, ввели его въ Москву, посадили на тронъ и короновали царскою короною; супругу же Борисову и сына его умертвили.

«Сами вы, господа бояре, и многіе изъ вашихъ единоземцевъ говорили неоднократно, что намъ было бы невозможно дать царя землѣ Русской, и что вы добровольно возвели Димитрія на престолъ. Не вы ли также присылали къ намъ посла Аѳанасія Ивановича благодарить короля и Польскую корону за оказанныя

ему благодѣянія? Не вы ли просили о заключеніи съ нимъ вѣч- 1606.
наго мира, и о дозволеніи воеводѣ Сендомирскому привезти въ Москву дочь его Марину, для бракосочетанія съ великимъ княземъ? Его величество съ удовольствіемъ принялъ вашу просьбу, надѣясь чрезъ этотъ бракъ примирить Московскую державу съ короною Польскою и общими силами одолѣть врага всему христіанству: убѣжденный вашими собственными свидѣтельствами, что Димитрій былъ истинный царевичъ, онъ охотно дозволилъ воеводѣ ѣхать въ Москву, и вашъ посолъ, именемъ Димитрія, обручился съ его дочерью. Сверхъ того, чрезъ другаго посла, вы благодарили воеводу Сендомирскаго за участіе его въ судьбѣ вашего государя, томившагося въ изгнаніи. И такъ по вашей просьбѣ, по вашему желанію, панъ воевода, не взирая на преклонныя лѣта, привезъ въ Москву свою дочь; а его величество отправилъ насъ сюда, для присутствія при бракосочетаніи и для заключенія вѣчнаго мира между обоими столь сильными государствами. Ваши знатнѣйшіе сенаторы, князь Василій Мосальскій и Михайло Нагой встрѣтили воеводу и дочь его на границѣ и проводили ихъ до Москвы; предъ столицею вы приняли невѣсту Димитрія, какъ великую княгиню; въ послѣдствіи присягнули ей, какъ вѣрные подданные, и наконецъ вашъ патріархъ короновалъ ее торжественно, безъ всякаго спора. Мы же, послы, сообразно древнему ообыкновенію, пріѣхали сюда съ приличными почестями, при вашемъ присутствіи исправили свое посольство, и съ вами въ одной комнатѣ разсуждали о войнѣ съ врагами христіанства; а чтобы государь вашъ не былъ истинный Димитрій, того мы отъ васъ не слыхали: даже, когда нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ изъявили сомнѣніе касательно рода великаго князя, вы свидѣтельствовались Богомъ и всѣмъ міромъ, что онъ государь истинный, законный; теперь же, умертвивъ его, вы говорите, что онъ былъ обманщикъ, забывъ Бога, міръ, свою собственную совѣсть!

«Мы не можемъ надивиться, что вы, господа бояре, столь

1606. разумные люди, какъ мы полагали, сами себѣ противорѣчите! Вы называете короля и корону Польскую виновниками всего зла, между тѣмъ, какъ вы сами во всемъ виноваты: не вы ли доказывали, что не король нашъ возвелъ Димитрія на престолъ, что этотъ человѣкъ естъ природный Москвитинъ? Лишь только онъ появился на Русской границѣ, ваши единоземцы признали его государемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, сдали ему города, крѣпости, оружіе, проводили его до самой Москвы и короновали: тутъ онъ вамъ не понравился; вы узнали свою ошибку, и Божій гнѣвъ поразилъ его! Мы не участвовали въ цареубійствѣ и не имѣли причины оплакивать смерть человѣка, поступавшаго столь нагло и гордо съ нашимъ государемъ; если же сокрушались, то потому только, что многіе знатные вельможи Польскіе, подданные его величества, не оскорбившіе ни чѣмъ ни васъ, ни его, не воевавшіе, вопреки словамъ вашимъ, съ Россіею, погибли жалостною смертію, сонные, въ постеляхъ.... И вы еще говорите, что миръ нарушенъ нами! Вмѣсто того, чтобы оплакивать наше горе, наше бѣдствіе, вы говорите непристойныя рѣчи, которыя еще болѣе растравляютъ наше печальное сердце! Богъ, награждающій добродѣтель, Богъ, наказующій злодѣйство, отмститъ убіеніе нашихъ братій, погибшихъ, по словамъ вашимъ, отъ рукъ черни! Наконецъ мы считаемъ долгомъ сказать, что если вашъ государь немедленно отпуститъ воеводу Сендомирскаго и насъ, пословъ, со всѣми Поляками въ отечество, возвративъ имъ все имущество, мы постараемся убѣдить его величество не разрывать заключеннаго предъ симъ за нѣсколько лѣтъ мирнаго договора; если же, вопреки всякой справедливости, наблюдаемой не только христіанскими государями, но и язычниками, Турками, Татарами, мы будемъ задержаны, къ неудовольствію короны Польской, знайте, что въ такомъ случаѣ его величество обратитъ свой гнѣвъ не на чернь, которую вы обвиняете, а на вашего великаго князя, и на васъ самихъ, господа бояре! Страшная вражда запылаетъ между народами, и вы, какъ виновники, дадите за нее отвѣтъ правосудному Богу!»

Такъ говорилъ панъ Гонсѣвскій; рѣчь его изумила Москви- 1606.
тянъ: они посматривали другъ на друга, и легко можно было замѣтить, что посольскій отвѣтъ имъ очень не понравился. Наконецъ всталъ одинъ бояринъ и говорилъ ласково посламъ, что всему виною былъ измѣнникъ, обманувшій и короля, и Поляковъ, и всѣхъ Москвитянъ; потомъ, указавъ на престарѣлаго вельможу, Михайла Нагаго, роднаго брата царицы, сказалъ: «Спросите его, кто былъ Димитрій, истинный ли царевичъ, или нѣтъ? О желаніи же вашемъ возвратиться въ отечество, мы доложимъ царю и увѣдомимъ васъ, какое онъ дастъ рѣшеніе». Тѣмъ кончилась бесѣда.

9 іюня пришли къ посламъ приставы, съ увѣдомленіемъ, что великій князъ отправляетъ ихъ послами къ его королевскому величеству; приставами же назначены другіе сановники, которыхъ они привели съ собою.

11 іюня послы цѣлый день не видали своихъ приставовъ: они явились уже вечеромъ, извиняясь въ отсутствіи тѣмъ, что должны были все время находиться во дворцѣ, вмѣстѣ съ боярами. Потомъ, снявъ шапки, сказали торжественно: «По неизрѣченной благости правосуднаго Бога, заступленіемъ херувимовъ и серафимовъ, всѣ чины могущественной Русской державы, покланяющіеся св. Троицѣ, возложили сего дня царскую корону на милосердаго царя и государя, Василія Ивановича Шуйскаго, къ великой радости всего государства Московскаго. Мы увѣрены, что и вы порадуетесь нашему счастію; бояре же не успѣли дать вамъ отвѣта». Послы отвѣчали, что имъ весьма пріятно слышать такое извѣстіе, что теперь они надѣются тѣмъ скорѣе возвратиться въ отечество, и не удивляются молчанію бояръ, зная, какими заботами они обременены.

15 іюня пришли къ посламъ два знатные боярина, Михайло Татищевъ и Василій Телепневъ, дьякъ. Татищевъ, сказавъ посламъ рѣчь, почти въ такомъ же смыслѣ, какъ и Мстиславскій, наполненную упреками королю Польскому, коего они считали виновни-

1606. комъ всего несчастія, показалъ списокъ договора, заключеннаго Димитріемъ съ воеводою Сендомирскимъ: Димитрій обязался дать воеводѣ огромныя суммы денегъ, жениться на его дочери и подарить ей въ вѣно Новгородъ и Псковъ; потомъ Татищевъ показалъ письмо королевское къ Димитрію, когда онъ былъ уже на престолѣ: въ этомъ письмѣ было сказано, что великій князь обязанъ престоломъ дружбѣ его величества и помощи народа Польскаго. Сверхъ того представили буллу папскую, присланную съ легатомъ: его святѣйшество убѣждалъ Димитрія не забыть даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія, выстроить въ Москвѣ католическія церкви. Къ сему бояринъ присовокупилъ, что у нихъ есть много подобныхъ писемъ, которыя отправлены съ посломъ къ его величеству, также къ Польской коронѣ и великому княжеству Литовскому.[166] «Посему» сказалъ Татищевъ, «царь государь и боярская дума повелѣли объявить, что вы должны оставаться здѣсь со всѣми Поляками, пока не возвратится нашъ посолъ и не привезетъ объясненія: иначе мы васъ не выпустимъ».

Послы отвѣчали боярамъ: «Слышавъ рѣчь Мстиславскаго, мы уже объяснили, можно ли приписывать всю вину его королевскому величеству и народу Польскому: болѣе разсуждать о этомъ предметѣ считаемъ излишнимъ. Что же касается до заключеннаго прежнимъ вашимъ государемъ съ воеводою Сендомирскимъ договора, мы думаемъ, что этотъ договоръ болѣе васъ уличаетъ, нежели насъ: его милость панъ воевода согласился выдать свою дочь только тогда, когда свидѣтельство вашихъ единоземцевъ увѣрило его, что Димитрій былъ истинный царевичъ, законный наслѣдникъ Русскаго престола: а согласившись на бракъ, онъ долженъ былъ устроить свои дѣла какъ можно получше. Слѣдовательно, заключенныя имъ условія ни сколько не удивительны; притомъ же Димитрій самъ предложилъ ихъ, и все дѣло шло чрезъ ваши руки: когда воевода пріѣхалъ въ Москву, и Димитрій, созвавъ государственный совѣтъ, спрашивалъ васъ, какимъ образомъ устроить участь его супруги, чтобъ она, въ

случаѣ его преждевременной кончины, имѣла средства жить при- 1606.
лично ея сану, вы, бояре, совѣтовали закрѣпить за нею, кромѣ Новгорода и Пскова, другіе города, даже соглашались признать ее не только великою княгинею, но и наслѣдственною государынею: вы клялись ей въ вѣрности и били челомъ! Граммата папская равнымъ образомъ ничего не доказываетъ: развѣ впервые вы слышите подобныя предложенія? Всегда, при заключеніи трактатовъ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, обѣ стороны договаривались, чтобы Поляки въ Россіи, а Русскіе въ Польшѣ, имѣли право вступать въ бракъ, наниматься въ службу, производить торговлю, и чтобы намъ дозволено было въ знатнѣйшихъ городахъ вашихъ строить римско-католическія церкви и монастыри. Папа же, намѣстникъ Христа и глава католической вѣры, обязанный по званію своему распространять Божее имя и слово во всѣ концы міра, узнавъ о намѣреніи вашемъ навсегда примириться съ Польшею, счелъ полезнымъ въ число нашихъ условій включить вышеозначенное, чтобы тѣмъ болѣе утвердить вѣру христіанскую и чтобы тѣмъ легче, при тѣсной дружбѣ обоихъ народовъ, одолѣть закоренѣлаго врага христіанскаго имени. Наконецъ вы ссылаетесь на граммату его величества, въ коей сказано, что бывшій государь вашъ обязанъ короною дружбѣ королевской и содѣйствію народа Польскаго: но развѣ не ваши послы, князь Датсовъ, [167] Аѳанасій и другіе, приписывали эту честь нашему государю и благодарили его за дружеское вспоможеніе Димитрію? Слѣдовательно, вы поступаете не добросовѣстно, обвиняя въ другихъ то, что сами прежде хвалили! А насъ, пословъ его величества, удерживая какъ бы въ темницѣ, вы дѣйствуете вопреки закону христіанскому, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, которыя уважаютъ самые Турки и Татары».

Татищевъ, выслушавъ рѣчь посольскую, говорилъ и спорилъ нѣсколько времени; между прочимъ сказалъ: «Мы получили извѣстіе, что все Польское и Литовское дворянство возстало на короля, ханъ Крымскій вторгнулся въ королевство съ безчислен-

1606. нымъ войскомъ, Карлъ Шведскій овладѣлъ Литвою, а король вашъ выступилъ лично на Татаръ». «Кому что нравится, тотъ и мечтаетъ о томъ!» отвѣчали послы. Бояре откланялись, и возвратясь во дворецъ, донесли обо всемъ великому князю.

16 іюня, послы отправили къ боярамъ письмо, съ жалобою на свою неволю. Въ слѣдующій день боярская дума отвѣтствовала на письмо, что присланный его королевскимъ величествомъ къ блаженной памяти царю и великому князю Іоанну Васильевичу посломъ, Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, не заставъ государя въ живыхъ, не хотѣлъ исправить своего порученія предъ наслѣдникомъ его, великимъ княземъ Ѳеодоромъ, и ожидалъ отъ своего короля Стефана новыхъ инструкцій. Послы возразили, что тотъ случай не льзя сравнивать съ настоящимъ, ибо Левъ Сапѣга еще въ Можайскѣ узналъ о смерти Іоанновой, и когда объявлено было, что Ѳеодоръ велѣлъ проводить его въ Москву, онъ просилъ дозволенія послать въ Польшу курьера за королевскимъ повелѣніемъ.

Но всѣ просьбы пословъ остались тщетными: они должны были ожидать отвѣта королевскаго. Трудно описать, въ какомъ горестномъ положеніи находились всѣ мы, какъ бы заключенные въ темницу! Одно только утѣшало насъ: надежда увидѣть отечество, какъ скоро возвратятся Московскіе послы съ отвѣтомъ его величества.

18 іюня, великій князь и бояре дозволили посламъ отправить въ Польшу одного дворянина съ нѣсколькими людьми, для увѣдомленія родныхъ и знакомыхъ о ихъ здоровьи и разныхъ дѣлахъ. Панъ Малаговскій назначилъ для посылки гофмейстера своего Барановскаго, съ 30 особами, и далъ ему письма къ королю, женѣ, дѣтямъ и знакомымъ. Бояре обѣщали не задерживать гонца, какъ скоро онъ привезетъ отвѣтъ, и допустить его къ посламъ немедленно. Между тѣмъ, не взирая на всѣ старанія Москвитянъ утаить, что у нихъ дѣлается, дошли до насъ разныя вѣсти; впрочемъ мы невсегда имъ вѣрили. Замѣчательны наиболѣе слѣдующія:

Носилась въ Москвѣ всеобщая молва, что убитъ не Димитрій, 1606.
а одинъ изъ Нѣмецкихъ тѣлохранителей, родомъ изъ Праги, весьма на него похожій; Димитрій же, провѣдавъ о заговорѣ, тайно бѣжалъ, по невозможности предупредить мятежъ, готовый вспыхнуть, и удалился въ княжество Сѣверское, гдѣ народъ принялъ его по прежнему, какъ законнаго государя; разсказывали, что онъ уже собралъ многочисленное войско и шелъ на Москву. Одни вѣрили этому; другіе же говорили намъ, что Димитрій дѣйствительно умерщвленъ, что мы своими глазами могли видѣть трупъ его, лежавшій на площади трое сутокъ, и что многія другія доказательства удостовѣряютъ въ его смерти. Мы не знали, чему вѣрить: одни говорили, что онъ убитъ, другіе, что онъ живъ, и въ доказательство представляли даже письменныя свидѣтельства.

Тогда же нѣкоторыя особы дали намъ знать, что бояре не признаютъ пословъ послами: ибо они пріѣхали къ самозванцу; посему намъ совѣтовали быть осторожными, чтобы чернь, раздраженная Поляками, и еще подстрекаемая надеждою грабежа, не вломилась ночью въ нашъ домъ и не оскорбила насъ. Послы хотя утѣшали себя народнымъ правомъ, однакожъ, не довѣряя коварнымъ, вѣроломнымъ Москвитянамъ, учредили изъ насъ добрую стражу, стоявшую день и ночь на караулѣ.

15 іюля наши приставы привели до 30 коней и, сообразно древнему обычаю, проводили пословъ во дворецъ, гдѣ одинъ изъ сенаторовъ сказалъ имъ: «Великій князь и всѣ бояре удивляются, что вы не хотите выдать тѣхъ людей, которые укрываются въ вашемъ домѣ. Его царское величество желаетъ единственно помѣстить ихъ въ прежнихъ домахъ и снабдить всѣмъ необходимымъ. Если же вы долѣе будете упорствовать, берегитесь, чтобы не было вамъ стыдно! Мы просимъ васъ убѣдительно исполнить волю великаго князя». Послы отвѣчали: «Не знаемъ, для чего требуютъ отъ насъ нашихъ братьевъ, которые едва спасли жизнь отъ отъ кровожадныхъ рукъ вашихъ и пришли

1606. къ намъ нагіе, израненные. Если великому князю угодно дать имъ приличное содержаніе, намъ кажется, онъ могъ бы исполнить свою волю столь же удобно въ нашемъ домѣ, какъ и внѣ его. Право защищаетъ насъ отъ всякаго посрамленія: ибо эти люди не силою приведены къ намъ, а сами пришли по доброй волѣ». Послы готовы были отдать жизнь за своихъ братьевъ; но размысливъ, что жертва не принесетъ никакой пользы ихъ отечеству, и что силу одолѣть невозможно, согласились исполнить требованіе бояръ, которые обѣщали содержать Поляковъ прилично ихъ званію, и по заключеніи мира, возвратить ихъ посламъ, удовлетворивъ всѣ убытки. Имена ихъ записали, и послы возвратились изъ дворца.

21 іюля явились на посольскій дворъ нѣсколько бояръ и наши приставы; за ними вели лошадей для принятія тѣхъ людей, которыхъ они требовали: ихъ было 120 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились многіе дворяне: два пана Стадницкихъ, панъ Рогановскій, престарѣлый Стеенбахъ и другіе. Распростившись съ послами и поблагодаривъ ихъ за всѣ оказанныя благодѣянія, они молили, именемъ Бога, не покидать ихъ въ злой землѣ и не забыть о нихъ, когда приступятъ къ мирнымъ переговорамъ. Послы обѣщали не предпринимать ничего вреднаго для своихъ собратій; сенаторовъ же просили, собразно съ волею великаго князя, обходиться съ ними, какъ съ христіанами, и дать имъ приличное содержаніе. Послѣ того вышеозначенныя лица простились съ горькими слезами; іезуитъ Саницкій далъ имъ благословеніе; всѣ видѣвшіе разлуку плакали неутѣшно. Бояре хотѣли посадить благородныхъ особъ на приведенныхъ лошадей, которыхъ прислалъ, говорили они, изъ милости великій князь; послы не согласились, и велѣли маршалку отвезти ихъ въ собственныхъ повозкахъ.

Вскорѣ послѣ того, мы узнали, что Москвитяне сильно вооружаются; мы получали свѣдѣнія большею частію отъ стрѣльцовъ, стоявшихъ у насъ на стражѣ; но вѣсти были несогласны:

одни разсказывали, что великій князь готовится къ войнѣ съ 1606.
Турками; другіе же говорили, что какой-то знатный воевода или князь, по убіеніи Димитрія, бѣжалъ въ страну Сѣверскую, объявилъ тамъ о смерти его, поклялся жертвовать для блага народнаго самою жизнію, и распустивъ молву, будто бы приверженцы Шуйскаго хотятъ истребить Сѣверянъ, которые первые признали Димитрія, убѣдилъ ихъ возстать на великаго князя, а себя провозгласить государемъ. Иные увѣряли, что самъ Димитрій, котораго Шуйскій и бояре считали мертвымъ, появился въ Сѣверскомъ княжествѣ, что жители тамошніе снова покорились ему и вознамѣрились оружіемъ возвести его на тронъ. Нѣкоторые наконецъ сказывали намъ, что Сѣверская страна возстала на бояръ за убіеніе Димитрія и самовольное избраніе Василія Ивановича Шуйскаго великимъ княземъ, безъ вѣдома тамошнихъ гражданъ, которые хотѣли возвести на престолъ другаго князя, имѣвшаго болѣе права. Такимъ образомъ, отъ разногласія вѣстей, мы не могли узнать ничего опредѣлительнаго. Видно было однакожъ, что Москвитяне боролись съ врагомъ сильнымъ и опаснымъ: ибо, сколько разъ мы ни спрашивали ихъ, кто кого одолѣваетъ, всегда они отвѣчали: *воры*, т. е. мятежники. Бояре, разбитые на берегахъ Оки, должны были отступить къ столицѣ, куда ежедневно приходили толпы раненыхъ, избитыхъ, изуродованныхъ.

1 ноября, приставы требовали отъ насъ, именемъ великаго князя и всѣхъ бояръ, нашего оружія, увѣряя, что это дѣлается для общей безопасности пословъ и народа. «Мы боимся», говорили они, «чтобы вы не вздумали взяться за оружіе, и не дали повода къ страшному кровопролитію». Послы отвѣчали имъ: «Скорѣе умремъ въ этомъ домѣ, чѣмъ согласимся на такое безчестіе! Не думаете ли выманить у насъ оружіе тѣмъ же коварствомъ, какъ отняли нашихъ братьевъ, чтобы послѣ поступать съ нами, какъ вамъ захочется? О народѣ же не безпокойтесь: мы не трогались съ мѣста и не употребляли противъ васъ

1606. оружія, когда вы убивали нашихъ единоземцевъ; тѣмъ менѣе теперь захотимъ дѣйствовать непріязненно. Сверхъ того, мы пріѣхали сюда послами: требуемъ, чтобы насъ и отправили какъ пословъ, а не плѣнниками. Вы можете пересказать наши слова великому князю и боярамъ». Бояре, видя непреклонную твердость пословъ, запретили всѣмъ купцамъ своимъ, подъ тѣлеснымъ наказаніемъ, продавать Полякамъ оружіе, желѣзо, свинецъ, сѣру, порохъ, и велѣли строго наблюдать за ними.

26 ноября, въ воскресенье, во время обѣдни, ударили въ набатъ: народъ взволновался и бросился къ Кремлю съ ружьями и пищалями. Не зная, что случилось, мы немедленно взялись за оружіе, стали по мѣстамъ, подъ начальствомъ своихъ ротмистровъ, и приготовились мужественно отразить насиліе. Между тѣмъ явились приставы: они убѣждали пословъ быть покойными и ничего не опасаться. Когда же спросили, отъ чего волнуется народъ? они отвѣчали, что предъ городомъ показалась толпа самой ничтожной черни, непослушной великому князю, и что для усмиренія посылаютъ теперь войско. Мы однакожъ скоро убѣдились, что бояре имѣли дѣло не съ чернію, а съ силънымъ войскомъ, которое обложило Москву, и не взирая на частыя вылазки осажденныхъ, стояло предъ нею цѣлыя пять недѣль, такъ, что въ городѣ уже начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ хлѣбѣ: мѣра, стоившая прежде 1 грошъ, продавалась по 3 и по 4 гроша. Положеніе столицы было бы еще хуже, если бы великій князь и бояре, безсильные въ битвахъ, не уловили въ свои сѣти начальника мятежниковъ, именемъ Пашкова.[168] Этотъ воевода, обманутый коварными рѣчами и обѣщаніями бояръ, измѣнилъ своему дѣлу, далъ слово великому князю расположить своихъ товарищей такъ, чтобы Москвитяне могли, окруживъ ихъ, побить на голову, и сдержалъ обѣщаніе. Мятежники, замѣтивъ измѣну, обратились въ бѣгство: 5,000 лучшихъ воиновъ спаслись; прочіе же, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, были изрублены, лагерь ихъ разграбленъ и сож-

женъ, а Пашковъ пришелъ въ Москву. Такимъ образомъ сто- 1607.
лица избавилась отъ осады. Въ послѣдствіи многіе Москвитяне говорили, что если бы Пашковъ не оставилъ своихъ товарищей, жители столицы приняли бы его сторону, и что они уже готовы были предаться ему. Очень вѣроятно: въ народѣ, утомленномъ осадою, царствовалъ раздоръ.

Вотъ все, что испытали мы и что случилось въ Москвѣ, въ продолженіе нашего плѣна до конца декабря 1606 года. Боже милосердый! дай намъ встрѣтить и провести новый годъ радостно и счастливо!

1607 годъ.

Мы встрѣтили новый годъ весьма непріятною перемѣною, которая увеличила тягость нашей неволи: Москвитяне не стали присылать намъ быковъ и назначили отпускать говядину, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ столицѣ нѣтъ рогатаго скота, что его надобно пригонять за сто миль, и что жестокая стужа этого не дозволяетъ. Послы запретили брать приносимое мясо, опасаясь, чтобы не прислали намъ стервы. И такъ цѣлыя 6 недѣль мы оставались безъ говядины: каждый кормилъ самъ себя чѣмъ могъ и какъ умѣлъ; это пощеніе было бы сносно, если бы насъ не посѣтили разныя болѣзни: жестокая головная боль, кашель, ломъ въ членахъ; многіе умерли отъ недуговъ; оставшіеся въ живыхъ терпѣливо переносили страданія, ожидая отъ Бога своего спасенія.

6 марта, приставы доставили посламъ письмо отъ старосты Оршинскаго, который увѣдомлялъ ихъ, что Польское королевство наслаждается миромъ, что его величество уже отправилъ пословъ въ Москву, и что ихъ съ часу на часъ ожидаютъ на границѣ. Легко вообразить, какъ обрадовало насъ это извѣстіе: мы узнали истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ и увѣрились, что насъ не забыли, какъ прежде намъ казалось.

20 марта, Русскіе послы возвратились изъ Польши въ

1607. Москву. Бояре дали знать о томъ посламъ королевскимъ, съ увѣреніемъ, что они помнятъ свое обѣщаніе вступить въ переговоры, или отпустить ихъ, пословъ, въ отечество.

Между тѣмъ, ежедневно доходили до насъ вѣсти, что *воры* (мятежники) засѣли въ городахъ Тулѣ и Калугѣ, что они обороняются упорно, что подъ Калугою отъ нечаянныхъ вылазокъ ихъ, днемъ и ночью, погибаетъ много народу, что царское войско потеряло нѣсколько орудій, отбитыхъ и увезенныхъ мятежниками, и что съ каждымъ днемъ многіе города и крѣпости принимаютъ ихъ сторону, частію силою, частію добровольно.

22 марта, приставы увѣдомили пословъ, что слуга ихъ Дульскій возвратился изъ Польши въ Россію; а 30 марта онъ самъ пришелъ къ посламъ и вручилъ имъ письма. Когда же спросили, отъ чего онъ такъ замедлилъ прибытіемъ? Дульскій отвѣчалъ, что бояре держали его въ дорогѣ около 12 недѣль, стараясь и ласками, и угрозами выманить у него письма и разныя вещи; но что онъ никакъ не соглашался исполнить ихъ требованія; сверхъ того объявилъ, что, по милости Небесъ, рокошъ (раздоръ дворянства съ королемъ) кончился благополучнѣе, чѣмъ ожидали, хотя нельзя было не опасаться бѣдственныхъ послѣдствій: ибо съ обѣихъ сторонъ вооружилось до 180,000 человѣкъ.

Послы отправили къ думнымъ боярамъ письмо, въ коемъ было сказано, что какъ его величество назначилъ въ Москву другаго посла, то они должны быть отправлены въ отечество; но получили въ отвѣтъ, что скоро переговоры великаго князя съ королемъ Польскимъ кончатся къ общему удовольствію. И такъ, сколько ни старались послы просьбами и угрозами открыть себѣ путь въ отечество, всѣ усилія ихъ оставались тщетными.

Между тѣмъ въ Россіи свирѣпствовала война междоусобная; великій князь отступилъ отъ Калуги и осадилъ Тулу; мятежники съ своей стороны также оставили Калугу, почти до основанія разрушенную, и заперлись въ Тулѣ, которая имѣла прочныя

укрѣпленія. Наши приставы, разсуждая съ послами о этой войнѣ, 1607.
говорили откровенно, что въ продолженіе внутреннихъ раздоровъ, Шуйскій потерялъ болѣе 100,000 человѣкъ. Эти слова насъ очень удивили: прежде приставы не смѣли молвить слова безъ вѣдома великаго князя, и тѣмъ менѣе сказать что либо не въ похвалу ему.

11 мая, Шуйскій выступилъ изъ Москвы со всѣмъ дворянствомъ и многими гражданами: онъ отправился подъ Тулу, чтобы, взявъ ее покорить потомъ другіе города мятежные; предпріятіе казалось нетруднымъ: въ войскѣ его было по крайней мѣрѣ 150,000 человѣкъ; вышло напротивъ: засѣвшіе въ Тулѣ мятежники оборонялись упорно и мужественно. Посему великій князь велѣлъ ополчиться всѣмъ Москвитянамъ, которые только могли держать оружіе; самъ возвратился въ Москву, а за нимъ пришло и все войско, которое собирали въ окрестностяхъ столицы, на пространствѣ 100 или 200 миль, цѣлыя шесть недѣль; потомъ въ Кремлѣ переписали и вооружили. При составленіи переписи, каждому ратнику даютъ копѣйку, которую онъ долженъ возвратить по окончаніи похода: такъ узнаютъ число воиновъ.[169] Кто не видалъ своими глазами этого войска, тотъ не повѣритъ, что за народъ собралъ Шуйскій: оно состояло большею частію изъ Татаръ Казанскихъ, которые не только не умѣли стрѣлять, но и ружья никогда въ руки не брали. Видя такую армію, мы увѣрились, что великій князь имѣлъ дѣло не съ простыми поселянами.

Купцы, жившіе съ нами на одномъ дворѣ, представили посламъ, что они терпятъ большіе убытки, товары ихъ не продаются и легко могутъ испортиться отъ долговременной увязки, сами же они не имѣютъ средствъ къ пропитанію; почему и просили пословъ исходатайствовать имъ у великокняжескаго брата, князя Дмитрія, вѣрныхъ проводниковъ, съ коими они могли бы, какъ торговцы, возвратиться въ Литву, на родину. Послы обѣщали исполнить ихъ желаніе и велѣли самимъ подать просьбу князю

1607. Дмитрію Шуйскому. Но просители долго не могли достигнуть своей цѣли: когда согласились на ихъ желаніе господа послы, отказали бояре; когда же бояре согласились, заупрямились послы: обѣ стороны дѣйствовали наперекоръ одна другой; послѣ долговременнаго прѣнія, пришли наконецъ два боярина, дьякъ или вице-канцлеръ и Корсакъ,[170] которые спрашивали пословъ, отъ имени князя Дмитрія и всей боярской думы, угодно ли имъ согласиться на отправленіе челобитчиковъ, объявивъ притомъ, что бояре готовы удовлетворить ихъ просьбѣ. Послы сначала не согласились. «Это значитъ», говорили они, «что бояре долго думаютъ держать насъ здѣсь! Купцы пріѣхали съ нами; должны и выѣхать вмѣстѣ, а не прежде». Бояре клялись Христомъ-Богомъ, что чрезъ нѣсколько недѣль, послы могутъ отправиться: ибо съ каждымъ днемъ ожидаютъ въ Москвѣ прибытія новыхъ пословъ королевскихъ. Клятва прекратила споръ: купцамъ велѣно готовиться въ дорогу.

10 августа, ихъ перевели съ посольскаго двора на *купецкій* дворъ, гдѣ торгуютъ иноземцы: тамъ они пробыли 8 дней, могли закупить все, что было имъ угодно; наконецъ отправились въ Литву.

25 сентября, мы видѣли комету: каждую ночь она являлась, чрезъ часъ по захожденіи солнца, на сѣверѣ, и стремилась къ востоку; скрывалась за 2 или за 3 часа до разсвѣта. Впрочемъ не болѣе 11 ночей ее было видно. Время покажетъ, что она предвѣщаетъ. Помилуй насъ, Боже милосердый!

25 октября, въѣхали въ Москву новые послы королевскіе. Бояре строго приказали караульнымъ стрѣльцамъ наблюдать, чтобы никто не увѣдомилъ насъ о ихъ прибытіи; нашлись однако люди, которые насъ извѣстили. Господа послы сперва не вѣрили этому: и прежде имъ сказали, что пріѣхалъ посолъ Польскій, когда прибылъ Шведскій посланникъ. Желая удостовѣриться въ истинѣ молвы, они приказали своему трубачу, какъ скоро настанетъ вечеръ и все успокоится, дать сигналъ звукомъ трубы: отвѣта однако не было. Пріѣхавшіе Поляки, имѣя квар-

тиру въ дальномъ разстояніи отъ посольскаго двора, не разслу- 1607.
шали сигнала. Это случилось въ воскресенье. На другой день, также вечеромъ, затрубили уже трое вмѣстѣ: новые послы тотчасъ отвѣчали трубнымъ звукомъ; тогда, наконецъ, мы убѣдились, что насъ не обманули.

Въ этотъ же день получено извѣстіе о покореніи Тулы, принужденной къ сдачѣ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; простымъ ратникамъ великій князь даровалъ жизнь, а двухъ главныхъ мятежниковъ отправилъ въ Москву плѣнниками. Ихъ привезли торжественно 20 октября: главный назывался Ѳедоровичемъ, потому что онъ выдавалъ себя за сына великаго князя Ѳеодора Іоанновича; товарищъ его и воевода былъ Болотниковъ.[171]

Народъ толпился по улицамъ, когда ввозили ихъ въ городъ; двое изъ нашихъ видѣли торжество Москвитянъ, когда ходили въ рынокъ для закупки разныхъ вещей; приставы и стрѣльцы провели ихъ въ толпу народную посмотрѣтъ на измѣнниковъ, только тайно, и повидимому съ великимъ опасеніемъ, а въ самомъ дѣлѣ водили ихъ для того, чтобы они пересказали посламъ, какъ удачно идутъ дѣла великаго князя. Послы, однакожъ, тотчасъ догадались, что не эти два плѣнника были виновниками страшнаго мятежа и войны кровопролитной, а другіе люди; бояре же радуются и торжествуютъ, только для того, чтобы ослѣпить чернь и увѣрить пословъ въ силѣ великаго князя, успѣвшаго управиться съ врагами и мятежниками: т. е. имъ хотѣлось заставить Поляковъ быть уступчивѣе и миролюбивѣе. Когда же мы спросили стрѣльцовъ, совершенно ли прекратилась въ Россіи война междоусобная, нѣкоторые изъ нихъ сказали за тайну, что имъ неизвѣстно, и что главный бунтовщикъ, единственный виновникъ всему злу, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ собравъ силы, если можно, опять придетъ въ Россію. Каждый день приносили намъ новыя вѣсти, но большею частію невѣроятныя.

8 ноября, приставы принесли открытое письмо на Русскомъ языкѣ отъ недавно прибывшихъ пословъ Польскихъ Стенцеля Ви-

1607. товскаго и Яна Соколенскаго: они увѣдомляли пановъ Гонсѣвскаго и Олесницкаго, что его величество съ супругою, юнымъ принцемъ и принцессою пользуются вожделѣннымъ здравіемъ, что королевство наслаждается миромъ и спокойствіемъ, что жены, дѣти и знакомые ихъ, господъ пословъ, также находятся въ добромъ здоровьи; касательно же прочихъ дѣлъ, они теперь не упоминаютъ, надѣясь при личномъ свиданіи объясниться объ нихъ словесно. Это письмо весьма насъ обрадовало: мы надѣялись скоро вырваться изъ неволи. Господа послы тотчасъ написали отвѣтъ по-Русски, и просили приставовъ исходатайствовать дозволеніе у князя Дмитрія доставить его вновь пріѣхавшимъ посламъ: приставы обѣщали исполнить просьбу.

10 ноября, великій князь возвратился въ Москву со многими боярами и другими сановниками; лошадей подъ ними было до 2,000. Его встрѣтили бояре и знатнѣйшіе купцы. Онъ сидѣлъ одинъ въ колесницѣ, покрытой краснымъ шарлахомъ и запряженной цугомъ въ 4 бѣлыя лошади; недалеко отъ дворца, слѣзъ съ колесницы и шелъ пѣшкомъ между боярами, встрѣтившими его у Кремлевскаго моста. Въѣздъ былъ не пышный; только звонили въ колокола, и то не ладно. Лучше всего встрѣтили великаго князя наши послы, которые едва завидѣли его вдалекѣ, тотчасъ велѣли играть на трубахъ и бить въ барабаны: наша музыка не умолкала, пока онъ не вошелъ во дворецъ.

12 ноября, великій князь опять выѣхалъ изъ Москвы въ монастырь, именуемый св. Троицею. Въ тотъ же день пришли къ посламъ приставы съ увѣдомленіемъ, что царь отправился только на нѣсколько дней для богомолья, и что по возвращеніи своемъ, онъ немедленно приступитъ къ переговорамъ и отпуститъ пословъ съ честію.

17 ноября, царь, совершивъ набожное путешествіе, возвратился въ Москву.

20 ноября, приставы извѣстили насъ, что великій князь назначилъ сей день для пріема новыхъ пословъ королевскихъ, и объ-

щали дать намъ знать, чѣмъ кончится аудіенція. Мы видѣли по- 1607.
словъ, когда они ѣхали во дворецъ: наши послы привѣтствовали ихъ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ; мы же, въ изъявленіе радости, махали имъ шапками. Впереди пословъ несли торжественно дары королевскіе: золотой столикъ съ образомъ Богоматери и нѣсколько серебряныхъ вызолоченыхъ сосудовъ; король прислалъ сверхъ того 4 красивыя Турецкія лошади. Аудіенція происходила такимъ образомъ: сначала сказалъ панъ Стенцель Витовскій:

«Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ третій, Божіею милостію, король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Самогитскій, Волынскій, Подольскій, Подляхскій, Лифляндскій, Эстляндскій, наслѣдникъ Шведскій, Готѳскій, Вандальскій, герцогъ Финляндскій и прочая — Василію Ивановичу, Божіею милостію великому князю всея Руси, князю Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и многихъ иныхъ земель обладателю, посылаетъ свой поклонъ и привѣтствіе. Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ, король Польскій и великій князь Литовскій, вамъ, великій князь Василій Ивановичъ! повелѣлъ сказать: вы извѣстили его величество, письменно и словесно, чрезъ посла вашего князя Григорія Константиновича Волконскаго старосту Телятевскаго и дьяка Андрея Иванова, что Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, бѣжавшій изъ Москвы въ Польское королевство и тамъ выдавшій себя за сына великаго князя Ивана Васильевича, за Димитрія Углицкаго, увѣривъ короля въ истинѣ словъ своихъ, получилъ какъ отъ его величества, такъ и Польскихъ вельможъ, войско, деньги и всякое вспоможеніе, что государь нашъ, вопреки мирному договору и клятвенному обѣщанію, послалъ съ нимъ въ предѣлы Московскіе, въ княжество Сѣверское, знатнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ, Георга Мнишка, воеводу Сендомирскаго, старосту Остроскаго, и многихъ другихъ пановъ Польскихъ и Литовскихъ; что Гришка,

1607. опустошивъ Русскую землю и проливъ множество крови, овладѣлъ престоломъ Московскимъ, а дочь воеводы Сендомирскаго взялъ за себя; что вы, великій князь, вступивъ послѣ того на престолъ, оказали во время бунта защиту подданнымъ его величества, не давъ народу ихъ убить, а имѣніе разграбить; что всѣ они отпущены въ Литву и Польшу, исключая главныхъ виновниковъ зла, поссорившихъ Москву съ Польшею, и пословъ его величества Олесницкаго, кастеляна Малаговскаго, и Александра Корвина Гонсѣвскаго, камергера и секретаря его величества, старосту Велижскаго, и что, по совѣту и приговору бояръ, вы рѣшились отправить къ нашему государю пословъ, для увѣдомленія обо всемъ Польское правительство. Сверхъ того вы желали, чтобы король назначилъ сановниковъ для разсужденія о тѣхъ дѣлахъ, которыя подробно изложены вашими послами.

«Его величество, всемилостивѣйшій государь нашъ», продолжалъ панъ Соколенскій, въ качествѣ посла великаго княжества Литовскаго, «повелѣлъ сказать вамъ, Василій Ивановичъ! Когда какой-то Москвитинъ явился въ странѣ Польской и назвалъ себя Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, сыномъ Ивана Васильевича и законнымъ наслѣдникомъ государства Московскаго, толпы единоземцевъ вашихъ бросились къ нему изъ Русскихъ городовъ и крѣпостей, признали его истиннымъ государемъ, служили ему и оказывали царскія почести, хотя онъ былъ еще бѣднымъ странникомъ. Наши, видя это, повѣрили не столько словамъ его, сколько свидѣтельству преданныхъ ему Москвитянъ, и по христіанскому состраданію, оказали ему всевозможныя ласки и вспоможеніе. Между тѣмъ онъ послалъ въ Россію своихъ приверженцевъ разсказать о себѣ въ разныхъ мѣстахъ и развѣдать, что думаютъ прочіе Москвитяне и признаютъ ли его государемъ; когда же увѣрился, что всѣ готовы покориться ему, онъ убѣдилъ Георга Мнишка, воеводу Сендомирскаго, проводить его съ небольшею дружиною, а не съ войскомъ, до Русскихъ предѣловъ, сказывая, что тамъ всѣ присягнутъ ему добровольно. Его величе-

ство ничего не зналъ объ этомъ, не помогалъ Димитрію ни войс- 1607.
комъ, ни казною, и даже строго, съ гнѣвомъ, приказалъ воеводѣ возвратиться изъ Россіи, лишь только свѣдалъ о его поступкѣ. [172] Панъ воевода немедленно исполнилъ королевское повелѣніе: всѣ Поляки оставили Димитрія, исключая сотни казаковъ и другихъ своевольниковъ. Вскорѣ послѣ того, сами Москвитяне провозгласили его своимъ государемъ, возвели на престолъ, короновали, присягнули ему, однимъ словомъ, поступили такъ, какъ всегда поступаютъ подданные. Можете ли вы обвинять теперь нашего всемилостивѣйшаго государя и нашихъ единоземцевъ въ нарушеніи мира? Народъ Московскій самъ началъ, самъ и кончилъ! Возведенный вами на престолъ, Димитрій прислалъ къ его королевскому величеству Аѳанасія Власьева, для заключенія вѣчнаго союза противъ язычниковъ и всѣхъ враговъ христіанскаго имени; а государь нашъ отправилъ къ нему старосту Велижскаго для довершенія этого дѣла и для условія, какимъ образомъ одолѣть общаго врага христіанства. Между тѣмъ, по словамъ вашимъ, Димитрія не стало.... Если онъ не былъ истиннымъ сыномъ великаго князя Ивана Васильевича, зачѣмъ же вы признали его государемъ, возвели на престолъ и короновали? Въ этомъ трудно обвинить подданныхъ его королевскаго величества! Да нельзя упрекать и васъ, Москвитяне: все было дѣломъ Божіяго промысла! Его десница все устроила! Иначе какъ могло случиться, чтобы Москвитяне сами своего единоземца провозгласили государемъ, возвели на тронъ, посадили, короновали, явили всѣ знаки преданности и умертвили? Всѣ это извѣстно одному Богу, Коего дѣла непостижимы! Но въ то же время, въ самой столицѣ, когда наши единоземцы покоились глубокимъ сномъ, полагаясь на увѣренія въ дружбѣ и пріязни, вы предали злой смерти многихъ подданныхъ его величества, совершенно невинныхъ, а имѣніе и добро ихъ расхитили; воеводу же Сендомирскаго, дочь его, друзей его, и многихъ подданныхъ королевскихъ, пріѣхавшихъ сюда по просьбѣ покойнаго государя, вы заключили въ темницы и доселѣ

1607. держите какъ плѣнниковъ. Мало того: вы задержали самихъ пословъ королевскихъ, чего не дѣлаютъ ни язычники, ни варварскіе народы! Въ слѣдствіе сего, король, всемилостивѣйшій государь нашъ, прислалъ насъ сюда, объявить вамъ, великому князю Василію Ивановичу, отъ имени его величества, всей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, чтобы послы королевскіе, панъ Николай Олесницкій, кастелянъ Малаговскій, и панъ Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, староста Велижскій, также Георгъ Мнишекъ, воевода Сендомирскій, дочь его и всѣ пріятели, вступившіе въ Россію не врагами, а друзьями, по просьбѣ и желанію прежняго государя вашего, равнымъ образомъ всѣ подданные его величества и нѣсколько знатныхъ купцовъ изъ областей императора Рудольфа II, брата и шурина королевскаго, въ особенности же Андреасъ Натанъ и его товарищи, чтобы всѣ эти лица были отправлены въ Польшу немедленно, съ честію и вѣрными проводниками; за убытки же, ими понесенные, король требуетъ вознагражденія, а за смерть своихъ подданныхъ, расправы и наказанія виновниковъ. А какъ сверхъ того, въ прежнее время, многіе купцы Польскіе и Литовскіе, задержанные въ Москвѣ, лишились своихъ товаровъ, какъ и въ нынѣшнемъ случаѣ, (съ вашего ли вѣдома или нѣтъ, король оставляетъ безъ изслѣдованія); то мы надѣемся, что согласно съ справедливостію, за всѣ товары, взятые у этихъ людей въ казну при прежнихъ великихъ князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ, Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Ѳеодоровичѣ и Димитріи Ивановичѣ, вы заплатите цѣну ихъ и вознаградите убытки. Того требуетъ самая справедливость: въ областяхъ королевскихъ трое Московскихъ купцовъ, на основаніи мирнаго договора, торгуютъ свободно, безъ всякой обиды».

«Всемилостивѣйшій государь! (сказалъ въ заключеніе первый посолъ, панъ Витовскій) товарищъ мой объяснилъ главную цѣль нашего прибытія: мы просимъ отпустить въ отечество пословъ королевскихъ, воеводу Сендомирскаго съ его дочерью и друзьями, также всѣхъ подданныхъ его величества и купцевъ иноземныхъ,

со всѣмъ добромъ ихъ и товарами. Сверхъ того намъ велѣно, 1607.
прежде всякихъ переговоровъ, объясниться съ великими послами его величества и съ воеводою Сендомирскимъ; посему, да будетъ намъ позволено пореговорить съ ними о необходимыхъ дѣлахъ, и потомъ условиться съ вашими совѣтниками». Въ заключеніе послы представили подарки и возвратились на свой дворъ.

Между тѣмъ у насъ случилось слѣдующее: принесли въ нашу кухню весьма негодной баранины и одного барана до крайности тощаго; поваръ взялъ его, закололъ и съ досады повѣсилъ въ воротахъ, на улицу. Приставы, увидѣвъ это, тотчасъ поскакали во дворецъ и тамъ объявили, что на посольскомъ дворѣ презираютъ кормъ великокняжескій, что за воротами посольскими виситъ баранъ для насмѣшки. (Послы вовсе ничего не знали о поступкѣ повара). Вскорѣ они возвратились съ увѣдомленіемъ, что на другой день утромъ пріѣдутъ къ посламъ два боярина отъ великаго князя: мы обрадовавались этому извѣстію, надѣясь узнать, какъ приняты новые послы королевскіе.

21 ноября, явились съ приставами два боярина Андрей * * * и Чепчуговъ, которые сказали посламъ, что великій князь весьма недоволенъ ихъ насмѣшками, что никакой посолъ не долженъ оказывать такой невѣжливости его царскому величеству. Удивленные послы отвѣчали, что они вовсе ничего не знаютъ о висѣвшемъ за воротами баранѣ, и что если такъ дѣйствительно случилось, то совершенно безъ ихъ вѣдома и приказанія, въ чемъ призывали свидѣтелемъ самаго Бога. «Зачѣмъ не сказали вы намъ прежде», говорили они приставамъ, «если вы видѣли то, о чемъ донесли боярамъ? тогда вы узнали бы, съ нашего ли согласія это сдѣлано. Мы вовсе не участвовали въ этомъ дѣлѣ; виновникъ будетъ наказанъ; а великій князь, мы надѣемся, извинитъ насъ и не вмѣнитъ этаго случая намъ въ насмѣшку или невѣжливость». Бояре объявили сверхъ того: «Новые послы представили свои вѣрющія грамматы, въ коихъ ни слова о васъ не сказано; они присланы не къ намъ, а къ великому князю для переговоровъ;

*

1607. посему вамъ надобно ждать, когда они кончатся и дѣла будутъ приведены въ порядокъ». «Если дѣйствительно такъ», отвѣчали послы, «и намъ здѣсь дѣлать нечего, мы хотимъ возвратиться къ его королевскому величеству. Если же, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, намъ будетъ отказано въ такомъ требованіи, клянемся нашимъ Богомъ, что мы отправимся въ путь сами собою, торжественно, и въ случаѣ какого либо насилія, скорѣе умремъ, нежели останемся въ неволѣ. Мы рѣшились непремѣнно исполнить свое намѣреніе; скажите объ этомъ великому князю!» Бояре возвратились во дворецъ; а великій князь, между тѣмъ, далъ повелѣніе отпускать намъ въ половину менѣе противъ прежняго съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Это еще болѣе убѣдило пословъ привести въ дѣйствіе задуманное предпріятіе: призвавъ приставовъ, они сказали имъ, что завтре, рано утромъ, ѣдутъ въ Польшу, ибо видятъ, что ихъ уже не признаютъ послами, о чемъ просили объявить боярамъ; а насъ убѣждали примириться съ Богомъ и быть готовыми вырваться изъ темницы, или испить смертную чашу, если Москвитяне захотятъ употребить силу. Мы были согласны; всю ночь провели въ молитвѣ и пріобщились св. Таинъ.

22 ноября, за два часа до разсвѣта, послы приказали укладывать вещи и запрягать лошадей. Ночевавшій тогда въ нашемъ домѣ приставъ, увидѣвъ, что мы сбираемся въ путь, просилъ у пословъ дозволенія повидаться и переговорить съ ними; послы согласились. Приставъ приходитъ къ намъ и видитъ всѣхъ насъ вооруженными съ головы до ногъ: это его чрезвычайно перепугало; онъ молитъ пословъ оставить ихъ намѣреніе, увѣряя, что отъ этаго добра не будетъ, и произойдетъ страшное кровопролитіе. «Вы можете дѣлать что вамъ угодно», отвѣчали послы; «мы ѣдемъ! Если же станете насъ удерживать силою, мы проложимъ путь оружіемъ, и охотнѣе погибнемъ, чѣмъ останемся въ этой темницѣ!» Видя, что дѣло пошло не на шутку, приставъ просилъ по крайней мѣрѣ подождать отзыва бояръ, и ускакалъ во дворецъ.

Мы же стали по мѣстамъ подъ начальствомъ назначенныхъ капи- 1607.
тановъ, ожидая, чѣмъ кончится тревога.

Вскорѣ явились всѣ наши приставы: ихъ было трое; съ ними пришелъ одинъ гражданинъ, которой сказалъ посламъ: «Граждане Московскіе поручили мнѣ просить васъ оставить ваше намѣреніе; всѣ мы оплакиваемъ упорство ваше, предчувствуя, что отъ него возгорится война между Россіею и Польшею; мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ, что необузданная чернь найдетъ случай къ грабежу: а если вы вздумаете обороняться, ударятъ въ набатъ и начнется страшное кровопролитіе». Послы возразили: «Не мы начнемъ! Если насъ не будутъ удерживать, мы ни однимъ словомъ не оскорбимъ гражданъ, не тронемъ послѣдней собаки; если же народъ рѣшится употребить силу, станемъ оборонятся до послѣдней капли крови: мы пріѣхали послами, хотимъ и выѣхать также. Извѣстите гражданъ о нашемъ отвѣтѣ!» Москвитинъ обѣщалъ все пересказать народу и донести самому великому князю; между тѣмъ просилъ пословъ на минуту успокоиться, раскланялся и уѣхалъ. Вскорѣ послѣ того, пришелъ сановникъ отъ великокняжескаго канцлера; онъ заговорилъ было гордо и дерзко; послы тотчасъ его остановили: «Кто прислалъ тебя?» спросили они. «Великій канцлеръ». «Знаетъ ли великій князь?» «Нѣтъ». «Такъ нечего съ тобою и время терять, если ты пришелъ не отъ государя», сказали послы; «мы пріѣхали къ великому князю, а не къ канцлеру. Извѣсти о семъ того, кто прислалъ тебя, и скажи, что если чрезъ часъ не явятся къ намъ два думные боярина съ отвѣтомъ великаго князя, мы садимся въ повозки и отправляемся. Пусть узнаютъ объ этомъ граждане!» Послы вышли къ воротамъ; за ними пошли и мы, имѣя въ рукахъ ружья, сѣкиры, пистолеты, также и знатнѣйшіе дворяне, вооруженные саблями. Каждый изъ насъ приготовился къ битвѣ; послы запретили намъ стрѣлять, пока не дадутъ платкомъ сигнала; особенно же удерживали гайдуковъ, коихъ было до 20 человѣкъ. Москвитяне, собравшіеся у воротъ многочисленными толпами,

1607. увидѣвъ нашихъ въ грозномъ вооруженіи, сначала испугались; однакожъ направили на насъ свои длинныя ружья и тѣмъ болѣе раздражили Поляковъ; мы взвели курки и хотѣли палить: приставы бросились въ средину между обѣими сторонами, умоляя пословъ, ради Бога, успокоиться на минуту, и дождаться боярскаго отвѣта; послы съ трудомъ укротили своихъ людей; въ то же время объявили народу, что побудило ихъ къ отъѣзду (народъ впрочемъ отъ испуга ничего не слыхалъ), и отошли отъ воротъ со всею свитою, ожидая, что скажутъ бояре. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ изъ дворца нашъ приставъ, съ увѣдомленіемъ, что за нимъ ѣдутъ два думные боярина: въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ пріѣхалъ дворецкій Артамонъ Михайловъ съ главнымъ секретаремъ, и объявилъ посламъ отъ имени великаго князя, что царь не замедлитъ отпустить ихъ въ отечество съ другими послами и будетъ содержать ихъ по прежнему; въ удостовѣреніе же того, призываетъ въ свидѣтели самого Бога. Послы, выслушавъ клятвенное обѣщаніе великаго князя, долго совѣтовались другъ съ другомъ; наконецъ возратились въ домъ, и все успокоилось. Такъ, благодаря Всевышнему, кончилось это смятеніе! Намъ стали отпускать съѣстныхъ припасовъ вдоволь и лучше прежнихъ.

23 ноября, послы призвали приставовъ, и панъ Олесницкій сказалъ имъ: «Благодаримъ промыслъ Всевышняго, располагающаго дѣлами и поступками людей, за благополучное окончаніе вчерашняго предпріятія нашего! Благодаримъ и великаго князя, давшаго обѣщаніе отпустить насъ въ отечество. Просимъ у него дозволенія повидаться съ послами его королевскаго величества; если же это невозможно, по крайней мѣрѣ, да будетъ имъ дозволено доставить намъ письма, которыя они привезли изъ Польши. Сверхъ того намъ нужно купить лошадей и разныя необходимыя вещи для дороги». Приставы съ своей стороны также благодарили Бога, все кончившаго благополучно; о желаніи же пословъ обѣщали донести государю, и съ тѣмъ уѣхали во дворецъ.

2 декабря, великій князь угощалъ во дворцѣ вновь прибывшихъ 1607.
пословъ королевскихъ; пиръ продолжался 4 часа съ половиною.

5 декабря, господа послы и всѣ мы получили позволеніе закупить лошадей; въ свиданіи же съ новыми послами отказано; только обѣщано прислать немедленно письма, о коихъ мы просили.

8 декабря, посламъ доставлено тайно письмо отъ новыхъ пословъ, которые увѣдомляли ихъ о бывшей аудіенціи, и тѣмъ очень обрадовали: наши господа послы удивлялись только, что они должны вести переговоры; но каждый легко могъ разрѣшить загадку: нашимъ посламъ извѣстнѣе было положеніе всѣхъ дѣлъ въ Россіи.

22 декабря, новые послы опять были во дворцѣ; бояре хотѣли знать содержаніе ихъ посольства: послы хотя могли бы начать переговоры безъ пановъ Малаговскаго и Гонсѣвскаго, но рѣшительно отказали въ требованіи бояръ, объявивъ, что по волѣ короля, они не приступятъ ни къ какому разсужденію безъ своихъ товарищей. «Мы можемъ объяснить только нѣкоторыя условія наши: если великіе послы королевскіе съ воеводою Сендомирскимъ, дочерью его и родными, также всѣ подданные его величества, прибывшіе въ Москву на свадьбу прежняго вашего государя, а не для войны, равнымъ образомъ всѣ торговцы, по сему же случаю къ вамъ пріѣхавшіе, если всѣ эти особы не будутъ немедленно отправлены къ предѣламъ Польскимъ, съ честію и въ довольствѣ, да будетъ вамъ извѣстно, что государь нашъ намѣренъ оружіемъ выручить ихъ изъ неволи. Теперь дѣлайте, что хотите!»

Великій князь, узнавъ отъ бояръ, что говорили послы, закипѣлъ гнѣвомъ, тотчасъ приказалъ возвратить имъ подарки и сказать, что они могутъ ѣхать обратно, къ своему королю, если не хотятъ объявить, за чѣмъ пріѣхали. «Мы поднесли дары великому князю», отвѣчали послы, «не для того, чтобы намъ возвращали ихъ, или чтобы насъ отдаривали: мы представили ихъ изъ одной дружбы и добровольно. Если же великому князю не-

1607. угодно, пусть будетъ такъ! Мы готовимся къ отъѣзду». Свитѣ приказано было собираться въ путь. Цѣлую ночь мы укладывали всѣ вещи и къ утру послы были готовы отправиться. Когда донесли о томъ великому князю, онъ прислалъ нѣсколько бояръ объявить посламъ, что государь жалуетъ ихъ своею милостію, и что завтра они могутъ во дворцѣ приступить къ совѣщанію съ великими послами. Коней отложили.

25 декабря, наши послы получили приглашеніе въ слѣдующій день пожаловать во дворецъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ съ боярами. Приставы нарядились въ парчевые кафтаны (кафтаны выдаются имъ на торжественные случаи изъ казны, куда, по минованіи надобности, опять возвращаются), и проводили пословъ до Золотой палаты: тамъ они были приняты княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ и многими знатными боярами, которые отъ имени великаго князя объявили, что государь жалуетъ ихъ и дозволяетъ имъ переговорить съ новыми послами. Наши господа поблагодарили бояръ и чрезъ четверть часа увидѣли своихъ единоземцевъ: свиданіе было самое радостное. Послы говорили другъ съ другомъ около 4 часовъ; наши узнали, между прочимъ, о бывшемъ въ Польшѣ великомъ несогласіи между королемъ и дворянствомъ: раздоръ дошелъ до того, что обѣ стороны вступили въ битву; около 600 человѣкъ пало на мѣстѣ сраженія; виновники вражды спаслись бѣгствомъ въ чужія страны; а въ королевствѣ водворилось спокойствіе. Разсказывали намъ много и другихъ вѣстей. Мы же описывали свою неволю, скуку, горесть, бѣдствіе и проч. Великій князь, между тѣмъ, приказалъ поднести намъ разныхъ напитковъ, дорогихъ медовъ и Нѣмецкаго пива. Послы, наговорившись вдоволь, подозвали знатнѣйшихъ бояръ и объявили, что они кромѣ представленной грамматы, имѣютъ еще другую, вѣрительную, и что въ переговорахъ должны участвовать, согласно съ волею короля, всѣ послы, и прежніе и вновь прибывшіе. Бояре сказали о томъ великому князю, который велѣлъ отвѣчать, что онъ согласенъ на такое предложеніе и что

назначено будетъ время и мѣсто для поднесенія упомянутой 1608.
грамматы. Послы откланялись и возвратились въ свои домы.

29 декабря, приставы объявили нашимъ посламъ, что въ слѣдующій день они увидятъ очи великаго князя, и должны представить граммату, но безъ участія новыхъ пословъ. Наши не согласились: начались споры, прѣнія, посылки къ боярамъ. Наконецъ явился Михайло Борисовичъ Сукинъ съ дьякомъ Андреемъ, и объявилъ, что какъ новые послы уже представили свои грамматы, а прежніе тогда не присутствовали на аудіенціи, то и нельзя начинать конченнаго дѣла. Наши никакъ не хотѣли отступить отъ своихъ инструкцій, и ссылаясь на обѣщаніе великаго князя, объявили рѣшительно, что безъ товарищей они своей грамматы не представятъ.

Такъ провели мы 1607 годъ! Чѣмъ все это кончится, одно время откроетъ. Боже милосердый! ради Христа Спасителя, прекрати наши страданія, разсѣй нашу скуку, горесть, и даруй намъ ту свободу, которою въ отечествѣ мы наслаждались!

1608 годъ.

1 января, наши господа послы отправили къ великому князю и боярамъ письмо, коимъ увѣдомляя, что безъ участія своихъ товарищей, согласно съ волею короля, они не могутъ представить вѣрительной грамматы, ни приступить къ какимъ либо совѣщаніямъ, просили убѣдительно размыслить, сколь бѣдственныя слѣдствія должны произойти отъ упорства бояръ. «Не ждите», сказано было въ письмѣ, «третьяго посольства: оно не принесетъ вамъ ничего добраго! Мы предостерегаемъ васъ въ послѣдній разъ: не станемъ болѣе писать къ вамъ; будемъ ждать, пока самъ король насъ не освободитъ».

Съ этихъ поръ великій князь и бояре изыскивали всѣ пути, какимъ бы образомъ убѣдить новыхъ пословъ къ переговорамъ, безъ участія прежнихъ. Для того звали ихъ опять во дворецъ;

1608. послы сперва не соглашались; наконецъ рѣшились узнать, чего хотятъ Москвитяне, и поѣхали. Бояре, указавъ имъ то мѣсто королевской грамматы, гдѣ было сказано: «Государь Московскій можетъ вѣрить всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ пословъ его королевскаго величества» говорили, что это разумѣется только о послахъ вновь прибывшихъ, что о прежнихъ великихъ послахъ въ этой грамматѣ вовсе не упомянуто, и что государь удивляется, почему послы, имѣя полномочіе, не хотятъ приступить къ переговорамъ. «Такъ!» отвѣчали послы, «въ королевской грамматѣ сказано, что вы должны вѣрить всѣмъ нашимъ словамъ и дѣйствіямъ; но вамъ уже извѣстно наше первое предложеніе: согласитесь, иначе мы не станемъ ничего дѣлать». Тѣмъ и кончилась конференція: послы возвратились въ свой домъ.

8 января, бояре пришли къ нашимъ посламъ, стараясь хитрыми и льстивыми рѣчами убѣдить ихъ къ начатію переговоровъ; но и въ томъ не успѣли.[173]

МАРЖЕРЕТЪ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Маржеретъ, Margeret, родомъ Французъ, капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Димитрія Самозванца, около шести лѣтъ съ честію служилъ въ Русскомъ войскѣ. Уже до прибытія въ Россію, онъ прославился въ Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями: сражался подъ знаменами Генриха IV во Франціи, бился съ Турками въ Трансильваніи и Венгріи; служилъ королю Польскому и императору Римскому; наконецъ въ 1600 году, по приглашенію нашего посланника Власьева, пріѣхалъ въ Россію. Борисъ Годуновъ поручилъ ему отрядъ иноземныхъ всадниковъ и нашелъ въ немъ слугу вѣрнаго: въ битвѣ Добрынской съ Димитріемъ Самозванцемъ, когда отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, капитаны Маржеретъ и Вальтеръ фонъ-Розенъ, по словамъ Бера, съ крикомъ Hilf Gott! (помоги, Боже), устремились на Самозванца и вырвали побѣду изъ рукъ его. Ободренные Россіяне также воскликнули Hilf Gott, снова сразились и разсѣяли Поляковъ. Скромный Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Русскаго пѣхотнаго отряда, хотя мы знаемъ достовѣрно, что Борисъ, награждая воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену, особенную благодарность.

По смерти Годунова, онъ вмѣстѣ съ прочими покорился Самозванцу, который, овладѣвъ престоломъ, учредилъ для себя охранительную стражу изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и первую роту поручилъ *капитану* Маржерету. Вооруженные бердышами, съ золотымъ царскимъ гербомъ на древ-

кахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, тѣлохранители получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ. Лжедимитрій изъявлялъ Маржерету особенную милость, разсматривалъ съ нимъ сокровища своей казны, бесѣдовалъ о Франціи, о Генрихѣ IV, и вѣроятно восхищенный его разсказами, такъ плѣнился славою Генриха, что нетерпѣливо желалъ познакомиться съ великимъ государемъ. Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

Шуйскій, низринувъ Самозванца, разогнавъ всѣхъ приверженцевъ его, не тронулъ Маржерета и, сколько можно догадываться, желалъ удержать его при себѣ: храбрый капитанъ не хотѣлъ служить новому царю, и въ концѣ 1606 года удалился во Францію, для свиданія съ родными, получивъ впрочемъ отъ Шуйскаго щедрый подарокъ.

Вскорѣ онъ снова появился въ Россіи, ознаменовалъ себя мужествомъ необыкновеннымъ, но очернилъ прежнюю славу недобрымъ поступкомъ: онъ присталъ къ вору Тушинскому, и вмѣстѣ съ негодяемъ безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему отечеству. Отъ вора Тушинскаго онъ перешелъ къ Полякамъ, поступилъ въ роту Борковскаго, съ званіемъ поручика, и подъ знаменами Жолкѣвскаго, участвовалъ въ Клушинской битвѣ. По взятіи Поляками Москвы, въ слѣдствіе избранія Владислава царемъ, Маржеретъ вступилъ въ столицу и нашелъ случай оказать Полякамъ важную услугу: болѣе полугода Москвитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія новаго царя, королевича Владислава; наконецъ, раздраженные обманомъ Сигизмунда и своеволіемъ Ляховъ, 19 марта 1611 года, по гласу патріарха Ермогена, они возстали на своихъ злодѣевъ. Вся Москва незапно вооружилась и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ королевскаго намѣстника Гонсѣвскаго (7,000 человѣкъ), тѣснимый княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городѣ и уже

обрекъ себя на гибель неминуемую, когда подоспѣлъ къ нему на помощь Маржеретъ и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а князь Пожарскій, покрытый язвами, не могъ возобновить битву и отступилъ. Русскіе такъ были поражены неудачею, что Гонсѣвскій болѣе года могъ держаться въ Москвѣ. Маржеретъ между тѣмъ замѣтивъ, что Полякамъ не устоять противъ цѣлой Россіи, въ 1611 году удалился къ Сигизмунду и получилъ отъ него въ награду мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ.

Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ явился въ Гамбургѣ, откуда въ 1612 году просилъ дозволенія у нашихъ бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ Поляковъ и Литовцевъ. Подозрѣвая, что его подослалъ Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Русское правительство спѣшило снабдить городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Чрезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами фрейгеромъ Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу послѣднихъ, въ августѣ 1612 года, отвѣчалъ Пожарскій отъ имени Земской думы, слѣдующимъ образомъ: «Благодаримъ васъ, господа капитаны, за ревность и усердіе къ нашему отечеству; съ признательностію примемъ ваши услуги, если враги станутъ одолѣвать насъ; нынѣ же наемные ратники и воеводы намъ ненадобны: всѣ чины Русскаго государства, за правду, дородство и храбрость, избрали къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго-Стародубскаго; всѣ Русскіе жертвуютъ и жизнію и имуществомъ за православную вѣру; мы служимъ отечеству безъ жалованья, сражаемся съ врагами неутомимо, бьемъ Поляковъ и очищаемъ отъ нихъ Московское государство. Дивимся только тому, что вы приняли себѣ товарищемъ Француженина Якова Маржерета, который недавно проливалъ христіан-

скую кровь злѣе самыхъ Литовцевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ противъ своихъ друзей, Поляковъ! Зачѣмъ явился въ вашей землѣ клевретъ Сигизмундовъ? Намъ казалось, что ему, за его неправду, нигдѣ, кромѣ Польши, мѣста не будетъ».

Къ чести Маржерета замѣтимъ, что подозрѣніе бояръ едва ли было основательно: по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ Англичанину Мерику онъ жалѣлъ о бѣдствіяхъ Россіи и, кажется, искренно желалъ оказать ей услугу; желалъ тѣмъ болѣе, что въ Россіи, подъ знаменами Пожарскаго, открывалось блестящее поприще его мужеству и воинскимъ дарованіямъ. Что дѣлалъ онъ въ послѣдствіи, въ какой битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ. Но имя его никогда не изгладится изъ нашихъ лѣтописей: въ двухъ дѣлахъ достопамятныхъ онъ является главнымъ героемъ: въ битвѣ Добрынской и въ разрушеніи Москвы. Еще болѣе онъ пріобрѣлъ права на вниманіе не только Россіи, но и всей Европы, любопытнымъ сочиненіемъ о нашемъ отечествѣ: по смерти Лжедимитрія I, возвратясь во Францію въ концѣ 1606 года, съ запасомъ свѣдѣній о Россіи, Маржеретъ разсказывалъ о ней многія подробности знаменитому историку де-Ту и государю своему Генриху IV, увѣряя того и другаго, что мнимый Димитрій былъ сынъ Іоанновъ. Генрихъ слушалъ храбраго капитана съ живѣйшимъ любопытствомъ и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше отечество. Исполняя королевскую волю, Маржеретъ издалъ въ 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: *Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка.**

* Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret. Paris. 1607. Первое изданіе было перепечатано въ 1669 году, безъ малѣйшей перемѣны, со всѣми орѳографическими ошибками, затемняющими нерѣдко самый смыслъ подлинника. Третье подобное изданіе вышло въ 1821 году, подъ надзоромъ Клапрота. Лучшее, согласное съ первымъ изданіемъ 1607 года, напечатано въ Парижѣ въ 1855 году, Шеврёлемъ.

Въ этомъ сочиненіи авторъ разсказываетъ все, что онъ могъ припомнить о Россіи, съ откровенностію солдата, съ любезностію и легкомысліемъ Француза; описываетъ пространство Русской державы, качество почвы, произведенія, нравы и обычаи, разные обряды церковные, гражданское устройство, образъ правленія, государственные доходы, царскія сокровища, монету, войско, дѣла Іоанна IV, Бориса Годунова, Димитрія Самозванца; наконецъ приводитъ разныя мнѣнія современниковъ о Лжедимитріи и старается доказать, что обманщикъ былъ сынъ Іоанна Грознаго.

Судя по слогу, можно думать, что авторъ никогда не бесѣдовалъ съ музами: онъ провелъ свою жизнь въ битвахъ, въ лагеряхъ. Но природа, одаривъ Французовъ способностью разсказывать все имъ знакомое живо, занимательно, не забыла и Маржерета, давъ ему быстрый смыслъ, вѣрный взглядъ. Вотъ, почему сочиненіе капитана для насъ драгоцѣнно! Онъ не могъ, подобно ученому Герберштейну, разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ взоромъ наблюдателя опытнаго, глубокомысленнаго; но, зная хорошо Россію, умѣлъ ловить самыя рѣзкія черты и живо описывать, что видѣлъ. Его извѣстія о Русскомъ дворянствѣ, о свадебныхъ обрядахъ, о царскихъ пиршествахъ, объ устройствѣ нашего войска, о набѣгахъ Татаръ, такъ вѣрны и выразительны, что и въ наше время они украсили бы сочиненіе образованнаго путешественника. Сверхъ того Маржеретъ сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о этомъ обманщикѣ, заставлявшіе не одного историка призадуматься: только въ наше время, когда открыли Берову лѣтопись и другія важныя свидѣтельства, можно сказать рѣшительно, вопреки Маржерету, что мнимый Димитрій не былъ сыномъ Іоанновымъ.

Въ предисловіи къ первому изданію Маржеретова сочиненія въ Русскомъ переводѣ (1830), я старался указать точку, съ которой должно смотрѣть, по моему мнѣнію, на образъ мыслей автора о Русскихъ XVII вѣка. Тамъ сказано: «Иногда неумышленное невѣдѣніе,

иногда предразсудки, нерѣдко и самыя страсти заставляли его быть несправедливымъ къ нашимъ предкамъ. Просвѣщенный читатель замѣтитъ, что онъ видѣлъ въ нашемъ отечествѣ только худое, и съ какимъ-то удовольствіемъ описывалъ мрачную сторону Русскихъ, оставляя безъ вниманія многія добродѣтели, которымъ удивлялся не только Герберштейнъ, но и самъ Корбъ. Благочестіе, безпредѣльная любовь къ царю, гостепріимство, нѣжная привязанность къ родителямъ, уваженіе къ старцамъ и всѣ прекрасныя качества, которыми наши праотцы могли справедливо гордиться, не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Маржеретѣ, можетъ быть потому, что онъ привыкъ судить о вещахъ по тѣмъ ложнымъ правиламъ, которыя были слѣдствіемъ его страннической жизни. Руководствуясь такими правилами, онъ находилъ смѣшное тамъ, гдѣ мы видимъ глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей церкви смотрѣлъ безъ участія потому, что былъ католикъ, а въ XVII вѣкѣ фанатизмъ ослѣплялъ самыхъ благоразумныхъ людей».

Оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, считаю долгомъ присовокупить, что, постоянно слѣдуя правилу не выпускать въ переводѣ ни одного выраженія противъ подлинника, въ новомъ изданіи Маржерета я сохранилъ всѣ мысли его, даже самыя неосновательныя; старался только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить слогъ перевода и точнѣе выразить смыслъ подлинника.

СОСТОЯНІЕ

РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ИЗВѢСТІЙ О ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ,

СЪ 1590 ГОДА ПО СЕНТЯВРЬ 1606.

СОЧИНЕНІЕ

КАПИТАНА МАРЖЕРЕТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГЕНРИХУ IV,

КОРОЛЮ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Государь!

Еслибъ подданные вашего величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, ими замѣчаемыя, не только сами получили бы выгоду, но и вашему государству могли бы доставить пользу: они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — для успѣховъ общежитія Богъ все въ мірѣ семъ такъ устроилъ, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ; притомъ же извѣстія ихъ внушили бы охоту многимъ юношамъ, праздным домосѣдамъ, посмотрѣть на бѣлый свѣтъ: тамъ, въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди воинствъ иноплеменныхъ, они узнали бы добродѣтель; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые предѣломъ христіанскаго міра считаютъ Венгрію: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію вашего величества, въ этомъ сочиненіи, служитъ христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія Скиѳовъ [174] и другихъ народовъ магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ. Властвуя неограниченно, царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаетъ свои земли отъ безпрерывнаго впаденія варваровъ.

Государь! когда побѣдами и счастіемъ вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни вашему величеству, ни моему отечеству, ревность, доказанная мною во время междоусобій, подъ знаменами Г. де-Вогренана, при С. Жанъ-де-Лонѣ и въ другихъ мѣстахъ герцогства Бургундскаго; [175] посему я удалился изъ отечества и служилъ сперва князю Тран-

сильванскому, потомъ государю Венгерскому, послѣ того королю Польскому, въ званіи капитана пѣхотной роты; наконецъ, приведенный судьбою къ Русскому царю Борису, [176] я былъ удостоенъ отъ него чести начальствовать кавалерійскимъ отрядомъ; по смерти же его, Димитрій, вступивъ на царскій тронъ, поручилъ мнѣ первую роту своихъ тѣлохранителей. Въ теченіе этого времени, я имѣлъ средства научиться Русскому языку [177] и собрать очень много свѣдѣній о законахъ, нравахъ и религіи Русскихъ: все это описываю въ представляемомъ небольшемъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностію, что не только вы, государь! при удивительно здравомъ и проницательномъ умѣ, но и всякъ увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ Древнихъ, есть душа и жизнь исторіи.

Вниманіе вашего величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что книга моя принесетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе! Въ ней вы найдете извѣстія о событіяхъ весьма замѣчательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ монарховъ; самая участь несчастнаго государя моего Димитрія можетъ служить для нихъ урокомъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и ниспалъ скорѣе, нежели въ два года; мало того: его называютъ еще обманщикомъ! Ваше величество узнаете, равнымъ образомъ, многія подробности о Россіи, достойныя вниманія, и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности этой державы, такъ и по искусству Русскихъ скрывать и умалчивать дѣла своего отечества.

Молю Бога даровать вашему величеству благоденствіе, вашей державѣ миръ, преемнику желаніе подражать вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же неизмѣнную, всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

ГОСУДАРЬ!

всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги вашего величества.

Маржеретъ.

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
и
ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО
въ 1606 году.

Россія есть страна очень обширная,[178] покрытая даже въ областяхъ, наиболѣе обитаемыхъ, дремучими лѣсами, а на предѣлахъ Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей.[179] Она довольно заселена отъ ***Нарвы***, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей королевству Шведскому, до ***Архангельска*** или Св. Николая,[180] другаго приморскаго города, въ разстояніи отъ Нарвы на 2800 верстъ, или на семьсотъ льё, и отъ Смоленска (города близь предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Θеодорѣ Іоанновичѣ Борисомъ Θеодоровичемъ, тогдашнимъ правителемъ государства) до Казани, на 1300 верстъ.[181] Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое царство, основанное Татарами и покоренное великими князьями Васильемъ Іоанновичемъ и сыномъ его Іоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій взятъ былъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Іоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и теперь: зовутъ его царь Симеонъ.[182] Казань построена близь ***Волги***, рѣки знаменитой, въ которую впадаетъ ***Ока***. Подлѣ этого города обитаютъ Черемисы. За Казанью, по теченію ***Волги***, вливающейся при Астрахани въ Каспійское море, простираются обширныя, необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по бере-

гамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2000 верстъ. Астрахань, укрѣпленный городъ, производитъ очень дѣятельную торговлю, болѣе, чѣмъ всѣ прочіе города Русскіе, и снабжаетъ почти все государство солью и соленою рыбою. Думаютъ, что земля тамъ весьма плодородна: на степяхъ, между Казанью и Астраханью, растетъ много малыхъ плодоносныхъ вишень и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами. Въ окрестностяхъ ея, какъ разсказывали прежде нѣкоторые писатели, попадаются животно-растенія, такъ называемые бараны: они вырастаютъ изъ земли, только не могутъ отдѣлиться отъ корня; къ нему привязываетъ ихъ какъ бы кишка, идущая отъ пупа, длиною 3 или 4 сажени: и потому они живутъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ кругомъ себя всей травы; потомъ умираютъ. Эти бараны величиною съ ягненка; шерсть имѣютъ курчавую. Я видѣлъ ихъ шкуры иногда бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами.[183] Въ царствованіе Іоанна Васильевича, завоевавшаго землю Астраханскую, Англичане завели здѣсь торговлю съ Персіею.[184] За Волгою обитаютъ Татары, которые называютъ себя Нагаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, именуемую Русскими царствомъ Сибирскимъ. Эта страна, покрытая лѣсами, дубравами и болотами, мало извѣстна; думаютъ, что она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Оби. Снабжая государство мягкою рухлядью, т. е. мѣхами собольими, куньими, чернолисьими, Сибирь доставляетъ царю очень значительный доходъ.[185] Русскіе теперь начали обработывать эту землю, довольно обильную, особенно хлѣбомъ; построили тамъ четыре города и учредили въ нихъ гарнизоны, для удержанія народа въ повиновеніи.[186] Жители Сибири весьма грубы, малорослы, видомъ похожи на Татаръ Нагайскихъ; лице имѣютъ плоское и широкое, носъ сплюснутый, глаза малые; цвѣтомъ весьма смуглы; отращиваютъ волосы, немногіе съ бородою; одѣваются соболями шерстью наружу. Лѣтъ за тридцать они не знали хлѣба. Въ Сибирь обыкновенно ссылаются люди, впавшіе въ немилость государя.

Для отраженія Татаръ Крымскихъ, союзниковъ Турецкаго султана, которому они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 1595 году, когда была великая битва Агрійская,[187] Русскіе построили въ пограничныхъ степяхъ, съ 1593 года, многіе города и крѣпости; впрочемъ съ той стороны Россія обитаема только до Ливенъ, т. е. на 700 верстъ отъ Москвы. Далѣе, находятся Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ (въ 1,000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые теперь населяются.[188] Не взирая на плодородіе края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ. Думаютъ, что отъ Царева-города до великаго хана не болѣе 8 дней пути.[189] Тамъ въ прежнее время обыкновенно собирались Татары, когда они задумывали итти на добычу въ сосѣдственныя земли. Въ заключеніе, Россія очень обширна, имѣя предѣлами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвегію, Новую землю и Ледовитое море.

Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ Русской державы, наиболѣе обитаемыхъ, стужа бываетъ жестокая; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби имѣютъ климатъ благорастворенный. Въ холодной полосѣ зима стоитъ 6 мѣсяцевъ, такъ, что снѣгъ бываетъ по поясъ, и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; не смотря на то, почва весьма плодоносна, изобилуя всякимъ хлѣбомъ, извѣстнымъ у насъ, во Франціи: рожь сѣютъ въ началѣ или въ половинѣ августа, пшеницу и овесъ, по мѣрѣ продолжительности зимы, въ апрѣлѣ или маѣ, ячмень въ концѣ мая. Есть и плоды; дыни бываютъ такъ огромны и вкусны, что подобныхъ я нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того, много огурцовъ, яблокъ, вишень; сливъ и грушъ мало; но орѣховъ, земляники и подобныхъ плодовъ множество. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, а зимою никогда не случается. Въ Колмогорахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, также и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца, или 6 недѣль, солнце видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ

отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяцъ дня вовсе не бываетъ, потому что солнце не показывается. Далѣе, вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ; ланей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью; лосей множество во всей Россіи;[190] кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ — очень много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, которыхъ мало видно. Въ августѣ и сентябрѣ бываетъ весьма много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя: медвѣди бѣлые и черные; ихъ очень много; лисицы; ихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота.[191] Кромѣ того въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особенный родъ оленей: они менѣе обыкновенныхъ, съ красивыми, вѣтвистыми рогами; шерсть у нихъ сѣроватая, почти бѣлая, а копыта раздвоены болѣе, нежели у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье и служатъ вмѣсто коней для жителей: запряженный въ сани, для того нарочно устроенныя, олень бѣжитъ скорѣе всякой лошади, и большую часть года питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ. Зайцы зимою бываютъ бѣлые, а лѣтомъ такого же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы. Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ; изъ рыбъ наиболѣе извѣстны: стерляди, бѣлуга, осетрина, бѣлая рыбица (которыя поболѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, исключая форелей. Всякая рыба вообще дешева, подобно прочимъ жизненнымъ припасамъ: не взирая на великій голодъ (о чемъ будемъ говорить послѣ), истребившій почти во всемъ государствѣ домашнихъ животныхъ, я купилъ, во время моего отъѣзда, на дорогѣ, ягненка величиною съ нашего барана, или около того, за

10 копѣекъ, что составитъ 13 су 4 денарія, и курицу за 7 денаріевъ (каплуновъ держатъ только иностранцы). Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ, трехъ ягнятъ, и отъ каждаго изъ нихъ въ слѣдующемъ году родится столько же. Рогатый скотъ также размножается чрезвычайно: ибо Русскіе вообще не ѣдятъ телятины, считая ее грѣшнымъ, заповѣднымъ кушаньемъ;[192] кромѣ того ежегодно постятся 15 недѣль, сверхъ среды и пятницы, что составитъ около полугода. Отъ того мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ: собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ 12 или 15 лѣтъ съ небольшею лошадью обработываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется очень немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ нельзя болѣе. Русскіе, желая повеселиться, обыкновенно пьютъ вино и медъ, приготовленный изъ сотовъ, которые достаются безъ труда и въ великомъ изобиліи; о чемъ можно судить по множеству воска, отправляемаго за границу.[193] У нихъ есть также пиво и другіе малоцѣнные напитки. Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ. Когда только есть хмѣльное, приготовляемое впрочемъ не иначе, какъ для извѣстныхъ праздниковъ, Русскіе пируютъ день и ночь, пока всего не осушатъ. Я разумѣю простой народъ: дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда ни пожелаютъ.[194]

Великіе князья ведутъ свой родъ, по извѣстію Русскихъ лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіею, Литвою и Подоліею, лѣтъ за 800 до нашего

времени. Старшій изъ братьевъ Рюрикъ назвалъ себя великимъ княземъ Владимірскимъ и былъ въ прямомъ колѣнѣ родоначальникомъ всѣхъ Русскихъ владѣтелей; до временъ Іоанна Васильевича они именовались великими князьями; онъ же, послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, получилъ отъ Максиміліана, цесаря Римскаго, титулъ императора.[195]

Въ разсужденіи титула, Русскіе думаютъ, что слово царь, употребляемое Русскими государями, важнѣе всѣхъ титуловъ на свѣтѣ. Императора Римскаго они именуютъ *цесаремъ*, производя это имя отъ Цезаря; прочихъ же государей *королями*, подражая Полякамъ; владѣтеля Персидскаго называютъ *кизель баша*, а Турецкаго *великій господарь Турскій*, т. е. великій господинъ Турецкій.[196] Слово царь, по ихъ мнѣнію, находится въ св. Писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и другіе государи названы: царь Давидъ, царь Соломонъ. Посему они говорятъ, что имя царя, которымъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ, гораздо болѣе прилично государю, нежели слово цесарь и король, изобрѣтенное человѣкомъ и присвоенное, по ихъ мнѣнію, какимъ нибудь завоевателемъ. Когда Ѳеодоръ Іоанновичъ царь Россійскій снялъ осаду Нарвы, и полномочные съѣхались для заключенія мира между Россіею и Швеціею, съ обѣихъ сторонъ болѣе двухъ дней спорили о титулѣ императорскомъ: Ѳеодоръ хотѣлъ его принять, Шведы же не соглашались уступить. Русскіе объявили наконецъ, что слово царь еще важнѣе имени императора, и потому рѣшено было называть Ѳеодора всегда царемъ и великимъ княземъ Московскимъ: и тѣ и другіе, объясняя слово царь по-своему, считали себя въ выигрышѣ. Король Польскій пишетъ также точно; императоръ слѣдуетъ примѣру покойной Елисаветы и называетъ царя императоромъ;[197] ему подражаютъ король Великобританскій, король Датскій и великій герцогъ Тосканскій. Шахъ Персидскій и всѣ владѣтели Азіятскіе величаютъ царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его султанъ Турецкій, я не знаю, потому, что при мнѣ между ними не было сношеній.

Іоаннъ Васильевичъ женатъ былъ семь разъ,[198] вопреки Русской религіи, которая позволяетъ вступать въ бракъ только три раза; онъ имѣлъ трехъ сыновей.[199] Носится молва, что царь собственною рукою умертвилъ старшаго сына; но это несправедливо: хотя Іоаннъ билъ его концемъ палки, окованной четырегранымъ желѣзнымъ остріемъ въ видѣ жезла (такую палку никто не можетъ носить, кромѣ государя, ибо прежніе великіе князья получали ее въ знакъ покорности отъ Татарскаго владѣтеля, называемаго Крымскимъ),[200] и хотя царевичъ былъ раненъ; однакожъ онъ умеръ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье.[201] Второй сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ по смерти отца; третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, именемъ Димитрій. Іоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ,[202] сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ же было возведеніе на престолъ царя Симеона, о которомъ говорено выше. Іоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь царскій титулъ; самъ же, построивъ дворецъ противъ Кремля, повелѣлъ называть себя великимъ княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или справедливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства.[203] По смерти старшаго сына, царь женилъ втораго, т. е. Ѳеодора, на сестрѣ Бориса Ѳеодоровича,[204] который происходилъ изъ хорошаго дома, имѣлъ званіе дворянина Московскаго и мало по малу вкрался въ милость Іоанна.

По кончинѣ сего царя, умершаго въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 года, вступилъ на престолъ Ѳеодоръ; онъ былъ весьма не дальняго ума; нерѣдко самъ трезвонилъ на колокольнѣ и большую часть времени проводилъ въ церкви Борисъ Ѳеодоровичъ, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый государемъ, вмѣшался въ правленіе. Обладая умомъ хитрымъ и смѣтливымъ, онъ удовле-

творялъ всякаго, такъ что, когда разнеслась молва о намѣреніи Русскихъ низложить слабоумнаго Ѳеодора съ престола, его избрали правителемъ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, онъ началъ искать короны, видя, что Ѳеодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на 3 году возраста; для того старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями, укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣною, вмѣсто прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью и на предѣлахъ Татарскихъ.[205] Такъ пріобрѣвъ доброе расположеніе народа и самаго дворянства, исключая дальновидныхъ бояръ, онъ удалилъ въ ссылку своихъ недруговъ, подъ разными предлогами; наконецъ самую царицу, вдову умершаго Іоанна Васильевича, отправилъ съ сыномъ ея, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ Угличъ, городъ отстоящій отъ Москвы на 180 верстъ.[206] Разсказываютъ, что царица и нѣкоторые бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца (ибо многіе изъ бояръ, удаленныхъ въ ссылку, были отравлены дорогою), нашли средство подмѣнить царевича и вмѣсто его приняли другаго мальчика.[207] Послѣ того Борисъ предалъ смерти еще многихъ бояръ невинныхъ; наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить. Это совершилъ сынъ опредѣленнаго Борисомъ въ секретари къ царицѣ.[208] Злодѣй погибъ на мѣстѣ; а подложнаго царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ, похоронили запросто.

Вѣсть о смерти Димитрія породила въ Москвѣ разные толки; народъ роптalъ. Борисъ, зная все, что ни говорили, приказалъ зажечь въ ночное время гостиный рядъ, купеческіе домы и другія зданія: собственное горе, думалъ онъ, заставитъ народъ забыть царевича; ропотъ утихнетъ и умы успокоятся. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, давалъ повелѣнія тушить огонь; причемъ столько хлопоталъ, что по видимому несчастіе города очень его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, старался утѣ-

шить ихъ ласковыми рѣчами, горевалъ о бѣдствіи, далъ слово исходатайствовать у государя вспоможеніе каждому изъ нихъ для постройки домовъ и обѣщалъ воздвигнуть каменныя лавки, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ: все это было исполнено;[209] каждый остался довольнымъ и считалъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. Наконецъ, въ январѣ 1598 года Ѳеодоръ скончался (нѣкоторые думаютъ, что Борисъ былъ виновникомъ его смерти). Тогда честолюбецъ еще дѣятельнѣе прежняго началъ домогаться короны, но такъ скрытно, что только самые смѣтливые это замѣтили, не дерзая однакожъ сопротивляться. Казалось, онъ хотѣлъ единственно возвести на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Ѳеодора, вопреки государственнымъ законамъ, въ слѣдствіе которыхъ овдовѣвшая царица или великая княгиня удаляется въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія супруга.[210] Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ее, по совѣту сестры его, въ государственной думѣ, куда всякой воленъ приходить въ продолженіе междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи царскаго титула; долго не соглашался на просьбу и говорилъ избиравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдами и что она останется въ томъ же состояніи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ государѣ, былъ ея правителемъ, пока Русскіе, по зрѣломъ разсужденіи, изберутъ другаго царя. Впрочемъ справедливо, что Борисъ, управляя державою при Ѳеодорѣ, устранялъ отъ нея бѣдствія, обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, имъ построенныхъ, и заключилъ дружбу со всѣми сосѣдами. Посему онъ требовалъ притворно созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, чтобы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствію. Между тѣмъ, какъ въ исполненіи того долженство-

вало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженіи Татарскаго хана въ Россію съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону. Борисъ увѣрялъ, что пріемлетъ ее противъ воли, что многіе изъ благороднѣйшихъ поколѣній имѣютъ справедливое право на царское достоинство, что и безъ вѣнца онъ любилъ бы гражданъ, какъ отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердіемъ, но что, видя и желаніе народа, и согласіе вельможъ, онъ готовъ принять тягостное бремя, только не прежде, какъ отразивъ невѣрныхъ, идущихъ опустошать государство съ стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдамъ. Тогда провозгласили его царемъ.

Поспѣшая исполнить свое обѣщаніе, Борисъ собралъ войско на берегахъ Оки, близъ Серпухова, въ 90 верстахъ отъ столицы, тамъ, гдѣ обыкновенно вторгаются Татары; и по удаленіи сестры своей, царицы, въ Дѣвичій монастырь, въ 3 верстахъ отъ Москвы, самъ прибылъ въ Серпуховъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, для обозрѣнія войска. По словамъ какъ иностранцевъ, такъ и Русскихъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣхотныхъ и конныхъ простиралось до 500,000; говорю еще меньшее число: Россія никогда не была въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости сего показанія, разскажу послѣ, какимъ образомъ Русское правительство собираетъ столько людей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто непріятельской рати, явился ханскій посолъ, съ сотнею лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, по Татарскому обычаю, овчинами, для какого-то мирнаго предложенія; о чемъ Борисъ хорошо зналъ и прежде. Миролюбіе хана весьма его прославило: показавъ Татарамъ всѣ Русскія силы, послѣ многократной пальбы изъ пушекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ посла нѣсколько разъ между орудіями и наконецъ отправилъ его съ

великими дарами; потомъ растустивъ ратныхъ людей по домамъ, возвратился въ Москву съ пышнымъ торжествомъ. Носилась молва, что Татаринъ, услышавъ о силахъ Русскихъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 сентября, т. е. въ первый день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ, какъ Русскіе приняли христіанскую вѣру отъ епископа Константинопольскаго. Они слѣдуютъ Греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду троекратно, во имя Отца, Сына и св. Духа; потомъ священникъ надѣваетъ на шею младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ въ знаменіе крещенія: крестъ носятъ до самой смерти. Они признаютъ св. Троицу, но тѣмъ не менѣе различаются отъ насъ, исповѣдуя, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, но только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ. Образовъ у нихъ много; всѣ они вообще живописные, кромѣ одного только Распятія изваяннаго. Говорятъ, что въ Россіи хранится икона св. Дѣвы Маріи, писанная собственною рукою евангелиста Луки.[211] Главный Русскій патронъ св. Николай. Въ число святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они включаютъ много другихъ угодниковъ; но кромѣ Богородицы, не признаютъ ни одной святой.[212] Есть патріархъ, котораго достоинство учреждено при Іоаннѣ Васильевичѣ патріархомъ Константинопольскимъ.[213] Если не ошибаюсь, въ Россіи 5 архіепископовъ, кромѣ многихъ епископовъ и игумновъ. Одни священники, и притомъ женатые, совершаютъ таинства; по смерти своихъ женъ, болѣе не священнодѣйствуютъ;[214] когда не вступятъ въ бракъ вторично, постригаются въ монахи. Иноки безбрачны такъ же, какъ патріархъ, епископы и игумны: почему не могутъ ни пріобщать св. Таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ св. Дары отъ священниковъ. Пріобщаются подъ обоими видами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные, послѣ исповѣди на ухо, обыкновенно однажды въ годъ. Вдовый священникъ, сочетавшись бракомъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Русскіе считаютъ истинно крещеными только тѣхъ, которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ католиковъ

*

увольняютъ отъ втораго крещенія. Тщательно наблюдаютъ праздники, даже и субботу наравнѣ съ воскресеньемъ, хотя и въ самые великіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ полудня, если требуетъ необходимость. Постятся по средамъ и пятницамъ и сверхъ того держатъ въ году четыре поста, именно: Великій постъ, о которомъ будемъ говорить ниже, два поста по 15 дней каждый, и одинъ предъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается спустя восемь дней послѣ праздника св. Николая; наблюдаютъ же ихъ такъ строго, какъ только возможно, не вкушая ни яйцъ, ни другой пищи, доставляемой животными. Они имѣютъ св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на Славянскомъ; очень уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ;[215] а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ ветхаго или новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во единаго. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ Латинскій; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. Русскія буквы большею частію Греческія; книги всѣ почти рукописныя, кромѣ немногихъ печатныхъ экземпляровъ ветхаго и новаго Завѣта, привезенныхъ изъ Польши: ибо не болѣе 10 или 12 лѣтъ, какъ Русскіе узнали искусство книгопечатанія,[216] да и теперь еще рукописныя книги болѣе уважаютъ, нежели печатныя. Дважды въ году освящаютъ рѣки и воду; послѣ освященія, царь и вельможи обыкновенно погружаются въ воду: я самъ видалъ, какъ для того прорубали ледъ и какъ царь прыгалъ въ прорубь.[217] Въ Вербное воскресенье патріархъ ѣздитъ на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ, такъ что кромѣ глазъ ничего не видно, и привязываютъ ей большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимомъ, оттуда въ храмъ Богоматери. Во время шествія, назначенные люди снимаютъ съ

себя одежду и разстилаютъ ее по дорогѣ, слѣдуя впереди святителей.[218] Въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однакожъ не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское. Это считается очень богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выти за другаго мужа. Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ Русскую церковь. Патріархъ, епископы, игумны назначаются царемъ. Обыкновенныя дѣла церковныя патріархъ рѣшаетъ самъ; о важнѣйшихъ же случаяхъ докладываетъ государю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее монастырь, и потомъ жениться до третьяго раза.

Всѣ иностранцы могутъ исповѣдовать свою религію всенародно, исключая Римскихъ католиковъ; Евреи же нетерпимы со времемъ Іоанна Васильевича Мучителя.[219] Этотъ государь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ связавъ имъ руки и ноги, вывелъ ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься во имя Бога Отца, Сына и св. Духа, царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду. Тотъ же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 40 до нашего времени, завоевавъ большую часть Ливоніи и переселивъ въ Россію жителей Дерпта и Нарвы, пожаловалъ плѣннымъ Ливонцамъ, послѣдователямъ Лютера, двѣ божницы въ Москвѣ, дозволивъ имъ свободно исполнять обряды религіи; но въ послѣдствіи, за дерзость и тщеславіе ихъ, повелѣлъ эти церкви разрушить, домы разграбить, а Ливонцевъ, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу, оставивъ ихъ, въ чемъ матъ родила. Впрочемъ Ливонцы сами виноваты: забывъ минувшее несчастіе, потерявъ отечество и имущество, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ государя самовластнаго, они, вмѣсто смиренія по причинѣ такихъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высокомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались прин-

цами и принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила тафтяное платье, хотя ничего болѣе не имѣла. Эти Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; причемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100: кажется невѣроятно, тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказывать свою гордость и высокомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія. Почему царь приказалъ отвести имъ мѣсто за городомъ, гдѣ они выстроили домы и одну церковь, не имѣя дозволенія жить въ столицѣ. — Подъ властію Русскихъ находятся даже Татары, Турки, Персіяне, Мордва и другіе народы магометанскіе, исповѣдающіе свободно свою вѣру, не говоря о Сибирякахъ, Лапландцахъ и другихъ племенахъ, которыя не слѣдуютъ ни христіанскому, ни магометанскому закону, и покланяются разнымъ животнымъ, какъ имъ угодно, не претерпѣвая притѣсненій въ своихъ обрядахъ.

Мертвыхъ Русскіе погребаютъ до истеченія 24 часовъ, не исключая ни царя, ни раба, такъ, что умершаго утромъ, вечеромъ уже хоронятъ. Усопшаго обыкновенно оплакиваютъ нанятыя женщины, взывая къ нему: *Зачѣмъ ты умеръ? развѣ царь тебя не жаловалъ? развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей, или не имѣлъ ты жены честной?* Если же умираетъ женщина, приговариваютъ: *Развѣ ты не имѣла добраго мужа?* и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ новую рубаху, чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей, которые послѣ погребенія плачутъ на могилѣ, съ жалобными воплями. Въ концѣ шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ напитки, яства, и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними стонами, ѣдятъ принесенныя

кушанья, раздавая остатки ихъ нищимъ. Такъ поступаетъ простой народъ; въ случаѣ же смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ вопросы, или нанимаютъ для того женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Такіе пиры бываютъ ежегодно по одному разу, въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, трауръ оканчивается, и вдова можетъ снова вытти замужъ.

Великій постъ наблюдаютъ Русскіе слѣдующимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю предъ нимъ, или на Масляницѣ, они мяса не ѣдятъ, а употребляютъ въ пищу сыръ, яйца, молоко, масло; посѣщаютъ одинъ другаго, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили другъ друга словомъ или дѣломъ; встрѣчаясь даже на улицѣ, хотя бы никогда прежде не видались, привѣтствуютъ взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебя проститъ!* отвѣчаетъ другой. При томъ должно замѣтить, что не только въ это время, но и всегда, какъ мужчины, такъ и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь, или встрѣчаются послѣ долговременной разлуки. По окончаніи Масляницы, идутъ въ баню; въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ дома, или весьма рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не болѣе трехъ разъ, не употребляя ни мяса, ни рыбы, и довольствуясь только медомъ и овощами. Въ слѣдующую недѣлю являются на улицахъ, но весьма просто одѣтые, какъ будто въ траурѣ; въ остальное время поста, кромѣ послѣднихъ 7 дней, ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, но безъ масла и молока; по средамъ же и пятницамъ только соленую и овощи. На послѣдней недѣлѣ постятся такъ же строго, какъ и на первой, или еще строже: тогда обыкновенно пріобщаются св. Таинъ.

По окончаніи поста, наступаетъ Пасха: тутъ начинаются опять посѣщенія, какъ на Масляницѣ; Русскіе подносятъ другъ другу красныя яйца, приговаривая одинъ: *Христосъ воскресе!* другой: *воистину воскресе!* Причемъ размѣнявшись яйцами,

цѣлуются, въ знакъ радости о воскресеніи Господнемъ. Царь наблюдаетъ этотъ обычай такимъ образомъ: какъ въ послѣдній день Масляницы, такъ и на другой день по Пасхѣ, онъ дозволяетъ каждому лобызать свою руку, а въ слѣдующій день, когда отправляется въ церковь, бояре и извѣстные государю сановники подходятъ къ нему и также цѣлуютъ ему руку: онъ раздастъ поздравляющимъ по одному, по два и по три яйца, смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ это время народъ цѣлые 15 дней пируетъ безпрерывно.

При Русскихъ церквахъ находится множество колоколовъ. Хотя Русскіе, по видимому, различаются этимъ отъ Грековъ, которые вовсе ихъ не употребляютъ, что доказываютъ единовѣрцы ихъ Валахи, Молдаване, Ретійцы и другіе народы; но колокольный звонъ дозволяется Греческою религіею; Греки же не смѣютъ звонить потому, что состоятъ подъ властію Турковъ, которымъ алкоранъ запрещаетъ держать колокола въ мечетяхъ. Впрочемъ католики, протестанты и аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстить, когда Стефанъ Баторій, бывшій королемъ Польскимъ, и послѣ него Сигизмундъ управляли ею въ зависимости отъ султана; Греки же и тогда не имѣли колоколовъ. [220]

Всѣ пути изъ Россіи въ другія земли охраняются такъ строго, что безъ царскаго дозволенія не возможно изъ нея выѣхать, и въ наше время съ оружіемъ никто изъ государства не могъ удалиться: я былъ первый. Русскіе, воюя съ Польшею, не рѣшаются имѣть въ дѣйствующей арміи Поляковъ, имъ подвластныхъ, которыхъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая такъ же и съ прочими единоземцами, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали и не предались непріятелю: Русскій народъ самый недовѣрчивый и подозрительный въ мірѣ.

Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иваньгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля (на предѣлахъ Подоліи). Москва городъ обширный; среди его течетъ рѣка, гораздо шире нашей

Сены; весь городъ обнесенъ деревянною оградою, въ окружности, какъ я думаю, болѣе Парижской; внутри его находится другая стѣна, въ половину менѣе первой, не простираясь однакожъ за рѣку; потомъ выведена изъ кирпича еще третья, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василіи Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ Италіянцемъ.[221] Въ ней много церквей каменныхъ, изъ которыхъ четыре покрыты золоченою мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые очень часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество; самыя улицы вымощены досками.

Высшее дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ; оно состоитъ изъ князей, думныхъ бояръ, т. е. членовъ государственнаго совѣта, окольничихъ или маршаловъ, дворянъ думныхъ и Московскихъ; послѣдніе обыкновенно опредѣляются въ правители городовъ. Число членовъ государственной Думы закономъ не ограничено: царь назначаетъ въ нее, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ, собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія духовенства, и приглашаютъ въ Думу патріарха, съ нѣкоторыми епископами; но въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другаго закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечемъ, невиннаго и виновнаго. Владѣтель Россіи, по моему мнѣнію, есть самый неограниченный изъ всѣхъ извѣстныхъ вѣнценосцевъ: каждый Русскій, знатный и незнатный, самые царскіе братья называютъ себя *холопами государевыми*. Въ Думѣ еще присутствуютъ два думные дьяка, то есть секретари, а не канцлеры, какъ толкуютъ Русскіе. Одинъ изъ нихъ завѣдываетъ дѣлами посольскими и внѣшними; другой же военнымъ управленіемъ; отъ послѣдняго зависятъ воеводы, намѣстники и другіе

сановники; но стрѣльцы (лучшая пѣхота) состоятъ въ особенномъ вѣдомствѣ.

Сверхъ того, въ каждой области находится членъ Думы, или окольничій, который, вмѣстѣ съ однимъ дьякомъ, рѣшаетъ споры, возникающіе между царскими подданными. Должно замѣтить, что никто изъ судей, или сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: если обвинятъ судью или собственные слуги, или подарившіе (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и, возвративъ дары, подвергается *правежу* (о чемъ будемъ говорить послѣ), для заплаты въ пеню, по назначенію государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячъ рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. Но виновнаго дьяка, не слишкомъ любимаго государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т. е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, чтобы прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ взятки не истребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ судьѣ и кладетъ дары предъ его иконами, которыя въ простомъ народѣ называются *Богомъ*, а въ высшемъ кругу *Образомъ*. Къ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ очень большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и царь о томъ узнаетъ, судьи не освобождаются отъ наказанія. Въ продолженіе восьми дней послѣ Пасхи, имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными яйцами, принимать малоцѣнныя вещи; но запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе, и судья подвергается взысканію, если челобитчикъ докажетъ, что онъ получилъ подарокъ за какое либо дѣло. Впрочемъ въ продолженіе того времени, доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же судьи и чиновники должны

довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ государя. На рѣшеніе суда жаловаться не дозволено. Всѣ жители самыхъ отдаленныхъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ Москву; въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ губные старосты; на нихъ можно просить въ столицѣ. Второстепенные сановники также отыскиваютъ и заключаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и, по окончаніи слѣдствія, доносятъ въ Москву назначенд.ля такихъ дѣлъ высшему вѣдомству, *Розбойному приказу*. Во всей Россіи никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго Московскаго совѣта. По Русскимъ законамъ, каждый подаетъ жалобу и въ судѣ оправдываетъ себя или самъ, или посредствомъ родственника, или служителя: въ Россіи неизвѣстны стряпчіе или адвокаты. Всѣ споры, исключая самыхъ очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая для того цѣлуетъ крестъ въ церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что всадники, находящіеся въ царской службѣ, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ; но въ вѣрности государю сами клянутся. Должника, неуплатившаго или казнѣ, или частному лицу, какой либо суммы, хотя самой незначительной, по бѣдности, или по упорству, выводятъ на *правежъ*, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ, въ рабочіе дни, особенные люди, именуемые Недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ тростью, или прутомъ, отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я нерѣдко видалъ, что наказанныхъ на правежѣ отвозили домой на телѣгахъ. Правежъ прекращается по заплатѣ всего долга: всадники царской службы изъяты отъ этого наказанія, имѣя право выставить за себя одного изъ своихъ людей.[224]

Дворяне, т. е. такіе люди, которымъ дается отъ казны жалованье и помѣстья, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца, и отправляются во дворецъ (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ

въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ литургію отъ 7 до 8 часовъ (т. е. съ 11 до полудня). По выходѣ государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Эти господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пѣшкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболѣе уважаетъ, называя его *дородный человѣкъ*. Дворяне одѣваются обыкновенно очень просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.

Благородныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же царица прогуливается, нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ ка клобуки епископскіе, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ носятъ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыковенно изъ алой матеріи, или изъ тонкаго краснаго сукна; на это платье надѣваютъ другое, изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ Парижскихъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы, черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую боярами при посольскихъ пріемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и очень длинныя серги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные, или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ, какъ сапоги Польскіе или Венгерскіе. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя,

румянятся и бѣлятся, но очень грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ: имѣя отдѣльныя комнаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію, мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самый женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты: получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ, или друзей, посмотрѣть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Тогда только женихъ можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее ведутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, какъ Ревекку при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ бываетъ закутана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ себѣ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ, по обычаю Евреевъ и Турковъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія священника, или монаха. Супруги наблюдаютъ это всякій разъ послѣ наслажденія. Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за него, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ.[225]

Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ: каждый изъ нихъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наслѣдниками своего перваго господина. Этотъ обычай Русскіе заимствовали у древнихъ народовъ; да и во многихъ случаяхъ они подражаютъ древнимъ, напримѣръ: всѣ вѣдо-

мости, записки и просьбы свертываютъ свитками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ, по нашему обыкновенію. Такъ поступали и древніе. У Евреевъ былъ тотъ же обычай, какъ свидѣтельствуетъ пророкъ Іезекіиль въ главѣ 3.[226] Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: самъ царь, приглашая пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хльба псть со мною.* Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается словомъ: *ты забылъ мою хльбъ-соль.* Когда царь отправляется въ дорогу, или вступаетъ на престолъ, или женится, или присутствуетъ на крестинахъ, подданные всегда подносятъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью. Желая изъявить почтеніе, Русскіе снимаютъ шапку и кланяются, только не кладутъ руки на голову или на грудь, по обычаю Турковъ, Персовъ и другихъ магометанъ; но опускаютъ ее до земли, или менѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, садясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ Русскихъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи; а простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ очень неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Источники доходовъ государственныхъ слѣдующіе: вопервыхъ царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или

Дворцомъ,[227] подъ главнымъ надзоромъ дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ дьяковъ; во-вторыхъ подати, взимаемыя со всего государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянные доходы.[228] За этими вѣдомствами наблюдаетъ *Большой приходъ*, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ одредѣляемые. Кромѣ отчины, собственный доходъ государя состоитъ: въ подушныхъ деньгахъ, платимыхъ вообще всѣми, какъ городскими, такъ и сельскими, жителями, не исключая и наслѣдственныхъ помѣстьевъ царскихъ родственниковъ; въ налогахъ и пошлинахъ съ товаровъ всякаго рода; въ сборѣ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ и пиво (такими напитками дозволено въ въ городахъ и селахъ торговать однимъ откупщикамъ); въ мягкой рухляди, воскѣ и другихъ произведеніяхъ, особенно же въ потребностяхъ жизненныхъ: хлѣбѣ, винѣ, медѣ, дичи, скотѣ, птицахъ, плодахъ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, для стола необходимыхъ. Впрочемъ съ жителей, хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, и притомъ по очень высокой цѣнѣ, напримѣръ, съ *выти* или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ которыхъ на каждой можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20, смотря по качеству почвы;[229] а какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ 12 су: то ежегодный сборъ простирается на великую сумму. И потому въ *Дворцѣ* хранится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, которыми онъ завѣдываетъ. Нѣкоторыя же изъ 5 Четей, напримѣръ, Казанская и Новая,[230] сберегаютъ, за всѣми расходами на пенсіи и жалованье войску, до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ приходѣ, въ который поступаютъ особенные налоги, взимаемые по царскому повелѣнію со всего государства, и другіе случайные источники,

напримѣръ, отъ продажи имѣнія разныхъ особъ, наказываемыхъ за проступки. Далѣе, есть еще особенное вѣдомство, называемое *Казною:*[231] она завѣдываетъ мягкою рухлядью, воскомъ и пошлиною за печать (съ каждой бумаги берутъ по четверти рубля); Казна платитъ за всѣ товары, покупаемые для государя. Сверхъ того, каждое областное вѣдомство въ концѣ года присылаетъ значительную сумму: царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, въ судѣ рѣшаемыхъ. Есть еще два особенныя вѣдомства, которыя имѣютъ свои доходы: *Помѣстный приказъ*, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстьевъ, принадлежавшихъ опальнымъ, пока государь не отдастъ ихъ кому либо другому. *Конюшенный приказъ* имѣетъ также многіе случайные источники: со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ ему, за совершаемую при куплѣ запись, около 20 су, чтобы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Этому приказу доставляетъ еще большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи Татарами Нагайскими: царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятаго, за прочихъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, сообразно взаимному ихъ условію, по 5 копѣекъ на рубль.[232] Выбираемыя для царя лошади, обыкновенно молодыя или жеребята, по прошествіи 2 или 3 лѣтъ, продаются на большую сумму: я видалъ до 40,000 вдругъ такихъ лошадей. Нагаи приводятъ ихъ ежегодно два и три раза, въ большемъ или меньшемъ числѣ, такъ что въ этомъ случаѣ нельзя сказать навѣрное о царскомъ доходѣ.

Не взирая на столь разнообразные налоги, Россія государство очень богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопляя ихъ, Русскіе платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, икрою (которой очень много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями; хлѣба же не смѣютъ выво-

зить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе его. Сверхъ того, Русскіе промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ царь серебромъ платитъ тогда, когда сумма не превышаетъ 4 или 5,000 рублей; обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. Онъ имѣетъ свое неприкосновенное сокровище, ежегодно болѣе или менѣе увеличиваемое. *Росходная казна*, покрывая чрезвычайныя издержки, наполнена въ великомъ количествѣ всякими драгоцѣнными издѣліями, преимущественно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ той Казнѣ до пятидесяти царскихъ платьевъ, вышитыхъ вмѣсто позумента драгоцѣнными узорами; видѣлъ одежды, унизанныя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ полдюжины покрывалъ, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тамъ же хранятся очень дорогіе каменья, ежегодно покупаемые, исключая даримыхъ послами; четыре короны, изъ которыхъ три царскія и одна старинная великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину: ни царицы, ни великія княгини по Русскому обычаю не коронуются); два скиптра и двѣ державы золотыя: я видѣлъ эти вещи, имѣвъ честь неоднократно провожать Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ заключаются сокровища. По мнѣнію Русскихъ, платья, драгоцѣнные каменья, парча, серебро, все зависитъ отъ Казны. Въ ней находятся двѣ цѣльныя кости единорога, царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину съ придѣланною рукояткою, и половина единороговой кости, употреблямой ежедневно въ лекарство.[233] Я видѣлъ еще другой посохъ золотой, внутри нѣсколько пустой для уменьшенія тяжести; очень много золотыхъ блюдъ, бокаловъ разной виличины, и несмѣтное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о количествѣ ея можно судить изъ слѣдующаго

примѣра: когда Борисъ Ѳеодоровичъ, по восшествіи на престолъ, собралъ войско въ Серпуховѣ, данъ былъ пиръ, который продолжался цѣлыя шесть недѣль, и каждый день угощали на серебряной посудѣ, подъ шатрами, 10,000 человѣкъ, по свидѣтельству очевидцевъ. Я видѣлъ въ Казнѣ съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: одна изъ такихъ бочекъ величиною почти съ пол-мюи,[234] другія менѣе; видѣлъ множество оченъ огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза съ большими серебряными ковшами, которыми гости сами черпаютъ напитки; иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за царскими столами. Вся эта посуда Русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари Нѣмецкой, Англійской, Польской, поднесенной царю иноземными послами, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею Персидскою, Турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ требуется ихъ великое количество: кто ни служитъ государю, получаетъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, кусокъ бархата, камки, атласа, на кафтанъ. Тѣми же издѣліями царь награждаетъ какъ военныя, такъ и гражданскія заслуги. Пословъ Татарскихъ, Крымскихъ, Нагайскихъ и другихъ Азіятскихъ народовъ, вмѣстѣ съ чиновниками ихъ свиты, равнымъ образомъ дарятъ шелковыми матеріями, каждаго по достоинству. Посему для наполненія Казны, купечество, какъ иностранное, такъ и Русское, обязано предъявлять въ нее всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, ихъ которыхъ выбираются нѣкоторыя для государя. Если же купецъ скроетъ или продастъ что либо изъ своего товара, даже на 10 или 12 экю, прежде осмотра въ Казнѣ, лишается всего остальнаго, хотя бы

заплатилъ пошлину и другія подати.[235] Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, очень мягкаго; впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ.

Русская ходячая монета состоитъ: изъ *денегъ или копѣекъ*, цѣною около 16 денаріевъ Турнскихъ, изъ *московокъ* въ 8 денаріевъ, и *полушекъ* въ 4 денарія. Всѣ эти монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, считая рублями, (изъ которыхъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ 12 су), пол-рублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алтынами (3 деньги, или 4 су).[236] Другой монеты въ Россіи не чеканятъ. Но купцы иноземные привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, которые Русскіе принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ, или 36 денегъ, т. е. 48 су; но отъ передѣла въ Русскую монету съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ вѣсомъ въ 40 су даетъ уже 42 деньги.[237] Эти же купцы привозятъ множество червонцевъ: Русскіе покупаютъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары, часто съ великою прибылью: я видалъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и пол-рубля; обыкновенная же имъ цѣна отъ 18 до 21 алтына. Столь непомѣрная дороговизна червонцевъ бываетъ во время царскаго коронованія, или брака, также при крестинахъ: тогда подносятъ государю какіе нибудь подарки; а простолюдины цѣлыми обществами приходятъ съ богатыми дарами, въ числѣ которыхъ находятся обыкновенно червонцы, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: въ продолженіе Святой недѣли, Русскіе, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яйцами подносятъ вельможамъ и своимъ покровителямъ какія нибудь драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, или червонцы. Этотъ праздникъ

*

единственное въ году время, когда сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшую въ Россіи степень занимаетъ *конюшій боярин*ъ; за нимъ слѣдуетъ *аптечный боярин*ъ,[238] главный начальникъ медиковъ и аптекарей; потомъ *дворецкій* и наконецъ *крайчій:* эти четыре сановника главные въ думѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: стольниковъ, чашниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и проч.[239] Царскую гвардію составляютъ 10,000 стрѣльцовъ: они живутъ въ Москвѣ и находятся подъ начальствомъ одного генерала, раздѣляясь на приказы, т. е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротою завѣдываетъ *голова*, по нашему капитанъ; сотнею *сотникъ*, а десяткомъ *десятникъ*, по нашему капралъ; нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ. Каждый капитанъ, смотря по заслугамъ, получаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей ежегодно, да земли въ такой же соразмѣрности отъ трехъ и четырехъ до пяти сотъ четвертей. (Словомъ четверть я всегда означаю особенную мѣру земли, или арпанъ). Многіе изъ сотниковъ, владѣя землею, получаютъ окладныхъ отъ 12 до 20 рублей: десятники до 10 рублей, а стрѣльцы по 4 и 5 рублей ежегодно; сверхъ того, каждому дается 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть стрѣльцовъ слѣдуетъ за нимъ на коняхъ изъ царской конюшни; коней даютъ имъ и тогда, когда посылаютъ ихъ на войну, или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которые готовятъ имъ пищу, и для каждаго десятка по одной телѣгѣ съ провіантомъ. Кромѣ дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, каждый городъ по возможности присылаетъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, именуемыхъ *выборными дворянами:* по прошествіи трехъ лѣтъ, они смѣняются другими. Такимъ образомъ царь собираетъ многочисленную кавалерію, такъ, что рѣдко выѣзжаетъ безъ 18 или 20,000 всад-

никовъ: тогда всѣ люди, служащіе при Дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за государемъ. Многіе изъ дворянъ по очереди проводятъ цѣлыя ночи во дворцѣ безъ всякаго оружія. Если надобно принять какого нибудь посла съ особеннымъ отличіемъ, стрѣльцы становятся рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ, или каменныхъ воротъ до посольскаго двора; сверхъ того являются Московскіе дворяне и главнѣйшіе купцы въ очень дорогихъ одеждахъ, которыхъ великолѣпіе сообразуется съ степенью уваженія посланнику. Для такихъ случаевъ каждый дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда они получаютъ изъ Казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани персидской, съ высокою шапкою чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ *цвѣтное платье*,[240] изъ обьяри, камлота, или краснаго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, покрывая голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ *чистыя платья*,[241] т. е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, смотря по чести, оказываемой посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на выстрѣлъ изъ лука, а иногда на четверть льё, тамъ, гдѣ подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для въѣзда въ городъ, дворяне провожаютъ его до посольскаго двора, предъ которымъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить въ него, кромѣ назначенныхъ особъ. Никто изъ посольской свиты не можетъ прогуливаться по городу безъ особенныхъ проводниковъ, которые наблюдаютъ, куда пойдетъ чужеземецъ, что будетъ дѣлать и говорить. На границу также посылаютъ приставовъ для продовольствія пословъ; и не только послы, но и всѣ иностранцы, желающіе служить Россійскому государю, снабжаются и въ Москвѣ, и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣми необходимыми жизненными потребностями какъ сами, такъ и лошади ихъ (это называется *кормомъ*). Содержаніе увеличиваютъ, или уменьшаютъ по повелѣнію царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцомъ.

Приступая къ описанію войска, прежде всего скажемъ о *воеводахъ*, или генералахъ: въ случаѣ войны, царь возводитъ въ это достоинство думныхъ бояръ и окольничихъ; въ мирное же время даетъ званіе воеводъ думнымъ и Московскимъ дворянамъ и посылаетъ ихъ на южные предѣлы, для отраженія набѣга Татарскихъ отрядовъ, которые нерѣдко опустошаютъ Русскія поля и уводятъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ и болѣе. Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло близь другаго города; лѣвое крыло, главное войско и аррьергардъ; всѣ эти отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ;[242] но воеводы, по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, и конница, и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ капитановъ; но при нихъ нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только воеводы имѣютъ свое особенное знамя, съ ликомъ святаго, освященное патріархомъ; держатъ его два или три человѣка; сверхъ того, за ними возятъ на лошадяхъ около 10 и 12 *набатовъ*, или мѣдныхъ барабановъ, столько же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаты только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки; а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ знакъ слѣзать съ коней или садиться на нихъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большой части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣ-

тивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ тото, что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища; тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ Русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующемъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. На степяхъ растетъ высокая трава, въ которой самыхъ лошадей бываетъ не видно: Русскіе зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ, выше упомянутымъ, Русскіе столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятельскихъ, Русскіе отступаютъ къ какой нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ очень ловокъ и проворенъ: забавляя Русскихъ перестрѣлкою 20 или 30,000 всадниковъ, въ то

же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ другими дорогами опустошать царскія владѣнія. Эти отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не обременяютъ себя другою добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзжанныя и послушныя. Эти наѣздники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ одной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлъ и сабли, другаго оружія не знаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ, Татары поспѣшно удаляются, хотя Русскіе, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать ихъ, нежели вредить имъ; если отрядъ Русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать, рѣшится преслѣдовать Татарскихъ наѣздниковъ, они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ; да и тѣ сходствуютъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Посему Татары обыкновенно возвращаются восвояси безъ большаго урона, если только Русскіе не успѣютъ пресѣчь имъ пути на переправахъ чрезъ рѣки, или не займутъ проходовъ въ лѣсу, гдѣ могутъ напасть на непріятеля. Но это рѣдко случается.

Въ конницѣ главная сила Русской арміи; она состоитъ изъ дворянъ Московскихъ, выборныхъ, городовыхъ, дѣтей боярскихъ и сыновей боярскихъ.[243] Отряды называются по имени городовъ, въ округѣ которыхъ дворяне имѣютъ свои помѣстья; нѣкоторые города, напримѣръ Смоленскъ, Новгородъ и другіе, выставляютъ отъ 300 и 400 до 800 и 1200 всадниковъ. Подобныхъ городовъ очень много. Вступая въ службу, каждый дворянинъ обязанъ

привести съ собою по одному всаднику и одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; разумѣю время необходимое: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается невѣроятное множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе Русскихъ сановниковъ слѣдующее: члены совѣта получаютъ отъ 500 до 1200 рублей (оклада, производимаго князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіе четырехъ государей); окольничіе отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при мнѣ ихъ было до 15 человѣкъ); думные дворяне, которыхъ болѣе шести не бываетъ, отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1200 четвертей; Московскіе дворяне отъ 20 до 100 рублей и земли отъ 500 до 1000 четвертей; выборные дворяне отъ 8 до 15 рублей; городовые дворяне отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются ежегодно, а земля назначается однажды; владѣльцы ея обязаны выставлять двухъ человѣкъ съ каждыхъ 100 четвертей, какъ выше сказано. Дѣтямъ боярскимъ и сыновьямъ боярскимъ производится жалованье по 4, 5 и 6 рублей, одинъ разъ въ теченіе шести и семи лѣтъ; земли же имъ даютъ по 100 и 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: смотрятъ только за тѣмъ, чтобы опредѣленное число всегда было полно.

Главнѣйшіе изъ дворянъ обязаны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, и приводить служителей хорошо вооруженныхъ; другіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. Такимъ образомъ царь собираетъ многочисленное войско изъ ратниковъ, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, часто болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяютъ до 20,000 всадниковъ Казанскихъ и Черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Татарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 Черкасовъ, до 2,500 Нѣмцевъ, Поляковъ и

Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей). Наконецъ патріархъ, епископы, игумны и другіе духовные владѣльцы помѣстьевъ высылаютъ *людей даточныхъ*, а именно: со 100 четвертей одного всадника и одного пѣхотинца; въ случаѣ надобности святители даютъ, вмѣсто ратниковъ, военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи, стрѣльцовъ и разныхъ сановниковъ. Такова Русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся наиболѣе изъ Татаріи Нагайской: ихъ называютъ *конями;* онѣ роста средняго, весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ; но если слишкомъ утомятся и выбьются изъ силъ, то потребно 4 или 5 мѣсяцевъ для ихъ поправленія; имѣя весьма дикій нравъ, онѣ пугаются ружейнаго выстрѣла; обыкновенно бываютъ неподкованы, также, какъ и Русскія; многія овса не ѣдятъ вовсе и пріучаются къ нему исподоволь, ежели хозяинъ намѣренъ кормить имъ. Сверхъ того, Русскіе покупаютъ изрѣдка жеребцовъ Черкасскихъ,[244] которые очень красивы, но въ продолжительной ѣздѣ не столь крѣпки и быстры, какъ Нагайскіе кони; есть лошади Турецкія и Польскія, между которыми попадаются хорошія; ихъ называютъ аргамаками; всѣ аргамаки вообще мерины. У Нагайцевъ бываютъ иногда небольшія, очень красивыя лошадки бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры или леопарды, будто бы разрисованныя. Лошади Русскія называются *меринами:*[245] онѣ малорослы, но крѣпки, особенно изъ окрестностей Вологды, и гораздо понятливѣе Нагайскихъ. Татарская лошадь, или Русская, очень красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужитъ долѣе аргамака, цѣною въ 50, 60 и 100 рублей. Въ Россіи лошади чаще хвораютъ, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, именуемой марица.[246] Это гной, накопляющійся въ груди животнаго. Если не истребятъ его немедленно, онъ бросается въ ноги, и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ знакѣ болѣзни, тотчасъ разсѣкаетъ кожу на груди почти между ногъ, вкладываетъ

въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесною корою и натертой варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три ежедневно, до сильнаго пота, часто передвигая веревку; дня черезъ три или четыре, гной созрѣетъ и вытечетъ изъ раны. По прошествіи 15 дней, или 3 недѣль, веревку вынимаютъ и рана закрывается, лошадь же послѣ сего дѣлается совершенно здоровою. Въ предупрежденіе этой болѣзни, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, лишь только растаетъ ледъ, и держатъ ихъ въ водѣ по самую шею, часъ или два, до тѣхъ поръ, когда онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Это повторяется около 15 дней сряду; послѣ чего, онѣ становятся бодрыми и живыми. Сверхъ того, лошади Татарскія и Русскія бываютъ очень одышливы, употребляются въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ, и служатъ до 20-ти. Я видалъ впрочемъ лошадей 24 и 30 лѣтъ, по наружности не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ въ Россіи попадаются очень хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ сказано, состоитъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 стрѣльцовъ; въ городахъ же пограничныхъ содержатъ ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: одни оберегаютъ зимою города Заокскіе, не имѣя постоянныхъ жилищъ и получая отъ казны стрѣлецкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе владѣютъ помѣстьями и стоятъ въ извѣстныхъ городахъ на стражѣ безсмѣнно; изъ нихъ не болѣе 5 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе, нежели вся Русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать, какъ хотятъ; временемъ, могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ по-

рохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они всегда первые приводятъ Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій дворъ узнаетъ замыслы непріятеля. Тому, кто возметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья, 40 куницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Эти казаки въ случаѣ надобности, по царскому повелѣнію, оставляютъ свои жилища и въ числѣ 10,000 усиливаютъ Русскую армію. (Впрочемъ Днѣпровскіе безпрестанно грабятъ Подолію). Къ нимъ присоединяютъ людей даточныхъ, со ста четвертей по одному человѣку, поселянъ, болѣе способныхъ управлять сохою, чѣмъ оружіемъ, хотя по виду похожихъ на казаковъ: тѣ и другіе носятъ узкіе кафтаны, съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Одни изъ этихъ ратниковъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ казаками, имѣютъ ружья, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же, находясь въ распоряженіи своихъ владѣльцевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиною, удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Сверхъ того, въ случаѣ необходимости, купцы выставляютъ людей отъ себя, сколько могутъ: иной трехъ, другой четырехъ, болѣе или менѣе.

Когда казаки приведутъ плѣнниковъ, что̀ случается обыкновенно въ началѣ Великаго поста, и Дворъ свѣдаетъ, собирается ли Татаринъ, тогда, судя по вѣстямъ, Русское правительство разсылаетъ повелѣнія по всему государству, чтобы, до растаянія снѣговъ, военные люди отправляли на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ города, близъ которыхъ опредѣлено ожидать непріятеля. Провіантъ Русской арміи составляютъ *сухари*, т. е. хлѣбъ изрѣзанный въ мелкіе кусочки и высушенный въ печкѣ; *крупа* ячная, просяная, а наиболѣе овсяная;[247] *толокно*, т. е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и

здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ, истертый въ муку: его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсяною мукою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли. Безъ подножнаго корма, Русскіе рѣдко выходятъ въ поле воевать съ Татарами, наблюдая тоже правило въ войнѣ и съ прочими врагами, если только не бываетъ нечаяннаго вторженія. Для содержанія войска царь болѣе ничего не тратитъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, исключая наградъ за какія нибудь заслуги, напримѣръ: кто приведетъ плѣнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану, или отличится другимъ образомъ, тому даютъ деньги, смотря по заслугѣ, кусокъ парчи или другой шелковой матеріи на платье.

Русскіе цари имѣютъ сношеніе съ императоромъ Римскимъ, королями Англійскимъ, Датскимъ и шахомъ Персидскимъ; прежде они были въ союзѣ съ королями Польскимъ и Шведскимъ; но теперь съ ними дружны только по виду, не довѣряя одинъ другому и ожидая войны съ часа на часъ. Между Россіею и Турціею, въ теченіе 40 лѣтъ, были только два взаимныя посольства съ тѣхъ поръ, какъ Турки сняли осаду Астрахани, которую думали завоевать при помощи Нагайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесовъ, т. е. жителей Георгіи; [248] и хотя царь не воюетъ теперь съ султаномъ, однако между ними нѣтъ ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, какъ будто они еще болѣе отдалены другъ отъ друга. Въ теченіе этого времени, Русскій государь велъ войну только съ Крымскими Татарами и съ Пятигорскими Черкесами, за то, что построилъ на ихъ землѣ четыре или пять городовъ и крѣпостей, изъ которыхъ главные Терки и Самара. [249] Въ 1605 году Черкесы взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ предѣламъ, при помощи Турковъ; но дѣло было не важное. Эти наѣздники очень ловки и отважны; имѣютъ коней превосходныхъ, большею частію жеребцовъ; вооружаются легкими

латами изъ крѣпкой стали и копьями или дротиками. Они могли бы очень много вредить Россіи, хотя отдѣляются отъ нея Волгою, обитая между Каспійскимъ и Чернымъ морями, еслибъ были столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣды.

Возвратимся къ Борису Ѳеодоровичу. Принявъ царскую корону 1 сентября 1598 года, онъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во дворцѣ, рѣдко показывался народу, и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ вѣнценосцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкою людей подозрительныхъ, заставлялъ бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ себѣ вельможъ, съ своимъ домомъ. Въ Москвѣ осталось не болѣе пяти или шести знатныхъ поколѣній, съ которыми онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семейство Мстиславскаго. Одна изъ сестеръ этого боярина была въ замужствѣ за царемъ Симеономъ, [250] другая же оставалась дѣвицею: Борисъ приказалъ ее, противъ воли, постричь въ монахини, а Мстиславскому запретилъ жениться. Былъ еще родъ Шуйскихъ, состоявшій изъ трехъ братьевъ. Желая сблизиться съ этимъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, именемъ Дмитрія, сестру своей супруги, а старшему не дозволилъ и думать о бракѣ: то былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, нынѣшній государь Московскій. Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединясь узами родства, не вздумали сопротивляться ему; съ тою же мыслію удалилъ въ ссылку царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, день который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, царь обрадовалъ

заточеннаго Симеона надеждою скораго освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго: Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; царь Симеонъ слѣпъ и теперь. Я слышалъ о томъ изъ собственныхъ устъ его.

Во второй годъ своего правленія, Борисъ успѣлъ заманить въ Россію Густава, сына короля Шведскаго Эрика, низложеннаго съ престола роднымъ братомъ Іоанномъ, королемъ Шведскимъ, въ надеждѣ сочетать съ принцемъ собственную дочь, если бы нашелъ его сообразнымъ съ своими видами. Густавъ принятъ былъ очень великолѣпно и получилъ драгоцѣнные дары отъ государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ,всякаго рода мягкую рухлядь и 10,000 рублей деньгами, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами. Вшествіе принца въ Москву было царское. Но онъ худо себя велъ; его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличъ, мѣсто убіенія мнимаго Димитрія Іоанновича, гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ, онъ могъ имѣть до 4,000 рублей дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибылъ изъ Польши великій посолъ Левъ Сапѣга, нынѣ канцлеръ Литовскій, заключившій миръ на 20 лѣтъ; онъ долго противъ воли жилъ въ Москвѣ, т. е. съ августа мѣсяца до конца великаго поста 1601 года, по случаю Борисовой болѣзни. Принимая отпускную граммату, Сапѣга цѣловалъ царскую руку. Въ этотъ день Борисъ явился въ пріемной палатѣ на царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скиптромъ въ десницѣ; держава лежала предъ нимъ; сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; члены совѣта и окольничіе занимали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ, въ одеждѣ изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ шапкахъ черныхъ лисьихъ; по обѣимъ сторонамъ государя стояли по два молодыхъ боярина, одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ

на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя огромными золотыми цѣпями, висящими на груди крестообразно:[251] каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ Дамасской стали, поднятыя на плечо, какъ бы для удара; — величіе неизъяснимое! Пространная палата, гдѣ проходятъ послы, наполнена лавками, на которыхъ сидятъ другіе дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья: иначе нельзя явиться во дворецъ. Во время шествія посла, они сидятъ неподвижно, наблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ принимаются послы обыкновенно. Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи царя, вмѣстѣ съ своею свитою до 300 человѣкъ. Всѣ они были угощаемы на золотой посудѣ, которой очень много: разумѣю блюда; о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и упоминать: самъ царь ихъ не употребляетъ; ѣли очень хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не кушаютъ не яйцъ, ни масла, ни молока. Попивъ довольно за здравіе обоихъ вѣнценосцевъ, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

По старинному обычаю, царскіе пиры бываютъ очень роскошны: прислуживаютъ 200 или 300 дворянъ,[252] одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной Персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанными жемчугомъ; на головѣ у нихъ по двѣ шапки: одна круглая, вышитая жемчугомъ, безъ ручекъ; другая высокая изъ чернаго лисьяго мѣха; ее надѣваютъ сверху первой; а на грудь вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Число этихъ дворянъ соразмѣрно числу гостей. Они подносятъ яства государю и держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ того или другаго блюда. Пиръ бываетъ такимъ образомъ: когда царь сядетъ за столъ и послы, или другія званыя особы, также займутъ свои мѣста, дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ царскому столу, дѣлаютъ низкій поклонъ и удаляются попарно, одни за другими, въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ государю; но прежде, нежели подадутъ кушанья, раз-

ставляютъ по всѣмъ столамъ въ серебряныхъ кувшинахъ водку; ее наливаютъ въ небольшія чарки и пьютъ предъ обѣдомъ; на столахъ, кромѣ хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ болѣе ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. Между тѣмъ, какъ угощаемыя особы пьютъ водку, царь разсылаетъ каждому изъ нихъ въ особенности ломоть хлѣба, называя громко того, кому назначаетъ: тотъ встаетъ и ему подносятъ хлѣбъ, съ словами: *царь господарь и великій князь*** всея Руссіи жалуетъ тебѣ;*[253] онъ беретъ хлѣбъ съ поклономъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда царь тѣмъ же порядкомъ раздастъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаньемъ, на всѣ столы подаютъ яства въ великомъ изобиліи. За этимъ царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный виномъ Испанскимъ, съ тѣми же словами и обрядами, какъ выше сказано. Когда обѣдъ зайдетъ за половину и царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ); тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ царь посылаетъ каждому гостью третью чашу съ крѣпкимъ медомъ или красноватымъ виномъ; а по окончаніи обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ,[254] напиткомъ очень вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе жалуетъ блюдо кушанья каждому изъ пирующихъ для домашнихъ; причемъ яства, даримыя особамъ наиболѣе приближеннымъ, государь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при томъ случаѣ, такъ и въ продолженіе всего пира, повторяются тѣ же слова, о которыхъ выше упомянуто. Кромѣ гостей, царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому дворянину и вообще всѣмъ лицамъ, которые пользуются его милостію. Эти такъ называемыя *подачи* раздаются не только во время праздника, но и всякой день непремѣнно.

Если государь, послѣ торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать посла, согласно обычаю, во дворцѣ, то посылаетъ обѣдъ къ нему слѣдующимъ образомъ: знатный дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ унизанной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить послу царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошади; за ними слѣдуютъ попарно: двое стрѣльцовъ съ скатертями, сложенными свиткомъ; двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ склянкахъ; двое съ парою ножей и парою ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкою; за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый,[255] наполненныхъ разными винами, наиболѣе крѣпкими, Испанскимъ, Канарскимъ и другими; послѣ того, столько же огромныхъ бокаловъ Нѣмецкой работы. Далѣе кушанья: холодное (подаваемое сначала), горячее, жареное и пирожное, все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ до 18 или 20 огромныхъ оловянниковъ[256] съ медомъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ по два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 10, каждый съ пятью или шестью большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ стрѣльцы, очень опрятно одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые вышеписаннымъ порядкомъ несли кушанья и напитки для одного обѣда; видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.

Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 рублей, т. е. до 20 ливровъ. Въ три года случались злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей и съѣдала ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій посту-

покъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою. Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 человѣкъ; ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ, иждивеніемъ государя, повелѣвшаго выдавать даже саваны для погребенія. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ, т. е. около 7 денаріевъ. Услышавъ о такой щедрости государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, не смотря на то, что въ каждый большой праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т. е. вдвое: посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути. Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано. Голодъ очень уменьшилъ силы и доходы государственные.

*

Въ началѣ августа 1602 года, посѣтилъ Россію герцогъ Іоаннъ, братъ Христіерна, короля Датскаго, съ намѣреніемъ жениться на царской дочери. Онъ принятъ былъ съ великими почестями, по Русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человѣкъ, а почетная стража состояла изъ 24 стрѣльцовъ и 24 алебардщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, герцогъ представлялся въ Золотой палатѣ государю, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ царевичемъ Ѳеодоромъ. По окончаніи аудіенціи, гость обѣдалъ вмѣстѣ съ его величествомъ; случай безпримѣрный: по Русскимъ обычаямъ, никто, кромѣ государевыхъ сыновей, не можетъ сидѣть за царскимъ столомъ. Послѣ угощенія, герцогъ, щедро одаренный, удалился въ назначенный ему домъ. Дней чрезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ отъ неумѣренности, и вскорѣ умеръ. Царь посѣтилъ его трижды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, что несогласно съ Русскою вѣрою, Борисъ велѣлъ схоронить его въ Нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ; все дворянство провождало гробъ и присутствовало на похоронахъ. Три недѣли царь и вельможи носили трауръ. Чрезъ нѣсколько времени скончалась сестра его, вдова царя Ѳеодора Іоанновича; она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ недовѣрчивость и подозрѣніе безпрестанно тревожили Бориса: онъ удалялъ неоднократно Шуйскихъ, наиболѣе для него опасныхъ, хотя одинъ изъ нихъ женатъ былъ на царской свояченицѣ; пыталъ многихъ людей невинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользовать вельможъ, безъ именнаго приказанія государя (во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ царскихъ). Наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ,[257] Борисъ занимался ежедневно только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на

своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, чтобы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ ея монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ очень немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ; но тайно терзалъ очень многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашелъ отрады.

Въ 1604 году обнаружилось то, чего онъ столько опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, убіенный, какъ думали, въ городѣ Угличѣ, отъ Подольскихъ предѣловъ вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Ему покорились одна за другою крѣпости Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Кромы, Карачевъ и многія другія, послѣ кратковременнаго сопротивленія; со стороны же Татаріи Царевъ-городъ, Борисовъ-городъ, Ливны и другія мѣста. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Воевода оборонялся такъ упорно, что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ. Между тѣмъ, царское войско 15 декабря верстъ на десять приблизилось къ его отряду. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главный вождь Борисовъ, ожидалъ еще подкрѣпленія; но 20 числа дѣло завязалось. Послѣ двухъ или трехъ часовъ битвы, непріятели разошлись безъ важнаго урона; только Димитрій при этомъ случаѣ упустилъ изъ рукъ побѣду, отъ явной неопытности своихъ капитановъ въ военномъ искусствѣ: во время схватки, три Польскіе отряда бросились на одинъ Русскій батальонъ такъ стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на

главный корпусъ; вся царская рать поколебалась и въ смятеніи обратила врагамъ тылъ; уцѣлѣло одно лѣвое крыло. Если бы въ эту минуту другіе 100 всадниковъ ударили во флангъ, или въ другой батальонъ, уже полуразстроенный, нѣтъ сомнѣнія, что четыре Польскіе отряда разбили бы все Русское войско. Главный вождь Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову, и дружина стрѣльцовъ едва спасла его отъ плѣна. Казалось, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Послѣ битвы, оба войска ничего не дѣлали до Рождества Христова; царскіе воеводы послали въ Москву нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ капитана Польской кавалеріи, Домараскаго.

28 декабря Димитрій Іоанновичъ снялъ осаду Новагорода, не имѣя надежды взять его, и удалился въ страну Сѣверскую, очень плодородную, гдѣ Поляки большею частью его оставили. Не теряя бодрости, онъ собралъ воиновъ, сколько могъ, Русскихъ, Польскихъ, казаковъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, которыхъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Борисъ, имѣя запасное войско близь Кромъ, усиливалъ ежедневно главную рать свою, которая преслѣдовала Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣла охоты къ сраженію: цѣлый мѣсяцъ блуждала по лѣсамъ и дубравамъ, и наконецъ снова приблизилась къ отряду непріятельскому. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на него врасплохъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей и Русскіе изготовились къ битвѣ. На разсвѣтѣ 21 января 1605 года войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ это, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но предводитель дру-

жины Польской не оробѣлъ: панъ или пропалъ! думалъ онъ и съ десяткомъ хоругвій бросился на правое крыло Русскихъ съ такою яростью, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно разбѣжалось, и между тѣмъ, какъ главная рать царская стояла неподвижно, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи, Полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть Русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля очень близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей и такъ встрѣтила Поляковъ, что объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Прочіе Поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, понеслись во весь духъ къ деревнѣ; увидѣвъ же своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ, спѣшили удалиться, но уже поздно: ихъ преслѣдовали 5 или 6,000 всадниковъ, на пространствѣ 7 или 8 верстъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ плѣнныхъ. Изъ числа послѣднихъ измѣнившіе Борису были повѣшены среди войска; а прочихъ, вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами, торжественно водили по столицѣ.[258]

Димитрій съ остальными силами удалился въ Путивль, гдѣ оставался до мая мѣсяца; полководцы же Борисовы осаждали Рыльскъ, покорившійся Димитрію; но въ 15 дней ничего не сдѣлавъ, сняли осаду и хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, очень утомленное. Борисъ, свѣдавъ о томъ, строго запретилъ увольнять воиновъ. И такъ, послѣ кратковременнаго отдохновенія въ Сѣверской землѣ, Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный ему въ товарищи, двинулись къ другой рати, которая, услышавъ о пораженіи Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились при томъ городѣ, и занимались дѣлами, достойными одного смѣха, до самой кончины Бориса Ѳеодоровича, умершаго апоплексіею въ субботу, 23 апрѣля того же года.

Прежде продолженія нашей повѣсти, замѣтимъ, что Русскіе

вовсе не терпятъ поединковъ, во-первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествія; во-вторыхъ потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое *безчестіемъ*. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ *батожьемъ*, т. е. обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями, толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: стой! Иногда уличенный въ оскорбленіи другаго платитъ обиженному окладъ, получаемый тѣмъ послѣднимъ отъ государя, и сверхъ того женѣ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, слѣдовательно всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За иныя обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и, взыскавъ означенную пеню, отправляютъ въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другаго, вызвавшаго или вызваннаго, все равно, тотъ наказывается, какъ преступникъ уголовный, и ни чѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же это случится, при чемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ Русскіе, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которые одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Такой обычай наблюдаютъ очень тщательно не только мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя дворянство: за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. Справедливо и

то, что Русскіе не любятъ придираться къ словамъ: они очень просты въ обхожденіи и всякому говорятъ *ты*; а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что либо сомнительное, или несправедливое, то вмѣсто словъ: *ваше миѣніе* или *извините*, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали наотрѣзъ: *ты лжешь*. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, Русскіе отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за двадцать или за тридцать.[259]

По смерти Бориса, вдовствующая государыня и Ѳеодоръ Борисовичъ, сынъ умершаго, немедленно отозвали князей Мстиславскаго и Шуйскаго, поручивъ главное начальство надъ войскомъ, еще невѣдавшимъ о кончинѣ государя, Петру Ѳедоровичу Басманову. Этотъ воевода, начальствовавшій въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, во время осады крѣпости Димитріемъ, прибылъ въ армію съ товарищемъ, 27 апрѣля, привелъ воиновъ къ присягѣ въ вѣрности и повиновеніи Ѳеодору Борисовичу. Новый царь ласковыми грамматами убѣждалъ ихъ служить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его Борису Ѳеодоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 мая князь Василій Ивановичъ Голицынъ и Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, со многими иными, передались Димитрію Іоанновичу, связавъ двухъ другихъ воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочіе воеводы и воины обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ всѣ орудія и снаряды въ окопахъ. Города и крѣпости ежедневно покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля, съ шестью отрядами Польской кавалеріи, числомъ до 600 всадниковъ, съ нѣсколькими казаками Донскими и Днѣпровскими и малымъ числомъ Русскихъ. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ или на три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою; другихъ же отправилъ къ столицѣ съ повелѣніемъ пресѣчь подвозъ

съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамматы къ дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Божіимъ и царскимъ гнѣвомъ строптивымъ и мятежнымъ. Народъ, получивъ одну изъ такихъ грамматъ, собрался на площади предъ дворцемъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ граммату всенародно, Москвитяне съ воплями ворвались во дворецъ, заключили царицу, вдову Борисову, съ ея сыномъ и дочерью, взяли подъ стражу Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, ближайшихъ родственниковъ, и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Тулѣ за 160 верстъ отъ Москвы, когда получилъ извѣстіе о волненіи Москвитянъ. Онъ отправилъ князя Василія Голицына для приведенія ихъ къ присягѣ; между тѣмъ, всѣ вельможи стремились къ нему на встрѣчу до самой Тулы. 20 іюня погибла вдовствующая царица съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ. Носилась молва, что они сами приняли ядъ; но думаютъ, что ихъ задушили. Къ дочери Борисовой приставили стражу, родственниковъ ея сослали въ разныя мѣста; а тѣло Бориса Ѳеодоровича, по просьбѣ вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора, гдѣ погребаются государи, и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 іюня, Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Приказавъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти государыню, свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 верстъ, онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города: поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, а царь и бояре провождали ее пѣшкомъ до самаго дворца; здѣсь она жила до того времени, какъ изготовили ей монастырь, въ которомъ погребена супруга царя Ѳеодора Іоанновича, сестра Борисова. Въ послѣдній день іюля, Димитрій

короновался, безъ пышныхъ обрядовъ: только вся дорога отъ дворца до церкви Богоматери и Архангельскаго собора, была устлана по червленной ткани Персидскою парчею.[260] Когда государь прибылъ въ храмъ Богоматери, патріархъ, ожидавшій его со всѣмъ духовенствомъ, совершилъ божественную службу съ разными обрядами; потомъ принесли изъ казны корону, скипетръ и державу, и все это вручили Димитрію. По выходѣ отсюда въ Архангельскій соборъ, бросали на дорогу золотыя монеты, цѣною въ пол-экю, въ экю и въ два экю, нарочно приготовленныя для того случая (въ Россіи вовсе не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился въ дворецъ, гдѣ былъ столъ, доступный всякому, кто могъ за нимъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Чрезъ нѣсколько времени, въ присутствіи выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій, князя Василія Шуйскаго судили, и признали виновнымъ въ оскорбленіи величества. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора, Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе, по ходатайству царской матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ;[261] преступника наказали только, вмѣстѣ съ братьями, ссылкою; но онъ вскорѣ былъ призванъ ко двору. Никогда Димитрій не поступалъ такъ неблагоразумно, какъ въ томъ случаѣ: помиловавъ Шуйскаго, онъ погубилъ самого себя.

Въ то же время царь отправилъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева, для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ воеводою Сендомирскимъ: Димитрій далъ слово жениться на его дочери, въ благодарность за содѣйствіе при завоеваніи государства, какъ скоро, съ помощію Божіею, онъ вступитъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій велъ сватовство столь удачно, что въ Краковѣ совершилось торжественное обрученіе, въ присутствіи самого короля Польскаго. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ иноземную стражу изъ

сотни стрѣлковъ, охранявшихъ особу его, подъ моимъ начальствомъ, и двухъ сотенъ алебардщиковъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи.[262] Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Борисово заключать брачныхъ союзовъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ царской матери, которая два дня сряду пировала на свадьбахъ; Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею, также изъ рода Нагихъ;[263] свадьбѣ его надлежало быть чрезъ мѣсяцъ послѣ царской. Только и слышно было о пирахъ и бракахъ; всѣ радовались и веселились. Димитрій мало по малу давалъ чувствовать Русскимъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ царицу, мать свою. Государь иногда, казалось, слишкомъ ласково обходился съ вельможами, которые воспитывались и выростали въ такомъ униженіи и страхѣ, что при царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія; впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственныя государю; весьма былъ разуменъ и столько смышленъ, что среди членовъ своего совѣта казался учителемъ среди школьниковъ. Не взирая на то, открылись тайные замыслы: схваченъ былъ одинъ дьякъ или секретарь; его пытали въ присутствіи Петра Ѳедоровича Басманова, главнаго любимца Димитріева, но не могли исторгнуть у него признанія и открыть начальника заговора, — Василія Шуйскаго, какъ свѣдали послѣ. Дьяка того сослали.[264]

Между тѣмъ въ предѣлы Россіи вступила царская невѣста съ своимъ отцемъ, братомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими вельможами. 20 апрѣля Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, бояринъ, доселѣ очень любимый государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту князя Василія Шуйскаго, во время ихъ спора о жареной тѣлятинѣ, поданной на столъ, вопреки Русскимъ обычаямъ. Въ день Пасхи Татищевъ получилъ прощеніе, по ходатайству Петра Ѳедо-

ровича Басманова, хотя всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій, государь впрочемъ неподозрительный, что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло: никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было ошибкою столь же важною, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ апрѣля, Димитрій получилъ извѣстіе о волненіи казаковъ, собравшихся до 4,000 между Казанью и Астраханью. Всѣ вообще казаки, о которыхъ мы доселѣ говорили, сражаются пѣшіе: ихъ не должно смѣшивать съ тѣми наѣздниками, которые, подъ именемъ казаковъ, обитая въ Подоліи и Чермной Россіи, подъ властію короля Польскаго, нерѣдко воюютъ въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и другихъ земляхъ. Казаки, упоминаемые въ нашемъ сочиненіи, какъ одѣяніемъ, такъ и вооруженіемъ, искони сходствуютъ съ Татарами и только съ недавняго времени употребляютъ ружья, обороняясь единственно саблями. Свирѣпствуя по Волгѣ, они распустили молву, что съ ними находится юный принцъ, именемъ царь Петръ, истинный сынъ (по ихъ словамъ) царя Ѳеодора Іоанновича и сестры Бориса Ѳеодоровича, родившійся около 1588 года и тайно подмѣненный дѣвочкою (умершею на 3 году, какъ выше сказано). Если бы казаки говорили правду, то царю Петру было 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ тѣмъ предлогомъ вольнѣе грабить царскія области, по неудовольствію на Димитрія, недавшаго имъ такой награды, какой они желали. Впрочемъ государь послалъ къ самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Ѳеодора Іоанновича, то пожаловалъ бы въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ приказаніе; если же онъ обманщикъ, то удалился бы отъ Русскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, какъ гонцы скакали къ нему и отъ него, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ; впрочемъ до моего отъѣзда изъ Россіи, казаки взяли и разграбили три Волжскія крѣпости, захватили нѣсколько орудій и военныхъ снарядовъ, наконецъ

разсѣялись: сильнѣйшая толпа удалилась въ Татарскія степи; другіе овладѣли крѣпостью на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцовъ, отправлявшихъ въ Астрахань свои товары, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ хорошіе окупы. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что казаки смирились.

Димитріева невѣста торжественно вступила въ Москву 12 мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде Русскіе не видывали: ея колесницу везли 10 Ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь сходныя одна съ другою, что нельзя было различить ихъ. Ее провождали Польскіе всадники, богато одѣтые, на лихихъ коняхъ, и отрядъ гайдуковъ, назначенныхъ въ тѣлохранители. Въ свитѣ находились многіе вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ, гдѣ обитала мать государева, и жила тамъ до 17 мая, когда заняла во дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована, съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Ее вели подъ руки справа посолъ короля Польскаго, каштелянъ Малаговскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуйскій. Въ праздникѣ этого дня участвовали одни Русскіе. 19 мая совершилось брачное торжество, въ присутствіи всѣхъ Поляковъ, исключая посла, который былъ недоволенъ тѣмъ, что царь не хотѣлъ посадить его за своимъ столомъ. Хотя, по Русскимъ обычаямъ, никакой посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ государемъ; однакожъ Малаговскій не переставалъ твердить Димитрію, что король Польскій удостоилъ Русскаго посла чести сидѣть при обрученіи за столомъ королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаговскій пировалъ во дворцѣ за особымъ столомъ, подлѣ царскаго.

Въ то время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, воеводою Сендомирскимъ, и секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣ-

которыхъ людей подъ стражу; впрочемъ, казалось, не очень вѣрилъ извѣту. Наконецъ 27 мая (по новому стилю, какъ и въ прочихъ мѣстахъ этого сочиненія: Русскіе слѣдуютъ старому), когда менѣе всего помышляли объ опасности, насталъ пагубный день для царя Димитрія Іоанновича: въ 6 часовъ утра его умертвили безчеловѣчно, побивъ въ то же время, какъ полагаютъ, 1705 Поляковъ, разсѣянныхъ по домамъ въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. Заговорщиками начальствовалъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ былъ убитъ въ сѣняхъ предъ царскими покоями: первый ударъ нанесъ ему тотъ самый Татищевъ, которому онъ недавно исходатайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые стрѣльцы изъ числа тѣлохранителей. Царица, Димитріева супруга, ея отецъ, братъ, зять и всѣ спасшіеся отъ яростной черни были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ. А Димитрія, мертваго, нагаго, убійцы влекли мимо жилища его матери, на площадь народную, гдѣ Василій Шуйскій долженствовалъ потерять голову; тамъ положили трупъ его на столѣ длиною въ аршинъ, такъ что съ одного конца висѣла голова, а съ другаго ноги; тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Въ такомъ положеніи они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія государемъ начальника заговора, Василія Ивановича Шуйскаго. Хотя Русскій престолъ не избирательный, но какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого отъ царской крови не осталось, то Шуйскій получилъ корону чрезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳеодоровичу. Новый царь приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь по убіеніи государя, насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ на поляхъ, деревья, даже траву луговую. Для прекращенія бѣдствія, доселѣ неслыханнаго, по челобитью приверженцевъ Шуйскаго, тѣло Димитрія чрезъ нѣсколько дней вырыли изъ могилы, сожгли и обратили въ прахъ. Но ропотъ со всѣхъ сторонъ раздавался: одни плакали, другіе стонали, немногіе

веселились. Въ думѣ, въ народѣ, во всемъ государствѣ возникли раздоры и новыя измѣны; въ областяхъ свирѣпствовали мятежи, и долго было неизвѣстно, чѣмъ они кончатся. Польскаго посла держали въ тѣсномъ заключеніи; всѣхъ, получившихъ отъ покойнаго какую либо милость, сослали. Наконецъ вдовствующую царицу, супругу Димитрія, крѣпко стерегли въ домѣ отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими Польками.

Желая прекратить волненіе умовъ и ропотъ народный, царь Василій Шуйскій послалъ брата своего Дмитрія, Михайла Татищева и другихъ клевретовъ въ Угличъ, съ повелѣніемъ открыть тѣло или кости убіеннаго лѣтъ за 17, по ихъ мнѣнію, истиннаго Димитрія, сына Іоанна Васильевича. Посланные обрѣли (по ихъ словамъ) тѣло невредимое, въ одеждѣ столь свѣжей, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платьѣ, какое находилось на убитомъ), даже самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ царевича, оказались совершенно цѣлыми. Вынутое изъ могилы, оно творило, по ихъ извѣстію, многія чудеса какъ въ Угличѣ, такъ и на пути къ столицѣ. При торжественномъ внесеніи въ Москву, его провождали патріархъ, духовенство, со всѣми мощами, царь Василій Шуйскій, царица, мать Димитрія, и все дворянство. Шуйскій повелѣлъ объявить убіеннаго Святымъ, но не успокоилъ народа и двукратно едва не былъ сверженъ съ престола, не смотря на то, что 20 іюня короновался.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ Поляковъ, особенно служителей, царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ особъ, въ надеждѣ принудить короля Польскаго къ миролюбію; воеводу же Сендомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнію, и дочь его, царицу, отправилъ въ Угличъ,[265] приказавъ держать ихъ подъ стражею.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Мучителемъ, погибъ на 25 году; роста онъ былъ средняго, вовсе безъ бороды, крѣпкаго, сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа, подъ правымъ

глазомъ; имѣя умъ быстрый и проницательный, душу добрую, милосердую, характеръ очень вспыльчивый, но только на минуту, онъ пылалъ честолюбіемъ, уважалъ людей съ душею благородною и хотѣлъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ августа 1606 года онъ думалъ послать во Францію на Англійскомъ кораблѣ секретаря своего, въ намѣреніи привѣтствовать короля Французскаго и съ нимъ познакомиться: Димитрій часто разговаривалъ со мною о его величествѣ съ великимъ уваженіемъ. Христіанство много потеряло гибелью сего государя, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю такъ потому, что я не видалъ его трупа своими глазами, бывъ тогда боленъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія; что онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ до разсвѣта о намѣреніи заговорщиковъ, велѣлъ занять свое мѣсто другому человѣку, на него похожему, а самъ скрылся изъ Москвы, не отъ страха (такъ я думаю, если только молва справедлива), — онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ, — но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ: Димитрій могъ прибѣгнуть къ столь опасному средству, для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ подданнымъ. Эта молва не умолкала до самаго отъѣзда моего изъ Россіи, 14 сентября 1606 года. Тогда я полагалъ, что ее распускали какіе нибудь новые злоумышленники, въ надеждѣ воспламенить въ народѣ ненависть къ Василію Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущенія, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. То же думаю и теперь, основываясь на доказательствахъ, ниже сего приведенныхъ. Русскіе же, увѣряя въ спасеніи Димитрія отъ смерти, разсказываютъ, что едва миновала полночь, по царскому повелѣнію взяты были изъ малой дворцовой конюшни три коня Турецкіе, которые въ послѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались; что Шуйскій, допрашивая того, кто отпустилъ коней, замучилъ виновнаго до смерти; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Димитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ царемъ,

и даже принесъ собственноручное письмо его, въ которомъ онъ, будто бы, укоряя Русскихъ въ неблагодарности, въ забвеніи его щедротъ и милосердія, угрожалъ виновнымъ продолжительною местію. Кромѣ того, на улицахъ находили неоднократно подметныя письма, въ которыхъ было сказано, что Димитрія узнавали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ августѣ же мѣсяцѣ появились вновь подобныя письма, увѣрявшія, что заговорщики обманулись и что Димитрій не замедлитъ повидаться съ ними въ первый день новаго года.

Скажу мимоходомъ, что разсказывалъ мнѣ Французскій купецъ, Бертранъ де-Кассанъ, видѣвшій на площади трупъ Димитрія: «я не думалъ», говорилъ онъ, «чтобы царь былъ съ бородою, которой прежде я не замѣтилъ (въ самомъ дѣлѣ у Димитрія ея не было); на лицѣ же убіеннаго остались ясные знаки густой бороды, уже обритой; да и волосы у него были длиннѣе, чѣмъ мнѣ казалось, когда я видѣлъ царя наканунѣ его смерти». Кромѣ того, по свидѣтельству секретаря Димитріева, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой Русскій вельможа, очень любимый и жалуемый царемъ, съ которымъ онъ много сходствовалъ, исключая только того, что имѣлъ небольшую бороду: этого господина, по словамъ Русскихъ, нигдѣ не находили, и не знали, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ разсказывалъ одинъ Французъ, поваръ воеводы Сендомирскаго, что царица, вдова Димитрія, свѣдавъ о носившейся молвѣ, удостовѣрилась въ его спасеніи, говорила, что она иначе не думаетъ, и съ тѣхъ поръ казалась веселѣе прежняго.

Чрезъ нѣсколько времени по избраніи Шуйскаго, открылся бунтъ въ пяти или шести главныхъ городахъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили воеводъ и побили часть войска; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ іюлѣ мѣсяцѣ, раскаялись и получили отъ Московскаго двора прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи царя Димитрія. Въ то же вре-

мя вельможи, негодуя на избраніе Шуйскаго государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола. Наконецъ все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 іюня.

Послѣ вѣнчанія, возникли опять тайныя козни противъ государя, въ пользу (какъ я думаю) князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, которому, при избраніи царя, многіе предлагали престолъ, и если бы всѣ чины были созваны, ему вручили бы скипетръ: онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ князь, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій. За нимъ была двоюродная сестра матери Димитріевой, изъ рода Нагихъ: и потому очень вѣроятно, что возвести Мстиславскаго на престолъ замышляли женины родственники, вопреки его собственному желанію. Главнымъ зачинщикомъ заговора былъ обвиненъ знатный бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, изъ дома Нагихъ, находившійся въ отсутствіи; его судили только по извѣту свидѣтелей, потомъ сослали и, какъ я слышалъ, на дорогѣ отравили.

Въ то же время на воротахъ многихъ вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить домы измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это повелѣніе, собрались толпы черни, пріученной къ добычѣ прежними перемѣнами и согласной, въ надеждѣ грабежа, имѣть еженедѣльно новаго государя: ее съ трудомъ усмирили. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на дворцовую площадь подъ предлогомъ, что царь желаетъ говорить съ ними. Случайно я находился тогда подлѣ государя, шедшаго къ обѣднѣ: узнавъ о созваніи народа, онъ очень удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ; между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ не нужно

*

было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что избравъ его царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте, кого хотите!» Но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: «мнѣ уже надоѣли сіи козни: то меня хотите умертвить, то вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня царемъ, я требую казни виновнымъ!» Тогда всѣ окружавшіе государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступниковъ. Между тѣмъ, народу уже велѣно было разойтись по домамъ; при чемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ дворца, или вся чернь собралась на площади, ему не миновать бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней, означенные пять человѣкъ были наказаны, по Русскому обычаю, кнутомъ всенародно и сосланы. Въ приговорѣ объявлено, что Мстиславскій, обвиняемый въ злomъ умыслѣ, оправдался, и что вся вина падаетъ на Петра Шереметева.

Василію Шуйскому угрожала новая опасность во время перенесенія въ Москву тѣла истиннаго, по его словамъ, Димитрія, умерщвленнаго за 17 лѣтъ: говорятъ, что царя хотѣли побить каменьями, когда онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ, вышелъ за городъ на встрѣчу гробу; но бояре успѣли укротить чернь прежде, чѣмъ она успѣла собраться.

Въ то же время открылся бунтъ въ княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по сказанію Русскихъ, новому государю: 7 или 8,000 человѣкъ приняли оружіе, утверждая, что Димитрій живъ; но какъ мятежники не имѣли предводителей, то ихъ разсѣяли войска, посланныя Василіемъ Шуйскимъ, въ числѣ 50 или 60,000 человѣкъ, между которыми находились и всѣ иноземные воины; о чемъ я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія

удалились въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ области Сѣверской. Говорятъ, что и этотъ городъ покорился и что виновниками смятенія были Поляки: собравшись на предѣлахъ Россіи и Подоліи, они распустили молву, что Димитрій здравствуетъ въ Польшѣ. Вотъ все, что случилось до 14 сентября 1606 года, въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія. [266]

Въ заключеніе скажу свои мысли въ отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Русскіе, повѣривъ словамъ Бориса Ѳеодоровича, государя очень тонкаго и коварнаго, также разсказамъ и другихъ непріятелей Димитрія, говорятъ, что онъ былъ обманщикъ, разстрига (т. е. монахъ, выгнанный изъ монастыря), Гришка или Григорій Отрепьевъ, и что истинный Димитрій Іоанновичъ умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ, за 17 предъ тѣмъ лѣтъ, о чемъ говорили мы выше.

Другіе же, предполагая въ себѣ болѣе проницательности, также иноземцы, знавшіе Димитрія, увѣряютъ, что онъ былъ не Русскій, а Полякъ, Трансильванецъ, или другой иноплеменникъ, избранный только орудіемъ для исполненія замысла другихъ особъ.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе, я уже объяснилъ, для чего Борисъ Ѳеодоровичъ, правившій государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ матерью, въ Угличъ. Изъ моего сочиненія очевидно всякому, что Ѳеодоръ, и по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, неопаснаго пятилѣтняго младенца, не думалъ удалять его: это сдѣлано коварнымъ Борисомъ. [267] Посему очень вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы къ избавленію младенца отъ погибели. Спасти же царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, пока настанетъ лучшее время, или разрушатся планы Бориса Ѳеодоровича. Такой цѣли они

достигли, какъ нельзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не зналъ о подлогѣ; царевичъ воспитывался тайно; по смерти же брата своего Ѳеодора, когда избрали царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти Русскую границу:[268] тамъ вступилъ онъ въ службу къ Польскому вельможѣ, Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго; наконецъ перешелъ къ сему послѣднему и открылся. Воевода представилъ его Польскому двору, гдѣ онъ получилъ нѣкоторое вспоможеніе. Изъ вышесказаннаго очевидно, что въ Угличѣ умерщвленъ былъ не царевичъ, а занявшій его мѣсто.

Русскіе называютъ Димитрія разстригою; но дѣло состоитъ въ томъ: вскорѣ по воцареніи Бориса Ѳеодоровича, одинъ монахъ, секретарь патріаршій, именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ разстригою, бѣжалъ въ Польшу: этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ Борисѣ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, чтобы это значило. Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое, разстрига и другой человѣкъ, доселѣ безъименный. Борисъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ предѣламъ государства, съ повелѣніемъ стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даже съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два государственные преступника намѣрены скрыться въ Польшѣ. На всѣхъ путяхъ къ границѣ учредили *заставы*, какъ бы отъ моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ ѣздить изъ города въ городъ.

Кромѣ того, дознано и доказано, что разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрій же вступилъ въ Россію 23 или 24-лѣтнимъ юношею и привелъ собою разстригу, котораго всякъ могъ видѣть: его братья живы и теперь, имѣя помѣстья близъ Галича. Разстрига, до побѣга изъ Россіи, слылъ негодяемъ и горькимъ пьяницею, за что Димитрій удалилъ его на 230 верстъ отъ столицы въ Ярославль. Тамъ находится домъ Англійской компаніи; одинъ изъ жившихъ въ этомъ домѣ, въ то время, когда умертвили Димитрія, сказывалъ мнѣ, что разстрига, услышавъ о смерти

царя и о восшествіи Шуйскаго на престолъ, признавалъ Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанновымъ, котораго онъ вывелъ изъ Россіи; божился, клялся въ справедливости словъ своихъ, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, разстригою, и говорилъ, что никто не можетъ этого опровергнуть. Вотъ собственное признаніе Отрепьева! И немногіе изъ Русскихъ мыслятъ иначе. Чрезъ нѣсколько времени, Василій Шуйскій, возведенный на царство, приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю. Этого довольно для отвѣта не первое возраженіе. [269]

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, именуя Димитрія Полякомъ, или Трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-Русски неправильно, осмѣивалъ Русскіе обычаи, наблюдалъ Русскую вѣру только для вида: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ Поляка.

Но если онъ былъ Полякъ, нарочно воспитанный для потрясенія Бориса, надлежало бы наконецъ узнать: кто избралъ его своимъ орудіемъ? Притомъ, для сей цѣли, безъ сомнѣнія, нельзя было употребить какого нибудь бродягу: замѣчу мимоходомъ, что изъ 500 человѣкъ не сыщется ни одинъ способный къ исполненію того, что предпринялъ двадцати трехъ-лѣтній Димитрій. И чего могли надѣяться замышлявшіе возвести на Русскій престолъ обманщика, въ то время, когда Русскіе не сомнѣвались въ убіеніи царевича, когда Борисъ Ѳеодоровичъ царствовалъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважаемый народомъ, страшный для всякаго, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, чтобы король Польскій дозволилъ помогать обманщику? А подданные, безъ его свѣдѣнія, конечно не рѣшились бы на столь важное дѣло, которое, въ случаѣ неудачи, навлекло бы долговременную, бѣдственную войну государству. Но если бы король согласился содѣйствовать коварному умыслу, то Димитрій вступилъ бы въ

Россію не съ малочисленною толпою: король послалъ бы съ нимъ какихъ нибудь знатныхъ вельможъ, для руководства, и снабдилъ бы его денежною казною: тогда Поляки не оставили бы Димитрія, отступившаго отъ Новагорода-Сѣверскаго, тѣмъ болѣе, что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15 городовъ и ежедневно усиливалъ свое войско. Говорить же, что все это предпринялъ самъ собою обманщикъ, который, назвавъ себя Димитріемъ, имѣлъ не болѣе 21 года, и для этой цѣли гораздо прежде научился Русскому языку, даже чтенію и письму, есть мнѣніе нелѣпое. Кромѣ того, что самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія предложенные при первомъ его появленіи, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно, гдѣ могъ иноплеменникъ узнать Русскій языкъ? Россія не такая свободная страна, куда всякъ воленъ приходить, учиться языку, вывѣдывать то и другое и потомъ удаляться: въ этомъ государствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ такою тайною, что очень трудно угадать истину, если не видишь ее собственными глазами. И потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы самозванецъ могъ исполнить свой замыселъ безъ содѣйствія другихъ; если же имѣлъ соучастниковъ, то они долженствовали обнаружиться или при жизни, или по смерти его. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ поступалъ бы иначе съ своими единоземцами; да и самъ воевода Сендомирскій не поспѣшилъ бы дать ему какого либо обѣщанія, не свѣдавъ обстоятельно его рода и племени. Думать, что воевода не зналъ, кто былъ его зять, вовсе невѣроятно, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Другіе говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ езуитами: но гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его Русскимъ, то надобно открыть, гдѣ именно взяли его езуиты? Они, до воцаренія Димитрія, никогда въ Россіи не являлись; немногіе пріѣзжаютъ съ послами, но за ними такъ строго смотрятъ, что имъ невозможно увезти кого либо изъ государства. Езуиты имѣли средства похитить

какого нибудь младенца только въ то время, когда Баторій, лѣтъ за 30, вторгнулся въ Россію, или когда царь воевалъ съ королемъ Шведскимъ; однакожъ вѣроятно ли, чтобы въ Россіи не осталось родственниковъ увезеннаго? Да и нельзя было воспитывать его столь тайно, чтобы кто либо изъ Поляковъ и наконецъ воевода Сендомирскій не удостовѣрились въ обманѣ. По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не вѣдать своего рода.

Если же онъ воспитывался у езуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій: но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на немъ говорить, и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его, очень нетвердою.[270] Кромѣ того, тогда онъ оказалъ бы езуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое, и то съ Польскими войсками, не имѣвшими другихъ патеровъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще: Димитрій нечисто объяснялся по-Русски; но и это несправедливо: слышавъ, какъ онъ разговаривалъ на Русскомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашелъ выраженія его столь правильными, какъ нельзя лучше; только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда Польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Димитрія, еще до пришествія его въ Москву: ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы этотъ государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ, сколь долго, съ юныхъ лѣтъ, онъ не видалъ отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то, что онъ осмѣивалъ Русскія обыкновенія и только для вида наблюдалъ обряды религіи. Это неудивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Русскихъ: народъ грубъ и необразованъ, очень невѣжливъ, лукавъ, вѣроломенъ, не уважаетъ ни законовъ, ни совѣсти, зараженъ развратомъ содомскимъ и множествомъ другихъ постыдныхъ пороковъ. Если Борисъ Ѳеодоровичъ, коренный Русскій, въ чемъ никто не будетъ

сомнѣваться, ненавидѣлъ не подданныхъ, а пороки ихъ, и произвелъ нѣкоторое преобразованіе въ обычаяхъ: могъ ли Димитрій, знавшій отчасти большой свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, сторонѣ свободной, среди знатныхъ вельможъ, довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу?

Онъ не строго наблюдалъ обряды религіи: я знаю многихъ Русскихъ, также поступавшихъ, между прочими, Посника Димитрія, который, бывъ въ Даніи посланникомъ Бориса Ѳеодоровича и узнавъ тамъ отчасти истинную религію,[271] по возвращеніи въ отечество, шутилъ явно, въ кругу пріятелей, надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Димитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ владѣлъ здравымъ смысломъ, любилъ читать св. Писаніе и, бывъ въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ, вразумившія его въ догматы религіи, принятые всѣми христіанами? Впрочемъ, я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется очень немного какъ иноземцевъ, такъ и Русскихъ, которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ этомъ случаѣ: онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать университетъ. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ не досаждалъ бы никому изъ своихъ единоземцевъ, и ни Борисъ, ни Василій Шуйскій не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скиптра, если бы съ достовѣрностію могли доказать, что Димитрій былъ иноплеменникъ.[272]

Нѣкоторые изъ Русскихъ говорятъ: кто бы ни былъ Димитрій, но воевода Сендомирскій не зналъ его истиннаго происхожденія. Если это справедливо и если Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, то вѣроятно ли, чтобы Сендомирскій столь поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже свѣдавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи Димитрія въ Москву? А рѣшившись выдать свою дочь за человѣка неизвѣстнаго, воевода, безъ сомнѣнія, присовѣтовалъ бы зятю не распускать пришедшихъ съ

нимъ Поляковъ и казаковъ, которыхъ Димитрій могъ бы удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣнія: всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу сколь можно болѣе иностранцевъ; но этого не было сдѣлано: царь оставилъ при себѣ только сотню всадниковъ. Равнымъ образомъ, Сендомирскій привелъ бы гораздо болѣе войска съ своею дочерью, и нашелъ бы средства расположить Поляковъ въ совокупности, а не разсѣялъ бы ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы на произволъ Русскихъ. Притомъ же, по совершеніи брака, когда уже носилась всеобщая молва объ измѣнахъ, Польскій вельможа заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, которыми легко можно было предупредить всѣ умыслы.

Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія долженствовали открыть истинныхъ его родителей: враги же государя были столь дѣятельны и при жизни, и по смерти его, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добраться до истины. Притомъ, чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами понравиться Русскимъ, зная довольно, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Посему онъ не привелъ бы въ Москву никого изъ своей свиты и вступилъ бы въ родство, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ нибудь Русскимъ домомъ, въ которомъ могъ найти опору, не забывъ, что Борисъ навлекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ государемъ иноземнымъ. Но Димитрій презиралъ такія средства, и его самоувѣренность доказываетъ, что онъ могъ быть сыномъ только вѣнценосца; его краснорѣчіе восхищало Русскихъ; въ немъ блистало какое-то неизъяснимое величіе, дотолѣ неизвѣстное вельможамъ Русскимъ и тѣмъ менѣе простому народу, гдѣ должны были скрываться его родители, если бы онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича.[273] Самое намѣреніе овладѣть престоломъ доказываетъ справедливость его дѣла: съ ничтожными силами, онъ идетъ въ обширную державу, никогда столь не про-

цвѣтавшую, какъ въ то время, бороться съ государемъ хитрымъ, грознымъ для подданныхъ, который былъ въ родствѣ съ главнѣйшими Русскими вельможами, изгналъ, уморилъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовался расположеніемъ всего духовенства, милостями, благодѣяніями привлекалъ сердца всего народа, находился въ дружбѣ со всѣми сосѣдами и 8 или 9 лѣтъ царствовалъ спокойно. Наконецъ, нельзя также забыть и матери Димитрія, и многихъ ея родственниковъ, которые, въ случаѣ обмана, могли бы его обнаружить.

Размышляя, сверхъ того, о положеніи Димитрія, оставленнаго почти всѣми Поляками, чему приписать довѣренность, съ которою предался онъ въ руки 8 или 9,000 Русскихъ поселянъ, еще сомнительныхъ преданностію, и рѣшился итти на встрѣчу стотысячному войску? Неудача въ битвѣ не лишаетъ его бодрости: слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля, но онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ, недавно покорившійся, не бывъ увѣренъ въ приверженности его жителей; оттуда въ Путивль, городъ обширный и богатый, и живетъ тамъ четыре мѣсяца, ни мало не измѣняя, среди несчастій, мужеству своему, не страшась Бориса, который и явно, и скрытно старался погубить его желѣзомъ, ядомъ, или поймать живаго. Увѣряя народъ ложными свидѣтельствами, что Димитрій былъ обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ однако допросить матери его всенародно, чтобы узнать истинное его происхожденіе; вмѣсто того объявилъ: что если бы онъ родился и отъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы права на корону, какъ еретикъ и незаконнорожденный,[274] т. е. сынъ отъ 7 брака (что противно обычаю); но это вовсе не идетъ къ дѣлу. Нельзя также забыть, какое милосердіе изъявлялъ онъ каждому и особенно Василію Шуйскому: сего послѣдняго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми лѣтописями и поступками предателя въ разсужденіи Бориса, что ни онъ, ни предки его никогда не служили вѣрно Русскимъ государямъ; даже всѣ приближенные

убѣждали Димитрія казнить его, какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной: говорю, что видѣлъ я своими глазами, что слышалъ своими ушами; но Димитрій его помиловалъ, хотя зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ; простилъ и другихъ недруговъ, бывъ чуждъ подозрѣнія.

Если справедливо, что Димитрій былъ самозванецъ, и что въ этомъ увѣрились не задолго до убіенія его, для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ въ обманѣ, не убивая преступника безъ отвѣта и не подвергая всего государства бѣдствіямъ раздоровъ? Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человѣкъ главныхъ заговорщиковъ? И для чего Василій Шуйскій съ единомышленниками выдумалъ клевету, въ намѣреніи сдѣлать Димитрія ненавистнымъ народу? Они торжественно читали письма, въ которыхъ было сказано, что Димитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать королю Польскому и тестю своему, воеводѣ Сендомирскому, замышлялъ раздробить государство, отправилъ сокровища въ Польшу;[275] даже назначилъ, будто бы, день (второй по смерти его, т. е. воскресенье), когда намѣренъ былъ вывести весь народъ и дворянство за городъ, подъ предлогомъ повеселить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ тайно приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ Русскихъ картечью, разграбить ихъ домы и зажечь городъ,ославъ и въ Смоленскъ подобное повелѣніе.[276] Разсѣявали много и другихъ несправедливыхъ слуховъ. Къ тому присовокупили, какъ выше сказано, что тѣло истиннаго Димитрія, чрезъ 17 лѣтъ по его убіеніи, найдено въ совершенной цѣлости; почему Шуйскій, въ надеждѣ убѣдить народъ, повелѣлъ признать его святымъ.

Въ заключеніе скажу: простая истина, изложенная удовлетворительно, могла бы сдѣлать самозванца ненавистнымъ каждому; Димитрій же, чувствуя себя виновнымъ, повѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ, противъ его особы замышляемыхъ, и

очень легко успѣлъ бы устранить ихъ. Но какъ извѣстно, что ни при жизни, ни по смерти его, не могли доказать обмана; что Борисъ, узнавъ о появленіи своего врага, терзался совѣстью и тиранствовалъ; что противники Димитрія думаютъ очень несогласно о его происхожденіи, и что самъ онъ изъявлялъ всегда рѣшительную смѣлость и другія качества, свойственныя не обманщику, а государю, соединенныя съ довѣрчивостію и самонадѣянностію: сообразивъ все вышесказанное, я убѣжденъ, что онъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича Мучителя.

Д Е - Т У.

ДЕ-ТУ.

Яковъ де-Ту, Jacques Auguste de-Thou (Thuanus), президентъ Парижскаго парламента, жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій (1553—1617), наперсникъ Генриха III, сотрудникъ Генриха IV, другъ Сюлли, Монтаня, Скалигера, принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей знаменитыхъ, которыми гордится Франція. Родившись въ бурныя времена фанатизма, онъ провелъ всю жизнь въ трудахъ непрестанныхъ: мирилъ непримиримыя партіи, предупреждалъ злые умыслы, облегчалъ страданія бѣднаго народа, водворялъ правосудіе, тамъ, гдѣ не было другаго права, кромѣ права сильнаго, другаго чувства, кромѣ слѣпаго изувѣрства. Франція въ XVI столѣтіи находилась въ такомъ положеніи, что самому добродѣтельному мужу трудно было явиться правымъ предъ судомъ потомства: ни Генрихъ IV, ни Сюлли не остались безъ упрека; но де-Ту не помрачилъ наслѣдственной славы своего рода: рѣдкій смертный соединялъ въ себѣ столь прекрасныя качества умственныя и душевныя. Познаніе свѣта и людей, пріобрѣтенное въ путешествіяхъ по Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландамъ, глубокая ученость, плодъ непрерывныхъ занятій науками, тонкій, нѣжный вкусъ, образованный чтеніемъ классическихъ писателей древности, пламенная любовь къ истинѣ, красотѣ, добродѣтели, и какое-то возвышенное чувство, какое-то неизъяснимое благородство въ дѣлахъ и мысляхъ,

которымъ плѣняютъ насъ Греки и Римляне, все соединялось въ одномъ человѣкѣ и образовало изъ него почти идеальный, величественный характеръ, едва ли не безпримѣрный въ кругу министровъ и царедворцевъ.

Довольно было бы и такихъ достоинствъ для безсмертія въ потомствѣ; но де-Ту съ славою мудраго министра, благороднѣйшаго человѣка, заслужилъ славу и великаго писателя: свидѣтель большей части достопамятныхъ событій своего времени, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, исполненный опытности, рѣшился описать ихъ для потомства, съ утѣшительною мыслію облагородить человѣчество, вселить любовь къ добродѣтели, омерзѣніе къ пороку, и на смертномъ одрѣ смѣло могъ сказать, что перомъ его руководила святая истина, недоступная ни злобѣ, ни ласкательству. Сочиненіе его, подъ заглавіемъ: *Исторія моего времени*,* содержитъ повѣствованіе о важнѣйшихъ происшествіяхъ всей Европы съ 1544 года по 1607, гражданскихъ, церковныхъ, ученыхъ. Исторію Франціи авторъ разсказываетъ отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, отчасти основываясь на государственныхъ актахъ и достовѣрныхъ извѣстіяхъ современниковъ очевидцевъ; о событіяхъ же прочихъ государствъ почерпалъ свѣдѣнія изъ архивовъ, посольскихъ донесеній, договоровъ, изъ частныхъ сочиненій печатныхъ и рукописныхъ, изъ писемъ и преданій изустныхъ; читалъ все, что только можно было читать; распрашивалъ всякаго, кто только могъ сообщить ему свѣдѣнія; не щадилъ никакихъ трудовъ для раскрытія истины; не вѣрилъ слѣпо ни показаніямъ самовидцевъ, ни собственнымъ впечатлѣніямъ; съ строгою разборчивостію, взоромъ судьи безпристрастнаго, искалъ правды, проникалъ въ самыя тайныя побужденія, и, составивъ въ

* Jacob. August. Thuani historiarum sui temporis libri CXXXVIII. Parisiis 1604—1619. Лучшее, полнѣйшее изданіе Лондонское, 1733 года, въ 7 томахъ, in fol. Лучшій Французскій переводъ напечатанъ въ Гагѣ, 1740 года, въ XI томахъ, in 4^0.

умѣ истинную, живую картину, произносилъ судъ ужасный для порока, утѣшительный для добродѣтели. Не говоримъ о слогѣ и искусствѣ повѣствованія: Цицеронъ назвалъ бы де-Ту своимъ другомъ, Тацитъ братомъ.

Обозрѣвая всю Европу, де-Ту неоднократно обращалъ взоръ и на Россію, гдѣ Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ и Димитрій Самозванецъ доставляли обильную пищу его очаровательному искусству; описавъ древнее состояніе нашего отечества до половины XVI вѣка, нравы и обычаи народа, образъ правленія, религію, онъ изобразилъ подробно царствованіе Іоанна IV, въ особенности войну Ливонскую, дѣла Годунова и Лжедимитрія, почерпая свѣдѣнія отчасти изъ писателей намъ извѣстныхъ, Герберштейна, Гваньини, Гейденштейна, Гревенбруха, Маржерета, Фидлера, отчасти изъ рукописей, доселѣ неизданныхъ, изъ записокъ Петра Патерсона Упсальскаго, жившаго въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ, изъ писемъ езуитовъ и изъ преданій изустныхъ.

Разсказывая о Россіи, де-Ту не измѣнялъ своему постоянному правилу, которымъ заслужилъ имя историка первокласнаго и которому такъ часто измѣняли бытописатели знаменитые: боготворить истину и добродѣтель. Слышать о себѣ сужденія такого историка для насъ, безъ сомнѣнія, любопытно; но онъ имѣетъ и другое право на наше вниманіе: отъ него узнаемъ многіе случаи, только ему извѣстные. Не бывъ никогда въ Россіи, де-Ту успѣлъ однако получить о ней свѣдѣнія, большею частію достовѣрныя, отъ самовидцевъ, въ особенности отъ Петра Патерсона и Маржерета, который, возвратясь во Францію въ 1606 году, сообщилъ ему многія подробности о Самозванцѣ, не упомянувъ объ нихъ въ своихъ запискахъ.

Желая дополнить любопытное сочиненіе Маржерета, я перевелъ съ Латинскаго языка, на которомъ писалъ де-Ту, изъ 135 главы его Исторіи, сказанія о Годуновѣ и Лжедимитріи, не касаясь извѣстій объ Іоаннѣ Грозномъ и древнемъ состояніи Россіи, не согласныхъ съ цѣлію моего предпріятія издать сочиненія о *Ди-*

*

митріи Самозванцъ. Впрочемъ все, что ни говоритъ безсмертный историкъ Франціи о нашемъ отечествѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, если не всегда достовѣрностію, по крайней мѣрѣ неподражаемымъ искусствомъ повѣствованія, которое можетъ служить намъ урокомъ.

СКАЗАНІЯ

ДЕ-ТУ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

СКАЗАНІЯ ДЕ-ТУ.

ИСТОЧНИКИ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ АВТОРЪ ПОЧЕРПАЛЪ СВѢДѢНІЯ:

Рукописное донесеніе Петра Патерсона Упсальскаго. Герардъ Гревенбрухъ. Письма езуитовъ. Записки Якова Маржерета. Сочиненіе Константина Фидлера. [277]

Достопамятное событіе потрясло въ 1605 году Московское государство и на нѣсколько лѣтъ оставило обильную пищу внутреннимъ неустройствамъ, которыя въ послѣдствіи колебали державу, объемлющую сѣверныя страны Европы и Азіи. Много разныхъ бѣдствій испытала она предъ началомъ всеобщаго волненія: никогда въ сѣверной Европѣ не было столь лютаго глада, столь губительной язвы, какъ за два года до войны, воспламененной въ Россіи Димитріемъ; тогда находили матерей, готовыхъ сожрать своихъ малютокъ, и съ трудомъ удерживали ихъ отъ такого злодѣйства. Мясомъ сыновей, убитыхъ голодомъ, питались родители вездѣ, безнаказанно, послѣ того, какъ они переѣли всѣхъ кошекъ, крысъ и другихъ нечистыхъ животныхъ. Голодъ разорвалъ всѣ узы любви, погасилъ всѣ чувства природы и благопристойности. За мѣру пшеницы, стоившую не болѣе 12 су, платили 19 талеровъ. Но уже не хлѣбъ, мясо человѣческое лежало на рынкахъ; туда свозили трупы кто только могъ: родные продавали родныхъ, отцы и матери сыновей и дочерей, мужья своихъ женъ. [278]

Многіе думали, что Богъ каралъ такими бѣдствіями тиранство

Бориса Годунова; другіе же, устремляя взоръ въ будущее, видѣли въ нихъ предзнаменованіе того злополучія, которое грозило погубить цвѣтущую державу Московскую, опасную всѣмъ сосѣдамъ, предавъ ее въ жертву десятилѣтнимъ неустройствамъ и нашествіямъ иноплеменниковъ, доколѣ не успокоилась она подъ властью нынѣ царствующаго государя, Михаила Ѳеодоровича.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, Борисъ, при помощи искуснаго притворства, или коварства, овладѣлъ престоломъ. Кромѣ Ѳеодора, принца слабоумнаго и изувѣрнаго, болѣе способнаго, по словамъ собственнаго отца его, трезвонить на колокольнѣ, чѣмъ править кормиломъ государства, Іоаннъ имѣлъ еще другаго сына отъ благородной дѣвицы, именемъ Димитрія: онъ родился за два года до смерти отца, то есть въ 1582 году, и воспитывался за 100 миль отъ столицы, въ городѣ Угличѣ. Еще при жизни Ѳеодора неограниченный самовластитель, Борисъ, обозрѣвая всѣ преграды преступнымъ замысламъ своимъ, вскорѣ убѣдился, что безсиліе Ѳеодора будетъ ему безполезно, если смерть Димитрія не лишитъ царскаго поколѣнія всей надежды господствовать въ Россіи. Въ слѣдствіе того, онъ рѣшился погубить царевича; подкупилъ окружавшихъ его и устроилъ ковъ слѣдующимъ образомъ: въ Россіи очень часто случаются пожары, отъ того, что всѣ строенія тамъ деревянныя; какъ скоро покажется огонь, звонятъ въ большой колоколъ и народъ спѣшитъ загасить пламя: въ такихъ случаяхъ царевичъ обыкновенно выходилъ изъ своихъ покоевъ; Борисъ принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца, и закололи.

Быстро разнеслась молва по всему городу о смерти царевича: народъ пересталъ гасить огонь, бросился ко дворцу, прекратилъ жалобные вопли и предалъ смерти встрѣчавшихся служителей, чтобы местью отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, и всю вину въ гибели царевича возложить на дворцовую стражу; но тщетно: Борисъ, желая очистить себя отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ,

поступилъ съ жителями Углича очень безчеловѣчно: богатѣйшихъ гражданъ казнилъ мучительною смертью; иныхъ предалъ безчестнымъ пыткамъ и страданіямъ, подъ предлогомъ открыть истинныхъ виновниковъ Димитріевой смерти, какъ будто они были неизвѣстны; самъ оплакивалъ умершаго, казалось, искренними слезами, а дворецъ приказалъ сжечь, чтобы не оставалось и слѣдовъ мрачнаго злодѣйства.

Люди, бывшіе тогда въ Москвѣ и описавшіе это происшествіе, рѣшительно говорятъ, что въ Угличѣ погибъ истинный Димитрій; другіе же разсказываютъ совсѣмъ иное, въ намѣреніи изъяснить случившіяся въ послѣдствіи событія: они говорятъ, что мать царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, очень похожимъ на царевича и возрастомъ и наружнымъ видомъ; что отрокъ умерщвленъ въ постелѣ, а не на крыльцѣ, между тѣмъ, какъ истинный Димитрій отведенъ былъ въ безопасное убѣжище; и что тѣло мнимаго царевича, для лучшаго утаенія подлога, немедленно положили въ гробъ и предали землѣ безъ всякой пышности, въ присутствіи одного только дворецкаго, родомъ Нѣмца, изобрѣвшаго вышеозначенную хитрую мѣру, а въ народѣ между тѣмъ разгласили, будто бы Димитрій умеръ отъ язвы.

Какъ бы то ни было, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія, на предѣлахъ Россіи и Польши явился человѣкъ, похожій на Димитрія тѣмъ, что одна рука была у него короче другой, а на лицѣ находилась бородавка; оба признака имѣлъ и истинный царевичъ. Впрочемъ отличаясь быстротою ума, присутствіемъ духа, щедростію, привѣтливостію, юноша казался достойнымъ быть царскаго рода. Сперва онъ открылся отцамъ езуитамъ, имѣвшимъ великую въ Польшѣ власть, и далъ имъ слово употребить всѣ мѣры къ соединенію церкви и къ утвержденію въ Россіи божественной вѣры, если они помогутъ ему овладѣть прародительскимъ престоломъ. Езуиты сначала хранили

такія предложенія въ глубокой тайнѣ, и прежде всего старались убѣдить Римскаго первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ, для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственно его властію, такъ и ходатайствомъ предъ королемъ и Польскими вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Георгомъ Мнишкомъ, воеводою Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ вельможъ королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, въ слѣдствіе котораго царевичъ, по вступленіи на престолъ, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, уже плѣнившей его взоры.

Сложивъ съ себя клобукъ, онъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно языку Латинскому и даже могъ написать собственною рукою довольно складное письмо къ святѣйшему папѣ Клименту VIII.[279] Въ послѣдствіи, представленный Сигизмунду воеводою Сендомирскимъ и зятемъ его Вишневецкимъ, онъ произнесъ, какъ разсказываютъ, предъ королемъ сильную рѣчь, слѣдующаго содержанія: «Вспомни, государь!» говорилъ Димитрій, «что ты родился плѣнникомъ, въ темницѣ, «откуда извелъ тебя милосердый промыслъ Всемогущаго. Раз- «мысли о человѣчествѣ и помоги несчастному, угнетенному тѣмъ «же злополучіемъ!» Отецъ Сигизмундовъ, Іоаннъ, былъ заключенъ подозрительнымъ братомъ своимъ Ерикомъ въ безславную темницу: въ томъ заточеніи родился Сигизмундъ отъ супруги Іоанновой Екатерины, изъ поколѣнія Ягеллонова.

Опираясь на благосклонность короля, на золото воеводы Сендомирскаго, на усердную помощь езуитовъ, Димитрій собралъ въ Польшѣ десять тысячъ воиновъ,[280] снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ и направилъ путь въ Россію. Тамъ онъ склонилъ на свою сторону десять тысячъ казаковъ, людей живших въ войною, грабежемъ, и богатыхъ надеждою на великую награду повелъ въ прародительскую, по словамъ его, державу. Переправясь черезъ Днѣпръ, онъ подступилъ къ пограничной крѣпости, Чернигову, и требовалъ, чтобы жители сдались ему, какъ законному наслѣд-

нику Русскаго престола: они покорились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, благодаря усердію Ивана Татева, Борисова зложелателя.[281] Потомъ, слѣдуя совѣту казацкаго атамана Корелы, знаменитаго чернокнижника, онъ осадилъ многолюдный городъ Путивль, гдѣ начальствовалъ Михайло Салтыковъ,[282] имѣвшій до восьми тысячъ Волжскихъ казаковъ: воевода сначала оборонялся упорно; напослѣдокъ, убѣжденный Корелою, сдалъ Путивль Димитрію, и самъ покорился ему.

Между тѣмъ Борисъ вооружилъ сто тысячъ воиновъ; но до начатія военныхъ дѣйствій, отправилъ пословъ къ Сигизмунду и Польскому сенату, напоминалъ о союзѣ и перемиріи между обоими народами, убѣждалъ свято сохранять договоры, требовалъ выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Димитрія, незаконнорожденнаго сына поповскаго, безчестнаго колдуна и чародѣя; просилъ особенно, чтобы ему не давали никакой помощи, угрожая местью, если Поляки вздумаютъ оскорбить столь могущественнаго государя, каковъ царь Россійскій. Не надѣясь на угрозы, послы тайно убѣждали каждаго вельможу Польскаго отклонить короля и сенатъ отъ вспоможенія обманщику; однакожъ ни въ чемъ не могли успѣть: папа и езуиты утвердили короля и согласныхъ съ нимъ Поляковъ въ намѣреніи помочь Димитрію, надѣясь чрезъ то упрочить дружбу и вѣчный миръ съ Москвою, уничтожить расколъ и возстановить въ Россіи вѣру праотцевъ.[283]

Наконецъ войско Борисово встрѣтилось съ Димитріевымъ въ концѣ января 1605 года при Новгородѣ (Сѣверскомъ); главный вождь Димитріевой рати, воевода Сендомирскій, надѣясь на вѣрный успѣхъ и ожидая, что враги передадутся царевичу, дерзко устремился въ средину Русскихъ, вѣрныхъ Борису и единодушныхъ; но послѣ кратковременной битвы, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріятелемъ, былъ разбитъ на голову и обратился въ бѣгство; потомъ собравъ толпы, спасшіяся отъ пораженія, ушелъ въ Кармоговію[284] и Путивль, а оттуда въ Польшу.

Димитрій, оставшись съ малочисленною дружиною, нашелъ

убѣжище въ пограничной крѣпости Рыльскѣ; тамъ всѣ его оставили, но самъ себѣ онъ не измѣнилъ. Были при немъ два богослова, изъ ордена бернардиновъ:[285] ихъ водилъ съ собою Димитрій, чтобы казаться набожнымъ и благочестивымъ; утомленные воинскими трудами и безпокойными походами, они спѣшили удалиться во-свояси; но два другіе монаха, братья езуиты, Николай Сѣраковскій и Андрей Ловичъ, виновники похода, были постояннѣе: ободряли врожденное мужество его безпрестанными увѣщаніями, и собственнымъ примѣромъ побуждали его къ довершенію начатаго дѣла.

Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно предъ началомъ битвы, онъ молился усердно, такъ, чтобы всѣ его слышали, и воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: «Боже правосудный! порази, сокруши ме«ня громомъ небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, своеко«рыстно, нечестиво; но пощади кровь христіанскую! Ты зришь мою «невинность: пособи мнѣ въ дѣлѣ правомъ! Ты же, царица небесная! «буть покровомъ мнѣ и моему воинству!» Если дѣйствительно такъ было и если этотъ человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвѣ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ: нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба, въ урокъ смертнымъ: приласкала его, обрадовала престоломъ и низринула въ бездну.

Уже часть войска Борисова подступила къ Рыльску; тамъ расположился Димитрій съ своимъ отрядомъ на высокомъ холмѣ, откуда могъ повелѣвать обширною равниною; въ началѣ марта произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ участвовала одна конница; побѣда, по удивительной игрѣ счастія, увѣнчала побѣжденныхъ: при первомъ натискѣ на врага, несравненно сильнѣйшаго, Поляки тысячу человѣкъ побили, двѣсти взяли въ плѣнъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Ударъ былъ такъ

стремителенъ, что бѣгущіе всадники Борисовы разорвали ряды своей пѣхоты и оставили ее въ жертву непріятелю. Побѣдоносный Димитрій съ великою добычею возвратился въ Путивль. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, пять окрестныхъ городовъ съ ихъ округами покорились Димитрію, изъ ненависти ли къ прежнему государю, или изъ одного желанія перемѣнъ, неизвѣстно; въ одной изъ крѣпостей, въ Бѣлгородѣ, побѣдитель нашелъ 150 большихъ орудій, а воеводы ихъ выданы ему, какъ плѣнники. Чрезъ нѣсколько дней присягнули ему Елецъ и Лихвинъ, гдѣ схватили знаменитаго чародѣя Гинска Отіопела.[286] Вскорѣ покорилось ему обширное княжество Сѣверское съ восьмью крѣпостями.

Разсказываютъ, что Димитрій очень благоразумно пользовался столь неожиданнымъ успѣхомъ: болѣе всего заботился о вспомоществованіи Кромамъ, окруженнымъ непріятельскимъ войскомъ; но узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что осажденные имѣютъ средства къ упорному сопротивленію, перемѣнилъ свое намѣреніе, не считая нужнымъ отваживаться на битву сомнительную, которая могла бы лишить его плодовъ побѣды.

Между тѣмъ, какъ онъ спокойно ждалъ въ Путивлѣ, чѣмъ кончится его дѣло, Борисъ разставлялъ ему разныя сѣти, обѣщая подданнымъ забыть прошедшее и щедро наградитъ ихъ, если выдадутъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ. Къ тому присовокупилъ самое опасное для Димитрія средство, граммату архипопа, — такъ называютъ Русскіе патріарха, —[287] который отлучилъ всѣхъ приверженцевъ его отъ церкви. Димитрій, узнавъ отъ плѣнниковъ о ковѣ Борисовомъ и удостовѣрившись въ томъ письмами, найденными въ ихъ сапогахъ,[288] не только оставилъ виновниковъ безъ всякаго наказанія, но простилъ ихъ и вручилъ имъ къ архипопу очень ласковое письмо, которымъ увѣщавалъ святителя не забывать своей обязанности и не вмѣшивать религіи въ дѣло неправое. Говорятъ, что онъ писалъ и къ Борису, совѣтовалъ ему одуматься и оставить престолъ, неправильно присвоенный, дозволяя избрать

монастырь, какой ему понравится, съ очень выгодными условіями для его и семейства его. Борисъ отвергъ предложеніе съ негодованіемъ.

Все случилось въ то время, когда при дворѣ Московскомъ находились послы Датскій и Шведскій, которые, пользуясь вторженіемъ Поляковъ въ Россію, старались заключить съ Москвитянами союзъ, въ надеждѣ повредить Сигизмунду. Разсказываютъ, что Борисъ, разгоряченный споромъ съ послами, незапно упалъ въ изнеможеніи; кровь хлынула изъ носа, рта и ушей: онъ умеръ въ исходѣ апрѣля. Одни приписываютъ смерть его апоплексіи, другіе отравѣ. Какъ бы то ни было, не вдругъ прекратилась семилѣтняя власть его надъ Россіею: при первой вѣсти о кончинѣ государя, народъ собрался многочисленною толпою и возвелъ на престолъ вдову его и сына. Вельможи присягнули имъ въ вѣрности; а тѣло Борисово похоронили въ церкви, гдѣ покоятся Московскіе государи, впрочемъ безъ пышныхъ обрядовъ. При этомъ случаѣ сказалъ краснорѣчивое слово (напечатанное въ Кёнигсбергѣ) Рижскій Ливонецъ Константинъ Фидлеръ, братъ Каспара Фидлера, служившаго Московскому государю.[289]

Между тѣмъ, Петръ Басмановъ, ознаменовавшій себя великимъ дѣломъ въ правленіе Борисово, отправленъ былъ къ войску съ неограниченною властію. Въ то время подъ Кромами стоялъ ближній родственникъ Борисовъ, Иванъ Годуновъ, осаждая городъ. И та, и другая сторона, и осажденные и осаждающіе, явили опыты рѣдкаго мужества, какъ при жизни Бориса, такъ и по кончинѣ его. Десять разъ Москвитяне ходили на приступъ, и десять разъ были отражаемы упорствомъ осажденныхъ.

Опасаясь, чтобы Кромскіе жители не были подавлены силою непріятеля, Димитрій послалъ на помощь имъ избранную дружину, подъ начальствомъ Запорскаго. Неувѣренный въ успѣхѣ сраженія, Запорскій употребилъ хитрость, чтобы посѣять ужасъ и недоумѣніе въ станѣ враговъ: для виду отправилъ къ осажденнымъ письмо, которымъ увѣдомлялъ ихъ, что вблизи находятся

40,000 вспомогательнаго войска, и совѣтовалъ имъ быть твердыми. Это письмо вручилъ онъ простодушному человѣку, который, бывъ самъ обманутъ, обманулъ и другихъ. Запорскій постарался, чтобы посланный шелъ по дорогѣ, занятой непріятелями, и чтобы они схватили его. Такъ и случилось. Пойманный Москвитянами и преданный пыткѣ, онъ подтвердилъ все, что было сказано въ письмѣ, ибо самъ вѣрилъ ему, и тѣмъ произвелъ въ станѣ враговъ страшное волненіе, почти мятежъ. Годуновъ, оставивъ при крѣпости 2,200 всадниковъ и приказавъ имъ никого не допускать къ осажденнымъ, самъ, съ главнымъ войскомъ, пошелъ на встрѣчу непріятелю. Запорскій, стараясь подкрѣпить молву, распространившуюся въ непріятельскомъ лагерѣ, устроилъ къ бою свою дружину, и чтобы отрядъ его казался многочисленнѣе, велѣлъ сѣсть на коней всѣмъ своимъ служителямъ; сверхъ того, разослалъ въ разныя стороны нѣсколько человѣкъ, которые страшнымъ крикомъ должны были увѣдомить о приближеніи мнимаго вспомогательнаго войска.

Годуновъ сначала ударилъ стремительно; мужество Польскихъ копѣйщиковъ остановило Русскихъ, а всеобщая молва о приближеніи вспомогательнаго войска заставила ихъ помышлять о покорности Димитрію. Прежде всѣхъ передался ему Петръ Басмановъ, знаменитый при Борисѣ Годуновѣ: онъ перешелъ къ Запорскому съ нѣсколькими тысячами воиновъ, и обратясь къ приверженцамъ Борисовымъ, закричалъ изо всей силы, что Димитрій есть законный наслѣдникъ Московскаго престола, и что каждый истинный сынъ отечества долженъ присягнуть ему. Тутъ все взволновалось; многіе, оставивъ знамена Годунова, изъявили готовность послѣдовать примѣру Басманова. Къ нему присоединились и бояре; избранные изъ числа ихъ пять сотъ человѣкъ немедленно были посланы къ Димитрію, находившемуся въ Путивлѣ: онъ принялъ ихъ благосклонно и привелъ къ присягѣ. Это случилось 23 мая 1605 года. Иванъ Годуновъ, по отозваніи въ Москву Борисомъ Годуновымъ товарищей его, Мстиславскаго и

Шуйскаго, оставшійся главнымъ вождемъ царскаго войска, обратился въ бѣгство: его догнали и заключили въ оковы, за то, что онъ не хотѣлъ ударить челомъ Димитрію и признать его царевичемъ. Въ станѣ Борисовомъ найдено 70 орудій, изъ которыхъ нѣкоторыя были такой величины, что два человѣка насилу могли охватить одно орудіе.

Измѣна войска взволновала столицу; народъ съ восторгомъ произносилъ имя Димитрія; а вдову умершаго государя съ сыномъ и дочерью отдали подъ стражу: мать, устрашенная ненавистью ли народа, или скорымъ пришествіемъ Димитрія, приняла отраву; она хотѣла отравить и дочь и сына, чтобы избавить ихъ отъ насмѣшекъ побѣдителя. Сынъ выпилъ смертную чашу, и погибъ; но дочь спаслась отъ смерти, принявъ противоядіе. Такъ разсказываютъ приверженцы Димитрія; другіе же повѣствуютъ, что по его приказанію отравили мать и сына, а дочери даровали жизнь, готовя ее въ наложницы Димитрію. Говорятъ, что Нѣмцы, служившіе въ войскѣ Борисовомъ, наиболѣе содѣйствовали перевороту, переманивъ съ собою многихъ недоброжелателей Годунова.

Чрезъ два дни послѣ освобожденія Кромъ отъ осады, Димитрій, по единодушному желанію бояръ, отправился въ путь къ Москвѣ; оставивъ Кромы, онъ занялъ Тулу и далъ здѣсь войску двое сутокъ для отдохновенія; оттуда перешелъ въ Орелъ.[290] Вездѣ встрѣчали его многочисленныя толпы народа, желавшаго видѣть новаго государя. Наконецъ, совершивъ двадцать переходовъ, онъ вступилъ въ столицу 20 іюня, гдѣ Москвитяне съ радостію привѣтствовали его именемъ царя Русскаго, великаго князя Московскаго, обладателя многихъ странъ, царя Казанскаго и Астраханскаго (оба государства присоединилъ къ Россіи Іоаннъ Васильевичъ). Ему предшествовали Польскіе всадники, вооруженные, по ихъ обычаю, копьями, съ трубами и литаврами; за ними слѣдовали нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, среди которыхъ шесть коней везли Димитріеву колесницу. Далѣе, вели верховыхъ лошадей великаго

князя, въ драгоцѣнной збруѣ, подъ парчевыми чепраками. Въ слѣдъ за колесницею шли молодые священнослужители съ хоругвями, на которыхъ были изображены лики св. угодниковъ или евангеліе. Попы несли иконы пресвятой Богородицы и чудотворца Николая, патрона Москвитянъ. Толпу ихъ заключалъ патріархъ или митрополитъ, впереди котораго находились 4 свѣщеносца; нѣсколько вдали отъ него, ѣхалъ Димитрій, одинъ, на бѣломъ иноходцѣ, сопровождаемый свитою знатнѣйшихъ бояръ. Слѣдуя за духовенствомъ, великій князь вступилъ въ священный храмъ Богоматери, и сотворивъ тамъ молитву, отправился въ соборъ св. архангела Михаила, гдѣ погребенъ отецъ его. Узнавъ, что здѣсь лежалъ и Борисъ, Димитрій приказалъ вырыть тѣло его изъ могилы и похоронить за городомъ, въ бѣдной часовнѣ;[291] а проѣзжая мимо собственнаго Борисова дома, велѣлъ тотчасъ разрушить его, какъ вертепъ злаго чародѣйства. Разсказываютъ, что въ подземельи дома находилась статуя таинственнаго вида, съ горящею въ рукѣ лампадою, обсыпанная внизу значительнымъ количествомъ пороха: увѣряютъ, что еслибъ масло догорѣло, лампада упала бы съ огнемъ на землю, порохъ вспыхнулъ бы и, поднявъ на воздухъ весь домъ, разрушилъ бы сосѣдственныя зданія; къ счастію, говорятъ, замыселъ былъ открытъ и статую сокрушили до гибельнаго взрыва. Борисъ обвинялъ въ чародѣйствѣ Димитрія; Димитрій уличалъ въ томъ же Бориса: въ Россіи и теперь во всемъ видятъ колдовство и жалуются на чародѣевъ.

Послѣ того, новый государь вступилъ въ царскій дворецъ и съ жаромъ принялся за кормило правленія. Очевидно удаляя отъ себя Русскихъ вельможъ, онъ удостоивалъ своей довѣренности однихъ Поляковъ, иноземцевъ, ненавистныхъ Москвитянамъ. Вотъ главная ошибка его, по мнѣнію многихъ людей! Если онъ и имѣлъ причины однихъ подозрѣвать, а другихъ жаловать, при всемъ томъ надобно было выждать время для обнаруженія своихъ мыслей; надлежало сперва утвердиться на престолѣ, чтобы тѣмъ лучше исполнить свои намѣренія. Вмѣсто того, увлекаемый пылкимъ

желаніемъ нетерпѣливой воли и внушеніями совѣтниковъ, имѣвшихъ надъ нимъ слишкомъ много власти, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ излишней поспѣшности, погрузилъ и себя и свое счастіе въ бездну злополучія.

Въ первые дни своего царствованія, Димитрій принималъ отъ вельможъ присягу на вѣрность и наказывалъ мятежниковъ. Болѣе 70 благородныхъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ съ Борисомъ, или державшихъ его сторону, сосланы за предѣлы государства, для того, чтобы имущества ихъ, какъ онъ говорилъ, раздать чужеземцамъ, въ особенности Полякамъ, и приманить ими въ Россію новыхъ поселенцевъ. Вотъ первое сѣмя всеобщей къ нему злобы, породившее такіе же плоды, какъ въ недавнее время и въ Венгерскомъ государствѣ, гдѣ Матѳей, воспользовавшись неудовольствіемъ магнатовъ, огорченныхъ презрѣніемъ, вырвалъ королевство изъ рукъ брата своего, императора Римскаго.[292] Начавъ правленіе строгостію, Димитрій явилъ примѣръ великодушія, простивъ Ѳедора Романовича Шуйскаго,[293] знатнѣйшаго изъ бояръ, въ намѣреніи примириться съ недовольными подданными. Это великодушіе погубило его: по неисповѣдимому суду Божію, тотъ, кого избавилъ онъ отъ заслуженной казни, тотъ самый отмстилъ ему за невинныя жертвы его несправедливости. Когда всѣ бояре, ласкательствуя царю, падали къ стопамъ его, одинъ Шуйскій, недовольный новымъ правленіемъ и опасаясь гибельныхъ слѣдствій, былъ непреклоненъ; раздражалъ Димитрія упорствомъ и, презирая опасность, распускалъ о немъ молву неблагопріятную; говорилъ, что царь есть пришлецъ, бродяга, что онъ замышляетъ съ злодѣями Россіи, то есть Поляками, разрушить святые храмы, и что открывъ въ нее путь иноземцамъ, хочетъ истребить древнее дворянство Русское. Димитрій, одаренный искусствомъ убѣжденія, оправдалъ себя въ совѣтѣ вельможъ помощію многорѣчія, и вооружилъ ихъ ненавистью къ виновнику клеветы: Шуйскій былъ схваченъ, преданъ суду и за дерзкія слова приговоренъ къ смерти. 6 іюля его вывели на мѣсто казни: когда онъ палъ на колѣни, и

совершивъ всенародно молитву, ожидалъ отъ палача удара, Димитрій присланною грамматою остановилъ казнь и даровалъ виновнику жизнь

Все дѣлалось по желанію Димитрія; одни Псковитяне, постоянные въ упорствѣ, не признавали его власти: Димитрій посылалъ имъ грамматы, обѣщалъ забыть все прошедшее; наконецъ склонилъ ихъ къ покорности; воеводу также, и всѣхъ простилъ. Доселѣ правленіе его было счастливо и утѣшительно: народъ торжественно возсылалъ къ небу мольбы о здравіи его; имя же Борисово проклинали. Немедленно выбили монету въ воспоминаніе новаго государя и для всеобщаго употребленія. Разсказываютъ писатели, преданные Димитрію, что въ то время, когда всѣ ожидали отъ него счастія въ будущемъ, найдены были въ государственной казнѣ ненавистныя сокровища,[294] несмѣтное количество золота и серебра на нѣсколько милліоновъ, также двѣнадцать мѣръ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ: все это частію расточено имъ при жизни, частію роздано изъ тщеславія, и все вмѣстѣ съ нимъ исчезло.

Днемъ коронованія назначено было 1 сентября, когда Русскіе, подобно древнимъ Іудеямъ, начинаютъ новый годъ: Димитрій для многихъ причинъ ускорилъ торжество, и короновался въ концѣ іюля. А чтобы подкрѣпить свое право на корону, пригласилъ въ Москву мать царевича, заключенную повелѣніемъ Бориса, послѣ мнимой смерти сына ея, въ небольшомъ монастырѣ, далеко отъ столицы. Посланы были за нею знатнѣйшіе сановники; самъ онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу, съ притворнымъ уваженіемъ; едва завидѣлъ ее издали, скочилъ съ лошади, прошелъ значительное пространство пѣшкомъ и со слезами бросился въ ея объятія. Послѣ того, съ открытою головою, провожалъ колесницу своей матери до самого замка; отсюда царица чрезъ нѣсколько времени переселилась со всѣми женщинами своими въ монастырь, куда обыкновенно удаляются благороднѣйшія вдовы и дѣвицы. Въ продолженіе всего этого времени, любопытные замѣтили, что мать

*

истиннаго Димитрія отвѣчала царю подобными же ласками, искренними или притворными, неизвѣстно: впрочемъ перенесенная изъ печальнаго уединенія въ кругъ радости и веселія, она не могла смотрѣть безъ восторга даже и на самозванца, коему обязана была такимъ благодѣяніемъ.

По вступленіи Димитрія на престолъ и по окончаніи торжественныхъ обрядовъ, патеръ Николай Кнермоковскій, изъ ордена езуитовъ, привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ; сенатъ также приносилъ ему поздравленіе. Царь отвелъ езуитамъ обширный дворъ, недалеко отъ дворца, гдѣ они могли свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усерднымъ желаніемъ ихъ, онъ обнаружилъ бы тайныя мысли души своей, если бы не остановилъ его Шуйскій, который, помышляя о престолѣ, искалъ удобнаго случая исполнить свой замыселъ.

Полагаясь на обманчивую тишину внутреннюю и внѣшнюю, Димитрій заботился о наградѣ Поляковъ за добрыя услуги, о утвержденіи съ Польшею мира, о бракѣ и наслѣдникѣ для укрѣпленія своего престола. Въ слѣдствіе того, отправлено было въ Польшу почетнѣйшее посольство, состоявшее изъ 300 дворянъ, подъ начальствомъ главнаго казначея царскаго, Аѳанасія Ивановича Власьева. 14 ноября прибывъ въ Краковъ, онъ явился къ Сигизмунду и объяснилъ ему цѣль своего прибытія. Власьевъ говорилъ королю, что государь его, рѣшившись пріобрѣсть благосклонность Поляковъ, дабы ихъ силами оградить себя отъ легкомысленныхъ и подозрительныхъ Москвитянъ, не сомнѣвается въ радости короля и всего Польскаго сената о восшествіи его, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, на древній престолъ прародительскій; что обязанный успѣхомъ во-первыхъ благости Всевышняго, а во-вторыхъ содѣйствію короля и всѣхъ вельможъ королевскихъ, онъ никогда не забудетъ ихъ благодѣянія; что, сверхъ того, размышляя о средствахъ къ распространенію имени и закона христіанскаго, онъ съ великою горестію слышитъ о безнаказанномъ, долго-

лѣтнемъ опустошеніи королевствъ и земель христіанскихъ ненавистнымъ тираномъ Турецкимъ, который, къ сожалѣнію, и прежде терзалъ и теперь ежедневно терзаетъ нѣкогда столь цвѣтущее Венгерское королевство, хотя въ томъ и нельзя винить непобѣдимаго императора Рудольфа, отмстившаго мужественно, по мѣрѣ силъ своихъ, проклятому губителю; что государь Московскій не можетъ не сокрушаться, не проливать горькихъ слезъ, при одной мысли о нечестивомъ осквернени святыхъ мѣстъ, ознаменованныхъ стопами Спасителя, Его жизнію, чудесами, Его драгоцѣнною кровію освященныхъ, нынѣ же попираемыхъ лютыми, безбожными изувѣрами; что царь, для освобожденія сихъ странъ, намѣреваясь соединить свои силы съ могущественнымъ королемъ Польскимъ и другими христіанскими вѣнценосцами, не пощадитъ ни своей казны, ни собственной крови; а между тѣмъ, желая упрочить съ королемъ вѣчный миръ, проситъ дозволенія сочетаться бракомъ съ природною Полькою, Анною-Мариною, дочерью воеводы Сендомирскаго Георга Мнишка, который имѣетъ полное право на благодарность за ласковый пріемъ его, Димитрія, еще бѣднаго странника, и за содѣйствіе ему, не безъ опасности собственной жизни, и казною и войскомъ овладѣть прародительскою державою.[295]

Король, принявъ посла благосклонно, отвѣтствовалъ, что онъ съ особеннымъ доброжелательствомъ слышитъ столь благодарныя и лестныя мысли царя Московскаго; за пріятное же привѣтствіе посылаетъ взаимный поклонъ, моля Всевышняго о благоденствіи Димитріевой державы; весьма радуется удачному пріобрѣтенію имъ Русскаго престола, законнаго наслѣдства его; съ удовольствіемъ слышитъ, какую горесть возбуждаютъ въ Димитріи успѣхи Турковъ, и охотно соглашается на предлагаемый союзъ, безъ рѣшительнаго впрочемъ обязательства, котораго безъ согласія всѣхъ вельможъ и Польскаго сената дать не можетъ. Относительно же намѣренія государя Московскаго сочетаться бракомъ съ дочерью воеводы Сендомирскаго, король не только изъявилъ свое согласіе, но и съ величайшею охотою принялъ такое предложеніе, моля

Всевышняго освятить, во славу Его имени, въ утвержденіе вѣчнаго мира, союзъ между обоими столь могущественными народами. Въ осьмой день по пріѣздѣ посла, совершилось обрученіе: священнодѣйствовалъ епископъ Краковскій кардиналъ Бернардъ Маціовскій; невѣста, отецъ ея и посолъ Московскій были угощаемы великолѣпнымъ пиршествомъ; за столомъ сидѣли представители и другихъ государей, также и Персидскій посланникъ. Разсказываютъ, что Димитрій прислалъ невѣстѣ и отцу ея, вмѣсто свадебныхъ закусокъ, подарокъ цѣною въ 200,000 злотыхъ.

Царская невѣста, съ родителемъ своимъ, шуриномъ, посломъ Московскимъ и бывшими при ней женщинами, медленно подвигалась къ Москвѣ, сопровождаемая многочисленною свитою: всѣ желали видѣть отдаленныя страны, брачное веселіе, могущество Русскаго государя и сокровища, расточаемыя для всеобщей радости. Тогда же отправились въ Россію многіе купцы Италіянскіе и Нѣмецкіе, съ надеждою корысти; но жестоко обманулись: большею частію они погибли на Московской свадьбѣ; немногіе избѣжали смерти безъ потери имущества. О продолжительности пути можно судить изъ того, что гости, отправясь въ концѣ января, не прежде 26 апрѣля пріѣхали въ Москву, и еще не успѣвъ оглядѣться, погибли. Въ седьмой день по пріѣздѣ невѣсты, Петръ Басмановъ, любимецъ царя, и знатнѣйшіе бояре ввели ее въ царскій дворецъ, при звукѣ трубъ; тамъ принялъ ее женихъ съ величайшими ласками, а благороднѣйшія жены и дѣвицы принесли ей почтительныя поздравленія. Исполняя обыкновеніе Русскихъ, она вскорѣ удалилась отсюда въ монастырь, жилище царской матери, и оставалась тамъ до свершенія брачнаго союза. Наконецъ, въ четвертый день, когда все было готово для торжественнаго обряда, ее ввели опять въ царскія палаты, великолѣпно убранныя; вечеромъ была всенощная, а на другой день свадьба, которую совершилъ Русскій патріархъ. Царицу короновали съ торжественными обрядами; женихъ, принявшій титло императора, приказалъ нести предъ собою скипетръ, державу и мечъ, а предъ

невѣстою императорскую корону на парчевой, краснаго цвѣта, подушкѣ. Стѣны храма были обиты драгоцѣнною красною тканью съ золотою бахрамою. Отсюда молодые супруги, имѣя на головахъ короны, съ великою пышностію, при громѣ трубъ, барабановъ, отправились во дворецъ, гдѣ они провели ночь въ обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ увеселеніяхъ.

Но тяжкія заботы томили душу Димитрія. Его безпокоили извѣстія о заговорѣ, составленномъ мѣсяцевъ за шесть до свадьбы и уже готовомъ вспыхнуть. Для огражденія себя, онъ прибѣгнулъ къ чужеземной помощи; когда же узналъ, что народъ негодуетъ на довѣренность его къ иностранцамъ болѣе, чѣмъ къ Русскимъ, считая такой поступокъ новостью безпримѣрною, ибо никто изъ прежнихъ царей не употреблялъ иноземной стражи, Димитрій неблагоразумно поспѣшилъ распустить не только тѣлохранителей, но и всѣхъ воиновъ иноземныхъ, при немъ находившихся, въ надеждѣ угодить народу. Но тѣ, не получивъ при увольненіи большею частію заслуженной награды и негодуя на такую неблагодарность, удалились на предѣлы государства съ Поляками, также уволенными, и тамъ долгое время злодѣйствовали неслыханнымъ образомъ; что не мало раздражало Русскихъ, уже недовольныхъ великимъ княземъ и подстрекаемыхъ нѣкоторыми боярами: одни изъ нихъ подозрѣвали царскій родъ Димитрія, другіе не одобряли его намѣреній и обычаевъ, а иные съ негодованіемъ смотрѣли на милость его къ Полякамъ и чужестранцамъ. Отъ того ежедневно появлялись одни за другими мятежныя скопища. Димитрій старался смирить недовольныхъ; но безпрестанные допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни только раздражали умы и довели народъ до явнаго неповиновенія. Предчувствуя близкую опасность, царь, въ позднемъ раскаяніи объ увольненіи войска иностраннаго, набралъ новыхъ тѣлохранителей изъ Нѣмцевъ и Ливонцевъ, присовокупивъ къ нимъ три сотни Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ. Сотнею Французовъ начальствовалъ уроженецъ Сенскій, Яковъ Мар-

жеретъ, котораго въ послѣдствіи мы видѣли. Они были вооружены протазанами и носили бархатную одежду, вышитую золотомъ. Сотникомъ Англичанъ былъ Матвѣй Кнотсенъ, Шотландцевъ Албертъ Ланта. Оружіемъ тѣхъ и другихъ были алебарды; одѣвались же по праздникамъ въ кафтаны бархатные, а по буднямъ въ красные, суконные, весьма нарядные. Тѣлохранителямъ производилось жалованья болѣе, чѣмъ прочимъ войскамъ, соразмѣрно достоинству каждаго. Но при наступленіи опасности, они были позднею и слабою опорою.

Не задолго предъ тѣмъ, прибылъ въ Москву Польскій посолъ Александръ Гонсѣвскій-Корвинъ, съ драгоцѣнными дарами и съ письмомъ королевскимъ къ Димитрію: царь не хотѣлъ ни принять, ни распечатать письма, потому, что въ надписи не былъ онъ названъ императоромъ и монархомъ. Оправдывая короля, посолъ наговорилъ Москвитянамъ много досаднаго. «Пусть царь «вашъ», сказалъ онъ «идетъ на Турковъ, и у султана отниметъ «титло императора!» Впрочемъ Димитрій искусно скрылъ свою досаду, помня прежнія услуги Поляковъ и ожидая отъ нихъ новыхъ, необходимыхъ. Время проходило въ забавахъ и увеселеніяхъ; а ропотъ болѣе и болѣе усиливался. Въ день, когда купечество, по старинному обычаю, должно было поднести царю подарки, случился праздникъ, предпочитаемый суевѣрными Москвитянами самой Пасхѣ:[296] они вознегодовали явно, увидѣвъ, что императоръ и императрица, имѣя на главахъ короны, сидѣли за пышнымъ царскимъ столомъ, принимали свадебные дары и угощали какъ своихъ, такъ и чужеземцевъ, роскошнымъ пиромъ. Въ числѣ пировавшихъ находился и Польскій посолъ, который до праздника объявилъ, что не будетъ участвовать въ немъ, если ему не дадутъ мѣста за столомъ царскимъ, какового чести удостоили въ Краковѣ посла Московскаго. Русскіе сначала рѣшительно отвергли такое требованіе; Димитрій наконецъ уступилъ. Много на этомъ праздникѣ было шума и соблазна; дѣло дошло было до драки, отъ гордости и высокомѣрія Поляковъ, обходив-

шихся съ Русскими, какъ съ побѣжденными. Въ слѣдующій день разосланы были по домамъ кушанья въ золоченыхъ блюдахъ тѣмъ особамъ, которыя наканунѣ поднесли подарки; а чтобы кто не счелъ такой чести вознагражденіемъ за дары, велѣно было кушанья отдать, а блюда возвратить. Веселились еще нѣсколько дней, при звукахъ трубъ, при трескѣ литавръ, при громѣ пушекъ; построили даже для воинской потѣхи деревянную крѣпость и забавлялись битвами.

Между тѣмъ безпрестанно обнаруживались признаки заговора, составленнаго еще до прибытія невѣсты и доселѣ не приведеннаго въ дѣйствіе только потому, что Русскіе жаждали болѣе добычи и такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что отъ медленности нисколько не опасались неудачи. Димитрій, прежде совершенно спокойный, сталъ теперь опасаться, совѣтовалъ Полякамъ быть осторожными и собралъ во дворцѣ всѣхъ новыхъ тѣлохранителей своихъ. Наконецъ наступила пятница. Поляки приготовлялись къ защитѣ, Русскіе къ нападенію: думали, что народъ вооружается местью на однихъ Поляковъ и не тронетъ государя. Вечеромъ бояре приказали Москвитянамъ быть готовыми на слѣдующее утро; никто не ожидалъ столь близкой опасности: императрица даже велѣла приготовить къ воскресенью великолѣпное пиршество.

Заговорщики не хотѣли долѣе откладывать своего умысла и въ субботу 17 мая, рано утромъ, соединились. Къ нимъ пристали толпы дворянства и черни. Раздался мятежный крикъ: «смерть Димитрію и Полякамъ!» Одни, жадные добычи, бросаются въ жилища Поляковъ, осаждаютъ ихъ, грабятъ, рѣжутъ, бьютъ; другіе стремятся ко дворцу, гдѣ только встрѣчаютъ немногихъ тѣлохранителей: медленность въ исполненіи заговора, распаливъ ярость злоумышленниковъ, разсѣяла опасенія Димитрія. Во дворцѣ не было даже ни одного сотника. Маржеретъ былъ боленъ, какъ онъ самъ мнѣ сказывалъ; болѣзнь спасла его отъ смерти. Мятежники дѣлали свое дѣло съ такою быстротою и съ такимъ бѣшенствомъ, что многіе Русскіе, одѣтые по-Польски, пали подъ

ихъ ударами, не бывъ узнаны. Немногіе тѣлохранители, по кратковременномъ сопротивленіи, положили оружіе. Петръ Басмановъ, прибѣжавшій на шумъ полунагой, чтобы укротить волненіе, былъ заколотъ однимъ изъ своихъ служителей.[297]

Между тѣмъ Шуйскій, предводитель мятежниковъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой обнаженный мечъ, приказалъ бить набатъ въ большой колоколъ, какъ будто по случаю пожара, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы разбудить и выманить Димитрія изъ внутреннихъ покоевъ; въ то же время разгласилъ по городу, для воспламененія злобы народной, будто Поляки вооружаются и хотятъ истребить всѣхъ Русскихъ. Пробужденный шумомъ, Димитрій вскорѣ замѣтилъ, что въ городѣ не пожаръ, а большая бѣда; схватилъ Турецкую саблю, бросился въ окно и отъ сильнаго паденія вывихнулъ ногу, такъ, что едва могъ подняться; толпа окружила его, и по приказанію Шуйскаго отвела въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаются послы иноземные. Тамъ какой-то бояринъ сталъ упрекать его въ измѣнѣ, обманѣ, злодѣйствѣ: царь, всегда стремительный въ гнѣвѣ, взмахнулъ саблею и однимъ ударомъ повергъ его на землю; потомъ обратился къ вельможамъ и смиренно просилъ дозволенія поговорить съ народомъ, чтобы открыть истину; но бояре не согласились.

Такъ повѣствуютъ одни писатели; другіе разсказываютъ иначе: Димитрій, говорятъ они, видя опасность, требовалъ чтобы Шуйскій спросилъ вдову Іоаннову, жившую тогда въ Москвѣ, признаетъ ли она его сыномъ своимъ, соглашаясь немедленно погибнуть, если бы она отреклась отъ него. Шуйскій немедленно вызвалъ ее изъ монастыря, находившагося не въ дальнемъ разстояніи, и она въ присутствіи вельможъ, съ торжественною клятвою, объявила что рожденный ею Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, давно уже погибъ отъ безчеловѣчнаго вѣроломства Борисова, и что она доселѣ таила истину, видя всеобщую благосклонность народа къ обманщику; притомъ же не безъ удовольствія смотрѣла на того, кто отмстилъ за смерть истиннаго Димитрія

низверженіемъ лютаго злодѣя, думая, что самъ Богъ послалъ мстителя. Тогда всѣ бросились на самозванца и поразили его многими ударами. Такъ разсказано это событіе въ донесеніи Петра Патерсона Упсальскаго, бывшаго тогда въ Россіи.

Не то говорятъ другіе писатели, которые доселѣ еще сомнѣваются, былъ ли Димитрій обманщикъ: они упрекаютъ заговорщиковъ въ томъ, что не выслушали всенародно оправданій Димитрія, который просилъ о томъ убѣдительно; коварно утаили всѣ его показанія и вмѣстѣ съ нимъ убили одного Нѣмца, тѣлохранителя, бывшаго при допросѣ, изъ опасенія, чтобы онъ не разгласилъ словъ своего государя.[298]

Изуродованное тѣло Димитрія, по грязной улицѣ выволокли на площадь, привязавъ къ ногамъ веревку,[299] и тамъ, покрытое нечистотою и кровью, разложили для всенароднаго зрѣлища на столѣ, бросивъ подъ него трупъ Басманова, который, однажды давъ слово быть вѣрнымъ, не измѣнилъ обѣщанію. Въ такомъ положеніи они оставались четверо сутокъ. Для большей насмѣшки, кинули на животъ убитаго государя безобразную и безстыдную маску, найденную, какъ увѣряли, въ комнатахъ наложницъ его, а въ ротъ всунули дудку, употребляемую Польскими крестьянами, въ награду за искусство музыканта, или, какъ другіе толковали, для заплаты привратнику при входѣ въ адъ. Такъ поступали съ мертвымъ тѣ люди, которые живому, вмѣстѣ съ вельможами, кланялись благоговѣйно!

Мятежники приступили къ жилищу воеводы Сендомирскаго; но какъ его охраняли воины, то оставивъ при домѣ караулъ, они бросились къ дворамъ другихъ Поляковъ, изъ которыхъ многіе храбро защищались отъ грабителей, и хотя были подавлены числомъ, но дорого продавали свою жизнь. Одинъ только Вишневецкій, послѣ упорной битвы, въ которой пало много Русскихъ, рѣшился выставить бѣлое знамя, въ знакъ согласія на сдачу: ибо видѣлъ, что къ дому его подвезли пушки; въ тоже время приказалъ разбросать предъ входомъ множество денегъ, и когда

чернь кинулась подбирать ихъ, онъ съ мечемъ въ рукѣ открылъ себѣ путь, сразилъ многихъ на мѣстѣ и наконецъ сдался, на честное слово, подоспѣвшимъ изъ дворца боярамъ.

Злополучная невѣста, лишенная и безцѣнныхъ сокровищъ своихъ, и всѣхъ нарядовъ, безпокоилась только объ отцѣ и родственникахъ; теперь верхомъ блаженства для нея было сохранить одну жизнь и невредимо возвратиться въ отечество, откуда недавно пріѣхала она съ такою пышностью. Чуть дыша, въ слабой надеждѣ, безъ платья, безъ постели, едва прикрытая одною рубахою, она съ трепетомъ ожидала, когда затихнетъ ярость черни.

Не одни люди военные, прибывшіе въ Москву съ Димитріемъ, но и многіе купцы испытали злобу народа: Амвросій Челари, родомъ изъ Милана, потерялъ 30,000 червонцевъ, а потомъ и самую жизнь. Якову Вину отрубили голову собственною его саблею. Натанъ, купецъ Аугсбургскій, заплатилъ за свою жизнь 150,000 флориновъ, а Николай Львовскій 50,000. Немтескій, банкиръ Польскій, на канунѣ убійствъ, далъ Димитрію много жемчугу и разныхъ товаровъ драгоцѣнныхъ; а два купца Аугсбургскіе ссудили ему 20,000 флориновъ, и всего лишились. Марцелли потерялъ 100,000 флориновъ. Въ тотъ день погибло 1,200 Поляковъ; многихъ спасли бояре. Русскихъ пало 400. Наконецъ, по захожденіи солнца, мятежъ затихъ: ночью водворилась глубокая тишина во всемъ городѣ. Трупы убіенныхъ трое сутокъ валялись въ грязи; бѣшеный народъ едва согласился похоронить ихъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ.

По прекращеніи столь ужаснаго кровопролитія, бояре составили совѣтъ, и первымъ предметомъ ихъ совѣщаній было избраніе новаго государя: опасались новыхъ смятеній отъ безначалія. Шуйскій, замѣтивъ, что многіе къ нему были благосклонны, старался увеличить число своихъ приверженцевъ и оправдать себя въ прошедшемъ; для того, какъ разсказываютъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Бояре, товарищи и друзья любезные! ненависть къ лютому тирану довела меня до многихъ поступковъ, въ

которыхъ я раскаяваюсь и самъ себя виню; да послужитъ мнѣ оправданіемъ преданность къ царскому роду и любовь къ отечеству. Надѣюсь, что я довольно потрудился съ вами, дабы загладить свою ошибку. Богъ даровалъ Русскому царству, величайшему изъ государствъ христіанскихъ, владѣтелей знаменитыхъ, древняго, непрерывнаго поколѣнія; преемникъ ихъ по праву наслѣдства, Іоаннъ Васильевичъ, не взирая на клевету многихъ людей, увеличилъ свою державу обширнѣйшими государствами и оставилъ по себѣ столько памятниковъ царскаго величія, что каждый, кого радуетъ слава отечества, не можетъ не похвалить его великаго разума. Государь нѣкогда поручилъ мнѣ заключить миръ съ Польскимъ королемъ Стефаномъ: я исполнилъ его волю, и съ тѣхъ поръ такъ усердно занимался дѣлами отечества мирными и военными, что никто не могъ требовать отъ меня болѣе ревности, заботливости и преданности престолу. По смерти Іоанна, государство разстроилось; Ѳеодоръ былъ слабъ и къ довершенію несчастія бездѣтенъ, такъ, что престолъ управлялся уже не умомъ государя, а волею постороннею, волею того, кто воспрепятствовалъ ему развестись съ безплодною супругою и взять себѣ другую, чего требовали законы государственные, кто, при помощи злодѣевъ погубилъ царскаго отрока, законнаго преемника, кто наконецъ, по общему мнѣнію, тайно отравилъ самого Ѳеодора, и пользуясь случайнымъ родствомъ, овладѣлъ кормиломъ правленія, однимъ словомъ волею Бориса! Душа содрогается при одномъ имени его ненавистномъ! Какой плачъ, какіе стоны, бѣдствія, злополучія ознаменовали все время его правленія! Чтобы избавить себя отъ ига лютаго тирана, я подалъ руку Димитрію, не разбирая его рода и племени (въ самозванствѣ его теперь никто не сомнѣвается), и когда вы спрашивали моего мнѣнія, признать ли того человѣка законнымъ наслѣдникомъ, я далъ вамъ совѣтъ и убѣдилъ васъ возвести его на престолъ; но вскорѣ раскаялся: намъ грозило злополучіе ужаснѣйшее прежняго; я видѣлъ опасность прародительской вѣры, нарушеніе

древнихъ законовъ, распространеніе чуждыхъ нравовъ, гибель свободы отечественной; я видѣлъ, что иноземцы сѣли намъ на шею, и смѣло, съ опасностію собственной жизни, не хотѣлъ воздавать новому тирану почтенія, приличнаго государю законному. Горько подумать, что я обязанъ жизнію тому, кто не имѣлъ права въ моей смерти, хотя я былъ обязанъ ему, какъ разбойнику, который могъ отнять у меня жизнь, и не отнялъ. При всемъ томъ, эта мысль неосновательная нѣсколько времени меня удерживала, когда я болѣе думалъ о молвѣ, нежели о спасеніи государства. Наконецъ любовь къ отечеству восторжествовала: видя васъ готовыми на все, я предложилъ себя вождемъ вашимъ, заботясь уже не о молвѣ, а о славѣ и благоденствіи Россіи. Мы единодушно рѣшились на праведное, спасительное дѣло, — о еслибъ оно было не столь убійственно! и Богъ, располагающій судьбою царствъ, одобрилъ наше предпріятіе счастливымъ успѣхомъ. Теперь, когда мы свергли съ своей выи свирѣпаго тирана, когда разсѣялось ослѣпленіе Русскихъ, уловленныхъ его чародѣйствомъ и обманомъ, теперь мы должны избрать себѣ государя: древнее поколѣніе царей, къ несчастію, пресѣклось; поищемъ такого мужа, который превосходилъ бы всѣхъ знатностью рода, уважалъ бы, какъ святыню, законы и обычаи предковъ, имѣлъ бы всѣ добродѣтели, свойственныя царскому сану, славился бы долговременною въ дѣлахъ опытностью, любилъ бы не пышность, не роскошь царскую, но правосудіе и умѣренность, искалъ бы твердой опоры себѣ въ преданности своихъ подданныхъ, и богатый казною, считалъ бы имущества частныя неприкосновенными. Можетъ быть, вы подумаете, что такого властителя едва ли найти возможно, и что онъ существуетъ только въ моемъ воображеніи; но добрый гражданинъ долженъ желать наилучшаго государя, по крайней мѣрѣ, такого, который бы народу казался наилучшимъ».

По окончаніи рѣчи, приступили къ собранію голосовъ, и царемъ всѣ вельможи провозгласили Шуйскаго. Сначала онъ

скромно отказывался отъ предлагаемой чести; наконецъ, поблагодаривъ избирателей, съ радостію согласился на единодушное желаніе ихъ. Это случилось 20 мая.

Новый царь прежде всего счелъ нужнымъ, для оправданія себя въ убійствѣ Димитрія, обнародовать граммату, въ которой обвиняли мертваго въ томъ, что онъ, бывъ самымъ послѣднимъ въ Москвѣ монахомъ, выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича; именовался же прежде Гришкою или Григорьемъ Отрепьевымъ и никогда не хотѣлъ посѣтить монастыря своего, изъ опасенія быть тамъ узнаннымъ; въ юношествѣ прилежно учился, особенно исторіи, былъ искусенъ въ музыкѣ и нѣсколько времени служилъ съ пользою патріарху; но въ то же время занимался чародѣйствомъ, посредствомъ котораго, одержавъ многія побѣды, овладѣлъ престоломъ, къ безславію Русскаго имени. Упрекали его еще въ ереси, въ несоблюденіи постовъ, праздничныхъ дней и торжественныхъ обрядовъ Русской церкви, сверхъ того въ данномъ Римскому первосвященнику обѣщаніи искоренить вѣру предковъ; въ удостовѣреніе чего, обнародовали письма папы, (неизвѣстно, истинныя или ложныя), которыми его святѣйшество убѣждалъ Димитрія исполнить обѣтъ и дать езуитамъ храмы, коллегіи и все необходимое. Къ тому присовокупили договоры, которыми онъ отдалъ тестю своему воеводѣ Сендомирскому Смоленскъ, дочери его, своей женѣ, Новгородъ, а шурьямъ страну Сѣверскую. Обвиняли его еще въ замыслѣ истребить всѣхъ Русскихъ вельможъ, а имѣнія ихъ отдать Полякамъ; для чего онъ приказалъ, подъ предлогомъ увеселенія народа воинскими потѣхами, привезти пушки, чтобы смирить столицу, и лишивъ бояръ свободы, утвердить въ государствѣ власть неограниченную. Кромѣ того, бояре и другіе люди жаловались, что онъ былъ недоступенъ, что многіе, приходившіе къ нему съ просьбами, были отгоняемы неучтиво отъ дворцовыхъ дверей стражею, что онъ принималъ однихъ Поляковъ; если же и выслушивалъ просьбы Русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Далѣе, упрекали

мертваго въ расточительности и непомѣрной роскоши, для которой недостаточно было никакихъ сокровищъ, никакихъ богатствъ: говорили, что онъ приказалъ слить тронъ изъ серебра съ позолотою, по сторонамъ котораго на ступеняхъ стояли по шести львовъ, чего прежде никогда не бывало, не упоминая уже о приказаніи его носить всегда предъ собою, какъ предъ царемъ, скипетръ и корону. Осуждали его еще въ томъ, что покупкою драгоцѣнныхъ каменьевъ и товаровъ иностранныхъ, также безмѣрными издержками на бродягъ, тунеядцевъ, шутовъ, музыкантовъ, и переводомъ значительныхъ суммъ въ Польшу, онъ истощилъ казну государственную. Присовокупили страшное преступленіе: говорили, что приказавъ убить жену и сына Бориса Годунова, дочери его онъ даровалъ жизнь, и растлилъ ее въ послѣдствіи; что часто, посѣщая монастырь, гдѣ жила невѣста, осквернялъ его непристойными поступками, плясками и безстыдными пѣснями, оскорбляя взоры и слухъ благочестивыхъ инокинь и всего народа, и что многихъ монахинь сверхъ того лишилъ цѣломудрія; монаховъ же и другихъ людей набожныхъ неоднократно сѣкъ кнутомъ; а монастыри ограбилъ неслыханнымъ разореніемъ, взявъ у нихъ, подъ видомъ займа, значительныя суммы, съ намѣреніемъ никогда не возвращать. На него же возлагали всю вину въ наглыхъ поступкахъ Поляковъ и другихъ чужеземцевъ, также и въ опустошеніи Астрахани со всѣми ея гаванями, наполненными товарами, говоря, что разбойники разорили эту область по его повелѣнію, по крайней мѣрѣ съ его вѣдома. Въ заключеніе жаловались на буйство Поляковъ, которые вступили въ Россію, какъ бы въ землю покоренную ихъ оружіемъ, и столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ вельможъ не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія; что многія боярыни были извлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятія мужей; что Димитрій, получая непрестанныя жалобы на столь неслыханную дерзость, никогда не хотѣлъ явить примѣрнаго наказанія виновнымъ; что во все время его правленія, только одинъ былъ обвиненъ

приговоромъ суда, и того Поляки, считая себѣ все дозволеннымъ, исхитили изъ рукъ правосудія, убивъ палача.[300] Наконецъ, для лучшаго убѣжденія въ обманѣ, когда случился необычайный морозъ, истребившій вездѣ плоды, и чернь, уже озлобленная убійствами, приписала это бѣдствіе гнѣву Божію, присудили вырыть тѣло бѣднаго Димитрія, погребенное за городомъ, сожгли его и развѣяли прахомъ. Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитрій, или обманщикъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Тиранъ. Такъ называютъ Іоанна IV всѣ вообще иноземные современные писатели; потомство отвергло неосновательное прозваніе и, согласно съ характеромъ Іоанна, именуетъ его *Грознымъ*.

2.

Петрей: «По смерти безчеловѣчнаго мучителя *(Іоанна IV)*, въ Россіи случилось странное событіе: царь назначилъ опекуномъ своихъ дѣтей Богдана Бѣльскаго (Bogda Bielſzki), вельможу знатнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ устранить царевичей отъ престола и присвоить себѣ достоинство великаго князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кіевомъ; бояре и граждане вооружились противъ него: ибо, зная гордость и жестокосердіе властолюбца, они опасались вновь испытать всю тягость ужаснаго деспотизма; посему какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно государемъ и великимъ княземъ Ѳеодора Іоанновича, осадили крѣпость, навели на нее пушки, палили безъ умолка и побивъ многихъ единоземцевъ, въ крѣпости находившихся, принудили прочихъ злоумышленниковъ вытти изъ нея. Бѣльскій остался какъ ракъ на мели, сдалъ крѣпость своимъ врагамъ и долженъ былъ смириться. Тогда Ѳеодора Іоанновича провозгласили великимъ княземъ и 31 іюня (*31 мая*) 1584 года короновали царскимъ вѣнцомъ въ церкви пресвятой Богоматери, на 22 году его рожденія». Mußkowitiſche Chronika, стран. 255.

Это извѣстіе подтверждаетъ *Лѣтопись о мятежахъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что по словамъ ея, народъ былъ обманутъ молвою о замыслахъ Бѣльскаго, совершенно невиннаго Впрочемъ Ѳеодоръ сослалъ его въ Нижній-Новгородъ. *Русск. Лѣтоп. по Никонову списку. VIII.* 6.

3.

Петрей: «Ѳеодоръ былъ средняго роста и весьма бѣлъ лицемъ; нрава же благочестиваго и набожнаго; отъ супруги своей Ирины Ѳеодоровны (Irena Vdovia), онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей (?) мужскаго и женскаго пола, которыя однако всѣ умерли, какъ скоро увидѣли свѣтъ. Вступивъ на престолъ, онъ освободилъ немедленно всѣхъ узниковъ и уничтожилъ многіе налоги, обременявшіе подданныхъ: такъ завѣщалъ ему отецъ на смертномъ одрѣ. Но время было смутное и безпокойное: внутри государства свирѣпствовали мятежи и бунты; съ королевствомъ Шведскимъ Россія вела войну; съ Польскимъ надлежало возобновить перемиріе; дѣла съ прочими державами требовали также особеннаго благоразумія. Новый царь былъ вовсе неспособенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; притомъ же весьма неохотно занимался дѣлами государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ, или бесѣдовалъ о предметахъ душеспасительныхъ; часто ходилъ въ церкви, иногда самъ трезвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ къ обѣднѣ. Отецъ нерѣдко упрекалъ его тѣмъ, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго, нежели на царскаго.

«Бояре и князья, созванные имъ для совѣта, какія мѣры надлежало принять къ лучшему управленію государства, опредѣлили единогласно избрать въ соправители Ѳеодору шурина его, *государственнаго* конюшаго, Бориса Ѳедоровича Годунова. Онъ былъ весьма проворенъ, уменъ и проницателенъ; но душу имѣлъ коварную, обманчивую, лукавую, въ полномъ смыслѣ Русскую. Онъ-то погубилъ Россію. Его призвали въ палату, гдѣ собранъ былъ совѣтъ, и Ѳеодоръ, вставъ съ своего мѣста, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, съ сими словами»... *(Слѣдуетъ рѣчь, выписанная изъ Бера).* Müßkow. Chron. 255—257.

Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о такомъ происшествіи; въ государственныхъ актахъ Борисъ назывался: великимъ ближнимъ бояриномъ, великимъ конюшимъ и слугою. Патріархъ Іовъ именуетъ его изрядным*ъ правителемъ*.

4.

И наши лѣтописи и современные писатели иностранные свидѣтельствуютъ единогласно, что никогда, въ правленіе царей, Россія не была такъ счастлива, какъ при Ѳеодорѣ, подъ властію умнаго Бориса.

5.

Петрей: «По Русскимъ законамъ и обычаямъ, какъ великій князь, такъ и простой гражданинъ имѣетъ право, съ дозволенія патріарха и епископовъ, развестись съ своею женою, если она безплодна, заключить ее въ монастырь и взять за себя другую. Посему вельможи и граждане Московскіе рѣшились постричь бездѣтную царицу въ монахини, а для царя выбрали супругою сестру вельможи знатнѣйшаго по государѣ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго (*Floro Ivvanowitz Zizlphouschis*). Но Годуновъ искусно устранилъ опасность: онъ тайно убѣдилъ патріарха, имѣвшаго въ семъ дѣлѣ верховный судъ, не давать царю согласія на разводъ: ибо, говорилъ Борисъ, если у царя будутъ дѣти, а Димитрій, еще свѣжій и здоровый, между тѣмъ подростетъ, то все государство сдѣлается жертвою возмущеній и кровопролитныхъ междоусобій. Патріархъ согласился съ Годуновымъ, и оба они, дѣйствуя за-одно, кончили дѣло тѣмъ, что невѣсту тайно вывезли изъ дома, постригли въ монахини и заключили въ монастырь, гдѣ она и умерла. Никто не смѣлъ осуждать ея удаленія, ибо такъ рѣшилъ патріархъ, да Борисъ». Mußkow. Chron. 258—259.

6.

О нелѣпой молвѣ упоминаетъ и Авраамій Палицынъ: «Сему же «царевичу Димитрію, естествомъ возрастающу, и отъ ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, «и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о «ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ. И врази суще, и «ласкатели великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лжи состав«ливающе, съ сими подходятъ вельможъ, пачежъ сего Бориса, и отъ «многія смуты ко грѣху сего низводятъ». *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. Москва.* 1784, *стр.* 2.

7.

Петрей: «Борисъ подкупилъ четырехъ дворянъ Димитріевыхъ; далъ имъ серебра и золота, съ обѣщаніемъ наградить ихъ землями и помѣстьями, если они погубятъ царевича. Предатели исполнили порученіе такимъ образомъ: однажды ночью зажгли городъ; когда сдѣлалась тревога, они бросились во дворецъ и разбудили Димитрія, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выходилъ изъ дворца и смотрѣлъ на

пожаръ. Онъ всталъ съ постели; но едва сошелъ съ крыльца, злодѣи бросились къ нему и закололи его длинными ножами, намазанными ядомъ.

«Жители Углича, потушивъ огонь и узнавъ, что Димитрій былъ умерщвленъ, бросились во дворецъ и въ яростномъ гнѣвѣ побили всѣхъ почти его служителей, думая отмстить имъ за смерть царевича. Но Годуновъ не былъ еще этимъ доволенъ: казался печальнымъ, сокрушеннымъ и чтобы лучше утаить свое злодѣйство, въ притворномъ гнѣвѣ казнилъ гражданъ Углицкихъ (которые и безъ того потеряли все имущество во время пожара): иныхъ потопилъ, другимъ отсѣкъ головы, нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь; самъ же плакалъ о царевичѣ, рыдалъ и вопилъ предъ народомъ, а сердце у него прыгало отъ радости. Въ то же время, желая извѣстить всю Россію о Димитріевой смерти, отправилъ въ Угличъ, вмѣстѣ съ своими клевретами, знатнаго князя, Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго въ послѣдствіи царемъ, поручивъ ему удостовѣриться, точно ли Димитрій умерщвленъ, и если это окажется справедливымъ, похоронить его съ царскою пышностію, а дворецъ разрушить до основанія, какъ вертепъ злодѣевъ». Mußkow. Chron. 262.

8.

Происшествія до 1600 года описаны Беромъ по словеснымъ преданіямъ; молва же народная была очень несправедлива къ Борису Годунову: если вѣрить ей, Борисъ былъ тайною пружиною всего злаго. Но современники, обвиняя великаго мужа въ разныхъ преступленіяхъ, нелѣпостію разсказовъ обнаруживаютъ очевидное недоброжелательство: говорятъ, что онъ былъ колдунъ, отравилъ Ѳеодора и даже нареченнаго зятя своего, принца Датскаго. Пожаръ Московскій принадлежитъ кажется къ той же категоріи: явный врагъ Годунова, сочинитель *Лѣтописи о мятежахъ*, говоритъ только, что это было наказаніе Божіе.

9.

Петрей: «Нѣкоторые думаютъ, что Ѳеодоръ отравленъ Борисомъ». Mußkow. Chron. 263.

10.

Сказка: еслибы царь предлагалъ скипетръ Ѳедору Никитичу Романову (въ послѣдствіи патріарху Филарету) и его братьямъ, то безъ всякаго сомнѣнія о столь важномъ обстоятельствѣ было бы упомянуто въ грамматѣ о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича; но тамъ именно

сказано, что Ѳеодоръ *оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ; а душу свою праведную приказалъ патріарху Іову, Ѳедору Никитичу Романову и Борису Годунову.* Соб. Госуд. Грам. I. 602. Впрочемъ Беръ не самъ выдумалъ эту басню: въ Москвѣ дѣйствительно вѣрили, что умирающій царь наименовалъ своимъ преемникомъ Ѳедора Никитича Романова. *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. X, пр.* 370.

11.

Петрей говоритъ, что народъ удалился въ столицу и прислалъ оттуда къ монастырю нѣсколько тысячъ мальчиковъ. Mußkow. Chron. 268.

12.

Петрей считаетъ болѣе 200,000 воиновъ, Маржеретъ до 500,000.

13.

«Послы видяху такое великое войско и слышаху стрѣльбу, вельми ужасошася, и пріидоша къ царю, и едва посольство можаху исправити отъ такіе великіе ужасти». *Русск. Лѣт. по Ник. спис. VIII.* 38. Петрей присовокупляетъ, что Борисъ заключилъ съ Татарскимъ посломъ мирный договоръ, коимъ обязался *платить* Татарамъ ежегодную *дань.* Mußkow. Chron. 270.

14.

Когда свершился обрядъ коронованія, Борисъ вовсе неожиданно воскликнулъ: «Отче патріархъ! Богъ свидѣтель, что никто въ моемъ царствѣ не будетъ нищъ или бѣденъ! И тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: сію послѣднюю раздѣлю съ народомъ». *Палицына Сказ. о осадѣ Троиц. монаст.* 7.

15.

Борисъ намѣревался основать не однѣ школы, но и *университеты*, какъ видно изъ письма Нѣмецкаго ученаго Товіи Лонціуса отъ 24 января 1601 года *(Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 125*)*. Что сказать послѣ этого въ похвалу Борису? Мысль его привели въ исполненіе чрезъ *полтораста* лѣтъ.

16.

Петрей присовокупляетъ, что трое изъ нихъ служили съ честію при дворѣ Шведскаго короля Карла IX. Mußkow. Chron. 272.

Изъ дѣлъ Московскаго Архива видно, что въ Любекъ послано 5 молодыхъ Русскихъ; объ нихъ въ ноябрѣ 1606 года Любскіе бургомистры писали царю Василію Шуйскому, что они *непослушливы и поученья не слушали, и что двое изъ нихъ бѣжали, невѣдомо за что.* Въ Англію послано 4 человѣка. *Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 126.

17.

Червонцевъ, говоритъ Петрей. Тогдашній рубль (т. е. сто денегъ) былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся червонцу. Сравни *Петрея, стр.* 601.

18.

Густавъ принадлежитъ къ числу самыхъ злополучныхъ людей, упоминаемыхъ въ исторіи: отецъ его Эрикъ XIV былъ низложенъ съ престола родными братьями и отравленъ въ темницѣ; самъ онъ едва не погибъ еще въ колыбели: похититель короны Шведской, Іоаннъ, велѣлъ утопить двухлѣтняго принца. Судьба спасла его, но жизнь даровала ему злосчастную: достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ среди безпрерывныхъ опасностей, онъ долго скитался съ матерью изъ одной страны въ другую; наконецъ угнетаемый бѣдностью, рѣшился искать убѣжища въ Краковѣ, гдѣ царствовалъ сынъ его гонителя, Сигизмундъ, надѣясь найти тамъ помощь у сестры своей Зигриды, бывшей въ числѣ королевиныхъ фрейлинъ. Въ одеждѣ нищаго, явился Густавъ въ Краковѣ и нашелъ покровительство у самого Сигизмунда, потому, что не имѣлъ никакихъ замысловъ и своимъ мягкосердечіемъ плѣнилъ короля: безъ содраганія онъ не могъ видѣть даже птицы умирающей. Но милость короля Польскаго продолжалась недолго: злые клеветники вооружили его противъ неосторожнаго принца. Густавъ тайно удалился къ Рудольфу и былъ принятъ очень милостиво за рѣдкія познанія, особенно въ любимой императоромъ наукѣ, алхиміи, такъ, что онъ заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса. Вскорѣ однакожъ, разстроивъ душевныя и тѣлесныя силы безпрерывнымъ ученіемъ, наиболѣе же химическими опытами, онъ оставилъ императора, нѣсколько времени странствовалъ въ Европѣ, питаясь отчасти милостынею, отчасти продажею химическихъ запасовъ; наконецъ въ 1598 году прибылъ въ Торнъ, гдѣ получилъ отъ Годунова приглашеніе поселиться въ Россіи. Царь звалъ его къ себѣ не для того, чтобы женить на своей дочери: ему хотѣлось овладѣть Ливоніею; Густавъ же, какъ второй Магнусъ, по замѣчанію Карамзина, могъ служить орудіемъ его политики,

О пребываніи принца въ Россіи Петрей разсказываетъ слѣдующія обстоятельства, отчасти несогласныя съ извѣстіями Бера: «Въ 1599 году Борисъ отправилъ двухъ пословъ, одного въ Прусскій городъ Торнъ, а другаго въ Лифляндскій, Ригу, съ богатыми дарами къ сыну Шведскаго короля Эрика XIV, Густаву; послы, въ слѣдствіе царской воли, объявили принцу, что пора ему прекратить странствованія по бѣлому свѣту въ нищетѣ и бѣдствіи; убѣждали его пожаловать въ Россію, гдѣ онъ найдетъ въ царѣ не государя, а отца, и получитъ царское содержаніе; а если ему не понравится пребываніе въ Москвѣ, то всегда будетъ воленъ выѣхать со всѣми слугами, со всѣмъ имуществомъ, куда ни пожелаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послы вручили принцу опасную граммату (Geleits-Brieff), которую онъ, при отъѣздѣ въ Москву, отдалъ для сохраненія одному знатному Рижскому гражданину.

«Густавъ, пріѣхавъ въ Россію безъ грамматы, принятъ былъ какъ нельзя лучше: до самой Москвы его угощали по-царски. Борисъ подарилъ какъ ему, такъ и свитѣ его, нѣсколько сотъ червонцевъ, множество всякаго рода дорогихъ матерій для платья, шелковыхъ, бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, парчевыхъ, всякаго сорта мѣховъ собольихъ, куньихъ, рысьихъ, лисьихъ, также верховыхъ коней съ бруею, и сверхъ того весь приборъ для княжескаго стола. Эта милость продолжалась два года; наконецъ Борисъ предложилъ Густаву принять Русскую вѣру, обѣщая не только выдать за него свою дочь, но и пособить ему овладѣть Шведскимъ престоломъ: добрый принцъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится навсегда потерять свободу и умереть самою злою смертію, нежели для жены измѣнить своей религіи и погубить любезное отечество; вслѣдъ за тѣмъ, Густавъ просилъ дозволенія выѣхать изъ Россіи, ссылаясь на опасную граммату. Съ нимъ начали поступать совсѣмъ не такъ, какъ прежде; содержаніе уменьшалось день ото дня. Между тѣмъ царь, подкупивъ служителя его Іакова Шульта, родомъ изъ Кёнигсберга, досталъ чрезъ него тайно принцеву печать, и написалъ письмо отъ имени Густава къ Рижскому гражданину съ требованіемъ прислать опасную граммату немедленно; тотъ, увидѣвъ на письмѣ принцеву печать, исполнилъ приказаніе. Имѣя въ рукахъ опасную граммату, Борисъ думалъ, что Густавъ не посмѣетъ упорствовать въ отказѣ перемѣнить свою вѣру; но вышло совсѣмъ не то: принцъ объявилъ, что «государи и князья должны имѣть, по изрѣченію Балдуса, одно перо, одинъ языкъ; ибо сказано въ писаніи, не нарушу глагола устъ моихъ». Этимъ хотѣлъ онъ объяснить, что слово царское должно быть неизмѣнно; но не могъ тро-

нуть повелителя *варваровъ*. И такъ онъ впалъ въ жестокую горесть: проводилъ все время въ занятіяхъ науками и алхиміею; ослабѣлъ въ умственныхъ способностяхъ; не держалъ языка на привязи и часто, разгоряченный виномъ, говорилъ иногда въ шутку, иногда и въ правду, дерзко противъ Бориса. Такъ случилось ему однажды сказать для шутки царскому медику: «Если царь меня не отпуститъ, какъ онъ обѣщалъ и клялся, то я зажгу Москву и дамъ тягу». На другой день медикъ донесъ объ этомъ думному боярину Семену Никитичу, а тотъ немедленно государю: Борисъ такъ разгнѣвался, что велѣлъ знатному вельможѣ Степану Васильевичу отобрать у принца все серебро, посуду, платья, прежде подаренныя, приставилъ къ нему крѣпкій караулъ, и нѣсколько дней морилъ его голодомъ и жаждою. Скоро однакожъ смягчился: далъ Густаву княжество Углицкое, но съ тѣмъ, чтобы Русскіе сановники, посланные для присмотра за нимъ, управляли этою областью и собирали доходы, а принцу давали только необходимое для содержанія его съ служителями; тамъ жилъ онъ до самой смерти Борисовой. Потомъ Гришка Отрепьевъ, первый Лжедимитрій, сослалъ его въ Ярославль, гдѣ онъ содержался какъ плѣнникъ, единственно за то, что болѣе преданъ былъ Карлу IX, королю Шведскому, нежели Сигизмунду III, королю Польскому.

«По смерти Отрепьева, царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ принца въ Кашинъ, гдѣ было ему нѣсколько лучше, относительно пищи и другихъ жизненныхъ потребностей. Тамъ онъ умеръ въ 1607 году; похороненъ за городомъ въ прекрасной березовой рощѣ, гдѣ не только я, но и Шведскій полководецъ Делагарди, и многія другія особы видѣли своими глазами его могилу; посему несправедливо извѣстіе Мартина Бера (Bär), который пишетъ, что онъ самъ погребалъ Густава въ монастырѣ *Димитрія Солунскаго* (Mitrofzolonski) и получилъ за то 20 рублей въ награду,* ибо Русскіе никакъ не дозволятъ хоронить въ своемъ храмѣ, монастырѣ, или на кладбищѣ какого нибудь иновѣрца, ни знатнаго, ни незнатнаго.

«Не успѣвъ склонить Густава поднять оружіе на свое отечество, Борисъ условился съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нарвою нечаянно посредствомъ коварства и отнять ее у Швеціи. Главнымъ начальникомъ заговора былъ Конрадъ Бусъ; но умыселъ не удался: заговорщики были пойманы, обезглавлены и колесованы. За эту достойную награду имъ надлежало благодарить вѣроломнаго своего руководителя». Mußkow. Chron. 272—277.

* Въ моемъ спискѣ Беровой лѣтописи объ этомъ ничего не сказано.

19.

Петрей называетъ его Христоферъ Ритингъ, родомъ изъ Венгріи, и говоритъ, что онъ былъ архіатеромъ, т. е. самымъ главнымъ. 253.

20.

Никто изъ царей не былъ усерднѣе Бориса къ православію: Іоаннъ похороненъ въ лютеранской церкви единственно потому, что онъ былъ лютеранинъ. «Эта божница выстроена по просьбѣ Густава, принца Шведскаго, который далъ вкладу 100 талеровъ: каждый изъ пяти врачей Нѣмецкихъ внесъ по 40 талеровъ; прочіе Нѣмцы жертвовали по соразмѣрности съ своими окладами». *Петрей*, 253.

21.

«Умный Борисъ», говоритъ Карамзинъ, «не могъ дозволить себѣ такого дѣла». Впрочемъ достовѣрно, что Годуновъ ненавидѣлъ *Турскаго Магметъ-салтана* и старался вооружить противъ него всю Европу.

22.

Ливонія (нынѣшняя Лифляндія, Эстляндія и Курляндія) въ древнѣйшія времена большею частію зависѣла отъ Русскихъ князей. Въ началѣ XIII столѣтія присвоилъ ее орденъ Меченосцевъ. Іоаннъ IV, пользуясь слабостью ордена, рѣшился овладѣть Ливоніею, какъ древнею собственностію Россіи. Меченосцы не могли сопротивляться ему и искали покровительства у державъ сосѣдственныхъ: 1561 года Эстляндія признала надъ собою власть Швеціи, а Лифляндія покорилась королю Польскому, который принялъ подъ свое покровительство и Курляндію, вмѣстѣ съ Семигаліею. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась между тремя державами, Россіею, Швеціею и Польшею, кровопролитная война, прекратившаяся уже въ половинѣ XVII столѣтія Оливскимъ миромъ.

23.

Печоры нынѣ безъуѣздный городъ съ 943 жителями, въ 57 верстахъ отъ Пскова.

24.

50 рублей тогдашнихъ составятъ нынѣ около 150 рублей сереб.

Въ четверти считалось 1,200 квадр. сажень доброй земли; 800 четвертей составляли *соху* (400 десятинъ). *Карамз. И. Г. Р. X.* 259.

25.

Петрей присовокупляетъ, «что Любскіе и Ганзейскіе послы поднесли Борису 20 вызолоченныхъ бокаловъ, красивое, очень искусно сдѣланное, также вызолоченное, изображеніе корабля, со всѣмъ приборомъ, и двуглаваго орла, наполненнаго Венгерскими червонцами и розеноблями (монета въ 2 червонца); что царь всѣмъ городамъ Ганзейскимъ даровалъ свободу торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ, дозволивъ купцамъ ихъ приходить въ Россію и выходить изъ нея безъ всякаго препятствія; и что подобное право получили Англичане и Голландцы, которые могли свободно купечествовать въ Колмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ находились ихъ конторы». Mußkow. Chron. 283. Это ложно: извѣстіе Бера подверждается не только бумагами нашего архива, но и хроникою Ганзейскою (см. Wagner's Geſchichte d. Europäiſchen Norden, ч. VIII. стр. 22—40): т. е. однимъ только Любчанамъ даровано было право платить половинную пошлину предъ всѣми иноземцами; съ Ганзою же Борисъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла, во 1) потому, что многіе города Ганзейскіе находились подъ властію разныхъ владѣтелей, во 2), что они не прислали пословъ особенныхъ. Въ слѣдствіе того Любскимъ посламъ было объявлено, что государь Ганзы вовсе не знаетъ.

26.

Такъ говоритъ о Борисѣ патріархъ Іовъ: «Этотъ же изрядный «правитель, Борисъ Ѳеодоровичъ, своимъ бодроопаснымъ правитель-«ствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по царскому изволенію, многіе «грады каменны созда... и самый царствующій богоспасаемый градъ «Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою украси, многія убо «въ немъ прекрасныя церкви каменны созда и великія палаты устрои... «и стѣны градныя окрестъ всея Москвы превелики каменны созда и «величества ради и красоты проименова его Царь-градъ» *(Русск. Лът. по Ник. сп. VII.* 328*)*. Это случилось еще при жизни Ѳеодора. Въ послѣдствіи, вступивъ на престолъ, Борисъ воздвигнулъ въ 1600 году колокольню Ивана Великаго.

По словамъ очевидцевъ, древняя стѣна, выведенная Борисомъ около

Смоленска, имѣетъ 25 футовъ въ вышину, 18 фут. въ толщину, 3000 тоазовъ въ окружности.

Борисовъ на Донцѣ, по словамъ Карамзина, основанъ въ 1600 году, а Царевъ-Борисовъ на устьѣ Протвы, около того же времени. *(Ист. Гос. Росс. X, пр. 439).*

27.

Поссевинъ, бывшій въ Россіи въ 1582 году, говоритъ, что Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій былъ очень жалуемъ Іоанномъ, находился при дворѣ неотлучно 13 лѣтъ и спалъ въ царской спальнѣ (Moscovia A. Possevini, p. 27.). Предъ смертію, Грозный назначилъ его опекуномъ несчастнаго царевича Димитрія. Бѣльскій въ свое время былъ то же, что Малюта Скуратовъ.

28.

Нашъ лѣтописецъ оправдываетъ Бѣльскаго, говоря, что онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, и что Борисъ велѣлъ его *позорити многими позоры*, единственно за любовь къ нему народную. *Русск. Лѣтоп. по Никон. сп.* VIII. 47.

29.

Т. е. Беръ вѣритъ клеветѣ, которою подозрительный Борисъ хотѣлъ очернить добродѣтельную фамилію Романовыхъ. Не только наши лѣтописцы, но и Маржеретъ, иностранецъ, служившій Годунову, совершенно оправдываетъ этотъ родъ знаменитый. Онъ говоритъ: «Съ 1600 года, «когда разнеслась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ занимался ежеднево только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего «господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя «награжденіе, а господина его или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда «не дѣлали, не слыхали и не видали». *Состояніе Росс. Державы въ началѣ XVII вѣка*, стр. 292.

Карамзинъ приводитъ несомнѣнныя доказательства, что бояре, угождая царю, старались самыми нелѣпыми выдумками очернить Романовыхъ. *И. Г. Р.* XI. 99 — 107. Борисъ излилъ на нихъ злобу въ 1601 году: Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, возведенный прежде самимъ же Годуновымъ въ достоинство боярина, былъ постриженъ, названъ Филаретомъ и сосланъ въ Сійскую Антоніеву обитель; супруга его Ксенія

Ивановна, также постриженная и названная Маѳою, отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; теща Ѳедорова въ Чебоксары. Александръ Никитичъ, бывшій бояриномъ, сосланъ къ Бѣлому морю; Михайло Никитичъ, окольничій, въ Великую Пермь; Иванъ Никитичъ въ Пелымъ, Василій въ Яренскъ; зять ихъ, князь Борисъ Черкаскій съ женою и дѣтьми ея брата Ѳедора Никитича, шестилѣтнимъ *Михаиломъ*, и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро. Всѣ невинные родственники ихъ были также гонимы безъ всякой пощады. Василій, Александръ и Михайло Никитичи умерли въ темницахъ; Иванъ Никитичъ призванъ снова въ Москву. Филаретъ, по волѣ Годунова, посвященъ въ архимандриты; а сынъ его, *Михаилъ*, получилъ дозволеніе жить вмѣстѣ съ матерью въ отчинѣ своей, селѣ Клинѣ.

Лжедимитрій, овладѣвъ престоломъ, вызвалъ Филарета, мнимаго родственника, изъ Сійской пустыни, и далъ ему санъ митрополита Ростовскаго; съ того времени инокиня Маѳа и юный *Михаилъ* жили до 1613 года, въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ св. Ипатія. *Карамз. И. Г. Р.* XI. 215.

30.

Петрей приводитъ слова легкомыслевнаго поэта такимъ образомъ (стр. 286):

Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
At si juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebunt Erebi depopulare domum.

31.

Петрей: «Борисъ правилъ государствомъ до тѣхъ поръ, когда явился отчаянный монахъ, который назвалъ себя царевичемъ Димитріемъ, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заставилъ его съ родственниками и друзьями испытать то же самое, что онъ сдѣлалъ съ царскимъ поколѣніемъ. Этотъ монахъ былъ Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia), сынъ простаго дворянина, родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распутную и могъ служить образцемъ для всѣхъ негодяевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (Trinoufa), думая, что тамъ, среди суровыхъ иноковъ, онъ перестанетъ непотребствовать и привыкнетъ къ благочестивой жизни; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ очень невкусенъ. Имѣя лукавый и проницательный умъ, онъ

скоро подружился съ однимъ хитрымъ монахомъ, Борисовымъ недоброжелателемъ. Этотъ монахъ предугадывалъ, что Гришка рожденъ къ чему-то необыкновенному: онъ походилъ на убіеннаго царевича Димитрія нѣкоторыми признаками на носу и на правой рукѣ; впрочемъ имѣлъ смуглое лицо, густые черные волосы, средній ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими лѣтописями и научилъ разнымъ плутнямъ, тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ чернокнижникъ, а пріятель понималъ его наставленія очень быстро. Потомъ оба они оставили Россію и пришли въ княжество Кіевское; между тѣмъ злой инокъ объяснилъ ему, въ какомъ положеніи были дѣла государственныя, какъ ненавидѣли царя вельможи и что надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла: по совѣту его, Гришка долженъ былъ явиться къ князю Адаму Вишневецкому». *Далѣе изъ Бера.* Mußkow. Chron. 284—285.

Въ извѣстіяхъ Петрея и Бера о Самозванцѣ находится важное разнорѣчіе: первый признаетъ его Отрепьевымъ; а второй Полякомъ, побочнымъ сыномъ Стефана Баторія; Отрепьевъ же, по мнѣнію Бера, былъ только руководителемъ Самозванца.

32.

Петрей, разсказывая то же самое, несогласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельствѣ: Отрепьевъ остался у Вишневецкаго, а злой чернокнижникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ казаковъ.

33.

Петрей прибавляетъ, что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность камердинера; между тѣмъ учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ; участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. Mußkow. Chron. 287.

34.

Княжество Висніовецъ находилось въ Подоліи; Бѣлорусскихъ князей никогда не было.

35.

Это помѣстье было Брагинъ, по извѣстію нашихъ лѣтописей.

36.

Петрей: «Воевода Сендомирскій, съ согласія езуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить короля Польскаго, папу и другихъ вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами, овладѣть прародительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россіи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе искоренить греческую вѣру и ввести католическую, далъ слово жениться на дочери воеводы Сендомирскаго. Езуиты радовались отъ всей души и тотчасъ дали ему двухъ учителей, которые вскорѣ сдѣлали его настоящимъ католикомъ. Послѣ сего представленный воеводою королю Польскому, онъ принятъ былъ весьма ласково и получилъ дозволеніе набирать въ Польшѣ людей военныхъ. Многіе знатные паны, вмѣстѣ съ обоими воеводами, употребили всѣ силы, даже заложили свои помѣстья, чтобы доставить Самозванцу средства къ походу, и сами съ нимъ отправились». Mußkow. Chron. 291 — 292.

37.

Окольничій Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ троюродный братъ Борису.

38.

Кадь, бочка, или оковъ, содержали въ себѣ 4 четверти; до 1601 года продавали хлѣбъ единственно бочками, четвертями и осминами; а съ того времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *четверика* (*Ис. Г. Р. III, пр. 8*). Карамзинъ выводитъ, что четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до 15 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ; по словамъ Петрея, бочка ржи, стоившая прежде 12 грошей, продавалась по 19 талеровъ. Mußkow. Chron. 293.

39.

Петрей: «Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва могъ силою отнять младенца и спасти его». Mußkow. Chron. 292.

40.

Петрей говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 30,000 талеровъ, пока дороговизна не уменьшилась. 293.

41.

Справедливѣе *убогій домъ*. Скудельницы или убогіе домы учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Іерусалимѣ *села скудельница*. На этихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, странниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильственною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ убогій домъ: главный, кажется, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій монастырь. Сверхъ того были скудельницы или убогіе домы близъ церкви Іоанна Воина, близъ Варсонофьевскаго монастыря, въ Марьиной рощѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч. *См. Труды Общ. Истор. и Др. Рос. ч. III. кн. I.*

42.

По сказанію Авраамія Палицына, въ 2 года и 4 мѣсяца схоронено въ трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось болѣе 400. *Сказ. о осадѣ Троиц. мон.* 11.

43.

«Извѣстіе конечно несправедливое, говоритъ Карамзинъ, ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ». *И. Г. Р. XI.* 116.

44.

Авраамій Палицынъ пишетъ, что «послѣ, во время смятеній, обрѣтеся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неистощены, и въ поляхъ скирды стояху; гумна же пренаполнены одоней, и копенъ и взородовъ, и до 40 лѣтъ, отнелѣ же смятеніе бысть во всей Русской землѣ, и питахуся вси старыми труды, такоже и убивающихъ ихъ питаху». *Сказ. о ос. Троиц. м.* 11. Карамзинъ вѣритъ словамъ Бера; но едвали не справедливо замѣчено въ Сѣверномъ Архивѣ (ч. 14), что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молотить хлѣба: ибо

*

деревья иначе не могутъ расти, какъ на твердомъ и плотномъ веществѣ, составляющемъ одну массу. — Впрочемъ дознано опытомъ, что хлѣбъ въ скирдахъ можетъ лежать до 40 лѣтъ безъ поврежденія.

45.

Въ это время, по извѣстію нашей лѣтописи, свирѣпствовалъ злодѣй Хлопко, который подъ самою Москвою сразился съ царскимъ воеводою Иваномъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ и убилъ его. *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 53.

46.

Авторъ не признаетъ Самозванца царевичемъ и при всемъ томъ называетъ его Димитріемъ, вѣроятно для избѣжанія повтореній. Переводчикъ не счелъ нужнымъ безпрестанно повторять слово *Самозванецъ:* всякій увѣренъ, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ. То же должно разумѣть и о Тушинскомъ Ворѣ, или Царикѣ, котораго Беръ называетъ Димитріемъ II.

47.

Маржеретъ, служившій тогда въ царскомъ войскѣ, говоритъ, что у Мстиславскаго было отъ 40 до 50,000 ратниковъ. *Сост. Рос. Держ. въ нач. XVII вѣка.*

48.

Петрей: «Главный воевода получилъ 15 ранъ; 2,000 Москвитянъ пало на мѣстѣ; рать Борисова навѣрное потеряла бы еще болѣе, если бы Шведскій капитанъ Лоренцъ Біугге не подоспѣлъ на помощь Басманову съ 600 иноземцевъ и не зажегъ Димитріева лагеря». Mißfow. Chron. 299.

49.

Т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, говоритъ Карамзинъ (XI. пр. 278); но такой расчетъ невѣренъ: если даже принять, что тогдашній рубль заключалъ 5 рублей серебромъ, какъ думаетъ исторіографъ, то 2,000 составятъ только 10,000 рублей серебр. Основываясь на вышеизложенномъ расчетѣ (см. пр. 17), мы думаемъ, что Басманову дано 6,000 рублей серебр.

50.

Петрей присовокупляетъ: «Узнавъ о побѣдѣ при Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, Борисъ отправилъ въ свой лагерь знатнаго боярина Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80,000 талеровъ, для раздачи въ награду вѣрному войску; но Мосальскій не нашелъ дороги въ станъ Борисовъ и привезъ деньги въ лагерь Димитріевъ; Самозванецъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ крестомъ, знаменами, при звукѣ трубъ, съ барабаннымъ боемъ, и сдѣлалъ его своимъ маршалкомъ; всѣ деньги были розданы казакамъ; Поляки же, не получивъ ни гроша, отказались служить Димитрію: посему оба воеводы, Сендомирскій и Кіевскій (*Вишневецкій*) отправились на родину добывать денегъ и взяли съ собою 2,000 Поляковъ». Mußkow. Chron. 300.

51.

Нынѣ село Добрунь на рѣкѣ Сѣвѣ, недалеко отъ Сѣвска.

52.

Безъ сомнѣнія, ни одному Русскому не приходила въ голову мысль столь нелѣпая.

Петрей разсказываетъ слѣдующія подробности о Добрынской битвѣ: «Послѣ сраженія при Новѣгородѣ-Сѣверскомъ, разстрига отступилъ на нѣсколько миль къ той сторонѣ, гдѣ находились города, прежде имъ покоренные; Москвитяне преслѣдовали его до деревни Добрыничи; далѣе же итти не смѣли, не зная, какъ сильно войско непріятельское, и остановились лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ деревни, въ густомъ лѣсу; между тѣмъ 7,000 ратниковъ отправились въ окрестности, съ намѣреніемъ ограбить жителей и достать овса, сѣна и съѣстныхъ припасовъ; но едва отошли съ милю отъ лагеря, наткнулись на Польскій эскадронъ, который ударилъ на нихъ стремительно и положилъ на мѣстѣ до 4,000; прочіе опрометью побѣжали въ лагерь и такой ужасъ навели на главное войско, что оно на другой день укрѣпило свой станъ огромными деревьями (*гуляемъ?*). Воеводы Московскіе однако ободрились, и на третій день выслали 12,000 отборнѣйшихъ воиновъ, узнать, что дѣлаетъ непріятель и гдѣ его лагерь. Когда отрядъ открылъ враговъ, Самозванецъ бодро вышелъ къ нему на встрѣчу; завязалась перестрѣлка, однако не надолго; ночь прекратила битву, и обѣ стороны возвратились въ свои лагери. Въ этомъ дѣлѣ Русскіе потеряли 200 человѣкъ убитыми и 100

плѣнными; сами же захватили одного Поляка, привели его въ лагерь и отъ радости не знали, что дѣлать: прыгали, плясали, какъ будто одержали знаменитую побѣду. Воеводы начали допрашивать плѣннаго; онъ былъ пьянъ, требовалъ вина и пива и только тогда соглашался дать вѣрныя свѣдѣнія. Раздраженные воеводы приказали его пытать; но ничего не могли вывѣдать: плѣнникъ испустилъ духъ отъ ударовъ; трупъ его обнажили и повѣсили среди лагеря, на высокой ели. Не успѣвъ узнать о силахъ непріятельскихъ, Московскіе воеводы очень безпокоились и не знали, что дѣлать: итти ли впередъ или отступить; наконецъ послѣ многихъ совѣщаній ободрились: строго приказали всему войску готовиться къ битвѣ и на другой день, рано по утру, выступили изъ лѣса на ровное поле со всѣми силами, состоявшими болѣе, нежели изъ 200,000 человѣкъ. Гришка недолго медлилъ, вышелъ врагамъ на встрѣчу, ударилъ отважно и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но иноземная Борисова дружина храбро напала на Димитріевыхъ воиновъ, стрѣлявшихъ изъ пушекъ, побила ихъ и овладѣла орудіями. Москвитяне, которымъ дорога въ лагерь была уже отрѣзана, замѣтивъ успѣхъ иноземцевъ, соединились съ ними и снова начали сражаться: враги не устояли; ихъ преслѣдовали три мили съ такою яростію и быстротою, что немногіе уцѣлѣли. Самому Димитрію, казалось, нельзя было избѣжать смерти или плѣна: раненный въ ногу конь едва могъ нести его; но сами Русскіе воеводы, не доброхотствуя великому князю, спасли Самозванца: они посылали къ войску гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и унять безполезное кровопролитіе: ибо говорили, дѣло сдѣлано: *попался куръ во щи.* И такъ войско возвратилось въ лагерь. Сраженіе Добрынское случилось 20 января 1605 года. Гришка потерялъ 8000 человѣкъ, со всѣми литаврами и орудіями. Борисъ лишился 500 Русскихъ и 25 иноземцевъ». Mißk. Chr. 300 — 302.

И Беръ и Петрей приписываютъ славу побѣды иноземной дружинѣ; но это ложно: Маржеретъ, который съ Розеномъ, по извѣстію Бера, спасъ Москвитянъ, признается откровенно, что иноземцы бѣжали вмѣстѣ съ прочими, и что не они, а Русскіе воины, вырвали побѣду изъ рукъ Самозванца. *Сост. Рос. Держ. въ нач. XVII вѣка* стр. 295.

53.

Около Сѣвска.

54.

Петрей присовокупляетъ, что Корела былъ страшный волшеб-

никъ и много пособлялъ Димитрію своимъ чародѣйствомъ. Mußkow. Chron. 304.

55.

По свидѣтельству Маржерета и нашихъ лѣтописей, въ товарищи Мстиславскому назначенъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Князь Катыревъ-Ростовскій посланъ уже въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ Басмановымъ.

56.

Петрей: «Иноземцы хотѣли взять этотъ городъ *(Кромы)* приступомъ; но Русскіе военачальники удержали ихъ, объявивъ, что великій князь не хочетъ кровопролитія и желаетъ принудить осажденныхъ къ покорности голодомъ. Осада продолжалась болѣе 2 мѣсяцевъ. Въ царскомъ лагерѣ между тѣмъ носилась молва, что Борисъ отправилъ пословъ къ императору Римскому и королю Датскому, жаловался имъ на вѣроломство Поляковъ, на измѣну своихъ подданныхъ, и просилъ прислать ему вспомогательное войско». Mußkow. Chron. 304.

57.

Петрей: «Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ самъ принялъ ядъ; а другіе полагаютъ, что онъ отравленъ». Mußkow. Chron. 306.

Смерть Годунова, кажется, навсегда останется загадкою; онъ не могъ быть самоубійцею, еще имѣя всѣ средства сокрушить Самозванца.

58.

Петрей: «По смерти Борисовой, Москвитяне присягнули сыну его Ѳеодору; въ Кромской же лагерь посланъ былъ Петръ Басмановъ съ порученіемъ привести всѣхъ воиновъ къ присягѣ юному государю. Но какъ главный полководецъ Мстиславскій отозванъ былъ въ Москву для вспомоществованія Ѳеодору въ правленіи, и Басмановъ принялъ начальство надъ войскомъ; то прочіе воеводы очень оскорбились и не хотѣли ему повиноваться; открылся раздоръ: когда одинъ желалъ битвы, другой шелъ восвояси; каждый помышлялъ только о томъ, чтобы захватить въ свои руки силу, богатство, самое правленіе, надѣясь воспользоваться смутными обстоятельствами. Воины слѣдовали ихъ примѣру, взбунтовались и раздѣлились на двѣ партіи. Преданные Годуновымъ поклялись въ вѣрности юному царю и расположились съ орудіями на одной сторонѣ

близь города; недоброхоты же Борисову племени собрались на другой сторонѣ, ночью послали казакамъ съѣстные припасы, убѣждали ихъ быть твердыми и назначили часъ, когда надлежало сдѣлать вылазку, обѣщая въ то же время напасть на приверженцевъ Годунова съ противоположной стороны; такъ и случилось: измѣнники соединились съ казаками, и восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» въ числѣ 150,000 ударили на вѣрныхъ царю, кричавшихъ: «да здравствуетъ Ѳеодоръ!» выбили ихъ изъ лагеря, отняли орудія, многихъ побили, многихъ ранили и взяли въ плѣнъ двухъ знатныхъ воеводъ Ивана Ивановича Годунова и Михайла Глѣбовича (Klebawitz) Салтыкова; остальные ратники бѣжали въ Москву». Mißkow. Chron. 306 — 307.

59.

Самозванецъ прислалъ въ Красное село дворянъ Пушкина и Плещеева.

60.

Петрей: «Красносельцы, съ почтеніемъ принявъ посланнаго Димитріемъ, отправились толпами въ столицу, пришли на площадь и созвали гражданъ Московскихъ, которымъ гонецъ долженъ былъ также прочесть грамматy Самозванцеву. Послѣ того Москвитяне явились къ князю Василію Шуйскому съ просьбою сказать имъ откровенно, точно ли Димитрій царевичъ убіенъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣтей Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ своимъ войскомъ; а въ Угличѣ, вмѣсто его, убитъ сынъ поповскій. Услышавъ это, народъ сказалъ, что свидѣтельство Шуйскаго, преданность бояръ и всего войска доказываетъ неоспоримое право Димитрія на Русскій престолъ». *Далѣе изъ Бера.* Mißk. Chr. 310. Петрей, кажется, баснословитъ: если бы дѣйствительно спрашивали Шуйскаго, Беръ не умолчалъ бы о столь важномъ обстоятельствѣ.

61.

Петрей: «Лжедимитрій, размышляя, что ему трудно будетъ исполнить свои преступные замыслы, если останется живъ юный царь, который можетъ со временемъ лишить его престола, отправилъ въ Москву писаря (Schreiber) Ивана Богданова, съ повелѣніемъ тайно умертвить Ѳеодора и мать его, а въ народѣ разгласить, что они сами себя отравили;

сестру же царскую приказалъ держать подъ стражею до своего прибытія. Богдановъ въ точности исполнилъ порученіе: удавивъ царя и царицу въ ихъ комнатѣ, распустилъ молву, что они сами приняли ядъ; эта молва несправедлива: они погибли насильственною смертію, въ чемъ свидѣтельствовали знаки удавленія, которые я видѣлъ собственными глазами на ихъ трупахъ». Mißk. Chr. 314. Цареубійцами, по извѣстію нашихъ лѣтописей, были князья Голицынъ и Мосальскій. «Они взя съ «собою Михалка Молчанова, да Андрея Шелеоединова, да 3 человѣкъ «стрѣльцовъ, и поиде на старый царя Борисовъ дворъ, гдѣ сидятъ цари- «ца и царевичъ за приставы, и внидоша въ храмину, гдѣ они сидѣша. «Царевичъ же съ царевною сидяще, аки агни нескверные, ждуще себѣ «заклатія.... Тѣ же стрѣльцы убоицы ихъ разведоша по храминамъ «порознь; царицу Марью удавиша товожъ часа; царевича же многіе часы «давиша, якожъ не младости въ тѣ поры далъ Богъ ему мужество; зло- «дѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя боряшеся; единъ отъ нихъ «взятъ его за таенные уды и раздавы». *Ник. Лѣт. VIII.* 69.

62.

Петрей: «Возложивъ на себя корону, Самозванецъ показалъ первый опытъ своего мужества и великодушія надъ Ксеніею, дочерью Бориса Годунова: взялъ ее во дворецъ и нѣсколько дней утопалъ въ гнусномъ сладострастіи; потомъ, когда царевна ему надоѣла, приказалъ постричь ее и сослать въ монастырь, гдѣ она и умерла». Mißkow. Chron. 318.

Ѳеодоръ Борисовичъ погибъ 10 іюня 1605 года; а отъ 25 декабря воевода Сендомирскій, уже нареченный тесть Лжедимитрія, писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: «Много здѣсь вашему царскому величеству усердствующихъ, но много и злодѣевъ, которые о здравіи вашемъ разсѣваютъ разные слухи, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ. Хотя люди разсудительные сему не вѣрятъ; однако я, по искренней любви къ вашему царскому величеству, Богомъ дарованному мнѣ сыну, прошу васъ имѣть крайнюю предосторожность; *и поелику извѣстная царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите ваше царское величество, внявъ совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить. Вѣдайте ваше царское величество, что люди самую малѣйшую въ государяхъ погрѣшность обыкновенно примѣчаютъ и подозрѣніе наводятъ*». *Собр. Госуд. Грам. II.* 243.

Злополучная Ксенія, въ инокиняхъ Ольга, умерла 30 августа 1622 года и погребена въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Тамъ донынѣ уцѣлѣла на камнѣ надгробномъ слѣдующая надпись: «Лѣта 7130 августа въ 30 день, преставися благовѣрная царевна инока Ольга Борисовна». *Церк. Рос. Ист. Митр. Платона. II.* 144.

Такъ описываетъ ее современникъ Кубасовъ: «Царевна Ксенія, «отроковица чуднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ «румяна, очи имѣя черны, велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ «жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною «блисташе; бровьми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію «обліянна; возрастомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черны, велики, «аки трубы по плечамъ лежаху; воистинну, во всѣхъ женахъ благочин- «нѣйша, и писанію книжному многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во всѣхъ «дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣваемые любляше, и пѣсни духовныя «любезнѣ слышати любляше». *Русскія Достопамятности, ч. I.* 164.

63.

Въ одной изъ нашихъ лѣтописей сказано: «Царя Бориса извергоша «изъ храма архистратига Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ «великимъ поруганіемъ, и каменіе нань метати и ногами пхати тѣло «его, поверженное и на земли лежащее; погребоша его въ единомъ отъ «убогихъ монастырей, именуемомъ Варсонофьевскимъ обону страны «Неглинны». Варсонофьевскій монастырь находился между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія. *Карамз. И. Г. Р. XI, пр.* 351.

64.

Такой приговоръ весьма несправедливъ: Годуновъ заботился о просвѣщеніи подданныхъ, объ искорененіи пороковъ, былъ точно отцемъ народа, строилъ города, ободрялъ промышленность мѣрами благоразумными и возвеличилъ Россію. Безпристрастный современникъ Сергѣй Кубасовъ описываетъ Годуновыхъ, отца и сына, такимъ образомъ: «Царь «Борисъ благолѣпіемъ цвѣтущи и образомъ своимъ множество людей «превозшедъ; возрасту посредство имѣя, мужъ зѣло чуденъ и сладко- «рѣчивъ, вельми благовѣренъ, и нищелюбивъ, и строителенъ вельми о «державѣ и многое попеченіе имѣя, и многое дивное отъ себя творяще; «едино же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе, ко врачемъ сер- «дечное прилежаніе, и ко властолюбію несытное желаніе, и на прежде

«бывшихъ ему царей (?) ко убіенію имѣя дерзновеніе; отъ сего же и «возмездіе пріятъ».

«Царевичъ Ѳеодоръ, царя Бориса отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ «цвѣтущи, яко цвѣтъ дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и яко «кринъ въ полѣ цвѣтущь; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, «млечною бѣлостію блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; «наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, во отвѣтѣхъ «дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда «же изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и поученіи книжномъ со усердіемъ «прилежаше». *Русскія Достоп. ч. I.* 173—174.

65.

Петрей: «Вшествіе въ Москву происходило слѣдующимъ образомъ: царя окружали 60 знатнѣйшихъ вельможъ, одѣтыхъ столь же великолѣпно, какъ и самъ онъ; всѣ они ѣхали на коняхъ. Впередъ посланъ былъ ѣздовой съ отрядомъ трубачей и литаврщиковъ, для наблюденія за порядкомъ и для развѣдыванія, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали взадъ и впередъ съ вѣстями. Предъ самимъ Димитріемъ ѣхали дружины Польскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами. За нимъ слѣдовали также нѣсколько дружинъ, въ такомъ же порядкѣ и вооруженіи; далѣе иностранцы, казаки и стрѣльцы, другъ за другомъ по 20 человѣкъ въ рядъ. Въ городѣ и крѣпости звонили во всѣ колокола, большіе и малые; вездѣ было веселіе и пышное торжество. На большихъ широкихъ улицахъ, на кровляхъ домовъ и церквей было такое множество зрителей, что издали толпы народа казались несмѣтными роями пчелъ. Вездѣ, гдѣ ни проходилъ Димитрій, Москвитяне падали ницъ и восклицали: «Здравствуй отецъ нашъ, государь и великій князь Всероссійскій! даруй Боже тебѣ многія лѣта; да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное!» «Здравствуйте, мои дѣти!» отвѣчалъ Димитрій; «встаньте и молитесь за меня Богу». Какъ скоро онъ въѣхалъ на площадь чрезъ живой мостъ и водяныя ворота, поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Русскіе перепугались и, сотворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: «Господи спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію». Mißkow. Chron. 315—317.

66.

Царица жила въ Выксинскомъ монастырѣ (*Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, пр.* 379).

67.

Вотъ особы, составлявшія государственный совѣтъ Лжедимитрія: I) *Особы духовныя:* патріархъ (онъ сидѣлъ по правую руку), митрополиты: Новгородскій и Великолуцкій, Казанскій и Свіяжскій, Ростовскій и Ярославскій, Сарскій и Подонскій; 7 архіепископовъ и 3 епископа. II) *Особы свѣтскія:* бояре перваго класса: князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій; князья Василій и Дмитрій Ивановичи Шуйскіе; князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій; Михайло Ѳедоровичъ Нагой, конюшій великій; князь Никита Романовичъ Трубецкой; Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе; князь Василій Михайловичъ Масальскій, дворецкій великій; князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій; князь Андрей Романовичъ Трубецкой; Григорій Ѳедоровичъ Нагой; князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ; князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны; Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; Петръ Никитичъ Шереметевъ; князь Василій Карануговичъ Черкасскій-Кабардинскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ; князь Андрей Петровичъ Куракинъ; князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій-Ряполовскій; князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ; Иванъ Никитичъ Романовъ; князь Ѳедоръ Ивановичъ Хворостининъ-Ярославскій; Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ; князь Иванъ Никитичъ Большой-Одоевскій; Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, оружейничій великій; князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; Михайло Богдановичъ Сабуровъ; князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ; Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій; князь Данило Борисовичъ Пріимковъ-Ростовскій; князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій; князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, мечникъ великій. III) *Совѣтъ окольничихъ:* Михайло Борисовичъ Шеинъ; Василій Петровичъ Морозовъ; князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій; Михайло Михайловичъ Салтыковъ; Василій Яковлевичъ Щелкаловъ; князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій; князь Григорій Борисовичъ Долгорукій; князь Александръ Ѳедоровичъ Жировый-Засѣкинъ; Иванъ и Василій Петровичи Головины; князь Григорій Петровичъ Ромодановскій; Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ; князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ-Оболенскій, подчашій великій;

Алексѣй Романовичъ Плещеевъ; князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, кравчій великій; Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, печатникъ и секретарь великій; Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, подскарбій надворный и секретарь великій. IV) *Дворяне:* Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, сокольничій великій; Яковъ Васильевичъ Зюзинъ; Василій Борисовичъ Сукинъ; Григорій Ивановичъ Микулинъ; Артемій Васильевичъ Измайловъ; Андрей Матвѣевичъ Воейковъ, ясельничій. *Собр. Госуд. Грам.* 207—210.

68.

Въ подлинникѣ: „Grobe Moscowitiſche Beſtien". Предки наши, непоколебимые въ православіи, не заслуживали такого упрека.

69.

Въ подлинникѣ: Geleeţ; у Петрея Galiţ. Лжедимитрій, увѣдомляя папу о непремѣнномъ намѣреніи воевать съ Турками, просилъ его убѣдить императора не мириться съ султаномъ, и общими силами ударить на враговъ христіанства. *См. его грамматy въ Собр. Госуд. Грам. II.* 232.

Въ слѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Турками, Петрей присовокупляетъ: «Вспомнивъ свое обѣщаніе, данное въ Польшѣ, всѣми силами стараться о распространеніи въ Россіи католической вѣры, Димитрій приказалъ отвести езуитамъ, вмѣстѣ съ нимъ прибывшимъ, обширный дворъ въ Москвѣ, гдѣ они могли совершать литургію по своимъ обрядамъ. Къ езуитамъ присоединились еще четыре патера, которыхъ прислалъ изъ Польши папскій легатъ Антоній Лонгинъ (Рангони?), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, для скорѣйшаго распространія католической вѣры». Mußkow. Chron. 321.

70.

Власьевъ былъ надворнымъ подскарбіемъ. Кромѣ его, Лжедимитрій послалъ къ воеводѣ Сендомирскому секретаря своего Яна Бучинскаго, съ слѣдующимъ любопытнымъ наказомъ:

«Память секретарю нашему Яну Бучинскому, какъ ему говорити, именемъ нашимъ, воеводѣ Сендомирскому:

«1) Чтобъ воевода у ксенжа у легата папина промыслилъ и побилъ челомъ о вольномъ позволеніи, чтобъ ея милость панна Марина причастилась на обѣднѣ отъ патріарха нашего, потому что безъ того коронована не будетъ.

«2) Чтобъ панъ воевода, послѣ обрученья, тотчасъ о томъ намъ вѣдомо учинилъ чрезъ гонца; а перстень обручальный прислалъ бы не съ жильцемъ и не съ слугою, но съ честнымъ человѣкомъ.

«3) Чтобъ ея милости панѣ Маринѣ позволено до греческія церкви ходити; набоженство и чинъ свой вольно будетъ держати, какъ похочетъ.

«4) Чтобъ ея милость панну Марину звали пайснѣйшею и всякую честь государскую воздавали, и чтобъ была во всемъ предостережена.

«5) Волосовъ бы не наряжала.

«6) Чтобъ никто ея не водилъ, только панъ староста Саноцкій, да Бучинскій, или который иной со племяни.

«7) Промыслити о вольности, чтобъ Марина въ субботу мясо ѣла, а въ середу бъ постилась.

«8) Послѣ обручанья не ѣла ни съ кѣмъ, только особно, или съ воеводою, или съ воеводиною и съ хорупжею, и служилибъ у неи крайчіе». Подпись Самозванца: In Perator. (*Соб. Госуд. Грам. II.* 228).

71.

Бучинскіе, по смерти Лжедимитрія, показали предъ боярами: «Говорилъ имъ Гришка Разстрига, что..... стрѣльцы тѣхъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ». (*Собр. Госуд. Грам. II.* 297.

72.

Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскій помилованъ по ходатайству царицы-матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ. *Сост. Росс. Держ. въ нач. XVII вѣка.*

73.

Петрей: «Вся дорога отъ царскихъ палатъ до церкви, гдѣ совершился обрядъ коронованія, была устлана по красному сукну золотою парчею. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли нѣсколько тысячъ Москвитянъ въ парчевыхъ одеждахъ. Въ такомъ же платьи были камеръюнкеры и другіе дворяне, имѣя на груди золотыя цѣпи, крестообразно висящія, а на головѣ высокія, чернолисьи шапки. Они открывали шествіе. За ними слѣдовали три боярина: одинъ несъ золотой царскій скипетръ, другой золотую державу, третій обнаженную саблю. Потомъ шелъ царь въ коронѣ; его поддерживалъ воевода Сендомирскій, отецъ невѣсты;

по обѣимъ сторонамъ находились по два боярина, также въ парчевыхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, съ серебряными на плечѣ сѣкирами. Въ слѣдъ за царемъ изволила итти царица въ Русскомъ платьи; ее вела Московская боярыня. За нею слѣдовали Польскія и Русскія женщины. По совершеніи коронованія и брачнаго обряда, царица сѣла на золотой тронъ, вылитый изъ чистаго золота и усыпанный крупными драгоцѣнными каменьями. Этотъ тронъ, на которомъ сіяло 600 алмазовъ, 600 рубиновъ, 600 сафировъ, 600 смарагдовъ и 600 бирюзовыхъ каменьевъ (иные величиною въ половину голубинаго яйца), былъ подаренъ Персидскимъ шахомъ Іоанну Васильевичу Мучителю».

«По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, бросили народу нѣсколько тысячъ монетъ, нарочно для того приготовленныхъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ орла двуглаваго. Нѣкоторыя изъ медалей стоили два Венгерскихъ червонца; другія менѣе. Свадьба царская была чрезвычайно пышная и великолѣпная: во все продолженіе, музыканты, одѣтые въ Русское платье, гремѣли безъ умолка на 32 трубахъ и 34 литаврахъ». Mußkow. Chron. 338—339.

74.

Sie antworteten ihme: Er ſollte ſeine Mutter vexiren und ihnen ihren verrähteriſchen Großfürſten überantworten.

75.

Петрей присовокупляетъ, что Самозванецъ при семъ словѣ закололъ нѣсколько человѣкъ. Mußkow. Chron. 344.

76.

«Судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не хотѣлъ быть честью Россіи». *Карамзинъ.*

77.

Съ 15 драбантами, по словамъ Петрея.

78.

Беръ (за нимъ и Петрей) объясняетъ на Латинскомъ языкѣ отвѣтъ боярскій. Хотя переводчикъ увѣренъ, что почтенный пасторъ клевещетъ

на грозныхъ каратслей Самозванца; но слѣдуя правилу не выпускать изъ подлинника ни одного слова, считаетъ обязанностью привести также и этотъ отвѣтъ, по всей вѣроятности вымышленный. Вотъ онъ: «Volumus nos omnes, unus post alium stuprum inferre, unus in p..... alter in v...; audivimus Polonicas meretrices vestras plurimum concubitus bene sustinere posse; nec ipsis unus vir sufficere». Et postea nudabant sua equina pudenda (proh Sodomia!) coram toto Gynaeceo, dicentes: «videte, meretrices, videte nos multo fortiores sumus Polonis vestris. Probate nos!»

79.

Петрей: «Самозванецъ отвѣчалъ: *Вы знаете всѣ, что я царь вашъ, истинный сынъ Іоанна Васильевича. Если же не вѣрите, ступайте въ монастырь и спросите мать мою.* Василій Ивановичъ Шуйскій, начальникъ возмущенія, бросился въ монастырь и спрашивалъ царицу, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Царица увѣряла съ клятвою, что у нея не было другаго сына, кромѣ царевича Димитрія, который за нѣсколько лѣтъ, еще младенецъ, погибъ въ Угличѣ. Какъ скоро Шуйскій возвратился съ извѣстіемъ, одинъ богатый купецъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, бросился на Самозванца и пострѣлилъ его прямо въ сердце, сказавъ: чего толковать съ еретикомъ? конецъ его измѣнамъ и крамольству». Mußkow. Chron. 384.

Въ Лѣтописи о мятежахъ: «И пріидоша (*стрѣльцы*) къ царицѣ, «допрошаху ее; она же со слезами возопи: *нынѣ (ни, не?) знаю ево «окоянново; называла есмь ево сыномъ себѣ, страха ради смертно-«во». Русск. Лѣт. по Никон. сп. VIII.* 75.

Кажется, извѣстіе Петрея и нашей Лѣтописи несправедливо, т. е. царицу не спрашивали: иначе какъ бы не упомянуть о столь важномъ обстоятельствѣ въ грамматѣ, которою Шуйскій увѣрялъ народъ въ самозванствѣ Отрепьева? Тамъ именно сказано, что царица повинилась въ своей слабости уже тогда, когда мощи св. Димитрія принесены были въ Москву изъ Углича и исцѣлили многихъ больныхъ. *Содр. Госуд. Грам. II.* 312. Впрочемъ Самозванецъ остается Самозванцемъ.

80.

Петрей считаетъ всѣхъ убитыхъ вообще 1702 человѣка. Mußkow. Chron. 351.

81.

Въ грамматѣ царя Василія Ивановича (Шуйскаго) изчислены преступленія Самозванца слѣдующимъ образомъ: «Страдникъ вѣдомый, воръ, «богоотступникъ, еретикъ, разстрига Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, «отступя отъ Бога, по совѣту дьяволю и лихихъ людей .. назвалъ себя «царя Ивана Васильевича сыномъ, царевичемъ княземъ Дмитріемъ Ива«новичемъ, и въ Польшѣ и въ Литвѣ короля и многихъ пановъ и слу«живыхъ людей своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ прельстилъ, да «не токмо что въ Польшѣ, и въ Московскомъ государствѣ многихъ лю«дей прельстилъ; а чаяли его царевичемъ Дмитріемъ. И тотъ воръ, «богоотступникъ, по своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ Поль«скимъ королемъ и съ паны радами, въ Московскомъ государствѣ мно«гую смуту и разоренье учинилъ, и церкви Божія осквернилъ, и мно«гихъ православныхъ христіанъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали «и его обличали, злой смерти предалъ, и понялъ за себя воеводы Сендо«мирскаго дочь латинскія вѣры, и не крестивъ ее въ соборной церкви «пречистыя Богородицы вѣнчалъ, и Польскихъ и Литовскихъ людей, «для христіанскаго разоренья, въ Москву многихъ привелъ, и церкви «Божіи и св. иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и Римлянъ, и Поляковъ и «розныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пущати велѣлъ со «оружіемъ, а иныхъ скверныхъ дѣлъ и писати не вмѣстимо, какое злое «поруганье христіанской вѣрѣ чинили, и православнымъ христіанамъ «многое насильство и кроворозлитье учинили, и жены у мужей отни«малъ, и иныя нестерпимыя грубости и поносы чинилъ; а послѣднее, «по совѣту съ Польскими и съ Литовскими людьми, измѣннымъ обычаемъ «хотѣлъ бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей и всякихъ «лучшихъ людей побити, а Московское государство хотѣлъ до основанія «разорити, и христіанскую вѣру попрать, церкви разорить, а костелы «Римскіе устроить». *Собр. Госуд. Грам. II, стран.* 309.

82.

Воевода Сендомирскій съ дочерью, сыномъ и зятемъ отправленъ былъ въ Ярославль, какъ справедливо говоритъ Петрей, 369. *См. также Берову Лѣтопись, стр.* 97.

83.

Онъ даже разсорился съ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ III, за

то, что, вопреки совѣтамъ самого воеводы Сендомирскаго, принималъ титулъ цесаря и императора. *Собр. Госуд. Грам. II.* 226 и 259.

84.

Петрей обличаетъ самозванство Димитрія слѣдующимъ образомъ:

«1. Если бы истинный Димитрій вступилъ на престолъ, то онъ былъ бы не старѣе 22 лѣтъ; а Гришка имѣлъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ.

«2. Едва Гришка былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ новаго царя; что этотъ царь не сынъ Іоанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ (Griška Trepeja), бѣглецъ, обманщикъ, измѣнникъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать, знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ монаха и представилъ царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: *правда глаза колетъ.*

«3. Гришкинъ родственникъ Елеазаръ Отрепьевъ говорилъ и Московскимъ боярамъ, и Польскому королю Сигизмунду, предъ всѣмъ сенатомъ, и Шведскому государю Карлу IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ его брата и что заключенный отцемъ въ монастырь, за негодные поступки, для исправленія, онъ ушелъ тайно въ Польшу, научился тамъ военному искусству, и по совѣту злыхъ людей, недоброжелателей Борисовыхъ, особенно какого-то монаха, назвалъ себя Димитріемъ.

«4. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знавшій истиннаго царевича, видѣвшій его мертвое тѣло и похоронившій его, свидѣтельствовалъ самозванство Отрепьева. Гришка велѣлъ схватить уличителя, вывести на площадь и положить на плаху, въ намѣреніи умертвить его, если не отречется отъ своихъ словъ. Князь, по слабости человѣческой, любилъ жизнь болѣе смерти, зажалъ себѣ ротъ и объявилъ, что всѣ слова его были клеветою: ибо онъ цѣнилъ жизнь и обманъ дороже истины и славы, по обычаю Москвитянъ, которые не знаютъ различія между честію и безчестіемъ. И такъ его простили и возвели въ прежнее достоинство.

«5. Одинъ стопятилѣтній благородный старецъ, служившій убіенному Димитрію, увѣрялъ въ Угличѣ многихъ, что онъ видѣлъ своими глазами мертваго царевича, что убитый былъ точно сынъ Іоанновъ, а

не подложный отрокъ, какъ разглашали крамольники, и что принявшій имя Димитрія былъ самозванецъ.

«6. Голландскій аптекарь Арендъ Клаузендъ, бывшій 40 лѣтъ при царскихъ аптекахъ, свидѣтельствовалъ, что онъ видалъ истиннаго Димитрія еще младенцемъ, что царевичъ былъ такъ же смуглъ, какъ и мать его, Марія Ѳеодоровна, а въ мнимомъ Димитріи этого сходства не замѣтно.

«7. То же самое говорила благородная Лифляндка фонъ-Тизенгаузенъ, которая безотлучно находилась при царицѣ-матери, видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ и присутствовала на его погребеніи.

«8. Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голосъ именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намѣреніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того священническаго сына, который былъ убитъ вмѣсто его и погребенъ, какъ царевичъ; но царица отвергла такое предложеніе, ибо знала, что въ могилѣ покоился прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянія неблагопріятныхъ ему слуховъ и для утвержденія его на престолѣ. Называла же царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть.

«9. Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и царедворецъ Лжедимитрія, пожертвовавшій за него жизнію, признавался по довѣренности многимъ людямъ, еще до смерти Самозванца, что царь былъ не истинный Димитрій, а другой человѣкъ; но какъ онъ правилъ государствомъ благоразумно и Русскіе ему присягнули, то, говорилъ Басмановъ, мы должны быть имъ довольны и молить всемогущаго Бога о его здравіи и благоденствіи; притомъ во всей Россіи нельзя найти лучшаго и умнѣйшаго государя.

«10. Знаменитый Польскій вельможа Янъ Сапѣга говорилъ, что мнимый Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія (но это ложь: онъ былъ Гришка Отрепьевъ); что посему-то Поляки словомъ и дѣломъ, войскомъ и казною, помогали ему завоевать Москву; что на зло Русскимъ, Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, умерщвленный и въ Угличѣ и въ Москвѣ, опять воскресъ и долженъ покорить ихъ, хотя бы они перебѣсились отъ досады; что если и сей Димитрій погибнетъ, Поляки

*

найдутъ другаго и непремѣнно завладѣютъ Московіею». Mußkow. Chron. 370—375.

85.

Руководствуясь правиломъ не выпускать изъ подлинника ни одного слова, переводчикъ оставилъ и эту басню, выдуманную, вѣроятно, самимъ Беромъ. Онъ, какъ лютеранинъ, отвергающій дѣйствительность чудесъ, хотѣлъ объяснить богопосланныя явленія употребленіемъ обыкновенныхъ средствъ подлога. Самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его разсказа: авторъ вѣритъ, что притворявшіеся *слѣпыми* дѣйствительно ослѣпли, и сомнѣвается, чтобы св. Отрокъ подавалъ облегченіе вѣрующимъ! Между тѣмъ, безчисленные опыты свидѣтельствуютъ, что истинно-пламенная вѣра всегда можетъ творить чудеса. Сверхъ того, Беръ разсказываетъ, что нарочно умертвили поповскаго сына: это случилось, по его же словамъ, въ Угличѣ и притомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; спрашиваемъ всякаго безпристрастнаго, какъ могло быть свѣжо тѣло *подложнаго* царевича, если привезли его за 350 верстъ въ жаркіе дни? И почему не вѣрить нетлѣнности Димитрія, когда всякъ, кто бывалъ въ Кіевѣ, видѣлъ своими глазами мощи св. угодниковъ? Чьи же останки могли быть священнѣе, если не девятилѣтняго отрока, такъ ужасно погибшаго? Однимъ словомъ, отвергая сказку дерзкаго иновѣрца, мы убѣждены въ истинѣ словъ нашихъ лѣтописей и государственныхъ бумагъ, которыя единогласно свидѣтельствуютъ о семъ случаѣ такимъ образомъ: «Послали мы на Угличъ *(пишетъ царь Василій Ивановичъ)* «по мощи царевича Димитрія Ивановича, митрополита Ростовскаго Фи«ларета, и Астраханскаго епископа Ѳеодосія, и Спасскаго архимандрита «Сергія, и Андроновскаго архимандрита Авраамія, и бояръ: князь Ива«на Михайловича Воротынскаго, и Петра Никитича Шереметева, и Гри«горія Ѳедоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и писали къ намъ «изъ Углича богомольцы наши Ростовскій митрополитъ и Астраханскій «епископъ и архимандриты и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго «князя Димитрія Ивановича *обрѣли;* и мощи его цѣлыя, ничѣмъ не «вредимыя, только въ нѣкоторыхъ мѣстѣхъ немножко тѣло вредилося, «и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жем«чужное съ пугвицами все цѣло, и въ руцѣ лѣвой полотенцо тафтяное «шитое золотомъ и серебромъ цѣлое, кафтанъ весь таковожъ, и подъ «кафтаномъ камчатое шитое золотомъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и «сапожки на немъ цѣлы, только подошвы на ногахъ попоролися, а на «персѣхъ орѣшки положенные на персѣхъ горсть. Сказываютъ, что

«коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ, и въ ту пору его убили, «и орѣхи кровью полились, и того для тые орѣхи ему въ горсти поло-«жили и тые орѣхи цѣлы. И которые были разслабленные различными «болѣзнями, уздоровился отъ раки его царевича Дмитрія Ивановича, «въ прошлыхъ лѣтѣхъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ пріѣзду «тамошніе люди принесли къ нимъ письмо, и тое письмо здѣсь къ «Москвѣ прислано.... И какъ понесли мощи его, множество больныхъ «различными болѣзнями уздоровилъ; и какъ его поставили въ церкви «архангела Михаила, и отъ его святыхъ мощей пролились рѣки милосер-«дія, много разслабленныхъ великимъ чудомъ уздоровились: впервое «уздоровилъ различными болѣзнями содержимыхъ человѣкъ 13, и пося-«мѣстъ уздоровляти не перестаетъ всѣхъ, которые къ нему приходятъ «съ истинною вѣрою». *Собр. Госуд. Грам. II.* 311—312.

86.

По словамъ Петрея, въ 4 недѣли присягнули Самозванцу 14 городовъ и крѣпостей.

87.

Изъ нашихъ государственныхъ бумагъ видно, что Болотниковъ былъ *холопъ* князя Андрея Телятевскаго. *Собр. Госуд. Грам. II.* 321. То же говоритъ и Палицынъ, въ *Сказ. о осадѣ Троиц. мон. стр.* 34.

88.

Съ 9,000 вооруженныхъ воиновъ, говоритъ Петрей. Mißk. Chr. стр. 387.

89.

Этотъ новый бездѣльникъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца юнаго царя Ѳеодора, чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время, какъ удостовѣрился посолъ Василіевъ князь Волконскій, бывшій тогда въ Краковѣ. *Кар. И. Г. Р. XII, пр.* 39.

90.

По свидѣтельству А. Палицына, то былъ холопъ Свіяжскаго головы стрѣлецкаго, Григорія Елагина *(см. его Сказ.* 31*)*. То же говоритъ и царь Василій Ивановичъ (Шуйскій) въ окружной грамматѣ или манифестѣ 13 октября 1607 года. *Собр. Госуд. Гр. II.* 325.

91.

Посланникомъ былъ тотъ самый Петрей, который написалъ Muſſowitiſche Chronica. Онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1608 году.

92.

Сіе любопытное происшествіе описано въ Лѣтописи о мятежахъ такимъ образомъ; «Приде къ царю Василію Муромецъ сынъ боярскій, Ѳома «Суминъ сынъ Кравковъ, и рече ко царю Василью: дай мнѣ посохи, «язъ-де потоплю Тулу. Царь же Василій и бояре посмѣяхусь ему, како «ему градъ Тулу потопить! Онъ же съ прилежаніемъ къ нему: вели «меня казнить, будетъ не потоплю Тулы. Царь Василій даде ему на во- «лю; онъ же повелѣ со всеи рати со всякаго человѣка привезти по мѣ- «шку съ землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити; вода учала прибывати. «Царь же Василій, видя промышленіе, наипаче ему повелѣ совершати, «и повелѣ ему дати на пособь мельниковъ: онъ же рѣку запрудилъ и «градъ Тулу потопилъ совсѣмъ». *Рус. Лѣт. по Ник. списку VIII.* 91.

93.

Въ подлинникѣ Sloba; у Петрея Sokola въ Бѣлоруссіи: вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Соколъ въ Витебской губерніи.

94.

По свидѣтельству нашихъ государственныхъ бумагъ и достовѣрнаго писателя Кобержицкаго, негодяй, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Тушинскаго Вора, былъ *Жидъ (Карамз. И. Г. Р. XII, пр.* 138*)*. Такъ описываетъ его очевидецъ Маскѣвичъ: «Онъ былъ изъ простаго званія, весьма грубъ въ обращеніи, имѣлъ дурныя привычки, и въ разговорахъ употреблялъ самыя постыдныя выраженія; почему Мѣховецкій, для своихъ выгодъ, училъ его свѣтскости и Польскому обращенію, по примѣру перваго Димитрія *(Отрепьева)*, который былъ человѣкъ вѣжливый и обходительный».

95.

См. выше примѣчаніе 90.

96.

Беръ безъ пощады бранитъ Русскихъ; но у насъ не было измѣнниковъ подобныхъ Гансъ-Бергу.

97.

Скопинъ заключилъ въ Выборгѣ 28 февраля 1609 года съ Шведскими полномочными договоръ, по которому Карлъ IX обязался прислать намъ на помощь 5,000 воиновъ; а мы должны были давать имъ жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ и сверхъ того въ знакъ признательности уступить Кексгольмъ. *Собр. Госуд. Грам. II.* 376. См. также Петрея, который считаетъ, вмѣсто 100,000 ефимковъ, 32,000 руб., или по его словамъ, 10,000 талеровъ. Mißt. Chr. 412.

98.

Беръ былъ человѣкъ не глупый; но часто, какъ и въ семъ случаѣ, не льзя не смѣяться надъ его сужденіями.

99.

Митрополитъ Филаретъ возведенъ въ достоинство патріарха гораздо послѣ, уже въ царствованіе сына его Михаила Ѳеодоровича.

100.

Этотъ Шведъ, по словамъ Петрея, былъ капитанъ Біугге, родомъ изъ Шведской провинціи Гелзингеланда, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV въ Ливоніи и жившій въ Россіи лѣтъ тридцать.

101.

По словамъ Петрея, Лисовскій привелъ 5000 казаковъ и 600 всадниковъ.

102.

Этотъ полкъ состоялъ изъ 2000 человѣкъ и находился подъ начальствомъ Пруссака Людвига Вайера. *Дневникъ Маскѣвича.*

103.

«Сдѣлали 80 лѣстницъ, однѣ вышиною, какъ самыя высокія деревья въ лѣсу, и такой ширины, что 5 или 6 человѣкъ могли всходить рядомъ; другія привѣшивались къ подвижнымъ подъемамъ, которые были построены на подобіе висѣлицъ, и лѣстницы доходили до половины: войско, идучи на штурмъ, катило ихъ предъ собою. Съ помощію лѣстницъ взятъ былъ Смоленскъ». *Дневникъ Маскѣвича.*

104.

«Воеводою Смоленскимъ былъ Шеинъ, храбрый и опытный воинъ, не разъ уже бывавшій на полѣ чести», говоритъ Маскѣвичъ, врагъ Русскихъ.

105.

Достовѣрнѣе извѣстіе Петрея, который говоритъ, что «Шуйскій, не получивъ отъ Сигизмунда на просьбу свою отвѣта и негодуя на его коварство, послалъ гонца къ Смоленскому воеводѣ съ повелѣніемъ обороняться всѣми силами». *Далѣе согласно съ Беромъ.* Mußkow. Chron. 420.

106.

См. выше примѣчаніе 97. Это былъ тотъ самый Делагарди, котораго Густавъ Адольфъ называлъ своимъ учителемъ въ военномъ искусствѣ. Wagner's Gesch. d. Nord. IV. 918.

107.

Рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Карамзина «созданный быть вождемъ и повелителемъ людей въ мятежахъ и буряхъ, одаренный красотою и крѣпостью тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостью и мужествомъ», сначала сражался за тѣнь Димитрія, въ послѣдствіи увидѣлъ обманъ и хотѣлъ спасти вѣру и отечество. Поляки избавились отъ страшнаго мстителя гнуснымъ вѣроломствомъ: при осадѣ ихъ вѣрными Россіянами въ Москвѣ въ 1611 году, Гонсѣвскій написалъ почеркомъ Ляпунова письмо, и выставивъ его предателемъ, распустилъ въ Русскомъ войскѣ: обманутые казаки изрубили героя въ куски. *Дневн. Маскѣвича.*

108.

Марина, кажется, не очень была довольна своею участью. Вотъ ея собственноручное письмо къ отцу отъ 23 марта 1609 года изъ Тушинскаго лагеря: «О дѣлахъ моихъ не знаю, что писать; вижу только проволочку со дня на день; нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ; не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ.... Помню, милостивый государь батюшка, какъ вы съ нами кушали лучшихъ лососей, и старое вино пить изволили: этого здѣсь нѣтъ; если имѣете, покорно прошу прислать». *Собр. Госуд. Грам.* 360.

109.

Петрей, по своему обычаю, приписываетъ побѣду одному Шведскому полководцу и говоритъ, что Скопинъ, не хотѣвшій вступить въ битву, по счастливомъ окончаніи ея, со слезами благодарилъ Понтуса. Mußkow. Chron. 422.

110.

День св. Мартина (11 ноября) западные христіане праздновали въ старину какъ можно веселѣе, въ воспоминаніе угощенія св. Мартина (жившаго въ IV столѣтіи) императоромъ Римскимъ Максиминомъ. Гусь былъ необходимою принадлежностію празднества.

111.

Komornik — спальникъ, чертожникъ, постельничій. См. Linde, Słownik Języka Polskiego.

112.

«По двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страш«ный юноша ко Господу отъиде: но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли «судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Еди«ный создавый насъ се вѣсть». *Авраамій Палицынъ, въ Сказаніи о осадѣ Троиц. мон.* 203.

«Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его, «княгиня Катерина, князь Дмитріева Шуйскова». *Русск. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 132.

«Князь Михаилъ», пишетъ современный историкъ, «имѣлъ 23 года отъ рожденія (въ 1609), прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ» (*Карамз. И. Г. Р. XII.* 154). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Русскихъ одинъ только Шуйскій-Скопинъ не заслужилъ укоризны отъ Бера, который называетъ его даже героемъ. Хвалитъ и Басманова, но кажется болѣе какъ друга и покровителя Нѣмцевъ.

113.

Описивая Клушинскую битву, столь достопамятную слѣдствіями, Петрей винитъ Русскихъ въ неудачѣ, говоря, что они разбѣжались въ малодушной робости. Это обвиненіе несправедливо. См. *Дневникъ Маскѣвича.*

114.

Погорѣлое городище, древній городъ, нынѣ село, въ Тверской губерніи.

115.

Въ моемъ спискѣ ихъ нѣтъ.

116.

Сигизмундъ задержалъ нашихъ пословъ митрополита Филарета и князя Голицына съ товарищами, и отправилъ ихъ въ Польшу, какъ плѣнниковъ, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ. Вообще извѣстія Бера о избраніи Владислава очень неудовлетворительны.

117.

«Предлагали ему», пишетъ Маскѣвичъ, «чтобы онъ покорился королю и удовольствовался Гродномъ и Самборомъ; но онъ этого не захотѣлъ, себѣ на бѣду: до сихъ поръ могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба».

118.

О занятіи Поляками Москвы см. *Дневникъ Маскѣвича.*

119.

Вѣроятно въ одной только Калугѣ. «Евожъ вора взяша и погребо-«ша честно въ соборной церкви у Троицы; а Сердомирскова дочь Ма-«ринка, которая была у вора, роди сына Ивашку; Калужскіежъ люди «всѣ тому обрадовашась, и называху его царевичемъ и крестиху его «честно». *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII.* 150.

120.

Марина въ 1611 году предалась Ивану Заруцкому, и по восшествіи Михаила Ѳеодоровича на престолъ, удалилась въ Астрахань, откуда хотѣла бѣжать съ Заруцкимъ и сыномъ въ Персію; но въ 1614 году была схвачена на Уралѣ (*Собр. Госуд. Грам. III.* 104), и привезена въ Москву: сама она кончила преступную жизнь въ Московской темницѣ, Заруцкій посаженъ на колъ, а сынъ ея повѣшенъ. *Русск. Лѣт. по Никон. сп. VIII.* 213.

121.

Письмо это, кажется, очень сомнительно.

122.

По извѣстію Петрея, эта граммата была прислана жителями Калуги. Mußkow. Chron.

123.

Въ январѣ 1611 года жители Москвы дѣйствительно разослали грамматы въ разные города Русскіе, только не въ такомъ смыслѣ, какъ разсказываетъ Беръ: Москвитяне убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за вѣру и отечество. *Собр. Госуд. Грам.* 495.

124.

Беръ называетъ его *Ianchowski*, Петрей *Solkouski:* намѣстникомъ былъ Гонсѣвскій, какъ видно изъ *Дневника Маскѣвича*.

125.

См. *Дневникъ Маскѣвича* во II части *Сказ. соврем. о Димитріи Самозв.*

126.

Въ подлинникѣ Pogalaken. Пахолками въ Польскомъ войскѣ называлась челядь. Linde, Słownik Jęz. Polsk.

127.

Чтобъ доставить читателю полную возможность судить о духѣ, въ которомъ писалъ Беръ, переводчикъ рѣшился удержать и это безмысленное выраженіе.

128.

Такъ честитъ Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, которому удивляется потомство!

129.

Всякому извѣстно, что патріархомъ былъ великодушный Ермогенъ: потомство произноситъ имя его съ благоговѣніемъ. Онъ умеръ въ темницѣ жертвою усердія къ вѣрѣ и любви къ отечеству.

130.

Долгъ переводчика заставилъ меня передать слово въ слово несправедливый приговоръ объ Іоаннѣ Грозномъ, который, не взирая на свои недостатки, заслужилъ многими дѣлами благодарность потомства. Свидѣтельство Паерле не имѣетъ никакого вѣса: во 1) онъ не былъ въ Россіи въ царствованіе Іоанна и писалъ о немъ по одной наслышкѣ, по словамъ иноземцевъ, враговъ нашихъ; 2) самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его сужденія: Неронъ умертвилъ собственную мать свою; можно ли говорить, чтобы Іоаннъ даже сіе чудовище превзошелъ свирѣпостью!

131.

Эту басню авторъ, безъ сомнѣнія, слышалъ отъ Поляковъ. Такъ разсказываетъ одинъ изъ нихъ, Жмудскій дворянинъ Товяновскій, о мнимомъ спасеніи царевича Димитрія (*Życie I. P. Sapiehy*, изд. въ 1781, *въ Варшавѣ*): «Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе царевичеву медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить твердость его? Царевичъ отвѣтствовалъ: «имѣю!» а медикъ сказалъ: «Въ эту ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась спать, «обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; положи «его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: чтобы не случилось въ ком- «натѣ, сиди безмолвно и жди меня». Димитрій исполнилъ приказаніе. Въ полночь отворилась дверь; вошли два человѣка, зарѣзали слугу, вмѣсто царевича, и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ царевичъ, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ и въ отчаяніи не узнала, что мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ князю Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Юноша присталъ къ странствующимъ инокамъ, былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской, и наконецъ явился въ домѣ князя Вишневецкаго».

Самозванецъ тщательно скрывалъ обстоятельства мнимаго спасенія своего отъ смерти. Вступивъ на престолъ, онъ издалъ окружную грамматy или манифестъ, въ которомъ говоритъ только, что Богъ укрылъ его отъ козней Годунова. Вотъ собственныя слова его: «Отъ царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Русіи въ Сибирь, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву, да головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіемъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити, и меня, государя вашего прирожеинаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ. И я, царь и великій князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи, нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію, сѣлъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ царствѣ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія; и на Москвѣ и на всѣхъ городѣхъ бояре наши, и окольничіе, и всякіе приказные люди всего нашего государства, и иноземцы намъ, прироженному государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали вины ихъ имъ отдали». *Собр. Госуд. Грам. II.* стр. 201.

132.

Не Годуновъ, а соборъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства смерти Димитріевой, донесъ государю, что царевичъ самъ себя умертвилъ въ падучей болѣзни.

133.

См. приговоръ Собора 2 іюня, 1591 года, въ *Собр. Госуд. Грам. II. стр.* 121.

134.

Мрачная клевета, которою къ сожалѣнію и нѣкоторые изъ Русскихъ лѣтописцевъ стараются очернить память Годунова. Но нелѣпостью разсказа они сами опровергаютъ себя; напримѣръ, Морозовскій лѣтописецъ баснословитъ такимъ образомъ: «Учреди онъ лукавый Борисъ «Годуновъ нѣкое отравное зеліе, и пойде вверхъ къ царю, и вшде въ «полату во время стола и вшедъ, сталъ у поставца... и государь позна «въ немъ чрезъ св. Духа проклятую мысль, и рече: *о любимый правителю мой! твори, по что пришелъ еси... подаждь ми уготованную чашу пити....* Онъ же окаянный, похвативъ изъ поставца

«чашу златую, и наливъ въ ню меду, и отворотяся всыпа зеліе, и под-«несъ государю, и царь чашу у него принялъ, и оградилъ себя крест-«нымъ заменіемъ... и выпилъ всю, и рече: *о Борисе! подаждь ми «и другую чашу; сладко бо ми есть твое растворение...* Царица «же Ирина прослезися, и рече: *что, государь, ты глаголеши!* и не «хотѣла дати ему другой чаши пити. Царь же рече царицѣ: *остави «мя; уже бо судъ Божій приспѣ ми.* Царица же не познала рѣчей «царя своего, но познала коварство брата своего. Борисъ же стоя «поклонися и изыде вонъ, и радовашеся, что царя и благодѣтеля своего «опоилъ .. и государь царь Ѳеодоръ Ивановичъ сталъ изнемогати, и «жилъ по той отравѣ только 12 дней». *Карамз. Ист. Госуд. Рос. X. пр.* 366.

135.

Послушаемъ, что говорилъ самъ воевода Сендомирскій нашимъ боярамъ объ участіи своемъ въ дѣлѣ Самозванцевомъ, отвѣчая на ихъ вопросы по смерти Лжедимитрія:

«Отвѣтъ на предложеніе господъ думныхъ, сдѣланное пану воеводѣ Сендомирскому.

«Какимъ образомъ тотъ человѣкъ явился въ Польшѣ?

«Прежде, чѣмъ появился, пребывалъ онъ въ Кіевѣ, въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у господина воеводы Кіевскаго, не хотѣлъ сказаться, и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго великаго князя Московскаго Ивана, предлагая то, какъ его Господь Богъ, помощію доктора его отъ смерти спасъ, положа на то мѣсто инаго мальчика, который въ Угличѣ зарѣзанъ; а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который тогда присовѣтовалъ скрыться ему между чернецами. Князь Адамъ извѣстіе о томъ учинилъ брату своему князю Константину Вишневецкому, зятю его милости господина воеводы, а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время слуга господина канцлера Литовскаго, именемъ Петровскій, въ Жаложицы къ князю Константину Вишневецкому пріѣхалъ, сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и увѣдомляя о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ, и призналъ его за истиннаго сына усопшаго великаго князя Московскаго Ивана. И о томъ помянутый князь его королевскому величеству донесъ: король же повелѣлъ представить его къ себѣ; и ѣхалъ съ нимъ помянутый князь чрезъ Самборъ.

Тогда же господинъ воевода, имѣя нужду къ его величеству, обще съ ними ѣхалъ, и въ то время съ нимъ знакомство возъимѣлъ. Тамъ же въ Самборѣ, нѣкоторый слуга господина воеводы, пойманный подъ Псковомъ и нѣсколько лѣтъ находившійся въ неволѣ, зналъ его еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того же.

«Для чего господинъ воевода къ себѣ его принялъ?

«Свидѣтельство, которое не токмо онъ самъ о себѣ, но и тотъ Петровскій, и Московскій народъ, приходившій къ нему даже до Кракова, о немъ давали, не токмо господину воеводѣ, но и самому королю, и многимъ господамъ сенаторамъ, казалось вѣроятнымъ. И такъ безъ сомнѣнія можно было тому вѣрить, что̀ свои и посторонніе люди согласно признавали.

«Для чего ему король деньги давалъ?

«Въ видѣ милостыни далъ ему деньги чрезъ воеводу изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ королю, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ, платить былъ долженъ. Такожъ и прочіе господа ему деньги давали и тѣми деньгами онъ долги оплачивалъ.

«Для чего господинъ воевода его провожалъ?

«Для того, что никто не сыскался, ктобы его порицалъ и противное что либо о немъ сказывалъ. А его королевское величество, разсуждая о перемиріи съ Борисомъ, на то ему, господину воеводѣ, позволеніе далъ, дабы безъ затрудненія рѣчи посполитой Польской справедливости своей искалъ, какъ ему извѣстно, и съ тѣмъ онъ отъ короля съ господиномъ воеводою поѣхалъ. А господинъ воевода въ томъ намѣреніи съ нимъ путь предпринялъ, что если бы кто изъ сенаторовъ Московскихъ на границѣ отозвался, что онъ не есть дѣдичъ и истинный сынъ усопшаго великаго князя Ивана; то господинъ воевода не сталъ бы его провожать и назадъ возвратился бы, до границы не доѣзжая. Однакожъ, вмѣсто сопротивленія Москвичей, каждый день много къ нему людей прибывало; замки Моравскъ, Черниговъ и Путивль добровольно поддались; почему господинъ воевода полагалъ, что онъ истинный дѣдичъ, и что вся Москва его за государя согласно признать намѣрена.

«Для чего господинъ воевода по Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ посылалъ?

«Не господинъ воевода, а покойникъ».

Собр. Госуд. Грам. II. 293—296.

Паерле вездѣ хочетъ доказать, что Сигизмундъ былъ *въ сторонѣ* въ дѣлѣ Димитрія: то же говорятъ и Польскіе писатели. Въ опровер-

женіе ложнаго мнѣнія, приведемъ слова *очевидца*, секретаря королевскаго, Александра Чилли (Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Dz. Pan. Zygmunta): «Я самъ видѣлъ» говоритъ онъ, «какъ нунцій обни-«малъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что «ему должно торжественно объявить себя католикомъ для успѣха въ «своемъ дѣлѣ. Димитрій, съ видомъ сердечнаго умиленія, клялся въ «непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ «клятву въ домѣ у нунція, въ присутствіи многихъ вельможъ. Угос-«тивъ царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворецъ. «Сигизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ «кабинетѣ, стоя, съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у него «руку и разсказалъ ему всю свою исторію. Чиновникъ королевскій далъ «знакъ царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ воевода «Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался наединѣ съ нун-«ціемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ призвалъ Димитрія. Положивъ руку «на сердце, смиренный царевичъ болѣе вздохами, нежели словами, убѣж-«далъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда король съ веселымъ видомъ, «приподнявъ свою шляпу, сказалъ: Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій «князь Димитрій! А мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣ-«тельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ доказа-«тельство нашего искренняго благоволенія, опредѣляемъ вамъ ежегодно «40,000 злотыхъ на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, «какъ истинный другъ республики, вольны сноситься съ нашими панами «и пользоваться ихъ усердіемъ вспоможеніемъ». *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, стр.* 133.

136.

Паерле, описывая походъ Самозванца отъ предѣловъ Польши до Москвы, не упоминаетъ, откуда онъ почерпнулъ приводимыя имъ подробности, коихъ не могъ быть свидѣтелемъ; впрочемъ, кажется, онъ пользовался источникомъ довольно вѣрнымъ: извѣстія его, относительно ко времени, по большой части согласны съ дневникомъ Лжедимитріевымъ, веденнымъ вѣроятно самимъ воеводою Сендомирскимъ, или кѣмъ либо изъ его спутниковъ, и напечатаннымъ во II части *Собранія Государ. Грам. стр.* 167—173, съ подлинника, хранящагося въ архивѣ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Мы приводимъ дневникъ, въ дополненіе къ Паерле, въ современномъ переводѣ:

«Путь съ его милостію царевичемъ, лѣта Господня 1604 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Августъ. мили.

25. Жупновицы . . . . . 2.
26. Лубень . . . . . 4.
27. Сокольники . . . . . 4.
28—7 сентября, тамъ же.

Сентябрь.

8. Гае . . . . . 3.
9—12. Глиняны . . . . . 2.
13. Князье. Господина Сендом. до Буска . . . . . 3.
14. Плусовъ. Г. воев. Любельскаго . . . . . 2.
15. Зборовъ. Г. воев. Любельскаго . . . . . 2.
16. Езерна. Г. воев. Любельскаго. *Девять мѣстечекъ въ Галиціи, на пути отъ Самбора къ Тарнополю* . . . . 2.
17. Боркъ. Г. стар. Каменц: . . . . . 3.
18. Скалатъ. Г. Ходкевичевъ. *Мѣстечко въ Тарноп. области.* 2.
19. Тамъ же.
20. Маначинъ. К. Константина Вишневецкаго . . . . . 4.
21. Тамъ же.
22. Трисѣнники. К. Константина Вишневецкаго . . . . . 2.
23. Олешинъ . . . . . 4.
24. Тамъ же.
25. Игнатовка. Шляхецкая . . . . . 3.
26. Тамъ же.
27. Западинка. Г. Сеняв. *Нынѣ Западницы, деревня въ Волынск. губ* . . . . . 2.
28. Кердановица. Шляхецкая . . . . . 2.
30. Литинья. Владѣніе Г. Лащева. *Городъ Литинъ въ Подольск. губерніи* . . . . . 2.

Октябрь.

1. Салашевъ. Владѣніе Г. Галицкаго . . . . . 2.
2—4. Стрижевъ. Г. Стрижев. *Стрижевка, село на Бугѣ, въ Подольск. губ* . . . . . 3.
5. Новогребля. Г. воев. Бранцлав. *Деревня въ Кіевск. губ.* . 3.

Октябрь. мили.

6. Губинъ. Княгини Козицкой. *Губино, деревня въ Кіевск. губерніи.* . . . . . 2.
7—9. Бѣлиловка. Княгини Козицкой. *Село на рѣкѣ Ставищѣ, въ Кіевск. губ.* . . . . . 3.
10. Верховня. К. Розинскаго. . . . . 3.
11. Ставище. К. Розинскаго. *Деревня въ Кіевск. губ* . . . . 2.
12. Хвастовъ. К. Бискупа Кіевскаго. *Фастовъ, мѣстечко въ Кіевск. губ.* . . . . . 2.
13—15. Васильковъ. Монастыря Кіевскаго. *Городъ въ Кіевск. губерніи.* . . . . . 4.
16. Бѣлогородка. Г-жи Горностаевой отъ Г. воев. Кіевск. *Городъ въ Кіевск. губ.* . . . . . 3.
17—19. Кіевъ. . . . . 3.
20—22. Надъ Днѣпромъ. . . . . 2.
23—25. За Днѣпромъ. . . . . 2.
26. За Сваромъ. Монастырская. *Сваромье (?) деревня Черн. губ.* 2.
27—28. За Жукиномъ. Шляхецкая. Прислано изъ Моравска съ объявленіемъ подданства. *Деревня на Деснѣ, въ Черниговской губерніи.* . . . . . 4.
29—30. При Полчовѣ. Приходили Московскіе люди, предаваясь въ подданство, и тамъ же воеводы отданы. . . . . 3.
31. Моравскъ. Замокъ отданъ 19 часу. *Мѣстечко Моравскъ на Деснѣ въ Черниговской губерніи.* . . . . . $1\frac{1}{2}$.

Ноябрь.

1. Въ лагерѣ. . . . . 2.
2. Въ лагерѣ. Боярскій сынъ далъ знать о разрывѣ и шпіонъ пойманъ . . . . . 3.
3. Въ лагерѣ. Московскіе люди на 80 коняхъ пріѣзжали. . . 2.
4. Въ лагерѣ. Черниговъ поддался. . . . . 3.
5. Черниговъ отобранъ. . . . . 1.
6—13. Тамъ же.
14. Въ лагерѣ, за рѣкою Свиницею. . . . . 2.
15. Въ лагерѣ, за рѣкою Сновою. . . . . 6.
16. Въ лагерѣ, за мостомъ при деревнѣ . . . . . 3.
17. Въ лагерѣ. . . . . 4.
18. Обозомъ. Принесена папежская граммата. . . . . 1.

Ноябрь. мили.

19. Обозомъ.. . . . . 4.
20. Обозомъ.. . . . . 4.
21. Подъ Новогородкомъ. *Новгородъ-Сѣверскій, Черн. губ.*. . 1.
22—23. Тамъ же.
24. Тамъ же. Подъ замкомъ пальба.
25—28. Тамъ же. Съ субботы на воскресенье всю ночь пальба; пріѣзжали Путивляне, давая знать о пойманіи воеводъ.
29. Тамъ же. Воеводы изъ Путивля приведены.
30. Тамъ же. Казаковъ 200 поймали. Тамъ же плѣнникъ въ замокъ впущенъ и Путивляне извѣстіе учинили о пойманіи 200 стрѣльцовъ Московскихъ.

Декабрь.

1. Тамъ же. Путивляне голову стрѣлецкаго и съ сотниками отдали.
2—3. Тамъ же. Рыльчане пріѣхали, объявляя, что Рыльскъ поддался и воеводы пойманы. Тогожъ дня изъ Комарницкой волости люди пріѣхали, съ объявленіемъ подданства, и двухъ воеводъ привели.
5—6. Тамъ же.
7. Тамъ же. Передались изъ замка 80 Москвитянъ.
8—9. Тамъ же.
10. Тамъ же. Получено извѣстіе о сдачѣ Курска. Тогожъ дня привезены 5 воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой волости.
11. Тамъ же. Стали мы палить изъ большихъ пушекъ.
12. Тамъ же.
13. Тамъ же. Получено извѣстіе, что волость Кромы поддалась.
14. Тамъ же. Наше войско побило 100 Москвитянъ.
15—18. Тамъ же.
19. Тамъ же. Отецъ Петръ выѣхалъ съ Г. Щукою.
20—23. Тамъ же.
24. Тамъ же. Московскихъ 100 человѣкъ вошли въ замокъ.
25. Тамъ же. Наше побили Москвитянъ, которые въ замокъ приходили. Тогожъ дня, съ пятницы на субботу, принесено ко мнѣ письмо изъ войска Борисова.
26. Тамъ же. Три солнца видѣли.
27. Тамъ же.
28. Тамъ же. Войско Борисово приближалось, и при переправѣ, за милю отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Тогожъ дня передались отъ нихъ два боярина.

Декабрь. мили.

29. Тамъ же. Передался бояринъ изъ войска Борисова.
30. Тамъ же. Начало стычки съ войскомъ Борисовымъ; побито нѣсколько.
31. Тамъ же. Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ войскомъ Борисовымъ; побито до 4000 человѣкъ.

Январь.

1. Тамъ же. Войска Запорожскаго пришло 4000.
2—11. Тамъ же.
12. Съ Новогородка въ Нергодѣ. . . . . 2.
13. Въ лѣсу при деревнѣ. Тревога. . . . . 4.
14. Надъ болотомъ при деревнѣ. . . . . 5.
Надъ озеромъ, и того дни разъѣхались съ его милостію царевичемъ.
15. За Путивлемъ. Уѣхали. . . . . 2.
16. Надъ озеромъ.
17. Въ лѣсу подъ горою . . . . . 2.
18. Подъ буеракомъ въ полѣ. . . . . 4.
19. Въ Ператинѣ. К. Юрья Вишневец. *Гор. Пырятинъ въ Полт. губ* . . . . . 6.
20—22. Тамъ же.
23. Іогатинъ. Госпожи воев. Волынской. *Мѣстечко Яготинъ въ Полт. губ.* . . . . . 7.
24. Переяславль. Госпожи воев. Волынской. *На Трубежѣ, въ Полт. губ.* . . . . . 4.
25. Тамъ же.
26. Борисполь. Г-на гетмана Польскаго. *Мѣстечко въ Полт. губерніи.* . . . . . 6.
27. Кіевъ. . . . . 5.
28. Подъ Бѣлогородкою. *Мѣстечко въ Кіевск. губ.* . . . . 4.
29. Бразиловъ. *Нынѣ Брусиловъ, мѣст. въ Кіевск. губ.* . . 7.
30. Котельня. Г-на Тишкѣвича. *Мѣстечко въ Волынск. губ.* . 7.
31. Слободище. Г-на Тишкѣвича. . . . . 4.

Февраль.

1. Черторія. Г-на Краковск. *Мѣстечко Новая Черторія, на Случѣ, въ Волынск. губ.* . . . . . 7.
2. Гричевъ. Г-на воев. Брацлав. *Грицовъ, мѣстечко въ Волынск. губ.* 4

Февраль. милл.

3. Камень. Г-на Челганскаго . . . . . 8.
4. Вербовъ. К. Михаила Вишневецк. . . . . 5.
5. Жалоище. К. Константина Вишневецк. *Залоше (?) въ Галиціи*. . . . . 5.
6. Тамъ же.
7. Кильчиче. Г-нъ Ходкевичевъ . . . . . 5.
8. Львовъ. *Лембергъ въ Галиціи*. . . . . 9.
9. Тамъ же.
10. Лубень. . . . . 4.
11. Самборъ. *Городъ на Днѣстрѣ въ Галиціи*. . . . . 6.

12—17. Тамъ же.

На оборотѣ надпись: «Дневная записка Московскаго пути, т. е. трактъ, по которому слѣдовалъ царь Димитрій изъ Польши въ Москву, иждивеніемъ господина воеводы Сендомирскаго».

137.

Такъ называется это мѣстечко (нынѣ Моровскъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) и на картѣ Россіи, составленной въ началѣ XVII вѣка по чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова. См. ее въ концѣ II части *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*.

138.

Klein Nowogrodeck. Авторъ разумѣетъ Новгородъ-Сѣверскій.

139.

Bornika Ogarowa. Борисъ, свѣдавъ о вступленіи Лжедимитрія въ Россію, послалъ сначала къ Сигизмундовымъ вельможамъ дядю разстригина, Смирнаго Отрепьева, а въ послѣдствіи дворянина Огарева къ самому королю.

Въ то же время приказалъ вписать въ Розрядной книгѣ слѣдующую статью:

«Учинилась вѣсть государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи, что назвался въ Литвѣ воръ государскимъ именемъ царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ, великаго государя царя Ивановымъ сыномъ.

«А тотъ воръ, разстрига, Гришка сынъ сотника стрѣлецкаго Богдана Отрепьева, постригшись былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ, и

во 111 году (1603) сшелъ на Сѣверу и сбѣжалъ за рубежъ въ Литву и пришелъ въ Печерскій монастырь, а съ нимъ воръ жъ чернецъ Мисаило Повадинъ, и умысля дьявольскою кознію, разболѣлся до умертвія и велѣлъ бить челомъ игумену Печерскому, чтобъ его поповилъ и въ духовнѣ *(на исповѣди)* сказалъ, будто онъ сынъ великаго государя царя Ивана Васильевича, царевичъ Дмитрій Углицкій, а ходитъ будто въ искусѣ непостриженъ избѣгаючи, укрываяся отъ царя Бориса, и онъ бы игуменъ, послѣ его смерти, про то всѣмъ объявилъ; и послѣ того всталъ, сказалъ, будто полегчело ему.

«И тотъ игуменъ съ тѣхъ мѣстъ учалъ его чтить, чаялъ то правда, и вѣдомо учинилъ королю и сонаторѣмъ; а тотъ разстрига, сложивъ черное платье, сшелъ къ Сендомирскому, называючись царевичемъ, да и Московскаго государства во всей Сѣверѣ и въ Польскихъ городѣхъ учинилось то вѣдомо». *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 163.

О родѣ и племени Самозванца, представлено было въ послѣдствіи, въ декабрѣ 1606 года, Польскимъ сенаторамъ слѣдующее обстоятельное извѣстіе посломъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, княземъ Волконскимъ:

«Онъ *(Самозванецъ)* былъ не царевичъ Дмитрей, *но* богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, разстрига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, а въ мірѣ его звали Юшкомъ (*Юріемъ*). Дѣдъ его Замятня былъ постриженъ въ Чудовѣ монастырѣ, а отца его, Богдана, зарѣзалъ Литвинъ на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ. А онъ Юшка былъ въ холопѣхъ у бояръ у Никитиныхъ, дѣтей Романовича, и у князя Бориса Черкасскаго, и заворовался, постригся въ черницы, и былъ въ черницахъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ Евѳимьевѣ монастырѣ, и въ Галичѣ у Ивана Предтечи, и по инымъ монастырямъ, а послѣ того былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ съ годъ, а ставилъ его въ дьяконы Іовъ патріархъ Московскій и всея Русіи; а потомъ взялъ его къ себѣ Іовъ патріархъ Московскій *для* письма, и онъ учалъ воровать и безчинствовать, и впалъ въ еретичество, и за тѣ его богомерзкія дѣла съ собору хотѣли сослать въ заточенье на смерть; и онъ, злокозненный врагъ, свѣдавъ о томъ, сбѣжалъ въ Литву въ Кіевъ, и былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ и въ Дерманѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ же; и послѣ того тотъ воръ, по дьявольскому ученью, отвергся христіанскія вѣры, образъ ангельскій испоругалъ, черпеческое платье съ себя свергъ, и по вражью совѣту, своимъ злодѣинымъ обычаемъ и по умышленію Сендомирскаго воеводы и Вишневецкихъ и иныхъ, которые ему совѣтовали, злочести-

вый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло извострилъ, учалъ называтись блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ». *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 322.

140.

Такъ описываетъ Паерле Добрынское сраженіе. Извѣстія его не согласны ни съ Беровыми, ни съ Маржеретовыми. По словамъ Бера, честь побѣды принадлежитъ Нѣмецкой дружинѣ; а по сказанію Маржерета, Нѣмцы Борисовы разбѣжались вмѣстѣ съ прочими, и только Русская пѣхота могла остановить Самозванца. Маржеретъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе вѣроятія: онъ самъ участвовалъ въ Добрынской битвѣ.

141.

Cosakhen Duinski, но есть Донскіе казаки, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ.

142.

Pedihorzen. Пятигорцы обитали по Кубани и Тереку, какъ видно изъ карты царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и *Древ. Росс. Идрогр. стр.* 58.

143.

Такъ въ подлинникѣ. Ошибка очевидна: авторъ разумѣетъ рѣку *Кромъ.*

144.

Борисъ Годуновъ умеръ 13 апрѣля 1605 года; а войско передалось Самозванцу подъ Кромами 7 мая. Слѣдовательно спустя почти мѣсяцъ по смерти его.

Лжедимитрій увѣдомлялъ Станислава Мнишка, нареченнаго шурина своего, слѣдующимъ письмомъ о покорности войска, осаждавшаго Кромы:

«При объявленіи благосклонности нашей, желаемъ вашей милости добраго отъ Господа Бога здравія.

«Писали мы къ вамъ въ прежнихъ письмахъ нашихъ чрезъ Сверскаго, объявляя о поведеніи нашемъ; а нынѣ, что по отъѣздѣ вашемъ случилось, извѣстно чинимъ: по волѣ всемогущаго Бога, по смерти Борисовой,

главное войско, съ которымъ мы подъ Новгородкомъ дѣло имѣли, нѣсколько недѣль насъ подъ Кромами ожидая, подлинное о насъ, яко о природномъ государѣ, извѣстіе получа, къ намъ князя Ивана Голицына, великаго и знатнаго человѣка въ государствахъ нашихъ, такожъ и пословъ изъ всѣхъ повѣтовъ, съ объявленіемъ подданства и повиновенія прислало, милосердія прося, дабы мы имъ оную вину, которою они съ невѣденія противъ насъ, природнаго государя, учинили, простить изволили, сказывая то: «Мы всѣ тѣмъ лукавымъ обманомъ отъ Бориса прельщены были, какъ и по смерти Борисовой, сыну его въ томъ присягать и его за государя имѣть хотѣли; а противъ Гришки Отрепьева, котораго онъ быть именовалъ, противостоять обѣщались; но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою, природнымъ государемъ нашимъ, великимъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ поступали и тебя въ государи себѣ не избрали. Мы же совершенно остереглись и единогласно сказали, дабы ты, яко природный государь, по воспріятіи престола святой памяти предковъ своихъ, надъ нами благополучно въ многолѣтныя времена государствовать изволилъ; и тамъ, вмѣсто присяги Борисову сыну учиненной, тебѣ присягу учинили». Нѣкоторыхъ сенаторовъ, которые сторону Борисову держали, связавъ, къ самому столичному городу Москвѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей послали, объявляя, что я подлинный сынъ государствъ дѣдичъ, и къ тому ихъ склоняя, дабы и они, такъ какъ и тѣ, намъ подданство и присягу исполнили. А ежели бы на то склониться не хотѣли, то принудить ихъ къ тому силою. Сверхъ того, насъ чрезъ пословъ своихъ усильно просятъ, чтобы мы безъ замедленія на коронацію поспѣшали; почему мы въ скорости изъ Путивля, мая 25 дня, прямо къ Москвѣ ѣдемъ. Что же съ нами впредь чиниться будетъ, о томъ васъ увѣдомить не оставимъ. Изъ Путивля, 24 мая 1605 года. *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 196.

145.

Послѣ свидѣтельства Бера и Петрея, не остается никакого сомнѣнія, что вдова Бориса Годунова и сынъ его Ѳеодоръ удавлены по приказанію Самозванца.

146.

Не такъ-то скоро: Самозванецъ вступилъ въ Москву 30 іюля: слѣдовательно чрезъ цѣлый мѣсяцъ, хотя она жила только въ пятистахъ

верстахъ отъ столицы. Это значитъ, что мать св. Димитрія не вдругъ согласилась на обманъ.

147.

Многіе готовы были присягнуть, говоритъ Беръ, что Лжедимитрій былъ сынъ ея.

148.

По ходатайству царицы-матери, говоритъ Маржеретъ. Какое дѣло было Полякамъ до Шуйскаго? «Совѣсть, вѣроятно, терзала эту несчастную пособницу обмана», замѣчаетъ справедливо Карамзинъ: «спасая мученика истины, Марѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ».

149.

Власьева, великаго секретаря и казначея.

Кромѣ Власьева, Лжедимитрій послалъ въ Польшу секретаря своего Яна Бучинскаго, который писалъ къ нему въ январѣ 1606 года слѣдующее любопытное донесеніе:

«Много было мнѣ писати къ вашей царской милости то, что ся здѣсь дѣлало, и много о томъ кручинюсь, что было мнѣ писать того не съ кѣмъ; какъ приказалъ былъ ваша царская милость послать Горемыку, и язъ велѣлъ ему готовиться, и паяснѣйшая панна Горемыки мнѣ отъ себя посылати не велѣла, потому что де все у него и что ему прикажетъ, то все онъ дѣлаетъ; и того для язъ не послалъ Горемыки, а съ инымъ ни съ кѣмъ писати подлинно не имѣлъ. А нынѣ пишу, что добре нелюбо было нѣкоторымъ нашимъ панамъ пріѣздъ мой съ тѣмъ вашимъ наказомъ, потому что еще король и первыя грамматы вашей, которую Гасевскій принесъ, панамъ радамъ не казалъ. Пригонилъ гонецъ вашъ на пословъ вашихъ по опасную граммату, и паны рада думали, какъ опасная граммата на вашихъ пословъ дати, съ царскимъ ли титломъ, или безъ титла? И гонецъ де, чаю, безъ титла граммату не возьметъ. И досадовали паны рада на короля, для чего имъ по ся мѣста король первыя грамматы не показалъ, и многіе паны королю говорили, что ты его королевской милости за его великія добродѣтели злымъ отдаешь, а только бъ онъ тебѣ не помогалъ, и онъ бы за то много дѣлъ по Борисѣ взялъ, а отъ тебя ничего добраго не чаетъ. Въ одной граммать пишешь, чтобы съ тобою случитись и совокупитись противъ Турскаго, а въ иной пишешь съ отказомъ и грозячи его королевской милости; а хочешь того,

чтобъ тебя писалъ: *непобѣдимымъ цесаремъ*; сего ни единъ на свѣтѣ крестьянскій государь такъ не дѣлаетъ. Колибъ де тебя кто иной писалъ *непобѣдимымъ*, ино бы то было не диво, а то ты самъ себя такъ пишешь; а такое слово Богу одному подобаетъ; поганцы некрещеные такъ дѣлаютъ, которые не знаютъ всесильности Божіей; а ты де большее Богажъ не знаючи, такъ ся называешь предъ Богомъ, и по твоей де и той великой спѣси и гордости, подлинно тебя Богъ сопхнетъ съ столицы твоей, и надобе то указать всему свѣту и Москвѣ самой, какой ты человѣкъ, а и сами Москвичи о томъ догадаются, какой ты человѣкъ и что имъ хочешь сдѣлати, коли ты не помнишь добродѣтели короля, его милости; а тѣ слова говорилъ панъ воевода Познаньскій.... *Собр. Госуд. Грам. II, стр.* 258.

150.

Авторъ разумѣетъ бракъ Сигизмунда съ Констанціею, дочерью эрцгерцога Карла.

151.

Въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской королевны Анны.

152.

По свидѣтельству Боплана, бахматами, baquemales, назывались лошади Татарскія, неуклюжія, малорослыя, но очень быстрыя и неутомимыя, съ длинными густыми гривами. Тоже говоритъ и Гваньини въ описаніи Татаръ Крымскихъ. Description d'Ukranie, 1660, стр. 38.

153.

То были рынды.

154.

Не только цари, но и великіе князья никогда не искали титула королевскаго.

155.

Не Иванъ Васильевичъ, а Василій Ивановичъ Шуйскій, вступившій на престолъ чрезъ десять дней послѣ бракосочетанія.

156.

Такъ въ подлинникѣ.

Въ поясненіе извѣстій Паерле о свадьбѣ Лжедимитрія съ Мариною, приводимъ слѣдующій современный отрывокъ брачнаго обряда, сохранившійся въ нашемъ архивѣ:

«.... Передъ государынею итти дружкамъ, а за ними протопопу со святою водою, да со крестомъ, въ патрахели и въ поручахъ саженыхъ, а за государынею итти свахамъ всѣмъ и боярынамъ сидячимъ; а вести государыню подъ ручку воеводѣ отцу ея, да княжъ Ѳедоровѣ княгинѣ Ивановича Мстиславскаго. И пришедъ въ столовую избу, протопопу благословить государыню на мѣсто крестомъ; а какъ изготовится все, и итти къ государю сказати про то дружкѣ боярамъ князю Дмитрею Ивановичу, да Григорью Ѳедоровичу, да Рождественскому протопопу. И государь пойдетъ изъ хоромъ въ столовую же избу, а передъ государемъ итти поѣзду и дружкамъ всѣмъ, да протопопу съ святою водою и со крестомъ; а пришедъ, протопопу говорити *достойно есть*, и благословить государя и государыню крестомъ; да говоритъ протопопъ молитвы обручальныя по чину, а дружки въ тѣ поры рѣжутъ караваи и сыры и подносятъ ширинки. А какъ обручанье отойдетъ, и государю и государынѣ итти въ Грановитую палату постельнымъ крыльцомъ; а путь слати сукна и бархаты изъ столовыя избы отъ царскаго мѣста до Грановитыя палаты до царскаго мѣста и до Причистой, и въ Пречистой вдвое. А въ столовой у обручанья быти одному воеводѣ Сендомирскому, да тѣмъ, которые въ поѣзду; а воеводинымъ пріятелямъ и Литовскимъ посламъ всѣмъ дожидатись государева выходу въ Золотой полатѣ, послати полавочники бархатные. И какъ государыня придетъ въ Грановитую полату къ цесарскому престолу, и сядетъ государь; и въ тѣ поры, пришедъ къ государынѣ, говорить рѣчь тысяцкому боярину князю Василью Ивановичу: «А наяснѣйшая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всея Русіи! Божьимъ праведнымъ судомъ, и за изволеньемъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго самодержца великаго государя Дмитрея Ивановича, Божьею милостью цесаря и великаго князя всея Русіи, и многихъ государствъ государя и обладателя, его цесарское величество изволилъ васъ, наяснѣйшую великую государыню взяти себѣ въ цесареву, а намъ въ *государыню*, и Божьею милостію, обручанье ваше цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы наяснѣйшей и великой государынѣ нашей, по Божьей милости и по изволенію великаго государя нашего, его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ, и быти съ нимъ великимъ государемъ на своихъ преславныхъ государствахъ». А изговоря, протопопу благословить

крестомъ на мѣсто; и какъ государыня сядетъ на своемъ цесарскомъ мѣстѣ, и въ тѣ поры велитъ государь итти Литовскимъ посламъ и воеводинымъ пріятелямъ, по списку; взяти списокъ у воеводы; а явить Литовскихъ пословъ Ооонасью (*Власьеву*); и государь пожалуетъ велитъ Литовскимъ посламъ сѣсти по прежнему, а воеводѣ сидѣти на старомъ мѣстѣ, а боярамъ и окольничимъ и дворянамъ всѣмъ сидѣти по мѣстамъ, а поѣзду стоять. А патріархубъ со всѣмъ соборомъ притти въ церковь на третьемъ часу, и пѣти молебны; а въ навечерье того дни велѣти въ соборной церкви и по монастырямъ и по всѣмъ церквамъ пѣти всенощное и праздновати Троицѣ. А чинъ въ соборной церкви устроити: поставити середъ церкви налой съ паволокою, гдѣ стояти царскому чину, а паволака прежняя; да устроити чертожное мѣсто, сдѣлати новое пошире стараго, а у него 12 степеней, обалочи багрецомъ; да поставити государю престолъ Персидскій золотъ съ каменьемъ, да колодка золотная, а съ правую сторону поставить стулъ патріарху, а съ лѣвыя государынѣ цесаревѣ поставити стулъ большой золотой, да колодочка золотная бархатная, или камчата. А отъ чертожнаго мѣста слати сукнажъ багрецовыя и бархаты государю и государынѣ съ золотомъ, а патріарху бархатъ чернъ; и поставити отъ чертожнаго мѣста по обѣ стороны скамьи, гдѣ сидѣти властямъ; а послать полавочники государевы 2 на рядъ съ плетенки. А устроивати окольничему Ивану Ѳедоровичу Колычеву, да думному дворянину Григорью Микулину, а съ ними земскимъ приказнымъ людямъ и дьякамъ. А какъ въ соборной церкви уготовается, и государь пошлетъ на казенный дворъ по царской чинъ; а итти постельничему Семену Шапкину, да стряпчему князю Лукѣ Львову, да протопопа Ѳедора, да дву дьяконовъ Благовѣщенскихъ. И какъ царскій чинъ принесутъ, и государь цесарь и великій князь цесарскій чинъ велитъ принати конюшему Михаилу Ѳедоровичу Нагово, и поднести къ себѣ, и прикладывается къ животворящему кресту и цѣлуетъ корону; а духовникъ говоритъ *достойно есть*. Потомъ пошлетъ съ Михайломъ же тотъ цесарскій чинъ къ государынѣ цесаревѣ, и государыня ступитъ съ своего мѣста ступени съ три, и прикладывается ко кресту и цѣлуетъ корону, и приложась, велитъ государь принати крестъ и корону и діадиму протопопу Ѳедору, и нести на главѣ, покрывъ пеленою, къ пречистой Богородицѣ; и отпустити ихъ въ соборную церковь ко пречистой Богородицѣ съ бояриномъ съ Михайломъ Ѳедоровичемъ, а блюдо нести дьяку Ѳедору Янову. А въ то время, какъ несутъ, звонити во всѣ колокола, и встрѣтитъ чинъ царскій патріархъ у дверей, вышедъ изъ церкви со всѣмъ соборомъ,

а принять у протопопа царскій санъ митрополитамъ Новгородскому, да Ростовскому, и поднесутъ къ патріарху, а патріархъ поставитъ на налоѣ. А проводя, бояринъ Михайло Ѳедоровичъ пойдетъ къ государю и скажетъ, что уготовано. А въ церкви, у царскаго сану и у мѣста оставити окольничего Ивана Колычева, да думнаго дворянина Григорья Микулина, да дьяка Ѳедора Янова. И государь цесарь и великій князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи и государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всея Русіи пойдутъ въ соборную церковь вмѣстѣ, по ряду; а вести государя подъ правую руку воеводѣ Сендомирскому, а государыню вести подъ лѣвую руку Мстиславской княгинѣ. А передъ государемъ итти столникомъ и стряпчимъ, да воеводинымъ пріятелямъ и посламъ, а за ними поѣздъ; а за поѣздомъ нести скипетръ князю Василію Васильевичу Голицыму, яблоко нести Петру Ѳедоровичу Басманову; а достальнымъ боярамъ и думнымъ людямъ и дворянамъ и приказнымъ людямъ и пріятелямъ воеводинымъ итти за государемъ. А протопопъ Ѳедоръ, отнесчи корону, снявъ съ себя ризы, въ патрахели идетъ ко Пречистой, передъ государемъ и передъ государынею кропитъ. А на крыльцѣ, для береженья, быти головамъ стрѣлецкимъ двѣмъ человѣкомъ; а по пути уставливати народы: по праву отъ Грановитыя полаты головы два человѣка, а съ ними 10 человѣкъ сотниковъ, до 100 человѣкъ стрѣльцовъ; а по лѣву отъ судныхъ полатъ головыжъ 2 человѣка, а съ ними 10 человѣкъ стрѣльцовъ; а рцыремъ и драбантамъ съ своими капитаны стоять по чину по обѣ стороны, да съ ними стрѣльцы Посниковъ приказъ Огарива. А какъ войдетъ государь и государыня въ церковь, и пѣти многолѣтье государю; а государь прикладывается къ образамъ къ пречистой Богородицѣ къ чудотворцамъ къ Петру и къ Іонѣ; а государынѣ итти за государемъ, а вести подъ руку воеводѣ, да княжь Ѳедоровѣ княгинѣ Мстилавскаго, да передъ неюжъ итти дружкамъ, а позади итти свахамъ, а у образовъ и у чудотворцевъ, гдѣ государынѣ прикладываться, приступцы сдѣлати колодочки, смотря по мѣстамъ. А въ церкви въ тѣ поры уставливаютъ народы окольничіе, да столники. А патріархъ отъ себя пошлетъ архимандрита, да игумена, да ключарей; и какъ государь и государыня, прикладываясь у образовъ, придетъ къ патріаршу мѣсту, и патріархъ со всѣми властьми поклонится государю и государынѣ, и благословитъ государя и государыню, и возведетъ государя и государыню на чертожное мѣсто; а вести государя по правую руку патріарху, а государыню по лѣвую руку митрополиту Новгородскому. А власти сядутъ по скамьямъ, а бояре станутъ за государемъ

у столпа по правую сторону, а по лѣвую сторону стоять боярынямъ; а стоять у патріарха архидіякону, да протодіякону, по правую сторону за государемъ, а боярынямъ по лѣвую сторону у государыни, пониже чертожнаго мѣста. И посидѣвъ, государю говорити рѣчь патріарху; и патріархъ благословитъ государя и государыню, и говоритъ государю рѣчь. И послѣ рѣчи, велитъ патріархъ 2 архимандритамъ Троицкому, да Володимірскому, да игумену Пафнутьевскому, да Осиповскому принести животворящій крестъ на другомъ на златомъ блюдѣ, а у нихъ примутъ 2 архіепископа Смоленскій да Рязанскій, и поднесутъ къ патріарху, и патріархъ, поцѣловавъ, благословитъ и положитъ на государыню цесареву; и архидіаконъ начнетъ малую октенью, и по октеньѣ, государыня приклонитъ главу, и патріархъ возложитъ на верхъ главы государыни руку и говоритъ молитву во услышанье всѣмъ. И по молитвѣ пошлетъ патріархъ архимандрита Владимірскаго, да Спасскаго, до игуменовъ 2 Борисоглѣбскаго, да Угрѣшскаго, по бармы, по діадиму; а у архимандритовъ пріимати митрополитъ Крутецкій, да архіепископъ Суздальскій, и принесутъ къ патріарху, и патріархъ, пріявъ, цѣлуетъ и знаменуетъ ими государыню цесареву, и государыня ихъ цѣлуетъ; а патріархъ возложитъ на государыню, и благословитъ крестомъ, и говоритъ молитву. И по молитвѣ, пошлетъ патріархъ по царскую корону архіепископовъ двухъ Архангельскаго, Астраханскаго, да архимандритовъ двухъ, Симоновскаго, да Андроніковскаго; а у нихъ примутъ митрополиты Новгородскій, Ростовскій, и принесутъ патріарху; и патріархъ, перекрестивъ рукою, благословитъ государыню крестомъ и положитъ на нее. А свахамъ предъ тѣмъ, какъ принесутъ корону, сняти вѣнецъ, въ которомъ будетъ государыня; и въ то время позакрыти покровцы низаными. И потомъ митрополиты и архіепископы и епископы, вшедъ, на мѣсто, благословляютъ государя и государыню. И послѣ того государь, принявъ государыню за десную руку, посадитъ и самъ сядетъ; и посидѣвъ мало, цесарь и цесарева и патріархъ встанутъ, а архидіаконъ начнетъ октенью большую; и по октеньи, патріархъ говоритъ молитву Пречистой. И по молитвѣ, цесарь и цесарева и патріархъ и власти сядутъ на своихъ мѣстахъ, и архидіаконъ кличетъ на амбонѣ многолѣтье государю и государынѣ цесаревѣ, и священники въ олтарѣ поютъ многолѣтье государю и государынѣ, а дьяки на правомъ крылосѣ поютъ по-трожды. И по многолѣтьи, патріархъ, вставъ со всѣми властьми, поздравляютъ государя и государыню; а послѣ того здороваютъ государя и государыню бояре и дворяне и всякіе люди. А послѣ совершенья молебна, государь

и государыня и патріархъ сойдетъ съ чертожнаго мѣста и начнетъ обѣдню; а государь цесарь станетъ на своемъ цесарскомъ мѣстѣ, а государыня пойдетъ въ придѣлъ Дмитрія Селунскаго, а съ нею свахи и боярыни немногія, кому государь укажетъ. А послѣ херувимской, какъ осѣнятъ свѣщею, положитъ патріархъ на государыню цѣпь злату Мономахову, а государю итти съ государынею вмѣстѣ. А какъ учнутъ пѣти кенаники, и въ тѣ поры постельничему Семену Шапкину послати передъ царскими дверьми коверъ, а на верхъ ковра бархатъ золотой; а архидіаконъ и протодіаконъ зовутъ государыню цесареву на помазанье и къ причастію, а государь пойдетъ съ неюжъ. И послѣ совершенія обѣдни, тутожъ передъ царскими дверьми быти вѣнчанью; а вѣнчати протопопу Ѳедору, а патріарху и властямъ стояти на своемъ мѣстѣ. А у государя и у государыни стоять тысяцкому и дружкамъ и свахамъ, а боярамъ и думнымъ людямъ стояти за царскимъ мѣстомъ, а народъ въ тѣ поры изъ церкви выслати; а съ виномъ съ церковнымъ стоять и наряжать Аѳанасій Алекс. Нагой, а скляницу держати Семену Шапкину, а государеву корону на блюдѣ держать конюшему М. Ѳ. Нагово, а у государыни свахѣ, Андреевѣ женѣ Александровича. А осыпати государя цесаря и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Русіи боярину князю Ѳ. И Мстиславскому, у Пречистыя на рундукѣ, какъ пойдетъ изъ двери; а мису держати казначею Василью Головину, а золотыя деньги носить казенному дьяку Меньшему Булгакову. А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты; а слать казначею Василью Петровичу Головину, да казеннымъ 3 дьякамъ. А какъ изъ двери пойдетъ, и въ дверяхъ осыпати трижды, и итти къ Грановитой полатѣ въ столовую избу, и у Грановитой полаты и у столовой осыпать вездѣ по-трижды; а Литовскихъ пословъ отпустить отъ Пречистыя. А пришедъ государь въ столовую избу, посидитъ немного за столомъ до третьей ѣствы; а ѣствы подать приказныя, и пойдетъ государь въ свои хоромы; а поѣзду провожать до постельныхъ хоромъ, а воеводѣ Сендомирскому и тысяцкому до постели. А за столомъ быти воеводѣ и пріятелямъ его и боярамъ немногимъ. А большаго стола на первый день не будетъ, а быть большимъ столамъ въ Грановитой полатѣ по три дни; сидѣть воеводѣ и посламъ и пріятелямъ воеводскимъ въ кривомъ столѣ, а противъ ихъ; и потчивать боярин Ъ П. Ѳ. Басмановъ, да окольничій К. Григорій Ромодановскій, да думный дворянинъ Гр. Микулинъ, да приставы. А слугамъ воеводскимъ и посольскимъ и жолнырамъ лучшимъ выбравъ человѣкъ до 150, посадити въ Золотой полатѣ; а потчивать ихъ думнымъ дворянамъ Пушки-

нымъ, да дьяку Шипилову. А мусикѣ на первой день не быть, а быть въ Грановитой полатѣ за большимъ столомъ». *Собр. Госуд. Грам. II*, 289—293.

157.

Причина посольства неизвѣстна: вѣроятно Самозванецъ хотѣлъ вооружить Персидскаго шаха на Турковъ.

158.

Въ подлинникѣ: Bladini Dyetie.

159.

Gregorius Wokiof. Самозванца умертвили двое: Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ (*Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI, пр.* 532.). Волуева Нѣмцы называютъ Wolnik и Mulnik. Историографъ Миллеръ никакъ не могъ разгадать этого имени и думалъ, что Mulnik есть имя нарицательное Мыльникъ, т. е. мыловаръ (Samml. Ruſſ. Geſch. V. 357). И въ Беровой лѣтописи стоитъ Mulnick.

160.

Паерле оправдываетъ нашихъ бояръ въ непристойномъ дѣлѣ, взведенномъ на нихъ пасторомъ Мартиномъ Беромъ. См. выше, стр. 61.

161.

Въ подлинникѣ Sklinskytwor. Въ письмѣ воеводы Сендомирскаго упоминается о какомъ-то Склинскомъ; вѣроятно по имени его названъ дворъ, гдѣ жилъ Бучинскій. *Собр. Госуд. Грам. II.* 286.

162.

Ignaciewiz. Кажется, то былъ Татищевъ, Михайло Игнатьевичъ. Авторъ перемѣшалъ имена.

163.

Безсмысленная сказка! Въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи, я уже объяснилъ, почему въ семъ случаѣ дерзкія слова иноземца, лютеранина, врага нашего, не заслуживаютъ никакого вѣроятія. *См. выше, пр.* 85. Считая излишнимъ повторять свое мнѣніе, сдѣлаю еще одно замѣчаніе: изъ грамматы царской видно, что въ Угличъ отправлены за мощами св. Димитрія митрополитъ Ростовскій Филаретъ, епископъ

Астраханскій Ѳеодосій, архимандритъ Спасскій Сергій, архимандритъ Андроновскій Авраамій, князь Воротынскій, бояре Шереметевъ, Григорій и Андрей Нагіе (*Собр. Госуд. Грам. часть II. стр.* 311); всѣ они единогласно засвидѣтельствовали нетлѣнность мощей св. Отрока; уже одно это свидѣтельство удостовѣрило бы насъ въ святости царевича, если бы мы и не имѣли другихъ доказательствъ: можно ли думать, чтобы такія особы, какъ Филаретъ, согласились содѣйствовать обману Шуйскаго? Въ такомъ случаѣ, надобно было бы лишить человѣка всякаго нравственнаго достоинства.

164.

Іоаннъ IV назначилъ Димитрію въ удѣлъ Угличь, Дмитровъ и Городецъ.

165.

См. примѣчаніе 135.

166.

Въ Московскомъ Архивѣ большею частію хранятся акты, о которыхъ упоминаетъ Паерле. Приводимъ изъ нихъ вполнѣ самый любопытный: договоръ Лжедимитрія съ воеводою Сендомирскимъ, писанный 25 мая 1604 года на Польскомъ и Русскомъ языкахъ.

«Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію, царевичъ Великой Русіи, Углецкій, Дмитровскій и иныхъ, князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ Московскихъ государь и дѣдичь.

«Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ въ Польскомъ, въ дому честнемъ, великаго роду, житья честнаго и побожнаго, пріятеля и товарыща, съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ милости и любви непремѣняемой житіе свое проводити, ясневельможную панну Марину съ Великихъ Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендомирскую, старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневельможнаго пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ, воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Меденицкаго и проч. старосты, жупъ Русскихъ жупника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство, для чего мы взяли его себѣ за отца, и о томъ

мы убѣдительно его просили, для большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою панну Марину за насъ выдалъ въ замужство. А что тепере мы есть не на государствахъ своихъ, и то теперь до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на своихъ государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣстѣ съ панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма сдержати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впередъ во имя прѣсвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое царское: что женюсь, на паннѣ Маринѣ; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кой часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго государства, язъ пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея, панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея, панны, отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ царскій престолъ отца нашего, и мы тотчасъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣйшаго короля Польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третее то: той же прежъ реченной паннѣ женѣ нашей дамъ два государства великія, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣніемъ, и съ повольностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ въ тѣхъ обоихъ государствахъ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и въ нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ и даруемъ ей паннѣ то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божіею, съ нею вѣнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ письмѣ написано, отдадимъ ей, и въ канцрѣріи нашей ей то въ вѣки напишемъ, и печать свою царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и вольно ей будетъ своимъ служилымъ

людямъ помѣстья и вотчины давати, и купити и продавати, также вольно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе, и бискупы и попы Латинскіе, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой жити съ нами; а попы свои себѣ держати, сколько ей надобе, также набоженство своей Римскіе вѣры держати безо всякіе забороны, якоже и мы сами, съ Божіею милостію, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римскіе устроити. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ государствахъ нашихъ не полюбятся, и въ годъ того не сдѣлаемъ, ино будетъ вольно пану отцу и паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ побольше того подождутъ до другаго году. А язъ тепере въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ все сдѣлати по сему письму, и присягою на томъ на всемъ, при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко и всѣхъ Русскихъ людей въ вѣру Латынскую привести. Писана въ Самборѣ, мѣсяца мая 25 дня, лѣта 1604.

Подпись: Царевичъ Димитрій.

167.

Datsow. Вѣроятно, Татевъ.

168.

Въ подлинникѣ Patska. Шмидтъ-Фисельдекъ думаетъ, что это слово значитъ *Батюшка*, и что такъ называли начальника мятежниковъ. Мнѣніе совершенно ложное: Паерле разумѣетъ извѣстнаго Истому Пашкова.

169.

То же свидѣтельствуетъ Петрей.

170.

Korsak. Должно быть Корсаковъ.

171.

Въ подлинникѣ Fedorowitz и Plotno: извѣстные мятежники Лжепетръ и Болотниковъ. См. о нихъ Берову Лѣтопись.

172.

Напомнимъ еще читателю свидѣтельство Александра Чилли. *См. выше примѣч.* 135.

173.

Въ рукописи, которою я пользовался, недостаетъ листовъ двухъ или трехъ; ихъ нѣтъ и въ спискѣ Волфенбительской библіотеки. Изъ дѣлъ нашего архива мы знаемъ, что послы Литовскіе заключили съ боярами 25 іюля 1608 года перемиріе на 3 года и 11 мѣсяцевъ; исходатайствовали свободу Маринѣ и отцу ея; клялись въ дружбѣ и любви; наконецъ отправились восвояси. Паерле достигъ Кракова 15 декабря 1608 года.

174.

Авторъ принимаетъ здѣсь слово *Скиѳы* въ смыслѣ варваровъ: ниже увидимъ, что онъ имѣлъ довольно правильныя понятія о народахъ сосѣдственныхъ Россіи.

175.

Saint-Jean-de-Laune, или de-Lône, небольшой городокъ, въ Бургундіи, на рѣкѣ Сонѣ, въ 6 миляхъ отъ Дижона: жители его прославились въ исторіи упорною защитою въ 1636 году отъ 80,000 войска Нѣмецкаго, Испанскаго и Лотарингскаго. Вогренанъ сражался за Генриха IV.

176.

О пребываніи Маржерета въ Россіи сохранилось въ Московскомъ Архивѣ слѣдующее любопытное письмо князя Пожарскаго къ иностранцамъ Эстону, Гилю и другимъ, желавшимъ вступить въ Русскую службу:

«Великихъ государствъ Россійскаго царствія бояре и воеводы, и по избранію Московскаго государства всякихъ чиновъ людей, въ нынѣшнее настоящее время того многочисленнаго войска у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода князь Дмитрій Пожарскій съ товарыщи. Объявляемъ Ондреяну Ѳрейгеру вольному господину города Ѳладороа, Артору Ястону изъ Турнала, Якову Гилю, начальнымъ надъ войскомъ, и инымъ капитаномъ, которые съ вами. Прислали есте къ намъ съ капитаномъ съ Яковомъ Шавомъ граммату за своими руками; а въ грамматѣ своей къ намъ писали есте, что объявляете намъ свое доброе

радѣнье прямымъ сердцемъ, будто вы о нѣкоторыхъ мѣрахъ, тому ужь 6 мѣсяцевъ, писали въ грамматѣ къ Петру Гамельтуну, чтобъ онъ до насъ донесъ, что вы хотите вѣрно служити въ тѣхъ мѣрахъ, что учинилося межъ насъ и Польскихъ и Литовскихъ людей, и намъ бы не страшитися: государи ваши короли великихъ людей вѣдомыхъ иноземцевъ, ратныхъ большихъ капитановъ и залдатовъ, въ которыхъ нѣтъ такихъ, который бы къ службѣ не пригодился, велѣли сбиратися, и уже на готовѣ; только тому дивитеся, что намъ капитанъ Гемельтонъ того не объявилъ и вашего радѣнья и службы по ся мѣста не сказалъ, и вы положили на то: нѣчто будетъ то ваше письмо до Петра не дошло, или Петръ до насъ не донесъ, что вамъ о томъ отъ насъ письма нѣтъ, и въ томъ вы стали неправы большому въ Амборху (*въ Гамбургѣ*) Якову Мержерету; а Яковъ Мержеретъ послалъ же съ грамматами изъ Амборха къ Архангельскому городу на Николинъ день, мая 9 число, тоежь службу и раденье объявляя, и вы тогожъ чаете, что и тѣ не дошли; и только намъ ваше раденье любо будетъ, и о томъ бы намъ отвѣтъ учинити вамъ по нынѣшней лѣтней дорогѣ, чтобъ мочно притти корабельнымъ ходомъ. А нынѣ ты, Ондреянъ, съ своими большими и съ капитаны имянно къ намъ идете вскорѣ, для договора наемнаго войска иноземцевъ, только намъ любо будетъ; да твои же люди идутъ въ Англійскихъ и въ Нидерлянскихъ корабляхъ, а приставать будутъ къ берегу сеѣ осени, и намъ бы съ тобою о воинскихъ людехъ договоръ учинити, чтобъ вамъ, прося у Бога милости, одного лѣта съ недруги управиться; а вы то дѣлаете на славу государемъ своимъ и отечеству своему, не бояся смерти, надѣяся на правду, а въ правдѣ Богъ помогаетъ, и рады вы противъ нашихъ непріятелей, видѣчи нашу правду, биться до смерти, и однолично еси изготовился къ намъ итти моремъ и сухимъ путемъ на Николинъ день, только съ тобою нынѣ о томъ договоръ учинимъ.

«И мы государемъ вашимъ королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помочь противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславляти; а и преже сего великіе государи наши цари и великіе князи Россійскіе съ государи вашими, ни съ которыми короли, въ недружбѣ не бывали. А васъ, Ондреяна Ѳрейгера вольнаго господина во Флодорѣ, да Артора Ястона изъ Турнала, да Якова Гиля, начальниковъ надъ войскомъ, за ваше доброхотство, что вы хотите Россійскому государству помочь чинити, сами служити и людей воинскихъ на наемъ призывати и битися хотите до смерти, похваляемъ и

нашею любовью противъ вамъ, гдѣ будетъ возможно, воздавати хотимъ. А тому удивляемся, что вы отомъ дѣлѣ въ совѣтѣ съ Францужениномъ съ Яковомъ Мержеретомъ, а Якова Мержерета мы всѣ Московскаго государства бояре и воеводы знаемъ достаточно и вѣдаемъ про него подлинно:

«Блаженныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи выѣхалъ тотъ Яковъ и съ иными иноземцы, съ дьякомъ съ Ѳеонасьемъ Власьевымъ, изъ цесарскія области къ царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всеа Руссіи на его государское имя служити; и блаженныя памяти великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи его пожаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчины и денежнымъ жалованьемъ, и былъ онъ у иноземцевъ въ ротмистрахъ; а послѣ царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, какъ учинился на Россійскомъ государствѣ великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Руси, и Яковъ Мержеретъ великому государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси билъ челомъ, чтобъ его отпустилъ къ родству его во Францовскую землю, и царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Руси, по своему милосердому обычаю, пожаловавъ его своимъ царскимъ жалованьемъ, во Францовскую землю отпустить велѣлъ. И какъ, за нашъ грѣхъ, въ Россійскомъ государствѣ при царѣ Васильи, нѣкоторый воръ, по умышленью Польскихъ и Литовскихъ людей, назвался блаженныя памяти царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, въ прежняго вора въ Розстригино мѣсто, будто онъ ушелъ съ Москвы живъ, и стоялъ тотъ воръ подъ Москвою, и тотъ Яковъ Мержеретъ къ тому вору присталъ и былъ съ тѣмъ воромъ, и Московскому государству многое зло чинилъ и кровь хрестьянскую проливалъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми и Московскаго государства съ измѣнники. А какъ Польскій Жигимонтъ король присылалъ подъ Москву гетмана Польскаго Станислава Желковскаго, и тотъ Яковъ опять пришелъ съ гетманомъ; а послѣ гетмана остался въ Московскомъ государствѣ съ старостою Велижскимъ съ Олександромъ Гасевскимъ, въ Нѣмецкой ротѣ у Поляка у Петра Борковскаго въ поручикахъ. И какъ Польскіе и Литовскіе люди крестное свое цѣлованье преступили, оплоша Московскихъ бояръ, царствующій градъ Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, и тотъ Яковъ Мержеретъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Литовскими людьми, кровь крестьянскую проливалъ и злѣе Польскихъ

людей, и въ осадѣ съ Польскими съ Литовскими людьми въ Москвѣ отъ насъ сидѣлъ, и награбився государскія казны, дорогихъ узорочей несчетно, изъ Москвы пошелъ въ Польшу въ нынѣшнемъ во 120 году (1611), въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ измѣнники Московскаго государства, что былъ бояринъ, съ Михайломъ Салтыковымъ съ товарыщи. И про то намъ подлинно вѣдомо, что Польскій Жигимонтъ король тому Якову Мержерету за то, что онъ съ Польскими и съ Литовскими людьми Московское государство разорялъ и кровь крестьянскую проливалъ, велѣлъ быти у себя въ радѣ.

«И мы тому удивляемся: такое Яковъ Московскому государству зло учинилъ, съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь крестьянскую проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ людей чинилъ, и у короля за то жалованье получилъ, въ радѣ его король учинилъ; а нынѣ бъ ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей помогати? И намъ ся мнитъ, что Яковъ хочетъ въ Московское государство быти по умышленію Польскаго короля и Польскихъ и Литовскихъ людей, чтобъ ему злое которое, по умышленію и по приказу Польскаго Жигимонта короля и пановъ радъ, Московскому государству учинити; о томъ мы стали въ опасеньи; для того и къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ многихъ людей отпускаемъ, чтобъ Польскаго Жигимонта короля умышленьемъ, какое лихо Архангельскому городу не учинилось.

«Да и наемные намъ люди иныхъ гусударствъ нынѣ не надобеть: по ся мѣста были намъ Польскіе люди сильны потому, что за грѣхъ нашъ государство Московское бымо врозни, Сѣверскіе города были особѣ, а Казанское и Астраханское царства и Понизовные города были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался государскимъ именемъ, и Псковъ и Ивань-городъ были съ нимъ вмѣстѣ; а иные города и люди многіе были съ Польскими и Литовскими людьми. А нынѣ все Россійское государство, видѣвъ Польскихъ и Литовскихъ людей неправду и узнавъ воровскихъ людей заводъ, изобрали всѣми государствы Россійскаго царствія, мы, бояре и воеводы, и чашники, и столники, и дворяне большіе, и стряпчіе, и дворяне изъ городовъ, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и стрѣлцы, и казаки, и всякихъ чиновъ служилые люди, и гости, и торговые и всякіе посадскіе жилецкіе люди, также розныхъ государствъ цари и царевичи, которые служили прежнимъ государямъ въ Россійскомъ государствѣ, и царства Казанскаго и Астраханскаго, и иныхъ Понизовныхъ городовъ князи и мурзы, и Татарове, и Черемиса, и Чуваши, и Литва, и Нѣмцы, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, за разумъ, и за

правду, и за дородство, и за храбрость, къ ратнымъ и къ земскимъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго. Да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми и стояли на Московское государство, видя Польскихъ и Литовскихъ людей неправду, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, и стали съ нами единомышленно противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; и бои намъ съ Польскими и съ Литовскими людьми были многіе, и многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ, и городы, которые были за Польскими и Литовскими людьми, очищаемъ къ Московскому государству, и что гдѣ сберется съ земли какихъ доходовъ, и мы то даемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ, и казакамъ; а сами мы, бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне, и дѣти боярскіе, служимъ и бьемся за святыя Божьи церкви и за православную нашу крестьянскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и до Литовскихъ людей, за ихъ неправду и крестопреступленье, праведный гнѣвъ Божій до самихъ доходитъ: въ Польской и въ Литовской землѣ, на Волыни и на Подольи, воевали Турскіе и Крымскіе люди безъ выходу, Волынь и Подолье до конца запустошили, и нынѣ Турскіе и Крымскіе воинскіе люди въ Польской и въ Литовской землѣ воюютъ, и впередъ, по нашей ссылкѣ, Крымскіе люди Польскую и Литовскую землю хотятъ воевати и до конца пустошити; и мы чаемъ милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и сами, Россійскимъ государствомъ, и безъ наемныхъ людей. А только будетъ, за грѣхъ нашъ по какимъ случаямъ, Польскіе и Литовскіе люди учнутъ намъ ставиться сильны, и мы тогды пошлемъ къ вамъ о ратныхъ людяхъ на наемъ своихъ людей, наказавъ имъ подлинно, сколько имъ людей наймывати и договоръ велимъ учинити, почему какимъ ратнымъ людямъ на мѣсяцъ или на четверть году найму дать; а нынѣ намъ наемные люди не надобеть, и договору о нихъ чинити нечего, и вамъ бы къ намъ не ходити и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чинити. А о томъ бы вамъ къ намъ любовь объявити, о Яковѣ о Мержератѣ къ намъ отписати: какими обычаи Яковъ Мержеретъ изъ Польскія земли у васъ объявился, и въ какихъ онъ мѣрахъ нынѣ у васъ, въ каковѣ чести? А мы чаяли, что его, за его неправду, что онъ, не памятуя государей нашихъ жалованья, Московскому государству зло многое чинилъ и кровь крестьянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему, опричь Польши, мѣста не будетъ. Писанъ на стану у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7120 (1612), августа мѣсяца.

177.

Въ Указателѣ объяснено, какъ писалъ авторъ собственныя имена наши; здѣсь же приведемъ нѣсколько выраженій, по коимъ можно судить о степени свѣдѣній его въ Русскомъ языкѣ: *Prosti mene Pojaloi* прости меня, пожалуй; *Boch tibi prosti* Богъ тебя проститъ. *Christus vos Christ* Христосъ воскресъ; *As isten vos Christ* во истину воскресъ; *Kleby est samnoi* хлѣба есть со мной. *Dorotney Schalovec* дородный человѣкъ. *Bolschoi prichod* Большой приходъ. *Pomiesnej pricas* Помѣстный приказъ. *Conusnei pricas* Конюшенный приказъ. *Roschodnoy Casna* Расходная казна. *Dengi, Polusques* деньги, полушки. *Conusnej Baiari* конюшенный бояринъ. *Petigorsquis Chercassi* Пятигорскіе Черкасы. *Zar hospodar y veliquei Knes: N. fsia Russia ialoet tebe* царь господарь и великій князь *N.* всея Руссіи жалуетъ тебѣ. Изъ сего видно, что Маржеретъ писалъ Русскія слова довольно правильно, по крайней мѣрѣ понятно, и кажется разумѣлъ нашъ языкъ. Есть въ его книгѣ и грубыя, немногія впрочемъ, ошибки, напримѣръ: *vos Christ* воскресъ, *bas. Mannof* (только однажды; въ другихъ мѣстахъ вездѣ *Basmannof)* Басмановъ; *Knes Vacile. Juannevits, Calitchin* князь Василій Ивановичъ Голицынъ. Эти промахи, по всѣмъ признакамъ, должно приписать типографіи.

178.

По исчисленію Гасселя, Россія въ началѣ XVII вѣка заключала въ себѣ 154.894. квадр. мили. Hassel's Ephemeriden *на* 1826 *годъ.*

179.

Баронъ Майербергъ, бывшій въ Россіи въ 1661 году, пишетъ, что все пространство между Вязьмою и Можайскомъ, на 150 верстъ, покрыто было дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находилась одна только деревушка. *Iter in Moscoviam Baronis de Mayerberg. Стр.* 98. То же свидѣтельствуетъ сочинитель Извѣстія о трехъ посольствахъ графа Карлиля съ 1663 по 1665 годъ: «Проѣхавъ по Россіи», говоритъ онъ, «по мѣстамъ, наиболѣе заселеннымъ, мы видѣли только лѣса безконечные». *La rélation des trois Amdassades de M. le Comte de Carlisle.* 2 изд. 1672.

180.

«Русскій городъ Архангелъ, означаемый на ландкартахъ обыкновенно

подъ именемъ св. Михаила Архангела, построенъ въ недавнее время, тамъ, гдѣ рѣка Двина раздѣляется на два протока. Прежде корабли приставали къ монастырю св. Николая, въ гавани таго же имени, бывшей въ лѣвомъ рукавѣ Двины. Но какъ въ послѣдствіи сей рукавъ обмелѣлъ отъ наноснаго песку, а правый сдѣлался глубже, то прежнюю гавань оставили и устроили новую въ правомъ протокѣ, тамъ, гдѣ стоитъ Архангелъ». A. Olearii Außführliche Beſchreibung der kundbaren Reiſe nach Muſcow und Perſien.... 1671, *стр.* 150.

Архангельскъ основанъ въ 1584 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, тамъ, говоритъ Карамзинъ, гдѣ былъ монастырь св. Николая. *Ис. Гос. Рос.* VIII. 231. X. 70.

181.

Олеарій считаетъ въ одной Нѣмецкой милѣ пять верстъ: слѣдовательно тогдашняя верста была болѣе нынѣшней 200 саженъ.

182.

Дѣйствительно царь Казанскій Едигеръ Магметъ взятъ въ плѣнъ Іоанномъ, и въ Москвѣ, по собственному желанію, принялъ христіанскую вѣру съ именемъ Симеона; на вопросъ митрополита: «не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза внушаетъ ему мысль креститься?» онъ отвѣтствовалъ рѣшительно: «нѣтъ! люблю Іисуса и ненавижу Магомета!» Только этотъ Симеонъ, по свидѣтельству современной лѣтописи, умеръ задолго до прибытія Маржерета въ Россію, въ 1565 году. Маржеретъ зналъ другаго царя Симеона. *См. ниже, прим.* 203.

183.

Въ Европѣ около двухъ столѣтій вѣрили существованію Астраханскаго Боранца, и всѣ почти иноземцы, писавшіе о Россіи до начала XVIII столѣтія, разсказываютъ объ немъ болѣе или менѣе невѣроятныя подробности, хотя ни одинъ изъ нихъ не видалъ нашего мнимаго зоофита. Герберштейнъ пишетъ слѣдующее:

«Дмитрій Даниловичъ, мужъ степенный и достовѣрный (какого только можно найти между *варварами*), разсказывалъ мнѣ удивительный и едва ли вѣроятный случай: отецъ его, бывъ нѣкогда посланъ великимъ княземъ къ царю Заволжскому, видѣлъ въ странѣ между Волгою и Яикомъ нѣкоторое сѣмя, похожее на дынное, только болѣе и круглѣе: зарытое въ землю, оно производило нѣчто похожее на ягненка,

вышиною въ пять ладоней; это растеніе Русскіе называютъ Боранецъ (Boranetz), потому, что оно имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее, какъ ягненокъ, лишь только родившійся, и притомъ очень нѣжную шкуру, которою въ тѣхъ краяхъ обыкновенно подшиваютъ шапки. Многіе изъ Русскихъ увѣряли, что они видѣли такія шкурки. Сверхъ того, Дмитрій разсказывалъ, что въ этомъ растеніи, ежели только можно назвать его растеніемъ, есть и кровь, но безъ мяса, вмѣсто котораго находятъ матерію весьма похожую на мясо раковое; копыта же у него не роговыя, какъ у ягненка, а покрыты волосами, на подобіе рога; стебель идетъ отъ пупка, или изъ средины брюха; живетъ же оно до тѣхъ поръ, когда съѣстъ кругомъ себя траву, и корень самъ собою отъ недостатка пищи завянетъ. Это растеніе, присовокупилъ Дмитрій, чрезвычайно вкусно и сладко; отъ того волки и другіе хищныя животныя весьма охотно ѣдятъ его.

«Я, съ своей стороны, хотя все сіе считалъ выдумкою, однакожъ рѣшился упомянуть о Боранцѣ, потому, что слыхалъ объ немъ отъ людей ни мало не легкомысленныхъ, и теперь разсказываю объ этомъ тѣмъ охотнѣе, что узналъ отъ весьма ученаго мужа, Вильгельма Постелла, слѣдующее: говорилъ ему нѣкто Михаилъ, переводчикъ Турецкаго и Арабскаго языковъ при Венеціянской республикѣ, что онъ видѣлъ привозимыя изъ Татарскаго города Самарканда и изъ восточныхъ странъ Каспійскихъ весьма нѣжныя шкуры, снимаемыя съ какого-то растенія, въ тѣхъ странахъ находящагося; что сими шкурами нѣкоторые мусульмане подбиваютъ шапки для согрѣванія бритыхъ головъ своихъ, а иныя кладутъ ихъ на голую грудь; и что самъ онъ, Михаилъ, такого растенія не видалъ, имени его не знаетъ, называютъ же его Самаркандскимъ.... Какъ это извѣстіе, заключилъ Постеллъ, не разнорѣчитъ съ словами другихъ лицъ, то я почти увѣренъ, что такое растеніе ни сколько не баснословно, во славу Творца Всемогущаго». Rerum Moscovitticarum Commentarii. 1571, *стр.* 99.

«Намъ разсказывали, *говоритъ Олеарій*, что за Самарою, между Волгою и Дономъ, растутъ дыни или тыквы удивительнаго рода: онѣ величиною съ обыкновенную дыню, а наружнымъ видомъ похожи на ягненка, имѣя ясные признаки членовъ животнаго; отъ того по-Русски называются *Боранцами* (Boranetz); созрѣвая, перекатываются съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы отъ пупа къ корню, и изсушаютъ подъ собою траву, или, по словамъ Русскихъ, *пожираютъ* ее. Когда плодъ созрѣетъ, стебель увядаетъ, а кожа дѣлается

курчавою, какъ на ягненкѣ: ее можно, по мнѣнію Русскихъ, дубить и приготовлять для зимней одежды. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько небольшихъ лоскутковъ отъ постельнаго покрывала, сшитаго будто бы, изъ овчины Боранца. Шерсть на нихъ мягка и курчава, какъ на ягненкѣ». A. Olearii Außführliche Beſchreibung der kundbaren Reiſe nach Muſcow und Perſien. 1671, *стр.* 155.

Многіе изъ другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разсказываютъ о Боранцахъ въ такомъ же смыслѣ, какъ читалъ гдѣ то нашъ Маржеретъ, напримѣръ *Рейтенфелсъ* (*de rebus Moschoviticis.* 1680, *стр.* 258) и особенно Стрёйсъ (*The voyages of J. Struys through Moscovia....* 1673 *стр.* 180). Ученый *Кемпферъ* (въ началѣ XVIII ст.) первый началъ увѣрять, что овчины такъ называемыхъ Боранцевъ получаются не съ растеній, а съ ягнятъ, вынутыхъ изъ матерней утробы еще до рожденія (см. *Витсена стр.* 288). Впрочемъ источникъ этой сказки неизвѣстенъ.

184.

Въ Астрахани Англичане торговали съ Персіею весьма дѣятельно со временъ Іоанна IV, который въ 1567 и 1569 г. далъ важныя выгоды купцамъ Англійскимъ, по ходатайству посланника Елисаветы Антонія Дженкинсона: они могли ѣздить изъ Россіи въ Персію, имѣть селенія на рѣкѣ Вычегдѣ, съ правомъ плавить тамъ желѣзную руду, и контору въ Ярославлѣ; вездѣ купечествовали свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строили жилища, лавки; чеканили для себя талеры и судились только судомъ Опричины. Самъ Дженкинсонъ описалъ свои переговоры съ Іоанномъ въ любопытныхъ донесеніяхъ, помѣщенныхъ въ чрезвычайно рѣдкомъ собраніи разныхъ путешествій: Purchas his pilgrimes, in five bookes. London, 1625, томъ 3. Дженкинсонъ былъ въ Рязани, Касимовѣ, Муромѣ, Нижнемъ-Новѣгородѣ, Свіяжскѣ, Казани, Астрахани, Ургенцѣ, Бохарѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Балкѣ. О всѣхъ мѣстахъ, имъ видѣнныхъ, онъ оставилъ важныя извѣстія, которые могутъ пояснить тогдашнюю нашу восточную торговлю. Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердили у насъ монополію Англичанъ, продолжавшуюся до временъ царя Алексѣя Михайловича, который, руководствуясь мудрою политикою, уничтожилъ ее въ 1649 году.

185.

Около 1586 года, Сибирь должна была доставлять въ казну

ежегодно 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ, 500.000 бѣлокъ. *Карамз. Истор. Госуд. Россійс. X. пр.* 44.

186.

Русскіе положили основаніе Сибирскимъ городамъ: Тобольску въ 1587 году, Пелыму, Березову въ 1592, Тарѣ въ 1594, Нарыму и Кетскому Острогу въ 1596. Въ дѣлахъ посольскихъ 1686 года говорится уже о 94 *городахъ* Сибирскихъ. *Ист. Госуд. Рос. X. пр.* 44.

187.

Grande bataille de Agria. Авторъ разумѣетъ вѣроятно завоеваніе Егера или Эрлау въ верхней Венгріи, въ 1596 году султаномъ Магометомъ III, послѣ упорнаго сопротивленія христіанъ, ободряемыхъ героемъ Терцки.

188.

Въ подлинникѣ: Borisof, Gorod, Zaragorod. *Борисовъ*, въ послѣдствіи Новый Царевъ градъ, находился на Осколѣ, при впаденіи въ него рѣчки Бахтина, какъ видно изъ современной карты Олеаріевой, также и изъ карты Ѳ. Б. Годунова. Тамъ нынѣ находится Царево-Борисовъ. *Бѣлгородъ* (если только авторъ разумѣетъ сей городъ и не соединяетъ Gorod съ предъидущимъ Borisof), по свидѣтельству Древней Россійской Идрографіи (*стр.* 24) «стоялъ на Донцѣ, и послѣ Литовскаго разоренья, перенесенъ на другую страну Донца, съ нижнія страны *Бѣлаго кладезя*, отъ берега Донца, отъ Стараго городища, 380 саженъ». Тамъ находится онъ и нынѣ въ 125 верстахъ отъ Курска. *Царевъ-городъ* лежалъ въ 8 верстахъ отъ Изюмскаго перевоза или нынѣшняго Изюма, на сѣверномъ Донцѣ. *Древ. Рос. Идрогр.* 30.

189.

Ils tiennent ce Zaragorod n' estre qu'à huit journées du grand Cam. C'étoit autrefois le rendez-vous des Tartares, lors qu'ils s'assembloient pour venir fourager l'Europe. Подъ словомъ *du grand Cam* авторъ разумѣетъ Крымъ.

190.

Самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми. *Карамз. X.* 251.

191.

Лизекъ, секретарь цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, безпрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Belatio... strictim recensita per Ad. Lyseck.* 1676. *cap.* VII.

192.

Предки наши не ѣли телятины до начала XVIII столѣтія, когда стали продавать ее на рынкахъ, вмѣстѣ съ прочими съѣстными припасами. *Mons. de la Neuville Relation... de Moscovie. стр.* 26.

193.

«Прежде, говоритъ Флетчеръ, воску отпускалось 20,000, а нынѣ т. е. въ 1588 г. только 10,000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани».

194.

«Русскіе всякаго возраста, пола и званія, до такой степени заражены страстію къ вину, что они смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины валяются въ грязи по улицамъ. Ни одинъ не упуститъ случая вдоволь напиться, особенно горячаго вина. Гостю обыкновенно подносятъ добрую чашу *вина царскаго*; причемъ, если какой нибудь знатный боярин подчуетъ простолюдина, послѣдній считаетъ неприличнымъ отказываться, сколько бы ему ни подносили, пока вино не сшибетъ его съ ногъ. Не только чернь, но и бояре, самые послы царскіе, болѣе всѣхъ обязанные внушать уваженіе къ своему государю при дворахъ иноземныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ разсудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій посолъ царскій, пріѣхавшій въ 1608 году ко двору Карла IX, короля Шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что наканунѣ аудіенціи найденъ былъ мертвымъ въ постелѣ». *Олеарій*, 194.

195.

Ссылаясь на Русскія лѣтописи, авторъ хочетъ показать, что онъ ихъ читалъ; но въ приведенномъ отрывкѣ столько ошибокъ, что не льзя не быть увѣрену въ противномъ: Рюрикъ не былъ княземъ Владимірскимъ;

а Максимиліанъ I, прежде всѣхъ западныхъ вѣнценосцевъ называвшій императоромъ государя Россійскаго, Василія Іоанновича, умеръ слишкомъ за 10 лѣтъ до рожденія Іоанна IV.

196.

Ils appellent le Roy de Perse *kisel Bascha*. Et le Turc *Veliqui Ospodar-tursk*, qui veut dire grand Seigneur de Turquie. *Кызылбашъ* на Турецкомъ языкѣ значитъ *красноголовый*. Персы гордились этимъ именемъ, по извѣстію Олеарія. Слова: *Кызылбаши*, *Кызылбашскій посланникъ* употреблялись у насъ до временъ Петра Великаго. Впрочемъ въ государственныхъ бумагахъ XVII столѣтія, владѣтель Персидскій чаще назывался *Шахомъ*, а Турецкій *Салтаномъ Турскимъ*.

197.

Елисавета именовала Іоанна IV императоромъ. *Карамз.* IX. *пр.* 266.

198.

Супруги Іоанна IV: 1. Анастасія Романовна (соч. брак. 1547 года; умер. 1560). 2. Марія Темгрюковна (1561—1569). 3. Марѳа Васильевна, дочь купца Новгородскаго (1571). 4. Анна Алексѣевна (бракъ сей утвержденъ духовенствомъ 1572). 5. Анна Васильчикова (около 1574 безъ имени царицы). 6. Василиса Мелетьева *(женище)*. 7. Марія Ѳедоровна (1580), мать св. Димитрія Углицкаго.

199.

Іоаннъ IV имѣлъ *пять* сыновей; отъ Анастасія Романовны: Димитрія (1552—1553), Іоанна (1550—1582) и *Ѳеодора* (1557—1598); отъ Маріи Темгрюковны: Василія (1568), и отъ Маріи Ѳедоровны: *Димитрія* (19 октября 1583—15 мая 1591).

200.

Въ подлинникѣ: Le bruit court qu'il tua son aisnè de sa propre main. Ce qui se trouve autrement, car combien qu'il le frappa du bout d'un baston ferré d'une poincte d'acier carrée, lequel baston est en forme de crosse, nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont jadis les grands Ducs recevoient hommage du Tartare Distkrim, it fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage. Въ изданіи 1821 напечатано: *du Tartare Diot-*

krim; въ изданіи 1855 поправлено согласно съ подлинникомъ, du Tartare Distkrim. *Стр.* 10.

201.

Вообще въ смерти царевича Іоанна обвиняютъ отца его. *Карамз.* IV. *пр.* 610. и 612

202.

«Народъ отвергнулъ или забылъ названіе *Мучителя*, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой, донынѣ именуетъ его только *Грознымъ*». *Карамзинъ.* Маржеретъ называетъ Іоанна Johannes Basilius surnommé *le Tiran.*

203.

Извѣстіе Маржерета о возведеніи Симеона Іоанномъ IV на престолъ Московскій подтверждаютъ не только иностранцы, напримѣръ Флетчеръ, но и наши лѣтописи; въ Морозовской, рукописной, сказано: «Царство (Іоаннъ) раздѣли на двѣ части, едину себѣ отдѣли, другую же царю Симеону Казанскому поручи; самъ же государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый Старицу, и тамо жительствуя; а другую часть царя Симеона именова Земщина».

Сверхъ того, открытъ любопытный государственный актъ, хранящійся въ спискѣ, въ архивѣ Тульс. Двор. Депут. Собр. и напечатанный въ № 8 Московскаго Телеграфа на 1830 годъ: это граммата, писанная въ 1576 (9 февраля 7084 въ Москвѣ), достопамятная не содержаніемъ, а своею формою; начинается она словами: «*Отъ великаго князя* Симіона Бекбулатовича *всеа Русіи* во Мценской уѣздъ, въ Чернской станъ» и проч. На оборотѣ надпись: «*Князь великій всеа Россіи. Первой день*». Только этотъ Симеонъ былъ, вопреки Маржерету, не Казанскій царь, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV, или Едигеръ (см. выше прим. 182), а вѣроятнѣе Касимовскій, котораго отецъ Бекбулатъ, братъ Еналея и Шигъ-Алея, поселился въ Россіи послѣ 1562 года. Симеонъ Казанскій (Едигеръ) умеръ въ 1565 году, въ чемъ удостовѣряетъ современная Лѣтопись Московская: «Авг. въ 26, въ недѣлю, преставися Казанскій царь Едигеръ, а въ св. крещеніи царь Симеонъ *Касаевичъ* и положенъ бысть у архистратига Михаилова Чуда въ монастырѣ, у церкви Благовѣщенія Пречистыя на полуденной странѣ». (*Карамз. Ист. Госуд. Рос.* IX. *пр.* 137). Ошибка Маржерета тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ лично Симеона и разговаривалъ съ нимъ.

Слова автора: «Іоаннъ короновалъ его (Симеона) и предоставилъ ему весь царскій титулъ; самъ же, *построивъ дворецъ противъ Кремля*, повелѣлъ называть себя великимъ княземъ Московскимъ», поясняются слѣдующимъ извѣстіемъ нашего лѣтописца: «Царь и великій князь учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жити за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на князь Михайловскій дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ дворѣ хоромы строити царскія и ограду учинити и все ставити, городъ и дворъ свой». *Карамз.* IX. *пр.* 138.

204.

Въ подлинникѣ: Il maria son second fils á *la fille* de Boris Federuits безъ сомнѣнія опечатка: въ послѣдствіи Маржеретъ вездѣ называетъ супругу Ѳеодора сестрою Годунова. Та же ошибка повторена и въ изданіи 1855 г.

205.

Въ правленіе Ѳеодора, Борисъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывилскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ; Санчурскъ, Самару; сверхъ того: Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій Острогъ; Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку.

206.

Царевичъ Димитрій удалился въ Угличъ по завѣщанію отца своего, который на смертномъ одрѣ назначилъ ему сей городъ въ удѣлъ: слѣдовательно Борисъ не могъ быть виновникомъ мнимой ссылки Димитрія.

207.

На этой *молвѣ* Маржеретъ основываетъ свои доказательства, будто бы Лжедимитрій былъ сынъ Іоанна Грознаго.

208.

Данило Битяговскій, сынъ дьяка Битяговскаго, правившаго въ Угличѣ хозяйствомъ вдовствующей царицы. Злодѣю помогалъ Качаловъ.

209.

Патріархъ Іовъ въ *Повѣсти о честнемъ житіи... царя Ѳеодора Іоанновича* (см. Русск. Лѣт. по Никон. списку, VII. 328), говоритъ: «Самый царствующій богоспасаемый градъ Москву, яко

нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою (Борисъ) украси; многія убо въ немъ прекрасныя церкви каменныя созда и великія полаты устрои.... и стѣны градныя окрестъ всея Москвы превеликія каменныя созда, и величества ради и красоты проименова его Царь-градъ; внутрь же его и полаты купеческія созда во упокоеніе и снабненіе торжникомъ».

210.

Вдовствующія великія княгини и царицы не всегда чрезъ 6 недѣль удалялись въ монастырь: мать Іоанна IV около 5 лѣтъ правила государствомъ, вдова же неволею пострижена чрелъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

211.

Описывая избраніе Бориса Годунова на престолъ, Авраамій Палицынъ говоритъ: «Патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ пріемлютъ икону Матери всѣхъ Бога, и иже на ея пречистую руку воображенъ младенецъ, держай всю тварь словомъ велѣнія, написанный Лукою евангелистомъ». Сія икона находится въ Успенскомъ соборѣ и извѣстна подъ именемъ *Владимірской*.

212.

Непонятно, какъ вкралась эта ошибка: св. Софія, Елена, Магдалина были почитаемы столько же, какъ и нынѣ.

213.

Патріаршество учреждено въ 1589 году, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

214.

По извѣстію Олеарія, овдовѣвшій священникъ могъ служить только заутреню и вечерню, не пріобщалъ св. Таинъ и не крестилъ младенцевъ.

215.

Олеарій разсказываетъ, что патріархъ сослалъ одного священника, вздумавшаго, вопреки обычаю, проповѣдывать въ церкви. Этотъ обычай отмѣненъ патріархомъ Никономъ, который восхищалъ народъ своимъ краснорѣчіемъ.

216.

Первая Московская типографія заведена въ 1553 году. Древнѣйшая изъ напечатанныхъ въ ней книгъ, Дѣянія Апостольскія, издана 1564 года.

217.

Въ подлинникѣ: Deux fois l'an les fleuves et eaux courantes y sont benistes, et après ladite bénédiction l'Empereur et les grands ont accoûstumé de saulter dedans l'eau, mesmes j'ay veu couper la glace à cet effect, et l'Empereur saulter dedans.

218.

Олеарій видѣлъ обрядъ сей при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, отмѣненный въ 1678 году Московскимъ соборомъ. *Древняя Рос. Вивліовика, II.* 329. VI. 357.

219.

Еще при Василіи Іоанновичѣ, какъ пишетъ Іовій, предки наши не терпѣли Евреевъ и запрещали имъ жить въ Москвѣ. По извѣстію Олеарія, назвать Русскаго *жидомъ* было самою обидною бранью. Папистовъ также не любили. *Стр.* 317.

220.

Стефанъ Баторій и Сигизмундъ Баторій управляли Трансильваніею въ зависимости отъ Римскаго императора. Shmidt's Geſchichte d. Deutſchen VII. 301. VIII. 121.

221.

Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ Кремль: но Кремлевскія стѣны и башни воздвигнуты въ правленіе Іоанна III разными Италіянскими художниками. *Карамз.* VI. 78.

222.

По извѣстію Петрея, современника Маржерету, въ Москвѣ считалось 4,500 церквей, а въ Кремлѣ 50. Олеарій уменьшаетъ число ихъ до 2,000. Окружность столицы, по его же словамъ, простиралась на 3 Нѣмец. мили. *Стр.* 146.

223.

Clops hospodaro.

224.

Правежъ могъ продолжаться не болѣе мѣсяца, какъ сказано въ Судебникѣ. Онъ отмѣненъ Петромъ I; Биронъ однако употреблялъ его нерѣдко въ царствованіе Анны Іоанновны для взысканія недоимокъ. *Болтина Примѣч. на Ист. Леклерка.* II. 468.

*

225.

До сихъ поръ мы еще не имѣемъ подробнаго извѣстія о свадебныхъ Русскихъ обрядахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ Исторіи Государства Россійскаго находимъ только описаніе брака великокняжескаго. Предлагаю отрывокъ изъ сочиненія Олеарія, въ дополненіе къ Маржерету:

«Хотя Венера соблазняетъ Русскихъ не менѣе другихъ людей; но имъ неизвѣстны публичные домы, которые, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ правительство получаетъ отъ нихъ значительную прибыль. Русскіе наблюдаютъ брачные уставы: мужъ имѣетъ только одну жену; вдовецъ можетъ жениться въ другой и третій разъ: законъ болѣе не дозволяетъ, и священникъ, вѣнчавшій кого либо на четвертой женѣ, лишается сана. Святитель церкви, совершающій таинства, долженъ быть непремѣнно женатый; если жена его умретъ, онъ остается навсегда вдовцемъ, или, скинувъ рясу, переходитъ въ купеческое и другое свѣтское званіе.

«Заключая брачные союзы, Русскіе остерегаются близкаго родства, даже свойства́; посему двое родныхъ братьевъ не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, кума́ не выходитъ за кума. Сватовство же происходитъ такимъ образомъ: юноши не могутъ бесѣдовать съ дѣвицами и тѣмъ менѣе искать ихъ руки, или требовать ихъ согласія на брачные узы: это дѣло родителей. Обыкновенно отецъ взрослой дочери, имѣя на примѣтѣ жениха, отправляется къ нему на домъ и заводитъ рѣчь о невѣстѣ или съ нимъ, или съ его родными и друзьями, старается внушить ему доброе объ ней мнѣніе и охоту жениться. Если предложеніе понравится и родные жениха пожелаютъ видѣтъ ее, отецъ сперва не соглашается исполнить требованіе, но потомъ дозволяетъ посмотрѣть свою дочъ въ присутствіи матери, или подруги, особенно когда дѣвица не дурна собою. Требуется только, чтобы она не имѣла очевидныхъ недостатковъ, не была бы, напримѣръ, слѣпа или кривонога: тогда родители и друзья съ обѣихъ сторонъ договариваются о приданомъ и другихъ условіяхъ брака. Но люди сколько нибудь значительные воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступномъ теремѣ, скрывая ихъ отъ взора постороннихъ, и женихъ не прежде увидитъ свою невѣсту, какъ тогда, когда приведутъ ее къ нему въ спальню. Посему нерѣдко случается, что, вмѣсто красавицы, онъ находитъ какого нибудь урода, вмѣсто дочери боярина, совсѣмъ иную дѣвицу, даже служанку. Удивительно ли, если

мужъ нерѣдко живетъ съ своею женою, какъ кошка съ собакою, и если жена обыкновенно терпитъ безпрестанные побои?

«При княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ наблюдаются слѣдующіе обряды: со стороны жениха и невѣсты назначаютъ двухъ женщинъ, которыя, подъ именемъ *свахъ*, хозяйничаютъ въ томъ домѣ, гдѣ празднуется свадьба. Сваха невѣстина въ день брака отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ брачное ложе; ее провожаютъ до 100 служителей къ кафтанахъ; каждый изъ нихъ несетъ что нибудь на головѣ для убранства спальной комнаты и постели. Брачное ложе стелютъ на 40 ржаныхъ снопахъ, заранѣе женихомъ приготовленныхъ. Подлѣ нихъ ставятъ нѣсколько кадей съ ячменемъ, овсомъ и пшеницею, для того, чтобы молодые жили всегда въ изобиліи и довольствѣ. По окончаніи всѣхъ нужныхъ приготовленій, женихъ отправляется поздно вечеромъ съ своими дружками въ домъ невѣсты; предъ нимъ ѣдетъ попъ, который долженъ вѣнчать его. Друзья невѣстины, ласково принявъ жениха со всѣми провожатыми, главнѣйшихъ, или ближайшихъ изъ нихъ сажаютъ за столъ, гдѣ не болѣе трехъ кушаньевъ, которыхъ никто однако не трогаетъ. На первомъ мѣстѣ сидитъ мальчикъ: женихъ, поговоривъ съ друзьями невѣсты, сводитъ его учтиво и самъ садится. Потомъ приводятъ невѣсту, закутанную въ великолѣпную одежду, и сажаютъ рядомъ съ женихомъ; а чтобы они не увидѣли другъ друга, протягивается между ними красная тафта, которую держатъ два мальчика. Послѣ того, является сваха, разчесываетъ у невѣсты волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и, надѣвъ ей на голову корону (*кику*), оставляетъ ее съ открытымъ лицемъ. Корона дѣлается изъ площенаго золота или серебра съ камчатнымъ подбоемъ; по краямъ же ея, близъ ушей, висятъ по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что, если дѣвица нѣсколько наклонится, подвѣски падаютъ ей на грудь. Ферезь ея бываетъ вышитъ крупнымъ жемчугомъ спереди, около рукавовъ (длинныхъ въ 3 аршина) и по воротнику, шириною въ 3 пальца. Такая одежда стоитъ иногда гораздо болѣе 3,000 талеровъ. Сваха чешетъ и жениха; между тѣмъ женщины, стоя на скамейкахъ, поютъ шутовскія пѣсни. Потомъ приходятъ двое юношей въ красивой одеждѣ съ сыромъ и хлѣбомъ на подносѣ, увѣшанномъ соболями. Это называется крабейникомъ (*караваемъ?*). Священникъ благословляетъ крабейникъ, который относятъ въ церковь. Послѣ того ставятъ на столъ большую серебряную мису, съ четыреугольными отрѣзками атласа, тафты, сколько нужно для небольшаго кошелька, также съ квадратными серебряными пла-

стинками, перемѣшанными съ хмѣлемъ, овсомъ, ячменемъ. Сваха, накрывъ невѣсту, осыпаетъ изъ мисы всѣхъ бояръ и друзей жениховыхъ; они же, если хотятъ, подбираютъ съ земли кусочки серебра и атласа; во все это время поются пѣсни безъ умолку. Въ заключеніе родители невѣсты и жениха, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣниваютъ кольцы молодой четы.

«По окончаніи этихъ обрядовъ, сваха выводитъ изъ дому невѣсту, сажаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь подъ покрываломъ. Шея лошади, запряженной въ сани, также и хомутъ увѣшиваются лисьими хвостами. За невѣстою слѣдуетъ женихъ верхомъ съ дружками и священникомъ, который иногда уже на вечеринкѣ такъ хорошо подгуляетъ, что его надобно поддерживать, чтобы онъ не свалился съ лошади; ему нужна помощь и въ церкви, когда онъ отправляетъ свою обязанность. Подлѣ саней идутъ нѣсколько пріятелей и слугъ, поющихъ самыя нескромныя пѣсни. Часть церковнаго помоста, гдѣ происходитъ вѣнчаніе, покрываютъ красною тафтою, и сверхъ того, подъ ноги новобрачныхъ стелютъ особенную ткань. Предъ началомъ обряда, подаютъ священнику пироги и пастеты, а надъ головою жениха и невѣсты держатъ большія иконы. Священникъ, благословивъ чету, беретъ у жениха правую руку, а у невѣсты лѣвую, и соединивъ ихъ, спрашиваетъ новобрачныхъ трижды: желаютъ ли они жить другъ съ другомъ? Когда же услышитъ троекратное *да*, обводитъ ихъ вокругъ и поетъ 128 псаломъ; а они подпѣваютъ ему, приплясывая. Послѣ того, кладетъ имъ на голову красивые вѣнцы (вдовѣ же, или вдовцу на плечо), съ сими словами: *растите и множитесь; что соединяетъ Богъ, не расторгнуть человѣку.* Между тѣмъ, всѣ гости, находящіеся въ храмѣ, зажигаютъ небольшія восковыя свѣчи и подаютъ священнику деревянную вызолоченную чашу, иногда же хрустальный кубокъ, съ краснымъ виномъ: онъ пьетъ чашу за здоровье новобрачныхъ, которые также должны осушить ее трижды. Женихъ, ударивъ сосудомъ о землю, топчетъ его вмѣстѣ съ невѣстою, приговаривая: *такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ.* Въ заключеніе женщины осыпаютъ молодыхъ льнянымъ и конопляннымъ сѣменемъ, желая имъ всякаго благополучія; причемъ дергаютъ невѣсту, какъ будто стараются отнять ее у жениха; но онъ держитъ ее крѣпко и, проводивъ до саней, садится опять на лошадь. Подлѣ саней несутъ шесть восковыхъ свѣтильниковъ и припѣваютъ по прежнему всякую всячину.

«Изъ церкви возвращаются къ жениху; гости садятся съ нимъ за

столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣсту же немедленно раздѣваютъ и кладутъ въ постель. Лишь только молодой примется за первое блюдо, его требуютъ къ невѣстѣ; предъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, встаетъ съ постели и, накинувъ на себя шубу, привѣтствуетъ милаго поклономъ. Мальчики, воткнувъ свѣчи въ кадь пшеницы и ячменя, получаютъ въ подарокъ по парѣ соболей и выходятъ вонъ. Женихъ садится за накрытый столъ вмѣстѣ съ невѣстою, которую онъ только теперь видитъ въ лице. Имъ подаютъ кушанья, между прочимъ жаренаго пѣтуха; женихъ, разорвавъ его на части, бросаетъ первый кусокъ, ногу или крыло, чрезъ себя, а другой ѣстъ. По окончаніи ужина, впрочемъ непродолжительнаго, молодые ложатся въ постель; за дверьми же спальни остается одинъ только старый служитель; и между тѣмъ, какъ друзья и родныя ворожатъ и колдуютъ для счастія новобрачныхъ, гремятъ трубы и литавры. Чрезъ нѣсколько часовъ молодые идутъ въ баню, гдѣ они моются отдѣльно водою, виномъ, медомъ; за тѣмъ юная жена даритъ мужу новую сорочку съ жемчужнымъ на воротникѣ узоромъ. Слѣдующіе два дня проводятъ въ роскошныхъ пирахъ, пляскахъ и разныхъ увеселеніяхъ, какія только могутъ выдумать, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ, между прочимъ *псалтыря*, инструмента, похожаго на гусли: его держатъ близь груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ. На этихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуляютъ, жены ихъ находятъ случай повеселиться съ посторонними мужчинами. Такъ женятся люди знатные.

«Въ случаѣ же свадьбы простолюдина, женихъ посылаетъ невѣстѣ наканунѣ брака новыя платья, шапку и пару сапоговъ: сверхъ того, ларчикъ съ румянами, гребнемъ и зеркальцемъ. Въ день свадьбы приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ, провожаемый двумя мальчиками, несущими зажженныя восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ сперва мальчиковъ, потомъ гостей; женихъ и невѣста садятся за столъ, раздѣляясь другъ отъ друга также красною тафтою; когда сваха начнетъ чесать невѣстѣ волосы, молодые прижимаются другъ къ другу и прикоснувшись щеками, смотрятся въ зеркальце и посмѣиваются. Между тѣмъ свахи осыпаютъ ихъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ того всѣ отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе происходитъ съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано». *Олеарій*, 220—225.

226.

Пророкъ Іезекіиль говоритъ (гл. 2. ст. 9): «И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И (Богъ) разви его

предъ мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе, и жалость, и горе». Глава 3: «И рече ко мнѣ: сынъ человѣчь! снѣжды свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Израилевымъ».

227.

Въ подлинникѣ *de Vorest*: правильнѣе, Дворцовый приказъ.

228.

Setuart. Слово четверть употреблялось болѣе для означенія мѣры; вѣдомства же именовались обыкновенно *четями*; при Іоаннѣ IV главные приказы, Посольскій, Розрядный, Помѣстный, Казанскій, назывались также четями: первый вѣдалъ дѣла внѣшнія, вторый воинскія, третій земли розданныя служилымъ людямъ, четвертый дѣла царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, занимались и расправою областныхъ городовъ. Вѣроятно сіи-то вѣдомства Маржеретъ именуетъ четями.

229.

Voit. Въ старину величина полей означалась, кромѣ десятинъ, сохами, вытями и мѣрами посѣва, какъ то: четвертями, коробьями, обжами, и проч. Въ *десятинѣ* считали 2 четверти посѣва, *въ выти* 12 четвертей, въ *сохѣ* добрыя земли 800, среднія 1200, худыя 1800. Межевою Инструкціею 1753 года назначено на коробью отмежевывать по 1 десятинѣ, а на обжу по 15, десятину же считать въ 2,400 квадр. сажень. *См. Метрологію Петрушевскаго, стр.* 295.

230.

Noua Setuart. Новая четь или четверть вѣдала доходы съ питейной продажи.

231.

Въ подл. *Casna.* Другія вѣдомства авторъ называетъ такимъ образомъ: Bolschoi Prichod, Pomiesnej pricas, Conusnej prikas, Roschodnoy Casna. Вообще Маржеретъ пишетъ Русскія слова довольно правильно для иностранца.

232.

«Съ лошадей, продаваемыхъ въ городахъ и селахъ брать пошлину, отъ продавца деньгу, отъ купца деньгу же». *Судеб.* § 94.

233.

Но извѣстію Бера (стр. 140), Поляки, овладѣвъ Москвою въ 1611 году и разграбивъ царскія сокровища, похитили этотъ скипетръ, единственный въ мірѣ по драгоцѣнности. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кость единорога считали самымъ цѣлебнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ вообще болѣзней. *Рихтерова Исторія Медицины.* II. 202.

234.

Demy-muid: т. е. около 8 ведръ.

235.

«А что царь, государь, князь великій велѣлъ у гостей и у иноземцевъ у всякихъ людей, которые привозятъ бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрѣть на себя государя, что ему государю пригодится, и какой гость какой товаръ привезетъ, и таможникомъ тому выписи приносить къ дьякамъ; а доколѣ о томъ дьякамъ выписи принесутъ и доколѣ осмотрятъ, что государю пригодится, того товару таможникомъ не отдавати и продавати не велѣть». *Уставная Таможенная Грамата* 1571 *года, въ Соб. Госуд. Грам.* II. 57.

236.

Основываясь на семъ, Карамзинъ цѣнитъ рубль XVI вѣка въ 5 нынѣшнихъ серебряныхъ, или около 2 червонцевъ. *Ист. Гос. Росс. Х. пр.* 406. Въ 17 примѣчаніи къ Беровой Лѣтописи сказано, что тогдашній рубль (т. е. 100 денегъ) былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся одному червонцу. Это мнѣніе основано на извѣстіи Петрея, который говоритъ, что 36 денегъ вѣсятъ *менѣе* 2 лотовъ (Muszkow. Chron. 601): слѣдовательно 100 денегъ, или рубль, имѣли вѣсу до 16 или 15 золотниковъ; а какъ нынѣ изъ фунта серебра выходитъ 19 руб. $75\frac{25}{81}$ коп., то 16 золотниковъ составятъ около 3 руб. 30 коп. серебромъ.

237.

Ефимками назывались у насъ рейхсталеры; слово *ефимокъ* произошло отъ Jochimsthal. *Олеар.* 223. Въ половинѣ XVII вѣка мы принимали ихъ по 50 коп. каждый и передѣлывали въ свою монету съ прибылью: 100 коп. вѣсили поллота менѣе 2 ефимковъ.

238.

Abtesqui Baiarj едва ли не опечатка, вмѣсто Abtecarsqui.

239.

Stolnic, Tshesnic, Strepsik, pages (*жильцы*, которыхъ Олеарій называетъ Edelknaben).

240.

Suietnoi Plati.

241.

Schisteit Plati.

242.

Наше войско состояло изъ пяти *полковъ*: *большаго* главнаго корпуса, *передоваго* авангарда, *праваго*, *лѣваго* и *сторожеваго* резерва.

243.

Deti Bajarsqui et sin Bajarsqui *Сынъ* боярскій безъ сомнѣнія есть единственное число; а *дѣти* множественное; у насъ не было различія между *сыновьями и дѣтьми боярскими*. Такъ назывался въ старину многочисленный классъ людей воинскихъ: каждый областной городъ, имѣя своихъ бояръ, имѣлъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ. Іоаннъ III, назначивъ земли или помѣстья боярскимъ дѣтямъ, обязалъ ихъ въ случаѣ войны приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья. *Карамз. И. Г. Р.* VI. 344.

244.

De genets des *Georgiens* по изданію 1855 года. Такъ называетъ Маржеретъ въ другомъ мѣстѣ Черкесовъ.

245.

Koin конь, merin меринъ: т. е. авторъ думаетъ, что конями назывались у насъ лошади Ногайскія, а меринами Русскія.

246.

Maritse. Эта болѣзнь извѣстна и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ.

247.

Въ подлинникѣ: Croup qui est fait de millet et orge mondé. Mais le principal est fait *d'avoine*.

248.

Petigorsqui Shercassi qui sont les Georgiens. «Въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ-за горъ, отъ Чернаго моря: тѣ горы и до Хвалимскаго моря. А въ тѣхъ горахъ по Терку (Тереку) и по инымъ рѣкамъ Пятигорскіе Черкасы и Кабарда». См карту, приложенную ко второй части. Турки осаждали Астрахань въ 1569 году.

249.

Терки или *Терская* крѣпость названа въ Древ. Рос. Идрогр. *Торки* и сказано, что она находится у Каспійскаго моря, въ 20 верстахъ отъ рѣки Койсы и въ 80 отъ Дербента.

250.

Lequel avoit epousé la soeur dudit Mistisloftsqui. Въ N 20 Москов. Телеграфа на 1831 годъ замѣчено, что супруга царя Симеона, именемъ Анастасія, была дочь, а не *сестра* И. Ѳ. Мстиславскаго, и въ доказательство сего приведена слѣдующая надгробная надпись, сохранившаяся въ Симоновскомъ монастырѣ: «Лѣта 7115 (1607), мѣсяца іюня въ 7 день, на память святаго мученика Ѳеодота, преставися раба Божія царя Симеона Бекбулатовича царица Настасья, въ иноцѣхъ схимница Александра, князя Ивана дочь Ѳедоровича Мстиславскаго». Критикъ забылъ, что говоритъ Маржеретъ выше, на той же страницѣ: «а Мстиславскому запретилъ жениться». Авторъ вездѣ разумѣетъ Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, а не отца его Ивана Ѳедоровича, о которомъ упомянуто въ надгробной надписи.

251.

То были *рынды*.

252.

Въ подлинникѣ: deux ou trois cens Gentils hommes.

253.

Царское привѣтствіе: *Zar hospodar y veliquei knes*: *N. fsia*

Russia ialoet tebe, qui veut dire, l'Empereur Seigneur et graud Duc: N. de tous les Russes te fait grace.

254.

Patisni mieud, qui veut dire, Medon de miel vierge (т. е. напитокъ изъ крупичатаго меда). Предки наши любили медъ едва ли не болѣе другихъ напитковъ и умѣли приготовлять очень искусно разные сорты: вишневый, смородинный, мозжевеловый, обарный, приварный, бѣлый, паточный, малиновый, черемховый, старый, вешній, медъ съ гвозцы, княжій и боярскій.

255.

Apres iceux une duzaine d'hommes portant chacun un pot d'argent d'environ trois chopine chacun. 16 шопиновъ составляли 1 сетьеръ или полведра; слѣдовательно въ 3 шопинахъ или въ одномъ серебряномъ сосудѣ, о которомъ говоритъ авторъ, было около штофа.

256.

Dix-huict ou vingts grand *brocs*. Слово *brocs* я перевожу *оловянники*; такъ назывались у насъ сосуды мѣрою въ одно ведро и болѣе: это видно изъ росписей яствамъ и питьямъ, посланнымъ съ государева стола къ посламъ. Приводимъ одну изъ нихъ, въ поясненіе извѣстій Маржерета:

«Что послано къ послу отъ государева стола ѣствы и питья, и тому роспись. Съ Сытнаго дворца: кубокъ романеи, к. мушкателя, кубокъ вина францовскаго бѣлого, кубокъ бастру, кубокъ алкану (*аликанту*), кубокъ мармазеи (*мальвазіи?*); медовъ красныхъ: ковшъ вишневаго, к. смородинново, к. меду мозжевеловаго, к. обарново, к. приварнаго, к. бѣлаго паточнаго, к. молинового, к. черехмового, к. старого, к. вешнево, к. меду съ гвозцы; да въ оловянникахъ: ведро меду смородинново, ведро черехмововo, в. мозжевелового, в. старово, в. вешнево; да въ бочкахъ пять ведръ меду вишневого, 5 в. малиноваго, 5 в. боярсково, 5 в. обарново, 5 в. приварнаго выморозки, 10 в. меду паточнаго, 5 в. меду съ гвозцы, 20 в. меду княжого, 5 в. квасу меданаго паточнаго. Съ Кормоваго дворца: лебедь на восмь блюдъ, на блюдо крыло лебяжья потроху, грудь баранья съ шафраномъ, жеравъ (*журавль*) съ зельи на восмь блюдъ, утя верченое, утя съ огурцы, тетеревъ съ шафраномъ, тетеревъ съ сливами, ряби (*рябчики*) съ сливами, кострецъ говяжій верченый, языкъ говяжій верченый, почки бараньи верченыя, ножки бараньи, плечико баранье верченое, четверо куровъ росольныхъ молодыхъ съ инбиремъ, юрмя уха курячья шафранная, уха

курячья черная, уха курячья бѣлая, уха курячья, съ умачемъ манцы, калья съ лимоны, калья съ огурцы, калья въ лапшѣ, пирожки кривые, токмачи, заяцъ въ лапшѣ, заяцъ росольный, заяцъ тушеный, заяцъ въ рѣпѣ, кострецъ лосинъ, часть лосины, осердье лосье крошеное, осердье лосье росольное, печень лосья, мозгъ лосій, четверо куровъ верченыхъ молодыхъ, куря рожновое, куря рафленое, куря безкостное, гусь шестная со пшеномъ сорочинскимъ, потрохъ гусинъ, лытка ветчины, куря верченое окрашиванное съ лимоны, кундумы. Съ Хлѣбеннаго дворца: хлѣбецъ крупичатый въ 5 колачей, перепеча крупичатая въ 5 колачей, колачь крупичатый въ 5 колачей, курникъ, колобъ, три пирожка подовые съ бараниною, блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо оладей приказныхъ большихъ, блюдо котломъ, пирогъ подовой съ сахаромъ, пирогъ подовой съ мясомъ, пирогъ подовой съ яицы, пирогъ подовой съ сыромъ, коровай мягкой, коровай битой, коровай ставленой съ яицы, коровай ставленой съ сыромъ, на блюдо налитковъ, на блюдо трудоношъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сахаромъ, на блюдо пироговъ пряженыхъ съ сыромъ, на блюдо сырниковъ съ яицы, на блюдо сырниковъ съ сыромъ, на блюдо блиновъ красныхъ, на блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо жаворонковъ, блюдо карасовъ съ мясомъ, блюдо листней со пшеномъ сорочинскимъ, блюдо киселя бѣлово, ставецъ сливокъ, блюдо сыру губленово, горшечикъ молочка варено, горшечикъ молочка тверскова, блюдо хворосту, блюдо елецъ, блюдо орѣховъ, блюдо ядеръ, блюдо шишекъ чешуйныхъ, блюдо мисенного». *Ист. Госуд. Росс.* X. пр. 462.

257.

Въ манифестѣ Борисовомъ (см. прим. 139) сказано: «что Разстрига, Отрепьевъ сшелъ съ Москвы на сѣверу (въ Сѣверскую область), *въ* 1603 *году*». Маржеретъ въ 1600 году былъ уже въ Россіи и вѣроятно очень хорошо помнилъ, когда разнеслась молва о Димитріи. Посему извѣстіе его о появленіи Самозванца въ 1600 году, очень важно: оно даетъ обильную пищу догадкамъ о родѣ и племени Лжедимитрія.

258.

Сраженіе происходило при Добрыничахъ, нынѣ село Добрынь, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ.

259.

Въ послѣдствіи Русскіе, особенно изъ высшаго класса, сдѣлались

даже слишкомъ привязчивы къ словамъ, такъ, что царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ издать въ 1675 году указъ слѣдующаго содержанія: «Великій государь . . указалъ и бояре приговорили: будетъ кто въ челобитьи своемъ пишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о*—*а*, *а*—*о*, или вмѣсто *ь*—*ъ*, или вмѣсто *ѣ*—*е*, или вмѣсто *и*—*і*, или вмѣсто *о*—*у*, или вмѣсто *у*—*о*, и иныя въ письмахъ нарѣчія подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить, и судовъ въ томъ не давать и не розыскивать; а кто кого браня, назоветъ княземъ безъ имени, и за то править безчестье». *Полное Собраніе Законовъ, I. стр. 1000.*

260.

Въ свадебномъ обрядѣ: «А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты.»

261.

Извѣстіе чрезвычайно важное: послѣ такого свидѣтельства не остается сомнѣнія, что Самозванецъ даровалъ Шуйскому жизнь по ходатайству царицы; почему же она вступилась за Шуйскаго? Отвѣтъ ясный: Лжедимитрій былъ не сынъ ея.

262.

См. о семъ Берову Лѣтопись, *стр.* 51.

263.

Шуйскій выбралъ княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагихъ, Марію, на коей женился уже въ 1608 году.

264.

По свидѣтельству Авраамія Палицына, дьякъ Тимоѳей Осиповъ, рѣшившись обличить Самозванца, пріобщился св. Таинъ, пришелъ во дворецъ и сказалъ прямо въ глаза ему: «Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Авраамій присовокупляетъ, что Лжедимитрій тотчасъ велѣлъ Осипова казнить.

265.

Справедливѣе въ Ярославль.

266.

Въ послѣдствіи Маржеретъ опять явился въ Россіи, служилъ Вору Тушинскому и вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ разрушалъ Москву; въ сентябрѣ же 1611 году удалился въ Польшу, былъ обласканъ Сигизмундомъ, но кажется, не хотѣлъ ему служить: отъ 29 января 1612 г. онъ писалъ уже изъ Гамбурга къ бывшему при дворѣ нашемъ резиденту Англичанину Мерику слѣдующее письмо, найденное мною въ 3 томѣ весьма рѣдкаго и драгоцѣннаго собранія путешествій: *Samuel Purchas* Pilgrimes, containing a history of the world in Seavoyages and Landtravels by Englishmen and others. London, 1625:

«Милостивый государь! Я не могъ упустить случая, чтобы не изъявить моей готовности къ вашимъ услугамъ и кратко не увѣдомить васъ о Москвѣ: она совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось бы видѣть ее. Я оставилъ г. Бревстера въ добромъ здоровьи; но черезъ три дня послѣ моего отъѣзда, городъ внутри Красной стѣны былъ вызженъ каленными ядрами, брошенными въ него Русскими; уцѣлѣли только три дома. Англійское подворье превращено въ пепелъ. Г. Бревстеръ принужденъ былъ поселиться въ дворцовомъ погребѣ, не имѣя друзей, кромѣ Мстиславскаго (Misslofsqui). Генералъ Ходкѣвичъ прибылъ въ Москву и, оставивъ достаточное число людей для охраненія замка и Красной стѣны, самъ отправился къ Волгѣ за съѣстными припасами для осажденныхъ Москвитянами въ замкѣ Поляковъ. Король Польскій рѣшился симъ лѣтомъ пріѣхать въ Москву, и если Русскіе не получатъ помощи со стороны, въ чемъ и сомнѣнія быть не можетъ, то сбудутся мои слова, которыя я писалъ къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, т. е. они должны покориться. Пишу къ вамъ кратко, въ надеждѣ отправиться чрезъ Англію во Францію, и тамъ съ вами увидѣться. Примите, м. г. сіи строки въ удостовѣреніе всегдашней готовности служить вамъ. Тороплюсь отправить письмо.

267.

См. выше примѣчаніе 206.

268.

Догадки, ничѣмъ не подкрѣпляемыя. Самъ Лжедимитрій опровергаетъ ихъ: открывшись князю Адаму Вишневецкому, онъ разсказывалъ, будто

бы въ Угличѣ спасъ его отъ смерти какой-то докторъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 294.*

269.

Маржеретъ былъ добросовѣстенъ и не могъ лгать столь торжественно. Карамзинъ разрѣшаетъ загадку слѣдующимъ образомъ: «Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго историка де-Ту и читателей своей книги о Московской державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его и, сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева, для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ *. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали діакономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени». *Истор. Госуд. Росс. XI. 320—321.*

270.

Снимки подписей Лжедимитрія, на Латинскомъ языкѣ, выгравированныя во II части *Собранія Госуд. Грамотъ*, подтверждаютъ извѣстіе Маржерета: «въ нихъ», говоритъ Карамзинъ, «видимъ слабую, невѣрную руку ученика». Невѣжество Самозванца въ Латинскомъ языкѣ видно и изъ

* Въ современной рукописной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*: «Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ трехъ иноковъ: черьница Мисаила, да черьница Венедикта, да черьница Леонида Крыпецкаго монастыря; и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелѣ тому Леониду зватись своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименова себя царевичемъ Димитріемъ».

Русской подписи (приложенной нами къ портрету его въ I части Сказ. современ. о Д. С.). Она находится при договорной записи, данной воеводѣ Сендомирскому еще въ Самборѣ, 25 мая 1604 года. См. выше прим. 166. Лжедимитрій хотѣлъ написать *Деметріусъ*, но ошибся и поставилъ *Демиустри* (ибо такъ, кажется, должно читать сію подпись, а не *Димитрій*, вопреки мнѣнію издателей Госуд. Грамотъ).

271.

То есть ересь Лютерову. Дьякъ Дмитріевъ посланъ былъ Годуновымъ въ 1601 году, съ дворяниномъ Ржевскимъ, къ Датскому королю, для разрѣшенія споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ.

272.

Они и не думали сего доказывать, называя Лжедимитрія монахомъ Чудовскаго монастыря.

273.

Такъ описываетъ Самозванца современникъ Кубасовъ: «Разстрига возрастомъ малъ; груди широки имѣя, мышцы толсты, лице же имѣя не царскаго достоянія: препростое обличеніе имѣя, тѣло же его вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и силу велію, воинство же зѣло любляше. Таковъ бѣ Разстрига!»

274.

Борисъ писалъ къ Сигизмунду съ посланникомъ своимъ Огаревымъ, какъ видно изъ отвѣтовъ пословъ Литовскихъ нашимъ боярамъ (въ 1608 году), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены. *Карамз. Ист. Госуд. Росс. XI. пр. 237.* По свидѣтельству Флетчера, Годуновъ, еще до убіенія царевича, объявилъ его незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги, не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на литургіи.

275.

Лжедимитрій обязался выдать воеводѣ Сендомирскому одинъ милліонъ злотыхъ и уступить его дочери въ вѣчное потомственное владѣніе госу-

дарства Новгородское и Псковское. Договоръ, подписанный Самозванцемъ, *явленъ* королевскимъ главнымъ надзирателемъ въ 1668 году. (См. прим. 166). Подобнымъ же договоромъ 1604 года Лжедимитрій отдавалъ одну половину Смоленской и Сѣверской областей воеводѣ Сендомирскому, а другую королю Польскому. *Собр. Госуд. Грам. II. 139 и 165.*

276.

Шуйскій, вступивъ на престолъ, обнародовалъ слѣдующее показаніе любимцевъ Лжедимитріевыхъ, Станислава и Яна Бучинскихъ:

«Сказывали въ распросѣ Станиславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили вверху у тайныя думы и у всякихъ тайныхъ дѣлъ его (Самозванца): канунъ-де того дня, въ пятницу, мая въ 16 день, какъ того Разстригу убили, говорилъ тотъ Разстрига наединѣ съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, а они были тутожъ: «Время-де мнѣ своимъ дѣломъ про«мышляти, чтобъ государство свое утвердити и вѣру костела Римскаго «распространити. А начальное-де дѣло то, что бояръ побити; а не по«бить-де бояръ, и мнѣ-де самому отъ нихъ быть убиту; а только-де «побью бояръ, и язъ-де что хочу, то учиню». И Вишневецкій и они, Бучинскіе, молвили: да только ему побить бояръ, и за нихъ землею станутъ. И Разстрига-де Гришка молвилъ: «То-де уже у меня умышлено «тѣмъ обычаемъ: велѣлъ-де я вывезти за городъ нарядъ весь, будто «для потѣхи, и въ эту-де недѣлю, мая въ 18 день, велѣлъ туто выѣхати «за городъ, будто стрѣльбы смотрити, воеводѣ и сыну его старостѣ Се«натцкому (*Саноцкому*), и Тарломъ, и ротмистру Доморатцкому, и съ «нимъ всѣмъ Полякомъ и Литвѣ, въ сборѣ во всей и съ оружьемъ; и «какъ язъ выѣду на стрѣльбу, а за мною будутъ бояре всѣ и дворяне, и «какъ учнутъ изъ наряду стрѣляти, и въ ту пору Полякамъ всѣмъ уда«рити на бояръ и дворянъ, и ихъ побивати. А то-де есми указалъ же, «кому на кого на бояръ пріѣхати и убити: князя Ѳедора-де Мстислав«скаго убити Махайлу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Стадницкимъ; «а про иныхъ бояръ также приказано, кому кого убити; а убити-де «велѣлъ есми бояръ, которые здѣсь владѣютъ двадцать человѣкъ: и «какъ-де тѣхъ побью, и во всемъ будетъ моя воля». И они-де Бучинскіе молвили: Московское государство великое, станутъ за бояръ всѣмъ государствомъ, и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ. И Разстрига Гришка говорилъ: «Поляки-де и Литва выѣдутъ всѣ «вооруженны; да и извычай-де у меня тотъ уже уложенъ, что на «потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооруженны рядяся, какъ

«на битву. Былъ-де есми на Вяземѣ, и со мною-де былъ ротмистръ «Доморатцкій со всею ротою во всей ратной сбруѣ, да и здѣся «ко мнѣ часто пріѣзживали, урядяся, какъ на битву, и то-де будетъ «уже никому непримѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и «Литва въ сбруѣ; а бояре-де и дворяне ѣздятъ за мною простымъ «обычаемъ, и имъ-де безъ оружія что учинити? А какъ-де тѣхъ бояръ «побьютъ, и достальные-де всѣ устрашатся, еще-де иные на нихъ «придутъ». И они-де Бучинскіе молвили: великое то дѣло надобе начати, да и совершити; а только не совершится, ино самимъ намъ будетъ худо. И Разстрига-де Гришка говорилъ: «Вѣрьте-де мнѣ одно- «лично, что то совершится; язъ-де уже такія статьи видѣлъ. Сего-де «году, въ Великій постъ, поговорили про меня немногіе стрѣльцы, что «я вѣру ихъ разоряю, и мнѣ-де тотчасъ сказали, и язъ тѣхъ стрѣль- «цовъ велѣлъ сыскати, и приказалъ быти на дворецъ всѣхъ приказовъ «стрѣльцомъ, и тѣхъ, которые говорили, тутожъ велѣлъ привести, и «учалъ-де есми вину ихъ и измѣну всѣмъ стрѣльцомъ сказывати; а у «меня-де уже говорено съ Григоріемъ съ Микулинымъ, какъ ему тутo «говорити и что надъ тѣми стрѣльцы учинити; и какъ-де измѣну ихъ «объявили, и Григорій-де учалъ, говорити: освободи-де, государь, мнѣ, «я у тѣхъ твоихъ государевыхъ измѣнниковъ не только что головы «поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю; да мигнулъ-де «на нихъ Григорій стрѣльцомъ, и стрѣльцы-де, блюдясь отъ меня, «тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, «*мало-де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ*. А то-де также, чаю, «будетъ: на кого-де только укажу, что измѣнникъ мой, и тотъ-де уже «не пробудетъ; всѣ-де, отъ меня блюдясь, дѣлаютъ, что велю». И они-де, молвили: такихъ ты бояръ велишь побити, да кому у тебя въ государствѣ уряжати и кому въ приказѣхъ быти? И Гришка-де Разстрига говорилъ: «То-де уже у меня умышлено: нынѣ-де у меня «здѣся готовы воеводы Сендомирскій и староста Сенатцкій (*Саноцкій*), «да ты, Вишневецкій, да Тарлы, да Стадницкіе, да вы, Бучинскіе, и «иные ваши пріятели; а по иныхъ-де Поляковъ и по Литву пошлю, и «мнѣ-де уже будетъ надежно, и государство мое будетъ безъ опасенья, «и въ Римскую вѣру вскорѣ всѣхъ приведу. А то-де я уже здѣся видѣлъ; «хотя кого безвинно велю убити, а никто ни за кого и слова не молвитъ». И они де Бучинскіе говорили: слышали есмя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся и такъ насъ не любятъ; а только стати неволею приводити, и за то станутъ всѣ народомъ. И Разстрига Гришка говорилъ: «Видѣли-

*

«де есте сами, что здѣся дѣлается; нарокомъ-де есми приказалъ Поля-«комъ и всякихъ разныхъ вѣръ людямъ ходити здѣся въ большую ихъ «церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ и какъ кто ходитъ, и «они-де кабы сперва поговаривали межъ себя тайно, а нынѣ-де уже то «ни за что; и язъ-де велѣлъ Полякомъ носити кресты у поясовъ и «ниже гораздо пояса и назади, а они-де тому кланяются, и въ церкви-«де такъ ходили, за то-де никто никаковъ человѣкъ никакого слова не «молвилъ. А какъ-де я вѣнчался, и у меня-де въ ту пору большое «опасенье было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крес-«тивъ, да тожъ ввести въ церковь; а не крестивъ, никому иныхъ «вѣръ въ церковь не входити; язъ-де нарочно велѣлъ быти въ церковь «люторемъ и кальвинцомъ, и евангеликомъ, и инымъ всякихъ вѣръ «людемъ, и они-де въ церкви были, и слышалъ-де есми, что и обра-«зомъ ихъ ругалися и смѣялися, и въ церкви иные сидѣли въ обѣдню; «а иные спали, на образы приклонясь, и за то-де никаковъ человѣкъ «не смѣлъ слова молвити. А больше-де есми всего боялся, что це-«сарева моя Римскія вѣры, и нѣчто митрополиты и архіепископы «и епископы упрямятся, не благословятъ и муромъ не помажутъ, и «во многолѣтье не станутъ поминати; и какъ-де есми вшелъ вѣнчатися «въ церковь, и язъ-де что хотѣлъ, то и дѣлалъ; все-де дѣлалося по «моему хотѣнью и волѣ; а которые-де митрополиты и архіепископы и «епископы и протопопы учали было прежъ сего о томъ поговаривати, и «язъ-де ихъ порозослалъ, и нынѣ-де никаковъ человѣкъ не смѣетъ «слова молвить, и во всемъ волю мою творятъ». И говорилъ-де тутo Разстрига Гришка съ клятвою: «Что однолично въ недѣлю, мая въ «18 день, на стрѣльбѣ бояръ Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ «бояръ и дворянъ лучшихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, «и стрѣльцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ любо станутъ, «побити всѣхъ; а совершивъ то, тотчасъ велю костелы Римскіе ставити; «а въ церквахъ Русскихъ пѣти не велю; и то-де все совершу, на чемъ «есми присягалъ папѣ и кардиналомъ, и арцыбискупомъ и бискупомъ, и «какъ-де есми воеводѣ подъ клятвою въ письмѣ своемъ написалъ; да и «Вишневецкому-де приказалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми «былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно». *Собр. Госуд. Грам.* II. стр. 296.

Карамзинъ говоритъ, и кажется справедливо, о семъ показаніи слѣдующее: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ

слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Русскихъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя, какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою». *Истор. Госуд. Рос. XII. стр.* 7.

277.

Изъ числа приводимыхъ авторомъ источниковъ мы не знаемъ ни писемъ езуитовъ, ни сочиненія *Петра Патерсона*, который, какъ видно изъ исторіи де-Ту, находился въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ. Записки *Маржерета* тѣ самыя, которыя нами переведены. *Герардъ Гравенбрухъ*, справедливѣе Гревенбрухъ, Нѣмецъ, никогда не бывшій въ Россіи, издалъ въ 1609 году нынѣ рѣдкую книгу, заключающую въ себѣ много любопытныхъ извѣстій, подъ заглавіемъ: Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Koloniae Agrippinae apud Gerardum Grevenbruch, an. 1609, in 8. Авторъ признаетъ Лжедимитрія сыномъ Іоанновымъ. *Константинъ Фидлеръ* былъ братъ Каспара Фидлера, вызваннаго изъ Кёнигсберга въ 1600 году Борисомъ Годуновымъ, который, узнавъ, что «Кашпиръ хочетъ своимъ дохторствомъ послужити», далъ ему опасную граммату и принялъ его въ службу лейбъ-медикомъ. Константинъ Фидлеръ жилъ въ Россіи вмѣстѣ съ братомъ и написалъ въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово Борису Годунову, напечатанное въ Кёнигсбергѣ подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio luculenta in Borissum Godunovium. Regiomonti, 1602. Симъ-то сочиненіемъ, кажется, пользовался де-Ту, хотя онъ и говоритъ, что Фидлеръ произнесъ *надгробное* слово уже по смерти Борисовой, напечатанное въ Кёнигсбергѣ; но это едва ли не ошибка; по крайней мѣрѣ надгробной рѣчи мы не знаемъ. Похвальное слово Фидлера очень любопытно, какъ сочиненіе современника-очевидца; тутъ исчислены всѣ добрыя свойства Годунова: его отеческая заботливость о подданныхъ, кротость, милосердіе, ласковость, любовь къ просвѣщенію и благосклонность къ людямъ ученымъ. Авторъ говоритъ, что Борисъ заслуживаетъ названіе Августа болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Русскіе государи. Сочиненіе его, переведенное на Русскій языкъ Вороновымъ, напечатано въ 1773 году въ С. Петербургѣ.

278.

Описывая страшныя явленія природы, или дѣйствія человѣка, писатели Французскіе рѣдко не выходятъ изъ предѣловъ истины. Де-Ту менѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека въ этомъ отношеніи: немногіе были такъ осмотрительны; но и онъ, разсказывая о лютомъ голодѣ временъ Годунова по слухамъ, говоритъ, кажется, небылицы. Дѣйствительно отчаяніе доводило до злодѣйствъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ единогласно очевидцы; но злодѣйства совершались *тайно*; на рынкахъ продавали мясо человѣческое въ пирогахъ, но не трупами.

279.

О свѣдѣніяхъ Лжедимитрія въ Латинскомъ языкѣ см. Записки Маржерета стр. 313 и прим. 270. Самозванецъ пишетъ въ одной грамматѣ: *Jn Perator*. См. въ концѣ тома *снимки*.

280.

По извѣстію Паерле, Димитрій набралъ въ Польшѣ 1600 человѣкъ; а по словамъ Маржерета, 4000.

281.

Въ подлинникѣ: *Ioanne Takmevio*. Въ Черниговѣ былъ воеводою князь Иванъ Андреевичь Татевъ.

282.

Въ подлинникѣ: *Michelovtzius Soltekovius*. Салтыкова звали Михайло Глѣбовичъ.

283.

Извѣстіе объ участіи езуитовъ въ дѣлѣ Самозванца очень важно: авторъ, безъ сомнѣнія, основывается на ихъ письмахъ.

284.

Carmohoviam. Трудно отгадать, что значитъ это слово. Въ дневной запискѣ воеводы Сендомирскаго сказано, что съ Новгородка онъ отступилъ въ *Нергоду*, а потомъ за Путивль. *См. выше, прим.* 136.

285.

Въ подлинникѣ *e Cistercinsi ordine*. Такъ назывался орденъ берна-

диновъ отъ монастыря своего Citaux, недалеко отъ Дижона, возникшій въ 1099 году и прославленный дѣятельностью св. Бернарда Клерво. Въ честь знаменитаго мужа, онъ именовался въ Франціи Бернардинскимъ. Лѣтъ черезъ сто послѣ основанія своего, орденъ распространился по всей Европѣ и завелъ до 800 аббатствъ; но послѣ Реформаціи нашелъ убѣжище только въ Испаніи и Польшѣ.

286.

Ни въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ не упоминается такого имени. Не смѣшалъ ли авторъ Hinsko Otiopelus съ Гришкою Отрепьевымъ?

287.

Патріархъ всегда назывался у насъ патріархомъ.

288.

Авторъ, кажется, намѣкаетъ на замыселъ Борисовъ погубить Самозванца ядомъ, если вѣрить извѣстіямъ Паерле.

289.

См. о семъ выше, примѣч. 277.

290.

Orla. Орелъ оставался сзади: Лжедимитрій былъ въ немъ прежде занятія Тулы.

291.

По свидѣтельству нашихъ лѣтописей и по сказанію очевидца Бера, тѣло Борисово вырыли изъ Архангельскаго собора и похоронили на Срѣтенкѣ, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, еще до прибытія Самозванца въ Москву.

292.

Императоръ Рудольфъ II, проводившій все время въ занятіяхъ алхиміею, не радѣлъ вовсе о дѣлахъ государства. Венгерцы, досадуя на безпечность императора, избрали въ 1607 году королемъ своимъ брата его Матѳія и принудили Рудольфа отказаться отъ Венгерской короны.

293.

Не Ѳедора Романовича, а Василія Ивановича Шуйскаго. Наши имена собственныя камень преткновенія для иностранцевъ.

294.

Авторъ хочетъ сказать, что эти сокровища пріобрѣтены насиліемъ.

295.

Въ приложеніяхъ къ Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch per Sebastiano Ciampi, изд. въ 1827 г. напечатана граммата Самозванца къ Сигизмунду III, отъ 5 сентября 1605 года, заимствованная, какъ говоритъ авторъ, изъ вѣрнаго источника. Ея нѣтъ въ Румянцовскомъ собраніи грамматъ. Лжедимитрій пишетъ: «По принятому великими государями и императорами обыкновенію увѣдомлять сосѣдственныхъ владѣтелей о восшествіи на престолъ, онъ посылаетъ къ королю гонца своего Аѳанасія Власьева съ извѣстіемъ, что промысломъ Всевышняго вступилъ на прародительскій престолъ и, по благословенію императрицы своей матери, короновался не только императоромъ обширной державы Московской, но и царемъ всѣхъ царствъ Татарскихъ, давно уже Русскому скиптру подвластныхъ. Далѣе въ Польскомъ наказѣ сказано: Димитрій желаетъ во-первыхъ быть въ дружбѣ и согласіи со всѣми государями, во славу христіанства, на пагубу нечестивыхъ; во-вторыхъ, сокрушаясь о бѣдствіи христіанъ, терзаемыхъ измаильтянами, которые овладѣли Святыми мѣстами въ Палестинѣ и уже въ самой Венгріи утвердились, отнявъ у императора Рудольфа нѣсколько крѣпостей, онъ намѣренъ помочь бѣднымъ христіанамъ, и молитъ Бога, чтобы всѣ государи соединили свои силы для сей цѣли; посему желаетъ знать мысли короля своего друга и сосѣда, согласенъ ли онъ приступить къ союзу; въ-третьихъ проситъ у Сигизмунда дозволенія воеводѣ Сендомирскому привести въ Москву дочь, на которой онъ, Димитрій, намѣренъ, по благословенію императрицы матери, жениться, въ благодарность за оказанныя воеводою услуги». Нѣтъ сомнѣнія, что де-Ту зналъ эту граммату.

296.

Это случилось 9 мая, въ день св. Николая. Кто сказалъ автору, что Русскіе предпочитали Николинъ день Воскресенію Христову, которое «праздникомъ есть праздникъ, торжествомъ торжество?»

297.

Справедливѣе бояриномъ Татищевымъ, котораго Басмановъ возвратилъ изъ ссылки, какъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ.

298.

Убили дворянина Литовскаго Фирстенберга. Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius, писанной очевидцемъ и напечатанной въ 1606 году, сочиненіи рѣдкомъ и любопытномъ, такъ разсказано о смерти Фирстенберга: «Узнавъ, что Димитрій, выпрыгнувъ изъ окна, убился, Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца и нашелъ царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него изо рта; голова также была вся въ крови. Фирстенбергъ съ товарищами внесъ Димитрія на верхъ, въ царскія комнаты, гдѣ его освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что между ими происходило. Фирстенберга умертвили, чтобы онъ не разгласилъ тайны».

299.

Въ подлинникѣ: Ipso autem crudeliter lancinato per pudenda transmittitur et corpus proiectum per coenum ad forum trahitur.

300.

См. эту граммату въ *Собр. Госуд. Грам. и Догов.* II. 308.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

ГЛАВА I.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ. ..... 11—14

ГЛАВА II.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова царемъ. Посолъ хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о государствѣ. Намѣреніе просвѣтить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ императоромъ. Посолъ Турецкаго султана. Сношенія съ разными государями. Іоаннъ, герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы. 14—29

ГЛАВА III.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Борисово. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ вѣка. Царскій астрологъ. Осада Путивля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрынское. Маржеретъ. Измѣна бояръ. Осада Кромъ. Атаманъ Корела. Кончина Годунова..... 30—42

ГЛАВА IV.

Басмановъ, главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Ѳеодора и матери его..... 43—46

ГЛАВА V.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью св. Димитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе духовенства. Неудача Шуйскаго. Воинскія потѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія..... 47—63

ГЛАВА VI.

Убійство Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры бояръ съ Мариною и отцемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ..... 64—76

ГЛАВА VII.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отвѣтъ короля. Крамолы. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство князя Шаховскаго. Волненіе въ Путивлѣ. Начало войны междоусобной. Пораженіе царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе царевны Ксеніи. 76—81

ГЛАВА VIII.

Пашковъ подъ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подъ Брянскомъ и Болховомъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подъ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумѣніе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ..... 81—101

ГЛАВА IX.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго воеводы Шмита. Марина, жена Тушинскаго Вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.....101—107

ГЛАВА X.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть воеводы Стадницкаго. Тайный пріѣздъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедимитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.....108—122

ГЛАВА XI.

Жолкѣвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Послѣднее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть хана Касимовскаго. Петръ Ерусланов. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо султана къ Сигизмунду.....123—130

ГЛАВА XII.

Владислава признаютъ царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонсѣвскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщетныя усилія намѣстника. Вербное Воскресенье. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Струсь. Патріархъ въ темницѣ. Неистовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.....131—143

НАЕРЛЕ.

ГЛАВА I.

Іоаннъ Мучитель, прозванный Великимъ. Характеръ Ѳеодора Іоанновича. Замыселъ Годунова на жизнь Димитрія. Симеонъ спасаетъ царевича отъ смерти. Воевода Сендомирскій. Походъ Димитрія на Москву. Покореніе Моравска и Чернигова. Осада Новагродека. Басмановъ. Покорность Путивля, Рыльска, Сѣвска. Битва при Новѣгродекѣ. Рѣчь Димитрія. Побѣда. Казаки Запорожскіе. Удаленіе воеводы Сендомирскаго въ Польшу. Битва Добрынская. Измѣна казаковъ. Осада Рыльска. Замыселъ Борисовъ отравить Димитрія. Осада Кромъ. Хитрость Запорскаго и оплошность Басманова. Смерть Годунова, жены его и сына. Москва встрѣчаетъ Димитрія. Неудачный замыселъ Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Пріѣздъ ея. Рѣчь воеводы Сендомирскаго. Свадьба Димитрія. Споры съ послами. Смерть его. Убійство Поляковъ. Развѣяніе праха Димитріева.....153—197

ГЛАВА II.

Причина путешествія автора въ Москву. Опасность его во время мятежа. Стараніе бояръ прекратить волненіе. Соединеніе съ Литовскими послами. Избраніе Шуйскаго царемъ. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Споры пословъ съ боярами во дворцѣ. Рѣчь Мстиславскаго. Отвѣтъ посольскій. Заключеніе пословъ. Молва о Димитріи. Послы выдаютъ боярамъ многихъ Поляковъ. Походы Шуйскаго на мятежниковъ. Приступъ ихъ къ Москвѣ. Спасеніе столицы. Неволя Поляковъ. Назначеніе королемъ новыхъ пословъ. Походъ Шуйскаго на Тулу. Отправленіе иноземныхъ купцовъ въ отечество. Прибытіе новыхъ пословъ королевскихъ. Извѣстія изъ Польши. Возвращеніе Шуйскаго. Аудіенція вновь прибывшихъ пословъ. Наглость повара. Смѣлость Гонсѣвскаго и товарища его. Свиданіе ихъ во дворцѣ съ послами. Переговоры и неудовольствія.....197—234

МАРЖЕРЕТЪ.

Посвященіе автора Генриху IV.....245

I. Взглядъ на Россію въ началѣ XVII вѣка.....249
1. Пространство и области. 2. Границы. 3. Климатъ и качество почвы. 4. Произведенія: a) Хлѣбъ и плоды. b) Дичь. c) Рыба. d) Домашній скотъ.

II. Свойства Русскаго народа.....253

III. Обозрѣніе Русской исторіи.....253

IV. Царскій титулъ 254

V. Правленіе Іоанна IV 255
1. Его супруги и дѣти. 2. Смерть старшаго сына. 3. Симеонъ на престолѣ.

VI. Правленіе Ѳеодора Іоанновича 255
1. Характеръ его. 2. Борисъ Годуновъ правитель. 3. Ссылка Димитрія и спасеніе отъ смерти. 4. Пожаръ Московскій. 5. Кончина Ѳеодора.

VII. Борисъ Годуновъ 257
1. Удаленіе сестры его въ монастырь. 2. Борисъ отвергаетъ корону. 3. Созваніе государственныхъ чиновъ. 4. Возведеніе Бориса на престолъ. 5. Серпуховское ополченіе. 6. Коронованіе.

VIII. Религія Россіянъ 259
1. Крещеніе. 2. Св. Троица. 3. Св. Угодники. 4. Духовенство. 5. Посты. 6. Св. Писаніе. 7. Освященіе воды. 8. Недѣля Ваіи. 9. Особенный орденъ монаховъ. 10. Права патріарха. 11. Разводъ. 12. Права иновѣрцевъ: a) евреевъ. b) лютеранъ и католиковъ. c) магометанъ и язычниковъ. 13. Похороны. 14. Пасха.

IX. Гражданское устройство 264
1. Осторожность правительства. 2. Города и крѣпости; Москва. 3. Дворянство. 4. Государственная Дума. 5. Власть царя. 6. Областное управленіе. 7. Судъ и расправа. 8. Полиція. 9. Правежъ.

X. Обычаи 267
1. Образъ жизни дворянъ. 2. Женщины. 3. Свадьба. 4. Простота нравовъ. 5. Врачебныя пособія.

XI. Государственные доходы 270
1. Разныя вѣдомства и количество доходовъ. 2. Торговля. 3. Царскія сокровища.

XII. Монета 275
1. Цѣна рубля, гривны и проч. 2. Ефимки, червонцы.

XIII. Государственныя званія 276

XIV. Войско 278
1. Устройство его. 2. Война съ Татарами. 3. Конница. 4. Оклады чиновъ военныхъ и гражданскихъ. 5. Вооруженіе. 6. Лошади. 7. Пѣхота. 8. Казаки. 9. Содержаніе войска и награды.

XV. Внѣшнія сношенія 285

XVI. Царствованіе Бориса Годунова 286
1. Счастливое начало правленія. 2. Политика. 3. Ослѣпленіе царя Симеона. 4. Густавъ Шведскій. 5. Польскій посолъ. 6. Угощеніе пословъ. 7. Голодъ. 8. Іоаннъ герцогъ Датскій. 9. Тиранство Годунова. 10. Молва о появленіи Димитрія. 11. Начало войны съ нимъ. 12. Битва при Новѣгородѣ Сѣверскомъ. 13. Сраженіе Добрынское. 14. Оплошность воеводъ и кончина Годунова.

XVII. О безчестіи 295

XVIII. Царствованіе Ѳеодора Борисовича 297
1. Басмановъ главный вождь. 2. Измѣна его. 3. Грамматы Димитрія. 4. Волненіе столицы. 5. Смерть царя и матери его.

XIX. Правленіе Димитрія.....298
1. Вступленіе въ Москву. 2. Свиданіе съ матерью. 3. Коронованіе. 4. Замыселъ Шуйскаго. 5. Обрученіе съ Мариною. 6. Гвардія. 7. Милости Димитрія. 8. Замыселъ дьяка (Осипова). 9. Опала Татищева. 10. Лжепетръ и разбои казаковъ. 11. Бракосочетаніе. 12. Споръ съ посломъ Польскимъ. 13. Смерть Димитрія.

XX. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.....303
1. Восшествіе его на престолъ. 2. Волненіе Россіи. 3. Перенесеніе мощей св. Димитрія. 4. Ссылка Сендомирскаго и дочери его. 5. Свойства Димитрія. 6. Молва о спасеніи его: a) Свидѣтельство Бертрана де-Кассана. b) Свидѣтельство Марины. c) Мятежъ въ южныхъ предѣлахъ. d) Замыслы противъ Шуйскаго. e) Бунтъ въ области Сѣверской.

XXI. Разныя мнѣнія о Димитріи.....309
1. Одни признаютъ его Отрепьевымъ. Возраженія автора: a) Мнѣніе его, какъ спасся Димитрій. b) Извѣстія объ Отрепьевѣ. c) Свидѣтельство самого Отрепьева. 2. Другіе признаютъ Димитрія иноземцемъ. Возраженія. 3. Называютъ его еще орудіемъ езуитовъ. 4. Доказательства автора, что Димитрій былъ сынъ Іоанновъ.

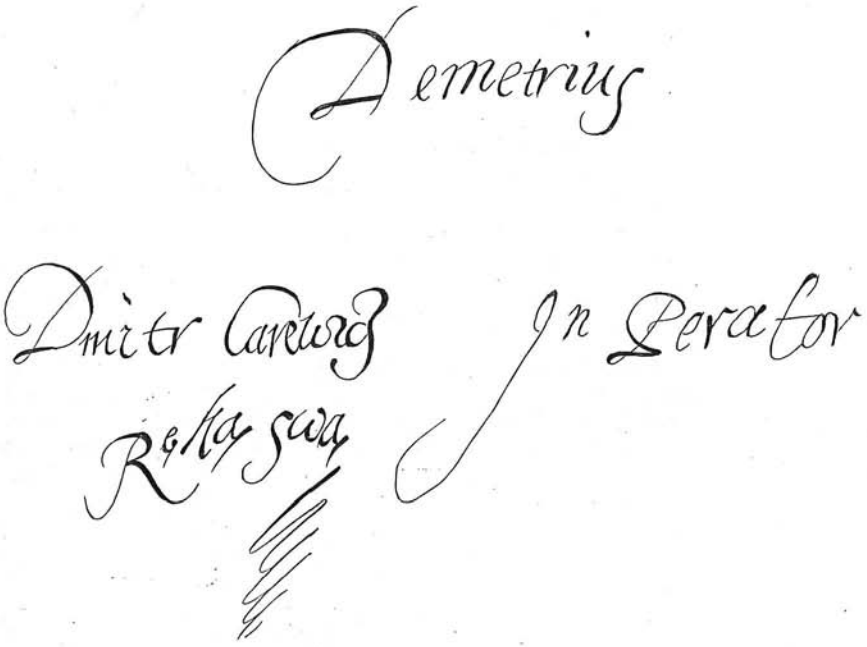
ДЕ-ТУ

Состояніе Россіи предъ появленіемъ Димитрія. Характеръ царя Ѳеодора и смерть царевича Димитрія. Мятежъ въ Угличѣ. Казнь жителей его. Мнѣніе современниковъ о смерти Димитрія. Явленіе Самозванца. Езуиты. Свиданіе его съ королемъ Польскимъ. Походъ въ Россію и покорность городовъ. Посольство Борисово къ Сигизмунду. Пораженіе Димитрія при Новгородѣ. Мужество его и дѣятельность езуитовъ. Пораженіе войска Борисова при Рыльскѣ. Мѣры Годунова. Письмо къ нему отъ Димитрія. Смерть Бориса. Удачная хитрость Запорскаго. Покорность Басманова. Смерть царя Ѳеодора и матери его. Вступленіе Димитрія въ Москву. Разрушеніе дома Борисова. Ссылка многихъ семействъ благородныхъ. Неудачный замыселъ Шуйскаго. Любовь народа. Коронація и свиданіе съ матерью. Милость езуитамъ. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Прибытіе ея въ Москву и свадьба. Неудовольствіе народа. Гвардія. Безпечность Димитрія; всеобщее негодованіе. Возстаніе Москвы. Разныя извѣстія о смерти Димитрія. Злоба народная. Бѣдствіе Поляковъ и другихъ иноземцевъ. Избраніе новаго царя и рѣчь Шуйскаго. Восшествіе его на престолъ. Грамматa, имъ обнародованная о Димитріи.....327—353

Примѣчанія.....357

СНИМКИ СЪ ПОДПИСЕЙ

Лжедимитрія I:

Лжедимитрія II:

Капитана Маржерета:

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

II.

Klára narozená Pavlena
Marjna Zarow.

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МАСКѢВИЧЪ И ДНЕВНИКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 мая 1857 года.

Цензоръ В. Бекетовъ

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

МАСКѢВИЧЪ.

МАСКѢВИЧЪ.

Самуилъ Маскѣвичъ, *Maskiewicz*, былъ родомъ Литвинъ, благородной фамиліи, имѣвшей свои помѣстья въ Новогрудскомъ, Пинскомъ и Слонимскомъ повѣтахъ. Рано вступилъ онъ на поприще войны и не оставлялъ его до конца жизни своей. Польша въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII кипѣла тревогою бранною: безпрестанные рокоши или возстанія дворянства противъ короля и сената, войны съ Шведами, съ Татарами, съ Турками, съ казаками, не давали ей ни минуты покоя, и необузданная шляхта не опускала меча. Съ появленіемъ Самозванцевъ въ нашемъ отечествѣ, открылся ей ѳеатръ обширнѣйшій: паны бросились въ Россію за славою, за добычею, сперва по слѣдамъ Отрепьева, потомъ за Тушинскимъ Воромъ, подъ знаменами Жолкѣвскаго, Струся, Рожинскаго, Лисовскаго, Сапѣги и другихъ вождей, которыми такъ славится время Сигизмунда III. Увлекаемый и общимъ примѣромъ и врожденною отвагою, Маскѣвичъ покинулъ мать, помѣстья и пошелъ къ Смоленску, въ войскѣ Сигизмунда, по тогдашнему обыкновенію на собственныхъ коняхъ, съ небольшимъ отрядомъ пахоликовъ. Здѣсь онъ простоялъ около 8 мѣсяцевъ; ходилъ неоднократно на приступъ, дивился доблести Шеина, мужеству Русскихъ; но не дождался окончанія осады: хоругвь князя Порыцкаго, въ которой былъ онъ поручикомъ, присоединилась къ отряду гетмана Жолкѣвскаго, посланнаго королемъ отразить Русскихъ, спѣшившихъ съ наемными Нѣмцами на помощь Смоленску. Жолкѣвскій взялъ съ собою не болѣе 3,000 человѣкъ,

при четырехъ орудіяхъ, съ намѣреніемъ разсѣять 60,000 Москвитянъ, овладѣть Москвою, свергнуть Шуйскаго съ престола и возвести Владислава. Смѣлый гетманъ напалъ на укрѣпленный лагерь нашъ подъ Клушиномъ: бой былъ жестокій; Русскіе стояли твердо, Поляки бились отчаянно; каждая рота ихъ вступала въ дѣло по 10 и 12 разъ; ротѣ Порыцкаго было наиболѣе жарко; хоругвь республики готова была пасть; но Нѣмцы намъ измѣнили, и наше войско, разбитое на голову, обратилось въ бѣгство, къ Москвѣ. Жолкѣвскій шелъ за нимъ по пятамъ, подступилъ къ столицѣ, гдѣ между тѣмъ уже свергли Шуйскаго, заключилъ съ боярами договоръ и возвелъ на царскій престолъ королевича Владислава, которому вскорѣ присягнула вся Россія.

Во всѣхъ упомянутыхъ дѣйствіяхъ Маскѣвичъ принималъ дѣятельное участіе: въ Клушинской битвѣ онъ сражался до изнеможенія силъ; цѣлый день преслѣдовалъ бѣгущихъ Россіянъ; велъ переговоры съ Нѣмцами; а подъ Москвою, по заключеніи мира, приводилъ бояръ и народъ къ присягѣ. По возвращеніи Жолкѣвскаго къ Сигизмунду, онъ остался въ Москвѣ, уже преданной въ руки Поляковъ, подъ главнымъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Тутъ познакомился онъ съ знатными Москвитянами; часто пировалъ у нихъ на свадьбахъ, на пріятельскихъ вечеринкахъ; осматривалъ столицу, замѣчалъ ея достопамятности, наблюдалъ наши нравы и обыкновенія. Между тѣмъ, жители Москвы, обманутые въ своихъ надеждахъ, рѣшились изгнать дерзкихъ иноземцевъ, и по гласу Ермогенову, единодушно напали на Поляковъ. Маскѣвичъ успѣлъ запереться въ Кремлѣ вмѣстѣ съ отрядомъ Гонсѣвскаго; жегъ и разрушалъ столицу; бился съ Ляпуновымъ, съ Трубецкимъ; неоднократно выходилъ на поиски съ паномъ Струсемъ и Ходкѣвичемъ. Когда же увидѣлъ, что Полякамъ не удержать за собою Россіи, убрался въ отечество, незадолго до возстанія Пожарскаго. Въ Польшѣ онъ присоединился къ конфедератамъ, требовавшимъ отъ короля жалованья за походъ Московскій, и вооруженною рукою бралъ доходы съ королевскихъ помѣстьевъ. Наконецъ получивъ

все, чего желалъ, прекратилъ свою безпокойную дѣятельность, уже съ званіемъ полковника.

Маскѣвичъ велъ подробный дневникъ, съ 1594 года по 1621, всему, что казалось ему замѣчательнымъ, что самъ онъ большею частію видѣлъ и дѣлалъ, что его радовало и печалило. Записывая день за день, для себя, безъ всякой мысли о потомствѣ, онъ разскажетъ вамъ о набѣгѣ Наливайки, о смерти отца, о свадьбѣ сестры, о борьбѣ короля съ рокошанами, о Тушинскомъ Ворѣ, о пропажѣ палаша, объ осадѣ Смоленска, о Клушинской битвѣ, о разореніи Москвы, о голодѣ, о холодѣ, о Родненской капустѣ, о потери изумруднаго крестика, о героѣ Ляпуновѣ, о гулякѣ Бржезицкомъ, о чертяхъ, о пирахъ, о битвахъ Жолкѣвскаго съ Турками. Сочиненія подобнаго рода всегда драгоцѣнны для потомства: даже лѣтопись монастырская, келейная тетрадь отшельника, собирающаго народные толки, можетъ объяснить многое, чего нельзя найти въ самыхъ важныхъ актахъ государственныхъ; Маскѣвичъ же видѣлъ своими глазами такія дѣла, которыя вѣроятно никогда не повторятся. Мало того: онъ смотрѣлъ на вещи взоромъ наблюдателя, описывалъ видѣнное не безъ искусства, и, что всего важнѣе, любилъ говорить правду. Какъ Полякъ, врагъ Русскихъ, онъ могъ винить насъ иногда безъ основанія; по крайней мѣрѣ слѣпая злоба и несносное самохвальство, отличающія многихъ другихъ Польскихъ писателей, не руководили перомъ его: не давая пощады намъ, онъ не щадилъ и своихъ. Довольно указать на описаніе Смоленской осады, Клушинской битвы, разрушенія Москвы, въ подтвержденіе нашихъ словъ о высокомъ достоинствѣ автора: какъ исторической источникъ времени Самозванцевъ, сочиненіе его драгоцѣнно не менѣе записокъ Бера и Маржерета.

Дневникъ Маскѣвича доселѣ вполнѣ не изданъ. Нѣмцевичъ въ своемъ Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze (tom. II. p. 341—432) напечаталъ только выборъ изъ него, по весьма неисправной рукописи, со многими пропусками, важными для нашей исторіи смутнаго времени. Въ Нѣмцевичевомъ изданіи

нѣтъ ни описанія Москвы, ни изображенія нашихъ нравовъ. Тщательно сличеніе его съ бывшею у меня рукописью обнаружило до 40 пропущенныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе важныхъ; иные пропуски простираются за 20 страницъ Я переводилъ его съ рукописи полной, хотя не древней, но очень исправной, принадлежавшей Полоцкой езуитской Академіи, бывъ обязанъ ею благосклонности и любознанію графа Д. Н. Блудова. Полоцкая рукопись въ 16 долю листа, новаго почерка; состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключается Commentarius Alberti Stanislai Radziwill, Cancellarii Magni Ducatus Lithuaniae (исторія въ письмахъ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна-Казимира); во второй (264 стр.) Dyaryusz Samuela Maskiewicza.

Считаю излишнимъ говорить, что въ переводѣ моемъ читатель не найдетъ ни малѣйшаго пропуска противъ подлинника. Самыя ничтожныя извѣстія, вовсе чуждыя нашему дѣлу, переданы мною съ возможною точностью: тогда только можемъ оцѣнить автора, когда узнаемъ его вполнѣ.

ДНЕВНИКЪ

М А С К Ѣ В И Ч А.

1594—1621.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

ДНЕВНИКЪ

МАСКѢВИЧА.

Я начинаю свой разсказъ съ 1594 года. Кому же что не полюбится въ моей повѣсти, пусть меня не осуждаетъ:

Про себя я пою,
Самъ себя утѣшаю.

Въ 1594 году, въ Литвѣ явился Наливайко, казакъ Запорожскій, и надѣлалъ тамъ много бѣдъ; съ нимъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ, къ которымъ присоединились всѣ негодяи для своеволія. Повѣты выслали противъ него свои войска; ротмистрамъ, состоявшимъ на жалованьѣ, велѣно также выступить. Осторожный Наливайко не давался въ руки; наконецъ подъ Лубнами былъ пойманъ; немедленно отосланъ къ королю съ нѣсколькими знатнѣйшими участниками, и потомъ четвертованъ.[1] Братъ мой Янъ былъ въ этомъ походѣ съ паномъ Николаемъ Слушкою.

Въ 1595 году, благодѣтель и отецъ мой отдалъ душу свою Господу Богу.

Въ 1598 году, походъ въ Молдавію противъ Михаила.[2]

Въ 1599 году, конфедерація въ Самборѣ, по дѣламъ Молдавскимъ.

Въ 1600 году, король отправился съ войскомъ въ Лифляндію; съ нимъ были оба гетмана: Янъ Замойскій, канцлеръ и великій гетманъ коронный, и Станиславъ Жолкѣвскій, полевой гетманъ коронный.[3] Я въ то время на парѣ коней находился при панѣ Воинѣ, подканцлерѣ Литовскомъ. Въ томъ же году братъ мой

Янъ женился на дочери пана Богдана Хрептовича, референдаря великаго княжества Литовскаго.

Въ 1602 г. конфедерація по дѣламъ Лифляндскимъ. Король возвратился изъ Лифляндіи; а панъ Радзивилъ воевода Виленскій, бывшій въ то время гетманомъ великаго княжества Литовскаго, и панъ Карлъ Ходкѣвичъ, староста Жмудскій, остались въ Лифляндіи, какъ два кота.

Въ томъ же году явился въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго, Димитрій, сынъ царя Московскаго Іоанна Мучителя. Удивительнымъ образомъ избѣгнувъ тиранскихъ рукъ властолюбиваго Бориса Годунова, онъ скитался 13 лѣтъ, никому не объявляя о себѣ, пока не нашелъ удобнаго времени. Въ томъ же году, Димитрій былъ въ Краковѣ у короля съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Панъ воевода Сендомирскій Мнишекъ, взявъ его на свое попеченіе, обѣщалъ ему дочь свою Марину въ супружество, и въ послѣдствіи, не на радость себѣ, сдержалъ свое слово.

Въ 1603 году, царевичъ отправился къ Москвѣ съ паномъ воеводою Сендомирскимъ, имѣя весьма малочисленное войско: одну роту всадниковъ, въ числѣ 700 человѣкъ, получавшихъ жалованье, и пять хоругвей—царскую, пана Мнишка старосты Саноцкаго, пана Дворжицкаго, пана Фредро и пана Неборскаго.[4] Москвитяне, предводимые княземъ Мстиславскимъ, встрѣтились съ этимъ отрядомъ при Новѣгородѣ, и хотя надѣялись на свои силы, которыя простирались до 80.000 человѣкъ, однакожъ наши, при помощи Божіей, выиграли битву, и самого Мстиславскаго взяли было въ плѣнъ; но его отбили. Въ сраженіи нашимъ помогали казаки Запорожскіе, въ числѣ 2000; въ слѣдующій день пришло ихъ 10.000, но уже поздо. Борисъ Годуновъ царь Московскій съ отчаянія отравилъ себя, жену и сына.[5]

Въ 1605 году, 6 іюня простившись съ матерью моею въ Сервечѣ, я отправился къ Москвѣ съ отрядомъ, и доѣхавъ до Московской границы, остановился въ Брагинѣ, мѣстечкѣ князей

Вишневецкихъ. Здѣсь я узналъ, что царь Димитрій I, вступивъ въ столицу, короновался въ день св. Михаила.[6] Посему не имѣя причины торопиться, я остался въ Брагинѣ при панѣ Янѣ Юндзилѣ. Тутъ мнѣ было такъ хорошо, что развѣ въ раю будетъ лучше. Въ семъ же году, около Успенія пресвятой Богородицы, Татары опустошили Подолію и, разграбивъ вокругъ Кіева дворянскіе домы, отвели въ неволю множество женъ и дѣвицъ благородныхъ. Набирали квартное войско;[7] гетманомъ его былъ самъ Жолкѣвскій; ротмистрами: Янъ Потоцкій, Староста Каменецкій Яковъ Потоцкій, Андрей Потоцкій, панъ Струсь, панъ Прентвицъ, князь Рожинскій, сынъ Русскаго воеводы Гульскій, Творжіянскій, Свирскій и Михайло Вишневецкій.[8] Сей послѣдній отставленъ отъ службы за неявку.

Ноября 3, для набора войска я отправился изъ Листвиня во Львовъ налегкѣ, оставивъ свой отрядъ и людей у пана Юндзила. Ея свѣтлость княгиня дала мнѣ нѣсколько сотъ злотыхъ для покупокъ во Львовѣ.

Ноября 9 въ Заславѣ. Старшій слуга пана Волынскаго панъ Косцюкевичь приглашалъ меня въ дворню.

Ноября 12, въ Висновцѣ, у князя Михаила. Ничего не сдѣлалъ.

Ноября 20, во Львовѣ. И тамъ былъ безъ дѣла: наборъ уже кончился.

Ноября 27 изъ Львова въ Березань, гдѣ оставались мои лошади: по милости княгини, я ѣздилъ на лошадяхъ обывательскихъ.

Декабря 25. Въ Хобнемъ, у пана старосты Харлиньскаго я провелъ празднество Рождества Христова. Новый годъ встрѣтилъ у князя, въ Брагинѣ.

Въ 1606 году, 1 февраля панъ Глѣбовичъ женился на княгинѣ Корецкой въ Корцѣ; приданаго взялъ за нею 30.000 злотыхъ наличныхъ. На свадьбу племянницы своей княгиня Вишневецкая ѣздила въ Корецъ; я провожалъ ее со всѣмъ отря-

домъ и съ челядью. Мы выѣхали съ княгинею изъ Брагина въ Корецъ 10 января. 14 числа прибыли въ Александровъ; тутъ разгнѣвались на меня, но не долго. 15 января пріѣхали въ Корецъ. 1 февраля была свадьба пана Глѣбовича. 8 февраля панъ воевода Троцкій прибылъ въ Корецъ. Тамъ мнѣ столько было хлопотъ, что я на силу отдѣлался отъ нихъ.

Февраля 12, откланявшись княгинѣ, я выѣхалъ изъ Корца, съ большою неохотою. Въ Деражнѣ подъ Баромъ я отдыхалъ съ своими конями въ продолженіе мясопуста Польскаго (Русскій мясопустъ былъ спустя 5 недѣль послѣ нашего). Тутъ разсѣянная челядь соединилась со мною. Тамъ же засталъ меня панъ Прентвицъ Каменецкій; съ нимъ я немедленно отправился на 4 коняхъ къ своей хоругви и настигъ ее въ Гулахъ, помѣстьѣ пана Язловецкаго, воеводы Подольскаго. Мятежные крестьяне не хотѣли впустить хоругвь въ свою деревню, пока не высѣкли ихъ розгами. Управителемъ помѣстья былъ панъ Слупскій. Въ томъ же году король женился на второй супругѣ.[9] Свадьбу праздновали отъ Рождества Христова до мясопуста. Въ великій постъ, по новому календарю, я отправился съ хоругвью пана Прентвица Каменецкаго въ Хрептыевъ на квартиры. Въ то же время панъ воевода Сендомирскій повезъ свою дочь Марину въ Москву, для соединенія бракомъ съ царемъ Димитріемъ. Онъ недолго тѣшился этимъ союзомъ. Въ Хрептыевѣ насъ весьма тревожили разбойники; такъ что нашимъ челядинцамъ нельзя было и носа показать. Развѣдавъ, гдѣ они скрываются, мы напали на нихъ, и поймавъ самого атамана Салату, отослали его въ Баръ къ пану Гульскому воеводѣ Русскому, исправлявшему должность гетмана: тамъ онъ былъ четвертованъ. Потомъ все утихло. Спустя 6 недѣль по Пасхѣ, мы отправились изъ Хрептыева на отдыхъ въ Плоскировъ, куда прибыли чрезъ недѣлю послѣ Троицына дня. Въ томъ же году въ первый понедѣльникъ послѣ Троицына дня, было первое собраніе рокошанъ подъ Люблиномъ.[10]

Въ Плоскировѣ мы получили изъ Москвы печальную вѣсть,

что тамъ былъ бунтъ; Москвитяне убили царя; а изъ нашихъ 1606.
одни также побиты, другіе же взяты въ плѣнъ и разосланы въ разныя крѣпости, именно изъ числа знатнѣйшихъ: панъ воевода Сендомирскій, сынъ его панъ староста Саноцкій, князь Константинъ Вишневецкій, панъ Малогоскій, бывшій на свадьбѣ царя посломъ королевскимъ, панъ Ратомскій, староста Остерскій, и другіе. Государыня царица равнымъ образомъ осталась въ неволѣ со всѣми благородными Польками: надъ каждою изъ нихъ Москвитяне порядочно подшутили. Утѣшительно было слышать родителямъ объ участи своихъ дочекъ! Дай Богъ, чтобы Русскіе сами испытали такую же радость! Онъ отмстилъ имъ въ послѣдствіи.

Изъ Плоскирова мы выѣхали 12 іюля подъ Могильницы, гдѣ, какъ носился слухъ, будетъ перепись, которую однакожъ назначили подъ Глинянами, а отсюда подъ Виснею; но и здѣсь переписи не было. Собрались только сенаторы и велѣли итти къ Вислицѣ, гдѣ короля очень тревожили рокошане. Въ это время назначены въ службу новые ротмистры: панъ Балабанъ, панъ Свѣнцицкій, панъ Забоклицкій, панъ Хоментовскій, панъ Холоневскій.

3 августа мы стали обозомъ подъ Вислицею, а рокошане собрались подъ Сендомиромъ и Покривницею. Виновниками междоусобія были панъ воевода Краковскій Зебржидовскій и панъ подчашій великаго княжества Литовскаго Янушъ Радзивилъ.[11] Король въ то время очень заботился о уплатѣ рыцарству жалованья, ибо четверть уже кончилась, и какъ денегъ въ казнѣ не было, то отдавали въ залогъ столовое серебро королевское, которое потомъ выкупили отъ насъ въ продолженіе шести недѣль. Я въ то время поступилъ въ хоругвь пана Тарновскаго Гратуса, бралъ серебро изъ казны и раздавалъ товарищамъ. Въ войскѣ возникъ мятежъ, требовали рокоша; чему не послѣднею причиною была пощечина, данная паномъ Струсемъ въ общемъ собраніи одному товарищу изъ роты Свѣнцицкаго. Уже завязалась лихая схватка,

1606. и неоднократно мы выходили въ поле, наименовавъ маршалкомъ пана Сепекевскаго. Панъ гетманъ съ трудомъ успокоилъ недовольныхъ. Въ то время, когда мы стояли лагеремъ подъ Вислицею, король находился въ этомъ городѣ; а 6 сентября пошелъ съ нами на рокошанъ къ Покивницѣ. 13 сентября мы настигли ихъ подъ Яновымъ надъ Вислою; вождями ихъ были: панъ воевода Краковскій, панъ подчашій Литовскій Радзивилъ и панъ Стадницкій-Ланцуцкій. Всѣхъ рокошанъ могло быть до 2.000. Стадницкій остерегся и съ нѣсколькими сотнями своихъ переправился за Вислу къ Казимиржу, а другіе не успѣли: мы быстро наступили на нихъ, и чрезъ нѣсколько времени принудили пана воеводу Краковскаго и пана подчашаго Литовскаго дать на себя обязательство не тревожить болѣе республики и мирно разъѣхаться. Впрочемъ оба они явились на честное слово въ станъ королевскій, и только на третій день послѣ даннаго ими обязательства, получили позволеніе удалиться. А Стадницкій, дьяволъ, [12] находясь за Вислою, издѣвался надъ нами. Мятежи въ войскѣ однако не прекратились; товарищи [13] неоднократно собирались въ коло, [14] избравъ маршалкомъ пана Гавріила Липскаго изъ роты гетманской. Онъ могъ потерять голову, если бы не ускользнулъ. Наконецъ все успокоилось.

Октября 9, король выступилъ съ войскомъ подъ Краковъ. Я же, по просьбѣ товарищей, остался въ Казимиржѣ для полученія жалованья.

Октября 15, я выѣхалъ съ деньгами изъ Казимиржа.

Октября 18, я пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ войско уже собралось; тамъ было и коло. На дорогѣ къ Кракову спутники мои выколотили колчанами пана Красицкаго, старосту Долинскаго, прозваніемъ Грандзядза. Въ Раковѣ же вызывали на поединокъ ротмистра моего пана Гратуса Тарновскаго, назначая мѣсто въ Раковѣ.

Октября 23, мы выступили изъ Кракова къ Яслу. Дорогою умеръ мой добрый челядинецъ Лимонтъ.

Декабря 5, прибыли въ Яслъ на роздыхъ. 9 отправились изъ Ясла ко Львову чрезъ Кросно, Перемышль, Носцишки и Виснегродекъ. 15, прибыли во Львовъ. Панъ Даниловичъ, староста Дорогобыцкій, отправленный великимъ посломъ въ Турцію, возвратился домой, ничего тамъ не сдѣлавъ: его и слушать не хотѣли, говоря: у васъ междуцарствіе. А все это по интригамъ Баторія, бывшаго въ числѣ кандидатовъ на королевство отъ Краковскаго воеводства. 1606.

Декабря 23, я выѣхалъ изъ Львова въ Яслъ чрезъ Самборъ, Леско, Санокъ и Кросно.

Декабря 27, король вопреки обыкновенію, за 2 недѣли до окончанія четверти, объявилъ намъ службу.

Въ новый годъ видна была радуга весьма красивая, какъ среди лѣта. Шелъ дождь. Февраля 7 мы выѣхали изъ Ясла въ Сокъ, промѣшкавъ въ Яслѣ 13 недѣль. Февраля 23, мы прибыли въ Сокъ. Тамъ вербовалъ насъ и панъ Стадницкій Ланцуцкій и панъ Скочевскій писарь Львовскій. 1 мая товарищество отправило меня изъ Лубачева въ Бельзыцу съ паномъ Быковскимъ къ воеводѣ Краковскому. Стремянный укралъ у меня ножны отъ палаша, такъ искусно, что я долго не могъ замѣтить, и потерялъ гривенъ 6 серебра. 2 іюня опять я ѣздилъ къ воеводѣ Краковскому въ Стенжицу, съ паномъ Мадаленскимъ; съ нами былъ ротмистромъ Габріель Морджинскій. Не успѣвъ условиться съ паномъ воеводою, мы возвратились къ королю. Панъ воевода замышлялъ рокошъ, какъ въ послѣдствіи открылось; только ничего не выигралъ. Съ нимъ были панъ подчашій Литовскій, панъ воевода Равскій, панъ Гербуртъ и другихъ не мало.

Іюня 15 мы поступили въ хоругвь князя Порыцкаго и немедленно чрезъ Варшаву отправились въ лагерь, гдѣ собралось и войско его королевскаго величества. Король былъ въ Варшавѣ; городъ выгорѣлъ до тла. Король въ лагерѣ. Іюня 18 рокошане расположились подъ Варшавою въ 3 миляхъ отъ насъ. Мы послали къ нимъ своихъ пословъ съ просьбою предостеречь насъ,

*

1607. какъ братьевъ, отъ всякаго умысла на рѣчь посполитую, если за кѣмъ либо вѣдали, чтобы и мы за благо отечества могли стать общими силами. Они ничего основательнаго не сказали, и видя, что мы наступаемъ на нихъ, спѣшили удалиться.

Іюня 30 мы преслѣдовали рокошанъ и настигли ихъ подъ Варкою. Тамъ, когда войско уже начало становиться въ боевой порядокъ, крикнули нѣкоторые изъ нашихъ: «Не хотимъ биться «съ братьями! Пусть лучше панъ воевода Краковскій укажетъ, «кто врагъ республики: мы не будемъ защищать измѣнниковъ и «только постоимъ за достоинство его королевскаго величества». Король, видя, что иначе быть не могло, и желая всѣхъ удовлетворить, на все согласился. Господа сенаторы также изъявили согласіе. Дѣло однакожъ кончилось тѣмъ: положено было рокошанамъ стать въ двухъ миляхъ отъ Варки, и раскинувъ наметы между войсками въ одной милѣ отъ каждаго, выслать съ обѣихъ сторонъ по 30 депутатовъ, большею частію изъ рыцарства, которые, розыскавъ, кто былъ виновникомъ раздора, долженствовали учинить расправу. Но какъ двинулись рокошане, то едва остановились въ Радомѣ, въ 7 миляхъ отъ Варки. Король, видя ихъ бездѣльничество, и доказавъ рыцарству свою невинность, требовалъ отъ насъ подписки стоять за него твердо; что мы и исполнили. Виновниковъ же мятежа, именно Лезницкаго изъ роты пана Забоклицкаго, приказалъ повѣсить; а Рудзинскій наѣлся страху и чуть не попался въ туже петлю: его было уже и накрыли, да успѣлъ ускользнуть. Двинувшись за рокошанами изъ подъ Варки, мы настигли ихъ 5 іюля подъ Гузовымъ и Оранскимъ, гдѣ сразились съ ними и съ помощію Божіею выиграли битву. Въ семъ сраженіи лошадь одного изъ дворянъ королевской свиты, закусивъ удила, унесла своего господина за 12 миль отъ мѣста сраженія, такъ что онъ возвратился уже на третьи сутки: именно это случилось съ паномъ Даниловичемъ, воеводою Русскимъ, зятемъ гетманскимъ, тогда еще крайчимъ коронным. Если бы такъ поступилъ кто нибудь изъ незнатныхъ,

пришлось бы ему дорого поплатиться; а съ Даниловича самъ 1607.
чортъ ничего не возметъ. Въ семъ сраженіи находился и панъ гетманъ Литовскій [15] съ нѣсколькими сотнями Лифляндскихъ жолнеровъ, но ни чѣмъ не распоряжалъ, кромѣ своего отряда: военачальникомъ былъ панъ Жолкѣвскій, полевой гетманъ коронный. Въ то же время была конфедерація Гродненская, въ которой участвовалъ самъ гетманъ Карлъ Ходкѣвичъ. Послѣ сраженія, король отправился въ Краковъ, а войско двинулось къ Краснославу.

Іюля 13, переѣхавъ чрезъ Вислу у Петровина, я прибылъ подъ Солцу; іюля 16 подъ Краснославъ въ лагерь. Іюля 18, панъ Струсь староста Хмѣльницкій отправленъ въ поискъ за паномъ Феликсомъ Гербуртомъ, который, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, снова затѣвалъ рокошъ: его схватили, отослали къ королю и отдали подъ стражу. Сентября 12, войско двинулось изъ лагеря Краснославскаго къ Завихосту. 26 числа пришли подъ Завихостъ въ Косинъ.

Около этого времени, вмѣсто убитаго царя Московскаго Димитрія, явился другой Димитрій и распустилъ молву, что онъ тотъ самый царь Московскій, котораго Москвитяне, призвавъ въ столицу и короновавъ, хотѣли убить; но что онъ съ помощію Божіею спасся отъ смерти. Такъ онъ говорилъ, въ надеждѣ славою перваго вѣнчаннаго Димитрія привлечь къ себѣ войско и обмануть самую Москву, и хотя былъ Самозванецъ, однакожъ при содѣйствіи нашихъ едва не достигъ своей цѣли: все государство Московское ему покорилось, кромѣ трехъ только городовъ, Москвы, Новагорода и Смоленска. Царицу также взялъ къ себѣ, какъ жену; только сочетался бракомъ съ нею тайно. Этого Димитрія воскресилъ Мѣховецкій, который, зная всѣ дѣла и обыкновенія перваго Димитрія, заставлялъ втораго плясать по своей дудкѣ. [16]

Октября 30, войско изъ лагеря подъ Завихостемъ отправилось въ разныя стороны: одна часть на квартиры, а другая въ Валахію, для возведенія на престолъ господарскій Константина

1607. сына Іеремеева. Въ этомъ походѣ участвовали всѣ паны Потоцкіе, панъ Струсь, князь Вишневецкій Михайло. Они сладили дѣло, успокоили Валахію и счастливо воротились. Иные же пошли въ Московію къ Царику съ княземъ Рожинскимъ, который былъ у него гетманомъ.[17]

Ноября 14. Хоругвь князя Порыцкаго, въ которой и я находился, расположилась на квартирахъ въ Ковлѣ. Ноября 18, я отправился изъ Ковля домой и засталъ брата своего въ Жабчицахъ уже вдовцомъ.

1608. Января 16, сестра моя вышла за пана Лопатецкаго. Въ томъ же году, по вѣстямъ о приготовленіяхъ Татаръ къ набѣгу, войско немедленно вступило въ Украйну, и послѣ Троицына дня, расположилось лагеремъ подъ Ободнею, между Винницею и Немировымъ, гдѣ мы простояли до Михайлова дня. Между тѣмъ казаки Запорожскіе ворвались въ орду, разорили въ конецъ Очаковъ и Перекопь и взяли тамъ немалую добычу. Султанъ жаловался на это королю. Войско наше изъ лагеря подъ Ободнею разошлось по квартирамъ. Мы снова остановились въ Ковлѣ, для лучшаго охраненія Кракова отъ Баторія и Венгровъ:[18] еще рокошъ не затихъ. Часть войска должна была итти къ Подгорью на границу Венгерскую. Наша хоругвь предъ Рождествомъ Христовымъ отправилась изъ Ковля въ Бечь на квартиры, а въ самый праздникъ прибыла въ Тишовцы.

1609. Въ новый годъ мы прибыли въ Бечь.

Января 14 былъ сеймъ въ Варшавѣ. На этомъ сеймѣ король, по совѣту нѣкоторыхъ сенаторовъ, предлагалъ воевать съ Москвою, говоря: стоитъ только обнажить саблю, чтобы кончить войну. Сеймъ не изъявилъ согласія. Король же, не покидая своихъ замысловъ, набралъ войско квартное, и, умноживъ число ротмистровъ, велѣлъ ему итти къ Москвѣ; а самъ, отправляясь также въ походъ, заѣхалъ съ королевою въ Люблинъ, гдѣ торжественно говорилъ депутатамъ, что чѣмъ ни благословитъ Господь войну, все отдастъ республикѣ, а себѣ ничего не возметъ. Въ Украйнѣ осталось не

много квартныхъ ротмистровъ; и хотя прибавлено къ нимъ еще нѣсколько новыхъ, но всего на все было около 1,000 всадниковъ. Гетманомъ этого отряда назначенъ Гульскій, воевода Русскій. [19] Войску, шедшему съ королемъ къ Москвѣ, выдано жалованья только за четверть года. Прежде, чѣмъ достигли мы Смоленска, четверть уже вышла. Войско выступило въ походъ съ королемъ около Троицына дня. Я былъ въ хоругви князя Порыцкаго и вышелъ изъ Ковля чрезъ недѣлю послѣ праздника, побывавъ прежде дома и при отрядѣ оставивъ брата моего Гавріила, котораго отозвалъ отъ пана Остророга каштеляна Бѣльзскаго. Въ Ятрѣ я видѣлся съ другимъ моимъ братомъ Яномъ и второю женою его, а въ Сервечѣ съ моею матерью. Между тѣмъ брату Гавріилу дано нѣсколько коней и велѣно итти на службу. 1609.

Сентября 29 въ Михайловъ день, король прибылъ подъ Смоленскъ съ войскомъ блистательнымъ и красивымъ; оно состояло изъ отрядовъ, бывшихъ на жалованьи, изъ дружинъ дворовыхъ и панскихъ (коихъ было не мало) и изъ волонтеровъ; всего считалось 12,000, кромѣ пѣхоты, Татаръ Литовскихъ и казаковъ Запорожскихъ. Какую же пользу и услугу доставила королю эта вольница, испытала то Литва и Бѣлоруссія, которыя много потерпѣли отъ ея переходовъ съ мѣста на мѣсто; испытало и войско регулярное, у котораго все съѣстное она весьма скоро поѣла; [20] испыталъ и самъ король, котораго она оставила только при войскѣ регулярномъ и, ничего не опасаясь, съ великимъ плѣномъ и богатою добычею возвратилась восвояси.

Полевой гетманъ коронный Станиславъ Жолкѣвскій, шедшій съ королемъ къ Москвѣ, за день до прихода войска прибылъ къ Смоленску, и внимательно осмотрѣвъ мѣсто для лагеря, заложилъ его надъ Днѣпромъ при долинѣ, между тремя каменными монастырями св. Троицы, св. Спаса и пресвятой Богородицы, которые Русскими были уже оставлены; въ одномъ монастырѣ, пресвятой Богородицы, остановился гетманъ коронный Жолкѣвскій; въ другомъ, св. Троицы, Литовскій маршалъ Дорогостайскій; въ треть-

1609. емъ, св. Спаса, канцлеръ Литовскій Сапѣга. Послѣдній не долго въ немъ гостилъ: вытѣсненный стрѣльбою Русскихъ, онъ велѣлъ построить для себя домъ въ долинѣ надъ Днѣпромъ и только тамъ едва нашелъ покой. Пѣхота Нѣмецкая, прибывшая изъ Пруссіи, въ числѣ 2,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Людвига Вайера старосты Пуцкаго, расположилась предъ лагеремъ противъ крѣпости; въ послѣдствіи она большею частію погибла, не столько отъ оружія непріятельскаго, сколько отъ трудовъ военныхъ. Съ нею вмѣстѣ стояла и Польская пѣхота, которой впрочемъ было не много.

Въ третій день по прибытіи къ Смоленску, король съ гетманомъ и сенаторами обозрѣвалъ мѣстоположеніе крѣпости, изыскивая способы обложить ее войскомъ такъ, чтобы подвозъ съѣстныхъ припасовъ и сообщенія между отрядами не были затруднительны; между тѣмъ охотникамъ велѣно тревожить крѣпость, чтобы скрыть отъ Москвитянъ, въ чемъ состояло дѣло. Осажденные видя, что наши уже копаютъ шанцы и располагаются надолго, сами зажгли посады и всѣ убрались въ крѣпость. Число ихъ простиралось до 70,000 человѣкъ. Воеводою у нихъ былъ Шеинъ, воинъ храбрый, искусный и въ дѣлахъ рыцарскихъ неусыпный.

Мѣстоположеніе Смоленска слѣдующее: между городомъ и крѣпостью протекаетъ рѣка Днѣпръ, т. е. на одной сторонѣ лежитъ крѣпость, а на другой городъ. Крѣпость стоитъ на возвышеніи, къ Днѣпру очень отлогомъ, прорѣзанномъ многими глубокими оврагами, и заключаетъ въ себѣ семь горъ, между которыми безъ мостовъ сообщеніе было бы весьма трудно. Городъ къ Днѣпру лежитъ на мѣстѣ болѣе ровномъ и болотистомъ; а далѣе возвышается гора, какъ и въ крѣпости. Стѣна крѣпостная толщиною въ 3 сажени, а вышиною въ 3 копья; башень около ней четыреугольныхъ и круглыхъ 38. Въ наружной сторонѣ каждой четыреугольной башни будетъ саженъ 9 или 10; а башня отъ башни отстоитъ на 200 саженъ. Окружность крѣпости болѣе мили.

Осаждали Смоленскъ такимъ образомъ: на западной сторонѣ,

съ пріѣзда отъ Польши, расположенъ былъ надъ Днѣпромъ 1609.
между тремя монастырями, какъ я выше упомянулъ, довольно обширный и укрѣпленный лагерь, въ которомъ находился самъ король съ гетманомъ; на Днѣпрѣ ниже монастыря св. Троицы навели мостъ; предъ лагеремъ на горѣ, противъ крѣпости, поставили въ шанцахъ между турами три легкія орудія, которыя немало вредили крѣпости, стрѣляя чрезъ стѣну; при нихъ было 300 человѣкъ полевой пѣхоты, подъ начальствомъ пѣшихъ ротмистровъ Дорбскаго и Борыяла. Еще ближе къ крѣпости въ долинѣ, также между турами въ шанцахъ, стояли орудія осадныя; изъ нихъ били по стѣнамъ, но сначала безъ успѣха, пока не привезли изъ Риги пушекъ большаго калибра, о чемъ сказано будетъ ниже. Отъ этихъ орудій Нѣмецкая пѣхота провела къ крѣпости траншеи и посредствомъ ихъ такъ приблизилась къ стѣнѣ, что оставалось до ней не болѣе 15 саженъ. Отсюда она много вредила осажденнымъ, которые не смѣли даже показаться изъ-за стѣнъ, и неоднократно подкапывалась подъ крѣпость, о чемъ упомяну ниже. Всею Нѣмецкою пѣхотою въ шанцахъ начальствовалъ панъ Вайеръ; сверхъ того тамъ было 500 королевскихъ Венгровъ съ Граевскимъ и 200 Мазуровъ. Съ другой стороны къ сѣверу отъ крѣпости, за Днѣпромъ, на горѣ стоялъ лагерь пановъ Потоцкихъ, въ которомъ было болѣе 2000 всадниковъ. Бдительная стража охраняла этотъ лагерь. Предъ нимъ, противъ крѣпости, за Днѣпромъ, на пепелищѣ городскаго посада, устроены были шанцы Литовскаго маршалка Дорогостайскаго. У него было 700 человѣкъ пѣхоты и 6 орудій; изъ нихъ стрѣляли въ крѣпость чрезъ стѣну: ибо гора, на которой, какъ я выше сказалъ, стоитъ замокъ, склоняется къ Днѣпру такъ, что изъ-за рѣки можно было пересчитать въ крѣпости всѣ домы. Однажды, среди бѣлаго дня шесть Москвитянъ, переправясь чрезъ Днѣпръ въ лодкѣ, пѣшіе осмѣлились ворваться въ шанцы Дорогостайскаго и, схвативъ знамя, возвратились въ крѣпость невредимы. Это знамя принадлежало старостѣ Сандецкому Любомирскому. Съ

1609. третьей стороны, на востокъ, гдѣ былъ станъ королевскій, вверхъ по Днѣпру, при монастырѣ св. Духа, расположились казаки; ихъ считалось до 10.000; иногда же болѣе, а иногда менѣе, смотря потому, сколько ихъ отправлялось за съѣстными припасами. Гетманомъ у нихъ былъ казакъ дѣятельный, по имени Зборовскій, такъ названный отъ мѣстечка Зборова. Съ четвертой стороны крѣпости, на полдень, по горамъ и долинамъ (которыхъ весьма много какъ въ самой крѣпости, такъ и въ окрестностяхъ ея), стояла сильная стража изъ королевскаго стана, безсмѣнно днемъ и ночью, имѣя сообщеніе съ стражею казацкою.

Октября 12. Чрезъ двѣ недѣли по прибытіи войска къ Смоленску, приготовивъ петарду и всѣ потребные для того припасы, король рѣшился испытать счастія въ приступѣ. Дѣло могло кончиться безъ дальняго отлагательства; но отъ безпорядка и оплошности нашихъ, Господь Богъ не благословилъ этого предпріятія: петарда, совершивъ свое дѣйствіе, отворила ворота; наши въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ ворвались было въ крѣпость съ кавалеромъ Новодворскимъ, который управлялъ дѣйствіями петардъ, и уже встревоженные Москвитяне бросились толпами со стѣнъ и изъ домовъ въ церковь, тѣснясь въ безпорядкѣ; но нашимъ не было подкрѣпленія; враги обратились назадъ и вытѣснили ихъ изъ крѣпости. Наши начальники, опасаясь измѣны, если предпріятіе будетъ всѣмъ извѣстно преждевременно, не хотѣли предувѣдомить даже тѣхъ полковниковъ, которые начальствовали пѣхотою. Говорятъ, что измѣнилъ Венгерецъ Марекъ, капитанъ королевской пѣхоты: онъ не пошелъ въ проломъ, потому ли, что не имѣлъ духа, или по согласію съ непріятелемъ. Въ эту ночь всю пѣхоту вывели на другую сторону замка, чтобы крикомъ и шумомъ обратить на нее вниманіе Москвитянъ; оно такъ и случилось, да въ проломъ некому было итти, и мы, потерявъ нѣсколько своихъ, ни съ чѣмъ возвратились въ лагерь, когда уже разсвѣтало. Москвитяне между тѣмъ взяли свои мѣры: заваливъ всѣ ворота каменьями и пескомъ, предъ каждыми изъ нихъ устро-

или палисады изъ срубовъ, наполненныхъ также пескомъ и ка- 1609.
меньями, и приставили къ нимъ многочисленную стражу.

Въ съѣстныхъ припасахъ намъ не было недостатка; непріятель насъ не безпокоилъ, имѣя довольно дѣло съ Царикомъ подъ Москвою. Деревни въ окрестностяхъ Смоленска, миль на 18, на 20 и далѣе отъ города, были заняты товарищами, и пахолики[21] жили въ нихъ безопасно, а крестьяне возили въ лагерь съѣстные припасы. Въ тоже время панъ Гонсѣвскій, начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ до 500 всадниковъ, кромѣ казаковъ Запорожскихъ, стоялъ подъ Бѣлою, въ 18 миляхъ отъ Смоленска, и осаждалъ крѣпостцу. Великое множество Запорожцевъ находилось и въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства: считали ихъ болѣе 40.000; съ каждымъ днемъ число ихъ умножалось и едва ли не весь кошъ ихъ выступилъ изъ Запорожья. Они оказали королю большія услуги своими набѣгами на Русскія крѣпости, которыхъ множество опустошили въ короткое время, какъ то: Путивль, Черниговъ, Почепъ, Брянскъ, Козельскъ, Масальскъ, Мещерскъ, Вязму, Дорогобужъ, и многія другія.

Не далеко отъ Смоленской стѣны, при шанцахъ, стояла церковь св. Михаила Архангела, знаменитая у Москвитянъ своими чудесами. Разсказываютъ, что при Іоаннѣ Мучителѣ куполъ на ней былъ золотой. Во время перваго вторженія Баторія въ Московскую землю, царь, моля св. Михаила о побѣдѣ надъ королемъ, далъ обѣтъ; но какъ дѣло кончилось не по его желанію, то разгнѣвавшись на эту церковь, велѣлъ обобрать всѣ ея украшенія и богатства, а куполъ сбить изъ пушекъ, и наложилъ на нее опалу, въ которой и доселѣ она находится.[22]

Вообще относительно вѣры Московская чернь погружена въ грубое невѣжество. Когда король подступилъ къ Смоленску, окрестные жители бѣжали въ лѣса съ домашнимъ скотомъ и образами, на которые полагали всю надежду. Но какъ наши, отыскивая въ лѣсахъ съѣстные припасы, настигли тамъ Русскихъ и отняли у нихъ скотъ, то они, разгнѣвавшись на свои образа, повѣсили ихъ для позора на деревьяхъ вверхъ ногами, приговаривая:

1609. «мы вамъ молимся, а вы отъ Литвы насъ не оборонили». Еще случай: у одного крестьянина воръ ночью увелъ вола изъ хлѣва; крестьянинъ сорвалъ образъ со стѣны и выбросилъ его въ окно прямо въ навозъ, сказавъ: «я тебѣ молюся, а ты меня отъ воровъ не охраняешь». Въ случаѣ же убѣдительной просьбы, Русскіе молятъ не ради Бога или Христа Спасителя, но ради Николы.[23]

Обложивъ крѣпость, король рѣшился взять ее приступомъ, и какъ петарды были безполезны, потому, что Москвитяне всѣ ворота укрѣпили, то велѣно приготовить до 80 лѣстницъ, такой ширины, чтобы пять и шесть человѣкъ могли всходить рядомъ, а длиною, какъ самыя высокія въ лѣсу деревья. Устроены были подвижные подъемы, наподобіе висѣлицъ, которыми войско, шедшее на приступъ, катило лѣстницы предъ собою, укрѣпивъ ихъ срединою къ перекладинѣ подъема. Посредствомъ сихъ-то лѣстницъ наконецъ взятъ былъ Смоленскъ. Не пренебрегали и подкопами; нѣсколько разъ пытались провести ихъ въ разныхъ мѣстахъ отъ лагеря подъ стѣны, въ надеждѣ, что не тотъ, такъ другой будетъ имѣть успѣхъ; но Москвитяне были осторожны; ни одинъ подкопъ не могъ утаиться отъ нихъ: ибо Смоленскія стѣны выведены опытнымъ инженеромъ такъ искусно, что при нихъ подъ землею находятся тайные ходы, гдѣ все слышно, куда ни проводили подкопы. Пользуясь ими, Москвитяне подрывались изъ крѣпости подъ основаніе стѣнъ и либо встрѣчались съ нашими, либо подводили мины подъ наши подкопы, и взорвавъ ихъ порохомъ, работы истребляли, а людей заваливали и душили землею, такъ что мы иногда откапывали своихъ дня чрезъ три и четыре. Отъ того подкопы наши долго оставались безъ дѣйствія. Изъ легкихъ орудій также трудно было сдѣлать въ стѣнѣ проломъ, пока не привезли изъ Риги пушекъ большаго калибра; но это случилось уже безъ меня, и потому предоставляю описаніе осады тѣмъ, которые тамъ оставались. Впрочемъ уже въ послѣдствіи и подкопы были удачны, когда повели ихъ къ тому мѣсту, куда били орудія, и гдѣ Москвитяне уже не могли подслушивать. Въ семъ-

то мѣстѣ, во время штурма взорвало порохомъ не малую часть 1609.
стѣны, и засыпало внутри крѣпости ровъ, который провели Москвитяне, не довѣряя стѣнамъ и опасаясь ихъ паденія отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Ровъ заровняло и нашимъ весьма легко было пройти въ крѣпость.[24]

Послѣ новаго года въ январѣ мѣсяцѣ, король отправилъ изъ Смоленскаго лагеря подъ столицу послами къ войску Царикову пана Стадницкаго Лескаго, каштеляна Перемышльскаго, пана Скумина, старосту Брацлавскаго, и пана Андрея Казановскаго. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою роту; сверхъ того имъ дано еще нѣсколько другихъ ротъ, такъ что съ послами было до 800 всадниковъ. Въ то время Царикъ стоялъ лагеремъ въ Тушинѣ, въ одной милѣ отъ столицы, съ многочисленнымъ войскомъ коронным, привлеченнымъ славою перваго, вѣнчаннаго Димитрія и служившему ему въ долгъ. Лагерь его былъ весьма хорошо укрѣпленъ самою природою; съ двухъ сторонъ протекали рѣки; а на пространствѣ между ними были проведены высокіе валы и глубокіе рвы, такъ, что лагерь считали неприступнѣе самой столицы.[25] Говоря о Царикѣ, считаю неизлишнимъ сказать, откуда онъ взялся и какимъ образомъ явился.

По злодѣйскомъ умерщвленіи въ 1606 году перваго царя Димитрія, мужа Марины дочери воеводы Сендомирскаго, о чемъ я кратко упомянулъ въ своемъ мѣстѣ и въ послѣдствіи разскажу подробнѣе, Мѣховецкій, бывшій у царя не въ послѣдней чести, нашелъ въ 1607 году одного Москаля, тѣлосложеніемъ похожаго на покойника, рѣшился его возвысить, и сталъ разглашать въ народѣ, что Димитрій ушелъ отъ убійственныхъ рукъ Москвитянъ, тѣми же средствами, коими еще въ младенчествѣ спасся отъ Годунова;[26] но какъ этотъ Царикъ былъ мужикъ грубый, обычаевъ гадкихъ, въ разговорахъ сквернословный, то Мѣховецкій для своихъ выгодъ училъ его вѣжливости и нашимъ обыкновеніямъ по примѣру перваго Димитрія, болѣе учтиваго и свѣтскаго. Безъ насъ обойтись однако было нельзя: почему име-

1610. немъ Царика разсылая письма къ кому хотѣлъ, Мѣховецкій набиралъ войско, обѣщая по 70 злотыхъ на коня гусарскаго и по 50 на казацкаго. Для большаго удостовѣренія людей въ истинѣ своихъ словъ, Мѣховецкій, зная всѣ тайны покойнаго, зная, кому и что онъ повѣрялъ изустно и письменно, присовѣтовалъ Царику написать письма къ пану воеводѣ Краковскому и припомнить ему какъ изустныя условія, такъ и письменныя обѣщанія. Подобными средствами, во имя перваго Димитрія, Царикъ привлекъ къ себѣ множество народа, тѣмъ скорѣе, что въ республикѣ войско было безъ дѣла: оно радовалось случаю и весьма охотно шло на войну, какъ на медъ.

Прежде всѣхъ явился къ нему князь Романъ Рожинскій. Послѣ побѣды, выигранной въ 1606 году въ присутствіи Короля надъ рокошанами подъ Гузовымъ, князь около полугода оставался безъ дѣла; когда же войско изъ подъ Завихоста частію разошлось по квартирамъ, частію отправилось въ Валахію, Рожинскій, собравъ до 1000 всадниковъ, прибылъ къ Царику, который стоялъ въ Орлѣ на границѣ, ожидая нашихъ. Туда же, послѣ Гродненской конфедераціи, отправился панъ Андрей Млоцкій съ нѣсколькими сотнями всадниковъ. За ними шло все, что жило. Вскорѣ явились у Царика панъ Янъ Сапѣга староста Усвятскій съ нѣсколькими тысячами всадниковъ; панъ Александръ Зборовскій съ 500 гусаръ; панъ Веламовскій, избранный товарищами въ полковники съ 700 всадниковъ; далѣе съ своими отрядами Руцкій, Орылковской, Копычинскій и весьма многіе другіе, которыхъ именъ для краткости не упоминаю.

Не миновало и года, когда Царикъ, двинувшись прямо къ Москвѣ, укрѣпилъ свой лагерь въ Тушинѣ, и пресѣкъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ столицѣ; отряды же свои разослалъ въ разныя мѣста, приказавъ осаждать города, не сдававшіеся добровольно, и брать ихъ силою. Такимъ образомъ Польское войско, служившее Царику, расположилось въ Московской землѣ семью лагерями; считали въ немъ 40,000 однихъ копѣйщиковъ, кромѣ казаковъ Запорожскихъ, которыхъ было еще болѣе: они находи-

лись въ каждомъ лагерѣ и сверхъ того, дѣйствуя особо въ раз- 1610.
ныхъ мѣстахъ, гдѣ кому вздумалось, разсыпались по всей Московской землѣ, какъ муравьи. Было ихъ вдвое болѣе войска Польскаго. Москвитяне толпами стремились къ Царику, одни изъ преданности, считая его своимъ государемъ, другіе изъ ненависти къ Шуйскому, а третьи для своеволія. Было ихъ въ Тушинскомъ лагерѣ отъ 200 до 300 тысячъ. Заруцкій, родомъ Волынецъ, по взятіи Подолья Татарами прибывшій въ Россію, гдѣ прославился своею храбростію, также пришелъ къ Царику, и получивъ отъ него значительный отрядъ Москвитянъ, оказалъ ему важныя услуги.

Послѣ того Русскія крѣпости начали ему сдаваться, однѣ потому, что видѣли его силу и могущество, а другія потому, что въ заблужденіи считали его истиннымъ Димитріемъ; и уже вся Московская земля ему покорилась, исключая немногихъ главныхъ городовъ, а именно Смоленска, Пскова, Великаго-Новагорода и самой Москвы. Но всѣ думные бояре постоянно были при царѣ своемъ Василіи Шуйскомъ въ столицѣ, кромѣ тѣхъ только, которые не пользовались милостію Шуйскаго, или передавались къ Царику, по убѣжденію въ его царскомъ родѣ.

Василій Шуйскій, видя, сколь силенъ Царикъ Польскимъ войскомъ, и бывъ тѣснимъ со всѣхъ сторонъ, подозрѣвалъ, что Поляки поддерживали врага его по интригамъ королевскимъ, и опасался, чтобы самъ король, имѣя въ Московской землѣ готовое войско, не пошелъ на него войною. Предупреждая разрывъ, Шуйскій выпустилъ изъ неволи всѣхъ Поляковъ и Полекъ, плѣненныхъ во время бунта; въ числѣ ихъ освободили и царицу. Узнавъ о томъ, Царикъ отправилъ за ними сильный отрядъ, чтобы воротить царицу съ отцомъ ея, воеводою Сендомирскимъ, въ лагерь. Хотя же Марина и увидѣла въ немъ не перваго супруга своего, но должна была таить открытіе для удержанія при немъ Москвитянъ. Чтобы пріобрѣсть еще болѣе силы и вліянія на столицу, Царикъ распустилъ молву, что царица признала его своимъ мужемъ, тайно

1610. сочетался съ нею бракомъ[27] и жилъ какъ съ женою. Нашихъ никто не тревожилъ по всей землѣ на 100 миль кругомъ отъ лагеря; пахолики и товарищи жили безопасно на квартирахъ, доставляя въ лагерь деньги и съѣстные припасы. Царикъ достигъ бы своей цѣли, еслибы не двинулся на Россію самъ король.

Возвращаюсь къ дѣлу. По прибытіи королевскихъ пословъ къ войску въ Тушино, Царикъ, опасаясь, чтобы наши не передались къ своему государю и чтобы его самого не выдали въ руки королю, бросилъ жену и бѣжалъ ночью въ Калугу, только съ немногими всадниками, въ надеждѣ, что всѣ приверженцы за нимъ послѣдуютъ. Калуга, замокъ укрѣпленный и городъ, лежитъ на предѣлахъ княжества Сѣверскаго въ 30 миляхъ отъ столицы. На другой день по тайномъ отъѣздѣ Царика въ Калугу, сдѣлалась тревога въ Тушинскомъ лагерѣ; не знали, куда онъ дѣвался; одни жалѣли объ немъ, а другіе радовались, и не соглашаясь, на что рѣшиться, разошлись кто куда хотѣлъ: одни къ королю, другіе къ Царику. Къ королю отправились: князь Романъ Рожинскій, главный гетманъ Царикова войска; панъ Александръ Зборовскій, выбранный преданнымъ королю войскомъ въ полковники, съ четырьмя ротмистрами своей хоругви, изъ коихъ каждый имѣлъ по нѣскольку сотъ всадниковъ; панъ Андрей Млоцкій, Семенъ Копычинскій, Бобовскій, Марховскій, Бонкъ, Ланцкоронскій, Веламовскій, Рудзинскій: каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку сотъ гусаръ; казацкія роты Рудницкаго, Котовскаго, Ошаньскаго. Къ Царику пошелъ Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, бывшій у него вторымъ гетманомъ по Рожинскомъ; къ Сапѣгѣ присоединилось немного хорошаго войска, все сбродъ; шляхты мало; только была она въ гусарскихъ хоругвяхъ, коихъ считалось также немного, а именно: двѣ хоругви самого пана Сапѣги, хоругви Каминскаго, Будзилова, Стравинскаго и Таляфусова. За то казаковъ было безъ числа. Сіи-то войска перешли къ Царику, который, снова усилившись, подступилъ къ столицѣ, въ одно время съ королевскимъ войскомъ. Объ этомъ скажемъ послѣ. Москвитяне, бывшіе при немъ въ Ту-

шинѣ, обратились къ королю; но всѣ бояре и знатнѣйшіе люди, 1610.
Заруцкій, царь Касимовскій, съ частію казаковъ передались къ Царику; другіе же разбрелись, кто куда могъ.

Послы королевскіе, выступивъ въ походъ, съ тѣмъ войскомъ, которое отправилось къ королю, остановились на половинѣ дороги отъ столицы къ Смоленску на урочищѣ подъ Шуйскимъ.[28] Войско соглашалось служить королю на такомъ условіи: если Господь Богъ благословитъ королевское оружіе и предастъ въ руки его величества государство Московское, то за все время службы Царику именно за 29 четвертей года, оно получитъ по 70 злотыхъ за каждую четверть на всадника изъ помѣстьевъ Московскихъ; если же счастіе не будетъ благопріятно, король обязался заплатить по 70 злотыхъ на всадника за каждые двѣ четверти службы Царику изъ собственной казны; сверхъ того обѣщалъ дать въ награду 40,000 злотыхъ обезпечивъ эту сумму залогомъ, который тогда же былъ врученъ войску.

Жители Москвы радовались, узнавъ о раздѣленіи Царикова войска. Тогдашній царь Московскій Василій Шуйскій, собравъ сколько могъ ратныхъ людей, а именно: 8.000 наемныхъ Нѣмцевъ, 18.000 дѣтей боярскихъ,[29] 24.000 Донскихъ казаковъ, и назначивъ гетманомъ надъ ними брата своего Дмитрія Шуйскаго, велѣлъ ему напасть на разсѣянныхъ враговъ и, отбивъ короля отъ Смоленска, освободить городъ. Дмитрій Шуйскій отправилъ нѣсколько сотъ Нѣмцевъ на поискъ, чтобы овладѣть Бѣлою; но Нѣмцы, ничего не сдѣлавъ, отошли прочь отъ крѣпости.

Король, угадавъ всѣ замыслы непріятельскіе, по совѣту бдительнаго и предпріимчиваго Гетмана,[30] рѣшился, не ожидая враговъ, послать противъ нихъ войско, чтобы разстроить ихъ намѣренія. Тоже совѣтовали и Москвитяне, пришедшіе къ королю изъ Тушина; въ числѣ ихъ былъ знатный вельможа Салтыковъ съ сыномъ: они просили короля возвести на престолъ Московскій королевича Владислава и убѣждали отправить къ столицѣ войско, увѣряя, что при появленіи онаго, крѣпости сдадутся и Москва

1610. охотно покорится королевичу Владиславу. И такъ рѣшено было отправить войско. Въ то самое время возникъ споръ между паномъ гетманомъ и панами Потоцкими, кому итти противъ непріятеля. Король хотѣлъ, чтобы выступили Потоцкіе съ своимъ полкомъ, а гетмана желалъ оставить при себѣ подъ Смоленскомъ. Но Потоцкіе, помышляя только о собственной славѣ, и надѣясь присвоить себѣ честь покоренія Смоленска, который скоро долженъ былъ сдаться, не хотѣли выступить въ поле, и чтобы найти предлогъ къ неповиновенію, возмутили товарищество: они оправдывались непослушаніемъ войска. Панъ гетманъ, видя ихъ притворство, и зная, сколь необходимъ былъ предназначенный походъ, вопреки обыкновенію и приличію, оставилъ обозъ и короля подъ Смоленскомъ, а самъ отправился въ поле съ своимъ полкомъ и съ полкомъ пана Струся.

Число обоихъ полковъ было слѣдующее: въ хоругви пана гетмана 170 всадниковъ; въ хоругви князя Порыцкаго 130; въ хоругви пана Даниловича, воеводы Русскаго 100; въ хоругви пана Балабанова 130, въ хоругви пана Олизарова 100; въ хоругви пана Малыньскаго 100; въ хоругви пана Струся 200; въ хоругви пана Калиновскаго, старосты Брацлавскаго 100; въ казацкой хоругви пана Хвалибогова 100. Къ отряду должно причислить и то войско, которое отправилось впередъ съ послами и присоединилось къ намъ подъ Шуйскимъ, а именно: въ хоругви пановъ Перемышльскаго и Стадницкаго 100 всадниковъ, въ хоругви пана Казановскаго 100, въ хоругви пана Фирлея 100, въ хоругви пана Гоздзиковскаго 100, въ хоругви пана Скумина старосты Брацлавскаго 100, въ хоругви пана Сподвиловскаго 100, въ хоругви князя Збаражскаго короннаго конюшаго 100.[31] Съ симъ войскомъ панъ гетманъ выступилъ изъ подъ Смоленска 8 іюня, за недѣлю до Троицына дня. Оставивъ прямую дорогу, онъ поворотилъ къ Бѣлой, думая найти Нѣмцевъ, служившихъ непріятелю; но тамъ ихъ не было,[32] и мы направили путь къ Москвѣ.

Не умолчу здѣсь о слѣдующемъ случаѣ: прежде выступленія

пана гетмана изъ подъ Смоленска, отправлено было изъ всего 1610.
войска въ деревни за съѣстными припасами 1800 пахоликовъ; а для большаго порядка послано съ ними по два товарища изъ роты: они дошли до Брянска, забрали тамъ скотъ и на возвратномъ пути подступили подъ Рославль, городъ обнесенный стѣною, съ деревяннымъ замкомъ, имѣвшій много пушекъ и немало людей для защиты. Пахолики, подстрекаемые добычею, спѣшились, и предводимые полковниками своими Павломъ Стрыеньскимъ и Ѳомою Надольскимъ, товарищами изъ роты региментаря моего князя Порыцкаго, немедленно овладѣли городомъ и, ограбивъ его, сожгли. Знатнѣйшіе изъ Москвитянъ заперлись въ замкѣ, и не желая сдаться пахоликамъ, отправили къ королю просьбу прислать кого либо для принятія отъ нихъ замка. Король, отдавъ Рославль въ староство князю Порыцкому, поручилъ ему принять его отъ Русскихъ. Городъ лежитъ отъ Смоленска въ 18 миляхъ, отъ Мстиславля въ 8. Отправясь съ хоругвію подъ начальствомъ ротмистра къ почтенному Рославлю, мы шли лѣсами и болотами, гдѣ едва ли когда птица пролетала и гдѣ пало у насъ много коней, измученныхъ мошками и мелкими насѣкомыми, которыхъ водится въ сихъ мѣстахъ многое множество. Переправясь чрезъ двѣ рѣки вплавь, мы достигли Рославля; но противъ чаянія, нашли не великую поживу и за трудъ не получили награды. Впрочемъ князь, принявъ отъ Русскихъ крѣпость, привелъ ихъ къ присягѣ; а начальникомъ города оставилъ Ѳому Надольскаго, котораго Москвитяне въ послѣдствіи за своевольство посадили на колъ. Сами же мы возвратились подъ Смоленскъ. Обращаюсь къ главному дѣлу.

22 іюня. Выступивъ изъ Бѣлой къ столицѣ, мы встрѣтили войско, шедшее къ королю изъ Тушина, и отряды, бывшіе съ нашими послами; они стояли лагеремъ подъ Шуйскимъ, въ 4 миляхъ отъ Царева-Займища. Тутъ панъ гетманъ получилъ извѣстіе о вновь прибывшемъ къ Цареву-Займищу непріятельскомъ войскѣ. Великій гетманъ силъ Московскихъ Дмитрій Шуйскій

1610. отрядилъ впередъ 8.000 отборныхъ войскъ съ Григоріемъ Валуевымъ,[33] для построенія при Царевѣ-Займищѣ на выгодномъ мѣстѣ *городка*, чтобы насъ безпокоить и пресѣкать намъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Вывѣдавъ замыслы непріятелей, панъ гетманъ рѣшился напасть на нихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ приготовить укрѣпленіе и соединиться; для сего желалъ употребить новыя войска, перешедшія къ королю отъ Царика; но они, по обыкновенію, начали торговаться, уперлись на выгодныхъ условіяхъ и не хотѣли итти съ гетманомъ, пока не получатъ его согласія на свое предложеніе.[34] Панъ гетманъ, не желая мѣшкать съ ними, двинулся впередъ одинъ, присоединивъ къ себѣ только отрядъ, бывшій съ послами.

Въ слѣдующій день, 24 іюня, подступивъ къ непріятелю, мы нашли его уже укрѣпленнымъ при Царевѣ-Займищѣ. Съ трудомъ прогнавъ Русскихъ отъ плотины, загораживавшихъ намъ путь, мы переправились на ихъ сторону, и на лугу въ прекрасной равнинѣ долго сражались съ ними подъ ихъ острожкомъ; счастіе колебалось то на ту, то на другую сторону; Москали много вредили намъ ружейною пальбою изъ башень, которыя успѣли уже построить; но по милости Божіей, побѣды не одержали и принуждены были отступить до своего рва. Тутъ мы потеряли пана Мартина Вайера и казацкаго ротмистра Сподвиловскаго. На другой день присоединились къ намъ тѣ войска, которыя наканунѣ торговались: они увидѣли, что ихъ уже не просятъ.

Панъ гетманъ, миновавъ непріятельскія укрѣпленія, расположился лагеремъ на большой Московской дорогѣ; спереди разставилъ сильную стражу, которая бодрствовала днемъ, тѣмъ болѣе ночью, изъ пѣхоты и казаковъ; окружилъ ихъ малыми острожками и велѣлъ имъ не допускать къ Москвитянамъ съѣстныхъ припасовъ и пороха, такъ что никто не могъ ни войти въ крѣпость, ни выдти изъ ней. Укрѣпленіе Москвитянъ съ двухъ сторонъ прилегало къ лѣсу, въ углу коего было устроено, съ третьей къ болоту, съ четвертой къ равнинѣ, гдѣ прорыты были глубокіе рвы, окру-

жавшіе ее и со стороны лѣса. Наши, пользуясь этимъ лѣсомъ, повели свои острожки подъ бокъ непріятеля, такъ, что онъ не могъ вредить намъ. Начальникомъ острожковъ былъ Руцкій, шишъ. Враги часто дѣлали вылазки; но мало вредили намъ; между тѣмъ главное войско Московское къ намъ приблизилось. Лазутчики увѣдомили пана гетмана о движеніи и числѣ его. Нашихъ едва было 3000 человѣкъ; а Москвитяне имѣли болѣе 50.000 способныхъ къ бою, кромѣ 20.000 воруженныхъ холопей, возившихъ за войскомъ рогатки для укрѣпленія лагеря; сверхъ того при Валуевѣ находилось 8000 человѣкъ, которыхъ мы держали въ осадѣ. Вѣсти смѣнялись вѣстями, и ни одной не было для насъ утѣшительной. Войско безпокоилось, наиболѣе отъ того, что не имѣло удобнаго мѣста къ сраженію, ибо лагерь нашъ находился между великими лѣсами, а въ тылу стоялъ укрѣпленный непріятель. Склонить врага къ миру казалось очевидною невозможностію; уйти нельзя было и думать; одинъ Господь могъ даровать намъ побѣду. Панъ гетманъ обыкновенно подсылалъ къ Москвитянамъ, чтобы добыть языка: привели четырехъ Нѣмцевъ, которые объявили, что нарочно передались къ намъ, и увѣдомили подробно о всѣхъ намѣреніяхъ непріятеля. 1610.

Въ слѣдствіе сего собранные паномъ гетманомъ для совѣта полковники и ротмистры постановили предупредить непріятеля. Москвитяне думали напасть на насъ завтра, а мы рѣшились ударить на нихъ сегодня. Они стояли отъ насъ только въ 4 миляхъ. Ротамъ велѣно тайно готовиться къ дѣлу и взять съ собою съѣстныхъ припасовъ на два дня. Все дѣлалось скрытно, для того, чтобы непріятель, бывшій въ острожкѣ насъ не подстерегъ и не узналъ о нашемъ удаленіи: ибо въ такомъ случаѣ напавъ на нашъ обозъ, гдѣ оставалось мало нашихъ, онъ на вѣрное успѣлъ бы имъ овладѣть. И такъ, съ Божіею помощію, за часъ предъ вечеромъ въ субботу, мы сѣли на коней и весьма тихо выступили изъ лагеря, оставивъ въ немъ двѣ роты, въ которыхъ

1610. считалось 700 всадниковъ, а именно: роту старосты Брацлавскаго Калиновскаго и роту Бобовскаго; сверхъ того 4000 Запорожскихъ казаковъ и 200 человѣкъ пѣхоты. Съ гетманомъ едва было 2500 воиновъ конныхъ и 200 пѣшихъ, съ 2 полевыми орудіями, въ четыре лошади каждая. Повозокъ съ нами не было никакихъ, кромѣ гетманской кареты.

Мы шли всю ночь и на разсвѣтѣ 4 іюля неожиданно явились предъ непріятелемъ. Задніе полки наши далеко отстали за пушками, увязшими въ болотѣ на узкой лѣсной дорогѣ, такъ, что обойти ихъ было трудно. Гетманъ, поджидая отставшихъ и не смѣя напасть на обширный непріятельскій лагерь, послалъ къ заднимъ полкамъ нарочнаго съ повелѣніемъ поспѣшить прибытіемъ, а самъ между тѣмъ устроивъ войско, приказалъ зажечь деревню, близъ которой расположились Москвитяне, и ударить въ барабаны съ трубнымъ звукомъ. Битва происходила подъ Клушинымъ.

Враги, встревоженные неожиданнымъ появленіемъ войска, спѣшили выступить изъ лагерей: Москвитяне изъ своего, обнесеннаго рогатками, а Нѣмцы изъ своего, расположеннаго отдѣльно и обставленнаго только возами. Тѣ и другіе выпадали безъ всякаго порядка, по пословицѣ: сѣдлай порты, давай коня.[35] Нѣмцы первые вступили въ дѣло, съ обыкновенными хитростями ставъ за болотами, за плетнями, въ густомъ лѣсу; пѣшіе мушкетеры ихъ, подкрѣпляемые копѣйщиками, много вредили намъ. Москвитяне, не надѣясь на свои силы, также размѣстили по своимъ отрядамъ Нѣмецкихъ рейтаровъ и вмѣстѣ съ ними приготовились къ бою. Страшно было взглянуть на эту тьму несмѣтную, при нашемъ малолюдствѣ!

Гетманъ, напомнивъ каждому о славѣ безсмертной, приказалъ двинуться на враговъ; между тѣмъ священники, разъѣзжая по полкамъ, благословляли воиновъ. И такъ, во имя Божіе, сперва нѣсколько ротъ вступили въ дѣло; за ними другія, наконецъ по порядку и прочія. Но пусть тотъ разскажетъ подробности сра-

женія, кто только смотрѣлъ на него; а мнѣ было жарко подъ 1610.
хоругвію Князя Порыцкаго: я отбивался отъ враговъ, какъ отъ мухъ.[36] Да и всѣмъ намъ досталось перевѣдаться съ непріятелемъ до упаду. Скажу только, что кромѣ роты пана Мартина Казановскаго, оставленной гетманомъ въ резервѣ, прочимъ случалось по 8 и 10 разъ схватываться съ непріятелемъ. Дѣло невѣроятное, но истинное! Гетманъ стоялъ на возвышеніи; видя, что наши какъ бы впали въ бездну адскую и сокрытые врагами, изрѣдка показывались съ хоругвію, которая взвиваясь, призывала къ бою, онъ терялъ уже надежду на успѣхъ, и какъ второй Моисей, поднявъ руки къ небу, непрестанно молилъ о побѣдѣ. Все упованіе мы возлагали на благость Всевышняго и только онъ, по милосердію своему къ Польскому народу, даровалъ намъ побѣду.

Въ многократныхъ схваткахъ съ непріятелемъ мы истратили военные снаряды и ослабѣли въ силахъ, (правду говоритъ пословица: и Геркулесъ множества не одолѣетъ); наши кони изнемогали, а воины, сражаясь непрестанно, отъ разсвѣта лѣтняго дня до обѣда, на вѣрное пять часовъ, потеряли и бодрость и охоту въ усиліяхъ свыше природы человѣческой. Болѣе всего ужасала насъ мысль, что мы находились среди земли непріятельской, въ виду враговъ многочисленныхъ и жестокихъ: отбиться отъ нихъ нельзя было и подумать; испросить пощаду также казалось невозможнымъ: спасеніе наше зависѣло единственно отъ Бога, счастія и оружія. Мы ободряли другъ друга надеждою, которая поддерживала наше мужество. Наконецъ и она не помогала намъ, особенно потому, что вмѣстѣ съ силою мы потеряли и необходимыя для гусаръ копья, которыми вредили непріятелю. У насъ во всемъ былъ недостатокъ, а у враговъ увеличивалась и сила и бодрость. Не взирая на то, наши по обычаю бросаются съ хоругвію на передовые ряды ихъ, съ крикомъ: *къ бою, къ бою;* но тщетно; нѣтъ ни силъ, ни снарядовъ; не видно даже ни ротмистровъ, ни полковниковъ. Вступаемъ однако къ битву и мѣшаемся, какъ въ омутѣ. Непріятель, уже замѣтивъ нашу сла-

1610. бость, приказываетъ двумъ коннымъ отрядамъ, стоявшимъ въ готовности, ударить въ насъ. Но это самое помогло намъ, и мы, по милости Всевышняго, одержали побѣду: наскочивъ на насъ, неготовыхъ къ бою, они дали залпъ, и когда по обыкновенію стали поворачивать назадъ, чтобы зарядить ружья, а другіе приближались на ихъ мѣсто съ залпомъ, мы, не давъ всѣмъ выстрѣлить, бросились на нихъ съ одними палашами въ рукахъ, такъ, что первый рядъ не успѣлъ зарядить ружей, а второй выстрѣлить; оба отряда обратили тылъ, опрокинулись на все войско Московское, стоявшее въ готовности у воротъ лагеря, смѣшали его и разстроили. Москвитяне перепугались, ударились въ бѣгство вмѣстѣ съ Нѣмцами, и бросились въ лагерь, куда на плечахъ ихъ ворвались и мы, не встрѣтивъ никакого сопротивленія: хотя у воротъ лагеря стояло нѣсколько десятковъ тысячъ стрѣльцевъ, но они, по милости Божіей, не вредили намъ. Враги, видя, что и здѣсь не могутъ найти спасенія, раздвинули рогатки и чрезъ отверстія разбѣжались изъ лагеря. Мы гнались за ними цѣлую милю и болѣе. Такимъ образомъ, по благости Всевышняго, изъ побѣжденныхъ мы стали побѣдителями.

Возвращаясь изъ погони, мы думали найти своихъ уже торжествующими побѣду; но вмѣсто того увидѣли, что во время нашего преслѣдованія оставшіеся въ лагерѣ самимъ гетманомъ Московскимъ отряды конницы, вся пѣхота, стрѣльцы и крестьяне успѣли укрѣпиться по прежнему, заложивъ всѣ выходы и разставивъ стрѣльцовъ съ 18 полевыми орудіями, которыми не допускали подойти къ себѣ. А разбѣжавшіеся по лѣсамъ снова соединились съ своими единоземцами; также заперлись въ своемъ лагерѣ Нѣмцы и рейтары, отставшіе отъ крыла, нами опрокинутаго. Впрочемъ какъ Москвитяне, такъ и Нѣмцы были въ великой тревогѣ, послѣдніе особенно отъ того, что видѣли, какъ союзники ихъ нетверды ни въ словѣ, ни въ полѣ. Раздоръ возникъ между ними: Нѣмцы хотѣли удалиться; но Понтусъ, не согласный на то, долго обуздывалъ ихъ негодованіе.

Своихъ мы застали уже собранныхъ вмѣстѣ за холмомъ въ 1610.
нѣкоторомъ разстояніи отъ Московскаго лагеря: они сошли съ коней и держали ихъ за поводья; мы также хотѣли отдохнуть послѣ столь тяжкихъ трудовъ, при бездѣйствіи непріятеля. Гетманъ, не довольствуясь одержанною побѣдою, желалъ довершить пораженіе непріятеля, нападеніемъ съ тыла на Нѣмецкій лагерь болѣе доступный, нежели Московскій. Между тѣмъ Нѣмцы начали по два и по три перебѣгать въ нашъ лагерь, извѣщая, что и всѣ единоземцы ихъ намѣрены поручить себя милости гетманской; вскорѣ прибѣжало ихъ нѣсколько десятковъ, съ тѣмъ же извѣстіемъ. Гетманъ рѣшился испытать, нельзя ли заключить съ ними условіе, въ надеждѣ одолѣть враговъ скорѣе словами, нежели саблею, и велѣлъ трубачу дать сигналъ, о желаніи своемъ вступить въ переговоры. Нѣмцы очень охотно согласились на то, и не малое число ихъ явилось въ нашъ лагерь съ увѣдомленіемъ, что одинъ только Понтусъ препятствуетъ заключенію мира.

Панъ гетманъ выслалъ къ Понтусу племянника своего пана Жолкѣвскаго короннаго обознаго и пана Борковскаго Большаго, разумѣвшихъ разные иностранные языки, съ тѣмъ, чтобы они напомнили ему неоднократную присягу никогда не воевать съ королемъ Польскимъ, и чтобы увѣрили его въ забвеніи прошедшаго и въ милости королевской, если онъ покорится его величеству. Понтусъ согласился на предложеніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякому, кто пожелаетъ, вольно было возвратиться домой; въ слѣдъ за тѣмъ далъ знать Дмитрію Шуйскому, гетману Московскому, что нѣтъ болѣе средствъ удерживать войско въ повиновеніи, и чтобы Шуйскій принялъ мѣры къ своей безопасности. Лишь только услышалъ это Московскій воевода, тотчасъ сѣлъ на коня и бросился изъ лагеря къ Москвѣ; вмѣстѣ съ нимъ поскакалъ кто могъ, а пѣхота разсыпалась по ближайшимъ лѣсамъ. Стража наша крикнула: *враги бѣгутъ;* мы пустились въ погоню и гнали ихъ мили двѣ или три, побивъ болѣе во время преслѣдованія, нежели на мѣстѣ.

1610. Возвратясь къ своимъ уже подъ вечеръ, мы нашли всѣхъ Нѣмцевъ у пана гетмана, и оба лагеря разоренными. Наши служили молебенъ и пѣли *Тебя Бога хвалимъ*, въ благодарность за столь великую и неизрѣченную милость Всевышняго. Послѣ того панъ гетманъ велѣлъ тѣла убіенныхъ воиновъ собрать въ одно мѣсто и похоронить, а знатнѣйшихъ и товарищей взять съ собою; раненныхъ же положить частію въ карету, частію на носилки, укрѣпленныя между двумя лошадьми, и отправить за собою въ лагерь. Давъ немного отдохнуть конямъ и ни чего не перекусивъ, на закатѣ солнца мы возвратились вмѣстѣ съ Нѣмцами къ своему обозу, находившемуся въ 4 миляхъ отъ мѣста сраженія.

Москвитяне, находившіеся въ острогѣ съ Валуевымъ, ничего не знали о нашемъ отступленіи; иначе если бы они свѣдали, то на вѣрное напали бы на насъ, какъ послѣ того сами говорили. Намъ велѣно, не слѣзая съ коней, немедленно овладѣть острогомъ. Москвитяне оборонялись упорно и не хотѣли слышать, когда мы говорили, что войско ихъ уже разбито, что выручить ихъ некому и что имъ остается положить оружіе. Но какъ скоро Нѣмцы, по приказанію гетмана, подступили къ острогу, унывіе овладѣло врагами: они стали просить о заключеніи перемирія въ слѣдующее утро. Переговоры тянулись нѣсколько дней; наконецъ въ пятницу Валуевъ съ 400 всадниковъ пріѣхалъ къ шатрамъ гетманскимъ: всѣ они присягнули королевичу Владиславу; а къ ночи возвратились въ свой лагерь.

На другой день панъ гетманъ, сопровождаемый тысячнымъ отрядомъ коннаго рыцарства, пріѣхалъ къ острогу: Москвитяне выходили изъ него полками и всѣ до самаго послѣдняго присягали въ вѣрности. Для принятія присягъ, панъ гетманъ назначилъ Руцкаго шиша, Бобовскаго, Добромирскаго и меня четвертаго. Не мѣшкая долго въ семъ мѣстѣ, мы двинулись къ столицѣ: всѣ присягнувшіе Москвитяне и Нѣмцы были съ нами. Но едва мы отошли нѣсколько миль, какъ прибѣжали изъ Москвы къ пану

гетману Русскіе съ извѣстіемъ, что тамъ царя Василія Шуйскаго 1610.
постригли въ монахи, родныхъ же братьевъ его Дмитрія и Ивана содержатъ подъ стражею, а насъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, желая возвести на царство королевича Владислава.[37]

12 іюля мы пришли подъ Можайскъ. Измѣнникъ Волчекъ сдалъ было городъ Русскимъ, и самъ уѣхалъ въ Москву; насъ приняли ласково; попы вышли на встрѣчу по обыкновенію съ образами, съ хлѣбомъ и солью. Тутъ мы пробыли цѣлую недѣлю; между тѣмъ ежедневно являлись изъ столицы Москвитяне съ свѣжими вѣстями, что тамъ насъ ждутъ нетерпѣливо. Гетманъ, однако подвигаясь медленно, не прежде 22 іюля прибылъ къ столицѣ, и въ одной милѣ отъ нея расположился лагеремъ.

Между тѣмъ, Самозванецъ, бывшій въ Калугѣ, узнавъ о нашей побѣдѣ и о постриженіи Шуйскаго, поспѣшилъ также къ Москвѣ, и ставъ лагеремъ съ другой стороны, въ одной милѣ отъ столицы, вмѣстѣ съ Яномъ Сапѣгою старостою Усвятскимъ, произвелъ между Русскими несогласіе: чернь желала возвести его на престолъ, а бояре хотѣли королевича.

Въ слѣдующій день прибыли изъ Москвы къ пану гетману бояре, съ просьбою отъ имени старшихъ бояръ, дозволить торговцамъ пріѣзжать въ нашъ лагерь съ товарами и съѣстными припасами: намъ того и надобно было. Съ тѣхъ поръ мы имѣли всего вдоволь, да и сами уже могли ходить въ столицу для своихъ потребностей. Съ Царикомъ же у насъ всегда бывали драки.

Послѣ продолжительныхъ споровъ въ столицѣ, чернь должна была наконецъ уступить боярамъ: Москвитяне согласились признать королевича Владислава царемъ на извѣстныхъ условіяхъ, изъ коихъ главнѣйшія были слѣдующія: 1) Русская вѣра остается неприкосновенною и ни въ чемъ неизмѣнною. 2) Королевичъ долженъ немедленно принять ее; другія же вѣроисповѣданія не дозволитъ вводить въ Россію. Касательно этого условія панъ гетманъ объявилъ, что государь молодой, ко всему склонный

1610. приметъ Русскую вѣру, когда Господь Богъ внушитъ ему мысль, а Москвитяне докажутъ ему свою преданность, любовь и искренность. Съ такимъ мнѣніемъ Русскіе согласились. 3) Царикъ будетъ истребленъ соединенными силами. Были и другія условія, которыя я опускаю, упомянувъ только о главнѣйшихъ.[38]

Въ то же время Заруцкій, который пріѣхалъ было къ королю подъ Смоленскъ съ царемъ Касимовскимъ, досадуя на пана гетмана, поручившаго полкъ преданныхъ королевичу Москвитянъ не ему, а Салтыкову младшему, человѣку знатнаго рода, бѣжалъ отъ насъ среди бѣлаго дня къ Царику; въ слѣдъ за нимъ, съ позволенія гетмана, отправился и царь Касимовскій, коего сынъ находился при Самозванцѣ.

Августа 5. Бояре, согласившись съ нами въ условіяхъ, назначили день и мѣсто для принесенія присяги королевичу: на половинѣ дороги отъ нашего лагеря къ столицѣ разбили шатры и тамъ присягали съ обѣихъ сторонъ. Въ Москвѣ же приводили къ присягѣ бояръ и народъ Русскіе сановники, избранные боярами, и жолнеры, назначенные паномъ гетманомъ. Это продолжалось цѣлыя семь недѣль ежедневно, кромѣ воскресенья и большихъ праздниковъ; въ иной день присягало по 8, 10 и 12.000 человѣкъ; въ одной столицѣ болѣе 300.000 признали себя подданными королевича; въ города же и области Русскаго государства разосланы были для того бояре. Такимъ образомъ въ три мѣсяца вся Московская земля присягнула королевичу, исключая Смоленска и тѣхъ городовъ, которые Понтусъ держалъ въ осадѣ и въ послѣдствіи овладѣлъ ими, а именно: Новагорода, Пскова и другихъ, имъ прилежащихъ.

Зима уже приближалась; по замиреніи съ Русскими, надобно было расположить войско на зимнія квартиры. Пану гетману казалось неудобнымъ оставить насъ въ столицѣ, изъ опасенія, чтобы своевольство нашихъ не раздражило Москвитянъ, (въ чемъ и не обманулся); но какъ многіе считали это необходимымъ, для обузданія Москвитянъ, то панъ гетманъ согласился оставить насъ

въ Москвѣ, занявъ сверхъ того Польскими войсками Можайскъ 1610.
и Борисовъ, куда послалъ свой полкъ и Струсевъ.

По принесеніи Москвитянами присяги, 26 августа мы двинулись изъ лагеря къ столицѣ, въ слѣдствіе заключеннаго условія, для уничтоженія Самозванца. Москвитяне, отворивъ ворота, пустили насъ съ войскомъ чрезъ городъ, потому что обходить его было бы далеко. Царикъ однако остерегся и ускользнулъ въ Калугу, а мы возвратились назадъ, ничего не сдѣлавъ. Ему предлагали покориться королю и удовольствоваться доходами Гродна или Самбора; но онъ не хотѣлъ того, себя на бѣду: и теперь могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба.

Заключивъ съ Русскими миръ и утвердивъ его присягою, панъ гетманъ 29 августа пригласилъ къ себѣ въ лагерь всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ на обѣдъ и угостилъ ихъ какъ можно лучше; каждаго одарилъ конями, сбруею, палашами, саблями, бокалами, чашами, рукомойниками; онъ роздалъ не только свои собственныя вещи, но бралъ ихъ и у ротмистровъ и у товарищей, не отпустивъ самаго послѣдняго Москвича съ пустыми руками. Этотъ пиръ стоилъ ему дорого.

Сентября 2. Москвитяне съ своей стороны пригласили на обѣдъ пана гетмана въ столицу: угощалъ его князь Мстиславскій, какъ первый вельможа, знатнѣйшій изъ бояръ. Былъ и я на этомъ обѣдѣ съ паномъ гетманомъ. Насъ помѣстили въ трехъ комнатахъ; кушанья были приготовлены по-Русски; мнѣ ни одно изъ нихъ не понравилось, кромѣ хлѣбныхъ, наподобіе Французскихъ. Были и другія пирожныя. Медá подавали разные; каждый разъ наливали новаго сорта, чтобы показать, какъ много ихъ въ Московскомъ государствѣ. Наши хотѣли попить и просили наливать сколько угодно, только одного сорта, не смѣшивая съ другимъ; Москвитяне не соглашались и дѣлали по своему. Послѣ обѣда, гетману подарено сорокъ соболей (не изъ лучшихъ), а ротмистрамъ по парѣ, изъ явнаго презрѣнія; не желая только оскорбить Москвитянъ отказомъ, мы приняли подарки. Пану гет-

1610. ману дали еще сокола и собаку для травли медвѣдей, которую сперва произвели на дворѣ. Послѣ чего мы возвратились въ лагерь. Чернь между тѣмъ волновалась, не взирая на присягу, и вступила съ боярами въ распрю, требуя перемѣны государя. Зло однако утихло до времени.

Октября 5, по случаю наступленія зимы, расписывали на войско квартиры въ столицѣ, по одному двору на роту.[39]

Октября 9, мы тихо вступили въ столицу, непримѣтно свернувъ знамена,[40] для того, чтобы Москвитяне не свѣдали о малочисленности нашей.

Октября 14, съ согласія бояръ, назначены войску города для кормленія, въ разстояніи ста миль и болѣе отъ столицы; на мою роту достались два города: Суздаль и Кострома, въ 70 миляхъ отъ Москвы. Мы немедленно послали туда товарищей съ пахоликами, для собранія съѣстныхъ припасовъ. Но наши, ни въ чемъ не зная мѣры, не довольствовались миролюбіемъ Москвитянъ и самовольно брали у нихъ все, что кому нравилось, силою отнимая женъ и дочерей у знатнѣйшихъ бояръ. Москвитяне очень негодовали, и имѣли полное къ тому право. Для устраненія подобныхъ безпорядковъ, по нашему совѣту, они согласились платить намъ деньгами по 30 злотыхъ на коня, собирая ихъ съ городовъ сами чрезъ своихъ чиновниковъ.

Бывшій царь, Шуйскій, находившійся подъ стражею въ одномъ монастырѣ въ столицѣ, отвезенъ съ обоими братьями къ Троицѣ. Къ королю отправлены послами отъ Московскаго государства Василій Голицынъ, Сукинъ и бывшій патріархъ Филаретъ.[41] Панъ гетманъ также уѣхалъ къ королю, поручивъ войско Александру Гонсѣвскому. Онъ взялъ съ собою трехъ Шуйскихъ, царя и двухъ братьевъ его, и отдалъ ихъ королю подъ Смоленскомъ, какъ плѣнниковъ. Въ столицѣ остались: полкъ Зборовскаго, перешедшій къ королю отъ Царика изъ Тушина, полкъ Казановскаго, прибывшій съ королемъ изъ Польши,[42] 6,000 Нѣмцевъ, передавшихся къ намъ послѣ Клушинской битвы, подъ

начальствомъ Борковскаго Большаго, и полкъ Гонсѣвскаго, также 1610.
прибывшій съ королемъ. У Можайска расположились, для охраненія нашихъ сообщеній, полкъ Гетманскій и полкъ Струсевъ. А въ Дѣвичьемъ монастырѣ, обширномъ и укрѣпленномъ, лежащемъ въ четверти мили отъ столицы на Польской дорогѣ, поставлены изъ полка Гонсѣвскаго четыре роты Глускаго, Гречинина, Ошаньскаго и Котовскаго.

Нѣсколько недѣль мы провели съ Москвитянами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой, по Русской пословицѣ; угощали другъ друга пирами, а мыслили иное. Мы наблюдали величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у воротъ и наперекрестках. Заблаговременно предупреждая зло, по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, панъ Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, (которые постоянно живутъ въ Москвѣ при особѣ царской, получая кормъ изъ его кладовыхъ), подъ предлогомъ охраненія городовъ отъ Понтуса въ самомъ же дѣлѣ для нашей собственной безопасности:[43] этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвитяне уже скучали нами; не знали только какъ сбыть насъ, и, умышляя намъ ковы, часто производили тревогу такъ что по 2, по 3 и 4 раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ. Въ съѣстныхъ припасахъ было у насъ изобиліе: за деньги мы все могли купить, и дешево. Въ Москвѣ 14 рынковъ, гдѣ на каждомъ всякій день можно было достать все, чего хотѣлось: тамъ торгуютъ ежедневно. Всѣ Русскіе ремесленники превосходны, очень искусны и такъ смышлены, что все, чего съ рода не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ малолѣтства привыкли, въ особенности Турецкія вещи: чапраки, сбруи, сѣдла, сабли съ золотою насѣчкою. Всѣ вещи не уступятъ настоящимъ Турецкимъ.

Случилось между тѣмъ при однихъ воротахъ стоять на стражѣ ротѣ Мархоцкаго;[44] нѣкто Блинскій, изъ отряда какого-то това-

1610. рища, напившись пьянъ, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ икону пресвятой Богородицы, писанную въ воротахъ на стѣнѣ. Бояре принесли жалобу Гонсѣвскому; онъ велѣлъ нарядить судъ, и коло приговорило Блинскаго къ смерти. Ему отрубили обѣ руки; а самого сожгли на кострѣ предъ воротами. Потомъ принесли другую жалобу: кто-то выстрѣлилъ въ крестъ на церковномъ куполѣ; стрѣла воткнулась въ куполъ. Произвели розыскъ, но виноватаго не отыскали: ему вѣрно отсѣкли бы руку. Случилось также, что одинъ изъ пахоликовъ насильно увелъ дочь боярина, который возвращался съ нею и съ женою домой изъ бани. Обиженный не зналъ, на кого жаловаться. Наконецъ, чрезъ двѣ недѣли дочь возвратилась въ домъ родительскій: виновнаго нашли и наряженное коло приговорило его, по Польскимъ законамъ, къ смерти. Бобовскій однако предложилъ судить по Московскимъ законамъ, къ обоюдному удовольствію и Поляковъ и Москвитянъ: виновнаго высѣкли кнутомъ на улицѣ. Онъ былъ радъ, что голова его уцѣлѣла; Москвитяне также остались довольны.

Октября 24, пришла въ столицу вѣсть, что Царикъ, бывшій въ Калугѣ, убитъ Татариномъ Петромъ Урусовымъ[45] въ полѣ, когда онъ гонялся за зайцами. Москвитяне были внѣ себя отъ радости: до сихъ поръ, имѣя въ виду этого врага, они не смѣло нападали на насъ; теперь же, когда его не стало, начали пріискивать всѣ способы, какъ бы выжить насъ изъ столицы. Виною замысла была медленность королевича вступить на престолъ Московскій: ибо въ Россіи междуцарствіе никогда не продолжалось болѣе трехъ дней, притомъ же носился слухъ, что не королевичъ, а самъ король хотѣлъ царствовать въ Москвѣ. Для лучшаго въ замыслѣ успѣха и для скорѣйшаго вооруженія Русскихъ, патріархъ Московскій тайно разослалъ по всѣмъ городамъ граматы, которыми, разрѣшая народъ отъ присяги королевичу, тщательно убѣждалъ соединенными силами какъ можно скорѣе спѣшить къ Москвѣ, не жалѣя ни жизни, ни имуществъ, для защиты Христіанской вѣры и для одолѣнія непріятеля. «Враги уже почти въ

рукахъ нашихъ», писалъ патріархъ; «когда же ссадимъ ихъ съ 1610.
шеи и освободимъ государство отъ ига; тогда кровь христіанская престанетъ литься, и мы, свободно избравъ себѣ царя отъ рода Русскаго, съ увѣренностію въ ненарушимости вѣры православной, служащей оплотомъ нашему государству, не примемъ царя Латинскаго, коего навязываютъ намъ силою и который влечетъ за собою гибель нашей странѣ и народу, разореніе храмамъ и пагубу вѣрѣ христіанской».[46]

О грамотахъ патріарха извѣстили насъ доброжелательные бояре, обходившіеся съ нами откровенно;[47] чтобы еще болѣе удостовѣриться въ замыслахъ Москвитянъ, посланъ былъ 25 декабря Вашинскій съ 700 всадниковъ добыть языка въ окрестностяхъ: онъ перехватилъ гонца съ подлинными патріаршими грамотами. Узнавъ о грозившей опасности, мы пришли въ великое безпокойство, усилили караулъ, увеличили бдительность, день и ночь стояли на стражѣ и осматривали въ городскихъ воротахъ всѣ телѣги, нѣтъ ли въ нихъ оружія: въ столицѣ отданъ былъ приказъ, чтобы никто изъ жителей подъ смертною казнію не скрывалъ въ домѣ своемъ оружія и чтобы каждый отдавалъ его въ царскую казну. Такимъ образомъ случилось находить цѣлыя телѣги съ длинными ружьями, засыпанными сверху какимъ либо хлѣбомъ: все это представляли Гонсѣвскому вмѣстѣ съ извощиками, которыхъ онъ приказывалъ немедленно сажать подъ ледъ.

Къ Рождеству Христову бываетъ въ Москвѣ великое стеченіе 1611.
народа, а къ Крещенью еще болѣе: со всего государства съѣзжаются бояре для торжественнаго обряда, совершаемаго самимъ патріархомъ на рѣкѣ Москвѣ; устроенная около проруби рѣшетка удерживаетъ народъ, а для Царя приготовляется великолѣпный и драгоцѣнный тронъ, откуда онъ любуется на многочисленные сонмы народа, простирающіеся иногда (какъ сказывали люди свѣдущіе) до 3 и 4 сотъ тысячъ, въ чемъ можно удостовѣриться однимъ взглядомъ. Въ 1611 году стеченіе было не такъ велико, отъ внутреннихъ неустройствъ, однакожь довольно значительно. Пользу-

1611. ясь этимъ съѣздомъ, Москвитяне замышляли противъ насъ измѣну; наши остереглись и уже не отрядами, а цѣлымъ войскомъ держали стражу, готовясь къ отпору, какъ бы въ военное время; отъ Рождества до самаго Крещенья, доколѣ не разъѣхались Москвитяне, мы не разсѣдлывали коней ни днемъ, ни ночью. Русскіе, замѣтивъ это, отложили свое намѣреніе до удобнѣйшаго времени, желая захватить насъ въ расплохъ, безъ потери своихъ. Уже нельзя было покойно спать среди враговъ такъ сильныхъ и жестокихъ; единственнымъ средствомъ къ спасенію оставалась мужественная оборона и побѣда. Всѣ мы утомлялись частыми тревогами, которыя бывали по 4 и по 5 разъ въ день, и непрестанною обязанностію стоять по очереди въ зимнее время на стражѣ: караулы надлежало увеличить, войско же было малочисленно. Впрочемъ товарищество сносило труды безропотно: дѣло шло не о ремнѣ, а о цѣлой шкурѣ.

Мнѣ было тепло. Я стоялъ съ хоругвію во дворѣ младшаго брата царскаго Александра Шуйскаго, уже умершаго (вдову его царь выдалъ за татарскаго царевича, крещеннаго въ Русскую вѣру, Петра Урусова, того самаго, который убилъ Самозванца въ Калугѣ во время охоты). Рядомъ съ этимъ дворомъ былъ дворъ боярина Ѳедора Головина. Я же зналъ въ Жмуди вдову Головину, вышедшую въ послѣдствіи за пана Яна Млечка, судью земскаго; а прежде она была за роднымъ братомъ Ѳедора Головина, удалившимся изъ Москвы, какъ сказываютъ, еще при Стефанѣ, въ Жмудь, гдѣ дали ему помѣстье. Я воспользовался случаемъ, чтобъ познакомиться съ бояриномъ: припомнилъ все, что зналъ, придумалъ, чего не было, и отправился къ сосѣду. Сначала не хотѣли впустить меня и въ ворота, обыкновенно всегда запертые; но когда я сказалъ, что намѣренъ сообщить кой-что о братѣ боярина, бывшемъ въ Литвѣ, Москвичъ былъ весьма радъ мнѣ, какъ и всякому пріятно слышать добрыя вѣсти о родныхъ и домашнихъ. Онъ распрашивалъ меня о помѣстьяхъ, объ оставшихся дѣтяхъ, о житьѣ-бытьѣ покойнаго брата; я говорилъ, что на умъ прихо-

дило, ничего не зная и выдавая выдумки за истину. Съ тѣхъ 1611.
поръ мы подружились и стали называть другъ друга кумомъ. Это кумовство мнѣ было очень выгодно: я часто бывалъ у него съ товарищами на обѣдахъ; сверхъ того онъ всегда присылалъ мнѣ съѣстные припасы, привозимые изъ помѣстьевъ, и всякаго рода овощи; а для коней овса и сѣна. Въ особенности дорога его дружба была мнѣ при возстаніи Москвитянъ. Я съ своей стороны при всякомъ случаѣ оказывалъ ему помощь и часто угощалъ его обѣдами, приготовленными по-Польски, къ великому удивленію боярина, который не только не ѣдалъ прежде нашихъ кушаньевъ, но никогда ихъ и не видывалъ. Познакомившись короче, я просилъ его, въ тайныхъ бесѣдахъ, предостеречь меня отъ измѣны Москвитянъ; онъ обѣщалъ охотно, и съ своей стороны просилъ моей защиты отъ Поляковъ. Предосторожности наши были однако напрасны: мятежъ разразился громомъ, и немногіе могли предугадать его; впрочемъ Головинъ предупреждалъ меня въ другихъ неблагопріятныхъ случаяхъ, и тѣмъ оказалъ намъ большую услугу.

Случалось мнѣ бывать на свадьбахъ Московскихъ, у многихъ людей знатныхъ. Обычаи тамъ такіе: въ одной комнатѣ сидятъ мужчины, въ другой, особой, женщины. Тутъ угощаютъ ихъ множествомъ яствъ, приготовленныхъ въ видѣ похлѣбки, подавая ихъ въ блюдахъ, съ обѣихъ сторонъ выбѣленныхъ и поставленныхъ на сковороды, для удобнѣйшаго подогрѣванія на угляхъ. Кушанья ставятъ на столъ не всѣ вмѣстѣ, а сперва ѣдятъ одно, потомъ другое, третье, до послѣдняго; между тѣмъ принесенныя блюда держатъ въ рукахъ. Никакой музыки на вечеринкахъ не бываетъ; надъ танцами нашими смѣются, считая неприличнымъ плясать честному человѣку. За то есть у нихъ такъ называемые *шуты*, которые тѣшатъ ихъ Русскими плясками, кривляясь какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частію весьма безстыдными. Иногда же, въ подражаніе нашимъ обычаямъ, приказываютъ играть на *лирахъ*: этотъ инструментъ похожъ на скрипку;

1611. только вмѣсто смычка, употребляютъ колесцо, приправленное посрединѣ: одною рукою кружатъ колесцо и трогаютъ имъ струны, снизу; другою прижимаютъ клавиши, коихъ на шейкѣ инструмента находится около десяти; каждый придавленный клавишъ сообщаетъ струнѣ звукъ тонѣе. Впрочемъ играютъ и припѣвають на одну только ноту.[48]

За этою забавою слѣдуетъ другая: изъ дальной комнаты, гдѣ сидятъ женщины (строеніе идетъ рядомъ въ три и четыре комнаты), является нѣсколько такъ называемыхъ *дворянокъ*, хорошо одѣтыхъ: это жены слугъ. Онѣ становятся у дверей, изъ которыхъ вышли, при концѣ стола, гдѣ сидятъ гости, и забавляютъ ихъ разными шутками: сперва разсказываютъ сказки съ прибаутками, благопристойныя; а потомъ поютъ пѣсни, такія срамныя и безстыдныя, что уши вянутъ. Русскимъ однако это очень нравится, и на здоровье! Пусть останутся при своихъ забавахъ, не зная лучшихъ! О танцахъ нашихъ они говорятъ: «что за охота «ходить по избѣ, искать, ничего не потерявъ, притворяться «сумасшедшимъ и скакать скоморохомъ? Человѣкъ честный дол«женъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, и только забавляться кривляньями «*шута*, а не самъ быть шутомъ, для забавы другаго: это не «годится!»

Такой образъ мыслей, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того, что мужчины не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ, каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится боярынѣ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыхъ дверецъ, съ окнами изъ прозрачныхъ, какъ стекло, камней, или изъ бычачьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго; ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ нея. Самыя знатныя боярыни ѣздятъ всегда цугомъ, въ двѣ лошади, обыкно-

венно бѣлыя: каждую ведетъ конюхъ за поводья; у лошади, запря- 1611.
женной въ оглобли, на хомутѣ виситъ сорокъ соболей; а у цуговой шлея и постромки, также узды и поводья бываютъ иногда красныя бархатныя; иногда же ременныя. Около колымаги идетъ нѣсколько слугъ: число ихъ соразмѣрно съ знатностью господина.

Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ входъ съ двора по лѣстницѣ, но ключъ хозяинъ держитъ у себя, такъ что, въ женскую половину можно пройти только чрезъ его комнату. Изъ мужчинъ, не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же, за комнатами женскими, обгораживается такимъ высокимъ палисадникомъ, что развѣ птица перелетитъ чрезъ него. Здѣсь-то женщины прогуливаются. Если хозяинъ гостю радъ, то выводитъ къ нему жену и дѣтей: ихъ непремѣнно надобно поцѣловать для привѣтствія; иначе будетъ неучтиво. Всѣ вообще женщины благородныя бѣлятся,[49] и показаться въ люди не набѣлившись, считаютъ за смертный грѣхъ и стыдъ.

Женятся они почти какъ Жиды; иной женихъ не видитъ своей невѣсты до самой свадьбы; если же, по особенной благосклонности, захотятъ показать ее, то она для свиданія входитъ въ комнату, и поцѣловавшись съ суженымъ, немедленно удаляется, не сказавъ ни слова.

Бояринъ, выѣзжая изъ дому, садится въ сани, запряженныя въ одну рослую, по большей части бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ. Правитъ ею конюхъ, сидя верхомъ, безъ сѣдла. Сани выстилаются внутри медвѣдемъ, у богатыхъ бѣлымъ, у другихъ чернымъ. О коврахъ не спрашивай. Санные передки обыкновенно дѣлаются, для защиты отъ грязи, такъ высоки, что изъ саней едва можно видѣтъ голову конюха, сидящаго на лошади. Множество слугъ и рабовъ провожаютъ боярина: одни стоятъ на передкахъ, другіе по срединѣ, бокомъ къ нему, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ. Ночью же, или по захожденію солнца, челядинецъ, стоящій впереди, держитъ большой фонарь съ горя-

1611. щею свѣчею, не столько для освященія дороги, сколько для личной безопасности: тамъ каждый ѣдущій, или идущій ночью безъ огня считается или воромъ или лазутчикомъ. Посему и знатные и не знатные, во избѣжаніе бѣды, должны ѣздить и ходить съ фонаремъ: а кто попадется въ лапы дозора безъ огня, того немедленно отправляютъ въ крѣпость, въ тюрму, откуда рѣдкій выходитъ.

Судъ Московскій. Въ Москвѣ столько судовъ, сколько можетъ быть дѣлъ: въ одномъ напримѣръ судятъ воровъ, въ другомъ разбойниковъ, въ третьемъ мошенниковъ, хотя преступленіе одно и то же, только въ разной степени. О дѣлахъ же, болѣе различествующихъ между собою, и говорить нечего. Судьи засѣдаютъ въ особыхъ домахъ, именуемыхъ Розрядами, ежедневно съ ранняго утра до обѣдни; какъ же скоро услышатъ благовѣсть, всѣ встаютъ, и засѣданіе прекращается. Самое большое уголовное преступленіе наказываютъ не смертью, а кнутомъ, исключая умысла на особу царскую: въ такомъ случаѣ, даже по одному подозрѣнію, безъ всякаго суда и слѣдствія, пускаютъ виновнаго подъ ледъ, не пріемля ни какихъ оправданій.

Должникъ, не заплатившій къ сроку, призывается въ Розрядъ, и если сознается въ долгу, но скажетъ, что заплатить не въ силахъ, судья велитъ ему стать предъ Розрядомъ, а Розрядному служителю, сторожу или сыщику[50] бить его, стоящаго, по икрамъ тростью, длиною въ полтора локтя, наблюдая самъ за расправою изъ окна. Она производится ежедневно по одному часу предъ обѣднею и повторяется до тѣхъ поръ, пока должникъ не удовлетворитъ своего займодавца. Предъ Розрядомъ всегда бываетъ болѣе десяти такихъ должниковъ: надъ ними трудятся нѣсколько служителей, которые раздѣливъ между собою виновныхъ, ставятъ ихъ рядомъ и начавъ съ перваго, ударяютъ каждаго по очереди до послѣдняго, три раза по икрѣ, проходя рядъ отъ одного конца до другаго. Впрочемъ должникъ можетъ поставить кого-либо вмѣсто себя, если вскорѣ успѣетъ найти охотника за деньги.[51]

Москвитяне наблюдаютъ великую трезвость, которой требуютъ 1611.
строго отъ вельможъ и отъ народа. Пьянство запрещено; корчемъ или *кабаковъ* нѣтъ во всей Россіи; негдѣ купить ни вина, ни пива, и даже дома, исключая бояръ, ни кто не смѣетъ приготовить для себя хмѣльнаго: за этимъ наблюдаютъ лазутчики и старосты, коимъ велѣно осматривать домы. Иные пытались скрывать боченки съ виномъ, искусно задѣлывая ихъ въ печахъ; но и тамъ, къ большей бѣдѣ виновныхъ, ихъ находили. Пьянаго тотчасъ отводятъ *въ бражную тюрьму*, нарочно для нихъ устроенную (тамъ для каждаго рода преступниковъ есть особенная темница), и только чрезъ нѣсколько недѣль освобождаютъ изъ нея, по чьему либо ходатайству. Замѣченнаго въ пьянствѣ вторично, снова сажаютъ въ тюрьму надолго, потомъ водятъ по улицамъ и нещадно сѣкутъ кнутомъ, наконецъ освобождаютъ. За третью же вину, опять въ тюрьму, потомъ подъ кнутъ; изъ подъ кнута въ тюрьму, изъ тюрьмы подъ кнутъ, и такимъ образомъ парятъ виновнаго разъ до десяти, чтобы наконецъ пьянство ему омерзѣло. Но если и такое исправленіе не поможетъ, онъ остается въ тюрьмѣ, пока сгніетъ.[52]

Науками въ Москвѣ вовсе не занимаются; онѣ даже запрещены.[53] Вышеупомянутый бояринъ Головинъ разсказывалъ мнѣ, что въ правленіе извѣстнаго тирана[54] одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кучу календарей; царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь. Одну изъ нихъ я видѣлъ у Головина. Тотъ же бояринъ мнѣ сказывалъ, что у него былъ братъ, который имѣлъ большую склонность къ языкамъ иностраннымъ, но не могъ открыто учиться имъ; для сего тайно держалъ у себя одного изъ Нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ; на-

1611. шелъ также Поляка, разумѣвшаго языкъ Латинскій; оба они приходили къ нему скрытно въ Русскомъ платьѣ, запирались въ комнатѣ и читали вмѣстѣ книги Латинскія и Нѣмецкія, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсть и уже понималъ изрядно. Я самъ видѣлъ собственноручные переводы его съ языка Латинскаго на Польскій и множество книгъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ, доставшихся Головину по смерти брата. Что же было бы, если бы съ такимъ умомъ соединялось образованіе?

Въ бесѣдахъ съ Москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ народомъ Польскимъ и также пріобрѣсть свободу. Но Русскіе отвѣчали: «Вамъ дорога «ваша воля, намъ неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный «грабитъ слабаго; можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. «Искать же правосудія, по вашимъ законамъ, долго: дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ инаго и ничего не возмешь. «У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ «обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ, царь «творитъ судъ и расправу. Если же самъ государь поступитъ «неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. «Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата: «ибо онъ владыка всего свѣта».[55] Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго царю ихъ, котораго посему называютъ: *Солнце праведное, свѣтило Русское.*

Московскіе цари живутъ въ Кремлѣ;[56] каждый изъ нихъ, вступивъ на престолъ, строитъ себѣ новыя палаты по своему вкусу, сломавъ прежнія. Самое красивое зданіе есть дворецъ Димитрія перваго, похожій на Польскій. Шуйскій въ немъ не жилъ, а выстроилъ для себя другой. Есть и каменный дворецъ, именуемый *Золотою палатою;* на стѣнахъ его находятся изображенія всѣхъ великихъ князей и царей Московскихъ, писанныя по золоту, а потолокъ искусно украшенъ картинами изъ Ветхаго Завѣта. Окна въ немъ огромныя, въ два ряда, одни другихъ выше, числомъ 19; печь устроена подъ землею, съ

душниками, для нагрѣванія комнатъ. Зданіе имѣетъ видъ квадрата, 1611.
заключая въ каждой сторонѣ до 20 саженъ; среди его стоитъ столпъ, на коемъ весь сводъ опирается. Изъ оконъ дворца царь показывается народу, а въ извѣстное время и царица. Здѣсь я жилъ довольно долго съ нѣкоторыми товарищами, укрываясь отъ огня: ибо Москвитяне часто привѣтствовали насъ огненными ядрами. Лошади наши стояли въ дворцовыхъ сѣняхъ, чего прежде вѣроятно не случалось: не только конь, но и думный бояринъ, безъ царскаго дозволенія, не смѣлъ войти во дворецъ, *со страхомъ Бога видѣти.*[57]

Есть другой дворецъ, гдѣ принимаютъ пословъ иноземныхъ, но не столь огромный. Подлѣ дворцовъ находится церковь Благовѣщенія Богородицы, съ золотымъ на куполѣ крестомъ: въ ней царь обыкновенно слушаетъ литургію. Главный же храмъ въ столицѣ есть церковь пречистой Богородицы, гдѣ самъ патріархъ совершаетъ службу; здѣсь коронуются цари, и въ торжественные праздники присутствуютъ при богослуженіи. Въ числѣ другихъ храмовъ замѣчательна еще церковь Михаила Архангела: здѣсь погребаютъ царей; гробницы ихъ не великолѣпны; при каждой изъ нихъ находится изображеніе умершаго, частію на стѣнѣ, частію на самомъ гробѣ, вышитое по бархату. Тамъ я видѣлъ гробъ и того младенца Димитрія, вмѣсто котораго у насъ явился другой: ибо Шуйскій, умертвивъ царя Димитрія, господствовавшаго въ Россіи, и самъ вступивъ на престолъ, чтобы доказать справедливость своего дѣйствія, перенесъ изъ Углича въ Москву тѣло какого-то младенца, назвалъ его истиннымъ сыномъ царя Іоанна, убіеннымъ еще въ дѣтствѣ, по повелѣнію Бориса Годунова, и похоронилъ между другими царями. Тотъ же Димитрій истинный, который царствовалъ, по словамъ Шуйскаго былъ обманщикъ.[58]

Прочихъ церквей считается въ Кремлѣ до 20; изъ нихъ церковь св. Іоанна, находящаяся почти среди замка, замѣчательна по высокой, каменной колокольнѣ, съ которой далеко видно во

1611. всѣ стороны столицы. На ней 22 большихъ колокола; въ числѣ ихъ многіе не уступаютъ величиною нашему Краковскому *Сигизмунду;* висятъ въ три ряда, одни надъ другими; меньшихъ же колоколовъ болѣе 30. Непонятно, какъ башня можетъ держать на себѣ такую тяжесть. Только то ей помагаетъ, что звонари не раскачиваютъ колоколовъ, какъ у насъ, а бьютъ въ нихъ языками; но чтобъ размахнуть иной языкъ, требуется человѣкъ 8 и 10. Недалеко отъ этой церкви есть колоколъ, вылитый для одного тщеславія: виситъ онъ на деревянной башнѣ, въ двѣ сажени вышиною, чтобы тѣмъ могъ быть виднѣе; языкъ его раскачиваютъ 24 человѣка. Незадолго до нашего выхода изъ Москвы, колоколъ подался не много на Литовскую сторону, въ чемъ Москвитяне видѣли добрый знакъ: и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ насъ выжили изъ столицы.[59]

Вся крѣпость застроена боярскими дворами, церквами, монастырями, такъ, что нѣтъ ни одной пустыри: въ этомъ смыслѣ она похожа на дворъ шляхтича. Воротъ въ ней четверо: одни ведутъ къ Москвѣ рѣкѣ, другіе къ Ивангороду. Надъ воротами Фроловскими, на шарѣ стоитъ орелъ, знаменіе герба Московскаго. Высокая, толстая стѣна и глубокій, обдѣланный съ обѣихъ сторонъ камнемъ ровъ отдѣляютъ Кремль отъ Китая-города. Много можно было бы написать о послѣдней крѣпости; но всего пересказать не удобно. Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ: ихъ считается до 40.000; какой вездѣ порядокъ (для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ, даже цирюльники брѣютъ въ своемъ ряду), какое безчисленное множество осадныхъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій на башняхъ, на стѣнахъ, при воротахъ и на землѣ. Тамъ, между прочимъ, я видѣлъ одно орудіе, которое заряжается сотнею пуль и столько же даетъ выстрѣловъ;[60] оно такъ высоко, что мнѣ будетъ по плечо; а пули его съ гусиныя яйца. Стоитъ противъ воротъ, ведущихъ къ живому мосту. Среди рынка я видѣлъ еще мортиру, вылитую кажется только для показа:

сѣвъ въ нее, я на цѣлую пядень недоставалъ головою до верхней 1611.
стороны канала. А пахолики наши обыкновенно влѣзали въ это орудіе человѣка по три, и тамъ играли въ карты, подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна.[61]

Церковь св. Троицы стоитъ на рву къ Кремлевской сторонѣ: въ ней 30 алтарей. Въ вербное воскресенье, патріархъ совершаетъ торжественное шествіе къ церкви на ослѣ, или на бѣломъ конѣ, отъ храма пречистой Богородицы: самъ царь ведетъ осла патріаршаго за поводъ и помогаетъ святителю сойти на землю, поддерживая его подъ руку. Все духовенство, сколько ни есть его въ Москвѣ, торжественно провожаетъ патріарха съ образами, а народъ стелитъ предъ нимъ дорогіе ткани, забѣгая впередъ. Къ этому дню стекается въ Москву великое множество людей изъ окрестностей. Въ томъ же замкѣ содержалась во рву, обнесенномъ оградою, львица, которая потомъ издохла отъ голода во время осады.

На рынкѣ стоятъ всегда до 200 *извощиковъ*, т. е. холопцовъ съ одинакими санями, запряженными въ одну лошадь. Кто захочетъ быть въ отдаленной части города, тому лучше нанять извощика, чѣмъ идти пѣшкомъ: за грошъ онъ скачетъ какъ бѣшеный, и поминутно кричитъ во все горло: *гисъ, гисъ, гисъ;*[62] а народъ разступается въ обѣ стороны. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, извощикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другаго гроша. Этимъ способомъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе и не мало платитъ своему государю.

Въ Китаѣ-городѣ 6 воротъ и болѣе 10 башень; мостъ изъ него чрезъ Москву рѣку наведенъ живой. Вся крѣпость застроена домами частію боярскими, частію мѣщанскими, а болѣе лавками; пустыхъ мѣстъ мало, только при самомъ рвѣ, отдѣляющемъ ее отъ Кремля. Китай-городъ и Кремль находятся внутри третьяго замка Ивангорода, который окруженъ валомъ и выбѣленною стѣною, отъ чего нѣкоторые называютъ его *Бѣлымъ городомъ*.[63] Въ немъ столько же воротъ, сколько башень. Всѣ же замки

1611. обтекаетъ Москва рѣка; въ ней много мѣстъ мелкихъ, но топкихъ; отъ того наши охотнѣе переплывали ее, нежели переходили въ бродъ. Ивангородъ равнымъ образомъ застроенъ домами бояръ и посадскихъ людей, такъ что нѣтъ ни одного пустаго мѣста: только при воротахъ, ведущихъ въ Кремль и Китай-городъ, есть не большое незастроенное пространство. Впрочемъ, какъ домы находятся въ значительномъ разстояніи отъ стѣнъ и палисадниковъ, то здѣсь довольно много мѣста для защиты отъ непріятеля.

До прихода нашего всѣ три замка обнесены были деревянною оградою, въ окружности, какъ сказываютъ, около 7 Польскихъ миль, а въ вышину въ 3 копья. Москва рѣка пересѣкала ее въ двухъ мѣстахъ. Ограда имѣла множество воротъ, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башнѣ и на воротахъ стояло по 4 и по 6 орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, коихъ такъ тамъ много, что перечесть трудно. Вся ограда была изъ теса; башни и ворота весьма красивыя, какъ видно, стоили трудовъ и времени. Церквей вездѣ было множество и каменныхъ и деревянныхъ: въ ушахъ гудѣло, когда трезвонили на всѣхъ колоколахъ. И все это мы въ три дни обратили въ пепелъ: пожаръ истребилъ всю красоту Москвы. Уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, гдѣ мы сами укрывались отъ огня; а въ послѣдствіи Русскіе сожгли и Китай-городъ; Кремль же мы сдали имъ въ цѣлости. Я счелъ нужнымъ предварительно объяснить расположеніе Москвы, чтобы тѣмъ внятнѣе былъ разсказъ мой о разрушеніи этого великолѣпнаго города.

Мы были осторожны; вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ многочисленныя войска къ столицѣ. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу. Наступаетъ вербное воскресенье, когда со всѣхъ сторонъ стекается народъ въ Москву. У насъ бодрствуетъ не стража, а вся рать, не разсѣдлывая коней ни днемъ, ни ночью. Вербное воскресенье прошло тихо: въ крестномъ ходу народу было множество; но потому ли, что видѣли нашу готовность, или поджи-

дали войскъ, шедшихъ на помощь, Москвитяне насъ не трогали. 1611.
Хотѣли, какъ видно, ударить всѣ разомъ.

На другой день послѣ Вербнаго воскресенья въ понедѣльникъ, лазутчики извѣщаютъ насъ, одинъ, что изъ Рязани идетъ Ляпуновъ съ 80.000 человѣкъ и уже въ 20 миляхъ отъ столицы; другой, что изъ Калуги приближается Заруцкій съ 50.000 и также находится недалеко; третій, что Просовѣцкій спѣшитъ къ Москвѣ съ 15.000. Со всѣхъ сторонъ вѣсть за вѣстью, одна другой утѣшительнѣе! Латы не сходятъ съ нашихъ плечъ; пользы однако мало. Совѣтовали намъ многіе, не ожидая непріятеля въ Москвѣ, напасть на него, пока онъ еще не успѣлъ соединиться, и разбить по частямъ. Совѣтъ былъ принятъ, и мы уже рѣшились выступить на нѣсколько миль отъ столицы, для предупрежденія замысловъ непріятельскихъ; но во вторникъ по утру, когда нѣкоторые изъ насъ еще слушали обѣдню, въ Китаѣ-городѣ, наши поссорились съ Русскими. По совѣсти, не умѣю сказать, кто началъ ссору: мы ли, они ли? Кажется однако, наши подали первый поводъ къ волненію, поспѣшая очистить Московскіе домы до прихода другихъ: вѣрно, кто нибудь былъ увлеченъ оскорбленіемъ, и пошла потѣха.[64] Дали знать Гонсѣвскому о начавшейся битвѣ: онъ тотчасъ прискакалъ на конѣ; но развести сражающихся было уже трудно, и съ Русской стороны уже многіе пали убитые. Гонсѣвскій долженъ былъ оставить ихъ въ покоѣ, чтобы кончили начатое дѣло.

И такъ 29 марта во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, завязалась битва сперва въ Китаѣ-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40.000); потомъ въ Бѣломъ-городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башень полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями; а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ за-ограды: они преслѣдуютъ насъ, неся въ

1611. рукахъ столы и лавки, и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе, будучи въ готовности, съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ. Мы, т. е. всадники, не въ силахъ ничего сдѣлать, отступаемъ; они же насъ преслѣдуютъ и уже припираютъ къ Кремлю.

Тутъ мы послали къ пану Гонсѣвскому за пѣхотою; онъ отрядилъ только 100 человѣкъ: помощь слабая, въ сравненіи съ многолюдствомъ непріятеля, но не безполезная.[65] Часть нашихъ сошла съ коней и, соединясь съ пѣхотою, разбросала загороды; Москвитяне ударились въ бѣгство; только мы мало выиграли: враги снова возвратились къ бою и жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. По тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ; каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: *огня! огня! жги домы!* Наши пахолики подожгли одинъ домъ: онъ не загорѣлся; подожгли въ другой разъ, нѣтъ успѣха, въ третій разъ, въ четвертый, въ десятый, — все тщетно: сгоритъ только то, чѣмъ поджигали; а домъ цѣлъ. Я увѣренъ, что огонь былъ заколдованъ. Достали смолы, прядева, смоленой лучины, и тутъ едва успѣли запалить этотъ домъ; тоже дѣлали и съ другими домами, гдѣ кто могъ. Наконецъ занялся пожаръ: вѣтеръ, дуя съ нашей стороны, погналъ пламя на Русскихъ и принудилъ ихъ бѣжать изъ засадъ; а мы слѣдовали за разливающимся пламенемъ, пока ночь не развела насъ съ непріятелемъ. Всѣ наши отступили къ Кремлю и Китаю-городу. Я стоялъ въ Бѣломъ-городѣ, и едва успѣлъ выбрать изъ своей квартиры въ Кремль что было получше; все прочее пошло къ чорту: одно разграбили, другое сгорѣло; съѣстные припасы истреблены.

Наканунѣ мятежа, т. е. въ великій понедѣльникъ, братъ мой Даніилъ, стоявшій въ Можайскѣ съ ротою Калиновскаго, старосты

Брацлавскаго, въ полку Струсевомъ, прислалъ мнѣ овощей, всякихъ съѣстныхъ припасовъ и корма для лошадей на 24 подводахъ: я, ничего не зная о таившейся измѣнѣ, отправилъ обратно подводы съ челядинцемъ въ самый вторникъ, когда вспыхнулъ бунтъ. Лишь только онъ выѣхалъ изъ Бѣлаго-города, какъ ударили въ набатъ и народъ высыпалъ со всѣхъ сторонъ, кто съ чѣмъ могъ, въ деревянный городъ. Мой малой, взявшись за умъ, залѣзъ подъ овсяный коробъ; а крестьяне были такъ добры, что скрыли его; гоня лошадей во весь опоръ, онъ скоро достигъ до Можайска, разстояніемъ на 18 миль отъ Москвы, и обо всемъ увѣдомилъ Струся. Панъ Струсь въ ту же минуту выступилъ съ полкомъ своимъ изъ Можайска и на рысяхъ прискакалъ къ намъ, въ среду около полудня. 1611

Когда мы вступили на ночь въ Кремль, какъ сказано выше, я не зналъ куда мнѣ дѣваться; о квартирѣ нечего было и спрашивать; впрочемъ домовъ тамъ много, и я могъ бы выбрать квартиру удобную, гдѣ избѣжалъ бы той бѣды, которая въ послѣдствіи меня постигла; но уже видно такъ судьба хотѣла. Я расположился съ товарищемъ моимъ паномъ Грабаніемъ въ Розрядѣ, гдѣ прежде производился судъ; мы сами должны были построить конюшни, только начали въ недобрый часъ; при томъ же домикъ не былъ обнесенъ заборомъ. Мы увидѣли свою неосторожность, да уже поздно, когда всѣ прочіе домы были заняты: обозныя лошади мои или подохли, или были украдены; остались однѣ строевыя. Такимъ образомъ хотя столица изобиловала съѣстными припасами, но ихъ не на чемъ было привозить, и мнѣ пришлось томиться голодомъ. Въ послѣдствіи я долженъ былъ принять на ту же квартиру и брата своего Даніила.

Кстати разскажу объ одномъ весьма смѣломъ изъ воровскихъ дѣлъ, которыя въ Москвѣ случаются нерѣдко: въ первые дни пребыванія нашего въ столицѣ, когда Москвитяне были съ нами еще въ ладу, и наши могли ѣздить безопасно, товарищи съ общаго согласія послали челядинцевъ въ окрестныя деревни за сѣномъ

1611. и соломою. Кучеръ мой, набравъ соломы, ѣхалъ впереди; случилось ему переправляться чрезъ болото: одинъ возъ перебрался, а другой увязъ. Поставивъ первый на сухомъ мѣстѣ, онъ слезъ съ коня и пошелъ вытаскивать второй, увязшій въ болотѣ, не опуская изъ виду перваго. Откуда ни возмись Москаль: выпрягъ лучшаго мѣрина, пристяжнаго, и поѣхалъ себѣ. Приходитъ кучеръ и видитъ только трехъ лошадей: четвертый пропалъ. Дѣлать было нечего: онъ возвратился въ Москву, какъ честной монахъ, тройкою.

Наши старшіе были нерѣшительны; въ распоряженіяхъ же недальновидны: велѣли заготовить съѣстныхъ припасовъ только на мѣсяцъ; а мы прожили въ Москвѣ полтора года. Отданъ былъ приказъ: завтра т. е. въ среду, зажечь весь городъ, гдѣ только можно. Въ назначенный день, часа за два до разсвѣта, мы вышли изъ Кремля, распростившись съ тѣми, которые остались въ крѣпости, почти безъ надежды когда либо увидѣться. Жечь городъ поручено было 2000 Нѣмцевъ, при отрядѣ пѣшихъ гусаръ нашихъ, съ двумя хоругвями конницы, именно съ моею, или лучше сказать съ хоругвію ротмистра моего, князя Порыцкаго, въ коей служилъ я поручикомъ, и съ хоругвію пана Скумина, старосты Брацлавскаго, гдѣ поручикомъ былъ Людвигъ Понятовскій, женившійся въ послѣдствіи на паннѣ Стадницкой-Ланцуцкой. Мы, на коняхъ, шли по льду: другой дороги не было. Между тѣмъ, наша стража, стоявшая въ Кремлѣ на высокой Ивановской колокольнѣ, замѣтила, что панъ Струсь, подъ стѣнами столицы, сражается съ Москвитянами, которые, не давая ему соединиться съ нами, всѣ ворота въ деревянной стѣнѣ заперли, вездѣ разставили сильную стражу и, сдѣлавъ сильную вылазку, завязали съ нимъ бой. Намъ дали знать о томъ изъ крѣпости, съ тѣмъ, чтобы мы подкрѣпили Струся. Не зная, какъ пособить ему, мы зажгли въ разныхъ мѣстахъ деревянную стѣну, построенную весьма красиво изъ смолистаго дерева и теса: она занялась скоро и обрушилась. Когда огонь еще пылалъ въ грудахъ пламеннаго

угля, въ то самое время панъ Струсь, герой сердцемъ и душою, 1611.
вонзивъ въ коня шпоры, крикнулъ: *за мной дѣти, за мной храбрые!* кинулся въ пламя и перескочилъ чрезъ горѣвшую стѣну; за нимъ весь отрядъ. Такимъ образомъ не мы ему помогли, а онъ намъ помогъ. Мы радовались ему, какъ Господь радуется душѣ благочестивой, и стали нѣсколько бодрѣе.[66]

Въ сей день, кромѣ битвы за деревянною стѣною, не удалось никому изъ насъ подраться съ непріятелемъ: пламя охватило домы и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало Русскихъ; а мы потихоньку подвигались за ними, безпрестанно усиливая огонь, и только вечеромъ возвратились въ крѣпость. Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы[67] имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: насъ охранялъ огонь.

Въ четвертокъ мы снова принялись жечь городъ; котораго третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успѣлъ такъ скоро всего истребить. Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться. И такъ мы снова запалили ее, по изреченію Псалмопѣвца: «градъ Господень измету, да ничтоже въ немъ останется». Смѣло могу сказать, что въ Москвѣ не осталось ни кола, ни двора.

4 апрѣля, въ понедѣльникъ Святой недѣли, дано знать намъ, что Просовѣцкій идетъ къ столицѣ съ 15.000 войска.[68] Панъ Струсь вызвался итти отразить непріятеля полкомъ своимъ, въ коемъ было только 500 всадниковъ; Гонсѣвскій далъ ему еще 200 коней и отправилъ съ Богомъ. Въ четырехъ миляхъ отъ столицы, панъ Струсь встрѣтилъ Просовѣцкаго, шедшаго гуляй-городомъ,[69] то есть подвижною оградою изъ огромныхъ саней, на которыхъ стояли ворота съ нѣсколькими отверстіями,[70] для стрѣ-

1611. лянія изъ самопаловъ. При каждыхъ саняхъ находилось по 10 стрѣльцовъ: они и сани двигали и останавливаясь стрѣляли изъ за нихъ, какъ изъ за каменной стѣны. Окружая войско со всѣхъ сторонъ, спереди, съ тыла, со боковъ, эта ограда препятствовала нашимъ копѣйщикамъ добраться до Русскихъ: оставалось сойти съ коней и разорвать ее. Такъ и сдѣлали. При помощи Божіей, семисотный отрядъ нашъ ударилъ въ непріятеля и разгромилъ его. Струсь отдалъ приказъ: въ плѣнъ ни кого не брать, всѣхъ рубить и колоть. Самъ Просовѣцкій ускакалъ заблаговременно, и хорошо сдѣлалъ: ибо каждый только ногами могъ спасти животъ свой. Въ этой битвѣ нашихъ пало не много; изъ знатнѣйшихъ только Войцехъ Добромирскій,[71] поручикъ пана старосты Брацлавскаго, Калиновскаго, въ ротѣ коего служилъ и братъ мой панъ Даніилъ. Струсь возвратился, по милости Божіей, побѣдителемъ, къ неизъяснимой радости нашей.

На другой день, т. е. во вторникъ, 5 апрѣля, прибылъ изъ Рязани Ляпуновъ съ 80.000 войска; а за нимъ, 6 апрѣля, съ 50.000 Заруцкій, который по смерти Царика, оставилъ Калугу и подъ Москвою соединился съ Ляпуновымъ. Къ нимъ присталъ и Просовѣцкій, собравъ разсѣянную рать свою. Враги расположились у Симонова монастыря надъ Москвою рѣкою, почти на милю отъ крѣпости; ближе негдѣ было укрыться: пожаръ все истребилъ. Мы рѣшились выходить противъ нихъ полками. 7 апрѣля, въ четвертокъ, вышелъ къ Симонову монастырю полкъ Мартина Казановскаго въ числѣ 1300 всадниковъ. Москвитяне, имѣя въ свѣжей памяти неудачу Просовѣцкаго, не смѣли вступить въ бой. Мы только погарцовали и къ вечеру возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго. Послѣ насъ выходили противъ нихъ другіе полки поочередно, но такъ же, какъ и мы возвращались болѣе съ урономъ, нежели съ успѣхомъ. Эти вылазки были совершенно безполезны; въ чемъ мы послѣ удостовѣрились, но уже поздно.

16 апрѣля дошла очередь опять до насъ, т. е. до полка Казановскаго: мы выступили въ субботу, уже на другое мѣсто, въ

намѣреніи непремѣнно заманить Русскихъ къ бою. Полкъ нашъ 1611.
былъ силенъ; къ нему присоединили еще 1000 Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Борковскаго, долгоногаго труса. Русскіе на сей разъ не уклонились отъ битвы, надѣясь на свою многочисленность: ихъ было до 200.000 способныхъ къ оружію, вмѣстѣ съ находившимися въ столицѣ. Поганые, какъ лѣсъ, покрывали все поле сраженія, которое едва было можно окинуть взоромъ. Сверхъ того они разставили свои толпы не безъ искусства за топкимъ болотомъ, которое отдѣляло насъ отъ нихъ. Переправа была тѣсная. Гарцовники ихъ, коихъ отрядъ былъ многочисленнѣе всего нашего полка, перешли болото и вступили въ схватку съ нашими; а оба войска, стоя въ боевомъ порядкѣ, смотрѣли одно на другое. Мы, при помощи Божіей, прогнали отрядъ на добрую четверть мили до самаго лѣса; главное же войско ихъ не трогалось съ мѣста на подкрѣпленіе своимъ, отъ взаимной недовѣрчивости вождей и опасаясь нападенія съ тыла. Знатнѣйшихъ изъ плѣнниковъ мы отослали немедленно въ крѣпость.

Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, полковникъ нашъ Казановскій хотѣлъ сразиться съ главными силами Русскими и приказывалъ Борковскому съ Нѣмецкою пѣхотою обойти болото, чтобы ударить на враговъ съ боку, намѣреваясь самъ напасть на нихъ съ другой стороны конницею. Борковскій не слушалъ его, говоря: «я такой же полковникъ, какъ и ты». Но это было только отговоркою: онъ струсилъ. Казановскій, не смѣя итти въ бой съ однимъ полкомъ своимъ и не вполнѣ довѣряя Нѣмцамъ, которые могли напасть на насъ съ тыла, велѣлъ хоругвямъ мало по малу отступать къ замку. Хоругвь князя Порыцкаго, въ которой я служилъ, стояла впереди. Когда приказано было исподоволь убираться въ Кремль, знаменосецъ Ковальскій, человѣкъ мужественный, не взирая на малый ростъ, но еще не опытный, вмѣсто того, чтобы поворотить коня на мѣстѣ, чему должны были послѣдовать товарищи и пахолики, и въ такомъ случаѣ заднія шеренги отступали бы впередъ, а переднія шли бы сзади при

1611. хоругви, для удобнѣйшаго отраженія враговъ, если бы они вздумали насъ тревожить, поворотилъ всю шеренгу въ глазахъ непріятеля. Русскіе, думая, что мы бѣжимъ, очень охрабрились и всѣми силами бросились за нами. Нашъ хорунжій останавливается и ведетъ насъ на враговъ: мы даемъ отпоръ; но что могли мы сдѣлать, когда понеслась вся вражья сила, а хоругви, которымъ надобно было подкрѣпить насъ, спѣшили къ Москвѣ такъ скоро, что никто даже не оглядывался? Видя невозможность удержать или отразить столь многочисленнаго непріятеля, мы только оборонялись и отступали въ добромъ порядкѣ. Нѣсколько разъ Ковальскій оборачивалъ хоругвь къ отпору; но тщетно: Москвитяне такъ смѣло ломились въ наши ряды, что мы, не слѣзая съ коней, должны были вступить съ ними въ рукопашный бой. Они много вредили намъ изъ луковъ, вонзая стрѣлы въ мѣста, незакрытыя бронею. Борковскій тогда стоялъ вблизи и хотя могъ бы выручить насъ, но не хотѣлъ разорвать ряды Москвитянъ. Въ этомъ дѣлѣ изъ хоругви нашей убито пять товарищей, а Захарій Заруцкій взятъ въ плѣнъ; сверхъ того пало съ десятокъ пахоликовъ, наиболѣе во время отступленія къ замку чрезъ болото по весьма неудобной дорогѣ. Прочія роты не лишились ни одного человѣка, потому, что бѣжали очень исправно. Нѣмцы ни разу и не выстрѣлили.

Ободренный удачею, непріятель въ ту же ночь подошелъ къ Бѣлому-городу и расположился подъ самыми стѣнами въ весьма удобномъ мѣстѣ, между Неглинною и Москвою-рѣкою, гдѣ силы его часъ отъ часу возрастали. Мы уже начали побаиваться, и должны были имѣть на стѣнахъ бдительную стражу; а на вылазки посылали болѣе пѣхоту, нежели конницу, впрочемъ безъ пользы; мы слабѣли силами, а они и ухомъ не вели: потеряютъ одного, явятся десять. Мы наконецъ спохватились, да уже поздно, когда нагрѣли намъ бока.

Патріарха, какъ главнаго виновника мятежей Московскихъ, отдали подъ стражу товарищу изъ роты Малынскаго, Малицкому,

и стерегли такъ исправно, что безъ вѣдома и позволенія Малицкаго, никого къ нему не допускали, а самъ и за порогъ не могъ переступить. Чрезъ полгода онъ умеръ въ семъ заключеніи.[72] 1611.

Слуги наши получили великую добычу, также и многіе товарищи, наиболѣе изъ полку Зборовскаго, который стоялъ въ Китаѣ-городѣ. Тамъ жили всѣ купцы Московскіе. Лавокъ и товаровъ считалось несмѣтное множество, и дѣйствительно было на что посмотрѣть и чему подивиться; но уже въ первый день мятежа, т. е. во вторникъ, къ вечеру ни одна лавка не уцѣлѣла. И какъ добыча была не равна, ибо одни бились, а другіе грабили; то приказано складывать вещи на майданъ;[73] всѣ товарищи и пахолики присягали въ колѣ, по учрежденному въ войскѣ порядку, предъ тѣмъ товарищемъ, который избранъ былъ продавать вещи;[74] а въ каждомъ полку былъ особый майданъ. У насъ назначенъ былъ къ этой должности Андрей Русецкій, нашей роты товарищъ. Продажа производилась такимъ образомъ: каждый товарищъ имѣлъ право купить вещь за половинную цѣну, противъ того, что далъ бы купецъ или шинкарь. Многіе однако жъ, даже самые товарищи, вопреки присягѣ, не всѣ вещи представляли; за что Богъ покаралъ нѣкоторыхъ явно. Такъ два товарища, не упомню изъ какой роты, не отдавъ на майданъ денегъ, драгоцѣнныхъ вещей и фантовъ, играли вдвоемъ, запершись, чтобы никто ихъ не видалъ и вѣроятно въ жару спора, не извѣстно за что, пронзили другъ друга штыкомъ на вылетъ; ихъ нашли уже мертвыхъ вмѣстѣ съ вещами. Послѣ присяги Господь явно каралъ и все войско: видно, много было подобныхъ клятвопреступниковъ.

Я ничего не покупалъ на майданѣ, ибо видѣлъ, что не было надежды на безопасное отступленіе; насъ некому было выручить а если бы сохрани Боже, враги довели насъ до крайности, намъ пришлось бы пролагать себѣ дорогу оружіемъ. Посему я лучше хотѣлъ приберечь наличныя деньги, думая удобнѣе ихъ вывезти; но другіе были смѣлѣе, накупили себѣ всякой всячины, и потомъ продавали свои вещи вдесятеро дороже. Я же и своей собствен-

1611. ности, самаго платья не успѣлъ спасти; а что было купилъ, все потерялъ вмѣстѣ съ кормовыми деньгами, когда насъ разгромили въ Роднѣ подъ Старицею.[75] Всему войску досталось майдановыхъ денегъ по 28 злотыхъ на коня.

Часто выходили мы на вылазки пѣшкомъ, ибо непріятель стоялъ близко, и нерѣдко схватывались съ нимъ, впрочемъ болѣе по необходимости, чѣмъ по собственному желанію: стоило только вытти нашимъ за кормомъ для коней, ужъ вѣрно завяжется дѣло: мы подкрѣпимъ своихъ, а Русскіе своихъ, и пойдетъ потѣха; дѣло кончится, какъ говорятъ они, подъ часъ кровавою дракою, а подъ часъ смертною дракою, и всегда къ великому вреду намъ: ибо Русскихъ явится на стычку столько, сколько всего войска у насъ не было. Часто мы высылали по ночамъ и конницу за Москву рѣку въ засаду, чтобы завязавъ дѣло, навести на нее непріятеля: нерѣдко, при Божіей помощи, мы достигали своей цѣли, да пользы было мало, исключая развѣ того, что мы могли размѣняться плѣнными.

Между тѣмъ панъ Янъ Сапѣга, по убіеніи Царика, перешедшій съ войскомъ изъ Калуги въ Масальскъ въ 60 миляхъ отъ Москвы, узнавъ о возстаніи народа, направилъ путь къ столицѣ и распустилъ молву, что идетъ не сражаться съ Москвитянами, а вступить съ ними въ переговоры. Русскіе свѣдавъ, что онъ уже въ Можайскѣ, отправили къ нему пословъ, чтобы узнать его замыслы. Сапѣга увѣрилъ ихъ, что идетъ къ нимъ съ добрымъ намѣреніемъ. Тогда знатнѣйшіе бояре сами поѣхали къ нему съ челобитьемъ и видѣлись съ нимъ въ 6 миляхъ отъ Москвы, въ монастырѣ Вязомѣ. О чемъ же уговаривались, неизвѣстно; только передовые отряды Русскихъ, перебраниваясь съ нашею стражею, говорили: «къ намъ идетъ Сапѣга». Впрочемъ Москвитяне, имѣя съ нимъ сношенія, не довѣряли ему, и спѣшили укрѣпить свой лагерь, бывшій доселѣ безъ всякой обороны, острогомъ и глубокимъ рвомъ съ частоколомъ.

17 мая Сапѣга подступилъ къ столицѣ, и не переходя Москвы рѣки, сталъ лагеремъ на возвышеніи между Дѣвичьимъ и Симоно-

вымъ монастырями; а въ Москву ни самъ онъ, ни кто либо изъ 1611.
его товарищей не являлся. Мы удивляемся и ждемъ, что будетъ далѣе. Они сносятся между собою и бываютъ другъ у друга: мы ничего не знаемъ. Наконецъ, чтобы вывѣдать его замыслы, 21 мая дѣлаемъ вылазку: старшіе наши поставили ночью нѣсколько хоругвій въ засадѣ и дали знать о томъ пану Сапѣгѣ, не приглашая впрочемъ его къ битвѣ, въ предположеніи, что онъ самъ догадается, какъ ему дѣйствовать. Послѣ того мы завязали дѣло и поставили Москвитянъ прямо ему подъ носъ, на широкую равнину, между его лагеремъ и Москвою. Сапѣга, выстроивъ войско въ боевой порядокъ предъ лагеремъ, смотрѣлъ издалека на битву. Долго длилось сраженіе, наконецъ, за Божіею помощью, мы начали одолѣвать; онъ, какъ видно, досадуя на успѣхъ нашъ, прислалъ намъ приказъ сойти съ поля. Наши, имѣя уже въ рукахъ своихъ непріятеля и желая довершить его пораженіе, не хотѣли разстаться съ такою потѣхою; онъ прислалъ вторично объявить, что если не прекратимъ битвы, ударитъ на насъ съ тыла. Тутъ мы, рады, не рады, отступили къ Кремлю, хотя и побѣдителями. Въ этомъ дѣлѣ панъ Илья Зенковичъ попалъ было въ большую бѣду: когда отъ напора многочисленнаго непріятеля, ослабѣло то крыло, въ коемъ онъ находился, пришлось ему бѣжать вмѣстѣ съ другими; на пути было болото; конь его увязъ, онъ побѣжалъ пѣшій; непріятель обскакалъ его и, какъ видно хотѣлъ взять живьемъ: убить его было нетрудно. Ему уже накинули петлю на шею; но наши подоспѣли, враговъ прогнали, а пана выручили.

Носилась въ то время молва, что панъ Сапѣга самъ искалъ царскаго престола, и для сего подъѣзжалъ къ Русскимъ съ такими ласками. Вѣроятно, онъ договаривался сначала о себѣ, а потомъ увидѣвъ неудачу, хотѣлъ помирить насъ съ Русскими; не успѣвъ и въ этомъ (ибо грубый Москаль ни на что не подавался), оставилъ ихъ и присоединился къ намъ.[76] Съ паномъ Гонсѣвскимъ онъ держалъ совѣтъ, на что рѣшиться. Объ истребленіи непріятеля казалось нечего и думать; лагерь ихъ былъ хорошо укрѣпленъ; а

1611. въ лагерѣ была несмѣтная тьма поганства. Мы же терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Наконецъ положили: пану Сапѣгѣ съ войскомъ его, простиравшимся до 2000, углубиться въ непріятельскую землю и опустошать ее огнемъ и мечемъ; главное же доставить намъ съѣстныхъ припасовъ, въ коихъ мы нуждались. Между тѣмъ разглашали, что Сапѣга идетъ разорять землю въ намѣреніи пробудить въ Русскихъ состраданіе къ родинѣ; но тщетно: это ни мало не потревожило ихъ. 29 мая съ съ паномъ Сапѣгою мы отправили сколько могли своихъ челядинцевъ за живностью; я послалъ четырехъ; всѣхъ же было 1500, подъ надзоромъ Руцкаго шиша.

31 мая въ третій день по отправленіи челяди съ паномъ Сапѣгою, пришла вѣсть, что къ намъ идетъ панъ Гетманъ великаго княжества Литовскаго Іеронимъ Ходкѣвичъ: онъ былъ въ то время еще подъ Печорами на границѣ Лифляндской, въ 80 миляхъ отъ столицы. Эта вѣсть такъ обрадовала насъ, что наши вздумали звонить во всѣ колокола, коихъ въ Москвѣ множество, съ пушечною и ружейною пальбою, и тѣмъ обнаружили свое безсиліе: по удаленіи челяди, насъ не много являлось на стѣнахъ, да и выстрѣлы были рѣдки. Непріятель замѣтилъ нашу слабость, и въ ту же ночь, лишь только умолкло наше ликованіе, за часъ до разсвѣта, пошелъ на приступъ.

Была въ Бѣлой стѣнѣ башня, первая отъ Китая-города: она могла сильно вредить намъ, если бы досталась непріятелю; а находясь въ нашихъ рукахъ, не менѣе безпокоила и Москвитянъ: она была для нихъ какъ соль для глазъ. Мы заняли ее цѣлою ротою Бобовскаго, изъ 400 всадниковъ. На эту башню прежде всего устремились Москвитяне, когда наши вовсе не ожидали приступа, и овладѣвъ ею безъ труда, на насъ обратили наши орудія, запасшись своимъ порохомъ и ядрами. Въ туже минуту явился здѣсь панъ Гонсѣвскій: видя, сколь гибельна можетъ быть для насъ потеря этой башни, онъ убѣждалъ товарищество и роту Млоцкаго снова овладѣть ею. Наши и сами знали всю важность

такой потери; посему охотно и рѣшительно, съ однѣми саблями 1611.
въ рукахъ, бросились по стѣнѣ на Русскихъ; путь былъ такъ тѣсенъ, что едва двое могли итти рядомъ: наши добрались до башни, изрубили засѣвшихъ враговъ и овладѣли ею, захвативъ сверхъ того нѣсколько боченковъ непріятельскаго пороха. Мы лишились въ семъ дѣлѣ убитыми двухъ храбрыхъ товарищей Дудзинскаго и Никодима Добровницкаго.

Потерявъ башню, Москвитяне обратились на другую сторону, къ Кремлю многочисленною толпою, чрезъ Бѣлый городъ. Половина его была въ нашихъ рукахъ отъ Тверскихъ воротъ до Крымъ-города со всѣми башнями и воротами; они шли съ намѣреніемъ отнять у насъ весь Бѣлый-городъ и скоро достигли своей цѣли отъ нашей слабости: встрѣтясь съ ними неожиданно, мы должны были вступить въ бой почти безъ оружія, какъ стояли на стѣнѣ. Хоругви спѣшатъ выстроиться, а въ каждой не болѣе 20, много 30 человѣкъ. Посылаемъ за доспѣхами и тутъ же вооружаемся; но теперь поздно. Непріятель уже вездѣ, на воротахъ, на башняхъ; мы бѣжимъ въ крѣпость, преслѣдуемые безчисленнымъ множествомъ до самыхъ воротъ Кремлевскихъ. Кто не успѣвалъ попасть съ нами въ крѣпость, оставался въ рукахъ враговъ. Никольскіе ворота, первые послѣ Тверскихъ, были заняты тремя сотнями нашихъ Нѣмцевъ; а Тверскіе, вмѣстѣ съ стѣною до самой башни, гдѣ стоялъ прежде Бобовскій, находились въ рукахъ Москвитянъ, которые здѣсь и лагерь свой имѣли, отдѣляясь отъ насъ только стѣною; на другой же сторонѣ, отъ Никольскихъ воротъ до самаго Кремля, вся стѣна была въ нашей власти. Къ симъ то Никольскимъ воротамъ Москвитяне обратились съ приступомъ; мы только смотрѣли на оборону нашихъ Нѣмцевъ, не имѣя средствъ помочь имъ; еще они могли бы отбиться; но имъ недостало пороху, коего была одна бочка; истративъ всѣ снаряды, они стали обороняться каменьями и кирпичами. Враги взяли ихъ почти голыми руками на честное слово, и хотя привели въ лагерь живыми, но тамъ однимъ свернули шею, а другихъ

1611. потопили. Та же участь постигла и прочія башни, еще менѣе укрѣпленныя.

Оставалась у насъ еще одна башня, пятиглавая, почти на поворотѣ замка или на углу Бѣлой стѣны, надъ Москвою рѣкою: въ ней было Польской пѣхоты Граевскаго 300 человѣкъ съ однимъ поручикомъ, Краевскимъ: отрядъ оборонялся упорно и и навѣрное отбился бы, если бъ не измѣнилъ барабанщикъ, который, бѣжавъ къ Москвитянамъ, далъ знать, что нижній ярусъ башни наполненъ гранатами и разными зажигательными припасами; внизу же ея было отверстіе, наподобіе воротъ, только безъ дверей: Русскіе пустили туда двѣ зажженныя стрѣлы; гранаты воспламенились, и вся башня запылала. Она была въ 4 яруса, деревянная безъ сводовъ. Скоро не было мѣста и въ 4 ярусѣ; наши хотѣли броситься въ отверстіе, но пламя охватило уже все зданіе. Оставалось одно средство: спускаться по веревкѣ за стѣну къ рѣкѣ. Хотя и тамъ смерть была предъ глазами, ибо лишь только кто спускался на землю, Москвитяне тотчасъ разсѣкали его; но наши хотѣли лучше умереть подъ саблею, чѣмъ въ огнѣ. Много впрочемъ и сгорѣло: иные и до оконъ не успѣли добраться. Мы только смотрѣли на злополучныхъ витязей; сердце наше разрывалось отъ жалости, а помочь было невозможно. Спасся одинъ поручикъ, коего Москвитяне взяли въ плѣнъ и послѣ обмѣняли на своихъ. Дружина его погибла до послѣдняго. Такимъ образомъ Русскіе отняли у насъ всю Бѣлую стѣну до самаго Кремля. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли гусарскаго ротмистра Гоздзиловскаго, къ отряду коего я присоединился за недѣлю предъ тѣмъ съ 8 всадниками. Подъ хоругвію его мы должны были дослуживать четверть, съ обязанностію охранять порученный ему постъ. Пану Зенковичу пуля попала въ шишакъ, но не пробила.

5 іюня. Спустя нѣсколько дней, непріятель подступилъ къ Дѣвичьему монастырю, гдѣ находились двѣ наши казацкія роты, Гласкаго и Оршанскаго, 200 наемныхъ Нѣмцевъ и 300 Нѣмцевъ Московскихъ, жителей столицы, принявшихъ нашу сторону. По-

слѣдніе измѣнили намъ, сдавъ свой постъ, послѣ нѣсколькихъ 1611.
выстрѣловъ непріятельскихъ. За день или за два до того Гонсѣвскій, желая дать знать пану гетману Литовскому, что мы со всѣхъ сторонъ заперты Москвитянами, (которые и за Москвою рѣкою при каменной церкви успѣли сдѣлать острогъ, откуда часто привѣтствовали насъ ядрами, не дозволяя вытти изъ крѣпости), послалъ десять товарищей на добрыхъ коняхъ, вручивъ каждому изъ нихъ письмо къ гетману, въ надеждѣ, что не тотъ, такъ другой извѣститъ его. Товарищи пустились въ путь среди бѣлаго дня: выбрали это время нарочно для того, что Русскіе ночью были осторожнѣе, а въ полдень обыкновенно отдыхали. День былъ тихій и ясный; но лишь только наши подъѣхали къ рѣкѣ для переправы, изъ маленькой тучи пошелъ такой сильной дождь, что въ двухъ шагахъ человѣка было не видно. Пользуясь суматохою, переправились девять товарищей (у десятаго конь не пошелъ въ воду) и миновали непріятельскій острогъ, не бывъ никѣмъ замѣчены. Чрезъ минуту дождь прошелъ, и по прежнему стало ясно. Тутъ увидѣли Москвитяне нашихъ витязей и бросились за ними въ погоню; но тѣ уже были далеко, успѣвъ доскакать до Дѣвичьяго монастыря къ своимъ. Отсюда не всѣ вмѣстѣ отправились въ дорогу, а раздѣлились на двѣ половины: одни поѣхали впередъ, другіе должны были слѣдовать за ними, спустя нѣсколько дней; послѣднимъ не удалось: Москвитяне захватили ихъ, овладѣвъ монастыремъ. Первые же успѣли доставить письма въ руки гетмана.

25 іюня панъ Сапѣга воротился въ столицу; за нимъ шла и челядь наша съ съѣстными припасами. Москвитяне, желая преградить ей путь въ замокъ, поставили противъ Кремля за рѣкою другой острогъ, и съ первымъ соединили его глубокимъ рвомъ, занявъ оба укрѣпленія, также и ровъ, сильными отрядами. Руцкій съ челядью не могъ пробраться къ намъ чрезъ Бѣлый городъ: ибо всѣ ворота были уже въ рукахъ непріятельскихъ; посему оставивъ съѣстные припасы въ обозѣ пана Сапѣги, онъ

1611. обошелъ Дѣвичій монастырь по Зарѣчью, и нечаянно явился между Русскими острогами на рву, вовсе не зная о находившемся здѣсь укрѣпленіи. Москвитяне также не ожидали нападенія съ сей стороны, выскочили изъ рва и разбѣжались; наши немедленно слѣзли съ коней, заровняли ровъ, перешли его безъ труда и пустились къ намъ чрезъ рѣку вплавь. Мы ждали ихъ въ воротахъ надъ рѣкою, готовые къ битвѣ и не впуская въ замокъ, кинулись вмѣстѣ въ Бѣлый городъ; Русскіе едва замѣтили наше наступательное движеніе, обратились въ бѣгство, оставивъ въ отнятыхъ у насъ воротахъ и башняхъ отряды для обороны. На воротахъ Арбатскихъ засѣло съ полтораста Москвитянъ; мы взяли ихъ штурмомъ. Не тронь нашего! Такимъ образомъ мы снова овладѣли всею стѣною. Мы заняли и Дѣвичій монастырь, также оставленный Русскими.

8 іюля умеръ панъ Сапѣга въ столицѣ, послѣ кратковременной болѣзни; войско, бывшее подъ начальствомъ его, 18 іюля удалилось изъ Москвы и разошлось по деревнямъ. Оно не хотѣло повиноваться ни нашему регименгарю, ни кому либо другому; занималось только набѣгами, ни съ кѣмъ не дѣлилось добычею, пропекало Москвитянъ сзади, и наживалось. Королю также не служило, исключая развѣ того времени, когда нѣсколько недѣль стояло подъ Москвою, о чемъ вы уже знаете, и не смотря на то взяло платы за 11 четвертей. Тѣло пана Сапѣги оно увезло съ собою и отослало въ Литву. Въ то же время умеръ панъ Витовскій, дворянинъ королевскій, присланный отъ короля къ боярамъ. Между тѣмъ мы снова оправились въ силахъ и были для Русскихъ столь же страшны, какъ и они для насъ. Для лучшей безопасности, мы рѣшились поставить острогъ противъ Тверскихъ воротъ, занятыхъ Москвитянами, которые оттуда насъ тревожили. Можно было бы сдѣлать его ночью безъ вреда себѣ; но чтобы доказать презрѣніе къ Русскимъ, мы принялись за работу 21 іюля среди бѣлаго дня. Это затѣялъ Борковскій, думавшій устрашить враговъ своими Нѣмцами, коихъ взялъ съ собою не болѣе 200

человѣкъ. Русскіе сдѣлали сильную вылазку изъ лагеря и всѣхъ 1611.
Нѣмцевъ захватили; а Борковскій бѣжалъ. Такимъ образомъ мы замѣтно теряли бѣдныхъ Нѣмцевъ. Впрочемъ должно признаться, что при всякомъ случаѣ они дѣйствовали весьма усердно въ нашу пользу.

Претерпѣвая недостатокъ въ деньгахъ и въ жизненныхъ потребностяхъ, мы настоятельно просили старшихъ принять мѣры, чтобы войско, лишенное продовольствія, не разбрелось. О присылкѣ вспоможенія людьми и деньгами изъ Польши не было и слуха; посему наши начальники, переговоривъ съ боярами, получили отъ нихъ дозволеніе выдать войску изъ царской казны кормоваго жалованья за двѣ четверти фантами (ибо денегъ въ казнѣ не было), считая по 30 злотыхъ на коня; что и было исполнено. Отъ войска назначены были депутаты для пріема фантовъ изъ казны. Эти депутаты вѣрно не станутъ шить лыкомъ: порядкомъ насъ обкрадывали. Многіе не считали за грѣхъ обрѣзать у соболей хвостики и подбить ими свои епанчи, въ коихъ потомъ щеголяли всенародно; а хвостики и въ Москвѣ дороже самыхъ соболей: чего же стоятъ у насъ?

Войскомъ непріятельскимъ начальствовали многіе полковники, какъ-то: Заруцкій, Трубецкой, Просовѣцкій; но главнымъ былъ Ляпуновъ, коему всѣ долженствовали повиноваться. Заруцкій однако хотѣлъ самъ быть гетманомъ, другіе искали того же; отъ того они враждовали другъ другу. Гонсѣвскій воспользовался ихъ несогласіемъ и употребилъ слѣдующую хитрость: однажды на вылазкѣ мы поймали знатнаго боярина; Гонсѣвскій безъ всякаго милосердія объявилъ ему смерть, какъ явному измѣннику, нарушившему присягу королевичу; а между тѣмъ тайно велѣлъ намъ склонить его къ вторичной присягѣ. Бояринъ долго не соглашался, хотя вѣрная смерть была предъ глазами; наконецъ присягнулъ. Тогда Гонсѣвскій открылъ ему за тайну, какъ надежному человѣку, что будто имѣетъ сношеніе съ Ляпуновымъ, чрезъ котораго намѣренъ дѣйствовать, и въ доказательство показалъ наединѣ въ

1611. запертомъ покоѣ, чтобы никто не видѣлъ, вымышленное письмо, очень искусно поддѣланное подъ руку Ляпунова, увѣряя, что оно прислано отъ сего послѣдняго. Бояринъ, зная хорошо почеркъ Ляпунова, всему повѣрилъ и обязался клятвою доставить отъ Гонсѣвскаго отвѣтъ Русскому вождю на мнимое письмо его тайно, обѣщая передать такимъ же образомъ и другое письмо. Для лучшаго успѣха хитрости, мы обмѣняли боярина на своего плѣнника.

Возвратясь къ своимъ, Москаль забылъ и вторую присягу: принесъ письмо не къ Ляпунову, а въ Розрядъ, къ боярамъ, и сказалъ имъ: «я своими глазами видѣлъ у Гонсѣвскаго собственно-«ручную граммату Ляпунова; оба вмѣстѣ они куютъ на васъ ковы». Заруцкій, алчный власти, подстрекнулъ Донцовъ: тѣ бросились на Ляпунова и разнесли его на сабляхъ. По смерти его, Заруцкій сталъ главою войска. Намъ онъ доброжелательствовалъ болѣе прочихъ; но не смѣлъ обнаруживать своихъ намѣреній, памятуя смерть Ляпунова.[77]

Выслуживъ срочное время съ Гоздзиловскимъ, я вступилъ въ хоругвь пана Струся. Враги часто пускали къ намъ бомбы изъ мортиръ и каленыя желѣзныя ядра изъ пушекъ. Но мы были такъ осторожны, что ни одно зданіе не загорѣлось, пока они не улучили благопріятнаго времени: 8 сентября, при жестокомъ вѣтрѣ, брошено въ Китай-городъ изъ мортиръ десять бомбъ разомъ. Тутъ мы уже не могли отстоять его: все, что было въ немъ, сдѣлалось жертвою лютаго пожара; уцѣлѣли только каменныя лавки, церкви и кирпичное строеніе. Товарищи перебрались къ намъ въ Кремль. Казацкій ротмистръ Рудницкій избралъ для себя жилищемъ пустой склепъ въ цейхгаузѣ, служившій пороховымъ погребомъ, и велѣлъ слугѣ принести свѣчу, чтобы осмотрѣть, можно ли разводить тамъ огонь, ибо становилось уже холодно; лишь только упала искра на землю, мигомъ взорвало весь склепъ: на полу находилось пороху безъ малаго на пядень; его складывали туда болѣе ста лѣтъ и съ тѣхъ поръ, какъ построенъ цейхгаузъ, никогда погребовъ не чистили. Этимъ

взрывомъ выбросило всѣхъ бывшихъ тамъ людей, числомъ 18; 1611.
самого Рудницкаго такъ изтерзало, что нельзя было собрать членовъ его. Уцѣлѣли только двое: ихъ подняло довольно высоко, но они упали на землю безъ вреда. На случай пожара, для удобнѣйшаго сохраненія, я сложилъ свои вещи въ склепъ того же цейхгауза, рядомъ съ погребомъ, взлетѣвшимъ на воздухъ, и если бы не было въ склепѣ вещей челядинскихъ, мои навѣрное пропали бы: ибо опасаясь ежеминутно взрыва и другихъ погребовъ, никто не смѣлъ къ нимъ приступить: тамъ лежали разныя горючія вещества, съ водкою, ядрами, стрѣлами, крючьями. Огонь туда уже пробрался, и все какъ въ адѣ пылало. Челядь, спасая свои вещи, спасла и мои. Но на что разъ взглянетъ волкъ, того не зови своимъ.[78]

Считая безопаснѣе держать нѣкоторыя вещи при себѣ, въ особенности такія, которыя мѣста занимали не много, а стоили дорого, я сложилъ въ кошель все свое золото, драгоцѣнные каменья и жемчугъ. Этотъ кошель я всегда носилъ съ собою, когда шелъ на стѣну для стражи, не оставляя его въ квартирѣ, чтобы не сгорѣлъ; а возвратившись домой, я пряталъ его въ небольшой ларецъ, стоявшій за кроватью. Всѣ эти вещи стоили 1800 злотыхъ, по Московской цѣнѣ. Былъ у меня еще крестикъ изумрудный, доставшійся мнѣ изъ казны въ 120 злотыхъ, длиною въ палецъ, въ золотой оправѣ: я вложилъ его въ ладонку, съ ниткою восточнаго жемчуга цѣною въ 70 злотыхъ, и на снуркѣ повѣсилъ себѣ на шею, въ тѣхъ мысляхъ, что если все прочее потеряю, уцѣлѣетъ по крайней мѣрѣ то, что на шеѣ, и я не останусь безъ куска хлѣба, лишь только бы Господь Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Другія же вещи изъ числа фантовъ, наиболѣе драгоцѣнныя, какъ то: парчи, соболи, чернолисьи мѣха, Персидскія ткани, серебро въ лому, привезенныя изъ дома платья, и многое другое, о чемъ упоминать было бы долго, все это я упряталъ въ овсянный кошель, и взвалилъ на дюжаго коня, чалаго мѣрина, къ коему приставилъ лишняго пахолика, съ приказаніемъ всегда водить его за мною подъ хоругвію.

1611. Но Господь Богъ хотѣлъ доказать, что не во власти человѣка ни побѣда, ни здоровье, ни имущество. Все, что я считалъ безопаснымъ отъ непріятеля, пошло къ чорту, и золото, и жемчугъ, и драгоцѣнные каменья, все, что хранилось въ ларцѣ, который стоялъ за моею кроватью. Его укралъ братній пахоликъ, Яковъ, Нѣмецъ, передавшійся къ Москвитянамъ, когда я отправился съ товариществомъ на встрѣчу пану Гетману Литовскому, шедшему къ столицѣ; а крестикъ, висѣвшій у меня на шеѣ, пропалъ ночью во время похода. Я схватился уже около полудня, отъѣхавъ нѣсколько миль отъ ночлега; поскакалъ было назадъ, не взирая на большую опасность, въ надеждѣ найти его; но напрасно: не нашелъ я своего крестика. Кошель же овсянной, бывшій при мнѣ безотлучно, на походѣ при хоругви, на ночлегѣ при постелѣ, отбилъ непріятель подъ Старицею, среди бѣлаго дня разграбивъ насъ, безпечныхъ. Напротивъ того, чѣмъ я не дорожилъ, и что предавалъ въ жертву врагамъ, на походѣ оставляя въ возахъ, на ночлегѣ бросая въ клеть, все то уцѣлѣло: даже длинный платяной сундукъ и складная кровать, объѣздивъ со мною всю Московскую землю, возвратились на родину невредимы. А все, что для меня было дорого, отняли Москвитяне; въ заключеніе, потерявъ всѣхъ коней, строевыхъ и обозныхъ, числомъ 14, я остался только съ рыжею кобылою, да съ чалымъ мѣриномъ.

6 октября, явился подъ Москвою, къ великой радости нашей, давно ожидаемый панъ гетманъ Ходкѣвичъ, едва имѣя съ собою 2000 человѣкъ,[79] которыхъ привелъ болѣе изъ подъ Смоленска, чѣмъ изъ Литвы. Сколь, нетерпѣливо ожидали мы его прибытія, столь же скоро миновала наша радость; все войско пріуныло. Но многіе ободрились, и гораздо усерднѣе, чѣмъ прежде стали думать о конфедераціи, на коей положили отправить къ королю и прелатамъ короннымъ пословъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что мы не будемъ служить долѣе 6 января 1612 года, и съ торжественнымъ протестомъ во всѣхъ городскихъ судахъ, гдѣ только можно, что намъ, при такомъ лютомъ голодѣ, безъ денежныхъ

пособій, недостаетъ силъ держаться противъ столь многочислен- 1611.
ныхъ непріятелей. Съ такимъ порученіемъ мы отправили 2 полковниковъ Казановскаго и Борковскаго, 2 ротмистровъ Мархоцкаго и Гречина, 2 поручиковъ Войтковскаго и Сржедзинскаго и 2 товарищей, имени коихъ не упомню.

Наши такъ сильно вознегодовали на пана гетмана за то, что онъ вздумалъ было остановить разбѣжавшіяся колеса военнаго своеволія. Гонсѣвскій не хотѣлъ судить ни какихъ преступленій въ войскѣ, оставляя расправу пану гетману; а въ такихъ случаяхъ стоитъ только разъ ослабить вожжи, чтобы совсѣмъ упустить ихъ изъ рукъ: если первый преступникъ не получитъ должнаго наказанія, втораго нельзя уже тронуть: онъ вѣрно скажетъ: «за чѣмъ того не наказали». Панъ гетманъ началъ судить строго и тѣмъ многихъ отдалилъ отъ себя; въ послѣдствіи замѣтилъ свою ошибку, да поздно. Разгнѣванный своевольствомъ многихъ Лифляндцевъ, онъ не хотѣлъ имѣть ихъ въ своемъ войскѣ и едва не выгналъ. Лифляндцы съ своей стороны также не хотѣли оставаться подъ его начальствомъ, подстрекали другихъ къ неповиновенію и затѣяли конфедерацію. Умы такъ были раздражены, что не требовали многихъ убѣжденій: нужно было только начать.

Войско было изнурено голодомъ; болѣе всего безпокоили насъ лошади: мѣшокъ ржи стоилъ дороже, чѣмъ мѣшокъ перцу. Мы должны были искать травы за лагеремъ непріятельскимъ; но посылая за нею, мы потеряли много своихъ челядинцевъ, а коней все-таки поморили. И для продовольствія и для отдохновенія, намъ непремѣнно было нужно оставить Москву. Посему обрадовавшись прибытію свѣжаго войска, мы сдаемъ столицу пану гетману и просимъ выпустить насъ, обѣщая доставлять ему съѣстные припасы и быть всегда въ готовности оказывать нужную помощь. Но панъ гетманъ, по многимъ важнымъ причинамъ, не хотѣлъ принять отъ насъ столицы и въ ней остаться. Онъ искалъ однако средства, какимъ бы образомъ удержать и ободрить войско, и скоро нашелъ, назначивъ жалованье товари-

1611. щамъ, желавшимъ остаться въ Москвѣ, за стѣнную службу,[80] по 20 злотыхъ, а пахоликамъ по 15 въ мѣсяцъ. Тѣ же, которые хотѣли итти въ поле, обязаны были взять съ собою всѣхъ лошадей для откормленія. Имъ также назначено жалованье сполна, смотря по тому, кто былъ въ какомъ отрядѣ и подъ какою хоругвію.

Такимъ образомъ служба стѣнная была необыкновенная, но безъ наличныхъ денегъ и безъ вѣрнаго ручательства въ исправной платѣ: бояре только обѣщали. Товарищи не довольствовались одними посулами. Было, чѣмъ заплатить изъ казны; но бояре не хотѣли трогать сокровища, необходимыя для торжественнаго вѣнчанія королевича, котораго съ часу на часъ ожидали. Тамъ хранились всякія вещи, употребляемыя при коронаціи: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоцѣнные каменья, сверхъ того дорогіе столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчугъ, и многое тому подобное. Все это я видѣлъ своими глазами. Не упоминаю о дорогихъ мѣхахъ, которые берегутъ единственно для царя, не выпуская никуда за границу для продажи. Не упоминаю о драгоцѣнныхъ ковчегахъ съ св. мощами: они хранятся въ склепѣ, длиною около 5 саженъ, съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною въ поллоктя съ литерами на концѣ, означающими, чьи мощи въ себѣ заключаютъ. Среди склепа идутъ еще два шкапа, отъ пола до потолка, съ подобными же золотыми ящиками по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ, ковчеги занимаютъ 7 стѣнъ, ни гдѣ не оставляя пустаго мѣста. Слѣдовательно, хотя было, говорю, чѣмъ платить намъ; но бояре не хотѣли разорять казны, и только дали въ закладъ нѣсколько вещей, обѣщая скоро выкупить ихъ, а именно: двѣ царскія короны, изъ коихъ одна принадлежала Годунову, а другая, еще не совсѣмъ оконченная работою, Димитрію, мужу Мнишковны, 2 или

3 единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ опра- 1611.
вленный золотомъ съ брилліантами, и гусарское сѣдло того же Димитрія, украшенное золотомъ, каменьями и жемчугами. Мы согласились принять этотъ закладъ, и товарищи отправили къ боярамъ депутатовъ ударить по рукамъ.

Кто имѣлъ съѣстные припасы и желалъ остаться въ Москвѣ, оставался; а другіе отправлялись въ поле, впрочемъ безъ челяди. Число первыхъ простиралось до трехъ тысячъ. Мы вышли изъ столицы 10 ноября, наканунѣ праздника св. Мартына и направили путь къ Волгѣ, въ надеждѣ найти тамъ край болѣе другихъ областей хлѣбородный. Я также вышелъ изъ Москвы, потому, что умиралъ съ голоду. Вмѣстѣ съ нами шелъ панъ гетманъ со всѣмъ войскомъ. На четвертые сутки, т. е. 14 ноября, мы достигли Рогачева[82] и остановились: сюда привезли намъ съѣстныхъ припасовъ изъ за Волги. На пути къ Рогачеву мы пробирались по весьма грязной дорогѣ, отъ частыхъ дождей, и войско, недавно пришедшее съ гетманомъ, имѣя грузныя повозки, испытало много неудобствъ: иные возы пришлось оставить въ болотахъ; при всемъ томъ не хотѣло подѣлиться съ нами своими припасами. Если же кто продавалъ съѣстное, бралъ не дешево, и мы должны были платить, чего требовали. Наши также бросили не одного коня въ болотѣ: ибо въ столицѣ всѣ лошади строевыя до того изнурились, что шатались даже отъ вѣтра, а въ конюшняхъ прогрызывали насквозь самыя толстыя стѣны. Изъ Рогачева мы высылали челядь за Волгу для съѣстныхъ припасовъ, и въ три недѣли получили ихъ въ великомъ изобиліи. Въ сіе время мнѣ привели небольшаго мальчика, именемъ Потапа; я назвалъ его Езопикомъ и отдалъ выучить на кимвалѣ.

18 декабря мы отправились къ столицѣ съ съѣстными припасами. Полковникомъ у насъ былъ князь Корецкій. Я находился тутъ же. Отрядъ нашъ заключалъ едва 500 человѣкъ способныхъ къ бою. Морозы были жестокіе, и какъ не позволялось разводить огней, для безопасности отъ непріятеля, то на пути къ столицѣ

1611. замерзло у насъ 360 человѣкъ, частію нашихъ, частію Москвитянъ; послѣднихъ впрочемъ болѣе. Русскіе напали на насъ и отняли нѣсколько возовъ съ припасами, но не много; я одинъ лишился однако 5 возовъ. Мы долго сражались съ ними на самой рѣкѣ; наконецъ отбились. Руки наши примерзали къ палашамъ. Весьма многіе товарищи и пахолики отморозили пальцы на рукахъ и ногахъ, даже ноги. Никогда стужа не была намъ столь губительна, какъ во время этого похода: тутъ всѣ пострадали. Самъ князь Корецкій отморозилъ себѣ пальцы у рукъ и ногъ.

Изъ столицы мы воротились въ Рогачевъ 24 декабря, въ сочельникъ Рождества Христова. Я разговѣлся однимъ толокномъ Въ Рогачевѣ панъ гетманъ разгнѣвался было на брата моего Даніила, который отказался итти подъ хоругвію къ столицѣ съ съѣстными припасами, потому, что этотъ походъ объявленъ былъ вопреки старинному порядку. Ссора дошла до того, что панъ гетманъ сказалъ ему въ колѣ. «Я велю отрубить тебѣ голову, мятежникъ!» «Если буду виновенъ», возразилъ братъ; «притомъ «же долѣе трехъ недѣль служить въ твоемъ полку не думаю». До 6 января оставалось только три недѣли, и на умѣ у насъ была не служба, а конфедерація.

1612. Мы встрѣтили новый годъ въ Рогачевѣ. 6 января оканчивался срокъ нашей службѣ, о чемъ мы уже прежде письменно объявили, поручивъ депутатамъ своимъ извѣстить короля и въ городскихъ судахъ записать протестъ, что долѣе служить не можемъ, и что не достанетъ человѣку силъ бороться съ голодомъ, съ холодомъ, съ непріятелемъ, безъ денежныхъ пособій. И такъ 6 января мы съѣхались на полѣ въ коло. Гетманъ присылаетъ къ намъ своего Цѣклинскаго[81] съ увѣщаніемъ разойтись и продолжать службу. Но напрасно: мы разшевелились и дали себѣ слово съѣхаться опять въ слѣдующій день, для назначенія военныхъ чиновъ, въ намѣреніи итти къ столицѣ: ибо одни, безъ содѣйствія товарищей, бывшихъ въ Москвѣ, мы ничего не могли начать.

Въ слѣдующій день мы снова собрались: тутъ явился самъ гет- 1612.
манъ и сказалъ длинную рѣчь, убѣждая насъ успокоиться; однако не успѣлъ, и уѣхалъ; а мы устроили военный нарядъ такимъ образомъ: старшимъ полковникомъ выбрали Іосифа Цѣклинскаго, а поручикомъ Копычинскаго, коему поручили и войско вести, до прибытія въ Москву не рѣшившись безъ тамошнихъ избрать маршалка. Сверхъ того въ каждомъ полку назначили особенныхъ полковниковъ; въ полку Зборовскаго трехъ: Санкевича, Стрыца, Косцюшкевича и Балинскаго, въ полку гетманскомъ Валентина Плавскаго, въ Струсевомъ Ѳедора Ворoныча, въ Вайеровомъ Бодашевскаго, въ Казановскомъ Людвига Понятовскаго. Въ такомъ порядкѣ мы отправились къ Москвѣ; съ нами шелъ и панъ гетманъ съ своимъ войскомъ. На пути Москвитяне отбили у насъ множество съѣстныхъ припасовъ.

13 января мы прибыли въ столицу.

14 января конфедерація. Учрежденъ постоянный нарядъ въ войскѣ. Цѣклинскій, выбранный прежде старшимъ, утвержденъ теперь маршалкомъ. Полковниковъ оставили тѣхъ же. Къ маршалку назначены 7 депутатовъ: Гайдовскій, Сулишевскій, (бывшій вмѣстѣ войсковымъ судьею во все время конфедераціи), Гржилатковскій, Свижинскій, Липскій и Гонсѣвскій младшій. Мы рѣшились было немедленно вытти изъ Москвы, сдавъ ее пану гетману; но видя, что при немъ войска было мало, согласились, по убѣжденію его, оставить въ столицѣ своихъ товарищей до 14 марта; панъ же гетманъ далъ слово прибыть въ сей день къ Москвѣ и вывести ихъ оттуда; насъ они также обязали присягою, въ назначенный срокъ, будетъ ли, не будетъ ли панъ гетманъ, пріѣхать за ними съ конями.

18 января мы снова воротились въ Рогачевъ, оставивъ своихъ въ Кремлѣ. Жалованье за полевую службу назначено всему войску за ручательствомъ гетмана до того времени, когда выведемъ своихъ изъ столицы; а за стѣнную службу плата опре-

1612. дѣлена особенная, съ залогомъ: наше объявленіе лишало насъ права на жалованье во время конфедераціи.

26 января пустились мы изъ Рогачева въ хлѣбороднѣйшія области, почти къ границѣ. Панъ гетманъ шелъ съ нами нѣсколько миль, потомъ разлучился и сталъ въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ Москвы прямою дорогою; мы же, продолжая путь, прибыли правда въ обильный край надъ Волгою и расположились по деревнямъ, мили на 4 другъ отъ друга, а отъ пана гетмана на 12 миль; но мѣсто мы избрали весьма неудобное, среди пяти непріятельскихъ крѣпостей, наполненныхъ врагами, между Старицею, Ржевомъ, Погорѣлою, Волочкомъ и Козельскомъ. Каждая изъ нихъ была отъ насъ въ трехъ, или много въ пяти миляхъ. Такимъ образомъ намъ пришлось отдыхать среди непріятелей!

Я служилъ въ то время съ паномъ Струсемъ. Мы стояли въ деревнѣ надъ самою Волгою со всѣмъ полкомъ Струсевымъ, въ коемъ не было однакожъ и 200 человѣкъ: ибо другіе остались на стѣнахъ Московскихъ. Деревня эта называлась Роднею. Крестьяне, жившіе въ ней, вмѣсто всякой повинности, обязаны были ставить въ царскую кухню капусту; у каждаго мы нашли по 2 и по 3 кадки; она такъ бѣла и вкусна, что подобной рѣдко найдешь у насъ, или въ другомъ мѣстѣ. Въ особенности понравилась намъ кочанная, квашенная съ анисомъ и кишницомъ; мы не могли до-сыта наѣсться ей. Но за эту вкусную капусту мы заплатили своими боками.

Москвитяне насъ стерегли: узнавъ чрезъ лазутчиковъ, что товарищи разъѣхались въ коло, и что мы стоимъ безъ стражи, они нагрянули на насъ среди бѣлаго дня, частію на коняхъ, частію на лыжахъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, мы отправили къ пану гетману послами брата моего Даніила и пана Хржонстовскаго, напомнить данное имъ слово вывести Товарищество изъ столицы; ибо 14 марта уже наступало. Панъ братъ, отъѣзжая, оставилъ мнѣ свои сундуки и всѣ вещи. Москвитяне такъ неожиданно напали на насъ, что наши едва успѣли сѣсть на коней, и

то многіе безъ сѣделъ. Отбить врага мы не могли: насъ не было и 1612.
50 человѣкъ; а онъ напалъ въ числѣ 4,000. Къ тому же намъ вредили глубокіе снѣга; мы не знали, какъ управиться съ лыжниками и отступили на Волгу, не имѣя ни одного ружья: ибо всѣ доспѣхи остались на стѣнахъ въ квартирахъ.

Русскіе, имѣя теперь все въ своей власти, захватили и мои вещи и братнины съ вещами другихъ товарищей: я остался съ одною клячею, на коей сидѣлъ. Къ моему горю, почти всѣ челядинцы мои хворали. Къ счастію добрая Москвитянка спрятала ихъ отъ враговъ въ банѣ подъ полъ: иначе они погибли бы. Я потерялъ однако убитыми двухъ: мальчика, именемъ Осипа Порембскаго изъ Подгуржа, и бывшаго при мнѣ портнаго Андрея изъ Цырына. Прочая же здоровая челядь моя во время тревоги, (ужь видно такъ Богу было угодно!) не попавъ на своихъ коней, ускакала на коняхъ другихъ товарищей: такимъ образомъ чужихъ спасла, а моихъ оставила въ конюшнѣ непріятелю, который увелъ ихъ съ собою. Между тѣмъ пріѣзжаетъ братъ мой съ отвѣтомъ, что панъ гетманъ не можетъ быть въ столицѣ къ назначенному дню: ибо не собралась челядь съ съѣстными припасами изъ за-Волги (гетманъ нарочно велѣлъ ей замедлить для того, что не имѣлъ еще войска, коимъ могъ бы занять столицу). Утѣшительно было бѣдному брату видѣть дымящіяся развалины деревни и свое добро въ рукахъ непріятеля!

Потерявъ все, я рѣшился остаться въ столицѣ и ждать тамъ королевича. И такъ, когда къ назначенному сроку, 14 марта, товарищи снарядили своихъ по условію въ Москву съ конями и съѣстными припасами, подъ начальствомъ полковника Косцюшкевича, я по доброй волѣ пустился съ ними въ путь, простившись съ братомъ и не сказывая никому, что думаю тамъ остаться. Послѣ я перемѣнилъ свое намѣреніе; а то пришлось бы ждать королевича едва ли не въ тюрьмѣ. Дорога намъ лежала чрезъ гетманскій лагерь: прибывъ туда, полковникъ и товарищи отправили меня съ паномъ Подгородынскимъ къ гетману напомнить его обѣщанія; мы получили въ отвѣтъ, какъ и прочіе депутаты, что

1612. панъ гетманъ не имѣетъ челяди и проситъ насъ подождать въ лагерѣ, пока возвратится она изъ поиска. Онъ медлилъ нарочно, чтобы подоспѣло войко, которое должно было остаться въ столицѣ.

Мы не послушали его и пустились далѣе въ путь, хотя сами видѣли всю опасность своего похода, при столь слабыхъ силахъ: насъ было всего 300 человѣкъ, притомъ каждый пахоликъ велъ по 2 и по 3 коня, слѣдовательно какимъ же образомъ могъ сражаться? Едва отошли мы на милю или на двѣ отъ гетманскаго лагеря, напали на насъ шиши [83] и безъ труда одержали побѣду: ибо находившіеся при возахъ нашихъ Москвитяне тотчасъ передались къ своимъ; а другіе загородили путь повозками; дорога же была узкая, а снѣга безмѣрно глубокіе; и если кто съ трудомъ принуждалъ коня своротить съ тропинки, тонулъ въ снѣгу, какъ въ страшномъ болотѣ, откуда не могъ выбиться. Не было средствъ отстоять поля. Враги разорвали нашъ отрядъ надвое: одни изъ насъ воротились къ гетману, а другіе, шедшіе впереди, въ числѣ коихъ и я былъ, пробившись сквозь шишей, съ трудомъ достигли Можайска.

Тутъ, въ деревнѣ Вишенцѣ, [84] мы поймали стараго крестьянина и взяли его проводникомъ, чтобы не заблудиться и не набресть на Волокъ, гдѣ стоялъ сильный непріятель. Онъ велъ насъ въ одной милѣ отъ Волока; ночью же нарочно повернулъ къ тому мѣсту. Уже мы были отъ него въ одной только верстѣ: къ счастію попался намъ Руцкій, который въ то время, проводивъ товарищей, вышедшихъ изъ столицы къ пану гетману, возвращался подъ самыми стѣнами Волока на свои квартиры въ Рузу, гдѣ стоялъ съ казацкою ротою. Отъ него узнали мы, что сами идемъ въ руки непріятелю, и поспѣшили воротиться. Проводнику отсѣкли голову; но страха нашего никто не вознаградитъ.

Гетманъ былъ тому радъ: намъ по неволѣ пришлось ждать весны, однимъ въ гетманскомъ лагерѣ, другимъ въ Можайскѣ. Я жилъ въ Борисоловѣ [85] у казацкаго ротмистра Хвалибога, съ

нѣсколькими изъ нашихъ товарищей; мы лакомились кониною. 1612.
Когда стаяли снѣга и земля просохла, гетманъ, выступивъ изъ Ѳедоровскаго, пришелъ къ Можайску, и сталъ въ одной милѣ отъ него обозомъ. Мы соединились съ нимъ. Убѣжденный неотступными просьбами нашими, онъ двинулся наконецъ къ столицѣ, но медленно, все поджидая войска. Въ Можайскѣ въ это время умеръ панъ Зѣнковичъ, судья Новогродскій, послѣ семидневной болѣзни. Панъ гетманъ расположился лагеремъ надъ Москвою-рѣкою въ 6 миляхъ отъ столицы. Тутъ простояли мы 4 недѣли, ожидая пана Струся, который, разлучившись съ нами еще въ Рогачевѣ, пошелъ было къ Смоленску, въ намѣреніи уѣхать домой; но подстрекаемый славолюбіемъ, охотно согласился возвратиться съ отрядомъ въ Москву, чтобы удержать ее за королевичемъ.

Въ лагерь нашъ неоднократно пріѣзжали къ гетману товарищи изъ столицы и получили отъ него письменное ручательство въ уплатѣ жалованья всему войску отъ начала конфедераціи до выхода нашихъ изъ столицы. Это ручательство хранится у меня. Между тѣмъ мы съ большимъ успѣхомъ ловили стрижей, пташекъ, водящихся на берегахъ. Узнавъ наконецъ, что панъ Струсь уже въ Можайскѣ, мы двинулись къ столицѣ и въ праздникъ подошли подъ самыя стѣны ея. Чрезъ нѣсколько дней къ намъ присоединился панъ Струсь съ 3000 голоднаго войска. Мы расположились лагеремъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, переправясь чрезъ Москву-рѣку. Панъ Струсь сталъ тамъ же въ особомъ лагерѣ.

Гонсѣвскій и панъ Струсь питали другъ къ другу зависть: оба искали чести сохранить Москву для королевича. Первый успѣлъ было убѣдить не малую часть столичнаго войска не покидать Москвы, гдѣ и самъ хотѣлъ остаться; послѣ однако долженъ былъ выступить; за нимъ послѣдовало все столичное войско, и слава Богу: если бы кто изъ нашихъ остался въ Москвѣ, я навѣрное не вышелъ бы изъ нея, и подобно другимъ попался бы въ западню.

1612. Войско Струсево вошло въ Москву, а наше вышло въ лагерь, переправясь чрезъ рѣку по живому мѣсту, сдѣланному изъ разломанныхъ домовъ. Мы простояли въ лагерѣ нѣсколько дней, договариваясь съ боярами о уплатѣ намъ стѣннаго жалованья, на которое имѣли залогъ, какъ выше мною упомянуто; но увидѣвъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, мы взяли залогъ; они же дали слово догнать насъ до перехода за границу съ деньгами и выкупить залогъ за 18.000 злотыхъ Польскихъ. И такъ, по милости Божіей, въ праздникъ Тѣла Господня, мы отправились къ границѣ. Тревожили насъ правда шиши, однако безъ успѣха: мы вездѣ ихъ прогоняли.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы заслонили намъ дорогу въ лѣсу, на переправахъ, тысячъ восемь Москвитянъ, пѣшихъ, какъ шиши; мы ихъ то же разбили на-голову. У каждаго изъ нихъ было по 3 и по 4 кошеля изъ бараньей шкуры: «это мы взяли» говорили они «для денегъ, которыя везете изъ Москвы, «подобно Нѣмцамъ Понтусовымъ». [86] Всѣхъ плѣнниковъ велѣно посадить на колъ; только нѣкоторыхъ ремесленниковъ, коихъ было множество, мы раздѣлили между собою и вывезли въ Польшу. Чрезъ полторы недѣли мы прибыли въ Смоленскъ и, отдохнувъ здѣсь съ недѣлю, пустились далѣе, въ отечество. Я нарочно промедлилъ въ Смоленскѣ у брата пана Гавріила, чтобы не итти съ войскомъ чрезъ Литву. Спустя же нѣсколько дней по выходѣ его, отправился водою въ баркѣ [87] до Орши, а оттуда сухимъ путемъ на родину. Другое войско наше, бывшее подъ начальствомъ маршалка, какъ скоро отправились мы въ столицу за товарищами, само собою вышло изъ квартиръ и еще до праздника прибыло подъ Смоленскъ, откуда, дождавшись сухой дороги, пустилось далѣе. Въ этомъ войскѣ находился и братъ мой панъ Данiилъ.

Король, узнавъ о выходѣ нашемъ изъ столицы, чего никакъ не ожидалъ, не вѣря декларацiи нашихъ пословъ, велѣлъ объявить по всѣмъ городамъ универсалами, что изъ Россiи идутъ своеволь-

ники: ихъ вездѣ должно бить и никуда не пропускать. Но войско 1612.
Сапѣгино, возвратившееся въ Литву еще зимнимъ путемъ и занявшее Гродно, Брестъ и Могилевъ, узнавъ о нашей конфедераціи, также составило свою конфедерацію. Въ надеждѣ скорѣе получить жалованье за службу и удобнѣе противустоять универсаламъ, наши снеслись съ войскомъ Сапѣгинымъ и обѣщали помогать другъ другу въ случаѣ насилія. И такъ этими универсалами сдѣлали то, что Сапѣжинцы, не выслуживъ и двухъ или трехъ четвертей, получили плату за десять. Намъ также выдали жалованье вполнѣ; впрочемъ мы подарили республикѣ по 100 злотыхъ съ коня.

Братъ мой панъ Даніилъ, которому здоровье такъ хорошо служило въ Москвѣ, едва переступилъ за границу, вдругъ заболѣлъ; больной пріѣхалъ въ Сервечь къ матушкѣ, больной возвратился къ къ войску, и уже не всталъ: онъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Черномъ островѣ, мѣстечкѣ князя Константина Вишневецкаго, въ Подоліи. Смерть его приписываю перемѣнѣ воздуха: къ Московскому климату онъ привыкъ и наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ. Могло быть также, что онъ разстроилъ свое здоровье горѣлкою, при слѣдующемъ случаѣ: находясь въ полку Струсевомъ въ Борисовѣ въ 2 миляхъ отъ Можайска, онъ строилъ себѣ шалашъ; на закладку жилища пришло къ нему нѣсколько товарищей, и какъ не чѣмъ было угощать ихъ, кромѣ горѣлки, то братъ послалъ за нею. Сначала гости и хозяинъ пили по чаркѣ, а потомъ по цѣлому штофу однимъ духомъ. Уже всѣхъ сшибло съ ногъ, кромѣ брата, да какого-то Нѣдзвѣдскаго, также изъ роты Калиновскаго. Этотъ Нѣдзвѣдскій предложилъ пить вдвоемъ, съ условіемъ, что если одинъ ослабѣетъ, другой, крѣпчайшій, будетъ имѣть объ немъ попеченіе и приготовитъ ксенза съ цирюльникомъ. И такъ оба они пили до того, что тотъ упалъ за мертво; его вынесли и ухаживали за нимъ цѣлую ночь, ежеминутно ожидая смерти: душа въ немъ чуть чуть держалась. Братъ же устоялъ на ногахъ, и еще помня условіе, послалъ ко мнѣ въ столицу хлопца во весь

1612. опоръ за цирюльникомъ. Я немедленно отправилъ его: но уже поздно. Нѣзвѣдскій испустилъ духъ. Братъ похоронилъ его, и остался здоровъ; но такая жестокая попойка не могла не повредить ему.

Я пріѣхалъ въ Сервечь въ іюлѣ мѣсяцѣ, днемъ; матушку свою нашелъ въ добромъ здоровьѣ, только въ сильной тоскѣ по насъ. Пробывъ въ Сервечѣ съ недѣлю, я пустился къ своимъ и встрѣтилъ ихъ въ Слонимѣ. Тутъ мы отдыхали нѣсколько дней. Король прислалъ къ намъ Ланцкоронскаго, воеводу Подольскаго и Николая Францкѣвича-Радзиминскаго, старосту Мстиславскаго, съ предложеніемъ воротиться въ Москву, куда, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшился итти и самъ король, чтобы сѣсть на престолъ Московскій. Имѣя нѣсколько тысячъ войска Польскаго и иноземнаго, слишкомъ слабаго въ сравненіи съ силами непріятеля, онъ надѣялся какъ на насъ, такъ и на тѣхъ изъ нашихъ, которые были въ Россіи; но надежда его обманула: мы не могли итти, терпя во всемъ недостатокъ; а наши товарищи вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ, еще до прибытія короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ отъ нестерпимаго голода, на договоръ, котораго Русскіе однако не выполнили, такъ какъ и ни въ чемъ они не держатъ своего слова.[88] Посему король долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ. Съ нимъ былъ гетманъ Литовскій Янъ-Кароль Ходкѣвичъ; а коронный гетманъ Жолкѣвскій не хотѣлъ и съ мѣста тронутся: заключая договоръ съ Москвитянами, онъ подъ присягою обязался дать имъ въ цари королевича, во имя коего и успокоили Россію; о королѣ же и не упоминалъ. Объ этомъ договорѣ Жолкѣвскій объявилъ его величеству подъ Смоленскомъ, когда представилъ ему плѣннаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Но какъ скоро увидѣлъ, что король не намѣренъ исполнить заключеннаго условія, задумывая нѣчто другое, ему же за столь важныя услуги не изъявилъ никакой благодарности; то не желая дѣйствовать противъ совѣсти, *отрясъ прахъ ногъ своихъ.*

Были тогда при королѣ такіе добрые сенаторы, что ни въ чемъ не прекословили волѣ королевской: трудно совѣтовать тамъ,

гдѣ не слушаютъ. Вся война была дѣломъ интриги. Посему 1612.
многіе говорили: прежде разумъ уступалъ саблѣ; а тетерь сабля уступаетъ разуму. Какой же плодъ принесетъ интрига, время покажетъ. Носился слухъ, что король хотѣлъ овладѣть скиптромъ Московскимъ, чтобы передать его изъ рукъ своихъ сыну. Но до этого не дошло: дѣло запуталось.

Въ то же время Стефанъ Потоцкій, староста Феллинскій, зять Могилы, господаря Валахскаго, намѣреваясь по смерти его возвести на господарство шурина своего, съ немалымъ войскомъ Польскимъ отправился въ Валахію и вступивъ въ битву съ Турками, срамно проигралъ ее; самъ былъ взятъ въ плѣнъ, а войско все потерялъ къ великому безчестію народа Польскаго: чего непріятель не сгубилъ, погибло въ Прутѣ или Дѣжѣ. Изъ тысячи едва одинъ спасся. Во всей Польшѣ раздались вопли и проклятія матерей, которыхъ дѣти изъ академій и школъ пошли съ Потоцкимъ на войну, и тамъ погибли.

Изъ Слонима, разлучившись съ войскомъ, я поѣхалъ прямо къ брату моему, пану Подсудку, въ Жабчи, и пробывъ тамъ съ недѣлю, пустился за своею ротою, которую нагналъ на Волыни въ помѣстьѣ пана Носковскаго. На отдыхъ мы пришли въ Лышовцы съ хоругвію Ланцкоронскаго, въ коей были товарищи изъ полковъ Струся и Калиновскаго, служившія въ Москвѣ. Ланцкоронскій принялъ надъ нею начальство еще подъ Смоленскомъ, по смерти Гербурта. Мы простояли вмѣстѣ недѣль съ десятокъ; а потомъ разошлись по квартирамъ, гдѣ чья хоругвь находилась. Я съ паномъ Грабаніемъ отправился подъ свою хоругвь къ князю Порыцкому. Ее свернули было предъ окончаніемъ службы въ Самборѣ, гдѣ мы имѣли свои квартиры, но снова подняли, по случаю конфедераціи, для истребованія жалованья. Въ Тишовцахъ я получилъ горестное извѣстіе о смерти милаго брата пана Даніила; о чемъ немедленно далъ знать другому брату пану Подсудку. Въ Самборѣ стояли четыре роты Казановскаго, Скумина, князя Порыцкаго и казацкая Абрама Татарина. Отрядъ покойнаго брата

1612. пана Даніила я перевелъ изъ подъ хоругви старосты Брацлавскаго подъ хоругвь моего полковника князя Порыцкаго.

Въ Самборѣ мы составили коло, гдѣ раздѣлили между собою квартиры, на коня по 4 лана; мнѣ досталось на 12 коней 48 ланъ.[89] Мой участокъ находился въ горахъ, въ Безследзѣ, на самой границѣ Венгерской. Тамъ овса было вдоволь, ибо кромѣ овса ничего не сѣютъ; но перевозъ его былъ затруднителенъ: возовъ въ Самборъ не отправляютъ; весь торгъ ведутъ въ Венгріи, а чрезъ горы ѣздятъ на подкованныхъ волахъ или на лошадяхъ. Мнѣ стали было доставлять овесъ вьюками, но и это средство оказалось столь неудобно, что я рѣшился брать отъ поселянъ лучше деньгами, расчитавъ, по чему продаются съѣстные припасы въ Самборѣ. Пришлось взять съ лана за первую четверть 18 злотыхъ, за вторую 10, а за третью только 4. Кромѣ отведеннаго участка, панъ Лавловскій, нашъ ротный квартирьеръ, далъ мнѣ деревню въ самомъ предмѣстіи Лемберга, въ 6 лановъ, а пану Грабанію другую такую же. И ты ни слова, и я ни слова! Эта деревня мнѣ очень пригодилась, во время поѣздокъ въ Лембергъ: я получалъ изъ нея все нужное, какъ изъ собственнаго помѣстья. Маршалъ и депутаты стали въ Кроснѣ на Подгорьѣ. Полки же наши расположились въ Великой Польшѣ, около Кракова, пока не пришли жолнеры Смоленскіе, коимъ мы уступили свои квартиры. Велико-Польскій Маршалъ съ депутатами остановился въ Быдгощи.

1613. Лишь только мы прибыли въ сіи мѣста, панъ Опалинскій, каштелянъ Познаньскій, при помощи княжны Ярославской, отправилъ на тотъ свѣтъ Стадницкаго-Ланзуцкаго, прозваннаго дьяволомъ. Казакъ отсѣкъ ему голову. Жена его, вдовѣвъ одинъ только годъ, вышла за полковника нашего Людвига Понятовскаго.

Въ ротѣ пана Скумина служилъ нѣкто Бржезицкій, изъ Люблина; былъ онъ гуляка страшный, пилъ горькую со всякимъ встрѣчнымъ, никогда не просыпался, не зналъ, что день, что ночь, не пѣремѣнялъ даже бѣлья и только въ одной епанчѣ щеголялъ по

улицѣ. Къ нему пришли однажды черти. Спалъ онъ по обыкно- 1613.
венію въ залѣ; тутъ же былъ нѣкто Ржепницкій родственникъ его, служившій на своемъ конѣ при отрядѣ, и слуга; послѣдній, какъ малый молодой, спалъ крѣпко, и не все слышалъ, только конецъ, а Ржепницкій не пропустилъ ничего, и, согласно съ Бржезицкимъ, разсказывалъ намъ слѣдующее: въ самую полночь, слышатъ они оба, какъ будто возъ ѣдетъ по улицѣ, подъѣзжаетъ къ дому, взбирается по лѣстницѣ прямо въ залу и останавливается подлѣ постели Бржезицкаго. Въ возу четыре коня. Кто-то слѣзаетъ съ него и говоритъ нашему гулякѣ: «я присланъ за тобою: садись!» «Нѣтъ, дьволъ», отвѣчаетъ хитрый Бржезицкій, не теряя бодрости, «я не ѣзжу четвернею». «Вотъ тебѣ и шесть коней»! Глядь, въ самомъ дѣлѣ въ возу чудесный цугъ шестернею. Думая, какъ нибудь отдѣлаться отъ бѣды, Бржезицкій опять возражаетъ: «возъ не красивъ; нѣтъ ковровъ Азіатскихъ». И все явилось, лишь махнулъ бѣсъ платкомъ. Тутъ уже нечѣмъ было отговариваться. Дьяволъ требуетъ неотступно; тому не хочется. Между тѣмъ привязываютъ къ ножкамъ кровати веревку и тащатъ ее вмѣстѣ съ Бржезицкимъ. Его обдало ужасомъ: онъ кричитъ изъ всей силы: «малой, малой»! А въ головахъ малаго стоитъ кто-то весь въ бѣломъ, не пускаетъ его и говоритъ: «оставь этого человѣка; онъ ѣдетъ въ адъ». «Какую ты жизнь ведешь»? молвилъ бѣсъ Бржезицкому. «Смотри, вотъ всѣ твои грѣхи отъ самаго «рожденья; вотъ всѣ твои любимыя забавы. Теперь ты зовешь «слугу своего; а не вчера ли прибилъ его за то, что онъ пошелъ «въ церковь къ вечернѣ?» Такимъ образомъ напомнивъ всѣ проказы, беретъ изъ воза копченаго карпа и подавая Бржезицкому: «ѣшь, говоритъ, съ полковниками своими». (Т. е. съ Понятовскимъ, съ Умоховскимъ и съ Кресемъ; эти господа, Богъ вѣсть, какой были вѣры: каждый имѣлъ свою). Между тѣмъ закричалъ пѣтухъ, и все изчезло; нашъ молодецъ ни живъ, ни мертвъ дождался дня, и лишь только разсвѣло, отправился къ отцамъ Бернардинамъ; не выходилъ изъ монастыря недѣли 2, исповѣдался,

1613. пріобщался св. таинъ, и все напрасно: куда не пойдетъ, бѣсъ вездѣ на глазахъ въ разныхъ видахъ, то прикинется псомъ, то кошкою; нигдѣ не было покою. И заклинанія читали надъ нимъ ксензы, и давалъ онъ обѣты не пить вина: все не помогало; наконецъ насилу очнулся онъ чрезъ полгода. Съ тѣхъ поръ бросилъ пить вино; но за то малвазію тянулъ пуще, чѣмъ прежде горѣлку.

Изъ прочихъ мѣстъ, отведенныхъ нашему полку на квартиры, назначены были Лембергъ Хелмъ, Бѣлскъ, Красныставъ и Люблинъ. Для расписанія стацій,[90] отрядили изъ каждой роты по двое; изъ нашей пана Грабанія и меня, чего я самъ желалъ. Мы всѣ съѣхались въ Лембергъ, чтобы тамъ, какъ въ главномъ мѣстѣ, удобнѣе условиться, и потомъ разослать товарищей по отведеннымъ городамъ. Жители Лемберга, получивъ отъ прежнихъ королей не только свободу отъ платежа стацій даже самому королю, но и честь считать своего бургомистра въ числѣ Польскихъ шляхтичей, величались своими правами и отказывались принять насъ. Но въ то время закономъ была сабля. Мы не хотѣли слышать о ихъ правахъ. Не получая однако согласія на уплату стацій, я велѣлъ расписывать домы по ротамъ, для острастки вдвое болѣе, объявивъ, что войско займетъ ихъ постоемъ. Они струсили, и какъ скоро мы воротились на ночлегъ въ предмѣстье, гдѣ имѣли свою квартиру, тотчасъ заперли ворота, по обыкновенію; а въ слѣдующій день не хотѣли уже отворить ихъ. Разославъ товарищей по квартирамъ въ дальнія мѣста, самъ я остался съ паномъ Грабаніемъ въ Лембергѣ, и далъ знать своему полковнику. Между тѣмъ, какъ воротъ все не отпирали, и отворили только калитку, чрезъ которую получали съѣстные припасы и дрова изъ предмѣстья, то я поставилъ при ней 10 пахоликовъ съ приказаніемъ не пропускать въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Тамъ было 200 человѣкъ служивой пѣхоты и сверхъ того всѣмъ мѣщанамъ приказано быть въ готовности: но никто не смѣлъ отогнать насъ. Такъ морили мы ихъ трое сутокъ, до того, что хлѣбъ и дрова они стали

таскать чрезъ стѣны веревками. Вотъ что называется благоустро- 1613.
енный городъ! Намъ же вольно было входить въ него и выходить. Бывая тамъ, мы сами видѣли, что жители, вычистивъ рыбу, (это случилось постомъ), лотки и другую домашнюю посуду рубили на дрова. Что же будетъ, если подойдетъ непріятель? Заморитъ голодомъ!

Случилось намъ однажды промѣшкать въ городѣ до вечера. Мы велѣли сказать бургомистру, чтобы калитки не запирали, пока не возвратимся на квартиру. Онъ, видно, опасаясь какого-либо замысла, отвѣчалъ: «прикажу отпереть, когда пойдутъ паны». Мы отправляемся, давъ знать, чтобы отперли калитку; сами идемъ впереди со свѣчею, за нами слѣдуютъ два пахолика и одинъ слуга. Глядимъ, на всѣхъ улицахъ стоитъ народъ вооруженный. Челядинецъ, шедшій сзади насъ, завелъ ссору, неизвѣстно изъ-за чего: его начали бить. Мы бросились отбивать; но теперь дошло и до насъ. Намъ стало такъ жутко, что подобной грозы и въ Москвѣ мы не видали, Одного пахолика положили на мѣстѣ; другаго ранили. Пана Грабанія жестоко избили цѣпями; да еще и ногу ему переломили; онъ умеръ, такъ же, какъ и раненый челядинецъ. Я, по милости Божіей, остался невредимъ: меня спасъ хозяинъ того дома, въ коемъ мы гостили, портной Мосцицкій. Граждане одумались и старались примириться, еще до смерти Грабанія. Мировая стоила имъ 15.000 злотыхъ; намъ дали только 3000. Я взялъ не болѣе 100 злотыхъ, да и то даромъ. Я счелъ за лучшее подарить пановъ сенаторовъ, какъ-то гетмана, воеводу Русскаго, воеводу Познаньскаго и подскарбія. Заплативъ намъ, Лембергцы еще болѣе переплатили панамъ, чтобъ замять дѣло. Сверхъ того мы такъ наживались въ ихъ помѣстьяхъ, что вполнѣ удовлетворили себя и за стацію.

14 мая коло въ Красномъ. На этомъ колѣ былъ и я съ паномъ Боскимъ. Тамъ разсуждали о войсковомъ нарядѣ, о снабженіи каждаго полка съѣстными припасами, о рѣшеніи военносудныхъ дѣлъ, коихъ ни судья, ни полковникъ не могли рѣшить безъ

1613. генеральнаго кола; болѣе же всего о нашей безопасности, до уплаты намъ полнаго жалованья за службу. Мы, въ особенности нашъ полкъ, стоявшій на Руси, тщательно береглись отъ человѣка сильнаго и въ Руси и въ Польшѣ, Адама Стадницкаго изъ Змигрода, каштеляна Калишскаго, старосты Перемышльскаго: онъ обѣщалъ королю погубить насъ въ Руси, о чемъ мы получили самыя вѣрныя извѣстія отъ двора. Для предупрежденія такого умысла и другихъ опасностей, мы постановили: какъ скоро маршалокъ дастъ что либо знать полковнику, имѣвшему попеченіе о безопасности всего войска, каждый товарищъ долженъ приготовить столько пѣхоты, сколько обязанъ имѣть въ своемъ отрядѣ; по разосланіи же вторыхъ универсаловъ, всѣмъ становиться подъ хоругвь. Коннаго войска было у насъ 7000. Столько же положено имѣть и пѣхоты. Между тѣмъ мы переписывались съ Сапѣжинцами: иначе и быть не могло.

Послѣ Русской Пасхи, я ѣздилъ въ Ожуховецъ на конскую ярмарку; на обратномъ пути завернулъ въ Черный островъ, гдѣ умеръ братъ мой панъ Даніилъ, и выкупилъ тамъ сбрую пана подсудка, заложенную челядью по смерти покойнаго за 40 злотыхъ. Въ Самборѣ я не засталъ въ живыхъ пана Грабанія, моего друга задушевнаго: онъ умеръ послѣ Лембергской потѣхи чрезъ 4 недѣли, и похороненъ въ Самборѣ въ монастырѣ Бернардинскомъ. Все имѣніе Грабанія досталось брату, который принялъ начальство и надъ отрядомъ его.

8 іюня изъ Самбора мы отправились съ хоругвями подъ Лембергъ, для лучшей безопасности кола, которое уже 10 дней дѣйствовало съ успѣхомъ. Всему войску дано знать универсалами, чтобы шло къ Лембергу въ лагерь подъ Гродекъ.

1 іюля я вступилъ въ лагерь съ хоругвію. Въ Варшавѣ былъ сеймъ, тотчасъ послѣ Пасхи. Тамъ разсуждали о заплатѣ намъ за походъ Московскій. Между тѣмъ наши составили коло въ Люблинѣ (во время поѣздки моей въ Подолію къ Ожуховцу и Черному острову). Сеймъ Варшавскій опредѣлилъ нѣсколько побо-

ровъ; но и тѣми намъ не заплачено. Въ Люблинъ пріѣзжали 1613.
коммиссары для расчисленія, какъ много слѣдуетъ намъ за службу; они просили насъ именемъ короля и республики уступить что либо изъ нашего жалованья. Войско подарило республикѣ по 100 злотыхъ съ коня. Мы съ своей стороны отправили къ королю депутатовъ съ требованіемъ заплаты; насъ только тѣшили посулами, а платить ничего не платили. Войско, собранное въ одно мѣсто, съ трудомъ довольствовало себя съѣстными припасами; не менѣе тяжко было и деревнямъ, лежавшимъ въ окрестностяхъ лагеря. Пришлось намъ обратиться къ панскимъ помѣстьямъ, въ Подоліи. Я назначалъ квартиры на все войско съ Коморовскимъ изъ роты Скумина. Здѣсь меня замучили окрестные помѣщики жалобами на притѣсненія ихъ стоявшею тамъ ротою; болѣе же всѣхъ хлопоталъ панъ Волынскій каштелянъ, Ляходовскій, женатый на родственницѣ моей княжнѣ Вишневецкой, бывшей прежде за Чарторыйскимъ: тутъ приступили ко мнѣ съ родствомъ и свойствомъ. Сначала онъ сердился на меня за то, что я простоялъ съ ротою около недѣли въ его помѣстьѣ подъ Лембергомъ прежде, чѣмъ вступили мы въ лагерь, но я сдѣлалъ, что могъ, стараясь всѣми силами угодить ему, какъ родственнику.

Воевода Седмиградскій Габоръ Баторій приглашалъ насъ въ свою службу чрезъ нарочнаго посла, дворянина своего Бодая. Ему отвѣчали, что до заплаты намъ жалованья, мы не можемъ согласиться на его предложеніе, и что конституція запрещаетъ намъ выходить за границу съ хоругвями безъ позволенія королевскаго. Веламовскій, нашего войска ротмистръ, набравъ на присланныя Баторіемъ деньги до 3000 человѣкъ, впрочемъ не изъ нашихъ, отправился чрезъ Венгрію въ Седмиградскую землю и пришелъ было въ самую пору; но Турки, не надѣясь одолѣть силою, при помощи недовольныхъ Седмиградцевъ, подкупили собственныхъ слугъ Баторія: его убили въ каретѣ, когда онъ ѣхалъ осматривать Польское войско, находившееся только въ трехъ миляхъ. Баторій вооружилъ противъ себя подданныхъ

*

1613. жестокимъ правленіемъ; главнымъ же виновникомъ войны былъ Бетлемъ Габоръ, Седмиградецъ, у коего онъ отнялъ жену, славившуюся красотою. Бетлемъ удалился въ Турцію получилъ отъ Султана войско, нашелъ сообщниковъ между Седмиградцами, страдавшими отъ несправедливости Баторія, умертвилъ его, и при помощи Турокъ самъ сѣлъ на воеводство, принявъ прежде магометанскую вѣру. Наши воротились ни съ чѣмъ.

Въ то же время у пана подканцлера Литовскаго Гавріила Воины, бѣжалъ сынъ Янъ староста Опескій, подъ предлогомъ, что отецъ не хотѣлъ пустить его въ службу, и назвавшись Войновскимъ, ушелъ съ отрядомъ Веламовскаго въ Седмиградскую землю. Отецъ разослалъ всюду искать его и нигдѣ не могъ получить никакого свѣдѣнія. Этотъ поискъ стоилъ ему болѣе 3000 злотыхъ. Сынъ между тѣмъ воротился назадъ; пріѣхалъ въ Бечь на Подгорьѣ, и тамъ остановившись у Дудзинскаго, попалъ въ хоругвь Млоцкаго, въ которой служилъ пахоликомъ съ полгода. Въ Ясловцѣ у Дудзинскаго узналъ его слуга князя Троцкаго, нѣкто Жабка, и увѣдомилъ о томъ своего господина. Князь, поручивъ Дудзинскому имѣть тайно наблюденіе за нимъ, чтобы не бѣжалъ далѣе, за что посулилъ 200 злотыхъ, въ то же время далъ знать отцу. Сей послѣдній послѣ Пасхи прибылъ въ Люблинъ и взявъ сына, подарилъ Дудзинскому еще 300 злотыхъ. Такъ онъ нагрѣлъ себѣ руки. Бѣглецу же по смерти отца, дядя его Венедиктъ Воина, епископъ Виленскій, отдалъ Староство Мерецкое, въ замѣнъ Опескаго, которое досталось младшему Воинѣ, Стефану. Но помилуй Богъ жаль Яна: изъ него вышелъ большой дуракъ.[91] При отцѣ онъ бѣжалъ подъ предлогомъ службы, а теперь и въ люди не показывается.

Панъ Яковъ Боскій, скучая по родинѣ, уѣхалъ отъ меня изъ лагеря къ отцу, съ паномъ Яшлинскимъ. Со мною остались панъ Адамъ Овсяный, прибывшій изъ Ярославля, и панъ Гавріилъ Войноловичь полковникъ его королевскаго величества. Зима уже наступила, время было разойтись по квартирамъ. Между тѣмъ

подошло войско Смоленское; мы уступили ему для постоя Вели- 1613.
кую Польшу до Самбора, и тѣмъ стѣснили сами себя. Въ лагерѣ мы условились: войску подъ смертною казнію не взыскивать съ крестьянъ стацій, а взять изъ столовыхъ доходовъ по 30 злотыхъ на коня, на четверть года. Если же въ теченіе сего времени не получимъ своего жалованья, снова выдать ему такую же плату деньгами, а не съѣстными припасами, изъ столовыхъ помѣстьевъ, которыя мы прибрали къ своимъ рукамъ, назначивъ къ нимъ своихъ управителей. Этимъ мы хотѣли устранить жалобы народа и въ то же время показать, что мы ищемъ только своего, а не чужаго.

11 октября хоругвь наша выступила изъ лагеря къ Перемышлю, для облегченія подвоза съѣстныхъ припасовъ. Мы двигались медленно: пути было всего 10 миль, а я достигъ Перемышля только 17 октября.

15 октября панъ Людвигъ Понятовскій женился на Стадницкой въ Ланцутѣ. Говорили, что онъ взялъ ее насильно; но это только для опекуновъ и родственниковъ: она вышла по доброй волѣ и жила съ нимъ хорошо. Не знаю только каково было падчерицѣ и тремъ пасынкамъ. Нѣсколько прежде, женился нѣкто Ратовскій, изъ нашего войска, на Осѣцкой, старостинѣ Олштынской, урожденной Мелецкой, и взялъ за нею обширныя помѣстья, изъ которыхъ одно имѣніе Ремень, извѣстное въ Польшѣ, приноситъ ежегодно 30.000. Самъ онъ былъ бѣднякъ. Женины родственники были весьма недовольны; однако ничего не могли ему сдѣлать во время конфедераціи. Онъ уѣхалъ въ Италію и прожилъ тамъ два года: между тѣмъ все успокоилось.

Въ Перемышлѣ я остановился на углу у Зайца. Панъ Феликсъ Гербуртъ часто бывалъ и гостилъ у меня; изъявляя всѣ знаки искренней дружбы, онъ не рѣдко разсуждалъ со мною о дѣлахъ важныхъ: я былъ уже полковникомъ послѣ того, какъ женился Понятовскій, и въ войскѣ имѣлъ вѣсъ. Въ немъ еще не простылъ жаръ рокошовый: онъ убѣждалъ насъ итти съ хоругвями къ Вар-

1613. шавѣ, гдѣ вскорѣ долженъ былъ собраться сеймъ. «Тамъ», говорилъ, «вы сладите съ королемъ, получите жалованье за службу и «вознаградите себя за все, чего не успѣли получить во время «рокоша. Шляхты у васъ не мало; мы же всѣ пойдемъ съ вами». Наши не соглашались, потому, что неминуемымъ слѣдствіемъ стеченія войска будутъ вопли бѣдныхъ людей и тяжкія обиды. «Святыя телушки! святыя курочки!» восклицалъ Гербуртъ; «не «вамъ возвратить покой и златую свободу отчизнѣ!» Но онъ ни въ чемъ не успѣлъ. Я также бывалъ у него въ домѣ, находившемся близъ Добромышля, въ 3 миляхъ отъ Перемышля. Тамъ я пировалъ на трехъ свадьбахъ: двое женились на дѣвицахъ, а одинъ на вдовѣ. Всѣ они сидѣли за однимъ столомъ, каждый съ своею молодою. Панъ Гербуртъ находился въ числѣ кандидатовъ на воеводство Седмиградское по смерти Баторія. Нрава онъ былъ надмѣннаго; не признавалъ никого подъ луною выше себя ни въ знатности рода, ни въ разумѣ; супруга его, Софія, урожденная княжна Заславская, не уступала въ высокомѣріи мужу.

Не имѣя надежды на близкую уплату заслуженнаго жалованья и скучая жалобами и упреками бѣдныхъ людей, мы искали средства къ скорѣйшему окончанію своего дѣла; наконецъ придумали слѣдующее: сосчитавъ доходы староствъ и помѣстьевъ королевскихъ, епископскихъ и монастырскихъ, находящихся въ Польшѣ, и увидѣвъ, что половина ежегоднаго сбора достаточна для вознагражденія всей нашей службы, мы опредѣлили послать во всѣ королевскія и епископскія имѣнія товарищей для сбора съ нихъ полугодовыхъ доходовъ, которыми намѣривались заплатить себѣ жалованье. Мнѣ велѣно было взыскать съ староства Перемышльскаго 10.000 злотыхъ. Встревоженные этою мѣрою паны сенаторы, всѣ владѣльцы коронныхъ имѣній и духовенство, приступили къ королю съ просьбою о созваніи сейма. Король согласился, и къ 3 декабря сеймъ, уже второй въ семъ году, созванъ былъ на три недѣли, единственно для рѣшенія вопроса о вознагражденіи жолнеровъ, участвовавшихъ въ Московскомъ походѣ. Мы остановились

исполненіемъ принятыхъ нами мѣръ до окончанія сейма; о чемъ 1613.
также писалъ ко мнѣ троекратно панъ Калишскій, съ убѣжденіемъ повременить, и съ обѣщаніемъ скораго вознагражденія.

Выступивъ изъ лагеря, все войско содержало себя наличными деньгами, не взыскивая стацій; кормовыя выдавали намъ коммиссары, съ вѣдѣнія и позволенія короля и республики, изъ тѣхъ же суммъ, которыя собирались на жалованье. Мы получили сполна за двѣ четверти, а въ счетъ третьей только за мѣсяцъ.

Послами на сеймъ войско наше отправило меня, Сцибора, Бялачевскаго и Парычевскаго. Я не рѣшился принять на себя инструкціи, ибо она слишкомъ рѣзка была: ее исполнилъ предъ королемъ Сциборъ; я же предложилъ другія войсковыя требованія, болѣе умѣренныя. Пелыта Бялачевскій говорилъ рѣчь въ колѣ посольскомъ; а Парычевскій ни къ чему не касался. Намъ дано кормовыхъ по 300 злотыхъ. На сеймѣ насъ честили, какъ нельзя болѣе; не знали, гдѣ лучше посадить; другъ предъ другомъ приглашали на пиры за цѣлую недѣлю и болѣе, а инымъ не удалось угостить. Панъ канцлеръ Литовскій также весьма ласкалъ насъ, въ особенности меня, принявъ въ свой домъ какъ роднаго, съ увѣреніемъ въ постоянной пріязни. Но какъ онъ такъ и другіе, и теперь и прежде, если кто сдѣлалъ что либо для насъ, сдѣлали болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ: лишь только рушилась конфедерація, все перемѣнилось. Канцлеръ же Литовскій... чтобъ ему всѣ люди, а чаще самъ Богъ такимъ являлся, какъ онъ мнѣ въ послѣдствіи! Обѣщали слишкомъ много, дали нуль. Одинъ Гонсѣвскій подарилъ мнѣ локтей восемь атласу. Мы возвратились съ добрымъ отвѣтомъ: на сеймѣ опредѣлено скоро и непремѣнно заплатить намъ жалованье; дозволено 6 податныхъ сборовъ; назначены коммиссары въ Лембергъ къ намъ, въ Быдгощь къ Смольянамъ, въ Брестъ къ Сапѣжинцамъ, для расчисленія войска, для сбора суммъ, для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, съ такимъ же полномочіемъ, какое имѣетъ сеймъ и для удовлетворенія всѣхъ жалованьемъ. Именъ ихъ я не упоминаю: они вписаны въ конституцію.

1613. Касательно письменнаго обезпеченія сеймовыхъ обѣщаній, мы встрѣтили нѣкоторыя затрудненія: во первыхъ, мы не могли согласиться въ самыхъ статьяхъ ассекураціи, во вторыхъ сеймъ не хотѣлъ вписать ее въ свою конституцію, и думалъ отдѣлаться отъ насъ однимъ ручательствомъ, какъ отъ Сапѣжинцовъ, подъ предлогомъ, что экстраординарный сеймъ, созванный только на три недѣли, не можетъ имѣть никакой конституціи. Но когда мы подали декларацію, что войско и по заплатѣ жалованья не разойдется безъ законнаго обезпеченія, еслибъ даже пришлось ждать и другаго сейма, паны сенаторы согласились исполнить все, чего мы требовали. И такъ мы получили ассекурацію болѣе удовлетворительную ассекурацій другихъ войскъ. Кто можетъ давать законы, тотъ можетъ и нарушать ихъ. Многіе испытываютъ это на себѣ, да не смѣютъ рта открыть. Впрочемъ сами виноваты. Hodie mihi, cras tibi (сегодня мое, завтра твое).

Во время сейма, наши составили 10 декабря коло въ Лембергѣ; король присылалъ туда пана Яна Францкевича и Радзиминскаго; а насъ задержалъ до возвращенія своихъ пословъ съ отвѣтомъ. На сеймѣ я видѣлся съ братомъ моимъ паномъ Аксакіемъ, судьею и посломъ Кіевскимъ. Изъ Варшавы я выѣхалъ въ послѣдній день декабря, какъ скоро полученъ королемъ отвѣтъ нашего кола; спутники же мои отправились впередъ. Для квартиры намъ отведенъ былъ королевскимъ чиновникомъ домъ шляхетскій на мостовой улицѣ, который, нанялъ для себя князь Корецкій за 100 червонныхъ злотыхъ. И такъ мы всѣ должны были стоять въ одномъ домѣ: въ немъ было пять комнатъ. Тутъ же остановились и товарищи наши, пріѣхавшіе на сеймъ по своимъ дѣламъ. Ихъ было не мало. На сеймѣ мы имѣли полную волю: ночью, въ полночь могли итти, куда хотѣли, дѣлали, что въ голову приходило, били, рубили, никто не смѣлъ слова сказать. Наши проказничаютъ, стража проходитъ мимо и будто не видитъ. Даже вошло въ пословицу говорить, когда замѣчали проказы кого-либо изъ нашихъ: «оставь его въ покоѣ; за нимъ идетъ 7000:» т. е. все

наше войско, коего было 7000. Наши убили королевскаго 1613.
драбанта; это случилось во время сейма, подъ бокомъ королевскимъ: виновныхъ не смѣли наказать и сами предложили мировую, прося чего нибудь Христа ради. Дано 80 злотыхъ. Мы откланивались королю во дворцѣ. Панъ подканцлеръ коронный говорилъ рѣчь, въ коей между прочимъ были такіе слова: «Его «королевское величество, съ отеческою милостію желая вознаграждить заслуги рыцарства, благоволилъ склонить оба народа къ «назначенію такихъ великихъ налоговъ, какихъ отцы наши не«видывали». Мы отправились съ доброю надеждою и съ обѣщаніемъ въ вѣрной уплатѣ жалованья.

24 января я возвратился въ Лембергъ съ отвѣтомъ, замѣ- 1614.
шкавъ нѣсколько времени въ Перемышлѣ. На первой недѣлѣ поста созвано генеральное коло для уплаты жалованья, для разсмотрѣнія счетовъ, для сужденія виновныхъ и для окончанія всѣхъ вообще дѣлъ. Сюда прибыли и коммиссары, назначенные сеймомъ. Но какъ они безъ насъ не могли судить уголовныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ были важныя, тѣмъ менѣе разсматривать счеты, повѣрятъ суммы по росписямъ, расчислять отряды по ротамъ: то, согласно съ сеймовою конституціею, войско присоединило къ нимъ семь депутатовъ, по числу полковъ, назначивъ изъ каждой роты по одному товарищу. Въ числѣ депутатовъ находился и я. Приговоры наши имѣли такую же силу, какъ и декреты сейма. Самая честь была въ нашихъ рукахъ. Эти суды продолжались весь постъ до самой пасхи въ Лембергѣ. Часто бывалъ съ нами на судахъ панъ Янъ Швыковскій, пріѣхавшій изъ Литвы въ Лембергъ съ деньгами, собранными, съ позволенія пановъ Литовскихъ, съ королевскихъ имѣній въ числѣ 50.000, на уплату жолнерамъ Московскаго похода.

Вещи, данныя намъ въ Москвѣ залогомъ за стѣнную службу, мы хранили въ цѣлости; наскучивъ съ ними возиться и желая лучше имѣть наличныя деньги, мы продавали ихъ королю: онъ не хотѣлъ купить. Продавали императору христіанскому, герцогамъ

1614. Бранденбургскимъ, имперіи Нѣмецкой, Гданску, вездѣ, гдѣ думали найти покупателей, и все напрасно. Наконецъ стали торговаться на нихъ паны коммиссары, давали 100.000, а 80.000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цѣну, если бы могли получить наличныя деньги; но какъ намъ хотѣли заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать въ Люблинъ, то мы и не рѣшились, опасаясь обмана: ибо съ уплатою денегъ, рушилась бы конфедерація и войску оставалось разойтись; между тѣмъ не всѣ имѣли право на полученіе части изъ залога: слѣдовательно насъ слабыхъ только покропили бы уссопомъ, а вещи взяли бы даромъ. И такъ мы рѣшились раздѣлить ихъ между собою: разломали двѣ короны Ѳеодорову и Димитріеву, сѣдло гусарское, оправленное золотомъ, съ драгоцѣнными каменьями, и три единорога; посохъ остался цѣлъ: его отдали вмѣстѣ съ яхонтомъ изъ короны, величиною въ два пальца, Гонсѣвскому и Дунковскому за стѣнную службу, въ 28.000 злотыхъ. Яхонтъ оцѣнили у насъ въ 4000 злотыхъ, а въ Москвѣ мы получили его за 10.000 рублей: ибо тамъ яхонты дороже самыхъ алмазовъ. Посохъ же единороговый оцѣнили въ 24.000 злотыхъ. Въ дѣлежѣ мы всѣ участвовали, и если не все, то по крайней мѣрѣ что нибудь получили; инымъ пришлось взять едва ли не десятую часть того, что слѣдовало. Мнѣ досталось: три алмаза острыхъ, четыре рубина, золота на 100 злотыхъ, единорога два лота. Я получилъ такъ много по особенной милости; другимъ же платили только единорогомъ, оцѣнивая лотъ въ 300 злотыхъ. Мы расчитались сполна въ Ѳомино воскресенье. Мое жалованье арестовали было за Шабловскаго. Я долженъ былъ заплатить мазурамъ, съ коими привязался ко мнѣ и Коссаковскій. Мы сожгли конфедерацію 8 апрѣля во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ въ приходской церкви. Я возвратился въ Перемышль на свою квартиру.

Къ празднику св. Алберта я отправился въ Ржешовъ на ярмарку, гдѣ купилъ возовиковъ на 500 злотыхъ, довольно выгодно, заплативъ по 65 злотыхъ за коня; а своихъ Самогитскихъ

лошадей я продалъ въ Перемышлѣ пану Драголовскому за 120 1614.
злотыхъ на наличныя деньги. Занялъ 70 злотыхъ у Татарина Александра Турчиновича. 3 марта я отправился изъ Перемышля домой; въ 3 миляхъ отъ Люблина встрѣтился съ Григоріемъ Сенковичемъ, Селянкою, Дродзинскимъ и Грицемъ Униховскимъ. 7 мая Дудзинскій привезъ въ Люблинъ къ князю Троцкому старосту Мерецкаго Войну, за что получилъ 200 злотыхъ. Князю назначенъ срокъ явиться въ судъ, за то, что пѣхота вступила въ городъ съ ружьями: опредѣлено взыскать пени 200 гривенъ; но ротмистръ княжой помирился отъ своего имени только за 50 гривенъ. Въ Краковскомъ предмѣстьи встрѣтился со мною подъ пьяный вечеръ нѣкто Маскѣвичъ, который однако не умѣлъ сказать, откуда онъ родомъ, и бѣжалъ, а я чуть не попался въ бѣду.

17 мая въ Люблинѣ дано намъ пятерымъ 100 злотыхъ отъ князя. Я ссудилъ Сенкевичу подъ росписку 100 злотыхъ; да заплатилъ за него долгу 108 злотыхъ. Изъ Люблина Сенкевичь поѣхалъ въ Познань за имѣніемъ Свѣжинскаго. Мы отправились въ Литву и 23 мая прибыли въ Нивняцы; а панъ Немирый къ Бугу. 25 мая мы остановились въ Росомѣ у пана Дембинскаго. 31 мая пріѣхали въ Слонимъ. Дорогою канцлеръ прибилъ мою челядь. Чтобъ его самого тѣмъ же отпотчивалъ палачъ у позорнаго столба! 2 іюня изъ Слонима въ Полонки. 3 іюня у пана Рафаеля Роса съ паномъ Униховскимъ. 4 іюня въ Ятры; не засталъ никого. 5 іюня въ Сервечь. Тамъ нашелъ матушку, по милости Божіей, въ добромъ здоровьи. 14 іюня пріѣхалъ изъ Великой Польши братъ мой панъ Гавріилъ. Другой братъ панъ подсудокъ былъ уже въ Сервечѣ съ женою. Тутъ мы привели въ извѣстность долги покойнаго брата, пана Даніила; жалованье его было у меня. Я все расчелъ: взялъ прежде себѣ 120 злотыхъ, занятыхъ имъ подъ Смоленскомъ; часть отдалъ матушкѣ, остальное пану подсудку. Мы согласились построить въ Сервечѣ каменную часовню надъ тѣломъ покойнаго отца и брата, общими издержками. Панъ подсудокъ далъ на то 50 злотыхъ, вручивъ ихъ

1614. пану Гавріилу, который обѣщалъ приложить своихъ 50 злотыхъ и наблюдать за строеніемъ. Я назначилъ также 50 злотыхъ. Мы старались погасить всѣ долги, бывшіе на имѣніи нашемъ, общими силами. Но мнѣ пришлось платить болѣе всѣхъ: я далъ пану подсудку за Ятры 300 копъ; да пану Лопатецкому шурину 600 копъ. Тогда же мы приступили къ раздѣлу отцовскаго имѣнія. Братъ панъ подсудокъ бралъ, что хотѣлъ, съ упорствомъ отвергая совѣты друзей и убѣжденія самой матери, по пословицѣ: Sic volo, sic jubeo (такъ хочу, такъ приказываю). Онъ взялъ по суду у пана Качановскаго наше родовое имѣніе въ Пинскомъ повѣтѣ, и не отдалъ въ раздѣлъ; между тѣмъ требовалъ и принудилъ вписать его на свою часть въ формальную запись. Сверхъ того, ни слушая ни расчетовъ, ни слезъ матери, ни совѣтовъ друзей, самъ себѣ отдѣлилъ двѣ родовыя отчины, Жабчицы въ Пинскомъ повѣтѣ и Ятры въ Новогрудскомъ; при чемъ не соблюлъ даже обыкновеннаго порядка, по коему старшій дѣлитъ, а младшій выбираетъ. Мы, младшіе, видя такую обиду себѣ, не хотѣли согласиться; наше несогласіе весьма огорчало матушку и разстроило слабое ея здоровье. Только въ утѣшеніе ей, (Богу то извѣстно), я убѣдилъ пана Гавріила уступить до времени; мы дали запись и разобрали свои участки. Пану подсудку достались: Жабчицы въ Пинскомъ повѣтѣ, Ятры въ Новогрудскомъ съ пожизненнымъ правомъ матери, и общее наше помѣстье, отобранное у Качановскаго изъ трехъ деревень: Проташевичей, Тупчицъ, и Чернавъ. Мнѣ, Самуилу, Сервечь съ Скоровымъ; пану Гавріилу, младшему: Узловицъ въ Слонимскомъ повѣтѣ и Тупалы фольварокъ отъ Сервеча въ Новогрудскомъ. Сей раздѣлъ засвидѣтельствованъ въ записи 5 октября 1614 года.

13 октября, по просьбѣ моей, панъ Янъ Прушчицкій ѣздилъ къ пану Окуню, чтобъ вывѣдать мысли его свояченицы. Я далъ пану Яну 20 злотыхъ на дорогу и своихъ коней съ повозкою. Онъ попалъ не во время.

Князь Клецкій пригласилъ меня съ собою въ Волынь на

свадьбу. Я выѣхалъ изъ дома 24 октября, изъ Клецка 26. 9 ноя- 1614.
бря была свадьба въ Корцѣ. Князь женился на княжнѣ Лувиніи. Мы ѣхали на Казань-грудекъ, имѣніе Подберезскаго, откуда до княжаго городка 4 мили. Послѣ свадьбы князь ѣздилъ въ Олыку, навѣстить брата, 18 ноября; возвратился 23. Онъ такъ спѣшилъ назадъ, что лошади попадали въ дорогѣ. Изъ Корца отправился съ княгинею 30 ноября; прибылъ въ свой городокъ 10 декабря. Я отправился домой 16 декабря. Князь далъ мнѣ 300 злотыхъ, да кормовыхъ 24 злотыхъ, на недѣлю. Я оставилъ городокъ во вторникъ, когда лишь стало морозить; а въ четвертокъ и въ пятницу цѣлыя озера переѣзжалъ по льду. 19 декабря прибылъ въ Жабчицы, гдѣ не засталъ брата пана подсудка; видѣлся только съ его женою. 23 декабря изъ Жабчицъ. 25 въ Обровѣ у пана Есмана: онъ былъ мнѣ радъ; также и супруга его приняла меня ласково. Танцовали за полночь; а на разсвѣтѣ панна Есманова родила сына.

24 февраля я отправился съ паномъ Михаиломъ Хрептови- 1615.
чемъ въ Подороскъ къ двоюродной сестрѣ моей паннѣ Овсяной. 1 марта въ Подороскѣ; панъ Хрептовичь дарилъ ее марципанами. 5 марта въ Намейки къ пану Лопатецкому. Пробылъ у него три недѣли. 21 умеръ панъ Филиппъ Сопоцко въ Дзеціоловичахъ. Мнѣ много было труда обмыть и одѣть покойнаго. Вдова меня очень ласкала; а тамъ, что дьяволъ велитъ. 29 марта сговоръ пана Хрептовича съ панною Овсяною. 5 апрѣля я поѣхалъ съ нимъ и съ шуриномъ паномъ Лопатецкимъ въ Ятру.

23 апрѣля, приглашеніе въ Вильну на сеймикъ конвокаціонный. Назначены послами: панъ Шеметъ подкоморій Виленскій, панъ Янъ Протасовичь земскій Новогрудскій писарь, панъ Янъ Керсновскій подвоевода Новогрудскій, панъ Янъ Францкевичь, панъ Прокубницкій и я шестой. Опредѣлены два сбора податей. Послы къ королю: панъ Пихарскій изъ Бреста и панъ Сципіонъ изъ Гродна. Во время сеймика озлился на насъ, пословъ Новогрудскихъ, панъ Волловичь подскарбій великаго княжества Литовскаго; неистовство его было неописанное: клялъ насъ, поносилъ,

1615. звалъ Неаполитанцами, а Новогрудскаго сборщика податей трясъ, какъ скорнякъ шубу. Причиною его злости было то, что мы, по своей инструкціи, не хотѣли поручить ему собранныхъ податей, а отдавали ихъ управителю въ своемъ повѣтѣ. Мы однако не устояли на своемъ, отъ собственныхъ прихотей; въ добавокъ испытали много непріятностей.

Въ томъ же году какой-то пахоликъ убилъ пана Яна Грегоровича Униховскаго въ Новогрудкѣ. Этотъ пахоликъ шатался пьяный по улицѣ и забрелъ въ квартиру Униховскаго. Панъ велѣлъ челяди схватить его, и отвести къ господину, а самъ пошелъ съ нимъ рядомъ, распрашивая дорогою, чей онъ: тотъ, пройдя нѣсколько шаговъ, хватилъ пана саблею и однимъ ударомъ срубилъ ему голову. И пахолику отрубили голову; но она не стоила головы Униховскаго. Похоронили его въ Униховѣ.

8 сентября назначена перепись въ повѣтахъ. Я поставилъ въ Новогрудкѣ 6 коней. Князь Клецкій приглашалъ меня съ собою въ Краковъ и прислалъ на дорогу 300 злотыхъ. 20 сентября я выѣхалъ изъ Сервеча, простившись съ матерью, сестрою и шуриномъ. Въ Сервечѣ я далъ работу Нѣмцу столяру и садовнику, заплативъ имъ впередъ. Нѣмецъ безъ меня тотчасъ далъ тягу; садовникъ почти ничего не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ не бѣжалъ.

Въ день выѣзда моего, т. е. 20 сентября, была свадьба пана Хрептовича. На дорогѣ я получилъ отъ брата пана подсудка письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Пинскъ съ отрядомъ, для сопротивленія князю Дольскому. Я не поѣхалъ: ибо съ письмомъ меня догнали уже въ Рожанахъ. 30 сентября я прибылъ въ Люблинъ. 4 октября къ пану Кршижу. 7 въ Краковъ. Съ нами ѣхалъ панъ Окольскій съ дочѐрью на моленье; но чуть было вмѣсто благочестія не вышло нечестіе. 17 октября мы выѣхали изъ Кракова, 20 прибыли въ Ченстоховъ; 24 въ Глуховъ, къ пану Пукинскому; 29 въ Варшаву. Княгиня прямо отправилась въ Клецкъ; а князь остановился у Косицкаго на рынкѣ. Я былъ вмѣстѣ съ княземъ. Лошади же и челядинцы мои стали въ Краковскомъ предмѣстьи

надъ Вислою, въ домѣ пана князя подчашаго. 30 ноября Верещака 1615.
и Гроховскій ночью напали на меня изъ засады и слегка ранили;
за то и имъ досталось. Однакожъ на другой день, 1 декабря, мы
съ княземъ должны были выѣхать изъ Варшавы; 18 прибыли въ
Клецкъ. Я хотѣлъ тотчасъ отправиться домой; князь не пустилъ
меня, думая съѣздить въ Слуцкъ на свадьбу пана подчашаго. Я по-
бывалъ на княжескихъ лошадяхъ въ Ятрѣ, у матушки; а 27 декабря
возвратился въ Клецкъ. Здѣсь произошла перемѣна отъ своеволія
челяди, особенно отъ молодежи. Князь гнѣвался, всѣхъ разогналъ,
и оставивъ при себѣ только двухъ Пукинскихъ, никому не сказы-
вая, выѣхалъ изъ Клецка налегкѣ. 30 декабря подъ вечеръ, по со-
вѣту Пукинскаго, обратился въ Будзивишки къ Вильнѣ, въ намѣ-
реніи полечиться тамъ тайно отъ болѣзни, которую подарили ему
при дворѣ въ Варшавѣ; но вскорѣ объ насъ провѣдали: ибо въ
нѣсколькихъ миляхъ отъ Клецка, подъ Кареличами, ледъ на Сер-
вечѣ проломился, и карета княжая провалилась. Надобно было
согнать народъ побоями, чтобы вытащить князя изъ воды.

Панъ Янъ Онихимовичь Униховскій женился на паннѣ Волод- 1616.
ковичевой. Свадьба была въ Минскѣ чрезъ двѣ недѣли по Рожде-
ствѣ Христовѣ. Я ѣздилъ туда по приглашенію. На дорогѣ кучеръ
мой отморозилъ себѣ тайный удъ, о чемъ узнали въ Минскѣ прежде
моего пріѣзда. Тамъ князь Огинскій заманивалъ меня въ службу
къ пану подчашему, князю Радзивилу: обѣщали 500 злотыхъ на
вексель. Я не дался въ обманъ. Въ семъ же году умеръ мужъ
исполненный высокихъ добродѣтелей, вельможа въ смиренномудріи,
благочестіи и превосходныхъ свойствахъ души, едва ли имѣвшій
себѣ подобнаго, для отечества же опора необходимая и твердая,
блаженной памяти Николай Христофоръ Радзивилъ воевода Виле-
скій. Онъ завѣщалъ, похоронить себя безъ всякаго великолѣпія,
въ одеждѣ странника, гроба ни чѣмъ не покрывая. Несли его нищіе,
коихъ онъ называлъ своими братьями. Не было ни катафалокъ, ни
драгоцѣнныхъ покрывалъ, ни коней убранныхъ. Не ломали и копій.
Такъ завѣщалъ онъ, не желая никакихъ обрядовъ. И этотъ мужъ

1616. столь высокій родомъ, столь знаменитый, столь уважаемый въ отечествѣ, не требовалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ локтей чернаго сукна для обивки своего гроба! Его похоронили вскорѣ по Пасхѣ въ Несвижѣ у езуитовъ. Тамъ былъ и я, по желанію князей Радзивиловъ.

Во время Срѣтенскихъ судовъ, я ѣздилъ, по волѣ князя пана Троцкаго, въ Новогрудекъ, гдѣ онъ велъ тяжбу съ Швейковскимъ, а оттуда къ пану Униховскому въ Униховъ на свадебный праздникъ. Всѣ трое Радзивилы, панъ Троцкій, панъ Албрехтъ и панъ Кавалеръ, уговорили меня вступить въ службу пана Кавалера, намѣревавшагося жить при дворѣ, за 400 злотыхъ жалованья, съ одеждою и кормомъ. Я поѣхалъ къ князю въ Несвижъ, для окончательнаго условія; но тамъ не нашелъ его, а встрѣтилъ въ Затурахъ у пана Пржевозскаго: здѣсь мы ударили по рукамъ; получивъ задатокъ съ подарками и великими обѣщаніями, я въ тотъ же день простился, чтобы собраться въ дорогу. Мы пріѣхали въ Варшаву къ концу сейма, около Духова дня. Князь остановился позади Бернардинскаго монастыря въ домѣ пана Клохницкаго; въ послѣдствіи перебрался на валъ въ домъ ксендза Жадзиковскаго, третій отъ канцлерскаго.

На праздникъ св. Іоанна, я отпросился у князя домой, для раздѣла моего имѣнія Сервеча съ Лиментовою, куда и Подкоморій поѣхалъ. Князь отпустилъ меня, съ тѣмъ, чтобы я поскорѣе возвратился на его лошадяхъ, а свои оставилъ бы, вмѣстѣ съ челядью, въ Крошинѣ: онъ хотѣлъ, чтобъ я жилъ при немъ какъ можно скромнѣе. Въ угожденіе князю я распустилъ всю свою челядь, и возвратился въ Варшаву на его лошадяхъ, оставивъ своихъ въ Крошинѣ, съ однимъ пахоликомъ, да съ мальчикомъ. Князь въ то время жилъ въ домѣ пана Краковскаго и уже собирался выѣхать въ Торнъ, по приглашенію князя Албрехта, для сватовства на паннѣ Плененской. Мы отправились на Брестъ Куявскій, и въ Ковалахъ встрѣтились съ княземъ Албрехтомъ, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ продолжали путь къ Торну, куда въѣхали съ пышною церемоніею.

Пробывъ здѣсь полторы недѣли, мы ничего не сдѣлали и должны 1616.
были возвратиться ни съ чѣмъ, истративъ на дорогу до 14.000 злотыхъ: ибо вотчимъ дѣвицы, Нѣмоевскій, староста Старогардскій, не хотѣлъ ее выдать за князя, и чтобы отдѣлаться отъ него, уѣхалъ съ нею въ Гданскъ. Князь панъ Албрехтъ отправился въ Черновчицъ, а панъ Кавалеръ въ Варшаву. Тамъ мы наняли каменный домъ Ключниковой на рынкѣ, гдѣ стоялъ ксендзъ Воловичь. Князь получилъ званіе крайчаго ея величества королевы.

Мнѣ уже надоѣло служить при князѣ: расходовъ было много, дѣлъ бездна, а благодарности нисколько. Я разстался съ нимъ по слѣдующему случаю: пахоликъ мой Боблевскій, большой негодяй и картежникъ, забрался, во время отсутствія моего съ княземъ, въ господскій покой и началъ тамъ играть въ кости. Князь возвратившись ранѣе обыкновеннаго, засталъ игроковъ неожиданно, и выбранилъ меня за пахолика. Я не привыкъ слышать брани, и тѣмъ болѣе досадовалъ, что былъ не виноватъ. И такъ, ударивъ пахолика, велѣлъ ему съ глазъ долой; самъ же тотчасъ раскланялся съ княземъ. Онъ правда присылалъ ко мнѣ своего кухмистра Пруцинскаго сказать, что прощаетъ пахолика, и проситъ меня не наказывать его. Я однако не хотѣлъ болѣе оставаться: получилъ 300 злотыхъ, кусокъ бархату на доломанъ и рысій лапчатый мѣхъ. Служилъ я всего полгода.

Во время пира, даннаго въ Варшавѣ въ день св. Мартына короннымъ епископомъ, гайдуки отдули палками одного мальчика поймавъ его съ кошелькомъ въ карманѣ. Онъ принадлежалъ моему сосѣду, коего имени не хочу сказать. Висла стала на праздникъ св. Мартына. Я выѣхалъ изъ Варшавы въ день св. Андрея по льду; но въ третій день послѣ моего отъѣзда рѣка вскрылась и снѣгъ на дорогѣ растаялъ. Во всю зиму была такая оттепель, что мы ѣздили на колесахъ. Бывъ въ Варшавѣ, я упросилъ его величество назначить коммиссію для отвода мнѣ Сервечьскаго болота: коммиссары дали мнѣ привиллегію, но такую ограниченную, что я не получилъ никакой пользы.

1617. По случаю Богоявленскихъ судовъ, я ѣздилъ въ Намейки къ шурину, который имѣлъ тяжбу съ Жабицкимъ. Мы роспили медъ, сломали ногу сестрѣ (только не я, а панъ подсудокъ), и всѣ вмѣстѣ отправились въ Бялавичи къ пану Михельскому. Оттуда разъѣхались по домамъ.

Во время Срѣтенскаго сеймика, я былъ въ Новогрудкѣ, гдѣ выбрали меня депутатомъ на уголовный судъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Голубемъ. Тогда же выбирали пословъ и на конвокацію. Назначены: панъ Скарбный и панъ Янъ, подвоевода Керсновскій. Въ мясопустъ я пировалъ въ Островкахъ у пана Протасовича на свадьбѣ падчерицы его панны Войноловичевой, вышедшей за Моклока. Меня уговорили остаться и на пиръ послѣсвадебный. Я долженъ былъ ѣхать къ молодому; земля распустилась какъ весною, колеса тонули выше ступицы; всѣ сваты заморили коней и пересѣли въ мою коляску, согнавъ челядь, съ уговоромъ однако слушаться меня.

Пана Гловацкаго я отправилъ въ Волынь къ пану Аксаку, по желанію панны Харлинской, давъ ему кормовыхъ 25 злотыхъ. Онъ все исправилъ, какъ надобно; и меня просили пріѣхать, но я раздумалъ, по причинѣ слишкомъ дальняго пути. 7 апрѣля я отправился въ Вильну на уголовные суды, которые съ помощію Божіею, производилъ исправно, уклоняясь партій и никому не потворствуя. На дорогѣ я встрѣтился и познакомился съ племянникомъ моимъ паномъ Аксакомъ, судьею Кіевскимъ, ѣхавшимъ съ похоронъ пана Станюковича, подкоморія Ковельскаго.

Измѣнникъ Форенсбахъ Волмаръ, отдалъ Шведамъ Діаментъ [92] и Пернау въ Лифляндіи. По сему случаю, мы должны были сбирать подати. Полевой гетманъ князь Христофоръ-Радзивилъ вытѣснилъ Шведовъ изъ Лифляндіи и самого измѣнника захватилъ; но, неизвѣстно отъ чего, не отсѣкъ ему головы. Гетманъ будетъ жалѣть о томъ. Не знали, чему приписать освобожденіе Форенсбаха: воинской ли хитрости, или потворству; только то очевидно, что измѣнилъ онъ съ коварнымъ намѣреніемъ. Гетманъ великаго

княжества Литовскаго Карлъ Ходкѣвичь возился съ Москвитянами. 1617.
Скиндеръ-паша предводительствуя Турецкимъ войскомъ, переправился чрезъ Дунай и устремился на Подолію, въ отмщеніе за великій вредъ, нанесенный Туркамъ нашими казаками Запорожскими, которые, переплывъ море на чайкахъ, опустошили и разграбили нѣсколько городовъ.[93] Станиславъ Жолкѣвскій великій гетманъ коронный заслонилъ дорогу Туркамъ, по ту сторону Днѣстра. До бою однако не дошло. Королевичъ Владиславъ, имѣя право на престолъ Московскій, на основаніи данной ему присяги отправилъ къ Москвѣ не малое войско, самъ же съ частію рати обратился въ Подолію, для устрашенія Турокъ, и тамъ заключилъ съ Скиндеръ-пашею договоръ, не слишкомъ для насъ выгодный: мы лишились права назначать господаря Валахскаго, потеряли Хотинъ и въ угожденіе султану, гетманъ велѣлъ отсѣчь голову невинному Ивонѣ, градоначальнику Хотинскому Мы какъ будто не видѣли, что поганые подвигаются къ намъ подъ бокъ и вѣрно скоро захотятъ Каменца, который лежитъ близко, въ двухъ только миляхъ отъ Хотина.

Къ Троицыну дню, я отправился въ Новогрудекъ; въ судахъ же уголовныхъ я не присутствовалъ, имѣя тяжбу съ Лимонтовою. Со мною былъ и братъ мой панъ подсудокъ. Чрезъ три недѣли по выѣздѣ изъ Вильны, я снова отправился на судъ, а панъ подсудокъ остался въ Сервечѣ у матушки. По прибытіи въ Вильну, князь Албрехтъ Радзивилъ упросилъ меня съѣздить съ нимъ въ Крошинъ на встрѣчу королевичу. Я отправился впередъ и соединился съ обоими князьями въ Черниговцахъ. Поздравивъ королевича въ Крошинѣ, мы поспѣшили въ Несвижъ и тамъ встрѣтили его высочество на коняхъ. Князья имѣли при себѣ триста пріятелей и слугъ конныхъ, весьма красиво одѣтыхъ. Цехи вышли изъ города съ хоругвями; съ вала палили изъ пушекъ, когда королевичъ въѣзжалъ на плотину, въ городъ и въ крѣпость; а какъ стали пить за здоровье его королевскаго величества, раздался такой громъ изъ осадныхъ орудій, что едва окна въ домахъ уцѣлѣли. Панъ

1617. Троцкій, съ великою пышностію угостивъ королевича и весь дворъ, подарилъ его высочеству двѣ самыя большія пушки. Въ третій день королевичъ выѣхалъ изъ Несвижа; мы проводили его за городъ, а князь до Николаевщизны, гдѣ угощалъ цѣлую ночь.

Въ Минскъ я отправился на трибуналъ 25 августа; а 28 былъ тамъ на пропозиціи. Маршалкомъ мы избрали пана Николая Кишку, воеводу Дерптскаго: онъ все хворалъ, въ трибуналѣ не присутствовалъ, все лежалъ въ постелѣ, а въ Минскѣ и не былъ. Надѣясь однако на его прибытіе, мы не выбирали другаго директора, хотя много было желающихъ, только мы ихъ не хотѣли. Впрочемъ выбрали на время съ общаго согласія князя Яна Огинскаго, который исправлялъ должность маршалка и во все время трибунала. Тогда я легко могъ жениться; но злочестивая компанія отвлекла меня. И такъ время протекло даромъ; я упустилъ изъ рукъ благопріятный случай.

1618. 13 февраля общій сеймъ въ Варшавѣ; 2 января сеймики въ повѣтахъ. Послы на сеймъ изъ Новогрудка: панъ Керсновскій, подвоевода Новогрудскій, и панъ Янъ Францкевичъ. Главный съѣздъ въ Слонимѣ. Сеймъ назначилъ два сбора податей. Матушка поѣхала на мясопустъ въ Жабчицы, а я къ пану Лопатецкому. Панъ подсудокъ лишился въ одинъ годъ троихъ дѣтей Констанціи, Катерины и сына. Предъ Пасхою умеръ Ѳедоръ Скуминъ воевода Новогрудскій. Похоронили его въ Вильнѣ 24 іюля подлѣ церкви святой Троицы въ новой часовнѣ, выстроенной сыномъ его старостою Брацлавскимъ. Того же числа въѣхалъ въ Новогрудекъ новый воевода панъ Николай Сапѣга, избравъ нарочно этотъ день для въѣзда, чтобы оторвать обывателей отъ похоронъ прежняго воеводы; въ чемъ и успѣлъ: никто изъ обѣщавшихся быть на похоронахъ, не сдержалъ слова. Я хотѣлъ лучше ѣхать въ домъ плача, нежели веселья, и отправился въ Вильну. Здѣсь, наканунѣ похоронъ, челядь моя поссорилась съ челядью старосты Брацлавскаго, и многихъ жестоко избила, въ томъ числѣ подстаросту Брацлавскаго. Поднялась страшная суматоха; моимъ было жарко;

досталось впрочемъ одному Подоскому, коего ранили въ лобъ. 1618.
Винярскаго посадили было въ тюрьму: панъ староста велѣлъ его освободить. Раненые требовали съ меня за мировую 100 злотыхъ; я не далъ; они стали грозить судомъ. Тутъ я наскоро выбрался изъ Вильны подъ вечеръ, ничего не сдѣлавъ, за чемъ пріѣхалъ. Много пособилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ панъ Адамъ Хрептовичъ, человѣкъ искусный и опытный.

Турки и Татары опять за казаковъ противъ насъ вооружились въ великой силѣ. Лагерь нашъ находился подъ Пригиномъ въ Подоліи или въ Валахіи. Главный вождь, коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, былъ въ ссорѣ съ панами Украинскими, какъ разсказываютъ по слѣдующему случаю: гетманъ, завидуя славѣ и побѣдамъ князя Корецкаго, успѣвшаго получить въ прошедшемъ году начальство надъ войскомъ въ Валахіи, склонилъ его на свою сторону и довелъ дѣло до того, что когда надобно было вступить въ битву, Корецкаго оставили въ жертву непріятелю: онъ попался въ плѣнъ Туркамъ вмѣстѣ съ господаремъ, коего хотѣлъ возвести на воеводство, и съ матерью его. Господарь принялъ магометанскую вѣру; а Корецкій дивнымъ образомъ освободился изъ постыднаго плѣна вмѣстѣ съ женою. При гетманѣ былъ сынъ Богдана, управлявшаго Валахіею по смерти брата своего Іеремія за малолѣтствомъ племянника: гетманъ хотѣлъ возвести на господарство сына Богданова, вмѣсто Іереміева. Посему онъ опасался, чтобы Корецкій, имѣвшій съ собою много людей, не поймалъ его въ сѣти при помощи Татаръ; а князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Сѣнявскіе, Чарторыжскіе, находившіеся въ лагерѣ, не хотѣли быть подъ начальствомъ гетмана. Онъ имѣлъ войско прекрасное и бодрое, неуступавшее ни въ силѣ, ни въ числѣ непріятельскому: но, Господи Боже! какую бѣду оно испытало! Враги, замѣтивъ наше несогласіе, среди бѣлаго дня прошли мимо лагеря и углубились въ нашу землю на 30 миль отъ него; а наши рыцари, какъ бабы, или лучше сказать блудницы, не смѣли выступить изъ лагеря, и какія вѣсти вскорѣ услышали! Мужья о плѣ-

1618. неніи женъ, дѣти о побіеніи отцевъ и матерей, братья о погибели сестеръ! Тѣмъ горестнѣе была эта потеря, что они своими глазами видѣли изъ лагеря, какъ уводили несчастныхъ плѣнниковъ, тяжко сѣтующихъ и одного Бога призывающихъ на помощь въ ужасной неволѣ. Не было тамъ ни одного брата или сына, столь храбраго, чтобы вонзить саблю если не въ непріятеля, по крайней мѣрѣ въ самого полководца, виновника такого несчастія. И такъ врагъ, не потерявъ ни одного волоса съ головы, ушелъ невредимо восвояси съ плѣномъ. Никогда бусурманы такъ не вредили намъ, какъ теперь: всѣ люди, бывшіе за лагеремъ, не брали никакихъ мѣръ осторожности, полагаясь на него, какъ на твердый оплотъ противъ непріятеля.

2 сентября свадьба пана Владислава Протасовича, писаря Пинскаго, съ панною Кадзекржавскою въ Ивацевичахъ: меня пригласили, и я былъ. 7 октября свадьба пана Павла Зенковича съ панною Ковечинскою, дочерью подкоморія Минскаго въ Кухцицахъ: я пировалъ и на этой свадьбѣ. 14 октября я былъ на крестинахъ у пана старосты Ржецицкаго въ Ковалевшизнѣ. Въ день св. Мартына ѣздилъ въ Вильну для покупки сукна на одежду челяди: заплатилъ за два постава англійскаго 56 злотыхъ, за два постава простаго 16 злотыхъ.

1619. Въ январѣ я ѣздилъ къ шурину своему, до Слонима на саняхъ, а оттуда на колесахъ: снѣгъ исчезъ. 31 января мы съ шуриномъ прибыли въ Бржозовы, гдѣ застали пана Жмудскаго и Маковецкаго. Переночевавъ, отправились назадъ въ Намейки; домой я возвратился 15 Марта. Повѣтамъ разосланы сеймовыя объявленія.

23 апрѣля королевичъ возвратился изъ Москвы, по милости Божіей, въ добромъ здоровьи, но ни съ чѣмъ. Онъ наскоро поѣхалъ въ Варшаву, чтобы застать сеймъ, въ саняхъ въ одну лошадь, оставивъ всѣхъ своихъ позади и взявъ съ собою только 50 казаковъ. Въ Варшавѣ привѣтствовали его король, королева и младшіе королевичи. Одинъ изъ принцевъ, Іоаннъ Карлъ, сынъ нынѣшней королевы, говорятъ сказалъ ему: «мы радуемся пріѣзду

«вашего высочества; но я желалъ бы лучше остаться въ Москвѣ, 1619.
«нежели возвратиться съ такимъ срамомъ». Съ Москвитянами заключенъ мирный договоръ.

15 августа я послалъ обязательство къ князю Христофору Радзивилу полевому гетману великаго княжества Литовскаго: жалованья положено 500 злотыхъ съ парою шелковаго платья на годъ. 13 сентября я поѣхалъ съ отрядомъ къ князю Радзивилу въ Догудовъ, гдѣ собирались всѣ служившіе ему, а оттуда въ Боржу для набора войска съ Фаренсбахомъ. Въ Догудовѣ я получилъ въ счетъ жалованья 250 злотыхъ. Отправивъ отрядъ, возвратился домой по дѣлу съ Муничемъ, производившемуся въ Минскомъ трибуналѣ. 20 октября снова прибылъ въ Боржу. 21 іюня въ Новогрудкѣ происходилъ выборъ судьи; избирателями были панъ Янъ Рудомина, панъ Янъ Керсновскій, панъ Андрей Обрынскій. Выбрали прежняго, пана Григорія Володкевича. 18 іюля выбирали подсудка панъ Янъ Керсновскій, панъ Ѳедоръ Протасевичъ, панъ Иванъ Выниловичъ и я, четвертый. Выбранъ прежній.

9 февраля я былъ на свадьбѣ пана Александра Хрептовича 1620.
съ княжною Жижемскою въ Вѣржбковичахъ подъ Минскомъ. 24 іюня заложена часовня въ Сервечѣ на горѣ за домомъ, гдѣ покоятся тѣла моихъ родителей и благодѣтелей.

Въ семъ же году, не знаю съ какого повода, великій гетманъ и канцлеръ государственный Станиславъ Жолкѣвскій и полевой гетманъ Николай Конецпольскій отправились съ коронным войскомъ противъ Турокъ въ Валахію. Они расположились лагеремъ при Цецорѣ. Все войско ихъ состояло изъ 6000 человѣкъ, считая и нанятыхъ за деньги и выставленныхъ сенаторами и панами. Было въ немъ сверхъ того нѣсколько Украинскихъ Валаховъ. Догадывались, что наши двинулись въ Валахію, въ угожденіе цесарю для удержанія Турокъ, шедшихъ на помощь протестантамъ, съ коими онъ въ то время воевалъ. Турецкое войско также подступило къ Цецорѣ: имъ предводительствовалъ Скиндеръ-паша. Тутъ же много было и Татаръ подъ начальствомъ Галги. Наши

1620. сражались съ непріятелемъ нѣсколько дней, и хотя были гораздо слабѣе въ силахъ, однакожъ съ помощію Божіею, весьма успѣшно отбивали его напоръ. Только несогласіе, неминуемое слѣдствіе зависти и своеволія охотниковъ, которыхъ въ войскѣ было не мало, исторгло побѣду изъ нашихъ рукъ; а въ послѣдствіи довело насъ до погибели.

Послѣ нѣсколькихъ битвъ, когда силы непріятельскія были извѣстны, а въ нашемъ войскѣ господствовалъ уже раздоръ, паны гетманы лучше бы сдѣлали, если бы уклонились отъ рѣшительной битвы: утомивъ враговъ частыми вылазками и стычками, самою медленностію могли бъ побѣдить ихъ. Они поступили иначе: опасаясь, чтобы войско, обуреваемое распрями, не разбрелось въ разныя стороны, вывели его изъ лагеря, въ которомъ оставили одну стражу, и ударили на враговъ. Бой продолжался съ утра до вечера. Долго счастіе не склонялось ни на ту, ни на другую сторону: впрочемъ Турки болѣе насъ понесли урона. Уже подъ вечеръ враги всѣми силами устремились на правое крыло наше и смяли его: наши не могли устоять, обратились въ бѣгство, миновали лагерь и вплавь пустились на коняхъ чрезъ Прутъ. Гетманы, видя, что правое крыло разсѣялось, свели прочее войско въ лагерь въ добромъ порядкѣ; вскорѣ наступила ночь, и съ нею всеобщая тревога. Между тѣмъ Калиновскій, староста Каменецкій, бывшій съ людьми своими въ томъ крылѣ, которое разбито, человѣкъ надмѣнный и спѣсивый, но видно не изъ числа храбрыхъ, какъ скоро наступилъ мракъ, тотчасъ съ отрядомъ своимъ удалился изъ обоза, безъ вѣдома и воли гетмана. Не знаю, онъ ли убѣдилъ своихъ людей, или люди принудили его къ такому поступку.

Удаленіе Калиновскаго произвело въ лагерѣ великую тревогу: думали, что и гетманы также намѣрены бѣжать, оставивъ лагерь въ жертву непріятелю; все войско взволновалось и бросилось на коней. Гетманъ, свѣдавъ о бѣгствѣ Калиновскаго и о всеобщемъ смятеніи, сѣлъ на коня и поѣхалъ по всему лагерю отъ полка къ

полку, отъ роты къ ротѣ, ободряя и утѣшая воиновъ; а чтобы 1620.
лучше его видѣли, приказалъ зажечь всѣ свѣчи, сколько ихъ было. Появленіе гетмана многихъ удержало отъ бѣгства; но большая часть ушла за Калиновскимъ. Въ слѣдующій день Жолкѣвскій удостовѣрился, что съ остальнымъ войскомъ не было надежды одолѣть столь многочисленнаго непріятеля; по сему рѣшился отступить таборомъ къ Днѣстру. Онъ шелъ цѣлые шесть дней; наши день и ночь отбивались отъ враговъ, изнуренные голодомъ и еще болѣе безсонницею и трудами въ битвѣ безпрерывной. Наконецъ обезсилѣли совершенно, и только рука Всевышняго спасала ихъ.

До Днѣстра оставалось уже не болѣе одной мили. Тутъ крестьяне, бывшіе въ войскѣ, и пахолики, жадные добычи, замыслили какъ можно скорѣе перебраться: разграбили имѣніе гетмана, захватили коней товарищей, которые между тѣмъ пѣшіе сражались съ Турками, прорвали лагерь, чѣмъ открыли дорогу врагамъ, и пустились бѣжать. Такое самовольство погубило и людей злочестивыхъ и все войско. Въ лагерѣ некому было обороняться: всѣ бросились въ разсыпную, моля Бога о спасеніи. Легко вообразить, какъ ужасно было наше пораженіе, и какъ велико торжество непріятеля. Самъ гетманъ палъ въ битвѣ; Корецкій, Струсь, два сына Жолкѣвскаго, Фаренсбахъ и многіе другіе взяты въ плѣнъ; остальныхъ посѣкла сабля Турецкая. Изъ тысячи едва одинъ спасся. Такъ Господь Богъ караетъ лицемѣріе и лукавство!

3 ноября общій сеймъ въ Варшавѣ. Я отправился туда съ полевымъ гетманомъ, выѣхавъ изъ дома 29 октября. Въ Варшаву мы вступили 14 ноября безъ всякой церемоніи: ибо князь дорогою узналъ о смерти брата своего пана Виленскаго, и такъ опечалился, что не хотѣлъ никакого торжества.

На другой день по нашемъ пріѣздѣ, 15 ноября, король едва не погибъ въ костелѣ. Нѣкто Пекарскій имѣлъ двухъ сестеръ: одна была за Домашевскимъ, старостою Луховскимъ, другая за

1620. Плужею, градоначальникомъ Краковскимъ. Шурья выдали его за сумасшедшаго, надъ имѣніемъ учредили съ согласія короля опеку, а самому назначили самое скудное содержаніе. Пекарскій чувствовалъ себя въ полномъ умѣ и негодуя на короля за согласіе на опеку, рѣшился отмстить ему; для исполненія же злодѣйскаго умысла воспользовался пріѣздомъ Домашевскаго въ Варшаву, при коемъ онъ въ то время находился.

Въ воскресенье король по обычаю отправился въ костелъ слушать обѣдню; гвардія, весь дворъ и сенатъ были впереди. Короля провожали два епископа; за нимъ слѣдовалъ королевичъ, также съ двумя епископами; пахолики и молодые царедворцы заключали шествіе. Случилось, что при входѣ въ костелъ, на дверяхъ прибито было какое-то объявленіе: королевичъ остановился, чтобы прочесть его, и на минуту задержалъ шествіе; король же вступилъ въ храмъ, никого за собою не имѣя: ибо вся гвардія остановилась у дверей, а пахолики и царедворцы не трогались съ мѣста за королевичемъ, читавшимъ объявленіе. Отъ того между его величествомъ и его высочествомъ оставалось довольно пустаго мѣста. Въ ту самую минуту Пекарскій съ воплемъ выскочилъ изъ за дверей, гдѣ онъ притаился, съ чеканомъ въ рукѣ, и ударилъ короля обухомъ въ голову, къ счастію не прямо, а нѣсколько вкось; оправился, ударилъ вторично, и тоже мимо. Король упалъ; ксензы разбѣжались. Но между тѣмъ злодѣя схватили; а его величество подняли. Вышла страшная тревога; каждый толковалъ этотъ случай по своему; сперва подозрѣвали вельможъ въ соучастіи; потомъ говорили, что это дѣло измѣнниковъ, подкупленныхъ Турками, и какъ еще не успѣли опомниться отъ ужаса, произведеннаго пораженіемъ гетмана, то вдругъ заговорили, что Татары уже въ Прагѣ и переправляются чрезъ Вислу. Всѣ бросились изъ костела, а городъ заперли, и только тогда отворили, когда узнали, что татаринъ не трогался изъ орды.

Пекарскаго заковали въ желѣза и, по рѣшенію сената, приговорили къ смерти. Казнь происходила такимъ образомъ: посадили

его вмѣстѣ съ палачами въ телѣгу, запряженную четвернею, на 1620
высокомъ, нарочно устроенномъ сѣдалищѣ, чтобы всѣмъ было видно, и повезли изъ крѣпости по городу, чрезъ валъ, Краковское предмѣстье и рынокъ къ Новомясту. При въѣздѣ на валъ, въ Краковскомъ предмѣстье, въ рынокъ и въ Новомясто, палачъ рвалъ его раскаленными клещами. Потомъ взвели на приготовленное въ Новомястѣ возвышеніе, связали руки на спинѣ, положили навзничь на сковороду, наполненную сѣрою, и жгли медленнымъ огнемъ, раздувая его мѣхомъ. Послѣ того свели съ возвышенія, выпрягли лошадей изъ телѣги и привязали ихъ постромками къ рукамъ и ногамъ преступника, чтобы разорвать его. Но какъ долго не могли этого сдѣлать, то одинъ палачъ надрубалъ ему жилы сѣкирою, а другіе погоняли лошадей, и такимъ образомъ вырвали правую ногу. Наконецъ положили его самого съ оторванными членами на костеръ и сожгли. Говорили разные люди, а болѣе торговки, что послѣ на этомъ мѣстѣ, сряду нѣсколько ночей видно было сіяніе, какъ бы отъ горящей свѣчи. Правда ли, не знаю: самъ я не видалъ, а только слышалъ отъ многихъ.

Князь послалъ меня изъ Варшавы въ Дубно, давъ 500 злотыхъ, попытаться, нельзя ли занять этотъ городъ, гдѣ имѣлъ онъ тайныя связи. 9 декабря я въѣхалъ въ Дубно самъ-третей съ Кулаковскимъ и Пентковскимъ, а челяди приказалъ воротиться домой съ коляскою и лошадьми, поручивъ Сугайлову деньги и присмотръ за всѣми вещами. Мы прибыли не во время и воротились ни съ чѣмъ: конница предупредила насъ. Я засталъ князя въ Заблудовѣ; пробывъ здѣсь трое сутокъ, я взялъ отпускъ и пустился домой на крестьянскихъ подводахъ. Домашнихъ, слава Богу, нашелъ въ добромъ здоровьи: только самъ много потерялъ во время своей отлучки.

Не добрыя вѣсти изъ Турціи: тамъ готовятся противъ насъ. 1621.
По всей землѣ носится молва, что лѣтомъ будетъ походъ трудный. Вѣрныя свѣдѣнія присланы изъ Константинополя иноземными агентами и нашимъ агентомъ Отвиновскимъ. Турки вооружаются за двукратное вторженіе въ Валахію Стефана Потоцкаго

1621. и Самуила Корецкаго, которые хотѣли возвести господарчика на Валахскій престолъ, но не успѣли, двѣ битвы проиграли, непріятеля озлили, а себѣ на ноги оковы, на шею колоду надѣли. Къ тому же свѣжее пораженіе обоихъ гетмановъ ободрило непріятеля, раздраженнаго опустошительными набѣгами казаковъ на берега Черноморскіе. Все это убѣдило султана прекратить войну съ естественнымъ врагомъ, шахомъ Персидскимъ, и всѣ силы устремить на Польшу.

3 мая перепись въ повѣтахъ; я вписался въ Новогрудкѣ. 21 мая видно было страшное затмѣніе, которое ничего добраго не предвѣщало. 30 мая я былъ на свадьбѣ: панъ Янъ Протасовичъ выдавалъ дочь свою Елену за пана Почоповскаго. 11 іюля я поѣхалъ въ Вильну. Дорога пренегодная. 21 іюля сеймики въ повѣтахъ. 23 августа общій сеймъ въ Варшавѣ къ великому вреду республики, о чемъ послѣ.

Вѣсти о грозящей опасности изъ Турціи оправдываются самымъ дѣломъ; страхъ всеобщій. Турецкій султанъ, Солиманъ, человѣкъ молодой, злобный, вспыльчивый, тиранъ неукротимый, непріятель христіанамъ жестокій, (трудно сказать Господь ли вооружилъ его, или мы сами подвигли его къ войнѣ), собравъ такое войско, какого болѣе имѣть не могъ, изъ всѣхъ царствъ и областей подвластныхъ, заключивъ миръ со всѣми сосѣдями, всѣ силы Оттоманскія сосредоточивъ въ одно мѣсто, устремилъ всю тяжесть своего могущества на злощастную Польшу. Лазутчики даютъ намъ знать, что мосты наводятъ на Дунаѣ, что султанъ тронулся изъ Царяграда, что онъ уже выступилъ изъ Адріанополя, что наконецъ Турки переходятъ Дунай, а мы не имѣемъ никакой защиты отъ погибели, кромѣ обороны и милосердія Всевышняго. Страхъ повсемѣстный. Уповая однако на Бога, сами не опускаемъ рукъ: дѣлаемъ, что можемъ. Сеймъ опредѣлилъ войну съ Турками на шесть лѣтъ и назначилъ вдругъ восемь податныхъ сборовъ, для найма регулярнаго войска на цѣлый годъ, въ числѣ 60.000, изъ гусаръ, рейтаръ, казаковъ, пѣхоты Нѣмецкой и Польской.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

съ 1605 года по 1608.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

Двѣ Польскія рукописи, помѣщенныя здѣсь въ Русскомъ переводѣ, подъ именемъ Дневника Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ, заимствованы изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Обѣ рукописи содержатъ въ себѣ ежедневныя замѣчанія двухъ Поляковъ, одинъ изъ нихъ находился въ свитѣ Марины Мнишекъ, а другой при послахъ Польскихъ, Олесницкомъ и Гонсѣвскомъ. Дневникъ перваго идетъ до конца 1607 года, а втораго до 15 іюня 1606. Описывая путешествіе Марины въ Москву, послѣдніе дни царствованія Лжедимитрія, низверженіе его, гибель Поляковъ и плѣнъ Марины, оба дневника имѣютъ именно тѣ достоинства, которыя требуются отъ сочиненій подобнаго рода: наблюдатели разсказываютъ просто, день за день, что они *сами* видѣли; отъ того показанія ихъ, за исключеніемъ двухъ нелѣпыхъ басней, въ высшей степени достовѣрны и любопытны; въ особенности они весьма занимательно описали переговоры Лжедимитрія съ послами Польскими, приводя неоднократно акты офиціальные и рѣчи пословъ, изъ коихъ мы узнаемъ много новаго.

Въ переводѣ этихъ рукописей я руководствовался тѣми же правилами, которыя наблюдалъ издавая въ свѣтъ записки Бера, Паерлѐ, Маржерета, Де-Ту и Маскѣвича: т. е. старался передать подлинникъ со всѣми оттѣнками смысла и слога, не исключая ни одной идеи и объясняя въ примѣчаніяхъ извѣстія темныя или невѣрныя, которыхъ впрочемъ не много.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

ГЛАВА I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе царевича Димитрія отъ смерти докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мнишка съ Димитріемъ. Пиры. Въѣздъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о титулѣ цесарскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побіеніе Поляковъ.

1605 — 1606.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, осиротѣвъ еще въ младенчествѣ, воспитывался по волѣ брата своего, Ѳеодора Іоанновича, Государя Московскаго, въ княжествѣ Углицкомъ; при немъ было нѣсколько Московскихъ дворянъ съ отрядомъ тѣлохранителей. Царь Ѳеодоръ жилъ постоянно въ Москвѣ, не зналъ никакихъ заботъ, мало занимался правленіемъ; болѣе всего любилъ посѣщать монастыри и бесѣдовать съ монахами. Государствомъ же управлялъ конюшій его Борисъ Годуновъ, который, видя слабость царскаго здоровья и малолѣтство Димитрія, рѣшился погубить обоихъ, чтобы самому взойти на престолъ. Прежде всего онъ хотѣлъ умертвить невинное дитя, царевича, и исполнить поручилъ умыселъ надежнымъ клевретамъ,ославъ

имъ приказаніе въ Угличъ, находящійся отъ Москвы въ нѣкоторомъ разстояніи. При царевичѣ былъ докторъ, родомъ Волохъ;[95] свѣдавъ о зломъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика, похожаго на Димитрія, и велѣлъ ему быть безотлучно при царевичѣ, даже спать на одной постелѣ. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло не мало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели, и унесли трупъ. Въ городѣ сдѣлалась тревога: немедленно послали въ погоню за убійцами; нѣсколько десятковъ ихъ умертвили, а тѣло отняли.[96]

Докторъ, зная сколь безпеченъ царь Ѳеодоръ и сколь сильна власть Борисова, для спасенія царевича отъ неминуемой смерти, вывелъ его тайно изъ Углича и бѣжалъ съ нимъ къ Ледовитому морю, гдѣ до самой смерти своей выдавалъ его за простаго мальчика. Предъ концемъ жизни, онъ совѣтовалъ Димитрію не открывать о себѣ до совершеннаго возраста и постричься въ монахи: что и было исполнено. Между тѣмъ конюшій Борисъ, увѣривъ царя Ѳеодора, что Димитрій скончался отъ удара, въ падучей болѣзни, велѣлъ казнить находившихся при царевичѣ служителей, чтобы скрыть слѣды своего предательства. Ѳеодоръ хотѣлъ привезти въ Москву тѣло своего брата и похоронить съ честію; но Борисъ убѣдилъ его оставить намѣреніе, сказавъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ занесена будетъ зараза въ столицу. И такъ мнимаго царевича похоронили въ Угличѣ. Наконецъ Борисъ отравилъ ядомъ самого Ѳеодора и овладѣлъ престоломъ.

Царевичъ Димитрій, скрываясь въ одеждѣ инока, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и изъ монастыря своего перешелъ въ другой, ближайшій къ столицѣ, потомъ въ третій и такъ далѣе; наконецъ, никѣмъ не знаемый, явился въ Москву, гдѣ предъ глазами самого Бориса, нѣсколько времени находился въ палатахъ Патріаршихъ. Здѣсь онъ еще никому не смѣлъ открыться и отправился

въ Польшу; училъ тамъ довольно долго дѣтей какого-то шляхтича, а отъ него перешелъ въ Бражню, мѣстечко князя Адама Вишневецкаго,[97] и тутъ впервые открылъ свое званіе игумну, который сказалъ о томъ князю. Князь призвалъ къ себѣ царевича, тщательно распросилъ его обо всемъ, чтобы удостовѣриться, точно ли онъ наслѣдникъ Московскаго престола, и убѣжденный въ истинѣ, снялъ съ него монашескую одежду, замѣнивъ ее богатымъ Польскимъ платьемъ; въ послѣдствіи явился съ нимъ къ князю Константину Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго.[98] Князь Константинъ представилъ Димитрія пану воеводѣ, а панъ воевода его королевскому величеству въ Краковѣ; по возвращеніи же оттуда, отправился съ царевичемъ въ походъ и повелъ его въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска.

Во время похода, наши взяли приступомъ пограничную крѣ- 1605.
пость, Морависко, которую чернь сдала царевичу вмѣстѣ съ связанными воеводами; отсюда пошли подъ Черниговъ, гдѣ жители также выдали воеводъ и присягнули царевичу. Послѣ того, наши подступили къ третьей Русской крѣпости, Новгородку, которую стрѣльцы, числомъ до тысячи, обороняли упорно; осада крѣпости продолжалась восемь недѣль. Между тѣмъ 31 декабря 1604 года подошло на помощь Русскимъ до 40.000 человѣкъ: наши, при помощи Божіей, разбили ихъ.[99] Во время отдыха послѣ битвы, прислано извѣстіе изъ города Путивля, (который можетъ выставить до 40.000 войска), о желаніи жителей его покориться царевичу и сдать городъ: Путивльскіе воеводы были приведены, связанные. Съ такимъ же предложеніемъ явились посланные изъ сильныхъ крѣпостей, Кромъ, Рыльска, Орла, Сѣвска, и многихъ другихъ: всѣ онѣ присягнули царевичу, а воеводъ заключили въ оковы. Димитрій, даровавъ градоначальникамъ милость, освободилъ ихъ отъ узъ.[100] Между тѣмъ панъ воевода заболѣлъ и для поправленія здоровья, рѣшился возвратиться въ отечество; воины же Польскіе, не стерпѣвъ стужи и разныхъ недостатковъ, возмутились и также отправились восвояси, оставивъ Димитрія съ

1605. немногими людьми и осьмью тысячами Запорожцевъ.[101] Не взявъ Новгородка, Димитрій съ своею малочисленною дружиною пошелъ въ волость Комаринскую, гдѣ встрѣтилъ высланное противъ него войско Борисово, сразился съ нимъ и проигралъ битву: виною неудачи были Запорожцы, которые безъ боя бѣжали отъ непріятеля.[102]

Потерявъ сраженіе, царевичъ спѣшилъ отступить къ Путивлю, гдѣ поджидалъ помощи отъ пана воеводы. Но прежде, чѣмъ успѣлъ панъ воевода подать ему помощь, Господь Богъ наказалъ Бориса скоропостижною смертію: принимая Датскаго посла, онъ вдругъ упалъ съ престола и умеръ, истекая кровью, которая хлынула изъ носу, глазъ и ушей. Узнавъ о кончинѣ Годунова, войско его, числомъ до 170.000, послало къ царевичу въ Кромы[103] свою присягу; многіе дворяне Московскіе также пріѣхали къ нему, съ изъявленіемъ покорности. Приверженцы Борисовы выдали сына, жену и дочь его Димитрію. Сынъ Годунова, уважая царевича, всѣми средствами убѣждалъ отца примириться съ нимъ, и говорилъ, что самъ Богъ свидѣтельствуетъ правоту Димитрія, который, не обнажая меча, овладѣлъ столь многими странами. Заключенная въ узы, вдова Борисова приготовила ядъ, и выпивъ стаканъ съ отравою, предложила его своему сыну, съ тѣмъ, чтобы онъ выпилъ за здоровье любимаго имъ царевича, и поподчивалъ бы свою сестру. Сынъ исполнилъ волю матери и вмѣстѣ съ нею умеръ; дочь же, поднося отраву къ устамъ своимъ, замѣтила, что матери и брату ея стало дурно; посему не рѣшилась пить. При всемъ томъ самый запахъ яда такъ заразилъ ее, что она едва излечилась при помощи медиковъ.[104] Димитрій прибылъ въ Москву, и послалъ за своею матерью, не желая безъ нея короноваться; встрѣтилъ ее за городомъ и съ полмили шелъ пѣшкомъ со всею гвардіею, придерживаясь за подножки ея кареты. Въ послѣдній день іюля царевичъ короновался.

Возсѣвъ на тронъ прародительскій, съ властію самодержавною, онъ спѣшилъ изъявить признательность пану воеводѣ Сендо-

мирскому исполненіемъ своего обѣщанія вступить въ священный 1605.
бракъ съ его дочерью Мариною; въ слѣдствіе того, отправилъ въ Польшу великаго посла своего, Аѳанасія Власьева. Власьевъ прибылъ въ Краковъ 9 ноября съ своею свитою, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ лошадей. 11 числа привѣтствовали его королевскіе сановники и другія особы. Посолъ остановился въ домѣ пана воеводы и вручилъ ему царскіе подарки: 1) чернолисью шубу и шапку; 2) золотую чарку, осыпанную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; 3) булаву, оправленную золотомъ съ каменьями; 4) коня въ яблокахъ; сѣдло, арчакъ и узду, украшенныя золотомъ и каменьями; вмѣсто поводовъ, золотую цѣпь; 5) часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью; 6) два ножа: одинъ осыпанный алмазами, а другой разными дорогими каменьями; 7) два Персидскіе ковра, вышитые золотомъ; 8) шесть сороковъ самыхъ лучшихъ соболей; одного соболя и одну куницу живыхъ, и 9) три кречета.

14 ноября, посолъ имѣлъ торжественную у короля аудіенцію; изъявивъ дружелюбіе своего государя и желаніе его воевать со всякимъ врагомъ Польской короны, онъ въ то же время вручилъ царскую грамоту. По окончаніи аудіенціи, представлены были его величеству самимъ посломъ и сыномъ его слѣдующіе подарки: 12 сороковъ соболей, 8 лисицъ; бриллiантовый перстень; лукъ, колчанъ и стрѣлы, оправленные золотомъ; три коня: одинъ Нагайскій съ сѣдломъ, другой подъ Персидскою попоною, третій подъ бархатною. Вручивъ подарки, посолъ возвратился въ свою квартиру.

15 ноября панъ воевода увеселялъ Русскихъ сановниковъ великолѣпнымъ баломъ (кромѣ посла, который въ тотъ день былъ нездоровъ).

18 ноября посолъ вторично былъ во дворцѣ, гдѣ, въ присутствіи пана воеводы и всѣхъ сенаторовъ, просилъ его величество о дочери пана воеводы, объявивъ, что онъ наиболѣе присланъ для сватовства, съ повелѣніемъ немедленно донести своему государю о успѣхѣ порученія. Король изъявилъ согласіе.

1605. 19 ноября дочь пана воеводы пріѣхала въ Краковъ.

22 ноября посолъ обручился съ нею. Того же дня былъ у пана воеводы балъ, на которомъ присутствовали его величество король, съ сыномъ и дочерью, ксензъ кардиналъ Маціовскій, совершившій обрученіе, ксензъ легатъ, многіе сенаторы и другія знатныя особы. Король, сынъ его и царица были чрезвычайно веселы. Послѣ обрученія, немедленно поднесены были подарки: отъ царской матери, Маріи Ѳеодоровны, образъ св. Троицы, въ золотой ризѣ, осыпанной драгоцѣнными каменьями. Отъ царя: корабль цѣною въ 60.000; чарка гіацинтовая, немного меньшей цѣны; большіе часы въ футлярѣ, удивительнаго устройства, съ трубачами и барабанщиками, которые трубили и барабанили по пробитіи каждаго часа; перстень съ большимъ алмазомъ; запона; большая птица, съ алмазами и рубинами; бокалъ червоннаго золота, съ дорогими каменьями; серебряный вызолоченный сосудъ превосходной работы; крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями; драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ; серебряный пеликанъ, достающій свое сердце для птенцовъ; павлинъ съ золотыми искрами; нѣсколько жемчужинъ, величиною въ мускатный орѣхъ; множество нитокъ не столь крупнаго жемчуга, вѣсомъ вообще 4018 лотовъ;[105] 18 кусковъ парчи и бархату. Всѣ подарки представлены были предъ обѣдомъ. Пиръ былъ великолѣпный. На другой день панъ Липницкій отправился въ Москву съ извѣстіемъ.

24 ноября посолъ представлялся дочери пана воеводы, какъ царицѣ и государынѣ своей. Въ тотъ же день отдалъ подарки брату ея, старостѣ Саноцкому: 1) саблю и большой мечъ, оправленные въ золото съ драгоцѣнными каменьями; 2) золотой бокалъ; 3) дорогой ножъ; 4) пять сороковъ соболей; три черныя лисицы и одного кречета съ золотымъ колокольчикомъ. Панья воеводша и панья хоронжая, бабка царицына, также получили въ подарокъ много соболей и жемчугу.

3 декабря царица выѣхала изъ Кракова въ Промникъ;[106] 1605.
ее провожали панъ воевода и Русскій посолъ съ многочисленною свитою. При выѣздѣ царицы, собралось такое множество народа, что нельзя было окинуть его взоромъ. Посолъ и воевода, проводивъ ее до Промника, возвратились въ Краковъ. Король давалъ балъ, на которомъ и они присутствовали. Въ то же время прискакалъ изъ Москвы гонецъ къ послу съ свадебными подарками.

12 декабря, посолъ вручилъ подарки: ожерелье съ драгоцѣнными каменьями и часы. При чемъ панъ воевода отдалъ свои четыре бокала и часы, полученные имъ отъ царя въ подарокъ.

18 декабря посолъ выѣхалъ изъ Кракова. Воевода, съ супругою и дочерью царицею, остался въ Промникѣ.

3 января царь прислалъ въ Краковъ пану воеводѣ 300.000, 1606.
а сыну его старостѣ Саноцкому 50.000 злотыхъ.[107] Деньги доставлены Яномъ Бучинскимъ и Русскимъ сановникомъ Михайломъ Толчановымъ, которые привезли также подарки и отдали ихъ 5 января, а именно: 1) узорочье, съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени *Іисуса*, а съ другой *Маріи*, въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96; 2) цѣпь червоннаго золота, осыпанная 136 брилліантами; 3) четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ; 4) браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ; 5) золотой ларчикъ съ жемчугомъ; 6) три слитка золота, цѣною въ 15.000; 7) два большія золотыя блюда и двѣнадцать малыхъ; 8) гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ; 9) гіацинтовый бокалъ съ крышкою, оправленный золотомъ; 10) золотой рукомойникъ и тазъ, съ искусными изображеніями, и 11) перстень съ тремя алмазами.

14 января прискакалъ изъ Москвы въ Краковъ Иванъ Безобразовъ съ письмами къ его величеству королю и пану воеводѣ,[108] а 22 числа, взявъ отпускъ, выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ паномъ воеводою. За день предъ тѣмъ царица отправилась изъ Промника въ Самборъ.

1606. 1 февраля панъ Липницкій на дорогѣ въ Дембовцу вручилъ письма отъ царя, который просилъ его какъ можно скорѣе поспѣшить въ Москву. Въ слѣдствіе того панъ воевода, не теряя времени (отправивъ только мясопустъ въ Сановкѣ, а сыропустъ въ Олшаницѣ), 11 февраля прибылъ съ царицею въ Самборъ. Сюда пріѣзжали многіе гонцы изъ Москвы съ письмами отъ пановъ Денбицкаго, Склиньскаго и Горскаго, которые именемъ царя жаловались на медленный выѣздъ царицы. Наконецъ и самъ посолъ, Аѳанасій, воротясь съ дороги, прибылъ въ Самборъ съ упреками. При немъ было 50 коней.

22 февраля посолъ, сдѣлавъ привѣтствіе царицѣ и воеводѣ, объявилъ, что царю весьма прискорбна ихъ медленность.

2 марта панъ воевода съ царицею и Аѳанасіемъ отправился въ путь къ Москвѣ. Съ нимъ было нѣсколько пріятелей; другіе же воротились по причинѣ дурной дороги.

Дорога Московская. Отъ Самбора до Люблина 30 миль. 2 марта, первый ночлегъ въ Купновичахъ; 3 въ Мосцискахъ; 4 въ Любачевѣ; 5 въ Луховой; 6 въ Сѣбресинѣ; 7 въ Скроновѣ; 8 въ Люблинѣ. Тутъ простояли до 14 марта; прибытіе Склиньскаго съ письмомъ отъ царя побудило выѣхать того же дня изъ Люблина.[109]

Отъ Люблина до Бресця » » миль. 14 марта первый ночлегъ въ Ленчной; 15 въ Островѣ; 16 въ Парчовѣ; 17 въ Рощкѣ; 18 въ Бресцѣ; 19 тамъ же. Вербная недѣля.

Отъ Бресця до Слонима 27 миль. 20 марта первый ночлегъ въ Каменцѣ; 21 въ Шерешовѣ; 22 въ Новодворѣ; 23 въ Рожаной; 24 въ Слонимѣ; 25 и 26 тамъ же. Пасха. Праздновали ее у Литовскаго канцлера со всею пышностію.

Отъ Слонима до Минска 25 миль. 27 марта первый ночлегъ въ Мольчадзи. Отсюда отправили къ царю пана Денбицкаго, а отъ царя пріѣхалъ сюда панъ Казановскій.[110] 28 марта ночлегъ въ Цыренѣ, 29 подъ Миромъ и переѣздъ чрезъ Миръ; 30 въ Несвижѣ; 31 тамъ же. Великолѣпное угощеніе гостей Виленскимъ

воеводою. 1 апрѣля ночлегъ въ Микалаевщизнѣ; 2 въ Койдановѣ; 1606.
3 въ Минскѣ; 4 и 5 тамъ же. Тутъ мы получили присланные царемъ 35.000 злотыхъ на дорожныя издержки, и дождались Склиньскаго съ письмами отъ царя, который просилъ пана воеводу забыть оскорбительные упреки за медленность его выѣзда.[111]

Отъ Минска до Орши 38 миль. 6 апрѣля ночлегъ въ Смолевичахъ; 7 въ Борисовѣ; 8 въ Начи; 9 въ Бобрѣ; 10 въ Толочинѣ; 11 въ Кохановѣ. Угощеніе канцлеромъ Литовскимъ. 12 въ Оршѣ; 13 тамъ же. Переправа чрезъ Днѣпръ. Она продолжалась до 15 апрѣля, по причинѣ быстраго стремленія воды, которая уносила далеко отъ пристани перевозныя суда.

Отъ Орши до Баёва 8 миль. 16 апрѣля ночлегъ въ Сватовичахъ; 17 въ Баёвѣ. Сюда пріѣхало нѣсколько Русскихъ съ письмами. Отъ Баёва до границы ровно миля. 18 апрѣля переѣхали мы границу и мостъ чрезъ рѣчку. Насъ встрѣтили четыре знатные Русскіе сановника, которые, вручивъ послу Аѳанасію письма, привѣтствовали царицу и пана воеводу.[112]

Списокъ особъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи: панъ воевода; при немъ свита конная и пѣшая, 445 человѣкъ; лошадей 411. Царица; въ свитѣ ея 251 человѣкъ, и столько же лошадей. Панъ староста Красноставскій, при немъ 107 чел. и 115 лош.[113] Князь Вишневецкій съ 215 чел. на 255 лош.[114] Староста Саноцкій съ 415 человѣкъ на 411 лошадяхъ. Староста Луховскій съ 87 чел. на 96 лошадяхъ.[115] Панъ Тарло, хоронжій Пржемыслскій съ супругою; при немъ 21 человѣкъ и 69 лошадей.[116] Панъ Мартинъ Стадницкій съ 36 челов. на 33 лошад. Панъ Георгій Стадницкій съ 21 челов. на 24 лош.[117] Панъ Самуилъ Балъ съ 29 чел. на 30 лош.[118] Панъ Павелъ Тарло, сынъ старосты Сохачевскаго съ 9 челов. на 10 лош. Панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, съ 15 человѣкъ на 13 лош.[119] Ксензъ Помаскій, секретарь королевскій, съ 16 челов. на 17 лош.[120] Панъ Вольскій съ 20 челов. на 19 лош.[121] Панъ Броневскій съ 8 челов.

1606. на 7 лош. Панъ Помаскій съ 11 чел. на 12 лошад. Панъ Корытко съ 10 челов. на 10 лошад. Панъ Любомирскій съ 12 челов. на 12 лошад. Панъ Ясеновскій, бывшій приставомъ у Аѳанасія, съ 11 чел. на 12 лош. Панъ Петръ Домарацкій съ 9 чел. на 15 лош. Пять монаховъ съ 16 служителей на 16 лош. Панья Тарлова, супруга старосты Сохачевскаго, съ свитою изъ 50 челов. на 45 лошад. Панья Казановская съ 19 челов. на 19 лошад. Панья Гербуртова съ 24 чел. на 17 лошад. Сверхъ того при воеводѣ было 12 Армянъ и купцовъ на 16 лошадяхъ, кромѣ тѣхъ, которые ѣхали на своемъ коштѣ. Весь обозъ состоялъ изъ 1969 человѣкъ и 1961 лошади. Говоримъ только о числѣ тѣхъ, которые составляли свиту; сверхъ того можно было бы насчитать еще болѣе трехъ сотъ человѣкъ, съ такимъ же числомъ лошадей.

При переправѣ чрезъ границу, обозъ былъ расположенъ такимъ образомъ: впереди ѣхали спутники царицы; за ними панъ воевода, наконецъ она сама, окруженная своими гусарами и пѣхотинцами; каждый панъ имѣлъ при себѣ своихъ всадниковъ. Нѣсколько повозокъ и колясокъ въ двѣ лошади отправлено впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ за границею. На каждой рѣкѣ были хорошіе мосты до самой Москвы. Впрочемъ на дорогѣ къ Смоленску, повозки неоднократно тонули въ болотахъ.

Отъ границы до Смоленска 15 миль. 18 апрѣля первый ночлегъ былъ въ Красномъ. Въ каждомъ селѣ священники встрѣчали насъ съ хлѣбомъ-солью, въ знакъ доброжелательства. Мы провели въ Красномъ время весьма безпокойно и непріятно, хотя въ слѣдствіе письма пана воеводы и старались улучшить наше положеніе. Для ночлега отвели намъ нѣсколько тѣсныхъ хижинъ; а царицѣ одну новую избу. Посему многіе расположились въ ближайшихъ деревняхъ; иные же раскинули палатки на болотѣ. На бѣду случилось ненастье. Сверхъ того надлежало подумать о лучшемъ заготовленіи съѣстныхъ припасовъ: все это заставило насъ провести 19 апрѣля въ Красномъ.

20 апрѣля ночлегъ въ Любливѣ.[122] Здѣсь также было тѣсно, 1606.
какъ и въ Красномъ. Царица помѣстилась въ двухъ комнатахъ; свитѣ ея дали нѣсколько хижинъ. Многимъ пришлось ночевать въ палаткахъ или въ ближайшихъ деревняхъ. Насъ встрѣтили до тысячи человѣкъ, которые уже около трехъ мѣсяцевъ ожидали пріѣзда царицы. Они привѣтствовали ее, по своему обычаю, низкими поклонами. Тутъ же находились Московскій князь Василій Михайловичъ Масальскій и Михайло Александровичъ Нагой, царскій дядя по матери. Оба они съ нѣсколькими своими дворянами встрѣтили царицу при входѣ ея въ комнату и поздравивъ земными поклонами, вручили ей и пану воеводѣ письма отъ своего государя. Царь прислалъ для своей супруги 54 бѣлыя лошади, съ бархатными шорами и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями. Въ одной каретѣ, подъ царицею, было 12 лошадей, въ другой 10, а въ третьей подъ дамами 8; остальныхъ лошадей вели на поводахъ.

21 апрѣля ночлегъ въ Смоленскѣ. Царицу встрѣтило все Смоленское Дворянство съ нѣсколькими десятками тысячъ простаго народа, который кланялся въ землю и дарилъ соболей. Монахи встрѣчали ее съ иконами и хлѣбомъ. На стѣнахъ обширной крѣпости Смоленской стояло до 2000 стрѣльцовъ. Отсюда также выходили монахи съ хлѣбомъ и иконами.

22 апрѣля царица обѣдала во дворцѣ своемъ; а панъ воевода съ своими пріятелями[123] былъ приглашенъ къ князю Масальскому. По окончаніи обѣда, всѣ разъѣхались по своимъ квартирамъ. Въ Смоленскѣ два раза пугалъ насъ огонь: сперва загорѣлась царицына кухня; потомъ слуга мой зажегъ въ моей квартирѣ нѣсколько фунтовъ пороху; опалилъ себѣ лице и выжегъ глаза. Это было предвѣщаніемъ нашего злополучія. Слуга мой умеръ вскорѣ, въ Москвѣ; а мы, по благости Божіей, остались еще невредимы.

23 апрѣля, воскресенье. Мы провели и сей день въ Смоленскѣ, по случаю болѣзни пана воеводы. Русскіе съ удивленіемъ

1606. слушали музыку при отправленіи Божественной службы, и такъ толпились, что ломали перила.

Отъ Смоленска до Вязмы 28 миль. 24 апрѣля ночлегъ въ Пневѣ, гдѣ на каждыя 10 лошадей выдано намъ по полторы четверти овса и по возу сѣна. 25 апрѣля ночлегъ въ Дубкахъ. Переправа чрезъ Днѣпръ. Здѣсь было довольно паромовъ; но при великомъ разлитіи Днѣпра и впадающей въ него рѣки Вопи, отъ тѣсноты людей, одинъ паромъ опрокинулся и нѣсколько человѣкъ потонуло. А въ ротѣ пана старосты Саноцкаго, товарищъ отсѣкъ палецъ другому товарищу, тѣснясь на паромъ. Отъ перевоза, дорога идетъ лѣсомъ ровная, вымощенная; всѣхъ мостовъ 26. На пути мы встрѣтили Москвитянина Бориса Михайловича Лыкова, крайчаго, съ царскими письмами. Димитрій, изъявляя радость о счастливомъ прибытіи пана воеводы и царицы въ предѣлы государства своего, увѣдомлялъ, что онъ повелѣлъ кому слѣдуетъ доставлять имъ всевозможныя удобства, а самъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ пріѣзда. 26 апрѣля ночлегъ въ Дорогобужѣ. Дорога поправлена, а по лѣсамъ вымощена. 27 тамъ же. Наши грубо обходились съ Русскими. Для обузданія своевольныхъ, у насъ назначены судьи и предписаны правила, коихъ никто однако не исполнялъ. Янъ Бучинскій посланъ къ царю. 28 апрѣля ночлегъ въ Колпичѣ. Дорога прегадкая: однихъ мостовъ было 45. Того жъ дня прискакалъ отъ царя съ письмами панъ Горскій, а за нимъ прибылъ царскій посолъ Аѳанасій, уѣхавшій напередъ изъ Смоленска. Димитрій просилъ пана воеводу поспѣшить пріѣздомъ въ Москву съ нѣкоторыми изъ родственниковъ его, по крайней мѣрѣ на 100 лошадяхъ, чтобы условиться въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и въ разныхъ обрядахъ. Здѣсь Аѳанасій вручилъ царицѣ драгоцѣнные подарки, а именно: алмазную корону, брилліантовую повязку на шляпу, алмазную запону, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, и двое золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ. 29 апрѣля ночлегъ въ Вязмѣ. День Пасхи у Русскихъ. Этотъ

праздникъ они проводятъ не въ бездѣйствіи: освобождаютъ изъ 1606.
темницъ узниковъ, а боярамъ, по обыкновенію своему, дарятъ хорошіе платки. Панъ воевода разстался съ своею дочерью и отправился впередъ.

Отъ Вязмы до Москвы 36 миль. 30 апрѣля ночлегъ въ Заезерьѣ. Панъ воевода, съ княземъ Вишневецкимъ, паномъ старостою Саноцкимъ и паномъ хоронжимъ, ночевалъ въ Чаровѣ,[124] имѣя при себѣ небольшое число служителей. 1 мая ночлегъ царицы въ Добромъ; а панъ воевода ночевалъ въ Можайскѣ. Въ семъ городѣ три церкви. Изъ нихъ наиболѣе уважается церковь Св. Николая, котораго Русскіе признаютъ чудотворцемъ. Въ день праздника его, также и въ другое время, сюда стекаются толпы народа. 2 мая царица имѣла свой ночлегъ въ Можайскѣ, а панъ воевода въ селеніи Вязомѣ, въ 6 миляхъ отъ Москвы. Это селеніе принадлежало умершему царю Борису. Въ немъ есть дворецъ, довольно обширный, обнесенный палисадникомъ и окопанный рвомъ съ рогатками.[125] Подлѣ дворца каменная церковь, очень изрядная; иконы и подсвѣчники въ ней богаты и прекрасной работы. Сюда прислано изъ Москвы 6 лошадей для пана воеводы; а намъ, что всего важнѣе, привели цѣлый царскій табунъ. 3 мая царица оставалась въ Можайскѣ, а панъ воевода имѣлъ ночлегъ подъ деревнею Маначиномъ, въ царскихъ палаткахъ, весьма богатыхъ и нарочно для него поставленныхъ: ихъ было 12. Сюда прислана за нимъ изъ Москвы великолѣпная карета въ 6 лошадей. 4 мая ночлегъ царицы въ Дровачевѣ, а пана воеводы въ самой Москвѣ.

Въѣздъ его въ Москву происходилъ такимъ образомъ: въ день Вознесенія Господня, царь выслалъ четырехъ осѣдланныхъ лошадей, одну для пана воеводы, съ сѣдломъ, богато оправленнымъ въ золото, а другихъ трехъ для ближайшихъ родственниковъ его. За четверть мили отъ столицы, ихъ встрѣтилъ Басмановъ, верхомъ, въ богатой гусарской одеждѣ, окруженный знатными боярами и панами Московскими, числомъ до полуторы тысячи. Всѣ они провожали гостей до самой квартиры. Переѣхавъ чрезъ

1606. Москву рѣку по мосту, искусно устроенному безъ свай, на канатахъ, мы вступили въ тріумфальные ворота, между двухъ рядовъ множества Москвитянъ, довольно опрятно одѣтыхъ; тутъ находился скрытно и самъ царь. Панъ Домарацкій стоялъ съ Польскою ротою; за мостъ, на другую сторону, никого не пускали. Такъ проводили пана воеводу до самой квартиры его, бывшей въ городѣ. Не успѣли мы сойти съ коней, какъ намъ уже нанесли изъ царской кухни разнаго кушанья; подавали его въ дорогихъ золотыхъ блюдахъ. Болѣе всего было пирожнаго, только невкуснаго: оно приготовлялось безъ соли. Напитковъ также было вдоволь. По окончаніи обѣда, царь прислалъ князя Ивана Ѳедоровича Хворостина навѣстить воеводу и изъявить свою радость о благополучномъ прибытіи его въ царскія владѣнія. Въ сей день воевода не былъ у Димитрія потому, что царь ѣздилъ, по обыкновенію своему, къ матери въ монастырь, находящійся у воротъ крѣпости. Одежда на немъ была бѣлая; а конь подъ нимъ съ каштановыми изліучинами. Нѣсколько сотъ алебардщиковъ и довольное число всадниковъ окружали его.

5 Мая царица имѣла ночлегъ въ Вязомѣ. Въ сей день воевода представлялся Димитрію, такимъ образомъ: отъ самаго дома, гдѣ онъ на ту пору жилъ, провожало его безчисленное множество стрѣльцовъ, до большихъ дворцовыхъ сѣней, которые были наполнены боярами, пышно одѣтыми. Изъ сѣней мы вошли въ палаты. Царь сидѣлъ на тронѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ высокою на головѣ короною, осыпанною драгоцѣнными каменьями, имѣя въ правой рукѣ скипетръ. Весь тронъ былъ изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ шаромъ, на которомъ стоялъ орелъ великой цѣны. Отъ щитовъ надъ колонами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ ихъ находился топазъ величиною болѣе грецкаго орѣха. Колоны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ, величиною съ волка. На двухъ золотыхъ подсвѣчникахъ

стояли грифы, касаясь колонъ. Къ трону вели три ступени, по- 1606.
крытыя золотою парчею. Съ обѣихъ сторонъ трона стояло по два сановника, съ желѣзными бердышами на золотыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горностаями, въ бѣлыхъ сапогахъ, опоясанные золотыми цѣпями. По лѣвую руку царя стоялъ Димитрій Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за царемъ слуга въ богатомъ кафтанѣ, съ платкомъ въ рукахъ. Справа сидѣлъ Московскій патріархъ, предъ нимъ держали крестъ на золотомъ блюдѣ. Ниже его сидѣли епископы и другія духовныя особы; а за ними сенаторы и дворяне; на лѣвой сторонѣ также сенаторы и дворяне.

Воевода, поцѣловавъ руку у царя, говорилъ рѣчь, которая такъ тронула его, что онъ плакалъ, какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ глаза свои. За царя отвѣчалъ посолъ Аѳанасій. Послѣ чего воевода сѣлъ предъ троном въ нѣсколькихъ шагахъ; пріятели его помѣстились на лавкахъ, между ними проходили мы къ цѣлованію царской руки. По окончаніи обряда, Димитрій подозвалъ воеводу и просилъ его къ себѣ на обѣдъ, а пріятелей его приглашалъ чрезъ Басманова. Выходя изъ дворца, воевода повстрѣчался на крыльцѣ съ духовными особами и патріархомъ, который, сдѣлавъ привѣтствіе ему и родственникамъ его, далъ имъ поцѣловать крестъ, но только безъ благословенія. За духовенствомъ вышелъ царь: бояре вели его подъ руки въ церковъ; предъ нимъ несли державу, т. е. золотое яблоко съ крестомъ. Воевода слѣдовалъ за нимъ въ ту же церковь и сталъ у боковыхъ дверей на паперти, откуда пристально смотрѣлъ на обряды Богослуженія. Между тѣмъ принесли царю меньшую корону. Послѣ обѣдни, Димитрій, поговоривъ съ воеводою на паперти, сидя, возвратился съ нимъ въ покои.

Дворецъ его деревянный, но красивый и даже великолѣпный. Дверные замки въ немъ вызолочены червоннымъ золотомъ; печки зеленыя, а нѣкоторыя обведены серебрянными рѣшетками. Предъ

1606. столовою, въ сѣняхъ стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочимъ, семь бочекъ серебряныхъ съ вызолоченными обручами, величиною въ сельдяные боченки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукомойниковъ, тазовъ и прочаго. Столовая обита Персидскою голубою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевые; тронъ покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами.

Царь сѣлъ за отдѣльный столъ серебряный съ позолотою, накрытый скатертью, вышитою золотомъ. По лѣвую руку его, за другимъ столомъ сидѣлъ воевода съ своими пріятелями; а подлѣ него за третьимъ столомъ, противъ царскаго, помѣстили насъ слугъ попарно съ Русскими, которые насъ подчивали. Тарелокъ намъ не подали: дали ихъ только четыремъ панамъ, да и то, сказалъ Димитрій, онъ сдѣлалъ это противъ обычая. По правую руку царя сидѣли сенаторы, коихъ по-Русски называютъ думными боярами. Воды не подавали. Изъ огромнаго, вышиною въ человѣка, серебрянаго съ позолотою сосуда вода лилась кранами въ три таза: но никто не мылъ рукъ. Вся комната до самаго потолка была наполнена столовою посудою, по большей части золотою и серебряною: она представляла львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерицъ, лошадей и тому подобное. Когда усѣлись за столы, принесли кушанье, разнаго сорта, рыбное: это случилось въ пятницу. Сначала уставили блюдами одного сорта весь столъ, вдоль его такъ, что одно блюдо было отъ другаго не далѣе трехъ четвертей аршина. Снявъ первое блюдо, ставили такимъ же образомъ другое; потомъ третье и т. д. Хлѣба на столѣ не было; но когда сѣли, царь разослалъ каждому по большому ломтю бѣлаго хлѣба, изъ коего мы сдѣлали себѣ тарелки. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Подавали весьма много вкуснаго пирожнаго, разнымъ способомъ приготовленнаго. Наконецъ дошло до напитковъ. Сначала выпилъ царь, сперва за здоровье воеводы, потомъ за здоровье родственниковъ его; намъ же изъ царской милости пожаловано по чаркѣ вина. Послѣ того поставили на столъ въ

золотыхъ сосудахъ множество меда, подслащеннаго пива и дру- 1606.
гихъ напитковъ, чего кто хотѣлъ. Прислуживаютъ за царскими столами просто, безъ поклоновъ: даже стольники не снимаютъ шапокъ, и только слегка наклоняютъ голову. Въ половинѣ обѣда, пану воеводѣ сдѣлалось дурно: онъ вышелъ изъ-за стола въ царскій покой, съ двумя служителями. По удаленіи его, явилось 20 Японцевъ съ луками.[127]

Японцы живутъ около *Индіи* у Ледовитаго моря; ѣздятъ на оленяхъ и платятъ дань царю Московскому. Кто только можетъ изъ нихъ владѣть топоромъ, даетъ царю по десяти соболей въ годъ: въ это самое время они привезли свой оброкъ Обыкновенною пищею ихъ сырое мясо и рыба. Господствующей вѣры нѣтъ у нихъ: каждый поклоняется чему хочетъ: солнцу, мѣсяцу, деревьямъ, медвѣдямъ. Женъ покупаютъ малолѣтнихъ и ждутъ ихъ возраста. Разстояніе отъ Москвы до Японіи такъ велико, что на проѣздъ надобно употребить цѣлый годъ. Домовъ не имѣютъ: проживъ нѣсколько недѣль на одномъ мѣстѣ въ степи, они переходятъ на другое за нѣсколько десятковъ миль, и такимъ образомъ проводятъ всю жизнь. Обыкновенная забава ихъ состоитъ въ стрѣляніи изъ лука звѣрей; тѣмъ же достаютъ и пищу себѣ.

Послѣ обѣда закусокъ не было; только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя царь своеручно раздавалъ стольникамъ, въ знакъ своего благоволенія къ ихъ службѣ. Таковъ обычай царей Московскихъ! Наконецъ Димитрій удалился въ свои палаты; а гости разъѣхались по назначеннымъ для нихъ домамъ. Пана же воеводу привезли на квартиру уже вечеромъ.

6 мая ночлегъ царицы былъ по прежнему въ Вязомѣ. Панъ Бучинскій снова привезъ ей подарки: восемь драгоцѣнныхъ ожерельевъ и столько же кусковъ самой лучшей парчи.

Панъ воевода, отобѣдавъ сего числа въ своей квартирѣ, ѣздилъ во дворецъ, гдѣ нашелъ царя очень веселымъ. 40 музыкантовъ пана старосты Саноцкаго играли въ царскихъ комнатахъ,

1606. изъ коихъ одна была обита тканью, шитою золотомъ, другая парчею, а третья, гдѣ сидѣлъ самъ царь, также богато вышитою золотомъ тканью. Русскіе чрезвычайно удивлялись музыкѣ. Въ сѣняхъ предъ первымъ покоемъ стояли золотые и серебряные сосуды, изображавшіе баснословныхъ боговъ и птицъ, только въ другомъ порядкѣ и въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ столовой. Напитковъ подавали очень много. Царь выслалъ къ намъ Басманова, приглашая веселиться. Самъ онъ нѣсколько разъ переодѣвался, то по-гусарски, то по-Московски. Гусарскій нарядъ состоялъ изъ парчеваго полукафтанья, изъ краснаго бархатнаго доломана, унизаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ и сафьянными башмаками. Такъ онъ веселился до самаго вечера. Музыкантамъ выдано въ сей день по его приказанію 2000 злотыхъ. Князь Вишневецкій танцовалъ предъ нимъ съ паномъ старостою Саноцкимъ. Панъ же воевода, съѣздивъ на свою квартиру и посѣтивъ царскую мать въ ея монастырѣ, возвратился къ царю на ужинъ и пробылъ во дворцѣ до бѣлаго дня.

7 мая. Царица провела сей день по прежнему въ Вязомѣ. Туда пригнали табунъ прекрасныхъ лошадей, изъ которыхъ до 80 она раздарила своимъ дворянамъ и слугамъ. Польскіе паны ужинали у царя и были очень веселы.

8 мая. Въ Вязомѣ, откуда царица еще не выѣзжала, по неосторожности Русскихъ сдѣлался пожаръ, превратившій нѣсколько домовъ въ пепелъ.

Царь ѣздилъ съ паномъ воеводою на охоту. Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили медвѣдя: когда никто изъ пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ царь, и однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ Москвитянъ. Ударъ рогатиною такъ былъ силенъ, что рукоятка разлетѣлась въ дребезги. Послѣ чего, тутъ же всѣ гости обѣдали въ палаткахъ.

Въ палаткахъ, на другой день, 9 мая, ночевала царица, выѣхавъ изъ Вязомы. Тамъ же она провела 10 и 11 мая. Купцы

и мѣщане поднесли ей въ подарокъ: пять огромныхъ бокаловъ, 1606.
пять кусковъ парчи и пять сороковъ соболей. Между тѣмъ въ столицѣ готовили ей встрѣчу.

12 мая былъ въѣздъ царицы въ Москву. Обозъ отправили впередъ; порядкомъ встрѣчи наблюдалъ самъ царь, который выѣзжалъ для того только съ десятью всадниками, не желая быть узнаннымъ. Давъ наставленіе тѣмъ лицамъ, которые назначены были присутствовать при вшествіи, или находиться при двухъ шатрахъ, раскинутыхъ у самой столицы надъ Москвою рѣкою, онъ самъ разставилъ въ два ряда стрѣльцовъ и аллебардщиковъ, числомъ около тысячи человѣкъ. Королевскій посолъ Малогоскій [128] въѣхалъ въ Москву однимъ часомъ ранѣе царицы. Какъ скоро она приблизилась къ городу, окруженная панами, немедленно тысяча гусаръ изъ царской конницы выстроилась по сторонамъ вышеозначенныхъ наметовъ: царица вошла въ нихъ и приняла поздравленіе воеводъ, князей, думныхъ бояръ и всѣхъ царедворцевъ, привѣтствовавшихъ ее, по своему обыкновенію, съ счастливымъ и радостнымъ прибытіемъ въ столицу. Послѣ того представлена ей отъ имени царя карета, оправленная серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей, съ бѣлыми и черными пятнами; каждую велъ особенный конюхъ. По окончаніи поздравленій, она тотчасъ сѣла въ карету и отправилась.

Аллебардщики и стрѣльцы шли около кареты, офицеры нашей гусарской роты ѣхали своимъ порядкомъ, а Русскіе предъ каретою. При выѣздѣ въ старый городъ, за третью каменную стѣну, ударили въ литавры и барабаны, собранные въ великомъ числѣ предъ крѣпостью на площади, въ знакъ счастливаго окончанія путешествія. Этотъ громъ не умолкалъ, пока царица не вступила во дворецъ, жилище царской матери, гдѣ сдѣлала привѣтствіе какъ ей, такъ и царю. Тутъ оставалась она до свадьбы съ своею каммерфрейлиною при царской матери. Димитрій уѣхалъ въ свой дворецъ; а всѣ гости удалились въ квартиры, отведенныя въ разныхъ мѣстахъ города.

1606. 13 мая утромъ, въ аудіенцъ-залѣ, въ присутствіи Московскихъ сенаторовъ, поздравляли царя съ титуломъ полнаго государя и съ будущимъ бракомъ Мартинъ Стадницкій, какъ царицинъ гофмейстеръ, привѣтствовалъ Димитрія отъ всего двора и пановъ Польскихъ слѣдующими словами: «Родственники и весь дворъ «ея свѣтлости, нареченной супруги вашего царскаго величества, «привѣтствуютъ чрезъ меня, въ числѣ ихъ находящагося, ваше «царское величество: низко кланяемся вамъ, утѣшителю народовъ «христіанскихъ, карателю нечестивыхъ. Чудесными путями судебъ «достигнувъ родительскаго престола, вы, государь, поддержите «славу предковъ своихъ, во всемъ свѣтѣ знаменитыхъ. Въ то же «время ваше царское величество пожелали вступить въ тѣсный «союзъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашихъ подданныхъ «въ языкѣ и обыкновеніяхъ, равно сильнымъ, равно храбрымъ, «воинственнымъ, издревле достославнымъ. По волѣ Всемогущаго, «удалясь въ Польшу, вы искали дружбы королевства Польскаго, «гдѣ былъ путеводителемъ вашимъ его королевскаго величества «сенаторъ, панъ воевода Сендомирскій, заслужившій такую ми«лость и довѣренность его величества, какою никто не пользуется «ни въ Польскомъ королевствѣ, ни въ великомъ княжествѣ Ли«товскомъ: изъ его семейства вашему царскому величеству угодно «было взять себѣ супругу. Если кого изумитъ этотъ бракъ съ «Юлькою, то пусть заглянетъ въ минувшее время: тамъ уви«дитъ онъ, что Богъ издавна благословлялъ такіе союзы. Прадѣдъ «вашъ или дѣдъ, сколько я знаю, имѣлъ за собою Витовтовну; [129] «и не изъ дома ли Глинскихъ была супруга родителя вашего цар«скаго величества? [130] Раждались ли какія либо несчастія изъ сей «крови вашимъ предкамъ? И такъ мы ожидаемъ благословенныхъ «плодовъ отъ этого союза: самъ Богъ чудеснымъ образомъ обра«тилъ сердце вашего царскаго величества къ тому народу, съ «которымъ предки ваши были въ родствѣ и вы сами теперь за«ключаете союзъ кровный. Отнынѣ не будетъ притворной дружбы «между обоими народами, между Русскими и Поляками; не ста-

«немъ съ варварскимъ жестокосердіемъ проливать кровь свою; 1606.
«соединимъ общія силы, и съ Божіею помощію, обратимъ ихъ
«противъ невѣрныхъ. Этого ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ народы
«христіанскіе. Да подастъ Господь Богъ вашему царскому величе-
«ству столько счастія въ предпріятіяхъ, сколько онъ даровалъ
«вамъ могущества; да возвыситъ тронъ вашъ и величіе его, что-
«бы вы, государь, ниспровергли луну въ краяхъ полночныхъ,
«возсіяли славою въ странахъ полуденныхъ,[131] и въ глубо-
«кой старости на престолѣ предковъ своихъ узрѣли своихъ
«потомковъ».

На привѣтствіе отвѣчалъ, по царскому повелѣнію, дьякъ Аѳанасій. Между тѣмъ пригласили королевскихъ пословъ, которые и прибыли немедленно. Царскій окольничій встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ предъ большею палатою, ввелъ въ залу, и когда они вошли, сказалъ предъ царемъ слѣдующія слова: «Всепресвѣтлѣйшій и
«могущественнѣйшій самодержецъ, великій государь Димитрій
«Іоанновичъ, Божіею милостію великій цесарь, князь всея Россіи,
«многихъ Татарскихъ царствъ и государствъ, Московской державѣ
«подвластныхъ, государь, царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго
«и великаго государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію
«короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, послы Николай
«Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій бьютъ челомъ у престола
«вашего царскаго величества».

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее:
«Всепресвѣтлѣйшій великій государь Сигизмундъ третій, Божіею
«милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Прусскій,
«Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лиф-
«ляндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣдный король Шведскій, Гото-
«скій, Вандальскій, князь Финляндскій и иныхъ земель, благово-
«лилъ послать насъ, пословъ своихъ, меня, Николая Олесницкаго
«изъ Олесницы, каштеляна Малогоскаго, и пана Александра Кор-
«вина Гонсѣвскаго, секретаря и дворянина своего, старосту
«Велижскаго, помѣщика Конюховскаго, съ тѣмъ, чтобъ именемъ

1606. «его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего, «вашему господарскому величеству, Божіею милостію, всепре- «свѣтлѣйшему великому государю, Димитрію Іоанновичу, князю «всея Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казан- «скому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, «Пермскому, Вятскому, Болгарскому, и другихъ многихъ земель «царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи вашего «господарскаго величества, поздравить васъ съ благополучнымъ «восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать «вашему господарскому величеству братскую любовь его коро- «левскаго величества».

Сказавъ сіи слова, Малогоскій вручилъ письмо царскому дьяку Аѳанасію Ивановичу Власьеву, который представилъ его Димитрію и тихо прочиталъ ему надпись. Какъ въ сей надписи не было упомянуто о цесарскомъ титулѣ, то Димитрій велѣлъ Власьеву отвѣчать посламъ слѣдующимъ образомъ: «Николай и «Александръ! вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому и «великому самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда короля «Польскаго и великаго князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ «титула цесарскаго величества: оно писано къ нѣкоторому князю «всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть цесарь въ своихъ «преславныхъ государствахъ. И такъ возмите письмо обратно и «отвезите къ своему государю».

Панъ Малогоскій, взявъ письмо, сказалъ: «Съ благоговѣніемъ «беру письмо его королевскаго величества, государя нашего. Еще «никто изъ христіанскихъ вѣнценосцевъ такъ не оскорблялъ его «королевскаго величества и рѣчи посполитой! Явивъ прежде «вашему господарскому величеству пріязнь въ своихъ владѣніяхъ, «государь нашъ и теперь свидѣтельствуетъ вамъ свое благорасно- «ложеніе: для сей единственно цѣли мы и спѣшили въ Россію съ «искреннею радостію. Едва прибывъ сюда, не успѣвъ еще стря- «сти съ себя пыль, мы спѣшили явиться къ вашему господар- «скому величеству, чтобы съ неописанною радостію увидѣть вашу

«особу, и вотъ награда нашему усердію и ожиданію! Вы прене- 1606.
«брегаете письмомъ королевскимъ, не хотите даже распечатать
«его, и, вопреки всей справедливости, приказываете умалчивать
«главный королевскій титулъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ
«всѣми вѣнценосцами признаваемый. Это оскорбляетъ не только
«его королевское величество, но въ лицѣ насъ, пословъ его, и
«всю рѣчь посполитую».

На сіи слова отвѣтствовалъ самъ царь: «Необыкновенное и
«неслыханное дѣло, чтобы монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили
«съ послами; но король Польскій, опуская наши титулы, принуж-
«даетъ насъ къ сему. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Ве-
«лижскаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ споривша го о
«нашихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не
«только князь, не только господарь, не только царь, но также
«*императоръ* въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ Богъ да-
«ровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его не одними словами,
«подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости,
«когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари
«Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ права и преимущества.
«Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ или
«господарскимъ: ибо не только князья и господари, но, Божіею
«милостію, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ
«служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ: никто нами
«не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ
«признаютъ насъ *императоромъ*: одинъ король Польскій не
«соглашается».

Посолъ возразилъ: «Ваша всепресвѣтлѣйшая господарская
«милость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное
«дѣло монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ послами:
«точно такъ; столь же необыкновенно, чтобъ послы осмѣлива-
«лись говорить о томъ, чего не предписано имъ въ наказѣ; но
«какъ ваше господарское величество сами къ тому принуждаете
«меня; то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на

1606. «сіи рѣчи вашему господарскому величеству, однакожъ какъ «Полякъ, человѣкъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. «Вспомните, ваше господарское величество! или прикажите спра- «виться въ коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей, «Московской, даже спросите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, «какой титулъ употребляли предки вашего господарскаго величе- «ства? Всепресвѣтлѣйшіе короли, государи наши, никогда не при- «писывали имъ цесарскаго титула, который ваше господарское «величество неправильно себѣ присвояете. Предки ваши никакого «цесарства подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ «самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ его королевское «величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый государь. Развѣ «иначе писывалъ къ вамъ король Польскій, когда онъ, обласкавъ «въ своихъ владѣніяхъ ваше всепресвѣтлѣйшее господарское «величество, съ усерднымъ желаніемъ помогалъ вамъ отыскать «корону прародительскую? И теперь, оставаясь въ прежней «искренней пріязни, не тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее вашему все- «пресвѣтлѣйшему господарскому величеству, когда вы видите сви- «дѣтельство тому не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ «дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все это «его королевскому величеству! Скоро забыли ваше пресвѣтлѣйшее «господарское величество, что на этотъ престолъ (*указавъ на «него рукою*) вы взошли чудеснымъ образомъ по благости Божіей, «по милости его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго «государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ Поляковъ, «проливавшихъ кровь свою за ваше всепресвѣтлѣйшее господар- «ское величество! Вы платите вмѣсто благодарности неблагодар- «ностію, вмѣсто пріязни непріязнію; доброе расположеніе и «дружелюбіе его величества государя нашего пренебрегаете, и «сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвы- «чайною горестію пріемля участіе въ таковой его королевскому «величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемся, предъ вами, всепре- «свѣтлѣйшій господарь! самимъ Богомъ и сими думными боярами,

«что не король Польскій, государь нашъ, а ваше господарское 1606.
«величество разрываете дружбу съ его величествомъ и рѣчью пос-
«политою. Теперь мы готовы возвратиться къ нашему государю».

Царь отвѣчалъ: «Очень намъ извѣстно, какіе титулы имѣли «наши предки: мы можемъ показать ихъ вамъ на бумагѣ. Мы «велимъ думнымъ боярамъ переговорить съ вами и тогда сами «укажемъ вамъ титулы нашихъ предковъ. Теперь же король «Польскій оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога, и всѣхъ «христіанъ. Мы объявили королю Польскому, что онъ имѣетъ въ «насъ сосѣда, брата и друга, какого еще никогда у короны Поль- «ской не было: теперь же намъ должно опасаться короля болѣе, «чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ государей».

Посолъ: «Не желалъ бы я, чтобы за титулы проливалась кровь «христіанская, и вашему всепресвѣтлѣйшему господарскому величе- «ству нѣтъ причины оскорбляться: въ дѣлахъ важныхъ монархи «обыкновенно объясняются чрезъ пословъ своихъ. Староста Ве- «лижскій, бывшій прежде сего въ Москвѣ посломъ королевскимъ, «могъ требованіе вашего господарскаго величества объявить и не «объявить своему государю. Вашему царскому величеству слѣдовало «бы именно для этой цѣли отправить своихъ пословъ на сеймъ коро- «левскій; только онъ можетъ рѣшить такое дѣло: вашему царскому «величеству извѣстно, что король Польскій царствуетъ въ вольной «рѣчи посполитой, гдѣ, безъ согласія всѣхъ сословій, нельзя ничего «ни прибавить, ни отмѣнить противъ древняго обыкновенія. Мы же «посланы не отъ сейма: я былъ на немъ только одинъ день».

Царь: «Я очень знаю, что сеймъ кончился, и что вы отправ- «лены сеймомъ. Знаю, что вы замедлили выѣздомъ, что васъ «догнали въ Оршѣ. Мнѣ также извѣстно, что нѣкоторые изъ «вашихъ совѣтовали королю не признавать моихъ титуловъ: но «будетъ время подробнѣе переговорить съ вами объ этомъ пред- «метѣ. Спрашиваю васъ, панъ Олесницкій, примите ли вы письмо, «къ вамъ писанное, на которомъ не было бы означено вашего «шляхетскаго титула? Впрочемъ, испытавъ въ областяхъ Поль-

1606. «скихъ вашу приверженность къ намъ и видя ваше доброжела-«тельство, мы хотимъ принять васъ въ нашихъ владѣніяхъ не «какъ посла, а какъ пріятеля нашего. Подойдите къ нашей рукѣ, «не посломъ, а нашимъ пріятелемъ». Сказавъ это, Димитрій протянулъ руку, чтобы Малогоскій ее поцѣловалъ.

Посолъ возразилъ: «Всепресвѣтлѣйшій, милостивѣйшій госу-«дарь! всенижайше благодарю за милость, которую ваше царское «величество изъявляете лицу моему. Но если ваше величество «принимаете меня не какъ посла, то я не могу исполнить «вашего желанія». «Цѣлуй, какъ посолъ», сказалъ Димитрій. Панъ Малогоскій поцѣловалъ его руку; за нимъ староста Велижскій, панъ Гонсѣвскій

Послѣ того дьякъ взялъ письмо, прочиталъ его царю, впрочемъ не вслухъ, и по царскому повелѣнію, отвѣчалъ посламъ: «Хотя королевскаго письма безъ цесарскаго титула принимать не «слѣдовало бы; однакожъ его цесарское величество, для свадьбы «своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ его, при-«нимаетъ письмо и васъ, пословъ короля Польскаго. По возвра-«щеніи же къ государю своему, вы должны сказать ему, чтобы «впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ «нихъ полнаго титула цесарскаго. Его цесарское величество «именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ короля Сигиз-«мунда, ни отъ кого либо другаго, никакихъ писемъ безъ полнаго «цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если «имѣете какое либо порученіе отъ короля Сигизмунда, госу-«даря своего, исполняйте долгъ посольства предъ царскимъ «престоломъ».

По отправленіи посольства,[132] пословъ пригласили сѣсть. Аѳанасій, занявъ мѣсто подлѣ нихъ, по царскому наставленію сказалъ: «Николай и Александръ всепресвѣтлѣйшему самодержцу «и великому государю Димитрію Іоанновичу, Божіею милостію «цесарю и великому князю всея Россіи, Татарскихъ царствъ и «многихъ господарствъ, Московской монархіи подвластныхъ, го-

«сподарю, царю и обладателю, здравія желаютъ отъ имени всепре- 1606.
«свѣтлѣйшаго и великаго государя Сугизмунда третьяго, Божіею
«милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, Прус-
«скаго и другихъ.[133] Мы говорили при отправленіи посольства,
«чтобы всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ король Польскій дозволилъ
«его свѣтлости Георгію Мнишку воеводѣ Сендомирскому прово-
«дить свѣтлѣйшую дочь свою къ всепресвѣтлѣйшему и непобѣди-
«мому самодержцу, и ея цесарское величество, по Божіей милости,
«прибыла сюда въ добромъ здравіи. Его цесарское величество изъ-
«являетъ за то королю государю вашему свою благодарность, а васъ
«будетъ жаловать своею царскою милостію. Сверхъ того, Алек-
«сандръ! ты объявилъ, что всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ король
«Польскій и великій князь Литовскій повелѣлъ вамъ посламъ сво-
«имъ переговорить съ думными боярами царскаго величества о
«взаимныхъ правахъ державы Московской и короны Польской: его
«царское величество, по милосердію своему, охотно изъявилъ на
«то свое согласіе и велѣлъ думнымъ боярамъ переговорить съ
«вами о дѣлахъ государственныхъ».

Послы сказали: «По старинному обыкновенію, господари Мо-
«сковскіе всегда спрашивали о здравіи его величества короля,
«вставъ съ своего мѣста». Царь услышавъ сіе, спросилъ, не вста-
вая съ мѣста: «Его королевское величество государь вашъ въ доб-
«ромъ ли здоровьи?» Панъ Малогоскій отвѣчалъ: «Его королевское
«величество государь нашъ былъ въ добромъ здравіи и счастливо
«царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. Но вашему царскому
«величеству надлежало привстать, спрашивая о здравіи его коро-
«левскаго величества». Царь возразилъ: «Панъ Малогоскій! У насъ
«обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здравіи» и
приподнявшись немного съ трона, сказалъ: «Мы радуемся, что
«король, вашъ государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ
«здравіи». За тѣмъ отдаривали пословъ; реэстръ подаркамъ
читалъ Григорій Ивановичъ Микулинъ. Панъ Малогоскій получилъ
коня Турецкаго, коня Неаполитанскаго, золотую цѣпь, 13 боль-

1606. шихъ кубковъ, 2 рукомойника вызолоченные, Британскую собаку, которую взяли обратно на другой день, давъ въ замѣнъ ея два сорока соболей, и 100 злотыхъ. Пану Гонсѣвскому дали коня Турецкаго. Аѳанасій сказалъ въ заключеніе: «Его цесарское вели-«чество жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ». Пословъ проводили на квартиру; а паны родственники остались у царя обѣдать.

Въ тотъ же день царица просила царя, чтобы для нея готовили особенное кушанье: ибо приносимаго изъ дворца она ѣсть не могла. Царь немедленно призвалъ кухмистера и поваровъ Польскихъ, и велѣлъ имъ готовить для царицы всего вдоволь: имъ отданы были ключи отъ кладовыхъ и погребовъ съ напитками. Каммерфрейлинамъ также приказано было прислуживать царицѣ. Онѣ весьма грустили, опасаясь вѣчной неволи: царь обѣщалъ каждой свободу возвратиться въ отечество, если только сами пожелаютъ.

Въ воскресенье 14 мая свадьбы еще не было по нѣкоторымъ причинамъ. Царь великолѣпно угощалъ во дворцѣ пановъ родственниковъ.

15 мая Димитрій подарилъ царицѣ шкатулку съ дорогими вещами, цѣною, какъ сказывали, въ 500.000 рублей, дозволивъ ей дарить, что кому пожелаетъ. Воеводѣ же далъ 100.000 злотыхъ, велѣвъ отослать ихъ въ Польшу на уплату долговъ. Но прежде, чѣмъ успѣли увезти эту сумму, мы нѣсколько облегчили ее. Сверхъ того воевода получилъ отъ царя въ подарокъ сани, обитые пестрымъ бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; коверъ и одѣяло подбиты соболями; крылья и оглобли увиты бархатомъ, а по мѣстамъ серебромъ; у хомута развѣшено сорокъ соболей; лошадь запряжена бѣлая; козлы серебромъ окованы; капоръ унизанъ жемчугомъ. Царица много вещей изъ своей шкатулки раздарила родственникамъ. Того же дня во второмъ часу ночи, она переѣхала въ царскій дворецъ, въ каретѣ, избравъ ночное время, чтобы не было давки. Дѣти боярскіе и аллебардщики шли передъ каретою.

18 мая царица была коронована. Предъ выходомъ изъ дворца, 1606.
царь и царица троекратно цѣловали крестъ и корону; потомъ, окропленные святою водою, пошли въ церковь. На дорогѣ была разостлана парча по красному сукну. Церемонія началась перенесеніемъ изъ дворца въ церковь большой короны: предъ нею шли два архіерея въ полномъ облаченіи, а за нею несли золотыя блюда и другіе церковные сосуды. На встрѣчу коронѣ вышелъ изъ церкви патріархъ съ нѣсколькими епископами, и сотворивъ молитву, внесъ ее въ церковь. Чрезъ полчаса отправился и царь съ супругою: впереди ихъ шли до полутораста дворянъ въ парчевой одеждѣ; въ слѣдъ за ними родственники съ бердышами, четыре господина, которые обыкновенно стоятъ при царѣ, и одинъ панъ съ мечемъ. Тутъ несли другую корону, крестъ и скипетръ. Царь шелъ съ короною на головѣ, въ драгоцѣнной одеждѣ. Подъ правую руку велъ его посолъ панъ Малогоскій, а подъ лѣвую князь Мстиславскій. За нимъ шла царица въ Русской бархатной одеждѣ, вишневаго цвѣта, усыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Подъ правую руку велъ ее панъ воевода, отецъ, а подъ лѣвую княгиня Мстиславская. За нею шли паны родственники и шесть Русскихъ боярынь. По входѣ въ церковь, двери заперли; нашихъ впустили не много, болѣе Русскихъ. Священнослуженіе совершалось по Русскому обряду. Панъ воевода, за слабостію здоровья, скоро вышелъ изъ церкви. По окончаніи литургіи, бракъ былъ подтвержденъ, и молодые обмѣнялись перстнями. Въ слѣдъ за тѣмъ была коронація съ муропомазаніемъ, по Греческому обряду. Наконецъ всѣ бывшіе на лице бояре и сенаторы присягали, скрывая въ душѣ вѣроломство: ихъ впускали въ церковь по порядку. По окончаніи присяги, они цѣловали руку у царя и царицы: патріархъ же прикладывался къ коронамъ надъ челомъ ихъ величествъ. Церемонія продолжалась нѣсколько часовъ. При выходѣ изъ церкви, бросали народу золотыя деньги; Русскіе дрались за нихъ палками. Нашимъ, особенно изъ свиты посольской, досталось довольно палочныхъ ударовъ. Съ огорченіемъ принявъ такіе подарки,

1606. они разъѣхались по квартирамъ и не провожали царя во дворецъ. Подходя къ палатамъ, Димитрій замѣтилъ толпу знатныхъ пановъ и приказалъ бросить между ними нѣсколько Португальскихъ червонцевъ, къ коимъ однако никто изъ нихъ не прикоснулся: даже когда два червонца упали одному пану на шляпу, онъ сбросилъ ихъ. Русскіе же кидались за деньгами, и производили тѣсноту: царь, видя то, не велѣлъ болѣе бросать монеты. Въ сей день, кромѣ коронаціи, ничего не было.

19 мая, въ пятницу, утромъ собрался совѣтъ. Еще на разсвѣтѣ ударили въ барабаны и заиграли въ трубы, коихъ было чрезвычайно много. Громъ этотъ продолжался до самаго полудня. Панъ воевода съ родственниками приглашенъ былъ къ обѣду. Когда всѣ пошли къ столу, онъ, проводивъ царя и царицу въ столовую, возвратился на свою квартиру, ибо увидѣлъ, что королевскаго посла тамъ не было. Панъ воевода неотступно просилъ царя посадить съ собою за столъ посла Польскаго, въ изъявленіе благодарности его королевскому величеству, не отказавшему въ такой чести послу Русскому; но не получивъ согласія на свою просьбу, и самъ не хотѣлъ быть за царскимъ столомъ. За обѣдомъ ничего особеннаго не было. Царь въ гусарской одеждѣ сидѣлъ на тронѣ, а царица возлѣ него, на другомъ меньшемъ; за царскимъ столомъ, кромѣ ихъ, никого не было. По правую руку царя стояли бояре съ обнаженными сѣкирами и мечами: прислуживали ему Московскіе сенаторы. По лѣвую руку царицы стояли хоронжая [134] и княжна Косырская. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ царскаго стола сидѣли за своими столами паны родственники; далѣе, почти у самыхъ дверей за третьими столами, люди свиты ихъ. Среди избы, вокругъ пиластра, на четырехъ трехсаженныхъ столахъ наставлено было посуды золотой и серебряной до самаго потолка. Сверхъ того въ сѣняхъ три длинные стола уставлены были такою же посудою; въ ней носили кушанье и напитки. Послѣ обѣда свита разошлась по квартирамъ, а паны родственники удалились въ царскія палаты, чтобы веселиться музыкою. Въ это время приходилъ

къ царю панъ воевода, съ изъявленіемъ своего прискорбія за по- 1606.
сла; онъ скоро ушелъ.

20 мая утромъ, снова загремѣли трубы. Предъ обѣдомъ патріархъ и духовенство поднесли царю подарки: мѣха рысьи, собольи, бокалы, парчу. Въ то же время былъ у царя и воевода, который, представивъ ему, сколъ обидно будетъ для короля неуваженіе къ послу его, просилъ не дѣлать того впредь и посадить пана Малогоскаго за царскій столъ. Царь, послѣ долгаго прѣнія, согласился; но какъ этого нельзя было исполнить въ тотъ же день, то панъ воевода опять не пошелъ къ столу, и обѣдалъ дома съ посломъ. Не было ничего отмѣннаго въ кушаньи, церемоніалѣ и музыкѣ. За царскими столами обѣдали жолнеры. Димитрій пилъ за здоровье всего Польскаго войска. Царица была въ Польскомъ нарядѣ, а царь въ Русскомъ. Жолнеры приносили ему поздравленіе: имъ назначено было по 100 рублей на коня, но они не получили денегъ по какой-то отмѣнѣ. Въ сей же день поднесли подарки и Японцы: рысьи мѣха и бѣлыя выдѣланныя собачьи шкуры.

21 мая посолъ отдалъ въ палатахъ королевскіе подарки, въ числѣ которыхъ были 33 рѣдкія вещи: разные фигурные сосуды, золотая цѣпь и проч. Въ сей день его пригласили къ столу, и онъ обѣдалъ во дворцѣ, только не за тѣмъ столомъ, за коимъ сидѣлъ самъ царь на тронѣ, а за другимъ столикомъ по правую руку царя, вмѣстѣ съ паномъ воеводою. Его свита была также угощаема. Царь и царица были одѣты по-Польски, и въ коронахъ.

22 мая у стола служили Поляки; былъ за обѣдомъ и посолъ, но сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ. Послѣ обѣда гости танцовали. Царь, переодѣвшись въ гусарское платье, танцовалъ сперва съ царицею, а потомъ съ паномъ воеводою. При чемъ наблюдалась такая церемонія: всѣ паны, желавшіе танцовать, подходили прежде къ царской рукѣ, и потомъ шли попарно, снявъ шапки. Панъ воевода съ посломъ былъ въ послѣдней парѣ. Паны родственники танцовали также съ открытою головою; но посолъ былъ въ шапкѣ, которую снималъ только проходя мимо царя. Панъ воевода, тан-

1606. цуя съ своею дочерью, велъ ее подъ лѣвую руку; когда же царь танцовалъ съ воеводою, царица съ княжною служили имъ. Напитковъ подносили очень много. Никого изъ Русскихъ не было, кромѣ Аѳанасія и Масальскаго. Разъѣхались по захожденіи солнца.

24 мая царица угощала Московскихъ пановъ въ своихъ палатахъ. Въ ту же ночь Русскіе бродили толпами по улицамъ, обнаруживая свою злобу на Поляковъ. Жолнеры были въ готовности стать подъ ружье. Донесли о томъ царю, предостерегая его отъ мятежа, о которомъ явно говорили. Но онъ такого былъ духа, что ничего не хотѣлъ слышать, а доносчиковъ велѣлъ наказать. Опасаясь подобной награды, другіе молчали о томъ, что видѣли.

25 мая, въ день Божіяго Тѣла,[135] волненіе затихло, но только для того, чтобы усыпить нашихъ. Между тѣмъ въ ту же ночь составленъ заговоръ. Москвитяне жаловались царю, что одинъ Полякъ изнасиловалъ на дорогѣ боярскую дочь. Поляка привели къ пыткѣ: онъ не признался. Доносъ былъ ложный: Москвитяне взвели на бѣдняка напраслину, для того, чтобы не дать царю времени замѣтить ихъ волненіе и принять строгія мѣры. Въ ту же ночь поймано шесть лазутчиковъ, прокравшихся въ крѣпость для развѣдыванія. Трое изъ нихъ убиты, остальные замучены.

26 мая въ пятницу, жолнеры явились къ пану воеводѣ и объявили, что опасность очевидна. Воевода тотчасъ сказалъ о томъ царю; но царь смѣялся надъ нимъ, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для охраненія ихъ, велѣлъ ночью разставить по улицамъ стрѣльцовъ. Обнаруживались всѣ признаки мятежа. Въ ту самую ночь впущено въ столицу разными воротами 18.000 человѣкъ войска, стоявшаго за милю отъ Москвы, безъ вѣдома царя, который думалъ, что оно уже отправилось въ Крымъ. Вооруженные мятежники заняли всѣ 12 городскихъ воротъ и никого не пропускали изъ города, особливо ночью. Тутъ сбылась пословица: береженаго Богъ бережетъ. Наши видѣли предъ собою погибель, но такъ были безпечны, что ни о чемъ не заботились и спали спокойно, ничего не видя и не слыша, какъ будто въ собственномъ домѣ.

27 мая вспыхнулъ несчастный бунтъ, давно уже приготовлен- 1606.
ный. Начальникомъ мятежниковъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который въ награду своимъ помощникамъ обѣщалъ раздать города, царства, и доставить другія выгоды. Они склонили на свою сторону знатнѣйшихъ купцовъ и много простаго народу, сверхъ того много бояръ и воиновъ изъ великаго Новагорода, чтобы одержать верхъ надъ Русскими, преданными Димитрію. Цѣль замысла извѣстна была только главнымъ заговорщикамъ.

Въ субботу утромъ ударили тревогу; раздался крикъ: *въ Кремль, въ Кремль! Горитъ Кремль!* Молвою о пожарѣ хотѣли отвлечь вниманіе Поляковъ отъ мятежа. Между тѣмъ, какъ одни обступили Польскія квартиры, и никого изъ нихъ не выпускали, другіе ворвались въ крѣпость. Ударили во всѣ колокола; на ревъ набата сбѣжалось безчисленное множество вооруженнаго народа. Прежде всего разсѣяли аллебардщиковъ; потомъ вломились во дворецъ. Самъ Шуйскій съ своими клевретами вбѣжалъ въ сѣни и тамъ умертвилъ Басманова, который спалъ при царѣ.

Царица была еще не одѣта; ея каммерфрейлины не причесаны: онѣ успѣли только надѣть юбки, бросились къ окнамъ, увидѣли тревогу и спѣшили узнать, что случилось. Скоро свѣдала царица о смерти Димитрія. Не зная, на что рѣшиться, она сбѣжала внизъ подъ своды, но видя, что здѣсь грозила ей опасность, воротилась въ палаты: ее не узнали и столкнули съ лѣстницы; однакожъ она добралась до своихъ комнатъ и тутъ осталась съ придворными дамами. Скоро бунтовщики бросились къ палатамъ и стали ломать двери. Царицынъ камердинеръ Янъ Осмульскій бросился на нихъ съ саблею и до тѣхъ поръ сражался въ тѣснотѣ, удерживая напоръ мятежниковъ, пока не выбился изъ силъ: его изрубили въ куски. Ружейный выстрѣлъ ранилъ старую панью Хмѣлевскую: она умерла чрезъ нѣсколько дней. Вломившись въ комнату, гдѣ была царица съ дамами, мятежники прекратили убійства и бросились грабить спальни. Между тѣмъ подоспѣли сюда старшіе бояре, которые, разогнавъ чернь, приставили стражу, чтобы никто

1606. не оскорблялъ каммерфрейлинъ. Всѣ вещи ихъ спрятали въ кладовыя за печатью; царицу же со всѣми дамами отвели въ другую комнату и старались увѣрить въ безопасности.

Между тѣмъ, какъ это происходило во дворцѣ, другая толпа овладѣла конюшнями, бывшими также въ крѣпости, за дворомъ паны воеводы чрезъ улицу: тамъ побито 25 форейторовъ и кучеровъ панскихъ и челядинскихъ; а лошади числомъ 95 уведены. Одна лошадь была хромая; ее убили, кожу содрали и, разсѣкши на четыре части, унесли съ собою.

Панъ воевода еще ничего не зналъ о царѣ; но весьма безпокоился какъ объ немъ, такъ и о царицѣ, тѣмъ болѣе, что не могъ подать имъ помощи. Ворота его двора съ улицы были завалены всякою всячиною; а мы заперлись изнутри. Насъ было весьма немного: караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ пѣхоты, съ разсвѣтомъ дня разошелся по квартирамъ. Мятежники, выставивъ предъ нашимъ домомъ знамя, старались въ него войти: мы ихъ не пустили. Жолнеры наши выстроились въ боевой порядокъ подъ штандартомъ и хотѣли пробиться на коняхъ въ крѣпость, но никакъ не могли: улицы заставлены были рогатками и усѣяны многочисленнымъ народомъ, который однако не смѣлъ напасть на жолнеровъ. Чернь бросилась въ ихъ квартиры, захватила лошадей, слугъ и всѣ вещи. Воевода имѣлъ при себѣ немногихъ слугъ, коморниковъ и другихъ дворовыхъ людей; мы рѣшились, при всей малочисленности, защищаться, ожидая и себѣ того же, что дѣлали съ другими въ глазахъ нашихъ. Уже наведены были на насъ пушки, однѣ въ окна, другія въ стѣну; но какъ въ нашемъ дворѣ были каменные подвалы, то безъ великихъ усилій нельзя было одолѣть насъ. Между тѣмъ посыпались камни на дворъ, и нѣсколько стрѣльцовъ готовились войти къ намъ изъ монастыря чрезъ проломы, о коихъ мы ничего не знали, какъ вдругъ прискакали къ воротамъ нашимъ бояре, требуя, чтобы панъ воевода послалъ кого нибудь изъ старшихъ для переговоровъ съ думными боярами. Мы не вѣрили; но когда они дали намъ въ залогъ одного боярина, началь-

ствовавшаго 500 стрѣльцовъ, панъ воевода послалъ старшаго слу- 1606.
жителя своего, Станислава Гоголиньскаго. Мы пересадили его черезъ заборъ, не смѣя отпереть ворота. Русскіе, увидѣвъ Гоголиньскаго, обвѣшаннаго оружіемъ, заключили, что у насъ много людей вооруженныхъ.

Его привели къ думнымъ боярамъ. Одинъ изъ сенаторовъ, не послѣдній зачинщикъ заговора и предводитель бунтовщиковъ, по имени Татищевъ,[136] сказалъ Гоголиньскому: «Всемогущій Богъ «взираетъ на всѣ царства и по волѣ своей располагаетъ ими; безъ «воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать и о на«стоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, «не царской крови, овладѣвъ нашимъ государствомъ, долго утѣ«шался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, «по всей справедливости, заслуживаетъ равной участи: онъ по«кровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше государство, «былъ виною всѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; нако«нецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. «Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь «благость Господню: опасность его миновала. Дочь его со всею «челядью спасена. Иди и возвѣсти о томъ господину твоему».

По возвращеніи Гоголиньскаго, мы удостовѣрились, что царь убитъ. Мы вмѣстѣ и печалились и радовались, получивъ надежду на безопасность. Чернь, между тѣмъ, опять стала приступать къ нашему двору: многіе уже лѣзли на заборы. Панъ воевода снова выслалъ Гоголиньскаго сказать, чтобы чернь удалилась отъ дома; въ противномъ же случаѣ онъ умретъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мятежниковъ разогнали, и около дома поставили стрѣльцовъ.

Едва мы успокоились, какъ вдругъ ударили тревогу во всѣ колокола: толпы народа вламывались въ домъ князя Вишневецкаго. Князь, не зная что́ дѣлать, съ своими слугами и дворовыми людьми сѣлъ на коней и хотѣлъ ускакать въ крѣпость, или ускользнуть въ поле; но свѣдавъ о смерти царя и гибели многихъ Поляковъ, рѣшился остаться въ домѣ, и упорною защитою спасти себя.

*

1606. Между тѣмъ подоспѣлъ небольшой отрядъ Русскихъ, которому велѣно было оберегать домъ. Не смотря на стражу, чернь нахлынула и прорвалась на дворъ, чтобы разграбить домъ и умертвить князя. Храбрый панъ приказалъ слугамъ стрѣлять по ней: толпы отхлынули, но навели пушки и открыли пальбу. Наши защищались и до трехъ сотъ Русскихъ положили на мѣстѣ. Много помогалъ Московскій пушкарь, который, не умѣя управлять орудіемъ, такъ понизилъ его, что вмѣсто стѣны ударилъ по своимъ, и вырѣзалъ цѣлый рядъ Русскихъ. Самъ князь не давалъ промаха изъ лука. Между тѣмъ прискакалъ Шуйскій (тотъ самый, который овладѣлъ престоломъ), и видя, какъ много пало народу, кричалъ, чтобы князь успокоился, обѣщая ему безопасность; въ удостовѣреніе чего вынулъ крестъ и поцѣловалъ. Его впустили въ домъ. На дворѣ лежали трупы многихъ Москвитянъ, хотѣвшихъ явно и тайно ворваться въ домъ для грабежа и бывшихъ жертвою своей дерзости. Взглянувъ на нихъ, Шуйскій горько заплакалъ и, чтобы избавить князя отъ ярости народной, проводилъ его въ другой домъ, куда перебралась и челядь панская со всѣми лошадьми и лучшими вещами. Обороняясь отъ Русскихъ, князь лишился 17 челядинцевъ и одного слуги.

Въ то же самое время толпы народа приступали къ дому старосты Красноставскаго: лѣзли въ окна, подкапывали стѣны. Поляки не сдавались. Наконецъ подоспѣли бояре, усмирили чернь и поставили кругомъ дома стражу. Между тѣмъ, уже много пало нашихъ, наиболѣе въ той улицѣ, гдѣ свита царицына имѣла свои квартиры. Тутъ жило нѣсколько сотъ Поляковъ; но могло ли пособить имъ число, когда нельзя было подать помощи другъ другу? Многіе еще спали, а квартиры ихъ уже были окружены: каждый домъ оборонялся отдѣльно. Очень немногіе сосѣди успѣли соединиться, чтобы совокупными силами отражать мятежниковъ. Иные, разстрѣлявъ всѣ патроны, выскакивали на улицу только съ холоднымъ оружіемъ. Тутъ легло много Русскихъ, ибо наши бились отчаянно; много легло и Поляковъ, но болѣе обманомъ: полагаясь

на обѣщаніе безопасности, они выдавали свое оружіе и немедленно были убиваемы. Если же нѣсколько десятковъ рѣшались обороняться, Русскіе оставляли ихъ въ покоѣ. 1606.

Жертвами Москвитянъ были: Андрей Комаровскій, долго и храбро защищавшійся мечемъ, Самуилъ Стрызовскій, Якубъ Городецкій, слуга пана воеводы, Станиславъ Лагевницкій, Янъ Забавскій, Войцехъ Перхлинскій, Станиславъ Сумовскій, Якубъ Солецкій; (именъ прочихъ не знаю): Преклавскій, Глиньскій, Крушиньскій, Марциньковскій, Готардъ, Ганьчикъ, Куноскій, Мяковскій, Витовскій, Галеръ, Боболя. Изъ царскихъ слугъ: Склиньскій, Станиславъ Липницкій, Боршай, Чановицкій, Ивановскій, Храпковскій, Венсовичъ, Пелчинскій, Гарабурда, Головня. Несчастные, повѣривъ клятвеннымъ обѣщаніямъ Русскихъ, сдались безъ всякаго сопротивленія, и погибли въ жесточайшихъ мукахъ. Когда они положили оружіе, мятежники спросили: кто изъ нихъ старшій? Лишь только отозвался Склиньскій, схватили его и растянувъ на столѣ крестообразно, отрубили ему руки, ноги и распороли брюхо. Также поступили и съ Липницкимъ; иныхъ терзали разнымъ образомъ.

Одинъ Борза палъ съ оружіемъ въ рукахъ: онъ храбро защищался въ другомъ домѣ, нѣсколько разъ выбѣгалъ съ мечемъ на мятежниковъ, наконецъ былъ застрѣленъ въ сѣняхъ. Свирскаго убили на улицѣ со многими пахоликами и кучерами; тутъ же погибъ Пѣхота, гражданинъ Кросненскій, съ сыномъ, самъ четвертъ. Спасшіеся отъ смерти были обнажены, изранены, чуть живы. Жестокосердіе Русскихъ не знало предѣловъ: они съ звѣрскимъ удовольствіемъ пороли, рубили, четвертовали бездыханныхъ и, вырѣзавъ изъ труповъ жиръ, бросали ихъ въ болота, въ рѣку, въ навозъ. Въ этой улицѣ они получили большую добычу: тамъ имѣли свои квартиры люди богатые и роскошные.

Другая шайка изъ толпы, осаждавшей князя Вишневецкаго, овладѣла домомъ Сигизмунда Тарло, хоронжаго Перемышльскаго, который по малолюдству не могъ обороняться. Сама Тарлова за-

1606. стрѣлена;[137] 18 служителей побиты и все разграблено. Тѣ же, которыхъ пощадили отъ смерти, остались въ однѣхъ рубахахъ. Подобная участь постигла панью Гербуртову и пана Любомирскаго. Отъ Тарла мятежники вломились въ домъ ксёнза Помасскаго, королевскаго секретаря; онъ въ то время служилъ обѣдню и лишь только произнесъ: Ite, missa est, разлетѣлись въ дребезги послѣднія двери. Русскіе прострѣлили икону Богородицы, сорвали съ Помасскаго ризы и убили его предъ алтаремъ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Изъ служителей не многіе остались въ живыхъ. Всѣ вещи были расхвачены.

Ксёнзъ Александръ, каноникъ Шендецкій, спасся бѣгствомъ въ Нѣмецкомъ платьѣ. Русскіе приняли его за Нѣмца и не тронули; а если бы знали, что онъ ксёнзъ, безъ сомнѣнія убили бы и его. На старосту Саноцкаго не нападали, видя, что у него много жолнеровъ, къ которымъ присоединились для надежнѣйшей обороны панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, панъ Корытко, панъ Вольскій. Русскіе не смѣли напасть на нихъ, и только одинъ дерзкій пустилъ изъ лука стрѣлу, которая пролетѣла надъ головою пана старосты и чуть не попала въ него. При томъ же квартира его была оберегаема отрядомъ стрѣльцовъ, поставленныхъ боярами. Панъ староста Луховскій, предугадавъ мятежъ, заранѣе ушелъ къ послу для совѣта, и тамъ спасся со многими другими.

Панъ Малогоскій, по человѣколюбію своему, принималъ въ свой домъ всѣхъ искавшихъ защиты его, содержалъ ихъ по минованіи мятежа на своемъ иждивеніи, и только вынужденный необходимостію, рѣшился выдать ихъ Русскимъ. Посольскій дворъ оставался въ покоѣ. Нападали и на пановъ Стадницкихъ, но безъ успѣха: мужественною обороною они принудили мятежниковъ удалиться. Смерти ихъ желали наиболѣе тѣ люди, которымъ они отворили, такъ сказать, двери темницы, которыхъ питали и одѣвали въ узахъ, и за все получили такую благодарность! Но Богъ спасъ ихъ.

Панья старостина Сохачевская при началѣ бунта заперлась на чердакѣ своего дома: ея не тронули; но все въ домѣ расхитили.

Въ другомъ домѣ отбивался отъ черни сынъ старосты Сохачевска- 1606.
го Павелъ Тарло съ паномъ Самуиломъ Баломъ. Русскіе, видя, что безъ большой потери не льзя одолѣть ихъ, обѣщали имъ съ клятвою безопасность. Балъ, повѣривъ клятвѣ, вышелъ изъ дома и отдалъ свое оружіе: его тотчасъ изрубили съ бывшими при немъ слугами. Тогда Тарло рѣшился защищаться до послѣдняго издыханія, и остался невредимъ. Подобнымъ же обманомъ выманили изъ дома пана Петра Домарадскаго и убили на улицѣ. Слуги его хотѣли было обороняться, но онъ самъ отобралъ у нихъ оружіе и заперъ его. Ихъ ограбили до чиста. Иванъ Голуховскій, королевскій дворянинъ, надѣялся укрыться отъ опасности въ царскомъ дворцѣ; но надежда его была тщетная: его схватили, растянули на крестъ, кололи ножами и наконецъ замучили.

Въ то же время убитъ панъ Есёновскій, бывшій въ Польшѣ приставомъ у Русскаго посла Аѳанасія. Панъ Цековскій младшій погибъ въ своей квартирѣ; но Якубъ Бронёвскій, вмѣстѣ съ нимъ отражавшій чернь, спасся особеннымъ счастіемъ, или лучше сказать, Божіимъ промысломъ: онъ пустился бѣжать между толпами бунтовщиковъ и благополучно добрался самъ-четверть до квартиры пана воеводы.

Целарія, Краковскаго купца, убили, а товары его, состоявшіе изъ дорогихъ женскихъ уборовъ, расхитили. Другаго купца, Баптиста, оставили чуть жива. Сей послѣдній со временемъ выздоровѣлъ, но впалъ въ нищету, потерявъ великія суммы золота и серебра. Многіе другіе купцы лишились всего богатства, товаровъ и самой жизни. Оставшіеся въ живыхъ разорились, особливо тѣ, которые отпускали царю товары, и не успѣли получить за нихъ платы. Изъ царской роты убиты командиръ Стромыка самъ-десятъ и два брата Зверхлевскіе; сверхъ того изъ сей же роты пало, сказываютъ, до 30 челядинцевъ, бывшихъ съ лошадьми въ полѣ. Всѣхъ нашихъ погибло, по достовѣрному счету труповъ, до 500 человѣкъ;[138] Русскихъ легло вдвое болѣе.

Около полудня мятежъ затихъ; но чернь еще нѣсколько разъ

1606. нападала на Поляковъ съ свойственнымъ ей остервененіемъ. Ее подстрекали монахи и попы, которые, одѣвшись въ крестьянское платье, и сами били нашихъ и народу бить приказывали, говоря, что Литва хочетъ истребить православіе. Пагубныя внушенія были виною ужаснаго кровопролитія и безчисленныхъ бѣдствій. А у насъ и у пановъ нашихъ Богъ отнялъ разумъ, чтобъ мы не предусмотрѣли опасности. Если бы мы жили вмѣстѣ, въ квартирахъ близкихъ одна къ другой, Русскіе вѣрно не отважились бы напасть на насъ, ибо ничего не могли бы сдѣлать намъ, и нашихъ не погибло бы такое множество. Но видно такъ Богу было угодно! Утопая въ роскоши, мы едва не забыли Его, и получили возмездіе за свои беззаконія.

Цѣлый день полуобнаженные и растерзанные трупы лежали на улицахъ; на другой день ихъ убрали, похоронивъ въ могилахъ за городомъ, или бросивъ въ болота, въ навозъ, въ рѣку. Слуги Польскихъ пановъ, разбѣжавшіеся во время бунта, были отысканы и отведены въ Земскій дворъ, гдѣ записывали ихъ имена и должности. Тѣ, которыхъ господа уцѣлѣли, были имъ возвращены; прочимъ отвели квартиры и дали содержаніе. Не имѣя почти ничего, кромѣ однѣхъ рубахъ, они подѣлились другъ съ другомъ остатками своей одежды.

Въ тотъ же день былъ у пана воеводы Аѳанасій посолъ; а за нимъ навѣстили его сенаторы Татищевъ и Голицынъ, главные предводители мятежниковъ: они старались утѣшить его. Воевода съ согласія бояръ былъ во дворцѣ у царицы, только самъ-четвертъ, и едва не лишился тамъ жизни: чернь, бродившая въ крѣпости, завидѣвъ воеводу, бросилась за нимъ; бояре велѣли было запереть двери, но уже поздно. Чернь была сильнѣе бояръ и не позволила исполнить приказанія. Должно замѣтить, что въ Московіи народъ всегда имѣетъ болѣе силы, чѣмъ сенатъ, особенно при избраніи царя и во время бунтовъ.

Воевода, навѣстивъ царицу, возвратился въ свой домъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, между волнующимися толпами вооруженныхъ

мятежниковъ, которые глядѣли на него, какъ на чудо. На площа- 1606.
ди лежали изуродованные трупы, надъ которыми Русскіе, по своему обычаю, въ теченіе трехъ дней ругались всякимъ образомъ: бросали песокъ, плевали, рѣзали, пачкали дегтемъ съ безстыдными насмѣшками, къ вѣчному сраму своему. Туда приволокли и Басманова. Его сожгли вмѣстѣ съ другими. Сперва было похоронили ихъ; но какъ вдругъ сдѣлался холодъ, подули сѣверные вѣтры и надъ могилами чернь увидѣла горящія свѣчи, то по совѣту монаховъ и поповъ, тѣла вырыли и сожгли.[139] Замѣтили и другое чудо: когда тащили трупы въ послѣдніе вороты, незапно поднялся страшный вихрь и сорвалъ съ нихъ три щита, которые, упавъ на землю невредимы, стали подлѣ дороги такъ точно, какъ они стояли на воротахъ.

ГЛАВА II.

Избраніе Шуйскаго. Перенесеніе мощей св. Димитрія въ Москву Переговоры пословъ Польскихъ съ думными боярами. Рѣчь Малагоскаго. Волненіе Москвы. Молва о спасеніи Димитрія. Вишневецкій сосланъ въ Кострому. Путешествіе Марины въ Ярославль. Прибытіе туда на житье. Бояринъ Салтыковъ. Слухи о Димитріи и о войнѣ съ нимъ Шуйскаго. Грамматы царя. Новыя вѣсти о войнѣ междоусобной. Опасенія Поляковъ. Тягость неволи. Письмо каплана де-Мело о Димитріи. Слухи о Болотниковѣ и Лжепетрѣ. Прибытіе новыхъ пословъ Польскихъ въ Москву.

1606 — 1607.

29 мая избрали царемъ князя Василія Ивановича Шуйскаго: избирателями были весьма немногіе бояре и низшаго класса люди, которые, безъ дальняго совѣщанія съ государственными чинами, объявили въ народѣ о восшествіи его на престолъ. Новый царь не замедлилъ прислать къ воеводѣ увѣренія въ безопасности. Царица имѣла во дворцѣ все нужное; съѣстные припасы для ея стола доставляемы были въ кухню воеводы, потому, что она не могла ѣсть кушанья изъ дворцовой поварни.

31 мая, въ слѣдствіе разосланныхъ по всему государству извѣстій о избраніи Шуйскаго царемъ, Москвитяне начали съѣзжать-

1606· ся въ столицу для принесенія ему присяги. Жолнеры пана воеводы и пѣхота убіеннаго царя выведены изъ Москвы и отправлены къ границѣ. При воеводѣ приказано оставить только 230 человѣкъ. Всѣхъ же насъ, вмѣстѣ съ панскою и царицыною челядью, осталось въ Москвѣ до 300 человѣкъ.

2 іюня, царица перебралась въ квартиру воеводы, покинувъ во дворцѣ все, что было подарено царемъ ей и дамамъ ея. Утромъ 3 іюня прислали ей пустые сундуки, шкатулки и нѣсколько платья; уборы же драгоцѣнные, нарядныя одежды, жемчугъ, лошади, повозки, задержаны. 9 іюня пригласили пана воеводу во дворецъ; онъ отправился самъ-десятъ и имѣлъ разговоръ съ думными боярами. Они долго спорили и жаловались другъ на друга. Бояре весь мятежъ и кровопролитіе приписывали воеводѣ, какъ главному виновнику пришествія въ Москву Димитрія, вѣроломнаго, по ихъ словамъ, обманщика; панъ же воевода оправдывалъ себя и доказывалъ свою невинность. Бояре отпустили его съ такими словами: «Го«сподинъ воевода! Благодари Бога за чудесное спасеніе твое; безъ «Его благости не миновать бы и тебѣ того же, что было съ Раз«стригою.»

11 іюня день коронаціи новаго царя. Она совершилась безъ пышныхъ обрядовъ, въ присутствіи болѣе черни, нежели бояръ. 12 іюня ввезли въ Москву свѣжее, мертвое тѣло, и разгласили, что это трупъ Димитрія, убитаго за 20 предъ симъ лѣтъ по приказанію Бориса. 13 іюня поставили его съ великолѣпными обрядами въ церкви, гдѣ погребаются Московскіе цари. Между тѣмъ разнесся слухъ, что тѣло творило чудеса: въ слѣдствіе сего установили празднество и крестный ходъ съ колокольнымъ звономъ. Подкупленный мужикъ притворился слѣпымъ (какъ мы узнали) и, бывъ приведенъ къ гробу чудотворца, прозрѣлъ: что весьма естественно. Но хромые и больные не исцѣлялись. Крестные ходы и обманы ослѣпляли народъ только до слѣдующаго дня. [140]

23 іюня послы были у думныхъ бояръ. Москвитяне обвиняли его величество короля, рѣчь посполитую и пана воеводу въ нару-

шеніи всеобщаго спокойствія Московской державы и въ пролитіи 1606.
крови Россіянъ подъ Новымгородомъ (Сѣверскимъ). Панъ же Малогоскій на всѣ упреки думныхъ бояръ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «Извѣстно было и у насъ, въ Польшѣ, что по смерти ве«ликаго господаря вашего Ивана Васильевича, остался малолѣтній «сынъ Димитрій, воспитывавшійся въ Угличѣ; потомъ разнесся «слухъ, что Борисъ велѣлъ умертвить царевича, о чемъ мы, По«ляки, сердечно жалѣли по долгу христіанскому. Чрезъ нѣсколько «лѣтъ явился у насъ тотъ, кого вы называли Лжедимитріемъ: въ «доказательство своего царскаго рода, ссылаясь на тѣлесные зна«ки и другія примѣты, онъ разсказывалъ, какимъ чудеснымъ об«разомъ Богъ спасъ его отъ рукъ Борисовыхъ, какъ хитро и ко«варно этотъ измѣнникъ погубилъ великаго господаря Ѳедора Ива«новича вмѣстѣ съ сыномъ, котораго царь имѣлъ отъ сестры Бо«рисовой, какъ истреблялъ онъ знатнѣйшія Русскія поколѣнія и «тиранствовалъ до того, что и вы, думные бояре, не знали, чѣмъ «облегчить свою горькую участь. Въ жестокосердіи и коварствѣ «Борисовомъ мы не сомнѣвались, ибо не только многіе Москвитя«не, но и вы, господа бояре, говаривали намъ о вѣроломномъ без«человѣчіи и дерзкомъ умыслѣ его на жизнь своего государя. Но «ни его величество, всепресвѣтлѣйшій государь нашъ, ни народъ «Польскій не вѣрили словамъ неизвѣстнаго странника и не обраща«ли на него никакого вниманія, пока не собралось къ нему изъ раз«ныхъ мѣстъ вашего государства нѣсколько десятковъ Москвитянъ, «единогласно признавшихъ его Димитріемъ Ивановичемъ, истин«нымъ царевичемъ. Съ такими свидѣтелями онъ явился къ ко«ролю.

«Его величество, хотя и не былъ удостовѣренъ въ справедли«вости его дѣла, однакожъ не хотѣлъ болѣе сомнѣваться, зная все«могущество Божіихъ судебъ и помня изъ исторіи много примѣ«ровъ чудеснаго спасенія царскихъ дѣтей отъ рукъ вѣроломныхъ «честолюбцевъ. Его величеству также извѣстно было зложелатель«ство Бориса, который доказалъ къ нему свое недоброхотство дол-

1606. «говременною неволею Польскихъ пословъ и нарушеніемъ мир-
«ныхъ договоровъ: вопреки имъ, Борисъ велѣлъ своимъ подда-
«нымъ нечаянно напасть въ королевствѣ нашемъ на принадлежащій
«Вишневецкимъ городъ Прилуки, гдѣ злодѣи умертвили до 300
«мирныхъ, безоружныхъ жителей, не давая пощады ни женщи-
«намъ, ни дѣтямъ. Приказавъ войску своему вступить въ нашу
«землю на восемь миль отъ границы, чтобы занять Велижскую
«область, онъ самъ былъ виною обоюднаго кровопролитія. Да и
«въ другихъ мѣстахъ пограничныхъ, Москвитяне въ слѣдствіе ра-
«споряженій его, разбойничали и вредили нашимъ единоземцамъ
«такъ, что его королевское величество не имѣлъ покоя отъ жа-
«лобъ и слезъ своихъ подданныхъ; о чемъ ихъ высокомочія паны
«сенаторы переписывались съ вами, думными боярами. При столь
«явныхъ знакахъ Борисовой непріязни, его королевское величество
«не разсудилъ выдать Димитрія своему недоброжелателю и врагу
«рѣчи посполитой; а съ другой стороны не хотѣлъ объявить вамъ
«и войны за него: ибо, какъ христіанскій государь и добрый со-
«сѣдъ, онъ свято соблюдаетъ мирные договоры съ Московскою
«державою; посему предоставилъ все дѣло суду Божію, въ томъ
«предположеніи, что если Димитрій въ самомъ дѣлѣ истинный ца-
«ревичъ, чудеснымъ образомъ спасенный отъ смерти, то легко
«самъ, при помощи Всевышняго, получитъ престолъ своихъ пред-
«ковъ. Разсуждая такимъ образомъ, его величество не помогалъ
«ему своими войсками и не объявлялъ вамъ войны. Народъ же
«Польскій въ то время почиталъ Димитрія не царевичемъ, а бѣд-
«нымъ странникомъ, и нѣкоторые добрые люди дѣлали ему подая-
«ніе, Христа-ради, какъ и у васъ бываетъ. Только одинъ панъ вое-
«вода, человѣкъ сострадательный и добродушный, повѣривъ сло-
«вамъ его, и убѣжденный просьбою Русскихъ, согласился прово-
«дить его съ малочисленнымъ отрядомъ до Московскихъ предѣ-
«ловъ, гдѣ, какъ увѣряли приверженцы Димитрія, народъ встрѣ-
«титъ своего царевича еще за границею съ хлѣбомъ-солью и до-
«бровольно сдастъ ему Русскія крѣпости; въ противномъ же слу-

«чаѣ, панъ воевода Сендомирскій могъ воротиться отъ границы, 1606.
«чтобы не нарушить мирныхъ трактатовъ.

«И въ самомъ дѣлѣ, Москвитяне, свѣдавъ о приближеніи ца-
«ревича къ Русскимъ предѣламъ, спѣшили встрѣтить его съ хлѣ-
«бомъ-солью, еще въ Польскихъ владѣніяхъ; города же Моравскъ
«и Черниговъ сдались добровольно. Всѣ увѣряло нашихъ, что онъ
«истинный царевичъ. Хотя послѣ того получены были письма отъ
«имени думныхъ бояръ къ сенаторамъ Литовскимъ и отъ имени
«Московскихъ святителей къ коронному духовенству; но какъ ок-
«ружавшіе Димитрія увѣряли, что эти письма присланы самимъ
«Борисомъ безъ вѣдома думныхъ бояръ и Московскаго духовен-
«ства, то его королевское величество и паны сенаторы, не помо-
«гая ни той, ни другой сторонѣ, смотрѣли издали на борьбу Ди-
«митрія съ Борисомъ и ожидали рѣшенія при Новѣгородѣ-Сѣвер-
«скомъ отъ справедливаго суда Божія. Когда же Борисъ чрезъ по-
«сла своего Огарева увѣдомилъ короля Польскаго, что мнимый Ди-
«митрій есть Отрепьевъ и упрекалъ Поляковъ въ нарушеніи мир-
«наго договора: его величество немедленно приказалъ послать къ
«воеводѣ и спутникамъ его, находившимся при Новѣгородѣ, стро-
«гое повелѣніе оставить сего человѣка и какъ можно скорѣе выѣ-
«хать изъ Московскихъ предѣловъ. Панъ воевода возвратился въ
«Польшу со всѣми людьми своими; онъ же, оставшись въ Россіи
«съ вашими Донскими и Запорожскими казаками и нѣкоторыми
«Русскими, былъ признанъ законнымъ государемъ многими горо-
«дами, уже по удаленіи пана воеводы.

«Вскорѣ послѣдовала смерть Борисова: вы имѣли полную во-
«лю избрать себѣ государемъ, кого хотѣли. Король Польскій ожи-
«далъ, что, избавившись отъ Бориса, вы не пожелаете покорить-
«ся Самозванцу и дадите его величеству подробное о семъ дѣлѣ
«извѣстіе. Вмѣсто того, лучшее ваше войско, бывшее подъ Кро-
«мами, съ князьями, воеводами, знатными людьми и дворянствомъ,
«явилось къ Димитрію и признало его своимъ законнымъ госуда-
«ремъ. Еще онъ былъ далеко отъ Москвы, когда вы, думные боя-

1606. «ре, заключили въ темницу жену Борисову и сына его, а сами съ «знатнѣйшими вельможами, съ княземъ Шуйскимъ и другими, «добровольно отправились къ Димитрію въ Тулу, за 30 миль отъ «Москвы, присягнули ему въ вѣрности, какъ истинному государю, «проводили его въ столицу и короновали. Сами вы, чрезъ пословъ «своихъ и другихъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ въ наше королев- «ство, доказывали намъ, сколь несправедливо думать, будто бы «народъ Польскій далъ вамъ государя. По вашему добровольному «избранію, Димитрій вступилъ на престолъ Московскій; съ ваше- «го согласія онъ прислалъ къ его королевскому величеству пись- «мо за Московскою печатью, чрезъ Аѳанасія Власьева, природна- «го Русскаго, бывшаго прежде неоднократно посломъ отъ Бориса «Годунова при королѣ Польскомъ, при христіанскимъ цесарѣ и «при другихъ государяхъ: въ этомъ письмѣ Димитрій благодарилъ «его королевское величество за хлѣбъ-соль и за всѣ ласки народа «Польскаго; изъявлялъ особенное желаніе отъ имени Московской «державы заключить вѣчный дружественный союзъ съ рѣчью по- «сполитою и просилъ согласія его королевскаго величества на же- «ланіе свое вступить въ бракъ съ дочерью его свѣтлости воеводы «Сендомирскаго. Государь нашъ, не сомнѣваясь въ правахъ Дими- «трія на престолъ, засвидѣтельствованныхъ вами, господа бояре, «и надѣясь въ союзѣ съ Московскимъ господарствомъ найти твер- «дый оплотъ противъ враговъ св. Креста, изъявилъ свое согласіе «на бракъ Димитрія съ дочерью пана воеводы. Въ слѣдствіе сего «Аѳанасій обручился съ нею именемъ своего государя. Были у «насъ и другіе ваши гонцы: всѣ они единогласно утверждали, что «Димитрій есть истинный царевичъ. Этотъ самый Аѳанасій, так- «же и ваши гонцы неоднократно благодарили пана воеводу за пріі- «язнь къ нему въ землѣ Польской. Наконецъ панъ воевода отпра- «вился сюда съ своею дочерью, а его королевское величество по- «слалъ насъ, пословъ, для присутствованія на царской свадьбѣ и «для заключенія вѣчной дружбы между Россіею и Польшею. Мо- «сковскіе сенаторы, князь Василій Масальскій и Михайло Нагой,

«съ многочисленнымъ отрядомъ Русскаго войска, встрѣтили пана 1606.
«воеводу съ дочерью на границѣ и проводили ихъ до самой Мо-
«сквы. Вы же, думные бояре, еще за городомъ привѣтствовали ее,
«какъ свою государыню, и присягали ей въ вѣрности. Послѣ то-
«го съ вашего согласія, она была коронована патріархомъ и епис-
«копами по Славянскому обряду. Насъ, пословъ, встрѣтили ваши
«приставы, по обычаю, предъ Смоленскомъ и проводили до самой
«столицы. Тутъ мы исполнили долгъ посольства торжественно,
«имѣли съ вами совѣщанія о заключеніи договора, и ни отъ кого
«не слышали, чтобы царь вашъ былъ не истинный Димитрій. Да-
«же, когда нѣкоторые изъ нашихъ изъявили сомнѣніе о семъ пред-
«метѣ, вы, Русскіе, торжественнымъ свидѣтельствомъ уничтожили
«оное, и предъ всѣмъ свѣтомъ признали его своимъ законнымъ го-
«сударемъ.

«Теперь, забывъ свои свидѣтельства и присяги, вы сами себѣ
«противорѣчите, и несправедливо обвиняете его королевское вели-
«чество и нашу рѣчь посполитую; пеняйте сами на себя! О смер-
«ти его мы не споримъ, не имѣя причины объ немъ жалѣть. Вы
«сами видѣли, какъ онъ поступалъ съ нами обоими, какъ требо-
«валъ необыкновенныхъ цесарскихъ титуловъ, какъ оскорблялъ го-
«сударя нашего, запрещая называть его королемъ, какую изъяв-
«лялъ гордость и надмѣнность. Посему, для насъ весьма удиви-
«тельно, что вы, господа бояре, люди столь разумные, сами себѣ
«противорѣчите и безъ всякаго повода упрекаете государя наше-
«го, а того и видѣть не хотите, что человѣкъ, который называлъ
«себя Димитріемъ и котораго вы именуете Самозванцемъ, былъ
«вашъ Русской; что не наши единоземцы, а ваши признали его
«царевичемъ, встрѣтили за границею съ хлѣбомъ-солью, добро-
«вольно впустили въ свои города, проводили въ Москву, провоз-
«гласили государемъ, короновали, и сами же умертвили. Словомъ,
«Русскіе начали, Русскіе и кончили. И такъ вы не имѣете права
«ни упрекать, ни обвинять кого либо: все, что ни случилось, при-
«писывайте своимъ грѣхамъ и Божію гнѣву.

1606. «Не можемъ выразить своей горести, воспоминая о побіеніи «такого множества единоземцевъ нашихъ, которые не спорили съ «вами о семъ человѣкѣ, не поддерживали его своимъ оружіемъ, «не были хранителями жизни его, ввѣренной вашему попеченію, «и которыхъ вы убили, замучили, ограбили. Сами виновные въ «кровопролитіи, вы же и упрекаете насъ! Вмѣсто утѣшенія, вы «усиливаете печаль нашу. Если все сіе отдать на судъ злѣйшему «недругу нашего государя, короля, и отечества, рѣчи посполитой, «то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній простолюдинъ обвинитъ васъ: «мы не нарушили трактатовъ. Убійство же братьевъ нашихъ, при«писываемое вами черни, было, какъ намъ кажется, слѣдствіемъ «желанія вашего наказать виновныхъ. Впрочемъ мы не сомнѣвались «бы въ семъ извиненіи и согласились бы, что насъ постигло бѣд«ствіе за наши грѣхи по волѣ Всевышняго, если бы вы какъ мож«но скорѣе отпустили съ нами въ отечество его свѣтлость воеводу «Сендомирскаго, съ дочерью и другими особами, возвративъ имъ «людей и имущество: въ такомъ случаѣ мы стали бы ходатайство«вать у короля о сохраненіи вѣчнаго мира; но какъ, вопреки пра«виламъ христіанскихъ государей, даже вопреки обыкновеніямъ «бусурманскимъ, вы доселѣ насъ задерживаете, оскорбляя тѣмъ и «его королевское величество, и рѣчь посполитую, нашу Польскую «державу, и великое княжество Литовское; то очевидно, что не «чернь должна быть обвиняема, и что за кровь нашихъ братій бу«детъ отвѣчать не она, а нынѣшній великій господарь вашъ, вмѣ«стѣ съ вами, думные бояре. Миръ между Польшею и Россіею на«рушенъ: Богъ отмститъ вамъ за наше бѣдствіе!»

Выслушавъ отвѣтъ, бояре не хотѣли долѣе спорить и только сказавъ: «вамъ, присланнымъ послами не къ нынѣшнему государю нашему, великому князю Василію Ивановичу, а къ Разстригѣ, не для чего такъ много и вольно говорить», отпустили ихъ на квартиру.

25 іюня собралось нѣсколько тысячъ черни съ оружіемъ и камнями у Кремлевскихъ воротъ, на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ царь

обыкновенно показывается народу. Мы не знали причины волненія. 1606.
Носился слухъ, что нѣкоторые бояре, безъ вѣдома царя и боярской думы, взволновали чернь, сказавъ, что царь велѣлъ побить остальную Литву. Самъ великій князь выходилъ къ народу и узнавъ, для чего онъ собрался, приказалъ ему разойтись по домамъ, а виновныхъ казнить. Мы безпокоились нѣсколько дней и цѣлыя ночи проводили безъ сна.

Съ 1 іюля стали доходить до насъ слухи, что Димитрій спасся отъ смерти: мы не вѣрили имъ. 8 іюля перевели пана воеводу съ царицею дочерью его и со всею прислугою изъ Борисова дома за крѣпостную стѣну въ домъ Аѳанасія, сосланнаго, по смерти Димитрія, въ Сибирь. 15 іюля въ первый разъ допустили къ воеводѣ на нѣсколько часовъ старосту Саноцкаго, брата царицына. 22 іюля и въ слѣдующіе дни, бояре, имѣвшіе болѣе власти, чѣмъ самъ царь, выѣзжали за городъ въ поле, и тамъ убѣждали народъ довершить истребленіе Поляковъ. Народъ не согласился: «Бейте ихъ «сами! Пусть и вамъ достанется то же, что нашему брату», говорила чернь. Бояре рѣшились разлучить насъ и дали намъ квартиры въ разныхъ мѣстахъ. Въ продолженіе сихъ дней мы находились въ великомъ страхѣ.

1 августа открылся въ столицѣ мятежъ, по случаю подкинутыхъ писемъ отъ имени Димитрія. Сначала ихъ не хотѣли читать; въ послѣдствіи созвали всѣхъ дьяковъ, чтобы сличить ихъ почеркъ съ письмами; однакожъ не могли открыть виновнаго. Между тѣмъ выслали изъ Москвы войско для усмиренія мятежей въ Путивлѣ и въ другихъ пограничныхъ городахъ. Носилась молва, что народъ толпами стекается то къ боярскому сыну Петрушкѣ, то къ Димитрію, то къ обоимъ вмѣстѣ, и присягаетъ имъ. По вѣстямъ, силою отправляли ратныхъ людей противъ мятежниковъ. Въ тотъ же день въ первый разъ дозволено князю Вишневецкому навѣстить пана воеводу.

2 августа разобрали мостъ у крѣпостныхъ воротъ и поставили много огнестрѣльныхъ орудій. 3 числа староста Красноставскій

1606. былъ у пана воеводы довольно дóлго. 8 августа князь Вишневецкій со всею свитою своею, также съ слугами и жолнерами старосты Саноцкаго, высланъ изъ Москвы въ Кострому, за 54 мили отъ столицы; его везли на подводахъ; лошадей же ни ему, ни челядинцамъ его не возвратили. Староста Саноцкій съ 11 служителями присоединенъ къ отцу, воеводѣ Сендомирскому. 10 августа хоронжій Перемышльскій Тарло былъ у воеводы.

Царь ѣздилъ за городъ въ монастырь на богомолье, и тамъ ночевалъ; а въ слѣдующій день, по случаю празднества Преображенія Господня, купался въ рѣкѣ. По Русскому обычаю, каждый обязанъ въ сей день купаться, въ воспоминаніе креста Искупителева. Въ монастырѣ царь угощалъ бояръ и провожавшихъ его стрѣльцовъ до тысячи человѣкъ. Онъ возвратился верхомъ; за нимъ ѣхала карета въ 6 лошадей, которыхъ вели за поводья. 14 августа высланы изъ Москвы въ Ростовъ за 35 миль оба пана Стадницкіе Мартынъ и Андрей, панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, паны Вольскій и Корытко. Изъ Ростова ихъ скоро перевели въ другой городъ.

16 августа, близь дома пана воеводы сгорѣли три кузницы. Мы чрезвычайно встревожились, подозрѣвая въ пожарѣ злой умыселъ. 17 числа староста Саноцкій, братъ царицы, съ остальною свитою присоединенъ къ воеводѣ. 18, панъ Тарло съ женою сосланъ въ Тверь, укрѣпленный городъ, за 40 миль отъ столицы. Туда же вмѣстѣ съ нимъ отправлены панья старостина Сохачевская съ сыномъ и панья Гербуртова. 20 числа въ городскихъ лавкахъ загорѣлся порохъ; три каменныя лавки и нѣсколько деревянныхъ разрушены; до 40 человѣкъ убито; до ста тяжело ранено. Громъ взрыва перепугалъ царя. Онъ велѣлъ запереть крѣпость: въ сей день была въ Москвѣ тревога, по случаю извѣстія, что войско Шуйскаго проиграло сраженіе, а Димитрій, спасшійся отъ смерти, окруженъ сильною, преданною ему ратью. Тогда же приказано пану воеводѣ готовиться къ отъѣзду въ Ярославль, за 42 мили отъ Москвы, съ царицею дочерью его, съ паномъ старостою

Красноставскимъ и сыномъ его, съ старостами Луковскимъ и Саноцкимъ. Для путешествія возвратили имъ нѣсколько цуговъ худыхъ лошадей; изъ верховыхъ же и лучшихъ не дано ни одной. И такъ царь измѣнилъ своему слову не тревожить пана воеводу, по слабости его здоровья. 1606.

26 августа, приготовляясь къ выѣзду, мы пересмотрѣли всѣ вещи по реэстру, составленному послѣ мятежа, и внесли въ него имена всѣхъ господъ и служителей ихъ. Сверхъ того записали 58 шляхтичей и купцовъ, забранныхъ во время бунта въ такъ называемомъ Глиньскомъ дворѣ. Къ нимъ прибавили еще, по просьбѣ воеводы, съ согласія царя, Запорскаго и Дворжицкаго. Всѣхъ насъ было, не исключая благородныхъ женщинъ и царицыныхъ фрейлинъ, 375 человѣкъ. Насъ отправили того же дня подъ вечеръ, при 300 стрѣльцахъ.

За милю отъ Москвы, или по Русскому счету въ 5 верстахъ, мы ночевали на берегу Яузы въ селѣ Растокинѣ. 27 августа доѣхали до села Здвиженскаго въ 9 миляхъ отъ ночлега. Ночью сгорѣла въ Москвѣ часть Борисова дома, гдѣ стоялъ панъ воевода, съ монастырскимъ дворомъ и ближайшею церковью. Въ двухъ миляхъ отъ села Здвиженскаго находится каменный монастырь св. Троицы на весьма веселомъ мѣстѣ; тамъ работаютъ корневыя чашки и ковши. 28 числа ночлегъ въ Дубнахъ. Здѣсь мы слышали разныя вѣсти о Димитріи, большею частію невѣроятныя. 29 числа ночлегъ въ селѣ Глѣбовскомъ, въ 7 миляхъ отъ Дубнъ. Въ сей день обогнала насъ подвода, на которой весьма поспѣшно везли въ Переславскую тюрьму Донскаго казака, пойманнаго изъ войска мятежниковъ. Одному изъ нашихъ удалось поговорить съ нимъ: казакъ увѣрялъ, что Димитрій точно живъ. 30 августа ночлегъ въ Переславлѣ, въ 7 миляхъ отъ Глѣбовскаго. Тутъ, въ квартирѣ царицы, схватили старуху, которая, облупивъ лягушку, начала было что-то проказничать: ее подстерегли заблаговременно. 31, ночлегъ въ Петровскомъ селѣ, за 8 миль. Стрѣльцы зарѣзали одного изъ своихъ товарищей. Отъ Петровскаго до Ростова 4

*

1606. мили. Тамъ заключены паны Стадницкіе. Мы проѣзжали чрезъ городъ, но не могли видѣться съ ними.

1 сентября, переправясь чрезъ рѣку Усье, мы ночевали въ селѣ Задовицѣ, въ 28 верстахъ отъ Ростова. 2 сентября господа имѣли ночлегъ въ селѣ Сыдосковѣ, на берегу Которосли; а половина слугъ и челяди остановилась за рѣкою, въ селѣ Кузминскомъ. Въ воскресенье по утру всѣ снова соединились и молились Богу. Отъ Сыдоскова до Кузминскаго 6 миль. 3 числа, проѣхавъ три мили, мы ночевали въ предмѣстіи Ярославля, называемомъ слободою: въ городъ не хотѣли насъ везти того же дня. Отъ Москвы до Ярославля всего 213 верстъ, а по нашему счету 42 мили. Дорога почти вездѣ ровная. Въ сей день провезли чрезъ Ярославль боярина Ивана Томалчана въ Сибирь на каторгу, въ наказаніе за совѣтъ его развѣдать, живъ ли Димитрій, что бы въ такомъ случаѣ, не губя народа, вручить ему снова государство. [141] Съ нимъ везли изъ Москвы какого-то Семенка Бѣлька Ватамана, Донскаго казака и другихъ. Ни одному изъ нашихъ нельзя было къ нимъ подойти и поговорить: Русскіе никого не допускали. 4 числа мы переправились чрезъ рѣку Которосль.

Для господъ нашихъ назначено четыре двора; три вмѣстѣ и одинъ отдѣльный. Въ одномъ остановился панъ воевода съ нѣкоторыми служителями; другой подлѣ него заняла царица съ камерфрейлинами; въ третьемъ, насупротивъ, помѣстились старосты Луховскій и Саноцкій, въ четвертомъ отдѣльномъ староста Краснославскій съ сыномъ своимъ и прислугою. Для свиты отвели квартиры, недалеко отъ господскихъ дворовъ. Дорогою мы получали самое скудное содержаніе; лошадямъ же корма не отпускалось. Въ Ярославлѣ есть крѣпость довольно обширная, но слабая. Каменныхъ зданій нѣтъ, кромѣ одного монастыря, обнесеннаго каменною же стѣною. Замокъ сгнилъ; ограда его обвалилась. Стоитъ онъ при впаденіи Которосли въ великую рѣку Волгу. Крѣпость обнесена низкимъ валомъ, за которымъ мы остановились.

7 числа въ полночь открылся пожаръ въ царицыномъ покоѣ

отъ новой печки, которую отапливали. Пламя уже пробивало. Мы 1606.
были въ ужасѣ и великомъ смятеніи. Ударили тревогу. Русскіе сбѣжались тушить. Если бы стрѣльцы не уняли ихъ, не знаю, чѣмъ бы кончилась суматоха. Принужденные защищаться и отъ нихъ и отъ огня, мы намѣревались бросить свои вещи, и спасали одно оружіе, чтобы дорого продать свою жизнь. Къ счастію вскорѣ огонь загасили. 9 числа отобрали у насъ лошадей для выгона на пастьу. Господа желали сами содержать ихъ, но не получили на то дозволенія. Впрочемъ намъ оставлено нѣсколько десятковъ. 13 числа насъ привели въ ужасъ, сказавъ, что царь повелѣлъ умертвить всѣхъ оставшихся въ Россіи Поляковъ, по случаю вторженія Польскаго войска въ Московскіе предѣлы. Но молва была столь же неосновательна, какъ и толки о Димитріи. 17 числа воевода получилъ извѣстіе, что за Ельцомъ войско Шуйскаго, въ числѣ пяти тысячь, разбито на-голову. [142]

18 числа въ полночь былъ пожаръ недалеко отъ нашихъ квартиръ: сгорѣло 12 домовъ. 21, пріѣхалъ изъ Москвы, съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ, думный бояринъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ, тотъ самый, котораго при Новгородкѣ привели къ покойному царю и пану воеводѣ на веревкѣ, привязанной къ бородѣ его. Пріѣздъ такого гостя, и притомъ вечернею порою, чрезвычайно встревожилъ насъ. Мы тѣмъ болѣе робѣли, что скорѣе ожидали зла, чѣмъ добра. Даже нѣкоторые изъ жителей Ярославля оплакивали нашу участь и совѣтовали быть осторожными, говоря, что завтре вѣрно нападутъ на насъ. Мы не спали всю ночь; поручили себя покровительству Божію, и съ горячими слезами возсылая къ нему мольбы о спасеніи, съ ужасомъ ожидали наступленія дня.

23 марта. [143] Все утро мы были между страхомъ и надеждою. 1607.
Бояринъ Салтыковъ велѣлъ объявить намъ, что, пріѣхавъ нарочно по царскому дѣлу, онъ желаетъ видѣться съ паномъ воеводою; почему и проситъ его пожаловать съ своими пріятелями безъ слугъ къ нему на квартиру, въ городъ. Услышавъ это, мы еще

1607. болѣе оробѣли, опасаясь, что Салтыковъ, заручивъ господъ нашихъ, нападетъ на насъ, или другимъ коварствомъ ускоритъ нашу погибель. Долго разсуждали мы, на что рѣшиться: ѣхать или нѣтъ? Наконецъ, по зрѣломъ размышленіи, панъ воевода, поручивъ себя волѣ Божіей, отправился съ панами старостами Красноставскимъ и Луховскимъ, съ нѣсколькими слугами пѣшими и съ двумя конными на хорошихъ лошадяхъ, для предосторожности въ случаѣ опасности. Панъ староста Саноцкій остался при царицѣ. Всѣ служители были готовы стать подъ ружье.

Бояринъ принялъ нашихъ пановъ ласково, воеводу спрашивалъ царскимъ именемъ о здоровьи, и объявивъ ему, съ обыкновеннымъ исчисленіемъ царскихъ титуловъ, великокняжескую милость, сказалъ: «Посолъ великаго государя моего князь Григорій Волконскій «возвратился изъ Ляцкой земли съ желаннымъ успѣхомъ; мы со «дня на день ожидаемъ пріѣзда Польскаго посла князя Богдана «Огинскаго съ добрыми вѣстями. Какъ скоро онъ пріѣдетъ и дѣла, «разстроенныя Самозванцемъ, приведены будутъ въ порядокъ, царь «немедленно отпуститъ тебя со всѣми единоземцами изъ своихъ «владѣній. А какъ Польскій король весьма скучаетъ безъ тебя и «безпокоится о твоемъ здоровьи; то царь, жалуя васъ своею ми«лостію, дозволяетъ тебѣ отправить въ Польшу 70 человѣкъ слу«жителей съ паномъ старостою Красноставскимъ и со всѣми на«ходящимися при васъ купцами, чтобы они возвѣстили въ Польшѣ «о добромъ вашемъ здоровьи».

26 марта Салтыковъ донесъ царю о повиновеніи пана воеводы. Приставы наши доселѣ представляли все въ превратномъ видѣ: писали о нашихъ насильственныхъ поступкахъ, о ссорахъ и дракахъ съ стрѣльцами, о намѣреніи отдать непріятелямъ городъ, которымъ мы будто бы завладѣли и управляли цѣлый день. Писали и о другихъ важнѣйшихъ нелѣпостяхъ; въ слѣдствіе чего такъ поспѣшно присланъ изъ Москвы бояринъ Салтыковъ, чтобы усмирить насъ. Граждане Ярославскіе единогласно засвидѣтельствовали, что мы жили мирно и спокойно, и что сами приставы

обижали какъ насъ, такъ и гражданъ, насилуя женъ и дѣвицъ. 1607.
Выслушавъ показаніе свидѣтелей, Салтыковъ обо всемъ донесъ царю. Нѣкоторые говорили, что онъ присланъ защищать городъ и крѣпость, и поджидалъ нужное для того войско. Въ самомъ дѣлѣ, по его приказанію, съѣхались всѣ окружные бояре; пушки были приготовлены; народу роздано нѣсколько тысячъ рогатинъ, взятыхъ изъ монастыря.

26 числа отправили нашихъ въ дорогу, но въ Польшу ли, мы не знаемъ. Изъ свиты пана воеводы взято 37 служителей. Трое шляхтичей желали участвовать въ путешествіи, но ихъ не приняли, хотя многіе изъ дворянъ согласились бы назваться холопами, чтобы только вырваться изъ неволи. Изъ свиты пана Красноставскаго отправлено 18 слугъ и 9 купцовъ; всего 64 человѣка. Имъ возвратили лошадей, отобранныхъ въ Ярославлѣ; но все, что взято въ Москвѣ, не отдано; не вознаграждены также убытки, особливо тѣхъ купцовъ, которые отпустили Димитрію на нѣсколько сотъ тысячъ женскихъ уборовъ, не получивъ за нихъ платы. Простившись съ нами, они заѣхали въ городъ къ боярину Салтыкову, который напоилъ ихъ до пьяна виномъ и медомъ, и давъ каждому по рублю, приказалъ везти ихъ въ столицу.

Чрезъ нѣсколько дней, мы тайно получили отъ нихъ письмо изъ Троицкаго монастыря, въ 12 миляхъ отъ Москвы, слѣдующаго содержанія: «Если вы здоровы, слава Богу. Мы всѣ здоровы. «Ожидаемъ васъ въ монастырѣ св. Троицы. Свѣтлѣйшій панъ «воевода только съ немногими пріѣдетъ въ Москву. У насъ довольно «добрыхъ вѣстей: Татары Крымскіе и Казанскіе ведутъ войну; «есть вѣрная надежда, что мы не погибнемъ». Это письмо чрезвычайно обрадовало насъ; но какъ при всемъ томъ ничего добраго мы не видали, то и радость наша скоро исчезла.

27 марта Салтыковъ приглашалъ пана воеводу къ себѣ на квартиру: его свѣтлость не поѣхалъ, отговорившись тѣмъ, что принимаетъ лекарство. Бояринъ чрезъ приставовъ объявилъ ему царскую волю, перевезти въ другой городъ людей Глиньскихъ, т. е.

1607. всѣхъ, ставшихъ на Татарскомъ дворѣ. Поводомъ къ этому распоряженію, говорили приставы, была трудность доставать съѣстные припасы для такого множества Поляковъ. Панъ воевода, съ нашего согласія, безъ прекословія исполнилъ приказаніе боярина. Русскіе могли теперь воспользоваться нашимъ неосновательнымъ легкомыслiемъ и нѣсколькими сотнями одолѣть насъ. Сего же числа въ 4 часу ночи былъ пожаръ въ нашей квартирѣ отъ неосторожности мальчика, забывшаго погасить на стѣнѣ свѣчу. Сгорѣла изба съ сѣнями: два товарища едва успѣли выскочить. Опасность была большая: рядомъ съ горѣвшею избою находилась тѣсная квартира пана старосты Красноставскаго. Но Богъ спасъ насъ: огонь не распространился.

29 марта мы получили отъ своихъ извѣстіе, что панъ воевода съ старостами Красноставскимъ и Луховскимъ долженъ будетъ ѣхать въ Москву для переговоровъ; а другіе Поляки останутся въ Ярославлѣ съ царицею. Въ слѣдующіе дни мы много безпокоились: носились разные слухи. Одни утѣшали насъ скорою свободою; а другіе говорили, что насъ ожидаетъ ужаснѣйшая неволя. Мы тѣмъ болѣе горевали, что отданъ былъ приказъ везти нашихъ въ другіе города. Мало того: намъ дали знать, что Москва по случаю жестокой войны находится въ великомъ смятеніи и что единоземцы наши, которыхъ обѣщали отправить въ Польшу, задержаны въ столицѣ. 1 апрѣля 1607 года вывезли изъ Ярославля въ Вологду за 20 миль Дворжицкаго съ товарищемъ его и со всѣми людьми, бывшими подъ начальствомъ его, числомъ 37 человѣкъ. Панъ Комаровскій и Владиславъ Мутына оставлены при воеводѣ, по просьбѣ его, съ однимъ пахоликомъ, однимъ товарищемъ и съ нѣсколькими слугами.

Въ сей день мы узнали, что какіе-то люди идутъ на Ярославль. Городъ спѣшили привести въ оборонительное положеніе, разставили пушки; множество бояръ [144] съѣхалось для защиты его. Такая предосторожность продолжалась около недѣли; потомъ всѣ опять разъѣхались. 6 апрѣля заплачены пану воеводѣ издержанные

имъ на съѣстные припасы, въ 22 дня, 278 злотыхъ и 2 гроша, 1607.
да на пиво 470 и вино 17 ведеръ. Панамъ старостамъ уплачено особенно по ихъ счетамъ. Сегодня мы переписали всѣхъ людей, оставшихся при насъ и сосланныхъ въ другіе города.

12 апрѣля утромъ была большая пальба, для исполненія по словамъ Русскихъ, обрядовъ вѣры. Это случилось въ великій четвертокъ. Такая же пальба происходила за 4 дня предъ тѣмъ въ праздникъ Благовѣщенія пресвятой Дѣвы, по Русскому календарю. Николай Салтыковъ [145] выѣхалъ на Пасху въ деревню. 13 апрѣля взяли отъ насъ пристава Романа, а на мѣсто его опредѣлили Аѳанасія Малексховича. 15 апрѣля была Пасха Христова; праздновали ее не блистательно. Вмѣсто куличей мы ѣли хлѣбъ, а другимъ и хлѣба недосталось. По крайней мѣрѣ мы были спокойны, не слыша никакихъ вѣстей. 18 апрѣля пришло изъ Корели 150 стрѣльцовъ на смѣну тѣхъ, которые стерегли насъ. Бѣжавшіе изъ нихъ сѣчены кнутомъ. Съ перемѣною стрѣльцовъ исчезла надежда наша на скорую свободу, тѣмъ болѣе, что намѣревались вырвать изъ насъ еще нѣсколькихъ и сослать въ другіе города. Михайло Салтыковъ возвратился изъ деревни въ Ярославль. 25 апрѣля вскрылись рѣки Волга и Которосль. Невозможность переправы лишила насъ живности: намъ давали только дурную солонину. Сначала мы не хотѣли употреблять ее; но голодъ скоро наскучилъ, и мы брали, что намъ давали. Карманы наши опустѣли; у пановъ было серебро; но что въ немъ, когда запрещали продавать его! Можно было сбывать только тайно, съ опасностію для покупщиковъ: у нихъ отнимали наше серебро. Наконецъ вода спала: намъ снова стали давать свѣжую говядину и баранину.

Около 30 апрѣля наступила чрезвычайно холодная погода, какъ обыкновенно случается въ сихъ странахъ. Лишь только сойдетъ снѣгъ, тотчасъ лѣто. Въ день св. Юрья Русскаго, солнце такъ сжетъ, какъ у насъ въ іюнѣ. Однакожъ лѣтомъ гораздо несноснѣе стужа, чѣмъ зной. Если поднимется облако отъ Ледовитаго моря, настаетъ жестокій холодъ; если пригрѣетъ солнце,

1607. бываетъ чрезмѣрный жаръ. При перемѣнной погодѣ настоящая осень. Лѣто и весна слишкомъ кратки. Зима становится рано; продолжается съ великими морозами. Отъ начала до конца ея можно въ волю накататься въ саняхъ.

4 мая бояринъ Салтыковъ велѣлъ собраться городской судебной избѣ, куда привели нѣсколько лазутчиковъ. Мы не могли узнать, какимъ образомъ и гдѣ поймали ихъ. Сего же числа мы видѣли въ городѣ нѣсколько стройныхъ Поляковъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, которые передались на сторону царскую. Тутъ былъ нѣкто Садовскій, камердинеръ и писарь пана Криковскаго. Бѣжавъ изъ Польши, онъ долго скитался по разнымъ странамъ; въ послѣдствіи пріѣхалъ съ паномъ Стадницкимъ въ Россію, надѣлалъ ему много непріятностей, какъ намъ сказывали, и остался въ Ростовѣ, гдѣ видѣли его тѣ изъ нашихъ товарищей, которые ушли зимою въ Ростовъ и были тамъ пойманы.

8 числа, въ день св. Станислава вечеромъ, одинъ изъ нашихъ, вѣрно съ умысломъ, выстрѣлилъ въ конюшнѣ изъ ружья и чуть не утеръ пулею носа Русскому стрѣльцу; другаго стрѣльца ударилъ въ рожу кучеръ пана старосты Луховскаго. Такія проказы не имѣли дурныхъ слѣдствій. 12 числа былъ ровно годъ несчастному въѣзду царицы въ Москву. 17 числа мы были на молитвѣ 40 часовъ, прося у Бога свободы. Русскіе очень дивились, какъ мы всѣ вмѣстѣ бичевали себя цѣлую ночь, возглашая дражайшія имена: *Езусъ! Маріа!* До насъ дошли слухи, что сторона Шуйскаго, проигравъ сраженіе, ослабѣла. 18 мая было днемъ коронованія царицы, а 19 днемъ ея свадьбы. Въ прошломъ году сего числа была пятница, а въ нынѣшнемъ суббота. 24 мая въ день Вознесенія Христова вся Москва волновалась; поминутно высылали свѣжія войска. Съ 27 мая, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, бояре и другіе люди въ великомъ множествѣ проѣзжали чрезъ Ярославль: въ городѣ нашемъ была тревога. Стража, стоявшая у перевоза, отводила проѣзжающихъ другою стороною вала, чтобъ мы ни съ кѣмъ не могли видѣться.

3 іюня, по милости Всевышняго, наступили праздники, кото- 1607.
рые мы провели спокойно и весело, хваля Бога. 4 числа утромъ получено извѣстіе, что въ послѣднихъ числахъ мая изъ войска Шуйскаго до 14.000 человѣкъ пало на сраженіи. [146] Какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ съ обѣихъ сторонъ было великое кровопролитіе. По наступленіи зимы сосчитали войско и нашли, что съ той и другой стороны побито до 40.000. Столь бѣдственныя слѣдствія междоусобной брани привели всю Москву въ волненіе, такъ что самъ Шуйскій долженъ былъ выступить противъ непріятеля. Бояре и другіе служивые люди отвсюду писали въ Москву, чтобъ правительство спѣшило успокоить государство. Они присылали письма съ гонцами, которые здѣсь ѣздятъ весьма быстро, перебѣгая по 50 миль въ сутки. Скоро пронесся слухъ, что или царя изберутъ новаго, или всѣми силами ударятъ на непріятеля.

10 іюня намъ позволено продать лошадей и оружіе, въ коемъ Русскіе нуждались. Нѣкоторыхъ лошадей мы продали, а оружія не выпускали изъ рукъ, не довѣряя Русскимъ. 15 числа два Нѣмца, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, проходя мимо нашего дома, тихо говорили намъ, что Димитрій точно живъ. 19, Шуйскій прислалъ въ Ярославль указъ съ повелѣніемъ отправить на войну опредѣленное число соховняковъ, по нашему присяжныхъ. [147] Выслушавъ указъ, они съ ропотомъ говорили, что безъ Шуйскаго не было бы такого кровопролитія. 20, получено извѣстіе, что Шуйскій опять потерялъ 6000 человѣкъ въ сраженіи. Стали поговаривать о Димитріи и желать ему успѣха; приставы обходились съ нами гораздо ласковѣе прежняго; мы впрочемъ и вѣрили и не вѣрили разсѣяваемымъ слухамъ.

24 іюня въ день св. Іоанна уже въ сумерки встревожили насъ извѣстіемъ о прибытіи къ Ярославлю князя Голицына съ отрядомъ войска. Голицынъ, одинъ изъ числа знатнѣйшихъ вельможъ Московскихъ, былъ тотъ самый, который въ Москвѣ во время бунта навѣстилъ пана воеводу. Съ нимъ дѣйствительно было

1607. нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ наши видали въ продолженіе немногихъ дней: скоро они ушли опять къ Москвѣ. Наши опасенія исчезли; молва замолкла, и намъ сказано, что мы будемъ отправлены въ Польшу по первой зимней дорогѣ. Мы не очень обрадовались сему извѣстію, имѣя причины бояться зимы: большая часть насъ обнищала.

3 іюля пришли вѣсти несогласныя съ прежними. Шуйскій писалъ къ жителямъ Ярославля о совершенномъ пораженіи измѣнниковъ, изъ коихъ, по словамъ его, 5000 взято въ плѣнъ, вмѣстѣ съ гетманомъ ихъ Болотниковымъ. Многіе считали извѣстіе ложнымъ. Впрочемъ дѣйствительно было жестокое сраженіе, которое продолжалось день и ночь. (Надобно замѣтить, что въ Россіи лѣтнею порою ночь бываетъ не долѣе 4 часовъ, и заря не гаснетъ). 29 іюня было новое сраженіе, въ которомъ также легло не мало людей съ обѣихъ сторонъ. Потеря Шуйскаго была особенно значительна, простираясь, какъ сказывали намъ, до 25.000 человѣкъ. Самъ Шуйскій въ то время находился въ Серпуховѣ. О Димитріи говорили, что онъ живъ и съ великимъ войскомъ идетъ на соединеніе съ Болотниковымъ. Было много и другихъ вѣстей, которыя однакожъ не заслуживали никакого вѣроятія.

9 іюля возвратился стрѣлецъ, котораго посылали отъ себя приставленные къ намъ стрѣльцы. Онъ сказывалъ намъ, что Димитрій дѣйствительно живъ и съ многочисленнымъ войскомъ идетъ на Шуйскаго, который съ своей стороны собралъ страшную силу, оставивъ въ Москвѣ съ роднымъ братомъ своимъ Дмитріемъ весьма немного людей военныхъ. Другіе, напротивъ того, утверждали, что царь возвратился въ Москву, расположивъ свое войско на берегахъ Оки. Вѣсти смѣнялись вѣстями и такъ рѣдко сбывались, что мы перестали имъ вѣрить. Извѣстіе, будто Шуйскій возвратился въ Москву, было совершенно ложно. 10 іюля мы узнали, что товарищей нашихъ, Дворжицкаго и другихъ, сосланныхъ въ Вологду, стерегутъ весьма строго, а скудное содержаніе ихъ уменьшили до половины, за открывшееся намѣреніе ихъ

бѣжать тайнымъ образомъ. Они поговаривали о томъ, находясь 1607.
еще съ нами.

12 іюля Испанскій монахъ, ордена св. Августина, Николай де-Мело, тайно доставилъ намъ письма для врученія пану воеводѣ. Этотъ монахъ слишкомъ 20 лѣтъ былъ проповѣдникомъ Божіяго слова въ Восточной Индіи, а въ послѣдствіи начальникомъ всѣхъ находящихся тамъ миссіонеровъ. Возвращаясь оттуда по приказанію папы и короля Испанскаго, онъ заѣхалъ къ шаху Персидскому: былъ хорошо принятъ и взялъ отъ шаха письма къ отцу папѣ и королю Испанскому. Какъ военныя безпокойства не дозволили ему отправиться изъ Персіи моремъ, то онъ рѣшился ѣхать чрезъ Россію, имѣя пашпорты отъ шаха и другихъ государей. Это случилось еще въ царствованіе Бориса Годунова. Русскіе, постоянные враги Римской религіи и проповѣдниковъ ея, увидѣвъ изъ писемъ, отобранныхъ у Николая де-Мело, сколь преданъ шахъ вѣрѣ католической, и опасаясь, чтобы такой сильный государь не принялъ ея и не распространилъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, заключили монаха въ тяжкія оковы и сослали въ городъ Соловки. По смерти Борисовой, Димитрій, узнавъ о благочестивомъ мужѣ, приказалъ немедленно освободить его и привезти въ Москву, намѣреваясь дать ему порученіе къ королю Испанскому. Монахъ уже былъ въ дорогѣ, когда послѣдовалъ несчастный переворотъ. Возвращенный по приказанію Шуйскаго въ Москву, онъ объяснилъ свое дѣло чрезъ Англійскаго переводчика царю и думнымъ боярамъ. Объясненіе кончилось тѣмъ, что царь, по старанію живущихъ въ Москвѣ Англичанъ, главныхъ враговъ католической вѣры и народа Испанскаго, приказалъ снова заключить его въ оковы и сослать въ Борисовъ монастырь, въ трехъ миляхъ отъ Ростова. Отсюда прислалъ онъ къ пану воеводѣ пространное письмо на Французскомъ языкѣ, въ которомъ описавъ свое горестное положеніе, свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ свѣтомъ о своихъ трудахъ для пользы католической вѣры въ Америкѣ, въ Индіи, въ Персіи, и просилъ пана воеводу, по возвращеніи въ отечество, извѣстить

1607. короля Испанскаго чрезъ папу, сколь важны могли быть слѣдствія его трудовъ для религіи. Доказательствомъ доброй души этого монаха служитъ заботливость объ освобожденіи молодаго Индѣйца, знатной и богатой фамиліи, который поѣхалъ съ нимъ къ Испанскому двору и попалъ въ ту же петлю. Въ благочестіи же его свидѣтельствуетъ непоколебимость въ вѣрѣ, среди всѣхъ мученій, которыми Русскіе старались принудить его къ отреченію отъ религіи Католической и къ принятію своихъ вздоровъ. [148] Вмѣстѣ съ письмомъ доставлена записка изъ Ростова отъ пана Андрея Стадницкаго, который увѣдомлялъ о возникшихъ въ Польшѣ раздорахъ между королемъ и панами. Эта вѣсть увеличила нашу грусть.

30 іюля найдены въ городѣ подкинутыя письма, съ увѣщаніемъ народу отъ имени войска не печалиться, а ожидать вскорѣ новаго царя и съ нимъ спокойствія. Подозрѣваемый въ семъ поступкѣ холопъ былъ замученъ. 14 числа присоединилось къ Шуйскому до 700 всадниковъ съ луками: это такіе рыцари, что полсотня отважныхъ гусаръ разсѣетъ въ прахъ весь отрядъ ихъ. 15 числа приставы навѣстили пана воеводу и между прочимъ сказывали о набожномъ путешествіи царя въ разные монастыри. Съ другой же стороны было слышно, что жители Серпухова, наскучивъ пребываніемъ Шуйскаго, зажгли нарочно городъ, и какъ во время пожара кромѣ другихъ вещей сгорѣло до 70 палатокъ, то Шуйскій принужденъ былъ выступить изъ Серпухова.

17 іюля панъ Янъ Березанскій, камеръ-юнкеръ воеводы, утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Которослѣ (намъ дозволяли купаться, подъ надзоромъ приставовъ): увлеченный быстротою воды на глубокое мѣсто, онъ поглощенъ волнами. Смерть его надѣлала много шума между приставами. Трупъ похоронили за городомъ вмѣстѣ съ тѣми Поляками, которые, наскучивъ долговременною неволею, бросались въ Волгу. Березанскій погибъ случайно; другой же Полякъ, слуга одного пана изъ числа бѣжавшихъ зимою, находясь подъ строгимъ карауломъ, никого изъ насъ не допускавшимъ къ

нему, принужденъ былъ умереть частію съ тоски, частію отъ 1607.
неимовѣрно скуднаго содержанія. Въ тотъ же день утонули двое Русскихъ. А между нашею братьею одинъ товарищъ перешибъ другому ногу саблею, въ шутку. 23 числа Михаилъ Венгерецъ спустился въ окно и бѣжалъ къ прежнему своему хозяину. Приставы были въ большихъ хлопотахъ, тщательно искали бѣглеца и скрытно развѣдывали объ немъ между нашими.

22 іюля переписаны имена тѣхъ, которые провожали покойнаго Березанскаго; у гроба было пять сторожей. 23 числа стрѣльцы обязались клятвенно не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. 24 дворъ нашъ огородили заборомъ въ три жерди, какъ у насъ огораживаютъ пажити: неизвѣстно, что побудило къ тому Русскихъ, извѣстіе ли о дошедшихъ до насъ письмахъ, или бѣгство предателя нашего Венгерца? И такъ надежда на скорую свободу исчезла, а печаль наша увеличилась. 28, мы узнали, что Шуйскій двадцать два раза приступалъ къ Тулѣ и потерялъ 20,000 войска; не смотря на то, поджидалъ изъ Новагорода и другихъ мѣстъ вспомогательныя войска, чтобы взять Тулу непремѣнно. Въ сей же день одинъ изъ нашихъ во время новолунія, по захожденіи солнца, увидѣлъ на небѣ мечъ и окровавленную метлу. Устрашенный такимъ явленіемъ, онъ прибѣжалъ домой, съ ужасомъ разсказывалъ намъ о видѣнномъ, и съ тѣхъ поръ рѣшился постричься въ монахи Бернардинскаго ордена. 29 числа усилили нашу стражу. Мы не могли узнать тому причины. Одни говорили, что Шуйскаго уже нѣтъ на свѣтѣ (но это ложь); другіе утверждали, что разнесся слухъ о доставленныхъ намъ 12 числа письмахъ. Повсюду разосланы лазутчики.

2 августа насъ увѣдомили о переправѣ чрезъ Волгу нѣсколькихъ тысячъ ратниковъ, возвратившихся изъ арміи. Намъ грозили большею опасностію, говоря, что Шуйскій въ случаѣ неудачи, по совѣту своихъ приверженцевъ, намѣренъ поморить всѣхъ насъ голодомъ. Но голодъ былъ намъ не новостью. 6 августа, всемогущій Богъ поразилъ всѣхъ насъ не малою скорбію, взявъ отъ насъ

1607. недостойныхъ, во славу свою, отца Венедикта Ансерына, изъ ордена св. Франциска, каплана Бернардиновъ. Сей благочестивый мужъ, бывъ въ Польшѣ провинціаломъ и коммиссаромъ Бернардинскихъ монастырей, въ томъ же званіи присланъ и въ Москву. Онъ скончался 62 лѣтъ, въ десятомъ часу, когда мы, по обыкновенію, были на вечерней службѣ и оканчивали молитву: «въ руцѣ твои» и проч. Неизъяснимая горесть овладѣла нами; мы плакали неутѣшно. Дѣти, потерявъ нѣжно любимаго отца, не могутъ плакать болѣе. Съ душевною горестью соединилась ужасная мысль, что мы лишились мужа, котораго молитвы, можетъ быть, доселѣ сохраняли насъ отъ неминуемой погибели. Мы съ трепетомъ ожидали великаго несчастія. Упокой, Господи, съ миромъ душу его!

11 августа скончался Симонъ Островскій, слуга Загорскаго, казначея пана старосты Саноцкаго. Его похоронили за городомъ, тамъ же, гдѣ и Березанскаго. За тѣломъ дозволено было итти только одному каплану и четыремъ товарищамъ, къ великому неудовольствію нашихъ. 12 числа стража весьма тщательно стерегла насъ. Стрѣльцы вторично присягали не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. Но мужику дать клятву все равно, что проглотить ягоду. Имъ велѣно строго наблюдать, чтобы никакія письма не доходили до насъ, и не вѣрить грамматамъ отъ имени Димитрія, котораго нѣтъ на свѣтѣ. Воевода Салтыковъ занялъ квартиру за рѣкою при въѣздѣ въ городъ, приказавъ своимъ людямъ осматривать каждаго проѣзжающаго изъ Москвы и провожать его или чрезъ городъ или чрезъ перевозъ, такъ чтобы никто не говорилъ съ нимъ, даже не зналъ о прибытіи его. Въ сей же день схватили одного изъ приставленныхъ къ намъ боярскихъ дѣтей и скованнаго отвезли въ Москву. Чѣмъ провинился онъ, мы не могли придумать, и только догадывались, что бѣжавшій отъ насъ Венгерецъ оклеветалъ его предъ царемъ въ Москвѣ или въ другомъ мѣстѣ.

13 числа носились разные слухи: 1) что Шуйскій возвратился въ Москву для обороны, не успѣвъ одолѣть мятежниковъ; но это

ложно; 2) что насъ вышлютъ изъ Ярославля, гдѣ намѣрены содер- 1607.
жать Малогоскаго, который былъ уже за рѣкою: и это вздоръ; 3) что насъ уморятъ голодомъ, въ отмщеніе Полякамъ, вторгнувшимся въ Россію и опустошившимъ окрестности Смоленска: такая же сказка. Вѣроятно вѣсти родились отъ того, что за рѣкою везли до 200 человѣкъ, думать надобно, Донскихъ казаковъ, которыхъ Русскіе считали Поляками. Наши вѣстовщики, сами ничего достовѣрнаго не зная, слушали небылицы и пересказывали ихъ намъ.

Октябрь. Помѣщаемъ здѣсь содержаніе письма, присланнаго вышеупомянутымъ капланомъ де-Мело: въ немъ описаны достовѣрно происшествія отъ 12 мая по день доставленія. «Войско царя Димитрія, бывшее близь Калуги, имѣло сраженіе съ войскомъ Шуйскаго; потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна: Димитрій лишился 6000, а Шуйскій 13.000 человѣкъ. Предводительствовалъ въ битвѣ Иванъ Болотниковъ, военный гетманъ Димитрія. Въ слѣдствіе кровопролитной битвы, многіе изъ сановниковъ Шуйскаго, какъ военныхъ, такъ и духовныхъ, передались на сторону побѣдителя, между прочими князь Долгорукій, князь Андрей Телятевскій и одинъ знатнѣйшій вельможа, управлявшій при Димитріи всѣми дѣлами въ государствѣ (имени его сказать не смѣю). [149] Послѣ того Болотниковъ имѣлъ съ Шуйскимъ и другія стычки, въ которыхъ всегда оставался побѣдителемъ. Раздраженные неудачею царя во всѣхъ предпріятіяхъ, пришли къ нему 10 знатнѣйшихъ бояръ, изобразили бѣдствія его правленія, невѣроятное кровопролитіе, опустошеніе государства, ропотъ всего народа, и въ заключеніе сказали, что одни явно ведутъ съ нимъ войну, другіе передаются непріятелю, третьи скрытно дѣйствуютъ за одно со врагами, вѣрные же престолу остаются при немъ не по любви или преданности, а въ надеждѣ спасти свои имущества и семейства, и избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ему самому и братьямъ его. Въ слѣдствіе сего, бояре уговаривали царя постричься въ монахи и передать престолъ тому, кого спра-

1607. ведливость возведетъ на него. Раздраженный такими словами, Шуйскій приказалъ заключить ихъ въ оковы, а имѣнія отобрать въ казну. Другіе, видя, что совѣтами и правдою ничего нельзя выиграть, начали тайно подкидывать письма, съ угрозами тирану и приверженцамъ его. Чтобы устранить очевидную опасность, Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени патріарха, своего родственника, опредѣленіе, въ которомъ, осыпая ругательствами царя Димитрія и опровергая право его на престолъ, съ гордостію называлъ его Гришкою Отрепьевымъ Разстригою, несправедливо присвоившимъ себѣ имя Димитрія, убіеннаго еще въ дѣтствѣ, по злому умыслу Бориса Годунова. Далѣе Шуйскій именемъ патріарха писалъ, какъ тѣло истиннаго царевича, съ великою честію перевезенное въ столицу и погребенное при всѣхъ, вмѣстѣ съ прахомъ предковъ, ознаменовано явными чудесами, исцѣленіемъ слѣпыхъ, хромыхъ и разслабленныхъ, то всякъ, не вѣрующій симъ чудесамъ, будетъ отлученъ отъ церкви, равно и тотъ, кто признаетъ Димитріемъ Разстригу, убитаго въ минувшемъ году въ Москвѣ, за коварное присвоеніе царскаго престола и за приверженность къ папѣ, главѣ Латинской вѣры. При семъ случаѣ помѣщены противъ католической религіи и служителей ея такія поносныя ругательства, что безъ оскорбленія стыдливаго слуха и сказать невозможно. Отлучены сверхъ того всѣ приверженцы и помощники втораго Лжедимитрія, а Болотниковъ и всѣ мятежники преданы проклятію. Обнародовавъ опредѣленіе, Шуйскій разослалъ по всему государству указы, призывая къ себѣ всѣхъ на помощь противъ непріятелей святой вѣры и угрожая смертною казнію ослушникамъ. Монастырскимъ людямъ, способнымъ владѣть оружіемъ, также велѣно ѣхать на войну, а всякую монастырскую живность везти въ столицу или къ войску. Даже всѣмъ монахамъ приказано быть въ готовности, по первому требованію, вооружиться за вѣру. Потомъ Шуйскій самъ выступилъ съ войскомъ и подъ Серпуховымъ далъ клятвенный обѣтъ возвратиться въ Москву только съ побѣдою, или положить свою голову

на мѣстѣ сраженія. Болотниковъ, узнавъ о силахъ его, немедленно 1607.
соединился съ Петрушкою, для лучшей безопасности перешелъ изъ Калуги въ Тулу, и снабдивъ этотъ крѣпкій городъ оружіемъ и съѣстными припасами на 6 лѣтъ, выступилъ противъ Шуйскаго сразился съ нимъ и одержалъ побѣду. Царь долженъ былъ отступить, но не хотѣлъ возвратиться въ Москву, какъ совѣтовали его приверженцы, стыдясь нарушить клятву и опасаясь новой бѣды въ столицѣ. Болотниковъ, предъ выходомъ изъ Калуги, освободилъ всѣхъ колодниковъ и взялъ съ нихъ присягу на вѣрность Димитрію. Шуйскій, за день до выѣзда изъ Москвы, велѣлъ заключить въ оковы Антонія и двухъ докторовъ, Давида и Криштофа; [150] для ободренія же своей стороны, забавлялъ Москву ложными извѣстіями о счастливыхъ успѣхахъ своего оружія, о пораженіи, разстройствѣ и безсиліи непріятеля: все это должно разумѣть наоборотъ».

Далѣе въ письмѣ упомянуто о пріѣхавшемъ изъ Польши въ Путивль капитанѣ Еліомагѣ, который сказывалъ, что Шуйскій побуждалъ Татаръ и Шведовъ къ войнѣ съ Польшею для развлеченія силъ ея, что сіи народы дѣйствительно вторглись въ Польскіе предѣлы, но безъ успѣха: Татары разсѣяны, а Шведы побиты на-голову. Это можетъ служить доказательствомъ, что Польша не помогала Димитрію овладѣть престоломъ. Въ заключеніи письма Николай де-Мело извѣщалъ о тайномъ свиданіи своемъ съ пріятелемъ пана воеводы, Московскимъ бояриномъ Ѳедоромъ Княжнинымъ. По словамъ боярина, во время отъѣзда его изъ Путивля, чему прошло 18 дней, царь Димитрій, имѣя до 9000 войска, писалъ къ Шуйскому, что при такихъ многочисленныхъ силахъ онъ могъ бы завоевать царство мечемъ, но, какъ законный наслѣдникъ, жалѣя кровь христіанскую, безъ пощады проливаемую, совѣтуетъ ему оставить престолъ добровольно, пока есть еще время, и поручить себя милосердію своего государя. Гонецъ, посланный съ сими письмами, заѣхавъ сперва въ Тулу, явился въ Москву и, при многочисленномъ собраніи бояръ и военныхъ людей, отдалъ четыре письма Шуйскому. Его отправили въ Путивль съ

1607. отвѣтами; а между тѣмъ до времени обѣ стороны остались въ покоѣ. Наконецъ Николай де-Мело пишетъ, ссылаясь на слова боярина, что вышеупомянутый капитанъ привелъ къ Димитрію 12.000 Татарскаго войска, и увѣдомляетъ о безмѣрной печали пана Андрея Стадницкаго, который безпрерывно горюетъ, не взирая на всѣ утѣшительныя вѣсти.

Податель этого письма вручилъ отъ себя пану воеводѣ записку, въ которой говорилъ, что не будь онъ Томасъ, если не живъ царь Димитрій. Самъ между тѣмъ скрылся и мы его болѣе не видали. Нашу стражу усилили нѣсколькими монастырскими служителями, съ приказаніемъ, какъ можно крѣпче смотрѣть за нами.

13 октября во всѣхъ церквахъ былъ колокольный звонъ. Одни говорили, что Шуйскій, взявъ въ плѣнъ Болотникова и Петрушку, возвратился въ Москву: въ самомъ дѣлѣ такого содержанія читали царскія грамоты всему народу, согнанному въ крѣпость. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Шуйскій въ очевидной опасности и проситъ народъ молиться Богу о спасеніи своей державы. Мы не вѣрили ни тому, ни другому.

1 ноября носились разные слухи. Всѣ утѣшали насъ близкою свободою. Каждый говорилъ, что на умъ взбрело: съ вралей пошлины не берутъ. 11 числа наши люди, поѣхавъ за водою, видѣли нѣсколько десятковъ бояръ, которые, возвращаясь изъ войска домой, переправлялись чрезъ рѣку. Одинъ изъ нихъ подскакалъ къ водовозу и хотѣлъ стегнуть его плетью, говоря: «вы, «блядины дѣти, съ своимъ Разстригою, столько надѣлали намъ «хлопотъ и столько пролили крови въ землѣ нашей!» Водовозъ отвѣчалъ, что онъ въ томъ не виноватъ. Однакожь бояринъ стегнулъ его плетью, сказавъ: «вотъ тебѣ на дорогу! Вы скоро «поѣдете отсюда. Разстрига съ ворами у чорта; и великій посолъ «вашъ отправляется».

14 числа пронесся слухъ, что царь однихъ воровъ перебилъ, а другихъ взялъ живьемъ; самъ же возвращается въ Москву,

велѣвъ своимъ занять мятежные города. 16 числа говорили о 1607.
новыхъ послахъ, о панѣ Конецпольскомъ и князѣ Островскомъ. [151]
Мы не вѣрили, ибо довольно наслушались разныхъ вздоровъ, и рѣшились поручить себя Божьему милосердію. 20 числа намъ объявлено: «Послы ваши дѣйствительно въ Москвѣ; но ни вамъ, «ни имъ не выѣхать изъ Россіи: ибо король вашъ строитъ ковы «нашему государю. Посолъ его въ Москвѣ, а на границѣ стоитъ «войско, готовое соединиться съ Разстригою, лишь только осво- «бодимъ съ вами воеводу. Но царь все предвидѣлъ и велѣлъ за- «держать какъ васъ, такъ и пословъ». Мы не хотѣли болѣе слушать, испытавъ неоднократно, какъ ложны подобныя вѣсти.

25 ноября доставлено намъ тайно письмо отъ одного изъ нашихъ товарищей, который содержался въ Ярославлѣ же, но въ другомъ домѣ, подъ особеннымъ карауломъ, за нѣкоторое дѣло. Получая вѣрнѣйшія свѣдѣнія, онъ писалъ обо всемъ, что могъ узнать, и между прочимъ увѣдомлялъ нашихъ пановъ о царѣ Димитріи такими словами: «Дай Богъ, чтобъ мнѣ также хорошо «было въ домѣ отца моего, какъ ему въ Путивлѣ. Въ этомъ не «сомнѣвайтесь!» 2 ноября Болотниковъ и Петрушка дѣйствительно были въ Москвѣ. Болотниковъ, сказываютъ, хотѣлъ поймать Шуйскаго въ сѣти, но не успѣлъ, и самъ остался въ тенетахъ, а войско его, заключивъ съ царемъ договоръ, вышло изъ Тулы. Получено сверхъ того извѣстіе, что прошло уже три недѣли, какъ посолъ нашъ пріѣхалъ въ Москву, но до сихъ поръ не можетъ получить аудіенціи и находится подъ крѣпкою стражею, такъ, что лишенъ всѣхъ средствъ видѣться и поговорить съ прежнимъ посломъ. Царя въ Москвѣ не было до 4 ноября. 5 числа Петрушка и Болотниковъ были уже въ оковахъ. Войскамъ снова велѣно собираться къ Николину дню. Это доказываетъ, что Димитрій живъ.

Декабря 1 числа. Снѣгъ покрылъ землю. Всемогущій Богъ дивнымъ попеченіемъ своего промысла доселѣ согрѣвалъ насъ. 3 числа наши водовозы, выѣхавъ рано за водою, видѣли на берегу

1607. рѣки между Русскими одного Поляка, который спрашивалъ нашихъ людей о панѣ воеводѣ и другихъ лицахъ; болѣе ничего сказать не могъ. Монахи отвели его въ сторону; на вопросы ихъ онъ отвѣчалъ громко, дабы наши могли слышать, что съ обѣихъ сторонъ, т. е. съ Русской и Польской, собрались несмѣтныя войска, какихъ доселѣ не бывало, и что еслибъ Русскіе не защищались крѣпостями, то никогда не одержали бы побѣды, ибо всѣ бѣгутъ стремглавъ при первомъ появленіи непріятеля. Мы не хотѣли тому вѣрить.

9 декабря насъ увѣдомили, что посолъ уже имѣлъ аудіенцію, и требовалъ у царя отвѣта, для чего онъ безъ всякой вины такъ долго держитъ въ неволѣ королевскаго посла, сенатора воеводу и многихъ другихъ знатныхъ особъ? Они пріѣхали въ Россію не грабить, не воевать, а привезли законному государю супругу, о которой онъ просилъ у короля и рѣчи посполитой, и желали заключить между обоими народами вѣчную дружбу. Царь и думные бояре отвѣчали, что воевода и другіе Поляки пріѣхали не къ истинному Русскому государю, а къ Разстригѣ, губителю отечества своего, получившему должное возмездіе. Посолъ сталъ доказывать право Димитрія на престолъ, утверждая свои доводы на томъ, что Русскіе сами признали его своимъ государемъ и короновали. «Какъ бы то ни было» сказалъ посолъ, «вы покрыли себя стыдомъ и безславіемъ предъ всѣмъ свѣтомъ: И если ты», продолжалъ онъ, обращаясь къ царю, «не отправишь нынѣ же всѣхъ Поляковъ въ отечество, и притомъ не оборванными, какъ прежде ты выпустилъ другихъ, то государь мой приказалъ отдать тебѣ сей мечь и объявить войну». Царь, взявъ мечь, велѣлъ посла задержать, приставивъ къ нему крѣпкую стражу, а своего посла отправилъ въ Польшу. [152]

ГЛАВА III.

Путешествіе пословъ въ Москву. Неудовольствія. Грубое письмо Власьева. Въѣздъ пословъ въ Москву. Вшествіе Марины. Аудіенція. Жаркій споръ о титулѣ цесарскомъ. Предложеніе о войнѣ съ Турками. Дары. Описаніе коронаціи. Высокомѣріе Димитрія. Споры о мѣстѣ за столомъ. Посредничество воеводы Сендомирскаго. Свадебный пиръ. Частная аудіенція въ покояхъ царицы. Переговоры о войнѣ Турецкой. Признаки мятежа. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Опасность Марины. Убіеніе Поляковъ. Избраніе Шуйскаго. Списокъ плѣнныхъ и убитыхъ Поляковъ. Переговоры съ боярами. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Послы оправдываютъ Поляковъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи.

1606.

Апрѣля 25, во вторникъ, выѣхавъ изъ Орши, послы ночевали въ Домбровнѣ, въ 4 миляхъ отъ Орши. 26 въ среду изъ Домбровны пріѣхали въ Баёвъ; дорога дурная; идетъ лѣсомъ, всего шесть миль. Покормивъ лошадей въ Баёвѣ, мы переступили границу и остановились ночевать въ селеніи св. Николая, откуда 27 числа прибыли въ Дѣдово, въ 9 миляхъ. Дорога по мѣстамъ лѣсистая и дурная. 28 пріѣхали въ Лубны въ 2 миляхъ отъ Дѣдова. На дорогѣ встрѣтилъ пана старосту Московскій дворянинъ Лаврентій Рѳдіоновичъ съ нѣсколькими всадниками и сказалъ слѣдующее: «Бояринъ, воевода и намѣстникъ Смоленскій, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ съ товарищемъ, по царскому повелѣнію, выслалъ за границу людей для встрѣчи васъ, великихъ пословъ Сигизмунда III, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. Они возвратились въ Смоленскъ, проводивъ посланныхъ паномъ Николаемъ Олесницкимъ, каштеляномъ Малогоскимъ. А тебѣ, панъ Александръ, не было встрѣчи для того, что въ то время ты еще не пріѣхалъ съ товарищемъ своимъ за границу, какъ о томъ писалъ къ Смоленскому воеводѣ староста Оршинскій». Сказавъ сіе, дворянинъ поскакалъ подлѣ кареты его вельможности и провожалъ ее до самыхъ Лубнъ. Тутъ нагнала пана старосту свита изъ Варшавы.

29 въ субботу, проѣхавъ отъ Лубнъ двѣ мили по хорошей дорогѣ, мы переправились чрезъ рѣку и вступили въ Смоленскъ.

1606. Нѣсколько Русскихъ всадниковъ провожали насъ до квартиры, отведенной въ городѣ. Намъ не дали ни одной бѣлой избы, даже и пану Малогоскому. Русскіе, по обычаю своему, торговались съ нимъ, продавая съѣстные припасы: для обоихъ пословъ такъ мало отпускалось жизненныхъ потребностей, что и одному было недостаточно; надобно было еще покупать на чистыя деньги. Овса и сѣна не давали вовсе: мы принуждены были сами искать лошадямъ корма, чтобы не изнурить ихъ голодомъ. 30 апрѣля въ день свѣтлаго Христова Воскресенья, по Русскому календарю, былъ у его милости приставъ Иванъ Борисовичъ Мокшеевъ. За издержки намъ не заплатили и подводъ не дали: и такъ мы, взявъ только самыя необходимыя вещи, отправились на Оршинскихъ подводахъ въ Пнёвъ, разстояніемъ въ 8 миляхъ отъ Смоленска. Чрезъ нѣсколько часовъ прислали къ его милости оставленныя въ Смоленскѣ вещи. Въ Пнёвѣ дали намъ только овса и сѣна; съѣстныхъ припасовъ не отпустили.

Мая 1, въ понедѣльникъ, мы въѣхали въ Дорогобужъ, въ 10 миляхъ отъ Пнёва. Дорога была изрядная; только частые мосты безпокоили насъ. Въ двухъ миляхъ за Пнёвомъ перевозъ чрезъ Днѣпръ. Разлитіе рѣки принудило насъ промедлить нѣсколько часовъ; до ночлега оставалось еще довольно далеко. На половинѣ пути послы захотѣли ѣсть; у насъ не чѣмъ было утолить ихъ голодъ, потому, что съѣстныхъ припасовъ не отпускалось въ достаточномъ количествѣ. Послы рады были купить; но негдѣ. И такъ надлежало брать, что давали. Впрочемъ панъ Малогоскій и панъ староста не хотѣли взять присланныхъ имъ телятъ, потому, что они было слишкомъ тощи. Для пана старосты Велижскаго отпускался слѣдующій кормъ на 150 человѣкъ и на такое же число лошадей: 150 ржаныхъ хлѣбовъ, 10 куръ, 2 гуся, 2 утки, 3 зайца, 3 тетерева, 3 куска солонины, полчетверти крупъ, полпуда меду, ведро сметаны, полпуда соли, полтора ведра уксуса, ведро патоки, кружка меду малиноваго; 15 четвертей овса, 15 ношъ сѣна, 8 ношъ соломы и 30 подводъ; въ постный день нѣсколько

свѣжихъ щукъ и разнаго рода рыбы; четыре съ половиною лосося; блюдо паюсной икры, блюдо икры свѣжепросольной. Для челяди: 50 ведръ меду, 56 ведръ пива, по кружкѣ вина и водки, и немного кореньевъ. 2 мая во вторникъ лошади посольскія отдыхали въ Дорогобужѣ. 1606.

3 мая изъ Дорогобужа мы пріѣхали на ночлегъ въ Колпитъ. На 6 миляхъ, мы насчитали 45 мостовъ. 4 числа остановились ночевать въ Вязьмѣ, переѣхавъ 8 миль. На дорогѣ было 95 мостовъ. 5 числа въ пятницу ночевали въ Заезерьѣ, въ 8 миляхъ отъ Вязьмы. Дорога мѣстами покойна; индѣ тряско, особливо лѣсомъ. 6 числа прибыли въ Доброе, въ 6 миляхъ отъ Заезерья. Дорога не слишкомъ хороша. 7 числа изъ Добраго въ Можайскъ 10 миль. Приставъ убѣждалъ пословъ остановиться въ томъ селеніи, гдѣ обыкновенно останавливаются послы, потому, что въ городѣ много пьянаго народа, и не обойдется безъ драки. Ихъ высокомочія не согласились, сказавъ въ отвѣтъ, что люди ихъ должны же ходить въ городъ для покупки съѣстныхъ припасовъ на выдаваемыя, вмѣсто полной провизіи, деньги. Приставъ просилъ по крайней мѣрѣ запретить посольской челяди шататься по городу; въ чемъ ихъ высокомочія не прекословили и подъ смертною казнію запретили своимъ людямъ отлучаться изъ квартиры. Между тѣмъ гайдукъ пана Малогоскаго, получившій деньги на покупку разной провизіи, пошелъ самъ-другъ въ кабакъ за пивомъ для себя и для другихъ. Но какъ цѣловальникъ не хотѣлъ брать Литовскихъ денегъ, то вышла ссора: гайдуковъ стали бить; одного изъ нихъ подняли на ножахъ, такъ что онъ тутъ же упалъ на землю; его связали и хотѣли утопить. Другой едва убѣжалъ, чтобы извѣстить пана Малогоскаго. Его высокомочіе тотчасъ послалъ гайдука отыскать, а челяди велѣлъ собраться, опасаясь всеобщаго бунта. Затрубили тревогу. Призвали пристава, объяснили ему все, какъ было, сказали свое мнѣніе и требовали расправы. Приставъ отложилъ дѣло до слѣдующаго дня.

8 мая, въ понедѣльникъ приставъ принесъ его высокомочію

1606. пану старостѣ Велижскому письмо отъ бывшаго недавно въ Польшѣ посломъ Аѳанасія Власьева, слѣдующаго содержанія: «Всепре-
«свѣтлѣйшаго, непобѣдимаго самодержца и великаго государя Ди-
«митрія Іоанновича, Божіею милостію цесаря всея Россіи, Татар-
«скихъ царствъ и другихъ многихъ государствъ, Московской дер-
«жавѣ подвластныхъ, государя, царя и самодержца, отъ его цар-
«скаго величества казначея и думнаго дьяка Аѳанасія Ивановича
«Власьева, Александру Корвину Гонсѣвскому, секретарю и дворя-
«нину его королевскаго величества. Приказные люди его цесарска-
«го величества и приставъ нашъ, посланный по цесарскому пове-
«лѣнію къ Смоленскому воеводѣ князю Ивану Семеновичу Кураки-
«ну съ указомъ давать кормъ вамъ, всѣмъ вашимъ людямъ и ло-
«шадямъ, по объявленному тобою числу, донесли мнѣ, что при
«тебѣ находится людей и лошадей болѣе опредѣленнаго числа
«(отъ чего и недостаетъ отпускаемаго корма), и что ты всего тре-
«буешь втрое и вчетверо, желая обогатить тѣмъ самаго послѣдня-
«го холопа. Я не могу надивиться твоему поступку. Извѣстна
«тебѣ взаимная дружба и любовь, существующая между нашими
«государями, между великимъ государемъ цесаремъ, великимъ
«княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и Сигизмундомъ королемъ
«Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ. Мы, подданные, не
«должны терять изъ виду сего союза. Долгъ требуетъ отъ насъ
«поведенія пристойнаго и ревности къ пользѣ государя. Ты, Алек-
«сандръ, болѣе всѣхъ другихъ былъ обязанъ поступать осторожно:
«ибо тебѣ его цесарское величество явилъ такую милость, какой
«не удостоенъ въ Москвѣ еще ни одинъ изъ важнѣйшихъ пословъ.
«Забывъ все сіе, ты позволилъ себѣ многіе неприличные поступ-
«ки и склонилъ на оные старшаго товарища своего. Предупреж-
«дая разрывъ братской любви и дружбы, существующей между
«нашими великими государями, я прошу тебя не дѣлать впредь
«никакого безчинія. Въ противномъ случаѣ, я донесу его цесар-
«скому величеству, и тебѣ будетъ стыдно. Напоминаю тебѣ о
«тѣхъ царскихъ милостяхъ, коихъ, кромѣ тебя, едва ли кто удо-

«стоивался, напоминаю съ тѣмъ, чтобы забвеніемъ ихъ ты не нав- 1606.
«лекъ на себя справедливаго гнѣва его господарскаго величества.
«Писано при державѣ великаго государя въ царствующемъ градѣ
«Москвѣ, 1606 года, мая 4 дня».

Ихъ высокомочія, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, отвѣчали Власьеву слѣдующимъ образомъ: «Всепресвѣтлѣйшаго, вели«каго государя Сигизмунда III, Божіею милостію короля Польска«го, великаго князя Литовскаго, Русскаго, Прусскаго, Жмудскаго, «Мазовецкаго, Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Подляшскаго, «Лифляндскаго, Эстляндскаго и другихъ, наслѣднаго короля Швед«скаго, Готѳскаго, Вандальскаго и проч., отъ посла, секретаря, «дворянина, старосты Велижскаго, владѣтеля Конюховскаго, Аѳа«насію Ивановичу Власьеву казначею и писарю царскому. При«ставъ Иванъ Мокшеевъ доставилъ мнѣ сегодня твое письмо, въ «коемъ пишешь, что приказные люди и приставъ нашъ извѣстили «тебя, будто бы бояринъ и воевода князь Иванъ Куракинъ съ то«варищемъ велѣлъ выдать намъ, посламъ, кормъ на то число лю«дей и лошадей, которое самъ я объявилъ тебѣ. На сіе отвѣт«ствую: пріѣхавъ въ Смоленскъ съ товарищемъ моимъ, ясневель«можнымъ паномъ Николаемъ Олесницкимъ, каштеляномъ Мало«госкимъ, я немедленно отдалъ, по прежнему обыкновенію, при«ставу реэстръ, въ которомъ показалъ, сколько при мнѣ находит«ся людей и лошадей: ни болѣе, ни менѣе. По пріѣздѣ нашемъ въ «Москву, ты узнаешь, справедливо ли объявленное мною число «людей, составляющихъ мою свиту. Приказные люди и приставъ «донесли тебѣ неосновательно. Въ самомъ Смоленскѣ намъ не вы«дали корму въ полномъ количествѣ, такъ, что его было для насъ «весьма недостаточно. Я просилъ пристава доложить о томъ вое«водѣ, и въ отвѣтъ получилъ другой реэстръ. Мы были бы совер«шенно довольны, если бы намъ отпускали кормъ вполнѣ, согла«сно съ даннымъ тобою реэстромъ: мы не требуемъ ничего из«лишняго и просимъ только необходимаго.

«Наблюдая это, мы выѣхали немедленно изъ Смоленска въ

1606. «Пнёвъ, гдѣ дали намъ только сѣна и овса, болѣе ничего: съѣст-«ные припасы мы купили на собственныя деньги. Въ Дорогобужѣ «мы взяли все, что намъ выдали по Смоленскому реэстру, кромѣ «тощихъ телятъ, вовсе негодныхъ для нашей кухни. Увидѣвъ ихъ, «ты самъ удивился бы, чѣмъ насъ кормятъ; при всемъ томъ мы «не обнаружили своего негодованія. Тебѣ извѣстна братская лю-«бовь и пріязнь государя моего къ твоему господарю: въ королев-«скихъ владѣніяхъ не только тебя, но и людей твоихъ довольство-«вали наилучшимъ образомъ, даже неоднократно до пріѣзда твое-«го все было готово для тебя въ Краковѣ. Я говорилъ товарищу сво-«ему, что въ недостаткѣ корма должно винить не его господарское ве-«личество, а Смоленскаго воеводу и приказныхъ людей; приставу «же говорили, что намъ мало выдаютъ съѣстныхъ припасовъ, и «что онъ долженъ представить о томъ боярамъ въ Москву, откуда мы «съ часу на часъ ожидали удовлетворенія, какъ то и прежде бывало.

«Не удивляюсь твоему письму: тебѣ неправильно донесли; для «того-то я пишу такъ пространно. Когда же Богъ дастъ намъ уви-«дѣться въ Москвѣ, ты самъ узнаешь, много ли со мною людей и «сколько чего намъ даютъ. Ни на что не похоже подозрѣніе твое, «будто мы хотимъ отъ вашего корма наживаться: тебѣ извѣстны «прежніе обычаи. Странно также, что мнѣ, королевскому послу, «ты грозишь своимъ государемъ: для насъ и для всякаго другаго, «кромѣ тебя, удивительно, какъ можетъ гнѣваться твой всепре-«свѣтлѣйшій господарь на великихъ пословъ королевскихъ и тѣмъ «болѣе не понятно, какъ могло это притти тебѣ въ голову. Мнѣ «грозить господаремъ! Ему не прилично гнѣваться на великихъ го-«сударей христіанскихъ, своихъ братьевъ, и тѣмъ менѣе на ихъ по-«словъ. Не грози мнѣ своимъ гнѣвомъ: ты говоришь не съ Алексан-«дромъ, а съ его королевскимъ величествомъ, государемъ моимъ. «Слова твои странны и неблагоразумны. Ты, кажется, не обдумалъ «ихъ, иначе не писалъ бы къ посламъ такихъ упрековъ, которые «оскорбляютъ его королевское величество и грозятъ разрывомъ «взаимной дружбѣ».

8 мая мы отдыхали въ Можайскѣ. 9 во вторникъ выѣхавъ на 1606.
разсвѣтѣ, чтобы ночевать въ Кубинскѣ въ 8 миляхъ отъ Можайска, еще до полудня прибыли въ великую Волгу,[153] въ 4 миляхъ отъ него. Мы не хотѣли имѣть ночлега въ этомъ мѣстѣ, гдѣ было нѣсколько избъ, но приставы объявили, что на это есть царское повелѣніе. 10 мая мы прибыли въ Вязёму, въ 8 миляхъ отъ Волги. Наканунѣ нашего пріѣзда, царица Московская выѣхала изъ Вязёмы. Незагашенный по отъѣздѣ ея огонь, какъ сказывали намъ Русскіе, былъ причиною пожара, который обратилъ въ пепелъ 30 дворовъ. Въ Вязёмѣ есть каменная церковь; ограда ея, съ шестью острыми деревянными башнями, похожа на крѣпость. Послы хотѣли войти въ монастырь; но ихъ не впустили. 11 мая въ четвертокъ приставъ объявилъ царскій указъ, чтобъ послы ѣхали. Мы отправились въ Мамоново въ 3 миляхъ отъ Вязёмы, хорошею дорогою, между полями и кустарниками. 12 числа мы поѣхали въ Москву, до коей отъ Мамонова только три мили.

На половинѣ пути, царица остановилась въ полѣ, въ шатрахъ, большихъ и красивыхъ, расположенныхъ въ видѣ городка. Она простояла тамъ двое сутокъ, окруженная множествомъ Москвитянъ и Поляковъ, которыхъ мы видѣли, проѣзжая мимо. За милю отъ столицы мы сѣли на лошадей и до самаго города ѣхали верхомъ между ротами пана воеводы Сендомирскаго, разставленными по обѣимъ сторонамъ. Изъ Русскихъ, одни скакали на красивыхъ лошадяхъ, другіе стояли рядами. Близь моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ которыхъ царица останавливалась и принимала поздравленія думныхъ бояръ, или сенаторовъ, привѣтствовавшихъ ее именемъ своего государя. Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за поводья. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для царицы. За мостомъ стояли въ два ряда 700 Русскихъ всадниковъ, всѣ въ парчевой одеждѣ.

1606. Насъ встрѣтили два Москвича, князь Григорій Константиновичъ Волконскій и Андрей Яворовичъ дьякъ. Князь Григорій сказалъ посламъ слѣдующее привѣтствіе: «Всепресвѣтлѣйшій, непо«бѣдимый самодержецъ, великій государь, Димитрій Ивановичъ, «Божіею милостію цесарь, великій князь всея Россіи и многихъ «Татарскихъ царствъ обладатель, повелѣлъ: васъ пословъ его ко«ролевскаго величества, всепресвѣтлѣйшаго, великаго государя «Сигизмунда III, короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, «Русскаго, Прусскаго, Жмудскаго, Мазовецкаго и иныхъ, встрѣ«тить, спросить о вашемъ здоровье и быть при васъ приставами». Ихъ высокомочія, давъ приличный отвѣтъ на привѣтствіе, отправились на посольскій дворъ, гдѣ послы обыкновенно останавливаются.

Въѣздъ царицы въ Москву. При входѣ въ крѣпость, на лѣвой сторонѣ стояли оруженосцы; подлѣ нихъ Турки, Арабы и Персы, съ приготовленными для всадниковъ лошадьми. За ними у воротъ были два полка жолнеровъ. Вшествіе происходило такимъ образомъ: впереди ѣхали царскіе дворяне, боярскіе дѣти, паны Мнишки младшіе (старосты Красноставскій, Львовскій и Саноцкій), три брата Стадницкихъ Мартинъ, Андрей и Георгій, панъ подстолій Нѣмоевскій, паны Лаврыны, князь Вишневецкій, панъ Любомирскій и многіе другіе. За ними его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій, съ арабомъ пышно одѣтымъ по-персидски; наконецъ царица: она сидѣла въ вышеупомянутой каретѣ, запряженной чубарыми лошадьми; [154] каждую изъ нихъ велъ особенный конюхъ. Въ каретѣ противъ царицы сидѣла ея милость панья, старостина Сохачевская. По обѣимъ сторонамъ шли аллебардщики, а у самой кареты шесть лакеевъ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. При выѣздѣ въ крѣпость, на воротахъ загремѣла музыка. [155] За каретою, въ которой сидѣла царица, слѣдовала ея собственная, запряженная восмью бѣлыми лошадьми и обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею; въ ней стояли четыре стула, покрытые также красною парчею, съ

богатою золотою оправою. Кучера были въ красныхъ атласныхъ 1606.
жупанахъ и ферезяхъ; а лошади въ красныхъ бархатныхъ шорахъ. Въ этой каретѣ никого не было. Въ третьей каретѣ, запряженной восмью бѣлыми лошадьми, съ красными бархатными шорами, оправленными серебромъ съ позолотою, сидѣли княжна Косырская, панья Тарлова хоронжина, панья Гербуртова, панья Казановская. Возницы ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ атласныхъ ферезяхъ. За госпожами ѣхали двѣ паньи въ раззолоченной линѣйкѣ рѣзной работы, внутри обитой краснымъ бархатомъ, съ золотою бахрамою, въ шесть чубарыхъ лошадей, съ бархатными зелеными шорами; возницы были въ зеленомъ атласномъ платьѣ. Въ другой линѣйкѣ, обитой чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, въ шесть карихъ лошадей, коими правили возницы въ черныхъ камчатныхъ ферезяхъ, сидѣли комнатныя паньи воеводши. За ними ѣхало еще нѣсколько каретъ съ старыми паньями и каммерфрейлинами.

При входѣ въ крѣпость, на правой сторонѣ есть церковь Вознесенія Господня, при которой недавно построенъ деревянный монастырь для Димитріевой матери: царица вышла изъ кареты въ монастырь и жила въ немъ съ царскою матерью пять дней. Димитрій посѣщалъ ее нѣсколько разъ. Здѣсь царица должна была забыть свою набожность: ибо не только въ будни, но и въ праздники не допускали къ ней каплана для совершенія литургіи; навѣщать родителя также не дозволяли. Однѣ только каммерфрейлины могли ходить для слушанія богослуженія на квартиру паньи старостины Сохачевской. Его свѣтлости пану воеводѣ Сендомирскому отвели дворецъ Бориса Годунова, построенный въ крѣпости. Другихъ пановъ разставили въ городѣ по разнымъ мѣстамъ.

Тогожъ дня вечеромъ Иванъ Грамотинъ объявилъ ихъ высокомочіямъ посламъ, что завтре они должны быть у руки его царскаго величества; для чего просилъ означить на бумагѣ, кто именно будетъ привѣтствовать государя, и какіе поднесутъ они подарки. Послы, составивъ списокъ, отдали его Грамотину.

1606. 13 мая послы были на аудіенціи. Отъ самой квартиры своей до крѣпости они ѣхали между двумя рядами вооруженныхъ стрѣльцовъ; въ крѣпости слѣзли съ лошадей въ назначенномъ мѣстѣ и шли пѣшкомъ между аллебардщиками и тремя сотнями Лифляндскихъ Нѣмцевъ, у которыхъ капитаномъ былъ Французъ Маржеретъ. Не доходя до дверей аудіенцъ-залы, послы встрѣтили пана воеводу Сендомирскаго, который вышелъ къ нимъ отъ царя, чтобы переговорить съ ихъ высокомочіями о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Узнавъ о несогласіи Димитрія принять королевское письмо, послы просили пана воеводу убѣдить царя взять его. Его свѣтлость, давъ слово отвратить зло, удалился; а мы продолжали шествіе. Встрѣченные въ сѣняхъ Григоріемъ Ивановичемъ Микулинымъ окольничимъ съ товарищемъ, послы вступили въ залу.

На высокомъ вызолоченномъ, серебряномъ тронѣ, къ коему вели четыре ступени, сидѣлъ царь, съ золотою на груди цѣпью, съ скиптромъ въ рукѣ, въ богатой бѣлой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. По сторонамъ его стояли шестеро Русскихъ: четверо съ сѣкирами, обращенными остріемъ къ верху; пятой съ обнаженнымъ мечемъ; а шестой съ державою, которую иногда подавалъ царю и принималъ отъ него скипетръ. По лѣвую руку царя въ отдаленіи сидѣли думные бояре; по правую, подлѣ трона, сидѣлъ патріархъ съ крестомъ въ рукѣ. На той же сторонѣ находилось и прочее духовенство, только вдали; далѣе Русскіе дворяне, изъ которыхъ одни сидѣли на скамьяхъ, а другіе стояли. Пословъ посадили противъ царя, вдали отъ трона, почти на срединѣ палаты; многочисленная свита стала за ними. Вся аудіенцъ-зала обита была разными коврами. Панъ воевода Сендомирскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, противъ пословъ.

Окольничій Микулинъ, ставъ подлѣ ихъ высокомочій, сказалъ господарю: «Всепресвѣтлѣйшій и могущественнѣйшій самодержецъ, «великій государь Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію великій «цесарь, князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ царствъ и госу«дарствъ, Московской державѣ подвластныхъ, государь, царь и

«обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и великаго государя Сигизмунда 1606.
«третьяго, Божіею милостію короля Польскаго, великаго князя
«Литовскаго, послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣв-
«скій бьютъ челомъ у престола вашего царскаго величества».

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее:
«Всепресвѣтлѣйшій, великій государь Сигизмундъ третій, Божіею
«милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Прусскій,
«Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лиф-
«ляндскій и иныхъ земель, благоволилъ послать насъ, пословъ
«своихъ, меня, Николая Олесницкаго изъ Олесницы, каштеляна
«Малогоскаго, и пана Александра Корвина Гонсѣвскаго, секретаря
«и дворянина своего, старосту Велижскаго, помѣщика Конюхов-
«скаго, съ тѣмъ, чтобы именемъ его королевскаго величества, все-
«милостивѣйшаго государя нашего, вашему господарскому величе-
«ству, Божіею милостію всепресвѣтлѣйшему, великому государю
«Димитрію Іоанновичу, князю всея Россіи, Владимірскому, Мос-
«ковскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псков-
«скому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгар-
«скому, и другихъ многихъ земель царю, отдать братскій поклонъ,
«освѣдомиться о здравіи вашего господарскаго величества, поздра-
«вить васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій
«престолъ и засвидѣтельствовать вашему господарскому величе-
«ству братскую любовь его королевскаго величества».[156]

Въ продолженіе рѣчи, я пристально смотрѣлъ на царя, чтобы видѣть собственными глазами, какъ онъ приметъ посольство. Когда панъ Малогоскій произнесъ слово *князь*, не упомянувъ титула цесарскаго, Димитрій всталъ съ мѣста, поднялъ очи вверхъ и, подозвавъ одного сенатора, велѣлъ снять съ себя корону, намѣреваясь самъ говорить съ послами. По окончаніи рѣчи, панъ Малогоскій вручилъ письмо Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ царю надпись; и какъ въ ней не было ни слова о цесарскомъ титулѣ, то Димитрій далъ Аѳанасію наставленіе, какъ должно отвѣчать. Власьевъ подошелъ къ посламъ и сказалъ слѣдующее:

1606. «Николай и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непо-«бѣдимому и великому самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Си-«гизмунда короля Польскаго и великаго князя Литовскаго письмо, «въ которомъ нѣтъ титула цесарскаго величества. Оно писано къ «нѣкоторому князю всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть це-«сарь въ своихъ преславныхъ государствахъ. И такъ возьмите «письмо обратно и отвезите къ своему государю».

Панъ Малогоскій возразилъ: «Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ «которымъ вручили мы Аѳанасію Ивановичу письмо его королев-«скаго величества, пріемлемъ его обратно, чтобы возвратить госу-«дарю нашему, когда ваше господарское величество гнушается «имъ. Изъ всѣхъ государей христіанскихъ только ваше царское «величество не признаетъ древняго титула его королевскаго вели-«чества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ его коро-«левское величество и всю рѣчь посполитую. Возсѣвъ на тронъ «дивнымъ Божіимъ промысломъ, по милости его величества ко-«роля, при помощи народа Польскаго, ваше господарское величе-«ство скоро забыли это благодѣяніе! И не только его королевское «величество, государь нашъ, вся рѣчь посполитая, мы послы ея, «но и всѣ сіи знаменитые Поляки, стоящіе предъ очами вашего «господарскаго величества, оскорблены униженіемъ достоинства «нашего государя и рѣчи посполитой. И такъ мы не можемъ ис-«полнить королевскихъ порученій, о которыхъ ваше господарское «величество узнали бы изъ письма, вами отвергнутаго. Просимъ «дозволенія возвратиться на квартиру».

На эту рѣчь отвѣтствовалъ самъ царь: «Необыкновенное и не-«слыханное дѣло, чтобы монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили съ «послами; но король Польскій, опуская наши титулы, принуж-«даетъ насъ къ тому. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Велиж-«скаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ споривша о на-«шихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не «только царь, но также императоръ въ своихъ обширныхъ владѣ-«ніяхъ. Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его

«не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по 1606.
«всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монар-
«хи, ни самые цесари Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ пра-
«ва и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ
«княжескимъ и господарскимъ: ибо не только князья и господари,
«но, Божіею милостію, и короли состоятъ подъ скиптромъ на-
«шимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полноч-
«ныхъ; никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ.
«Къ тому же всѣ государи признаютъ насъ императоромъ: одинъ
«король Польскій на то не соглашается».

Посолъ возразилъ: «Ваша всепресвѣтлѣйшая господарская ми-
«лость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное дѣ-
«ло монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ послами: точно
«такъ; столь же необыкновенно, чтобъ послы осмѣливались гово-
«рить о томъ, чего не предписано имъ въ инструкціи; но какъ
«ваше господарское величество сами къ тому принуждаете меня:
«то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи
«рѣчи вашему господарскому величеству, однакожъ, какъ Полякъ,
«человѣкъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. Вспомни-
«те, ваше господарское величество! или прикажите справиться въ
«коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей Московской,
«даже спросите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, какой титулъ
«употребляли предки вашего господарскаго величества, всепресвѣт-
«лѣйшіе короли, государи наши, никогда не приписывали имъ цесар-
«скаго титула, который ваше господарское величество неправиль-
«но себѣ присвояете. Предки ваши никакого цесарства подъ свою
«державу не покорили, и употребляли тотъ самый титулъ, ко-
«торый признаетъ чрезъ насъ его королевское величество, все-
«пресвѣтлѣйшій и непобѣдимый государь. Развѣ иначе писывалъ
«къ вамъ король Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ вла-
«дѣніяхъ ваше всепресвѣтлѣйшее господарское величество, съ
«усерднымъ желаніемъ помогалъ вамъ отыскивать корону праро-
«дительскую? И теперь, оставаясь въ прежней искренней пріязни,

1606. «не тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее вашему всепресвѣтлѣйшему го-«сподарскому величеству, когда вы видите свидѣтельство ея не «въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ «всякому очевидно, какъ вы платите за все то его королевскому «величеству! Скоро забыли ваше пресвѣтлѣйшее господарское ве-«личество, что на сей престолъ *(указавъ на него рукою)* вы «взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіею, по милости его «королевскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего, «съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь «свою за ваше всепресвѣтлѣйшее господарское величество! Вы «платите вмѣсто благодарности неблагодарностію, вмѣсто пріязни «непріязнію; доброе расположеніе и дружелюбіе его величества «государя нашего пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію «крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ «таковой его королевскому величеству обидѣ, мы свидѣтельствуем-«ся предъ вами, всепресвѣтлѣйшій господарь! самимъ Богомъ и сими «думными боярами, что не король Польскій, государь нашъ, а ваше «господарское величество разрываете дружбу съ его величествомъ «и рѣчью посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ симъ «къ нашему государю, и просимъ проводить насъ на квартиру».

Царь: «Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ «бы ихъ на бумагѣ, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ, «когда велимъ нашимъ думнымъ боярамъ вступить съ вами въ «переговоры. Король же, умалчивая употребляемый нами титулъ, «оскорбляетъ не только насъ, но самого Бога и все христіанство. «Если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ, вы «вѣрно не отвѣчали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу при-«нять письма, потому, что въ надписи его нѣтъ моего полнаго «титула. Мы обѣщали королю быть для него братомъ и такимъ «другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла корона Польская; а те-«перь мы должны остерегаться короля болѣе, чѣмъ самаго не-«пріязненнаго изъ невѣрныхъ государей. Знаю, что нѣкоторые изъ «вашихъ единоземцевъ убѣждаютъ его величество короля не приз-

«навать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ 1606.
«обширные споры».

Панъ Малогоскій: «Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать «разговоровъ съ вашимъ господарскимъ величествомъ. Вы обѣ- «щали повелѣть думнымъ боярамъ переговорить съ нами о своемъ «титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, «вмѣстѣ съ другими порученіями его королевскаго величества».

Мы хотѣли итти; но господарь сказалъ его высокомочію: «Панъ Малогоскій! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко «мнѣ привязанность и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу «принять васъ въ государствѣ моемъ не какъ посла, а какъ прія- «теля моего. Подойдите къ рукѣ нашей». Димитрій протянулъ руку, чтобы посолъ поцѣловалъ ее.

Панъ Малогоскій отвѣчалъ: «Всепресвѣтлѣйшій, великій госпо- «дарь! нижайше благодарю за милость, которую ваше господар- «ское величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете «меня не посломъ, то я не могу ею пользоваться, и прошу ваше «господарское величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осы- «панный милостями вашего господарскаго величества, я старался «доказать вамъ въ Польшѣ свою доброжелательную услужливость: «да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и «вѣрность его королевскому величеству».

Царь повторилъ свои слова; а панъ Малогоскій только поклонился и не хотѣлъ подойти къ рукѣ, говоря, что не можетъ исполнить царскаго желанія. Наконецъ Димитрій сказалъ: «Подой- «ди, вельможный панъ, какъ посолъ!» «Подойду», возразилъ Малогоскій, «если ваше господарское величество возметъ письмо «королевское». «Возму» отвѣчалъ царь. Тогда оба посла поцѣло- вали его руку.

Царскій дьякъ принялъ письмо и прочиталъ предъ тропомъ, стоя нѣсколько поодаль отъ него; потомъ, по царскому наставле- нію, сказалъ посламъ: «Хотя королевскаго письма безъ цесарскаго «титула принимать не слѣдовало бы; однакожъ его цесарское

1606. «величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опу-
«щеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ письмо и васъ, пословъ
«короля Польскаго. По возвращеніи же къ государю своему, вы
«должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ
«писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго титула цесарскаго. Его
«цесарское величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь
«ни отъ короля Сигизмунда, ни отъ кого-либо другаго, никакихъ
«писемъ безъ полнаго цесарскаго титула онъ принимать не при-
«кажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ короля
«Сигизмунда государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ
«цесарскимъ престоломъ».

Панъ Малогоскій отправилъ свое посольство слѣдующею рѣчью:
«Вашему господарскому величеству угодно было чрезъ посла сво-
«его Аѳанасія Ивановича Власьева объявить, что ваше господарское
«величество, по благости Божіей, при помощи народа Польскаго,
«возсѣли на свой наслѣдственный прародительскій престолъ Мос-
«ковскій; что бывъ во владѣніяхъ Польскихъ, ваше господарское
«величество испытали доброжелательство и одолженіе ясневель-
«можнаго пана Георгія Мнишка воеводы Сендомирскаго, старосты
«Львовскаго и Самборскаго, и что, въ изъявленіе предъ всѣмъ
«свѣтомъ своей благодарности, предлагая руку свою ясневельмож-
«ной паннѣ Мариннѣ, дочери его свѣтлости ясневельможнаго пана
«воеводы Сендомирскаго, ваше господарское величество просите у
«нашего всемилостивѣйшаго государя на то согласія и дозволенія
«пану воеводѣ проводить свою дочь къ вашему величеству. Его
«королевское величество съ радостію узналъ о такомъ намѣреніи,
«въ надеждѣ на миръ и любовь вашего величества, а его свѣтлость
«панъ воевода Сендомирскій согласился выдать въ супружество
«свою дочь и проводить ее въ Московское государство. Въ слѣд-
«ствіе сего, по принятому порядку и обыкновенію, посланникъ
«Аѳанасій Ивановичъ, именемъ вашего господарскаго величества,
«обручился съ ясневельможною панною Мариною Мнишковною
«воеводовною Сендомирскою, въ присутствіи самого короля, также

«сына его, королевича Владислава, и сестры, королевны Шведской. 1606.
«Въ удостовѣреніе же дружбы и братской любви, его королевское
«величество отправилъ насъ, пословъ своихъ, на свадьбу вашего
«господарскаго величества и велѣлъ намъ присутствовать на ней
«вмѣсто своей особы».

Панъ староста Велижскій продолжалъ: «Всепресвѣтлѣйшій
«великій государь Сигизмундъ III, Божіею милостію король Поль-
«скій и иныхъ, вашему господарскому величеству, всепресвѣт-
«лѣйшему брату своему, Божіею милостію великому государю и
«великому королю всея Россіи, Димитрію Іоанновичу повелѣлъ
«сказать: посолъ вашъ Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ объявилъ,
«что ваше господарское величество, вступивъ на престолъ пред-
«ковъ, сердечно сожалѣете о бѣдствіяхъ христіанства и намѣрены
«употребить всѣ мѣры для освобожденія его отъ ига невѣрныхъ.
«Его королевское величество, похваляя такое попеченіе о благѣ
«христіанства, готовъ повелѣть совѣту своему переговорить о
«томъ съ великими послами, которыхъ ваше господарское вели-
«чество уже назначили къ его королевскому величеству и дали
«знать объ нихъ чрезъ гонца своего Ивана Пребрашова. [157] Но
«какъ прежде необходимо устроить нѣкоторыя дѣла, то его коро-
«левское величество поручилъ намъ, посламъ своимъ, доложить
«объ нихъ вашему господарскому величеству и переговорить съ
«думными боярами, съ тѣмъ, чтобы ваше господарское величество,
«не тратя времени въ переговорахъ, могли дать полномочіе вели-
«кимъ посламъ своимъ для окончанія дѣлъ, во славу всевышняго
«Бога, для утвержденія истинной тѣсной дружбы и братской любви
«между государемъ нашимъ и вашимъ величествомъ, къ безсмерт-
«ному прославленію васъ обоихъ всепресвѣтлѣйшихъ вѣнценосцевъ,
«къ благоденствію знаменитыхъ народовъ, надъ коими Господь
«Богъ поставилъ васъ своими помазанниками, къ утѣшенію всего
«христіанскаго міра, къ трепету и гибели всѣхъ ордъ поганскихъ
«и бусурманскихъ».

По отправленіи посольства, пословъ пригласили сѣсть. Григо-

1606. рій Ивановичъ Микулинъ прочиталъ списокъ подаркамъ: «Божіею «милостію всепресвѣтлѣйшему и великому королю всея Россіи «Димитрію Іоанновичу отъ пословъ его королевскаго величества, «государю нашему всемилостивѣйшему. Отъ пана Малогоскаго: «большая золотая цѣпь на кольчугу, одиннадцать большихъ се- «ребряныхъ бокаловъ, по мѣстамъ вызолоченныхъ, два большіе «складные бокала, гнѣдой жеребецъ подъ попоною, большой Пер- «сидскій коверъ, бѣлый Турецкій конь подъ попоною, небольшой «Персидскій шелковый коверъ, комнатная Англійская собака, годная «и для звѣриной травли. Отъ пана Александра Корвина Гонсѣв- «скаго, старосты Велижскаго, тому жъ господарю: большой се- «ребряный бокалъ съ крышкою вызолоченный, другой серебряный «большой бокалъ съ крышкою вызолоченный, гнѣдой жеребецъ «подъ попоною. Отъ князя Александра Масальскаго: два серебря- «ные съ двойною позолотою бокала, одна большая золотая цѣпь».

По отданіи подарковъ, посольская свита привѣтствовала господаря. Потомъ Аѳанасій сказалъ посламъ: «Цесарское величество «жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ». Послы отправились на квартиру. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ къ нимъ чашникъ Василій Бутурлинъ съ различными яствами и напитками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ.

14 мая пріѣхалъ къ ихъ высокомочіямъ посольскій дьякъ Иванъ Тарасовичъ Грамотинъ и сказалъ слѣдующее привѣтствіе: «Всепресвѣтлѣйшій непобѣдимый самодержецъ Димитрій Іоанно- «вичъ, Божіею милостію цесарь, по любви къ брату своему Сигиз- «мунду, королю Польскому и великому князю Литовскому, послалъ «меня къ вамъ, посламъ его, навѣстить васъ и узнать о здоровьи, «о твоемъ, панъ Николай! и о твоемъ, панъ Александръ! Какъ «поживаете въ его преславномъ, великомъ государствѣ?» Послы отвѣчали: «Чувствуемъ милость, которую его господарское вели- «чество оказываетъ намъ, посламъ его королевскаго величества, и «благодаримъ за нее. Чего же намъ недостаетъ, о томъ мы дали «знать приставамъ нашимъ, съ увѣренностію, что по милости его

«господарскаго величества, у насъ всего будетъ достаточно». 1606.
Грамотинъ возразилъ: «всего будетъ много, по приказанію цесар-
«скаго величества. Онъ самъ желаетъ говорить съ вами;» и по-
томъ продолжалъ:

«Извѣстно вамъ, какъ жили между собою наши прежніе вели-
«кіе государи: заключали союзы на краткое время и то болѣе для
«вида, а въ душѣ всегда оставались непріятелями. И вы и ваши,
«и мы и наши опасались другъ друга, какъ злѣйшихъ враговъ.
«Еще въ свѣжей памяти царствованіе Бориса Годунова, когда
«послы его королевскаго величества были здѣсь въ такой неволѣ,
«что не только посламъ, но и самому послѣднему изъ посольской
«свиты не дозволялось вытти изъ квартиры. Самъ панъ староста
«Велижскій это засвидѣтельствуетъ. Теперь же, въ правленіе все-
«пресвѣтлѣйшаго, непобѣдимаго цесаря нашего Димитрія Ивано-
«вича всея Россіи, вы, послы, со всѣми людьми своими пользуетесь
«въ Москвѣ совершенною свободою; мы любимъ народъ вашъ,
«какъ своихъ единоземцевъ, и въ разговорахъ разсуждаемъ съ
«вами вольно, ничего не опасаясь; никогда въ Москвѣ не было
«такъ много Поляковъ, какъ нынѣ. Вы сами видите. А все это
«отъ того, что нашъ православный, великій государь цесарь лю-
«битъ его величество короля Польскаго. Желая жить съ вашимъ
«государемъ въ тѣсной дружбѣ, онъ пишетъ въ своихъ письмахъ
«полный титулъ королевскій, именуя Сигизмунда не только коро-
«лемъ Польскимъ, но и наслѣднымъ королемъ Шведскимъ,
«Готѳскимъ, Вандальскимъ и княземъ Финляндскимъ. Борисъ
«напротивъ того не признавалъ его королемъ Шведскимъ, и даже
«въ мирномъ договорѣ не употреблялъ такого титула. [158] Посему,
«какъ его королевское величество Сигизмундъ обѣщалъ быть дру-
«гомъ и братомъ цесарю, нашему государю, то пусть прикажетъ
«не опускать полныхъ титуловъ его цесарскаго величества. Доне-
«сите о томъ въ свое время государю своему и панамъ его, чтобы
«изъ того не послѣдовалъ разрывъ дружбы между его королев-
«скимъ величествомъ и великимъ государемъ нашимъ».

1606. Отвѣтъ пословъ: «Если доселѣ не было истинной дружбы «между нашими государями и проливалась кровь христіанская, «это должно приписать грѣхамъ нашимъ. Борисъ, человѣкъ сла- «бый и непостоянный, съ самаго начала своего правленія, никогда «и ничего не дѣлалъ добраго: сперва замышлялъ на жизнь нынѣш- «няго великаго господаря, законнаго государя своего; потомъ, «овладѣвъ посредствомъ коварства столь обширною державою, не «умѣлъ править ею, и бывъ прежде вашимъ братомъ, во всемъ «вамъ равнымъ, до того забылся, что тиранствовалъ надъ вами и «проливалъ вашу кровь. Если уже съ вами не умѣлъ онъ обхо- «диться, тѣмъ болѣе съ великими государями: надмѣнный гор- «достію, онъ поступалъ съ послами его королевскаго величества, «вопреки обыкновенію всѣхъ государей, какъ съ невольниками, «и держалъ ихъ подъ стражею; а въ письмахъ къ его величеству «не хотѣлъ упоминать о титулѣ наслѣднаго короля Шведскаго, и «вообще дѣлая болѣе зла, чѣмъ добра, получилъ за все возмездіе: «умеръ не христіанскою смертью. Нынѣшній господарь вашъ, «будучи изъ пановъ панъ и законный наслѣдникъ предковъ своихъ, «обходится съ нами, послами его королевскаго величества, по «примѣру другихъ христіанскихъ государей; что самое взаимно «дѣлаетъ и будетъ дѣлать его королевское величество въ своихъ «владѣніяхъ посламъ вашего государя. Касательно же ходатайства «нашего предъ его королевскимъ величествомъ о согласіи его на «титулъ господаря вашего, мы съ удовольствіемъ донесемъ о томъ «его величеству и надѣемся, что король не откажетъ въ своемъ «согласіи, если то будетъ сообразно съ достоинствомъ его коро- «левскаго величества, государя нашего».

17 мая въ среду, въ третьемъ часу ночи, Русскіе проводили царицу изъ того монастыря, гдѣ она жила пять дней, въ покои, приготовленные для нея вмѣстѣ съ царскими. Проводники несли въ рукахъ льняныя свѣчи, похожія на наши похоронныя. Того же дня предъ вечеромъ дано знать посламъ, что завтре будетъ коронація и что ихъ приглашаютъ присутствовать.

18 мая въ четвертокъ, предъ коронаціею, царь прислалъ пану 1606.
воеводѣ Сендомирскому вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками, съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ запряженъ былъ бѣлый жеребецъ; упряжь на немъ красная бархатная; возжи бобряныя; дуга и оглобли обтянуты краснымъ бархатомъ, обвиты серебряною проволокою, съ серебряными посединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками, и съ красными шелковыми кистями. На хомутѣ по обѣимъ сторонамъ висѣло по сороку красивыхъ самыхъ лучшихъ соболей. Попона была богато унизана жемчугомъ. Въ этихъ саняхъ его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій того же дня отправился къ царю. [159] Не доѣзжая дворца, конь вдругъ упалъ, хотя дорога была ровная. Этотъ случай былъ какъ будто предзнаменованіемъ грядущаго несчастія.

18 мая была коронація. Въ полдень послы отправились во дворецъ. По пріѣздѣ въ крѣпость, мы сошли съ коней и проводили пословъ въ золотую палату, гдѣ умеръ Борисъ. Въ сѣняхъ было множество Русскихъ, которые сидѣли по обѣимъ сторонамъ. Въ палатѣ мы увидѣли не мало Польскихъ пановъ, родственниковъ его свѣтлости воеводы Сендомирскаго. Сѣвъ съ ними, послы ожидали царя. Вскорѣ онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ съ богатою на головѣ короною, въ червленной бархатной мантіи, такъ унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, что самаго бархата мало было видно; въ одной рукѣ онъ имѣлъ скипетръ, а въ другой державу, осыпанную брилліантами, съ алмазнымъ крестомъ. Ему предшествовали нѣсколько сотъ Русскихъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ, и два Польскіе пана староста Саноцкій и Тарло хоронжій Перемышльскій. Сзади шелъ панъ Бучинскій старшій. Панъ воевода Сендомирскій и князь Масальскій вели царя подъ руки. Царица шла вмѣстѣ съ нимъ, въ Русской одеждѣ съ широкими рукавами, красной бархатной, унизанной алмазами, рубинами, жемчугомъ, и въ подкованныхъ сапогахъ, также осыпанныхъ жемчугомъ. На головѣ у ней была корона такая, какія

1606. носятъ всѣ Русскія паньи, только богато убранная каменьями. Вели ее подъ руки двѣ Московскія боярыни, съ одной стороны супруга князя Мстиславскаго, а съ другой, княгиня Шуйская. За нею шли Польскія паньи старостина Сохачевская, Тарлова, Гербуртова и Казановская. Прочія остались съ каммерфрейлинами и не присутствовали при выходѣ.

Царь, вступивъ въ палату, гдѣ принимаются послы, сѣлъ на тронъ; ниже его, по лѣвую руку, на другомъ меньшемъ тронѣ сѣла царица. Пригласили пословъ. Когда они вошли, Григорій Ивановичъ Микулинъ, по царскому повелѣнію, благодарилъ его королевское величество за дозволеніе пану воеводѣ Сендомирскому проводить свою дочь въ Москву и за присылку знатныхъ пановъ для присутствованія на свадьбѣ. Послѣ того сказано посламъ сѣсть. Въ слѣдъ за тѣмъ патріархъ принесъ на блюдѣ (держа его надъ головою) корону, которую царь поцѣловалъ и велѣлъ поднести царицѣ: она также приложилась. Корону вынесли, и всѣ, посидѣвъ немного, отправились въ церковь на коронацію.

Панъ Малогоскій велъ царя подъ руку съ правой стороны, а панъ староста шелъ предъ ними. Тутъ же несли скипетръ и державу. Отъ самыхъ палатъ до соборной церкви Богородицы, гдѣ происходила коронація, посланъ былъ для царя по мосткамъ фіолетовый бархатъ, низшаго разбора въ двѣ половинки. Церковь, по входѣ царя, немедленно заперли, для избѣжанія тѣсноты. Среди храма на амвонѣ, вышиною въ полтора человѣка, обитомъ краснымъ Англійскимъ сукномъ, были поставлены три трона: съ правой стороны для патріарха, въ срединѣ для царя, съ лѣвой стороны для царицы. Царскій тронъ былъ украшенъ золотомъ, бирюзою, смарагдами; царицынъ былъ серебряный, мѣстами вызолоченный; патріаршій не имѣлъ такого великолѣпія.

Когда они взошли по ступенямъ на амвонъ и всѣ трое сѣли, послы, тщетно ожидавшіе, что имъ также укажутъ мѣста, сами ихъ потребовали. Но царь сказалъ имъ чрезъ Аѳанасія: «У насъ нѣтъ «обыкновенія сидѣть въ церквахъ; я и самъ сижу только по слу-

«чаю коронаціи». И такъ, принужденные стоять, послы, уже по 1606.
окончаніи церемоніи, отошли въ сторону и сѣли.

Въ продолженіе обряда коронаціи, принесли сперва на блюдѣ какой-то царскій уборъ, который патріархъ, вставъ съ своего мѣста, возложилъ на царицу; потомъ также на блюдѣ подали діадиму, въ которой, кромѣ множества мелкихъ дорогихъ каменьевъ и крупнаго жемчуга, было шесть смарагдовъ, величиною въ большое куриное яйцо. Патріархъ возложилъ ее *на плеча* царицы. Въ заключеніе принесли на золотомъ блюдѣ царскій вѣнецъ, т. е. корону: патріархъ, надѣвъ его на голову царицы, благословилъ ее и поцѣловалъ ея руку, обвернутую въ одежду. За нимъ подходили другъ за другомъ къ царицыной рукѣ всѣ духовныя особы; а сенаторы привѣтствовали ее чрезъ князя Мстиславскаго, какъ свою государыню: они цѣловали ей крестъ, т. е. присягали, прежде въ теченіе двухъ дней, въ понедѣльникъ и вторникъ.

Послѣ продолжительнаго пѣнія и разныхъ церемоній, царь сошелъ съ трона и сѣлъ, въ полномъ облаченіи, у Царскихъ дверей, гдѣ цари обыкновенно садятся; а царица отошла въ придѣлъ на молитву. Не умолчу здѣсь, какъ царь, сидя на тронѣ, во время совершенія коронаціи, хотѣлъ показать королевскимъ посламъ свое величіе: подозвавъ почетнѣйшаго сенатора князя Василія Шуйскаго, велѣлъ ему подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги, одну за другою. Потомъ, подозвавъ князя Дмитрія Шуйскаго, прйказалъ сдѣлать такую же честь и царицѣ. Бояре повиновались. Далѣе: будучи уже въ полномъ облаченіи, онъ снова подозвалъ тѣхъ же Шуйскихъ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; спустя нѣсколько времени, отослалъ ихъ съ какими то порученіями и призвалъ другихъ бояръ.

Между тѣмъ, окончивъ молитву, царица вышла изъ придѣла; царь всталъ съ своего мѣста и сѣлъ съ нею противъ Царскихъ дверей. Тутъ началась церемонія брака, съ разными обрядами, изъ коихъ я помню только два: во-первыхъ, попъ сказалъ царю, чтобы онъ взялъ царицу за руку, и обвелъ ихъ три раза вокругъ налоя;

1606. во-вторыхъ, тотъ же попъ отвѣдавъ краснаго вина изъ стекляной чаши, троекратно давалъ питѣ его понемногу царю и царицѣ; потомъ поставилъ чашу на землю; а царь разбилъ ее, толкнувъ ногою. На вопросъ мой, чтобы это значило, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается въ воспоминаніе брака въ Канѣ Галилейской.

По совершеніи бракосочетанія, царь и царица сѣли, имѣя на головѣ богатыя короны; въ рукахъ царя были скипетръ и держава, усыпанные каменьями, отъ коихъ лучи сіяли по всему храму. Занявъ свое мѣсто, царь снова приказалъ сенаторамъ держать себя и жену подъ руки, подставлять скамейки и давалъ имъ разныя другія низкія порученія, какихъ его величество король не потребуетъ не только отъ сенатора, но и отъ самаго послѣдняго служителя своего. Взирая на сіе съ изумленіемъ, послы и многіе другіе Поляки благодарили Бога, который избавилъ ихъ отъ такой неволи, даровавъ свободу нашему отечеству. [160]

Уже предъ вечеромъ вышли изъ церкви. Въ дверяхъ царь и царица остановились; князь Мстиславскій бросалъ изъ блюда Португальскія монеты въ 20, въ 10 и въ 5 червонныхъ золотыхъ. По выходѣ изъ храма, Димитрій велѣлъ подозвать пословъ и сказалъ имъ: «Сегодня мы не можемъ пригласить васъ на пиръ: мы «устали отъ продолжительныхъ церемоній; къ тому жъ и поздно. «Но завтре вы будете у нашего стола». И такъ послы, раскланявшись съ нимъ, поѣхали на квартиру. Въ церкви, гдѣ происходила коронація, стоятъ два гроба Русскихъ чудотворцевъ св. Петра и св. Іоанна. Говорятъ, что тѣла ихъ невредимы, какъ бы недавно похороненныя, что земля ихъ не пріемлетъ, что каждый разъ гробы выходятъ наружу, лишь только опустятъ ихъ въ могилу. Впрочемъ тѣла закрыты и никому не показываются. По возвращеніи нашемъ на квартиру уже вечеромъ, пріѣхалъ къ посламъ царскій стольникъ, а за нимъ принесено множество разнаго кушанья и напитковъ въ золотыхъ сосудахъ.

19 мая, въ пятницу назначенъ свадебный пиръ. Въ сей день былъ праздникъ св. Николая, весьма уважаемый на Руси. Послы,

зная, что ихъ будутъ просить на пиръ, требовали отъ приставовъ 1606.
свѣдѣнія, какое назначено имъ мѣсто, и хотѣли сидѣть за однимъ столомъ съ Димитріемъ. Въ тотъ же день царь, прославъ къ посламъ дьяка Грамотина съ приглашеніемъ на свою хлѣбъ-соль, велѣлъ объявить, что они узнаютъ отъ приставовъ о назначенномъ имъ мѣстѣ, достойномъ пословъ великаго государя, и что его царское величество приметъ ихъ съ честію, уважая дружбу своего брата. Послы отвѣчали: «Мы не сомнѣваемся, что государь «вашъ приметъ насъ, какъ пословъ великаго короля, брата своего, «и дастъ намъ за собственнымъ столомъ то самое мѣсто, какимъ «его королевское величество удостоивалъ Русскаго посла Аѳанасія». Грамотинъ возразилъ: «У насъ никому нельзя сидѣть за однимъ «столомъ съ цесаремъ, кромѣ нашей царицы». Послы изумились, и сказали въ отвѣтъ: «Ни одинъ изъ прежнихъ пословъ вашихъ «не сидѣлъ за однимъ столомъ съ его королевскимъ величествомъ. «Государь нашъ, для радости своей, удостоилъ такой чести вашего «посланника, вопреки обычаю, бывъ увѣренъ, что и вашъ государь «сдѣлаетъ то же самое. Посему имѣя повелѣніе его величества «требовать такого же мѣста за столомъ царскимъ и, въ случаѣ «отказа, не присутствовать на свадебномъ пирѣ, мы просимъ до«нести о томъ думнымъ боярамъ. Отвѣта же будемъ ждать въ «своей квартирѣ, изъ которой не можемъ выѣхать, пока не увѣ«римся, что намъ дадутъ мѣсто за столомъ господарскимъ, со«гласно съ достоинствомъ его королевскаго величества. Въ про«тивномъ случаѣ, мы принуждены были бы возвратиться въ свою «квартиру; такъ лучше условиться заблаговременно». Грамотинъ, давъ обѣщаніе донести слова пословъ царю и увѣдомить ихъ объ отвѣтѣ, отправился во дворецъ.

Вскорѣ онъ возвратился и проговоривъ весь царскій титулъ, объявилъ: «Его цесарское величество, любя короля своего брата «и васъ пословъ его, приглашаетъ васъ къ столу на свою свадьбу». «Съ удовольствіемъ поспѣшимъ на свадьбу вашего государя», отвѣчали послы; «только ждемъ отъ тебя извѣстія, какое мѣсто

1606. «за его столомъ дано будетъ въ нашемъ лицѣ особѣ короля, «государя нашего?» Грамотинъ: «Ваши слова я донесъ великому «цесарю: великій цесарь велѣлъ сказать вамъ, что вы будете «приняты съ честію, какъ послы великаго государя. А думные «бояре поручили объявить вамъ, что тебѣ, панъ Малогоскій, сидѣть «по правую руку цесаря за особеннымъ столомъ, согласно съ «тѣмъ, какъ принялъ король вашъ цесарскаго посланника; тебѣ же, «панъ староста Велижскій, дадутъ мѣсто за другимъ столомъ, «сообразно съ достоинствомъ короля и съ старинными обычаями. «Обоихъ васъ примутъ лучше, чѣмъ прежнихъ пословъ». Послы: «Королевскимъ наказомъ предписано обоимъ намъ сидѣть за однимъ «столомъ съ вашимъ государемъ; если же царь, принявъ въ раз- «сужденіе, что у королевскаго стола былъ одинъ посолъ, захочетъ «посадить съ собою только одного изъ насъ: его величество, пре- «доставляя то волѣ царской, повелѣлъ, безъ дальнихъ споровъ, «старшему изъ насъ сѣсть за однимъ столомъ съ вашимъ госуда- «ремъ, а младшему за обыкновеннымъ. Мы на то согласны; одинъ «изъ насъ сядетъ за царскимъ столомъ, а другой за обыкновен- «нымъ, какъ прежде бывало. Иначе мы не ѣдемъ во дворецъ». Грамотинъ удалился.

Чрезъ полчаса пріѣхалъ царскій казначей, Аѳанасій Власьевъ, бывшій посланникомъ въ Польшѣ на свадьбѣ его королевскаго величества. Прочитавъ весь титулъ своего государя, онъ сказалъ слѣдующее: «Его цесарское величество, любя *полубрата* своего, «а васъ пословъ жалуя, присылалъ къ вамъ думнаго дьяка Ивана «Грамотина звать васъ къ столу на свою царскую радость, назна- «чивъ вамъ мѣста приличныя; но этихъ мѣстъ вы не принимаете, «желая чтобы одинъ изъ васъ сидѣлъ за собственнымъ столомъ «великаго цесаря. Правда, я, бывъ посланникомъ, имѣлъ мѣсто «за однимъ столомъ съ королемъ вашимъ, но это случилось по- «тому, что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы папскій и цесар- «скій; слѣдовательно меня посадить за другимъ столомъ было не «возможно. Нашъ цесарь не только не менѣе папы и Римскаго

«цесаря, но еще болѣе: у нашего преславнаго цесаря каждый «попъ — папа.»

Съ великимъ изумленіемъ и прискорбіемъ слушали послы столь грубыя рѣчи, неприличныя не только въ домѣ посольскомъ, но и во всякомъ порядочномъ мѣстѣ: ибо, кромѣ другихъ нелѣпостей, Аѳанасій сказалъ, что его господарь выше всѣхъ монарховъ христіанскихъ! Приписывая такой вздоръ высокомѣрію и гордости, послы признали за лучшее оставить его безъ вниманія; на замѣчаніе же Аѳанасія, что онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими послами, отвѣчали довольно пространно: «Король посадилъ тебя съ «собою не для другихъ пословъ, а въ доказательство братской «дружбы къ твоему государю: иначе онъ отправилъ бы тебя на «квартиру, или помѣстилъ бы не за своимъ столомъ, а за другимъ, «согласно съ прежними обыкновеніями; послы же папскій и цесар«скій сидѣли бы съ королемъ, такъ, какъ и его величества послы «сидятъ вмѣстѣ съ папою и цесаремъ; тебѣ не было бы сей чести, «если бы король не дорожилъ дружбою твоего государя. Но вопреки «обыкновенія, посадивъ тебя вмѣстѣ съ собою, онъ былъ увѣренъ, «что твой государь не откажетъ ему въ подобной чести и не только «двухъ пословъ, но и десять посадитъ вмѣстѣ съ собою. Впрочемъ, «какъ ты былъ одинъ за столомъ королевскимъ, то его величество «въ своемъ наказѣ предписалъ, въ случаѣ спора, быть одному изъ «насъ за столомъ господарскимъ, а другому сѣсть на обыкновен«номъ мѣстѣ, какъ прежде бывало». Аѳанасій не умѣлъ отвѣчать на эти слова и, оставшись при своихъ грубыхъ рѣчахъ, только спрашивалъ пословъ, желаютъ ли они ѣхать къ цесарю? «Не «ѣдемъ», отвѣчали послы: «мы не довольны тѣмъ мѣстомъ, которое «ты намъ объявилъ именемъ своего государя». И такъ ихъ высокомочіямъ досталось въ сей день обѣдать въ своей квартирѣ.

20 мая въ субботу въ два или три часа по полуночи, [161] послы ѣздили къ воеводѣ Сендомирскому, давъ ему прежде знать о своемъ желаніи видѣться съ нимъ. Воевода, по просьбѣ ихъ, немедленно созвалъ всѣхъ пановъ, своихъ знаменитыхъ родствен-

1606. никовъ, въ числѣ коихъ находился панъ подстолій его королевскаго величества. Послы жаловались предъ ними на свое приключеніе и просили совѣта, что дѣлать имъ въ семъ случаѣ. По долговременномъ совѣщаніи, панъ воевода согласился съѣздить къ царю, не взирая на свою болѣзнь, и немедленно отправился во дворецъ. Часа чрезъ два онъ возвратился съ царскимъ отвѣтомъ. Димитрій ничего опредѣлительнаго не сказалъ, только подалъ нѣкоторую надежду назначить посламъ мѣсто почетнѣе, чѣмъ было объявлено, отложивъ приглашеніе, съ согласія воеводы, до слѣдующаго дня, потому, что уже наступало обѣденное время. На пиршество сего дня царь зазвалъ пановъ жолнеровъ нашихъ и, угощая ихъ, приглашалъ въ свою службу: каждому изъ нихъ, кто хотѣлъ брать деньги, дарилъ по сту злотыхъ на коня гусарскаго и по четверти быка; а товарищамъ по сороку соболей и по одному куску парчи, обнадеживая всѣхъ особеннымъ своимъ благоволеніемъ. Послы, возвратившись отъ пана воеводы, и въ сей день не были у царскаго стола.

21 мая въ воскресенье, панъ воевода прислалъ пана Стрембоша спросить пословъ: имѣютъ ли они сегодня время вручить царю подарки его величества, чтобы найти поводъ къ свиданію съ господаремъ. Послы, удивляясь, что панъ воевода спрашиваетъ ихъ совсѣмъ о другомъ, между тѣмъ какъ дѣло шло о мѣстѣ, отвѣчали ему слѣдующимъ образомъ: «Мы увѣрены, что этотъ «вопросъ предложенъ намъ не отъ самого пана воеводы, а по волѣ «господаря, который, не назначая намъ мѣста, сообразно съ до«стоинствомъ короля, требуетъ подарковъ, чтобы только заманить «насъ во дворецъ. Прежде онъ долженъ пригласить насъ къ столу «и оказать такую же честь особѣ короля, какою удостоилъ его «величество посланника Аѳанасія. Посему, не бывъ вопреки обы«кновенія у стола, мы не намѣрены представлять подарковъ». Панъ Стрембошъ возразилъ отъ имени пана воеводы: «По справедли«вости, слѣдовало бы вашимъ высокомочіямъ прежде быть у стола, «а послѣ отдать подарки. Но теперь не до того. Панъ воевода

«проситъ и убѣждаетъ васъ отправиться теперь же съ подарками, 1606.
«чтобы, споря о церемоніяхъ, не упустить изъ вида важнѣйшихъ
«дѣлъ его королевскаго величества и не пресѣчь благопріятнаго
«теченія ихъ, ко вреду рѣчи посполитой. Панъ воевода тѣмъ болѣе
«убѣждаетъ васъ устранить затрудненіе, что самъ господарь про-
«силъ васъ на свою хлѣбъ-соль и обѣщалъ оказать всякую почесть
«его величеству въ вашей особѣ».

Послы долго размышляли, что имъ дѣлать? Непомѣрная гордость сего человѣка и состояніе дѣлъ въ отечествѣ принудили ихъ уступить; но рѣшившись отдать подарки, они не хотѣли присутствовать на пиршествѣ, если царь не захочетъ посадить ихъ за своимъ собственнымъ столомъ, и съ тѣмъ отпустили пана Стрембоша, который вскорѣ опять возвратился съ убѣдительною просьбою пана воеводы не тратить времени въ спорахъ и поспѣшить представленіемъ подарковъ. И такъ мы отправились во дворецъ.

Пословъ ввели въ особенныя палаты, приготовленныя для царицы; въ самомъ дальнемъ покоѣ сидѣлъ царь съ супругою. На царѣ былъ красный бархатный плащъ, вышитый жемчугомъ и подбитый соболями; красный бархатный кафтанъ, также вышитый жемчужными узорами въ видѣ коронованныхъ орловъ; сапоги были изъ гладкаго бархата подкованные. Царица, одѣтая по-Польски, въ красный телетъ, унизанный жемчугами, на головѣ имѣла ту самую корону, которую возложили на нее за нѣсколько предъ тѣмъ дней. Покой былъ обитъ гладкимъ краснымъ бархатомъ, а полъ устланъ сѣрыми бобровыми коврами. Вмѣстѣ съ царемъ и царицею находились въ томъ покоѣ три Польскія дамы, панья хоронжина Тарлова, панья старостина Сохачевская и панья Казановская; да сверхъ того нѣсколько Москвитянокъ. Отдавая подарки царицѣ, панъ каштелянъ Малогоскій говорилъ рѣчь. Они были слѣдующіе: большой золотой бокалъ съ кубкомъ; два кубка большіе, двойные; три складные бокала; семь кубковъ; семь виноградныхъ кистей, украшенныхъ цвѣтами; корабликъ съ серебряною пушкою; двѣ

1606. жемчужины въ раковинахъ; дерево съ тремя виноградными кистями. Все это было принято Аѳанасіемъ Власьевымъ; онъ же и благодарилъ. Вручивъ королевскіе подарки, панъ Малогоскій отъ себя и супруги своей поднесъ царицѣ: корону, украшенную жемчугомъ, алмазами и рубинами; два ожерелья изъ рубиновъ и алмазовъ; брилліантовыя серги съ рубинами; цѣпь изъ литаго золота съ алмазами и жемчугомъ.

По представленіи подарковъ, Аѳанасій, по царскому повелѣнію, сказалъ посламъ: «Цесарь приглашаетъ васъ, какъ пословъ короля «Польскаго, къ своему столу, кушать хлѣба-соли». «Охотно желаемъ «исполнить волю вашего господарскаго величества», отвѣчалъ панъ Малогоскій; «мы давно готовы вкусить вашу хлѣбъ-соль: мы ею не «пренебрегаемъ. Но какъ ваше величество не хотѣли даже мнѣ «одному дать мѣста за столомъ своимъ, хотя такою честію король «Польскій удостоилъ посланника Аѳанасія; то по сей причинѣ мы «не могли доселѣ быть у стола вашего господарскаго величества; «не можемъ и теперь воспользоваться приглашеніемъ, если ваша «господарская милость не удостоите насъ, изъ уваженія къ особѣ «короля, посадить за однимъ столомъ съ собою».

На сіи слова отвѣчалъ самъ господарь: «Я не просилъ короля «Польскаго на свадьбу: только въ такомъ случаѣ я почтилъ бы «васъ мѣстомъ въ особѣ его королевскаго величества; а теперь вы «садитесь за мой столъ, какъ послы». Панъ Малогоскій началъ было возражать; но царь, подозвавъ пана воеводу Сендомирскаго, сталъ съ нимъ разговаривать. Когда разговоръ ихъ кончился, панъ воевода подошелъ къ посламъ и царскимъ именемъ объявилъ, что по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя объяснены прежде, панъ Малогоскій не можетъ сидѣть за царскимъ столомъ, но что ему поставятъ особенный столикъ по правую руку царя, близъ трона. Объявивъ сіе, панъ воевода тихо сказалъ посламъ, что царь проситъ ихъ болѣе не спорить о мѣстѣ, и что онъ намѣренъ говорить съ ними о дѣлахъ важнѣйшихъ, относящихся къ особѣ короля и къ рѣчи посполитой. Послы не соглашались уступить,

ссылаясь на королевскій наказъ, въ коемъ именно сказано, чтобы 1606.
по крайней мѣрѣ одинъ панъ Малогоскій, какъ старшій посолъ, домогался мѣста у царскаго стола. Панъ Сендомирскій снова просилъ и уговаривалъ ихъ прекратить столь горячій споръ о мѣстѣ, удостовѣряя, что упорство повредитъ рѣчи посполитой и что отъ царя его королевское величество можетъ ожидать много добраго.

Наконецъ послы, поговоривъ другъ съ другомъ, дали такой отвѣтъ: «Сами собою мы не можемъ отступить отъ королевскаго «наказа. Если же его господарское величество дастъ намъ пись- «менное свидѣтельство, что мы рѣшились нарушить статью о «мѣстѣ, только въ слѣдствіе убѣжденій и обѣщанія всего лучшаго «для рѣчи посполитой, и если панъ воевода согласится ходатай- «ствовать за насъ предъ королемъ, когда станутъ обвинять насъ «въ униженіи королевскаго достоинства; въ такомъ случаѣ мы, не «желая затруднять спорами другихъ дѣлъ его королевскаго вели- «чества и рѣчи посполитой, исполнимъ вашу волю и примемъ тѣ «мѣста, которыя для насъ назначены». Господарь и панъ воевода согласились на требованіе пословъ, и они тотчасъ пошли къ столу.

Панъ Малогоскій сидѣлъ по правую руку царя за особеннымъ столикомъ, немного ниже царскаго мѣста. Кушанья и напитки подавали ему Москвитяне. Панъ староста Велижскій сидѣлъ за тѣмъ столомъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде обыкновенно сажали великихъ пословъ. За паномъ старостою сидѣли свояки господаря, паны Мнишки; за ними другіе родственники, наконецъ посольская свита. По правую руку его находились дамы: княгиня Мстиславская, княгиня Шуйская и нѣкоторыя Польскія паньи. Княжна Косырская сидѣла у окна, недалеко отъ царицы; а панья хоронжина Тарлова во все время обѣда стояла предъ царицею; равнымъ образомъ и панъ воевода, старецъ, больной, въ продолженіе цѣлаго обѣда ни разу не присѣлъ, и какъ слуга, безъ шапки, стоялъ предъ царемъ и царицею. Такое неуваженіе къ пану воеводѣ всѣхъ удивляло.

1606. Обѣдъ длился нѣсколько часовъ съ разными Московскими обрядами, при звукахъ царициной музыки; но кушанья такъ были негодны, что никто изъ насъ не могъ ѣсть ихъ. Въ продолженіе обѣда господарскіе стольники по нѣскольку разъ подносили каждому изъ гостей разные напитки съ сими словами: «Цесарское величество жалуетъ тебя». Среди залы около пиластра поставлено было множество серебряной столовой посуды, отъ пола до самаго потолка; ея не трогали, а всѣ яства и напитки подавали на золотѣ. Царь пилъ за здоровье его королевскаго величества: послы, по желанію его, должны были встать съ своихъ мѣстъ, подойти къ трону и тутъ, принявъ изъ царскихъ рукъ по полной чарѣ, осушить ее. Равнымъ образомъ каждому изъ насъ онъ давалъ изъ рукъ своихъ по полной чарѣ. Была еще одна церемонія: предъ царемъ поставили блюдо сухихъ Венгерскихъ сливъ; всѣ думные бояре и дворяне, вставъ съ своихъ мѣстъ, пошли къ господарю, и каждый, получивъ изъ рукъ его по парѣ сливъ, тотчасъ ихъ проглатывалъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока господарь всѣхъ обдѣлилъ. По окончаніи обѣда, Русскіе послы, отправлявшіеся въ Персію, цѣловали руку у царя и царицы. Послѣ того Димитрій съ супругою удалился въ свои покои; а послы возвратились на квартиру, куда вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, принесли имъ по обыкновенію царскій ужинъ.

23 мая, во вторникъ, панъ Малогоскій былъ во дворцѣ на пиршествѣ у царицы; а панъ староста Велижскій оставался дома. По пріѣздѣ во дворецъ, насъ проводили въ думные царскіе покои; въ первомъ изъ нихъ сѣлъ панъ Малогоскій и около получаса забавлялся разговорами съ царскими дворянами; наконецъ вышелъ панъ Бучинскій и пригласилъ посла въ покои царицы. Столъ былъ убранъ въ Польскомъ вкусѣ по-королевски. Урядники и буфетчики были такіе же, какихъ имѣетъ его королевское величество. На этомъ пиршествѣ было много ближнихъ родственниковъ пана воеводы Сендомирскаго; всѣ веселились и танцовали при звукахъ царицыной музыки. Панъ Малогоскій получилъ отъ царя и царицы

по большой золотой чарѣ съ каменьями, и уже вечеромъ возвра- 1606.
тился на квартиру, куда вскорѣ принесли ему отъ господаря разныхъ напитковъ.

24 мая въ среду, послы желая видѣться съ паномъ воеводою Сендомирскимъ, поѣхали къ нему сами, изъ уваженія къ его старости и слабости здоровья; но панъ воевода не хотѣлъ, чтобы ихъ высокомочія безпокоились, и самъ отправился къ нимъ. Они встрѣтили другъ друга въ крѣпости. Послы просили его свѣтлость возвратиться на квартиру, желая сами навѣстить его; но панъ воевода никакъ не соглашался на всѣ убѣжденія, и послы должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой.

25 мая въ день Божіяго тѣла, послы были во дворцѣ. Насъ проводили въ деревянныя палаты, вновь построенныя Димитріемъ надъ Москвою рѣкою, позади другихъ палатъ. Тамъ мы увидѣли самого царя: онъ сидѣлъ на стулѣ въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ, съ посохомъ въ рукѣ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣло много бояръ и дворянъ. Какъ скоро вошли послы, Аѳанасій доложилъ объ нихъ царю; имъ подали скамью и они сѣли. Потомъ тотъ же Аѳанасій, по царскому повелѣнію, пригласилъ пословъ въ отворенную палату для переговоровъ съ думными боярами. Послы вступили въ палату, оставивъ государя на томъ же мѣстѣ, гдѣ его застали. Вскорѣ вошли къ нимъ думные бояре: князь Дмитрій Шуйскій, князь Михайло Масальскій, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, Аѳанасій Власьевъ и Иванъ Грамотинъ.

Аѳанасій сказалъ посламъ: «Николай и Александръ! вы гово«рили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому самодержцу Димитрію «Іоанновичу (здѣсь упомянутъ весь титулъ его), что король госу«дарь вашъ прислалъ васъ сюда для переговоровъ о добрыхъ дѣ«лахъ. Его цесарское величество, по своему цесарскому милосер«дію, повелѣлъ думнымъ боярамъ своимъ (назвавъ каждаго) пере«говорить съ вами. И такъ объявите, какое вы имѣете порученіе «отъ короля государя своего».

Послы, изъяснивъ достаточно на словахъ цѣль своего прибы-

1606. тія, подали на бумагѣ слѣдующую ноту: «Не нужно пространно «доказывать, сколь мило и пріятно братское согласіе Господу «Богу нашему: это извѣстно всѣмъ народамъ христіанскимъ; объ «этомъ говорили въ св. Писаніи евангелисты, апостолы и пророки, «поучавшіе народъ Божій хранить миръ и любовь. Согласіемъ мы «заслуживаемъ Божію милость и въ царствѣ небесномъ приготов- «ляемъ блаженство душамъ своимъ; а здѣсь, на семъ свѣтѣ, со- «дѣйствуемъ благоденствію отечества, прославляемъ христіанство, «чествуемъ Господа Бога, Искупителя нашего. Гдѣ же господ- «ствуютъ раздоры, ненависть, вражда, особливо въ великихъ госу- «дарствахъ христіанскихъ, тамъ гибнетъ религія, забываютъ Бога, «возникаетъ идолослуженіе и язычество. Такъ во время раздоровъ «христіанскихъ государей (отъ чего да сохранитъ насъ Господь!) «не только великія царства, но и святыя мѣста, ознаменованныя «стопами Господа Бога, Искупителя нашего, достались въ руки «невѣрныхъ, бусурманъ, къ невыразимой горести всего христіан- «ства. Нынѣ, Божіею милостію, всепресвѣтлѣйшій господарь вашъ «и великій князь всея Россіи Димитрій Іоанновичъ, волею и про- «мысломъ Всевышняго возведенный на престолъ прародительскій, «намѣреваясь освободить христіанство отъ тяжкаго ига, присылалъ «къ его королевскому величеству посланника своего казначея и «думнаго дьяка Аѳанасія Ивановича Власьева; а потомъ, назначивъ «и великихъ пословъ, о коихъ уже далъ знать чрезъ своего гонца, «изъявилъ всемилостивѣйшему государю нашему желаніе общими «силами стать противъ враговъ св. креста и избавить христіанъ «отъ рукъ невѣрныхъ. Его королевское величество, съ благодар- «ностію внявъ такому желанію, согласенъ не только жить съ нимъ «въ братской любви, но и свое государство соединить тѣснымъ «союзомъ съ Русскою державою, чтобы общими силами воору- «житься противъ мусульманъ. Не откладывая вдаль столь великаго, «для христіанъ необходимаго дѣла, всемилостивѣйшій государь «поручилъ намъ, посламъ своимъ, переговорить съ пресвѣтлѣй- «шимъ государемъ вашимъ и съ вами, думными боярами, о томъ,

«чтобы вы, братья наши, именемъ своего государя объявили 1606.
«намъ: какимъ образомъ, какъ скоро и съ какою силою онъ на-
«мѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ? Всепресвѣтлѣйшій госу-
«дарь вашъ, самъ предпринявъ это дѣло и увѣдомивъ о томъ его
«королевское величество, самъ можетъ объявить и средства къ
«успѣшному окончанію; а мы, получивъ чрезъ васъ нужныя свѣ-
«дѣнія отъ всепресвѣтлѣйшаго государя вашего, рады вступить съ
«вами въ переговоры и дадимъ вамъ знать, что можемъ сдѣлать
«съ своей стороны, дабы не тратя времени въ пересылкахъ отъ
«вашего государя къ нашему, тѣмъ скорѣе и надежнѣе, на проч-
«номъ основаніи, довершить столь великое и вожделѣнное для
«всего христіанства предпріятіе. Если же теперь не согласимся въ
«мѣрахъ къ исполненію, ваши послы при всякомъ новомъ пунктѣ,
«неопредѣленномъ въ царскомъ наказѣ, должны будутъ или отно-
«ситься къ своему государю и просить разрѣшенія, или отклады-
«вать все дѣло до другаго времени, и тѣмъ длить его безконечно.
«Посему гораздо лучше для васъ переговорить съ нами въ брат-
«ской любви и пріязни».

Прочитавъ бумагу, бояре посовѣтовались другъ съ другомъ и чрезъ Михайла Татищева отвѣчали посламъ слѣдующимъ образомъ: «Мы слышали отъ васъ, что король Сигизмундъ желаетъ
«ополчиться вмѣстѣ съ непобѣдимымъ цесаремъ нашимъ противъ
«невѣрныхъ, только тѣми средствами, о которыхъ наказомъ коро-
«левскимъ поручено вамъ объявить намъ. Нашъ всепресвѣтлѣйшій,
«непобѣдимый цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно
«по ревности къ славѣ Бога и святой вѣрѣ, безъ всякихъ другихъ
«видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши
«мысли, чтобы послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ
«коварствомъ и обманомъ».

На такія слова, довольно грубыя, послы отвѣчали сурово и пристыдили Татищева. Послѣ пана Малогоскаго, сталъ говорить староста Велижскій: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ догово-
«ровъ: кто предлагаетъ какое либо важное дѣло и требуетъ чего

1606. «либо отъ другаго, тотъ самъ прежде изъявляетъ свои способы и «средства. Вашъ всепресвѣтлѣйшій господарь и великій князь всея «Россіи Димитрій Іоанновичъ, вступивъ на престолъ предковъ «своихъ, далъ знать его королевскому величеству сперва чрезъ «казначея Аѳанасія Власьева, а потомъ чрезъ гонца своего Ивана, «что, сожалѣя о упадкѣ христіанства и желая возстановить его, «онъ намѣренъ ополчиться на султана Турецкаго и другихъ бусур- «манъ; для сего назначилъ къ его королевскому величеству съ «требованіемъ помощи великихъ пословъ дворецкаго князя Василія «Ивановича Масальскаго и окольничаго Михаила Игнатьевича Тати- «щева. Король, какъ государь христіанскій, съ благодарностію «принявъ такое предложеніе, хочетъ не только соединиться съ «вашимъ государемъ, но и обѣ обширныя державы связать любовію «христіанскою, чтобы общими силами ударить на невѣрныхъ. «Какъ скоро прибудутъ въ Польшу назначенные вашимъ госуда- «ремъ послы, его величество повелитъ совѣту своему перегово- «рить съ ними о такомъ предпріятіи; а какъ прежде необходимо «привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла, то его величество, по- «славъ насъ на свадьбу великаго господаря вашего, повелѣлъ «узнать о способахъ, которыми онъ намѣренъ вести войну съ по- «гаными, для того, чтобы съ своей стороны объявить условія «мира, дружбы и наступательнаго союза. Въ королевскомъ наказѣ «намъ именно предписано переговорить подробно съ вами, думные «бояре, а потомъ ваши послы должны будутъ предложить условія «его величеству королю и рѣчи посполитой. Не зная о мѣрахъ и «способахъ вашего государя, мы не можемъ, вопреки наказу, про- «должать переговоровъ».

Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ и Аѳанасій отвѣчали посламъ: «Мы доложимъ ваши рѣчи всепресвѣтлѣйшему цесарю «нашему и дадимъ вамъ отвѣтъ». Съ этимъ словомъ отошли. Вскорѣ Татищевъ, Аѳанасій и Грамотинъ возвратились; первый сказалъ посламъ: «Мы донесли ваши слова всепресвѣтлѣйшему, «непобѣдимому самодержцу Димитрію Іоанновичу. Его цесарское

«величество, повелѣвъ намъ подумать о способахъ войны, вскорѣ 1606.
«самъ будетъ говорить съ вами въ присутствіи ближнихъ бояръ».
Тѣмъ кончились переговоры.

Послы поѣхали прямо на обѣдъ къ пану Тарлу, хоронжему Львовскому, который пригласилъ также князя Вишневецкаго, пана подстолія коронаго и многихъ другихъ пановъ. Послѣ обѣда забавлялись танцами; время текло среди веселостей. Между тѣмъ кто-то сказалъ, что Поляки подрались съ Русскими. Въ ту самую минуту звонили къ вечернѣ: нашимъ послышалась тревога; забыли пиръ и разбѣжались. Паны послы, имѣя уже въ головѣ, поспѣшили на свою квартиру; а князь Вишневецкій, паны Стадницкіе и панъ подстолій остались, желая узнать причину тревоги. Наконецъ сказали намъ, что пьяный гайдукъ князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, а Русскіе прибили его; отъ чего и вышла тревога.

Намъ совѣтовали быть осторожными, говоря, что бояре сговорились съ народомъ погубить царя и всѣхъ Поляковъ. Въ самомъ дѣлѣ уже былъ заговоръ: положено было напасть на насъ ночью съ середы на четвертокъ; болѣе всѣхъ злились на князя Вишневецкаго; около квартиры его собралось до четырехъ тысячь черни съ намѣреніемъ начать бунтъ; но въ эту ночь что-то помѣшало ей. Насъ предостерегали Нѣмцы, болѣе расположенные къ намъ, нежели къ Русскимъ: они удостовѣряли, что Москвитяне рѣшились погубить насъ всѣхъ до послѣдняго. Въ слѣдствіе сего, послы объявили единоземцамъ своимъ, въ случаѣ какой либо опасности укрываться въ посольскомъ домѣ. Увѣдомили и царицу о безпокойствѣ пословъ. Царь, узнавъ о семъ, въ тотъ же день два раза присылалъ къ посламъ пана Бучинскаго и совѣтовалъ имъ не тревожиться. «Я», говорилъ царь, «такъ хорошо взялъ въ «руки свое государство, что безъ воли моей ничего быть не мо-«жетъ». Въ тотъ же вечеръ панъ воевода и панъ староста Саноцкій расположили на своемъ дворѣ, въ сторонѣ отъ квартиры, всю пѣхоту свою съ хоругвями и барабанами. Мы также, въ слѣдствіе

1606. случившейся тревоги, поставили стражу на посольскомъ дворѣ, и каждый изъ насъ съ людьми своими принужденъ былъ цѣлый день и всю ночь поочередно караулить дворъ.

Москвитяне уже давно замыслили мятежъ. Нѣсколько дней сряду бояре внушали народу, что царь, при помощи Поляковъ, намѣренъ истребить знатнѣйшія въ Москвѣ семейства и заселить ее Поляками и Литовцами. Все это, по словамъ бояръ, должно было совершиться въ наступающее воскресенье, т. е. 28 мая. Къ сему дню Польскіе рыцари готовились ломать копья, по случаю царской свадьбы: нѣсколько пушекъ было отправлено въ поле для пальбы; бояре же говорили народу, что Поляки готовились не къ ристанію, а къ избіенію Москвитянъ, что царь намѣревается истребить Русскую вѣру и ввести въ Россію еретическую (т. е. католическую), что самый нарядъ гусарскій, имъ любимый, служитъ тому доказательствомъ, что безъ намѣренія уничтожить вѣру не было причины старинную Русскую одежду замѣнять новою чужеземною, что кромѣ того онъ расточаетъ собранныя предками его сокровища и раздаетъ ихъ Полякамъ. Много было и другихъ обвиненій, которыми бояре вооружали простодушныхъ на царя, называя его не царевичемъ Димитріемъ, а Гришкою Богдановымъ разстригою Отрепьевымъ. Всѣ твердили это; всѣ желали видѣть на престолѣ кореннаго Русскаго. Усерднѣе всѣхъ распространялъ подобныя вѣсти Михайло Ивановичъ [162] Татищевъ, едва не казненный царемъ за измѣну, сосланный въ дальній острогъ, потомъ помилованный и по прежнему членъ сената. Самъ царь лучше всѣхъ насъ зналъ о заговорѣ; но не хотѣлъ и слышать объ немъ. Онъ досадовалъ, если кто изъ нашихъ предостерегалъ его, и таилъ свое безпокойство отъ его королевскаго величества, въ надеждѣ скоро устранить всякій поводъ къ опасенію.

Кончивъ переговоры съ послами его королевскаго величества, царь старался развѣдать о заговорщикахъ между своими сенаторами. Обыкновенно при немъ всегда была стража, состоявшая изъ 300 Нѣмцевъ, вооруженныхъ аллебардами. Бояре, участвовавшіе

въ заговорѣ, распустили этихъ тѣлохранителей, однихъ въ пят- 1606.
ницу вечеромъ, а другихъ въ субботу, сказавъ, что царь повелѣлъ имъ разойтись по квартирамъ. Увѣренные въ царскомъ повелѣніи и не подозрѣвая никакого умысла, Нѣмцы удалились. Предъ покоями осталось только 30 аллебардщиковъ, а въ самыхъ покояхъ было съ царемъ нѣсколько слугъ изъ Поляковъ и немного музыкантовъ. Разсказываютъ, что Димитрій въ ночь на 27 мая не спалъ и все веселился. Рано въ субботу онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ на крыльцо, гдѣ увидѣвъ Аѳанасія Власьева и князя Григорія Волконскаго, нашего пристава, спросилъ: не говорятъ ли чего объ немъ Польскіе послы? Князь Волконскій, кажется, не знавшій о заговорѣ, сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ и сошелъ съ крыльца; между тѣмъ заговорщики дали знать другъ другу; вскорѣ собралось до 200 бояръ и дворянъ Московскихъ: они вломились въ крѣпостные ворота и ударили въ колоколъ, называемый *Налдъ*, въ который обыкновенно звонятъ при всякой тревогѣ. Царь, услышавъ тревогу, спросилъ князя Дмитрія Шуйскаго: для чего звонятъ? «Пожаръ,» отвѣчалъ Шуйскій. Въ слѣдъ за тѣмъ ударили въ набатъ.

Часть народа была приготовлена къ бунту; многіе ничего не знали: имъ сказали, что Литва бьетъ бояръ. И такъ зазвонили во всѣ колокола, сколько ихъ было въ городѣ. Чернь бросилась въ крѣпость на помощь боярамъ съ рогатинами, съ ружьями, съ топорами, съ саблями, со всемъ, что попалось въ руки. Между тѣмъ, пока народъ еще не сбѣжался, князь Василій Шуйскій совѣтовалъ дворянамъ напасть на дворецъ и довершить дѣло, говоря, что Гришка Отрепьевъ приказалъ въ тотъ же вечеръ отсѣчь имъ головы и что только смерть злодѣя спасетъ ихъ. Изъ 30 Нѣмцевъ аллебардщиковъ, оставшихся при дворцѣ, одни бросили аллебарды, когда въ нихъ начали стрѣлять, а другіе выскочили изъ палатъ и бѣжали. Въ царскомъ покоѣ былъ въ то время Петръ Басмановъ; услышавъ тревогу и увидѣвъ бунтовщиковъ, онъ закричалъ царю: «Мятежъ! я умру, а ты спасайся», и ставъ въ дверяхъ, отражалъ

1606. Русскихъ до послѣдняго издыханія: его убили вмѣстѣ съ другими, которые также оборонялись.

Говорятъ, царь, надѣвъ свое платье, выскочилъ изъ окна; но одинъ Москвитинъ догналъ его и ранилъ саблею въ ногу, въ добавокъ къ тому, что досталось ему при скачкѣ изъ окна. Упавъ на землю, царь лишился чувствъ; къ нему подбѣжали стрѣльцы, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ деревяннаго дома Борисова, сломаннаго по его приказанію. Очнувшись, онъ сталъ молить стрѣльцовъ о защитѣ, обѣщая въ награду имъ боярскихъ женъ и боярскія помѣстья. Стрѣльцы рѣшились оборонять его и когда заговорщики бросились къ нему, нѣкоторыхъ застрѣлили; бояре и дворяне, принужденные отступить, закричали: «Пойдемъ въ городъ, въ стрѣлецкіе домы, и перебьемъ «всѣхъ женъ и дѣтей ихъ!» Устрашенные угрозою, стрѣльцы бросили ружья на землю; а бояре и дворяне приступили къ царю съ бранью, называя его Гришкою Отрепьевымъ. Онъ ссылался на свою мать; но князь Голицынъ отвѣчалъ, что царица не признаетъ его своимъ сыномъ, что сынъ ея Димитрій убитъ въ Угличѣ, что тамъ лежитъ и тѣло его. Въ продолженіе сихъ разговоровъ, протѣснился между народомъ боярскій сынъ Григорій Волуевъ, выстрѣлилъ изъ подъ армяка и убилъ Димитрія.

Стрѣльцы разбѣжались; Москвитяне же кинулись на трупъ, и изливъ свою злобу сабельными ударами, повлекли его къ воротамъ, близъ которыхъ въ монастырѣ жила царица — мать. Ее спрашивали: точно ли убитый сынъ ея? Она отвѣчала, говорятъ: «Объ этомъ надобно было спросить, когда онъ былъ живъ; а теперь онъ уже не мой». Отсюда потащили тѣло за ворота, на рынокъ, среди котораго, на одномъ столѣ положили царскій трупъ, а на другомъ, нѣсколько пониже, тѣло Басманова, такъ, что ноги перваго свѣсившись, касались груди втораго. На царя бросили маску, а въ ротъ воткнули дудку: о маскѣ говорили мятежники народу, что она стояла въ комнатѣ его на мѣстѣ иконъ, которыя найдены подъ кроватью; для чего же дали ему дудку, не знаю. Въ

такомъ видѣ оба тѣла пролежали на рынкѣ трое сутокъ, субботу, 1606.
воскресенье и понедѣльникъ, до самаго вторника. Въ продолженіе сихъ дней, Русскіе толпились около нихъ, и никто не отходилъ, не сдѣлавъ надъ ними какого нибудь ругательства: иной поролъ брюхо, другой рвалъ мясо на куски; тотъ выкалывалъ глаза, этотъ волочилъ трупъ съ мѣста на мѣсто. Такъ поступали съ тѣмъ, кто называлъ себя непобѣдимымъ!

Въ то самое время, какъ царь былъ умерщвленъ одною толпою мятежниковъ, другая бросилась въ покои царицы. При ней было нѣсколько женщинъ; а изъ мущинъ находился одинъ только Матвѣй Осмольскій. Ставъ въ дверяхъ царицына покоя, онъ мужественно отражалъ народъ, не взирая на многія раны свои, доколѣ ружейные выстрѣлы не положили его на землю. Стрѣляя въ Осмольскаго, мятежники ранили панью Хмѣлевскую, которая чрезъ нѣсколько дней умерла отъ раны; а царицу и бывшихъ при ней женщинъ ограбили до-чиста, оставивъ ихъ въ однѣхъ только сорочкахъ.

Дворъ пана воеводы окружили стражею, такъ что изъ него нельзя было подать никакой помощи и узнать объ участи царя. Наши совершенно ничего не вѣдали; только толпы народа, бѣжавшаго въ крѣпость, давали поводъ догадываться, что не даромъ бьютъ въ колокола. Воспоминаніе прежнихъ тревогъ умножило опасенія. Служители наши, рано вышедшіе изъ квартиръ для покупки разныхъ вещей, были убиты и ограблены. Никто не предугадалъ бунта; иначе мы соединились бы вмѣстѣ или у пословъ, или у пана воеводы. Видно Богъ хотѣлъ отнять у насъ умъ, чтобы всѣхъ насъ покорать за гордость, надменность и наглые поступки жолнеровъ изъ царицыной свиты: на пути къ Москвѣ, они грабили подданныхъ его королевскаго величества и отвсюду слышали проклятія; теперь же ходили съ поникшею головою, потерявъ коней, оружіе и все, что имѣли. Во всякомъ случаѣ мы могли бы соединиться безъ труда, по крайней мѣрѣ съ княземъ Вишневецкимъ, который защищался мужественно.

1606. По убіеніи царя, чернь бросилась грабить Поляковъ на квартирахъ, и не довольствуясь добычею, рубила въ куски кого только изъ нашихъ могла захватить. Особенно много погибло достойныхъ молодыхъ людей въ той улицѣ, гдѣ стояли царицыны пахолики. Тамъ пали: панъ Глуховскій, дворянинъ его королевскаго величества, панъ Перхлинскій, панъ Склинскій, панъ Венсовичъ, панъ Иваницкій, панъ Борса, панъ Самуилъ Балъ, панъ Цизовскій, панъ Коморовскій съ Зывца, панъ Ходорадкевичъ, панъ Сумоньскій, панъ Ясеновскій, и многіе другіе. Панъ Смольскій имѣлъ свой дворъ, близь посольскаго, подаренный ему покойнымъ царемъ, который отнялъ его у Татищева. Панъ Смольскій, выѣхавъ изъ владѣній королевскихъ, съ женою и дѣтьми, поселился въ семъ домѣ, и уже не могъ возвратиться въ Польшу. Ворвавшись къ нему, Русскіе захватили все, что нашли въ домѣ. Напитки, медъ и вино тотчасъ выпили: это придало имъ еще болѣе охоты грабить. Въ четверть часа все было расхищено; хозяина, жену, дѣтей и слугъ его оставили въ однѣхъ рубахахъ. Самого Смольскаго привязали къ лошади и мимо посольскаго двора отвели въ крѣпость. Панъ Тарло, хоронжій Перемышльскій, заперся было въ своей квартирѣ съ паномъ Любомирскимъ. Увѣренные въ безопасности крестнымъ цѣлованіемъ Русскихъ, они выдали свое оборонительное оружіе, полагаясь на клятву. Русскіе нарушили ее: убили 30 служителей, многихъ переранили; самую панью Тарлову и вдовствующую панью Гербуртову больно прибили, а всю одежду сняли съ нихъ безъ всякаго стыда. Обобравъ самого пана Тарла съ паномъ Любомирскимъ, отвели ихъ всѣхъ обнаженныхъ вмѣстѣ съ паньями въ крѣпость. Двѣ же паньи, взятыя въ семъ домѣ, едва могли возвратиться уже на третій день. Въ той же самой улицѣ имѣлъ квартиру ксензъ Помаскій: услышавъ о бунтѣ, онъ велѣлъ запереть двери своего дома и началъ служить обѣдню. Мятежники ворвались въ домъ, когда онъ лишь только кончилъ священнослуженіе и не успѣлъ еще скинуть ризъ: священную одежду съ него сорвали, а самого такъ избили, что онъ на третій день отдалъ

душу свою Богу. Тамъ же умертвили роднаго брата его и боль- 1606.
шую часть служителей; остальныхъ изранили, а домъ разграбили.

Мы, посольскіе, при первомъ знакѣ мятежа, тотчасъ осмотрѣли и заперли дворъ; около заборовъ, со всѣхъ сторонъ, поставили гайдуковъ для стражи, а сами приготовились къ смерти, не надѣясь дожить до слѣдующаго дня, и только молили Бога даровать намъ благій конецъ. Трупы нашихъ братьевъ лежали вокругъ посольскаго двора; видя ихъ, мы рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ, и того только ждали, что Русскіе бросятся на насъ. Противъ посольскаго двора, чрезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, отданномъ Голицыну, стоялъ панъ староста Саноцкій: къ нему ускользнулъ изъ своей квартиры панъ подстолій коронный, предостереженный своимъ хозяиномъ предъ самымъ бунтомъ, вмѣстѣ съ паномъ Корыткою и съ паномъ Коморовскимъ, ночевавшими на квартирѣ пана подстолія. Всѣ вещи также успѣли перенести къ пану старостѣ, имѣвшему при себѣ много людей. Мы сообщались съ нимъ посредствомъ записокъ, которыя, привязавъ къ стрѣламъ, бросали изъ лука.

Съ другой стороны посольскаго двора на углу, въ домѣ Безобразова, стоялъ панъ староста Луховскій: при началѣ бунта онъ успѣлъ убѣжать къ намъ въ одномъ только жупанѣ, бросивъ имущество и служителей, которые безъ него заперлись. Москвитянамъ весьма хотѣлось опустошить оба дома; особливо злились на старосту Саноцкаго, за проказы, какъ видно, слугъ и жолнеровъ его; но опасаясь помощи съ нашей стороны, они не смѣли напасть на нихъ, и только стрѣляли сквозь щели въ Поляковъ на дворѣ старосты Луховскаго. Приставы наши, усмиряя чернь на улицѣ, отводили ее отъ смежныхъ съ дворомъ нашимъ домовъ старосты Луховскаго и пановъ Стадницкихъ, говоря, что тамъ посольскіе люди, что ихъ не приказано трогать, и что надобно дать имъ покой. И такъ сихъ домовъ не тронули.

За нашимъ домомъ чрезъ улицу, на небольшомъ дворѣ, стояли два брата Казановскіе: не надѣясь отбиться отъ злодѣевъ, паны

1606. просили насъ посредствомъ условныхъ знаковъ пустить ихъ въ посольскій дворъ; съ ними былъ и панъ ротмистръ Домарадскій, который, бросивъ свою лошадь, едва успѣлъ къ нимъ убѣжать. Мы не рѣшались подать имъ помощь, опасаясь навлечь на себя большую бѣду; но кровь братьевъ убѣдила насъ: сдѣлавъ въ стѣнѣ отверстіе, которымъ можно было пролѣзть въ посольскій дворъ, мы дали знакъ Казановскимъ; въ то же время нѣсколько нашихъ стали на кровлѣ конюшни, готовясь ружейными выстрѣлами разогнать Русскихъ, если бы они вздумали препятствовать Казановскимъ перебѣжать къ намъ чрезъ улицу. И такъ оба пана вмѣстѣ съ Домарадскимъ и нѣсколькими слугами побѣжали чрезъ улицу. Русскіе бросились было съ обѣихъ сторонъ, чтобы схватить ихъ и не допустить къ отверстію; но взглянувъ на нашихъ и услышавъ угрозы, поспѣшили отступить. Только одинъ Москвичъ застрѣлилъ предъ самымъ отверстіемъ слугу пана Домарадскаго и рогатиною прикололъ его къ землѣ; за то и самъ получилъ тою же монетою: одинъ изъ нашихъ влѣпилъ ему пулю въ самый лобъ. Тутъ Русскіе начали стрѣлять и бросать каменьями въ Поляковъ, стоявшихъ на конюшнѣ; но, слава Богу, никого не ранили.

Между тѣмъ нѣсколько сотъ Москвитянъ ворвались въ домъ, гдѣ жили Казановскіе, расхитили всѣ вещи ихъ и убили 22 служителя; отсюда хлынули къ другимъ отдѣльнымъ квартирамъ Польскимъ, ближайшимъ къ крѣпости, разграбили ихъ, и наконецъ подступили къ двору Стефана господаровича Волошскаго, гдѣ стоялъ князь Константинъ Вишневецкій. Князь, имѣя при себѣ отборныхъ людей, принялъ всѣ мѣры къ безопасности. Долго приступали къ нему Русскіе, съ великою для себя потерею, поражаемые ружейными выстрѣлами изъ домовъ. Наконецъ навели пушку: но выстрѣлъ ея не сдѣлалъ нашимъ вреда, потому, что орудіе было за горою.

Тѣмъ временемъ прискакали къ посольскому двору два боярина, Борисъ Нащокинъ съ товарищемъ, желая видѣться съ послами. Панъ староста Велижскій вышелъ къ нимъ и сталъ въ воротахъ;

а они, сидя на лошадяхъ, вооруженные колчанами и саблями, 1606.
поклонились ему и сказали: «Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстислав-
«скій, князь Василій и князь Дмитрій Шуйскіе и другіе бояре
«велѣли сказать вамъ, посламъ Сигизмунда короля Польскаго и
«великаго князя Литовскаго. Въ королевствѣ государя вашего
«было извѣстно, что по смерти царя Ивана Васильевича остался
«малолѣтный сынъ его Димитрій Ивановичъ, истинный царевичъ:
«злые люди лишили его жизни. Спустя довольно послѣ того вре-
«мени, монахъ Гришка Богдановъ, изъ дьячка ставъ чернокнижни-
«комъ и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ область вашего госу-
«даря въ Литву, и тамъ, назвавшись царевичемъ Димитріемъ
«Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. Единоземцы ваши при-
«шли съ нимъ въ государство Московское; народъ взволновался и,
«по смерти Бориса Ѳедоровича, избралъ Гришку своимъ госуда-
«ромъ. Сѣвъ на престолъ, онъ разорялъ наше государство, жилъ
«безчинно, хотѣлъ истребить вѣру христіанскую и замѣнить
«еретическою. Царица, которую онъ называлъ матерью, объявила
«о томъ боярамъ: узнавъ обманъ, никто не хотѣлъ терпѣть его.
«Теперь нѣтъ болѣе вора. Вы, послы королевскіе, не опасайтесь
«ничего; бояре приказали тщательно охранять жизнь вашу; но
«берегитесь мѣшаться въ дѣла старосты Саноцкаго и другихъ
«людей, которые пріѣхали не съ вами, а съ воеводою Сендомир-
«скимъ, чтобы заѣсть Русскихъ. Мы терпѣли много зла отъ нихъ».

Панъ староста Велижскій отвѣчалъ ему на Русскомъ языкѣ
слѣдующимъ образомъ: «Правда было у насъ извѣстно, что по
«смерти великаго государя вашего Іоанна Васильевича, остался
«сынъ Димитрій; потомъ пронесся слухъ, что Борисъ Годуновъ
«велѣлъ убить его для своей выгоды. Но явившись въ областяхъ
«королевскихъ, сей человѣкъ весьма многими доказательствами
«увѣрилъ нашихъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ и что
«Богъ спасъ его чудеснымъ образомъ отъ погибели. Наши едино-
«земцы сколько прежде жалѣли о смерти Димитрія, столько теперь
«радовались, видя его въ живыхъ; а ваши думные бояре посадили

1606. «его на царство. Нынѣ, какъ самъ ты говоришь, вы узнали, что «онъ не истинный Димитрій и убили его: до этого намъ дѣла «нѣтъ,—да благословитъ Богъ ваше предпріятіе! Но мы, послы, «заботились о собственной безопасности, ибо не только въ хри- «стіанскихъ государствахъ, но и въ бусурманскихъ, особа посла »священна. Благодаримъ бояръ за ихъ доброжелательство. Что же «касается до пана старосты Саноцкаго и другихъ подданныхъ его «королевскаго величества, прибывшихъ сюда съ воеводою Сендо- «мирскимъ, то они ѣхали сюда не на войну и не съ тѣмъ, чтобы, «какъ вы говорите, заѣсть Русскихъ, а бывъ призваны вашимъ «государемъ, вашими думными боярами, чрезъ вашего посла, они «спѣшили сюда на свадьбу, вовсе не зная, что государь вашъ не «истинный Димитрій. Здѣсь они никому не вредили. Если же «кто изъ служителей ихъ кого либо обидѣлъ, да будетъ тотъ «наказанъ: за виновныхъ мы не стоимъ; но не всѣ же должны «страдать за одного! Поблагодарите бояръ за пріязнь и просите «ихъ нашимъ именемъ остановить убійство безвинныхъ людей его »королевскаго величества. Боже сохрани, если станутъ тиранить «ихъ предъ нашими очами: мы не удержимъ своихъ людей, не «будемъ хладнокровно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ и «лучше согласимся всѣ вмѣстѣ погибнуть. Что же изъ того долж- «но произойти, да разсудятъ сами думные бояре».

Съ этимъ отвѣтомъ Нащокинъ и товарищъ его возвратились въ крѣпость; вскорѣ послѣ нихъ прискакали князь Мстиславскій, князья Шуйскіе и другіе знатные бояре. Они старались разогнать разъяренный народъ и спасти нашихъ. Князь Мстиславскій прежде всего бросился въ улицу Московскую, гдѣ наиболѣе погибло царскихъ слугъ, чтобы подать помощь оставшимся въ живыхъ. Князь Василій Шуйскій и Иванъ Никитичъ поспѣшили къ дому князя Вишневецкаго, окруженному безчисленною толпою народа. Князь велѣлъ запереть дворъ и отражалъ мятежниковъ, при помощи 200 всадниковъ, вооруженныхъ копьями. Старшины, управлявшіе мятежниками, увѣряли нашихъ въ безопасности. Наши

дались въ обманъ, слѣзли съ коней и лишь только поставили ихъ 1606.
въ конюшни, Москвитяне снова начали пальбу по нимъ: Поляки принуждены были обороняться пѣшіе, какъ могли, уже не имѣя средствъ вывесть лошадей изъ конюшень.

Въ то самое время подоспѣлъ Шуйскій съ Никитичемъ: они сами вошли въ домъ, увѣрили князя подъ присягою въ безопасности, взяли его только въ одномъ жупанѣ, впрочемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и отправили въ боярскій дворъ. Слуги и челядинцы княжескіе остались въ домѣ въ однѣхъ рубахахъ; всѣ вещи его, оружіе, лошади, словомъ все было расхищено; сверхъ того убитъ слуга княжескій Пясецкій съ 20 челядинцами, нѣсколькими гайдуками и конюхами. Бояре бѣгали по улицамъ, усмиряя народъ, и тѣмъ спасли пана старосту Луховскаго и пана старосту Саноцкаго, на которыхъ мятежники были чрезвычайно сердиты. При посольскомъ домѣ поставлено 500 стрѣльцовъ для усмиренія черни. Пословъ навѣстили думные бояре Шереметевъ и Григорій Ромодановскій, которые отъ лица всѣхъ думныхъ бояръ долго говорили о томъ же, о чемъ прежде предлагалъ Нащокинъ, и получили отъ пословъ такой же отвѣтъ.

Въ тотъ же день, когда все успокоилось, привели нѣсколько посольскихъ слугъ, почти обнаженныхъ; на иномъ не было и сорочки. Ихъ не убили только потому, что были посольскіе. Два шляхтича, камердинеры посольскіе, Загурскій и Овлочовскій, съ пятью челядинцами не избѣжали смерти. Они рано вышли въ городскіе ряды для покупокъ, ничего не зная о мятежѣ, и тамъ были убиты. И такъ мы провели субботу въ горести, безпокойствѣ и опасеніи; въ наступившую ночь едва ли кто сомкнулъ глаза.

28 мая, въ воскресенье, утромъ пришелъ къ намъ езуитъ ксензъ Саницкій: его считали мы погибшимъ и встрѣтили съ великимъ участіемъ. Послы, съ дозволенія думныхъ бояръ, отправили служителей своихъ съ приставомъ освѣдомиться о панѣ Тарлѣ. Посланные увидѣли въ квартирѣ его стѣны обрызганныя кровью; на дворѣ нашли трупы разстрѣленные и изрубленные.

1606. Самого пана Тарла и пана Любомирскаго встрѣтили въ негодныхъ Русскихъ рубахахъ, а панью Тарлову, панью Гербуртову и другихъ дамъ въ такихъ уборахъ, въ какихъ не ходятъ у насъ самыя послѣднія крестьянки. Вмѣсто ложа служила имъ солома на полу, какъ стелятъ скотинѣ. У всѣхъ все было обобрано. Послы отправили имъ свое платье, бѣлье, нѣсколько кусковъ сукна для пановъ и нѣсколько поставовъ каразеи для служителей. Въ сей день подбирали трупы нашихъ людей и хоронили за городомъ.

29 мая, въ понедѣльникъ, часу во второмъ дня, въ крѣпости ударили въ барабаны, загремѣли въ трубы и зазвонили въ колокола: торжествовали избраніе на царство князя Василія Ивановича. Этотъ князь всегда умышлялъ на жизнь покойнаго царя; былъ приговоренъ за то къ смерти и уже палачъ готовился отсѣчь ему голову, когда Димитрій помиловалъ его, себѣ на бѣду, и вскорѣ далъ въ сенатѣ первое мѣсто послѣ князя Мстиславскаго. Приставы поспѣшили увѣдомить пословъ объ избраніи новаго царя, и увѣряли ихъ въ совершенной безопасности, дозволивъ именемъ бояръ и государя освѣдомляться о здоровьи каждаго изъ единоземцевъ своихъ. Всѣ Поляки спѣшили воспользоваться дозволеніемъ и, спрашивая другъ друга о добромъ здоровьи, радовались, какъ воскресшіе изъ мертвыхъ. Мы благодарили Бога за усмиреніе разъяренной черни. Въ тотъ же день новый царь приказалъ отвести на посольскій дворъ пана Ратомскаго, старосту Остерскаго: имѣя свою квартиру недалеко отъ князя Вишневецкаго, онъ оборонялся до послѣдней силы; его ограбили до-чиста, одѣли въ кафтанъ, посадили на Московскую лошадь и съ немногими слугами привели къ намъ, въ одеждѣ весьма ненарядной. У него убито 10 человѣкъ. Съ самой субботы до понедѣльника приводили къ намъ единоземцевъ нашихъ, людей почтенныхъ, служившихъ царю и царицѣ; они были почти нагіе; число сихъ людей, въ теченіе трехъ сутокъ приведенныхъ на посольскій дворъ, простиралось до 150 человѣкъ. Нельзя было смотрѣть на нихъ безъ сожалѣнія. Мы давали имъ, что могли. Русскіе только тѣмъ за-

служили благодарность, что каждый назвавшій себя посольскимъ, 1606.
хотя и не принадлежалъ къ нашей свитѣ, находилъ пощаду: такихъ обирали до-чиста и приводили къ намъ.

Списокъ людей, приведенныхъ по смерти Димитрія на посольскій дворъ для охраненія: панъ Мнишекъ староста Луховскій, панъ Ратомскій староста Остерскій, панъ Стадницкій, панъ Адамъ Казановскій (изъ свиты царицыной), панъ старостичъ Сохачевскій, панъ Вильямъ крайчій царицынъ, панъ Плято стольникъ, панъ Мартинъ Плято стражникъ, панъ Матвѣй Домарадскій ротмистръ, панъ Христофоръ ..... панъ Здроньскій, панъ Янъ Стренбошъ съ сыномъ изъ свиты царицыной; ксензъ Саницкій езуитъ, самъ пятъ; панъ Смерскій съ братомъ, изъ свиты царицыной, панъ Янъ Корсакъ Цудзельскій, панъ Андрей Корсакъ, панъ Матвѣй Бучинскій, панъ Мысловскій жолнеръ, панъ Домашовскій, панъ Выдлицы съ паномъ Вержосовскимъ, панъ Любошевскій, панъ Мостовскій писарь царицы, панъ Гидзельскій, панъ Чертеньскій, панъ Вышиньскій, панъ Дыдыньскій, панъ Денбицкій, панъ Пудловскій, панъ Перхлиньскій, панъ Заклика пахоликъ, панъ Христофоръ Пелчиньскій, панъ Белчиньскій, панъ Качковскій, панъ Сененьскій пахоликъ. Купцы, золотыхъ дѣлъ мастера: Николай изъ Львова, Севастіанъ Зиттель изъ Кракова; Войцехъ Сторциста. Панъ Лапа жолнеръ; панъ Гонсѣвскій карло; Якубъ Зидекъ коморникъ его королевскаго величества; Балцеръ Зидекъ шутъ; Сенько Корунда сапожникъ изъ Львова; Аведыкъ Армянинъ самъ-четвертъ; слуга старосты Остерскаго Сметаньскій изъ Минска самъ-четвертъ; панъ Георгій Хелтовскій, панъ Ѳедоръ Пелчиньскій, панъ Христофоръ Рудзскій, панъ Лазовскій, панъ Малишицкій; Бальверъ портной; Талашко музыкантъ и поваръ; пановъ Казановскихъ 20 слугъ; пана Здроньскаго 9 челядинцевъ; пана Гноиньскаго 10 челядинцевъ; паньи Нилямовой 8 челядинцевъ; пана Домарадскаго 12 человѣкъ; пановъ Смерскихъ 4 человѣка. Сверхъ того на посольскій дворъ пришло много слугъ, которыхъ господа были убиты.

1606. Списокъ Поляковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ домахъ, подъ надзоромъ приставовъ: панъ воевода Сендомирскій; при немъ царица; князь Константинъ Вишневецкій съ своими слугами; панъ Тарло хоронжій съ женою; панъ подстолій Нѣмоевскій; паны Андрей и Мартынъ Стадницкіе; панъ Любомирскій; панъ Вольскій; панъ Домарадскій; панъ подстолій Львовскій; панъ Корытко; панъ Иванъ Комаровскій; панъ Голуховскій дворянинъ его королевскаго величества самъ-девятъ; панъ Заборовскій самъ-шестъ; панъ Стрызовскій самъ-осьмой; панъ Перхлиньскій; панъ Шумоньскій; панъ Матвѣй Осмольскій пахоликъ царицынъ; панъ Лагевницкій самъ-третій; панъ Ходереский; панъ Храбковскій; панъ Загурскій; панъ Овлочимскій; панъ Крассовскій младшій; панъ Олловинъ; панъ Боболя; панъ Прецлавскій; панъ Лапа самъ другъ; панъ Зверхлиньскій съ братомъ; паны Янъ и Станиславъ Бучинскіе; панъ староста Сохачевскій; панья Гербуртова вдова; Антоній Беати Италіянецъ; панъ Дворжыцкій, бывшій при покойникѣ гетманомъ надъ Поляками. Три роты жолнеровъ: одна пана воеводы, другая пана старосты Саноцкаго, третья царская. Говорили, что жолнеровъ скоро отправятъ за границу во владѣнія его королевскаго величества.

Не излишнимъ считаю упомянуть и о тѣхъ людяхъ, которые, пріѣхавъ на свадьбу, были коварнымъ образомъ умерщвлены безчеловѣчными Москвитянами: ксензъ Плебанъ Самборскій съ братомъ; Самуилъ Балъ самъ-десятъ; панъ Комаровскій самъ-двадцатъ: панъ Склиньскій съ 19 человѣками; панъ Ясеновскій панъ Мышковскій; панъ Солецкій; панъ Венсовичъ; панъ Липницкій; панъ Крушиньскій самъ-другъ; панъ Иваницкій самъ-пятъ; панъ Борза самъ-четвертъ; панъ Пелчиньскій самъ-четвертъ; музыкантовъ царицы 17, да ранено 8 человѣкъ; панъ Пясецкій слуга князя Вишневецкаго самъ-двадцатъ; панъ Целярій купецъ Медіоланскій; два челядинца пана Жолтаго; слуга пана Султана; панъ Марциньковскій камеръ-юнкеръ царицынъ; панъ Нитовскій пѣвчій царицынъ; панъ Кановскій коморникъ; панъ Глиньскій коморникъ;

22 челядинца пановъ Казановскихъ; 56 слугъ пана Тарла; 37 1606.
конюховъ и гайдуковъ пана воеводы Сендомирскаго; 3 слуги пана Бучинскаго; пахоликъ пана Пудловскаго; 13 человѣкъ пана Габріеля органиста; два служителя отцовъ езуитовъ; изъ роты пана воеводы Сендомирскиго 26 пахоликовъ; у пана Ратомскаго 10 человѣкъ; у Любомирскаго 3; у старосты Луховскаго 13 гайдуковъ; у пана Георгія Стадницкаго 3 человѣка; у ксенза Помаскаго всѣ служители; у пана Яна Комаровскаго 13 человѣкъ; купцовъ изъ разныхъ городовъ 3; изъ роты Домарадскаго 13 челядинцевъ; изъ посольской свиты 5. Ганьчикъ Галеръ. Говорю только о тѣхъ, которыхъ имена мы могли узнать; погибло сверхъ того много намъ неизвѣстныхъ. Изъ вѣдомостей оказалось, что нашихъ убито до тысячи человѣкъ.[163] Въ послѣдствіи трупы были собраны въ одно мѣсто: нѣкоторые изъ нашей свиты ходили смотрѣть ихъ и въ числѣ убитыхъ узнавали своихъ кровныхъ.

30 мая, во вторникъ, по солнечномъ восходѣ, одинъ Московскій купецъ, сжалившись надъ тѣломъ Димитрія, которое доселѣ лежало на рынкѣ для поруганія и уже было терзаемо собаками, вывезъ его въ поле и закопалъ. Басманова похоронили родственники у церкви.

31 мая, по просьбѣ пословъ и пана воеводы Сендомирскаго, не знавшаго объ участи царицы, перевели ее изъ царскихъ покоевъ въ квартиру отца, вмѣстѣ съ бывшими при ней дамами. Панъ воевода обходился съ нею не какъ съ своею дочерью, а какъ съ государынею. Насъ всѣхъ утѣшали скорымъ отпускомъ въ отечество и вознагражденіемъ изъ царской казны за отнятыя вещи. Мы молили только Бога о скорѣйшемъ возвращеніи на родину и не требовали никакого возмездія.

Іюня 1, въ четвертокъ, пріѣхалъ къ посламъ окольничій (по нашему каштелянъ) Михайло Игнатьевичъ Татищевъ: именемъ бояръ домогаясь списка всѣхъ людей, которые послѣ бунта укрылись на дворѣ посольскомъ, онъ сказалъ: «Эти люди останутся здѣсь съ паномъ воеводою; а вы, послы, вскорѣ будете отправ-

1606. лены». Къ сему присовокупилъ, что въ слѣдующее воскресенье послы должны быть во дворцѣ у руки новаго царя и получить отпускъ; а въ воскресенье обѣщалъ намъ дорогу въ Польшу. Но это не сбылось.

2 іюня, въ пятницу, выслали изъ Москвы жолнеровъ пана воеводы и пана старосты Саноцкаго съ ротою Домарадскаго; ихъ погнали безъ лошадей, безоружныхъ, почти обнаженныхъ, по слухамъ, въ Литву; но скоро мы узнали, что вышли за предѣлы только до 600 человѣкъ; а прочіе задержаны.

Іюня 3 дня приставы требовали отъ пословъ выдачи тѣхъ людей, которые послѣ мятежа пришли на посольскій дворъ, для размѣщенія ихъ по прежнимъ квартирамъ, гдѣ обѣщано было давать имъ съѣстные припасы и производить жалованье деньгами. Паны, искавшіе защиты въ посольскомъ дворѣ, опасаясь неволи и скуднаго содержанія, убѣждали пословъ не соглашаться на требованіе приставовъ и желали лучше довольствоваться остатками малой посольской трапезы, чѣмъ получать отъ Русскихъ обильный столъ и обѣщанное жалованье. Одинъ только панъ Тарло младшій старостичь Сохачевскій рѣшился итти съ приставами: его отправили къ дядѣ, хоронжему, и тамъ дали ему на платье 200 рублей, что равняется 666 злотымъ и 20 грошамъ. Старшему Тарлу, какъ видно, также много дали.

5 іюня, въ понедѣльникъ, панъ староста Велижскій, съ вѣдома царя, ѣздилъ въ крѣпость къ родному брату его Дмитрію Ивановичу, для переговоровъ объ отпускѣ пословъ и освобожденіи всѣхъ Поляковъ. Князь Шуйскій обѣщалъ донести его слова государю.

6 іюня, во вторникъ, оба посла были во дворцѣ. Насъ ввели въ тѣ палаты, гдѣ обыкновенно бояре ведутъ съ послами переговоры. Тутъ мы застали князя Ѳедора Мстиславскаго, князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, Василія Трубецкаго, Ивана Никитича Романова, трехъ князей Голицыныхъ, Михайла Нагаго, Михайла Татищева и нѣсколько другихъ. Послы сѣли съ думными боярами;

а мы вышли въ другую сосѣдственную залу, гдѣ было очень много 1606.
боярскихъ дѣтей. Мы сѣли и разговаривали съ ними до самаго окончанія посольскихъ переговоровъ. Во всемъ сдѣлалась великая перемѣна: всѣ были печальны, какъ на похоронахъ; вся прежняя пышность исчезла; не видно было ни драбантовъ, ни стрѣльцовъ, ни множества стройныхъ людей въ великолѣпныхъ одеждахъ.

Когда послы заняли свои мѣста, князь Мстиславскій прочиталъ имъ слѣдующую бумагу: «Въ недавнемъ времени, какъ намъ и «вамъ извѣстно, по смерти блаженной памяти царя Іоанна Васильевича нашего государя, остались два сына: одинъ, царь Ѳеодоръ, «государь набожный, благочестивый, боголюбивый, счастливо и «спокойно царствовалъ надъ нами, во всякомъ изобиліи и благо«денствіи; другой, царевичъ Димитрій Іоанновичъ, въ младенчествѣ «получилъ себѣ въ удѣлъ Угличь съ городами и волостями. Въ «послѣдствіи, по Божіему изволенію и гнѣву, царевича не стало: «его умертвилъ съ злымъ умысломъ царь Борисъ, бывшій прави«телемъ государства при царѣ Ѳеодорѣ, по смерти котораго самъ «вступилъ на престолъ. Къ Борису Сигизмундъ, король вашъ, «присылалъ великаго посла своего пана Льва Сапѣгу, канцлера «великаго княжества Литовскаго съ товарищемъ, и чрезъ нихъ «заключилъ съ нами двадцатилѣтній миръ, утвердивъ его присягою «съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, по навожденію бѣсовскому, Гришка «Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за чернокнижество осужден«ный отцемъ отцовъ вездѣсущимъ на достойную казнь, бѣжалъ въ «королевство Польское, назвался тамъ именемъ царевича Димитрія «Іоанновича и представился Сигизмунду королю вашему. Мы, «думные бояре, услышавъ, что воръ находится въ Литвѣ, посылали «съ письмомъ къ сенаторамъ роднаго по отцѣ дядю сего вора, «нашего Отрепьева, для уличенія его предъ вашими сенаторами въ «обманѣ и подлогѣ. Кромѣ того патріархъ и епископы наши пи«сали о томъ же къ вашимъ архіепископамъ и епископамъ. Но «Сигизмундъ король вашъ и паны рады его, не уважая сего извѣс«тія, забывъ утвержденныя присягою условія, коими постановлено

1606. «не помогать никакому непріятелю ни деньгами, ни людьми до «опредѣленнаго трактатомъ срока, поддерживали вора людьми, «деньгами, и послали пана Юрія Мнишка, воеводу Сендомирскаго, «съ многочисленнымъ войскомъ прямо въ предѣлы Московскаго «государства. Когда же воръ съ людьми короля Польскаго при- «шелъ въ Сѣверскую землю, неразумная чернь сдала ему многіе «города, связавъ своихъ воеводъ. Наконецъ, по изволенію Божію, «Борисъ умеръ; воръ же, при помощи короля и народа вашего, «овладѣвъ Московскимъ престоломъ, хотѣлъ всѣхъ насъ погубить «и вѣру христіанскую уничтожить. Пришедшіе съ воеводою Сендо- «мирскимъ жолнеры дѣлали нашимъ всякія обиды, даже отнимали «женъ у мужей. Великая царица, мать истиннаго царевича Ди- «митрія, хотя сначала отъ страха признала Самозванца своимъ «сыномъ, но послѣ объявила намъ, что онъ воръ, и мы, не желая «повиноваться вору, убили его. Чернь, раздраженная наглостью «Поляковъ, бросилась на нихъ безъ нашего вѣдома, и слѣдствіемъ «того было великое кровопролитіе. Виною же всей бѣды король «вашъ и паны рады его, ибо вы нарушили крестное цѣлованіе и «мирное постановленіе. Наконецъ съ согласія всѣхъ чиновъ ду- «ховныхъ, бояръ, дворянъ и всего народа, избранный царемъ «князь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ государь милостивый и «мудрый, жалѣя о христіанскомъ кровопролитіи, повелѣлъ отпра- «вить за границу Московскую великое число людей вашихъ низ- «шаго званія со всѣмъ ихъ имуществомъ. Все это вамъ, посламъ, «мы объявляемъ, чтобы вы знали неправду короля вашего и свои «собственныя преступленія».

Выслушавъ бумагу, послы отошли въ сторону посовѣтоваться другъ съ другомъ. Потомъ староста Велижскій отвѣчалъ пространною рѣчью на Русскомъ языкѣ. Думные бояре слушали рѣчь пана старосты съ великимъ вниманіемъ; по окончаніи же ея, долго сидѣли въ молчаніи, посматривая другъ на друга. Повидимому, они были довольны посольскимъ отвѣтомъ. Наконецъ Михайло Татищевъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ князьямъ Мсти-

славскому и Шуйскому, занимавшимъ первыя мѣста, переговорилъ съ ними, сѣлъ опять, и прочиталъ посламъ то же самое, что и князь Мстиславскій, присовокупивъ сверхъ того: «За ваши не- 1606.
«правды, Богъ караетъ васъ междоусобными раздорами и навѣ-
«щаетъ то ханомъ Татарскимъ, то Каролюсомъ. Самъ Сигизмундъ
«трепещетъ за жизнь свою среди подданныхъ».

Панъ староста Велижскій отвѣчалъ ему слѣдующими словами: «Мы ничего не знаемъ о домашнихъ раздорахъ, о которыхъ вы «говорите, и не вѣримъ вашему извѣстію. Будучи народомъ воль-«нымъ, мы привыкли говорить вольно въ защиту правъ свободы «народной: это нельзя назвать раздоромъ. Хотя же иногда и бы-«ваютъ распри въ нашемъ отечествѣ, неизбѣжное слѣдствіе чело-«вѣческой слабости; однакожъ народъ Польскій и Литовскій всегда «отличался тою добродѣтелью, что каждый жертвуетъ выгодами «частными пользѣ общей. Если бы даже въ отечествѣ нашемъ и «были теперь несогласія, какъ вы говорите, чему впрочемъ мы не «вѣримъ, получивъ совсѣмъ противныя свѣдѣнія, то при первомъ «появленіи врага внѣшняго, наши немедленно примирятся, станутъ «грудью за свою вольность и свободу и немедленно отразятъ не-«пріятеля. Слова же ваши, будто бы его королевское величество «трепещетъ за жизнь свою среди подданныхъ, для самаго слуха «нашего отвратительны. Добродѣтельный народъ нашъ всегда «умѣлъ хранить вѣрность къ своимъ государямъ и не нарушитъ «ея къ нынѣшнему королю своему, государю благочестивому, «мудрому, счастливому. За годъ предъ симъ Татаринъ ворвался «было въ Польскую Украйну; но, потерявъ два сраженія, покрытый «стыдомъ, бѣжалъ изъ нашихъ предѣловъ съ великимъ урономъ. «Уповаемъ на Бога, что врагъ всегда будетъ отраженъ и посрам-«ленъ. Татаринъ никогда не можетъ ворваться далеко во владѣнія «королевскія: какъ разбойникъ, онъ нападаетъ иногда на Украйну, «и всякій разъ встрѣчаетъ войска его королевскаго величества. У «насъ не по вашему: давно ли столичный градъ вашъ былъ сожженъ «Татарами? при Іоаннѣ Васильевичѣ! А при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ

1606. «подъ стѣнами Москвы они грабили васъ, опустошали ваше госу-«дарство, и только великими дарами Борисъ удержалъ ихъ стрем-«леніе. Не кричите и теперь; не было бы вамъ хуже, чѣмъ кому «либо другому, чего вамъ, какъ братьямъ, мы не желаемъ. Вы на-«помнили о Королюсѣ: въ видѣ разбойника, онъ нападаетъ съ «моря на Лифляндію; но лишь только появится войско королев-«ское, онъ всякій разъ уходитъ назадъ, въ море. Всегда вступая «въ бой съ малочисленными отрядами нашими, онъ проигрывалъ «сраженія и былъ разбиваемъ на-голову, о чемъ и сами вы, какъ «сосѣди, хорошо знаете. Весьма удивительно намъ, что себя вы «возносите до небесъ, а насъ ставите ниже земли. Не безполезно «вамъ вспомнить, съ какою надмѣнностію Аѳанасій говорилъ отъ «Бориса посламъ его королевскаго величества и какъ скромно отвѣ-«чалъ ему панъ канцлеръ Литовскій. Что же стало съ гордымъ «Борисомъ? Вы сами знаете. Его королевское величество, госу-«дарь богобоязненный, отечески и счастливо царствующій надъ «нами, доселѣ здравствуетъ въ своихъ владѣніяхъ. Если бы вы, «на дѣлѣ и на словахъ, поступали съ нами какъ братья, мы не «услышали бы отъ васъ никакихъ угрозъ. Но вамъ извѣстно, что «мы уличать васъ въ недостаткахъ не хотимъ, а угрозъ вашихъ «не боимся».

Бояре съ своей стороны негодовали на Татищева, подавшаго поводъ къ такому спору; послѣ чего князь Мстиславскій, князья Шуйскіе и самъ Татищевъ, гораздо ласковѣе стали бесѣдовать съ послами, и говорили: «Всему грѣхи наши виною. Воръ обманулъ «и насъ и васъ». Потомъ указавъ на роднаго брата царицы, На-гаго, котораго Димитрій называлъ своимъ дядею, сказали: «Спро-«сите его сами: и онъ вамъ скажетъ, что истинный Димитрій «нашъ погребенъ былъ въ Угличѣ. Тѣло его, привезенное сюда «патріархомъ *Ѳеодоромъ Никитичемъ* и епископами, будетъ «положено вмѣстѣ съ прахомъ его предковъ. Ваши слова объ «отпускѣ васъ и всѣхъ Поляковъ, равнымъ образомъ и нынѣшніе «разговоры, мы донесемъ великому государю нашему. Когда полу-

«чимъ отъ васъ бумагу и узнаемъ волю государя, дадимъ вамъ 1606.
«отвѣтъ». Сказавъ это, бояре ласково простились и разошлись. Послы отправились на квартиру. Прощаясь съ боярами, они просили всѣхъ ихъ о дозволеніи увидѣться съ паномъ воеводою Сендомирскимъ и навѣстить дочь его царицу: но получили рѣшительный отказъ. Когда мы проѣзжали мимо двора воеводы Сендомирскаго, всѣ бывшія тамъ особы смотрѣли на насъ изъ оконъ; говорить же съ нами не могли по дальнему разстоянію.

7 іюня, въ среду, вырыли тѣло покойнаго Димитрія, погребенное въ полѣ, отвезли за городъ на ту дорогу, по которой онъ пріѣхалъ въ Москву, и сожгли. Чтобы лучше горѣло, поливали его смолою. «И огонь его не беретъ», говорили Москвитяне. Потомъ, собравъ пепелъ, зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда Димитрій прибылъ.

Въ тотъ же день посылали немалое число стрѣльцовъ на квартиру пана старосты Саноцкаго, противъ посольскаго дома, забирать конюшенную челядь, слугъ и коморниковъ. Послы, узнавъ объ этомъ, тронутые жалостію, говорили приставамъ: «Не «только у христіанъ, но даже у невѣрныхъ, нѣтъ обычая брать «силою и вязать людей вольныхъ». Приставы донесли слова ихъ боярамъ, и въ тотъ же день предъ вечеромъ явились въ посольскій домъ князь Григорій Петровичъ Ромодановскій окольничій и Василій дьякъ. Именемъ всѣхъ думныхъ бояръ они сказали: отъ старосты Саноцкаго взяты люди не для плѣна и неволи, а для отправленія за границу въ Польшу.

9 іюня, въ пятницу, посольскіе приставы, князь Григорій и Андрей дьякъ, бывъ назначены послами къ его королевскому величеству, сдавали свою должность новымъ приставамъ князю Ивану Михайловичу Борятинскому и дьяку Дорофею Брохнѣ.

10 іюня, въ субботу, послы поручили новымъ приставамъ отдать думнымъ боярамъ написанное на Русскомъ языкѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Бывъ на дняхъ у бояръ и имѣвъ съ «ними разговоръ о происшедшемъ за грѣхи мірскіе кровопролитіи,

1606. «мы для пользы обоихъ государствъ предлагали: отпустить насъ, «пословъ, немедленно въ отечество, для донесенія его королев- «скому величеству и рѣчи посполитой, какимъ образомъ все не- «счастіе по грѣхамъ нашимъ случилось, какъ думные бояре и «военные люди, охраняя насъ, пословъ, и другихъ подданныхъ его «величества, прекратили кровопролитіе. Бояре думные обѣщали «представить слова наши великому государю и великому князю «всея Россіи Василію Ивановичу, скоро дать намъ отвѣтъ, изло- «жить на бумагѣ свои рѣчи и немедленно насъ отправить. Но «какъ понынѣ насъ не отпустили и назначили другихъ приставовъ, «то мы убѣждаемъ думныхъ бояръ исходатайствовать намъ у ве- «ликаго государя немедленный отпускъ. Просимъ объ этомъ не «для себя: мы готовы за его королевское величество и рѣчь по- «сполитую умереть на чужбинѣ; просимъ для пользы общей. «Безпокоясь о долговременной отлучкѣ нашей и получая разныя «вѣсти, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, государь «нашъ и рѣчь посполитая могутъ заключить, что думные бояре «побили пословъ со всею свитою и нарушили перемиріе; желаніе «мести произведетъ неминуемое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. «Мы опасаемся, не возгорѣлась ли уже война на границѣ: добрые «люди желаютъ мира и покоя, а злые раздоровъ и кровопролитія; «тѣ и другіе есть какъ у насъ, такъ и у васъ: не одной матери «дѣти! Если же для отвращенія бѣдствія, великій государь отпра- «витъ безъ насъ гонца или пословъ къ его королевскому вели- «честву, мы не ручаемся за ихъ безопасность: въ Польшѣ много «достойныхъ сожалѣнія людей, которыхъ братья убиты въ Москвѣ; «слѣдствіемъ будетъ неминуемо ужаснѣйшее кровопролитіе. Въ «предупрежденіе зла, мы, послы, помышляя о благѣ общемъ, «предлагаемъ свои мѣры: да поступятъ столь же благонамѣренно «и думные бояре! Но если насъ задержатъ и неволя наша причи- «нитъ какое-либо бѣдствіе: не мы будемъ виноваты предъ людьми «и предъ Богомъ.

«Просимъ сверхъ того, отпустить съ нами людей королевскихъ,

«по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ посольскомъ домѣ; 1606.
«равнымъ образомъ пана Тарла съ женою и панью старостину
«Сохачевскую: здѣсь онѣ вовсе безполезны, и ничего нѣтъ у
«нихъ, кромѣ горькихъ слезъ. Еще просимъ прислать къ намъ
«каплана нашего ксенза Войцеха, вмѣсто убитаго ксенза Помаскаго
«каноника и секретаря его величества: пусть онъ лучше молится
«Богу, чѣмъ горюетъ безвинно. Наконецъ просимъ дозволенія
«посылать съ приставами людей нашихъ къ пану воеводѣ Сендо-
«мирскому, къ пану Тарлу и другимъ подданнымъ его величества,
«здѣсь находящимся; просимъ и о томъ, чтобы у пановъ не всѣхъ
»людей отбирали, оставляя нѣкоторыхъ для прислуги.

«За годъ предъ симъ, еще при Борисѣ Ѳеодоровичѣ, св. отецъ
«папа Римскій послалъ въ Персію двухъ монаховъ кармелитовъ
«для обращенія магометанъ въ христіанскую вѣру; имъ даны были
«отъ цесаря христіанскаго и отъ короля Польскаго письма къ
«Борису о свободномъ пропускѣ ихъ чрезъ землю Русскую: въ то
«время воротили ихъ изъ Невля. Когда же Бориса не стало, они
«опять пріѣхали въ Москву съ королевскимъ гонцомъ Бандзилови-
«чемъ, съ намѣреніемъ вскорѣ отправиться въ Персію. Имѣя по-
«велѣніе его королевскаго величества развѣдать о сихъ монахахъ,
«мы узнали отъ Димитрія, что они отправились въ Персію; но на
«границѣ будутъ ожидать пословъ Московскихъ, назначенныхъ къ
«Персидскому шаху. Просимъ думныхъ бояръ исходатайствовать
«у великаго государя монахамъ дозволеніе отправиться въ Персію
«съ Московскими послами. Святый отецъ папа Римскій, цесарь
«христіанскій, его королевское величество и все христіанство бу-
«дутъ весьма признательны великому государю, князю Василію
«Ивановичу. Бандзиловича, бывшаго гонцемъ и приставомъ при
«тѣхъ монахахъ, просимъ отпустить въ Литву. Если же нынѣ
«Московскіе послы не отправятся въ Персію, и по сему случаю
«монахи не могутъ продолжать своего путешествія, просимъ от-
«пустить и ихъ въ Литву. Еще просимъ у великаго государя
«князя Василія Ивановича милостиваго дозволенія взять у дочери

1606. «пана воеводы Сендомирскаго четырехъ дѣвицъ Декчинскую, «Войцеховскую, двухъ Закличанокъ и панью Разводовскую съ «дочерью: мы намѣрены отвезти ихъ съ собою въ Польшу».

Іюня 11 дня въ воскресенье, Василій Ивановичъ былъ коронованъ. Приставы пришли къ посламъ предъ вечеромъ. Посидѣвъ нѣсколько, князь Борятинскій сказалъ: «Не сердитесь, что мы не «были у васъ сегодня: мы весь день провели во дворцѣ». Потомъ всталъ, снялъ шапку и проговорилъ: «Праведнымъ судомъ и не«исповѣдимою милостію Бога херувимовъ и серафимовъ, въ «Троицѣ славимаго и поклоняемаго, пресвѣтлый и милостивый «государь нашъ князь Василій Ивановичъ, всея Россіи самодер«жецъ, короновалъ себя короною царскою. Все царство Русское «торжествуетъ; мы всѣ радуемся. Вы, безъ сомнѣнія, раздѣлите «нашу радость. Думные бояре, бывъ цѣлый день заняты, не успѣли «дать отвѣта на письмо ваше». «Радуемся и мы вмѣстѣ съ вами», сказалъ панъ староста Велижскій, «въ надеждѣ, что скоро послѣ »коронаціи вашего государя мы отправимся въ Польшу. Не винимъ «думныхъ бояръ за молчаніе о письмѣ нашемъ: мы видимъ, что «они озабочены другимъ дѣломъ; однако просимъ поспѣшить отвѣ«томъ и отпускомъ насъ въ отечество».

Москвитяне, всегда хитрые и лукавые, употребили и въ семъ дѣлѣ слѣдующее коварство: стараясь убѣдить народъ, что недавно убитый государь не былъ потомокъ Московскихъ князей, достали отрока, моложе 10 лѣтъ, именно Ромашку, стрѣлецкаго сына, какъ мы послѣ о томъ узнали отъ самихъ Русскихъ; заплатили отцу хорошую сумму и, убивъ этого отрока, положили его въ Угличѣ на мѣсто царевича Димитрія, похороненнаго тамъ по старанію Годунова. Потомъ распустили въ народѣ молву, что при тѣлѣ Димитрія бываютъ чудеса. Чернь знала только объ убіенномъ царевичѣ, не вѣдая ничего о подлогѣ. Вырыли трупъ. Духовныя особы, подкупленныя, внушили народу, что Богъ принялъ въ число святыхъ невинно убіеннаго царевича; что тѣло его такъ свѣжо, какъ будто недавно остыло, хотя уже болѣе 16 лѣтъ про-

текло со времени смерти его; что самый гробъ ни мало не повре- 1606.
дился. Между тѣмъ многіе подговоренные плуты, притворяясь больными, съ обѣтами, въ разслабленномъ видѣ, приходили къ святому, и отходили здоровыми. Простаки вѣрили и считали царевича св. угодникомъ. Когда мнѣніе это утвердилось, привезли тѣло изъ Углича въ Москву и 11 іюня во вторникъ поставили въ церкви св. Михаила Архангела, гдѣ погребаются Московскіе государи. Въ продолженіе двухъ недѣль непрестанно звонили въ колокола, и когда мы спрашивали, для чего звонятъ, приставы отвѣчали: въ честь угодника, увѣряя, что онъ многихъ исцѣлилъ. Мы не вѣрили разсказамъ ихъ, ибо знали обманъ. Наконецъ перестали и звонить; никто уже не упоминалъ о святомъ; чудеса прекратились и грубый, жестокій обманъ Москвитянъ обнаружился. [164] При ввозѣ тѣла въ Москву, старая царица, супруга Іоанна Васильевича Тирана, выходила на встрѣчу и принуждена была сказать, что убіенный есть родной сынъ ея. Но вѣрно сердце не было согласно съ устами.

Іюня 15 дня, въ четвертокъ предъ обѣдомъ, пріѣхали къ посламъ Михайло Татищевъ и дьякъ Василій Телепневъ, подъ предлогомъ объявить боярскій отвѣтъ на письмо пословъ. Татищевъ, по прежнему обвиняя государя нашего и рѣчь посполитую, показалъ 1) копію съ договора, заключеннаго покойнымъ царемъ съ паномъ воеводою Сендомирскимъ: по договору, панъ воевода отдаетъ свою дочь въ замужство за Димитрія, а царь обязуется уплатить ему денежную сумму, за женою же утвердить великій Новгородъ и Псковъ; 2) королевское письмо къ Димитрію вскорѣ по вступленіи его на престолъ: въ этомъ письмѣ сказано, что царь сѣлъ на Московскій престолъ по волѣ Божіей, при помощи короля и народа Польскаго; 3) письма св. отца, ксенза легата и ксенза кардинала: всѣ они убѣждали Димитрія выстроить въ Москвѣ, костелы и, во исполненіе клятвеннаго обязательства, распространить въ Россіи католическую вѣру. [165] Татищевъ говорилъ, что есть въ Москвѣ много и другихъ подобныхъ писемъ,

*

1606. что съ ними царь отправляетъ къ королю и сенаторамъ коронным и Литовскимъ прежнихъ посольскихъ приставовъ Григорія Константиновича Волконскаго и дьяка Андрея Ивановича, что послы со всѣми находящимися въ Россіи Поляками должны оставаться въ Москвѣ до возвращенія пословъ съ отвѣтомъ королевскимъ, что прежде ихъ не выпустятъ и что такъ велѣли сказать думные бояре.

Заплативъ за грубыя слова Татищева тою же монетою и доказавъ, сколь несправедливо обвинять его величество и рѣчь посполитую, панъ Малогоскій обратился къ условію, заключенному паномъ воеводою съ покойнымъ царемъ, и сказалъ: «Вы болѣе «себя стыдите, нежели намъ вредите. Панъ воевода Сендомирскій, «увѣренный вашими же единоземцами въ царскомъ родѣ Димитрія, «рѣшился отдать за него свою дочь и старался устроить дѣло «какъ можно лучше. Удивительно ли, что онъ заключилъ такія «условія? Вы сами тому виною. Когда панъ воевода пріѣхалъ «сюда, и Димитрій совѣтовался со всѣми вами боярами, какое «назначить содержаніе царицѣ въ случаѣ смерти его, вы сами «опредѣлили дать ей Новгородъ и Псковъ, согласились признать «ее законною государынею, и еще до коронаціи, всѣ вы, знатнѣйшіе бояре, присягнули ей на вѣрность подданства. Что же касается до писемъ св. отца, ксенза легата и ксенза кардинала, то «и тутъ нечему удивляться: это не новость. Всегда, при заключеніи договоровъ на вѣчный миръ между нашимъ и вашимъ народомъ, въ числѣ прочихъ условій помѣщаема была статья о «правѣ Русскихъ служить въ Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ въ «бракъ, пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, строить въ нихъ церкви «и свободно исполнять всѣ обряды своей вѣры; равнымъ образомъ «и Поляки, служившіе въ Россіи, могли наживать маетности, «строить въ нихъ и въ главныхъ Русскихъ городахъ Римскіе «костелы, и отправлять богослуженіе по своему обряду. Св. отецъ «папа Римскій, какъ намѣстникъ св. апостола Петра, заботясь о «благѣ всего христіанства, о вѣчномъ согласіи Россіи съ Польшею,

«о славѣ христіанской вѣры, о паденіи язычества, желалъ вклю- 1606.
«чить вышеозначенное условіе въ трактатъ о вѣчномъ мирѣ.
«Искалъ же онъ не своей выгоды, а пользы всего христіанства; за
«что вы должны не гнѣваться на св. отца, а благодарить его. Ка-
«сательно же писемъ его королевскаго величества, въ которыхъ
«сказано, что бывшій государь вашъ достигъ престола по милости
«Божіей, при помощи его королевскаго величества; то вы сами
«чрезъ гонца своего Аѳанасія Власьева и другихъ своихъ послан-
«никовъ приписывали королю участіе въ этомъ дѣлѣ и благодарили
«его за такое одолженіе. Король не разсудилъ спорить о томъ и
«все предоставилъ въ вашу волю: что признано однажды выгод-
«нымъ, то не годится въ другой разъ осуждать тѣми же устами.
«Стыдно, Михайло! противорѣчить самимъ себѣ. Все дѣло шло
«по волѣ и желанію думныхъ бояръ. Вы Русскіе сами начали,
«сами и кончили. Вы не имѣете никакого повода насъ, пословъ
«его королевскаго величества, задерживать: это значитъ плѣнъ, а
«того не бываетъ не только въ христіанскихъ, но и въ язычес-
«кихъ государствахъ».

Въ продолженіе разговоровъ, Татищевъ сказалъ посламъ: «Мы
«получили извѣстіе, что въ Польшѣ и Литвѣ происходятъ великіе
«раздоры между сенатомъ и народомъ, что царь Крымскій съ
«многочисленнымъ войскомъ вторгнулся въ королевскія владѣнія,
«что самъ король выступилъ противъ него въ походъ, и что война
«идетъ и въ Лифляндіи». Послы отвѣчали, какъ слѣдовало. Послѣ
того Татищевъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Татищева, мы предались горести, услышавъ, что
всѣхъ насъ задерживаютъ, какъ плѣнниковъ. Положеніе наше
было ужасно; самые невольники наслаждаются у насъ большею
свободою. Не только не выпускали насъ изъ двора въ поле на
чистый воздухъ, но и выглядывать на улицу запрещали. Дворъ
былъ тѣсенъ; народу въ немъ множество; при небольшомъ дождѣ,
мы бродили по колѣна въ грязи, переходя отъ одной избы къ
другой. Стрѣльцы, окружая наше жилище, стерегли день и ночь,

1606. чтобы никто не выходилъ изъ него; намъ нельзя было видѣться съ нашими братьями, стоявшими на другихъ квартирахъ. Болѣе всѣхъ по видимому грустилъ панъ Малогоскій: онъ упалъ въ обморокъ, по выходѣ Татищева. Каждый изъ насъ, не исключая ни одного, имѣлъ справедливую причину печалиться: отправляясь въ Москву на короткое время, мы покинули въ отечествѣ всѣ дѣла свои, разлучились съ забавами, и увидѣли себя заключенными въ ужасную неволю, окруженными тревогами и опасностями. А что всего горестнѣе: болѣе полугода мы не знали, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ.

РОЗЫСКЪ

О СМЕРТИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ УГЛИЦКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ АКТОВЪ И
СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

РОЗЫСКЪ

О СМЕРТИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ УГЛИЦКАГО.

Разсматривая любопытнѣйшій періодъ нашей исторіи, смутное время Самозванцевъ, мы видимъ, что всѣ событія этого періода были слѣдствіями несчастной кончины девятилѣтняго отрока, царевича Димитрія. Вотъ главное звѣно, соединяющее необозримую цѣпь дѣяній, славныхъ и безславныхъ, которыми ознаменовано въ Россіи первое десятилѣтіе XVII вѣка! Сколь ни достопамятно однако это событіе, до сихъ поръ оно остается загадкою для потомства; нѣтъ сомнѣнія, что царевичъ погибъ въ Угличѣ 15 мая 1591 года, девяти лѣтъ отъ роду: въ этомъ удостовѣряютъ свидѣтельства неоспоримыя; но еще не рѣшено, кто былъ виновникомъ его кончины. Съ одной стороны, общій голосъ приписываетъ ее Борису Годунову; съ другой многія обстоятельства оправдываютъ знаменитаго мужа.

Исторіи, казалось бы, давно уже надлежало разрѣшить столь важный вопросъ, отъ котораго зависитъ слава и безславіе одного изъ великихъ древнихъ нашихъ вѣнценосцевъ; но до сихъ поръ мы теряемся въ однѣхъ догадкахъ, и не утомляя себя изслѣдованіями, вѣримъ на слово краснорѣчивымъ разсказамъ новѣйшихъ бытописателей, не всегда подкрѣпленнымъ доказательствами. Читатель размышляющій вѣроятно пожелаетъ узнать, почему припи-

сываютъ Годунову смерть царевича, и вообще какія мы имѣемъ свидѣтельства объ этомъ событіи?

Для такого ума любопытнаго, соберемъ все, что говорятъ о смерти Димитрія современники, и обратимъ вниманіе его во 1) на показанія тѣхъ лицъ, которыя были въ Угличѣ во время смерти Димитрія: они заключаются въ актахъ государственныхъ, Углицкомъ розыскѣ и въ грамотахъ царицы, Димитріевой матери; во 2) на извѣстія современныхъ писателей Русскихъ, и въ 3) на сказанія иноземцевъ. Предложимъ все дѣло словами свидѣтелей, съ немногими замѣчаніями, но безъ рѣшительнаго съ своей стороны приговора, который, разумѣется, не можетъ имѣть вѣса, когда и Карамзинъ не успѣлъ разгадать истину.

I.

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

Въ Государственномъ архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ хранится въ подлинникѣ *Слѣдственное дѣло* о смерти Димитрія, составленное въ Угличѣ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ (бывшимъ послѣ царемъ), окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ, производившими слѣдствіе по царскому повелѣнію государя Ѳеодора Іоанновича, брата Димитріева.* Въ этомъ драгоцѣнномъ актѣ изложены допросы слѣдователей и отвѣты разныхъ лицъ, могшихъ объяснить смерть царевича. Содержаніе его слѣдующее:

19 мая 1591 года (т. е. въ четвертый день послѣ несчастнаго происшествія), Шуйскій пріѣхалъ въ Угличъ съ окольничимъ

* Оно писано на столбцѣ, тремя различными почерками, на 58 небольшихъ листахъ, одинъ къ другому приклеенныхъ, и напечатано съ дипломатическою точностію въ Собраніи Государствен. Грамотъ, изданныхъ графомъ Румянцовымъ (во II части подъ № 60), съ вѣрными снимками 22 подписей или рукоприкладствъ тѣхъ лицъ, которыя давали отвѣты князю Шуйскому.

Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ, для изслѣдованія: а) какимъ орбазомъ не стало царевича, и b) кѣмъ и за что убиты дьякъ Битяговскій, управлявшій хозяйствомъ царицы, сынъ его Данило, сынъ царевичевой мамки, боярыни Василисы Волоховой, Осипъ, Никита Качаловъ, Данило Третьяковъ, и нѣсколько посадскихъ людей? При допросахъ показали:

1. *Михайло Нагой* (братъ царицы, матери Димитріевой): «Мая въ 15 день въ субботу, въ 6 часу дня, зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; а онъ, Михайло, въ тѣ поры былъ у себя на подворьи и чаялъ онъ того, что горитъ.... бѣжалъ къ царевичу на дворъ; а царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ, да Данила Битяговскій, и пришли на дворъ многіе посадскіе люди; а Михайло Битяговскій пріѣхалъ тутожъ на *дворъ*, и Михайла Битяговскаго и сына его Данила и тѣхъ всѣхъ людей побили черные; а онъ, Михайло Нагой, посадскимъ всякимъ людямъ побити ихъ не веливалъ, а былъ онъ все у царицы, а посадскіе люди сбѣжались на звонъ».

2. *Григорій Нагой* (братъ царицы): «Мая въ 15 день, въ субботу, поѣхали они, Михайло братъ его, да онъ, Григорій, къ себѣ на подворье обѣдать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и чаяли они, что загорѣлось, и прибѣжали на дворъ, ажно царевичъ Дмитрій лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучей болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была; а какъ они пришли, а царевичъ еще живъ былъ и при нихъ преставился. А Михайло Битяговскій былъ у себя на подворьи и прискакалъ къ царицѣ; и на дворъ прибѣжали многіе люди посадскіе и посошные, и почали говорить, невѣдомо кто, что будто зарѣзали царевича Дмитрія Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило, да Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ; а Михайло Битяговскій учалъ разговаривать, и посадскіе люди кинулись за Михайломъ Битяговскимъ, и Михайло убѣжалъ въ брусяную избу на дворѣ, и посадскіе люди выломали двери и Михайла выволокли, и тутъ его убили до смерти; а Данила Третьякова тутъ же

съ Михайломъ убили вмѣстѣ; а сына Михайлова Данила Битяговскаго и Никиту Качалова убили въ дьячьей въ розрядной избѣ; а Осипа Волохова привели къ царицѣ вверхъ, къ церкви Спасу, и тутъ его предъ царицею убили до смерти; а людей Михайловыхъ Битяговскаго 4 человѣкъ, и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ, и посадскихъ людей трехъ человѣкъ, гдѣ кого изымали, убили чернью, невѣдомо гдѣ, и того онъ не вѣдаетъ, прошто тѣхъ людей побили. А людей они посадскихъ сбирали для князя В. И. Шуйскаго, да для А. П. Клешнина, да Е. Вылузгина; а блюлись отъ государя опалы, чтобъ кто царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ-де звонить учалъ пономарь, Огурцомъ зовутъ». *Подпись:* К сѣмъ рѣчемъ Григорей руку приложилъ.

3. *Вдова Василиса Волохова* (боярыня, мамка царевичева, мать Осипа Волохова): «Разболѣлся царевичъ Дмитрій въ среду, нынѣшняго 99 году мая въ 12 день, падучею болѣзнію, и въ пятницу-де ему маленько стало полегче, и царица-де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, въ субботу, пришотчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу на дворъ итти гулять; а съ царевичемъ были она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки жильцы, да постельница Марья Самойлова; а игралъ царевичъ ножикомъ: и тутъ на царевича пришла опять тажъ болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя ножемъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучій недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою царицу Марью; а вдругорядь на него была тажъ болѣзнь передъ великимъ днемъ, и царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочкѣ Нагова: одва у него Ондрееву дочь Нагова отняли. И какъ царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножемъ, и царица Марья сбѣжала на дворъ, и почала ее, Василису, царица Марья бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, и почала ей, Василисѣ, приговаривать, что будто-се сынъ ея Васи-

лисинъ Осипъ, съ Михайловымъ сыномъ Битяговскаго, да Никита Качаловъ, царевича Дмитрія зарѣзали; и она, Василиса, почала ей бить челомъ, чтобъ велѣла царица дать сыскъ праведный; а сынъ ея и на дворѣ не бывалъ; и царица-де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бить по бокамъ Григорью Нагому, и тутъ ее только чуть живу покинули замертво; и почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе посадскіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и царица-де Марья велѣла ее, Василису, взять посадскимъ людямъ, и мужики-де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее держали предъ царицею; и прибѣжалъ-де на дворъ Михайло Битяговскій и почалъ было разговаривать посадскимъ людямъ и Михайлу Нагому, и царица-де Марья и Михайло Нагой велѣли убить Михайла битяговскаго, и Михайлова сына, и Никиту Качалова и Данила Третьякова; а говорила-де царица міру: *то-де душегубцы царевичу!* А сынъ ея Осипъ въ тѣ поры былъ у себя, и какъ началъ шумъ быть великій, и сынъ ея Осипъ прибѣжалъ къ Михайловѣ женѣ Битяговскаго, и тутъ его поймали посадскіе люди и привели его еще жива предъ царицу, и Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми передъ царицу жъ привели; и царица де міру молвила: *то-де убойца царевичу сынъ ея Осипъ Волоховъ*, и сына ея Осипа тутъ до смерти убили; а убивъ и прохолкали, что надъ зайцемъ.... Да была жоночка уродливая (*юродивая*) у Михайла у Битяговскаго, и хаживала отъ Михайла къ Андрею къ Нагому, и сказали про нея царицѣ Марьѣ, и царица ей велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила къ царицѣ, и какъ царевичу смерть сталася, и царица ту жонку, послѣ того два дня спустя, велѣла добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка царевича портила».

4. *Жильцы царевичевы*, которые съ нимъ играли, Петрушка Самойловъ сынъ Колобова, Баженко Неждановъ сынъ Тучковъ, Ивашко Ивановъ сынъ Красенскаго, Гришка Андревъ сынъ Козловскаго: «Игралъ-де царевичь въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучій недугъ, и набро-

сился на ножъ.... Были за царевичемъ въ тѣ поры они четыре человѣка жильцовъ, да кормилица, да постельница; а Осипа Волохова и Данила Михайлова сына Битяговскаго въ тѣ поры за царевичемъ не было и за царевичемъ не хаживали».

5. *Орина Жданова,* жена Тучкова (царевичева кормилица): «Ходилъ царевичъ Дмитрій въ субботу по двору, игралъ съ жильцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь черная; а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея царевича на рукахъ и не стало».

6. *Марья Самойлова* (постельница): «Царевичъ Дмитрій ходилъ въ субботу по двору и тѣшился съ жильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черный недугъ, и его бросило о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ самъ покололся».

7. *Андрей Александровичъ Нагой:* «Царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ и тѣшился съ робяты, игралъ чрезъ черту ножемъ; и закричали на дворѣ, что царевича не стало, и сбѣжала царица сверху; а онъ, Андрей, въ тѣ поры сидѣлъ у ѣствы, и прибѣжалъ тутожъ къ царицѣ, а царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а сказываютъ, что его зарѣзали; а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ. А на церевичѣ бывала болѣзнь падучая; да нынѣ въ великое говенье у дочери его руки переѣлъ; а и у него, Андрея, царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ и у постельницъ: какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывеньи, за что попадется. А какъ побили Михайла Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, того онъ не вѣдаетъ, кто ихъ велѣлъ побить, а побила ихъ чернь, посадскіе люди. А онъ былъ у царевичева тѣла безотступно, и тѣло онъ царевичево внесъ въ церковь». *Слѣдуетъ подпись.*

8. *Огурецъ* (пономарь Царяконстантиновскій, вдовый попъ): «Какъ царевича Дмитрія не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитріевъ сынъ

Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ; и какъ прибѣжалъ къ Спасу, и къ нему на встрѣчу бѣжитъ кормоваго двора стряпчій Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить, да ударилъ его въ шею, и велѣлъ ему сильно звонить: а говорилъ ему Суббота предъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ.* А про царевичеву Дмитріеву смерть сказалъ, что царевичъ Дмитрій мая въ 15 день, въ субботу, игралъ на заднемъ дворѣ съ жильцы ножемъ, и пришла его старая болѣзнь, падучій недугъ, и тутъ его ударило о землю, и онъ бьючися, ножемъ самъ себя покололъ».

9. *Суббота Протопоповъ* (кормоваго дворца стряпчій, на очной ставкѣ съ Огурцемъ): «Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайло Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, и онъ приказалъ пономарю Огурцу звонить. Какъ люди многіе сошлися, и Михайло Нагой велѣлъ убити Михайла Битяговскаго; а была у нихъ межъ себя прежъ того брань за то, что Михайло Нагой у Михайла у Битяговскаго спрашивалъ, сверхъ государеву указу, денегъ изъ казны; а Михайло ему отказалъ, что ему, мимо государевъ указъ, денегъ не давывать; а Михайлова сына Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, убили чернью, не вѣдаетъ за что».

10. *Ѳеодоритъ* (архимандритъ Воскресенскій): «Мая въ 15 день въ субботу, служилъ онъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ, и въ 6 часу дня, послѣ обѣдни, зазвонили у Спаса, и онъ тотчасъ съ Алексѣевскимъ игумномъ, съ Саватьею, послали слугъ провѣдати, а чаяли того, что-либо горитъ гдѣ; и слуги имъ, пришотчи, сказали, что они слышали отъ посадскихъ людей и отъ посошныхъ, что будто-се царевича Дмитрія убили, а того не вѣдомо, кто его убилъ; и они поѣхали въ городъ; и какъ они пріі-

* Григорій Нагой, противъ сего показалъ: Сказывалъ ему онъ же Огурецъ, что звонить велѣлъ Суббота.

ѣхали въ городъ, а царевичево ужъ тѣло въ Спасѣ лежитъ; а Михайло Битяговскій, и сынъ его Данило, и Никита Качаловъ, и Данило Третьяковъ, и Михайловы люди Битяговскаго, и Осиповы люди Волохова, посадскіе люди 3 человѣка лежатъ побиты. А Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ, архимандритѣ, и при игуменѣ Саватіи, къ церкви къ Спасу, предъ царицу, только чуть жива, и тутъ его предъ царицею прибили до смерти; а Михайлову жену Битяговскаго съ двѣмя дочерми привели тутъ же къ Спасу и хотѣли ихъ побитижъ, и онъ, архимандритъ Ѳеодоритъ, и игуменъ Саватія ухватили Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали, и посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили въ полату за сторожи». *Подпись:* Къ симъ рѣчемъ Архимандритъ Ѳедоритъ руку приложилъ.

11. *Саватія* (игуменъ Алексѣевскаго монастыря) показалъ согласно съ Ѳеодоритомъ.

12. *Богданъ* (попъ Царяконстантиновскій, Григорія Нагаго отецъ духовный) сказалъ: «что онъ въ тотъ день, въ субботу, ѣлъ у Михайла у Битяговскаго, и почали звонить въ городѣ у Спаса въ колоколъ, и Михайло послалъ людей своихъ провѣдати въ городѣ, и чаялъ то, что гдѣ загорѣлося; и прибѣжали Михайловы люди къ Михайлу на подворье, сказали, что царевича Дмитрія не стало; и Михайло тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, а посадскіе люди многіе на дворъ мечутся съ рогатинами, и съ топоры, и съ саблями; и Михайло почалъ имъ разговаривати, для чего вы прибѣжали съ топоры, и съ саблями, и съ рогатинами? И они за Михайломъ учалися гоняти, и Михайло ушелъ было у нихъ въ брусяную избу съ Даниломъ Третьяковымъ; и они-де у избы высѣкли двери, да Михайла Битяговскаго и Данила Третьякова, выволокши изъ избы, убили до смерти, потому, что имъ почалъ разговаривать; а Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило въ тѣ поры былъ у отца своего, у Михайла, на подворьи, обѣдалъ». *Подпись:* Богданъ Священникъ руку приложилъ.

13. *Иванъ Мурановъ* (Углицкій губный староста): «Тѣшился-де царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими, съ робятки, тыкалъ ножемъ, и въ тѣ поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ по горлу самъ».

14. *Кирило Моховиковъ* (сытникъ кормоваго дворца): «Какъ-де царевичъ боленъ накололся ножемъ, и учали звонить, и Михайло Битяговскій, прискочивъ ко двору къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ побѣжалъ къ Михайлу къ воротамъ, и Михайлу ворота отперъ; и какъ Михайло взошелъ на дворъ и учалъ посадскимъ и всякимъ людямъ разговаривать, и меня почали бити и забили на смерть, руки и ноги переломали. А Михайло Битяговскій побѣжалъ въ брусяную избу съ Даниломъ Третьяковымъ и заперлися; посадскіе и всякіе люди дверь выломали, и Михайла и Данила вытащили и тутъ ихъ убили до смерти; а Михайлова сына Битяговскаго Данилу, да Никиту Качалова, выволокши изъ разрядной избы, убили до смерти; а которыхъ достальныхъ людей, которые съ Михайломъ побиты, гдѣ ихъ въ которыхъ мѣстахъ побили, того онъ не вѣдаетъ, что онъ самъ убитъ на смерть. А починщики были, какъ Михайло Нагой и всѣхъ побили, Ятка Ляпунъ, да Никитка Гунбинъ, да Степанко Полуехтовъ, да Иванъ Тимофѣевъ, да Тихонъ Быковъ».*

15. *Истопники* (пятеро): «Мы-де были въ переднихъ сѣняхъ, и въ тѣ поры понесли кушанье въ верьхъ; а царевичъ Дмитрій въ тѣ поры тѣшился на заднемъ дворѣ, игралъ съ жильцы ножемъ, и пришла-де на него старая болѣзнь падучій недугъ, и его въ тѣ поры ударило о землю, и онъ на тотъ ножъ набрушился самъ».

16. *Григорій Тулубьевъ* (сытнаго дворца клюшникъ): «Былъ онъ у себя на подворьи, и какъ почали звонить, и онъ прибѣжалъ въ городъ, ажно звонятъ, а на царевичевѣ дворѣ и на улицѣ люди многіе, и онъ почалъ спрашивать стороннихъ людей, для чего

* Что показали сіи послѣдніе, изъ дѣла не видно.

звонятъ, и сказалъ ему стряпчій Семейка Юдинъ, да сытникъ Кирило Моховиковъ, что ходилъ царевичъ на дворѣ и тѣшился съ жильцами, съ робятки съ маленькими, въ тычку ножемъ, и пришла на него немочь падучая, и бросило его о землю, и било его долго, и онъ накололся ножемъ самъ; въ тѣ поры тутo была боярыня Василиса Волохова, да кормилица Орина».

17. *Семейка Юдинъ* (стряпчій, на очной ставкѣ съ Тулубьевымъ): «Онъ ему тѣ рѣчи сказывалъ, что на царевичѣ болѣзнь падучая, тѣшился съ жильцами, съ робятки съ маленькими, въ тычку ножемъ, и пришла на него немочь падучая и бросило его о землю и било его долго, и онъ накололся ножемъ самъ; а онъ въ тѣ поры стоялъ у поставца, а то видѣлъ».

18. *Царицыны дѣти боярскія* (четверо): «Ходилъ-де царевичъ, тѣшился съ жильцы съ маленькими въ тычку ножемъ, на дворѣ, и пришла-де на него падучая немочь, а у него-де былъ въ ту пору въ рукахъ ножъ, и его-де бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ; и какъ пришелъ шумъ великій, и они разбѣжалися».

19. *Разсыльщики Углицкіе* въ челобитной государю отъ 20 мая пишутъ: «Бьемъ тебѣ, государь, челомъ и плачемся, чтобъ намъ отъ тебя, государя, съ виноватыми не погибнуть; что, государь, царевичь князь Дмитрій Ивановичъ, а ходилъ по двору, тѣшился сваею въ кольцо съ своими же жильцы съ молодыми въ нынѣшнемъ 99 году, мая 15 день, въ субботу, и пришла, государь, на него того дни болѣзнь падучая недугъ, а и прежъ того, государь, на немъ была жъ та болѣзнь по мѣсяцемъ безпрестанно; и какъ на немъ въ субботу та болѣзнь пришла, и его бросило о землю, и онъ тою сваею, которою игралъ, покололся, а то мы слышали отъ дворовыхъ людей; и прискочилъ, государь, съ его двора къ царицѣ на дворъ Михайло Нагой пьянъ, на конѣ, и велѣлъ звонить въ колокола, и тутъ сбѣжалъ міръ весь со вся четыре стороны съ копьи, и съ рогатинами, и съ топоры. А дьякъ Михайло Битяговскій, слышавъ тотъ шумъ, пришелъ съ сыномъ

въ дьячью избу; а подалъ вѣсть Михайлу Битяговскому сытникъ Кирило Моховиковъ, что царевичъ боленъ чернымъ недугомъ; и Михайло Битяговскій пришелъ на дворъ къ царицѣ, а сынъ Михайловъ остался въ дьячьей избѣ. И Михайло, государь, Нагой велѣлъ Михайла Битяговскаго убить до смерти; а Михайло Битяговскій кричалъ, что Михайло Нагой велитъ убити для того, что Михайло Нагой добываетъ ведуновъ, и ведуны на государя и на государыню, а хочетъ портить, и тутъ, государь, Михайла Битяговскаго убили до смерти въ дьячьей избѣ; а Данила Третьякова и Кирила Моховикова велѣлъ Михайло убити на переходѣхъ; и Никиту Качалова убили за его шурина, за жильца, да за Осипа за Волохова, что Никита учалъ говорить, чтобъ его шурина не убили, и они за Никиту Качалова и Осипа Волохова убили до смерти.*

«Іюня во 2 день, государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи, слушавъ Углицкаго обыску.... приказалъ боярамъ и дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ итти на соборъ къ Іову патріарху всея Русіи, и къ митрополитамъ, и къ архіепископамъ, и ко владыкамъ, и ко всему освященному собору, и велѣлъ государь передъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть.

«И какъ по государеву приказу, Іову патріарху всея Русіи и всему собору Углицкое дѣло прочли, и тутожъ на соборѣ Іову патріарху Сарскій и Подонскій Геласія митрополитъ говорилъ: «Извѣщаю тебѣ, Іову патріарху, и всему освященному собору, котораго дни ѣхати мнѣ съ Углича къ Москвѣ, и царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила мнѣ съ великимъ прошеньемъ: какъ Михайла Битяговскаго съ сыномъ и жильцомъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое; чтобъ мнѣ челобитье ея до-

* Кромѣ этихъ лицъ, князь Шуйскій допрашивалъ трехъ подключниковъ, девятерыхъ сторожей сѣнныхъ, троихъ подъячихъ, и нѣкоторыхъ другихъ людей. Всѣ они показали: «Слышали, что царевичъ покололся ножемъ самъ въ падучей болѣзни».

нести до государя царя и великаго князя, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михайлу съ братьею, въ ихъ винѣ милость показалъ. Да митрополитъ же Геласія на соборѣ Іову патріарху подалъ челобитную, а ему тое челобитную далъ на Угличѣ городовой прикащикъ Русинъ Раковъ, и въ той Русиновѣ челобитной пишетъ:

«Въ нынѣшнемъ, государь, году, мая въ 15 день въ субботу, на шестомъ часу дня, тѣшился, государь, царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими, съ робятки, тыкалъ, государь, ножемъ, и въ тѣ поры на него пришла падучая немочь, и зашибло, государь, его о землю, и учало его бити; да какъ его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ того и умеръ; и учюлъ (*услышалъ*), государь, язъ въ городѣ звонъ, и язъ, государь, прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на царевичевѣ; а Михайло Битяговскій, да сынъ его Данило, да Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да ихъ люди, лежатъ побиты; и я, государь, прибѣжалъ къ Спасу, и меня, государь, Михайло, да Григорій Нагіе изымали, а Михайло, государь, Нагой мертво пьянъ; привели, государь, меня къ цѣлованью, и одного, государь, дни велѣли мнѣ крестъ шестья цѣловать: *буде ты нашъ?* А Михайла Битяговскаго, да и сына его велѣлъ убити язъ; а Никиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей ихъ велѣлъ побити я же, для того, что они у меня отымали Михайла Битяговскаго съ сыномъ. И послѣ, государь, того въ первый вторникъ, въ вечеру приказалъ Михайло человѣку своему Тимохѣ, велѣлъ принести куря живой, въ другомъ часу ночи вшелъ въ дьячью избу, а меня послалъ въ рядъ ножовъ имать, и я съ собою взялъ посадскаго человѣка Кондрашу Оловянишника, и взялъ въ ряду два ножа, у Ѳили у дехтярника ножъ, а другой ножъ у посадскаго жъ человѣка у Василія у Ильина; а ножъ мнѣ далъ, да саблю Григорій Нагой; и послалъ меня Михайло Нагой на Михайловъ дворъ Битяговскаго, да со мною послалъ Спасскаго соборнаго попа Степана, да посадскихъ людей,

Третьяка Ворожейкина, да Кондрашу Оловянишника, а велѣлъ мнѣ искати въ Михайловѣ повалушѣ палицы желѣзной, и язъ нашелъ и къ нему привезъ; онъ, государь, меня послалъ въ дьячью избу, и велѣлъ мнѣ взять сторожа Овдокима, да взялъ язъ посадскаго человѣка Ваську Малафеева, да мнѣ же велѣлъ изъ дьячьей избы въ чуланѣ курицу зарѣзалъ и кровь въ тазъ выпустилъ, и ножи и палицу кровью обмазали, и Михайло мнѣ Нагой приказалъ класти къ Михайлу Битяговскому ножъ, сыну его ножъ, Никитѣ Качалову ножъ, Осипу Волохову палицу, Данилу Третьякову саблю, Михайлову человѣку Кузьмину самопалъ, его же человѣку Павлу ножъ, Василисину человѣку Васкѣ самопалъ; а велѣлъ, государь, убити Михайло Нагой Михайла Битяговскаго и съ сыномъ по недружбѣ; многижды съ нимъ бранивался про государево дѣло, и въ тотъ день съ ними бранивался о посохѣ, что велѣлъ, государь, съ нихъ взять посохи 50 человѣкъ подъ городъ подъ гуляй, и онъ, государь, посохи не далъ; и Михайло, государь, Нагой напился пьянъ, да велѣлъ убити Михайла Битяговскаго и съ сыномъ, а Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данила Третьяковъ, да ихъ люди учали отъимать, и онъ ихъ велѣлъ побити тутожъ.

«И патріархъ Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, слушавъ Углицкаго дѣла и сказу митрополита Геласія, и челобитныя прикащика Русина Ракова, говорилъ на соборѣ: «Въ томъ во всемъ воля государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи; а прежде сего такого лихаго дѣла и такіе убійства сталисъ и кровопролитье отъ Михайла отъ Нагаго и отъ мужиковъ, николи не было! А предъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всея Русіи, Михайла и Григорья Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная, что царевичу Дмитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ; а онъ, Михайло Нагой, государевыхъ приказныхъ людей дьяка Михайла Битяговскаго, съ сыномъ и Никиту Качалова, и иныхъ дворянъ и жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за Михайла за Битяговскаго и за всѣхъ за тѣхъ, которые стояли за правду, и разговаривали по-

садскимъ людямъ, что они такую измѣну сдѣлали, велѣлъ побити напрасно, умышленьемъ за то, что Михайло Битяговскій съ нимъ съ Михайломъ Нагимъ, бранился почасту за государя, что онъ, Михайло Нагой держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова, и иныхъ многихъ ведуновъ, и за тое великое измѣнное дѣло Михайло Нагой съ братьею, и мужики, Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. А то дѣло земское градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да государь царь и великій князь Ѳедоръ Иванович всея Руссіи; все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость; о томъ государь какъ Богъ извѣститъ; а наша должная молити.... о государскомъ здравіи и тишинѣ межъ усобной брани».

«И государь царь и великій князь приказалъ боярамъ и велѣлъ Углицкое дѣло по договору вершить; а по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились; велѣлъ государь посылати».

Въ слѣдствіе сего, привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ и вѣщуна Мочалова въ оковахъ, снова допрашивали ихъ, наконецъ кончили дѣло: всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу постригли и отвезли въ пустыню Св. Николая на Выксѣ (близь Череповца); тѣла Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою почестію; а гражданъ тамошнихъ, признанныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ.

Карамзинъ видитъ въ Углицкомъ розыскѣ памятникъ безсовѣстной лживости Шуйскаго, сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника; говоритъ, что Шуйскій допрашивалъ тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ; утаилъ, свидѣтельство истины, мір-

ское, единогласное, записалъ только отвѣты Михайлы Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ. «Вѣроятно, продолжаетъ историографъ, не всѣ показанія Михайла Нагаго были записаны, а въ другихъ допросахъ, ложь была смѣшана съ истиною, чтобы дать силу первой. Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова.»

Упрекъ столь важный и рѣшительный, уничтожающій силу акта, на коемъ основанъ приговоръ собора святителей и боярской думы, надлежало бы подтвердить свидѣтельствомъ несомнѣннымъ, напримѣръ явною уликою, или сознаніемъ если не самого Бориса, по крайней мѣрѣ, кого либо изъ *клевретовъ* его; но такого свидѣтельства Карамзинъ не приводитъ, и основываетъ свое обвиненіе на лѣтописяхъ безъименныхъ, гдѣ сказано: «Князь Василій (Шуйскій) началъ роспрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ *Царевичъ* заклася самъ? Они вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники; князь же Василій пришедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа царю Ѳеодору неправедно, что самъ себя заклалъ». Ниже увидимъ, сколь несправедливы были наши лѣтописцы къ Борису Годунову; здѣсь же разсмотримъ Углицкій розыскъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) Точно ли записаны Шуйскимъ показанія свидѣтелей? 2) Почему не сказано, что̀ говорила царица? 3) Дѣйствительно ли поручено ею митрополиту Геласію представить собору поданное имъ объявленіе?

На первый вопросъ отвѣчать трудно; не льзя однакожъ не замѣтить: а) что многіе свидѣтели подписались подъ своими показаніями, именно: Григорій Нагой, вмѣстѣ съ архимандритомъ Ѳеодоритомъ и духовнымъ отцомъ своимъ, священникомъ Богданомъ; Андрей Нагой; игуменъ Покровскаго монастыря Давидъ;

игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватія, и многіе другіе. Люди, видѣвшіе, по словамъ ихъ, какъ умеръ царевичъ, не подписались, вѣроятно, потому, что не умѣли. b) Судя по образу изложенія, можно думать, что слѣдователи писали именно со словъ допрашиваемыхъ лицъ: стоитъ только сравнить, *какъ* говорятъ жильцы, архимандритъ, кормилица, пономарь.

Труднѣе объяснить, почему не приведены слова царицы: ее, безъ сомнѣнія, спрашивали? Вѣроятно потому, что считали неприличнымъ мѣшать ее съ подданными. Впрочемъ обстоятельство это не важно: она не видала, какъ погибъ сынъ ея. Наконецъ вся сила заключается въ объявленіи митрополита Геласія: дѣйствительно ли говорилъ святитель на соборѣ, согласно съ волею царицы-матери? Этотъ вопросъ, кажется, разрѣшить легко: можно ли думать, чтобы соборъ легкомысленно повѣрилъ Геласію, не бывъ убѣжденъ въ истинѣ словъ его? Но по своей ли волѣ царица рѣшилась на такое объявленіе, этого не объяснилъ бы и Юмъ.

По крайней мѣрѣ, Углицкій розыскъ не наводитъ и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова. Кто же обвиняетъ его? Его обвиняютъ Шуйскій, производившій розыскъ, и царица мать Димитрія. Въ слѣдъ за ними всѣ писатели современные, Русскіе и иностранные. Вотъ слова ихъ:

Шуйскій, низринувъ Отрепьева и овладѣвъ престоломъ, издалъ нѣсколько окружныхъ грамматъ или манифестовъ, которыми старался убѣдить народъ, что человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, былъ Самозванецъ. Въ одной грамматѣ, изданной немедленно по избраніи его царемъ, сказано глухо: «Мать царевича Дмитрія, инока Марѳа, и ея братъ Михайло Нагой съ братіею, всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Дмитрій *умре* подлинно и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ (Отрепьевъ) называется Царевичемъ Димитріемъ ложно». *Собр. Государ. Грам.* ч. *II. стр.* 300. Но тогда же (21 мая 1606 года) обнародована граммата отъ имени царицы-матери, за подписью дьяка Шипилова; царица пишетъ: «Сынъ нашъ

царевичъ Дмитрій Ивановичъ убитъ на Угличѣ предо мною и предъ братьею моею отъ Бориса Годунова, а нынѣ лежитъ онъ на Угличѣ». То же сказано отъ имени ея мѣсяца черезъ три, по случаю перенесенія мощей Св. Димитрія: «Сына моего царевича Димитрія», пишетъ царица, «убили по Борисову велѣнію Годунова; а меня послѣ того держали въ великой нужѣ, и родъ мой по дальнымъ городамъ разосланъ былъ». *Собр. Госуд. Грам.* ч. *II, стр.* 317.

Шуйскій повторяетъ слова ея въ двухъ грамматахъ, именно въ тѣхъ, которыми онъ доказываетъ самозванство своего предшественника, мнимаго Димитрія. Въ одной (отъ 2 іюня 1606 года) онъ пишетъ: «Въ прошломъ 99 году, за грѣхи всего православнаго христіанства, великаго государя царевича Дмитрія Ивановича не стало, послѣ убивства Бориса Годунова.... и за его дѣло смерть ему *(Борису)* злую далъ.» Въ другой грамматѣ, отъ 9 декабря 1606, сказано: «Блаженныя памяти, царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи былъ сынъ царевичъ, и тотъ убитъ, по велѣнью Бориса Годунова, на Угличѣ». *Собр. Госуд. Грам. II. стр.* 311. 320.

Каждый спроситъ, почему же Шуйскій утаилъ истину въ свое время? Боялся ли онъ Годунова, или былъ задобренъ имъ? Это извѣстно одному Богу! Не льзя опять не замѣтить: Шуйскій былъ человѣкъ неблагодарный, но не трусъ; это доказалъ онъ поступками съ Димитріемъ Самозванцемъ. Сверхъ того, не видно, чтобы онъ получилъ отъ Бориса особенную награду, какъ надлежало бы ожидать; и при Ѳеодорѣ, и при Годуновѣ, онъ оставался просто бояриномъ, не болѣе: такъ не награждаютъ за престолъ! Но свидѣтельство царицы? Царица показала сперва, что сынъ ея умеръ волею Божіею, потомъ, что его убилъ Борисъ; признала своимъ сыномъ Отрепьева, и потомъ отвергла его. Вѣрьте чему угодно! Скажутъ обстоятельства понуждали ее говорить ложь: почему же не могла она клеветать и на бѣднаго Бориса по обстоятельствамъ? Для чего и она, и Шуйскій писали о смерти Димитрія? Для того, чтобы разсѣять ослѣпленіе Русскихъ, которые

признавали царевичемъ каждаго негодяя: Шуйскій лучше всего надѣялся достигнуть сей цѣли, представивъ Димитрія мученикомъ, невинно погибшимъ. На кого же возложить вину, если не на Бориса, котораго уже Самозванецъ объявилъ злодѣемъ царевича? Однимъ словомъ, въ государственныхъ актахъ нашихъ о семъ случаѣ, такъ много встрѣчается противорѣчій, что читатель безпристрастный долженъ теряться въ безчисленныхъ догадкахъ. Послушаемъ, что говорятъ свидѣтели посторонніе, современные писатели Русскіе и иностранные.

II.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ РУССКІЕ.

1. *Патріархъ Іовъ*, возведенный въ достоинство первосвятителя при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ правленіе Бориса Годунова, и рѣшившій Углицкое дѣло, описывая подробно царствованіе Ѳеодора, ни слова не говоритъ о смерти царевича. *Руск. Лѣт. Никон. сп. VII, стр.* 316—359.

2. *Авраамій Палицынъ* разсказываетъ сей случай такимъ образомъ: «Великаго убо царя Ѳеодора брата царевича Дмитрія Ивановича, не единоматерня, отдѣлиша на Углечь, всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ, да во своемъ пространствіи съ матерію си пребываетъ. Сему же царевичу Дмитрею естествомъ возрастающу и братне царство и величество слышащу и отъ ближнихъ си смущаему, занеже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ; врази суще, и ласкатели и великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лже составливающе, съ сими подходятъ вельможи, паче же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ: его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и нехотяща въ вѣчный покой, въ лѣто 7099; памяту же его крови ради неповинныя во всей Россіи торжествовася, и великимъ да-

ромъ чудесъ отъ Бога обогащенъ быти. Егда же заколенъ бысти той незлобивый агнецъ Дмитрей царевичъ, тогда весь градъ Углечь возмятеся, и емше убійцъ его, Данилку Битяговскаго, смерти предаша. Борисъ же, за тѣхъ убійцъ, Углечанъ болѣ двою сотъ человѣкъ погуби; овѣхъ же въ Сибирь сосла, инѣхъ же въ темницахъ лютыми смертьми умори; матерь же его царицу Марію неволею постричи повелѣ, и пятнадесять лѣтъ въ скорби пребысти».

3. *Въ Лѣтописи о мятежахъ:* «Бысть боляринъ Борисъ, рекомый Ѳедоровичъ Годуновъ, ненавидяще братію свою боляръ; болярежъ его не любяху, что многіе люди погубихъ напрасно. И вложи діаволъ ему въ мысль извести праведнаго своего государя царевича Дмитрія, и помышляше себя, аще изведу царскій корень и буду самъ властелинъ въ Руси, яко же окаянный Стополкъ *(Святополкъ)* помышляше на братью свою Бориса и Глѣба, аще побію братію свою и буду единъ властелинъ въ Руси, а не вѣдя того, яко Богъ власть кому хочетъ, тому дастъ; сей же окаянный Стополкъ посла на братію свою на убойство, такожде и Борисъ посла на Угличь, чтобы сего праведнаго окормити зельемъ. Ему же праведному царевичу Дмитрію даваху смертоносное зелье, овогда въ ѣствѣ, овогда въ питьѣ. Богъ же, храняй праведника, не хотя втайнѣ его праведную душу увести приняти, а хотя его праведную душу и невинную кровь объявити всему міру. Борисъ же, то слышавъ, яко ничто его не вреди, и оскорбѣся о томъ зѣло и призва братію свою Годуновыхъ, и совѣтниковъ своихъ Андрея Елешіина *(Клешнина?)* съ товарищи, и повѣдаша имъ, яко ничто его вредитъ. Единъ же отъ нихъ Годуновъ, Григорій Васильевичъ, къ ихъ совѣту не приста, и плакася о томъ горько: они же его къ себѣ не призываху и его чужахусь. Сіи же совѣтницы Борисовы умыслиша ему послати кого изобравъ, и его праведнаго убити, и изобраша Володимера, рекомаго Загрязскаго, да Никифора Чепчугова, и изъ нихъ единаго послати имъ, иже по Володимеру и Никифору извѣстиша; онижъ люди богобоязливые не токмо что надъ нимъ сдѣлати, и помыслити надъ своимъ госуда-

ремъ не хотяху. Возвѣстиша же то Борису, что не хотяше изъ нихъ ни одинъ ѣхати; онъ же зѣло прискорбенъ бысть, яко ничто хотѣніе его не совершается. Совѣтникъ же его Андрей Клешнинъ рече ему: и яко не скорби о томъ, есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено. Тѣмъ же Никифору и Володимеру, что ихъ воли не сотворили, многія бѣды и злыя напасти содѣяху имъ. Той же Андрей Клешнинъ пріиди въ домъ свой и извѣсти братіе своимъ и другамъ; они же, отъ нихъ ни единъ на такое окаянство уклонишась. И вниде дьяволъ въ единаго отъ нихъ предстоящимъ, рекомый Михайло Битяговскій, и яко же войде сатана во Іуду Скаріотскаго, тако и сей окаянный Михаилъ мышля на своего государя, на такого безскверна агнца, и шедъ возвѣстити Андрею Клешнину: я хощу волю вашу сотворити. Андрей же радостенъ бысть, и шедъ къ Борису и возвѣсти ему все по ряду. Борисъ же того Михаила повелѣлъ привести съ великою радостію, и обѣща ему воздать великую честь, и ударивъ *(одаривъ)* его отпусти на Углечь; да съ нимъ же отпустилъ сына его Данилка, да Микитку Качалова, и велѣ имъ вѣдати на Углечѣ все. Они же идоша на Углечь, аки волки пыхающи на праведнаго, и пріидоша на Углечь вскорѣ, и начаша всѣмъ владѣти. Царица Марья Ѳедоровна, видя ихъ злокозненное умысліе, и нача его беречи, никуды отъ себя изъ хоромъ не пущаше. Онижъ окаянніи, совѣтовавше съ мамкою его съ Марьею Колоховою *(Волоховою)*, да съ сыномъ ея Данилкою и сдумаша они, чтобъ его праведнаго явно убити въ лѣто 7099 (1591), мѣсяца маія въ 15 день. Мати жъ его благовѣрная царица Марья, бывше у себя въ хоромѣхъ, сіяжъ окаянная мамка Волохова рече праведному лестію, аки змія прельстивъ Евву, такъ же и окоянная обольсти мати его, и взятъ его, поведующи на дворъ. Кормилица же его, воспитавшая его сосцемъ своимъ, не хотяше пустити его; она же окаянная едва не силою веде на заколеніе. Сія же кормилица его, идущи съ нимъ на нижнее крыльцо, сіи же окаяннiи, аки звѣрія ярости исполнены, течаху на крыльцо. Той же злодѣй Данилко Волоховъ, пріятъ его праведнаго

за руку и рече ему: сіе у тебя, государя, новое ожерельеце? Онъ же ему отвѣща и глаголя тихимъ гласомъ, и подня ему выю свою и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Они же окаянніи свою аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведнаго по шеи и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу государя его, паде на немъ и нача кричати; тотъ же окаянный Данилко поверже ножъ свой, побѣже. Союжникижъ его данилко Битяговскій, да Микитка Качаловъ, начаша ее бити, едва живу оставиша, праведнаго же у ней отняша, и заклаша, аки агнца нескверна, юнца осмолѣтна. Они же окаянніи побѣгоша. Мати жъ его, видя пагубу сына своего, и кричаше надъ нимъ. О чудо! Праведное ужасно како мертвенное тѣло трепеташась на великій часъ, аки голубь, той же часъ убіенный. Слышаху во градѣ и на посадѣ, по вратсомъ ѣздяху, біяху и вопіяху: что сидите! царя у васъ нѣсть! Они же выбѣжаху за врата кой же за свои, ни видя же ни кого; въ та же времена, на государевѣ дворѣ не бяше никого: братія же его и дядя разыдошась по домамъ, что время бысть полуденное. Единъ же соборный пономарь, видя такую пагубу и запреся на колокольницѣ, и бити начатъ въ колоколъ; окаянніи же къ нему приступаху, хотяще его убити и не можаху. Людіежъ его и братья и дядья и всѣ люди града Углича сбѣгошась на его государевъ дворъ, и видѣша себѣ пагубу, государя своего лежаща мертва; матижъ его и кормилица тутожъ у тѣла его лежащи, аки мертвы; онижъ надъ тѣломъ его вопіяху, и сихъ убійцевъ Михайла Битяговскаго и съ женою и съ ихъ совѣтники побиша каменьемъ. Той же Микитка и Данилко побѣжа, и отбѣжа дванадесять верстъ, кровь же праведнаго вопіяше къ Богу, не попусти ихъ; они же окаянніи возвратишась назадъ. Гражданежъ и тѣхъ побиша каменьемъ, и всѣхъ ихъ окаянныхъ побиша дванадесять человѣкъ, и повергоша въ яму на снѣдѣніе. Тѣло же его праведное положиша во гробъ, и внесоша въ соборную церковь Преображенія святаго; къ царю же Ѳедору заслаша гонца возвѣстити, яко убіенъ бысть братъ его отъ рабъ. Гонцажъ приведоша на Москвѣ къ Борису. Борисъ же велѣлъ грамоты пе-

реписати; а писать повелѣлъ, яко удержимъ *(одержимъ)* бысть недугомъ и самъ себя зарѣзалъ небереженіемъ Нагихъ, и донести грамоты до царя Ѳедора. Царь же, слыша убіенье брата своего, на многъ часъ плакашеся, и не можаше ничто проглаголати, и посла про то сыскати, и тѣло его праведное погрести болярина князя Василія Ивановича Шуйскаго, да съ нимъ Андрея Клешнина и властей, и тѣхъ Нагихъ велѣно привезти къ Москвѣ. Князь же Василій со властьми пріидоша вскорѣ на Углечь и осмотри тѣла праведнаго заклана, и помянувъ свое согрѣшеніе, плакася горько на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояше; тѣло же его праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія святаго. Князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ? Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юнше, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники. Князь же Василій прешедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа царю Ѳедору неправедно, что самъ себя заклалъ. Царь же Ѳедоръ положи опалу на Нагихъ; Борисъ же съ бояры поидоша къ пыткѣ, и Михайла Нагаго и Андрея и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ; они же никакъ того не сказаша; то и глаголаху, что отъ рабъ убьенъ бысть. Борисъ же, разъяряся, хотяше и достальныхъ погубить; царицу жъ Марью повелѣ постричи и послати въ пусто мѣсто за Бѣлоозеро, а Нагихъ всѣхъ разосла по городамъ, по темницамъ; градъ же Углечь посла и повелѣ разорити, что биша тѣхъ окаянныхъ и на него глаголаху; инихъ казняху, инимъ языки рѣзаху, инихъ по темницамъ разсылаху; множество же людей отведоша въ Сибирь и поставиша градъ Пелымъ, и ими насадиша, и отъ тогожъ Углечь запустѣлъ. Тѣхъ же окаянныхъ и убойцевъ повелѣ хранить и погрести ихъ окаянное тѣло честно; тое же окаянную мамку Волохову и тѣхъ убойцевъ женъ устроиша, подавалъ и жалованье многое и вотчины».

Русская Лѣтопись по Никон. списку, VIII. 15—20.

Прочія лѣтописи Русскія, Морозовская, Ростовская и другія, (доселѣ еще ненапечатанныя), сколько можно судить по отрывкамъ, въ главныхъ обстоятельствахъ согласно съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ повѣствуютъ о смерти царевича. На нихъ-то основалъ Карамзинъ плѣнительное описаніе сего событія. Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ безусловно, Годуновъ заслужилъ въ полной мѣрѣ проклятіе потомства. Но можно ли вѣрить имъ безусловно? Пусть рѣшитъ самъ читатель; намъ остается только напомнить ему: 1) кто были сочинители сихъ лѣтописей, неизвѣстно; видно только, что они писали уже въ царствованіе Романовыхъ, которыхъ родъ былъ гонимъ Борисомъ; 2) мы не знаемъ, откуда лѣтописцы почерпали свѣдѣнія о самыхъ *тайныхъ помышленіяхъ и думахъ* Годунова; 3) угождая духу времени, они старались очернить память его явно-нелѣпыми выдумками: разсказывали, напримѣръ, будто Борисъ отравилъ царя Ѳеодора, даже нареченнаго зятя своего, герцога Датскаго, нескромно обнаруживалъ замыслы свои разнымъ лицамъ, и проч. и проч. Но Авраамій Палицынъ обвиняетъ также Годунова? Свидѣтельство его безъ сомнѣнія важно; ибо Палицынъ былъ къ нему снисходительнѣе прочихъ лѣтописцевъ, и сверхъ того лучше многихъ могъ узнать истину. Однакожъ не льзя рѣшительно опираться и на него: историкъ, слѣдуя общей молвѣ, говоритъ только, что царевича отослали въ вѣчный покой: иначе Палицынъ и писать не могъ, когда всѣ отъ высшаго до низшаго называли Бориса *убойцею*.

III.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ.

Изъ нихъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія тѣ люди, которые были въ Россіи въ началѣ XVII вѣка: Беръ, Петрей и Маржеретъ; также Паерле и Де-Ту. Всѣ они, исключая Де-Ту, приписываютъ Годунову преступный замыслъ на жизнь царевича, съ такою рѣшительною увѣренностію, что потомство, читая отдѣльно ихъ

показанія, не должно сомнѣваться; но сравнивъ ихъ извѣстія, находитъ явныя противорѣчія: *Беръ* говоритъ, что царевичъ зарѣзанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ: *Петрей*, что его убили ночью, когда онъ сошелъ съ крыльца посмотрѣть на пожаръ; *Маржеретъ* и *Паерле*, что истинный царевичъ спасся, а умерщвленъ подложный, не соглашаясь въ обстоятельствахъ: первый разсказываетъ, что убійцею былъ одинъ, и тотъ погибъ на мѣстѣ злодѣянія; а второй, что злодѣевъ было нѣсколько, и что они зарѣзали мнимаго царевича въ постели; *Де-Ту* слышалъ отъ разныхъ лицъ, что Димитрія закололи, когда онъ сходилъ съ крыльца.

Сообразивъ всѣ показанія свидѣтелей, вникнувъ во всѣ обстоятельства времени, каждый вѣроятно согласится, что Годуновъ если не со всѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ не кругомъ виноватъ, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, *можетъ быть*, только по стеченію обстоятельствъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Наливайко былъ атаманомъ Запорожцевъ. Онъ воевалъ съ Поляками въ защиту православія и близъ Чигирина разбилъ самого Жолкѣвскаго; въ послѣдствіи, въ свою очередь разбитый на-голову, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. По сказанію Георгія Конискаго, его сожгли живаго въ мѣдномъ быкѣ, съ тремя полковниками. Езуитъ Янчинскій, коего рукописью пользовался Энгель въ своей *Исторіи Украйны*, также свидѣтельствуетъ, что Поляки уморили сего храбраго вождя Запорожцевъ мучительною смертію. См. Engel's Geschichte der Ukraine, 1796. стр. 105.

2.

Михаилъ, господарь Валахскій, безпокоилъ Польскаго вассала Іеремію Могилу, управлявшаго Молдавіею. Въ походѣ противъ него въ 1600 году, участвовали и Запорожцы, подъ предводительствомъ кошеваго своего Костки.

3.

Полевымъ гетманомъ (Hetman polny) назывался начальникъ отрядовъ, стоявшихъ награнцѣ *въ полѣ*, для защиты предѣловъ отъ Татаръ. Онъ занималъ второе мѣсто послѣ великаго гетмана. Обыкновенно было два: полевой гетманъ коронный, т. е. Польскій, и полевой гетманъ Литовскій.

4.

Кобѣржицкій, основываясь на свидѣтельствѣ какого-то знаменитаго писателя, говоритъ согласно съ Маскѣвичемъ, что у Лжедимитрія было 700 всадниковъ и такое же число пѣхоты. Паерле считаетъ 1100 всад-

*

никовъ и 500 пѣхотинцевъ. См. *Historia Vladislai, auctore Stanislao a Kobierzycko. 1655, p. 60*, и *Сказан. соврем. о Димитр. Самозв.* часть 1, стр. 156. Въ хоругви, т. е. подъ однимъ знаменемъ, было отъ 100 до 500 человѣкъ.

5.

Борисъ Годуновъ умеръ скоропостижно, и кажется не насильственною смертію; а вдова и сынъ его умерщвлены по приказанію Лжедимитрія.

6.

21 Іюля 1606 года. Тогда разность между новымъ и старымъ стилемъ была 10 дней.

7.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ регулярное войско: оно содержалось четвертою частью доходовъ съ королевскихъ староствъ или имѣній, и отъ сего названо *квартнымъ*. Woysko regularne czyli kwarciane, говоритъ Нѣмцевичъ въ Dzieie panowania Zygmunta III.

8.

Въ спискѣ, напечатанномъ въ Zbior pamiętnikow Historycznych o dawnéy Polszcze, по рукописи Хрептовича, Яковъ и Андрей Потоцкіе опущены; а Свирскій и Творжіянскій (Tworzyiański) названы Swinski, Towarzynski.

9.

На Констанціи, принцессѣ Австрійской (11 декабря 1605 года). Первою супругою Сигизмунда была родная сестра Констанціи, эрцгерцогиня Анна.

10.

Слово Rokosz означало возстаніе шляхты или дворянства противъ короля и сената. Польша въ то время такъ была разстроена, что самые мятежи въ нѣкоторыхъ случаяхъ почитались *законными*.

11.

Мятежникъ Николай Зебржидовскій хотѣлъ свергнуть Сигизмунда III съ престола. Собравъ *рокошанъ* въ Сендомирѣ, числомъ до 100.000,

по извѣстію нѣкоторыхъ писателей, онъ требовалъ, чтобы король публично просилъ извиненія въ своихъ ошибкахъ, оставилъ мысль ввести самодержавіе и удалилъ отъ себя льстецовъ придворныхъ: на такихъ условіяхъ онъ соглашался положить оружіе. Сигизмундъ былъ въ величайшей опасности; но Ходкѣвичъ и Жолкѣвскій спасли его.

12.

Такъ прозвали его за дерзость и необузданность. См. *Dzieie panow. Zygm. III.* Ч. II, стр. 57.

13.

Товарищами въ войскѣ назывались кавалерійскіе офицеры изъ шляхтичей, содержавшіе себя сами и приводившіе съ собою, на своемъ иждивеніи, нѣсколько всадниковъ.

14.

Коло — собраніе, совѣтъ, съѣздъ; по-казацки кругъ.

15.

Ходкѣвичъ. Онъ былъ въ несогласіи съ Жолкѣвскимъ. Жолнеръ, żołnierz отъ Нѣмец. Söldner, воинъ получавшій жалованье, или правильнѣе наемникъ. У Поляковъ было большое различіе между жолнерами и рыцарями: первые продавали свою жизнь за деньги, а вторые изъ чести и славы, на своемъ иждивеніи, служили республикѣ.

16.

Согласно съ Маскѣвичемъ, Мартинъ Беръ свидѣтельствуетъ, что второй Лжедимитрій (Тушинскій Воръ) былъ приведенъ въ Россію Мѣховецкимъ, о которомъ впрочемъ болѣе ничего неизвѣстно, кромѣ того только, что по словамъ Кобѣржицкаго, князь Рожинскій умертвилъ его собственною рукою. *Historia Vladisl.* 90.

17.

Царикомъ Маскѣвичъ вездѣ называетъ Тушинскаго Вора: такъ именовали его и Русскіе. Князь Романъ Рожинскій, послѣдній знаменитый потомокъ Наримунда сына Гедиминова, мужъ войны и совѣта, запятналъ свою добрую славу службою Самозванцу, коего и самъ онъ считалъ обманщикомъ. Умеръ въ Россіи 8 апрѣля 1610 года 35 лѣтъ. Тѣло его отвезено въ Кіевъ и тамъ погребено въ костелѣ.

18.

Авторъ говоритъ о племянникѣ Стефановомъ, Гаврінлѣ Баторіи, который поддерживалъ Гербурта, единомышленника Зебржидовскаго, и думалъ самъ овладѣть короною Польскою.

19.

Въ спискѣ, напечат. Нѣмцевичемъ по рукописи Хрептовича, знаки препинанія разставлены въ семъ мѣстѣ неправильно: отъ того выходитъ, что Гульскій назначенъ гетманомъ надъ войскомъ, шедшимъ въ Россію, между тѣмъ, какъ онъ оставленъ въ этомъ званіи въ Украйнѣ.

20.

Въ спискѣ Нѣмцевича прибавлено, что эта вольница уводила множество скота за границу.

21.

Пахоликами назывались оруженосцы товарищей, для отличія отъ лагерной челяди или отъ простыхъ служителей. Они также участвовали въ сраженіяхъ.

22.

Сказка. Глубокое уваженіе къ святынѣ было отличительною чертою Іоанна Грознаго. Государь до того былъ набоженъ, что, при всей вспыльчивости и жестокости характера, смиренно слушалъ укоризны юродивыхъ. Тѣмъ менѣе могъ онъ дерзнуть на такой поступокъ, о которомъ баснословитъ по слуху Маскѣвичъ.

23.

Въ опроверженіе нелѣпыхъ толковъ Маскѣвича, мы ссылаемся на свидѣтельство также иностранца, капитана Маржерета, который, укоряя Русскихъ во многихъ порокахъ, отдавалъ полную справедливость ихъ набожности и благочестію.

24.

Считаю долгомъ обратить вниманіе читателя на извѣстія Маскѣвича о Смоленской осадѣ: мнѣ по крайней мѣрѣ нигдѣ не случалось читать столь подробнаго и любопытнаго описанія.

25.

Не излишнемъ нахожу помѣстить здѣсь описаніе мѣста, гдѣ стоялъ Тушинскій Воръ, составленное для Карамзина покойнымъ Калайдовичемъ. (Это комментарій на слѣдующее Польское извѣстіе: Лагерь Самозванца съ южной, западной и сѣверной стороны окруженъ двумя рѣками, Москвою и *Тушиномъ*. Къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и рвомъ. Тутъ стояли Донскіе Казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки; на другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница Польская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россіяне, служившіе Самозванцу).

«По большой Волоколамской дорогѣ», пишетъ Калайдовичъ, «въ концѣ 13 версты отъ Москвы, тотчасъ за селомъ Тушинымъ, представляются по обѣимъ сторонамъ дороги довольно высокіе валы: они кое-гдѣ распаханы, въ другихъ мѣстахъ разрыты искавшими кладовъ; индѣ сохранились въ прежнемъ видѣ съ остатками рва, выкопаннаго къ селу Тушину. Валъ, идущій вправо отъ дороги, простираясь до 47 сажень, упирается въ крутизну праваго берега рѣки *Всходни* (попросту Сходни), которая въ водополье, отрывая песчаный грунтъ, уноситъ его въ быстрину. Всходня течетъ къ Тушину, за коимъ впадаетъ въ Москву рѣку. Съ крутизны вала, гдѣ ростетъ елка, прямо *пустошь Наумовка*, по ту сторону рѣки; поправѣе, на той же сторонѣ (лѣвой по теченію) городище — возвышенность, поростшая лѣсомъ, и близъ оной *три кургана*. Влѣво, глядя съ крутизны, по сю сторону, съ правой руки по теченію Всходни, виденъ еще насыпной валъ, простирающійся саженъ на 260 къ *святымъ воротамъ*. Сей валъ выше двухъ первыхъ, съ глубокими рвами, гдѣ остались еще застоины, поростшія осокою, въ иныхъ мѣстахъ распаханъ, въ другихъ отъ времени сравнялся съ землею. Онъ именуется *Царковою горою*. У самаго вала пролегаетъ отъ большой дороги проселочная къ святымъ воротамъ. Сіи ворота составляютъ узкій проходъ (дефилею), прорытый, какъ видно, искусствомъ въ природномъ склоненіи проселочной дороги къ равнинѣ. Святые ворота ведутъ къ прекрасной кругловатой лощинѣ, огражденной возвышеніемъ, гдѣ, разсказываютъ, былъ *городъ* (главная квартира) Самозванца. Лощина называется отъ крестьянъ *Піявочникомъ*, ибо въ болотѣ, въ оной лежащемъ (которое теперь осушается), прежде важивались *піявки*.

«Съ лѣвой стороны дороги валъ не высокъ, съ большимъ въ одномъ мѣстѣ разрывомъ отъ перепашки. Онъ идетъ въ прямой линіи съ валомъ, находящимся на правой рукѣ, и упирается въ природное у берега Москвы рѣки возвышеніе, покрытое лѣскомъ, которое называютъ *По-*

повъ угаръ (*бугоръ*). Все пространство вала отъ дороги до возвышенія, считая и разрывъ, составляетъ до 110 саженъ. Берегъ рѣки саженяхъ въ 13 отъ Попова бугра. Смотря съ его возвышенія прямо на ту сторону рѣки, правую по теченію, видите Корьеву пустошь; правѣе, къ селу Спасскому, Литванову пустошь. — Теперь нѣсколько словъ о Польскомъ описаніи. «Лагерь Самозванца съ южной, западной и *сѣверной* стороны былъ окруженъ двумя рѣками, Москвою и Тушиномъ». Вмѣсто *сѣверной* должно быть *восточной*. Рѣки Тушина нѣтъ; а это безъ сомнѣнія, *Всходня*, которая, можетъ быть, имѣла прежде помянутое названіе, о чемъ однако никто изъ жителей селенія не знаетъ. «Къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и рвомъ». Такъ: Царикова гора, святые ворота и городъ (Піявочникъ) показываютъ ясные слѣды сего укрѣпленія. «Тутъ стояли Донскіе Казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки». Не противно мѣстному положенію: Татары могли расположиться по лѣвому берегу. «На другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница Польская, также вдоль рѣки». Думаю, по правому берегу Москвы, гдѣ Литвинова пустошь. «За рѣкою Россіяне, служившіе Самозванцу». Этого я не понимаю: если измѣнники поставлены были за Всходнею, то находились прямо въ лицѣ нашихъ, безъ всякой защиты, ибо вѣрные Россіяне, расположившіеся лагеремъ на Ходынкѣ, какъ видно, владѣли и лѣвымъ берегомъ Всходни, имѣя въ своихъ рукахъ и самое село Тушино; а ежели измѣнники стояли за Москвою-рѣкою, то рядомъ съ войсками Польскими». *Русскій Зритель, 1828 года. I. 29—35.*

26.

Беръ признаетъ его также Русскимъ (*Сказ. совр. о Дим. Самоз. I. 88*); Кобѣржицкій свидѣтельствуетъ, что онъ былъ Жидъ. Въ Повѣсти Филарета сказано: «Малу же времени минувшу, яко бы годину и три мѣсяца (въ 1609), проявися въ Сѣверскихъ градѣхъ иный мятежникъ нѣкій, ему же имя *невѣдомо и донынѣ*, и нарекся царемъ Димитріемъ, его же на Москвѣ убиша, и повѣдаша о себѣ всѣмъ людямъ Сѣверскихъ градовъ, яко азъ есмь царь Димитрій; въ мѣсто же мое на Москвѣ убиша Ляха нѣкоего, а язъ избавленъ отъ смерти и съ Москвы убѣже. Нынѣ же иду на свой отческій престолъ смирити непокоривыхъ и мстити обиду свою. Людіе же тоя Сѣверскія страны шатаяся умы своими, яко пьяніи, или яко младенцы, покоряющеся ему и съ радостію послѣдоваху ему, яко же и прежнему врагу Гришкѣ Разстригѣ, но ко своей имъ погибели».

27.

Въ спискѣ Нѣмцевича прибавлено: *съ дозволенія езуитовъ.*

28.

Деревня на рѣкѣ Каснѣ, въ Вяземскомъ уѣздѣ.

29.

Авторъ говоритъ Boiarow, не различая бояръ отъ дѣтей боярскихъ.

30.

Станислава Жолкѣвскаго.

31.

Слѣдовательно у Жолкѣвскаго было всего на все 1.830 человѣкъ. Это число, кажется, не вѣрно: самъ гетманъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что ему отдѣлили изъ войска, осаждавшаго Смоленскъ, 2000 конницы и 1000 пѣхоты. Во всякомъ случаѣ углубиться съ тремя тысячами въ непріятельскую землю съ намѣреніемъ разбить 60.000 враговъ, былъ подвигъ достойный смѣлости Жолкѣвскаго.

32.

Бѣлая занята была отрядомъ Гонсѣвскаго, который отразилъ Шведскаго военачальника Горна и Хованскаго.

33.

Въ рукописи: z Gregorem Wołniowem.

34.

Они требовали немедленной уплаты денегъ, обѣщанныхъ королемъ за службу ихъ Самозванцу.

35.

Siodlay portki, daway konia. Этою поговоркою Поляки выражаютъ суматоху: т. е. когда всадникъ, застигнутый врасплохъ, вмѣсто коня требуетъ портовъ, и на оборотъ.

36.

Въ рукописи: Bom też swoię gębę oganiał т. е. ибо я также свою губу обмахивалъ.

37.

По всему видно, что виною поражанія нашего подъ Клушиномъ была измѣна Нѣмцевъ, нанятыхъ Шуйскимъ, подъ предводительствомъ Понтуса Делагарди. Въ Повѣсти Филарета такъ описана Клушинская битва: «Король стоялъ подъ Смоленскомъ со многою силою; а подъ Мо«скву посла гетмана Станислава Желковскаго. Онъ же пріиде въ Вязму. «Слышавъ же сія царь Василій Ивановичъ посла противъ ихъ едино«кровнаго своего брата князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, и повелѣ «итти въ Можаескъ; онъ же пойде со многою силою; съ нимъ же и «Нѣмецкій воевода Яковъ Понтусовъ и Нѣмецъ много. И пріиде въ Мо«жаескъ и оттолѣ иде въ село Клушино. Тогда же ещо пріиде Нѣмецкій «воевода Левгортъ съ Нѣмецкою силою. Егда снидошась съ Нѣмцы, и «навожденіемъ діаволимъ бысть имъ пря и несогласіе великое. Егда же «стояху въ томъ селѣ сила Московская и Нѣмецкая, и пріиде на нихъ «Литовскій гетманъ со многою Литовскою силою, и сраженію бывшу тогда, «грѣхъ ради нашихъ Нѣмецкіе люди выдаша Московскихъ людей, не на«чаша помогати. Литва же, видя въ нихъ несогласіе, и начатъ напорно «притужати, и сошедшимся имъ въ селѣ Клушинѣ, и ту брань смертную «спущаютъ, и съ обою страну полки снидошася. Поляцы же воздвигоша «оружія своя и нападоша на полки Русскіе и Нѣмецкіе и крѣпцѣ сихъ «поражаша и много паденіе бысть; на обѣ страны падаютъ трупы мертвыхъ. «Тогда жъ, грѣхъ ради нашихъ, учинися рознь; воинстіе Нѣмецкіе люди «Московскихъ людей выдаша и ни къ коей же странѣ не пріобщишася, «но сташа особь на единомъ мѣстѣ, дондеже и брань совершися. Поляцы «же силу восхищаютъ, даже и на великій обозъ начальнаго воеводы князя «Дмитрія Ивановича Шуйскаго нападаютъ, и тамо бысть веліе сраженіе. «Московское жъ воинство, за умноженіе всемірнаго ради согрѣшенія, «противу ихъ не могоша стояти и въ бѣгство уклонишася и побѣждени «быша; друзіи же затворени быша въ острогѣ, и тіи помалу предашась «въ руцѣ ихъ, видя себя въ толицѣ бѣдѣ положенныхъ, ни откуду чаяще «помощи. Нѣмецкое же воинство отъ тое брани отойдоша во своя предѣлы».

По свидѣтельству Маскѣвича, большая часть Нѣмцевъ присоединилась къ Полякамъ.

38.

Достопамятный договоръ Жолкѣвскаго съ боярами о возведеніи королевича на Русскій престолъ, подписанный гетманомъ 17 августа 1610 года, уцѣлѣлъ въ подлинникѣ въ нашемъ Государственномъ Архивѣ, и напечатанъ

въ Румянцовскомъ *Собраніи Госуд. Грам. ч. II, № 199.* Главныя условія его слѣдующія: 1) Патріарху, духовенству, синклиту и всѣмъ сословіямъ Московскаго государства просить короля Сигизмунда, да пожалуетъ имъ сына своего въ цари. 2) Королевичу вѣнчаться отъ патріарха по древнему обряду. 3) Владиславу царю чтить святые храмы, иконы, мощи и все духовенство; церковныхъ имѣній не отнимать, въ духовныя дѣла не вмѣшиваться. 4) Въ Россіи не быть ни Латинскимъ, ни другихъ вѣроисповѣданій костеламъ; Жидамъ не въѣзжать въ Московское государство. 5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ; чиновниками и боярами быть однимъ Русскимъ. 6) Помѣстья и отчины неприкосновенны. 7) Основаніемъ гражданскаго правосудія быть судебнику, коего исправленіе и дополненіе зависитъ отъ государя, думы боярской и земской. 8) Государственныхъ преступниковъ казнить единственно по осужденію царя съ боярами и людми думными; безъ торжественнаго суда боярскаго никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести. 9) Кто умретъ бездѣтенъ, имѣніе его отдавать ближнимъ, или кому онъ прикажетъ. 10) Доходы государственные остаются прежніе; а новыхъ налоговъ не вводить безъ согласія бояръ. 11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ Литву, ни въ Россію отъ господина къ господину. 12) Польшѣ и Литвѣ утвердить съ Россіею вѣчный миръ. 13) Жителей изъ одного государства въ другое не переводить. 14) Торговлѣ между обоими государствами быть свободной. 15) Королю немедленно вывести войско изъ всѣхъ городовъ Русскихъ. 16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ выкупа. 17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ Лжедимитрія и вмѣстѣ съ боярами взять мѣры для истребленія злодѣя. 18) Между тѣмъ гетману стоять съ войскомъ у Дѣвичьяго монастыря и никого изъ своихъ не пускать въ Москву, безъ дозволенія бояръ и безъ письменнаго вида. 19) Маринѣ Мнишекъ ѣхать въ Польшу и не именоваться государынею Московскою. 20) Отправиться великимъ посламъ Россійскимъ къ государю Сигизмунду и бить челомъ, да крестится Владиславъ въ вѣру Греческую.

39.

Въ подлинникѣ: Rospisywano w Stolicy woysku po iednemu Dworowi na rotę.

40.

Въ подлинникѣ: zwinąwszy chorągwie nieznacznie. Авторъ ,кажется, хочетъ сказать: растянувъ войско, или снимаясь поэскадроно. Въ переносномъ смыслѣ: charągiewkę zwinąć, значитъ *дать тягу.*

41.

Филаретъ тогда еще не былъ патріархомъ. Сукинъ названъ въ подлинникѣ Sakin. Съ Филаретомъ отправленны къ королю, кромѣ думнаго дворянина Сукина, бояринъ Голицынъ, окольничій князь Мезецкій, дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, архимандритъ Новоспасскій Евфимій, келарь Лавры Авраамій, Угрѣшскій игуменъ Іона и Вознесенскій протопопъ Кириллъ. О цѣли и успѣхѣ посольства такъ сказано въ *Повѣсти Филарета:* »Святѣйшій Ермогенъ патріархъ и благочестивіи бояре и «вси Московстіи людіе посылаютъ къ Литовскому королю подъ Смоленскъ «просити королевича на Москву преосвященнаго Филарета митрополита «Ростовскаго и Ярославскаго, да пословъ боярина князя Василія Василье«вича Голицына, да князя Данила Ивановича Межецкаго, да дворянина «князя Якова Борятинскаго, да иныхъ дворянъ съ ними, и Спаса Новаго «архимандрита Евфимія и Вознесенскаго протопопа Кирилла, и Троицкаго «келаря Авраамія Палицына. И наказавъ ихъ патріархъ отъ Божествен«ныхъ писаній, иже за вѣру стояти крѣпко и непоколебимо, даже и до «смерти, и не щадити живота своего, много же укрѣпляя ихъ, самъ же «бысть слезами обливаяся, такоже и преосвященный митрополитъ Фила«ретъ, и бояринъ князь Василій Васильевичъ, иже и съ ними, со сле«зами вси обѣщеваясь, глаголюще: сіе твое наказаніе, о честнѣйшій «господине святителю! съ радостію въ сердце свое пріемлемъ и готови «есмя за домъ пречистыя Богородицы и великихъ Чудотворцевъ до смерти «пострадати и за вѣру крѣпко и непоколебимо стояти. И тако благоче«стиво ихъ отпусти, и рекъ: идите; Богъ съ вами и пречистая Бого«родица и великіе Чудотворцы, иже въ Россіи просіявшіе, наши же за«ступники и хранители, Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Сергій, и Дими«трій Чудотворцы и святый новострадальный благовѣрный царевичъ «Димитрій. Оніи же путеви касашеся и поидоша, и пріидоша подъ Смо«ленскъ. И пріидоша къ королю. Пріятымъ же имъ бывшимъ отъ короля «честно, и потомъ испытаетъ король вины пришествія ихъ. Преосвящен«ный же Филаретъ митрополитъ и весь духовный чинъ и бояринъ той «же князь Василій Голицынъ съ товарищи сими словесы нача посольство «правити, глаголя: Послани есмя къ тебѣ, великому государю. Патріархъ «Московскій и бояре и весь домъ царскій, по совѣту всея Россійскія дер«жавы, нами, послами, приказываютъ твоего благородія молити, да со«твориши полезная намъ, и вдашь сына своего на Московское государство «и отоимеши кровавый мечъ, съ обою страну посѣкающій православныхъ

«крестьянъ немилостиво. Да вѣсть твое благородіе, яко царскій корень «отъ Августа кесаря на Московскомъ царствѣ пресѣкаемъ, и мнози вол- «цы и хищницы восташа на ны, и на царствующій градъ напрасно и «жестокимъ ополченіемъ нападаютъ, и грады разрушаютъ, и людей безчи- «сленно мечемъ посѣкаютъ, и домы ихъ и жены и дѣти восхищаютъ; «намъ же ни отколѣ помощи бысть, токмо въ сохраненіи всещедраго «Бога и въ заступленіи пречистыя Богоматери; зане убо много въ раз- «сужденіи ты еси, о королю! молимъ тя и воспоминаемъ: по семъ пре- «станетъ бранныя лютость, и будущіе соблазны да пройдутъ, якоже мир- «ская имѣютъ быти. Да подаси руку помощи и возведеши сына своего «на царство мирно, а самъ, милостивый королю! отступиши отъ Смо- «ленска града и не твориши ополченія къ тому. Сія вся словеса король «слышавъ. Безбожный же король вознесся мыслію и помрачися умомъ «тьмою прелести и сына своего на Московское государство дати обѣщаваетъ, «въ сердцѣ же своемъ нелѣпая помышляше, дабы православіе соединить «съ латынствомъ. Послы же начаша глаголати, дабы отъ Смоленска от- «ступилъ и далъ бы покой христіанству. Слышавъ же король, яко повелѣ- «ваютъ ему послы отступити отъ Смоленска града скоро, разсжегся яро- «стію и устремленія гнѣву его невоздержанну, гордыми словесы наскакаше «на пословъ, безъ благочестія ума, понося ихъ претительными обидами. «И слышавъ сіе, послы Московскіе скоро отъ лица королевскаго отхо- «дятъ и въ станѣхъ своихъ пребываютъ. И тако замедленну бывшу по- «сольству, королевскія ради неправды и злаго ухищренія; послѣдижъ того «скоро приставовъ къ нимъ приставляетъ и за стражбу ихъ разводитъ, «а по семъ и заточенію предаетъ. И въ таковой приключившейся бѣдѣ «послы Московскіе много время пребыша, даже до великаго избраннаго «государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи».

42.

Въ рукописи, напеч. Нѣмцевичемъ, прибавлено: полкъ Вайера.

43.

Слова: *Панъ Гонсьвскій разослалъ по городамъ... подъ предло- гомъ охраненія городовъ*, въ рукописи, которою я пользовался, опущены; они взяты изъ списка, напечат. Нѣмцевичемъ.

44.

Въ спискѣ Нѣмцевича: Maschowskiego.

45.

У Нѣмцевича прибавлено: *крещенымъ*. Петръ Урусовъ дѣйствительно былъ крещенъ, о чемъ упоминаетъ въ послѣдствіи и Маскѣвичъ. О смерти Тушинскаго Вора въ *Повѣсти Филарета* сказано слѣдующее: «Въ то же время, егда житіе свое творяху Поляцы въ царствующемъ «градѣ, а ложноназванный царь Димитрій быти въ Колугѣ, княжь же «нѣкій, Измаилтеска рода, Петръ зовомый Урусовъ, служаху въ Колугѣ «оному предреченному мятежнику, названному царю Димитрію, и велію «благость имѣсть у его.... Во единъ же день случися сему названному «царю ѣхати въ поле за стѣны града, нѣкоего ради утѣшенія своего: «сей же князь Петръ Урусовъ своея мысли правленіе отрѣшаетъ, его же «желательнѣ часа искаху подобна, и видѣвъ, яко угодно бѣ время, и «воздвигоша мышцу свою, яко неистовственъ на него нападаетъ и мечемъ «голымъ его доставаетъ и разъ къ разу прилагаетъ и тако раздѣляетъ на «двѣ части, и падъ, издше сей проклятый мятежникъ; убійца же отбѣжа «восвояси. Граждане же вземше трупъ его, погребоша во градѣ честно.

46.

Патріархомъ тогда былъ знаменитый Ермогенъ. Въ хронографахъ, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ подъ *№* 64 и 87, я нашелъ слѣдующее любопытное извѣстіе о характерѣ великаго святителя, кажется, нигдѣ еще не напечатанное. Выписываю изъ *№* 64; курсивомъ напечатаны разнословія и прибавленія изъ *№* 87:

«Въ первое лѣто царства Василія царя, возведенъ бысть на престолъ патріаршескій и велицей церкви Ермогенъ, *иже прежъ бысть Казанскій митрополитъ*, словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ; отъ божественныхъ же словесѣхъ присно упражняшесь и вся книги ветхаго закона и новыя благодати, и уставы церковные и правила законныя до конца извыче. А нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстрораспространителенъ (*не быстроразсмотрителенъ*), но ко льстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слухолествователенъ бысть (*о семъ убо нѣкій рече, яко всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть*) и отъ добраго нрава злыми совратенъ, якожъ и сей преложенъ бысть отъ нѣкіихъ мужей зміеобразныхъ, иже лесть сшивающи казньми соплетоша и любезное въ ненависть преложиша, еже о Василіи царѣ злорѣчествомъ навадиша мятежницы словесы лестными (*льстивыми*). Онъ же

имъ о всемъ вѣру ятъ и сего ради къ царю Василію строптивно, а не благолѣпотно бесѣдоваше всегда: понеже внутрь уду имый навѣтовательный огнь ненависти и на супостатная коварьства. Якожъ лѣпо бѣ, никакожь отчелюбно совѣщающеся съ царемъ. Мятежницы жъ во время свое прежь царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и святительскую красоту злѣ поруганіемъ обезчестиша: егда бо по Василіи царѣ пріяша Москву супостатніи руцѣ; тогда убо онъ, по народѣ пастыря непреоборима показати себе хотя, но уже времени и часу отшетшу, како непостоянному стояти вознепщева и во время лютыя зимы кляпышу процвѣтати хотя? Тогда убо аще карящуся *(и ярящуся)* на клятвопреступные мятежники и обличая христіаноборство ихъ, но ятъ бысть немилосердыми руками. И аки птенца заклепа, гладомъ умориша и тако ему скончавшуся».

Въ *Повѣсти Филарета* дѣйствія Ермогеновы описаны такимъ образомъ: «Святѣйшій Ермогенъ патріахъ, совѣтовавъ со князи и боляры «и со всемъ царскимъ синклитомъ, стояти ли противу Литвы и осады «укрѣпити и сидѣти во градѣ, или послати къ королю, дабы отпустилъ «сына своего на столъ великія Россіи? Многу же о томъ размышленію «бывшу, но положиша на волю Божію. Калужская сила стояху въ Коломенскомъ подъ Москвою, тщахуся похитити коварствомъ градъ. Тогда свя«тѣйшій патріархъ съ боляры совѣтъ сотвориша, да пошлютъ къ королю «о сынѣ его просити на столъ великія Россіи, глаголюще: лучше намъ, «да владомы будемъ кралевичемъ, и егда пріидетъ, тогда крестимъ его «въ нашу Греческую вѣру, нежъ намъ предатись сему окаянному и ложно«названному царю, врагу креста Христова, иже не вѣмы откуда пріидоша. «Тогда благоразумные боляре, много о семъ размышляя всячески, како бы «полезная царству сотворити. И мнозіи людіе прихождаху къ нимъ и многу «мольбу дѣяша, дабы послати къ королю укрѣпиться крестнымъ цѣлова«ніемъ. Они же имъ отвѣщая: о людіе Московстіи! пождите, дабы не «вскорѣ предатись. И много пренемогаяся. И абіе мѣсяца августа въ 3 «день, выѣхаша за градъ Московскіе боляре, и съѣхаша съ Литовскимъ «гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ, много о семъ изреченіе бысть «и всячески глаголаша съ нимъ, дабы не поручена была наша христіанская «вѣра Греческаго закона папежскому закону. Литовскій же гетманъ клятвы «страшныя на ся возлагая, яко быти вѣрѣ неподвижно во вѣки, еще же «вдастъ и листъ отъ короля за королевскою рукою и за печатью, въ немъ «же пишетъ, яко быти вѣрѣ по прежнему обычаю, такожъ и всему госу«дарству во всемъ достояніи, и многу схожденію бывшу. Тогда цѣловаше «крестъ». (*Слѣдуетъ описаніе посольства Филарета и Голицына,*

приведенное нами выше, прим. 41). «Въ то же время, егда послы по-«сольства своего бремя творяху, Литовскій же король не престая ковар-«ствуя на святый царствующій градъ и на все Россійское царствіе, какъ «бы ему уловити Христово стадо, присла на Москву отъ себя сообщника «своего Михайлу Глѣбова сына Салтыкова, да обратитъ всѣхъ людей «подъ его корону. Той же прелести наставникъ, Михайло Салтыковъ, «пріиде во градъ Москву и нача своя коварственная творити, овіихъ прель-«щеніемъ и муками, иныхъ ласканіемъ и имѣніями многими уловляша и «приводя ко своей прелести. Тогда же святѣйшій Ермогенъ патріархъ о «семъ много ему возбраняя и запрещая и вѣчному проклятію предая и изъ «благословенія изъимая и изъ церкви изжена и христіанству чужа его «именуя. Онъ же окаянный съ патріархомъ вси вопреки глаголаша и «святительскій его санъ и здравое его ученіе небреженію предая и ни во «что вмѣняя: помрачи бо ему злоба сердце его. Московскіе же народи не «разумѣвше бывшаго лаятельства сего, сотвориша пустошная и злая, осху-«дѣвши умы своими: помрачистабося очи ихъ не видѣти суеты и яже своея «погибели не разумѣша и не возмогоша отринути, наипаче сами себя въ «напасть ввергоша. По сему Михайлову злому умыслу, воспріяша гетмана «со всемъ воинствомъ во градъ и предашася въ руцѣ его мѣсяца сентября «въ 21 день 119 года. Той же гетманъ вшедъ во градъ и войско свое по «главнымъ домомъ поставляетъ во внутреннемъ градѣ превысокомъ Кремлю «и наказа ихъ довольне, како бы имъ быти отъ Московскихъ людей въ «опасеньи, и постави надъ ними воеводу и властелина пана нѣкоего, Алек-«сандра Гонсѣвскаго, королевскимъ неправдамъ вѣрна совѣтника. Самый «же гетманъ Желковскій пойдоша къ своему королеви подъ Смоленскъ. «И тако стояше Поляцы съ того числа во градѣ Москвѣ чрезъ зимнюю «годину даже и до марта мѣсяца, и начаша людіе насиловати и всякую «власть во градѣ воспріемлютъ и стражей отъ вратъ Русскихъ отослаша, «своихъ же Польскихъ уставляша, Русскимъ же людямъ ни въ чемъ воли «не даяху, и измѣнницы Русскаго царства, яко эхидна нѣкая дыхая на «царствующій градъ и великъ пламенъ нечестія возмущенія возжигая, «симъ же богомерзкимъ проклятымъ Римляномъ непрестанно Московскій «народъ облыгая измѣною и на царствующій градъ всячески ихъ подвизая. «Тогда же Поляцы и Русскіе измѣнницы еще не сыты быша неправды, «взяша изъ Чудова монастыря бывшаго царя Василія и братію его князя «Дмитрія, да князя Ивана Ивановичей Шуйскихъ, и князя Дмитріеву кня-«гиню Екатерину, и поведоша ихъ въ Іосифовъ монастырь и оттолѣ въ «Литву и приводиша ихъ къ королю; онъ же, видя ихъ, радъ бысть и во

«всѣ окрестныя государства посла, яко Москву побѣди... И своимъ бо-«гоотступнымъ людемъ Польскимъ и Русскимъ прелестникъ писаша, дабы «неослабно промышляли надъ Московскимъ государствомъ, ежебы соеди-«нити съ латынствомъ и привести въ папежскую вѣру. Тогда Литва «начатъ на Москвѣ самовольствомъ имѣніе грабити и всяко насилованіе «чинити безвозбранно, и святымъ церквамъ и честнымъ иконамъ попраніе «дѣяти и людей къ своей прелестной вѣрѣ превращати. Людіе Москов-«стіи, видя королево неправдованіе, вси возстенавше отъ сердца и пла-«чущеся неутѣшно и прибѣгаху ко святѣйшему Ермогену патріарху и «припадаху предъ нимъ и повѣдающе свою погибель. Онъ же рече: «О «чада! не азъ ли вамъ возбранялъ въ прежнихъ вашихъ начинаніяхъ? Не «азъ ли васъ уймалъ? Вы же, неумытная и непослушная чада, сему не «внимасте. Нынѣ же не вѣмъ, что творити». Многажды же святѣйшій «Ермогенъ патріархъ препираяся съ Литвою и понуждая ихъ, да безъ «крове изыдутъ вонъ изъ града. Они же не точію не хотяху изыти, но «тщяхуся и всею Россіею обладати. Къ нимъ же приставаху христоот-«ступницы и неразумніи людіе, на обѣдъ къ нимъ прихождаху, и имѣніе «отъ нихъ пріемля, и съ ними единомысліе имуще на царствующій градъ, «и многихъ православныхъ обличаху и къ Литвѣ приводяху, испытаніемъ «и муками озлобляху, узами и темницами томяху и смерти тайно преда-«ваху». (*Слѣдуетъ описаніе смерти Тушинскаго Вора, помѣщенное выше въ примѣч. 45*). «Слышано же бысть сія (*гибель Сомозванца*) «въ царствующемъ градѣ, начальницы же и воеводы Польскаго народа «радовахуся о томъ радостію велею зѣло: понеже боязнь велію о немъ «въ сердцѣ своемъ имѣяху. Посемъ же Поляцы начаша небоязненно на «царствующій градъ налегати. Видѣвъ же сія людіе Московстіи въ то-«лицей бѣдѣ предложенныхъ и нача сѣтовати и болѣзненно воздыхати, «яко уже кончина приходитъ и посѣкаемый мечъ уже готовъ бысть. «Великій же патріархъ, новый исповѣдникъ, святѣйшій Ермогенъ узрѣ «сію настоящую бѣду; и тако созываетъ народы и повелѣваетъ мужески «противу Поляковъ за христіанскую вѣру стояти и братися; и посылаетъ «писанія во всѣ грады Россійскія державы, на подтвержденіе людямъ, «дабы царствующій градъ изхитили отъ рукъ иноплеменныхъ; а наипаче «посылаетъ во страны Рязанскія во градъ Переславль къ воеводѣ и вла-«стелю Рязанскія земли, Прокофью Ляпунову, и молитъ его, дабы не «далъ въ разхищеніе и въ вѣчное паденіе царствующаго града Москвы. «Полковницы же и воеводы Литовскія земли и Московскіе измѣнницы «много о семъ патріарху претиша и зловѣщательныя словеса на него

«изліяша. Онъ же сего прещенія никако ужасеся, но и паче подкрѣпляя «народъ. Тогда же пріиде отъ короля панъ Александръ Гонсѣвскій на «Москву; той же наипаче начатъ укрѣпляти, Московскихъ же людей ни «во что положи. Съ нимъ же пріиде и богоотступный королевскія ближнія «думы Ѳедка Андроновъ, прежь бывый Московскій купецъ и превратися «въ латынство, его же тщахуся величествомъ сана отъ короля. Онъ же, «егда пріиде на Москву, тогда зло ко злу приложи, озлобляя православіе, «хотя все государство привести въ латынство, о благочестіи же ни мало «не поболѣ, ниже кто ему смѣяше возбранити, токмо единъ святѣйшій «Ермогенъ патріархъ Московскій и всея Россіи. Той ему, возбраняя и «запрещая и отъ свидѣтельства святыхъ писаній извѣствуя истинное бла- «гочестіе, глаголаше: «О Ѳеодоре! злодѣй зловѣрне! почто въ латынскую «вѣру уклоняетеся и на Христово стадо, яко волки, дышете и православіе «хотите съ латынствомъ соединити?» Онъ же клятву на ся возлагая, яко «ничто странна и чужа не пріяти. И многу въ нихъ мятенію бывшу; мно- «гожъ патріархъ обличая, якоже соединеніе съ латынствомъ. Ѳедка не «внимая сихъ, соединися съ Литвою, и жестоко огорчися на православіе, «и иже съ нимъ инѣхъ златомъ ловяще, инѣхъ саномъ почтенія, овіи же «малоразумѣмъ, иніи же неволею. Тогда же возмятеся, иже бы озлобити «патріарха, и много изтязаемъ бысть. Онъ же святѣйшій патріархъ, на- «ипаче Божественныя ревности исполнився, рече: «Да будутъ прокляты «вси противящіеся истинѣ и буйствоваше да упразднятся!» Тогда же на «блаженнаго святителя Христова соединишася, его же всячески одолѣти «хотяху златомъ, и ласканіемъ, и прещеніемъ, и мученіемъ; ему же ничто «не одолѣ, но со апостоломъ вопія: что насъ можетъ разлучити отъ лю- «бви Божія, мечъ ли, тѣснота ли гонителей? Послѣдиже повелѣ его на «его святительскомъ дворѣ за стражбы держати».

Вотъ одна изъ окружныхъ грамматъ, разосланныхъ Ермогеномъ по городамъ для вооруженія народа на Поляковъ; она писана отъ имени Московскихъ жителей въ Нижній Новгородъ, и какъ видно изъ посланія Нижегородцевъ въ Вологду (*Собр. Государ. Грам. ч. II. стр, 499*), прислана патріархомъ 27 января 1611 года:

«Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ «народамъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ, право- «славнымъ крестьянамъ. Пишутъ къ намъ братья наши, разоренные и «плѣнные, которые отцевъ, матерей, и женъ, и дѣтей своихъ оставшихъ, «въ послѣднемъ оскуденьи дошедшихъ, и неимущихъ гдѣ главы подклонити, «какъ намъ, всему крестьянскому народу Московскому, такъ и вамъ, ни-

«чего для, токмо для единаго Бога всемогущаго, видячи въ конецъ погибели пришедшихъ всѣхъ насъ, утвердить совѣтъ, какъ намъ всѣмъ православнымъ крестьянамъ, останку не погибнути ото враговъ всего православнаго крестьянства, Литовскихъ людей. Что къ намъ писали братья наша, и мы тое грамоту къ вамъ послали, и вы увидѣвше, станете разумѣти неисцѣльную язву, богопопустнымъ гнѣвомъ праведнымъ за наше согрѣшеніе, которую погибель видячи надъ собою, извѣщаемъ; и мы не слухомъ слышимъ, до самихъ насъ на Москвѣ видѣніемъ конечнымъ погибель приходитъ. Для Бога, Судіи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія; будьте съ нами обще, заодно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренье, основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренье не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія Богородицы, ея же евангелистъ Лука написалъ и великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы; или вамъ, православнымъ крестьянамъ, то ни во чтожъ поставить? Се же и глаголати и писати страшно! Только того ради не будете съ нами обще страдати, елико сила, елико милосердый Богъ помочи подастъ, и Богородица и великіе чудотворцы помочь свою дадутъ: никто не мни и не вѣруй ни которому блазненному и льстивому слову, чтобъ пощаженнымъ быти. Писали къ намъ истину братья наша, и нынѣча мы сами видимъ, вѣрѣ крестьянской премѣненіе въ латынство и церквамъ Божіимъ разореніе; а о своихъ головахъ что и писати вамъ много? Сами правду вѣдаете, что въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ сдѣлалось: Литовскіе люди владѣютъ святыми церквами, и надъ иконами образа Божья не вездѣ ли разорено и поругано? А вы ни единъ того мните, что надъ вами будетъ то же! А чтобъ всѣмъ вамъ подлинно и достатно вѣдати, вся нашедшая пагуба на все Московское государство, на вѣры крестьянской разоренье и людей на погубленье, отъ немногихъ людей предателей крестьянскихъ, которые нынѣ на то стали, что безъ остатка разорити православную вѣру и безъ вѣсти сотворити; таково дѣлается отъ нихъ на Москвѣ. Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ; душами и головами станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова. Аще общаго нашего моленья услышитъ милосердый Богъ и дастъ намъ помочь, и вамъ бы однолично, для всемилостиваго Бога, на Него жъ имѣемъ надежду, чтобъ послати вамъ грамоту тое, что писано къ вамъ отъ братьи нашей изъ подъ Смоленска, и сю нашу грамоту и свой совѣтъ отпишите во всѣ городы, чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная. По-

*

«вѣрьте тому нашему письму: ей, поистинѣ немногіе въ слѣдъ идутъ съ «предатели съ крестьянскими, съ Михаиломъ Салтыковымъ, да съ Ѳедо«ромъ Андроновымъ съ своими совѣтники; а у насъ, православныхъ «крестьянъ, въ началѣ Божія Мати и пречистая Богородица и Московскіе «чудотворцы, да первопрестольникъ апостольныя церкви, святѣйшій Ермо«генъ патріархъ, прямъ яко самъ пастырь, душу свою за вѣру крестьянскую «полагаетъ несомнѣнно; а ему всѣ крестьяне православные послѣдуютъ, «лише неявственно стоятъ. И вамъ бы не презрѣти не презрѣніемъ, ни «восхотѣти видѣти поруганну образу пречистыя Богородицы, иконы Вла«димерскія, и великихъ Московскихъ чудотворцевъ, и насъ братій своихъ, «православныхъ крестьянъ, не видѣти быти посѣченнымъ и въ плѣнъ ро«зведеннымъ въ латынство». *Собр. Госуд. Грам. ч. II. стр. 495.*

47.

Главными крамольниками, друзьями Поляковъ, были Салтыковъ, Рубецъ-Мосальскій, Андроновъ, и немногіе другіе.

48.

Старинные музыкальные инструменты наши такъ мало еще извѣстны, что трудно сказать, какъ назывались у насъ эти *лиры*, о которыхъ говоритъ Маскѣвичъ. Полагаю, что онъ описываетъ *гудокъ*.

49.

Авторъ присовокупляетъ, что обыкновеніе бѣлиться по-Русски называется Wiaką.

50.

Недѣльщику.

51.

Это былъ правежъ, отмѣненный Петромъ Великимъ.

52.

Извѣстіе весьма любопытное: такая строгость была введена Борисомъ Годуновымъ, который не терпѣлъ пьянства. Впрочемъ, свидѣтельство автора о совершенномъ уничтоженіи кабаковъ, кажется несправедливо: запрещено было только частнымъ людямъ открывать кружечные дворы; казна же не прекращала винной продажи.

53.

У насъ не занимались науками потому, что развитіе нравственныхъ силъ было подавлено Монголами. Государи же наши со временъ Іоанна III ревностно заботились о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: при Іоаннѣ IV, правительство думало завести народныя школы и призвать ученыхъ иноземцевъ; а Борисъ Годуновъ хотѣлъ основать университетъ.

54.

Іоанна IV.

55.

Исторія доказала, какъ здраво мыслили наши предки: гдѣ Польша съ ея *волею* и что теперь Россія съ ея *неволею?*

56.

Авторъ вездѣ называетъ Кремль Krymgorod.

57.

Въ подлинникѣ: zo strachom Boha vydety.

58.

Не будемъ удивляться, что и Маскѣвичъ вѣрилъ сказкѣ, выдуманной Отрепьевымъ о мнимомъ его спасеніи: Маскѣвичъ былъ Полякъ, а Полякамъ было стыдно признаться, что бродяга ввелъ ихъ въ такую грубую ошибку. Притомъ же, тогда все дѣло было еще темно: только потомство можетъ разгадать истину. Вѣря въ Димитрія царя, авторъ естественно долженъ былъ отвергать Димитрія царевича. Въ доказательство, что Шуйскій не могъ употребить подлога, мы ссылаемся на прежнія свои примѣчанія къ подобнымъ же баснямъ Бера и Паерле (см. *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ ч. I, прим. 85 и 163*). Здѣсь же предлагаемъ описаніе перенесенія мощей царевича Димитрія, составленное очевидцемъ, митрополитомъ Филаретомъ, заимствуя его изъ Повѣсти о Самозванцахъ:

»Въ 114 году озари Господь сердце благочестиваго самодержца, еже «снискати мощи праведнаго и изнести истину на свѣтъ, и заградити бо«гоборныя кроволіющія уста и обличити тмѣ желателей вмѣсто пресвѣт«лыя зари тихомирнаго жительства; потомъ же и со отцы погрести «тѣло благовѣрнаго и боголюбиваго царевича князя Димитрія Іоанновича, «сына царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца:

«царское убо изчадіе подобаетъ благоговѣйне того почтити, якожъ до-«стоитъ. И вкупѣ убо со словомъ и дѣло показуетъ, и повелѣваетъ отъ «благочестивыя державы своея преосвященнѣйшему митрополиту киръ «Филарету Никитичу Ростовскому и Ярославскому тогда бывшу, въ ней «же правяща престолъ великія соборныя и апостольскія церкви пресвѣ-«тлѣйшаго патріарха всея великія Россіи, и съ нимъ Астраханскому архі-«епископу Ѳеодосію, да Спасскому архимандриту Авраамію, чуднѣйшимъ «отцамъ достойнымъ Боговидѣнія и исправляющимъ слова божественныя «истины, да принесутъ тѣло многострадальнаго сего крѣпкаго адаманта «изъ Углича къ царствующему граду; съ ними же посылаетъ и своего цар-«скаго синклита боляръ князь Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра «Никитича Шереметева, да Андрея Александровича, да Григорія Ѳедоро-«вича Нагихъ. Преосвященный же митрополитъ и архіепископъ и боляре «повелѣніе отъ самодержавнаго пріемше, тщательнѣ пути касаются и града «Углича достизаютъ, въ немъ же сокровенны мощи святаго и многостра-«дальнаго царевича Димитрія Іоанновича, втораго Глѣба Владиміровича, «иже въ начало просвященія Россійскаго царствія отъ повара убіеннаго, «такожъ и сей отъ своихъ рабъ кровію обагренный и смерти преданный; «и егда убо во градъ входятъ, тогда ощутиша граждане приходъ ихъ, и «внезапу стекается весь градъ, мужи и жены и ссущимъ младенцамъ, ца-«реву повелѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе живоносному «мертвецу отдающе своему государю и надгробныя пѣсни съ плачемъ и «воплемъ испущаху, якожъ и при погребеніи праведнаго, такожде и нынѣ «о пренесеніи его плачевнѣ рыдаху.... Долго не обрѣли и молебны пѣли «и по молебны само явилось тѣло, какъ бы дымокъ съ стороны рва «копанаго показался благовоненъ; тутъ скоро обрѣли. И ту первѣе «преблагій Богъ прослави угодника своего: снимающе убо гроба его свя-«тители и боляре не могущи обрѣсти и желаемое ими многоцѣлебное «тѣло узрѣти и на многи часы труждающеся и потящеся, стѣсняеми «многою мыслію непщующе, яко аще нѣкто боголюбивый, прозрѣвъ пре-«несеніе хотящее быти отъ Углича града и не хотя лишитися таковаго «сокровища, на ино мѣсто сокровеннѣ преложи, или паки мняще, яко «недостойни суще таковое желаніе получити; и сего ради обратившеся «ко Господу, начаша умильно молити богатодавца Бога, да таковое пока-«жетъ имъ безцѣнное сокровище и начаша молебны пѣти и всемірно »молити. И во время святаго того пѣнія внезапу узрѣвше изъ десныя «страны, яко дымъ исходящъ дыханіе благовонно, и отъ нечаянныя радо-«сти начаша копати мѣсто ино и абіе обрѣтше некрадомое сокровище

«многобогатый гробъ, вмѣстившій тѣло блаженнаго царевича *. И егда «убо святителіе гробъ открыша, тогда внезапно чудо явися, яко арома- «тамъ изліянным, такъ духъ сладкоуханенъ и благоуханенъ всѣхъ объятъ «и исполнися весь градъ благоуханія. Оле чудному ти милосердію, Хри- «сте Боже! како прославляеши своя сродники и возвеселяеши рабы своя, «ижъ отъ мертваго тѣлеси вмѣсто смерденія велее благоуханіе и вмѣсто «согнитія цѣлость всей плоти, по многихъ лѣтехъ цѣлы и невредимы «мощи обрѣтошася, кромѣ взятыхъ частей отъ требующія земли: и земля «бо жаждетъ насладится отъ плотей праведныхъ, да сими освятится отъ «скверноубійственныхъ дланей. И не токмо бо плоть бысть въ цѣлости «святаго страдальца, но и ризы на тѣлѣ его освятишася и истлѣнія «избыша. И егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему «прилучися держати въ шуйцѣ своей убрусъ шитъ златомъ и сребромъ «прядены, и тогда оставиша въ руцѣ его, и сіе бяше цѣло и невре- «димо, яко у живаго въ руцѣ держимо; во друзей же приключишася «плодъ, глаголемый орѣхи. И сіе чудо видяще, богоносніи отцы и боляре «и удивишася и воздаша хвалу мздовоздаятелю всѣхъ Богу, прославля- «ющему святые своя. Народи же егда узрѣша такое много удивленное «чудо, наипаче слезы къ слезамъ прилагающе и отъ радости похвальныя «пѣсни блаженному соплетающе, и государемъ, и отцемъ, и заступни- «комъ и благодѣтелемъ того нарицаху и вопіюще: почто, рече, насъ «оставляеши сирыхъ, лишенныхъ твоего живота и уже нынѣ лишенныхъ «и святаго успенія твоего? Помяни, господине! наслѣдіе твоя, не остави «людей твоихъ сирыхъ до днесь твоего ради лишенія. И мнѣтися тогда «отъ глаза вопіющихъ, яко и самой землѣ стонати и брегомъ противу «возглашати, вси бо яко жизни своея лишаеми, тако своего государя «плачущеся, наипаче чудеси исполнени. Человѣколюбецъ же и Господь, «видя вѣру, и вящше прослави своего угодника и страстотерпца, и чуде- «си того обогати свыше отъ своея велелѣпныя милости, иже убо быша «слѣпіи и хроміи и инѣми болѣзньми одержиміи, прикосновеніемъ свята- «го тѣлеси его и одра, на немъ же лежаше, исцѣляхуся, и яко же нѣ- «когда при апостолѣхъ подъ сѣнь Петрову прибѣгаху недужніи, гдѣ «грядущу Петру, понесенъ нѣкоего осѣнить, и тіи исцѣленіе получаху, «тако и тогда сбысться въ очію нашею. Егда убо народи видѣша таковая «велія чудеса, вмѣсто скорбныхъ и плачевныхъ радостная воспріяша, и «вси веселія исполнишася, и бѣ во всѣхъ единъ гласъ слышашеся: «слава

* Тутъ не льзя не замѣтить повторенія; оно происходитъ отъ того, что рукопись Филарета, неизвѣстно кѣмъ писанная, поправлена его рукою.

«человѣколюбцу Богу, иже прослави своего угодника и насъ недостой-«ныхъ достойны сотворилъ зрѣнія сего». Недужніи же течаху скоро и бо-«лѣзненніи, яко елени, скачуще и Бога хваляще, иже таковую благодать «дающаго; сбыстся бо рѣченное Исаіемъ: скочитъ, яко елень, хромый и «ясенъ будетъ языкъ гугниваго. И егда пойдоша святителіе и боляре, «мощи несуще до царствующаго града, царю же и патріарху извѣстися о «принесеніи и чудодѣяніи великихъ бывающихъ отъ святаго тѣлеси его, «тогда убо царь и патріархъ тщательнѣ исходятъ во стрѣтеніе со много-«чудесными образы и съ животворящими кресты, честь воздающе Богомъ «почтенному и святолѣпному тѣлеси его, за самые врата градскіе, и народъ «убо многъ собрася отъ всѣхъ странъ великаго града толико, яко убо и мѣста «ту не обрѣтеся и не мощи вмѣщатися народомъ въ стогнахъ града. Самодер-«жавный же повелѣ раку открыти, а мощи всѣмъ явити вѣрующимъ и невѣ-«рующимъ: единѣмъ да желаніе исполнитъ, вторымъ же да уста лжущія «заградитъ и очи не вѣрующія ослѣпитъ глаголющимъ, яко живъ избѣже «отъ убійственныхъ дланей. Потомъ же воспріятъ на раму свою и понесе «благочестиваго, искреннюю любовь къ нему показуя и раболѣпное слу-«женіе и по смерти являя: понеже прежъ владычества своего рабъ бѣ «отцу его великому государю царю и великому князю Іоанну Васильевичу «всея Руссіи. И со свѣщами и съ кадилы, съ пѣсньми жъ и пѣньми «духовными честно проводиша его до святыя соборныя и апостольскія «церкви Архангела Михаила, идѣ же предаются погребенію тѣлеса прež-«нихъ самодержавныхъ государей Россійскаго царствія, ту и сего вели-«каго государя сына великаго и Божіаго предстателя мощи положиша со «многою честію со псальмы и пѣньми и пѣсньми духовными, поюще и во-«спѣвающе Господа всѣмъ благимъ благодарователя. И бѣ видѣти позоръ «радостенъ и чудо веліе отъ тѣлеси святаго бывающее, якожъ и во градѣ «Углечѣ радоститворенъ плачъ всѣмъ отъ духовнаго веселія бывающъ: во «единомъ часѣ принимаху слѣпіи независтно зрѣніе, хроміи безболѣзненно «теченіе, прокаженіи внезапное исцѣленіе и вси недугующіе въ разноліч-«ныхъ недузѣхъ скорое поможеніе, съ вѣрнымъ призываніемъ и возглашені-«емъ отъ недуговъ свобождахуся. Положено же бысть въ придѣлѣ Ивана «Предетечи, идѣже отецъ его блаженныя памяти царь и великій князь Іоаннъ «Васильевичъ всея Россіи и братья его царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, да царе-«вичъ Іоаннъ. И въ томъ мѣстѣ, идеже положенъ бысть царь Борисъ, выко-«паша яму и каменіемъ выклали, хотѣша его государя праведное тѣло ту «погрести; и егда бысть многое исцѣленіе, тогда яму повелѣша закласти «и на томъ мѣстѣ въ ракѣ положиша. Царь же Василій Ивановичъ

«повѣлѣ сотворити раку древяну и убити атласы золотыми, и положиша «тѣло святое благовѣрнаго царевича Димитрія въ прежнемъ его гробѣ, и «поставиша руку Чудотворцеву.... *(Къ сожалѣнію, здѣсь недостаетъ въ рукописи нѣсколько строкъ).*

59.

По свидѣтельству Олеарія, колоколъ, вылитый при Борисѣ Годуновѣ, имѣлъ вѣсу 356 центнеровъ: звонили въ него въ большіе праздники. Не надобно думать, чтобъ этотъ колоколъ былъ тотъ самый, который нынѣ подлѣ Ивана Великаго: онъ перелитъ при императрицѣ Аннѣ изъ колокола, вылитаго по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича и упавшаго въ 1701 году.

60.

Działo iedne, co stem kul bywa nabite, y 100 rozy streli, — вѣроятно, авторъ разумѣетъ не выстрѣлъ за выстрѣломъ, а залпъ сотнею пуль. Иначе, у насъ не было орудія, которое заряжалось бы одинъ разъ, а выстрѣливало сто разъ.

61.

Описанная Маскѣвичемъ мортира и теперь хранится въ Москвѣ.

62.

Бере*гись*.

63.

Авторъ пишетъ: Białym murem, т. е. Бѣлою стѣною.

64.

Выраженіе автора: Nasi dali przyczyną do tego rozruchu, uprzątaiąc pierwey w Domu, niż drudzy nastąpią, можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: начали наши, желая управиться съ Русскими прежде, нежели могли подоспѣть къ нимъ на помощъ; *или* забирая въ домахъ вещи, изъ предосторожности, чтобы другіе не предупредили ихъ.

65.

Этотъ отрядъ пѣхоты находился, по сказанію Бера, подъ начальствомъ Маржерета.

66.

Всѣ Струси славились мужествомъ героевъ: рѣдкій изъ нихъ не палъ на полѣ битвы.

67.

Въ спискѣ Нѣмцевича вмѣсто domy, стоитъ dymy, вѣроятно по ошибкѣ издателя: слово dymy не имѣетъ здѣсь смысла. Вотъ что говоритъ Филаретъ о разрушеніи Москвы: «Тогда же безбожный король, «видя, яко не пріемлютъ ихъ вѣры, и ученія ихъ папежскаго уклоня- «ются, наполнися студа и срама и повелѣ царствующій градъ плѣну пре- «дати и конецъ желанна своего дѣла восхотѣ учинити; время же бѣ «наста, яко послѣдняя недѣля Великаго поста преходитъ, въ ней же «воспоминаются Христа Бога нашего спасенія страсти. Послѣди же тоя «послѣднія седмицы, сирѣчь во вторникъ, свѣтающу дневи, восходящу «солнцу, еже повсюду свѣту изліянну бывшу, людіе же градскіе по обычаю «своему изшедше изъ домовъ своихъ на церковное правило, овіи же на «куплю свою; Поляцы же, яко неистовственно дыхая на пролитіе крови «и на восхищеніе великаго сокровища, якожъ иногда содѣяся въ мимо- «шедшая лѣта, егда Тохтамышъ Москву лестію взя и повоева, такожъ «и сія безбожная Литва многу пакость содѣяху превеликому Московс- «кому государству, и скоро оружіе препоясаютъ и подкладаніемъ огнен- «нымъ пламень великій возжигаютъ, и елико людей обрѣтаютъ, и тако «мечами погубляютъ, церкви Божія пожигаютъ, церковная зданія раско- «паютъ, и домы великіе расхищаютъ и сожигаютъ, и имѣнія многая гра- «бятъ, отроковицы растущія красныя изъ домовъ изводятъ и поимаютъ «въ жены себѣ не въ завѣщательномъ союзѣ законнаго брака, пови- «нующе ихъ вѣчной срамотѣ и работѣ; околожъ царствующаго града «Москвы, иже бысть древянъ градъ, постави блаженный и приснопамят- «ный царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ всея Россіи, той весь «пожже, сокровища же царскія и дражайшія вещи, яже изъ давнихъ лѣтъ «собранная многими цари Руссійскими, вся поимаша и къ королю посы- «лаша, иная же по себѣ раздѣлиша, яже око не видѣ и ухо не слыша, «таковыя царскія вещи пограбиша; домы же великіе и вси улицы пламе- «немъ восхищаемымъ отвсюду зажгоша, тѣми же великая Москва дымит- «ся, отъ сего же великія палаты сокрушаются; вопль убо велій избыто- «чествуетъ повсюду отъ гласовъ убиваемыхъ. И смятеся весь градъ, «видя себя отъ враговъ своихъ убиваемыхъ, и никоея надежды можно

«имѣти животу своему защищенія, и бѣгаютъ во храмъ и плачутся людіе «всѣхъ своихъ паденій. Поляцы же, во провожденіи измѣнниковъ Миха«ила Салтыкова, да Ѳедки Андроникова, способниковъ ихъ, явныхъ израд«цевъ своего отечества, крѣпцѣ на великую Москву нападаютъ и никоего за«щищенія отъ Москвичъ обрѣтаютъ; сего ради всѣхъ смерти предаютъ и «разсужденія возрасту не имѣютъ. И тако быша сіе плѣненіе въ лѣто 7119 «марта въ 19 день; плѣниша по два дни непремѣнно. *(Слѣдуетъ сѣтованіе «о разрушеніи столицы).* И тако разрушена бысть превеликая Москва «и пограбленну всему сокровищу, и сѣдоша Поляцы во внутреннемъ градѣ «въ превысокомъ Кремлѣ, и ту раздѣлиша грабленіе по всему войску, и «начаша веселитися, яко побѣдницы суть и многими изобильны богат«ствы. На Свѣтлой же недѣлѣ во вторникъ марта въ 25 день, выйдоша «за Бѣлый-городъ и до остатка посады сожгоша и людей множество «посѣкоша безъ милости, сами же затворишася во градѣхъ Китаѣ и «Кремлѣ; а во святыхъ Божіихъ церквахъ тѣ осквернишa и въ тѣхъ «жилища себѣ подѣлаху; раку же серебряну святаго и блаженнаго «Василія обломаша и въ церкви тѣ, иже на рву, коней поставляху; и «толико множество людей побиша на Москвѣ, яко и три дни безпрестан«нѣ Литва возяху изъ града и метаху на леду Москвы рѣки, да разнесетъ «ихъ тѣлеса водою. На царскомъ же дворѣ, во святыхъ Божіихъ цер«квахъ, и въ полатѣхъ, и по погребомъ, все стояху Литва и Нѣмцы и «все свое скаредіе творяху, и мнози тогда побѣгоша по градамъ, тако гоними, «за грѣхи наша, и никѣмъ же гоними, егда увидятъ единаго Литвина, то сто «бѣжатъ, а егда двухъ, то тысяща бѣжатъ: тако попусти Богъ на насъ казнь «свою! А иже побѣгоша по градамъ, тѣ по лѣсамъ и по пустынямъ мно»гозимнымъ мразомъ изомроша, иніи же глада ради помроша».

68.

Просовецкій начальствовалъ Донскими казаками, привелъ ихъ къ Ляпунову и былъ однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія.

69.

Въ моей рукописи hulay grodami; въ спискѣ Нѣмцевича, кажется ошибкою, hulgrodami.

70.

Въ рукописи: maiąc dzieci kilka w sobie; въ спискѣ Нѣмцевича: maiąc dziur kilka w sobie.

71.

Т. е. Албрехтъ Добромирскій. Замѣчу мимоходомъ, что Нѣмцевичъ, самъ издавъ Дневникъ Маскѣвича, въ Исторіи Сигизмунда (ч. II. стр. 518) называетъ Добромирскаго Dombrowski. Подобныхъ промаховъ у него не мало.

72.

Въ Повѣсти Филаретовой о смерти Ермогена сказано слѣдующее: «Того же лѣта (7120) января въ 17 день святѣйшій Ермогенъ патріархъ мученически за вѣру Христову скончася, отъ зноя задхошася отъ Литвы и отъ Русскихъ, единомышленниковъ съ Литвою, о нихъ же писано есть въ лѣтописаніи житіе его и страданіе за православную вѣру и добрый поданный и мученическій конецъ. И положенъ бысть во градѣ Москвѣ въ преименитой обители Чудовской на обѣщанье его».

73.

Майданъ значитъ вообще: базаръ, рынокъ; въ лагерѣ, по объясненію Пясецкаго, складка военной добычи, изъ которой раздѣляли каждому по-ровну.

74.

Присягали, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, въ томъ, что никто у себя ничего не утаилъ.

75.

Авторъ въ послѣдствіи объясняетъ этотъ случай. *См. стр. 86.*

76.

Не мудрено: тогда каждый панъ мѣтилъ въ короли. Впрочемъ въ Дневникѣ Сапѣги этотъ случай не объясненъ и остался для потомства загадкою.

77.

О дѣйствіяхъ и смерти Ляпунова въ Повѣсти Филарета сказано слѣдующее: «Слышано быша во всѣхъ градѣхъ Московскихъ, яко превеликая Москва разрушена и раскопана, и плакашеся о таковой бѣдѣ вси людіе. Воевода жъ и властель Рязанскія земли Прокофій Ляпуновъ отъ

«града своего во множествѣ воинъ возстаетъ и разжегся гнѣвомъ великимъ «и разъярися зѣло о разореніи Московскомъ, многія слезы проливая, «втайнѣ уповая отомстити наносимыя отъ нихъ тяжкія обиды. И пойдо- «ша на неправильныхъ Римлянъ, и тако имъ жестоко и немилостиво ото- «мщеніе покушаяся воздати. Друзіи же воинстіе людіе возстаютъ отъ «града Калуги подъ воеводствомъ князя Димитрія Тимофеевича Трубец- «каго, и паки иніи воини подъ воеводствомъ Ивана Заруцкаго; иніи же «отъ Ярославля со множествомъ поморскія силы Ивана Ивановича сына «Волынскаго. И посемъ иные многіе воеводы и начальницы отъ всѣхъ «градъ возстаютъ и скорятъ подъ царствующій градъ на отомщеніе вра- «говъ своихъ. И снидошася вси людіе купно подъ стѣны града непобѣди- «мыя Москвы. Вси же христопоборніи воеводы согласяся письменными «посланьицы, дабы имъ воедино совокупитися, и пріидоша подъ Москву «апрѣля въ 1 день, и сташа около Бѣлаго-города койждо своимъ полкомъ. «Поляцы же, видѣвъ Московское многое собраніе и изрядное ихъ опол- «ченіе, страхомъ ужасаемы и начаша въ себѣ помышляти, како могутъ «творити ополченіе противу сего многаго воинства; и тако мысль свою «премѣняютъ и на кони своя восходятъ и оружія своя воспріемлютъ, и «врата граду отворяютъ и вдаются на брань. И тако брань смертную «спускаютъ. Московстіи же воини мужески сихъ воспріемлютъ и ополче- «ніе дивно противъ враговъ своихъ сотворяютъ и рыстаніемъ конскимъ «смѣло на Поляцы наскакаютъ, и въ силѣ крѣпости своея мощнѣ ихъ «погнетаютъ, и шеломы разсѣкаютъ и трупы ихъ всѣ на части раздѣляютъ.

«Той же бодренный, разсмотрительный воевода, всего Московскаго «воинства властель, Ляпуновъ скачетъ по полкамъ всюду, яко левъ рыкая, «направляюще воинство и вооружающе крѣпцѣ побѣду на враговъ своихъ «воспріяти; такожъ иные воеводы и начальницы Московскаго воинства о «своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣютъ и на полки Литовскіе напа- «даютъ и силу восхищаютъ и усты меча гонятъ. Поляцы же хребетъ «даютъ и пораженій смертоносныхъ подъяти не могутъ; и тако во крѣпо- «сти меча Московскаго умираютъ, хотятъ ли, не хотятъ ли, поля оста- «вляютъ, и во градъ входятъ и врата граду затворяютъ. Воевода же и «начальникъ Московскаго воинства Прокофій Ляпуновъ возопи гласомъ «веліимъ на своихъ, да не оскудѣетъ бранное ополченіе, и повелѣ съ «коней сходити и на градъ мужески наступати. И тако воини повелѣнное «исполняютъ и на стѣны градскія мужески нападаютъ и въ силѣ крѣпо- «сти своея на стѣны градскія восходятъ; и тако взяту бывшу великому «Царю-граду. Поляцы же до внутренняго града бѣгутъ и врата утверж-

«даютъ крѣпкими затворы, и по семъ того дня преста бранное ополченіе. «Воеводы же Московскаго воинства разъѣздивъ и разглядѣвъ подобно «мѣсто и повелѣ воинству шатры ставити и лачуги и конемъ стати. И «тако уставиша воинство близь стѣны градскія и почиша отъ трудовъ «своихъ, токмо стражіе стрежаху. Сташа же не во единомъ мѣстѣ, но «койждо особь: Прокофій ста у Яузскихъ воротъ, князь Дмитрій Тимо«феевичъ мало отшедъ межъ Яузскихъ и Покровскихъ воротъ ста, а «Иванъ Заруцкій у Покровскихъ воротъ, Иванъ Волынскій у Стрѣтен«скихъ воротъ, а князь Василій Масальскій Михайловичъ зовомый у «Трубы на Неглинѣ сталъ; потомъ же Петровскіе и Тверскіе ворота «очистиша. На утрее жъ дневи свѣтающу, изліянну повсюду свѣту, «воевода же и начальникъ Московскаго собранія Прокофій о своемъ «дѣлѣ попеченіе предивно творяще, и повелѣ у Петра чудотворца въ «сорокъ туры землею насыпати и пушки поставити и повелѣ по граду «непрестанно стрѣляти: бѣ бо то мѣсто высоко и удобно къ пушечному «стрѣленію во градъ. Другой же нарядъ поставиша отъ Никиты Христова «мученика за Яузою, и по граду непрестанно изъ пушекъ стрѣляху и «многую тѣсноту граду творяще; и тако во ополченіе воемъ мужески «граду всюду облегоша. Отъ сего же Поляцы ужасни быша зѣло, и пре«бывающе въ заключеніи вратъ, сирѣчь во осадѣ, и на коняхъ своихъ къ «тому не творятъ ополченія и исходятъ изъ града пѣши, уповая Москов«ское воинство отъ стѣны града отбити, и тако на нихъ нападаютъ и смерт«ную брань спускаютъ. Москвичи же веселымъ лицемъ ихъ воспріем«лютъ и толь крѣпцѣ на нихъ наступаютъ, да яко Поляцы пораженій «ихъ смертоносныхъ подъяти не могутъ, и хребетъ даютъ и вспять итти «понуждаются, и во градѣ утверждаются, и многи отъ нихъ убиваеми. И «тако преста брань въ той день. Начальницы же Московскаго собранія «наипаче силу восхищаютъ и оружіе свое на враговъ мочне направляютъ; «и тако безчисленныя брани твораху на всякъ день. Поляцы же болѣз«нуютъ и плачутся своихъ паденій, но токмо уповаютъ на стѣны града «онаго, понеже мѣстною крѣпостію вооруженъ градъ той превысокій «Кремль, и никоимъ бѣ домышленіемъ можно его досягнути.

«Малу же времени минувшу, якобы едину три мѣсяцы проиде «лѣтнія годины тоя, позавидѣ дьяволъ сему настоящему дѣлу изрядному «ополчителю; той вышеупомянутый Иванъ Заруцкій дьяволимъ науче«ніемъ воспрія во мысль свою, да научитъ казаковъ на Прокофья и пове«литъ его убити, да воспріемлетъ власть надъ войскомъ единъ, и яко же «хощетъ, тако творитъ. И нача напущати казаковъ на Прокофья и наря-

«ди граматы ссыльныя съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ; «и тако за ссылкою изъ города отъ Литвы велѣлъ ихъ выдати, будто «Прокофій съ ними своими грамоты ссылается, и хочетъ христособран- «ное воинство Литовскимъ людемъ въ руцѣ предати и самъ къ нимъ пріі- «общиться. И тако возсташа народы и наполнишася людіе гнѣва и ярости «на сего изряднаго властителя и воеводу Прокофья Ляпунова, безъ воспо- «минанія его изряднаго и мужественнаго ополченія, и восхотѣша его пре- «дати смерти. И собрався воинство на урѣченное мѣсто, еже есть во «кругъ, по казацкому обычаю, и на сего воеводу и властелина посы- «лаетъ посланниковъ, дабы ѣхалъ на урѣченное мѣсто въ кругъ собранія «ихъ. Онъ же, злаго ихъ ухищренія не вѣдяще и о смерти своей не помы- «шляюще, возстаетъ отъ мѣста своего и въ кругъ настоящаго собранія «приходитъ по обычаю по своему и испытуетъ вещи позванія его. Они же «въ разгореніи мысли своея начаша его обличати виновными дѣлы и «измѣною, и грамоты въ войскѣ честь, яже Ивашко наряди. И по семъ «яростнѣ на него нападаютъ и трупъ его на части раздѣляютъ, и въ ско- «ромъ часѣ смерти горкія предаютъ. И тако паде мертвъ на землю «славный сей и бодренный воевода, Прокофій Ляпуновъ. Съ нимъ же «пріиде нѣкто отъ честныхъ дворянинъ и нача имъ разсуждати, дабы «недерзостнѣ сотворили, но со испытаніемъ, дабы напрасно крови непо- «винныя не пролить. Они же вопіяху: намъ и сей измѣнникъ, угодникъ «Прокофья Ляпунова. И того тако же безвинно смерти предаша. Положены «же бысть во едину гробницу, и погребены же бысть честно у Благовѣ- «щенія пречистыя Богородицы, еже есть на Воронцовскомъ полѣ. Каза- «цы же начинаемое свое дѣло совершиша и разъидошася въ кошы своя».

78.

Глаголъ ozionąć значитъ собственно *заразить*. У Поляковъ и теперь есть повѣрье, что волкъ однимъ взглядомъ можетъ отнять даже у человѣка всякую бодрость.

79.

Это число показано въ Нѣмцевичевой Исторіи Сигизмунда (III. 28); въ рукописи Маскѣвича оно опущено.

80.

Т. е. за оборону Москвы.

81.

Цѣклинскихъ было двое: одинъ находился при гетманѣ, а другой при конфедератахъ.

82.

Село въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

83.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ партизаны того времени, или правильнѣе вольница, не признававшая ни чьего начальства, кромѣ своихъ атамановъ.

84.

Есть деревня Вишенка въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Волочкомъ авторъ, вѣроятно, называетъ Волоколамскъ.

85.

Должно быть въ *городкѣ Борисовѣ*, верстахъ въ 10 отъ Можайска.

86.

Въ подлинникѣ такъ: to na dengi mowi, to co z Stolicy wieziecie. Podobni Niemcom po de Czczowem (у Нѣмцевича pod Czczowem).

87.

Въ рукописи: w Szkucie; у Нѣмцевича w Sknice, безъ всякаго смысла.

88.

Самъ же авторъ неоднократно приводилъ примѣры чести и благородства Русскихъ.

89.

Lan извѣстное пространство пахотной земли.

90.

Стація, въ тѣсномъ смыслѣ — постой, также станція; здѣсь, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ автора, обязанность обывателей платить войску опредѣленную сумму денегъ.

91.

Въ рукописи: bo wielki K. zniego y teraz.. Буква К. значитъ Кіеръ.

92.

Дюнамюндъ.

93.

О набѣгахъ Запорожцевъ на Черноморскія области Турецкія см. подробныя извѣстія въ Бопляновомъ *Описаніи Украйны.*

94.

Польская рукопись имѣетъ такое заглавіе: Rzeczy Polskich w Moskwie za Dimitra Opisanie przez jednego tam obecnego roku 1605 do roku 1609. *Описаніе дѣлъ Польскихъ въ Москвѣ при Димитріи, съ 1605 года по 1609, составленное очевидцемъ.*

95.

Товянскій называетъ его Нѣмцемъ.

96.

И будто не узнали подложнаго царевича? Странная недогадливость! Вообще сказка не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Одно замѣчаніе ее опровергаетъ: Самозванецъ увѣрилъ Поляковъ, что его спасъ докторъ Семенъ, о чемъ писалъ и къ Борису (см. życia Sapiehow, prz. Kognowickiego, 1791. Tom. II, 82); но въ Угличѣ такого доктора при царевичѣ не было: иначе его не оставили бы безъ допроса при слѣдствіи о смерти Димитрія, и имя его было бы упомянуто хотя мимоходомъ въ слѣдственномъ актѣ, гдѣ находимъ всѣ лица, окружавшія царевича, кромѣ одного Семена.

97.

Наши лѣтописи называютъ сіе мѣстечко Брагинъ: оно находится на рѣкѣ Брагинкѣ въ Минской губерніи.

98.

Князь Константинъ Вишневецкій (правильнѣе Висніовецкій), воевода Русскій, былъ женатъ на сестрѣ Марининой Урсулѣ. См. *Нѣсецкаго*

Herbarz Polski, IX. 358. Въ первомъ томѣ *Сказ. соврем. о Дим. Самозв.* читатель найдетъ подробныя извѣстія о томъ, какъ открылся Лжедимитрій Вишневецкому.

99.

Въ дневной запискѣ воеводы Сендомирскаго отмѣчено, что 31 декабря 1604 года дѣйствительно было сраженіе съ войскомъ Борисовымъ, которое потеряло въ битвѣ 4.000 человѣкъ. См. I. *часть Сказ. соврем. о Дим. Самозв. Стр. 404.*

100.

Изъ вышеозначенной дневной записки видно, что Путивль, Рыльскъ и Кромы покорились Лжедимитрію прежде сраженія 31 декабря.

101.

Воевода Сендомирскій долженъ былъ возвратиться въ Польшу, въ слѣдствіе повелѣнія королевскаго, по настоянію Бориса. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Москвѣ Польскіе послы нашимъ боярамъ. *См. выше Дневникъ ихъ.*

102.

Сочинитель говоритъ о Добрынской битвѣ. См. подробное извѣстіе объ ней у Бера и Маржерета. *Сказ. совр. о Дим. Самозв. часть I. 40. 295.* Первый приписываетъ побѣду иноземной дружинѣ Борисовой, а второй, очевидецъ, мужеству Русской пѣхоты.

103.

Правильнѣе изъ подъ-Кромъ.

104.

По свидѣтельству современниковъ, самыхъ друзей Лжедимитрія, юный Ѳеодоръ Борисовичъ и мать его убиты по приказанію Самозванца.

105.

Т. е. болѣе трехъ пудъ. Количество невѣроятное!

106.

Мѣстечко въ Краковскомъ воеводствѣ, достопамятное побѣдою Замойскаго надъ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ.

107.

Изъ подлиннаго письма Лжедимитріева, хранящагося въ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ, видно, что съ Бучинскимъ отправлено воеводѣ 200.000 злотыхъ. См. *Собр. Госуд. Грам. и Договор. II. 227.* Вмѣстѣ съ подарками и деньгами, Самозванецъ далъ Бучинскому любопытный наказъ, напечатанный нами въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи. См. *Сказ. совр. о Дим. Сам. I. Стр. 381.*

108.

Въ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ сохранился списокъ съ письма Самозванцева къ Сигизмунду III. Оно любопытно по формѣ и содержанію: «Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій «Іоанновичъ, Божіею милостію *императоръ* и великій князь всея «Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ Московской «монархіи покоренныхъ областей государь и царь.

«Наяснѣйшему государю Сигизмунду, Божіею милостію королю «Польскому, великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Мазо«вецкому, Жмудскому и проч. и проч. Шведскому, Готѳскому и Ван«дальскому наслѣдному королю.

«Здравія и братской любви желаемъ.

«Наяснѣйшій государь!

«Увѣдомились мы, что наяснѣйшество ваше сеймъ генеральный своего «королевства къ будущему великому посту имѣть изволитъ. Чего мы «такъ съ великимъ желаніемъ до сего времени по многимъ и важнымъ «причинамъ ожидали, что безъ всякаго замедленія, не дождався о семъ «дѣлѣ извѣстія отъ наяснѣйшества вашего, скоро на тотъ сеймъ отпра«вить опредѣлили пословъ нашихъ: сіятельнаго и почтеннаго князя Ва«силья Михайловича Мосальскаго, боярина и верховнаго государства «нашего маршала, правителя Сѣверскаго, и воеводу Нижняго Новагорода, «почтеннаго Михайла Игнатьевича Татищева, окольничего нашего, Мо«жайскаго воеводу, также почтенныхъ Василья Иванова и Андрея Ива«нова думныхъ дьяковъ нашихъ, что для великихъ дѣлъ не токмо обоимъ «намъ и государствамъ нашимъ, но и всему вообще христіанству полезно «и потребно быть имѣетъ. Того ради просимъ, дабы наяснѣйшество «ваше листъ благонадежности по обычаю какъ наискорѣе учинить и «прислать приказали. Впрочемъ желаемъ наяснѣйшеству вашему долго«временно и счастливо государствовать и благопріятнѣйшій имѣть успѣхъ

*

«въ вашихъ желаніяхъ. Дана въ царствующемъ градѣ нашемъ Москвѣ, «лѣта Господня 1605, декабря 16 дня, государствованія же нашего пер«ваго. *Собр. Госуд. Грам. II. 234.*

109.

Склинскій привезъ слѣдующее письмо Самозванца къ воеводѣ Сендомирскому:

«Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій Іоанновичъ, «Божіею милостію императоръ и великій князь всея Россіи и всѣхъ «Татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ государствъ, Московской мо«нархіи подвластныхъ, государь и царь.

«Желали бы мы, дабы милость ваша съ государынею цесаревою, «супругою нашею, по требованію нашему и обѣщанію своему, въ сей мясо«пустъ къ намъ прибыть могли: понеже мы о многихъ причинахъ извѣстіе «вамъ учинить хотѣли. Того ради нынѣ желаемъ и напоминаемъ, дабы ми«лость ваша какъ наискорѣе къ намъ поспѣшалъ, вѣдая, что скорѣйшее «прибытіе ваше весьма пріятно намъ будетъ и на самое время къ намъ пріѣз«жать потребно: ибо потомъ умедля, опасный къ намъ пріѣздъ вашъ будетъ, «и ежели Смоленскъ прежде Пасхи миновать изволите, то легко усмотри«те. Пріятно же намъ сіе, что милость ваша къ намъ пишетъ о удер«жаніи своемъ въ пути недалече отъ Москвы чрезъ весь постъ, и «заблагоразсудили мы, дабы вы въ Борисовѣ, въ сторону отъ Можайска «за 18 миль отъ Москвы удержаться изволили, гдѣ и дворъ для васъ и «для государыни цесаревы и пріятелей приготовленъ будетъ. И о семъ «чрезъ сего жъ урожденнаго Михаила Склинскаго въ скорости намъ из«вѣстіе учинить не оставь, которому мы немедленно назадъ возвращаться «повелѣли. Король къ намъ пишетъ, что остальнаго долга по писанію «нашему вамъ ожидать будетъ, который мы безъ отлагательства изъ «Смоленска послать приказали; такожъ и вамъ на проѣздъ нѣсколько «десятковъ тысячъ послано, и уповаемъ, что прибытіе ваше къ намъ «безъ затрудненія будетъ. Впрочемъ желаемъ вашей милости добраго «здравія. Дана въ Москвѣ 28 февраля 1606 года, государствованія же «нашего перваго. Димитрій другъ и сынъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 277.*

110.

Казановскій вручилъ Мнишку такое письмо: «Мы пресвѣтлѣйшій и «непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію импера«торъ и великій князь всея Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ

«многихъ государствъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и «царь. Весьма обрадовались мы, получивъ извѣстіе о выѣздѣ и поспѣ- «шеніи вашемъ къ намъ инымъ путемъ, нежели какъ мы предъ симъ, «по росписанію вашему, чаяли. Чего мы давно уже желали, такъ и нынѣ «Господа Бога молимъ, да въ предпріятомъ ономъ пути даруетъ вамъ «вожделѣнное здравіе и поспѣшеніе, съ ея величествомъ цесаревою, суп- «ругою нашею, какъ наискорѣе къ намъ прибыть. Но съ другой стороны «опечалило насъ письмо ваше, въ коемъ вы сомнѣваетесь о нашей къ «вамъ благосклонности, и по видимому имѣете намѣреніе возвратиться «съ дороги, не препроводя къ намъ свѣтлѣйшей дщери вашей; мы, поели- «ку сіе было бы къ вѣчному нашему безславію и удивленію цѣлаго свѣта, «желаемъ, дабы вы сего не дѣлали. И хотя мы съ нѣкоторою досадою «чрезъ Денбицкаго и Склинскаго писали къ вамъ; однако Богъ тому «свидѣтель, любезнѣйшій мой родитель, что сіе происходило не отъ злаго «сердца, но отъ одной скуки, и по любви къ вашей дочери и дому вашему. «Въ слѣдствіе сего, мы отправили къ вамъ съ поспѣшностію урожденнаго «Сигизмунда Казановскаго, комнатнаго нашего служителя, дабы онъ, «какъ можно скорѣе, съ вами встрѣтившись, увѣрилъ васъ о радости «нашей и нетерпѣливомъ ожиданіи прибытія вашего. А и въ самомъ дѣлѣ, «получивъ радостное извѣстіе, забыли мы совершенно то огорченіе, «которое происходило единственно отъ нескораго вашего выѣзда; и вамъ «ничего инаго не остается теперь ожидать отъ насъ, какъ только приз- «нательной благодарности, радости, почитанія и награжденія за прежнія «и теперешнія издержки и труды ваши. За симъ желаемъ въ вожделѣн- «номъ здравіи васъ видѣть. Писано въ царствующемъ нашемъ градѣ «Москвѣ 18 марта 1606 года, государствованія же нашего перваго года. «Димитрій другъ и сынъ.» *Собр. Гос. Грам. II. 282.*

111.

Изъ Минска Юрій Мнишекъ писалъ къ зятю: «Пресвѣтлѣйшій, «милостивый царь! Поручаю себя милостямъ вашего царскаго величества. «Господинъ Аѳанасій писалъ вашему царскому величеству, отправляя «къ вамъ дворянина Ѳедора Шушерина; уповаю, пишетъ къ вашему цар- «скому величеству, что онъ крѣпко настоитъ, дабы мы къ вамъ какъ «наискорѣе поспѣшали; но и мы жалуемся вашему царскому величеству на «него, понуждающаго насъ перелетѣть къ вамъ, не смотря, что сіе и для «женскаго пола несносно, и для меня, въ разсужденіи немалой моей «болѣзни, тягостно. Но какъ бы то ни было, не щадя и здоровья,

«станемъ поспѣшать; и я, не заботясь о леченіи моемъ, хотя лежа на «возу, пріѣхать къ вамъ желаю.

«Отдано мнѣ отъ вашего царскаго величества 13.324 талера, да 5.204 «рубля, которые тотчасъ посылаю въ Польшу, для оплаты самонужнѣй- «шихъ долговъ. Приношу благодарность вашему царскому величеству мило- «стивому моему государю за одолженіе меня сими деньгами. Безпокоитъ «меня только то, что его величество король усильно требуетъ отъ меня «своихъ денегъ, а изъ оныхъ ему послать не могъ. Испытавъ вашего цар- «скаго величества ко мнѣ милость, не осмѣливаюсь о томъ васъ утруждать. «Впрочемъ паки поручаю себя въ милость вашему царскому величеству «милостиваго моего государя. Писано въ Минскѣ, 4 апрѣля 1606. Ва- «шего царскаго величества, милостиваго моего государя доброжелательный «отецъ Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій. *Собр. Гос. Грам. II. 284.*

112.

Для встрѣчи Марины, Самозванецъ отправилъ на границу: Михайла Александровича Нагова, намѣстника Велико-Пермскаго и Костромскаго, князя Василья Михайловича Мосальскаго, дворецкаго, *великаго губернатора* Сѣверской земли и намѣстника Нижегородскаго; для привѣтствія же воеводы Сендомирскаго, посланъ былъ думный дворянинъ Андрей Матвѣевичъ Воейковъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 254.*

113.

Братъ воеводы Сендомирскаго.

114.

Князь Константинъ Вишневецкій, зять воеводы Сендомирскаго, женатый на сестрѣ Марининой Урсулѣ.

115.

Янъ Мнишекъ староста Саноцкій былъ сынъ воеводы Сендомирскаго, родной братъ Марины; а староста Луховскій, Павелъ Мнишекъ, племянникъ его.

116.

Сигизмундъ Тарло, хоронжій Перемышльскій, въ послѣдствіи каш- телянъ Сандецкій, имѣлъ супругою Варвару, дочь каштеляна Сендомир- скаго. При убіеніи Поляковъ въ Москвѣ, она спасла мужа своего отъ

смерти, обративъ на себя всю ярость озлобленнаго народа. См. Нѣсецкаго Herbarz Polski, IX. 14.

117.

Мартинъ Стадницкій, староста Саноцкій, и братъ его Георгій Стадницкій были извѣстны въ Польшѣ ревностью къ католицизму.

118.

Сынъ подкоморія Саноцкаго Станислава Бала.

119.

Станиславъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, въ послѣдствіи староста Осѣцкій и Рогозинскій, славился въ свое время умомъ, мужествомъ и любезностію нрава.

120.

Францискъ Помаскій, каноникъ Плоцкій, и братъ его Станиславъ, подкоморій, убиты въ Москвѣ.

121.

Фамилія Вольскихъ имѣла свои помѣстья въ Сендомирскомъ воеводствѣ.

122.

Вѣроятно нынѣшняя деревня Лубня.

123.

Z panami przyiaciołmi. Подъ симъ словомъ разумѣются всѣ родственники Мнишка и паны, находившіеся въ свитѣ его.

124.

W Czarowie: должно быть въ Царевѣ-Займищѣ.

125.

Нынѣ и слѣдовъ дворца не осталось; но церковь, построенная Борисомъ Годуновымъ, уцѣлѣла.

126.

См. эту рѣчь въ запискахъ Паерле, въ 1 части *Сказ. совр. о Дим. Сам. стр. 178-180.*

127.

Вѣроятно, Лопарей.

128.

Онъ былъ *каштеляномъ* Малогоскимъ (въ послѣдствіи Радомскимъ); фамилія же его — Олесницкій.

129.

Ни тотъ, ни другой: на дочери Витовта, Софіи, женатъ былъ пращуръ Димитрія, великій князь Василій Димитріевичъ.

130.

Елена Глинская была не супругою, а матерью Іоанна Грознаго.

131.

По тогдашнимъ понятіямъ, Турція причислялась къ странамъ полночнымъ. Слѣдовательно Стадницкій желалъ Димитрію побѣдъ на югѣ и славы на западѣ.

132.

Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ описаны подробно дальнѣйшіе переговоры.

133.

Надобно полагать, что эти слова были обращены къ царю.

134.

Жена пана Тарла, хоронжаго Перемышльскаго.

135.

Праздникъ католическій, установленный папою Урбаномъ IV.

136.

Въ подлинникѣ Tuczyszczow.

137.

По свидѣтельству Петриція, она жертвовала своею жизнію для спасенія мужа. См. *Нѣсец.* Herbarz Polski IX. 14. Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ она показана однако въ числѣ живыхъ.

138.

Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ число убитыхъ Поляковъ показано до 1000.

139.

Сожгли одного Самозванца; Басманова же, по свидѣтельству Бера, похоронилъ сводный братъ его князь Иванъ Голицынъ, за Англійскимъ подворьемъ. *Сказ. соврем. о Дим. Самоз. I. стр. 72.*

140.

Считаю излишнимъ опровергать дерзкія слова иновѣрца: нелѣпость ихъ очевидна. Замѣчу только: 1) при истинномъ благочестіи, при глубокомъ уваженіи святыни, Русскіе никогда не прибѣгали къ подлогамъ въ дѣлахъ Вѣры: это свидѣтельствуетъ вся исторія нашей церкви. 2) Шуйскій тѣмъ менѣе можетъ быть подозрѣваемъ въ подлогѣ, что, по несомнительному свидѣтельству государственныхъ актовъ, самыя почтенныя особы удостовѣрились въ Угличѣ въ нетлѣнности мощей св. Димитрія, а именно: митрополитъ Филаретъ, Астраханскій епископъ Ѳеодосій, Спасскій архимандритъ Сергій, Андроновскій архимандритъ Авраамій; бояре: Воротынскій, Шереметевъ, Нагіе и проч. Не подкупленный мужикъ, какъ баснословитъ Польскій писатель, а сіи особы засвидѣтельствовали нетлѣнность св. Димитрія, и по ихъ удостовѣренію мощи его перенесены въ столицу.

141.

Изъ Никоновской Лѣтописи видно, что въ сіе время хотѣли измѣнить царю Василію Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой, Иванъ Троекуровъ. Первый сосланъ въ Сибирь, вторый въ Тотьму, третій въ Нижній-Новгородъ.

142.

См. о пораженіи воеводъ Шуйскаго, князей Трубецкаго и Воротынскаго, въ августѣ 1606 году, у Бера въ I части *Сказ. соврем. о Дим. Самозв. стр. 80.*

143.

По смыслу рѣчи здѣсь ничего не пропущено; между тѣмъ за сентябремъ слѣдуетъ мартъ. По соображеніи многихъ обстоятельствъ, думаю, что въ семъ Дневникѣ есть пропускъ между 17 числомъ сентября 1606 года и 18 ч. марта 1607 года, т. е. не описаны случаи послѣ 17 сентября 1606 года въ продолженіе 6 мѣсяцевъ.

144.

То есть дѣтей боярскихъ.

145.

Должно читать Михайло Салтыковъ.

146.

Недалеко отъ Калуги, на Пчелнѣ, 1 мая 1607 года. Тутъ разбилъ на-голову царскихъ воеводъ, князей Татева и Черкасскаго, мятежникъ Телятевскій. О сей битвѣ упоминаетъ и Беръ.

147.

Sochowniakow, abo lawników, вѣроятно *людей сошныхъ.*

148.

Вѣроисповѣданіе Греко-Россійское всегда было такъ истинно и непорочно, такъ согласно съ духомъ и смысломъ ученія Христа Спасителя, что я считаю излишнимъ опровергать дерзкія слова иновѣрца, ослѣпленнаго злобою и фанатизмомъ.

149.

По всей вѣроятности, рѣчь о князѣ Григоріи Петровичѣ Шаховскомъ, любимцѣ перваго Лжедимитрія, взволновавшемъ землю Сѣверскую при Василіи Шуйскомъ.

150.

Вѣроятно Давида Вазмера и Христофора Рейтлингера, о коихъ упоминаетъ Беръ.

151.

Въ Москву прибыли 12 октября 1607 года чиновники Сигизмундовы Витовскій и князь Друцкой Соколинскій.

152.

Здѣсь прекращается любопытный Дневникъ. Чрезъ полгода Марина получила свободу и бросилась въ объятія Вора Тушинскаго. Судя по заглавію (см. выше прим. 94), переведенное нами сочиненіе должно итти до 1609 года: послѣдніе листы утратились.

153.

Такой деревушки не показано ни на одной изъ нашихъ картъ.

154.

Выше сказано, что въ этой каретѣ было 12 лошадей.

155.

Играли пѣснь: W każdym czasie tak w szczęściu iako i niezczęściu и пр.

156.

Какъ эта рѣчь, такъ и нѣкоторыя другія находятся въ Дневникѣ Марины Мнишекъ: не желая разрывать связи повѣствованія, я рѣшился помѣстить ихъ вдвойнѣ.

157.

Мы помѣстили выше въ примѣч. 108 граммату Самозванцеву о назначеніи великихъ пословъ къ Сигизмунду III.

158.

Въ трактатѣ, заключенномъ въ Москвѣ 11 марта 1601 года съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, Борисъ дѣйствительно не хотѣлъ назвать Сигизмунда королемъ Шведскимъ, подъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій.

159.

Слѣдовательно это былъ родъ коляски: лѣтомъ въ саняхъ у насъ не ѣздили.

160.

Въ Польшѣ тогда была не свобода, а необузданное своеволіе. Читатель видѣлъ въ Дневникѣ Маскѣвича всѣ ужасы Польской анархіи.

161.

Надобно разумѣть: чрезъ три часа по восхожденіи солнца; иначе будетъ слишкомъ рано.

162.

Игнатьевичъ.

163.

Въ Дневникѣ Марины Мнишекъ показано вдвое менѣе.

164.

Нелѣпый вздоръ! Въ опроверженіе этой сказки, считаемъ достаточнымъ указать на вышеприведенное 140 примѣчаніе.

165.

Эти акты хранятся въ Архивѣ министерства Иностр. дѣлъ. Мы напечатали слово въ слово самый любопытный изъ нихъ, договоръ Самозванца съ Юріемъ Мнишкомъ, въ 166 примѣч. къ 1 части *Сказ. совр. о Дим. Самозванцѣ.*

КАРТА РОССІИ ЦАРЕВИЧА ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

Карта Россіи, составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, прилагаемая ко 2 ч. *Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ*, найдена мною въ рѣдкомъ и дорогомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1640 году, подъ заглавіемъ: Theatrum orbis terrarum, siwe Atlas novus; in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum, editae a Guiljel: et Ioanne Blaeu. Amsterdami, apud Iohannem et Cornelium Blaeu. Anno 1640. Къ сожалѣнію издатели не объяснили, откуда она заимствована ими; изъ надписи видно, что нѣкто Гессель Герардъ составилъ ее, равнымъ образомъ и планъ Москвы, по собственноручному чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и дополнивъ свѣдѣніями о сѣверовосточной Россіи, посвятилъ ее въ 1614 году государю Михаилу Ѳеодоровичу. Не знаемъ, кто этотъ Гессель Герардъ, былъ ли онъ въ Россіи и какимъ образомъ досталъ чертежъ царевича; знаемъ только то, что Борисъ Годуновъ, ревностный къ успѣхамъ просвѣщенія, призывалъ изъ чужихъ краевъ людей ученыхъ, думалъ основать университетъ и особенное стараніе прилагалъ о воспитаніи сына, который, «наученъ былъ отъ отца своего книжному почитанію, въ отвѣтахъ былъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше».

П. О. Дейріардъ нашелъ въ Эрмитажѣ поднесенный императрицѣ Екатеринѣ II графомъ Мусинымъ Пушкинымъ экземпляръ карты Россіи на Латинскомъ языкѣ, переложилъ ее на Русскій и издалъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карта Россіи, по повелѣнію Ѳедора Борисовича начертанная, съ великимъ тщаніемъ во многихъ мѣстахъ умноженная, изданная и великому государю царю Михаилу Ѳеодоровичу посвященная Гесселомъ Герардомъ въ 1614 году*. Издатель въ примѣчаніи говоритъ, что, «на подлинной картѣ названія мѣстъ подписаны весьма неправильно; почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.»

Эта карта имѣетъ большое сходство съ найденною мною въ вышеозначенномъ Блавіанскомъ атласѣ, исключая только то, что планъ Москвы въ изданной Дейріардомъ почти вдвое менѣе и выгравированъ не столь тщательно, какъ въ Блавіанской. Сверхъ того есть разность въ костюмахъ и украшеніяхъ. Въ картѣ, мною издаваемой, названія нѣкоторыхъ городовъ также весьма неправильны; наприм. Серпуховъ *Czirpach*,

Кострома *Castrom*, Переславль *Kerislaw* и проч. Я не только не исправлялъ ошибокъ, но и въ самыхъ буквахъ, даже въ малѣйшихъ чертахъ, старался передать подлинникъ. Посему не моя вина, если читатель увидитъ: Oressok. at. вмѣсто al. (*iter*) Noteburg; или Crimea, sev Ta-rtaria Perec-opensis: такъ въ подлинникѣ. Иначе надлежало бы измѣнить всю карту; но тогда, по мнѣнію моему, она была бы не столь любопытна. Я рѣшился только въ планѣ Москвы поставить числа для поясненія, какъ назывались въ старину ворота Московскія, изъ коихъ многія уже не существуютъ: 1. Калужскія. 2. Фроловскія. 3. Троицкія. 4. Чертольскія. 5. Арбатскія. 6. Никитскія. 7. Тверскія. 8. Дмитровскія. 9. Труба Неглинная. 10. Срѣтенскія. 11. Фроловскія. 12. Покровскія. 13. Яузскія. 14. Москворѣцкія. 15. Тайницкія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАСКѢВИЧЪ.

Наливайко, гетманъ Запорожскій, опустошаетъ Литву; пойманъ и казненъ, 13. Походъ Сигизмунда III въ Лифляндію, 13. Явленіе Димитрія I, 14. Быстрые успѣхи его въ Россіи, 15. Нашествіе Татаръ на Подолію, 15. Маскѣвичъ вербуетъ войско, 15. Поѣздки его, 15. Вѣсть о смерти Димитрія и о заключеніи Марины, 17. Война рокошанъ съ королемъ, 17. Договоръ съ ними, 17. Новая война, 19. Пораженіе ихъ подъ Гузовымъ и Оранскимъ, 20. Явленіе втораго Димитрія, 21. Успѣхи его, 21. Походъ въ Молдавію, 21. Походъ въ Украйну, 22.

Предложеніе Сигизмунда сейму о войнѣ съ Россіею, 22. Король подступаетъ къ Смоленску, 23. Расположеніе лагеря его, 23. Мѣстоположеніе Смоленска, 24. Осада его, 25. Неудачный приступъ, 26 Дѣятельное участіе казаковъ Запорожскихъ, 27. Суевѣріе Москвитянъ 27. Устроеніе осадныхъ лѣстницъ, 28. Королевское посольство въ Тушинскій лагерь, 29.

Подробное извѣстіе о Царикѣ или Димитріи II, 29. Мѣховецкій руководитель его, 29. Поляки дѣятельно содѣйствуютъ ему, 29. Силы Самозванца, 30. Шуйскій освобождаетъ плѣнныхъ Поляковъ, 31. Самозванецъ женится на Маринѣ, 31. Бѣгство Царика въ Калугу, 32. Опустѣніе Тушинскаго лагеря, 32. Договоръ Царикова войска съ королемъ, 33.

Шуйскій отправляетъ брата своего Димитрія противъ Сигизмунда, 33. Предложеніе Русскаго престола королевичу Владиславу, 33. Походъ Жолкѣвскаго на Русскихъ, 34. Число войска его, 34. Взятіе Поляками Рославля, 35. Укрѣпленіе Волуева при Царевѣ-Займищѣ, 36. Нападеніе на него Жолкѣвскаго, 37 — 38. Клушинская битва, 38. Опасность Поляковъ, 39. Пораженіе Москвитянъ, 40. Измѣна Нѣмцевъ, 40. Договоръ съ ними Жолкѣвскаго, 41. Конечное пораженіе Русскихъ, 41. Взятіе Можайска, 43.

Договоръ Жолкѣвскаго съ Русскими боярами о возведеніи на престолъ Владислава, 43. Заруцкій передается Царику, 44. Присяга Москвитянъ Владиславу, 44. Поляки преслѣдуютъ Царика, 45. Жолкѣвскій угощаетъ Русскихъ бояръ и самъ пируетъ у нихъ, 45. Занятіе Москвы Поляками, 46. Жолкѣвскій возвращается къ королю съ плѣннымъ царемъ, 46.

Недовѣрчивость Русскихъ къ Полякамъ, 47. Осторожность Гонсѣвскаго, 48. Своевольство Поляковъ, 48. Умерщвленіе Царика, 48. Патріархъ вооружаетъ Русскихъ на Поляковъ, 48. Грамматы его перехвачены, 49. Тревога въ Москвѣ, 49.

Дружба Маскѣвича съ бояриномъ Головинымъ, 50. Свадьбы Московскія, 51. Вечеринки, 51. Боярыни, 52. Домы, 52. Бояре, 53. Судъ Московскій, 54. Взысканіе долговъ (правежъ), 54. Трезвость Москвитянъ, 55. Невѣжество, 55. Привязанность къ старинамъ обычаямъ, 55. Царскіе дворцы, 56. Церкви, 57. Кремль, 58. Достопамятности его, 58. Китай-городъ и Иванъ-городъ, 59. Укрѣпленіе Москвы, 60.

Волненіе Москвитянъ, 60. Всеобщее возстаніе народа, 61. Битва, 61. Пожаръ столицы, 62. Поляки жгутъ ее до основанія, 64. Помощь Струся, 65. Конечное разрушеніе Москвы, 66. Пораженіе Просовѣцкаго Струсемъ, 66. Ляпуновъ, 66. Битвы его съ Поляками, 66. Неудачи ихъ, 67. Заключеніе и смерть патріарха, 68.

Добыча и раздѣлъ, 69. Вылазки, 70. Сапѣга подступаетъ къ Москвѣ, 71. Переговоры его съ боярами, 71. Вредитъ Полякамъ, 71. Думаетъ овладѣтъ Русскимъ престоломъ, 71. Соединяется съ Гонсѣвскимъ, 71. Поиски его, 72. Ляпуновъ отбиваетъ укрѣпленіе, 72 — 74. Гонсѣвскій даетъ знать Ходкѣвичу о бѣдствіи Поляковъ, 75. Смерть Сапѣги въ Москвѣ, 76. Бояре выдаютъ жалованье Полякамъ, 77. Главные начальники возстанія народнаго, 77. Коварное умерщвленіе Ляпунова, 78. Русскіе предаютъ пламени Китай-городъ, 78. Маскѣвичъ теряетъ всѣ свои драгоцѣнныя вещи, 79.

Прибытіе Ходкѣвича въ Москву, 80. Польское войско негодуетъ на него, 81. Бояре платятъ Полякамъ царскими сокровищами, 82. Поиски за съѣстными припасами, 83. Недовольные Поляки составляютъ конфедерацію, 85. Пораженіе ихъ при Роднѣ, 86. Русскіе шиши, 87. Раздоръ Струся съ Гонсѣвскимъ, 89.

Маскѣвичъ возвращается въ отечество, 90. Неудовольствіе короля, 90. Смерть Даніила Маскѣвича, 91. Король намѣревается овладѣть Русскимъ престоломъ, 92. Честность Жолкѣвскаго, 92. Пораженіе Стефана Потоцкаго Турками, 93. Московскіе конфедераты требуютъ у короля жалованья вооруженною рукою, 94. Бржезицкій, 94. Дѣйствія Маскѣвича въ Лембергѣ, 96. Мѣры осторожности, взятыя конфедератами, 97. Они собираютъ налоги съ дворянскихъ помѣстьевъ, 98. Баторій приглашаетъ ихъ къ себѣ въ службу, 99. Дружба Маскѣвича съ Феликсомъ Гербуртомъ, 101. Онъ насильно собираетъ подати съ королевскихъ имѣній, 102. Отправляется къ королю въ числѣ пословъ, 103. Успѣхъ посольства, 103. Честь на сеймѣ, 104.

Маскѣвичъ депутатомъ Уголовнаго суда, 106. Дѣлежъ царскихъ сокровищъ, полученныхъ въ Москвѣ залогомъ, 105. Раздѣлъ родоваго имѣнія, 107. Маскѣвичъ въ службѣ князя Клецкаго, 108. Поѣздки его въ разныя мѣста, 109. Владиславъ хочетъ овладѣть Русскимъ престоломъ, 115. Сеймъ въ Варшавѣ, 116. Пораженіе Жолкѣвскаго Турками, 117. Возвращеніе Владислава изъ Россіи, 118. Новое пораженіе Жолкѣвскаго при Цецорѣ, 119. Король едва не убитъ въ костелѣ, 122. Приготовленіе къ новой войнѣ Турецкой, 123.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.

ГЛАВА I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе царевича Димитрія отъ смерти докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мнишка съ Димитріемъ. Пиры. Въѣздъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о титулѣ царскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побіеніе Поляковъ..... 129

ГЛАВА II.

Избраніе Шуйскаго. Перенесеніе мощей св. Димитрія въ Москву. Переговоры пословъ Польскихъ съ думными боярами. Рѣчь Малогоскаго. Волненіе Москвы. Молва о спасеніи Димитрія. Вишневецкій сосланъ въ Кострому. Путешествіе Марины въ Ярославль. Прибытіе въ сей городъ на житье. Боярынъ Салтыковъ. Слухи о Димитріи и о войнѣ съ нимъ Шуйскаго. Грамматы царя. Новыя вѣсти

о войнѣ междоусобной. Опасенія Поляковъ. Тягость неволи. Письмо каплана де-Мело о Димитріи. Слухи о Болотниковѣ и Лжепетрѣ. Прибытіе новыхъ пословъ Польскихъ въ Москву 169

ДНЕВНИКЪ ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

Путешествіе пословъ въ Москву. Неудовольствія. Грубое письмо Власьева. Въѣздъ пословъ въ Москву. Вшествіе Марины. Аудіенція. Жаркій споръ о титулѣ цесарскомъ. Предложеніе о войнѣ съ Турками. Дары. Описаніе коронаціи. Высокомѣріе Димитрія. Споры о мѣстѣ за столомъ. Посредничество воеводы Сендомирскаго. Свадебный пиръ. Частная аудіенція въ покояхъ царицы. Переговоры о войнѣ Турецкой. Признаки мятежа. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Опасность Марины. Убіеніе Поляковъ. Избраніе Шуйскаго. Списокъ плѣнныхъ и убитыхъ Поляковъ. Переговоры съ боярами. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Послы оправдываютъ Поляковъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи 199

Розыскъ о смерти царевича Димитрія Углицкаго 265

Примѣчанія 288

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аалень, Georg von Aalen, измѣняетъ Шуйскому, I. 94.
Аведыкъ Армянинъ, II. 247.
Агрійская битва, bataille de Agria, I. 251.
Азовъ, Azow, столица Татарскаго хана, I. 50.
Алебардщики, Helleparten, I. 51. 55. 58.
Александровская слобода, Alexandrinische Sloboden, нынѣ Александровъ, Владимірской губерніи въ 170 верстахъ отъ Москвы, I. 107.
Александровъ, II. 16.
Алексѣй, писарь, Alexius Schreiber, спутникъ Димитрія, I. 88. Открываетъ его въ Стародубѣ, 88.
Алтынъ, Altins, цѣна его, I. 275.
Англичане торгуютъ чрезъ Астрахань съ Персіею, I. 250.
Англійская компанія въ Ярославлѣ, I. 310.
Англійское подворье, Englisch. Hoff, I. 72.
Андроновъ, Andronow, I. 136.
Аптечный бояринъ, Ablesqui baiary, I. 276.
Арбатъ, Harbat, I. 24. 138.
Архангельскій соборъ, l'eglise nommée Arhangel, мѣсто погребенія Русскихъ государей, I. 299.
Архангельскъ, Arhangel, I. 249. 302. 308.
Астраханское царство, Astracanisch. Reich, I. 126.
Астрахань, Astrachan, I. 170. Astrichan, 249. Торговля, 250. Боранцы, 250. 426.
Аугсбургскіе купцы, I. 65.

Б.

Баалъ, Baal, умерщвленъ въ Москвѣ, I. 194.
Бабѣвъ, мѣсто ночлега Марины на пути въ Россію и пословъ Польскихъ, II. 137. 199.
Балабанъ, ротмистръ, участвуетъ въ Клушинской битвѣ, II. 34.
Балверъ, портной, II. 247.
Балинскій, полковникъ конфедератовъ, II. 85.
Балъ сопутствуетъ Маринѣ въ Россію, II. 137. Убитъ въ Москвѣ, 167. 240. 248.
Бандзиловичъ, II. 257.
Баптистъ, ограбленъ въ Москвѣ, II. 167.
Барановскій, Baranofski, посланъ въ Польшу, I. 212.
Баръ, II. 16.
Басмановъ: *У Бера*, Peter Fedrowitz Bosmanno, защищаетъ Новгородъ-Сѣверскій, I. 39. Главный вождь царскаго войска и измѣнникъ, 43. Любимецъ Димитрія, 60. Смерть его, 60. Трупъ на площади, 72. Признается Беру, что Димитрій-Самозванецъ, 74.
— *У Паерле*, Petter Bosman, обороняетъ Новогродекъ, I. 157. Переговоры съ Бучинскимъ, 157. Упорная защита Новагродека, 158. Осаждаетъ Кромы, 170. Обманутъ Запорскимъ, 171. Уговариваетъ царскихъ воеводъ покориться Димитрію, 172. Свиданіе съ нимъ, 173. Смерть, 191.
— *У Маржерета* и *Де-Ту*, PierreFedervits Basmannof, Petrus Basmanius, обороняетъ Новгородъ-Сѣверскій, I. 293. Довѣренность къ нему Бориса Годунова, 297. 334. Измѣнникъ Ѳедору Борисовичу, 297. 335. Любимецъ Димитрія, 300. Ходатайствуетъ за Татищева, 301. Предостерегаетъ Димитрія, 302. Смерть, 303. 346. По сказаніямъ Петрея, 375.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ*

послов, встрѣчаетъ Юрія Мнишка при въѣздѣ въ Москву, II. 141. Угощаетъ Поляковъ, 146. Убитъ Шуйскимъ, 161. 237. Сожженіе трупа его, 169. Похороненъ родственниками, 249.

Баторій, кандидатъ на Польскій престолъ, II. 19. Приглашаетъ въ службу къ себѣ Московскихъ конфедератовъ, 99. Убитъ, 99.

Беати Италіянецъ, II. 248.

Беззубцевъ, Bezubtzew, I. 92.

Безобразовъ, гонецъ Димитрія, II. 135.

Безчестіе, beschest, I. 296.

Белчинскій, II. 247.

Бельзыца, II. 19.

Бенскій, Bensky, врачъ Бориса Годунова, I. 20.

Бергъ Гансъ, Hans Berg, Ливонецъ, I. 93.

Бергъ Іохимъ, Iochim Berg, измѣнникъ Шуйскаго, I. 94.

Березанскій, II. 190.

Березань, II. 15.

Бернардины, Theologie e Cisterciusi ordine, сопутствуютъ Димитрію, I. 332.

Бертранъ де-Кассанъ, Bertrand de Cassans, разсказываетъ Маржерету о Димитріи, I. 306.

Беръ Мартинъ, Martinn Bäer Neostadiensis, пріѣзжаетъ въ Россію, I 21. Узнаетъ отъ Поляковъ, что царь Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія, 30. Свидѣтель страшнаго голода въ Москвѣ, 34. Говоритъ въ Кремлѣ Лютеранскую проповѣдь, 58. Свидѣтель бунта въ Москвѣ, 67, и смерти Димитрія, 73. Распрашиваетъ объ немъ Басманова, 74; придворнаго аптекаря, 74; повивальную бабку, 74; Углицкаго дворцоваго сторожа, 75; Сапѣгу, 75. Мнѣніе Бера о Димитріи, 76, и Петрѣ Ѳедоровичѣ, 91. Время, когда онъ писалъ свою Лѣтопись, 91. Гоненіе Димитрія втораго, 110. Спасаетъ многихъ Нѣмцевъ отъ смерти, 117. Преданность Димитрію 118. Свиданіе съ фрейлинами Марины, 119. Сочиняетъ предъ смертію псалмы, 119. Переселяется въ Калугу, 122. Свидѣтель разрушенія Москвы Поляками, 139.

Бечь, II. 22. 100.

Блинскій, сожженъ въ Москвѣ за оскорбленіе святыни, II. 48.

Бобовскій, II. 32. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 38. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ королевичу Владиславу, 42.

Боболя, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.

Бобръ, II. 137.

Богдановъ, убійца царя Ѳеодора Борисовича, I. 376.

Богданъ, священникъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 272.

Бодай, агентъ Баторія, II. 99.

Бодашевскій, полковникъ конфедератовъ, II. 85.

Божій Домъ, Bosedum, I. 34. 66. 72. 73.

Болотниковъ: *У Бера*, Iwan Isaiwitz Polutnich, соединяется съ Пашковымъ, I 81. Дѣла его до прибытія въ Россію и свиданіе съ Димитріемъ, 82. Приходъ въ Путивль, 82. Осада Москвы, 82. Ссора съ Пашковымъ, 82. Разбитъ Шуйскимъ, 83. Укрѣпляется въ Калугѣ, 83. Соединеніе съ Петромъ Ѳедоровичемъ, 84. Сраженіе съ Шуйскимъ близъ Серпухова, 86. Осажденъ въ Тулѣ, 86. Свидѣтельство его о Димитріи II, 87. Посылаетъ за нимъ Заруцкаго, 87. Является къ Шуйскому, 91. Умерщвленъ, 91.

— *У Паерле*, Plotno, начальникъ Тульскихъ мятежниковъ, I. 121. Приведенъ въ Москву, 221.

— *Въ Дневникѣ Марины*, воюетъ съ Шуйскимъ, II. 188. Разбиваетъ его близъ Калуги, 193. Соединяется съ Петрушкою, 195. Захваченъ Шуйскимъ, 196. Заключенъ въ оковы, 197.

Болховъ, Bolchow, I. 90. 95. Сраженіе Димитрія II съ Шуйскимъ, 95.

Большой Приходъ, Bolschoi Prichod, I. 271.

Бонкъ, II. 32.

Боранецъ, Boranetz, I. 250. 426.

Борисовъ, Borisof, I. 251, 293. Занятъ Поляками, II. 45. Мѣсто ночлега Марины, 137.

Борисоградъ, Borisgorodt, I. 28.

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ: *У Бера*, Boris Fedrowitz Gudenow, избранъ въ правители государства, I. 12. Благоразумное правленіе, 12. Умерщвляетъ царевича Димитрія. 13. Поджигаетъ Москву, 13. Беретъ царскій скипетръ, 14. Избранъ царемъ, 15—17. Коронованіе, 17. Милости, 17. Обѣтъ его, 18. Заботливость о просвѣщеніи Россіи, 18. Милость Ливонцамъ, 18. Покровительство Густаву Шведскому, 19. Приглашеніе врачей Нѣмецкихъ, 19. Милость къ нимъ, 20. Дозволеніе выстроить Лютеранскую церковь, 21. Сношенія съ иностранными государствами, 21. Презрѣніе къ султану, 21. Милость къ выходцамъ Ливонскимъ, 22. Угощеніе Нѣмцевъ, 26. Привиллегія Любеку, 28. Строеніе городовъ, 28. Злоумышленники, 28. Вѣсть о Димитріи Самозванцѣ, 32. Предложеніе Вишневецкому, 32. Розыскъ о смерти Димитрія, 33. Голодъ, 34. Тще-

славіе Бориса, 36. Начало войны съ Димитріемъ, 36. Знаменія, 37. Царскій астрологъ, 37. Ополченіе на Самозванца, 39. Измѣны, 41. Награды за Добрынскую битву, 41. Предательство бояръ подъ Кромами, 42. Кончина, 42. Характеръ, 46. Перенесеніе тѣла, 80.

— *У Паерле*, Boris Hodenuff, правитель государства, I. 153. Помышляетъ о престолѣ, 153. Умыселъ на жизнь Димитрія, 154. Доноситъ Ѳеодору о смерти его, 154. Даетъ царю ядъ, 154. Строгость правленія, 157. Требованіе отъ Польскаго короля выдачи Димитрія, 157. Сигизмундъ отзываетъ Поляковъ изъ Россіи, 162. Побѣда царскаго войска подъ Сѣвскомъ, 165. Намѣреніе Бориса отравить Димитрія, 167. Кончина, 173. 186. Смерть жены и сына, 173. Возстаніе народа, 173.

— *У Маржерета*, Boris Federvits Godonof, укрѣпляетъ Смоленскъ, I. 249. 256. Шуринъ царскій, 255. Удаляетъ Димитрія въ Угличь, 256. Поджигаетъ Москву, 256. Отказывается отъ престола, 257. Серпуховской походъ, 258. Пріемъ Крымскаго посла, 258. Русскіе бояре, 286. Ослѣпленіе царя Симеона, 287. Густавъ Шведскій, 287. Послы иноземные, 288. Голодъ, 290. Іоаннъ принцъ Датскій, 292. Подозрительность, 292. Явленіе Димитрія и война съ нимъ, 293. Смерть Бориса, 295. Гибель семейства его, 298. Тѣло его вырыто, 298. Политика Борисова, 309. Называетъ Димитрія Гришкою Отрепьевымъ, 309. Старается образовать подданныхъ, 314. Сила его, 316. Намѣреніе тайно погубить Димитрія, 316.

— *У Де-Ту*, Borissius, умерщвляетъ Димитрія, I. 328. Казнитъ жителей Углича, 329. Домогается у Сигизмунда выдачи Димитрія, 331. Разставляетъ ему сѣти, 333. Отвергаетъ предложеніе Димитрія, 333. Споръ съ послами, 334. Кончина, 334. Гибель вдовы и сына, 336. Дочь его наложница Димитрія, 336. Обвиняется въ чародѣйствѣ, 337.

Описаніе Кубасова, I. 378.

— *У Маскѣвича*, Borys Hodun, хочетъ умертвить Димитрія, II. 14. Самъ погибаетъ отъ яда съ семействомъ, 14.

— *Въ Дневникѣ Марины*, управляетъ государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ, II. 129. Хочетъ умертвить Димитрія въ Угличѣ, 129. Казнитъ его служителей, 130. Отравляетъ царя Ѳеодора съ сыномъ и вступаетъ на престолъ, 130. 171. Ведетъ войну съ Димитріемъ, 132. Скоропостижная смерть, 132. Гибель жены и сына, 132. 174. Тиранство, 171. Неволя Польскихъ пословъ, 172. Разореніе Прилукъ, 172. Требованіе у Сигизмунда Димитрія, 172.

Борисѳенъ, Boristhenes, I. 30.

Борковскій, Borchofsky, капитанъ Нѣмцевъ, I. 136. Склоняетъ Понтуса къ бездѣйствію въ Клушинской битвѣ, II. 41. Начальствуетъ Нѣмцами въ Москвѣ, 47. Лѣниво содѣйствуетъ Полякамъ, 67. Трусость его, 67. 77. Депутатъ Московскихъ конфедератовъ, 81.

Боршай убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Борынязъ, ротмистръ, II. 25.

Борятинскій князь, II. 255. 258.

Боскій, товарищъ Маскѣвича, II. 100.

Бояре: *У Бера*, Bojageп, избираютъ Годунова въ правители, I. 12. Опасаются царевича Димитрія, 13. Завидуютъ Борису, 14. Избираютъ его царемъ, 15. Прислуживаютъ за царскими столами, 26. Крамолы, 29. Щедрость во время голода, 35. Замыселъ противъ Димитрія, 53. Ненависть къ Нѣмцамъ, 54. Споръ съ Димитріемъ, 57. Коварство, 59. Соединяются съ Шуйскимъ, 60. Оскорбленіе Марины и фрейлинъ ея, 61. Умерщвляютъ Димитрія, 63. Переговоры съ Мариною и Юріемъ Мнишкомъ, 68. Толпы ихъ въ Тушинскомъ лагерѣ, 98. Злословятъ Нѣмцевъ, 116.

— *У Паерле*, Boyageп, измѣняютъ Димитрію въ Путивлѣ, I. 169. Встрѣчаютъ его въ Москвѣ, 174. Прислуживаютъ при царскихъ обѣдахъ, 190. Возстаютъ на Димитрія, 190. Допрашиваютъ его, 191. Переговоры съ Польскими послами, 202—209. 213. Свидѣтельство ихъ о Димитріи, 208. Предъявляютъ переписку его съ папою и королемъ Польскимъ, 210. Признаютъ Марину наслѣдною государынею, 211.

— *У Маржерета*, Baiary, Думный Domney, I. 265. Конюшій Conusnei, 276. Аптечный Ablesqui, 276.

— *Въ Дневникѣ Марины*, вооружаютъ народъ на Поляковъ, II. 161. Спасаютъ Марину и отца ея отъ черни, 161. 163. Обвиняютъ воеводу Сендомирскаго, 170. Жалуются на Бориса Годунова, 171. Переписываются съ Поляками о Димитріи, 172. Признаютъ его царемъ, 173. Коронуютъ Марину, 175. Не сомнѣваются въ царскомъ родѣ Димитрія, 175. Хотятъ перебить всѣхъ Поляковъ, 176. Совѣтуютъ Шуйскому постричься, 193.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, обвиняютъ короля Польскаго, II. 251.
Брагинъ и Бражня, мѣстечко князей Вишневецкихъ, II. 14. 15. 131.
Брамбахій Brambachius, секретарь Любскаго посольства, I. 28.
Брестъ, занятъ конфедератами, II. 94.
Бресць, мѣсто ночлега Марины, II. 136.
Бржезицкій, II. 94.
Броневскій сопутствуетъ Маринѣ въ Россію, II. 137. Спасенъ отъ смерти, 167.
Брохна, дьякъ, II. 255.
Брянскъ, Brantzky, осажденъ Димитріемъ, I. 193. Опустошенъ Запорожцами, II. 27. Ограбленъ Поляками, 35
Будзиловъ, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32
Бутурлинъ, чашникъ, II. 216.
Бучинскій Матвѣй, II. 247.
Бучинскій Станиславъ, II. 248.
Бучинскій Янъ: *У Паерле*, Butschinski, спутникъ Димитрія, I. 157. Переговоры съ Басмановымъ при Новѣгородкѣ, 157. Тайный совѣтникъ Димитрія, 197. Приглашаетъ Паерле въ Москву, 197. Дворъ его разграбленъ, 198.
— *У Маржерета*, Bouchinsqui, ходатайствуетъ за Шуйскаго, I. 299. Предостерегаетъ Димитрія, 302. Свидѣтельство брата его о спасеніи Димитрія, 306.
Наказъ Димитрія, I. 381. Письмо къ Самозванцу, 409. Показаніе о Самозванцѣ, 450.
— *Въ Дневникѣ Марины*, привозитъ деньги Юрію Мнишку отъ Димитрія, II. 135. Подарки Маринѣ, 145. 248.
Быковскій, II. 19.
Бѣлля, осаждена Поляками, II. 27. 28.
Бѣлая стѣна, Weisz-Wand, I 139.
Бѣлгородъ, Gorod и Bialogroda, I. 251. 293. 333.
Бѣлевъ, Below, I. 90,
Бѣлоозеро, Beloszer. I. 71.
Бѣлоруссія, Weisz-Reuszland, I. 30.
Бѣлый городъ, часть Москвы, II, 69.
Бѣльскій Богданъ, Bogdan Bielski, измѣняетъ Борису, I. 28. Крестный отецъ Димитріевъ, 45. Мститъ врачамъ иноземнымъ, 45. Признаетъ Димитрія царевичемъ, 48. Приверженецъ Годуновыхъ, 298. Опекунъ дѣтей царя Іоанна, 357.
Бѣльскъ занятъ конфедератами, II. 96.
Бѣлачевскій, посолъ конфедератовъ, II. 103.

В.

Вайеръ, начальникъ Нѣмецкой пѣхоты подъ Смоленскомъ, II. 24. Убитъ, 36.
Валеріановъ день, Valeriany Tag, I. 39.
Валуевъ и Волуевъ, Mulnick, убиваетъ Димитрія, I. 63. II. 238.
Валуевъ и Волуевъ, Woluof, сдается Жолкѣвскому подъ Клушинымъ, I. 115. 116. II. 36. 37.
Вандеманъ, Albertius Vandeman, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 51.
Варка, переговоры рокошанъ съ королемъ, II. 20.
Варшава, великій пожаръ, II. 19.
Василій Ивановичъ Шуйскій: *У Бера*, Basilius Ivanowitz Schuisky, осужденъ на смерть, I. 52. Новый заговоръ, 56. Глава недовольныхъ, 63. Укрощаетъ чернь, 65. Возведенъ на престолъ 76. Переписка съ Сигизмундомъ, 77. Гнѣвъ на врачей иноземныхъ, 77. Переноситъ мощи св. Димитрія, 78. Война съ Димитріемъ II, 80. Перенесеніе тѣла Борисова, 80. Поражаетъ Болотникова, 83. Отвергаетъ предложеніе Карла IX, 84. Осада и покореніе Тулы, 86. 91. Путешествіе къ Троицко у монастырю, 92. Пораженъ подъ Болховымъ, 95. Осажденъ въ Москвѣ Димитріемъ, 97. Чародѣйствуетъ, 98. Проситъ помощи у Шведовъ, 98. Предлагаетъ престолъ Сигизмунду, 103. Отрава Скопина, 114. Низложенъ съ престола, 124. Сосланъ въ Польшу, 129. Отвѣтъ Турецкому послу, 129.
— *У Паерле* Wasilii и Waschill Ivanowicz Schuiski, подноситъ Димитрію дары въ Тулѣ, I. 173. Униженіе его, 174. Начальникъ заговора. 187. 191. Рѣчь его къ стрѣльцамъ, 191. Восшествіе на престолъ, 200. Безпокойства въ Москвѣ, 201. Перенесеніе мощей св. Димитрія, 201. Война съ мятежниками, 215. Осада Тулы, 218. Возвращеніе изъ похода, 222. Путешествіе къ Троицкому монастырю, 222. Пріемъ королевскихъ пословъ, 223. Гнѣвъ на нихъ, 231.
— *У Маржерета*, Vasilei Iuanevits Choutsqui, возбуждаетъ подозрѣніе въ Борисѣ, I. 286. 292. Воюетъ съ Димитріемъ, 295 Убиваетъ его, 303. Восшествіе на престолъ, 303. Перенесеніе мощей Димитрія, 304. Опасность Шуйскаго, 307—309.

— *У Де-Ту*, Suiscus, воюетъ съ Димитріемъ, I. 336. Намѣреніе свергнуть его, 338. Убиваетъ Димитрія, 346. Рѣчь его, 348. Обвиненіе Димитрія, 351.
— *У Маскѣвича*, Wasil Szuyski, освобождаетъ Марину, II. 31. Посылаетъ брата на помощь Смоленску, 33. Сверженъ съ престола, 43. Отвезенъ къ Троицѣ, 45, и въ Польшу 46.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, вождь мятежниковъ, II. 161. 237. Умерщвляетъ Басманова, 161. Спасаетъ Вишневецкаго, 164. Избранъ царемъ, 169. 246. Укрощаетъ волненіе народа, 177. Набожность его, 178. Отправляетъ Марину съ отцемъ въ Ярославль. 179. Слухи о войнѣ его съ мятежниками, 187. 188. 190. 191. 192. Неудачный приступъ къ Тулѣ, 191 Сраженіе близъ Калуги, 191. Разбитъ Болотниковымъ, 193. Манифестъ о мощахъ св. Димитрія, 194. Вооруженіе народа, 194 Заключаетъ въ оковы врачей иноземныхъ, 195. Димитрій предлагаетъ ему отказаться отъ престола добровольно, 195. Допросъ въ Угличѣ о смерти царевича Димитрія, II. 266—278.
Васмеръ, Vasmer, врачъ Бориса Годунова, I. 20. Лейбъ-медикъ Шуйскаго, 77.
Ватаманъ, Донской казакъ, II. 180.
Вашинский, перехватываетъ грамматы Ермогена, II. 49.
Веламовский, приводитъ войско Царику, II. 30. Передается королю, 32. 99.
Велижский староста, *см. Гонсѣвскій Александръ.*
Велижъ, Wielisch, I. 205. II. 172.
Вельяминовъ, Velliaminoff, родственникъ Годунова, I. 298.
Венсовичъ убитъ въ Москвѣ, II. 165. 240. 248.
Вербное воскресенье, I. 136.
Вержосовский, II. 247.
Верста, verst, virst, I. 249.
Вертумнъ, Vertumnus, I. 111.
Ви Яковъ де, Jacob de Wie, спутникъ Паерле, убитъ въ Москвѣ, I. 198.
Вильямъ, крайчій Марины, II. 247.
Винница, II. 22.
Винъ, Jacobus Winus, убитъ въ Москвѣ, I. 348.
Висница, II. 17. 18.
Висновецъ и Висновецъ, I. 32. II 15.
Висногродекъ, II. 19.
Висня, II. 17.
Виссенъ, Tönnirg von Wissen, I. 94.
Витовский Стенцель, Stenzl Witowski, посолъ Сигизмунда, I. 222. Рѣчь его, 226. II. 76.
Витовский убитъ въ Москвѣ, II 165.
Вишенца, деревня, II. 88.
Вишневецкій князь Адамъ: *У Бера*, Adamus Wesnewetski, принимаетъ Димитрія, I. 30. Покровительствуетъ ему, 31. Предложеніе Годунова, 32 Помогаетъ Димитрію II, 94.
— *У Паерле*, Adam Wiesnieowizki принимаетъ Димитрія, I. 155.
— *У Маскѣвича*, Wiszniowiecki, покровительствуетъ Димитрію, II. 14.
— *Въ Дневникѣ Марины*, первый изъ Поляковъ покровительствуетъ Димитрію, II. 131. Знакомитъ его съ братомъ Константиномъ, 131.
Вишневецкій князь Константинъ: *У Паерле*, представляется Димитрію. I. 180. Мужество его во время Московскаго бунта, 193. Спасенъ Шуйскимъ, 193.
— *У Маржерета и Де-Ту*, пріѣзжаетъ въ Россію, I. 300. Помогаетъ Димитрію, 300. Представляетъ его Сигизмунду, 330. Опасность въ Москвѣ, 347.
— *У Маскѣвича*, представляетъ Димитрія королю, II. 14. Заключенъ въ Москвѣ, 17.
— *Въ Дневникѣ Марины*, знакомитъ Димитрія съ Юріемъ Мнишкомъ, II. 131. Провожаетъ Марину въ Москву, 137. Веселится на пирахъ Димитріевыхъ, 146. Упорно обороняется отъ Москвитянъ, 163. 242. Спасенъ Шуйскимъ, 164. Сосланъ въ Кострому, 178.
Вишневецкий князь Михайло, ротмистръ, II. 15. 22.
Владиславъ, избранъ царемъ, I. 125. II. 43. Присяга ему Москвы и всей Россіи, 44. Возвращается съ торжествомъ изъ Турецкаго похода, 115. Московскій походъ, 118. Договоръ Жолкѣвскаго съ боярами, 298.
Власьевъ Аѳанасій Ивановичъ: *У Бера* Aphanassi Ivanowitz Flassi и Velaci, посолъ Димитріевъ въ Польшѣ, I. 51.
— *У Паерле* Wlasioff, при дворѣ Сигизмунда, I. 175. Обрученіе съ Мариною, 175. Хлопочетъ о титулѣ императорскомъ для Димитрія, 182 Благодаритъ короля за помощь царю, 211. 225.
— *У Маржерета*, Offernace Ioannevits Velaci, обручается за Димитрія съ Мариною, I. 299.
— *У Де-Ту*, Athanasius Rosclovius, I. 342.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, проситъ у Сигизмунда руки Марины, II. 133. 174. Вручаетъ отцу ея подарки, 133. Аудіенція у короля, 133.

Обрученіе съ Мариною, 134. 174. Упреки отцу ея, 136. Привозитъ ей подарки, 140. Отвѣтъ Польскимъ посламъ на ауденціи, 150. 209. Участвуетъ въ царскихъ пирахъ, 160. Домъ его темницею для Марины, 177 Грубое письмо Гонсѣвскому, 202. Переговоры съ Польскими послами, 225. 231.
Вогренанъ, Sieur de Vaugrenan, I. 247.
Водяные ворота, Wasser-Pforten, I. 134.
Воеводы, Voyvodes, I. 278.
Воейковъ Григорій, Georgius Wokiof, убиваетъ Димитрія, I. 191.
Воздвиженское, Wosdwisenskoe, I. 99.
Воина, епископъ Виленскій, II. 100.
Воина, подканцлеръ Литовскій, II. 13. Бѣгство сына его, 100.
Войтковскій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 81.
Волга, Volga, I. 172. 249. II. 180. 205.
Волконскій князь, II. 182. 237.
Вологда, Wolochta и Vologda, I. 71. 100, 104. 282. II. 184.
Волокъ, II. 88.
Волохова Василиса свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 268.
Волочекъ, II. 86.
Волчекъ, II. 43.
Вольные люди, Wolnaludy, I. 122.
Вольскій, спутникъ Марины, II. 137. Обороняется отъ Русскихъ, 166. Сосланъ въ Ростовъ, 178. 248.
Вопь, рѣка, II 140.
Воронычъ, полковникъ, II. 85.
Воротынскій, Vorotinsqui, посланъ Димитріемъ за матерью, I. 298.
Воръ, Wor, I. 90. 98. 215. 218.
Выборные дворяне, I. 276.
Выдлицы, II. 247.
Выть, Voit, мѣра земли, I. 271.
Вышиньскій, II. 247.
Вязома, Wesoma, I. 53. II. 70. Село Годунова, II. 141. Ночлегъ Марины, 142. 145. Пожаръ, 146. 205.
Вязьма, Weesmo, I. 54. Опустошена Запорожцами, II. 27. Ночлегъ Марины, 140, и Польскихъ пословъ, 201.

Г.

Габріель, Gabriel, капитанъ и лейб-медикъ Борисовъ, I. 29. 45.
Гайдовскій, II. 85.
Гайдуки, I. 55.
Галеръ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Галичъ, Calitz, I. 100. 104. Родина Отрепьева, 310.
Ганза, Hanse, I. 28.
Ганьчикъ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Гарабурда, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Гвардія Нѣмецкая, Teutsche Guardi, I. 181. Бездѣйствіе во время смерти Димитрія, 190.
Гекторъ, Hector, I. 50.
Геласій, митрополитъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 275.
Георгіевскъ, I. 105.
Герботина, Herbotina, избита Москвитянами, I. 194.
Гербуртова, спутница Марины, II. 138. 207. Бѣдствіе въ Москвѣ, 166. Сослана въ Тверь, 178. Ограблена, 240. 245.
Гербуртъ, единомысленникъ Зебржидовскаго, II. 19. Снова затѣваетъ рокошъ, 21. Подстрекаетъ Маскевича къ мятежу, 101.
Гермерсъ, Hermers, бургомистръ Любскій, I. 28.
Гидзельскій, II. 247.
Гильбертсъ, Gilberts, I. 117. 121.
Гилькенъ, Gilken, врачъ Борисовъ, I. 20.
Гласкій, II. 74.
Глинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248,
Глиняны, II. 17.
Глускій, II. 47.
Глуховскій, убитъ въ Москвѣ, II. 240.
Глѣбовичъ, II. 15. 16.
Глѣбовское село, II. 179.
Гоинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Гоголиньскій, II. 163.
Годуновъ Борисъ, *см. Борисъ Ѳеодоровичъ.*
Годуновъ Иванъ Ивановичъ утопленъ въ Окѣ, I. 94. Выданъ Димитрію подъ Кромами, 172. 297. 336.
Годуновъ Степанъ Степановичъ, разбитъ казаками. I. 33. II. 241.
Годуновы, I. 45.
Гоздзиковскій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. Убитъ, 74.
Голицынъ, Ivan Kulitau, погребаетъ Басманова, I. 72.
Голицынъ князь, Knias Gallitschen и Gollitschen, осаждаетъ Кромы, I. 170. Обманутъ Запорскимъ, 171. Покоряется Димитрію, 172. Разсѣкаетъ ему голову, 191. Knes, Vacile, Iuannevits, Calitchin, предается Димитрію, 297. Посолъ къ Си-

гизмунду, II. 46. Главный виновникъ возстанія Москвитянъ, 168. 187. 238.
Голова, Golova, I. 276.
Головинъ Ѳедоръ, пріятель Маскѣвича, II. 50. Образованность брата его, 55.
Головня, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Голуховскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167. *248.*
Гонсѣвскій Александръ: *У Бера*, Ionchevsky, намѣстникъ Владислава въ Москвѣ, I. 131. Ссора съ Москвитянами, 134. Разрушеніе Москвы, 139 — 140.
— *У Паерле*, Gonschefsky *и* Gonsofsky, посолъ Сигизмундовъ, I. 176. Говоритъ рѣчь Димитрію, 185. Присутствуетъ на бракѣ, 188. Оправдываетъ короля, 203—208.
— *У Де-Ту*, Gosenskius, споритъ съ Димитріемъ о титулѣ императорскомъ, I. 344.
— *У Маскѣвича*, Pan Gasiewski, осаждаетъ Бѣлую, II. 27. Начальникъ Польскаго войска въ Москвѣ, 46. Разсылаетъ стрѣльцовъ по городамъ, 47. Мѣры осторожности, 60. Разрушаетъ Москву, 61—65. Умерщвляетъ Ляпунова, 77. Вражда съ Струсемъ, 89.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, посолъ Сигизмунда къ Димитрію, II. 149. 154. Подарки ему, 156. Письмо къ Власьеву, 203. Рѣчь на аудіенціи, 215. Подарки отъ него, 216. Предлагаетъ войну съ Турками, 232.
Гонсѣвскій Карло, II. 247.
Городецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Горскій, гонецъ Димитрія, II. 136.
Горскій, поваръ Марины, I. 192.
Готардъ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Грабаній, II. 97. 98.
Граевскій, II, 25. 74.
Граматинъ, I. 113. 136.
Грамотинъ, II. 207. 216. 217.
Гребсбергъ, Iürgen Grebsberg, коморникъ Марины, I. 120.
Гревенбрухъ, Gerardus Cravenbruchius, I. 327.
Гречининъ, II. 47.
Гречинъ, II. 81
Гривна, Grivene, I. 275.
Гржималовскій, II. 85.
Гродно, II. 21 91.
Губеманъ, Germann Gubemann, пасторъ Лютеранскій, I. 120.
Губный староста, Goubna Starast, I. 267.
Гузово, II. 20
Гулы, II. 16.
Гульскій, II. 15.
Гульскій, Русскій воевода, II. 16. Гетманъ Украинскаго войска, 23.
Гундуровъ, Andreas Gundurow, I. 137.
Густавъ, Шведскій принцъ, пріѣзжаетъ въ Россію, I. 19. Сосланъ въ Угличъ, 19. Смерть его, 19. 287. 363.

Д.

Даниловичъ, посолъ въ Турціи, II. 19.
Даниловичъ, воевода Русскій, II. 20. Въ Клушинской битвѣ, 34.
Даниловскій монастырь, Danilofsky, нынѣ городъ Даниловъ, I. 101.
Данія, отечество Рюрика, I. 253.
Даточные люди, Datichney Ludei, I. 282.
Датсовъ, Datsow, I. 211.
Дворецкій, Majsire d'Hotel, I. 276.
Дворецъ, de Vorest, I. 271.
Дворжицкій, II. 14. Сосланъ въ Ярославль, 179, въ Вологду, 184. Гетманъ Димитріевъ, 248.
Дворяне, Devorens: Выборные, Vuiborne, I. 276. 281. Городовые, Gorodovoi, 281. Думные, Domnei, 265. 281. Московскіе, Moscoffqui, 265. 281.
Дворянство, Noblesse, разныя степени, I. 265 Образъ жизни, 267.
Делагарди, Pontus de la Gardie, помогаетъ Шуйскому, I. 99. Поражаетъ Керносицкаго, Зборовскаго и Сапѣгу, 106. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Полянковъ, 107. Милость Шуйскаго, 114. Разбитъ при Клушинѣ, 115.
Денвицкій, гонецъ Марины, II. 136. 247.
Деньги, Dengi *и* Denins, I. 253. 275.
Держни, II. 16.
Десятина, Decetin, I. 271.
Десятникъ, Desetnic, I. 276.
Димитрій Іоанновичъ св., Demetrius Iwanovitz, удаляется въ Угличъ, I. 11 Младенчество и характеръ его, 12. 75. 359. Умерщвленъ Борисомъ, 13. Мощи его, 78. 201. 304. 388. II. 194. 258. Показаніе разныхъ лицъ, при допросѣ Шуйскаго, о смерти его, 266 — 278.
Димитрій Самозванецъ, первый: *У Бера*, Demetrius I, побочный сынъ Стефана Баторія, I. 30. Слуга князя Вишневецкаго, 30. Называетъ себя царевичемъ, 31. (Извѣстіе о родѣ его, 406). Пребываніе въ Виснiовицѣ, 32 Переходитъ къ воеводѣ Сендомирскому, 32. (Договоръ съ

нимъ, 417. Путь его въ Россію, 400). Осаждаетъ Путивль, 38, и Новгородъ — Сѣверскій, 39. Первая битва, 39. Сраженіе Добрынское, 40. Бѣгство въ Рыльскъ, 41. Граммата, 41. (Письмо къ Станиславу Мишшку, 407). Письмо къ Красносельцамъ, 44. Вступленіе въ столицу, 47. (379). Коронованіе, 48. (382). Свиданіе съ матерью, 48. Характеръ его, 49. Намѣреніе воевать съ магометанами, 50. Обрученіе съ Мариною, 51. Гвардія, 51. Отбираетъ монастырскія имѣнія, 52. Милуетъ Шуйскаго, 53. Маневры Вяземскіе, 53. Свиданіе съ Мариною въ Можайскѣ, 54. Заговоръ Шуйскаго, 56. Бракъ съ Мариною 57. (411.) Презрѣніе народныхъ обычаевъ, 58. Безпечность, 59. Мужество во время мятежа, 60. Бѣгство, 61. Смерть, 63. (384). Злоба народная, 72. Мнимое чудо надъ трупомъ его, 73. Развѣяніе праха, 73. Достоинства и недостатки, 73. Свидѣтельство Бера и Петрея о родѣ его, 73—76. 386. (Граммата о самозванствѣ, 385). Молва о спасеніи, 73. Путивль присягаетъ новому обманщику, 79. Онъ остается въ Польшѣ, 83.

— *У Паерле*, Demetrius Ivanowiz, сынъ царя Іоанна, I. 153. Спасенъ въ Угличѣ Симеономъ, 154. Инокъ, 155. Является къ Вишневецкому и воеводѣ Сендомирскому, 155. Представленъ королю, 155. Приготовляется къ походу въ Россію, 155. Число войска его, 156. Присоединеніе казаковъ, 156. Покореніе Чернигова, 156. Осада Новгородека, 157. Совѣщаніе съ воеводою Сендомирскимъ, 159. Приступъ, 159. Переговоры съ Басмановымъ, 160. Приготовленіе къ битвѣ, 160. Рѣчъ Димитрія, 161. Побѣда, 162. Удаленіе Поляковъ, 162. Укрѣпленіе въ Сѣвскѣ, 163. Вѣсть о Борисовой рати, 163. Рѣчь, 164. Битва Добрынская, 165. Измѣна казаковъ, 165. Укрѣпленіе въ Путивлѣ, 166. Борисъ посягаетъ на жизнь его, 167. Замыселъ трехъ монаховъ, 167. Открытіе заговора, 168. Хитрость Запорскаго, 170. Покорность Басманова, 171. Прибытіе въ Тулу, 178. Вступленіе въ Москву, 174. Коронованіе, 174. Заговоръ Шуйскаго, 174. Обрученіе съ Мариною, 175. Аудіенція воеводы Сендомирскаго, 176. Пріемъ Марины, 180. Аудіенція Польскихъ пословъ и споръ съ ними, 182. Примиреніе съ послами, 184. Намѣреніе воевать съ Татарами, 185. Бракъ съ Мариною, 186. Высокомѣріе, 187. Свадебный пиръ, 188. Новый споръ съ послами, 188. Свадебный обѣдъ, 189. Пышность двора, 190. Отправленіе пословъ въ Персію, 190. Возстаніе Москвы, 190. Допросъ и смерть Димитрія, 191. Убійство приверженцевъ его, 192. Насмѣшки народа надъ трупомъ, 196. Развѣяніе праха, 197. Обвиненіе боярами, 208. Договоръ съ папою и Польскимъ королемъ, 209. Новгородъ и Псковъ отданы Маринѣ, 210. Молва о спасеніи Димитрія, 213.

— *У Маржерета*, Demetrius Iohannes, сосланъ Борисомъ въ Угличъ, I. 256. 309. (396). Вступаетъ изъ Польши въ Россію, 293. Осада Новагорода Сѣверскаго, 293. Разбитъ Русскою пѣхотою, 295. Удаляется въ Путивль, 295. Покорность Басманова, 297. Вступленіе въ Москву, 298. Свиданіе съ матерью, 298. Коронованіе, 299. Замыселъ Шуйскаго, 299. Обрученіе съ Мариною, 299. Гвардія, 299. Свойства Димитрія, 300. Опала Татищева, 300. Возмущеніе казаковъ, 301. Переписка съ Петромъ, 301. Пріѣздъ Марины, 302. Бракъ, 302. Споръ съ Малаговскимъ, 302. Возстаніе Москвы, 303. Сожженіе трупа, 303. Перенесеніе мощей св. Димитрія, 304. Тѣлесныя и душевныя свойства, 304. 310—318. Молва о спасеніи его, 305—309. Мнѣніе современниковъ о Димитріи, 309. Доказательства Маржерета, что онъ былъ сынъ Іоанновъ, 309—318.

— *У Де-Ту*, Demetrius Ioannis Basilidae filius, воспитывается въ Угличѣ, I. 328. Умерщвленъ Борисомъ, 328. Молва о спасеніи его, 329. Мнимый Димитрій въ Польшѣ, 329. Помощь езуитовъ, 329. Договоръ съ Мишшкомъ, 330. Учится Латинскому языку, 330. Письмо къ папѣ, 330. Рѣчь королю, 330. Походъ въ Россію, 330. Покореніе Чернигова и Путивля, 330. 331. Обвиненъ въ чародѣйствѣ, 331. Разбитъ при Новѣгородѣ, 331. Оставленъ всѣми, 332. Молитва его, 332. Помощь Кромамъ, 333. Письмо къ патріарху и Борису, 333. Осада Кромъ, 334. Покорность Басманова, 335. Вступленіе въ Москву, 336. Вырываетъ тѣло Борисово, 337. Разрушаетъ домъ его, 337. Милость къ Полякамъ, 337. Ссылка бояръ, 338. Упорство Псковитянъ, 339. Расточаетъ сокровища, 339. Коронованіе, 339. Свиданіе съ матерью, 339. Рѣчь езуитовъ, 340. Посольство за Мариною, 340. Намѣреніе воевать съ Турками, 341. Обрученіе съ мариною, 342. Свадьба, 342. Заботы, 343. Негодованіе народа, 343.

Гвардія, 343. Титулъ императорскій, 344. Безпечность при волненіи столицы, 345. Возстаніе народа, 345. Смерть Димитрія, 346. Свидѣтельство матери, 346. Насмѣшки, 347. Граммата Шуйскаго, 351.

— *У Маскѣвича*, Dymitr, является въ Брагинѣ, II. 14. Представляется королю въ Краковѣ, 14. Идетъ въ Россію, 14. Коронуется. 15. Смерть его, 29. Дворецъ, 56.

— *Въ Дневникѣ Марины*, Димитрій воспитывается въ Угличѣ, II. 129. Спасенъ докторомъ отъ убійцъ, 130. 171. Удаляется къ Ледовитому морю, 130. Странствуетъ въ одеждѣ инока, 130. Является въ Москвѣ при Борисѣ, 130. Въ Польшѣ учитъ дѣтей шляхтича, 131. Открывается въ Бражнѣ игумну и князю А. Вишневецкому, 131. Представленъ воеводѣ Сендомирскому и королю, 131. 171. Походъ въ Россію и взятіе Моравска приступомъ, 131. Покореніе Чернигова, 131. Осада Новагорода-Сѣверскаго, 131. Разбитіе войска Борисова, 131. Отступленіе, 132. Пораженъ въ Комаринской волости, 132. Бѣгство въ Путивль, 132. Извѣстіе о покорности войска, 132. Вступленіе въ Москву, 132. Свиданіе съ матерью, 132. Коронація, 132. Посылка Власьева въ Польшу, 133. 174. Обрученіе съ Мариною, 134. Подарки, 134. 135. Жалуется на медленность невѣсты, 136. Радость о путешествіи ея, 140. Свиданіе съ тестемъ, 142. Описаніе дворца, 143. Пиры, 144—146. Смѣлость, 146. Встрѣча Марины, 147. Рѣчь Стадницкаго, 148. Аудіенція Польскимъ посламъ, 149—150. Доказываетъ свои права на титулъ императорскій, 151. Отвѣтъ посламъ, 153. Пиры и подарки, 156. Коронація Марины, 157. Высокомѣріе, 157. Свадебный пиръ, 158. Смѣлость при возстаніи Москвитянъ, 160. Смерть, 162. Мощи св. Димитрія, 167. Слухи о спасеніи царя, 177. 178. 179. 188.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, Димитрій даетъ посламъ аудіенцію, II. 208—215. Отвергаетъ письмо Сигизмунда, 210. Коронуетъ Марину, 220. Свадебный пиръ, 221. Не соглашается посадить съ собою Польскаго посла, 228. Переговоры о войнѣ съ Турками, 231. Смѣлость Димитрія при возстаніи Москвитянъ, 235. 236. 237. Смерть его, 238. Похороненъ неизвѣстнымъ купцомъ, 249. Прахъ его развѣянъ, 255.

Димитрій Самозванецъ, второй: *У Бера*, Demetrius secundus, учитель Бѣлорусскій, I. 88. 124. Является въ Путивлѣ и Стародубѣ, 88. Единоборство съ Заруцкимъ, 89. Зимовка въ Самовѣ, 89. Помощь Поляковъ, 93. Осада Брянска, 93. Сраженіе подъ Болховымъ, 95. Подступаетъ къ Москвѣ, 97. Щадитъ ее, 97. Захватываетъ, Марину, 97. Договоръ съ Сендомирскимъ, 97. Свиданіе съ Мариною, 97. Посылаетъ Сапѣгу подъ Троицкій монастырь, 99. Покореніе Переславля, Ростова, Ярославля, Костромы, Галича, Вологды, 100. Число войска его, 162. Измѣна городовъ, 104. Мужъ Марины, 105. Гордость и титулъ его, 105. Злоба на Нѣмцевъ, 106. Бѣгство въ Калугу, 108. Истребленіе Поляковъ, 109. Примиреніе съ ними, 115. Истребленіе Нѣмцевъ, 116. Презрѣніе къ Маринѣ, 119. Милуетъ Нѣмцевъ, 120. Благоволеніе къ нимъ, 121. Упреки боярамъ, 122. Сожигаетъ Пафнутьевъ монастырь, 123. Приступъ къ Москвѣ, 125. Бѣгство въ Калугу, 126. Безумство, 127. Смерть. 128.

— *У Маскѣвича*, Dymitr Carzyk, орудіе Мѣховецкаго, II. 21. Содѣйствіе Рожинскаго, 22. Тушинскій лагерь, 29. Необразованность Царика, 29. Набираетъ войско изъ Поляковъ, 30. Главные предводители, 30. Перехватываетъ Марину и женится, 31. Бѣгство въ Калугу, 32. Оставленъ войскомъ, 32. Преближается къ Москвѣ, 34. Бѣжитъ въ Калугу, 45. Отвергаетъ предложеніе короля быть владѣтелемъ Гродна или Самбора, 45. Убитъ Урусовымъ, 48. 50.

Димитрій Солунскій, Mitrofsolonski, монастырь во Владимирѣ, I. 19.

Дмитровскъ, Mitrofsk, I. 107. 110.

Днѣпръ, Neppер, I. 102. II. 137. 140.

Добровницкій, убитъ подъ Москвою, II. 73.

Доброк, ночлегъ Марины, II. 141, и Польскихъ пословъ, 201.

Добромирскій, приводитъ Русскихъ къ присягѣ Владиславу, II. 42. Убитъ въ сраженіи съ Просовѣцкимъ, 66.

Добрыничи, Dobrinitz, село Добрынь въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ, I. 40. Битва по извѣстію Петрея, 373.

Долгорукій князь, измѣняетъ Шуйскому, II. 193.

Домараскій, Domarasqui, I. 294.

Домарацкій Матвѣй, спасается на посольскомъ дворѣ, II. 241. 247.

Домарацкій Петръ, провожаетъ Марину, II. 138. Начальникъ Польской дружины, 142. Убитъ въ Москвѣ, 167.

Домашовскій, II. 247.

Домбровна, II. 199.
Дорбский, II. 25.
Дорогобужъ, I. 54. II. 27. 140. 200.
Дорогостайскій, Литовскій маршалъ, II. 23. 25.
Дровачево, ночлегъ Марины, II. 141.
Дубки, ночлегъ Марины, II. 140.
Дубны, село, II. 179.
Дудзинскій, убитъ подъ Москвою, II. 73.
Дума, Conseil, I. 257.
Думный боярин, Domney Bayarin, I. 265. 278.
Думный дворянин, Domney Devorenne, I. 265. 278.
Дунковскій, II. 106.
Девичій монастырь, I. 46. 142. 258. 292. II. 47. 75.
Дедово, II. 199.
Дети боярскіе, Deti Baiarski, I. 280.

Е.

Евреи, нетерпимы въ Россіи, I. 261.
Езуиты, воспитали Димитрія, I. 312. Письмами ихъ пользуется Де-Ту, 327. Помогаютъ Димитрію, 329. 330. Подстрекаютъ его, 340.
Екатерина, мать Сигизмунда III въ темницѣ, I. 330.
Елецъ, Gelleetz, I. 50. Сраженіе съ Путивльцами, 80. Jaleka, 333. Пораженіе войска Шуйскаго, II. 181.
Елисавета, королева Англійская, I. 254.
Елиогабалъ, Heliogaballus, I. 153.
Еломага, капитанъ, II. 195.
Ерикъ, дядя Сигизмунда III, I. 330.
Ермогенъ, патріархъ Московскій, вооружаетъ Русскихъ на Поляковъ, II. 48. Грамматы его перехвачены, 49. Заключеніе и смерть его, 68. Извѣстія хронографовъ и Филарета, 302. 303. Граммата его, 306.
Ерусланов, Fürst Peter Roszlan, I. 127. 128.
Есёновскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167.
Ефимки, Reics-Daller, I. 275.

Ж.

Жабка, слуга Троцкаго, II. 100.
Жавчицы, помѣстье Маскѣвича, II. 22. 109.
Жданова Ирина, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 270.
Жильцы, Pages, I. 276.
Жолкѣвскій: *У Бера*, Stanislaus Solkouski, поражаетъ Русскихъ при Клушинѣ, I. 115. Осаждаетъ Москву, 123. Договоръ объ избраніи царемъ Владислава, 125.
— *У Маскѣвича*, Pan Hetman Zołkievski, II. 13. Гетманъ противъ Татаръ, 15. Разбиваетъ рокошанъ подъ Гузовымъ, 20. Устроиваетъ лагерь подъ Смоленскомъ, 23. Идетъ къ Москвѣ, 34. Переговоры съ Тушинскимъ войскомъ, 36. Клушинская битва, 36—38. Переманиваетъ Нѣмцевъ, 41. Побѣда, 41. Подступаетъ къ Москвѣ, 43. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ, 44. Угощаетъ бояръ, 45. Возвращается къ королю, 46. Не хочетъ участвовать во второмъ походѣ на Россію, 92. Разбитъ Турками, 120. Убитъ подъ Цецорою, 121.
Жолкѣвскій, племянникъ гетмана, склоняетъ Делагарди къ бездѣйствію, II. 41.
Жолтый, панъ, II. 248.

З.

Забавскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Забоклицкій, ротмистръ, II. 17. 20.
Заборовскій, II. 248.
Завихостъ, II. 21. 30.
Загурскій, убитъ въ Москвѣ, II. 245. 248.
Задовица, село, II. 180.
Заезерье, ноглегъ Марины, II. 141, и Польскихъ пословъ, 201.
Заклика, II. 247.
Замойскій, великій гетманъ коронный, II. 13.
Запорожцы, помогаютъ Димитрію, II. 132. Бѣгство ихъ, 132.
Запорскій, Saporsky, посланъ на помощь Кромамъ, I. 169. Хитрость его, 170.
Заруцкій: *У Бера*, Iwan Martinowitz Zaruski, отыскиваетъ Димитрія втораго, I. 87.

Передается ему, 99. Удаляется къ Сигизмунду, 111.
— *У Маскѣвича*, служитъ Царику, II. 31. 33. 34. Дѣйствуетъ противъ Поляковъ, 61. Глава народнаго ополченія, 78.
Заруцкій Захарій, II. 68.
Заславъ, II. 15.
Збаражскій, Zbarasky, I. 108. II. 34.
Зборовскій, Isborowsky, разбитъ Скопинымъ, I. 106. Переговоры при Клушинѣ, 116. Гетманъ казаковъ при осадѣ Смоленска, II. 26. Приводитъ войско Царику, 30. Передается королю, 32. Полкъ его въ Москвѣ, 46. 69.
Зверхлевскіе, убиты въ Москвѣ, II. 167.
Зверхлинскій, II. 248.
Здвиженское, село, II. 179.
Здровьскій, II. 247.
Зебржидовскій, воевода Краковскій, II. 17. Заключаетъ съ королемъ договоръ, 18.
Зенковичъ, II. 74. 89.
Зидекъ, коморникъ, II. 247.
Зидекъ, шутъ, II. 247.
Зиттель, купецъ Краковскій, 247.

И.

Иваницкій, Ivanizki, I. 167. Убитъ въ Москвѣ, II. 240 248.
Иванова ночь, S. Iohannis Nacht, I. 96.
Ивановскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Иванов день, S. Iohannis Tag, I. 115.
Иванъ-городъ, часть Москвы, II. 60.
Иванъ-городъ, I. 33. 264.
Ирина Ѳедоровна, Irena Fedorova, супруга царя Ѳеодора, I. 12. Убѣждаетъ его вручить скипетръ Борису, 13. Содѣйствуетъ брату взойти на престолъ, 14. Убѣждаетъ его принять корону, 17.

І.

Іерусалимъ, церковь въ Москвѣ, I. 44. 260.
Іоаннъ Васильевичъ царь, Iwan Vasilowitz, I. 11. 153. Завоеватель Казани, 249; Астрахани и Сибири, 250. Получаетъ отъ Максимиліана титулъ императора, 254. Жены и дѣти его, 255. Смерть старшаго сына, 255. Прозванъ Мучителемъ, 255. Возводитъ на Русскій престолъ царя Симеона, 255. Учреждаетъ патріаршество, 259. Креститъ Евреевъ, 261. Наказываетъ Ливонцевъ, 261. II. 14. 27.
Іоаннъ, Hertzog Hansz, герцогъ Датскій, женихъ Борисовой дочери, I. 21. Кончина его и погребеніе, 22.
Іоаннъ, Ioannes, отецъ Сигизмунда III, заключенъ въ темницу, I. 330.
Іовъ, патріархъ: мнѣніе его о смерти царевича Димитрія, II. 277.
Іорданъ, Iordanus, ограбленъ Москвитянами, I. 194.
Іосифовъ монастырь, Osipow Kloster, на рѣкѣ Сестрѣ, въ 30 верстахъ отъ Волоколамска, I. 112. 116.
Іосифъ Флавій, Еврейскій историкъ, I. 34.

К.

Казаки: *У Бера*, Cosaken, помогаютъ Димитрію, I. 33. Защита Кромъ, 42. 55. Приходятъ въ Путивль, 79. Поддерживаютъ царевича Петра, 84. Измѣняютъ Шуйскому, 92.
— *У Паерле*, казаки Донскіе, Cosakhen Duinski, пристаютъ къ Димитрію, I. 156. Берутъ Черниговъ, 157. Удаляются изъ Россіи, 166. Казаки Запорожскіе, Cosaken Saporofski, приходятъ къ Димитрію, 162. Измѣняютъ въ битвѣ Добрынской, 165.
— *У Маржерета*, Casaqs: Заокскіе, I. 283. Донскіе и Днѣпровскіе, 283. Служба ихъ. 284. Сопутствуютъ Димитрію, 297. Казаки Подольскіе и Черноморскіе, 301. Волжскіе, 301.
— *У Маскѣвича*, Kozaky Zaporoski, казаки Запорожскіе помогаютъ Димитрію, II. 14. Врываются къ Крымъ, 22. Во множествѣ приходятъ въ Россію, 27. Опустошаютъ города, 27. Число ихъ, 31. Разоряютъ Турецкія области, 115.

Казановская, Kasanowka, гофмейстерина Марины, I. 55. II. 138. 207.
Казановскій, II. 29. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 34. 39. Полкъ его въ Москвѣ, 46. Сражается подъ Симоновымъ монастыремъ, 66. Депутатъ Московскихъ конфедератовъ, 81.
Казановскій, гонецъ Димитрія, II. 136. Спасается отъ смерти, 241.
Казанское царство, Royaume de Casan, I. 149.
Казань, Casan, I. 170. 249. 264. 301.
Казимиржъ, II. 18.
Казимиръ, Калужскій воевода, I. 111.
Казна, Casna, сокровища, I. 272.
Калигула, I. 153.
Калиновскій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. 38. Подъ Цецорою, 120.
Калуга, Coluga, отдается Болотникову, I. 81. Осаждена Шуйскимъ, 84. Присягаетъ Димитрію, 93. Передается ему, 109. Гнѣздо мятежниковъ, 218. Убѣжище Царика, II. 32. Смерть его, 48. Сраженіе Шуйскаго, 193.
Калужскіе ворота, Gaulische Pforten, I. 73.
Каменецъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Каминскій, II. 32.
Каминша, Caminschi, вѣроятно рѣчка Каменка, близъ Болхова, I. 95.
Канельсенъ, Canelsen, I. 98.
Кановскій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Карачевъ, Caratschof, I. 293.
Каргополь, Kerkenpoll, I. 91.
Карлъ, Carl, герцогъ Шведскій, покоряетъ Ливонію, I. 22. Предлагаетъ помощь Шуйскому, 84.
Кармоговія, Carmohovia, I. 331.
Касимовскій ханъ, Fürst Casimofsky, утопленъ Димитріемъ, I. 127. Служитъ Царику, II. 33. 44.
Катыревъ, Caterow, товарищъ Мстиславскаго, I. 42.
Кашнецъ, Gregorius Caschnez, спутникъ Димитрія, I. 88.
Качковскій, II. 247.
Керносицкій, Cornesetzki, осаждаетъ Новгородъ, I. 105. Посланъ Димитріемъ въ Астрахань, 126.
Керхрингъ, Kerchring, ратсгеръ Любскій, I. 28.
Кизель-Баша, Kisel-Bascha, I. 254.
Кинешма, Kinischma, I. 105.
Кирилловъ монастырь, Styrile monastir, I. 141.
Кирienбургъ, Kirienburg, I. 22.
Китай-городъ, Kitai-Gorod, I. 139. II. 59.
Клаузендъ Арендъ, свидѣтельствуетъ о царевичѣ Димитріи, I. 387.
Клецкій князь, II. 108.
Клушино, Clusin, I. 115. II. 38.
Кнермоковскій езуитъ, Cnermocovius, привѣтствуетъ Димитрія, I. 340.
Кнутсенъ, Knutsen, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 51. Cnotsemius, 344.
Княжнинъ, боярынъ, II. 195.
Ковальскій, знаменосецъ, II. 67.
Ковель, II. 22. 23.
Козельскъ, Caselitzki, I. 88. 110. 117. 119. II. 27. 86.
Козловскій Григорій свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269
Койдановъ, мѣсто ночлега Марины, II. 137.
Кокенгузенъ, Kakenhausen, I. 22.
Колмогоры, Kolmengrod, I. 251.
Колобовъ Петръ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.
Коломенскій монастырь, Kloster Columnitza, I. 81.
Коломна, Columnitza, I. 81. Columna, 264.
Колпичъ, ночлегъ Марины, II. 140. 201.
Колязинъ монастырь, Kolesma, I. 106.
Комарницкая волость, I. 41. 81. II. 132.
Комаровскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 184. 240.
Коморникъ, Komornik, I. 112. 120.
Коморовскій, товарищъ Маскѣвича, II. 99.
Конецпольскій, посолъ Сигизмундовъ, II. 197.
Константинъ Великій, I. 183.
Конь, I. 282.
Конюшій боярынъ, Conusnei Baiary, I. 276.
Копычинскій, помогаетъ Царику, II. 30. Передается королю, 32. Поручикъ конфедератовъ, 85.
Копьеносцы, Hartschier, I. 51.
Копѣйка, Copek, I. 253. 275.
Корела Corela, казацкій атаманъ, I. 42. Чернокнижникъ, 331.
Корецкая, княгиня, II. 15.
Корецкій, князь, полковникъ, II. 83. 104. 121.
Корецъ, II. 15. 16.
Корсакъ, Corsak, I. 220. II. 247.
Корунда, 247.
Корытко, спутникъ Марины, II. 138. Обороняется отъ Русскихъ, 166. 241. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Косинъ, II. 21.
Кострома, Castrom, I. 71. 100. 104. II. 46. Мѣсто ссылки князя Вишневецкаго, 178.
Косцюшкевичъ, II. 15. 85.
Косырская, княжна, II. 158. 207. 229.
Котлы, Kottoal, I. 81.
Котовскій, ротмистръ казацкій, II. 32. Занимаетъ Дѣвичій монастырь, 47.
Кохановъ, ноглегъ Марины, II. 118.

Кошкалевъ, Cosselau, шутъ Димитрія, I. 109. Неразлучный спутникъ его, 127.
Кравковъ Ѳома, затопляетъ Тулу, I. 390.
Краевскій, II. 74.
Крайчій, l'Eschançon, I. 276.
Краковъ, Cracovie, I. 299.
Красенскій Иванъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.
Красицкій, староста, II. 18.
Красмотовскій, староста, Starosta Krasmotofsky, братъ воеводы Сендомирскаго, I. 180.
Красна, Krasna, I. 196.
Красное село, Crasna cela, присягаетъ Димитрію, I. 44.
Краснославскій, староста, спутникъ Марины, II. 137. Обороняется въ Москвѣ, 164. Сосланъ въ Ярославль, 179. 182. 183.
Красный, Crasna, I. 107.
Красный, ночлегъ Марины, II. 138.
Краснымъ, II. 21.
Крассовскій, II. 248.
Кремль, описаніе его, II. 56.
Кресь, полковникъ, II. 95.
Кромы, Crom, осаждены Борисовымъ войскомъ, I. 41. Кграму, стоятъ за Димитрія, 167. Осаждены царскимъ войскомъ, 169. Спасены хитростью Запорскаго, 170. Покоряются Димитрію, 293. 294. 334. II. 131. 132.
Кросно, II. 19. 94. 97.
Крузатти, Don Juan Crusatti, воевода Димитрія втораго, I. 100.
Крушинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Крымская дорога, I. 278.
Ксенія Борисовна, Axinia Borissowa, невѣста Густава Шведскаго, I. 19; Іоанна Датскаго 22. Наложница Димитрія, 46. Плачь ея, 81. Описаніе Кубасова, 378.
Кубинскъ, II. 205.
Кузминское, II. 180.
Кулишка, Pforten am Kulichka, I. 73. 138.
Куноскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Купновичи, ночлегъ Марины, II. 136.
Куракинъ князь, воевода Смоленскій, II. 199.

Л.

Лавилла, Lavilla, I. 116.
Лагевницкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Лазовскій, II. 247.
Ламсдорфъ, Bartold Lambsdorff, I. 94. 95.
Ланта, Lanta, капитанъ Димитрія, I. 344.
Ланцкоронскій, II. 32. 92.
Лапландцы, Lappen, I. 73. Lapes, 262.
Лёве, Löve Neostadiensis, I. 19.
Ледовитое море, I. 251.
Лезницкій мятежникъ, II. 20.
Лембергъ, занятъ Маскѣвичемъ, II. 96.
Ленчная, ночлегъ Марины, II. 136.
Леско, II. 19.
Лефель, Sebastian Löffel, I. 197.
Ливны, Liven, I. 251. 293.
Ливонія, Liefland, покорена Шведами, I. 22. Разорена Русскими, 141. Livonie, 249. 251. 262.
Ливонцы, Liefländer, I. 22—28.
Липницкій, II. 134. 136. 165. 248.
Липскій, II. 18. 85.
Лисовскій, Lissofsky, приходитъ къ Димитрію второму, I. 93. Разоряетъ Русскіе города, 101. Осада Ярославля, 104. Зимовка въ Суздалѣ, 107. Принятъ Псковитянами, 107. Утверждается въ Красномъ, 107.
Листвинь, II. 15.
Литва, Lithuanie, I. 249. 254.
Лихвинъ, Lichvin, I. 90. Leptina, 333.
Лобное Мѣсто, Laub Namest, I. 44. 63. 99. 123.
Ловичъ, Andr. Lovitzius, езуитъ, спутникъ Димитрія, I. 332.
Логау, Logau, посолъ императорскій, I. 36.
Лопатецкій, женится на сестрѣ Маскѣвича, II. 22.
Лошади: Ногайскія, I. 282. Черкесскія, Турецкія и Польскія, 282. Русскія и Татарскія, 282. 283.
Лубачовъ, II. 19.
Лубны, II. 13.
Луховской староста, спутникъ Марины, II. 137. Спасается отъ смерти, 241. 247. Сосланъ въ Ярославль, 179.
Луховъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Лыковъ, крайчій, II. 140.
Львовъ, II. 15.
Любачевъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Любекъ, Lübeck, I. 28.
Любливо, ночлегъ Марины, II. 139.
Люблинъ, II. 16. 22. 98. 136.
Любомирскій, Lubomirski, благородный Полякъ, I. 194. При осадѣ Смоленска, II. 25.
Любомирскій, спутникъ Марины, II. 138. Убитъ въ Москвѣ, 166. 240. Ограбленъ, 245.
Любошевскій II. 247.

Липуновъ Захарій, Lippenow, свергаетъ Шуйскаго съ престола I. 123.
Липуновъ Прокопій, Lipunow, Бѣлый Царь, I. 104. Осаждаетъ Поляковъ въ Москвѣ, 142. II. 61. Главный вождь, 66. 77. Умерщвленъ, 77.
Ляходовскій, Волынскій каштелянъ, родственникъ Маскѣвича, II. 99.

М.

Максимиліанъ, Maximilian, I 129.
Мамелюки, Mamelukeп, I. 65.
Манчинъ, Mancini, I. 108.
Мадаленскій, II. 19.
Малашицкій, II 247.
Малицкій, стражъ патріарха Ермогена, II. 68.
Малогоскій каштелянъ, *см. Олесницкій.*
Малынскій, II. 34. 68.
Мамоново село, II. 205.
Манакинъ, II. 141.
Манлихъ, I. 197.
Маренъ, II. 26.
Маржеретъ: *У Бера*, Jacobus Margeret, герой Добрынской битвы, I. 40. Капитанъ Димитріевой гвардіи, 51. Разрушаетъ Москву, 138. Воинское искусство его, 139.
— *У Маржерета*, Margeret, служитъ Генриху IV, I. 247. Удаляется изъ Франціи, 247. Приходитъ въ Россію, 248. Капитанъ тѣлохранителей Димитрія, 248. Разсказываетъ Генриху IV о Россіи, 248. Разсматриваетъ съ Димитріемъ сокровища царской казны, 273. Бесѣдуетъ съ царемъ Симеономъ, 287. Капитанъ гвардіи, 300. 302. Болѣзнь во время убіенія Димитрія, 305. Отъѣздъ изъ Россіи, 305 Разговоръ о смерти Димитрія, 306. Доказательства, что онъ сынъ Іоанновъ, 309 — 318.
— *У Де-Ту*, Jacobus Margeretus, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 343. Болѣзнь во время убіенія его, 345. Знакомство съ Маржеретомъ, 344.
— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, Маржеретъ капитанъ Димитріевыхъ тѣлохранителей, II. 208.
Письмо объ немъ князя Пожарскаго, I. 420. Письмо къ Мерику, 447.
Марина Юрьевна: *У Бера*, Marina Jorgona, обрученіе ея съ Димитріемъ, I. 51. Свиданіе съ нимъ въ Можайскѣ, 54. Въѣздъ въ Москву, 55. Коронованіе, 57. Свадьба, 58. Опасность во время бунта, 61. Отдаетъ боярамъ всѣ свои вещи, 67. Заключеніе, 71. Раскаяніе, 74. Перевезена изъ Ярославля въ Москву, 97. Жена Димитрія втораго, 98. Удаляется въ Дмитровскъ, 110. Бѣгство въ Калугу, 112. Ходатайствуетъ за Нѣмцевъ, 119. Сынъ ея, 129. (Письмо къ отцу, I. 392).
— *У Паерле*, обрученіе съ Димитріемъ, I. 175. Вшествіе въ Москву, 180—182. Свиданіе съ женихомъ, 182. Бракъ, 185. Поздравленіе двора и духовенства, 186. Обрядъ вѣнчанія, 186. Угощаетъ пословъ 190. Опасность во время бунта, 192. Удѣлъ ея Новгородъ и Псковъ, 211.
— *У Маржерета*, путешествіе въ Москву, I. 302. Свадьба и коронація, 302. Опасность въ Москвѣ, 304.
— *У Де-Ту*, Anna Maria, плѣняетъ Димитрія, I. 330. Обрученіе съ посломъ его, 342. Подарокъ, 342.
— *У Маскѣвича*, Магупа, отправляется въ Москву, II. 16. Полонена Русскими, 17. Выходитъ за Царика, 21. 31.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, невѣста Димитрія, II. 133. Обрученіе съ Власьевымъ, 133. Выѣздъ изъ Кракова, 135. Путешествіе въ Россію, 136. Празднуетъ Пасху у Литовскаго канцлера, 136. Гоститъ у Виленскаго воеводы, 137. Число людей ея свиты, 138. Порядокъ вступленія въ Россію, 138. Встрѣча въ Смоленскѣ, 139. Неудобства пути, 139. Привѣтствіе Русскими боярами, 139. Подарки Димитрія, 139 140. 145. 147. Въѣздъ въ Москву, 147. Отвращеніе отъ Русской пищи, 206. Драгоцѣнный подарокъ, 156. Коронація, 156. 157. 219. Присяга бояръ и духовенства, 157. Угощеніе, 160. 230. Опасность во время бунта, 161. Теряетъ всѣ свои сокровища, 170. Отправлена въ Ярославль, 179.
Марица, Maritsa и Naritse, I. 282.
Маріенбургъ, Marienburg, I. 22
Марія Ѳеодоровна, мать Димитрія, присылаетъ подарки Маринѣ, II. 134. Свидѣтельство ея о Димитріи, 238.
Мартиновъ гусь, Martins Gans, I. 107.
Мартиновъ день, Martiny, I. 81. 107. 129.
Мархоцкій, II. 32.
Мархоцкій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 47, 81.
Марцелли, Marcellius, I. 348.

Марциньковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Масальскій князь, Mosalsky, I. 98. 298. II. 139. 174. 216. 231.
Масальскъ, опустошенъ Запорожцами, II. 27. Занятъ Сапѣгою, 70.
Маскѣвичъ Аксакій, судья Кіевскій, II. 104.
Маскѣвичъ Гавріилъ, II. 23. 90.
Маскѣвичъ Даніилъ, увѣдомляетъ Струся о возстаніи Москвитянъ, II. 63 Ссора съ Ходкѣвичемъ, 84. Смерть его, 91.
Маскѣвичъ Самуилъ, Samuel Maskiewicz, авторъ дневника, II. 13. Участвуетъ въ Лифляндскомъ походѣ, 13. Отправляется въ Россію, 14. Набираетъ войско, 15. Пируетъ на свадьбѣ княгини Корецкой, 15. Въ войнѣ съ рокошанами, 17. Въ хоругви Тарновскаго, 17. Поѣздка въ Краковъ, 18, во Львовъ, 19. Переговоры съ Зебржидовскимъ, 19 Въ хоругви князя Порыцкаго, 19. Преслѣдуетъ рокошанъ, 20. Сестра его за Лопатецкимъ, 22. Идетъ въ Украйну, 22. Въ Россію, 22. При осадѣ Смоленска, 23. Къ Рославлю, 35. Въ Клушинской битвѣ, 39. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ Владиславу, 42. Пируетъ у князя Мстиславскаго, 45. На роту его Суздаль и Кострома, 46. Дружба съ Гловинымъ, 50. Бьется съ Москвичами, 62. Теряетъ все имущество, 63. Жжетъ Москву, 65. Поиски Русскихъ, 66—70. Въ хоругви Струся, 77. Поиски, 83. Разбитъ въ Родиѣ, 86. Рѣшается ждать Владислава въ Москвѣ, 87. Едва не въ рукахъ Русскихъ. 88. Удаляется изъ Россіи, 90. Свиданіе съ родными, 92. Требуетъ у короля жалованья вооруженною рукою, 92. Занимаетъ Самборъ, 94. Осаждаетъ Лембергъ, 96. Въ Кросненскомъ колѣ. 97. Полковникъ, 101. Посолъ конфедератовъ на Варшавскомъ сеймѣ, 103. Депутатъ при сеймовыхъ комиссарахъ, 105. Дѣлежъ Московскихъ сокровищъ, 106. Раздѣлъ родоваго имѣнія, 107. Въ службѣ князя Клецкаго, 108. У князя Радзивила, 112. Депутатъ на уголовномъ судѣ, 114. Встрѣчаетъ Владислава по возвращеніи изъ Россіи, 115. Въ Вильнѣ, 116.
Маскѣвичъ Янъ, мужъ дочери Хрептовича, II. 1. 14. Вдовецъ, 22. Женится вторично, 23.
Мацюовскій, кардиналъ, II. 134.
Мейеръ, Ludwig Meuer, I. 108.
Мело, миссіонеръ, заключенъ въ темницу, II. 189. Письмо къ воеводѣ Сендомирскому, 193.
Меринъ, Merin, I. 282.
Мещерскъ, опустошенъ Запорожцами, II. 27
Миколаевщизна, ночлегъ Марины, II. 137.
Микулинъ, I. 182. 186. II. 155. 208.
Минскъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Миронычи, Mironitsch, I. 107.
Миръ, рѣка, II. 136
Михайловъ Артамонъ, Michaeluff, дворецкій, I. 230.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, Michaelis Theodori filius, I. 328.
Млечекъ Янъ, II. 50.
Млоцкій, приводитъ войско Царику, II. 30. Передается королю, 32. 72. 100.
Мнишекъ Иванъ, Joannes Mieschek, спасенъ въ Москвѣ отъ смерти, I. 196.
Мнишекъ Павелъ, Paul Mieschek, представляется Димитрію, I. 180. Опасность его въ Москвѣ, 195.
Мнишекъ Станиславъ, Stanislaus Mieschek, мужество его въ бунтѣ Москвы, I. 195. II. 14.
Мнишекъ Юрій, воевода Сендомирскій: *У Бера*, Woywoda von Sandomir, покровитель Димитрія, I 32. Пріѣздъ въ Москву, 54. Опасность его, 64. Переговоры съ боярами, 68—71. Спасенъ Шуйскимъ отъ смерти, 77. Друзья его находятъ Димитрія, 87. Перевезенъ изъ Ярославля въ Москву, 97. Договоръ съ Димитріемъ вторымъ, 98.
— *У Паерле*, Georg Mieschek, принимаетъ Димитрія, I. 155. Представляетъ его королю, 155. Собираетъ войско для него, 155. Провожаетъ въ Россію, 156. Оставляетъ при Новѣгродекѣ, 162. Путешествіе въ Россію, 176. Свиданіе съ Димитріемъ, 176. Рѣчь, 178—180. Мужество во время бунта въ Москвѣ, 192.
— *У Маржерета*, Palatin Sandemier, договоръ съ Димитріемъ, I. 299. Предостереженіе, 302. Сосланъ въ Угличъ, 304.
— *У Де-Ту*, Giorgius Miecinsius Sendomiriensis Palatinus, заключаетъ договоръ съ Димитріемъ, I. 330. Даетъ ему золото, 330. Разбитъ при Новгородѣ, 331. Удаляется въ Польшу, 331.
— *У Маскѣвича*, Pan Woiewoda Sendomirski Mniszek, покровительствуетъ Димитрію, II. 14. Везетъ Марину въ Москву, 16. Плѣнъ его, 17.
— *Во Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, знакомится съ Димитріемъ, II. 131. 172. Представляетъ его королю, 131. Ведетъ въ Россію, 131. Возвращается въ Польшу по болѣзни, 131. 173. Выдаетъ дочь за Димитрія, 133. Подарки, 133. Путешествіе въ Россію, 136. Число лю-

дей его свиты, 137. Въѣздъ въ Москву, 141. 207. Свиданіе съ Димитріемъ, 142. Рѣчь, 143. Обѣдъ, 144. Вечеринка, 145. Травля, 146. Королевская милость, 148. Подарки, 156. 219. Проситъ о мѣстѣ Польскихъ пословъ, 158. 226. Обороняется отъ мятежниковъ, 162. Договоръ съ боярами, 163. Обвиненія, 170. Ссылка въ Ярославль, 179. Смиреніе, 182.

Письма къ Самозванцу изъ Кракова и Минска I. 377. II. 325. Отвѣтъ боярамъ о Самозванцѣ I. 392.

Могилевъ, занятъ конфедератами, II. 91.

Могильницы, II. 17.

Модержинскій, ротмистръ, II. 19.

Можайскъ, Mosaiskow, I. 54. 115. 140. Mosaisko, 212 Занятъ Поляками и Струсемъ, II. 43. 45. 47. Ночлегъ Марины, 141, и Польскихъ пословъ, 201.

Мойтцевъ, Moitzen, I. 118.

Мокшеевъ, приставъ, II. 200.

Молога, Molga, I. 104.

Молчановъ, Molcanoch, свергаетъ Шуйскаго съ престола, I. 123

Молчадзи, ночлегъ Марины, II. 136.

Морависко, первая крѣпость, взятая Димитріемъ, II. 131. 173.

Москва: *У Бера*, Muszkow, укрѣплена Борисомъ, I. 28. Голодъ, 34. Окружность, 34. Знаменія, 37. Возстаніе, 59. Число церквей, 59. Число жителей, 69. Мощи св. Димитрія, 78. Осаждена: Пашковымъ, 81; Болотниковымъ, 82; Димитріемъ вторымъ, 96; Жолкѣвскимъ, 123. Ропотъ на Шуйскаго, 123—124. Избраніе Владислава, 125. Перемиріе, 125. Занята Поляками, 125. Грамматы, 131. Жалобы Гонсѣвскому, 132. Ссоры съ Поляками, 133. Возстаніе, 134. 137. Разрушеніе, 140. Неистовство Поляковъ, 141.

— *У Маскѣвича*, Москва присягаетъ Владиславу, II. 44. Неудовольствія, 46. Занята Поляками, 46. Число жителей, 47. Своевольство и негодованіе народа, 48. Свадьбы, 51. Музыка, 51. Вечеринки, 52. Боярыни, 52. Домы, 53. Сватовство, 53. Бояре, 53. Судъ, 53. Правежъ, 54. Трезвость, 55. Невѣжество, 55. Политика Іоанна, 55. Преданность государямъ, 56. Дворцы, 56. Храмы, 57. Мощи св. Димитрія, 57. Кремль, 58. Извощики, 59. Китай-городъ, 59. Бѣлый-городъ, 59. Иванъ-городъ, 60. Ограда, 60. Приближеніе Ляпунова и Просовѣцкаго, 61. Возстаніе народа, 61. Пожаръ, 62. Разрушеніе Москвы, 65 Битвы съ Поляками, 66—68. Грабежъ, 69. Ошибки, 70. Взятіе Русскими всей Москвы, кромѣ Кремля, 74. Царскія сокровища, 82. Конфедерація, 85. Москва взята Русскими, 92.

Москвитяне, измѣняютъ Годунову, 1. 44.

Повинная Димитрію, 46. Встрѣча его, 48. Негодованіе на бракъ съ Мариною, 51. Ненависть къ Полякамъ, 56. Убійство ихъ, 64. Жестокосердіе, 66. Самохвальство, 57. Ненависть къ иноземному, 76. Злоба на Поляковъ. 104. Пороки Москвитянъ, 140.

Московки, Mascofques, Moscof, I. 275. 291.

Мостовскій, II. 247

Мосциски, ночлегъ Марины, II. 136.

Моховиковъ Кирилло, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.

Мстиславская княгиня, II 157. 229.

Мстиславскій князь: *У Бера*, Mstislovski, главный вождь Борисова войска, I. 39. Осаждаетъ Кромы, 41. Отозванъ въ Москву, 43. Рѣчь Маринѣ, 55.

— *У Паерле*, Knias Miscislafski, встрѣчаетъ Димитрія въ Тулѣ, I. 173. Жена его провожаетъ Марину, 185. Осыпаетъ новобрачныхъ, 187. Рѣчь посламъ, 202.

— *У Маржерета*, Knes Feder Iuannevits Mistislofisqui, первый вельможа при четырехъ государяхъ, I. 281. Главный вождь Борисовъ, 286. Разбиваетъ Димитрія, 293. 294. 295. Преданность Годуновымъ, 298. Права его на престолъ, 307.

— *У Маскѣвича*, Knias Mscislawski, разбитъ Димитріемъ, II. 14 Угощаетъ Жолкѣвскаго въ Москвѣ, 45.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, глава мятежниковъ, II. 242. Спасаетъ Поляковъ отъ смерти, 244.

Мурановъ Иванъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.

Мутына, II. 184.

Мысловскій, II. 247.

Мышковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.

Мѣховецкій: *У Бера*, Mechavetzki, спутникъ Димитрія втораго, I. 88. Главный воевода его, 94. Прогнанъ Рожинскимъ, 94.

— *У Маскѣвича*, Miechowicki, находитъ втораго Димитрія, II. 21. 29. Руководствуетъ имъ, 29. 30.

Мяковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Н.

Набатъ, Nabat, I. 278.
Нагіе, спасаютъ Димитрія отъ смерти, I. 300. 309.
Нагіе, Андрей, Григорій и Михаилъ, свидѣтельствуетъ о смерти Димитрія, II. 267.
Нагой, Nagi, встрѣчаетъ Марину, I. 207. II. 139. 174.
Надольскій, полковникъ, посаженъ на колъ, II. 35.
Наливайко, Запорожецъ, опустошаетъ Литву, II. 13. Четвертованъ, 13.
Нарва Русская, Russische Narwa, I. 35. Iuand-Gorod ou Narve, 264.
Нарва Шведская, I. 107. 249.
Натанъ, Nathan, I. 197. Спасаетъ жизнь золотомъ, 348.
Начь, ночлегъ Марины, II. 137.
Нащокинъ, боярин, II. 242.
Неборскій, II. 14.
Неглинная, Neglinna, I. 13.
Недѣльщикъ, Nedelsic, I. 267.
Нейгаузенъ, Neuhausen, I. 22.
Немировъ, II. 22.
Немтескій, Nemtescius, I. 348,
Неронъ, I. 153.
Несвижъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Никитенка, Mikitzky, I. 56.
Никитичи, *см. Романовы.*
Никитская улица, Mikitzky Strasse, I. 138.
Николай св.. der Gott Nikolaus, I. 76. 99. Чудотворецъ, 259.
Николай св., приморская пристань, I. 249.
Нилямова, II. 247.
Нитовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Новая земля, Terre neufve, I. 271.
Новая четь, Nova Setuart, I. 271.
Новгородъ, Neugarten, I. 24. Novo-Gorod, многолюдство его, 280.
Новгородъ Сѣверскій, Siwersche Newgarden, осажденъ Димитріемъ, I. 39. 293 и Поляками, 105. Novogrodeck, защита его Басмановымъ, 157. Приступы Димитрія, 160. Прибытіе войска Борисова, 162. Пораженіе его, 163. 331.
Новодворскій, взрываетъ Смоленскую стѣну, II. 26.
Новодворъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Носковскій, II. 93.
Носцишки, II. 19.
Нотницкій, I. 51.
Нѣдзвѣдскій, II. 91.
Нѣмоевскій, подстолій, спутникъ Марины, II. 137. Защищается въ Москвѣ, 166. 247. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Нѣмцы: милость Бориса, I. 22-27. Мужество при Добрыничахъ, 40. Вѣрность Годуновымъ, 43. Челобитная Димитрію, 47. Тѣлохранители его, 51. Благоволеніе Димитрія, 52. Коварство Нѣмцевъ, 53. Басмановъ покровитель ихъ, 60. Вѣрность Шуйскому, 95. Нѣмцы подъ Смоленскомъ, 102. Гнѣвъ Димитрія втораго, 116. Измѣна подъ Клушинымъ, 116. Истребленіе ихъ Димитріемъ, 116.

О.

Ободня, лагерь Польскій, II. 22.
Овлочимскій, II. 248.
Огаревъ, Bornick Ogarov, посолъ къ Сигизмунду, I. 157. II 173.
Огинскій, посолъ Сигизмунда, II. 182.
Огурецъ, пономарь, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II 270.
Окольничій, Acolnitshes, I. 265. 281.
Олесницкій Николай, каштелянъ Малогоскій: *У Паерле*, Olesnizki, споритъ съ Димитріемъ о титулѣ, I. 182. Смѣлый отвѣтъ, 183. Рѣчь, 184. Дружка Димитрія, 188. Новый споръ, 188.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, Олесницкій въѣзжаетъ въ Москву, II. 147. 205. Аудіенція, 149. 208. Упрекъ Димитрію, 150. 210. Споръ о титулѣ, 151. 211. Не хочетъ цѣловать его руки, 154. 213. Требуетъ, чтобы онъ всталъ съ мѣста, спрашивая о здоровьѣ короля, 155. Рѣчь посольская, 214. Подарки, 216. Требуетъ мѣста за царскимъ столомъ, 158. 217. 221. Спасаетъ многихъ Поляковъ во время бунта, 166. Оправдываетъ короля и Поляковъ въ содѣйствіи Самозванцу, 171—176. Приглашаетъ Димитрія воевать съ Турками, 231.
Олизаровъ, въ Клушинской битвѣ, II. 34.
Олловинъ, II. 248.
Олшанца, мѣстечко, II. 136.
Опалинскій, убиваетъ Стадницкаго, II. 94.

Оранское, побѣда короля надъ рокошанами, II. 20.
Орелъ, Arrol, I. 94. Orla, 336. Лагерь Димитрія, II. 30. 131.
Орша, II. 90. Ночлегъ Марины, 137, и Польскихъ пословъ, 199.
Оршанскій, II. 74.
Оршинскій староста, Starosta zue Orscha, I. 217.
Орылковскій, является съ отрядомъ къ Царику, II 30.
Осмольскій, Osmolski, спасаетъ Марину и фрейлинъ ея, I. 192. Убитъ, 192. II. 161. 239.
Осмольскій, пахоликъ, II. 248.
Остерскій староста, полоненъ Русскими, II. 17.
Островскій князь, посолъ Сигизмунда, II. 197.
Островскій, II. 192.
Островъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Остророгъ, каштелянъ, II. 23.
Отрепьевъ Гришка, Griska Utrepeia, монахъ, руководитель Самозванца, I. 30. 38. Grisko, Utrepioff и Otrepiow, 157. 202. Grisque ou Gregorij Otrepiof, 310. Родство его, 310. Сосланъ Димитріемъ въ Ярославль, 310 Свидѣтельство его о Димитріи, 311. Hinsko, Otiopelus, чародѣй, 333. II. 173. 236. 238. 243. 251.
Отрепьевъ Елеазаръ, I. 386.
Отрепьевъ Смирный, посланъ въ Польшу для уличенія родственника своего, Гришки, I. 202.
Очаковъ, разоренъ Запорожцами, II. 22.
Ошаньскій, ротмистръ казацкій, II. 32. Занимаетъ Дѣвичій монастырь, 47.

II.

Паерле, Peyerle, отправляется въ Москву, I. 197. Опасность его во время возстанія Москвитянъ, 198. Переговоры съ Димитріемъ Шуйскимъ, 199. Спасается на посольскомъ дворѣ, 200.
Палицынъ Авраамій, разсказываетъ о убіеніи царевича Димитрія, II. 282.
Панибраты, Pannibratschen, грабятъ Россію, I. 100. 101. 107.
Парчовъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Парычевскій, посолъ конфедератовъ, II. 103.
Патерсонъ, Petrus Patersonus Ubsaliensis, I 327. 347.
Патріархъ, Patriarch, присутствуетъ при аудіенціи посольской, I. 177. Коронуетъ Димитрія, 186. Пишетъ къ Польскому королю о Самозванцѣ, 202.
Пафнутьевъ монастырь, Paphnuti monastir, I. 125.
Пашковъ, Isthoma Bascho, воевода Путивльскій, I. 80. Подступаетъ къ Москвѣ, 81. Ссора съ Болотниковымъ, 82. Patska, передается Шуйскому, 217.
Пекарскій, хочетъ убить короля Сигизмунда, II. 122. Казнь его, 122.
Пелчинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 162. 248.
Пельна, Poelna, I. 128.
Перекопъ, разоренъ Запорожцами, II. 22.
Перемышль, Peremischel, I. 110. II. 19
Переславль, присягаетъ Димитрію I. 100. II. 179.
Перхлинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 240. 247.
Петрей: извѣстіе его о времени Самозванца, I. 358. 359. 363. 368. 370. 372. 373. 375. 376. 377. 379. 382. 384. 386.
Петровинъ, II. 21.
Петръ Ѳедоровичъ, PeterFedrowitz, является въ Путивлѣ и Тулѣ, I. 84. Помогаетъ Калугѣ, 86. Осажденъ въ Тулѣ, 86. Сдается Шуйскому, 91. Повѣшенъ, 91. Берово мнѣніе объ немъ, 91. 301. Петрушка, II. 177. Дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Болотниковымъ, 195. Пойманъ и заключенъ, 197.
Печорскій монастырь, Petschora, I. 22.
Печоры, II. 72.
Плавскій, II. 85.
Плебанъ Самборскій, ксензъ, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Плещкевъ, Pleschkow, I. 110.
Плоскировъ, II. 16. 17.
Плито, стольникъ, II. 247.
Плято Мартинъ, стражникъ, II. 247.
Пневъ, ночлегъ Марины, II. 140 и Польскихъ пословъ, 200.
Поволжскъ, Powolsky, I. 105.
Поганый, Pogani, I. 51.
Погорѣлое, Pogarela, I. 116. II. 86.
Подолія, Podolie, I. 251.
Покивница, II. 18.
Покривницы, II. 17.
Покровка, Pokrofka, I. 138.
Полушка, Polusques, I. 275.
Поляки: *У Бера*, Polen, пріѣзжаютъ съ Мариною, I. 55. Безпечность, 57. Наглость, 58. Бѣдствіе въ Москвѣ, 64—65. Число убитыхъ, 65. Заключеніе, 72. Распускаютъ молву о спасеніи Димитрія, 73.

Даютъ Россіи царей — самозванцевъ, 75. Подступаютъ къ Москвѣ съ Димитріемъ вторымъ, 97. Грабятъ Ростовъ, 100. Своевольство, 104. Злоба на нихъ Димитрія, 109. Переговоры съ Сигизмундомъ, 113. Преданность Димитрію, 114. Вступленіе въ Москву, 125. Опустошеніе, 141. Неистовства, 141.

— *У Паерле*, Polлеп, спутники Димитрія въ Россію, I. 156. Осада Новагродека, 157. Приступъ, 158. Неудача, 159. Мужество при Новѣгродекѣ, 162. Оставляютъ Димитрія, 162. Бѣдствіе въ Москвѣ, 193—196. Число убитыхъ, 196. Отправленіе въ Польшу, 200.

— *У Маржерета*, Поляки помогаютъ Димитрію, I. 293 Оставляютъ его, 294. Число убитыхъ въ Москвѣ, 303.

— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, Поляки гибнутъ въ Москвѣ, II. 162. 168. Оплошность ихъ, 239. Число убитыхъ, 167. 249. Число отправленныхъ въ Польшу и оставшихся въ Москвѣ, 170. 250.

Помацци, Pomazzi, и Помаскій, ксензъ, секретарь королевскій, спутникъ Марины въ Москву, II. 137. Убитъ, I. 195. II. 166. 240.

Порыцкій князь, ротмистръ Маскѣвича, II. 19, 23. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 39.

Послы Польскіе: *У Паерле*, пріѣздъ въ Москву, I. 180. Аудіенція, 180. Споръ съ Димитріемъ о титулѣ, 182. Присутствуютъ при бракосочетаніи, 185. Новый споръ, 188. Переговоры съ боярами, по смерти Димитрія, 203. 208. 210—211. Жалобы, 212. Пріѣздъ новыхъ пословъ, 220. Наглость посольскаго повара, 227. Намѣреніе пословъ силою выѣхать изъ Москвы, 228—230.

— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, въѣздъ въ Москву, II. 147. 206. Аудіенція, 148. 208. Рѣчь, 149. Споры о титулѣ, 150—154. Присутствуютъ при коронаціи, 157. 219. Требуютъ мѣста за царскимъ столомъ, 158. 221—227. Спасаютъ Поляковъ во время возстанія народа, 166. Аудіенція во внутреннихъ покояхъ Димитрія, 227. Переговоры о войнѣ съ Турціею, 234. Переговоры съ боярами по смерти Димитрія, 251—255.

Потоцкіе, въ числѣ главныхъ вождей при Смоленской осадѣ, II. 25. Не хотятъ итти навстрѣчу Русскимъ, 34.

Потоцкій Андрей, ротмистръ, II. 15.

Потоцкій Яковъ, ротмистръ, II. 15.

Потоцкій Янъ, ротмистръ II. 15.

Правежъ, Prave, I. 266.

Преклавскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165

Прентвицъ, ротмистръ, II. 16.

Прецлавскій, II. 248.

Приказы, Prikas: Розбойный, Rosboine, I. 267. Помѣстный, 272. Конюшій, 271.

Прилуки, Przyluki, разорены Борисомъ, I. 204. II. 135.

Промникъ, мѣстечко, II.135.

Просовѣцкій, начальникъ народнаго возстанія, II. 61. Разбитъ Струсемъ подъ Москвою, 65. 66.

Протопоповъ Суббота, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 271.

Псеразиръ, Pserasir, I 130.

Псковитяне, Plescoviani, съ трудомъ покоряются Димитрію, I. 339.

Псковъ, Pscof, I. 24. Принимаетъ Лисовскаго, 107.

Пудловскій, II. 247.

Путивль, Putiwol, осажденъ Димитріемъ, I. 38. Пограничная крѣпость, 41. Прибытіе князя Шаховскаго, 78. Пораженіе Москвитянъ, 80. Прибытіе Болотникова, 82. Явленіе Димитрія втораго, 88. Заговоръ трехъ монаховъ, 167. Putinna и Putevolus, 264. 293. 295. Опустошенъ Запорожцами, II. 27. Можетъ выставить 40,000 войска, 131. Мятежъ по смерти Димитрія, 177.

Пчелна, Pulna, I. 86.

Пѣхота, убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Пясецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.

Пятигорцы, Pedihorzen, пристаютъ къ Димитрію, I. 169. Petigorsqui Chercassi, I. 285.

Р.

Равскій воевода, единомышленникъ Зебржидовскаго, II. 19.

Радзивилъ, воевода Виленскій въ Лифляндіи, II. 14. Смерть его и добродѣтели, 111.

Радзивилъ Янусъ, подчашій, начальникъ рокошанъ, II. 17. Заключаетъ съ королемъ договоръ, 18.

Радомъ, II. 20.

Разводовская, II. 257.

Разстрига, Rostriga I. 199. Rostrigue, 310.

Раковъ Русинъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 276.
Растокино село, II. 179.
Расходная казна, Roschodnoy Casna, I. 273—274.
Ратомскій, полоненъ Русскими, II. 17. 246.
Резецкій, Resezky, I. 123.
Рейтлингеръ, Reutlinger, врачъ Бориса Годунова, I. 19.
Ржевъ, II. 86.
Рженицкій, II. 95.
Рогановскій, Roganovsky, I. 211.
Рогачевъ, II. 83. 84.
Родня, славится капустою, II. 115. Пораженіе Поляковъ, 115.
Рожаная, ночлегъ Марины, II. 136.
Рожинскій, Roman Ruzinsky, помогаетъ Димитрію второму, I. 94. Осаждаетъ Болховъ, 94. Злоба на Нѣмцевъ, 95. Переговоры съ Сигизмундомъ, 108. II. 32.
Розенъ, von Rosen, въ Добрынской битвѣ, I. 40.
Рокошане, подъ Люблиномъ, II. 16. Подъ Сендомиромъ, 17. Предводители ихъ, 18. Усмирены, 18. Снова вооружаются на короля, 20. Разбиты подъ Гузовымъ и Оранскимъ, 20.
Романовъ, Romanow, городъ на Волгѣ, I. 104.
Романовъ Александръ Никитичъ, Alexander Mikitiwicz, отвергаетъ скипетръ, I. 13.
Романовъ Иванъ Никитичъ, Iwan Mikitiwitz, отвергаетъ скипетръ, I. 14. Содѣйствуетъ къ усмиренію Москвитянъ, II. 244. Переговоры съ Польскими послами, 250.
Романовъ Михаилъ Никитичъ, Michael Mikitewitz, отвергаетъ скипетръ, I. 14.
Романовъ Ѳедоръ Никитичъ, Fedro Mikitiwitz, отвергаетъ скипетръ, I. 13. Возведенъ въ санъ патріарха, 100. II. 254.
Романовы, замышляютъ на Бориса, I. 29. Romanewits, спасаютъ Димитрія, 309.
Ромашко, II. 258.
Ромодановскій, боярин, II. 245. 255.
Рославль, сожженъ Поляками, II. 35.
Россія, Russie: Пространство, I. 249—251. Климатъ, почва и произведенія, 251—253. Дешевизна, 253. Происхожденіе князей, 253. Титулъ, 254. Религія, 259. Духовенство, 259. Разныя обряды, 259. (Свадьбы по извѣстію Олеарія, 436). Похороны, 262. Посты, 263. Политика, 264. Города и крѣпости, 264. Правленіе, 265. Судъ и расправа, 265. Дворянство, 267. Доходы, 270. Сокровища, 271. Монета, 275. Чины государственные, 276. Войско, 278. Образъ войны съ Татарами, 278. Конница, 280. Оклады, 281. Вооруженіе, 281. Пѣхота, 283. Провіантъ, 284. Внѣшнія сношенія, 285. Бѣдствія предъ появленіемъ Димитрія, 327. Голодъ, 327.
Ростовъ, Rostow, I. 71. 97. Разоренъ Поляками, 100. Мѣсто ссылки Стадницкихъ, II. 180.
Рощекъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Рубль, Rouble, I. 275. На Польскіе злотые, II. 250.
Рудзинскій, виновникъ рокоша, II. 20. Переходитъ отъ Царика къ королю, 32.
Рудницкій, казацкій ротмистръ, II. 32. Взорванъ въ Москвѣ, 79.
Рудольфъ, императоръ Римскій, I. 21.
Русецкій, раздѣляетъ Московск. добычу, II. 62.
Русскіе, Russes: народныя свойства, I. 253. 313. Степень образованности, 260. 296. Образъ жизни дворянъ, 267. Женщины, 268. Свадебные обряды, 269. Разные обычаи, 269. Врачеваніе, 270.
Руцкій, шишъ, II. 30. 37. Приводитъ Москвитянъ къ присягѣ королевичу, 42. Опустошаетъ Россію, 72. Предостерегаетъ Маскевича, 88.
Рыбинскъ, Riebna, I. 104.
Рыльскъ, Rilszki, I. 41. 159. 166. Rilsque, 293. 295. Rilscum, 332. II. 131.
Рындинъ, Rindin, I. 116.
Рюрикъ, Ruric, Датскій выходецъ, I. 254.

С.

Сабуровы, Saborof, I. 298.
Савватія, игуменъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 272.
Салата, разбойничій атаманъ, II. 16.
Салтыковъ, Saltikow, I. 113. 136. Michel Saltokof и Michelovitzius Soltekovius, сдаетъ Путивль Димитрію, 227. 331. Воевода Ярославскій, II. 181. 182.
Самара, Samaria, I. 185
Самборъ, Sambor, I. 155. Конфедерація, II. 13. 19. Помѣстье Юрія Мнишка, 135. 136.
Самовъ, Samow, I. 89. 90. 93.
Самойлова Марья, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 270.
Сандецій, Sandezi, ограбленъ Москвитянами, I. 196.

Саницкій, Sanizki, езуитъ, I. 211. II. 245 247.
Санкевичъ, II. 85.
Сановка, мѣстечко, II. 136.
Санокъ, II. 19.
Саноцкій староста, Starosta Sanoszki, сынъ Юрія Мнишка, I. 180. Спутникъ Марины, II. 137. Музыканты его, 145. Опасность во время Московскаго бунта, 166. 241. Сосланъ въ Ярославль, 179.
Сапѣга Левъ, Leo Sappia, великій канцлеръ, I. 41. Заключаетъ перемиріе съ Россіею, 212. Пріемъ его Борисомъ, 287. Подъ Смоленскомъ, II. 24. 251.
Сапѣга Янъ: *У Бера*, Iohann Peter Paulowitz Sappia, признаетъ Димитрія сыномъ Баторія, I. 75. Соединяется съ Димитріемъ вторымъ, 96. Осаждаетъ Троицкій монастырь, 99. Разбитъ Скопинымъ при Колязинѣ монастырѣ, 106. Удаляется къ Сигизмунду, 112. Помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, 142.
— *У Маскѣвича*, староста Усвятскій, приводитъ войско къ Царику, II. 30. Составъ его рати, 32. Подступаетъ къ Москвѣ, 70. Ведетъ съ Русскими переговоры, 70. Уклоняется отъ содѣйствія Гонсѣвскому, 71. Молва о намѣреніи его быть царемъ, 71. Соединеніе съ Гонсѣвскимъ, 71. Опустошаетъ Россію, 72. Смерть его въ Москвѣ, 76. Своеволіе войска его, 76. Конфедерація, 91.
Сватовичи, ночлегъ Марины, II. 137.
Свижинскій, II. 85.
Свирскій, ротмистръ, II. 15. Убитъ въ Москвѣ, 165.
Свѣнцицкій, ротмистръ, II. 17
Сендомиръ, II. 17.
Сеневьскій, II. 247.
Сепекевскій, II. 18.
Сервечь, помѣстье Маскѣвича, II. 14. 23. 92. 108.
Сергій, св., чудотворецъ, der Gott Sergius, I. 92.
Серпуховскія ворота, Buldunische Pforten, I. 73.
Серпуховъ, Zerpach *и* Serpo, смотръ войска, I. 17. 258. Молва о спасеніи Димитрія, 79. Сраженіе Шуйскаго съ Болотниковымъ, 86. Возстаетъ на Шуйскаго, II. 190.
Сесвегенъ, Sesvegen, I. 22.
Сибирь, Siberien, мѣсто ссылки Бѣльскаго, I. 29, и Фидлера, 85. Ссылка Шуйскаго, 174. Сибирское царство, l'Empire ou Royaume de Siberie, 250.
Сигизмундъ III, король Польскій: *У Бера*, Sigismundus, присутствуетъ при обрученіи Марины съ посломъ Димитрія, I. 51. Письмо его къ Шуйскому, 77. Осада Смоленска, 102. Злоба на Шуйскаго, 103. Избраніе сына его царемъ, 125.
— *У Паерле*, отказываетъ Димитрію въ помощи, I. 155. Отзываетъ отъ него Поляковъ, 162. Помогаетъ Димитрію, 208.
— *У Де-Ту*, покровитель Димитрія, I. 330. Отказъ Борису въ выдачѣ его, 331. Посолъ Димитріевъ, 340. Отвѣтъ короля, 341.
— *У Маскѣвича*, идетъ на Лифляндію, II. 13. Женится на второй супругѣ, 16. Воюетъ съ рокошанами, 17. Платитъ войску столовымъ серебромъ, 17. Пораженіе рокошанъ подъ Гузовымъ, 20. Война съ Россіею, 22. Осада Смоленска, 24. Неудачный приступъ, 26. Осадныя лѣстницы, 28. Посылаетъ емиссаровъ въ Тушино, 29. Договоръ съ Царіковымъ войскомъ, 33. Посылаетъ Жолкѣвскаго отразить Русскихъ, 34. Думаетъ овладѣть Русскимъ престоломъ, 92. Едва не убитъ въ костелѣ, 122.
— *Въ Дневникѣ Марины*, даетъ балъ по случаю брачнаго договора Марины съ Димитріемъ, II. 134.
— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, сомнѣвается въ Димитріи, II. 171. Негодуетъ на Бориса, 171. Не помогаетъ Димитрію, 172. Отзываетъ отъ него Поляковъ, 173.
Симеонъ, наставникъ Димитрія, I. 154.
Симеонъ, царь Tsar Simeon, полоненъ Іоанномъ, I. 249. Возведенъ на Русскій престолъ, 255. Ослѣпленъ Борисомъ, 287.
Симеонъ Бекбулатовичъ, *великій князь*, I. 432.
Симоновъ монастырь, битвы съ Поляками, II. 66.
Склинскій дворъ, Sklinszy twor, I. 128.
Склинскій, гонецъ Димитрія, II. 136. 137. Убитъ въ Москвѣ, 165. 240. 248.
Скопинъ князь Михаилъ, Michael Scopin, идетъ на Димитрія втораго, I. 96. Разбитъ Самозванцемъ, 96. Посланъ въ Швецію, 98. Приводитъ Шведское войско, 103. Поражаетъ Керносицкаго, Зборовскаго и Сапѣгу, 106. Въ Александровской слободѣ, 107. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 107. Прогоняетъ Сапѣгу, 112. Отравленъ Шуйскимъ, 114.
Скотницкій, Skotnizky, I. 109. Утопленъ въ Окѣ, 111.
Скочевскій, II. 19.
Скроновъ, ночлегъ Марины, II. 136.

Скуминъ, въ Клушинской битвѣ, II. 29. Жжетъ Москву, 64.
Слонимъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Слупскій, II. 16.
Слушка Николай, противъ Наливайки, II. 13.
Смерскій, II. 247.
Сметанскій, II. 247.
Смолевичи, ночлегъ Марины, II. 137.
Смоленскъ, Schmolenschow, укрѣпленъ Борисомъ, I. 28. 249. 256. 280. Прибытіе Марины, 54. 176. Осада Сигизмундомъ, 102—103. Пріѣздъ Паерле, 198. Мѣстоположеніе, II. 24. Описаніе осады, 24. Русскіе отбиваютъ штурмъ, 26. Осадныя лѣстницы, 28. Устройство стѣнъ, 28. Подвозка орудій изъ Риги, 28.
Смольскій, ограбленъ въ Россіи, II. 240.
Соколъ, Sloba, родина Димитрія втораго, I. 88.
Сокъ, II. 19.
Солецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Солца, II. 21.
Сотникъ, Centenier, I. 276.
Сохачевская старостина, II. 166. 207. Сослана въ Тверь, 178.
Сохачевскій, II. 207.
Сподвиловскій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. Убитъ, 36.
Сржедзинскій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 81.
Срѣтенка, Sretenka, I. 138.
Срѣтенское кладбище, Strerizki, I. 46.
Срѣтинскіе ворота, Strelinsky, I. 132.
Стадницкая-Ланцуцкая, II. 64.
Стадницкіе, Stadnizki, спасены боярами отъ смерти, I. 195. 211.
Стадницкій, Stadnitz, I. 108.
Стадницкій Адамъ, II. 98.
Стадницкій-Ланцуцкій, вождь рокошанъ, II. 18. 19. 34.
Стадницкій-Лѣскій, II. 29.
Стадницкій Мартинъ, приходитъ въ Россію вмѣстѣ съ Мариною, II. 137. Привѣтствуетъ Димитрія, 148. Спасается отъ смерти, 166. 247. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Старица, II. 70. 80. 86.
Стародубъ, Starodub, явленіе Димитрія втораго, I. 88. 89.
Стенжица, II. 19.
Стольникъ, Stolnic, I. 276,
Сторциста, II. 247.
Стравинскій, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32.
Стрембошъ, II. 226. 247.
Стромыка, убитъ въ Москвѣ, II. 167.
Струсь, Struś, ротмистръ, II. 15. 17. Староста Хмѣльницкій, 21. Въ Валахіи, 22. Съ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ, 34. Спѣшитъ въ Москву, 63. Врывается въ столицу, 64. Разбиваетъ Просовѣцкаго, 65. Вражда съ Гонсѣвскимъ, 89. Сдается Русскимъ, 121.
Стрыенскій, полковникъ, II. 35.
Стрызовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. *248.*
Стрыцъ, II. 85.
Стрѣльцы, Strelzi *и* Schützen, I. 52. 62. Straelites *и* Strelits, 276. 277. 283.
Стрянчій, Strepsik, I. 276.
Суздаль, Susdal, I. 104. II. 46.
Сукинъ, Sukin, бояринъ, I. 233. Посолъ къ королю Польскому, II. 46.
Сулишевскій, II 85.
Султанъ Турецкій, Türkisch Keuser, присылаетъ къ Борису посла, I. 21. Подарокъ ему, 21. Письмо къ Сигизмунду, 130. II. 248.
Сумовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 240.
Сциборъ, посолъ конфедератовъ, II. 103.
Сыдосково, II. 180.
Сынъ боярскій, Sin Bajarski, I. 280. 281.
Сѣбресинъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Сѣверская страна, Siversk, I. 88.
Сѣверское княжество, Le Duché de Siversqui, I. 294. 308. 333.
Сѣвскъ, Schifsk, покоряется Димитрію, I. 159. Пораженіе его, 165. II. 131.
Сѣраковскій, Nic. Ckerracovius, езуитъ, спутникъ Димитрія, I. 332.

Т.

Тайнинское село, Daninsky *и* Damninsky, I. 50. Лагерь Димитрія, 96.
Талашко, музыкантъ, II. 247.
Талеры, Talares, I. 327.
Таляфусовъ, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32.
Тарло Павелъ, Paulus Tarlo, I. 194. Староста, ограбленъ мятежниками, II. 240. 245. Сосланъ въ Тверь, 175.
Тарло, сынъ старосты Сохачевскаго, II. 137. 167. 250.
Тарлова, пріѣзжаетъ съ Мариною, II. 138. 207. Убита въ Москвѣ, 16[illegible]. *Ограблена,* 240. 245.
Тарновскій, ротмистръ, II. 17. 18.
Татары, Tartarn, опустошаютъ Россію, I. 103. Намѣреніе Димитрія воевать ихъ, 185. Тата-

ры, Tartares, Крымскіе, 251. Ногайскіе, 272. 285.
Татевъ, Takmevius, сдаетъ Черниговъ Димитрію, I. 331.
Татищевъ, Tatissow, убиваетъ Басманова, I. 60. 303. Ведетъ переговоры съ Литовскими послами, 200. 209. Michel Ignatevits Tatischof, раздражаетъ Димитрія, 300. Посланъ за мощами св. Димитрія, 304. II. 163. 168. 233. 236. 259.
Тверь, Ottfer, I. 24. 106 II. 178.
Творжіанскій, ротмистръ, II. 15.
Телепневъ, Telepniowiz, I. 209. II. 259.
Телятевскій, измѣняетъ Шуйскому, II. 193.
Терки, Tirc, I. 285.
Тизенгаузенъ, Tisenhausen, I. 25. Свидѣтельствуетъ о царевичѣ Димитріи, 387.
Тирфельдъ, Iohann Tierfeld, I. 32.
Тишовцы, II. 22. 93.
Толочинъ, ночлегъ Марины, II. 137.
Томилчанъ, бояринъ, II. 180.
Троицкій монастырь, Kloster Troitz, погребенье Бориса, I. 80. Богомолье Шуйскаго, 91. Осажденъ Сапѣгою, 99. 222. II. 179.
Троцкій князь, II. 100.
Трубацъ, Trubaz, I. 24.
Трубецкой, Trubetzkoy, I. 116. Начальникъ народнаго ополченія, II. 77. 250.
Тула, Tula, принимаетъ Петра Ѳедоровича, I. 84. Затоплена Шуйскимъ, 90. Монахъ чародѣй, 90. Сдается, 91. Прибытіе Димитрія и встрѣча его боярами, 173. Гнѣздо мятежниковъ, 218. Thoula, 264. 298. 336. Присяга бояръ Димитрію, II. 174. Неудача Шуйскаго, 191.
Тулубьевъ Григорій, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.
Тушино, Duschna, лагерь Димитрія втораго, I. 97. Пріѣздъ Марины, 97. Тушинскій станъ, 102. Бѣгство Димитрія, 109. Опустѣніе Тушина, 113. II. 29. 30. 32. 33. Мѣсто Тушинскаго лагеря по мнѣнію Калайдовича, 295.
Тучковъ Баженъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.

У.

Угличъ, Uglitz, мѣстопребываніе царевича Димитрія, I. 11. 154. 256, и Густава Шедскаго, 104. 287. Казнь обывателей, 161. Ссылка воеводы Сендомирскаго. 304. Воспитаніе царевича Димитрія, II. 129. 171.
Умоховскій, полковникъ, II. 95.
Униховскій, II. 111.
Упа, Uppa, I. 86. 87. 90.
Урусовъ Петръ, Татаринъ, умерщвляетъ Царика, II. 48. Женатъ на вдовѣ Александра Шуйскаго, 50.
Усье, рѣка, II. 180.

Ф.

Францкѣвичъ-Радзиминскій, староста Мстиславскій, II. 92. 104.
Фидлеръ Каспаръ, Caspar Fidler, врачъ Борисовъ, I. 20. 334.
Фидлеръ Константинъ, Constantinus Fidlerus, сочинитель надгробнаго слова Борису, I. 334.
Фидлеръ Фридрихъ, Friderich Fidler, хочетъ отравить Болотникова, I. 85. Клятва его, 85.
Филаретъ, *патріархъ*, посолъ къ королю Польскому, II. 46
Фирлей, въ Клушинской битвѣ, II. 34.
Фирстенбергъ. Fürstenberg, I. 62. 457.
Фитингофъ, Otto Phitinhof, I. 22.
Фредро, II. 14.

Х.

Харлиньскій, II. 15.
Хвалибогъ, ротмистръ казацкій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. 88.
Хворостинъ князь, II. 142.
Хелтовскій, II. 247.
Хельмъ, занятъ конфедератами, II. 96.
Хеперъ, Berndt Hoeper, I. 75.
Хмѣлевская, застрѣлена въ покояхъ Марины, II. 161. 239.
Хмѣлинская, Chmelizka, благородная Полька, ранена въ комнатахъ Марины, I. 192.
Хобенъ, II. 15

Ходеревскій, II. 248.
Ходкевичъ Карлъ, Chedkewicz, помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, I. 143. Староста Жмудскій, II. 14. Гетманъ Литовскій, 21. Приближается къ Москвѣ, 72 Вступаетъ въ столицу, 80. Негодованіе Поляковъ, 81. Съ трудомъ удерживаетъ ихъ въ Москвѣ, 82. Поиски въ Россіи, 84—88.
Ходорадкевичъ, убитъ въ Москвѣ, II. 240. *248.*
Холоневскій, ротмистръ, II. 17.
Хоментовскій, ротмистръ, II. 17.
Храбковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. *248.*
Хрептовичъ, референдарь Литовскій, II. 14.
Хрептыевъ, II. 16.
Хржонстовскій, II. 86.

Ц.

Царево-Займище, Zarewo-Zaiemitz, I. 54. 109. 116. II. 35.
Царевъ-городъ, Zaargorodt, I. 28. Zaragòrod *u* Saragorod, 251. 293.
Царикъ, *см. Димитрій Самозванецъ второй.*
Царь, Zar *u* l'Empereur: Титулъ, I. 254. Власть, 265. Доходы, 270. Сокровища, 273. Пиры, 288.
Цвѣтное платье, I. 277.
Цековскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167.
Целарій, убитъ въ Москвѣ, I. 348. II. 167. 248.
Цесарь, Tsisar, I. 254.
Цецора, пораженіе Жолкѣвскаго, II. 121.
Цудзельскій, II. 247.
Цызовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 240.
Цыренъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Цѣклинскій, маршалокъ Московскихъ конфедератовъ, II. 84. 85.

Ч.

Чановицкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Чарово, II. 141.
Чашникъ, Tschesnic, I. 276.
Чепчуговъ, Tcheptchukoff, бояринъ, I. 227.
Червонцы, Ducats, I. 275.
Черемисы, Sheremisses, I. 249.
Черкесы, Shercassi, I. 285.
Черниговъ, Szernioff, I. 156. Tcheringo, 293. 330. II. 27. 131. 173.
Черный островъ, мѣстечко, II. 91.
Чертеньскій, II. 247.
Чертоли, Tscertori, I. 62. 139.
Четверть, Setuart, I. 276.
Четь, Setuart, I. 271.
Чистое платье, Schisteit Plati, I. 277.

Ш.

Шаховской, Gregorius Schacophsky, разглашаетъ о Димитріи, I. 78. Переписывается съ нимъ и съ Петромъ Ѳедоровичемъ, 83. 84. Взятъ въ Тулѣ, 87. Милость Шуйскаго, 91. Передается Димитрію второму, 92. Главный клевретъ его, 119.
Шварцгофъ, Schwarzhof, I. 60.
Шеинъ, воевода Смоленскій, II. 24.
Шендецкій ксензъ, спасается бѣгствомъ отъ смерти, II. 166.
Шереметевъ, Pieter Miquitevits Scheremetof, осужденъ Шуйскимъ, I. 307. 308. II. 245.
Шерешовъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Шерупцовъ, Scherupzow, I. 107.
Шмитъ, Iochim Schmidt, воевода Ярославскій, I. 101. Бѣдствіе его, 104.
Шнейдеръ, Hans Schneider, I. 98.
Шотуцкій, Schotutzky, I. 98
Шредеръ, Schroeder, врачъ Бориса, I. 20.
Шубникъ, Schubnik, I. 80.
Шуйская княгиня, II. 229.
Шуйскіе, Schuiski, I. 51.
Шуйскій Александръ, братъ Василія, II. 50.
Шуйскій Василій, *см. Василій Ивановичъ.*
Шуйскій Дмитрій, Dmitri Schuiski, I. 188. Спасаетъ Паерле отъ народа, 199. 232. 286. 304. Посланъ царемъ къ Смоленску, II. 33. Отправляетъ впередъ Валуева, 36. Главный вождь въ Клушинской битвѣ, 38. Бѣжитъ съ поля сраженія, 41. Взятъ подъ

стражу, 43. Отвезенъ въ Польшу, 46. Ведетъ переговоры съ Польскими послами, 231. 234.
Шуйскій Иванъ, I. 99. 129. II. 43.
Шуйское урочище, договоръ войска съ королемъ, II. 33. Лагерь Тушинской рати, 35.
Шумоньскій, II. 248.
Шучинскій, Schuichinsky, I. 101.

Э.

Эвертъ, Ebert, I. 116.
Эйловъ, Daniel Eylow, I. 100.
Эларъ, Oelar, I. 22.
Энгеландъ, Engeland, I. 119.

Ю.

Юдинъ Семенъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 274.
Юндзилъ, II. 15.
Юшковъ, Iuchkow, I. 116.

Я.

Язловецкій, Подольскій воевода, II. 16.
Яново, битва короля съ рокошанами, II. 18.
Японцы, данники Россіи, II. 145. Образъ жизни ихъ, 145.
Ярославская княжна, II. 94.
Ярославль, Jaroslaw, присягаетъ Димитрію второму, I. 100. Разоренъ Лисовскимъ, 104. Jerislaf, мѣсто ссылки Отрепьева, 310, и Марины, II. 180. Описаніе его, 180. Пожаръ, 180. Участіе жителей къ Полякамъ, 181. 182.
Ясеневскій, спутникъ Марины, II. 138. Убитъ въ Москвѣ, 240. 248.
Ясло, II. 18.
Ятра, помѣстье Маскѣвича, II. 23.

Ѳ.

Ѳедоровичъ, Fedorowitz, предводитель Тульскихъ мятежниковъ, I. 221.
Ѳедоровское село, II. 86. 89.
Ѳеодоритъ, архимандритъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 271.
Ѳеодоръ Борисовичъ, Fedro Borissowitz, вступаетъ на престолъ, I. 43. 297. Измѣна воеводъ подъ Кромами, 43. 297. Сведенъ съ престола, 45. Удавленъ въ темницѣ, 46. 377. 379. Перенесеніе тѣла его, 80. Сестра его наложница Димитрія, 336. Убѣждаетъ отца уступить престолъ Димитрію, II. 132. Отравляется, 132. 174.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, Fedro Iwanovitz, характеръ его, I. 11. 153. 358. Довѣренность къ Борису, 12. 153. Казнь Углича, 13. 154. Предлагаетъ скипетръ Романовымъ, 13. Кончина его, 14. 257. Отравленъ Борисомъ, 155. Домогается императорскаго титула, 254. Трезвонитъ въ колокола, 255. 328. Отравленъ Борисомъ, II. 130.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			Должно быть.
Въ первой части:			
Стран.	Строк.		
54.	17.	Мажайскъ	Можайскъ
168.	15.	ніе «моего	«ніе моего
—	30.	къ «нему	къ нему
219.	9.	взявъ ее	взявъ ее,
Во второй части:			
15.	9.	Староста	староста
30.	13.	Короля	короля
37.	28.	въ острожкѣ	въ острожкѣ,
50.	10.	и побѣда.	и побѣда.
72.	13.	Гетманъ	гетманъ
74.	7.	и навѣрное	навѣрное
80.	7.	Гетману	гетману
92.	22.	тронутся	тронуться
94.	23.	Маршалъ	маршалъ
100.	24.	Староство	староство
103.	20.	какъ онъ такъ	какъ онъ, такъ
111.	31.	ни катафалокъ	ни катафалокъ
113.	24.	мальчика	мальчика,
130.	32.	Патріаршихъ	патріаршихъ

КАРТА РОССІИ,

составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу Царевича Ѳеодора Борисовича Годунова.

MOSCVA
ad Architypum Foedori Borissowitsi

A. Kremelena-gorod, Aula Imperatoris
B. Kitay-gorod Urbs media
D. Skorodom, Urbs exterior
C. Tzar-gorod Urbs Cæsarea
E. Strelelska sloboda, vel Vicus militaris.
a. Curia
b. Patriarcheion
c. Templum D. Michaelis Imperat. sepultura
d. Podium Ecclesiasticorum in supplicationibus Odæo proclamationibus Imperatoriis destinatum
e. Tabernæ mercatoriæ
f. Tribunalia urbana
g. Fusorium æramentorum
h. Forum equarium
i. Balneæ publicæ
k. Forum lignarium
l. Viridarium Imperatoris
m. Equile

Thomas Makovius, in sua Lithuaniæ Tabula, Kiow sub latitud. 50 gr. 10 min. Czirkassiam ad 49 gr. posuit: et ex Jakow 67 milliaribus versus Meridiem a Czyrcassi distantem. Tabula vero quæ mihi, in hac delineanda typus fuit novam urbem Boriszogroda, Asow, nec non Mirvan in latitud 48 grad. collocavit: cum vero et unus et alter, partes Septentrionales nimium versus Borean collocarit, dum, in loco quo, ad Meridiem vergentibus, ijs fidem adhibere ausus non sim, mihi præcipue veterum authoritate in eorum Constantinopoli collocatione. Verùm tamen Meridionales, pillulum declinando inferius me delineare potuisse autumo, propterea quod Angli, Astracan in latitud. 46 grad. 10 min. se invenisse scribant;

TABVLA
RVSSIÆ
ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumta, et ad fluvios Dwinam, Zuchanam, aliaque loca, quantum ex tabulis et notitiis ad nos delatis fieri potuit, amplificata: ac
Magno Domino, Tzari et Magno Duci Michaeli Foedrowits omnium Russorum, Autocratori Wolodimeriæ, Moscoviæ et Novogardiæ, Tzari Cazaniæ, Tzari Astracaniæ, Tzari Sibieriæ, Domino Plescoviæ Magno Duci Smolenscoviæ, Otveriæ, Iugoriæ, Permiæ, Wiatkiæ, Bulgariæ etc: Item Domino et Magno Duci Novogardiæ Inferioris etc: Domino regionum Iveriæ Kartalinię et Grosiniæ Tzari etc:
dedicata ab
Hesselo Gerardo
M.DC.XIII

Wirst seu Milliaria Russica quorum 87 uni gradui respondent.

ARCHANGELSCKA GORODA

Milliaria Germanica quorum 15 uni gradui respondent.